ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

1.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное Время). Спб. 1899 г. 8-ка, XIII+665. Съ приложеніемъ карты городовъ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ.

Изслѣдованіе это, докторская диссертація извѣстнаго уже своими работами по Смутному Времени профессора Петербургскаго университета, свидѣтельствуетъ о томъ, какіе успѣхи сдѣланы въ области Русской исторіи до-Петровскаго періода.

Авторъ обратилъ исключительное вниманіе на тѣ стороны, которыя до сихъ поръ оставлялись на второмъ планѣ у изслѣдователей: на дѣятельность кружковъ, руководившихъ общественною жизнью, и на то, какое участіе въ Смутѣ принимали разныя сословія. Сначала онъ изображаетъ обстановку, въ которой совершалась Смута. Въ первой главѣ мы находимъ сжатое описаніе областей Московскаго государства, во второй изображенъ тотъ переломъ, который испытывало Московское государство во второй половинѣ XVI в. Этотъ переломъ обусловленъ былъ внутренними противорѣчіями государственнаго и общественнаго порядка. Политическое состояло въ томъ, что „Московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ аристократической администраціи“ (Ключевскій); общественное—въ томъ, что выгоды промышленнаго и земледѣльческаго класса приносились въ жертву выгодамъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Первое привело къ открытому столкновенію Московской власти съ родовитымъ боярствомъ; второе породило глубокое недовольство тягловаго люда противъ всего государственнаго порядка. Въ концѣ-концовъ получалось, что въ срединныхъ и южныхъ областяхъ не было ни одной общественной группы, которая была бы довольна ходомъ дѣлъ. „Здѣсь все было потрясено внутреннимъ кризисомъ и военными неудачами Грознаго, все потеряло устойчивость и бродило, бродило пока скрытымъ внутреннимъ броженіемъ, зловѣщіе признаки котораго могъ ловить глазъ внимательнаго наблюдателя“. Уважаемый профессоръ скромно заявляетъ, что не можетъ считать первую часть своей работы за самостоятельное изслѣдованіе; однако, на нашъ взглядъ и въ распредѣленіи матеріала, и въ ходѣ доказательствъ онъ показалъ много самобытности.

Изслѣдованію Смуты въ Московскомъ государствѣ посвящены три главы: борьба за Московскій престолъ, разрушеніе государственнаго порядка, попытки возстановленія порядка.

Первоначально Смута появилась въ боярской средѣ, затѣмъ была перенесена въ войско, что и дало успѣхъ т. н. Самозванцу; переворотъ 17 Мая 1606 года положилъ начало открытой общественной борьбы, и государство раздѣлилось между Тушинской и Московской властью; „мужики“ торгово-промышленнаго Сѣвера помогли сломить Тушинскаго вора, но самъ царь Василій скоро палъ, благодаря осложненій, созданныхъ Польскимъ и Шведскимъ вмѣшательствомъ, и взамѣнъ его власть въ Москвѣ захватили, именемъ Владислава, Поляки, возбудивміе противъ себя всѣ народныя группы, доселѣ взаимно враждовавшія; временное правительство, сгруппировавшееся возлѣ Ляпунова, пало, вслѣдствіе раздоровъ, и только въ 1611 г. патріархомъ объединенный землевладѣльческій служилый классъ и торгово-промышленные люди освободили Москву и побѣдили казаковъ.

Книга С. Ѳ. Платонова написана прекраснымъ языкомъ и легко читается.

Въ заключеніе укажемъ на ея отличіе отъ другихъ важныхъ работъ по исторіи Смуты, появившихся за послѣднее время. Говоримъ о пись-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

1900.

1.

Годовое изданіе „Русскаго Архива“ состоитъ изъ трехъ книгъ, каждая въ четыре выпуска.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

О Русь!...

1900.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ КНЯЗЬ САКЕНЪ.

I. Біографія.

Остенъ-Сакенъ, баронъ (потомъ графъ и князь) Фабіанъ Вильгельмовичъ, родился въ Ревелѣ 20 Октября 1752 года. Фамилія его съ XV столѣтія извѣстна въ Курляндіи. Отецъ, баронъ Вильгельмъ Фердинандъ Остенъ-Сакенъ, будучи капитаномъ, находился адъютантомъ фельдмаршала графа Миниха при его паденіи (1741 г.), переведенъ тогда въ Ревельскій гарнизонъ и тринадцать лѣтъ продолжалъ службу въ томъ же чинѣ по самую кончину свою (1754 г.). Подъ надзоромъ попечительной матери *), баронъ Остенъ-Сакенъ провелъ въ бѣдности первые года своего дѣтства. Она помѣстила его, потомъ, въ школу, находившуюся въ Дерптѣ; но здѣсь не могъ онъ получить блистательнаго образованія и самъ, впослѣдствіи, усовершенствовалъ себя въ наукахъ и языкахъ, посвящая все свободное время учебнымъ занятіямъ. Въ юномъ возрастѣ, опредѣлился онъ въ военную службу (1766 г.) подпрапорщикомъ въ Копорскій мушкетерскій полкъ и, въ чинѣ сержанта (1767 г.), выступилъ (1769 г.) на поле чести: участвовалъ въ блокадѣ города Хотина генералъ-аншефомъ, княземъ Голицынымъ, въ сраженіяхъ 22 Іюня и 29 Августа, въ ночной атакѣ Турецкихъ войскъ 7 Сентября и *за отличіе* пожалованъ прапорщикомъ, на 18-мъ году отъ рожденія. Тогда онъ переведенъ въ Нашебургскій мушкетерскій полкъ, въ которомъ остался до капитанскаго чина (1777 г.), сражаясь (съ 1771 по 1772 годъ), подъ знаменами Суворова, съ Польскими конфедератами. Находясь въ Варшавѣ, баронъ Остенъ-Сакенъ поступилъ въ ординарцы къ нашему послу, графу Стакельбергу, *который* (по словамъ Сегюра) *царствовалъ въ Польшѣ именемъ Екатерины.* Онъ полюбилъ его за чрезвычайную расторопность и оставилъ при себѣ. Этотъ временный отдыхъ былъ весьма полезенъ молодому человѣку, наблюдавшему вблизи дѣйствія искуснаго дипломата: умная бесѣда и чтеніе усовершенствовали образованіе Остенъ-Сакена. Изъ Углицкаго мушкетерскаго полка онъ опредѣленъ (1785 г.) въ Кадетскій корпусъ, какъ отличный офицеръ, совершенно знающій порядокъ службы, дѣятельный,

---

*) Мать князя Остенъ-Сакена, урожденная Удомъ, была дочь Шведскаго маіора.

усердный. Здѣсь вскорѣ получилъ онъ чинъ маіора (1786 г.) и въ тотъ же день (13 Ноября) переименованъ въ подполковники съ помѣщеніемъ въ Московскій гренадерскій полкъ. Тогда Барклаи-де-Толли (опередившій его впослѣдствіи) находился еще поручикомъ. Въ 1789 году баронъ Остенъ-Сакенъ снова обнажилъ мечъ противъ враговъ Отечества и перешелъ съ Ростовскимъ мушкетерскимъ полкомъ (въ который былъ переведенъ 19 Іюля) подъ начальство Суворова, участвовалъ (20 ч.) въ сраженіи при рѣкѣ Путнѣ, при взятіи (21 ч.) Фокшанъ и овладѣніи Турецкими окопами, также крѣпкимъ монастыремъ Св. Самуила; получилъ, за оказанную храбрость, орденъ Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ; содѣйствовалъ (5 Ноября) занятію Бендеръ княземъ Таврическимъ; обратилъ на себя (11 Дек. 1790 г.), во время Измаильскаго штурма, вниманіе Суворова, который отдалъ справедливость *мужеству его и благоразумію.* Новое поле открылось для барона Остенъ-Сакена въ 1794 году. Онъ отличился въ разныхъ битвахъ противъ Польскихъ мятежниковъ: при м. Липишкахъ (16 Мая): Ошмянахъ (21 ч.); Салатахъ (Іюня 16); при штурмованіи (8 Іюля) непріятельскаго ретраншамента подъ Вильною; во время покушенія Поляковъ (9 ч.), подъ этимъ городомъ и (31 ч.) при завладѣніи онымъ: награжденъ золотою шпагою съ надписью *за храбрость*; сражался (20 Авг.) при м. Олитѣ; произведенъ за отличіе въ полковники: участвовалъ (28 ч.) во взятіи г. Ковны; переведенъ (11 Февр. 1795 г.) въ Черниговскій мушкетерскій полкъ.

Баронъ Остенъ-Сакенъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры императоромъ Павломъ 1-мъ, съ назначеніемъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка (28 Сент. 1797 г.) и вскорѣ произведенъ въ генералъ-лейтенанты (11 Іюля 1799 г.). Онъ находился въ Швейцаріи съ корпусомъ Римскаго-Корсакова, когда этотъ генералъ, окруженный въ Цирихѣ Массеною, принужденъ былъ вступить съ нимъ въ неровный бой 14 и 15 Сентября. Въ первый день непріятель пять разъ опрокинутъ и преслѣдованъ съ значительнымъ урономъ. Барону Остену-Сакену удалось удержать позицію впереди города. Ночь приближалась; Французы прекратили наступленіе. Въ Цирихѣ царствовалъ величайшій безпорядокъ. Сакенъ съ трудомъ могъ пробраться до квартиры Римскаго-Корсакова между войскъ, пушекъ, лошадей и экипажей, загромоздавшихъ улицы. У него былъ собранъ весь генералитетъ. «Не считаю положеніе наше столь критическимъ, какъ воображаютъ», сказалъ ему баронъ Остенъ-Сакенъ «уронъ нашъ не превышаетъ 800 человѣкъ: мы можемъ держаться при Цирихѣ нѣсколько дней; между тѣмъ долженъ прибыть князь Италійскій, и все поправится».—«Для этого», отвѣчалъ корпусный командиръ, «намъ нужны хлѣбъ и патроны».

На другой день (15 Сент.,) въ 4 часа утра, Сакенъ снова явился къ Римскому-Корсакову. «Что вы рѣшили?» былъ первый вопросъ его. «Овладѣть Цирихскою горою, сосредоточить тамъ весь корпусъ и тогда отступить къ Эглизау, смотря по обстоятельствамъ.» Между тѣмъ минута битвы наступала. «Я отправляюсь къ своему мѣсту», сказалъ Сакенъ, «и, удерживая непріятеля отъ города, буду ожидать дальнѣйшихъ распоряженій вашихъ.» Тогда онъ раздѣлилъ пяти-тысячный отрядъ свой на двѣ колонны и, безъ потери времени, двинулся противъ Массены. Французы были не только опрокинуты, но преслѣдованы на довольно значительномъ пространствѣ по дорогамъ ведущимъ, въ Эглизау и Баденъ. Обрадованный успѣхомъ, баронъ Остенъ-Сакенъ отправилъ своего адъютанта къ Римскому-Корсакову, съ просьбою приказать лѣвому флангу, располагавшемуся у Цирихской горы, примкнуть къ правому близъ Эглизауской дороги и тѣмъ дать выгодный оборотъ сраженію. Около двухъ часовъ прошло до возвращенія посланнаго. Въ это время баронъ Остенъ-Сакенъ принужденъ былъ отступить къ прежней своей позиціи. Наконецъ, адъютантъ прискакалъ съ отвѣтомъ корпусного командира, *что городъ договаривается о сдачѣ, что самъ онъ уже перешелъ за Цирихскую гору и что все бѣжитъ въ величайшемъ безпорядкѣ.* Баронъ Остенъ-Сакенъ немедленно обратилъ адъютанта къ Римскому-Корсакову съ требованіемъ оставить въ его распоряженіи, по крайней мѣрѣ, нѣсколько баталіоновъ; потому что Козловскій полкъ почти весь былъ разстроенъ, а Екатеринославскій гренадерскій только одинъ сражался. Но и это желаніе не было выполнено. Положеніе Остена-Сакена было самое отчаянное: онъ находился въ сильнѣйшемъ огнѣ, окруженный многочисленнымъ непріятелемъ, безъ всякой надежды имѣть подкрѣпленіе. Уже ограда корпуса, храбрые гренадеры, сражавшіеся какъ львы, не зная опасности, въ которой находились, начали колебаться. «Развѣ вы не тѣ Екатеринославцы, которые славились при императрицѣ Екатеринѣ?» вскричалъ тогда баронъ Остенъ-Сакенъ, схвативъ знамя и бросившись впередъ. Въ эту минуту герой былъ раненъ пулею въ голову; его отнесли въ городъ. «Едва оставилъ я поле сраженія», писалъ Сакенъ своему пріятелю изъ Нанси, «какъ солдаты устремились за мною, окружили меня на улицѣ, гдѣ перевязывали мнѣ рану, не хотѣли удалиться. Я утѣшалъ ихъ по возможности и указывалъ имъ дорогу, по которой слѣдовало отступать. Въ первомъ часу пополудни непріятельскія войска заняли городъ, проходили мимо моихъ оконъ съ радостными восклицаніями и безпрестанною стрѣльбой. Признаюсь, что минута эта была одна изъ горестнѣйшихъ моей жизни! Вечеромъ пришли въ мою квартиру нѣсколько офицеровъ штаба генерала Массены, въ томъ числѣ адъютантъ Рейнвальдъ и батальонный командиръ Баель.

Они напали на мои вещи, похитили у меня лошадей, экипажъ, деньги, платья, словомъ, все, что я имѣлъ; людей же моихъ (которыхъ принудили увезти эту добычу въ домъ Массены, гдѣ раздѣлили ее между собою) удержали плѣнными. Такимъ образомъ остался я безъ прислуги и безъ потребнѣйшихъ вещей. На другой день послалъ я къ генералу Массенѣ съ жалобою о подобномъ поступкѣ, неслыханномъ у просвѣщенныхъ народовъ; однакожъ ничего мнѣ не возвращено. Отнять послѣднюю рубашку у генерала, котораго, послѣ сраженія, находятъ раненымъ въ спокойномъ городѣ, есть дѣло почти неизвѣстное простѣйшимъ людямъ! Пребываніе мое въ Цирихѣ, и особенно откровенныя мои выраженія, не понравились Массенѣ, также его штабу: они требовали непремѣнно моего выѣзда. Кромѣ того, что здоровье мое этого не дозволяло, я самъ не имѣлъ охоты отправиться во внутренность Франціи. Замѣтивъ, что я противился ихъ волѣ, они старались дѣлать мнѣ всякаго рода непріятности. Я принужденъ былъ оставить Цирихъ и прибыть въ Нанси 3 (15) Октября. Здѣшнее правительство назначаетъ плѣннымъ нѣкоторое вспомоществованіе, но это едва достаточно для ихъ пропитанія. Оно предложило таковое пособіе и мнѣ; однакожъ, я никогда не жилъ на чужихъ издержкахъ, а тѣмъ менѣе могъ жить на счетъ враговъ моего отечества. Въ этомъ отношеніи несчастіе мое нѣсколько возвысило мою гордость».

Возвратясь изъ плѣна въ 1801 году, баронъ Остенъ-Сакенъ занялъ квартиры въ Ревелѣ съ ввѣреннымъ ему С.-Петербургскимъ гренадерскимъ полкомъ и, охраняя берега Эстляндіи, производилъ переговоры съ Англійскимъ адмираломъ Нельсономъ. Чрезъ три года потомъ (1804 г.) онъ пожалованъ, 22 Мая, при осмотрѣ полка императоромъ Александромъ, кавалеромъ ордена Св. Анны первой степени; командовалъ, въ 1805 году, корпусомъ, расположеннымъ въ Гродненской и, послѣ, резервнымъ въ Владимирской губерніяхъ.

Война съ Франціею снова вызвала его (1806 г.) на бранное поле. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ (Дек. 14) при г. Пултускѣ, у деревни Янковой (22 Янв. 1807 г.) и 26 и 27 ч. подъ Прейсишъ-Эйлау; награжденъ орденомъ Св. Владимира второй степени большого креста; получилъ отъ короля Прусскаго ленту Краснаго Орла. Вслѣдъ затѣмъ баронъ Остенъ-Сакенъ находился въ битвѣ (21 Февр.) при деревнѣ Лаунау, но вскорѣ постигло его несчастіе: онъ лишился команды, преданъ военному суду и пять лѣтъ влачилъ горестные дни въ Петербургѣ, претерпѣвая крайній недостатокъ. Беннигсенъ приписалъ ему неудачныя свои дѣйствія противъ Французовъ 24 и 25 Мая; баронъ Остенъ-Сакенъ слагалъ вину на Беннигсена, *отъ котораго получалъ противорѣчащія повелѣнія,* и военный писатель нашъ, Михайловскій-Дани-

левскій, оправдываетъ Сакена, говоря, «что Беннигсенъ обвинилъ его за неудачу, будучи во враждѣ съ нимъ еще съ Польской войны 1794 года».

Наступилъ достопамятный 1812 годъ. Государь, уважая заслуги, храбрость и военное искусство барона Остенъ-Сакена, ввѣрилъ ему резервный корпусъ, расположенный на Волыни. 29 Сентября онъ поступилъ въ армію адмирала Чичагова и принялъ въ команду корпусъ генерала графа Каменскаго. Тогда флигель-адъютантъ Чернышевъ, съ отрядомъ легкихъ войскъ и ротою конной артиллеріи, перешедъ въ семь сутокъ болѣе пятисотъ верстъ, занялъ города Сѣдлецъ и Венгровъ, около двадцати мѣстечекъ, истребилъ десять значительныхъ магазиновъ, навелъ ужасъ на самую Варшаву. Для прекращенія этихъ опустошеній, фельдмаршалъ князь Шварценбергъ отрядилъ къ мѣстечку Бялѣ генерала Ренье, съ его корпусомъ. Барону Остенъ-Сакену, имѣвшему подъ своимъ начальствомъ 33 баталіона пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 3 казачьихъ полка и 4 роты артиллеріи, было поручено наблюдать у Бреста-Литовскаго за арміею Австрійскаго фельдмаршала и стараться прикрывать движеніе адмирала Чичагова къ рѣкѣ Березинѣ. Авангардомъ его командовалъ генералъ-маіоръ Гамперъ, боевымъ корпусомъ генералъ-маіоръ Булатовъ, резервомъ—генералъ-маіоръ графъ Ливенъ. Всѣхъ войскъ было у него не болѣе 18.000 человѣкъ, но вскорѣ главнокомандующій подкрѣпилъ его девятитысячнымъ корпусомъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го. Князь Шварценбергъ имѣлъ подъ ружьемъ до 50.000 человѣкъ. Онъ слѣдовалъ съ главными силами отъ береговъ рѣки Буга, чрезъ Волковискъ, къ Слониму, сталъ между корпусомъ барона Остенъ-Сакена и арміею Чичагова. Тогда въ Слонимѣ формировался изъ мятежныхъ Литовцевъ гвардейскій двухтысячный полкъ, подъ командою Конопки. Баронъ Остенъ-Сакенъ поручилъ генералу Чаплицу захватить его. Отрядъ нашъ, состоявшій изъ двухъ егерскихъ полковъ, Павлоградскаго гусарскаго, двухъ казачьихъ и конной роты Арнольди, подошелъ (8 Окт.) къ Слониму. Конопка обратился въ бѣгство, но былъ настигнутъ Чаплицомъ, разбитъ, раненъ пикою и взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ 13 офицерами и 235 нижними чинами; прочіе разбѣжались. Это пораженіе имѣло важныя послѣдствія на остальныя формированія въ Литвѣ. Узнавъ, что князь Шварценбергъ и Ренье устремились за арміею Чичагова, которая шла къ Слониму, баронъ Остенъ-Сакенъ выступилъ изъ Бреста къ Высоколитовску, въ намѣреніи атаковать, гдѣ можно, непріятельскій арріергардъ и по одиночкѣ корпуса̀, если къ тому представится случай, но отступать отъ превосходныхъ силъ. «Только симъ средствомъ», писалъ онъ, «надѣюсь я подать Чичагову возможность уйти впередъ и

принудить непріятеля прекратить преслѣдованіе Дунайской арміи. Если бы даже я и былъ разбитъ, до чего, однако, не дошло, то и самое пораженіе мое, остановивъ непріятеля, все бы способствовало Чичагову къ достиженію цѣли, отъ которой зависѣла участь войны». Въ сихъ словахъ заключается превосходный планъ дѣйствій, избранный знаменитымъ полководцемъ.

28 Октября баронъ Остенъ-Сакенъ прогналъ за рѣку Наревъ Французскій отрядъ, находившійся при деревнѣ Плоскахъ; вошелъ въ Бяловежскій лѣсъ, обратилъ въ бѣгство (29-го ч.) чрезъ Свислочь къ Великимъ Гринкамъ часть арріергарда Ренье, сильно тѣснилъ его, въ намѣреніи воспрепятствовать князю Шварценбергу напасть съ тыла на адмирала Чичагова; сразился съ Ренье (1 Ноября) при селеніи Лапиницѣ, принудилъ его отступить къ Волковиску, ворвался (2-го числа) врасплохъ въ этотъ городъ, овладѣлъ обозомъ и канцеляріей корпуснаго Французскаго генерала, который спасся въ окно; продолжалъ сражаться съ нимъ во всю ночь; положилъ на мѣстѣ 500 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ столько же, отбилъ одно знамя; выступилъ изъ города (3 ч.), но принудилъ князя Шварценберга предпринять обратный путь изъ Слонима къ Волковиску, для подкрѣпленія генерала Ренье. Ложное показаніе плѣнныхъ Австрійцевъ, что князь Шварценбергъ снова обратился къ Слониму, заставило барона Остенъ-Сакена атаковать (4 Ноября) поутру лѣвое крыло непріятеля. Въ то время, какъ сильный огонь открылся съ обѣихъ сторонъ и начинало уже завязываться настоящее дѣло, два пушечные выстрѣла, произведенные отъ мѣстечка Изабелина, извѣстили о приближеніи Австрійскаго авангарда. Баронъ Остенъ-Сакенъ немедленно пріостановилъ нападеніе и, уклоняя корпусъ свой отъ двухъ огней многочисленнаго непріятеля, началъ отступать къ Бресту-Литовскому, тѣснимый Австрійскою кавалеріей. 16-го числа князь Шварценбергъ снова отдѣлился отъ Ренье и пошелъ къ городу Слониму. Нашъ генералъ, во все время отступленія, не позволилъ ему никогда себя разстроить и умѣлъ уничтожить покушеніе непріятеля зайти во флангъ предводимаго имъ корпуса. Между тѣмъ адмиралъ Чичаговъ выигралъ время и утвердился на рѣкѣ Березинѣ. По приказанію Чичагова, баронъ Остенъ-Сакенъ отправилъ къ Дунайской арміи 10.000 человѣкъ. Имѣя мало войскъ, онъ стоялъ между Ковелемъ и Любомлемъ и не могъ покуситься ни на какое предпріятіе противъ Ренье. Вскорѣ послѣдній, слѣдуя за движеніемъ князя Шварценберга, началъ отступать. «Побѣды вашей свѣтлости», писалъ къ князю Кутузову баронъ Остенъ-Сакенъ, «разстроили намѣренія Саксонцевъ. Да будетъ вамъ вѣчная слава! Вы рѣшили судьбу и независимость Сѣверныхъ державъ». Онъ старался настигнуть непріятеля. Генералъ-маіоръ

Булатовъ отбилъ у Австрійцевъ 1.200 чел. плѣнныхъ; графъ Ливенъ взялъ 400 человѣкъ изъ арріергарда генерала Ренье. 25 Декабря послѣднія войска непріятельскія перешли границу.

Баронъ Сакенъ участвовалъ въ покореніи (27 Янв. 1813 г.) Варшавы Милорадовичемъ; получилъ приказаніе отъ князя Кутузова, оставя для наблюденія за отступавшими къ Галиціи Австрійцами одинъ казачій полкъ, идти съ корпусомъ къ Ченстохову. Подступивъ къ этой крѣпости 10 Марта, онъ немедленно очистилъ отъ непріятеля предмѣстія и ближнія селенія; сначала держалъ крѣпость въ тѣсной блокадѣ, потомъ (23 ч.) началъ бомбардировать и заставилъ (25 ч.) коменданта сдаться на капитуляцію. Весь гарнизонъ, состоявшій изъ 54 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1.026 нижнихъ чиновъ, взятъ въ плѣнъ. Въ числѣ трофеевъ находились: 2 знамя, 24 мѣдныя пушки, одна мортира, 2.740 ружей и множество военныхъ снарядовъ и провіанта. Вслѣдъ затѣмъ баронъ Остенъ-Сакенъ двинулся къ Кракову, гдѣ стоялъ князь Понятовскій съ десятитысячнымъ корпусомъ; принудилъ его удалиться въ Галицію, заключилъ съ Австрійскимъ генераломъ Фримономъ условіе, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «что корпуса обоихъ генераловъ, бывъ наблюдательными, не должны напрасно проливать кровь»; награжденъ (16 Мая) орденомъ Св. Александра Невскаго; присоединился къ главной арміи. Постановленное перемиріе (20 Мая) прекратило только на два мѣсяца съ небольшимъ военныя дѣйствія. Баронъ Остенъ-Сакенъ поступилъ въ составъ Силезской арміи, находившейся подъ предводительствомъ Прусскаго фельдмаршала Блюхера. Корпусъ его состоялъ изъ 52.000 человѣкъ. Онъ участвовалъ въ изгнаніи (6 Авг.) непріятеля изъ г. Лигница, взялъ въ плѣнъ 6 офицеровъ и 200 рядовыхъ; сразился съ Французами при с. Штейдницъ, очистилъ отъ нихъ (7 числа) Кейзервальдъ, занялъ (9 ч.) г. Бунцлау. Но когда Наполеонъ, желая отдалить Блюхера отъ театра войны, двинулъ противъ него главныя силы свои, баронъ Остенъ-Сакенъ отступилъ, вмѣстѣ съ Пруссаками, до Яуера. Въ это время императоръ Французовъ, узнавъ, что союзники угрожали Дрездену, возвратился туда, оставя въ Силезіи часть войскъ подъ начальствомъ Макдональда. Французскій маршалъ, слишкомъ самонадѣянный, продолжалъ съ меньшими силами преслѣдовать Блюхера; но послѣдній, воспользовавшись отсутствіемъ Наполеона, напалъ на Макдональда (14 Авг.) при рѣкѣ Кацбахѣ, совершенно разбилъ его, положилъ на мѣстѣ до 18.000 человѣкъ, взялъ болѣе ста пушекъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ, начальствовавшій правымъ крыломъ Силезской арміи, содѣйствовалъ побѣдѣ: овладѣлъ ключемъ позиціи непріятельской, высотами у Эйхгольца, привелъ въ совершенное разстройство лѣвое крыло Макдо-

нальда, уничтожилъ покушенія двухъ Французскихъ дивизій напасть на флангъ союзниковъ. Передъ сраженіемъ Блюхеръ отправилъ къ нему слѣдующую записку: «Herr General! Ich attaquire; was werden Sie machen?» [1]).—«*Ура! Сакенъ*», отвѣчалъ онъ главнокомандующему, и съ этимъ побѣдоноснымъ восклицаніемъ ударилъ на непріятеля въ штыки [2]), опрокинулъ его съ крутыхъ береговъ въ быстрыя рѣки, Нейсу и Кацбахъ, взялъ 42 орудія и въ плѣнъ 1511 человѣкъ, въ томъ числѣ одного генерала и 10 офицеровъ. «Я обязанъ важною побѣдой подъ Кацбахомъ особенно Сакену», писалъ Государю Блюхеръ: «быстро, и безъ приказаній моихъ, занялъ онъ 12-пушечною батареей высоты между Бельсгофа и Эйхгольца, посредствомъ чего былъ я поставленъ въ возможность тотчасъ обратить нападеніе на правое крыло непріятелей».

Императоръ Александръ произвелъ барона Остенъ-Сакена (14 ч.) въ генералы-отъ инфантеріи; король Прусскій пожаловалъ ему орденъ Чёрнаго Орла. Непріятель отброшенъ былъ за рѣку Квейсу. Наполеонъ поспѣшилъ къ Макдональду Блюхеръ снова отступилъ, но императоръ Французовъ не рѣшился преслѣдовать его, желая отомстить Богемской арміи за Кульмскую битву. Тогда Прусскій фельдмаршалъ возобновилъ свои наступательныя дѣйствія: переправясь (27 Августа) черезъ Нейсу, вступилъ въ Бауценъ, преслѣдовалъ непріятеля до рѣки Эльбы, нанесъ ему страшное пораженіе у Мейсена, при с. Кельнѣ, по переправѣ чрезъ Эльбу (21 Сентября), при Шварцъ-Эльстерѣ, вблизи главной арміи Наполеона, разбилъ на-голову у Вартенберга Французскаго генерала Бертрана, взялъ 11 орудій; соединился у Цербига съ Сѣверною арміей и, вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ, двинулся къ Лейпцигу. Во всѣхъ этихъ битвахъ баронъ Остенъ-Сакенъ принялъ дѣятельное участіе. 4-го Октября Блюхеръ, не ожидая содѣйствія наслѣднаго принца, находившагося при Галле, выступилъ изъ Шкейдица, встрѣтилъ непріятеля въ четырехъ верстахъ отъ Лейпцига, у селенія Мекерна, разбилъ его и принудилъ отступить, частію за рѣку Парту, а частію къ самымъ предмѣстіямъ Лейпцига, при чемъ взялъ 43 орудія. 5-го числа произведена была въ Силезской арміи только одна удачная кавалерійская атака Русскими гусарами. 6-го числа баронъ Остенъ-Сакенъ сталъ съ двадцатитысячнымъ корпусомъ на сѣверной сторонѣ Лейпцига, противъ Галльскихъ воротъ, у деревни Голиса. Нѣсколько редутовъ защищали ихъ. 7-го, въ день назначенный для приступа, онъ атаковалъ Галльское

---

[1]) „Господинъ генералъ! Я атакую. Что вы сдѣлаете?“

[2]) Въ тотъ день, по причинѣ безпрерывнаго дождя, нельзя было стрѣлять изъ ружей.

предмѣстіе, два раза былъ отраженъ съ значительною потерей, но ворвался въ него; получилъ (8 Окт.) за оказанное мужество военный орденъ Св. Георгія второй степени. Потомъ баронъ Остенъ-Сакенъ преслѣдовалъ непріятеля, чрезъ Мерзебургъ и Эйзенахъ, къ Рейну, перешелъ эту рѣку близъ города Мангейма, ночью съ 19 на 20 Декабря. Двадцатишеститысячный корпусъ его, при которомъ находился король Прусскій, сосредоточился на томъ мѣстѣ, гдѣ Некаръ впадаетъ въ Рейнъ.

На противоположномъ берегу былъ редутъ съ 6-ю орудіями, которыя господствовали надъ устьемъ Некара и Мангеймомъ; надлежало овладѣть этимъ укрѣпленіемъ. Въ 4-мъ часу поутру посадили на лодки и плоты Русскихъ егерей, которыхъ, за темнотою, Французы примѣтили уже тогда, когда они были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣваго берега Рейна. Непріятель открылъ по нимъ пушечную и ружейную пальбу, продолжавшуюся три четверти часа. Егери три раза безуспѣшно ходили на приступъ, но въ четвертый ворвались въ редутъ и взяли всѣ шесть орудій и триста человѣкъ, ихъ защищавшихъ. Король подъѣхалъ къ побѣдителямъ, благодарилъ ихъ и былъ привѣтствуемъ восклицаніемъ *ура!* Все это происходило во мракѣ зимней ночи. Взошедшее солнце освѣтило Русскихъ, уже ставшихъ твердою ногой во Франціи. Окрестность огласилась воинскою музыкой, гремѣвшею во всѣхъ полкахъ, а Рейнъ покрытъ былъ судами, перевозившими войска. Къ шести часамъ вечера поспѣлъ понтонный мостъ, по которому прошелъ весь корпусъ. За эту переправу баронъ Остенъ-Сакенъ получилъ отъ Государя въ награду пятьдесятъ тысячъ рублей. Переправясь чрезъ Рейнъ, Блюхеръ раздѣлилъ армію на двѣ части. Одну изъ нихъ, состоявшую изъ корпусовъ графа Сенъ-При и Капцевича, подъ начальствомъ графа Ланжерона, оставилъ онъ для блокады Майнца и Касселя; съ другою, то-есть съ корпусами Іорка и барона Остенъ-Сакена, пошелъ впередъ. Маршалъ Мармонъ, сосредоточившій силы свои у Тюркгейма, отступилъ къ Мецу. Блюхеръ двинулся къ Нанси, занялъ этотъ городъ, открылъ сообщеніе съ главною арміей и потомъ, чрезъ Туль и Жуанвиль, продолжалъ движеніе къ Бріенну, куда вступилъ 14 Января (1814 г.). Съ нимъ были тогда одни Русскія войска, подъ командою барона Остенъ-Сакена и Олсуфьева. Іоркъ наблюдалъ за Мецомъ, Тіонвилемъ и Люксенбургомъ, а Клейстъ только-что переправлялся чрезъ Рейнъ. Главная квартира императора Французовъ находилась въ Шалонѣ. Вскорѣ Наполеонъ открылъ наступательныя дѣйствія: атаковалъ (15 Янв.) отрядъ генерала Ланскаго, оставленнаго Блюхеромъ въ Сенъ-Дизье, для содержанія сообщенія къ сторонѣ Баръ-де-Дюка съ передовыми войсками Іорка; принудилъ его отступить къ Васси, отрѣзалъ отъ Прусскаго фельдмаршала корпусъ Іорка, двинулся

противъ Блюхера; напалъ (17 числа), между Мезьеромъ и Бріенномъ, на авангардъ Русскій, предводимый графомъ Паленомъ (который не могъ удержать возраставшихъ силъ непріятельскихъ и отступилъ къ Бріенну), превратилъ въ пепелъ городъ, въ которомъ воспитывался; но поставленными генераломъ Никитинымъ (по приказанію барона Остенъ-Сакена) 24 батарейными орудіями въ лѣвый флангъ Французской арміи принужденъ былъ отступить съ урономъ, бросивъ взятыя пушки 15-й роты. Тогда графъ Паленъ, сдѣлавъ атаку на лѣвое крыло Французовъ, овладѣлъ 8 орудіями. Городъ остался за нами. Наступила ночь; непріятели начали раскладывать огни передъ бивакaми; Блюхеръ покоился въ Бріенскомъ за́мкѣ, лежащемъ на горѣ. Вдругъ нѣсколько эскадроновъ Французскихъ скрытно подошли къ городу и промчались по улицѣ, гдѣ баронъ Остенъ-Сакенъ распоряжался. Онъ прислонилъ лошадь къ близъ стоявшему дому и хладнокровно выждалъ, пока мимо его пронеслись Французы, немедленно очистилъ отъ нихъ городъ и провелъ въ немъ ночь, но непріятель удержался въ за́мкѣ. Въ два часа утра Блюхеръ приказалъ барону Остенъ-Сакену отступить на позицію при Траннѣ, по дорогѣ на Баръ-Сюръ-Объ, и присоединиться къ главной арміи. Взятыя 8 орудій были имъ увезены. Потеря убитыми и ранеными простиралась съ каждой стороны до трехъ тысячъ человѣкъ.

Въ сраженіи (20 Янв.) подъ Бріенномъ, гдѣ Наполеонъ лишился 73 орудій, баронъ Остенъ-Сакенъ, главный виновникъ успѣха, командовалъ центромъ, овладѣлъ Ла-Ротьеромъ, ключомъ непріятельской позиціи, и удержалъ за собою это селеніе, не смотря на усилія императора Французовъ исторгнуть оное изъ рукъ его. Во время битвы шелъ снѣгъ; сильная вьюга нѣсколько разъ прекращала огонь, потому что сражавшіеся не могли видѣть другъ друга. «Въ сей великолѣпный и достопамятный день», упомянулъ баронъ Остенъ-Сакенъ въ своемъ донесеніи, «Наполеонъ пересталъ быть врагомъ человѣческаго рода, и Александръ можетъ сказать: *Я даю вселенной миръ!*» Выхваляя дѣйствія барона Остенъ-Сакена, обратившаго въ бѣгство гвардію Наполеона, Государь произнесъ: «Сколь чувствую я себя виноватымъ предъ нимъ, чему причиною Беннигсенъ, который оклеветалъ его. Надѣюсь, однакожъ, что теперь Сакенъ будетъ доволенъ мною». Онъ возложилъ на него (20 ч.) собственные знаки ордена св. апостола Андрея Первозваннаго и пожаловалъ ему потомъ вазу съ изображеніемъ Бріенской побѣды. Императоръ Австрійскій прислалъ барону Остенъ-Сакену командорственный крестъ Маріи Терезіи. Наполеонъ отступилъ по двумъ направленіямъ: за рѣки Объ и Вуару, на берегахъ которыхъ были оставлены сильные арріергарды, чтобы скрыть и обезопасить это движеніе. Съ разсвѣтомъ, 21 Января, Государь благодарилъ на полѣ сра-

женія за мужественные подвиги корпусъ барона Остенъ-Сакена, стоявшій въ колоннахъ, а ему самому сказалъ: «Ты побѣдилъ не только внѣшнихъ непріятелей, но и внутреннихъ». Войска двинулись за Французскою арміей. Въ авангардѣ были Цесарцы, Виртембергцы и Баварцы, которые преслѣдовали съ такою медленностью, что потеряли ее изъ вида. Наполеонъ отступилъ къ Ножану. Князь Шварценбергъ занялъ (26 ч.) Труа. Блюхеръ отъ Бріенна слѣдовалъ, съ корпусами барона Остенъ-Сакена и Олсуфьева, къ Шалону. Онъ обходилъ Наполеона съ лѣваго крыла и съ тыла (главная армія съ праваго), предполагая соединиться около Вертю съ остальными корпусами Силезской арміи генераловъ Іорка и слѣдовавшихъ отъ Рейна Клейста и Капцевича и идти съ ними на Парижъ. Тогда Прусскій фельдмаршалъ, узнавъ, что Іоркъ овладѣлъ Шалономъ (25 ч.) и Макдональдъ, прикрывавшій у этого города главный паркъ Французской арміи, отошелъ съ своимъ корпусомъ къ Эперне, вознамѣрился отрѣзать маршалу дальнѣйшее отступленіе у Лаферте-су-Жуара, или отбить у него часть запаснаго парка, въ которомъ было болѣе ста орудій, запряженныхъ крестьянскими лошадьми. Чтобы успѣть въ своемъ предпріятіи, Блюхеръ велѣлъ Іорку идти за Макдональдомъ, направилъ чрезъ Бержеръ и Монмираль корпусъ барона Оскенъ-Сакена, а Олсуфьеву приказалъ слѣдовать за нимъ, въ разстояніи на одни сутки, и остановиться въ Шампоберѣ. Корпусъ или, лучше сказать отрядъ послѣдняго состоялъ только изъ 3.600 человѣкъ пѣхоты, при которыхъ было 24 орудія и 16 конныхъ вѣстовыхъ. На него напалъ (29 Янв.) Наполеонъ со всею арміей. Русскій генералъ во весь день, съ горстію людей, держался въ назначенномъ ему мѣстѣ, но былъ взятъ въ плѣнъ, лишился здѣсь девяти пушекъ и до двухъ тысячъ человѣкъ; остальные, подъ предводительствомъ генераловъ Корнилова и Удома, съ 15 орудіями, пробрались сквозь многочисленные ряды непріятелей и лѣсомъ прошли къ селенію Портобинсонъ, сохранивъ всѣ знамена. Армія Силезская разрѣзана Наполеономъ на двѣ части: баронъ Остенъ-Сакенъ и Іоркъ, находившіеся у Лаферте-су-Жуара и Шато-Тьери, были совершенно отдѣлены отъ Блюхера, ожидавшаго при Вертю Капцевича и Клейста. Желая отбросить Сакена изъ круга дѣйствій союзныхъ армій и съ тѣмъ вмѣстѣ избавить Парижъ отъ опасности, императоръ Французовъ оставилъ у Этожа противъ Блюхера корпусъ маршала Мармона, а самъ 30 Января, предъ разсвѣтомъ, пошелъ къ Монмиралю. Между тѣмъ Блюхеръ велѣлъ барону Остенъ-Сакену возвратиться назадъ и идти на соединеніе съ нимъ отъ Лаферте-су-Жуара чрезъ Монмираль къ Вертю, а генералу Іорку приказалъ соединиться съ Сакеномъ, и у Шато-Тьери устроить мостъ, для перехода на правый берегъ Марны.

въ случаѣ если они не удержатся противъ непріятеля, котораго встрѣтятъ у Монмираля. Фельдмаршалъ Прусскій не полагалъ, чтобы Наполеонъ со всею арміей пришелъ отъ береговъ Сены на путь его дѣйствій: иначе велѣлъ бы Сакену и Іорку безъ отлагательства переходить за Марну. Баронъ Остенъ Сакенъ былъ одного мнѣнія съ Блюхеромъ, не ожидалъ встрѣтиться съ Наполеономъ, и обратился на Монмираль, надѣясь разбить непріятеля. Монмираль былъ уже занятъ Французами. Извѣстіе, что Наполеонъ находился тамъ, подтвердилось; но баронъ Остенъ-Сакенъ отвергалъ справедливость этого показанія и продолжалъ маршъ. Въ девять часовъ утра (30 Янв.) въ авангардѣ завязалась перестрѣлка. Сакенъ выстроилъ свой корпусъ въ слѣдующій боевой порядокъ: расположилъ центръ на большой дорогѣ изъ Лафертесу-Жуара въ Монмираль, правое крыло въ селеніи Марше, близъ рѣчки Пети-Моренъ, а лѣвое по направленію къ деревнѣ Фонтенель. Здѣсь должны были примкнуть къ Сакену Пруссаки, въ содѣйствіи которыхъ онъ твердо былъ увѣренъ; но въ то самое время, какъ Наполеонъ, намѣревавшійся ударить со всѣми силами на лѣвое крыло наше, три раза атаковалъ правое, и селеніе Марше, защищаемое генераломъ Талызинымъ, переходило изъ рукъ въ руки, прибылъ генералъ Іоркъ и объявилъ барону Остенъ-Сакену, *что Прусская пѣхота еще не скоро можетъ поспѣть, и что онъ всю свою артиллерію принужденъ былъ оставить въ Шато-Тьери, по причинѣ весьма худой дороги отъ Вифори до Монмираля, гдѣ нѣтъ мостовой.* Такимъ образомъ Русскіе, какъ подъ Бріенномъ и Шампоберомъ, одни должны были выдержать натискъ Наполеона. Во второмъ часу пополудни сраженіе сдѣлалось общимъ по всей линіи, но Наполеонъ не имѣлъ еще никакого успѣха. Часа въ три Прусская бригада показалась около Фонтенеля, безъ артиллеріи; къ ней посланы были двѣ Русскія батарейныя роты. Полагая, что дальнѣйшее упорство противъ превосходнаго непріятеля было бы напрасно и, наконецъ, удостовѣрясь изъ словъ взятаго въ плѣнъ капитана Французской гвардіи, что Наполеонъ самъ предводительствуетъ войсками, баронъ Остенъ-Сакенъ рѣшился отступить. Коль скоро Французы замѣтили, что онъ оставляетъ Марше, то двинулись противъ его центра и пошли на перерѣзъ его боевой линіи. Кровь полилась рѣками. Французская кавалерія бросилась въ атаку, но, бывъ опрокинута Васильчиковымъ, не отважилась на вторичное покушеніе. Наши безъ разстройства отошли къ Вифору по вязкой грязи, въ которую многіе солдаты принуждены были бросать обувь. Талызинъ успѣлъ присоединиться къ корпусу, хотя непріятели, на пространствѣ около трехъ верстъ, старались преградить ему путь. Они отрѣзали только Софійскій пѣхотный полкъ, который, однако, пробился на штыкахъ. Прус-

саки также отступили отъ Фонтенеля. Баронъ Остенъ-Сакенъ велѣлъ генералу Никитину ввесть въ дѣло Русскую артиллерію, находившуюся при нихъ. Она стала позади Прусской бригады, и когда послѣдняя прошла за батарею, то изъ орудій открыть огонь. Не смотря на жестокость его, Французы нѣсколько разъ врывались на батарею. Ночь прекратила сраженіе. Проходя сквозь лѣса и топкія болота, Васильчиковъ, прикрывавшій отступленіе, принужденъ былъ бросить изъ числа болѣе поврежденныхъ восемь батарейныхъ орудій. Ночью корпусъ продолжалъ отступленіе къ Шато-Тьери. На другой день баронъ Остенъ-Сакенъ и Іоркъ были уже на правомъ берегу Марны и сняли за собою мосты. Потеря наша въ людяхъ простиралась до 5.000 человѣкъ, что̀ составляло болѣе третьей части корпуса барона Остенъ-Сакена, имѣвшаго только 14.000 подъ ружьемъ при начатіи Монмиральскаго дѣла, въ которомъ Пруссаковъ было до 4.000. Изъ числа ихъ убито и ранено 850 человѣкъ.

Описывая отважный подвигъ барона Остенъ-Сакена, отдавая справедливость его рѣшительности, ревности въ исполненіи полученныхъ повелѣній, военный писатель нашъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ: «Сакенъ могъ бы избѣжать кровавой встрѣчи съ тѣмъ, кто долго былъ грозенъ своимъ противникамъ, но не исполилъ бы приказаній Блюхера». «Что̀ станется, продолжаетъ онъ, съ самою высокою военною добродѣтелью, повиновеніемъ, если частнымъ начальникамъ разрѣшено будетъ измѣнять диспозиціи и отступать, потому только, что на пути своемъ они могутъ встрѣтить сильныя препоны? Сакенъ могъ ошибиться въ разсчетѣ, но въ семъ случаѣ это заблужденіе героя, который слишкомъ много довѣряетъ силамъ своимъ». Блюхеръ съ неимовѣрною скоростью привелъ въ порядокъ разбитую армію и, подкрѣпивъ ее пришедшими съ Рейна Русскими и Прусскими войсками, прибылъ (9 Февр.) на берега Сены въ Мери, занятый графомъ Витгенштейномъ, и примкнулъ къ правому крылу главной арміи. Тщетно Французы покушались (10 Февраля) овладѣть этимъ городкомъ и находящеюся тамъ переправой. Силезская армія перешла (13 Февр.) чрезъ Объ при Англюрѣ и Бодемонѣ. Она состояла изъ корпусовъ Остенъ-Сакена (начальствовавшаго лѣвымъ крыломъ), Іорка и Клейста, въ которыхъ считалось подъ ружьемъ до 50.000 человѣкъ. Цѣль Блюхера заключалась въ томъ, чтобы отвлечь Наполеона отъ главной арміи и разбить Мармона, находившагося въ Сезанѣ съ 8.000 человѣкъ; но Французскій маршалъ отступилъ при его приближеніи къ Лаферте-су-Жуаръ, гдѣ присоединился къ маршалу Мортье. Блюхеръ приказалъ барону Остенъ-Сакену овладѣть Мо. Онъ занялъ (15 ч.) предмѣстье на лѣвомъ берегу Марны и готовился атаковать самый городъ, когда

Мортье и Мармонъ вступили въ него. Баронъ Остенъ-Сакенъ, котораго гулъ канонады доходилъ до предмѣстій Парижа, получилъ приказаніе оставить дальнѣйшее покушеніе на Мо, перейти у Лаферте-су-Жуара на правый берегъ Марны и примкнуть къ Пруссакамъ, что̀ онъ и исполнилъ 17 Февраля. Между тѣмъ Прусскій полководецъ достигнулъ цѣли, для которой онъ отдѣлился отъ главной арміи. Наполеонъ поспѣшно шелъ за нимъ изъ Труа съ 40.000 арміею. Блюхеръ двинулся къ Уши, что на Суассонской дорогѣ, преслѣдуемый маршалами Мортье и Мармономъ. Наполеонъ угрожалъ его флангу. Въ эту критическую минуту графъ Воронцовъ вступилъ въ Суассонъ; Блюхеръ перешелъ (20 ч.) по каменному мосту чрезъ Энъ и соединился съ генералами Винцингероде и Бюловымъ, которыхъ корпуса простирались до 50.000 человѣкъ. Въ битвѣ при Краонѣ (23 Февр.), гдѣ графъ Воронцовъ покрылъ себя славою, сражаясь шесть часовъ съ малыми силами противъ цѣлой арміи Наполеона, баронъ Остенъ-Сакенъ предводительствовалъ войсками, по случаю отлучки Блюхера. Онъ отступилъ потомъ къ Лаону, но губительнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, расположенной имъ на довольно значительномъ возвышеніи, нанесъ страшный вредъ непріятелю, слѣдовавшему въ густыхъ колоннахъ по тѣсному пространству и заставилъ его съ ужаснымъ урономъ обратиться назадъ. Потеря Французовъ простиралась до 8.000 убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ находился маршалъ Викторъ. Съ нашей стороны выбыло изъ строя до 6.000 человѣкъ. Блюхеръ сосредоточилъ всѣ свои силы у Лаона. Армія его состояла изъ 109.078 человѣкъ: 67.020 Русскихъ и 42.058 Пруссаковъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ, находясь въ резервѣ, участвовалъ (26 Февр.) въ ночномъ нападеніи на корпусъ Мармона, который лишился 45 орудій, 100 зарядныхъ ящиковъ, болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ и обращенъ въ бѣгство. Вслѣдъ затѣмъ баронъ Остенъ-Сакенъ получилъ приказаніе отъ Прусскаго фельдмаршала идти съ графомъ Ланжерономъ чрезъ Брюеръ и Краонъ и оттуда поворотить направо, въ тылъ Наполеону, который стоялъ у Класси; но это движеніе было отмѣнено, по случаю наступательныхъ дѣйствій императора Французовъ на Лаонскую позицію. Вскорѣ Блюхеръ занемогъ и не довершилъ нанесеннаго имъ пораженія непріятелю. 7-го Марта Прусскій фельдмаршалъ, узнавъ о движеніи Наполеона къ Марнѣ, выступилъ изъ Лаона. Онъ далъ слѣдующее направленіе своимъ шести корпусамъ: Бюлова отрядилъ къ Суассону, Іорка и Клейста къ Шато-Тьери, а съ тремя Русскими корпусами, графа Ланжерона, барона Остенъ-Сакена и Винцингероде, направился чрезъ Реймсъ къ Шалону, куда прибылъ 11 Марта. 13 числа обѣ союзныя арміи двинулись на Парижъ: Силезская изъ Вертю слѣдовала на Монмираль и на Лафер-

те-Гоше; главная изъ-подъ Феръ-Шампенуаза по большой дорогѣ на Сезань.

Продолжая дальнѣйшее слѣдованіе, графъ Вреде и баронъ Остенъ-Сакенъ были оставлены въ Мо, чтобы прикрывать тылъ союзныхъ армій отъ нападенія Наполеона. Здѣсь Государь смотрѣлъ корпусъ барона Остенъ-Сакена и благодарилъ его и войско *за ихъ службу и труды*. Въ строю было 6.000 человѣкъ, то-есть менѣе третьей части того числа, какое считалось въ корпусѣ при переходѣ чрезъ Рейнъ. Они не отличались блестящею наружностью, потому что въ послѣднихъ двухъ походахъ, особенно во Франціи, были въ безпрерывныхъ сраженіяхъ и маршахъ. Подъ нѣкоторыми орудіями находились даже колеса отъ крестьянскихъ повозокъ. Но эти недостатки, которые въ короткое время легко было исправить, замѣнялись славою, пріобрѣтенною корпусомъ: его смѣло можно было уподобить легіонамъ Кесаря. Въ Парижѣ назначили (19 Марта) комендантовъ: Русскаго, Австрійскаго, Прусскаго и Французскаго, а генералъ-губернаторомъ барона Остена-Сакена. Трудно было избрать на это мѣсто генерала, который бы лучше его умѣлъ внушить уваженіе къ имени Русскихъ и пріобрѣсть любовь жителей, ибо онъ соединялъ съ глубокимъ знаніемъ свѣта твердый характеръ и привлекательное обращеніе. Лестное званіе, въ которое возвели его, было достойнымъ возмездіемъ за подвиги въ минувшихъ походахъ. По вступленіи въ должность, онъ запретилъ тревожить и оскорблять кого бы то ни было за политическія мнѣнія, или за наружные, кѣмъ-либо носимые, знаки. Соблюдая строго подчиненность между войсками и порядокъ въ городѣ, онъ привязалъ къ себѣ Парижанъ до такой степени, что повсюду былъ принимаемъ съ рукоплесканіями. При его появленіи воздухъ оглашался восклицаніями: «*Да здравствуетъ генералъ Сакенъ!*» Когда онъ пріѣзжалъ въ театръ, и занавѣсъ былъ поднятъ, зрители требовали, чтобъ актеры снова начинали представленіе. Слѣдующій отданный имъ приказъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ правилъ, коими онъ руководствовался въ своемъ управленіи: «Осмотрѣвъ временный гошпиталь, учрежденный въ предмѣстьи Руль, я свидѣтельствую начальникамъ и чиновникамъ мою особенную благодарность за ихъ стараніе облегчить скорбь храбрыхъ воиновъ. Меня истинно тронула признательность больныхъ къ тѣмъ лицамъ, которымъ ввѣрено о нихъ попеченіе. Небо да благословитъ также народъ, оказывающій вспомоществованіе раненымъ и больнымъ безъ различія странъ, коимъ они принадлежатъ». Въ Іюнѣ мѣсяцѣ караулы въ Парижѣ сданы были національной гвардіи, и наша армія предприняла обратный походъ изъ Франціи. Баронъ Остенъ-Сакенъ сложилъ съ себя званіе генералъ-губернатора. Городовое правленіе поднесло ему, въ знакъ

2*

признательности, карабинъ, пару пистолетовъ и золотую шпагу, осыпанную брилліантами, на одной сторонѣ коей было начертано: «*Миръ 1814 года,*» а на другой; «*Городъ Парижъ генералу Сакену*». Въ опредѣленіи, на основаніи котораго это оружіе было поднесено нашему полководцу, сказано: «что онъ водворилъ въ Парижѣ тишину и безопасность, избавилъ его отъ излишнихъ расходовъ, покровительствовалъ присутственнымъ и судебнымъ мѣстамъ, и что жители, благодаря бдительности его, могли предаваться обыкновеннымъ своимъ занятіямъ и почитали себя не въ военномъ положеніи, но пользовались всѣми выгодами и ручательствами мирнаго времени». «Городовое правленіе», сказано въ заключеніе опредѣленія, «почитаетъ обязанностію изъявить генералу Сакену признательность свою за эти благодѣянія, оказанныя жителямъ». И національная гвардія поднесла барону Остену-Сакену золотую шпагу въ знакъ своего уваженія. Знаменитый Талейранъ, баронъ Шаброль (префектъ Сенскаго департамента) и графъ Беньо (*Beugnôt*) управлявшій полиціею въ королевствѣ) засвидѣтельствовали ему благодарность за соблюденную имъ военную подчиненность, неусыпную дѣятельность его, строгую справедливость во всѣхъ отношеніяхъ *). Ко-

---

*) Je me hâte de présenter votre lettre au Roi. Sa Majesté, à qui rien de ce qui est délicat n'échappe, reconnaîtra sans doute dans la manière avec laquelle votre excellence a rempli sa charge dans les circonstances si difficiles où elle se trouvait, ces principes de modération et ces sentimens d'amitié, dont votre glorieux Monarque nous a donné tant de preuves. Votre excellence avait voulu, que les Parisiens ne connussent son autorité que par les résultats heureux de l'ordre et de la discipline militaire. Il m'est personellement agréable de pouvoir vous assurer, monsieur le baron, que leur estime et leur reconnaissance vive et sincère vous suivront partout и проч." (Изъ письма къ барону Остену-Сакену князя Талейрана, отъ 2-го Іюня 1814 года). „Je suis très sensible pour tout ce que votre excellence a bien voulu me dire d'obligeant en remettant les fonctions, qui lui avaient été confiées. Sa Majesté l'Empereur Alexandre, dont la magnanimité sera célébrée désormais dans tous les tems et surtout dans les annales de la France, nous a donné une preuve particulière de sa bienveillance en vous choisissant pour gouverneur de Paris. Conformement à la promesse impériale qui nous fut donnée, nos monumens et nos institutions publics ont été préservés de toute violation; les autorités ont conservé tous leurs droits, qui n'ont pas été compromis un seul instant. Malgré les difficultés des circonstances et des besoins journaliers d'une grande armée, nos usages sont restés les mêmes, et nous n'avons souffert que ce que la nécessité nous imposait en sacrifices momentanés. C'est particuliérement la ville de Paris qui a joui de tous ces résultats; ils sont dûs à votre vigilance, à votre amour pour le bien et à la confiance que vous avez sû inspirer и проч." (Изъ письма барона Шаброля отъ того жъ числа). „Témoin plus que nul autre de tout ce que votre excellence a fait pour maintenir constamment dans Paris une justice impartiale et l'ordre public, je vous dois l'expression particulière de ma re-

роль пожаловалъ барону Остену-Сакену табакерку со своимъ портретомъ, украшенную бриллiантами, въ сорокъ тысячъ рублей. «Господинъ генералъ!» писалъ тогда Лудовикъ XVIII къ бывшему генералъ-губернатору. «Отдавая совершенную справедливость благоразумному поведенiю вашему въ добромъ моемъ городѣ Парижѣ, и тому попеченiю, какое употребляли вы къ облегченiю, по мѣрѣ возможности, тягостей, претерпѣваемыхъ моими подданными, желаю я изъявить вамъ въ препровождаемомъ подаркѣ доказательство отличнаго моего уваженiя, удовольствiя и истиннаго благорасположенiя». Вслѣдъ за тѣмъ, король возложилъ на него военный орденъ первой степени.

Баронъ Остенъ-Сакенъ участвовалъ и во второмъ походѣ во Францiю (1815 года); выступилъ изъ Варшавы съ ввѣреннымъ ему корпусомъ, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Барклая-де-Толи, командовалъ центромъ нашей армiи во время смотровъ оной при Вертю (26 и 29 Авг.), удостоенъ высочайшаго благоволенiя; награжденъ (1-го Сент.) арендою въ пятнадцать тысячъ рублей на двѣнадцать лѣтъ *).

Въ началѣ 1818 г, генералъ-фельдмаршалъ кн. Барклай-де-Толли скончался въ Инстербургѣ, близъ Кенигсберга, и первая армiя поступила (8 Iюня) подъ главное предводительство барона Остена-Сакена, который въ томъ же году (26 Авг.) пожалованъ членомъ Государственнаго Совѣта и, потомъ (8 Апр. 1821 г.), возведенъ въ графское достоинство Россiйской имперiи за найденное Александромъ устройство ввѣренныхъ ему войскъ. Отъѣзжая за границу (1822 г.), Государь призналъ полезнымъ, чтобы, во время его отсутствiя, главнокомандующiй первою армiею имѣлъ пребыванiе въ С.-Петербургѣ. Оттуда графъ Остенъ-Сакенъ отправилъ (31 Окт.) къ Ярославскому гражданскому губернатору слѣдующее любопытное письмо: «Я узналъ, что въ Ярославлѣ сооружаютъ памятникъ покойному Павлу Григорьевичу Демидову. Я тамъ видѣлъ его общеполезныя учрежденiя. Позвольте, милостивый государь, чтобъ и мой камушекъ былъ положенъ въ семъ памятникѣ и благоволите препроводить куда слѣдуетъ приложенные здѣсь на этотъ предметъ пятьсотъ рублей. Другiе наши земляки живутъ въ

---

connaissance. Ce sera dans les annales de l'Europe une circonstance unique, mais fort honorable pour vous, monsieur le baron, qu'un général, arrivé à Paris des rives de la Néva, y ait donné des leçons dans l'art de gouverner et qu'il ait réussi de maintenir l'ordre parmi tant de nations agitées par des passions si diverses. Votre nom est synonyme chez nous pour désigner la vaillance, la justice et la probité, et en quelque lieu que ce soit où les Français retrouveront monsieur le général de Sacken, ils croiront revoir en lui un ami." (Изъ письма графа Беньо, отъ 4-го Iюня 1814 года).

*) Эта аренда состояла въ Курляндской губернiи, изъ деревень: Петервейса, Верпенгофа и Шенекена. Въ 1826 году (7 Окт.) она отсрочена еще на двѣнадцать лѣтъ.

чужихъ краяхъ и нерѣдко окружаютъ себя тамъ людьми, которыхъ злословіе кормитъ и пожаръ веселитъ, но нашъ почтенный Демидовъ чтилъ труды своего отца, любилъ сосѣда и оставилъ внуку способъ быть въ свою очередь полезнымъ сыномъ Отечеству».

Прекратилась жизнь императора Александра (1825 г.), и графъ Остенъ-Сакенъ нашелъ въ августѣйшемъ преемникѣ его монарха, столь же внимательнаго, справедливаго къ его заслугамъ: онъ назначилъ его шефомъ Углицкаго пѣхотнаго полка (въ которомъ Сакенъ служилъ капитаномъ, при императрицѣ Екатеринѣ II-й, 1777—1785 г.), переименованнаго *полкомъ графа Остена-Сакена* *). «Желаніе мое», писалъ къ нему Государь 28 Января 1826 г., «имѣть въ арміи Россійской полкъ имени достойнаго ея военачальника, можетъ послужить вамъ удостовѣреніемъ, сколь искренно отличаю я достоинства ваши и заслуги государству, вами оказанныя». Симъ не ограничилось благоволеніе Императора къ знаменитому полководцу. 22 Августа того жъ года, получилъ онъ фельдмаршальскій жезлъ, при слѣдующемъ рескриптѣ: «Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ! Во вниманіи къ долговременному и полезному служенію вашему, ознаменованному отличными подвигами въ войнахъ и особенными трудами во время мира по командованію ввѣренною вамъ 1-ю арміею нашею, мы признали справедливымъ возвесть васъ въ достоинство генералъ-фельдмаршала войскъ нашихъ, какъ вождя опытнаго и посѣдѣвшаго на поприщѣ воинской славы. Препровождая къ вамъ присвоенный званію сему жезлъ, мы остаемся удостовѣрены, что сей отличительный знакъ верховнаго военачальника въ рукахъ вашихъ всегда укажетъ путь къ новымъ подвигамъ и славѣ войску вами предводительствуемому. Пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонный «Николай».

Маститый старецъ обрадованъ былъ въ 1830 году новымъ знакомъ монаршаго вниманія: получилъ орденъ Св. Владимира первой степени, *на ношеніе котораго*, упомянулъ Императоръ въ своемъ рескриптѣ отъ 22 Сентября, *долговременная, достохвальная служба его престолу и Отечеству давно уже давала ему полное право.* Вскорѣ возникли безпокойства въ Литвѣ и подчинены графу Остену-Сакену губерніи: Кіевская, Подольская и Волынская (1831 г.). *Онъ въ полной мѣрѣ оправдалъ довѣріе Государя своевременными и рѣшительными распоряженіями. Его предусмотрительностію и непоколебимою твердостію, при единоду-*

*) Сличи достопамятныя письма Николая Павловича къ Сакену въ „Русскомъ Архивѣ" 1884. вып. 6-й. П. Б.

ной ревности подчиненныхъ и блистательной храбрости ввѣренныхъ ему войскъ, въ короткое время уничтожены въ тѣхъ губерніяхъ всѣ преступные замыслы неблагонамѣренныхъ людей, разсѣяны многочисленныя шайки мятежниковъ и снова возстановлены тишина, спокойствіе [1]). Новыя заслуги пріобрѣли (1-го Іюля) генералъ-фельдмаршалу портретъ Императора, украшенный алмазами, для ношенія на груди [2]). Семнадцать лѣтъ Остенъ-Сакенъ, возведенный, въ 1832 году (2 Ноября), въ достоинство князя Россійской имперіи, управлялъ первою арміею, имѣя пребываніе въ Могилевѣ и въ Кіевѣ. Въ 1835 году, Государь, уважая глубокую старость его, препроводилъ къ нему (17-го Марта) слѣдующій рескриптъ: «Въ настоящихъ отношеніяхъ Россіи ко всѣмъ Европейскимъ державамъ, уповая на сохраненіе прочнаго и продолжительнаго мира и признавая вслѣдствіе того возможнымъ принять и по вѣдомству военному нѣкоторыя мѣры къ необходимому сокращенію расходовъ государственныхъ, я, въ общей связи съ сими мѣрами, предположилъ не содержать отнынѣ впредъ двухъ армій въ отдѣльномъ составѣ, и, упразднивъ сообразно съ тѣмъ управленіе ввѣренной вамъ 1-й арміи, причислить 4-й пѣхотный корпусъ къ арміи дѣйствующей, а всѣ прочія войска оной подчинить непосредственно военному министру. Отъ военнаго министра получите вы подробное извѣщеніе объ основаніяхъ, на коихъ полагаю привести въ дѣйствіе сію мѣру. Принимая оную, я утѣшаюсь мыслію, что благопріятныя обстоятельства, коихъ она есть послѣдствіе, представляютъ мнѣ возможность доставить вамъ необходимое отдохновеніе и покой послѣ долголѣтняго, знаменитаго служенія вашего на пользу и славу Отечества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пригласивъ васъ въ С.-Петербургъ на постоянное жительство, пользоваться личными совѣтами и опытностію вашею. На сей конецъ, я приказалъ приготовить

---

[1]) Слова высочайшаго рескрипта отъ 1-го Іюля 1831 года.

[2]) „Si votre âge, mon cher maréchal“, писалъ Государь къ графу Остену-Сакену 29 Октября 1831 года „ne vous a pas appellé sur les champs de bataille pour cueillir de nouveaux lauriers, vos sages dispositions et votre constante activité ont sû arrêter le feu de la rebellion qui menaçait si gravement les derrières de notre armée; partout, dans tout ce qui fut confié à vos soins, vous avez porté la même sollicitude. Vous ne serez donc point supris, si, privé du plaisir de vous le dire de vive voix, je le fais par écrit dans ce moment. Je désire vous persuader de ma vive et sincère reconnaissance. Recevez la au nom de la Patrie, que nous servons et à laqu'elle ce service, puissamment rendu, n'est pas le moindre de votre longue et glorieuse carrière. Croyez à la sincérité du motif, qui me dicte ces lignes, ainsi qu'à l'inaltérable estime et amitié, que vous porte votre sincèrement affectionné *Nicolas*“.

для васъ помѣщеніе въ одномъ изъ дворцовъ моихъ и сохранить вамъ полное содержаніе, по званію главнокомандующаго вами получаемое *). За симъ, изъявляя вамъ душевную признательность мою за неослабные и дѣятельные труды по управленію арміею, всегдашнюю попечительность о пользахъ ея, строгій порядокъ и благоустройство, которые постоянно и во всѣхъ отношеніяхъ были въ ней сохраняемы, я пребываю съ особеннымъ уваженіемъ навсегда вамъ благосклоннымъ».

Князь Остенъ-Сакенъ, по преклоннымъ лѣтамъ, не могъ воспользоваться лестнымъ приглашеніемъ и остался въ Кіевѣ. «Всемилостивѣйшій государь!» писалъ онъ тогда къ Императору, «Отъ простаго солдата достигнувъ званія генералъ-фельдмаршала, я имѣлъ счастіе командовать арміями и быть военнымъ губернаторомъ Парижа. При сложеніи послѣдней должности, тамошнее правительство поднесло мнѣ, вмѣстѣ съ грамотою, шпагу, карабинъ и два пистолета. Это суть доблести не мои, а побѣдоносной Россійской арміи, которая, преодолѣвъ всѣ полчища враговъ, взяла гордую столицу и даровала ей своего начальника. Всеподданнѣйше прошу васъ, всемилостивѣйшій Государь, принять сіи трофеи Россійскаго оружія въ Московскую Оружейную Палату, дабы они напоминали потомству, что Русскіе владѣли неприступнымъ Парижемъ и генералъ ихъ въ немъ начальствовалъ». Императоръ, *съ особеннымъ удовольствіемъ*, изъявивъ свое согласіе, отозвался (29 Іюня 1835 г.), *что это приношеніе будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ знаменитыхъ заслугъ фельдмаршала Престолу и Отечеству и незабвенныхъ подвиговъ воиновъ Россійской арміи, ознаменовавшихъ себя кротостію и благонравіемъ, посреди побѣдъ и занятія самаго города Парижа, слѣдуя священной волѣ, влеченію сердца въ Бозѣ почивающаго любезнѣйшаго брата его императора Александра I-го.*

Тихъ былъ вечеръ славной жизни Сакена: сошедъ съ поприща дѣйствователей и приближаясь къ могилѣ, онъ обращалъ еще потухавшій взоръ на современныя происшествія, любилъ слушать чтеніе газетъ и журналовъ; жаловался приближеннымъ только на чувствуемую имъ слабость въ ногахъ (его водили подъ руки съ 1835 года): твердо помнилъ давно прошедшія событія и забывалъ новѣйшія. За послѣднимъ обѣденнымъ столомъ, даннымъ имъ для почетнѣйшихъ особъ въ Кіевѣ, въ торжественный день тезоименитства Государя Императора (6 Дек. 1836 г.), фельдмаршалъ спросилъ объ умершемъ уже генералѣ: «*Гдѣ Яшвиль? Я его не вижу.*» Онъ предложилъ въ этотъ день два

*) Всего восемьдесятъ четыре тысячи рублей.

тоста: 1-й, *за здравіе Государя;* 2-й, *за здравіе Россіянъ и чтобъ войны не было.* Долго боролся онъ со смертію, которая восторжествовала надъ нимъ 7-го Апрѣля 1837 года. Ему было тогда восемьдесятъ четыре года. Викарный епископъ Иннокентій (по случаю кончины, 23 Февр., митрополита Евгенія, друга фельдмаршала) проводилъ со всѣмъ Кіевскимъ духовенствомъ бренные останки до могилы [1]). Тамъ послѣдній обрядъ совершилъ пасторъ. Прахъ Остена-Сакена покоится на бастіонѣ крѣпостномъ, вправо отъ Богородично-Рождественской церкви, у дальнихъ пещеръ. На томъ мѣстѣ еще нѣтъ памятника.

Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ былъ роста выше средняго; имѣлъ пріятную наружность, взглядъ быстрый, исполненный ума; улыбку насмѣшливую, умъ образованный. Съ знаніемъ военнаго дѣла соединялъ чрезвычайную храбрость, опытность; былъ предпріимчивъ, твердъ, справедливъ, обходителенъ съ подчиненными и, вмѣстѣ, строгъ, взыскателенъ по службѣ, но въ обществахъ отличался веселымъ нравомъ, любезностію, остротою и часто кололъ въ разговорахъ. Непоколебимая стойкость составляла отличительную черту его характера. Онъ оставилъ послѣ себя деньгами и билетами на двѣсти восемьдесятъ шесть тысячъ рублей. Въ этомъ заключалось все его имущество. Король Прусскій отозвался о Сакенѣ [2]): «что Россія лишилась въ немъ отличнѣйшаго полководца, болѣе полвѣка посвятившаго жизнь своимъ августѣйшимъ монархамъ и счастію Европы». Оказанныя имъ важныя услуги Отечеству: искусными маневрами противъ арміи князя Шварценберга (1812 г.), разбитіемъ Макдональда при Кацбахѣ (1813 г.) и содѣйствіемъ (1814 г.) Блюхеру въ пораженіи Наполеона подъ Бріенномъ не умрутъ въ потомствѣ.

Изъ 4-й части „Біографій Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ,“ сочиненія Д. Н. Бантыша-Каменскаго (С. П. Б. 1841), который перепечаталъ эту біографію князя Сакена въ своемъ Словарѣ достопамятныхъ людей 1847 года. Оба сочиненія нынѣ стали книжными рѣдкостями. П. Б.

---

[1]) Тогдашній ректоръ Кіевскаго университета М. А. Максимовичъ произнесъ рѣчь по случаю кончины князя Сакена. П. Б.

[2]) Въ слѣдующемъ письмѣ къ родственнику фельдмаршала, дѣйствительному камергеру графу Ивану Остену-Сакену, отъ 21 Мая 1837 года: „Monsieur le comte! C'est avec une vive douleur, que je viens d'apprendre par votre lettre du 15 (27) Avril dernier, le décès de m-r le feldmaréchal prince d'Osten-Sacken. Je sens avec vous, monsieur, la grandeur de la perte, que votre patrie vient de faire par la mort d'un capitaine aussi distingué, qui plus d'un demi-siècle a consacré sa vie à ses augustes souverains et au bonheur de toute l'Europe. Recevez, monsieur le comte, l'assurance de mes regrets sincères sur cet événement douloureux. Je suis votre bien affectionné *„Frédéric Guillaume.“*

II. Изъ записокъ фельдмаршала князя Ф. В. Сакена [1]).

1799.

Паси, 4 (16) Апрѣля 1800 г.

Сраженіе подъ Цюрихомъ [2]) такъ многозначительно и само-по-себѣ и по своимъ послѣдствіямъ, что заслуживаетъ занять мѣсто въ исторіи. Лучшія войска двинулись изъ глубины Россіи къ этому Цюриху, испытали значительную потерю и вернулись обратно. Война продолжается болѣе года; Швейцарія находится во власти своихъ хищныхъ непріятелей, и лучшая изъ армій лишь даетъ доказательство Европѣ, что она можетъ быть побѣждена, какъ и всякая другая. Французы проигрывали сраженія, теряли крѣпости и цѣлыя арміи, но ни одно изъ этихъ пораженій не принесло имъ столько вреда, сколько принесла его союзнымъ державамъ потеря 5000 Русскихъ подъ Цюрихомъ. Философы и математики, вотъ и судите о дѣяніяхъ людей сообразно вашимъ воображаемымъ законамъ!

Дѣло будетъ здѣсь идти лишь о томъ, что̀ я могъ видѣть своими глазами. Въ разсказѣ своемъ я придерживаюсь самой строгой истины; лишь при этомъ условіи исторія можетъ быть полезною.

---

[1]) Переведено съ Французской рукописи, сообщенной въ „Русскій Архивъ“ покойнымъ княземъ С. М. Воронцовымъ. Эта рукопись есть переводъ съ Нѣмецкаго подлинника, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Н. Н. Муравьевъ-Карскій, отлично изобразившій князя Сакена за послѣдніе годы его жизни (См. „Р. Арх.“ 1894). Гдѣ подлинникъ Записокъ не знаемъ: князь Сакенъ прямаго потомства не оставилъ. Графъ Д. А. Милютинъ въ своемъ классическомъ трудѣ „Исторія войны 1799 года, между Россіей и Франціей въ царствованіе Павла I“. (3 т. Спб. 1857) упоминаетъ, что онъ пользовался запиской Сакена о Цюрихскомъ сраженіи „въ Русскомъ переводѣ весьма неудачномъ, но исправленномъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рукою самого фельдмаршала“. Графъ Милютинъ придаетъ этой запискѣ большое значеніе, хотя самъ въ описаніи Цюрихскаго боя нѣсколько противорѣчитъ Сакену. Генералъ Римскій-Корсаковъ, чтобы оправдать себя въ неудачѣ подъ Цюрихомъ имѣвшей такія гибельныя слѣдствія, также составилъ по французски статью о своихъ дѣйствіяхъ; этою статьею почти дословно воспользовался генералъ Вистицкій въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ“ за 1846 г. *Ю. Б.*

[2]) Сраженіемъ этимъ главнокомандовавшій Французскою арміей въ Швейцаріи, Массена, помѣшалъ Римскому-Корсакову соединиться съ Суворовымъ. Отбросивъ корпусъ перваго къ Рейну, Массена предполагалъ захватить и Рымникскаго героя; но безпримѣрный въ лѣтописяхъ военной исторіи переходъ Русскаго войска черезъ Альпы помѣшалъ исполненію блестяще задуманнаго плана. Ю. Б.

Корпусъ, который императоръ Павелъ отдалъ въ наемъ Англіи [1]), состоялъ приблизительно изъ 36000 человѣкъ. Въ его составъ входила многочисленная кавалерія; имъ командовалъ сначала князь Голицынъ, затѣмъ генералъ Нумсенъ и, наконецъ, генералъ Корсаковъ. Онъ былъ раздѣленъ на шесть дивизій. Первою командовалъ я; она состояла изъ полка Уральскихъ казаковъ съ полковникомъ Бородинымъ, изъ драгунъ Гудовича и Свѣчина, стрѣлковъ Титова, моихъ гренадеровъ и мушкатеровъ Козлова. Она двинулась 4 (15) Марта изъ Бреста Литовскаго [2]) и пришла, нигдѣ не останавливаясь, черезъ Люблинъ, Краковъ и Тешенъ въ Нейтишейнъ, гдѣ неожиданно получила приказаніе остановиться. Тамъ дивизія простояла пять дней. Затѣмъ мы продолжали нашъ путь черезъ Ольмюцъ, Прагу, Регенсбургъ, Аугсбургъ до Шафгаузена, куда мы пришли 4 (15) Августа въ наилучшемъ состояніи. Другія пять дивизій шли на разстояніи одного дня перехода между собою; онѣ шли по ночамъ и останавливались всегда на тѣхъ же квартирахъ какъ и прошедшія раньше.

Въ моемъ полку при выходѣ изъ Бреста было лишь 40 человѣкъ больныхъ, а въ Шафгаузенѣ ихъ было только 30, двое умерло и одинъ дезертировалъ. Жители имперскихъ земель при нашемъ проходѣ выражали намъ много благожелательности и гостепріимства; исключеніе составляли лишь обитатели Праги, гдѣ пѣхотѣ пришлось спать на мостовой, такъ какъ горожане отказались пустить солдатъ въ свои дома.

Генералъ Корсаковъ обогналъ насъ въ Штокахѣ, чтобы повидаться въ Клотенѣ съ эрцгерцогомъ [3]). Вся кавалерія за исключеніемъ казаковъ осталась въ Клентчѣ. Мы полагали, что весь корпусъ соединится въ Шафгаузенѣ, что̀ можно было сдѣлать въ девять дней; но какъ только пришла вторая дивизія, мы получили приказаніе сняться съ лагеря.

---

[1]) Императоръ Павелъ, желая „ускромлять Французовъ для общей безопасности", заключилъ съ Англіей договоръ 18 Декабря 1798 года, въ Петербургѣ. Онъ обѣщалъ, какъ только Пруссія присоединится къ союзу, двинуть корпусъ въ 45 000 человѣкъ, съ необходимымъ количествомъ артиллеріи; Англія обязывалась дать на предварительные расходы 225.000 фунтовъ стерлинговъ и производить ежемѣсячную плату 75.000 фунтовъ. Пруссія уклонилась отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Договоръ напечатанъ у Мартенса, т. IX, стр. 418—425. Ю. Б.

[2]) Въ Брестѣ стали собираться войска еще съ Іюля 1798 г. Первымъ тронулся корпусъ Розенберга, назначенный помогать Австрійцамъ. Ю. Б.

[3]) Т. е. Австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ. Ю. Б.

Мы пришли черезъ Эглизау, Глатфельденъ, Оберъ-Эндингенъ, Вюренлингенъ на берега Аара. Мы шли безъ всякаго отдыха въ продолженіе 30 часовъ. Рано утромъ мы увидѣли на высотахъ Ендингена непріятельскія позиціи и, какъ только солдаты услышали пушечные выстрѣлы, они старались не опоздать. Мы расположились въ большомъ порядкѣ возлѣ Вюренлингенскаго лѣса. Отъ Эттингена, гдѣ хотѣли навести мостъ, до насъ было около версты (200 туазъ=1200 шаговъ).

Австрійцы образовали аллею, чтобы насъ видѣть.

Я отдалъ приказъ сомкнуть ряды и позволилъ солдатамъ отдыхать въ колоннахъ. Около трехъ часовъ пополудни генералъ Корсаковъ пріѣхалъ къ намъ и объявилъ, что экспедиція не удалась, что не могли навести моста, такъ какъ якори при быстромъ теченіи рѣки не могли зацѣпиться за каменистое дно. Тѣмъ не менѣе общее мнѣніе было то, что эрцгерцогъ желалъ сдѣлать лишь демонстрацію *).

Проливной дождь заставилъ насъ разбить нѣсколько палатокъ; мы провели ночь на томъ же мѣстѣ. На слѣдующій день до зари мы снялись съ мѣста и пошли черезъ Нидеръ, Веннингенъ, Шеффельсдорфъ въ Зеебахъ, гдѣ расположились лагеремъ. Солдаты цѣлыя сутки ничего не ѣли.

Слѣдующіе дни жители Цюриха толпою приходили къ намъ. Состояніе солдатъ, лагеря и порядокъ, въ немъ царствовавшаго, возбуждали всеобщее удивленіе. Всѣ были одушевлены надеждою и мужествомъ.

Полководецъ, не умѣющій пользоваться подобнымъ одушевленіемъ, или интриганъ или слабоумный.

Узнавъ позицію непріятеля подъ Цюрихомъ, я счелъ необходимымъ атаковать его по прямому направленію отъ города. Съ этимъ планомъ въ головѣ я прямо поѣхалъ верхомъ къ генералу Корсакову. Было уже 11 часовъ вечера. У него были графъ Толстой, Прусскій повѣренный по дѣламъ при эрцгерцогѣ и его секретарь Свѣчинъ. Я имъ сообщилъ свое мнѣніе; повидимому они его одобрили, но ничего не сдѣлали. Одна изъ слабостей свойственныхъ человѣку состоитъ въ томъ, что люди считаютъ нужнымъ искать вдали отъ себя благо, которое находится возлѣ нихъ.

Составили планъ атаковать непріятеля совмѣстно съ генераломъ Готце въ горахъ съ лѣваго Австрійскаго крыла.

*) Попытка перейти черезъ Ааръ около Деттингена была сдѣлана 6-го Августа. Суворовъ писалъ по поводу этой жалкой попытки: „Бештимтзагеръ разумѣетъ, что нельзя перейти Ааръ въ мокрыхъ шинеляхъ“.. „Далѣе унтеркунфтъ потребенъ“. Ю. Б.

Въ силу этого рѣшенія, отдохнувъ три или четыре дня, мы выступили въ ночь и пришли, подымаясь и опускаясь по дорогѣ близъ Грейфензее, черезъ Грунингенъ въ Утцнахъ, гдѣ Лиммать впадаетъ въ Цюрихское озеро. За немногими перерывами для отдыха, мы шли въ продолженіе 36 часовъ. Другія дивизіи нашего корпуса, которыя тѣмъ временемъ также подошли къ Шафгаузену, соединились съ нами за исключеніемъ кирасировъ, драгунъ, гусаръ и Татаръ.

Въ два дня все войско тамъ сосредоточилось. Войска было столько, что не знали, гдѣ его расположить. Кромѣ того неспособность генерала Корсакова въ военномъ дѣлѣ была такъ велика, что онъ даже не далъ опредѣленнаго расположенія для лагеря: полки и баталіоны по мѣрѣ ихъ прибытія располагались между садами, по домамъ, какъ имъ казалось удобнымъ, одинъ за другимъ, въ величайшемъ безпорядкѣ. То тамъ, то здѣсь виднѣлась палатка. Часовыхъ совсѣмъ не было; на третій день у насъ не хватало хлѣба, солдаты выкапывали картофель, бродили шайками по окрестнымъ деревнямъ и производили грабежи.

Началось разногласіе между Корсаковымъ и Готце: одинъ хотѣлъ атаковать отсюда, другой—съ другой стороны; одинъ считалъ гору недоступною, другому лѣсъ казался непроходимымъ. Готце желалъ отослать, согласно приказаніямъ эрцгерцога, шесть баталіоновъ обратно въ Цюрихъ; Корсаковъ, напротивъ, хотѣлъ, чтобы всѣ оставались соединенными. Наконецъ, Готце покинулъ свою выгодную позицію возлѣ Лахена, оставилъ безъ защиты большое протяженіе, перешелъ Лиммать съ частью своего корпуса и сталъ въ позицію, у насъ въ тылу, подъ Рапперсвилемъ и Кальтенбрунномъ.

Въ сопровожденіи генерала Тучкова, подъ охраною тридцати Уральскихъ казаковъ, я поутру поѣхалъ верхомъ, чтобы осмотрѣть мѣста, оставленныя Готце. Пять казаковъ, посланные мною на дорогу, наткнулись на непріятельскій патруль и взяли двоихъ въ плѣнъ (это были первые и, къ сожалѣнію, думаю, наши послѣдніе плѣнники). Въ эту же минуту я получилъ письмо отъ генерала Корсакова; онъ приказывалъ мнѣ немедленно возвратиться, такъ какъ онъ желалъ двинуться къ Цюриху со всѣмъ корпусомъ. Вернувшись въ лагерь, я узналъ, что эрцгерцогъ оставляетъ Швейцарію, и мы занимаемъ его позицію. На слѣдующій день мы пришли въ Цюрихъ и застали Австрійскую армію уже при полномъ ея выступленіи.

Такимъ образомъ мы упустили то, чего ищутъ достигнуть иногда путемъ боевымъ: соединенія двухъ большихъ армій, силы коихъ вдвое превосходили непріятеля. Два раза мы бѣгали съ одного конца нашей позиціи къ другому, мы много болтали и, поглазѣвъ на непріятельскую позицію, какъ сущіе дураки, вернулись на старое мѣсто. Благодаря

тому потеряли мы двѣ недѣли, да къ тому еще наши союзники насъ покинули и оставили защищать съ 20.000 солдатъ (кавалерія не имѣла здѣсь никакого значенія) такую позицію, которую съ 50.000 врядъ ли можно было отстоять.

Предположимъ, что присутствіе эрцгерцога было необходимо на Нижнемъ Рейнѣ; я полагаю, что для насъ былъ самый прямой и самый блестящій путь—напасть на корпусъ арміи Массены. Нѣтъ, оставляютъ въ покоѣ непріятеля, который стоитъ на лицо, упускаютъ почти математическую достовѣрность его разбить, для того, чтобы отыскать другого, менѣе опаснаго для 30.000 войска. Я не могу допустить мысли, чтобы эрцгерцогъ, одаренный многими выдающимися способностями, былъ виновенъ въ этихъ неразумныхъ, несчастныхъ передвиженіяхъ. Зависть, эгоизмъ и ложная гордость—вотъ самые опасные вожди и совѣтчики. Я думаю, что даже генералъ Корсаковъ могъ бы помѣшать этимъ движеніямъ, если бы у него достало ума возвыситься до пониманія важности своего положенія.

Начали тотчасъ дѣлать необходимыя размѣщенія, чтобы замѣнить Австрійцевъ, вслѣдствіе чего мнѣ дали пѣхотные полки Дурасова, Пушкина и Маркова, гренадерскіе баталіоны Трейблюта и Шкапскаго, казацкіе полки Астахова, Камчатскаго и Мизинова, Татарскій полкъ Барановскаго и 16 пушекъ, подъ командою полковника Ефимьева, для защиты позиціи Хёнга, на всемъ протяженіи Лиммата и Аара, до Рейна, подъ Кобленцемъ. Моя главная квартира была въ Оберъ-Эндингенѣ. Это мѣста раньше занималъ генералъ Напендорфъ. Тѣмъ не менѣе, я былъ довольно счастливъ, и мнѣ удалось удержать свою позицію, не смотря на ея крайнюю растянутость; я этого достигъ, производя постоянныя передвиженія и тревожа непріятеля по ночамъ.

У насъ никогда не было хлѣба; иногда солдаты по цѣлымъ днямъ не имѣли крошки ѣды во рту. Имъ давали едва ли и половинную порцію каши, а говядину за все это время они ѣли только разъ. Если принять во вниманіе чрезмѣрныя цѣны, которыя мы платили поставщику Виммеру (за фунтъ говядины, если не ошибаюсь, 5 крейцеровъ, за фунтъ сѣна 2 крейцера), нѣтъ ничего удивительнаго, что, перейдя границы Швейцаріи, мы нуждались во всемъ, да еще были должны платить впередъ. Однако, я убѣжденъ, что генералъ Корсаковъ, коего безкорыстіе мнѣ извѣстно, непричастенъ сему и виноватъ, пожалуй, лишь въ томъ, что позволялъ себя обманывать. У него были плохіе служащіе, такъ какъ для дѣлъ продовольствія ему дали въ Россіи людей, никакого понятія объ этомъ не имѣющихъ.

Солдаты не любятъ генерала, который подвергаетъ ихъ голоду и безцѣльнымъ тяжелымъ переходамъ, а кто не можетъ жить въ мирѣ даже со своими приближенными, будучи нерѣшителенъ, мелоченъ, невѣжественен, упоенъ и напыщенъ самолюбіемъ, тотъ, конечно, не сумѣетъ породить довѣріе и привязанность въ арміи. Таковы были наши чувства къ главному вождю, когда мы получили новыя распоряженія князя Италійскаго. Слѣдуя этимъ приказаніямъ, Корсаковъ принялъ рѣшеніе дать мнѣ 5.000 человѣкъ, чтобы я присоединился къ генералу Готце, а мой постъ вручить генералу Дурасову.

Я пріѣхалъ въ Цюрихъ 13 (24) Сентября и счелъ долгомъ взять въ свое командованіе также и ту часть моей дивизіи (она состояла изъ пѣхотныхъ полковъ Козлова, Прибышевскаго и Измайлова), которая составляла резервы подъ Цюрихомъ. Съ наступленіемъ ночи я отправилъ эти полки въ Утцнахъ. При Рапперсвилѣ къ нимъ долженъ былъ присоединиться полкъ Разумовскаго*). Самъ я остался въ Цюрихѣ, чтобы получить дальнѣйшія приказанія, надѣясь нагнать мой отрядъ на разсвѣтѣ. Только-что я всталъ въ Середу 14 (25)-го, какъ ко мнѣ пришли сказать, что слышны выстрѣлы пушекъ въ направленіи Бадена. Я полетѣлъ къ Корсакову, но онъ еще не имѣлъ никакихъ извѣстій; отправили разузнать о расположеніи войскъ; я тотчасъ послалъ приказаніе моему отряду остановиться и отправился къ Бадену. Не проѣхалъ я и мили, какъ встрѣтилъ двухъ казаковъ, которые мнѣ сообщили, что непріятель переправился черезъ Лимматъ. Проѣхавъ еще четверть мили, я увидѣлъ, что генералъ Шепелевъ съ своимъ полкомъ быстро отступаетъ. Этотъ генералъ далъ мнѣ болѣе точныя указанія о совершавшемся. Онъ мнѣ сообщилъ, что непріятель навелъ мостъ въ окрестностяхъ Клостеръ-Фара, что наши войска желали помѣшать переходу, но были разсѣяны, что генералъ Марковъ, раненый, выдвинулъ два эскадрона драгунъ, но они ничего не могли сдѣлать, такъ какъ непріятель уже перешелъ рѣку съ бóльшими силами.

Здѣсь долженъ я указать на то, что въ своихъ приказахъ Пущину, Астахову, Мизинову и Маркову я имъ точнехонько указалъ на то мѣсто, гдѣ перешелъ непріятель, какъ на самое удобное для наведенія моста. Именно для этого я поставилъ тамъ баталіонъ гренадеръ Трейблюта и казацкій полкъ Мизинова.

Майоръ Баумгартенъ съ двумя ротами былъ въ Оттвилѣ, генералъ Марковъ съ восемью другими ротами своего полка въ Вуренлозѣ, а батальонъ гренадеръ Шкапскаго въ Веннингенѣ. Не было и четырехъ верстъ отъ этихъ мѣстъ до перехода черезъ рѣку; я прибавилъ къ

*) Графа Льва Кириловича. П. Б.

сѣти выдвинутыхъ постовъ всюду, гдѣ мѣстность требовала, часовыхъ, наблюдательные конные и пѣшіе пикеты; мною были съ точностью обозначены мѣста, куда весь отрядъ долженъ былъ стянуться, когда непріятель попытается перейти черезъ рѣку. Я имѣлъ въ виду три пункта, чрезъ которые непріятель могъ совершить этотъ переходъ: Клостеръ-Фаръ, Фогельзангъ и Штилле. За нѣсколько дней до переправы непріятеля я предписывалъ Трейблюту быть въ высшей степени насторожѣ.

Я твердо убѣжденъ, что если бы исполнили хоть отчасти мои приказанія, непріятель ни за что не перешелъ бы Лимматъ, такъ какъ быстрота его теченія помѣшала бы этимъ попыткамъ. Меня не было на мѣстѣ, и я до сихъ поръ не могу себѣ выяснить, какъ совершилась переправа и что сталось съ полками, которые должны были защищать эту линію *).

Тотчасъ же я отправилъ къ Корсакову рапортъ о томъ, что мнѣ сообщили, и послалъ къ своему отряду ординарца, съ приказаніемъ идти обратно. Въ ожиданіи, я выдвинулъ два бравыхъ спѣшившихся эскадрона. Верхомъ имъ нечего было дѣлать, а ботфорты очень имъ мѣшали, когда они спѣшились.

Непріятель, почти не встрѣчая сопротивленія, съ силою надвигался. Отвѣта отъ главноначальствующаго не приходило; поэтому я отправилъ къ нему другого ординарца, съ настоятельною просьбой, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, прислалъ мнѣ пѣхоты; въ городѣ находился одинъ баталіонъ моего полка. Наконецъ, пришли три роты этого полка, съ подполковникомъ Грановскимъ. Я укрѣпилъ ими вершину горы Хёнгъ; драгуны правымъ крыломъ упирались въ эту гору, а лѣвымъ, разсѣявшись по виноградникамъ, перешли Баденскую дорогу и достигали Лиммата. Съ обѣихъ сторонъ обмѣнивались выстрѣлами.

Вдругъ я слышу учащенные выстрѣлы съ лѣвой стороны Цюриха. Нѣсколько непріятельскихъ баталіоновъ сдѣлали тамъ ложную атаку. Генералъ Корсаковъ и князь Горчаковъ (онъ командовалъ этою дивизіей), въ восторгѣ, что завязалось дѣло со слабымъ непріятелемъ, попали въ эту ловушку и преслѣдовали съ 12 пѣхотными баталіонами отступающаго противника до горы Альбисъ.

Какъ только я услышалъ выстрѣлы, я отправилъ офицера, а немного повремени и нѣкоего Англійскаго волонтера, предложившаго мнѣ свои услуги, чтобы предостеречь генераловъ отъ сего ложнаго шага. Они должны были предупредить главноначальствующаго, что непріятель не думаетъ серьезно атаковать ихъ съ того мѣста, но что онъ сосредо-

---

*) Смотри описаніе этой переправы у гр. Д. А. Милютина: II, 244—248 Ю. Б.

точилъ значительныя силы противъ меня, какъ я это имъ объяснялъ раньше, что трехъ ротъ совсѣмъ недостаточно, чтобы ихъ удержать.

Въ это время непріятель, продолжая свое движеніе, завладѣлъ горою Гёнгъ и оттѣснилъ драгуновъ. Я разослалъ всѣхъ офицеровъ, и у меня никого не было. По счастью оказались Англійскій повѣренный по дѣламъ Кроофордъ съ двумя волонтерами. Я имъ объяснилъ свое положеніе и просилъ послужить общему дѣлу—возможно скорѣе отправиться къ Корсакову, убѣдить его, чтобы онъ оставилъ свою несчастную аттаку и выслалъ мнѣ достаточное подкрѣпленіе. Я прибавлялъ, что городъ съ лѣвой стороны можетъ быть взятъ лишь осадою, чтобы Корсаковъ, уводя войска оставилъ на укрѣпленіяхъ нѣсколько полковъ, а меня поддержалъ бы всѣми остальными, такъ какъ положеніе непріятеля выгодно. Цюрихъ съ этой стороны окруженъ горами, которыя надъ нимъ вполнѣ господствуютъ; Гёнгъ, отъ подошвы котораго возвышается Цюрихская гора, тянется вдоль Лиммата и города, а городъ имѣетъ защитою только неглубокій сухой ровъ закрытый садами и домами да плохую насыпь.

Только что мои Англичане уѣхали, является ко мнѣ какой-то важный Баварскій офицеръ съ заявленіемъ, что вспомогательныя войска пришли и что онъ ищетъ главноначальствующаго, дабы получить отъ него приказанія. Въ восторгѣ отъ такого извѣстія я отвѣчалъ: «Трудно явиться въ болѣе благопріятное время: не знаю, гдѣ вамъ найти главноначальствующаго; на поиски его вы потратите слишкомъ много времени; вотъ вамъ гора, увѣнчайте ее вашими храбрыми Баварцами. Никто не могъ принести лучшаго извѣстія». Но всѣ мои слова остались безъ пользы. Онъ отправился на розыски генерала Корсакова, и я больше не видѣлъ ни его, ни его войска. Австрійскій генералъ Кинмайеръ, командовавшій корпусомъ болѣе чѣмъ въ 6000 человѣкъ на правой сторонѣ Вальдсгута, при самомъ началѣ тревоги на моихъ передовыхъ постахъ прислалъ ко мнѣ узнать, не надо ли мнѣ помочь, и даже обѣщалъ меня поддержать; а между тѣмъ, съ высоты Рейна созерцая въ продолженіе двухъ дней упорное сраженіе Русскихъ и ихъ разбитіе, онъ не оказалъ имъ никакой помощи и съигралъ роль безучастнаго зрителя.

Хотя непріятель неизмѣнно надвигался, я защищалъ каждую пядь земли. Наконецъ пришли съ полковникомъ Гаринымъ семь другихъ ротъ моего полка, которыхъ я уже давно вызывалъ.

Размѣстивъ ихъ, я аттаковалъ непріятеля, опрокинулъ его и преслѣдовалъ, нанося ему нѣкоторую потерю, около версты, такъ что отнялъ у него мою прежнюю позицію. Онъ не могъ оцѣнить моихъ силъ, закрытыхъ отъ него садами и виноградниками, и конечно не воображалъ, что я наступаю на него съ горстью солдатъ.

Бой продолжался съ перемѣннымъ успѣхомъ до 4-хъ часовъ пополудни, пока не пришелъ полкъ Козлова (часть моего отряда); онъ уже былъ за Штеффельномъ. За нимъ слѣдовалъ и генералъ Корсаковъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на мои представленія и не сдѣлалъ ни одной удачной диспоціи, чтобы получить какой-нибудь успѣхъ. Къ сожалѣнію, онъ и совсѣмъ ихъ не дѣлалъ.

Князь Горчаковъ, столь же гордый, какъ и глупый, по племянникъ князя Италійскаго, полагалъ, что крѣпкія стѣны, довольно высокая насыпь и глубокій ровъ не могутъ его защитить; боясь этого, онъ держалъ при себѣ безъ всякой пользы 12 баталіоновъ. Да они даже не имѣли достаточно мѣста, чтобы построиться: большинство солдатъ прохаживалось по городу. Прекрасный полкъ Лыкошина, гусары и казаки Бородина были поставлены на подходящее для кавалеріи мѣсто, но они бездѣйствовали и спокойно стояли противъ убійственнаго огня непріятельской конной артиллеріи. Командиръ гусарскаго полка былъ раненъ. Палатки были раскинуты, экипажи не были отосланы. Словомъ, самыя значительныя силы наши бездѣйствовали и лишь увеличивали стыдъ, безпорядокъ, потерю. Лучше бы они оставались въ Эглизау, какъ генералъ Дурасовъ въ Баденѣ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что два полка, сражавшіеся со мною, и два другихъ, поставленные на защиту города, принесли лишь вредъ.

Но не было времени для попрековъ. Я ни слова не сказалъ Корсакову; но какъ только пришелъ мой полкъ, я размѣстилъ его въ садахъ на моемъ правомъ флангѣ, тѣснимомъ непріятелемъ, и повелъ его въ аттаку. Ударили наступленіе, всякими способами старались одушевить солдатъ; но они медленно подвигались.

Наконецъ я потерялъ терпѣніе, выхватилъ изъ рукъ знаменосца знамя и сталъ во главѣ своихъ солдатъ. Храбрый лейтенантъ-полковникъ Шошинъ, майоръ Сальниковъ, мой адъютантъ Суковкинъ и много другихъ офицеровъ, чтò были около меня, послѣдовали за мною.

Шошинъ палъ сраженный ядромъ, лошадь подо мною убита, мой сюртукъ прострѣленъ; но все это не принесло того успѣха, котораго я ожидалъ. Правда, мое правое крыло было спасено, и непріятель на время отступилъ, но онъ тотчасъ же вернулся съ новыми силами. (Корсаковъ въ своихъ рапортахъ къ Государю ни слова не сказалъ о моихъ попыткахъ отбить непріятеля, хотя подобныя попытки вовсе не часты; думаю, что читатель не проститъ ему этого умолчанія. Человѣкъ подверженъ несчастіямъ, невѣдѣніе его величайшій недостатокъ; но плутовство—это самый ненавистный порокъ).

Одна рота изъ полка Фока, другая изъ полка генерала Эссена, офицеръ съ нѣкоторыми гренадерами изъ отряда Тучкова явились ко

мнѣ на подмогу. Повидимому, они и пришли и ушли по собственному почину. Когда я дѣйствовалъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ на одной дорогѣ (двѣ дороги были поручены моей защитѣ, Эглизауская и Баденская), солдаты, находившіеся на другой, убѣгали въ городъ, ворота коего были не охраняемы. Благодушные горожане встрѣчали ихъ у дверей своихъ домовъ съ хлѣбомъ и виномъ: бѣдные солдаты эти ничего не ѣли съ утра.

Около меня находились драгунскій офицеръ полка Шепелева (жалѣю, что забылъ имя этого храбреца) и около 50 человѣкъ солдатъ. За исключеніемъ 10 Уральскихъ казаковъ я отослалъ всю мою кавалерію, такъ какъ она меня стѣсняла. Самое большее, что̀ у меня было во время сраженія, это 2500 человѣкъ.

Непріятель уже овладѣлъ горою Хонгъ и, переходя Эглизаускую дорогу, опирался лѣвымъ крыломъ на Цюрихскую гору.

Я не понимаю, почему не воспользовались полками Измайлова и Прибышевскаго, когда непріятель вернулся, чтобы занять эту гору, столь важную въ стратегическомъ отношеніи. Я выбралъ единственный способъ удержать мою позицію—занялъ въ пригородѣ сады и дома, которые были выгодно расположены. Такимъ образомъ я образовалъ линію защиты. У всѣхъ оконъ были разставлены солдаты, такъ что, когда сражавшіеся на улицахъ были оттѣсняемы, они своими выстрѣлами прикрывали ихъ отступленіе, останавливали непріятеля, и бой возобновлялся. При обыскѣ этихъ домовъ нашли подъ крышею одного дома, стоящаго на перекресткѣ Эглизауской и Баденской дорогъ, 7 боченковъ пороху и 4 ядра. Они лежали подъ грудою тряпокъ и хвороста. Осмотрѣли внимательно этотъ домъ и нашли на кровати между подушками Французскаго солдата, который забрался въ домъ съ вечера. Этотъ случай даетъ понять, какія преимущества передъ нами имѣлъ непріятель. Я не могъ не отдать этого дома на разграбленіе солдатамъ, что̀ причинило вредъ и другимъ домамъ, которыхъ я не былъ въ состояніи защитить.

Я былъ счастливъ и тѣмъ, что держался на этой позиціи передъ городомъ до наступленія ночи. Въ продолженіе дня пять разъ отбивали непріятеля. Всѣ плѣнники, попадавшіе къ намъ, были пьяны; (Французы передъ атакою давали солдатамъ по большому стакану водки, для чего они всегда возили съ собой по нѣскольку бочекъ водки). Мы преслѣдовали непріятеля нѣсколько разъ съ значительнымъ урономъ; солдаты наши стали драться съ большею храбростью, когда я велѣлъ разсыпаться по домамъ; огонь производимый ими изъ оконъ былъ очень удаченъ, тогда какъ, находясь на открытомъ мѣстѣ, они по большей части стрѣляли въ воздухъ.

3*

Уже стемнѣло. Непріятель прекратилъ свои аттаки. Я собралъ солдатъ, роздалъ имъ хлѣба и вина; они были веселы и бодры.

Разставивъ аванпосты, я поѣхалъ въ городъ къ Корсакову. Я его видѣлъ лишь одну минуту, какъ уже говорилъ выше, такъ какъ онъ уѣхалъ, лишь только началась аттака.

Не видавъ смятенія, царившаго въ городѣ, нельзя составить себѣ понятія объ этомъ безпорядкѣ. У воротъ не было стражи. Нигдѣ не видно было ни часовыхъ, ни патруля. Улицы загромождены повозками, пушками, солдатами, лошадьми; все это вперемежку; одни спали, другіе прохаживались; многіе изъ солдатъ пьяны; словомъ, съ невѣроятными усиліями я пробрался черезъ этотъ хаосъ ночью и достигъ квартиры Корсакова. Все было бы потеряно безъ остатку, если бы непріятель въ этотъ же день сломилъ мою позицію.

Можно ли представить себѣ большее бездѣйствіе, болѣе глубокое ослѣпленіе и столь полное отсутствіе здраваго смысла? Къ чему же служитъ тактика, первое правило которой требуетъ размѣщать войска такъ, чтобы можно было имъ пользоваться?!

При входѣ къ Корсакову я увидѣлъ, что почти всѣ генералы собрались у него.

Зрѣлище сіе, въ соединеніи со всѣмъ тѣмъ, что̀ я разсказалъ, наполнило меня такимъ негодованіемъ, что я съ трудомъ его скрылъ. Считаю, что время было не до разговоровъ; во всякомъ случаѣ, къ сожалѣнію, никто не имѣлъ своего опредѣленнаго назначенія, а каждый генералъ командовалъ своимъ полкомъ. Корсаковъ не говорилъ ни слова, не выразилъ ни одной сколько-нибудь здравой мысли. Его неспособность и отсутствіе ума при всякомъ случаѣ проявлялись съ блескомъ. Скорѣе слѣдовало сожалѣть его, чѣмъ негодовать на его слабоуміе.

Я ему представилъ свое мнѣніе, что я вовсе не считаю наше положеніе столь шаткимъ, какъ его хотятъ представить, что наши силы понесли уронъ лишь въ 700 человѣкъ, которыхъ я потерялъ вчера въ двухъ полкахъ и присоединенныхъ къ нимъ ротахъ, включая сюда и сто человѣкъ, убитыхъ во время ложной атаки, гусары же и казаки понесли самый незначительный уронъ; что, поэтому, мы вполнѣ можемъ держаться въ городѣ и его окрестностяхъ еще нѣсколько дней, ожидая соединенія съ княземъ Италійскимъ, и что всю бѣду еще можно поправить. Надо сказать, что мы не имѣли никакихъ извѣстій объ отрядѣ Дурасова *).

---

*) Генералъ Дурасовъ находился при сліяніи Лиммата съ Ааромъ и былъ отвлекаемъ демонстраціями Французовъ подъ начальствомъ Менара. Ю. Б.

На мое мнѣніе послѣдовалъ совершенно неожиданный отвѣтъ Корсакова: «Чтобы исполнить вашъ планъ, надо имѣть хлѣбъ и патроны». Онъ принялъ отличныя мѣры, чтобы при первой атакѣ, которая могла произойти со дня на день, мы были принуждены отступить въ полномъ безпорядкѣ.

Много говорили попусту, рѣшительно ничего не рѣшили, и я, удручаемый усталостью, ушелъ къ себѣ. Я хотѣлъ хоть немного отдохнуть, но это было невозможно, и я вернулся назадъ. Во время моего отсутствія эти господа столковались овладѣть на разсвѣтѣ Цюрихскою горой, стянуть туда весь корпусъ и совершить отступленіе къ Эглизау. Конечно, при отсутствіи хлѣба и патроновъ, это было лучшее. Было около 4-хъ часовъ, и рѣшительная минута приближалась. Я ушелъ отъ генерала, сказавъ, что иду на свой постъ и ожидаю исполненій сихъ предначертаній. Дѣйствительно, мнѣ нечего было терять времени, такъ какъ нельзя было бы ихъ исполнить, если бы мнѣ не удалось удержать наступленіе непріятеля на городъ.

Вернувшись на свою позицію, я увидалъ, что мои солдаты спятъ въ полномъ спокойствіи; я тотчасъ поднялъ ихъ, роздалъ патроны поровну и обратился къ нимъ съ рѣчью. Они были одушевлены самыми лучшими желаніями и въ минуту были готовы. Надлежало сдѣлать послѣднее усиліе, дабы замаскировать отступленіе, которое предположили совершить чрезъ ворота ведущіе къ Рапперсвилю: эта дорога была еще совершенно свободна. Показалась заря. Не теряя времени, я построилъ мой отрядъ въ колонны по двумъ дорогамъ и пошелъ съ волонтерами на непріятеля. Атака была произведена съ большимъ успѣхомъ; я опрокинулъ непріятеля, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, съ версту гналъ я его, нанося значительныя потери, захватилъ знамя и нѣсколько плѣнныхъ.

Въ восторгѣ отъ успѣха, я тотчасъ же отправилъ своего адъютанта къ главноначальствующему съ донесеніемъ о дѣлѣ и предлагалъ соединить его лѣвое крыло, перейдя Цюрихскую гору, съ моимъ правымъ крыломъ, расположеннымъ по дорогѣ въ Эглизау, ибо такимъ образомъ, можетъ быть, исходъ сраженія былъ бы для насъ благополученъ. Мы находились далеко другъ отъ друга, надо было посланному проѣхать чрезъ весь городъ. Черезъ два часа адъютантъ вернулся съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что городъ сдался на капитуляцію, и всѣ войска отступаютъ*). Я ничего не понималъ. Между тѣмъ непріятель

---

*) Генералы Фокъ и князь Долгоруковъ, считая себя отрѣзанными, вступили въ переговоры съ Массеною; тотъ далъ имъ 1/4 часа на очищеніе города. П. Б.

опять наступилъ на меня; но я, пользуясь линiей домовъ, занятыхъ солдатами, удерживалъ прежнюю позицiю.

Нимало не медля, я опять послалъ своего адъютанта съ требованiемъ, чтобы, согласно дизлокацiи, оберегали Цюрихскую гору и прислали мнѣ еще нѣсколько батальоновъ, дабы я могъ держаться на своей позицiи, пока это будетъ необходимо.

Полкъ Козлова былъ почти весь разстроенъ, оставалось у меня развѣ двѣ-три сотни солдатъ. Его командиръ Шошовъ готовъ былъ бѣжать при первой опасности. Отряды, которые пришли ко мнѣ вчера, съ наступленiемъ ночи разошлись по своимъ полкамъ. Мой полкъ одинъ выдерживалъ сраженiе. Потери его въ эти два дня были значительны. Храбрый полковникъ Гаринъ, подполковникъ Грановскiй, капитаны Христофовичъ, Турнинъ и Суковкинъ, штабсъ-капитаны Яровъ, Ширяевъ и Пребштейнъ, поручикъ Сосновскiй, подпоручики Флоринскiй, Ѳедоровичъ, Карновичъ и Соболевъ были ранены; штабсъ-капитанъ Есиповичъ и подпоручикъ Пашкевичъ убиты.

Непрiятель надвигалъ свою атаку съ возрастающею силой. Съ нетерпѣнiемъ ожидалъ я возвращенiя моего адъютанта; наконецъ, онъ прiѣхалъ. Наша армiя перешла черезъ Цюрихскую гору и бѣжала въ величайшемъ безпорядкѣ; генерала Корсакова онъ не нашелъ. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что экипажи попали въ руки непрiятеля, что генералы Фокъ и князь Долгорукiй занимали съ горстью солдатъ городъ и сдали его на капитуляцiю. Лучше бы они защищали Цюрихъ! Я ломалъ себѣ голову, чтобы понять совершающееся. Какъ можно было помыслить о капитуляцiи, когда войска не переставали сражаться? Какъ можно было подумать дать непрiятелю войти въ городъ, когда я его еще защищалъ и ничего не зналъ о происходившемъ?! Какой несчастный случай могъ заставить рѣшиться на такое стремительное отступленiе? Непрiятельскiе драгуны завладѣли нашими экипажами, но наша кавалерiя была многочисленнѣе и лучше непрiятельской, и что̀ могла сдѣлать конница въ этихъ ущельяхъ? Наконецъ, куда дѣвались наши два полка стрѣлковъ?

Мое положенiе становилось критическимъ. Окруженный непрiятелемъ, оставленный всѣми, я составилъ планъ сомкнуть своихъ солдатъ, войти въ городъ, захватить тамъ всѣхъ оставшихся и отступить какъ удастся.

Молодцы гренадеры! Два дня они покрывали себя честью и славою. Они служили щитомъ для всего корпуса. Ихъ храбрость заслуживаетъ почетнаго мѣста среди лѣтописей нашихъ военныхъ дѣянiй. Они и не помышлялъ объ опасности, въ которой находились, и мнѣ было очень трудно отдалить ихъ съ поля битвы. Я ихъ увелъ изъ подъ смер-

тельнаго огня. Былъ полдень, я былъ во главѣ ихъ и восхвалялъ ихъ выдающуюся храбрость, какъ вдругъ получилъ ударъ въ голову и свалился съ лошади. Меня отвели въ городъ. Сначала было солдаты нѣсколько смѣшались, но затѣмъ оправились и защищались съ рѣшимостью и хладнокровіемъ. Солдаты изъ полка Козлова, находившіеся возлѣ меня, рѣшили превзойти храбростью гренадеръ: они загородили ворота города и долго ихъ отстаивали. Хирургъ-операторъ Бальберъ, Швейцарецъ и обитатель Цюриха, пришелъ къ этимъ воротамъ, чтобы дѣлать перевязки раненымъ, что̀ онъ и производилъ съ большимъ рвеніемъ. Онъ мнѣ сдѣлалъ предварительную перевязку, чтобы остановить потерю крови, и затѣмъ отвелъ меня къ себѣ въ домъ, который находился на окраинѣ. Въ этотъ промежутокъ времени солдаты стояли около меня и рѣшительно не хотѣли меня оставить; но меня увели, и ихъ удалось убѣдить отступить по дорогѣ, какъ я указалъ подполковнику Слѣпнину. Я рѣшительно не могу сказать, какъ они отступали и что̀ происходило далѣе.

Пока Бальберъ занимался изслѣдованіемъ моей раны, непріятель входилъ въ городъ. Было около часа пополудни. Долженъ признаться, что эти минуты были самыми тягостными въ моей жизни. Колонны проходили мимо моихъ оконъ съ ружейными выстрѣлами и криками радости. Я не могъ удержаться отъ слезъ.

Моя прислуга, видя, что непріятель захватилъ нашъ обозъ, и зная, что я еще оставался назади, вернулась въ городъ. Когда спокойствіе было установлено, я послалъ моего адъютанта къ главноначальствующему сказать, что я нахожусь въ Цюрихѣ. Вскорѣ онъ вернулся въ сопровожденіи какого-то генерала, который съ большою вѣжливостью привѣтствовалъ меня и приказалъ сдѣлать надпись на двери дома, гдѣ я находился. Онъ далъ мнѣ часового, а когда мой слуга сказалъ, что мой экипажъ пріѣхалъ, приставили другого къ моей квартирѣ и увѣряли, что ничто у меня не будетъ похищено. Бальберъ, получившій ради меня такую милость, предложилъ генералу стаканъ вина; но тотъ отказался, хотя взялъ съ собою бутылку, а его адъютантъ унесъ и другую.

Вдругъ вечеромъ, когда все было спокойно, мои слуги прибѣжали сказать, что пришли ко мнѣ офицеры грабить мои вещи. Мой адъютантъ и Бальберъ пошли къ нимъ, но не могли помѣшать ихъ грабежу. Я не нахожу удивительнымъ, что солдаты и чернь начинаютъ грабить, когда ихъ не удерживаютъ отъ этого, но, полагаю, всѣмъ покажется страннымъ, что адъютантъ генерала Рейнвальда, помощникъ начальника генеральнаго штаба, баталіонный командиръ Бажанъ и офицеры изъ свиты Массены могли совершить подобную низость. Ихъ хищничество дошло до того, что не только они взяли лошадей, карету,

сбрую, сѣдла, серебро, вещи и платье, но даже не оставили мнѣ ни одной рубашки, хотя хорошо знали, въ какомъ состояніи я находился. Къ тому же они заставили моихъ слугъ, со слезами на глазахъ смотрѣвшихъ на ихъ грабежъ, отнести всѣ вещи на квартиру Массены, гдѣ эти господа въ его присутствіи и произвели дѣлежъ. Унеся у меня все до чиста, они имѣли жестокость увести моихъ слугъ какъ военноплѣнныхъ, въ томъ числѣ и моего камердинера. Такимъ образомъ я былъ лишенъ всего; у меня было только платье, въ которомъ я былъ раненъ: оно было забрызгано кровью. Хотя я громко съ величайшимъ негодованіемъ говорилъ противъ такого необычнаго для цивилизованныхъ народовъ поведенія, мои протесты не имѣли успѣха, такъ какъ хищничество Французскаго войска не признаётъ никакихъ законовъ. Хозяйка дома, госпожа Цюндель и г. Бальберъ наперерывъ старались снабдить меня бѣльемъ и всѣмъ тѣмъ, что̀ было мнѣ нужно, и я во вѣки буду благодаренъ имъ за нѣжныя попеченія, которыми они меня окружали. Нѣсколько дней провелъ я у нихъ; затѣмъ нѣкій купецъ Нюшлеръ предложилъ мнѣ свой домъ, говоря, что у него я найду болѣе удобствъ. Не желая быть въ тягость моимъ благодѣтелямъ, я принялъ это любезное предложеніе съ достодолжной благодарностью. На слѣдующій день онъ самъ явился ко мнѣ съ носилками.

Мое пребываніе въ Цюрихѣ въ высшей степени не нравилось Французамъ; они не могли мнѣ простить того зла, которое мнѣ причинили, и во что бы ни стало желали меня отправить во внутреннія земли Франціи; но состояніе моего здоровья рѣшительно не позволяло предпринять такое путешествіе. Тѣмъ не менѣе они употребляли всевозможныя средства, чтобы заставить меня уѣхать. Они посылали то хирурга, пламеннаго патріота, то звѣроподобнаго жандарма справиться о моемъ здоровьѣ и о днѣ моего отъѣзда. Наконецъ, утомленный такимъ дурнымъ обращеніемъ, я рѣшилъ уѣхать изъ Цюриха 1 (12) Декабря. Между тѣмъ я кое-какъ поправилъ свой гардеробъ, такъ что могъ показаться въ благопристойномъ видѣ. Въ этомъ мнѣ много помогъ г. Нюшлеръ; этотъ достойный человѣкъ, кромѣ того, далъ мнѣ денегъ на дорогу. Вообще и онъ, и его семья оказывали мнѣ большую дружбу и облегчали, какъ могли, мое несчастіе.

Пришли сказать, что все готово къ отъѣзду; однако не позволили, чтобы карета пріѣхала за мной, и я принужденъ былъ идти пѣшкомъ къ тому дому, гдѣ собрались отправляемые плѣнники. Когда я пришелъ туда, явился офицеръ съ приглашеніемъ на обѣдъ къ Массена. Я отказался. Послѣ всего того, что̀ я испыталъ и испытывалъ еще отъ нихъ, такое приглашеніе не было привлекательнымъ. Кромѣ того мнѣ разсказывали, что офицеры, приглашенные къ столу Мас-

сена, принуждены были выслушивать оскорбительныя вещи, какъ будто бы и приглашаемы они были для того, чтобы ихъ подвергнуть подобной обидѣ.

Я получилъ отъ города до первой станціи карету; дальше кромѣ Аары и Базеля ѣхалъ въ повозкѣ, толчки коей очень меня мучили, такъ что я принужденъ былъ иные переѣзды отъ 4 до 5 миль идти пѣшкомъ подъ дождемъ и въ грязи. Когда мы проѣзжали черезъ города, чернь, привлеченая видомъ нашей нищеты, встрѣчала насъ криками и свистками. Мы были покойны лишь внѣ селеній. Когда я очень уставалъ, я нанималъ за большую плату карету. Однако мы встрѣчали и добрыхъ людей, участливо къ намъ относившихся, осыпавшихъ насъ проявленіями вѣжливости. Нашъ поѣздъ состоялъ изъ майора Сергѣева съ женой, моего адъютанта, десяти другихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, одного унтеръ-офицера, нѣсколькихъ гренадеровъ и казаковъ, которые принесли меня съ поля сраженія и были при мнѣ оставлены. Во главѣ поѣзда ѣхалъ жандармъ, другой замыкалъ его. Въ Ольтенѣ и Базелѣ трактирщики имѣли безстыдство взять съ насъ за дурной обѣдъ въ Ольтенѣ по 5, въ Базелѣ по 8 франковъ. Во Франціи съ насъ брали цѣны много умѣреннѣе.

Среди офицеровъ нашего поѣзда были двое изъ корпуса Кондэ. Мы за нихъ очень боялись, какъ бы ихъ не признали; потомъ мы нашли, что наши опасенія напрасны: всюду дѣлали видъ, что не узнаютъ ихъ. Наконецъ, мы прибыли сюда 15 (26) Ноября.

Первыя двѣ недѣли я не выходилъ изъ комнаты. Въ Монвилѣ мнѣ рекомендовали одного врача этого города. Рана моя закрылась во время дороги; но до сихъ поръ у меня на головѣ и на лбу остаются опухоли, не смотря на старанія господина Сальмера.

Нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда явился ко мнѣ комиссаръ съ предложеніемъ денегъ, которыя республика платитъ плѣннымъ сообразно ихъ чину. Это для меня составляетъ около 6 франковъ каждодневно (почти 2 рубля); однако я отказался и до сихъ поръ не получаю: брать эти деньги противно моимъ убѣжденіямъ.

(Окончаніе будетъ).

ОТЪ ДУНАЯ ДО ЦАРЬГРАДА [1]).

1877—1878.

III часть.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ [2]).

Колѣно I.

Ой за моремъ, ой за синимъ
По степи растетъ бурьянъ;
Ой за моремъ, ой за Чернымъ
Расплодился Мусульманъ.

*

Тамъ растетъ бурьянъ богатый,
Машетъ красной головой;
Мусульманъ качаетъ важно
Разноцвѣтною чалмой.

*

Взяли бабы косы въ руки
И пошли бурьянъ косить;
Наши храбрые гвардейцы
Стали Турокъ сильно бить.

*

Накосили бабы сѣно,
Извели въ степи бурьянъ;
А гвардейцы настрѣляли
Словно птицу Мусульманъ.

*

Взяли бабы и руками
Опололи степь кругомъ;
Такъ и Турокъ, братцы, надо
Изъ Европы съ корнемъ вонъ.

*

Колѣно II (другой напѣвъ).

Въ семьдесятъ седьмомъ году
Пришли къ Туркѣ ко врагу
Русскія войска. (2)
Шли сюда мы не гулять,
Пришли Турокъ побѣждать
Русскими штыками (2)

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1899 года, выпуски 11-й и 12-й.
[2]) Сложенная солдатами гвардіи на походѣ 1877—1878 гг.

Повстрѣчался Мусульманъ,
Безъ похмелья сталъ онъ пьянъ.
Что онъ ошалѣлъ? (2)
Какъ подъ Горнымъ Дубнякомъ
Мы валили ихъ рядкомъ,
Знатно разнесли. (2)
Черезъ два дня Телишъ сдали,
Ружья, пушки побросали,
Сами въ плѣнъ пошли. (2)
А изъ Дольня-Дубняка
Турки задали дерка,
Въ Плевну убрались. (2)
Турки въ Плевну убрались
Тамъ задачей задались
Насъ не допущать. (2)
Мы задачи ихъ рѣшали,
Не такія стѣны брали.
Эту, братъ, возьмемъ. (2)
Вспомни, братецъ ты Дубнякъ,
Не командуй въ Плевнѣ такъ,
Лучше покорись. (2)
А не то сами прійдемъ
Нашимъ войскомъ разобьемъ
Осману-пашу. (2)
Груды лягутъ передъ нами,
Мы потопчемъ васъ ногами
Точно въ Дубнякѣ! (2)

Колѣно III (напѣвъ другой).

Мы Дунай переходили,
Турокъ знатно колотили,
Какъ и въ старину.
Не прошло и двѣ недѣли,
Какъ къ Балканамъ подлетѣли
Словно на парахъ.
Шипку занялъ храбрый Гурко,
На утекъ бѣжали Турки,
Кто куда поспѣлъ.
Храбрый Скобелевъ герой
Вздумалъ, братцы, той порой
Плевну потрясти.
А на Шибкѣ нашъ Радецкій
Разгромилъ по молодецки
Вессселя-пашу.
Мы къ Софіи подступали,
Города всѣ перебрали,
Турки все бѣгутъ.
Всю Европу удивили,
Что морозы захватили
Чуть не въ облакахъ.

Полтораста тысячъ Турокъ
Мы набрали словно чурокъ,
Пушки, знамена.
Мы пойдемъ въ Константинополь
И возьмемъ Адріанополь,
Будемъ пировать!

*

ЗА БАЛКАНЫ КЪ КОНСТАНТИНОПОЛЮ.

I. Стоянка въ городѣ Орханье, въ горахъ.

12-го Декабря 1877 г. полкъ нашъ ушелъ къ подножью тропы черезъ Балканы дожидаться своей очереди идти на перевалъ, который онъ и перешелъ 16 Декабря черезъ Имургагъ. Я былъ оставленъ съ больными лошадьми завѣдывать обозомъ, стоявшимъ въ д. Правцы, куда я немедленно и перебрался. Первые дни не найдя себѣ квартиры, я воспользовался любезнымъ приглашеніемъ Бирюкова поселиться у него. Комната была такъ низка и мала, что я не могъ стоять во весь ростъ и, каждый разъ забывая объ этомъ, стукался макушкой въ потолокъ или на ходу стукался лбомъ о балки. Понятное дѣло, эти постоянныя стукушки выводили меня изъ терпѣнія; я неистово ругался и, наконецъ послѣ одной изъ болѣе чувствительныхъ стукушекъ, выскочилъ изъ комнаты, чтобы болѣе туда не возвращаться. Да и хозяинъ этой квартиры оказался человѣкъ не веселый и въ другихъ отношеніяхъ не подходящій.

Поискавъ не долго, я нашелъ себѣ маленькую комнатку въ Болгарскомъ семействѣ, куда денщикъ перетащилъ небольшой мой скарбъ. Напротивъ моей избы жилъ старикъ Исеновъ, сотникъ Осетинскаго дивизіона Кавказской казачьей бригады, оставшійся по нездоровью съ нѣсколькими своими Осетинами-всадниками, тоже больными. Кромѣ того онъ поджидалъ съ Кавказа сына, шедшаго съ дополнительной Осетинской сотней.

Занятій у насъ никакихъ не было, и я большую часть времени проводилъ у нихъ. Жарили шашлыки, пили красное винцо, однимъ словомъ благодушествовали, насколько позволяли обстоятельства. Наблюдавшій за общимъ порядкомъ въ нашемъ округѣ, жандармскій полковникъ Шевичъ, началъ конечно заводить свои порядки; въ томъ числѣ было приказано передвинуть обозы въ г. Орханье. Надо было и мнѣ устраиваться, но только въ смыслѣ порядка, такъ какъ все продовольствіе обоза, людей и лошадей возложено было на Бирюкова, который до невозможности началъ экономничать.

Приходилось фуражъ возить изъ ближайшихъ деревень, и я для бо́льшаго удобства отправилъ всю команду больныхъ лошадей въ деревню неподалеко отъ Орханье, гдѣ было достаточно фуража.

Выбравъ старшаго по лѣтамъ службы унтеръ-офицера, которымъ оказался унтеръ-офицеръ 4-го эскадрона Игнатовъ, я назначилъ его за старшаго въ командѣ. Самъ же я помѣстился въ г. Орханье въ домѣ занятомъ казначеемъ Кубанскаго полка, сотникомъ Н. М. Закрѣпой, и священникомъ Преображенскаго полка, состоявшимъ при Красномъ Крестѣ и вскорѣ съ нимъ вмѣстѣ ушедшимъ за войсками.

Рядомъ съ нами въ домѣ вскорѣ помѣстился вновь назначенный комендантъ Орханье, у котораго каждый вечеръ передъ его домомъ играли зорю: горнистъ, трубачъ и барабанщикъ, каждый по своему. Этотъ концертъ было что-то невообразимое уширaздирающее.

Подходилъ праздникъ Рождества Христова. Изъ полка вернулся корнетъ Лёвстремъ, поморозивъ себѣ ногу, и также помѣстился у насъ, а вслѣдъ за нимъ и священникъ нашъ протоіерей Смѣловъ, ушедшій съ полкомъ пѣшкомъ черезъ Балканы, тоже обморозивъ себѣ ноги, вернулся изъ Чуріака назадъ.

Въ окрестностяхъ города, въ деревнѣ, куда я поставилъ свою команду, водились бараны и всякая живность, не находившая себѣ хозяина; а все, что̀ не находило себѣ хозяина, считалось Турецкимъ, а слѣдовательно нашимъ, такъ что этой живностью питалась моя команда, о которой нашъ провіантмейстеръ совсѣмъ позабылъ, и еще привозилось къ нашему столу. Этотъ порядокъ полученія провизіи напоминалъ намъ житье помѣщика зимой въ городѣ и привозъ ему изъ подгородней деревни всякой снѣди къ празднику.

По поводу помѣщиковъ могу сказать, что ихъ тутъ развелось много: это отсталые солдаты, не торопясь догонявшіе свои части, или нарочно отставшіе, или просто такіе, которые почему либо не хотѣли идти дальше и располагались въ брошенныхъ деревняхъ. Они обзавелись хозяйствомъ, открывали даже торговлю мясомъ, табакомъ и т. п. и благодушествовали себѣ, какъ будто такъ и слѣдовало быть. Ихъ-то мы и прозвали помѣщиками. Жандармы, слѣдившіе за порядкомъ въ тылу арміи, ловили этихъ самозванныхъ помѣщиковъ, препровождая къ своимъ частямъ; но конечно были счастливцы, которые оставались незамѣченными.

Сотникъ Закрѣпа уѣхалъ въ свой обозъ, обѣщавшись привезти намъ оттуда телка̀, что̀ и исполнилъ, такъ что къ празднику провизіи у насъ было вдоволь.

Бродя какъ-то по городу, я встрѣтилъ унтеръ-офицера нашего полка Стравинскаго и узналъ отъ него, что онъ везетъ тѣло штабсъ-ротмистра Добошинскаго, убитаго 18 Декабря подъ Ташкисенами на рекогносцировкѣ.

Наконецъ наступило Рождество Христово. Встрѣтили мы его радостно, но чего-то недоставало: недоставало благовѣсту, къ которому мы привыкли дома, и церковной службы, такъ какъ церкви въ Орханье не было. День провели довольно весело за обѣденнымъ столомъ, пили здоровье родныхъ и знакомыхъ, оставшихся на далекой родинѣ, вспоминая, какъ встрѣчаютъ у насъ обыкновенно праздникъ и сколько хлопотъ и веселья бываетъ съ елкой.

Даже и въ зимніе мѣсяцы выпадали тепленькіе дни, и на улицахъ появились лужицы. Ежедневно проходили черезъ Орханье войска за Балканы, а также проходили маршевыя команды на пополненіе, которымъ приходилось нагонять свои части.

Отъ нечего дѣлать я иногда прогуливался по улицамъ г. Орханье, которыя уже существовали только въ воображеніи, потому что всѣ заборы были разобраны на топку, да и часть построекъ тоже пошла туда же, такъ что если уцѣлѣла половина города, и то слава Богу.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, идя по улицѣ къ мосту, вижу ѣдетъ навстрѣчу пѣхотный солдатъ на неосѣдланной лошади. Эта была нерѣдкость, я не обращая вниманія, пошелъ дальше. Слышу окликнули меня. Оборачиваюсь, тотъ же пѣхотный ѣдетъ ко мнѣ назадъ. Я, не обративъ опять таки на него вниманія, ищу по сторонамъ, кто меня окликнулъ, но никого нѣтъ; только когда этотъ же пѣхотный остановился передо мной и заговорилъ, я узналъ Д. В. Бартенева. «Ты какими судьбами тутъ?» «Съ обозомъ иду; посылали за палатками». «Гдѣ обозъ стоитъ?» — «Во Врачешѣ!» «Ну, пойдемъ ко мнѣ» пригласилъ я его. Мы отправились на мою квартиру, куда затѣмъ каждый день пріѣзжалъ Бартеневъ изъ обоза, а потомъ совсѣмъ поселился у насъ.

Тутъ, закусывая и попивая красное винцо, доставленное тоже изъ подгороднихъ деревень, я узналъ всѣ похожденія моего земляка и товарища дѣтства, какъ онъ попалъ сначала въ Красный Крестъ, а потомъ въ дѣйствующій полкъ и участвовалъ въ дѣлахъ. Воспоминаніямъ не было конца, и мы всѣ на радостяхъ, изрядно нагрузившись винцомъ и разными яствами, отошли ко сну. Компанія у насъ собралась веселая. Домъ, въ которомъ мы стояли, былъ еще новый и неотдѣланный внутри. Мы занимали угловую большую комнату, съ желѣзной печкой посрединѣ, которую постоянно накаливали докрасна, потому что чуть

она остывала, комната тоже понемногу охлаждалась *). Остальныя комнаты занимались нашими денщиками, казаками и кладовой, въ которой разная провизія, какъ въ лавкѣ, висѣла подвѣшанная къ перекладинамъ. Дровъ было довольно трудно достать, и потому мы понемногу разбирали казавшіяся намъ ненужными части дôма, употребляя ихъ на отопленіе нашей кухни и желѣзной печки въ нашей комнатѣ.

Каждый имѣлъ въ этой комнатѣ свой уголъ, гдѣ на полу, или еще какъ-нибудь, была устроена постель углового жильца, но такъ какъ въ комнатѣ было полныхъ три угла, а четвертый съ дверью, то Бартеневу, какъ послѣднему прибывшему, пришлось расположиться посреди комнаты, у печки. Мы смѣясь говорили, что онъ живетъ въ столовой, потому что мы у печки собирались обѣдать. Обѣдали мы, конечно, на полу, сидя вокругъ котелка, поджавши подъ себя ноги, какъ говорится, по-турецки, при чемъ каждый приносилъ свою ложку и ножъ; другой сервировки не полагалось, и мы не сожалѣли объ этомъ, имѣя сытный и свѣжій столъ. Одно было горе: нашихъ ложекъ не было, глубокихъ, а были Турецкія, небольшія, плоскія, съ длинными ручками. Рисъ и пилавъ ими удобно брать, но щи и другую жидкость, чтобы поймать, надо было много потрудиться.

Рядомъ съ нашимъ домомъ, въ маленькой плохенькой избушкѣ, поселилось семейство Болгаръ, заявившихъ правà на нашъ домъ и претензію на его разборку; мы ихъ кое-какъ успокоили, давъ нѣсколько монетъ и объявивъ, что дровъ нѣтъ, а морозы сильные, и топить надо. Братушки успокоились и куда-то исчезли.

Понемногу собирались жители, занимая уцѣлѣвшіе дома и удивляясь исчезновенію безслѣдно садовъ, заборовъ и большинства домовъ.

Устраивалось самоуправленіе городомъ, съ участіемъ Болгаръ. Уже выбранъ былъ изъ нихъ старшина, «чурбаджа», и какіе-то еще чины правленія. У всѣхъ у нихъ были самодовольныя лица, и вооружены они были всякимъ оружіемъ. И не мудрено, что лица были радостныя, и оружія навѣшано много: вѣдь много вѣковъ надъ ними властвовали Турецкіе чиновники, запрещая Болгарамъ носить оружіе, а тутъ вдругъ они сами стали большіе. Есть чему порадоваться!

Лошади мои, мало-по малу и безъ посредства медикаментовъ, поправились. Мы, чтобы убить время, играли въ карты: въ банкъ, штосъ и макашку. Всегда въ началѣ игры мнѣ везло, и всѣ ставки переходили ко мнѣ на колѣни, въ полы полушубка, образуя цѣлую груду

*) Иногда прибѣгали къ „мангалу“.

полуимперіаловъ, «желтичекъ», какъ называли Болгары наши золотые. «Этой груды мнѣ хватитъ доѣхать до Россіи», говорилъ я шутя; но къ концу игры или, лучше сказать, къ концу дня, оказывалось, что полы моего полушубка были пусты, и игра кончалась безобидно: никто никого не обыгрывалъ.

Скуки ради, мы заходили къ еще не уѣхавшему маркитанту, снаряжавшему свои повозки вслѣдъ войскамъ.

Тутъ встрѣчали иногда знакомыхъ: нѣкоторые догоняли полкъ, другіе пріѣзжали запастись кое-чѣмъ; но больше запасались чаемъ и сахаромъ. Сахаръ въ походѣ очень цѣнился; рѣдко приходилось на походѣ пить въ накладку, а по большей части въ прикуску, а то въ полномъ смыслѣ въ прилизку: т.-е. остается бывало кусочекъ, и бережешь его, какъ невѣсть какую драгоцѣнность, запрятывая куда-нибудь подальше, чтобы не потерять, а попивая чай, этотъ кусочекъ вынешь, пригубишь и опять спрячешь. Стакановъ часто не бывало (стекло вещь хрупкая), и мы изобрѣли дѣлать ихъ изъ тыквъ, имѣющихъ видъ пузыря, съ длиннымъ горлышкомъ. Вотъ эти-то горлышки служили намъ стаканами, которые также аккуратно гдѣ-нибудь прятались; ну а въ случаѣ раздавится, не трудно было найти матеріалъ для новаго.

Вспомнили, наконецъ, объ насъ: пришло приказаніе идти съ обозомъ въ Софію, а оттуда на Филиппополь и Адріанополь, къ которому уже подходили наши войска.

Бартеневъ бросился въ д. Врачешу, къ своему обозу, и съ ужасомъ узналъ, что обозъ ушелъ, и ему пѣшкомъ приходилось догонять его, но къ неописанной радости огорченнаго, сотникъ Н. М. Закрѣпа откуда-то досталъ бричку и взялъ его съ собой.

Я и Лёвстремъ верхами, съ вьюками и больными лошадьми при обозѣ, пошли по Софійскому шоссе, на перевалъ къ Арабъ-Конаку.

Шоссе уже исправили, и обозы потянулись чрезъ перевалъ, а изъ Софійской долины на встрѣчу шли транспорты съ ранеными въ послѣднихъ сраженіяхъ. Часто приходилось останавливаться обозамъ; подъемы задерживали изморенныхъ лошадей, и въ такихъ случаяхъ, общими усиліями солдатъ и лошадей, съ гиканьемъ, повозку втаскивали въ нѣсколько пріемовъ на подъемъ, подкладывая для отдыха подъ колеса камни.

Мы въѣхали на вершину перевала, гдѣ еще оставались Турецкія укрѣпленія. Прекрасный видъ открывался передъ нами на Балканы и на Софійскую долину, растилавшуюся къ Югу у подножья ихъ. Тутъ

происходила борьба зимы съ весной. Сѣверный склонъ и вершины горъ были покрыты еще льдомъ и снѣгомъ, а южный склонъ и равнина уже зеленѣли. Снѣга стаяли, и съ горъ бѣжали потоки.

Съ нами былъ проводникъ-братушка, котораго мы не приглашали, а онъ такъ самъ откуда-то явился. Онъ обѣщался провести насъ горами на Татаръ-Базарджикъ и Филиппополь, что̀ будетъ несравненно ближе, чѣмъ по шоссе на Софію. Мы и по картѣ видѣли, что на Софію крюкъ порядочный, а потому, желая сохранить силы только-что поправившихся въ деревнѣ лошадей, я, полюбовавшись съ вершины Арабъ-Конака на открывавшуюся панораму Софіи, приказалъ Игнатову, спустившись съ перевала, свернуть влѣво съ шоссе и идти на д. Дольныя Коморцы. Съ Закрѣпой условились съѣхаться тамъ же. Горною тропой отправились мы съ корп. Лёвстремомъ и вьюками напрямикъ, чтобы осмотрѣть мѣсто и приготовить фуражъ. Такимъ образомъ на нѣкоторое время мы разстались съ обозомъ, который не могъ идти горами, а долженъ былъ слѣдовать по шоссе.

Въ д. Дольныя Коморцы мы пріѣхали поздно и сотника Закрѣпу не отыскали въ темнотѣ, а утромъ онъ рано уѣхалъ. Лошади также не пришли и, какъ оказалось впослѣдствіи, ихъ остановилъ Бирюковъ при обозѣ, не знаю на основаніи какихъ высшихъ соображеній. Мы же, предположивъ, что лошади прошли дальше къ Филиппополю, перепутавъ дороги, снова пустились въ путь по горнымъ тропинкамъ къ Филиппополю.

Часто попадались намъ небольшія горныя деревушки, гдѣ мы брали проводниковъ Болгаръ, чтобы не сбиться съ дороги. Въ одинъ изъ такихъ переходовъ поднялась метель и загнала насъ въ горную деревушку, дворовъ въ пять не больше, гдѣ, пережидая погоду, мы простояли цѣлый день. Во время пути мы удивлялись неутомимости проводниковъ: въ той же курткѣ, что̀ и лѣтомъ, надѣвая иногда такую же мѣховую сверху, они бѣжали съ длинною палкой въ рукѣ (впереди лошади), перескакивая съ камня на камень, и при этомъ что-нибудь разсказывали, размахивали руками и, повидимому, нисколько не уставали и легко дышали. Это я наблюдалъ весь походъ и пришелъ къ заключенію, что Болгары прекрасные ходоки: изъ нихъ выйдетъ неутомимая пѣхота. Разстоянія пути въ Болгаріи не измѣренныя, а считаются у нихъ по часамъ; часъ ходьбы равняется пяти верстамъ. «Сколько до такого-то селенія?» спросишь Болгарина. «Два саадъ, братушка», отвѣтитъ, или сколько тамъ нужно; часто ѣдемъ, ѣдемъ, и все «два саадъ» отвѣчаютъ попадавшіеся навстрѣчу Болгары. Если же Болгаринъ не знаетъ, сколько часовъ ходьбы, то отвѣчаетъ: «не самъ ходилъ», т.-е. онъ тамъ

не былъ и слѣдовательно собственными шагами не мѣрилъ, а потому не знаетъ и врать не желаетъ.

Наконецъ мы добрались до селенія Панигюрища*), живописно раскинутаго въ горахъ; какъ теперь помню, это было въ Субботу. Первый попавшійся братушка, къ которому мы обратились съ вопросомъ о квартирѣ, сказалъ, что надо обратиться въ управленіе, и привелъ насъ прямо на дворъ этого управленія. Болгаринъ побѣжалъ въ домъ, откуда черезъ секунду высыпали въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, со всевозможнымъ оружіемъ, братушки. Оказалось, что въ Панигюрищѣ было уже устроено управленіе изъ Болгаръ, и вотъ эти-то администраторы высыпали толпой на дворъ къ намъ съ привѣтствіями: «добре дошли, братушки» и пожимали намъ руки.

Когда они узнали, что намъ нужна квартира, то немедленно снарядили одного изъ членовъ своего управленія отвести намъ квартиру. Братушка, махнувъ рукой, сказалъ намъ: «Айда, капитанъ», и зашагалъ впередъ, мы за нимъ. Пройдя нѣсколько улицъ, онъ остановился предъ какимъ-то домомъ и ввелъ насъ туда. Домъ снаружи и внутри былъ очень хорошъ. Хозяйка его, вдова, у которой Турки недавно зарѣзали мужа, встрѣтила насъ радушно, отведя для насъ чистенькую, просторную комнату. Потомъ она повела насъ осматривать домъ и садъ, гдѣ показала могилу мужа, тутъ же въ саду подъ окномъ. Вообще въ домахъ, какъ Турокъ, такъ и Болгаръ, замѣчается чистота, въ особенности у мало-мальски зажиточныхъ. Они не ходятъ по полу въ верхней обуви, какъ у насъ, а въ однихъ чулкахъ, оставляя башмаки на крыльцѣ. Въ грязную погоду, идя по хозяйству на дворѣ, они надѣваютъ деревянныя скамеечки на ноги, вмѣсто башмаковъ. Скамеечки эти бываютъ богато инкрустированы перламутромъ, серебромъ и т. п. Что же касается до жителей побѣднѣе, то хотя тамъ и чище, чѣмъ у нашихъ крестьянъ въ избѣ, но тамъ ходятъ безъ церемоніи въ сапогахъ и башмакахъ, конечно въ сухую погоду, а въ грязную оставляютъ ихъ у дверей. Спятъ Болгары не раздѣваясь, что̀ совершенно противуположно наружной чистоплотности; конечно, это могло быть исключеніемъ въ наше время, какъ въ тревожное, военное, когда нужно было быть постоянно на-чеку. Въ нашей комнатѣ на одномъ изъ шкаповъ попалась мнѣ тетрадка на Болгарскомъ языкѣ, по ботаникѣ, изслѣдованіе какихъ-то растеній. Оказалось, что это одинъ изъ родственниковъ хозяевъ дома занимался этими изслѣдованіями.

---

*) Это родина памятнаго многимъ въ Москвѣ Ксенофонта Ивановича Жинзифова. Судьба не дала ему дожить до свободы собратій. П. Б.

Вскорѣ пришелъ родственникъ хозяйки, молодой Болгаринъ, сказалъ обычное Болгарское привѣтствіе: «Добре дошли, братушки», усѣлся, поджавши ноги, и пустился въ разговоръ съ нами о всякихъ интересовавшихъ его вопросахъ. Осматривалъ онъ съ любовью наше оружіе, разсказывая, что Турки не позволяли имъ носить его, а что теперь можно, но, къ сожалѣнію у него нѣтъ никакого. У корнета Лёвстрема были двѣ сабли, и онъ одну подарилъ Болгарину, который пришелъ въ неописанный восторгъ, цѣловалъ насъ, цѣловалъ саблю и успокоившись просилъ дать ему записку, что сабля ему эта подарена, чтобы никто не могъ отобрать ее у него. Конечно записка была выдана за нашей подписью. Вполнѣ счастливый Болгаринъ, опоясавшись саблей, съ запиской въ рукѣ побѣжалъ домой, сказавъ, что вечеромъ зайдетъ за нами и куда-то насъ поведетъ.

Пообѣдавъ, мы легли отдохнуть и не успѣли проснуться, какъ братушка былъ у насъ: онъ пришелъ пригласить насъ къ себѣ. Мы, конечно, съ удовольствіемъ приняли приглашеніе, и втроемъ пошли уже по темнымъ улицамъ Панюгирища, вслѣдъ за братушкой, все время оживленно болтавшаго и махавшаго руками. Подойдя къ одному изъ домовъ онъ постучалъ условнымъ стукомъ. За дверью послышались шаги и окликъ; нашъ братушка отвѣтилъ, и дверь отворилась. «Это мой домъ, сказалъ онъ, пропуская насъ; я пустилъ сюда пріятеля жить; онъ бѣжалъ отъ Турокъ». Дверь сейчасъ же за нами затворилась, и мы очутились въ неосвѣщенной комнатѣ. Когда мы поздоровались въ потьмахъ съ обитателями дома, насъ провели дальше въ маленькую безъ оконъ комнату. Въ ея углубленіи вдоль стѣны находилось возвышеніе, покрытое коврами съ подушками, куда насъ и посадили; а братушки, усѣвшись, кто гдѣ попало, начали свои обычные разспросы, живо интересуясь какъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, такъ и будущей судьбой своей. Мы, по возможности, удовлетворяли ихъ любопытству. Подали маленькій, кругленькій на невысокой же круглой ножкѣ столъ, на столѣ приборы и какое-то блюдо съ кушаньемъ, что-то въ родѣ пилава, но очень вкусное. Появилось вино красное и бѣлое; бѣлое особенно хвалили, и въ самомъ дѣлѣ оно было великолѣпное: мы его пили въ первый разъ. Братушки, взявъ стаканы съ виномъ, привѣтствовали насъ словами: «добре дошли и будь здравъ»; мы ихъ благодарили и въ свою очередь поздравляли съ освобожденіемъ.

Разговоръ оживился, и мы не видали, какъ около меня растворилась маленькая низенькая, до сихъ поръ незамѣченная нами дверь, откуда, какъ изъ подземелья, вылѣзла громадная фигура Болгарина съ веревками въ рукахъ. Всѣ смолкли, я невольно отшатнулся отъ

двери, не понимая что такое происходитъ и зачѣмъ явилась эта фигура. Вдругъ общій взрывъ радости охватилъ Болгаръ, и они кинулись обнимать пришедшаго. Послѣ первыхъ изліяній чувствъ, пришедшій поздоровался съ нами и, подсѣвъ къ столу, началъ разсказывать, показывая веревки, которыми онъ былъ связанъ, какъ попался онъ Туркамъ въ плѣнъ и какъ ухитрился отъ нихъ убѣжать. Со всѣхъ сторонъ посыпались ему похвалы и поздравленія съ освобожденіемъ. Вино полилось рѣкой, провозглашали тосты за Царя Александра и Царя Николая. Мы имъ объяснили, что у насъ Царь Александръ, а Царь Николай давно померъ, а есть Великій Князь Николай, братъ Царя, который командуетъ всѣми Русскими войсками. Долго еще мы вели оживленные разговоры на смѣшенномъ Русско-Болгарскомъ языкѣ, пили, поздравляя другъ друга съ разными разностями и уже поздно ночью, поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ за ихъ радушный пріемъ, отправились домой. Болгаринъ проводилъ насъ до дому и на прощанье сказалъ, что завтра Воскресенье, и онъ пойдетъ утромъ на охоту, а затѣмъ придетъ къ намъ.

Прекрасно выспавшись и напившись чаю, пошли мы гулять по городу и на мосту встрѣтили нашего вчерашняго пріятеля Болгарина, возвращавшагося съ охоты. Онъ просилъ насъ немного подождать, сказавъ, что сейчасъ догонитъ. Черезъ нѣсколько минутъ братушка вернулся и повелъ насъ по городу, разсказывая о всякихъ выдающихся предметахъ. Зашли мы въ церковь, сожженную Турками. Это довольно большое каменное зданіе, внутри котораго по срединѣ два ряда мраморныхъ колоннъ поддерживаютъ его верхъ, колонны были всѣ испорчены огнемъ. «Что это такъ потрескались колонны?» поинтересовались мы, «неужели отъ жару?» «Нѣтъ,» пояснилъ намъ братушка, «Турки зажгли церковь и когда замѣтили, что колонны остались цѣлы, то облили ихъ нефтью». Жаль было смотрѣть на эти исковерканныя колонны, всѣ потрескавшіяся и какъ-то расщепленныя, съ отвалившимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кусками. Не менѣе печаленъ былъ видъ и всего храма безъ оконъ и дверей, съ обгорѣлыми стѣнами и грудами обгорѣлаго мусора на полу. Все деревянное было уничтожено пламенемъ, а все каменное закопчено.

Болгаринъ намъ разсказалъ, что Панигюрище замѣчательно тѣмъ, что въ немъ было первое возстаніе въ Болгаріи, за что Турки и наказали ихъ пожаромъ и убійствами.

Разсказывалъ онъ также намъ, гуляя съ нами по широкимъ улицамъ города, какъ маленькій Русскій отрядъ отбивался тутъ отъ Турокъ. Услышавъ звуки музыки, мы пошли на нихъ и увидали на пло-

щади танцы; намъ объяснили, что это всегда бываетъ по праздникамъ и Воскресеньямъ.

На другой день, распростившись съ радушной хозяйкой и услужливымъ ея родственникомъ-братушкой, выѣхали мы дальше на деревню Петричево, которая оказалась выжжена Турками; это была не рѣдкость, такія выжженныя деревни попадались на каждомъ шагу. Мы выѣхали на шоссе, извивавшееся въ горахъ поросшихъ лѣсомъ. Кое-гдѣ въ горахъ лежалъ снѣгъ, а мѣстами скаты обледенѣли отъ таявшаго снѣга, схваченные морозомъ. Не смотря на то, что въ Панигюрищѣ мы гуляли по лѣтнему въ однихъ мундирахъ, теперь было довольно свѣжо, а подчасъ просто холодно.

Въ одномъ мѣстѣ довольно крутой и заледенѣлый подъемъ чуть было не заставилъ насъ вернуться. Верхомъ не было возможности въѣхать, а потому мы рѣшили сойти съ лошадей и ползкомъ взбираться наверхъ до площадки, надѣясь, что лошади отъ насъ не отстанутъ. Такъ и случилосı: онѣ также кое-какъ вскарабкались вслѣдъ за нами.

Еще засвѣтло мы доѣхали до Татаръ-Базарджика, также выжженнаго Турками, гдѣ успѣлъ уже пріютиться маркитантъ и открылъ трактирчикъ.

Здѣсь, какъ и въ Панигюрищѣ, было устроено управленіе, куда и обратились мы за разрѣшеніемъ квартирнаго вопроса. Власти города дали намъ Болгарскаго жандарма для отвода квартиры. За поясомъ у него торчали пара пистолетовъ и ятаганъ. Онъ насъ подвелъ къ какимъ-то запертымъ воротамъ и когда хозяева узнали, что намъ нужна квартира, то наотрѣзъ отказали и подняли страшный гвалтъ; жандармъ тоже кричалъ и, сказавъ, что на нихъ нечего смотрѣть, отперъ ворота и вошелъ. За нимъ и мы вошли при общемъ крикѣ какихъ-то растрепанныхъ бабъ и грязныхъ ребятишекъ, тоже участвовавшихъ въ общемъ гамѣ своею визготнею. Пройдя дальше въ домъ, мы попали въ неописанную грязь и вонь, такъ что сразу выскочили назадъ; оказалось, что мы попали къ Жидамъ. Плюнувъ на всю эту грязь и выругавъ приличнымъ случаю словомъ всѣхъ, мы ушли.

Когда мы проѣхали немного по указанію жандарма, котораго мы просили къ Жидамъ насъ больше не водить, намъ попался на улицѣ молодой Болгаринъ, одѣтый въ статскій костюмъ и, узнавъ, что мы ищемъ квартиру, пригласилъ насъ къ себѣ, гдѣ мы и расположились довольно удобно. Чтобы чѣмъ-нибудь отблагодарить за его радушіе, мы пригласили его съ собой въ трактиръ обѣдать, гдѣ въ разговорѣ

узнали, что онъ получилъ образованіе въ Парижѣ, говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ и собирался играть видную роль въ будущемъ правительствѣ княжества, обѣщаясь сильно насолить Туркамъ за какія-то гадости, которыя они ему лично сдѣлали. Въ настоящее же время, одержимый массою фантазій относительно будущаго, рисовавшаго ему, можетъ быть, портфель министра, онъ состоялъ въ полиціи и собирался кого-то изъ Жидовъ или Грековъ вѣшать. Вообще онъ, будучи довольно образованнымъ, выказывалъ серіозный и крутой нравъ; можетъ быть, это и былъ будущій Стамбуловъ.

Въ Татаръ-Базарджикѣ мы дневали и осматривали городъ, представлявшій полное разрушеніе. Повсюду виднѣлись груды обгорѣлыхъ бревенъ, кучи мусора, да кое-гдѣ торчали закоптѣлыя трубы и каменныя полуразрушенныя стѣнки.

II. Филиппополь.

На слѣдующій день мы выѣхали въ Филиппополь. Погода стояла теплая. Оставя позади Балканскія выси, съ лежавшимъ еще на вершинахъ снѣгомъ, мы шли теперь долиной рѣки Марицы, чистыя и быстрыя воды которой уже освободились отъ ледяного покрова. Вдали разстилался живописно расположенный Филиппополь. Почти годъ, какъ мы не видали большихъ городовъ, а потому съ любопытствомъ приближались къ нему. Въѣхавъ въ городъ, мы сразу очутились въ массѣ разнаго люда, наполнявшаго улицы и занятаго каждый своимъ дѣломъ; военныхъ людей было мало, сравнительно съ вольными (это солдаты такъ называли невоенныхъ). Тутъ попадались всякія народности: Болгары, Турки, Греки, Жиды, а также и другія національности. Здѣсь были консульства, оставшіяся на своихъ мѣстахъ. Кое-какъ отыскали мы полицію и просили отвести намъ квартиру; сейчасъ же снарядили съ нами жандарма, и опять мы съ нимъ попали къ Жидамъ.

Гвалтъ поднялся, какъ и въ Татаръ-Базарджикѣ, но при этомъ тѣже вонь и грязь невообразимыя. Видя, въ чемъ дѣло, мы успокоили жандарма, который уже начиналъ ругать Жидовъ, разгоняя ихъ по ихъ вонючимъ угламъ плетью, сказавъ, что у Жидовъ останавливаться мы не хотимъ. Блюститель порядка успокоился и повелъ насъ дальше. Долго мы ходили по улицамъ, разыскивая квартиру. Наконецъ хожденіе это надоѣло и, встрѣтивъ Болгарскаго священника, я объяснилъ ему, что ищемъ квартиру и не поможетъ ли онъ намъ указать какую-нибудь, гдѣ бы намъ остановиться на одинъ день. Немного подумавъ и узнавъ, что насъ только двое, онъ пригласилъ насъ къ себѣ. Небольшой домикъ священника стоялъ на скалѣ, возвышающейся надъ

остальной частью города, такъ что съ крыльца открывалась прелестная панорама на городъ и окрестности, съ синѣвшимися вдали горами и извивавшейся по долинѣ голубой лентой Марицы. Домикъ состоялъ изъ прихожей, возлѣ которой была крошечная кухонька (полъ и печи въ ней были высѣчены въ скалѣ) и еще одной большой комнаты, гдѣ помѣщалась вся семья священника. Около домика находились кое-какія хозяйственныя постройки. Къ домику вела узкая извивавшаяся по склону горы лѣстница, ступеньки которой высѣчены были также въ скалѣ.

Семья священника состояла изъ жены, маленькой дочки и служанки.

Когда мы обмѣнялись привѣтствіями съ обитателями маленькаго домика и усѣлись на низенькіе диваны, тянувшіеся вдоль стѣнъ комнаты, начались обычные разспросы. Маленькая дочка священника принесла на подносѣ два стаканчика воды и графинчикъ. Священникъ налилъ въ воду чего-то изъ графина, и въ стаканѣ получилась жидкость молочнаго цвѣта. Дочка подала намъ, а священникъ предлагалъ выпить Мы выпили, пожелавъ здоровья хозяину. Оказалось, это была гвоздичная водка, чрезвычайно пахучая и довольно пріятная, которую Болгары пьютъ съ водой. Замѣтивъ наше удивленіе, что водку мѣшаютъ съ водой, священникъ предложилъ намъ чистой водки. Мы выпили и нашли, что она безъ воды гораздо лучше.

Не желая обременять священника расходами, мы послали денщика закупить провизію къ обѣду; но какъ только священникъ узналъ объ этомъ, онъ отобралъ деньги и принесъ намъ, говоря, что мы его гости и что это его дѣло заботиться о нашемъ питаніи и если пошлемъ купить провизію, то обидимъ его. Какъ мы ни старались убѣдить священника, чтобы онъ не принималъ на себя расхода на нашу кормёжку, что намъ достаточно его радушнаго пріема, но священникъ не соглашался и стоялъ на своемъ. Пришлось, поблагодаривъ его, согласиться. Вскорѣ, какъ всегда и вездѣ, узнавъ о нашемъ прибытіи, пришли знакомые и родственники священника.

Посыпались все тѣже вопросы о войнѣ, о будущемъ Болгаріи и т. п. Мы разсказывали все что̀ знали. Но кромѣ обычныхъ вопросовъ, явился вопросъ, который до сихъ поръ намъ не приходилось слышать ни разу: Болгаръ встревожилъ слухъ, будто бы Русскіе хотятъ всѣхъ Болгаръ увести къ себѣ въ Россію. Мы удивились такому вопросу и слуху и поспѣшили увѣрить ихъ, что ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ, что у насъ и безъ Болгаръ, слава Богу, народу много, что цѣль войны—это только освобожденіе Болгаріи, которая, выйдя изъ подъ власти Турокъ, сдѣлается самостоятельнымъ княжествомъ, будетъ уп-

равлять ею свой князь, будетъ свое войско, однимъ словомъ, будетъ новое государство, наравнѣ съ другими.

Въ свою очередь мы спросили, откуда у нихъ такіе нелѣпые слухи. Священникъ намъ разъяснилъ, что слухи эти распускаетъ Греческое духовенство по наущенію Турокъ и по ненависти къ намъ. Греки вообще не любятъ Русскихъ и стараются всѣми способами возстановить противъ насъ Болгаръ, которые, конечно, не желаютъ покидать своей родины. Въ концѣ концовъ доводы наши успокоили и разубѣдили Болгаръ, и пренія наши закончились.

Въ комнату внесли кругленькій низенькій Болгарскій столикъ, поставивъ его на полу, устланномъ цыновками, кругомъ разложили подушки. Священникъ пригласилъ насъ къ столу. Маленькая дочка его прочла «Отче Нашъ»; мы всѣ выслушали стоя молитву и, перекрестившись, сѣли кругомъ стола на подушки обѣдать. Перемѣнъ было мало, но поѣли сытно. Послѣ обѣда подали въ маленькихъ чашечкахъ кофе. Этотъ напитокъ совсѣмъ не то, что̀ мы привыкли пить у насъ. Турецкій кофе приготовляется иначе. Его мелятъ, передъ тѣмъ, какъ варить, въ круглой небольшой мѣдной мельницѣ, затѣмъ высыпаютъ въ небольшую мѣдную луженую кострюльку съ длинной ручкой, варятъ на угольяхъ, прибавляя по вкусу сахару, а если кто хочетъ, то и сливокъ (но это уже отступленіе, а настоящій Турецкій кофе черный). Когда кофе вскипитъ, то его вмѣстѣ съ гущей выливаютъ въ маленькія фарфоровыя чашечки, безъ ручекъ, но съ серебрянными подставочками, изящной филигранной работы, въ видѣ тѣхъ рюмочекъ, какія у насъ употребляютъ для яицъ. Кофе этотъ очень крѣпкій и вкусный; его пріятно, покуривая трубочку, прихлебывать маленькими глотками, пока покажется осѣвшая на дно гуща, которую конечно оставляютъ. Послѣ обѣда разговоры возобновились и продолжались до вечера. Наконецъ наступило время спать, начали стлать постели. Родственники не уходили. Мы, видя, что тѣсно и безъ насъ, заявили, что пойдемъ спать въ кухню; но священникъ воспротивился и сказалъ, что мѣста всѣмъ хватитъ. Весь полъ устлали различными цыновками, коврами, матрасиками и всякой всячиной. Набралось, должно быть, насъ человѣкъ восемь, всѣ мы размѣстились на полу въ разныхъ углахъ комнаты. Мы съ корн. Лёвстремомъ легли у двери въ кухню и мирно уснули. Вдругъ среди ночи будитъ меня шопотъ, прислушиваюсь и слышу: «ѣгонь! ѣгонь! Турцы! има тука Турцы», говорилъ священникъ. Огонь—значитъ пожаръ. Ну, думаю, будетъ исторія, какъ Турки подожгутъ городъ. Окна были завѣшаны, и я не могъ видѣть зарева. Предполагая, что это такъ себѣ, разговариваютъ проснувшіеся, я успокоился и началъ дремать, но вижу,

что священникъ и родственники его, наскоро одѣвшись, вышли на улицу. Нѣтъ, думаю, что-то неладно, и разбудилъ корн. Лёвстрема. «Пожаръ, кажется!» говорю ему, «говорятъ, что Турки тутъ остались; надо посмотрѣть, въ чемъ дѣло». Пока мы собирались, послышались выстрѣлы. Это насъ удивило, и мы предположили, что не бунтъ ли это устроили Греки съ укрывавшимися баши-бузуками. «Вотъ такъ попали въ передрягу!» говоримъ.

Выйдя на крыльцо, гдѣ уже стоялъ священникъ и его родственники, мы увидѣли зарево, а внизу по улицѣ бѣгали огоньки: это жители съ фонарями выбѣжали изъ домовъ на крикъ «ǒгонь» и на выстрѣлы. Выстрѣлы продолжались, просвистѣла пуля, другая; спрашиваемъ, «что̀ значатъ эти выстрѣлы», но получаемъ все тотъ же отвѣтъ: «ǒгонь, братушка, ǒгонь». Ну думаемъ, огонь, такъ огонь; будемъ ждать, что̀ будетъ дальше, тѣмъ болѣе, что люди наши, стоявшіе подъ горой въ улицѣ, не приходили къ намъ, слѣдовательно у нихъ было все благополучно. Болгары внимательно ко всему прислушивались и приглядывались. Стрѣльба участилась, пули стали чаще посвистывать и рикошитировали по скалѣ и крышамъ. Мы опять приставали къ священнику, чтобы онъ намъ объяснилъ, что̀ все это значитъ и почему пули-то летаютъ, бунтъ это или что другое. Наконецъ удалось намъ вывести его изъ наблюдательнаго состоянія, и онъ началъ объяснять, что это пожаръ и что, по его предположенію, поджигаютъ оставшіеся Турки, стрѣляютъ же потому, что такъ принято у нихъ возвѣщать о пожарѣ. «Зачѣмъ же пулями-то стрѣляютъ?» добивались мы. А потому, что война, и оружіе у всѣхъ заряжено». «Да вѣдь такъ, кого нибудь можно подстрѣлить», говоримъ мы. «Могутъ и убить!» пожимая плечами, соглашался съ нами священникъ: «война!» Мы конечно вполнѣ удовлетворились этимъ объясненіемъ; но обычай возвѣщать о пожарѣ въ многолюдномъ городѣ стрѣльбой, да еще пулями, показалс намъ очень страннымъ.

Остатокъ ночи прошелъ спокойно, и утромъ мы пошли осматривать городъ.

Филиппополь—большой, но довольно грязный городъ, съ массой узкихъ и кривыхъ улицъ, переулковъ и закоулковъ. Есть большіе каменные дома, но большею частью дома деревянные. Одни фасадомъ на улицу, другіе скрыты въ глубинѣ дворовъ. Ѣзды въ это время по улицамъ замѣчалось мало; мѣстные жители больше появлялись пѣшіе, иногда же на ослахъ верхомъ, или въ каруцахъ (телѣгахъ), запряженныхъ парой сѣрыхъ огромныхъ буйволовъ, и рѣдко верхомъ на коняхъ.

Немало попадалось и нашихъ обозныхъ телѣгъ, запряженныхъ конечно лошадьми съ фуражиромъ на козлахъ, съ интендантскимъ чиновникомъ или какой либо кладью внутри. Толпа, среди которой сновали наши солдатики и офицеры, всѣхъ родовъ оружія, по костюмамъ, физіономіямъ и народностямъ, была самая разношерстная. Тутъ суетились торгаши съ товарами на головахъ, привлекая крикомъ на разные лады покупателей; Греки и Болгары въ національныхъ костюмахъ, первые въ красныхъ фескахъ съ синими кисточками, а вторые въ барашковыхъ шапкахъ, наши же въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Тутъ же, въ этой пестрой толпѣ, выступали очень важно Греческіе попы въ черныхъ люстриновыхъ рясахъ, въ высокихъ люстриновыхъ же шапкахъ на головѣ, въ родѣ нашей камилавки, но съ небольшимъ карнизикомъ на верху, съ синей бархатной макушкой въ сборкахъ и пуговкой на срединѣ. Противуположность имъ представляли Болгарскіе попы, одѣтые въ такія же рясы и почти въ такихъ же шапкахъ, только съ гладкимъ люстриновымъ же верхомъ, и видъ ихъ былъ не гордый, а какой-то приниженно загнанный.

Все это пѣшее и конное двигалось посреди улицъ, не обращая никакого вниманія на узкіе изрытые тротуары, окаймляющіе дома. Масса лавокъ самыхъ первобытныхъ виднѣлась по улицамъ. Въ городѣ есть крытый пассажъ, внутри котораго справа и слѣва тянутся разгороженныя между собой, чѣмъ попало, маленькія коморки-лавки, съ прилавками, на которыхъ сидѣли, поджавши подъ себя ноги, продавцы, перекликиваясь со своими сосѣдями и торгуясь въ тоже время съ покупателями. Шумъ и гамъ наполняли зданіе. Хорошихъ товаровъ не было: ситецъ, шитыя полотенца, платки, серебряныя подвѣски, обувь и вообще всякая мелочь, всякій сбродъ. Тутъ же на жаровенкѣ поджаривалась рыба или что-то другое, отчего распространялась повсюду невообразимая вонь гарью. Всѣ эти товары вечеромъ собираются купцами и уносятся домой, а утромъ снова приносятся и раскладываются. Попадались и спеціальные магазины, но только ѣды и часовъ. Съѣстныя лавки очень непривлекательны: тутъ же на улицѣ на прилавкѣ стоитъ маленькая жаровня съ раскаленными угольями, на ней лежитъ рѣшетка, а на рѣшеткѣ лежитъ рыба, поджариваемая снизу жаромъ углей. Тутъ же на веревкахъ болтаются сушеная баранина, рыба, красный перецъ. Все это покрыто пылью и распространяетъ ѣдкій запахъ.

Войдя въ часовой магазинъ, мы очутились въ маленькой комнаткѣ, даже можно сказать въ чуланѣ. На лавкѣ сидитъ, поджавши ноги, часовой мастеръ, ковыряя какіе-то часы; рядомъ съ нимъ мѣшокъ, въ которомъ заключается весь его магазинъ, частью разложенный на при-

лавкѣ, для приманки прохожихъ. Вывѣсокъ, какъ у насъ, нѣтъ. Я купилъ часы съ Турецкими цифрами, но вскорѣ пришлось отдать ихъ чинить, и на другой день мастеръ мнѣ ихъ возвратилъ, сказавъ съ серьезнымъ лицомъ: «Хубово направилъ, братушка, хубова», т.-е. хорошо починилъ; но все-таки они скоро опять стали и съ тѣхъ поръ не двигались. Вообще, все это отчасти напоминало намъ деревенскій базаръ или Петербургскій Апраксинъ дворъ и толкучку; но у насъ въ Апраксиномъ можно достать очень цѣнныя вещи, а тутъ ихъ не видать; конечно, этому, можетъ быть, была причина и война.

Солдатики наши изъ Евреевъ и тутъ не упускали случая устроить какой-нибудь хандель, скупая и перепродавая всякую дрянь. Въ городѣ есть мечеть, выдѣляющаяся своими стройными минаретами, и церкви, но колоколовъ на нихъ нѣтъ: Турки не позволяютъ, потому, какъ мнѣ сказали, что благовѣстъ будто бы безпокоитъ ихъ. Бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ нашего Краснаго Креста, и Турецкій бѣлый флагъ надъ Турецкимъ лазаретомъ съ Красною Луной, мирно развѣвались надъ городомъ. Каждый лазаретъ лѣчилъ своихъ.

Отъ Филиппополя начиналась единственная въ наше время желѣзная дорога, чрезъ Адріанополь и Санъ-Стефано въ Константинополь, станція которой расположена далеко за городомъ.

Бродя по улицамъ, подошли мы къ каменному дому, предъ которымъ на площади стояли въ рядъ пожарныя трубы и другія принадлежности. Намъ объяснили, что это домъ городскаго управленія и пожарная команда. Немного спустя, мы видѣли эту пожарную команду, скакавшую на пожаръ.

Идя посреди улицы въ толпѣ, осматривая все, что̀ попадалось на глаза, мы вдругъ услыхали сзади неистовый крикъ, покрывшій уличный гамъ толпы. Обертываемся и видимъ какого-то сумасшедшаго, съ выпученными глазами, съ бревномъ на плечѣ, бѣгущаго что̀ есть мочи по улицѣ, расталкивая и сбивая съ ногъ прохожихъ, невольно кидавшихся опрометью въ разныя стороны. Невольно и мы отшатнулись и удивленно ждали, что̀ будетъ дальше: станетъ ли онъ гвоздить когонибудь этимъ бревномъ, или его схватятъ; но сейчасъ же все выяснилось: это былъ не сумасшедшій, за котораго мы его приняли, а передовой пожарный, который у насъ обыкновенно скачетъ верхомъ впереди части.

Вслѣдъ за ѣздовымъ бѣжали четыре здоровенныхъ человѣка, неся на плечахъ огромную пожарную трубу, которую мы только-что видѣли

у присутственнаго мѣста. Сзади бѣжало еще нѣсколько человѣкъ съ какими-то пожарными принадлежностями, а за ними бѣжали всѣ любители пожаровъ, изображая собой вольную дружину. Все это кричало, толкалось и едва ли много пользы приносило дѣлу. Мы отъ души посмѣялись надъ своей ошибкою и подобнымъ выѣздомъ пожарной команды.

Въ толпѣ мы наткнулись на казака сотника Закрѣпы. «Гдѣ сотникъ?» спрашиваемъ. Казакъ насъ довелъ до сотника, который помѣстился въ свѣтлой и чистой комнатѣ. Бартенева уже не было: онъ ушелъ догонять полкъ. Сотникъ Закрѣпа пригласилъ меня къ себѣ куда я и перебрался, поблагодаривъ священника за гостепріимство.

III. По шоссе къ Адріанополю.

Проживъ нѣсколько дней, мы рѣшили ѣхать дальше. Купили боченокъ вина, наварили и нажарили мяса и птицы, взяли большихъ луковицъ и выѣхали съ сотникомъ Закрѣпой въ телѣжкѣ, запряженной тройкою въ дышло, съ казакомъ за кучера на козлахъ; а корнетъ Лёвстремъ съ вьюками и денщикомъ поѣхалъ верхомъ. Улицы Филиппополя хотя и мощеныя, но такъ скверно и съ такими выбоинами, что телѣжка наша, какъ мячикъ, прыгала по камнямъ. Николай Мироновичъ только кряхтѣлъ: онъ былъ не совсѣмъ здоровъ. Эта тряска только прекратилась тогда, когда мы выѣхали за заставу, на шоссе къ Адріанополю. Сейчасъ же за заставой раскидывалось большое Турецкое кладбище, усѣянное очень разнообразными каменными памятниками, торчавшими вкось и вкривь среди зеленѣвшихся кустовъ и стройныхъ пирамидальныхъ тополей. Нѣкоторыя плиты были обтесаны, другія торчали въ видѣ обломковъ, нѣкоторыя лежали плашмя на могилахъ, но большинство ихъ стояло стоймя. Одни были отдѣланы въ видѣ столбиковъ разной величины, съ рѣзьбой; другія, также столбики, были увѣнчаны высѣченной изъ того же камня чалмою; это означало, вѣроятно, болѣе важныхъ покойниковъ. На многихъ памятникахъ пестрѣли очень красивыя Турецкія надписи. За кладбищемъ намъ представилась не очень живописная картина: лежало рядомъ пять дохлыхъ буйволовъ. Дальше валялась еще какая-то падаль; но зловонія не было, потому что она быстро засыхала на солнцѣ. По правую сторону шоссе тянулся рядъ телеграфныхъ столбовъ, очень оригинальныхъ: вмѣсто одного столба, какъ у насъ, Турки ставили два столба наклонно, соединяя ихъ верхушками вмѣстѣ и перекладинами въ серединѣ, въ видѣ лѣстницы. Наверху каждаго столба прикрѣплялись проволоки.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, мы увидѣли станцію желѣзной дороги и нѣсколько вагоновъ. Поѣзда́ еще не ходили, подвижной составъ

былъ еще не въ порядкѣ, да и путь былъ испорченъ. Наши инженеры и желѣзнодорожныя команды хлопотали о приведеніи всего этого въ должный видъ.

Шоссе тоже было испорчено во многихъ мѣстахъ: перекопано, мосты уничтожены, и мѣстами, съ виду очень ровное шоссе, представляло въ сущности невылазное болото, благодаря какимъ-то ямамъ, затопленнымъ вровень съ краями жидкой грязью, происхожденіе которыхъ никто не могъ объяснить. (Подозрѣвали работу Турокъ, желавшихъ какъ-нибудь задержать наше нашествіе). Обозамъ и всѣмъ слѣдовавшимъ по шоссе приходилось обходить такія мѣста, что замедляло нѣсколько движеніе. Мы, не замѣтивъ такой ловушки, ухнули въ одну изъ нихъ, всадивъ лошадей по брюхо въ наполнявшую ее жижу. Телѣжка наша колыхалась какъ на волнахъ, и намъ пришлось прыгать назадъ на твердую землю, а всю упряжку вытаскивать съ помощью попутныхъ солдатъ. Надъ всѣми этими препятствіями копались наши саперы, заваливая фашинами ямы и топи и строя мосты. Все шоссе было покрыто цѣлою вереницей тянувшихся къ Адріанополю обозовъ, полками и отдѣльными людьми; намъ приходилось все это обгонять стороной.

Вся дорога по бокамъ положительно была усѣяна трупами людей, буйволовъ, лошадей, изломанными телѣгами и разбросаннымъ скарбомъ. Картина эта очень непріятно дѣйствовала на насъ въ началѣ, но такъ какъ она тянулась вплоть до Адріанополя, то мы подъ конецъ привыкли и отъ нечего дѣлать разсматривали изъ брички трупы, дѣлая свои предположенія, при какихъ условіяхъ застигла смерть свои жертвы.

Мѣстами попадались цѣлыя группы телѣгъ, а около нихъ валялись люди во всевозможныхъ положеніяхъ, всякаго возраста и пола. Такія мѣста мы называли оазисами смерти, и эти оазисы были Турецкіе и Болгарскіе, смотря чьи трупы валялись. Въ нѣкоторыхъ телѣгахъ буйволы такъ и издохли запряженными. Трупы валялись даже на дорогѣ, нѣкоторые были растоптаны и перемѣшаны съ грязью. Это были Турецкіе и Болгарскіе обозы, которые уходили съ Турецкими войсками, преслѣдуемые и уничтожаемые нашей кавалеріей. Болгарскихъ же оазисовъ надѣлали Турки, угонявшіе съ собой Болгаръ, чтобы показать этимъ свое недовольство нашимъ заступничествомъ: мы должны были думать, что Болгары бѣгутъ отъ насъ вмѣстѣ съ Турками; но, въ виду насѣдавшей нашей конницы, Турки, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отомстить намъ, избивали безъ жалости Болгаръ цѣлыми семействами.

Много такихъ невеселыхъ картинъ насмотрѣлись мы на протяженіи этого шоссе. Сидитъ, напримѣръ, Турокъ, уже сѣдой, около телеграфнаго столба, да такъ и умеръ, обнявъ его. Солдатики, работавшіе тутъ, разсказывали, что ему предлагали хлѣба, но онъ не бралъ и воды тоже не бралъ, а такъ съ голоду и померъ; вѣроятно, не хотѣлъ осквернить себя, принявъ пищу отъ гяура.

Еще такого старика мы нашли въ почти разваленной хатѣ; повидимому, это была прежде корчма, куда мы заѣхали отдохнуть, у огонька очага, разведеннаго нашими блуждавшими повсюду отсталыми солдатами. Вошли въ хату; у печки сидятъ нѣсколько нашихъ солдатиковъ, что-то варятъ. Сказавъ имъ продолжать свое дѣло и не обращать на насъ вниманія, подсѣли мы къ огню варить чай. Слышимъ кто-то стонетъ. «Кто это стонетъ?» спрашиваемъ. «Тутъ старая Турка съ мальчикомъ лежитъ, ваше высокоблагородіе», отвѣтилъ кто-то. Мы подошли къ углу, откуда слышались стоны; видимъ лежитъ сѣдой, исхудалый и, повидимому, больной Турокъ, за которымъ ухаживаетъ мальчикъ. Поговорить съ нимъ мы не могли, не зная Турецкаго языка, а потому и не могли узнать, что̀ съ нимъ и чѣмъ бы ему помочь. Напоили его чаемъ, дали немного денегъ и сказали солдатикамъ, которые тутъ оставались, чтобы они его не обижали и кормили бы. Конечно, мы это сказали, чтобы сказать что-нибудь, зная хорошо, что нашъ солдатъ и безъ того не обидитъ такого несчастнаго, а послѣднимъ да подѣлится съ нимъ. Хотя наши солдаты и увѣряли, что у Турки души нѣтъ, а что у него паръ, и считали его нехристемъ и басурманомъ, но безъ причины никогда не затрогивали и не обижали.

«Ишь, вѣдь тоже пьетъ!» удивлялись иногда они, глядя съ участіемъ на Турку, жадно пившаго на какомъ-нибудь переходѣ въ жару. Они относились съ какимъ-то своеобразнымъ состраданіемъ къ плѣннымъ, точно это были не люди имъ подобные, а такъ какія-то недодѣланныя жалкія существа. «Лопочатъ, а не разберешь что!» разсуждали они между собой, конвоируя ихъ.

Иногда солдатъ дастъ хлѣба Туркѣ и смотритъ, какъ онъ съ голодухи уплетаетъ его, и опять-таки удивляется и сожалѣетъ, что у нихъ нѣтъ чернаго хлѣба, а ѣдятъ они рисъ или галеты, что́ нашимъ было не по вкусу.

Напившись чаю и покормивъ лошадей, мы тронулись дальше въ путь. Опять потянулись тѣже картины смерти и разрушенія. Въ одномъ мѣстѣ, какъ сейчасъ помню, влѣво отъ дороги, возвышались какіе-то холмы, и по нимъ валялось человѣкъ десять Болгаръ въ самыхъ разно-

образныхъ положеніяхъ. Вѣроятно они бѣжали отъ Турокъ, а тѣ ихъ перестрѣляли какъ воробьевъ.

Среди всѣхъ этихъ труповъ и обломковъ бродили наши отсталые солдаты, въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ, подбирая, что̀ попадалось получше. Одинъ гулялъ въ клѣтчатыхъ штанахъ въ родѣ Шотландца; другіе въ Турецкихъ шинеляхъ, башмакахъ и фескахъ. Всѣ эти костюмы, конечно являлись вслѣдствіе того, что свое износилось, а Турецкое попалось покрѣпче.

Деревни по дорогѣ въ большинствѣ были пусты, въ особенности Турецкія.

Мы останавливались для ночлега въ пустыхъ домахъ и у Болгаръ. Всюду виднѣлось разореніе. Пожитки цѣнные прятались въ кадкахъ, зарытыхъ въ землю, которыя иногда нечаянно находились нашими; ячмень также зарывался въ землю. Какъ Турки отъ насъ, такъ и Болгары отъ нихъ все прятали. Въ одной деревнѣ, гдѣ мы остановились на ночь у Болгарина въ домѣ, я спросилъ: «нѣтъ ли курицы или утки, или чего-нибудь такого? «Хичь *) нема, братушка, хичь нема», щелкнувъ ногтемъ о зубы, сказалъ Болгаринъ, «сичко земе Турцы». Но уже не говорили, какъ раньше: «айда на Балканъ» теперь говорили они: «айда на Стамбулъ».

Въ то время какъ Болгаринъ разсказывалъ мнѣ всю эту околесину, подъ кадушкой, тутъ же стоявшей, закричала курица. Болгаринъ смутился; но я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ происшедшаго и, еле сдерживая смѣхъ, далъ ему денегъ, сказавъ, чтобы онъ поискалъ на деревнѣ и купилъ бы мнѣ курицу, а самъ ушелъ въ избу и разсказалъ сотнику Закрѣпѣ штуку съ курицей. Черезъ нѣсколько времени Болгаринъ принесъ курицу, говоря, что насилу нашелъ.

Часто, не находя на шоссе селенія или удобнаго мѣста для дневнаго отдыха, мы двигались большею частью шагомъ и закусывали, сидя въ бричкѣ. «А что̀, Василій Васильевичъ, не закусить ли намъ?» говорилъ Закрѣпа. «Можно, Николай Мироновичъ», отвѣчалъ я. «Или, наоборотъ, я спрашивалъ, если хотѣлъ ѣсть раньше, и одобреніе получалось немедленно. «Достань-ка, Кузьма, поѣсть!» говорили мы казаку. Тотъ лѣзъ подъ козлы, доставалъ переметныя сумы съ закуской и боченокъ вина. Все это раскладывалось на колѣняхъ на бурки, и мы, продолжая двигаться, попивали вино, закусывая ломтиками лука съ солью и перцемъ, бараниной, курочкой и вообще всѣмъ, чѣмъ богата

*) Хичь—ничего.

была наша кухня, подъ управленіемъ того же казака Кузьмы, который тоже уплеталъ за обѣ щеки.

Разговоры если и возбуждались, то больше о попадавшихся на глаза предметахъ. Немало занимали насъ наши помѣщики, поселившіеся въ деревняхъ близъ шоссе и вдали его. Дичи всякой всюду было много. Часто слышались выстрѣлы: это стрѣлялъ по гусямъ или почему другому нашъ солдатикъ-помѣщикъ, вышедшій поохотиться.

Иногда эти помѣщики попадались съ телѣгами, запряженными буйволами; значитъ, уже обзавелись хозяйствомъ, а Русскій человѣкъ быстро вообще обсѣдаетъ и пускаетъ корни. «Что ты тутъ дѣлаешь?». спросилъ я его. «Да вотъ, ваше высокоблагородіе, отсталъ отъ полка и не знаю, гдѣ онъ?»—«Ну и что же?»—«Пока тутъ у Болгаръ и проживаю».

Иные отговаривались нездоровьемъ.

Какъ видно, имъ было хорошо, и многіе, вѣроятно, такъ и остались тамъ на жительство.

Говориил мнѣ, что одного такого нашли, который остался еще отъ прошлаго похода 1828-го года. Онъ женился, обзавелся хозяйствомъ и теперь уже въ глубокой старости съ большой семьей доживаетъ свой вѣкъ. Обрадовался старикъ, увидавъ Русскихъ, много разспрашивалъ, и видимо хотѣлось ему побывать на родинѣ, да ужъ лѣта не позволяли.

На пути къ мѣстечку Мустафа-пашѣ, мѣстность представляла открытую равнину съ изрѣдка разбросанными кое-гдѣ группами деревьевъ. Эта мѣстность считалась опасной, подвергаясь почему-то набѣгамъ баши-бузуковъ, и намъ совѣтовали присоединиться къ шедшей къ Адріанополю батареѣ подъ конвоемъ сотни Донскихъ казаковъ. Намъ это показалось черезчуръ долгимъ, и мы, пройдя немного за батареей, пустились впередъ одни, въ надеждѣ на нашъ всесильный Русскій «авось» и благополучно достигли Мустафа-паши, конечно, тоже брошеннаго и на половину разрушеннаго. Вдоль всего шоссе, какъ и повсюду, разбросанные по дорогамъ Болгаріи и Турціи, намъ попадались и чрезвычайно нравились во всѣхъ отношеніяхъ колодцы-фонтаны. Они высокіе въ ростъ человѣка, сложенные изъ камня или мрамора, украшенные Турецкими письменами, имѣли видъ стѣнки съ углубленіемъ въ серединѣ. Въ нижней части продѣлано отверстіе и вставленъ желобокъ, изъ котораго бѣжитъ постоянно ключевая вода въ приставленную каменную же колоду.

Вода въ этихъ фонтанахъ всегда чистая и холодная, что̀ неоцѣнимо въ жаркихъ странахъ. Шоссе, по которому мы двигались все время, тянулось невдалекѣ, то удаляясь, то приближаясь, къ рѣкѣ Марицѣ, довольно широкой, мѣстами поросшей камышомъ, несшей свои весеннія голубыя и быстрыя воды въ Эгейское море. Весна была въ полномъ разгарѣ, природа пробудилась. Всюду чувствовалась жизнь, зеленѣла трава, одѣвались деревья, и солнце припекало порядочно. Мы часто любовались то пролетомъ вереницы утокъ, то Греческимъ строемъ гусей, то закатомъ или восходомъ солнца. Какъ-то залюбовались мы чрезвычайно красивой картиной: переправлялся черезъ Марицу на зыбкомъ паромѣ Донской казакъ съ своимъ конемъ, освѣщенныый лучами заходящаго солнца, отражавшагося въ рѣкѣ.

Нерѣдко, если мѣстечко намъ нравилось, разстеливъ бурки, мы дѣлали привалъ и отдыхали отъ длиннаго пути. Тутъ же на берегу Кузьма разводилъ костеръ и жарилъ шашлыки, которые мы запивали краснымъ винцомъ. Разъ какъ-то мы съѣхались съ Краснымъ Крестомъ, шедшимъ тоже въ Адріанополь; оказались тамъ знакомые, и немедленно было рѣшено сдѣлать привалъ. Лежа на травѣ, мы вспоминали прошедшее и рисовали будущее, а люди готовили завтракъ. Вдругъ слышимъ желѣзнодорожный свистокъ, вскакиваемъ и видимъ идетъ: поѣздъ. Давно уже мы не видали поѣзда отъ самой Румыніи. Что-то родное представилось намъ въ этомъ поѣздѣ, управляемомъ нашими солдатами желѣзнодорожнаго баталіона. Поѣздъ напомнилъ намъ Россію; мы подпрыгивая побѣжали къ нему, махали шапками и платками; съ поѣзда намъ отвѣчали, мы радовались какъ малыя дѣти. Это былъ первый поѣздъ, шедшій изъ Филиппополя въ Адріанополь. Вообще насъ радовало все, что̀ мало-мальски напоминало Россію. Даже погонщикамъ, какъ они ни были жалки на видъ и на самомъ дѣлѣ со своими изнуренными лошадьми, и тѣмъ мы радовались, видя ихъ одѣтыхъ въ сермяги или поддевки.

Услышимъ, бывало, пѣсню заунывную Русскую; поетъ ее отдыхающій солдатикъ, прислушаешься, и такъ станетъ хорошо, пріятно и весело на душѣ, но въ тоже время и призадумаемся, что-то теперь дѣлается дома; скоро ли вернемся, или еще насъ ожидаетъ впереди такая же бурная жизнь; цѣлый рой подобныхъ мыслей зашевелится въ головѣ, далеко унося мечтателя отъ дѣйствительности.

Пришлютъ, бывало, кому-нибудь письмо изъ дому, это производитъ общее волненіе, его читаютъ чуть не въ слухъ, всѣ интересуются.

Радовались мы, хотя и завидовали въ тоже время тѣмъ, которые

по какимъ-нибудь казеннымъ дѣламъ ѣхали въ Россію домой. Всегда имъ давалось пропасть всякихъ порученій и словесныхъ, и письменныхъ, и конечно все это наполовину исполнялось.

Тотъ не пойметъ этого чувства, кто не былъ заброшенъ далеко отъ своей родины, въ непріятельскую землю, кончилъ боевую, полную всякихъ лишеній, жизнь, остался живъ и ждетъ не дождется, когда придетъ приказъ отправляться домой.

Наболтавшись вдоволь, мы простились съ Краснымъ Крестомъ въ надеждѣ встрѣтиться въ Константинополѣ и на отдохнувшихъ лошадяхъ тронулись впередъ, оставляя за собой обозы, двигавшіеся шагомъ.

Отъ Мустафы-паши оставалось недалеко до Адріанополя; путь ничѣмъ не отличался отъ пройденнаго.

Какъ и по всему пути отъ Филиппополя, такъ и здѣсь, шоссе проходитъ открытымъ мѣстомъ, равниной, отчасти холмистой, на которой мѣстами виднѣлись рощи и отдѣльныя группы деревьевъ.

IV. Адріанополь.

Всему бываетъ конецъ; такъ и теперь кончался нашъ путь: мы подъѣзжали къ Адріанополю, а по турецки «Эдерне», второй столицѣ Турецкой имперіи. Мы подъѣзжали къ редутамъ, окружавшимъ городъ, но не исполнившимъ своего назначенія, потому что Турки ихъ бросили, не защищая. За ними стоялъ рядъ орудій побольше сотни, отбитыхъ въ послѣднее время у Турокъ, а дальше открывался прелестный видъ самаго Адріанополя съ возвышавшимися надъ нимъ стройными, бѣлыми, уходившими чуть не въ самыя небеса, минаретами, увѣнчанными блиставшими при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца полумѣсяцами. Вскорѣ мы въѣхали въ предмѣстье Адріанополя, грязное и запруженное всевозможными обозами и артиллерійскими парками съ конвоировавшими ихъ казаками; повозки и артиллерійскіе ящики прыгали по камнямъ изрытой глубокими ямами булыжной мостовой. Изнуренныя лошади еле тащили ихъ, останавливаясь чуть не на каждомъ шагу. Гамъ погонщиковъ и шумъ колесъ и подковъ стоялъ невообразимый. Почти немыслимо было продраться сквозь это столпотвореніе; но нашъ Кузьма не унывалъ, то и дѣло покрикивая сторониться; онъ какъ вьюнъ скользилъ между повозками. «Эй, станишникъ! Посторонись-ка!» кричалъ онъ Донскому казаку, и тотъ кое-какъ тискался въ обозѣ, и мы проѣзжали. Казаки незнакомые между собой или разныхъ войскъ всегда называютъ другъ друга станишниками; «назвать иначе, обидится», объяснилъ мнѣ Кузьма. Такимъ образомъ, еще засвѣтло пробрались мы

сквозь скопище и въѣхали на высокій каменный мостъ съ каменными будками по бокамъ середины его. Тутъ уже проѣздъ былъ свободный. Въ одной изъ этихъ будокъ сидѣли два молодыхъ Кубанскихъ казака и обнявшись орали во все горло какую-то казачью пѣсню. «Чтò вы горланите, черти!» крикнулъ имъ, поровнявшись, сотникъ Закрѣпа. «Чтò вы въ станицѣ что ли у себя, дураки!» Казаки конечно вскочили, увидавъ своего офицера, и отдали ему подобающую честь. «Вотъ подите съ ними, и въ усъ себѣ не дуютъ, горланятъ какъ дома», обратился онъ, смѣясь, ко мнѣ. Не знаю ужъ, почему они его такъ раздосадовали

На мосту попались какіе-то люди, одѣтые въ обыкновенные Турецкіе костюмы, но въ необыкновенныхъ фескахъ, скомканныхъ и свѣшивавшихся шлыками на бокъ и безъ кисточекъ.

За мостомъ, налѣво, потянулось Мусульманское кладбище, а направо какіе-то развалины, миновавъ которыя, мы въѣхали въ городъ. Улицы, какъ и въ Филиппополѣ, были полны народа; но тутъ преобладалъ нашъ военный людъ: тутъ была главная квартира главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, стояли войска, много пріѣзжихъ и проѣзжихъ.

Выѣзжая на главную улицу, мы встрѣтили корнета Лёвстрема, пріѣхавшаго нѣсколько раньше насъ; онъ шелъ съ поручик. Степаномъ Ѳедоровичемъ Джунковскимъ. Я вылѣзъ изъ телѣжки, и мы обнялись съ Джунковскимъ, съ которымъ давно уже не видались. Онъ насъ пригласилъ остановиться у него. Простившись съ Закрѣпой и обѣщавшись на завтра свидѣться, мы втроемъ отправились на квартиру Джунковскаго. Но свидѣться съ Закрѣпой такъ и не пришлось, потому что въ Адріанополѣ оказалось еще больше закоулковъ и переулковъ, чѣмъ въ Филиппополѣ. Поручикъ Джунковскій занималъ въ домѣ какого-то зажиточнаго Грека чистую и просторную комнату съ атаманками вдоль стѣны и столомъ по рединѣ. Немедленно было подано красное вино, и мы поздравили другъ друга со встрѣчей, съ тѣмъ, что до сихъ поръ живы и здоровы, и съ близкимъ возвращеніемъ домой. Долго мы бесѣдовали, передавая другъ другу все, чтò произошло съ каждымъ изъ насъ за послѣднее время, пока усталость не взяла свое, и мы, разлегшись по атаманкамъ, заснули, какъ невинные младенцы. Черезъ день поручикъ Джунковскій уѣхалъ, и мы перебрались на другую квартиру, а немного спустя и корнетъ Лёвстремъ уѣхалъ въ полкъ. Я пошелъ бродить по городу, встрѣчая на каждомъ шагу знакомыхъ; съ нѣкоторыми приходилось увидѣться впервыя послѣ Петербурга.

Адріанополь представлялъ собой большой военный лагерь, улицы полны офицеровъ, всѣхъ родовъ оружій, съѣхавшихся по разнымъ об-

стоятельствамъ изъ различныхъ отрядовъ дѣйствующій арміи. Великій Князь жилъ въ «канакѣ»; это большое каменное зданіе, лучшее въ городѣ, стояло въ глубинѣ обширнаго двора на главной улицѣ города. Когда ожидался выѣздъ главнокомандующаго, масса народа и офицерства толпилась на дворѣ и на пути его слѣдованія. Часто Великій Князь останавливался, разговаривалъ и шутилъ съ окружающими. Я заходилъ въ «канакъ» къ своимъ товарищамъ, ординарцамъ Великаго Князя. Они жили въ прекрасной квартирѣ, отведенной въ канакѣ: лѣстница съ ковромъ, кровати съ чистымъ бѣльемъ, сами, какъ и вся остальная свита, чистенькіе, умытые, приглаженные, такъ что намъ, уже порядкомъ обносившимся, измазаннымъ, небритымъ и давно отвыкшимъ отъ всякихъ удобствъ, казалось сразу, что мы попали въ другой міръ. По поводу этихъ удобствъ нерѣдко мы подтрунивали и дразнили состоявшихъ при главной квартирѣ. Вся жизнь съѣхавшагося этого военнаго мірка сосредоточилась на улицахъ. Встрѣчавшіеся шли въ первую попавшуюся кофейню, чтобы за стаканомъ краснаго вина спокойно поболтать. Тутъ же заводились быстро новыя знакомства, и такимъ образомъ уличная жизнь процвѣтала. Всѣ кофейни были биткомъ набиты офицерами: сидятъ за столами, пьютъ, ѣдятъ, болтаютъ. Въ походѣ какъ-то забывается разность положеній и чиновъ: всѣ товарищи. Иногда не знаешь, какъ и звать и фамилію, а между тѣмъ пріятели и на ты. Гдѣ нибудь встрѣчались, и съ удовольствіемъ опять встрѣчаешься и прямо въ кабачокъ за стаканъ добраго вина, гдѣ разговоръ какъ-то легче и веселѣе идетъ; а тутъ еще кто-нибудь подсядетъ, и образуется такимъ порядкомъ компанія оживленная и веселая.

Чуть не въ каждомъ домѣ города были открыты маленькія кофейни или родъ какихъ-то закусочныхъ весьма грязныхъ и угощавшихъ посѣтителей кушаньями подозрительнаго качества, но тѣмъ не менѣе они были полны.

Всѣ эти трактиры содержались Греками, а частью разными иностранцами. Разговаривать съ ними приходилось на Французскомъ языкѣ, который они тоже плохо понимали, такъ что сказанное дополнялось жестами. Въ городѣ было нѣсколько гостинницъ, одна очень чистая и даже съ нѣкоторыми претензіями на комфортъ, съ общимъ столомъ и извозчиками во дворѣ, ожидавшими желающихъ прокатиться: полуколяска или, какъ ее называли, фаэтонъ парой въ дышло, на высокихъ козлахъ котораго возсѣдалъ кучеръ Грекъ въ національномъ костюмѣ съ длиннымъ бичемъ. Какъ Филиппополь, такъ и Адріанополь не отличались чистотой: повсюду грязь, вонь, кучи мусора и навоза. Станція желѣзной дороги также была за городомъ, и шоссе, ведущее къ ней,

обсаженное деревьями, представляло прекрасную аллею, гдѣ ежедневно подъ вечеръ происходило катанье. По бокамъ аллей расположились бивуакомъ Болгары, бѣжавшіе отъ Турокъ. Станція была оживлена, и правильное движеніе открыто между Филиппополемъ и Адріанополемъ и даже нѣсколько дальше, до линіи, занимаемой нашими войсками. Ѣздить по этой желѣзной дорогѣ можно было съ особаго разрѣшенія.

Самое замѣчательное зданіе въ городѣ это мечеть «Султана Селима», очень высокая обширная съ четырьмя по угламъ высокими минаретами въ нѣсколько ярусовъ, окаймленныхъ рѣзными балкончиками, на которые выходятъ глашатые—«муедзины», въ положенные часы, сзывать правовѣрныхъ на молитву.

Идя какъ-то по улицѣ и не подозрѣвая, что тутъ происходитъ правильное моленіе Мусульманъ, я услыхалъ протяжный крикъ; оглядываюсь во всѣ стороны, но не вижу, кто кричитъ. Крикъ повторяется и какъ будто гдѣ-то наверху. Ища виновника моего недоумѣнія, я нечаянно взглянулъ на одинъ изъ красивыхъ балкончиковъ стройнаго минарета мечети Султана Селима, гдѣ замѣтилъ муедзина-глашатая въ чалмѣ и подпоясаннаго, въ широкомъ цвѣтномъ халатѣ, который, приставивъ ладони къ ушамъ въ видѣ крыльевъ и обходя по балкончику вокругъ минарета, попеременно на всѣ четыре стороны выкрикивалъ призывъ правовѣрнымъ на молитву. И правовѣрные собирались со всѣхъ концовъ города. Я тоже пошелъ въ мечеть, чтобы осмотрѣть ее. Это было каменное, высокое, красивое, бѣлое зданіе съ куполообразной крышей, съ четырьмя высокими стройными минаретами по угламъ, обнесенное бѣлой же каменной оградой съ воротами на каждой сторонѣ. Главные ворота выходятъ на улицу; стоитъ невдалекѣ канакъ.

Войдя въ ворота ограды, я попалъ на довольно обширный дворъ, очень чистый, съ мраморнымъ водоемомъ по срединѣ и бьющимъ изъ него фонтаномъ. Кругомъ сидѣли и лежали нищіе и желавшіе отдохнуть. Входныя двери въ мечеть высокія, около которыхъ стояли ряды башмаковъ правовѣрныхъ, ушедшихъ внутрь въ чулкахъ. Пройдя въ двери, я очутился внутри зданія, напоминающаго нашъ храмъ. Въ противуположной отъ входа стѣнѣ такое же круглое съ окнами углубленіе внаружу, какъ нашъ алтарь, и на одну ступеньку выше, чѣмъ весь полъ, а по срединѣ этого полукруга, на раскинутой подставкѣ, лежитъ большой раскрытый Коранъ.

Русскій глазамъ не вѣритъ, любитъ пощупать руками, а поэтому и Коранъ не остался въ покоѣ: его каждый перелистывалъ, разсматривая. По срединѣ изъ купола спускалась большая люстра, а по сто-

ронамъ были маленькія. По стѣнамъ вверху висѣли бѣлые круги, съ черными Турецкими письменами и, вѣроятно, изреченіями изъ Корана. Вправо отъ алтаря устроено возвышеніе, на которое ведетъ лѣстница ступенекъ въ десять, съ площадкой наверху, съ которой муллы говорятъ проповѣди, поучая правовѣрныхъ. Все это возвышеніе было сдѣлано изъ бѣлаго мрамора. Перила и бока этой вышки, изящной ажурной работы, говорили, что будто бы она вся высѣчена изъ цѣлаго куска мрамора. Вдоль стѣны, надъ входной дверью, на столбахъ устроены хоры, на которыхъ стоятъ во время богослуженія женщины, не допускаемыя и въ мечети въ общество мужчинъ. Они скрываются отъ взоровъ любопытныхъ за деревянною въ мелкую косую клѣточку рѣшеткой. Вдоль стѣнъ мечети, кому гдѣ удобно, на коврикахъ, въ фескахъ, но безъ обуви (которая снимается и оставляется при входѣ, или ставится на коврикахъ рядомъ съ собой) стояли на колѣнахъ, сидя на пяткахъ, нѣсколько Турокъ, сосредоточенно молившихся. Они не обращали никакого вниманія на окружавшій ихъ шумъ любопытныхъ, осматривавшихъ мечеть и ихъ самихъ. Это замѣчательная черта Магометанъ — отдаваться вполнѣ молитвѣ, оставляя всякое занятіе, какъ только услышатъ призывъ муедзина. Чистота въ мечетяхъ замѣчательная. Богослуженіе отправлялось въ положенные часы, не стѣсняясь пребываніемъ Русскихъ, и было одно вечернее торжественное богослуженіе, на которомъ присутствовалъ Великій Князь со свитой и всѣ желающіе. На этотъ разъ мечеть и минареты снаружи были иллюминованы сверху донизу разноцвѣтными фонарями, а внутри также ярко освѣщена зажжеными люстрами.

По улицамъ города часто встрѣчалось магометанское духовенство; у нѣкоторыхъ были зеленыя чалмы, у другихъ бѣлыя; одѣты они въ длинные широкіе халаты, въ родѣ нашихъ подрясниковъ, подпоясанныхъ въ нѣсколько разъ обернутымъ вокругъ шарфомъ, кажется, по цвѣту чалмы. Вообще въ Адріанополѣ видно было, что наше присутствіе не стѣсняло жителей. Началась торговля всевозможнымъ восточнымъ хламомъ, продаваемымъ за дорогую цѣну. Пріѣзжалъ какой-то иностранецъ съ знаменитыми саблями, принадлежавшими будто бы, какъ увѣрялъ онъ, разнымъ султанамъ и знаменитымъ пашамъ. Я ихъ видѣлъ, зайдя въ гостиницу, гдѣ онъ ихъ выставилъ. Правда, очень хорошія и дорогія сабли, но цѣна была баснословная.

Въ одну изъ своихъ прогулокъ по городу я встрѣтилъ сотника Владикавказскаго полка, Александра Васильевича Верещагина, и мы пошли съ нимъ бродить по улицамъ и трактирчикамъ. Зашли въ «Османъ-Базаръ»; это тоже пассажъ, какъ и въ Филиппополѣ, камен-

ный, представляющій длинный корридоръ со сводами и каменнымъ поломъ. Направо и налѣво тянулись прилавки, разгороженные деревянными стѣнками на маленькія отдѣленія. Въ каждомъ отдѣленіи сидѣлъ, поджавши ноги, на прилавкѣ хозяинъ. Товаръ самый разнообразный: тутъ и ковры, и ситцы, и сукна, и подвѣски металлическія и серебряныя, и конская сбруя, и много другой всякой всячины.

Народъ сновалъ по всѣмъ направленіямъ. Отойдя немного отъ базара, мы попали на рынокъ, тутъ же неподалеку расположенный, гдѣ торговали съѣстнымъ разнаго рода и во всякомъ видѣ, какъ въ сыромъ, такъ и въ готовомъ, т.-е. на рѣшеткахъ поджареннымъ.

Увидавъ живую рыбу, мы рѣшили варить себѣ уху по своему и, купивъ какую-то большую, въ родѣ нашего налима, пошли на квартиру сотника Верещагина, приказавъ здѣсь же взятому мальчику тащить за нами рыбу. Верещагинъ жилъ въ чистенькой и уютной комнаткѣ Греческаго дома. Хозяева по-русски не понимали, и мы, принеся рыбу, спросили хозяйку, гдѣ у нея кухня, объясняя ей, указывая на рыбу, что хотимъ готовить. Она повела насъ на кухню и очень любезно предложила намъ свои услуги; но какъ мы ни бились, стараясь растолковать приготовленіе ухи по-русски, пришлось покориться судьбѣ, и мы ушли къ себѣ въ комнату, оставивъ приготовленіе ея на усмотрѣніе хозяйки. Хотя уха была и не по нашему приготовлена, но вышла вкусная, а главное свѣжая, и мы остались довольны, что поѣли порядочнаго кушанья.

Становилось уже не на шутку жарко; о снѣгѣ, конечно, давно не было помину. Городъ мало-по-малу пустѣлъ. Войска уходили впередъ, обозы подтягивались и располагались въ предмѣстьяхъ его. Главная квартира собиралась переходить въ Санъ-Стефано. Все стремилось въ сторону Стамбула.

Наконецъ выѣхалъ Великій Князь, а съ нимъ и вся главная квартира. Городъ совсѣмъ опустѣлъ. Я стоялъ на квартирѣ въ маленькой гостинницѣ, низъ которой занималъ кафе-ресторанъ. Здѣсь я совершенно случайно досталъ сладковатое розовое вино, что-то въ родѣ ликера, котораго мы раньше нигдѣ не встрѣчали. Хозяинъ этого заведенія былъ Болгаринъ; онъ мнѣ объяснилъ, что это вино любятъ очень Турецкія женщины, когда удаляются кейфовать съ подругами въ бани.

Скука была препорядочная, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ приказа присоединиться къ полку.

Выйдя утромъ какъ-то на балконъ изъ своего номера, я увидѣлъ разгуливавшаго по двору гостиницы нашего корнета Болдырева. Ока-

залось, что онъ также былъ оставленъ съ партіей больныхъ лошадей и стоялъ верстахъ въ семи отъ Адріанополя въ Турецкой деревнѣ. Сейчасъ же было рѣшено, что я съ лошадьми переѣду къ нему.

V. Присоединеніе къ полку.

Къ вечеру въ тотъ же день мы уже были въ деревнѣ, гдѣ лошадямъ было гораздо покойнѣе и ближе къ продовольствію. Обозъ остался въ городѣ. Деревня эта Турецкая, стояла въ равнинѣ, окруженной возвышенностями. Чурбаджа этой деревни, Грекъ, еще молодой человѣкъ, пригласилъ насъ остановиться въ его домѣ.

Домъ у него былъ довольно помѣстительный, съ большимъ дворомъ спереди и сараями по краямъ его. Говорилъ онъ немного по-французски, но такъ плохо, что мы едва могли понять его. Любимое слово у него было «фрапронъ»; это слово онъ говорилъ очень часто, оно выражало, смотря по надобности, и драку, и охоту, и стрѣльбу, и еще многое кое-что. Поэтому мы, не зная какъ его звать, прозвали его «фрапрономъ».

Устроились мы въ этой деревнѣ удобно и покойно; воздухъ чистый, корму и людямъ и лошадямъ, благодаря любезности «фрапрона», было вдоволь. Турки были вполнѣ мирные; ни малѣйшей непріязни они намъ не выказывали наружно, посылая въ душѣ, вѣроятно, насъ въ преисподнюю.

Турчанки, какъ и вездѣ, не показывали своего лица; а намъ очень хотѣлось посмотрѣть, каковы онѣ. Видя, что въ извѣстное время утромъ и вечеромъ онѣ небольшими партіями ходятъ неподалеку отъ насъ къ колодцу за водой, съ высокими кувшинами на плечахъ и, разыгравшись иногда между собой, бѣгаютъ одна за другою раскрытыя, не боясь любопытнаго мужского глаза, подмѣтивъ это, мы какъ-то рано утромъ пришли къ колодцу, и такъ какъ онъ былъ на открытомъ мѣстѣ, то залегли неподалеку, за небольшимъ валикомъ, въ надеждѣ, что Турчанки насъ не замѣтятъ и будетъ возможность полюбоваться ими на свободѣ. Вскорѣ пришли Турчанки, но тотчасъ открывъ нашу засаду, съ крикомъ бросились бѣжать въ деревню, а мы, смѣясь надъ испугомъ ихъ и своей неудачей, тоже вернулись домой, и уже больше не повторяли попытокъ подсматривать.

Хозяинъ нашъ оказался очень милый человѣкъ; мы съ нимъ сдружились, и онъ постоянно сидѣлъ у насъ, или мы у него. Училъ онъ насъ играть въ какую-то игру, напоминавшую наши шашки, но совсѣмъ другого вида, увѣряя, что въ эту игру любитъ играть султанъ, и

партнеръ его обязательно долженъ проигрывать, въ противномъ случаѣ онъ подвергается султанской немилости. Показывалъ онъ намъ, какъ рѣдкость, иллюстрированную исторію на Французскомъ языкѣ Наполеона I-го и его походовъ.

Турки уважали своего чурбаджу и нашего «Фрапрона», и мы удивлялись, какъ они его, Грека, выбрали своимъ начальникомъ. При насъ онъ произвелъ какое-то судебное разбирательство надъ Турками и однаго изъ нихъ отправилъ въ Адріанополь для дальнѣйшаго слѣдствія и наказанія. Отъ нечего дѣлать, мы ѣздили изрѣдка въ Адріанополь узнать новостей и сдѣлать кой-какія закупки.

Начался перелетъ утокъ; мы сожалѣли, что нѣтъ у насъ ружей и нельзя поохотиться. Сожалѣніе свое высказали какъ-то Фрапрону, онъ оказался охотникомъ и предложилъ намъ свои охотничьи ружья.

Обрадованные такой находкой, каждый день на вечерней зарѣ мы отправлялись за деревню озеромъ на перелетъ утокъ. Садясь между озеръ, мы поджидали лётъ ихъ и какъ только начинало смеркаться, изъ многочисленныхъ заливчиковъ доносилось кряканье утокъ, и селезни начинали летать въ разныхъ направленіяхъ надъ нашими головами. Мы открывали по нимъ огонь; но такъ какъ сумерки очень непродолжительны и темнота наступала почти слѣдомъ за закатомъ солнца, то приходилось подъ конецъ стрѣлять не по видимой цѣли, а на угадъ по шуму крыльевъ. Но все-таки почти каждый разъ мы приносили домой трофеи нашей охоты. Фрапронъ радовался, утокъ жарили и съѣдали всѣ сообща. Иногда и онъ ходилъ съ нами и какъ-то разъ предложилъ поѣхать съ нимъ на охоту къ его брату, жившему недалеко на хуторѣ. Мы, конечно, съ удовольствіемъ приняли предложеніе и на другое утро, съ разсвѣтомъ, верхами отправились къ его брату. Верстахъ въ десяти въ небольшой рощѣ стоялъ хуторокъ «чифликъ», (какъ здѣсь называется) брата Фрапрона. Хозяинъ любезно предложилъ намъ сначала закусить, потомъ показывалъ свое хозяйство и затѣмъ пригласилъ идти на охоту. Собакъ съ нами не было. Отойдя немного отъ «чифлика», мы разошлись и начали, равняясь, охоту. Зайцы выскакивали чуть не на каждомъ шагу, но подпускали насъ на ружейный выстрѣлъ, а другой дичи не попадалось, и мы, походивъ достаточное время и не сдѣлавъ ничего путнаго, повернули домой. Закинувъ ружье за плечи и о чемъ-то разговаривая, шелъ я съ Фрапрономъ по дорогѣ, а корнетъ Болдыревъ съ его братомъ нѣсколько поодаль. Вдругъ у насъ изъ-подъ ногъ съ шумомъ поднялась стая куропатокъ; это было такъ неожиданно, что мы, увлеченные бесѣдой, отскочили въ сторону

и съ удивленіемъ смотрѣли на удалявшуюся стаю. Корнетъ Болдыревъ съ Грекомъ хохотали. Сообразивъ въ чемъ дѣло, мы бросились бѣгомъ къ мѣсту, гдѣ сѣли куропатки, но ничего тамъ не нашли. Такъ съ пустыми руками и вернулись домой.

Такъ текла наша мирная жизнь въ Турецкой деревушкѣ, пока не пріѣхалъ изъ полка корнетъ Медвѣдевъ, осмотрѣлъ лошадей и передалъ намъ приказаніе идти къ полку. Корнетъ Болдыревъ ушелъ раньше, а я, черезъ нѣсколько дней, съ обозомъ также двинулся къ Санъ-Стефано. Шоссе къ Санъ-Стефано пролегало по открытой плоской мѣстности, вдоль котораго по сторонамъ часто попадались помѣщичьи усадьбы, «чифлики», постройки которыхъ большею частью были каменныя, обнесенныя такой же стѣной. Усадьбы частью были брошены, частью разорены, но кое-гдѣ и обитаемы.

Я съ больными, т. е. уже выздоровѣвшими, лошадьми шелъ обыкновенно впереди обоза, дѣлая привалы, а обозъ шелъ своимъ порядкомъ, застрѣвая кое-гдѣ и обыкновенно приходилъ на ночевку къ вечеру, когда мы успѣемъ уже отдохнуть и задать кормъ лошадямъ. Предполагалась дневка всему обозу въ одномъ мѣстечкѣ и какъ всегда, такъ и теперь, впередъ я послалъ унтеръ-офицера, чтобы приготовить мѣсто для стоянки и отыскать фуражъ, который мы брали, гдѣ попадется.

Дойдя до мѣстечка, гдѣ предполагалась дневка, мы увидали полнѣйшее разрушеніе, и по донесенію моего унтеръ-офицера фуража было много въ деревушкѣ, верстахъ въ пяти въ сторону отъ шоссе. Я рѣшилъ пройти въ эту деревушку и тамъ дневать.

Деревушка была Болгарская и, повидимому, очень зажиточная: сѣна и ячменя было вдоволь. Я помѣстился въ семействѣ стараго Болгарина, который принялъ меня очень радушно: сейчасъ же разостлалъ ковры у очага, наложилъ на нихъ подушекъ и пригласилъ меня отдохнуть. Въ тоже время бабы по приказанію его начали стряпать кушанья для меня, сынъ былъ посланъ принести зайца. «Поди, застрѣли капитану зайца», сказалъ старикъ сыну. Я удивился такому приказанію, какъ будто зайцы эти были непремѣнно на намѣченныхъ мѣстахъ и ихъ можно было по желанію во всякое время находить и стрѣлять. Сынъ взялъ ружье и вышелъ. Небольше какъ черезъ полчаса къ моему удивленію онъ вернулся, неся зайца. Я спросилъ, какъ это удалось ему такъ скоро найти зайца; но оказалось, что ихъ такъ много въ этихъ мѣстахъ, что можно во всякое время настрѣлять, сколько

угодно. Солдаты были довольны обиліемъ фуража и угощеніемъ Болгаръ.

Старикъ все время не отходилъ отъ меня, показывалъ хозяйство и окрестности, разспрашивалъ о Россіи и очень удивился моему отвѣту на вопросъ, во сколько дней можно пройти изъ конца въ конецъ Россію, что на это надо не нѣсколько дней, а нѣсколько мѣсяцевъ, а то и въ годъ не пройдешь. Также онъ интересовался численностью войскъ, дѣйствовавшихъ и оставшихся дома, и всему удивлялся. Спрашивалъ, гдѣ будетъ граница Болгарскаго княжества; узнавъ, что Адріанополь отойдетъ къ Турціи, очень огорчился и, обратясь къ своимъ домочадцамъ, объявилъ имъ, что переѣдетъ отсюда въ Болгарское княжество. «Ни за что не останусь съ этими проклятыми», заключилъ онъ.

Простоявъ сутки въ полномъ довольствіи, утромъ мы выступили, и я пошелъ въ мѣстечко, гдѣ долженъ былъ стоять обозъ, но къ крайнему нашему удивленію обоза не оказалось. Намъ сказали, что онъ не стоялъ, а переночевалъ и пошелъ дальше. Мнѣ пришлось пройти въ этотъ день верстъ подъ шестьдесятъ, чтобы догнать ихъ въ городкѣ, въ которомъ они должны были остановиться. Дорога все время шла съ возвышенности на возвышенность, по открытой мѣстности, и лошади немного утомились большимъ переходомъ, хотя было сдѣлано нѣсколько приваловъ. Попадавшіеся по дорогѣ Болгары увѣряли, что городъ близокъ, а между тѣмъ его еще не было видно, и я предположилъ, что Болгары, какъ всегда, врутъ по своимъ немѣреннымъ часамъ. Въ это время мы подходили по возвышенности къ спуску, и вдругъ, подойдя къ самому обрыву, передъ нами сразу открылся весь городъ, расположенный внизу на равнинѣ. У насъ вырвался невольный крикъ удивленія, «вотъ онъ городъ!» Спустившись и войдя въ него, мы увидали, что онъ почти пустъ. Турецкіе дома были всѣ брошены. Въ городѣ было уже устроено управленіе, во главѣ котораго, какъ и вездѣ, стоялъ нашъ офицеръ-администраторъ. Обозъ свой мы застали тутъ же. Выбравъ мѣсто для стоянки лошадей, я расположился въ Турецкомъ домѣ, куда вскорѣ пришелъ нашъ ветеринарный докторъ Подшиваловъ, прося разрѣшить ему перебраться ко мнѣ отъ Бирюкова, съ которымъ онъ остановился, но что-то не подѣлили. Подшиваловъ уже успѣлъ обѣгать весь городъ, нашелъ какой-то складъ оружія въ мечети и притащилъ оттуда какія-то вещи, предлагая купить какую-то ломаную шарманку. Онъ уже зналъ, гдѣ что́ въ городѣ находится, о чемъ сообщилъ мнѣ; но я, уставъ порядочно, отказался сопутствовать ему и улегся спать. Здѣсь мы дневали.

На одномъ изъ ночлеговъ пришлось остановиться въ разоренномъ мѣстѣчкѣ, гдѣ намъ сказали, что всѣ колодцы отравлены и только одинъ чистъ, но этотъ чистый каждый указывалъ, гдѣ попало. Думать было нечего: взяли на угадъ, варили и чай пили и, слава Богу, никто не отравился.

Все ближе и ближе подвигались мы къ передовымъ войскамъ, чаще встрѣчали разоренныя и брошенныя деревни и города, въ которыхъ намъ приходилось дѣлать дневки и ночлеги. Въ одномъ изъ такихъ городковъ, сдѣлавъ дневку, я расположился въ брошенномъ Турецкомъ домѣ съ баней. Вообще о Турецкихъ домахъ, конечно богатыхъ, можно сказать, что они устроены съ роскошью и своеобразнымъ удобствомъ и фантазіей: повсюду мраморъ, кругомъ тѣнистые сады, которые охлаждаются различными водоемами и фонтанами. Большинство же домовъ строятся не каменные, а деревянные на высокомъ, составляющемъ первый этажъ, фундаментѣ. Часто, въ домахъ средняго класса, каменный низъ представляетъ конюшню и скотный дворъ, гдѣ стоятъ лошади и буйволы, покрытые зимой теплыми одѣялами, и всякая другая хозяйственная живность. Крыши черепичныя, красныя, внутренняя отдѣлка большею частью деревянная, буковая; потолки, стѣны сплошь обшиты буковыми дощечками, выложенными въ различные рисунки съ разными украшеніями, иногда же стѣны и потолки расписываются по штукатуркѣ красками. Въ расположеніи комнатъ никакой системы не соблюдается: изъ большой комнаты попадешь въ какой-нибудь чуланъ, дальше опять комната, какъ комната. Въ одной и той же комнатѣ разной величины и формы окна и двери. Почти всѣ комнаты отдѣляются одна отъ другой или высокимъ порогомъ, или лѣсенкой въ нѣсколько ступенекъ, внизъ или вверхъ. Во всѣхъ стѣнахъ разной величины шкафчики, потайныя маленькія дверки, въ которыя нужно пролѣзать ползкомъ, а тамъ опять просторная комната. Однимъ словомъ, какой-то лабиринтъ съ переходами, ходами, лазейками и всевозможныхъ размѣровъ комнатами. Въ женскомъ отдѣленіи окна дѣлаются рѣшетчатыя, въ косую клѣтку, или другихъ рисунковъ плетенки; клѣточки такъ малы, что и руку нельзя въ нихъ просунуть, а свѣту не мѣшаютъ. Это отдѣленіе всегда въ сторонѣ отъ любопытныхъ глазъ, и доступъ туда, кромѣ мужа и самыхъ близкихъ родственниковъ, запрещенъ подъ страхомъ смерти. На этой половинѣ, въ одной изъ комнатъ въ углу дѣлается маленькое отдѣленіе для частыхъ омовеній, по магометанскому закону, со шкафомъ, съ покатымъ къ углу мраморнымъ поломъ и дыркой для стока воды. Тутъ же устраивается небольшой котелъ для нагрѣванія воды; кромѣ того дѣлаются и большіе водоемы,

какъ въ домахъ, такъ и въ садахъ, смотря по избытку хозяина. Въ мужской половинѣ тоже устроены отдѣленія для омовенія и другихъ надобностей, съ мраморными полами и отверстіемъ по срединѣ. Объ Европейскихъ удобствахъ не имѣютъ понятія. Для омовенія служитъ мѣдный кувшинъ, «кунганъ», высокій, съ длиннымъ носкомъ.

Въ болѣе богатыхъ домахъ пашей, въ одномъ изъ которыхъ остановился я въ этотъ разъ, устроена была баня. Мы поспѣшили воспользоваться таковой и вымыться какъ слѣдуетъ. Начали топить баню и грѣть воду въ особыхъ глиняныхъ горшкахъ. Баня, какъ и у насъ, съ передбанникомъ, но безъ полка. Крыша въ банѣ куполообразная, съ круглыми окнами, закрытыми стеклянными колпаками, чрезъ которые проходящіе солнечные лучи распространяютъ пріятный свѣтъ и какую-то таинственность, располагающую къ нѣгѣ. Полъ и невысокія скамейки вдоль стѣнъ передбанника—все это мраморное. Полъ въ банѣ на столько накаливается отъ трубъ, проходящихъ подъ нимъ для нагрѣванія, что надо надѣвать деревянныя скамеечки на ноги, чтобы не обжечь подошвы ногъ. Баня для восточныхъ людей, какъ и для Русскихъ, составляетъ высшее наслажденіе, а для женщинъ Востока она служитъ мѣстомъ развлеченія. Въ нихъ Турчанки устраиваютъ празднества; собираютъ подругъ и удаляются въ баню на цѣлый день, гдѣ онѣ купаются, а въ передбанникѣ на коврахъ и мягкихъ подушкахъ онѣ предаются развлеченіямъ, попивая различные прохладительные напитки, ѣдятъ фрукты и сласти, угощая подругъ, курятъ кальяны, поютъ пѣсни, слушаютъ музыку и пляшутъ граціозные, страстные восточные танцы. Однимъ словомъ, наслаждаются полнымъ отдыхомъ и нѣгой.

Для насъ мытье въ этой банѣ было тоже праздникомъ. Съ самой Россіи не видѣли мы бани, и мытье продолжалось до поздней ночи, потому что сразу размѣръ бани не позволялъ мыться многимъ.

Утромъ мы пошли дальше изъ этого мѣстечка и, сдѣлавъ двѣ или три ночевки, подошли къ Чаталджинскимъ высотамъ. На этомъ пути ничего особеннаго намъ не попалось, если не считать верблюдовъ, навьюченныхъ котлами, съ погонщиками—нашими солдатами. Это была для насъ новинка, и на нашихъ лошадей этотъ караванъ произвелъ большое впечатлѣніе: они начали испуганно фыркать и кидаться въ стороны.

Мы подходили къ Чаталджинскимъ высотамъ, усѣяннымъ Турецкими редутами, которые тоже оставлены были ими безъ боя.

Позиція эта, расположенная на командующихъ высотахъ, впереди которыхъ лежитъ болото, съ перекинутою чрезъ него гатью, представлялась мало доступной, и почему Турки не попытали счастья на ней, не знаю. Теперь же наша пѣхота стояла на этихъ высотахъ бивуакомъ. Здѣсь мы узнали, что полкъ нашъ стоитъ еще дальше, въ деревнѣ Нифасъ, куда мы и направились, радуясь окончанію нашего странствія и скорой встрѣчѣ съ товарищами.

Подъ самымъ уже Нифасомъ по дорогѣ попалось намъ нѣсколько Турецкихъ солдатъ, безъ оружія, шедшихъ по своимъ дѣламъ. Странно ихъ было видѣть теперь, мирно и спокойно идущихъ мимо насъ, тогда какъ нѣсколько дней тому назадъ они издали осыпали насъ градомъ пуль. Въ деревнѣ Нифасѣ на улицѣ встрѣтилъ насъ полковой командиръ. Поздоровавшись со мной и съ людьми, онъ приказалъ спѣшиться и сдѣлать выводку лошадямъ. Убѣдившись въ ихъ порядкѣ, генералъ Эттеръ благодарилъ людей и меня и, отпустивъ ихъ, пригласилъ меня къ себѣ, распрашивая о подробностяхъ нашего пребыванія въ отдѣлѣ отъ полка.

(Окончаніе впредъ).

ИЗЪ ЖИЗНИ КАТОРЖНЫХЪ ИЛГИНСКАГО И АЛЕКСАНДРОВСКАГО, ТОГДА КАЗЕННЫХЪ, ВИНОКУРЕННЫХЪ ЗАВОДОВЪ.

1848 — 1853 г.

I.

„Не спѣши карать—спѣши миловать“.
(*Пословица*).

Настоящая статья никогда для печати не предназначалась. Она отрывокъ изъ моей автобіографіи, которую я пишу отнюдь не для печати, а исключительно для моихъ дѣтей. Я не писатель. Если иногда и попадало что-либо мое въ печать, то это только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда было нужно: опровергнуть неправильные о комъ-либо изъ Сибирскихъ дѣятелей отзывы; хлопотать о возстановленіи какихъ-либо правъ, или, наконецъ, поправить какое-либо невѣрное историческое или же бытовое описаніе, касающееся исключительно Сибири. Я—Сибирякъ, довольно хорошо ее знаю, и писать въ подобныхъ случаяхъ, на сколько могу и умѣю, считаю для себя обязательнымъ. Вотъ и теперь приступаю къ этому ради возбужденнаго волею горячо и сердечно заботящагося о благѣ Россіи Государя Императора (да поможетъ Господь Ему исполнить всѣ Его добрыя предначертанія!) важнаго для всего нашего отечества, а для Сибири и въ особенности, вопроса объ измѣненіи системы наказаній и отмѣнѣ ссылки.

Прежде чѣмъ приступлю къ моему разсказу, долженъ предварить, что съ каторжными, о которыхъ буду здѣсь говорить, я болѣе или менѣе ознакомился еще съ моего дѣтства, бывъ привезенъ, 21 Октября 1827 г., семилѣтнимъ мальчикомъ въ Тельминскую (тогда казенную) фабрику *) отцомъ моимъ, опредѣленнымъ туда на должность казначея. Здѣсь я провелъ почти все время до поступленія моего въ Иркутскую гимназію (1830 г.); здѣсь же первымъ учителемъ моимъ, начавшимъ правильно со мною заниматься, былъ каторжный, Иванъ Семеновичъ Поповъ, про-

*) Суконная, полотняная и стекольная.

исходившій изъ духовнаго званія и получившій образованіе въ семинаріи. За что попалъ онъ въ каторгу, не знаю; но я до сихъ поръ храню о немъ доброе воспоминаніе за его кротость въ обращеніи со мною, бывшимъ подъ единственнымъ его, кромѣ отца моего, руководствомъ, и за умѣніе преподавать. До окончанія гимназическаго курса (1835 годъ—тогда гимназіи были 4-хъ-классныя), каждую вакацію и на праздники я постоянно пріѣзжалъ къ отцу, и такимъ образомъ отношенія мои къ фабрикѣ не прерывались. Когда же я кончилъ курсъ, то пріѣхалъ къ отцу на фабрику и жилъ съ нимъ до отъѣзда моего въ Нижнеудинскъ на должность учителя, въ Январѣ 1838 г. Такимъ образомъ отношенія мои къ фабрикѣ и общеніе съ ея жителями продолжались въ теченіе 10-лѣтняго періода. За это время, въ особенности когда и прислугою у насъ въ домѣ бывали большею частью каторжные, я могъ, сначала мальчикомъ, а потомъ юношею, при нѣкоторой наблюдательности, довольно хорошо ознакомиться съ характерами и бытомъ каторжныхъ. Кромѣ того, съ нѣкоторыми изъ нихъ я имѣлъ и общеніе, ходя часто съ сыновьями ихъ, когда пріѣхалъ домой, по окончаніи уже курса, на охоту. Часто въ разговорахъ мнѣ случалось слышать, кого именно изъ начальствовавшихъ надъ ними лицъ и за что именно они хвалятъ, а кого нѣтъ. Поэтому, когда назначили меня управлять Илгинскимъ винокуреннымъ заводомъ, бо́льшая часть жителей котораго состояла изъ каторжныхъ, то я поѣхалъ туда какъ человѣкъ, болѣе или менѣе знакомый съ характерами и потребностями того люда, которымъ мнѣ приходилось управлять и о которомъ буду говорить. Такъ какъ разсказъ мой (кромѣ одного только случая, провода партіи въ 153 человѣка изъ Илгинскаго завода въ Янды) будетъ объ единичныхъ личностяхъ, то поэтому въ немъ не будетъ никакой общей связи, кромѣ того вывода, который изъ отдѣльныхъ, разсказанныхъ мною случаевъ, могутъ сдѣлать интересующіеся настоящимъ вопросомъ о томъ, какъ должно относиться къ каторжнымъ и что̀ съ ними можно дѣлать.

Илгинскій заводъ.

Пріѣхавъ въ него и вступивъ въ управленіе, я приступилъ къ пріемкѣ заводскаго имущества и команды отъ предмѣстника моего, Василія Михайловича Петрова. Квартира моя, какъ и квартиры всѣхъ служащихъ, были въ домахъ казенныхъ. Вся, безъ исключенія, прислуга состояла изъ каторжныхъ; только въ день моего пріѣзда (помнится, послѣ того какъ уже представлялись служащіе) явился ко мнѣ одѣтый по формѣ молодой казакъ и сейчасъ сказалъ: «Къ вашему высокоблагородію на ординарцы присланъ». Я началъ его расспрашивать

и оказалось, что онъ первый годъ на службѣ, родители его имѣютъ въ заводѣ маленькій домикъ и хозяйство, и что онъ, какъ это у нихъ установлено, присланъ ко мнѣ на недѣлю. Предложенный мною вопросъ, что же онъ будетъ у меня дѣлать?—видимо привелъ его въ недоумѣніе, и онъ, подумавъ, отвѣчалъ мнѣ: «что̀ прикажете». Имѣя въ виду, что приказывать-то ему мнѣ нечего, что для этого при домѣ есть человѣкъ 5—6 каторжныхъ (защитникомъ, въ случаѣ надобности, отъ нихъ онъ одинъ тоже быть не можетъ) я сказалъ, чтобы онъ ушелъ домой и занимался тамъ своимъ дѣломъ. По дорогѣ я приказалъ ему зайти къ его ближайшему начальнику, пятидесятнику Мишарину, и сказать, чтобы тотъ по свѣдѣніямъ, посылаемымъ полковому начальству, ординарцевъ этихъ у меня показывалъ, но чтобы ко мнѣ они не приходили, а занимались у себя тѣмъ, что̀ имъ нужно. Съ этого дня до того времени, какъ я въ Февралѣ 1853 года оставилъ заводскую службу, въ теченіе пяти лѣтъ, ни одного караульнаго, кромѣ каторжныхъ въ домѣ у меня не бывало.

Казаки, которыхъ на службѣ въ Илгинскомъ заводѣ подъ командою пятидесятника было 12, употреблялись на посылки при казенномъ имуществѣ и иногда за преслѣдованіемъ и поимкою бѣжавшихъ, а также и на какія-либо другія служебныя разсылки. Для карауловъ же была военная команда, называвшаяся инвалидною ротою и состоявшая изъ людей штрафныхъ, мало способныхъ, а иногда и вовсе неспособныхъ.

Въ тотъ день, когда я уволилъ перваго и послѣдняго моего ординарца, пришелъ ко мнѣ Петровъ и, удивившись, что въ передней нѣтъ никого, кто бы снялъ съ него шубу, спросилъ меня: «какъ же это до сихъ поръ не прислали къ вамъ казака?» Когда же я ему сказалъ, что присылали, но я, не имѣя никакой надобности, разъ навсегда уволилъ казаковъ отъ этой обязанности на дѣлѣ, предоставивъ имъ исполнять ее на бумагѣ. Петрова это очень удивило, и онъ началъ доказывать, что казакъ есть признакъ, что тутъ живетъ начальство; а затѣмъ, полагая, что вѣрно я каторжныхъ не знаю вовсе, началъ разсказывать, какія онъ принималъ мѣры, когда обходилъ по наружнымъ работамъ, гдѣ каторжные имѣютъ въ рукахъ какія-либо орудія, или когда посѣщалъ тѣ зданія (кузницы, столярную, мѣдячную и проч.), въ которыхъ работы производятся. Много давалъ онъ мнѣ совѣтовъ; но теперь ихъ не помню, да не стоитъ и перечислять. Скажу только одинъ, который онъ считалъ очень важнымъ: это, приходя на работы, тотчасъ же остановить ихъ и приказать положить имѣющіеся въ рукахъ инструменты и орудія. Выслушавъ терпѣливо всѣ его наставленія, я сказалъ ему: «Знаете ли что, Василій Михайловичъ? Если я буду

поступать такъ, какъ совѣтуете вы, то они—народъ опытный и смышленный—увидятъ, что я боюсь ихъ. Я же этого не хочу. Пусть боятся они меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть видятъ, что я поступаю съ ними справедливо, не позволяю никому ихъ обидѣть, вхожу въ ихъ нужды и обращаюсь съ ними какъ съ людьми».

Г. Петровъ къ словамъ моимъ отнесся съ видимымъ недовѣріемъ и говорилъ мнѣ, что впослѣдствіи я и самъ приду къ убѣжденію, что обходиться съ каторжными такъ, какъ я предполагаю, нельзя, и что съ ними нужно быть крайне осторожнымъ и беречься ихъ. Послѣ этого, съ совѣтами своими онъ ко мнѣ болѣе не обращался, вѣроятно, потому, что пока сдавалъ мнѣ заводъ, то видѣлъ, что я поступаю съ каторжными иначе, чѣмъ поступалъ онъ.

Начальства разныхъ сортовъ было надъ каторжными (не считая принадлежащихъ къ администраціи завода чиновниковъ) слишкомъ уже много: и казаки, и караульные солдаты, и даже изъ товарищей же ихъ, такихъ же каторжныхъ, назначаемые надзиратели и десятники. «Кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ». Закончивъ пріемку завода, я объявилъ всему этому, всѣхъ сортовъ, начальству, начиная съ чиновниковъ, чтобы они отнюдь не смѣли самовольно управляться съ каторжными, и въ случаѣ какой-либо надобности обращались ко мнѣ. Точно также я приказалъ и каторжнымъ обращаться, безъ всякихъ посредниковъ, прямо ко мнѣ во всѣхъ своихъ нуждахъ и обидахъ. Взысканія, по произволу каждаго, прекратились и дѣлались только, на основаніи указанныхъ закономъ правилъ, полиціей; а такъ какъ послѣдняя, вмѣстѣ съ конторой завода, была въ одномъ зданіи, въ нѣсколькихъ шагахъ (черезъ улицу) противъ моей квартиры, то и полицмейстеру, если бы онъ даже и хотѣлъ отступить отъ моихъ приказаній, это было невозможно. Но съ его стороны попытокъ на это не было. Здѣсь (чтобы не повторяться потомъ, говоря и объ Александровскомъ заводѣ), я долженъ сказать, что самъ я, за всѣ пять лѣтъ моего управленія заводами, одному только каторжному (надзирателю при выдѣлкѣ кирпича) приказалъ дать три розги. Но виноватыхъ безъ возмездія однакоже я не оставлялъ; расправа съ ними была у меня короткая: дамъ лично хорошую трепку (я былъ молодъ и силенъ), и конецъ. Виноватый, получивъ ее, зналъ, что этимъ уже кончилось все дѣло и дальнѣйшихъ возмездій, какъ прежде бывало, не будетъ. Узнавъ изъ моихъ словъ, что ко мнѣ со всѣми просьбами должно обращаться смѣло и лично, безъ всякихъ посредниковъ, каторжные держались этого порядка и шли ко мнѣ съ увѣренностью, что, если только можно, то жалоба или же просьба ихъ безъ удовлетворенія не останутся.

Жалобы ихъ состояли большею частью въ томъ, что иногда пекарь дурно выпекалъ хлѣбъ, или же поваръ давалъ худыя щи, утаивъ въ пользу свою часть мяса или крупы. Само собою, возмездіе за это производилось мною безотлагательно и какъ пекаря́, такъ и повара́, видя, что я часто пробую хлѣбъ и щи, отъ старыхъ привычекъ отвыкли. Просьбы же каторжныхъ касались большею частью изорвавшихся одежды и обуви, или денегъ на табакъ и на нитки, или же, наконецъ, у тѣхъ, которые были приговорены на срокъ въ кандалы (сроки были разные: 5, 10, 15 и 20 лѣтъ) о перемѣнѣ ихъ, потому что носимые ими или были очень тяжелы, или терли ногу. Жалобы и просьбы эти высказывались мнѣ каторжными, когда они приходили ко мнѣ во время утренняго у меня разныхъ служащихъ рапорта, или же когда я посѣщалъ работы. Кромѣ того, освобожденные уже отъ оковъ могли приходить и вечеромъ, пока еще не стемнѣло.

1. Однажды, когда я осматривалъ земляныя работы, подошелъ ко мнѣ одинъ каторжный и началъ просить о перемѣнѣ носимыхъ имъ кандаловъ. Видимо, что человѣкъ этотъ, по складу своему, былъ когда-то сильный, но теперь уже хилый и все покашливалъ. Вѣроятно, «умаяли бурку крутыя горки»: побѣги, тюрьмы, наказанія и неоднократныя путешествія изъ Россіи въ Сибирь и обратно. «Ты чтò, срочный что ли?» спросилъ я его. «Да», отвѣчалъ онъ, «въ кандалы на 20 лѣтъ».—«Можетъ быть, ты просишь перемѣнить ихъ для того, чтобы было удобнѣе отъ новыхъ освободиться и бѣжать?»—«Куда мнѣ, баринъ *), бѣжать? Вы видите, что я человѣкъ больной», сказалъ онъ. На вопросъ, какъ его зовутъ, оказалось—Иванъ Петровъ 6-ой. Я тотчасъ же приказалъ увести его и перековать съ тѣмъ, чтобы новые кандалы онъ выбралъ себѣ уже самъ. Спустя нѣсколько дней, не помню на какихъ-то работахъ, вижу, что онъ опять идетъ ко мнѣ. «Что же, хорошо тебѣ перековали?» спросилъ я его.—«Хорошо, очень благодаренъ». «Ну, такъ что же тебѣ еще нужно?»—«А мнѣ нужно, баринъ, съ вами переговорить; отойдемте, чтобы не слыхали другіе». Думая, что онъ хочетъ, изъ благодарности, о чемъ-нибудь предварить, я исполнилъ его желаніе, и мы отошли. Оказалось совсѣмъ другое. «Вы, баринъ, простите меня за то, чтò я буду говорить, и не взыскивайте.» Удивленный такимъ вступленіемъ, я разрѣшилъ ему высказаться, и изъ словъ его оказалось, что онъ былъ когда-то извѣстнымъ разбойникомъ (не могу сказать навѣрное, забылъ) чуть ли не въ Подольской или Волынской гу-

*) Такъ называли нѣкоторые каторжные начальника завода; иные же обращались со словами: ваше высокоблагородіе. Первые были большею частью изъ крѣпостныхъ, а вторые—изъ дезертировъ. Сила привычки.

беріи, и имѣетъ тамъ большой запасъ золота и серебра, зарытый въ такомъ мѣстѣ, которое хорошо помнитъ и которое можно, по извѣстнымъ ему примѣтамъ, легко найти. Такъ вотъ теперь, чувствуя, что остается ему недолго жить, хочетъ, чтобы все это досталось мнѣ. Въ словахъ его и тонѣ голоса мнѣ слышалось, что онъ не вретъ. Я не сталъ его распрашивать о прежнемъ имени и другихъ подробностяхъ, поблагодарилъ за предложеніе и въ утѣшеніе сказалъ ему, что распрошу его потомъ, призвавъ къ себѣ. Это было раннею весною 1848 г., а въ концѣ Августа я уѣхалъ въ Александровскій заводъ. Къ себѣ его я не призывалъ. Такъ онъ и остался съ невысказанною тайною. Думаю, что онъ жилъ недолго. Если онъ говорилъ правду, то это, мнѣ кажется, хорошая черта благодарности.

2. Съ наступленіемъ тепла винокуреніе въ заводѣ закрылось, и нужно было приступить къ исправленію винницы, которая была тогда огневая, т. е. каждый котелъ (а ихъ было 12) былъ вставленъ въ особую печь, а всѣ вмѣстѣ они представляли какъ бы одну большую, длиною во всю винницу, печь, съ 12-ю независимыми топкою одно отъ другого отдѣленіями, въ каждомъ изъ которыхъ было по котлу. По смѣтѣ, утвержденной еще при моемъ предшественникѣ, нужно было старыя печи сломать и сложить новыя. Кирпича на это назначено было много, а въ наличности, по счетамъ, его оказывалось мало. Нужно было спѣшить сдѣлать его такъ, чтобы онъ былъ готовъ своевременно, и успѣть сложить печи, не опоздавъ открыть винокуреніе. Вотъ выдѣлка этого кирпича и добыча для него двухъ сортовъ глины: обыкновенной и для внутренностей печей (огнеупорной) поставили меня въ тревожное положеніе. Почти каждый день мнѣ приходилось дѣлать, ѣздивши на эти работы, по 18 верстъ верхомъ. Если, по случаю многихъ прошедшихъ лѣтъ (слишкомъ 50) не ошибаюсь, то дорога шла такъ: сначала 6 верстъ до Константиновщины (къ мѣсту добычи обыкновенной глины, гдѣ была выдѣлка обыкновеннаго кирпича); затѣмъ, 6 верстъ до Знаменской слободы, гдѣ добывалась бѣлая глина и выдѣлывался изъ нея огнеупорный кирпичъ, и потомъ 6 верстъ домой въ заводъ. Замедленіе работы могло навлечь на меня отвѣтственность; нужно было смотрѣть хорошо. Но все, какъ выдѣлка кирпича, такъ и кладка печей, было кончено своевременно. Огнеупорная глина добывалась въ большой ямѣ. Рабочіе на время работы жили подъ военнымъ карауломъ, недалеко отъ этой ямы, въ большой избѣ. Когда они спускались для добычи глины въ означенную яму, то караулъ (солдаты съ ружьями, на десять каторжныхъ—одинъ солдатъ) стояли наверху по борту ямы. Пріѣзжая, я обыкновенно спускался въ яму, осматривалъ

работу и спрашивалъ каторжныхъ, хорошаго ли качества доставляются припасы и не нуждаются ли они въ чемъ. Всѣ рабочіе были съ тѣми орудіями, которыми работали: у кого въ рукахъ ломъ, кайла, лопата. На эту работу посылались мною исключительно срочные, т. е. тѣ, которые приговорены на извѣстный срокъ въ кандалы. Вотъ одинъ изъ нихъ, во время посѣщенія ямы, обратился ко мнѣ съ просьбою о перемѣнѣ кандаловъ. Имя и фамилія его были Андрей Кутиловъ (фамилія, очевидно, благопріобрѣтенная въ бродяжествѣ); прежде былъ онъ въ гвардіи, въ Финляндскомъ полку, приговоренъ же на 20 лѣтъ въ каторгу, изъ нихъ 5 лѣтъ въ кандалахъ. Когда я сказалъ ему, что, можетъ быть, онъ проситъ перековать для удобства къ побѣгу, то онъ, поднявъ за одинъ конецъ одною рукой бывшій у него тяжелый ломъ и указывая на стоявшихъ вверху караульныхъ, какъ-то иронически сказалъ: «Баринъ! Да неужели вы думаете, что эти солдатики, если захочу бѣжать, меня удержать?»... Сравнивъ могучую фигуру Кутилова, указывающаго вверхъ на караульныхъ своимъ ломомъ, съ жалкими инвалидами, я невольно сказалъ ему: «Да, ты говоришь правду,—удержать трудно», и приказалъ перековать его, взявъ обѣщаніе, что онъ не убѣжитъ. Вѣроятно, прошло съ недѣлю, а можетъ быть и больше, какъ однажды, въ то время, когда мы вдвоемъ съ Бершадскимъ *) обѣдали, я, увидѣвъ, что солдатъ привелъ къ крыльцу дома какого-то каторжнаго, извинился передъ Бершадскимъ за перерывъ обѣда и вышелъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Бершадскій пошелъ за мною. Оказалось, что приведенъ Кутиловъ. Когда я спросилъ солдата: «зачѣмъ привелъ», то онъ сказалъ, что

---

*) Василій Ивановичъ Бершадскій, чиновникъ особыхъ порученій при новомъ генералъ-губернаторѣ, Н. Н. Муравьевѣ, привезенный имъ съ собою изъ Тулы, одинъ изъ числа честнѣйшихъ и добрѣйшихъ при немъ людей, былъ присланъ Муравьевымъ въ Илгинскій заводъ, для производства слѣдствія надъ моимъ предмѣстникомъ. Въ виду того, что въ заводѣ негдѣ было имѣть сколько-нибудь сносный столъ, а мнѣ, такъ какъ въ то время я былъ совершенно одинокъ (незадолго умерла жена), было одному скучно, я пригласилъ В. И. обѣдать постоянно у меня, такъ какъ у меня былъ хорошій поваръ (разумѣется, каторжный, какъ и вся прислуга) и можно было имѣть всегда простой, хорошій обѣдъ. Бершадскій принялъ мое предложеніе и приходилъ ко мнѣ, если былъ здоровъ и имѣлъ свободное отъ занятій своихъ время, почти каждый день. Не разъ случалось мнѣ, по его желанію и по ходу его дѣла, брать его съ собою на работы, и ему за это время не разъ случалось видѣть мое обращеніе съ каторжными, которое ему, человѣку совершенно незнакомому съ ихъ бытомъ и только-что пріѣхавшему изъ Россіи, было ново и кинулось въ глаза. Впослѣдствіи оказалось, что по возвращеніи своемъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ Иркутскъ, онъ разсказалъ все Муравьеву; а тотъ, имѣя въ виду предстоявшее, по его ходатайству, закрытіе Илгинскаго завода и предположенное имъ увольненіе смотрителя Александровскаго завода, 3-го Августа 1848 г. перевелъ меня, совершенно неожиданно въ этотъ послѣдній.

старшій въ караулѣ за каторжными при добычѣ огнеупорной глины приказалъ ему отвести Кутилова и другого срочнаго каторжнаго, Захарку (фамилію его я забылъ) въ заводскую больницу, гдѣ они хотѣли открыть себѣ кровь (прежде это было въ большомъ употребленіи). Когда же они дошли до часовни (на половинѣ дороги къ заводу), то Захарка, сказавъ «прощай, служивый», побѣжалъ отъ нихъ, и онъ, хотя долго преслѣдовалъ его, но поймать не могъ, вернулся къ часовнѣ, нашелъ тутъ Кутилова, котораго и привелъ. «Отчего же ты не стрѣлялъ въ него?» спросилъ я. «Стрѣлялъ», отвѣчалъ онъ. Взявъ изъ рукъ его ружье, я провелъ внутри ствола пальцемъ и увидѣлъ, что никакихъ слѣдовъ копоти, которая должна была быть послѣ выстрѣла, не было. Когда же я бралъ его, то услышалъ, что внутри его о стѣнки ствола что-то стукнуло. Отомкнувъ штыкъ, я повернулъ ружье дуломъ внизъ, и мнѣ на руку выкатилась пуля, но пороха не было ни зерна. Считая послѣ этого лишнимъ распрашивать солдата, я приказалъ Кутилову разсказать, какъ все было. Отъ него я узналъ, что когда они дошли до часовни, то товарищъ его, сказавъ «прощай, служивый», побѣжалъ, а за нимъ и солдатъ; онъ же легъ на крыльцо часовни и часа два ждалъ, пока солдатъ вернулся, но только одинъ; тогда пошли они ко мнѣ. Сказавъ, что стрѣлялъ, солдатъ вралъ. Когда же я спросилъ, почему онъ не схватилъ Захарку, когда тотъ только-что кинулся, то онъ отвѣчалъ: «Дуракъ, что ли я? Солдатъ подумалъ бы, что и я хочу бѣжать, и воткнулъ бы мнѣ штыкъ въ спину». Едва ли при этомъ было у Кутилова подобное соображеніе; скорѣе можно объяснить это желаніемъ не мѣшать товарищу. «А ты какъ же не бѣжалъ?» спросилъ я. «Да вѣдь я вамъ, баринъ, обѣщалъ, что не убѣгу». Впослѣдствіи, когда часть команды Илгинскаго завода была переведена въ Александровскій, Кутиловъ пришелъ въ ней въ этотъ заводъ. За означенный поступокъ его я ходатайствовалъ о сокращеніи ему срока работъ, но мнѣ разрѣшили только выдать ему въ награду 5 рублей. Мнѣ кажется, что оцѣнка сдѣлана ниже стоимости поступка человѣка, честно сдержавшаго свое слово.

3. Въ концѣ Іюня (числа не помню, но хорошо знаю, какъ будетъ видно изъ самаго разсказа) между 24 и 29, я только-что одѣлся и хотѣлъ идти къ принятію рапорта, какъ служившій при комнатахъ каторжный сказалъ мнѣ: «Сегодня зарѣзался Лазарька, бочкарь, и его увезли въ больницу». Я зналъ его и помнилъ, что фамилія его Селезневъ. Когда я пришелъ принимать рапортъ, то полицмейстеръ, подойдя ко мнѣ, отрапортовалъ, что въ заводѣ все благополучно. Я сказалъ ему: «А Лазарька?»...—«Ахъ, извините, я ошибся!» отвѣчалъ онъ. «Гдѣ онъ и живъ ли?»—«Отвезли живого въ больницу». Я тотчасъ съ по-

лицмейстеромъ поѣхалъ въ больницу, которая была отъ меня на другомъ концѣ завода, не менѣе, какъ верстахъ въ двухъ. Заводъ находился въ глубокой пади, между двухъ горъ, и весь состоялъ почти изъ одной улицы, у которой по обѣ стороны ея было еще по закоулку, а за ними по обѣимъ горамъ лѣсъ. Войдя въ палату больницы, гдѣ былъ Лазарька, я увидѣлъ, что фельдшеръ старается сдѣлать ему перевязку, а онъ вертитъ головой, чтобы воспрепятствовать. Сѣвъ подлѣ него, я спросилъ фельдшера, глубока ли рана; а Лазарька, закрывъ рукою носъ и ротъ, изъ нея мнѣ дохнулъ. Я велѣлъ ему лежать смирно и не сбрасывать перевязки, и сказалъ ему, что за это никакого, кромѣ церковнаго покаянія, наказанія не будетъ. Онъ успокоился, и перевязка кончилась хорошо. Тогда я сталъ его распрашивать, зачѣмъ онъ хотѣлъ лишить себя жизни. «Вы что же, баринъ, какъ будто не знаете? Сами же посылали десятниковъ, чтобы взять меня за убійство солдатки Чудинихи». Показавъ ему видъ, что это мнѣ извѣстно и подтвердивъ строго слушать фельдшера, мы съ полицмейстеромъ вышли, и я, зная, что у Селезнева есть жена, приказалъ привести ее поскорѣе, а потомъ, обратившись къ стоявшему у дверей часовому, спросилъ его, есть ли у нихъ солдатъ Чудиновъ, а если есть, то холостой или семейный? Онъ отвѣтилъ, что Чудиновъ есть, отставной, семейный, и живетъ близъ больницы. Я приказалъ его тотчасъ позвать, и когда онъ пришелъ, то изъ словъ его оказалось, что жена его ушла наканунѣ Иванова дня (бываетъ 24 Іюня) на праздникъ въ Константиновщину и до сихъ поръ не вернулась. Пока я разспрашивалъ Чудинова, привели жену Лазарьки Отпустивъ того, я сталъ разспрашивать ее, и изъ словъ ея оказалось, что послѣ Иванова дня мужъ ея, возвратившись съ добычи бочкарнаго лѣса домой, чтобы провести вмѣстѣ Петровъ день (29 Іюня), былъ въ какомъ-то особенномъ, непривычномъ для нея расположеніи духа: все задумывался, молчалъ и какъ бы чего-то боялся. Вечеромъ, когда они легли спать, онъ очень тревожился, метался и, наконецъ, указывая на окно, сказалъ: «Смотри, баринъ прислалъ десятниковъ забрать меня», а потомъ, вскочивъ, схватилъ со стола оставшійся на немъ послѣ ужина ножикъ, черкнулъ имъ себѣ по горлу и побѣжалъ на гору, скрывшись тотчасъ изъ глазъ ея въ близкомъ къ дому лѣсѣ; она же побѣжала объявить полиціи. Пока что̀, вдругъ услыхали крикъ часового, стоявшаго въ караулѣ у провіантскаго магазина, находящагося въ полугорѣ, не очень далеко отъ квартиры священника, у котораго она служила въ кухаркахъ. Оказалось, что часовой увидѣлъ идущаго ея мужа и, замѣтивъ на немъ кровь, поднялъ тревогу. Сбѣжались десятники, народъ, привели ея мужа и дали знать полицмейстеру, который и приказалъ увезти его въ больницу. Отпустивъ ее домой, я

возвратился къ Лазарькѣ, который лежалъ спокойно. Фельдшеръ сказалъ, что кровь остановилась. Я подошелъ къ раненому и сказалъ ему прямо: «Ну, вотъ теперь разскажи мнѣ, какъ убита Чудиниха?» Изъ словъ его оказалось слѣдующее. Онъ былъ на добычѣ бочкарнаго лѣса*) и пошелъ въ заводъ, чтобы на разговѣнье (Петровъ день) быть дома. Проходя чрезъ Константиновщину, онъ встрѣтилъ около кабака знакомаго поселенца, «Антошку плѣшиваго», который былъ вмѣстѣ съ Чудинихой и который пригласилъ его зайти съ ними выпить. Зашли, выпили, побыли недолго, и Антошка, купивъ штофъ водки, пригласилъ Чудиниху и его идти по дорогѣ къ заводу въ березникъ, чтобы распить водку. Такъ и сдѣлали; отошли съ версту или полторы, засѣли въ кустахъ и начали попивать, а тутъ Антошка за что-то началъ съ Чудинихой браниться. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше; наконецъ, Антошка ударилъ сидѣвшую съ ними на землѣ Чудиниху такъ сильно, что она опрокинулась, а онъ, сорвавъ съ нея платокъ, завернулъ его кругомъ ея шеи, затянулъ наглухо, завязалъ и, оттащивъ Чудиниху, концами платка привязалъ ее у самой земли къ березкѣ. Все это Лазарька видѣлъ и, боясь Антошку, котораго считалъ далеко сильнѣе себя, не смѣлъ ему противодѣйствовать. Покончивъ съ Чудинихой, Антошка, какъ ни въ чемъ не бывало, присѣлъ къ водкѣ; кончили ее всю и разошлись. Антошка, строго-настрого сказавъ ему, чтобы онъ не проговорился, вернулся въ Константиновщину, а онъ пошелъ въ заводъ, гдѣ и мучился воспоминаніемъ всего видѣннаго и хотѣлъ съ собою покончить.

Распросивъ хорошо о мѣстности, я приказалъ полицмейстеру распорядиться поднять трупъ Чудинихи, а самъ поѣхалъ въ Знаменскую лободу, къ засѣдателю Александру Николаевичу Скрябину, который тотчасъ же приказалъ одному изъ волостныхъ начальниковъ поѣхать захватить и привезти Антошку, что̀ и было вскорѣ исполнено. Возвратившись отъ Скрябина въ заводъ, я приказалъ принести мнѣ статейный списокъ (формуляръ каторжнаго) Лазарьки, для того, чтобы узнать, за что онъ попалъ въ каторгу. Оказалось, что за убійство. Меня очень удивило то, что человѣкъ, сосланный за убійство, мучился такъ угрызеніями совѣсти, видѣвши убійство, совершенное при немъ другимъ, что былъ преслѣдуемъ видѣніями и рѣшилъ перерѣзать себѣ горло. Пріѣхавъ однажды въ больницу (работы и всѣ помѣщенія рабочихъ я осматривалъ почти ежедневно) и видя, что Селезневъ поправ-

*) Каторжные, дѣлающіе бочки для водки, находились на задѣльной платѣ: сами добывали на боковье и днища бочекъ лѣсъ, выдѣлывали изъ него въ заводской бочкарнѣ бочки и потомъ разсчитывались за все это по извѣстной, опредѣленной таксѣ. Въ числѣ бочкарей былъ и Селезневъ.

ляется, встаетъ съ кровати, сидитъ и ходитъ, я рѣшился разспросить его объ этомъ. Оказалось, что онъ не только никогда никого не убивалъ, но въ первый разъ видѣлъ, какъ убили человѣка, и это мучило его такъ, что онъ рѣшилъ съ собою покончить. Сослали же его, какъ онъ выразился, по оговору и подозрѣнію, безъ всякой вины, а такъ себѣ, ни за что, ни про что.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, когда изъ Илгинскаго завода я переѣхалъ въ Александровскій, то Селезневъ остался въ больницѣ. Пріѣхавъ же въ Илгинскій заводъ, по порученію генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1849 г. для выбора и препровожденія каторжныхъ, имѣвшихъ строить Николаевскій желѣзодѣлательный заводъ, я узналъ, что Лазарька умеръ, а Антошка, ни въ чемъ не сознавшійся, выпущенъ и свободенъ. Въ 1853 году, когда уже я былъ опредѣленъ на должность Иркутскаго земскаго исправника, онъ, по представленію моему, былъ переселенъ за Байкалъ.

Александровскій заводъ.

Сдавъ Илгинскій заводъ моему преемнику Дмитрію Егоровичу Муромову, я, черезъ Иркутскъ, въ половинѣ Сентября 1848 г. пріѣхалъ въ Александровскій. Здѣсь, точно такъ же, какъ и въ Илгинскомъ, явился ко мнѣ на ординарцы казакъ, которому было сказано, чтобы службу эту они отбывали дома въ своемъ хозяйствѣ. Точно также повторялись и моимъ предшественникомъ П. Т. Шипицынымъ совѣты относительно осторожности въ обращеніи съ каторжными, и разсказы объ ихъ неблагонадежности. И его удивляло мое къ нимъ довѣріе. Такъ, напримѣръ, однажды онъ видѣлъ, что я даю встрѣченному на дорогѣ каторжному серебряную табакерку и посылаю ее домой, чтобы онъ попросилъ моего человѣка насыпать табаку и тотчасъ же принесъ ко мнѣ. Въ другой разъ, что я снимаю верхнее пальто и отсылаю съ каторжнымъ къ себѣ домой. Я привелъ два случая изъ нѣсколькихъ. Видя это, Шипицынъ спрашивалъ меня потихоньку, такъ чтобы не слышали рабочіе, бывшіе у пріемки: «Какъ это, И. В., вы имъ такъ довѣряете?» А я обыкновеннымъ голосомъ отвѣчалъ ему: «Что же онъ сдѣлаетъ? Я думаю, что довѣріе, съ которымъ я, главный ихъ мѣстный начальникъ обращаюсь къ нимъ, для нихъ лестно». Система управленія осталась у меня таже, что̀ и въ Илгѣ, и довѣріе мое каторжными никогда не было обмануто; въ домѣ моемъ, кромѣ одного случая, о которомъ разскажу ниже, никогда ничего не было украдено. Въ комнатахъ у меня прислуги было три человѣка: истопникъ (и онъ же лакей при столѣ) Матвѣй Манжосъ, родомъ изъ Бессарабіи; второй лакей и онъ же храни-

тель всѣхъ припасовъ—изъ Петербургскихъ мѣщанъ Иванъ Филип. Бутылкинъ, и третій—хранитель оружія и при разныхъ посылкахъ, Осетинъ Тотурбекъ Цореовъ. Каждый изъ нихъ былъ, какъ значилось въ статейныхъ спискахъ, сосланъ за убійство. Вотъ они трое, да еще двѣ собаки, были моими охранителями въ домѣ, въ которомъ было болѣе 9 комнатъ. Окна въ нихъ ни зимой, ни лѣтомъ ставнями не закрывались; а лѣтомъ, въ теплую ночь не закрывались въ нѣкоторыхъ комнатахъ даже самыя створки оконъ. По обѣ стороны дома были два флигеля. Въ одномъ изъ нихъ, съ отдѣльными хозяйственными службами, жилъ казначей—Карлъ Петровичъ Лисковацкій; а въ другомъ были мои хозяйственныя службы, гдѣ помѣщалась и остальная прислуга (кучеръ, два повара, охотникъ и коровница), и кромѣ того еще отдѣленіе изъ двухъ комнатъ, въ одной изъ которыхъ былъ билліардъ и цвѣтоводство. Прочитавъ, что у меня было два повара, можно подумать, что я былъ большой гастрономъ. Напротивъ: одинъ изъ поваровъ этихъ, лучшій и очень хорошій, былъ больной переведенъ въ числѣ многихъ ко мнѣ сюда изъ Илги и дослуживалъ свой срокъ. Его, какъ человѣка часто хворавшаго, мнѣ жаль было посылать въ непривычную ему работу, и онъ былъ въ числѣ моей прислуги. Тотурбекъ Цореовъ, о которомъ я сказалъ выше, въ число прислуги моей попалъ случайно. Однажды, когда съ предмѣстникомъ своимъ я повѣрялъ въ одной изъ кладовыхъ наличность имущества, замѣтилъ я въ числѣ каторжныхъ, бывшихъ при этой работѣ, одного, повидимому, изъ горцевъ. По разспросамъ оказалось, что онъ Осетинъ, присланный въ каторгу за убійство. По его словамъ: «голова 12 куска рубалъ» сосѣду, который началъ ухаживать за его женою. Говорилъ по русски онъ очень худо, но все таки можно было кое-какъ понимать. Я спросилъ его, хочетъ ли онъ жить у меня, и онъ съ радостью сказалъ, что хочетъ *). Когда онъ пришелъ, то я, давъ ему денегъ на Черкескую одежду, назначилъ для житья мѣсто въ той передней, съ главнаго входа въ домѣ, въ которую я обыкновенно, послѣ рапорта полицмейстера, выходилъ къ разнымъ надзирателямъ и простымъ рабочимъ-каторжнымъ, поговорить о томъ, что̀ было нужно. На стѣнѣ ея висѣли мои ружья и другое оружіе, которое я предоставилъ его наблюденію, чему онъ былъ искренно радъ, и очень часто показывалъ его каждому изъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ

*) Я спросилъ его согласія вмѣсто того, чтобы приказать, потому что у него было нѣсколько своихъ мазанокъ въ родѣ дрянныхъ саклей, которыя онъ, въ свободное отъ работъ время, умѣлъ какъ-то смастерить изъ собираемыхъ тутъ же на горѣ камней. Въ мазанки эти онъ пускалъ за ничтожную плату бездомныхъ рабочихъ, а въ одной жилъ самъ.

въ заводъ откуда-либо гостей. Стоило его только спросить, и онъ готовъ былъ, хоть говорилъ худо, разсказывать цѣлые часы.

Одно изъ такихъ показываній оружія чуть-чуть не кончилось большимъ несчастіемъ. Въ числѣ разнаго рода оружія были у меня два Кавказскихъ пистолета, у которыхъ спуски замка̀ были очень своеобразны, и нужно было обходиться съ ними осторожно. Осенью 1849 г. управлявшій Иркутскимъ солеваренным заводомъ, директоръ Тельминской фабрики и я, условились устроить на острову Ангары, удобномъ для всѣхъ насъ, охоту на козъ. Узнавъ отъ меня о времени, когда она назначена, ко мнѣ пріѣхалъ изъ Иркутска бывшій тогда при генералъ-губернаторѣ Н. Н. Муравьевѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ Иванъ Петровичъ Корниловъ (въ настоящее время почетный опекунъ) и привезъ съ собою двоихъ страстныхъ, молодыхъ охотниковъ—Михаила Сергѣевича Волконскаго (теперь оберъ-гофмейстеръ и членъ Государственнаго Совѣта) и Николая Васильевича Баснина (который потомъ, служа въ Нижегородскихъ драгунахъ, въ 50-хъ годахъ былъ убитъ подъ Курюкъ-Дара). Кромѣ означенныхъ гостей и меня былъ еще пріѣхавшій ко мнѣ Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій. Молодымъ охотникомъ захотѣлось посмотрѣть мой охотничій арсеналъ, и они пошли въ переднюю. Тотурбекъ того только и ждалъ, чтобы пуститься въ свои непонятные для многихъ разсказы. Для объясненія и изъ осторожности пошелъ туда и я. Все оружіе было развѣшено по стѣнѣ; около нея былъ ларь, а близъ него стояли всѣ мы. Стоя между обоими молодыми людьми, я что-то показывалъ Баснину, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета, который держалъ въ рукахъ Михаилъ Сергѣевичъ, и пуля ударила между нами въ крышку ларя, пробивъ ее насквозь. Оказалось, что Михаилъ Сергѣевичъ въ то время, какъ мы говорили съ Баснинымъ, снялъ опять со стѣны осмотрѣнный имъ уже раньше пистолетъ, хотѣлъ повѣсить его и вѣроятно плохо укрѣпилъ на первомъ взводѣ, вслѣдствіе чего онъ и выстрѣлилъ. Увидѣвъ его невредимымъ, я былъ отъ души радъ какъ за него, такъ и за его почтенныхъ и уважаемыхъ родителей, что выстрѣлъ кончился такъ счастливо. Охота наша была неудачна, и гости мои, переночевавъ у меня, уѣхали на завтра въ Иркутскъ.

Главное занятіе Тотурбека (очень для меня важное, потому что требовало надежнаго человѣка) было обойти ночью около заводскихъ зданій, въ которыхъ могла быть опасность пожара отъ огней, какъ напримѣръ винница, и посмотрѣть, не спятъ ли поставленные тамъ для карауловъ каторжные. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано ему, идя мимо военныхъ карауловъ, посмотрѣть, какъ стоятъ на часахъ и сол-

даты, но только не подходя къ нимъ и не вступая съ ними ни въ какой разговоръ, чтобы не вышло никакихъ столкновеній. Съ осмотра этого онъ возвращался обыкновенно въ то время, когда я былъ уже въ постели и читалъ. Придя ко мнѣ въ спальную комнату, онъ разсказывалъ подробно, гдѣ и что видѣлъ, а иногда случалось, говорилъ и о томъ, какъ онъ испугалъ караульнаго каторжнаго: увидѣвъ, что тотъ лежитъ и спитъ, онъ вскакивалъ на него и хваталъ его за горло какъ бы съ намѣреніемъ душить.

Только что закончилъ я пріемъ завода, и оставалось подписать пріемныя вѣдомости, какъ генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ предписалъ мнѣ ѣхать за покупкою хлѣба для винокуренныхъ заводовъ и другихъ мѣстъ гражданскаго вѣдомства, получивъ на это деньги изъ Иркутскаго казначейства. Соображая количество назначеннаго къ закупу хлѣба, я видѣлъ, что денегъ на это для того, чтобы не тратить потомъ времени на разъѣзды за ними взадъ и впередъ, потребуется брать съ собою довольно значительное количество, и что для охраны ихъ нужно имѣть съ собою вооруженнаго надежнаго человѣка, съ которымъ вмѣстѣ, въ случаѣ надобности, можно бы было постоять за себя. Я рѣшилъ взять съ собою каторжнаго Тотурбека. На казаковъ, бывшихъ въ командѣ завода (24 человѣка), хотя были между ними люди очень хорошіе, я какъ-то не рѣшился бы, въ случаѣ опасности, положиться. Тотурбекъ былъ вооруженъ, какъ говорится, до зубовъ. На немъ было ружье, пистолетъ, кинжалъ и шашка. Надобно было видѣть удовольствіе его, когда онъ все это навѣсилъ на себя, и какъ онъ былъ доволенъ, что ѣдетъ со мною, чтобы охранять казенныя деньги.

„Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ“,

сказалъ нашъ великій поэтъ. Кромѣ того я взялъ съ собою бульдога, очень хорошо натравленнаго, который, стоило только ему приказать, кидался тотчасъ же на человѣка и дѣлалъ скачекъ, чтобы схватить за горло.

Проѣздивъ недѣлю и закупивъ довольно значительную часть хлѣба, я, проѣздомъ черезъ Иркутскъ въ другой край округа, явился къ Муравьеву доложить о томъ, какъ идетъ закупъ. Поблагодаривъ меня за успѣхъ и цѣны, по которымъ я покупаю, онъ спросилъ меня, сколько и какъ я вожу съ собою денегъ и кто со мною для охраны. Я отвѣчалъ ему, что они, по 10 тысячъ рублей, зашиты у меня въ карманахъ того пальто, которое я ношу (это для того, чтобы, если лошади разнесутъ, опрокинутъ повозку и меня выбросятъ, то деньги остались

бы при мнѣ); что я взялъ собою въ первый разъ 40 тысячъ рублей, а потомъ буду брать по мѣрѣ расхода, и что для охраны вожу съ собою хорошо вооруженнаго Черкеса-каторжнаго. Муравьевъ улыбнулся и спросилъ, откуда и за что онъ попалъ въ каторгу. Муравьевъ горцевъ, по своей службѣ на Кавказѣ, любилъ. Отвѣтивъ на вопросы его, я попросилъ позволенія прислать къ нему моего Черкеса, чтобы онъ сказалъ ему ласковое слово за охрану денегъ. Онъ позволилъ, и я, возвратившись въ квартиру, послалъ Тотурбека во всемъ оружіи кромѣ ружья, къ Муравьеву. Возвратившись домой часа черезъ два, Черкесъ былъ видимо чрезвычайно радъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что Муравьевъ сказалъ ему спасибо, спрашивалъ его и далъ записку, приказавъ отнести ее къ Молчано (Дмитрій Васильевичъ Молчановъ), и когда онъ пришелъ къ тому, то, прочитавъ записку, онъ далъ ему 15 р., а записку по его просьбѣ, возвратилъ ему[1]). Вопросъ Муравьева относительно храненія мною денегъ послѣдовалъ, какъ я потомъ слышалъ, вслѣдствіе чьего-то сообщенія ему о томъ, какимъ неузаконеннымъ способомъ я оберегаю деньги. Положимъ, оно и такъ; но за то надежно.

Покупка всей возложенной на меня для разныхъ мѣстъ годичной пропорціи хлѣба была начата мною 6 Ноября 1848 г. и кончена въ началѣ Апрѣля 1849 г. Въ продолженіе всего этого времени Тотурбекъ ѣздилъ со мною. На него самого, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго, довѣріе, съ которымъ я къ нему относился, и смѣлость моя произвели большое впечатлѣніе. Въ одинъ изъ пріѣздовъ нашихъ въ заводъ, послѣ обычнаго, какъ сказано выше, ночного обхода его, онъ, закончивъ свой разсказъ о томъ, что̀ видѣлъ, обратился ко мнѣ со словами: «Я тебѣ[2]) сказать хочу. Можно?» Видя, что это что-то особое, выходящее изъ обычнаго доклада, я разрѣшилъ ему высказаться. Тогда онъ сказалъ мнѣ: «Ты, однако, молодецъ». Услышавъ отъ него такую похвалу себѣ, я спросилъ его: «А ты теперь только узналъ, что я не баба?» Тогда онъ объяснилъ мнѣ, что онъ давно хотѣлъ сказать мнѣ, что я молодецъ, потому что вожу съ собою много денегъ и беру караульнымъ его, каторжнаго, не боясь, что онъ мнѣ сдѣлаетъ «сѣкимъ баш-

---

[1]) Записку эту Тотурбекъ бережно хранилъ и увезъ съ собою на родину, когда его, какъ будетъ ниже сказано, возвратили.

[2]) Мѣстоимѣніе „вы“ въ употребленіи у него не было. Самый высшій и единственный титулъ, съ которымъ онъ обращался, начиная съ меня и къ высшимъ лицамъ, былъ „ваше благородіе“. Такъ онъ говорилъ и генералъ-губернатору и архіепископу Нилу, когда тотъ однажды лѣтомъ, объѣзжая по епархіи, въ отсутствіе мое изъ завода, заѣзжалъ и переночевалъ у меня въ домѣ.

ка». Разсмѣявшись надъ такою откровенностью, я сказалъ, что не боюсь и что онъ этого не сдѣлаетъ. Тѣмъ и разрѣшился этотъ занимавшій его, какъ видно давно, вопросъ.

Здѣсь кстати, чтобы обрисовать его понятія, разскажу еще слѣдующее: 1) Однажды, точно также по окончаніи его разсказа объ обходѣ, я замѣтилъ, что онъ хочетъ что-то сказать мнѣ, но не рѣшается, и потому спросилъ, что̀ ему нужно. Тогда онъ обратился ко мнѣ съ просьбою, чтобы я дозволилъ ему поджечь домъ у одной изъ жительницъ завода, которая взяла у него взаймы рубль и не отдаетъ. Къ этой просьбѣ онъ добавилъ, что у нихъ до́ма онъ бы сдѣлалъ ей «сѣкимъ башка»; но такъ какъ здѣсь этого дѣлать нельзя, то онъ и проситъ позволенія сжечь домъ. Онъ былъ такъ убѣжденъ въ возможности получить отъ меня подобное позволеніе, что мнѣ долго пришлось разъяснять ему, что я, начальникъ завода, не могу дозволить ему жечь, и что за это будетъ такое же наказаніе, какъ и за «сѣкимъ башка». Едва-едва понялъ онъ меня и согласился со мною. 2) Тотурбекъ былъ православный; но стоило только начать спрашивать его о томъ, какъ его окрестили, то онъ тотчасъ же начиналъ, на сколько умѣлъ, ругать по-русски того купца (въ Симбирскѣ или Саратовѣ, не помню), который уговорилъ его, какъ и нѣсколькихъ другихъ горцевъ, креститься, обѣщая, что за это возвратятъ ихъ домой. Не знаю, какъ теперь; но прежде бывали въ разныхъ сословіяхъ такіе добровольцы-миссіонеры, которые, для полученія наградъ, старались побольше обращать въ православіе и, представляя списки о своихъ крестникахъ, хлопотали о своей за такое усердіе наградѣ. Вотъ, въ виду того, что Тотурбекъ былъ православный, я, при наступленіи Великаго поста, приказалъ и ему, точно также, какъ и другимъ каторжнымъ, ходить въ церковь и быть у исповѣди и Св. Причастія. Долго онъ меня не могъ понять; но, наконецъ, усвоивъ то, что̀ я ему говорилъ, онъ пошелъ. Я объяснилъ ему, что̀ и какъ онъ долженъ дѣлать въ церкви, а главное, чтобы смотрѣлъ, какъ будутъ дѣлать другіе и подражалъ имъ. Когда же я объяснилъ ему, насколько онъ могъ понять, что исповѣдь есть признаніе въ томъ, что̀ сдѣлано худого и обѣщаніе не дѣлать этого впередъ (слова грѣхъ онъ не понялъ), то онъ мнѣ сказалъ, что худого онъ не дѣлалъ, ничего не укралъ, а «сѣкимъ башка» дѣлать было надо: это не грѣхъ. Когда закончилось его хожденіе въ церковь и онъ возвратился домой, то я спросилъ его, понялъ ли онъ что изъ того, что̀ видѣлъ и слышалъ въ церкви, то онъ сказалъ: «Ничего не понимай». А когда въ тотъ же день зашелъ ко мнѣ священникъ заводской церкви, о. Гавріилъ Синявинъ, и я спросилъ его, понялъ ли онъ то, что̀

говорилъ ему Тотурбекъ на исповѣди, то онъ тоже отвѣчалъ, что не понялъ ни слова. Такъ другъ друга и не поняли.

Кстати, я разскажу здѣсь другой взглядъ на грѣхъ и убійство, но уже человѣка Русскаго и православнаго отъ рожденія. Въ числѣ каторжныхъ Александровскаго завода былъ Гаврило Минаевъ, приговоренный на 20 лѣтъ въ кандалы. Однажды на работѣ, увидѣвъ, что я открылъ табакерку и нюхаю табакъ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Баринъ, позвольте понюхать табачку». Такимъ довѣрчивымъ отношеніемъ ко мнѣ я былъ внутренно очень доволенъ и, узнавъ отъ него, что онъ очень любитъ табакъ, но рѣдко его имѣетъ, я, не пуская его съ грязными руками въ табакерку, высыпалъ на что-то ему изъ нея почти все содержимое. Съ подобными просьбами онъ, когда случалось мнѣ гдѣ-нибудь проходить близко отъ него на работахъ, обращался ко мнѣ не разъ. Бывшіе близко къ намъ товарищи его по работѣ смѣялись и, не стѣсняясь, говорили: «Минаевъ опять полѣзъ къ барину за табакомъ». Я всегда отсыпалъ ему на руку и иногда, если случались въ карманѣ мелкія деньги, давалъ ему нѣсколько копѣекъ на покупку табаку. Разъ какъ-то я спросилъ его, за что именно онъ приговоренъ на 20 лѣтъ въ кандалы? Подумавъ и какъ бы стѣсняясь нѣсколько, онъ отвѣчалъ: «Да за самые пустяки, баринъ: за то, что зарѣзалъ двухъ Жидовъ». Сколько я ни старался растолковать ему, что это отнюдь не пустяки, что Евреи такіе же люди, какъ и всѣ, и что зарѣзать Еврея, какъ и всякаго другого иновѣрца, точно такой же грѣхъ, какъ и зарѣзать христіанина; но убѣдить его я не могъ. Онъ остался при своемъ мнѣніи, что совершенное имъ преступленіе—пустяки, добавляя къ этому, что какіе же они люди, когда распяли Христа. Всѣ убѣжденія мои оказались напрасными.

Закончивъ въ началѣ Апрѣля 1849 г. порученный мнѣ закупъ хлѣба и составивъ объ этомъ отчетъ, я полагалъ, что буду уже теперь, какъ мои предмѣстники, сидѣть въ заводѣ и управлять имъ, какъ вдругъ получилъ предписаніе Муравьева пріѣхать немедленно въ Иркутскъ. Когда я явился къ нему, то, послѣ двукратныхъ съ нимъ объясненій, получилъ приказаніе отправиться въ Илгинскій заводъ, выбрать тамъ 150 каторжныхъ и передать ихъ горному инженеру И. А. Бароцци-де-Эльсъ, которому была поручена постройка Николаевскаго желѣзодѣлательнаго завода. Какъ и почему дано мнѣ было это порученіе, говорить не буду. Это описано мною въ книгѣ моей: «Графъ Муравьевъ - Амурскій предъ судомъ профессора Буцинскаго», стр. 117—121. Здѣсь разскажу только подробности моего похода съ каторжными, чего въ книгѣ той, какъ не

подходящаго по содержанію, я не помѣстилъ. Получивъ это порученіе, я немедленно отправился въ Илгинскій заводъ, гдѣ, предъявивъ оное преемнику моему, Д. Е. Муровому, на завтра же приступилъ къ выбору людей и заготовленію на дорогу припасовъ. Нужно было спѣшить, чтобы, закончивъ все дѣло, вернуться къ 15 Мая, дню выѣзда изъ Иркутска Муравьева, и доложить ему объ исполненіи порученія.

По приказанію, данному имъ мнѣ, я долженъ былъ выбирать людей болѣе молодыхъ, здоровыхъ и крѣпкихъ. Большая часть ихъ оказалась изъ срочныхъ, приговоренныхъ на 5, 10, 15 и 20 лѣтъ въ кандалы. Они и составляли главную часть моей партіи. Нѣкоторые изъ рабочихъ просились въ отрядъ сами, даже женатые, но только бездѣтные. Между женатыми были двое, имена и фамиліи которыхъ я помню и теперь. Это были Григорій Ѳедоровъ, который по счету одинаковыхъ именъ и фамилій (таковые соименники бывали часто и отличались нумерами), теперь не помню, но знаю, что онъ былъ съ №, и Филатъ Нестеровъ. Первый изъ нихъ былъ срочный. Оба они слыли, какъ я зналъ, между товарищами за отчаянныхъ. Я взялъ ихъ обоихъ, предварительно поговоривъ съ ними насчетъ возможности исправить поведеніе и сдѣлаться хорошими людьми.

Обходя однажды ту камеру, въ которую были отдѣлены выбираемые мною рабочіе, я увидѣлъ на нарахъ случайно не спрятанную скрипку, разумѣется, самой примитивной работы. На вопросъ мой, кому она принадлежитъ, хозяинъ отозвался тотчасъ. Скрипка эта навела меня на мысль составить походный оркестръ, и я спросилъ, нѣтъ ли въ партіи еще какихъ музыкантовъ и кто изъ нихъ на чемъ играетъ. Умѣющіе отозвались тотчасъ же. Всего нашлось ихъ человѣкъ 7—8. Между ними, помню какъ и теперь, были: Василій Шараль, Цыганъ, игралъ на бубнѣ, и Дубровинъ, забылъ его имя, на такъ-называемой имъ бандурѣ. Это что-то въ родѣ гитары, но только четырехструнной. Инструменты были не у всѣхъ. Для тѣхъ, у которыхъ ихъ не было, я купилъ, у заводскихъ же рабочихъ, на свой счетъ, и такимъ образомъ составился у меня походный оркестръ.

Я думаю, что въ первый, а можетъ быть и въ послѣдній разъ, шла такая партія каторжныхъ, въ которой, вмѣсто звона цѣпей, раздавались звуки музыки, подъ которые желающіе пускались въ плясъ. Когда каторжные исправили для похода, насколько то было возможно, свою одежду и обувь, и когда были заготовлены припасы, изъ которыхъ самыми главными были сухари, крупа и квашеная капуста, я назначилъ день выступленія. Раннимъ утромъ, на площадь предъ вин-

ницей завода, военная команда, въ послѣдній для нея разъ, привела тѣхъ каторжныхъ, которые жили подъ ея карауломъ въ заключеніи. Повѣривъ наличность ихъ, я попросилъ приглашеннаго мною заводскаго священника, о. Михаила Некрасова, отслужить молебенъ, по окончаніи котораго мы двинулись: обозъ съ припасами, живымъ скотомъ для мяса и имуществомъ рабочихъ впереди; за нимъ рабочіе пѣшкомъ, а я, 6 казаковъ и бывшій со мною для услугъ мальчикъ—верхами. Только-что шедшіе впереди другихъ рабочихъ музыканты, идя еще заводскимъ селеніемъ, по приказанію моему заиграли, какъ нѣкоторые любители пустились уже въ плясъ.

Въ 6 верстахъ отъ завода находится большое село «Знаменка», въ которомъ были Илгинское волостное правленіе, квартиры земскаго засѣдателя и церковнаго причта, а также повѣреннаго, существовавшаго еще тогда (недоброй памяти) откупа, и разныхъ торгующихъ. Между заводомъ и Знаменкой, не доходя до послѣдней версты съ двѣ, а можетъ быть немного и больше, намъ нужно было своротить съ тракта на проселочную дорогу, черезъ волокъ, съ Илги на Ангару. Большая часть жителей Знаменки ждала насъ близъ этого сворота, чтобы посмотрѣть, какъ идетъ такая большая партія рабочихъ безъ обычнаго военнаго конвоя, да еще и съ музыкой. Многіе изъ зрителей, когда мы остановились, чтобы устроить порядокъ нашего обоза, подавали, кто припасы, а кто деньги, холстъ и полотенца. Все это собирали, для раздѣла потомъ, двое артельныхъ старостъ: Филиппъ Атаманчукъ и Павелъ Масютинъ (изъ Московскихъ торговыхъ людей). Пользуясь остановкою, я приказалъ всѣмъ бывшимъ въ кандалахъ каторжнымъ снять ихъ и положить въ свой у каждаго мѣшокъ, что́ и было исполнено живо. Снимать и даже расклепывать ихъ они умѣютъ какъ-то скоро. Затѣмъ, съ пѣснями и музыкой, мы двинулись впередъ. Старшимъ между казаками, какъ по годамъ, такъ и по службѣ, былъ очень опытный и бойкій Гавріилъ Константиновичъ Кузнецкій, а изъ остальныхъ трое были молодые ребята, поступившіе въ тотъ только годъ на службу. Кузнецкаго, какъ человѣка исполнительнаго и бойкаго, предмѣстники мои посылали иногда ловить убѣгавшихъ по этой дорогѣ каторжныхъ. Онъ зналъ хорошо мѣстность и находящіяся по дорогѣ деревушки. Разспросивъ его, въ какихъ изъ нихъ есть кабаки, а въ какихъ нѣтъ, я рѣшилъ первыя проходить мимо и, миновавъ ихъ съ версту, останавливаться для завтрака и отдыха, а во вторыхъ уже ночевать. По разстоянію (кромѣ одного мѣста, о которомъ скажу ниже) это было вездѣ удобно. Приближаясь къ первымъ, я посылалъ впередъ двухъ казаковъ, съ приказаніемъ стоять по обѣ стороны дверей кабака,

наблюдая, чтобы кто-нибудь изъ каторжныхъ или изъ погонщиковъ обоза не завернулъ за водкой. Казакамъ этимъ я давалъ денегъ на полтора ведра водки и оставлялъ при нихъ двоихъ изъ партіи, съ имѣвшимся при нихъ ушатомъ. Въ ушатъ этотъ выливали купленную водку, вдергивали въ ушки палку и приносили на нашу за селеніемъ стоянку, гдѣ ее и выпивали. На 159 человѣкъ (153 каторжныхъ и 6 казаковъ) полутора ведеръ было довольно, такъ какъ нѣкоторые изъ каторжныхъ и казаковъ не пили вовсе. Ко времени нашего на эту стоянку прихода обѣдъ былъ уже готовъ, потому что кухня и всѣ припасы посылались впередъ на лошадяхъ, ранѣе нашего выхода съ ночлега. По окончаніи обѣда, все это опять отсылалось немедленно на то мѣсто, гдѣ должны были ужинать и ночевать; мы же оставались часа два отдохнуть, а потомъ опять въ походъ, до мѣста ночлега, на который приходили такъ, что до сумерекъ оставалось еще много времени. На усмотрѣніе партіи предоставлялось ужинать тотчасъ или спустя нѣсколько времени. Въ первомъ случаѣ послѣ, а въ послѣднемъ до ужина, начиналась музыка, и желающіе (а такихъ было много) пускались въ плясъ. Дамы, какъ я сказалъ уже выше, были свои въ числѣ партіи, а залъ для танцевъ обширный, потому что таборъ нашъ устраивался противъ какого-либо дома, въ такъ-называемомъ телятникѣ (пространствѣ, огороженномъ для молодого скота). Заинтересованные музыкою, пляскою и новыми пришельцами, которые, если и проходили когда-либо прежде черезъ эти мѣста, то бѣглыми, по одиночкамъ, а тутъ шли такою большою партіей, жители поселка обоихъ половъ собирались вокругъ насъ. Услышавъ отъ меня, что и они, если хотятъ, могутъ тоже участвовать въ пляскѣ, они сначала переминались, какъ бы конфузясь, а потомъ тоже начинали плясать. Повеселившись такимъ образомъ, расходились на отдыхъ въ отведенныя въ домахъ или другихъ пристройкахъ квартиры, а со свѣтомъ, не позже 2 часовъ пополуночи, опять въ походъ. Каждый день одно и тоже, и на счастье наше погода все время была превосходная, теплая. Люди шли хорошо и весело. Дневокъ я нигдѣ не дѣлалъ: торопился, чтобы, кончивъ порученіе, застать Муравьева еще въ Иркутскѣ. Сколько дней шли мы, не помню; но полагаю, что никакъ не менѣе недѣли. Всѣ ночлеги были въ деревняхъ, исключая одного, при перевалѣ черезъ хребетъ (кажется, зовутъ его Березовымъ), съ котораго одна часть рѣчекъ составляетъ притоки Ангары, а другая—Лены. Здѣсь должны мы были, для ужина и ночлега, остановиться на довольно обширной, сухой, хорошей полянѣ, на берегу рѣчки, названія которой не помню, вокругъ разведенныхъ костровъ.

Выйдя изъ тайги и пройдя еще нѣсколько деревушекъ, я остановился въ одной довольно большой, которая называлась «Милославская». Она была на правомъ берегу Ангары и принадлежала Яндинской волости (тогда Нижнеудинскаго, а теперь, кажется, Балаганскаго округа) не доходя до селенія «Янды», которое находилось на томъ же берегу, въ 12 отъ насъ еще верстахъ впереди. Туда долженъ былъ приплыть Бароцци-де-Эльсъ; но я рѣшилъ ждать его въ Милославской, въ которой не было кабака, а въ Яндахъ онъ былъ, и я опасался его за моихъ людей, потому что «во хмѣлю всяко бываетъ». Въ ожиданіи г. Бароцци, я провелъ здѣсь если не 2 недѣли, то навѣрное дней 10. Ужасно досадно было ждать его. Я боялся, что не застану Муравьева въ Иркутскѣ, и онъ уѣдетъ въ Камчатку, а потомъ на Амуръ, безпокоясь, исполнено ли и какъ мною порученіе, а мнѣ потомъ придется ѣхать вслѣдъ за нимъ къ Якутску, чтобы догнать и успокоить его докладомъ о благополучномъ исполненіи. Наконецъ-то г. Бароцци приплылъ, въ тотъ же день пріѣхалъ ко мнѣ, и мы рѣшили, что на завтра я приведу къ нему въ Янды мою партію и сдамъ ему. По отъѣздѣ его, я собралъ рабочихъ, приказалъ приготовиться къ завтрашнему походу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы заковали тѣхъ, которые должны были быть въ кандалахъ. Пройти на завтра 12 верстъ до Яндовъ было недолго. Тамъ распростился я съ каторжными и казаками, въ пріемѣ первыхъ получилъ отъ г. Бароцци квитанцію; послѣднимъ же приказалъ отправиться обратно въ Илгинскій заводъ, и поскакалъ въ Иркутскъ.

Я забылъ сказать въ началѣ разсказа о нашемъ походѣ, что накапунѣ выхода нашего изъ завода я приказалъ всѣмъ рабочимъ, не исключая и находившихся еще за военнымъ карауломъ, собраться противъ моей квартиры, раздѣлиться на десятки и выбрать себѣ десятниковъ. Всѣхъ десятковъ было 15, но одинъ изъ нихъ вмѣсто 10 заключалъ въ себѣ 13 человѣкъ. Это все были Кавказцы, разныхъ племенъ. Когда все это они исполнили, то я призывалъ по очереди къ себѣ въ комнату каждый десятокъ, объясняя, что вмѣсто обычнаго препровожденія, подъ военнымъ конвоемъ, чрезъ Иркутскъ, до мѣста назначенія, этапнымъ порядкомъ, я могу вести ихъ прямымъ, ближайшимъ путемъ, безъ военнаго конвоя, если только они дадутъ мнѣ крѣпкое слово, что не убѣгутъ; если же убѣгутъ, то мнѣ придется за нихъ отвѣчать. Когда перебывали у меня всѣ десятки, то я вышелъ къ нимъ на улицу и повторилъ, уже всей партіи, то, что́ говорилъ каждому десятку порознь. Испытавъ раньше ходьбу по этапамъ, всѣ предпочли идти прямымъ путемъ и дали въ томъ, что не убѣгутъ, слово, которое и сдержали свято.

Ни въ одномъ изъ селеній, въ которыхъ мы имѣли ночлеги, ни въ Милославскомъ, въ которомъ, въ ожиданіи г. Бароцци, долго жили, не было ни на одного каторжнаго никакой жалобы. Единственное, въ чемъ ихъ заподозрили, это было бѣгство вслѣдъ за партіей, когда мы пошли въ Янды, трехъ или четырехъ (хорошо не помню) подражательницъ «прекрасной Елены». Когда я, сдавъ г-пу Бароцци партію, возвращался къ Милославской, то встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ тамошнихъ крестьянъ, ѣхавшихъ верхами за своими, по словамъ ихъ, убѣжавшими за партіей, дѣвицами. Желая успокоить ихъ, я сказалъ имъ, что въ партіи съ нами ихъ не было, а если они убѣжали стороной отъ дороги, то г. Бароцци на плоты съ собою бѣглянокъ не возьметъ. Выслушавъ меня, они однакоже все-таки поѣхали въ Янды. Чѣмъ и какъ кончились поиски ихъ, не знаю; потому что, перемѣнивъ въ Милославской только лошадей, я поспѣшилъ въ Иркутскъ.

Закончивъ разсказъ о нашемъ походѣ, съ хорошей его стороны, я не долженъ умолчать и о бывшихъ у насъ незначительныхъ неполадкахъ, которыхъ было всего три.

1. На одной изъ нашихъ въ дорогѣ, для завтрака, остановокъ, бойкій и сметливый Кузнецкій перехватилъ и представилъ мнѣ штофъ водки, передаваемый однимъ парнемъ изъ ямщиковъ одному каторжному, и ихъ обоихъ. Парню этому, для стыда и чтобы не было повадно другимъ, я приказалъ дать тотчасъ же три розги. Съ каторжнымъ же (котораго фамиліи теперь не помню) поступилъ иначе и для него тяжелѣе. Собравъ въ кружокъ всѣхъ принадлежавшихъ къ партіи женщинъ, я сказалъ имъ, что такой-то попросилъ у меня позволенія угостить ихъ, отдалъ имъ водку (водки въ походѣ женщинамъ не давалось) и приказалъ выпить за его здоровье, что́ они, при мнѣ же, немедленно исполнили, при общемъ хохотѣ ихъ и зрителей. У виновнаго же, который все это слышалъ и видѣлъ, «по усамъ текло, да въ ротъ не попало».

2. На одномъ изъ ночлеговъ, когда я обходилъ по обыкновенію, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, всѣ помѣщенія, гдѣ размѣщены были рабочіе *), при входѣ въ одну большую избу, гдѣ было ихъ человѣкъ болѣе 20, меня рѣзко поразилъ запахъ водки, чего къ ночи, послѣ бывшаго днемъ обѣда, никакъ не должно было уже быть. Идя медленно по большой комнатѣ, въ которой стояли каторжные, я все внюхивался (въ молодости обоняніе у меня было превосходное), а они, видя это и при-

*) Мѣстами я говорю „каторжные", а мѣстами „рабочіе", какъ попадется; но это все одно и тоже. Дѣлаю эту оговорку, чтобы не ввести читателя въ недоумѣніе.

выкнувъ къ моему съ ними обращенію, говорили между собою, не стѣсняясь, такъ что мнѣ было слышно: «что́ это баринъ такъ нюхаетъ?» Я на ходу отвѣчалъ имъ: «а вотъ увидите что». Когда я, пройдя эту комнату, вошелъ въ другую меньшую (кутъ, загородка около печи), то здѣсь увидѣлъ одного изъ старостъ, Атаманчука, отъ котораго и пахло водкой. «А ну-ка, Филиппъ», сказалъ я, «дохни на меня». Оказалось, и онъ тотчасъ же сознался, что дѣйствительно пилъ онъ. Послѣдовала обычная моя расправа, а затѣмъ, уходя въ другую избу, я сказалъ: «ну, теперь узнали, что́ я нюхалъ». Повидимому, ихъ очень изумило, что я такъ скоро и легко нашелъ виноватаго.

3. Во время одной остановки на берегу Ангары, только что подали порцію, но еще не размѣстились для обѣда, я увидѣлъ, что кто-то изъ рабочихъ, раздѣвшись, кинулся въ воду и поплылъ на островъ, находящійся въ 30—40 саженяхъ. Оказалось что, это Филатъ Несторовъ захотѣлъ показать свою удаль. Опасаясь, чтобы отъ холодной воды не сдѣлались съ нимъ судороги и онъ не утонулъ, я нѣсколько разъ крикнулъ ему, чтобы вернулся, но онъ все-таки переплылъ. Не желая спускать непослушаніе, я подошелъ къ водѣ, и когда онъ только что вышелъ изъ нея, то получилъ отъ меня надлежащую награду. Послѣ нея, опасаясь, чтобы продолжительное плаваніе и холодный вѣтеръ не имѣли для его здоровья вредныхъ послѣдствій, я приказалъ подать ему стаканъ водки, чѣмъ все кончилось.

Вотъ и всѣ, бывшія у насъ въ теченіе нашего похода неполадки.

Въ воспоминаніяхъ о Сибири 1848—1854 г. одинъ изъ лучшихъ, бывшихъ при Муравьевѣ людей, Б. В. Струве говоритъ о походѣ этомъ (стр. 38) такъ: «Ефимовъ, менѣе чѣмъ въ три недѣли, совершилъ этотъ переходъ. Съ пѣснями и весельемъ, бубнами и барабанами, онъ провелъ эту ватагу, и у него не было ни одного бѣглаго. Дѣло было сдѣлано безпримѣрно хорошо, и немалыя суммы сбережены».

Прибывъ въ Иркутскъ раннимъ утромъ 15 Мая, я тотчасъ же поѣхалъ къ Муравьеву, который, какъ сказалъ мнѣ встрѣтившійся близъ его дома Б. В. Струве (тогда чиновникъ при немъ особыхъ порученій) очень безпокоился о томъ, что не получалъ отъ меня никакихъ свѣдѣній. Когда же я вошелъ къ нему и доложилъ объ успѣшномъ исполненіи порученія сдачею всѣхъ каторжныхъ Бароцци, то онъ искренно обрадовался, обнялъ и благодарилъ меня, а затѣмъ сказалъ, что, тотчасъ по отъѣздѣ его, мнѣ опять придется ѣхать докупать оказавшееся нужнымъ количество хлѣба.

При разъѣздахъ по этому закупу, который былъ конченъ мною 16 Іюня, я бралъ съ собою другого изъ служившихъ при домѣ каторжныхъ—Ивана Бутылкина, а Тотурбекъ оставался дома. Вотъ въ этотъ мой выѣздъ и останавливался у меня въ домѣ преосвященный Нилъ. Вѣроятно Тотурбекъ ему понравился, потому что, когда того возвратили на родину, и онъ, по указанію моему, заходилъ къ преосвященному проститься, то получилъ отъ него очень хорошей работы финифтяный образъ Божіей Матери. Тотурбекъ, разсказывая о полученіи этого подарка, говорилъ, что Ильчеримъ (такъ онъ называлъ архіепископа) перекрестилъ его и подарилъ ему «патретъ».

Въ проѣздъ мой въ 1888 г. чрезъ Владикавказъ, который Тотурбекъ называлъ «капкай», я разспрашивалъ о немъ, но ничего разузнать не могъ. Жаль, что я не зналъ названія того аула, къ которому онъ принадлежалъ.

Не могу не разсказать еще слѣдующіе два случая. Зимою 1850 г. пріѣзжалъ ко мнѣ въ заводъ Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, чтобы ѣхать вмѣстѣ со мною въ Олонки, на свадьбу моего покойнаго брата, женившагося на дочери В. Ѳ. Раевскаго. Теперь уже не помню, два или три дня пробылъ у меня Михаилъ Сергѣевичъ *), а потомъ собрался возвратиться въ Иркутскъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ, видимо стѣсняясь изъ своей деликатности, сказалъ мнѣ, что въ числѣ мелкихъ денегъ, которыя лежали у него близъ кровати на столикѣ, былъ одинъ полуимперіалъ, котораго теперь нѣтъ, но что онъ хорошо не помнитъ и можетъ быть тогда, какъ онъ ложился, его уже не было, и онъ потерялъ его какъ-нибудь раньше днемъ. Я сказалъ ему, что вѣроятнѣе всего случилось послѣднее, а люди, которые служатъ, взять не могли. Когда онъ уѣхалъ, я разсказалъ объ этой потерѣ моимъ людямъ, чтó очень ихъ огорчило. Послѣ отъѣзда Михаила Сергѣевича, можетъ быть черезъ недѣлю, а можетъ быть и меньше, они пришли ко мнѣ и радостно заявили, что полуимперіалъ нашелся и который-то изъ нихъ его мнѣ подалъ. Оказалось, что его укралъ взятый незадолго до того мною мальчикъ - сирота, сынъ одного каторжнаго (Я взялъ его для услугъ по просьбѣ его матери). Я спросилъ его, и онъ сознался. Оставить этого мальчика у себя я уже теперь не могъ: прислуга моя просила уволить его, говоря, что онъ опять что-нибудь украдетъ, а подозрѣвать будутъ ихъ. Я считалъ себя не въ правѣ имъ отказать и отослалъ его къ матери.

---

*) Древнее княжеское достоинство возвращено ему тогда еще не было.

Въ концѣ зимы того же года, не помню уже по какому порученію, пришлось мнѣ поѣхать на нѣсколько дней по Иркутскому округу, и я, оставивъ хозяйничать въ домѣ по обыкновенію Цореова и Бутылкина, взялъ съ собою казака Звѣрева, человѣка бойкаго и хорошаго. Торопясь выѣздомъ изъ завода, я забылъ замкнуть комнату, въ которой на столѣ лежали бумаги, а на нихъ 1000 рублей. Когда я черезъ нѣсколько дней вернулся домой, то помянутые выше люди, сказавъ о моей забывчивости и объ оставленныхъ деньгахъ, передали мнѣ ключъ. Въ комнатѣ все оказалось на своемъ мѣстѣ, и деньги лежали, какъ и прежде. А ихъ, если бы оба каторжные захотѣли бѣжать и унести съ собою, было для нихъ слишкомъ достаточно, чтобы приписавшись гдѣ-нибудь подъ другими именами (что́ часто бывало) на поселеніе, обзавестись своимъ хозяйствомъ.

Большею частью все, что́ описано мною, было извѣстно Муравьеву и, какъ я полагаю, могло имѣть нѣкоторое вліяніе на измѣненіе присмотра или, точнѣе сказать, караула за каторжными и нѣкоторыя имъ облегченія, что́ будетъ видно изъ слѣдующаго.

1. Не помню хорошо, въ концѣ ли 1849 или началѣ 1850 г., но только зимою, пріѣхалъ въ заводъ и, по указанію общихъ знакомыхъ, прямо ко мнѣ, незнакомый еще со мною бригадный генералъ Павелъ Ивановичъ Запольскій. Онъ сказалъ мнѣ, что Муравьевъ поручилъ ему съѣздить въ оба завода и Тельминскую фабрику, чтобы узнать на мѣстѣ отъ начальствующихъ ими, нельзя ли уменьшить количество военныхъ карауловъ, а также нельзя ли изъ инвалидныхъ командъ обоихъ заводовъ взять, послѣ этого уменьшенія, часть годныхъ солдать въ другія мѣста. Говорю объ инвалидахъ собственно въ заводахъ; караулы же въ фабрикѣ содержались солдатами линейнаго баталіона, которые, конечно, всѣ были годны. Солдаты тогда были нужны по случаю предполагавшагося движенія на Амуръ. При этомъ Муравьевъ поручилъ ему прежде всѣхъ видѣться и обсудить все со мною, добавивъ, что я, по мнѣнію его, знакомый съ этимъ вопросомъ лучше другихъ, могу дать ему такія свѣдѣнія, которыми и должно уже руководиться относительно солеваренаго завода и фабрики. Затребовавъ отъ командира инвалидной роты свѣдѣнія обо всѣхъ военныхъ въ заводѣ караулахъ, Запольскій просилъ меня отмѣтить въ немъ, какіе именно изъ нихъ я нахожу возможнымъ отмѣнить совершенно, а какіе оставить. Я просилъ его оставить попрежнему всѣ караулы, которыми охранялись деньги и разное казенное имущество, а затѣмъ всѣ караулы за каторжными на разныхъ работахъ, какъ въ самомъ заводѣ, такъ и внѣ его (какъ то въ дровосѣкахъ, кирпичныхъ сараяхъ

и друхихъ мѣстахъ) отмѣнить, оставивъ только одинъ при заводской тюрьмѣ (острогѣ), въ которой жили тѣ каторжные, которые не были освобождены еще отъ оковъ. На вопросъ его, чѣмъ замѣнится въ такомъ случаѣ военный караулъ, я отвѣчалъ, что десятниками изъ каторжныхъ же. Къ этому я добавилъ, что число побѣговъ, какъ думаю я, не увеличится, а солдаты не будутъ подвергаться отвѣтственности за упускъ изъ подъ своего надзора каторжныхъ, слѣдить за которыми въ сущности было невозможно, потому что одинъ солдатъ долженъ былъ, хотя и посмѣнно, наблюдать за 10 каторжными. Генералъ Запольскій, вполнѣ согласившись съ моими предположеніями, сказалъ, что доложитъ объ этомъ Муравьеву, когда кончитъ съ фабрикою и солевареннымъ заводомъ. Какъ былъ рѣшенъ вопросъ этотъ тамъ, не знаю. У меня же съ тѣхъ поръ, для надзора гдѣ бы то ни было на работахъ за каторжными, назначались десятники изъ каторжныхъ же. Они же, предъ началомъ работъ, приходили въ тюрьму и тамъ счетомъ получали отъ военнаго караула людей, разводили ихъ по работамъ и потомъ счетомъ же, по окончаніи работъ, ихъ сдавали. Само собою, при этомъ бывали и недочеты: кто-нибудь, а иногда и нѣсколько, оказывались бѣжавшими. Но число бѣжавшихъ, какъ я и предполагалъ, не только не превысило числа убѣгавшихъ при военномъ караулѣ, но было немного меньше. Вѣроятно, каторжные, берегли караульныхъ изъ своей братьи больше, чѣмъ караульныхъ инвалидовъ.

Опредѣлить въ точности % побѣговъ, не имѣя къ тому данныхъ, которыя всѣ сгорѣли во время пожара въ моемъ Томскомъ домѣ, не могу. Писать наобумъ, не помня хорошо, не желаю. Если я сказалъ, что побѣги при надзорѣ каторжныхъ были немного меньше, чѣмъ при надзорѣ за каторжными инвалидовъ, то собственно потому, что это мнѣ хорошо памятно по слѣдующему обстоятельству. Однажды отъ III-го отдѣленія главнаго управленія В. Сибири, за подписомъ начальника его Н. Е. Тюменцова, я получилъ увѣдомленіе, что, по приказанію генералъ-губернатора, дѣлается мнѣ, за значительные побѣги рабочихъ, замѣчаніе. Я находилъ, что начальникъ отдѣленія переступилъ за границу того, что́ ему дозволено закономъ, и рѣшилъ, пользуясь поѣздкою въ Иркутскъ, доложить объ этомъ Муравьеву. Для этого я приказалъ составить въ конторѣ завода сравнительную вѣдомость о побѣгахъ каторжныхъ за 2 или за 3 предшествовавшіе года, и именно за тѣ мѣсяцы, о которыхъ шла рѣчь въ сдѣланномъ мнѣ именемъ генералъ-губернатора замѣчаніи. Оказалось, какъ я сказалъ выше, побѣговъ меньше; но сколько %, не помню. Поѣхавъ въ Иркутскъ, я захватилъ съ собою, какъ эти свѣдѣнія, такъ и бумагу, которою сдѣ-

лано мнѣ замѣчаніе. Явившись къ Муравьеву, я доложилъ ему, что получилъ незаслуженное и несправедливое, именемъ его, замѣчаніе. Это его чрезвычайно удивило, и онъ, разсмотрѣвъ поданныя мною бумаги, сказалъ, пожавъ плечами, чтобы я оставилъ ихъ у него. Больше они ко мнѣ не возвращались, и тѣмъ кончился этотъ разговоръ со мною. Полагаю, что продолженіе его было уже съ Н. Е. Тюменцевымъ. Для меня было ясно, что Н. Е. Тюменцевъ не могъ еще отстать вполнѣ отъ *привычки* изображать изъ себя начальство. Привычки этой, во времена другихъ до Муравьева генералъ-губернаторовъ, придерживались многія изъ лицъ, близко къ нимъ стоявшихъ. Муравьевъ этого не терпѣлъ. Настоящій случай съ Н. Е. Тюменцевымъ былъ у меня второй и послѣдній. Больше этого не повторялось.

2. Осенью, если не ошибаюсь, 1851 года Муравьевъ пріѣхалъ ко мнѣ на заводъ часовъ въ 10 или 11 утра. День былъ чисто лѣтній, прекрасный. Онъ посѣтилъ острогъ, больницу, гауптвахту, всѣ производимыя постройки и работы, а потомъ, послѣ ранняго обѣда, мы вдвоемъ съ нимъ поѣхали на Ангару, откуда, черезъ деревню Жилкину, возвратились въ заводъ, уже другою дорогой. Отъѣздъ изъ завода онъ назначилъ на завтра раннимъ утромъ, говоря, что торопится для того, чтобы не опоздать пріѣхать въ селеніе Усть-Куду на свадьбу Елены Сергѣевны Волконской съ Дмитріемъ Васильевичемъ Молчановымъ. Назадъ тому года 3 или 4, видѣвшись въ Петербургѣ съ Еленой Сергѣевной, я спрашивалъ ее о днѣ свадьбы, и она сказала мнѣ, что это было 17 Сентября 1851 года. Значитъ, Муравьевъ пріѣзжалъ въ заводъ 16 Сентября 1851 г. Когда мы съ нимъ, отправляясь на осмотръ завода, вышли изъ комнаты во дворъ, то тамъ къ нему обратилась толпа просительницъ, каторжныхъ женщинъ, прося, чтобы онъ разрѣшилъ мнѣ не заковывать ихъ. Это его чрезвычайно удивило, и онъ, приказавъ просительницамъ дождаться, возвратился въ комнаты и спросилъ меня, что̀ это значитъ. Я доложилъ ему, что хотя въ уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ изд. 1845 г. есть правило, что женщины, ссылаемыя на заводы, вмѣсто безсрочныхъ работъ въ рудникахъ, должны содержаться въ оковахъ ручныхъ и ножныхъ, но менѣе тяжелыхъ, но что я никогда ни одной не заковывалъ, да и не рѣшусь на это. Пользуясь этимъ случаемъ, я также доложилъ ему, что точно такое же отступленіе я дѣлаю относительно каторжныхъ мужчинъ. О нихъ, въ этихъ же правилахъ, сказано, что снятіе оковъ, когда это необходимо для работъ, должно быть также разрѣшаемо высшимъ мѣстнымъ начальникомъ, но только на время работъ; по окончаніи же ихъ заковывать вновь. Къ этому я добавилъ, что въ сня-

тіи въ этомъ случаѣ оковъ я руковожусь тѣмъ, что главный мѣстный начальникъ я, и поэтому полагаю, что отступленія отъ правилъ тутъ нѣтъ; но оно состоитъ въ томъ, что, разъ снявъ оковы, вторично заковывать въ нихъ я уже не приказываю, если только раскованный ведетъ себя хорошо. Расковываніе предъ работами и заковываніе послѣ нихъ заставляли бы кузнецовъ тратить по пустякамъ время, необходимое для другихъ заводскихъ работъ; а на того, надъ кѣмъ это будетъ каждый день производиться, не говоря уже о вредѣ для его ногъ, могли производить не только угнетающее, но и озлобляющее дѣйствіе: не зная, что это дѣлается по извѣстнымъ правиламъ закона, онъ могъ видѣть тутъ произволъ и надсмѣхательство надъ нимъ. Выслушавъ все это, Муравьевъ одобрилъ мои дѣйствія и сказалъ, чтобы я такъ поступалъ и впередъ, а затѣмъ сказалъ просительницамъ, что заковывать ихъ никто не будетъ. Всѣ онѣ, поблагодаривъ его за это, отправились кому куда слѣдовало; но изъ нихъ осталась одна, не принадлежавшая къ числу ихъ и пришедшая просить за своего мужа, который былъ въ тюремномъ навсегда заключеніи, въ отдѣльной камерѣ, при гауптвахтѣ, вмѣстѣ съ такимъ же другимъ. Оба они, находясь уже въ каторжной работѣ завода, сдѣлали, каждый порознь, убійства, были наказаны съ прикованіемъ къ стѣнѣ на пять лѣтъ на цѣпь, а по окончаніи этого срока оставлены навсегда въ тюремномъ заключеніи, и засталъ я ихъ, принимая заводъ. Одинъ изъ нихъ былъ холостой, а другой женатый и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Вотъ жена-то его, во время утреннихъ мнѣ рапортовъ служащихъ, приходила по крайней мѣрѣ два раза въ мѣсяцъ просить о пособіи, которыя я и дѣлалъ. Но главная просьба ея была отпустить изъ тюрьмы ея мужа домой. Не имѣя возможности исполнить этой просьбы, я говорилъ ей: «Дождись, когда пріѣдетъ генералъ-губернаторъ, и проси уже его. Онъ, можетъ быть, и выпуститъ». Когда пріѣхалъ Муравьевъ въ заводъ, то я послалъ ее позвать. Вотъ она и обратилась къ нему съ просьбою. Объяснивъ на вопросы его все дѣло, я сказалъ, что покажу ему ея мужа, когда будемъ осматривать заводъ, что́ и исполнилъ. Когда мы вошли въ ту камеру, гдѣ помѣщались означенные двое заключенныхъ, то Муравьевъ началъ ихъ разспрашивать, и тотъ изъ нихъ, который былъ холостой, произвелъ, видимо, на него непріятное впечатлѣніе. Послѣ него онъ обратился къ тому, за котораго просила его жена. Поговоривъ съ нимъ, мы вышли, и когда поѣхали дальше, то Муравьевъ началъ меня разспрашивать относительно того, можно ли его употребить на работу, и что не сдѣлаетъ ли онъ, если выпустить его, новаго преступленія. Я отвѣчалъ, что употреблять на работу, когда онъ по спискамъ считается въ тюрьмѣ, я, изъ опасенія, какъ

бы не произошло на работахъ какого-нибудь, хотя не отъ него, а отъ другихъ, несчастнаго случая, нахожу неудобнымъ; что уже, если выпустить его, то исключительно съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ дома и работалъ на семью. Того же, чтобы онъ сдѣлалъ опять какое-либо преступленіе, насколько я могъ узнать его, бывая за время управленія моего заводомъ (съ 1848 г.) довольно часто въ мѣстѣ заключенія, я не опасаюсь. Вотъ за товарища его, добавилъ я, не могъ бы ручаться; потому что каждый разъ, какъ вхожу къ нимъ въ камеру, мнѣ, можетъ быть и неосновательно, приходитъ, при его видѣ, мысль, какъ бы чѣмъ не ударилъ. Выслушавъ все это, Муравьевъ разрѣшилъ мнѣ выпустить семейнаго къ его женѣ и не употреблять на работы *). Уходя часовъ около 11 вечера спать, Муравьевъ повторилъ мнѣ свое приказаніе, чтобы отправить его часовъ въ 7, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ мнѣ приготовить и подать къ отъѣзду записку обо всемъ, что́ я докладывалъ ему относительно каторжныхъ и о надобностяхъ завода. Все, что́ было имъ приказано, я исполнилъ, и онъ уѣхалъ изъ завода раннимъ утромъ. Въ записку мою я включилъ просьбу о возвращеніи на родину, за оказанное усердіе къ охраненію казенныхъ денегъ, Тотурбека Цореова, который, по сношенію Муравьева съ намѣстникомъ Кавказа (кажется, тогда еще графомъ Воронцовымъ) и былъ, какъ сказалъ я выше, возвращенъ.

(Продолженіе будетъ).

---

*) Въ Илгинскомъ заводѣ я принялъ отъ предмѣстника и оставилъ, уѣзжая въ Александровскій, четверыхъ каторжныхъ, приговоренныхъ за повторенныя преступленія, къ прикованію къ стѣнѣ на разные сроки. Одинъ изъ нихъ былъ довольно грамотный, и я давалъ ему для чтенія вслухъ книги. Посѣщая часто ихъ камеру, я спрашивалъ ихъ, читаетъ ли товарищъ имъ то, что̀ я даю. Они благодарили меня за книги, а его за чтеніе, и говорили, что теперь имъ не такъ скучно сидѣть, какъ прежде. Я долженъ добавить здѣсь для характеристики вообще каторжныхъ, что какъ къ этимъ, такъ и вообще ко всѣмъ, содержавшимся подъ военнымъ карауломъ, для того, чтобы показать имъ довѣріе, съ которымъ отношусь къ нимъ, я входилъ всегда одинъ, не дозволяя входить за мною караульнымъ солдатамъ, и закрывалъ за собою дверь. Довѣріемъ этимъ они, видимо, были всегда довольны. Не разъ случалось мнѣ, пріѣхавъ вечеромъ неожиданно въ острогъ и войдя въ камеру, застать играющихъ въ карты или юлу (6 гранный волчекъ; на каждой изъ граней точки отъ 1 до 6; кого упалъ бо̀льшимъ къ верху числомъ точекъ, тотъ и выигралъ). Инвалиды были плохіе караульные, даже иногда попадались съ проносимою водкой; то и другое я отбиралъ, а участникамъ игры доставалось обычное возмездіе. Неучаствовавшіе въ этомъ обыкновенно надъ ними смѣялись. Точно такъ же, какъ юлу и карты, я отбиралъ при посѣщеніи ночью винницы отъ встрѣтившихся рабочихъ трубки, если они на ходу ихъ курили, разумѣется, иногда и не безъ обычнаго взысканія. Въ одинъ обходъ случилось отобрать трубки 3–4. Я приносилъ ихъ къ той жаровнѣ, около которой, какъ поставленной въ безопасномъ мѣстѣ для обогрѣванія рабочихъ, было разрѣшено мною курить. Принесенныя трубокъ я клалъ на огонь, а стоявшіе тутъ и курившіе рабочіе обыкновенно надъ тѣми, у которыхъ я отобралъ, смѣялись и говорили: „по дѣло́мъ; не кури, гдѣ не велѣно“.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Н. С. СОХАНСКОЙ (КОХАНОВСКОЙ)

къ М. В. Вальховской *).

(13 Сентября 1876). При теперешнихъ обстоятельствахъ нашего общественнаго настроенія духа, такъ и хочется туда, гдѣ говорится, дѣйствуется, гдѣ все ожидаетъ съ напряженіемъ и волнуется святымъ братскимъ сочувственнымъ волненіемъ. Эти потоки родной Славянской крови омоютъ нашу душу отъ многихъ и многихъ сквернъ нашего послѣдняго матеріализма, невѣрія, безбожія. А Англія, а двуличная Австрія, а зять нашего Государя, командующій кораблемъ «Султанъ» и стоящій въ Безикской бухтѣ! Намѣренное или ненамѣренное это жало, но можно ли не чувствовать острія его?

(15 Сентября 1876). Цѣлый вчерашній день я не могла унять свое воображеніе, которое безпрестанно созидало мнѣ умилительныя картины, что наша церковь съ священникомъ, съ дьякономъ, съ чудными Чудовскими пѣвчими уже прибыла въ станъ, и вотъ въ странѣ, оспливаемой Мусульманствомъ, совершается это торжественное поднятіе Христова Креста. И небо, и земля, и возвеличенныя мученичествомъ христіанскія сердца, все оглашается совокупнымъ моленіемъ: «*Спаси, Господи, люди Твоя*». Я совершенно согласна съ покойнымъ Иваномъ Васильевичемъ *(Кирѣевскимъ)*, что Русскій нашъ народный гимнъ именно долженъ быть *этотъ*, а не дѣланный и передѣланный «*Боже, Царя храни*». И въ «*Спаси, Господи*» есть царь, да еще благовѣрный государь; но прежде всего есть *людіе;* на нихъ призывается благословеніе Господне, и затѣмъ испрашивается побѣда на сопротивныя, и охраненіе всего знаменіемъ креста. Это самый великій народный христіанскій гимнъ, пѣснь Богу нашему, во всѣ дни торжествъ и бѣдъ народныхъ... А ка-

---

*) Письма Кохановской къ М. В. Вальховской далеко не сохранились во всей цѣлости; до насъ дошло только 86 писемъ, съ большимъ промежуткомъ въ годахъ. Въ Сентябрѣ и Октябрѣ 1866 г. Кохановская ѣздила на Волынь, съ цѣлію помочь бѣдному православному люду, страдавшему отъ Евреевъ; объ этой поѣздкѣ она напечатала рядъ статей въ газетѣ Аксакова „*Москва*“. *С. П.*

ковъ чудный воинскій кличъ нашихъ Русскихъ офицеровъ между Сербами: «*За мной, братья!*»...

(21 Октября 1876). Именно «*роковое свершилось!*», какъ сказано въ депешѣ изъ Землина. Сербская армія упала духомъ, разсѣяна, бѣжитъ, отказалась повиноваться Черняеву; а мы все пѣли-пѣли свои дипломатическія ноты, пока Турція стянула свои войска изъ всѣхъ частей Азіи, Египта, и задавила подъ наши пѣсни несчастную Сербію. . . .! А кровожадный Турецкій котъ все ѣлъ себѣ, да ѣлъ, пока не съѣлъ Славянскаго цыпленка. Слезамъ, и горю, и негодованію нѣтъ мѣры, какъ нѣтъ ея несчастію и потокамъ крови Славянъ. Какъ правовѣрнымъ Мусульманамъ не рѣзать и не презирать Христіанъ всѣхъ націй, когда одна Турція глумится (и по праву) надъ соединенными усиліями всѣхъ державъ Европы, которыя расточаютъ ей свои почтительныя увѣщанія; а она, ничему не внимая, водитъ ихъ за носъ, выигрываетъ себѣ время и дѣлаетъ, что́ она положила себѣ сдѣлать: до конца задушила своими непомѣрными силами Сербію и, теперь, торжествуя, можетъ принять миръ, какой *она* хочетъ, а не какой думали дать ей Европейскія державы. Господи, Господи! Одинъ Ты можешь исцѣлить сокрушенное и возстановить съ корнемъ погибшее!..

Извините меня, что я въ письмѣ къ вамъ изливаю бурю захватившихъ душу чувствъ скорби и негодованія... Грустно, печально, уныло!... Какъ будто проходишь посреди огня... А что́ сдѣлали (Турки) съ нашими Русскими офицерами! Раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ, ихъ обвертѣли соломою и сожгли. Вотъ смерть великихъ мучениковъ христіанства! Только въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовомъ такъ въ Римѣ Неронъ неистовствовалъ надъ Христіанами. Но вѣдь Неронъ, Римъ, былъ владыкою міра, а это въ XIX вѣкѣ совершаетъ презрѣнная Турція, и владычествующая Европа, не магометанская, а христіанская, видитъ это и знаетъ,—и не содрогнется, окаянная ненавистница Славянъ! Воздаждь ей, Господи, воздаяніе ея, которое воздала она намъ и братьямъ нашимъ! Нѣтъ силъ ни писать, ни думать о чемъ-либо: одна скорбь потокомъ заливаетъ душу... Господи, воля Твоя Святая да будетъ съ нами! «*Никтоже, притекаяй къ Тебѣ, тощъ отходитъ*»; но какое испытаніе Ты даешь намъ въ лицѣ нашихъ братьевъ: это знаешь Ты одинъ, Господи!..

(1876 г. Ноября 10). Переписываю вамъ почти все письмо, которое я посылаю въ Москву къ **N. N.**

«Да, великое время переживаемъ мы, и даже не человѣческое, а Божіе. Апокалипсическое избіеніе христіанъ, старыхъ и малыхъ, нечеловѣческія истязанія, муки, поруганіе ихъ! Оскверненіе всего, что́ только можетъ быть осквернено! Умерщвленіе младенцевъ еще нерож-

денныхъ, вырываемыхъ изъ утробъ матерей! Бойня людей, какъ скота, разсвирѣпѣлыми язычниками! Зарѣзываніе Христіанъ православныхъ (и только ихъ однихъ!) цѣлыми тысячами, селеніями, городами,—развѣ это можетъ быть *нашимъ* временемъ?! Оно есть острое обрѣзываніе символическихъ гроздовъ винограда на землѣ, есть *терпѣніе святыхъ*, соблюдающихъ заповѣди Божіи и вѣру въ Іисуса; слѣдовательно, не *наше* время, а Божія великая пора!

Читая вашу «Вѣчную память» павшимъ за любовь и вѣру братьямъ, мнѣ было такъ сочувственно понимать, что, при ужасѣ и недоумѣніи совершающихся событій, и вы, и я, мы заглядываемъ въ одно и тоже великое пророческое зеркало... Вы мнѣ говорите, вы не можете не говорить, о бурѣ народнаго чувства, пронесшагося надъ Москвою. Вы жалѣете, что меня не было съ вами 29-го Октября, въ средѣ этого, какъ сами вы называете, *стихійнаго* восторга, расколыхавшагося вѣчевымъ колоколомъ по Москвѣ, котораго звонъ отзовется на всю Россію... Да, отзовется! И далѣе Россіи — и даже отозвался у братьевъ Славянъ...

Съ какою сердечною болью, скорбью, со слезами на глазахъ, я пишу вамъ это, и такъ же, какъ вы, не могу не писать. Какъ же вы, Москва-то, Москвичи, передовые Россіи, восторгаясь будто за братьевъ, ликуя свою любовь къ нимъ, воспѣвая правду Божію и братскій союзъ креста... Господи, помилуй насъ!... Какъ же мы, въ это самое время, добили, дорѣзали, не до конца вырѣзанныхъ Сербовъ! Сдѣлали то, что́ самый заклятый врагъ ихъ, Турція, не могъ имъ сдѣлать: мы ихъ опозорили несмываемымъ позоромъ . . .

«Черногорцы показали себя въ этой *неравной борьбѣ*, какъ всегда, истинными героями. *Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о Сербахъ*, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за Славянское дѣло» *).

Кому, на что были нужны эти жестокія, несчастныя, не усомнюсь назвать прямо, несправедливыя слова?... А развѣ для Сербіи это была *равная* борьба? Горстка людей, вчерашнихъ поселянъ, на пространствѣ любой нашей губерніи, и четыре мѣсяца сряду выдерживать сраженія, пораженія, неустанный бой съ полчищами Азіи, Африки, всѣхъ соединенныхъ силъ Турецкой имперіи! Да былъ ли еще въ исторіи примѣръ подобной стойкости? Хотя бы вспомнили недавніе Седанскіе

---

*) Строки эти въ подлинномъ письмѣ *закапаны слезами* въ минуту писанія. *С. П.*

позоры и сдачу Меца... 104.000 войска и 250 пушекъ навалились на 28.000 человѣкъ!..

Послѣ вашихъ *стихійныхъ* восторговъ, вотъ гдѣ наше *разумное* горе!

Кто этотъ убійственный врагъ, хитрая лисица, подкравшаяся къ бѣдному курятнику Славянства и подсказавшая эти братоубійственныя слова? Вѣдь подобныхъ рѣчей не говорятъ экспромтомъ... Что это вышло не изъ редакціи Горчакова, можно замѣтить изъ его циркулярной депеши, въ которой онъ какъ бы именно старается притушить огонь этихъ (опять скажу) *несчастныхъ* словъ, указывая на то, что пока нашъ государственный концертъ въ Ливадіи все пѣлъ и пѣлъ свои протяжныя ноты, Турки собрали отовсюду войска и раздавили Сербовъ, какъ копыту слона нельзя не раздавить куринаго яйца, прибавлю я отъ себя. И скажу еще, потому что, разъ начавши, не могу не высказать всего, чтó есть на душѣ. «Наши добровольцы *поплатились кровью* за Славянское дѣло»... Какое неблагородное, унижающее выраженіе,— мысль о *платѣ* тамъ, гдѣ дѣло шло о *жертвѣ* братской, народной любви. Повѣрьте, что всею совокупностью этихъ словъ Сербія принесена въ жертву Австріи. Австрія прогнѣвалась за провозглашеніе Сербіи *королевствомъ* и объявила, что она не допуститъ образованія у себя на границѣ 3.000.000 Славянскаго единенія, и вотъ Россія повоpотилась къ Сербіи спиною, но прежде еще плюнула ей въ истомленное, окровавленное лицо...

Простите ѣдкую горечь этихъ словъ: вотъ жатва вашихъ *стихійныхъ* восторговъ. Если бы не слезами, а кровью можно было смыть тѣ бѣдственныя слова, я была бы изъ первыхъ, чтобы предложить свою... Грустно, скорбно... Весь энтузіазмъ по Сербіи потушенъ, загасъ... Я совсѣмъ не своя. Душа болитъ, и сердце щемитъ, и все нравственное существо волнуется и негодуетъ...

А какой адресъ представило Московское дворянство! Ни силы выраженія, ни силы пониманія великаго дѣйствія настоящей минуты! И это ничтожество еще болѣе выступаетъ наружу при монументальности адреса отъ городского общества Москвы. Какой языкъ силы и непобѣдимаго убѣжденія! *Всегда, вездѣ, на всѣхъ путяхъ, высоко, честно и грозно пребудетъ съ тобою великое имя Россіи, и да перейдетъ слава Царя Освободителя далеко за Русскій рубежъ, на благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во славу истины Божьей.*

Читайте этотъ нескрываемый пылъ правды моей души; но онъ *не для многихъ.* Вы это хорошо поймете.

(1876 Ноября 25). Вы прочли адресъ Чешскаго Общества, адресъ удивленія и благодарности нашимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Комитетамъ, Московскому и Петербургскому, какъ представителямъ

нашей общественной благотворительности въ пользу Славянъ. Какъ ни многозначительно подобное свидѣтельство и указаніе *вчужѣ*, но я люблю основываться на *своихъ* прямыхъ Русскихъ данныхъ. Къ кому Черняевъ во всѣхъ своихъ нуждахъ обращался прямо, безъ фразъ,— «*нужно то и то: церковь, пѣвчіе, сапоги, шинели*», не къ Московскому ли Славянскому Комитету? Вотъ *наше* несомнѣнное доказательство. Откуда черпалъ *Черняевъ*, съ довѣріемъ, съ простотою Русскаго человѣка, вложившаго душу свою въ святое братское дѣло? *Тотъ* колодезь и слѣдуетъ намъ наполнять, тѣмъ болѣе, что мы именно въ руки Черняева желаемъ сердечно передать все наше, что́ мы приносимъ на пользу Славянскаго дѣла. Итакъ, всѣ деньги, что́ вы можете имѣть на святую жертву, шлите ихъ прямо въ Московскій Славянскій Благотворительный Комитетъ. Пожертвованіе же вашего Владимира *) такъ важно для него и для самого Черняева, какъ главы Славянскаго дѣла, что съ нимъ нужно повременить, пока Черняевъ возвратится изъ Вѣны и, такъ-сказать, опредѣлится въ своемъ новомъ фазисѣ Славянской борьбы, чтобы это завѣтное приношеніе ребенка не подверглось никакимъ случайностямъ, а какъ великій знаменательный даръ того нравственно-воспитательнаго движенія, которое совершаетъ Славянское дѣло въ нашемъ обществѣ, этотъ дѣтскій золотой палъ бы въ самую *первую* руку, протянувшуюся на братскую защиту Славянства. Мнѣ говорили, что въ Моск. Вѣдомостяхъ было напечатано прелестное письмо Черняева *къ молодымъ его друзьямъ*, гимназистамъ, кажется, одной изъ Одесскихъ гимназій, которые послали ему Крестъ и Евангеліе, прося его передать это въ одну изъ разоренныхъ, самыхъ бѣдныхъ Сербскихъ или Болгарскихъ церквей. Видно, что душа великаго труженика отдыхала въ прелестно-сердечныхъ, простыхъ, освѣжительныхъ строкахъ, которыми онъ завѣщалъ своимъ молодымъ друзьямъ продолжать и совершить Славянское дѣло. И по тому можно судить, какъ высокъ будетъ по цѣнѣ для Черняева золотой Владимира, въ пору всяческихъ дрязгъ и клеветы. Нѣтъ, *не медлите*, а посылайте прямо въ Славянскій Комитетъ, на имя члена-распорядителя г. Попова. Объясните ему въ письмѣ семейную драгоцѣнность жертвы и просите доставить прямо въ руки М. Г. Черняева. Обозначьте вашъ адресъ, и вы получите отвѣтъ изъ Комитета. Я посылала уже отсюда 40 р., жертвованныхъ копѣйками, и получила отвѣтъ, безъ всякаго желанія и домогательства получить отвѣтное увѣдомленіе. Итакъ, вмѣстѣ съ другими деньгами высылайте и золотой; пусть онъ идетъ, какъ высо-

---

*) Малолѣтняго внука М. В. Вальховской. *С. П.*

кая память достойнаго дѣда [1]), пересаженная въ живое чувство малолѣтняго внука. Скажите Владиміру, что я кланяюсь ему низко и прошу позволенія поцѣловать его въ голову.

Благодарю васъ премного за стихи Тургенева:

„Нѣтъ, ваше величество! Вамъ уже не смыть
Той крови невинной во вѣки!“ [2]).

И теперь быть или не быть войнѣ—виситъ на волоскѣ, и этотъ волосокъ въ рукахъ Англіи. Отвратительная, предательски-барышная, она всячески пресмыкалась предъ Бисмаркомъ, чтобы подкупить его противъ Россіи; но, кажется, со стыдомъ должна была зажать въ руку свою взятку, которую она было предлагала Германіи, и поплестись въ Константинополь на конференцію, какъ говорится по-русски, не солоно хлебавши.

А что касается до убѣжденія, что «нечего волноваться, что если Богу угодно, то такъ или иначе, а Славяне будутъ освобождены», безъ всякаго сомнѣнія! Если мы умолкнемъ, то камни возопіютъ. А для чего же даны таланты: кому пять, кому два, кому одинъ, судя по силѣ каждаго, и велѣно *дѣлать въ нихъ*, т.-е. дѣйствовать по ихъ назначенію? И за что же наказанъ тутъ недостойный слуга, который *ничего худого* не сдѣлалъ, а только *бездѣйствовалъ* своимъ талантомъ, наказанъ не только отнятіемъ у него таланта и отдачею тому, кто болѣе дѣйствовалъ и болѣе пріобрѣлъ, а изверженіемъ его, какъ лѣниваго и нерадиваго раба, въ тьму внѣшнюю изъ славы и радости духовнаго царства? Нѣтъ, мы всѣ должны дѣйствовать всѣмъ существомъ нашимъ: волноваться, скорбѣть, желать, ожидать, молиться и дергать корпію, если ничего другого наши немощныя руки не въ состояніи болѣе дѣлать. Россія имѣетъ великій талантъ, данный ей: эту страшно-сплотившуюся 80-милліонную силу. На что другое она можетъ, и должна, и опредѣлена употребить ее, какъ не на защиту отъ убіенія, отъ истребленія, отъ оскверненія своихъ единоплеменныхъ, однокровныхъ, единовѣрныхъ братьевъ? На что же она считается старшею въ Славянскомъ родѣ? Если она не исполнитъ этого своего назначенія, страшно сказать: она будетъ проклята, какъ та смоковница, не принесшая своего плода. И такъ, мы всѣ, великіе и малые, призываемся потрудиться въ этомъ святомъ нашемъ и братскомъ дѣлѣ; будемъ, какъ рабочія пчелы одного большого улья. И когда Господь Богъ благословитъ совершиться этому сладчайшему соту—освобожденію братьевъ

[1]) Т.-е. Владимира Дмитріевича Вальховскаго. Это извѣстный Кавказскій генералъ, по Лицею товарищъ Пушкина. П. Б.

[2]) Изъ его стихотворенія „Крокетъ въ Виндзорѣ“, см. Полное собраніе сочиненій Тургенева, изд. Маркса. 1898, т. IX, стр. 273. *С. П.*

изъ пятивѣкового мучительства, чтобы мы имѣли тогда радость любви сказать себѣ съ умиленіемъ: *«И моего здѣсь меду капля есть!»*

Я сейчасъ изъ собора [1]). Служили оба архіерея напутственный молебенъ выступающимъ полкамъ. Господь да благословитъ, Господь да помилуетъ ихъ, Господь да управитъ путь ихъ предъ лицемъ Своимъ!

(1876 Декабря 16). Мы всѣ въ томительномъ ожиданіи: что̀ будетъ? Чѣмъ кончатся эти слова, слова, одни слова?[2]) И въ промежутокъ этого времени я стараюсь кончить свои замѣтки по Крыму [3]).

(1877 Марта 16). Вы говорите, что Россія стоитъ наканунѣ своего великаго предназначенія. Развѣ у васъ, въ Москвѣ, есть другіе слухи, кромѣ газетъ? А по газетамъ, Россія стоитъ наканунѣ позорнѣйшаго мира, что эта гора породитъ мышь, что это—синица съ оборваннымъ хвостомъ, которая хвалилась зажечь море и которой выщипали хвостъ благопріятели, и она, захлебываясь въ своемъ позорѣ, двинется во-свояси. Нѣтъ! Всѣ святые! Да будетъ *нѣтъ!* Да мимоидетъ насъ эта чаша позора, наполненная братской кровью и предлагаемая намъ съ язвительнымъ хохотомъ всей заграничной печатью. Говорятъ такъ: что тотъ, кто имѣетъ въ Россіи властительное право хотѣть или не хотѣть, во что бы то ни стало не хочетъ войны; что ему предсказала какая-то гадальщица, что если начнется война Восточная, то она будетъ несчастлива и *смерть его въ ней...* Мало ли у Россіи и у Славянства враговъ, чтобы сумѣть подставить эту гадальщицу, съ ея прорицаніями!..

Вотъ мысли, желанія, упованія и страданія, которыми теперь, какъ въ мукахъ рожденія, болитъ всякая Русская душа. И благо ей, что болитъ этими муками она. Она пріобщается, эта душа, страданіямъ мучениковъ и можетъ получить награду ихъ, по тому непреложному обѣтованію: *«пріемляй пророка во имя пророка, мзду пророчу пріиметъ»*. А принимающій къ сердцу мученическія страданія братьевъ, онъ ли не приметъ на душу то *неописанное,* что̀ обѣщано мученикамъ?

(1877 Ноября 22). Благодаря прошлогодней и нынѣшней нашей святой и великой войнѣ, нашъ общественно-нравственный воздухъ очистился. Въ «Народной Помощи» прекрасно сказано, что «эти подвиги любви и мужества, которые явила эта война, не даромъ совершаются. Они искупаютъ грѣхи цѣлыхъ поколѣній; они даютъ смыслъ и цѣну истощившейся жизни; они сѣютъ на будущее время сѣмя великой нравственной силы въ народѣ». Да, если въ экономіи... (не хочу этого

---

[1]) Въ это время Н. С. Соханская была въ Харьковѣ, гдѣ прожила Сентябрь, Ноябрь и Декабрь. *С. П.*

[2]) Изъ стихотворенія Пушкина. „Не дорого цѣню я громкія права." П. Б.

[3]) Лѣтомъ этого 1876 года Н. С. Соханская ѣздила въ Крымъ. *С. П.*

иностраннаго слова, а скажу такъ): если въ домостроительствѣ вселенной и упадшій листъ съ дерева не теряется безплодно, а уносится иногда очень далеко, чтобы истлѣть и утучнить собою почву: то можетъ ли это великое паденіе стольких жертвъ, это многомощное сотрясеніе Русскаго державнаго дерева, осыпавшаго, подъ бурею войны, столько не зеленыхъ листьевъ, а дорогихъ жизней, можетъ ли оно нравственно не утучнить всего великаго поля, называемаго духомъ общественной жизни? Оглянитесь вокругъ, чтобы видѣть, сколько душъ очистилось страданіемъ, сколько сердецъ умилилось скорбію, сколько рукъ святится служеніемъ раненымъ и больнымъ! Вотъ она, благодатная жатва, собираемая ангелами и архангелами съ великихъ бѣдствій человѣческой войны.

Есть слухъ, что Москва (послѣ смерти Сергія Максимиліановича) посылала депутацію къ Государю, съ всеподданнѣйшею просьбой, чтобы Его Величество не вдавался въ опасность и чтобы, по крайней мѣрѣ, Наслѣдника уберегалъ отъ нея, на что Государь будто бы отвѣчалъ такъ: «Вѣдь Москва сама хотѣла этой войны. Она меня почти принудила къ ней, и теперь, что̀ бы ни случилось, скажите Москвѣ, я не отступлю до конца!» Прекрасныя, сильныя, вполнѣ слова Русскаго Царя, но были ли онѣ говорены?—вотъ вопросъ! *)

Очень просятъ для раненыхъ—*кисетовъ* ситцевыхъ, яркихъ, пестрыхъ; ничто не доставляетъ такого удовольствія, какъ хорошенькая трубочка и пестрый, яркій кисетъ. Я на дняхъ отправила въ Харьковъ, въ Красный Крестъ, для слѣдованія въ Яссы, большой тюкъ солдатскаго бѣлья; но о *кисетахъ* я тогда не знала и очень жалѣю, и потому сообщаю вамъ. Для праздничнаго подарка какая радость солдату, не избалованному радостями жизни!

Насъ было совсѣмъ заплевали въ Европѣ, но Карсъ окончательно утеръ эти ядовитыя слюни. Наконецъ выясняется, что̀ это за войска, которыхъ такъ много шлетъ Египетъ на помощь султану. Это—Англія, въ знакъ своего нейтралитета, подвозитъ изъ своей Индіи... Что̀ дѣлаютъ наши консулы въ Египтѣ? Что̀ дѣлаетъ нашъ генералъ-адмиралъ, не имѣя изъ Балтійскаго флота ни одного крейсера въ Средиземномъ морѣ, чтобы помѣшать этой перевозкѣ войскъ нейтральной державою?

(1878 Іюня 22). Вѣсти доброй и веселящей душу нѣтъ, которою бы сердце рвалось подѣлиться и порадоваться вмѣстѣ. Все такъ уныло и боязливо хоронится внутри, не зная, чѣмъ это нескончаемое томле-

*) По словамъ Сербскаго посланника Протича (нашего товарища по Московскому университету), покойный Государь Александръ Николаевичъ сказалъ ему (въ 1879 г.), что онъ беретъ назадъ свои слова о Сербахъ, о чемъ и было сообщено Протичемъ въ Бѣлградъ. П. Б.

ніе разрѣшится. Послѣднее время я не могла читать газетъ: эти толки о конференціи, о нашей уступчивости; сегодня миръ съ Англіей наканунѣ новой войны съ Турціей; завтра—миръ съ Турціей наканунѣ неизбѣжной войны съ Англіей и Австріей;—это положеніе между молотомъ и наковальнею до того разбивало душу, что я брала въ руки новый нумеръ газеты и не могла читать... За это время какія двѣ крупныя неожиданности создались: нашъ добровольный флотъ и раны 80-лѣтняго Германскаго императора. Стрѣляютъ дважды: рабочій и *докторъ философіи!* Есть надъ чѣмъ призадуматься хитроумной головѣ Бисмарка. Теперь желѣзная рука сумѣетъ придавить голову этой распущенной въ Европѣ интернаціоналки, съ которою только наше правительство принуждено было считаться у себя.

(1878 Августа 7). **Sic transit gloria mundi**; кажется, такъ пишется по-латыни, чтобы дать разумѣть по-русски: какъ преходящи слава и величіе здѣшняго міра. Старшій сынъ Б. поступаетъ въ *реальную* гимназію. Я видѣла этого разбойника-мальчишку, вопервыхъ, съ жадностію схватившаго обѣими руками сухари къ кофе такъ много, что они выпали изъ рукъ на полъ, и онъ, не могши взять сухарь руками, которыя были полны, какъ собаченка, взялъ его съ полу зубами, и такимъ образомъ, въ рукахъ и въ зубахъ съ хлѣбомъ, направился за Англичанкою къ столу. Это одна знаменательная картина свѣтлаго младенчества; а другая—не знаю, хуже или лучше. Этотъ птенецъ дворянскаго гнѣзда сидѣлъ за столомъ между матерью и дядею, который (какъ выражался самъ онъ) боготворитъ этого ребенка, а это боготворимое нѣжное дитя схватило ножъ въ руку и швырнуло имъ чрезъ столъ прямо въ Англичанку, и ни дяденька, ни маменька ни словомъ, ни взглядомъ, не видали и не замѣтили, что̀ сдѣлало милое дитя. Но, вѣроятно, мой ужасъ, и изумленіе, и негодованіе слишкомъ ясно выразились на моемъ лицѣ, потому что мы встрѣтились съ Англичанкой глазами и безъ словъ поняли другъ друга. «Видите вы, что̀ дѣлается», сказала она мнѣ съ гордой печалью. И сдѣлалось, что этотъ первенецъ, сынъ двухъ камеръ-юнкеровъ, отца и дяди, поступаетъ въ реальную гимназію. Рожденный будто орленокъ садится въ воронье гнѣздо.

(1878 Августа 26). День срѣтенія Владимирской Божіей Матери, спасшей древнюю Москву отъ какого-то изъ Татарскихъ погромовъ, день Бородинской битвы, день паденія Севастополя, день коронованія на царство родившагося въ Москвѣ Освободителя Русскаго народа,—великій день! Но я праздновала его болѣе памятію стольких убіенныхъ воиновъ. О нихъ молитва, о нихъ моленіе! И вспомнилось мнѣ Севастопольское стотысячное (кладбище), и братскія цвѣтущія могилы. И какъ желалось душѣ и сердцу побыть этотъ день тамъ, на этомъ

полѣ смерти, и слышать *вѣчную память*, воспѣваемую въ духѣ вѣры и любви! И я не лишена была этой празднующей отрады и насладилась ею вполнѣ. «*Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышится*». И я несомнѣнно вѣрую, что мой скорбный и слабый молящійся голосъ былъ услышанъ въ великомъ Божіемъ гласѣ, говорящемъ душамъ усопшихъ: «Отнынѣ блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ. Ей, говоритъ Духъ, онѣ успокоются отъ трудовъ своихъ». Какъ-то ближе и роднѣе становится небо, когда чувствуешь и знаешь, что тамъ много близкихъ и родныхъ своихъ. Но довольно о свѣтлыхъ тайнахъ неба въ такомъ маленькомъ письмецѣ!

....Получила письмо отъ Соловьева. Онъ слышалъ про сочиненіе *(О Духѣ)* Харузина († 1878) и искалъ его, и вдругъ оно является ему изъ степи, изъ дали неизвѣстнѣйшей. Духовныя воззрѣнія Соловьева меня привели въ ужасъ, на сколько онъ ихъ высказалъ въ письмѣ. *Реализировать Бога въ природѣ*, т. е. существо, духъ тончайшій, незримый, неисповѣдимый, всякую тѣлесность создавшій изъ ничего, однимъ Своимъ Божественнымъ изволеніемъ, пребывающій превыше всего видимаго и невидимаго человѣческимъ глазомъ и разумомъ, духовное существо, живущее въ свѣтѣ неприступномъ для какой бы то ни было плотяности, сущее въ непостижимомъ для человѣческаго разумѣнія тріеличномъ единствѣ Бога (Одного нераздѣлимаго и Трехъединаго), и этого Великаго Бога искрошить философски на кусочки и осуществить Его въ видимой природѣ, т. е. оземленить Всевышняго Творца, Котораго все небо—только престолъ, а земля, одно подножіе ногъ Его! И это еще слишкомъ большая честь для земли, потому что астрономія знаетъ и говоритъ намъ, какая незначительная планета наша земля въ числѣ другихъ тѣлъ небесныхъ. Вотъ всей этой страницы я и не думала писать вамъ, и она будто сама написалась къ слову о Соловьевѣ. Я живу прекраснѣйше, въ тиши, въ довольствѣ своего труда, который, слава Богу, движется впередъ, надѣляя меня наслажденіями выше всякой обыденной радости. Какъ весело будетъ, если Господь дастъ увидѣться съ вами на праздникахъ и побыть въ вашей живой человѣческой семьѣ, послѣ міра фантазіи, который однако я стараюсь довести до совершенной жизненности *).

(1879 Мая 2). Что вамъ сказать о себѣ? Нехорошее состояніе духа. Все раздражаетъ и печалитъ душу. Какими ужасами наполнены наши дни! Вотъ наша золотая молодежь! И что съ нею дѣлать? И какъ исцѣлить это извращеніе душевныхъ силъ и обуяніе ума? И строгостію,

---

*) Рѣчь идетъ о романѣ „*Степная Барышня*", который Н. С. Соханская не успѣла ни окончить, ни обработать что написано. С. П.

и милостію, и благостію, и свободою всѣмъ дѣйствовали, и только вызвали инстинкты звѣря въ считающей себя европейски цивилизованной молодежи нашей. Истинно, вотъ тьма-то безъ вѣры и святыни, тьма, которая у насъ сдѣлалась *тьма кольми*, и задушаетъ всѣ прирожденные инстинкты человѣческой души. И не содрогнулась нечестивая, окаянная рука убійцы ни передъ лицемъ царя своего народа, ни передъ днемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. *Иже Единъ, окаянныя моея души недугъ и всея исцѣленіе вѣдый*: припомнились мнѣ слова одной изъ молитвъ при каѳизмахъ Псалтыря *), и эти слова должны быть воплемъ нашего общественнаго, торжественнаго покаянія. Не безъ корней же выросли эти убійственные плоды на деревѣ нашей великой Россіи, называвшейся нѣкогда *Святою Русью* и терпя потерпѣвшей полустолѣтнее царствованіе Грознаго безъ того, чтобы поднялась рука или появился замыселъ убить этого страшнаго кровопійцу, убивавшаго тысячи и десятки тысячъ невинныхъ всякаго пола и возраста и званія. Мы пожинаемъ, что̀ посѣяло наше отступничество отъ народныхъ основъ и преданій и что̀ оно пріобрѣло намъ въ такъ называемой Европейской цивилизаціи. Я вамъ привезу брошюру Цитовича, логически и исторически показывающую, откуда народились эти страшные ядовитые грибы нашего общественнаго строя.

(1879 Іюня 13). Писать не пишу, а читать есть что̀: я выписываю «Русскій Вѣстникъ» и «Недѣлю», которая была запрещена на три мѣсяца и теперь пуста совершенно безсодержательною пустотою, и высылаетъ, взамѣну, вѣроятно, содержанія своего, книжки повѣстей и романовъ; а я, не смотря на свои сѣдѣющіе волосы, все-таки люблю и люблю живопись человѣческаго сердца въ жизненныхъ картинахъ художественнаго слова. Вотъ вамъ неожиданно кусочекъ моей душевной исповѣди!

(1880 Марта 16). Французское правительство не выдало Гартмана. Это возмутительно! Къ какой же политической партіи принадлежитъ онъ, чтобы имѣть военно-непріятельское право взрывать цѣлый поѣздъ желѣзной дороги?..

(1880 Марта 26). Въ с. Савинцы наѣхало цѣлое медицинское отдѣленіе, съ двумя сестрами милосердія, лѣчить дифтеритъ. И Господи! Что̀ это за безтолчь, неразуміе, непоминаніе и наше обычное Русское самовластіе: *Мы начальство! Что̀ хотимъ, то дѣлаемъ!* Народъ въ сильнѣйшемъ негодованіи, и ежели не выгонитъ эту медицину дубьемъ, такъ это будетъ чудо народной выносливости. Для начала, можете себѣ представить такой опытъ и его впечатлѣніе на народъ: господинъ

*) Послѣ 9-й каѳизмы.

докторъ, по какимъ-то новѣйшимъ пріемамъ лѣченія дифтерита, взялъ да и вырѣзалъ дифтеритную опухоль у ребенка! И еще не успѣлъ помыть рукъ, какъ ребенокъ умеръ. Понятно чувство простого вѣрующаго отца и другихъ отцовъ и матерей, которые въ одинъ голосъ вопіютъ: «пускай же наши дѣти умираютъ, коли имъ такъ Богъ судилъ; а мы не дадимъ, чтобъ нашихъ дѣтей мучили и рѣзали на нашихъ глазахъ!» Медицинскому начальству, конечно, за обиду стало: «какъ смѣть такъ говорить!? Неучи! Въ холодную ихъ, на хлѣбъ на воду!» Этими ли мѣрами просвѣщенная наука должна помогать народному бѣдствію? И что же вышло? Не только старики, но и самы большія дѣти, какъ только заслышатъ колокольчикъ, прячутся на печь и со слезами кричатъ: «У меня ничего не болитъ, ай-ай! не болитъ!» Для примѣра выкуриванія заразы совсѣмъ разорили человѣка въ его хатѣ. Не говоря о другихъ вещахъ, на стану было полотно (и еще чужое) у бѣдной женщины; посрывали, повыкидали на дворъ; въ хатѣ полъ взрыли; сидѣла гусыня на яйцахъ—и ту выкинули. «Якъ Татаре перешли!» сказывалъ мнѣ все это толковый, хорошо разумѣющій свое по своему мужикъ. А какъ же съ людьми, съ хозяевами этой хаты поступили медицинскіе Татары? Вывѣтривать ихъ прямо на улицѣ, при теперешней погодѣ, старыхъ и малыхъ, конечно, должно было показаться несовмѣстно. Ихъ *перевели къ сосѣдямъ!* Спрашивается: въ комъ сильнѣе могла затаиться зараза? Въ матери ли съ отцомъ, которые, по народному выраженію, *убивались* вокругъ своего умирающаго дитяти, или въ гусынѣ, сидѣвшей неподвижно въ самомъ дальнемъ и укромномъ углу? О, Господи, куда дѣвается у нашихъ ученыхъ простой здравый смыслъ! Вотъ настоящій основной критеріумъ, который сказалъ мнѣ все тотъ же мужикъ: «А жалованье, кажутъ, имъ велике йде.. Се-бъ то за помочь? А какая отъ нихъ буде помочь? На что вчера великій праздникъ былъ Благовѣщеніе! Служеніе въ Божьемъ дому уже такое шло, мало какъ не на самый свѣтлый праздникъ; а ихъ, лѣкарей, ни одного не було въ церкви! Я нарочно приглядался: ни самого лѣкаря, ни тыхъ лѣкарокъ не було!...»

(1880 Іюля 22). Хотя я не съ вами, но сердце мое при васъ всѣмъ сердечнымъ пожеланіемъ вамъ всѣхъ тѣхъ осеннихъ благъ жизни, которыми еще дорога̀ бываетъ она въ любви, преданности и радости объ окружающихъ насъ въ родной и дорогой семьѣ. Я поручаю Машенькѣ-внучкѣ крѣпко и крѣпко обнять свою бабушку и поцѣловать ее живьемъ, радостнымъ, свѣтлымъ и смѣлымъ поцѣлуемъ родного сердца за меня чужую и далекую.

Повторяю: хотя я и не съ вами, но безъ празднованія я не оставляю этотъ день Маріи Магдалины, такъ давно и такъ по праву со-

ставляющій большой праздникъ нашей царской семьи. И вотъ сегодня первый разъ, что̀ нѣтъ ея, усопшей Императрицы, на ея великомъ семейномъ праздникѣ! Какъ грустенъ долженъ показаться этотъ день Государю и Маріи Александровнѣ дочери! Не Англійская свекровь замѣнитъ ей Русскую царицу-мать. *Учрежденіе Краснаго Креста*—вотъ истинный, болѣе нежели золотой крестъ на могилѣ покойной Императрицы. Дай Богъ ей царство на небеси, какъ она царствовала на землѣ! Вѣдь она, моя личная благодѣтельница. У меня два образа ея благословенія, и былъ ея царскій даръ, присланный мнѣ за *Кириллу Петрова*. Не помню, случалось ли мнѣ сказать вамъ, что это была большая брошь—сапфиръ, осыпанный крупными бриліантами съ рубинами и изумрудами. И именно эта пестрота мнѣ совершенно не понравилась; да и мнѣ ли, въ моей Макаровкѣ, на что и для кого хранить было такую вещь, когда у меня шубы не было? И вотъ я сдала эту брошь въ кабинетъ подарковъ и, кажется, получила за нее 700 или 800 р., не помню хорошенько, и сдѣлала себѣ у придворнаго поставщика великолѣпную шубу, тоже хотя бы и не для Макаровки. Мѣхъ и воротникъ ея я и теперь еще ношу съ любовію въ своей бархатной шубѣ. И вотъ всѣ эти причины живо коснулись моего уединеннаго сердца, и я сегодня помянула мою благодѣтельницу не только словомъ молитвы, но и дѣломъ маленькой милостыни, помянула по-русски *блинами*, накормила кое-кого больныхъ и неимущихъ (а ихъ сколько теперь въ этотъ тяжелый годъ!). Слава Богу о всемъ, что̀ есть, что̀ было и что̀ можетъ быть!

(1881 Января 29). Мы съ вами на столько Русскіе, что не можемъ не поздравить себя съ побѣдою, одержанною Скобелевымъ. Грѣшная моя душа! Радуясь за себя, т. е. за Россію, я съ неменьшей радостію думаю объ Англіи. Какой это ей bouton на носу ея Афганскихъ и прочихъ другихъ хищническихъ ея дѣлъ, гдѣ ея непобѣдимыя войска разбиваютъ сотни полудикихъ племенъ! А у Скобелева-то (страшно подумать!) 2600 человѣкъ, безъ всякой опоры сзади, удаленные непроходимыми, безводными степями отъ всякой помощи человѣческой, и взять крѣпость, защищенную храбрымъ и отчаяннымъ, вооруженнымъ Англіею, почти въ 12 разъ сильнѣйшимъ, непріятелемъ! Слава Господу силъ! Не намъ, не намъ, а имени Твоему хвала и благодареніе, Господи, что братія наши не погибли, вдали отъ родины, на радость повсюднымъ нашимъ врагамъ!.. Храмъ Божій, со всѣмъ величествомъ славы Господней службы на землѣ, такъ близко отъ васъ, и всегда можно понести въ него тревогу и радость сердца и принять въ немъ то, чего никакія сообщества человѣческія и блага мірскія не могутъ

дать душѣ, которая не пресмыкается змѣею на землѣ, а и чувствуетъ у себя небесныя крылья.

(1881 Февраля 14). (Посылая своей корреспонденткѣ стихотвореніе *Я слышалъ, въ келіи простой* *), которое Саханская довѣрчиво признавала Пушкинскимъ, она продолжаетъ): Какъ, я, помню, подсмѣивались надо мною, что я въ своемъ *Цвѣткѣ на могилу Пушкина* нашла поэму духа человѣческаго въ его жизненномъ развитіи, заканчивающемся высокими пророческими видѣніями вѣры. Пушкинъ *вѣрующій!* Это казалось такъ смѣшно и необычайно людямъ, помнившимъ только одно, что Пушкинъ когда-то пилъ и кутилъ съ ними и волочился за женщинами, а забывавшимъ его глубокую поэтическую исповѣдь: *Пока не требуетъ поэта...* Это-то высокое и святое пробужденіе души поэта не примѣтили его застольники и собесѣдники. На то нужно *грядущее поколѣніе*, чтобы въ тѣнь отошелъ человѣкъ и выступилъ поэтъ.

(1881 Марта 8). Крикъ скорби, ужаса, негодованія и даже проклятія цареубійственной рукѣ вырывается неудержимымъ воплемъ на всю Россію, на весь міръ этой хваленой цивилизаціи XIX вѣка, породившей ужасы варварскихъ, неосмысленныхъ, невообразимыхъ убійствъ. О Боже нашъ! Боже нашъ! Боже нашъ!.. Совершилось!.. И что покушались злодѣи столько разъ, попустилъ Господь быть тому. И конечно, уже не въ земную, а въ небесную славу того, кто пройдетъ во всѣ вѣка и народы съ его именемъ *Освободителя*. «Благой царь!» невольно вырывается изъ сердца залитое слезами слово къ нему, принявшему мученическую кончину, на величайшую скорбь и печаль и ужасъ Россіи и, вѣрую несомнѣнно, въ божественное благо душѣ его. Мученически пролитою кровію своею онъ воздалъ, во Христѣ, за тѣ грѣхи человѣческаго естества, о которыхъ слово вѣры говоритъ намъ: «нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ». И, перенесясь черезъ свой страдальчески истерзанный трупъ, душа его изъ царственной славы земной вступила въ великую славу Господа въ небесахъ.

Да, завтра 9-й день его кончины. Я украсила и приготовила все, что можно и должно совершить въ честь его царственной памяти, и завтра помяну его съ самыми малѣйшими и никогда невѣдомыми ему бывшими его вѣрноподданными. Завтра Сорокъ Мучениковъ съ извѣстнымъ нашимъ народнымъ преданіемъ, что въ этотъ день первыми вылетаютъ 40 жаворонковъ и начинаютъ пѣть, и въ честь мучениковъ

---

*) Объ этомъ стихотвореніи были въ концѣ 1898 и въ началѣ 1899 г. продолжительные газетные толки, изъ коихъ выяснилось, что оно написано около 1850 года Анатоліемъ Мартыновскимъ, впослѣдствіи архіепископомъ Могилевскимъ († 1872). С. П.

старыя Русскія хозяйки пекутъ жаворонки для дѣтей. Этотъ народный обычай всегда сохранялся въ нашемъ помѣщичьемъ быту, и доселѣ я люблю его поддерживать. И такъ, завтра ко мнѣ соберутся всѣ дѣти изъ хутора, большія и самыя малѣйшія, и вотъ съ ними-то и съ весенними жаворонками, представляя себѣ душу почившаго Государя какъ пернатую птичку, прилетѣвшую изъ тѣлесной золоченой клѣтки земного царства, мы помолимся о немъ младенческой молитвою и помянемъ его дѣтскимъ поминовеніемъ сердецъ нашихъ... Ахъ, какъ скорбно!.. Какъ тяжело это изувѣрство сатанинскаго безвѣрія нашихъ дней, осмѣливавшаго поднять руку на царственную главу всѣхъ насъ! О, да пошлетъ Господь новому Государю мужество мудрости въ правдѣ: считать убійство убійствомъ, преступленіе преступленіемъ и карать ихъ всею казнію заслуженнаго правосудія! Наши судьи изолгались за все это время новой возвѣщенной правды. Они съ возмутительною неправдою ставили невинными на судѣ убійцъ, клятвопреступниковъ, прелюбодѣевъ, всему давая поблажку, все извиняя, все оправдывая у существа разумнаго невмѣняемостію его дѣйствій воли. О, хотя бы этотъ громъ очистилъ воздухъ нашей общественной заразы и далъ намъ наконецъ вздохнуть чистымъ и свѣжимъ воздухомъ силы государственнаго вождя, не малодушевствующаго передъ порокомъ и злодѣйствомъ, не послабляющаго растлѣнію общественной правды и карающаго, кого нужно карать, и милующаго, кого миловать поистинѣ. Ахъ, дорогая моя М. В! Я написала вамъ цѣлый листокъ порывомъ скорби, порывомъ накипѣвшаго горя, которое у меня не съ кѣмъ раздѣлить отвѣтно. Въ простотѣ сердецъ окружающихъ меня дѣтей простого люда, мы плачемъ, мы жалѣемъ, мы молимся; но во всемъ этомъ конечно, я—лицо всеобъясняющее, толкующее, сказывающее; а поговорить мнѣ не съ кѣмъ!..

Въ Среду, т. е. 4 Марта, я только что окончила молитву, выхожу, и вдругъ мнѣ говорятъ: что есть извѣстіе, что *Государь скончался!* И я не знаю, чему это приписать мою недогадливость? Ну, ни малѣйше мнѣ не впало на умъ, что это—убійство. Народъ требовали къ присягѣ, и тамъ вездѣ только одно слышно: *умеръ* и *умеръ!* И простыя сердца сейчасъ подыскали причину: «*Зажурился за Царицею и году не выжилъ!*» На почту за газетами нѣтъ доступа. Разливъ воды, зажоры; верховой ѣздилъ,—чуть лошади не утопилъ и возвратился съ полдороги. И только въ Пятницу послѣ обѣда я получила листокъ съ телеграммами. Я и прежде еще умилялась, думая о томъ, что Царская фамилія обыкновенно говѣетъ на первой недѣлѣ поста, и эта смерть на другой день сообщенія Св. Таинъ! А оказалось, что это не смерть, а мученическая кончина въ святѣйшія минуты человѣческой христіанской жизни.

Чудесно спасая столько разъ, Провѣдѣніе попустило совершиться злодѣйству, когда душа покойнаго была готова къ переходу отъ низшаго царства къ высшему. Объ этомъ мы можемъ и должны благодарить Господа.

(1881, 9 Марта.) Сейчасъ я получила оба ваши семейныя письма, и общая скорбь, общій ужасъ нашъ сочувственно раздѣлены. Кромѣ первыхъ телеграммъ, я еще ничего не знаю, не читала; но, соображая время совершенія убійства и часъ кончины, прихожу къ убѣжденію, что едва ли Государь скончался даже во дворцѣ, а не въ первомъ подходящемъ домѣ, куда можно внести Его. Я закрываю глаза руками въ жалости, въ скорби и въ раздирающемъ душу страданіи, представляя себѣ, что́ было, что́ должно слѣдовать... Если лошади не разомъ легли истерзанныя на мѣстѣ, вѣдь онѣ должны были понести карету и волочить его... Боже мой!.. Растерзаннаго безпомощнаго, обливать улицу его царственной кровію. И это—Русскаго Царя и Освободителя своего народа! Боже мой! Неужели вы уже знаете, что преступники — *Русскіе* съ Русскими фамиліями? Это сатанинская насмѣшка надъ Русскимъ народомъ, надъ его любовью къ Царю!.. «Ахъ, Иванъ Сергѣевичъ (въ первую минуту набросала я нѣсколько строкъ къ Аксакову), что̀ вы скажете? что̀ вы должны сказать въ вашей *Руси?* Варварская древняя Русь, перетерпѣвшая всѣ ужасы болѣе чѣмъ сорокалѣтняго царствованія Грознаго и не поднявшая цареубійственной руки, и Россія XIX вѣка, освобожденная отъ ига и позора рабства, цивилизованная по-европейски и залитая мученическою кровью своего Царя-Освободителя! Есть отъ чего воспрянуть всѣмъ и каждому и наложить намъ на себя общественное покаяніе»...

(1881, Апрѣля 17) Христосъ воскресе! И пришелъ Великій день, и уже минуетъ насъ, и встрѣтимъ ли и дождемъ ли мы его? А все печально было и въ эти самые торжественные дни. Въ чистый Четвергъ сороковый день выходилъ, и мнѣ Господь даровалъ ознаменовать его торжественнымъ общественнымъ поминовеніемъ. И такъ мнѣ вышло, что я 9-й день поминала Государя съ дѣтьми и 40-й. Къ этому дню говѣла Савинская школа, самое меньшее отдѣленіе, и сообща съ торгующими и бѣднѣйшими старушками, которыя, истинно какъ евангельскія вдовы, приносили мнѣ по одной-единой копеечкѣ, мы сдѣлали большое прекраснѣйшее коливо, украшенное конфектами и пасхальными цвѣтами. Семь большихъ свѣчей за престоломъ, двѣ на престолѣ, у священника и діакона, передъ коливомъ, та свѣча, что̀ несутъ передъ Евангеліемъ,—всѣ онѣ, большія, бѣлыя, были перевязаны черными лентами, и горѣли всю утреню, и обѣдню, и панихиду, и остались горѣть на Страсти Господни и на Плащаницу, до самой Воскресной за-

утрени. И такъ сороковой день смерти Государя слился съ великими днями страданія и смерти Господней. Это какъ-то утѣшительно, знаменательно говоритъ душѣ. И также мы пріобрѣли мелкихъ свѣчей и роздали ихъ на великую панихиду; всѣ дѣти стояли со свѣчами, и почти вся церковь теплилась заупокойной свѣчой и задушевной мольбой. По окончаніи панихиды и всей службы, мы еще раздавали сладкую милостыню дѣтямъ—пряники и конфекты, съ повторяемой молитвой: «Упокой, Господи, душу убіеннаго Государя нашего». Я и сама говѣла и удостоилась сообщиться Св. Таинъ въ этотъ святѣйшій день...

Я очень довольна, что вы читаете *Русь* и, вѣроятно, прочли въ 21 № и мое слово къ нашей общей печали. Въ душѣ столько накопляется чувствъ, которыя требуютъ исхода, и вы будете встрѣчаться съ ними въ *Руси*.... Но печатать хотя бы только легендарную часть моего *романа* въ этотъ годъ цареубійства, ужасовъ, смуты—я не хочу и наотрѣзъ отказала Аксакову.

(1881, Апрѣля 23) Сегодня у меня вдвойнѣ праздникъ—великаго нашего Юрія, Страстотерпца и Побѣдоносца, почитаемаго всѣми Славянскими племенами, и братскій праздникъ моего маленькаго братства на Волынѣ. Меня сподобилъ Господь послать туда пять большихъ мѣстныхъ иконъ, и слѣдовательно, церковь, какъ бы обновленная и украшенная, теперь тамъ празднуетъ и молитвенно меня вспоминаетъ. Можетъ быть, потому и у меня на душѣ такъ празднично-радостно. Да какъ и не быть чувству свѣтлому въ этой весенней радости земли! День прекраснѣйшій, свѣтлый, теплый, съ легкими облачками, обѣщающими росу небесную; соловей поетъ неумолкая, мой старый семилѣтній соловей, который возвращается и всегда запѣваетъ неизмѣнно на одномъ и томъ же мѣстѣ въ моемъ цвѣтничкѣ, подъ окнами залы,—и нынѣ же собирается у меня маленькое празднество. Бабы съ хутора, кому угодно, придутъ къ вечеру полить мои посадки въ саду изъ моего колодезя, въ которомъ за зиму прибавилось $1^1/_4$ аршина воды; а я въ саду устрою имъ чай на травѣ, подъ деревьями, что̀ и будетъ мой Макаровскій откликъ по случаю праздника. Волею и неволею мнѣ приходится по-евангельски устраива́ть мои праздники: не звать ни друзей, ни сосѣдей богатыхъ, которыхъ поблизу меня нѣтъ никого, а именно звать бѣдныхъ, труждающихся, неимущихъ, которые и въ великій постъ и великій праздникъ одно терпятъ—крайнюю нужду, и не всѣ могли разговѣться даже крашеными яичками... Господи,.. умилосердися о нихъ и о насъ: имъ въ крайней тѣлесной нуждѣ оскудѣнія, а намъ, глаголящимся быти мудрыми и обезумѣвшимъ въ нравственномъ мракѣ думъ нашихъ—подаждь Свое Божественное исцѣленіе и свѣтъ, просвѣщающій нашу тьму!

(1881 Сентября 22) Печальное и страшное происшествіе, писанное въ вашемъ письмѣ [1]), не было для меня новостью. Я уже знала о немъ; узнала очень нездоровою, лежа въ постелѣ... Боже мой, Боже мой! Ученый міръ не вѣритъ чудесамъ Евангелія, а это спасеніе не чудо? На такомъ далекомъ разстояніи, спящей, больной, отяжелѣнной глухотою и разными повязками на головѣ, вдругъ среди ночи услышать задушаемый крикъ мужа и едва имѣть силы передвинуться черезъ комнату, и все-таки, этимъ безсиліемъ и безпомощностію, спасти того, кто былъ совершенно въ рукахъ убійцъ и ни откуда не могъ ожидать помощи. Знаете ли, моя неоцѣненная, этотъ недомыслимый чудодѣйственный подвигъ жены Господь какъ будто даровалъ ей въ вѣнецъ завершенія всей ея преданной, самоотверженной жизни жены, великой и благодатной помощницы мужа? Не смѣешь сказать въ молитвенномъ смиреніи: да благословитъ ее Господь Богъ, потому что рука видимаго Господня благоволенія и благословляющей силы Его почила на ней. Эта великая радость должна окрасить поздніе дни ея, дни спасенія, въ немощахъ нестарѣющею силою святой супружеской любви. Въ эту самую минуту мнѣ захотѣлось написать къ нимъ, къ блаженнымъ супругамъ, какъ будто вновь дарованнымъ другъ другу. Право, хорошо, когда сидишь одна: не выболтаешься, какъ на людяхъ; а мысль и чувство, себѣ невѣдомо, созрѣваютъ въ душѣ и явятся въ стройномъ словѣ. Знаете ли? Я все это время покушалась послать ваше описаніе въ «Южный Край», и исполню. Если подобныя событія нашей общественной жизни будутъ проходить такъ себѣ, что мы въ первую минуту возбудимся, а затѣмъ и дѣлу молчокъ: то вѣдь насъ всѣхъ одинокихъ передушатъ какъ цыплятъ. Чѣмъ ограждена наша безопасность? Развѣ только тѣмъ, что на мѣсто происшествія явится не только становой, а еще урядникъ—смотрѣть въ пустой слѣдъ? Но въ этомъ дѣлѣ и слѣдъ-то, кажется, не совсѣмъ пустъ. Узнать отъ ночного сторожа, кто его спаивалъ, кто угощалъ. По чьему приглашенію онъ безъ спроса отправился на цѣлую ночь пьянствовать въ Каменкѣ, и кто съ нимъ былъ и пилъ въ шинкѣ? И затѣмъ *поддевка и фуражка* не на всякомъ мужикѣ, и ружья тоже у кого есть? Все это можно дознать.

(1881 Декабря 12) Жизнь идетъ, а что̀ душа вноситъ въ нее? Богъ вѣстъ! Вчера я прочла извѣстіе о смерти воспитателя теперешняго Государя, Бориса Алексѣевича Перовскаго, дѣда казненной, возмутительной Перовской [2]). Это бывшій «самый усердный поклонникъ моего

---

[1]) Ночное покушеніе разбойниковъ на убійство барона А. Е. Розена (Декабриста). С. И.

[2]) Софья Перовская была внучкою не графа Б. А. Перовскаго, а его старшаго брата

таланта», какъ самъ онъ рекомендовался мнѣ въ Царско-Сельскомъ дворцѣ, человѣкъ самый Русскій при нашемъ Нѣмецко-Россійскомъ дворѣ покойнаго Государя. Если Россія имѣетъ задатки Русскаго ума и народнаго чувства въ теперешнемъ Государѣ, она этимъ обязана покойному Перовскому, который, не мудрствуя лукаво, былъ Русскимъ человѣкомъ, умомъ и сердцемъ, и заронилъ это великое сѣмя въ душу того, кому судилъ Господь быть православнымъ царемъ Русскаго міра. Мнѣ такъ хочется помолиться за упокой его скорбной души. Могла ли эта душа не скорбѣть, зная убійцу Царя въ своей семьѣ? Боже мой, какъ все это ужасно!

(1882 Февраля 23). А Славянскія-то загорающіяся дѣла! И опять кровь, и стонъ, и вопли удушаемаго народа... Австрійцы работаютъ... Право, будто чувствуешь, что это апокалипсическія страданія вѣрныхъ—малаго стада, имѣющаго на челѣ свидѣтельство Христово... Я не могу читать извѣстій *Руси.* Заглянувъ въ нихъ, я откладываю въ сторону, и сердце, въ молчаніи скорбнаго слова, говоритъ однимъ воплемъ чувства: Ты видишь, Господи!

(1882 Марта 23) Городъ (Харьковъ) далъ вамъ полную возможность соучаствовать не только духомъ вѣрою и любовію, но и всею полнотою человѣческаго существа въ этихъ нашихъ печальныхъ и важныхъ случаяхъ торжественныхъ богослуженій Церкви, когда вся Россія, весь Славянско-православный міръ, молился и благословлялъ память одного вѣнценоснаго Царя своего, почившаго въ кровавой порфирѣ мученика, и призывалъ обиліе новыхъ благодатныхъ силъ на душу того, кто долженъ царствовать твердо и мудро въ годину смутъ отъ вражескихъ козней. Да поможетъ Ему Господь правосудный, видящій и знающій то, чего не предвидитъ никакая человѣческая мудрость, ни даже въ образѣ князя Бисмарка.... Что́ дѣлаетъ Австрія съ Славянами и какъ потакаетъ ей вся Европейская политика, объ этомъ сердце болитъ и душа негодуетъ. Но это—судьба истинной Церкви Христовой на землѣ. Она не можетъ быть безъ вѣнца мученическаго. Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновый и умеръ распятымъ на крестѣ. И насъ распинаютъ въ лицѣ нашихъ младшихъ братьевъ, и насъ равно ненавидятъ, и презираютъ, и проносятъ имя наше *яко зло,* потому что истина наша Православно-русская не вмѣщается въ нихъ. Да воздастъ имъ Господь воздаяніе ихъ!.. *«И будете ненавидимы всѣми имене Моего ради».* Нужно только Славянину измѣнить Православію, чтобы онъ сдѣлался лелѣемымъ чадомъ Европы, что̀

(по отцу) Николая, который не назывался Алексѣевичемъ, а Ивановичемъ. См. нашу статью о графѣ Б. А. Перовскомъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 года (III, 475) П. Б.

осязательно видимо на Полякахъ. Душа болитъ и сердце негодуетъ; но Церкви Христовой заповѣдано терпѣніе. «*Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ*». Къ Славянскимъ нашимъ племенамъ можно отнести тѣ слова апостола Павла, которыми онъ обозначаетъ первыхъ носителей духа Христова: «*умерщвляемы — и вотъ мы живы силою умершаго за насъ и воскресшаго*». А вотъ уже скоро тотъ свѣтлый и великій день, въ который вся ликующая православная Церковь возгласитъ въ восторгѣ вѣры: *Христосъ воскресе*! А у меня былъ свой маленькій очень свѣтлый праздникъ, который пришелся въ Пасхальную Субботу, когда я, по нынѣшней ранней веснѣ, должна была закрыть свое маленькое училище. Дѣти мои къ этому дню выучились читать акаѳистъ Божіей Матери и даже пѣть припѣвы: «*радуйся, невѣсто неневѣстная*» и «*Аллилуіа*». Какъ совершилось послѣднее, я не могу сказать, какъ-то самоучкою. Съ способностію нашихъ Малороссіянъ вообще къ пѣнію, мальчики, бывшіе въ церкви, подслушали эти припѣвы, а также *Достойно есть* и *Спаси, Господи, люди твоя*, и по истинѣ спѣлись прекрасно. И вотъ въ моей свѣтленькой залѣ, передъ иконою Божіей Матери, которой кротко-божественную задумчивость надъ лежащимъ на Ея колѣняхъ Христомъ-Младенцемъ вы хорошо знаете, дѣти мои стали въ рядъ, съ двумя меньшими впереди, и одинъ въ одинъ, голосъ въ голосъ и слово въ слово, подученные къ тому, они прекраснѣйше прочитали весь акаѳистъ, прерывая свое чтеніе собственнымъ пѣніемъ: *Радуйся, невѣсто неневѣстная* и *Аллилуіа*! Я стояла вдали, позади ихъ, на колѣняхъ и, признаюсь, плакала отъ какого-то невольнаго чувства умиленія, и не я одна. Случился отецъ одного изъ мальчиковъ, и его прошибла слеза, когда онъ въ кухнѣ только услышалъ долетающее пѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, эта маленькая глухая Макаровка получаетъ голосъ и слово къ Богу.

„Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа!
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Чтó сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученной ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ благословляя“.

И Онъ будто благоволилъ заглянуть въ Макаровку....

Я съ великой надеждой вѣрующаго и торжествующаго сердца смотрю на эту будто необѣщающую много весну. Великъ и богатъ

Богъ милостію! «*Не бойся, только вѣруй*», сказалъ Онъ въ лицо возвѣщенной смерти, и я ничего не боюсь, и только вѣрую и вѣрую за всякую душу въ трудѣ, въ скорби и въ печали ожидающую Бога милующаго и подающаго щедроты Его вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанскаго сердца. До свиданія, сердечно и радостно дорогія и милыя!

(1882, Мая 8). Завтра день празднованія вашего, да и нашего, общаго все-Русскаго отца, помощника въ скорбяхъ, нуждахъ и печаляхъ, чудотворца Николая. Я думаю ѣхать въ Кунье [1]), помолиться и поклониться на прахѣ разрушенной Николаевской церкви, отъ которой я имѣю плиточку на могилѣ матушки.

Очень и очень хочется увидѣться и послушать васъ, и разговориться сердцемъ, безмолвствующемъ у меня цѣлые мѣсяцы. А Англія! Посмотримъ, будетъ ли она прощать своихъ убійцъ и манерничать съ ними, какъ у насъ манерничаютъ, по письму Виктора Гюго, прощая цѣлую пятерицу убійцъ, всею силою и правдою государственнаго закона осужденныхъ на смерть. «*Всѣ взявшіеся убійственно за мечъ мечомъ погибнутъ*», это слова Самого Христа Господа. Да, мечъ убиваетъ одного, ну—пять человѣкъ, а динамитъ—сотни и тысячи! Скорбно, и грустно, и тяжело отовсюду! Господи, пожалуй намъ милости, отрады на всю эту горечь, переполнившую душу! Мнѣ писали изъ Москвы, что тамъ ожидали коронаціи, какъ Страшнаго Суда; теперь эта мучительная страсть отложена надолго. Дай Богъ намъ чѣмъ-либо порадоваться! Такъ уже изныло сердце во всѣхъ нашихъ тоскахъ и тревогахъ.

(1882 Май). А мнѣ-то сегодня какая благодатная радость! Пріѣзжаю изъ церкви, мнѣ подаютъ письмо изъ Харькова, и въ немъ прекрасный фотографическій снимокъ съ той новопрославившейся иконы (что̀ у графини Капнистъ), которая исцѣлила ея калѣку дочь [2]). Судя по оттиску ризы, икона очень древняя и, знаете?—она какъ будто напоминаетъ какую-то изъ Мадоннъ Рафаэля. Матерь Божія держитъ ручку Предвѣчнаго Младенца, очень свободно, по-дѣтски, раскинувшагося на Ея колѣняхъ; а между тѣмъ эта ручка, какъ бы вмѣсто игрушки, держитъ простой *Греческій* крестъ, т.-е. равный на всѣ четыре стороны. Лицо у Богоматери какъ бы глубоко и строго-задумчивое, съ совершенно опущенными глазами, устремленными къ Младенцу-Господу. Такъ смотритъ душа, а не любопытные глаза...

---

[1]) Сосѣднее село, имѣнье баронессы Меллеръ-Закомельской, гдѣ былъ нѣкогда престольный праздникъ 9 Мая. С. П. Мать баронессы, Марія Ивановна Шидловская, ур. Зарудная. У нея жила Кохановская въ молодости. И. Б.

[2]) Икона эта нынѣ находится въ селѣ Козельщинѣ, Кобелякскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ женской общинѣ. С. П.

«Дождя, дождя!» проситъ Господа засохшая вся земля и всякая унылая душа. Не дастъ Господь съ неба, не будетъ четвертый годъ хлѣба. Неужели же мы должны будемъ сосчитать всѣ семь тощихъ колосьевъ Фараона? Воля Божія! Народъ, бѣдный, голодающій народъ! И жукъ уже появился: все подобіе казней ветхозавѣтнаго Египта... Но у насъ есть Заступница всемощная, Матерь Господа Вышняго. Отъ Нея ждемъ умилостивленія Господа.

(1882. Сентября 17). Когда въ семьѣ есть любовь, то все есть, все небо на землѣ, какія бы ни были житейскія нужды, скорби и печали. Всему есть исцѣленіе въ Божіемъ великомъ благословеніи... А я, пріѣхавши, была очень неблагополучна извѣстными вамъ обстоятельствами моего здоровья: два дня пролежала въ постели, и вотъ уже другой годъ въ великій день Воздвиженія Святаго Креста не была въ церкви.

Ваше извѣстіе о Львѣ Толстомъ привело меня въ нравственный ужасъ. «*Господи, помилуй!*» такъ и вырвалось изъ сердца. Истинно: мудрость человѣческая объюродѣвшая, т.-е. философія разума нашихъ дней. Послѣ постоянныхъ ссылокъ на Канта и Шопенгауэра, Левъ Толстой у Молоканъ ищетъ знанія и свѣта жизни!.. Я не посылаю вамъ «Исповѣди». Вамъ я не могу не сказать слова отъ сердца. Мысль и властное чувство какъ будто побуждаютъ меня написать графу объ его «Исповѣди». У меня есть возможность вступить на этотъ путь горькаго и скорбнаго чувства высказывающейся вѣрующей души. Нужно было освоиться съ мыслію: можно ли? Не говорю: должно ли? Но могу ли *я*, владѣю ли *я* мечомъ духовнымъ, чтобы выйти и сражаться за Божье дѣло? Господь поможетъ! Но молчать было бы малодушіе и наша обычная лѣность... Кончаю при самыхъ сильнѣйшихъ приступахъ загадочнаго состоянія моего здоровья. Прощайте, прощайте! Очень печально звучитъ это слово въ слухѣ моего сердца. Прощайте! Господь съ вами!

(1882. Октября 30). Такъ мнѣ хотѣлось выписать вамъ изъ *Руси* одно мѣсто въ школьной статьѣ Рачинскаго, гдѣ онъ, съ привѣтомъ, съ чувствомъ духовнаго радованія, обращается къ нашей сѣверной природѣ и благословляетъ ее за то, что она своею силою полагаетъ предѣлъ внѣшнимъ трудамъ Русскаго человѣка и даетъ ему возможность, волею и неволею, углубиться въ себѣ и изъ этой сердечной глубины возвести свои помыслы къ высотѣ Божіей. Но... пишу извѣстное вамъ Возраженіе и, кажется, не плохо: просто и сильно, т.-е. истинно. Помоги, Господи, поскорѣе окончить. Но чѣмъ больше вчитываешься и вдумываешься, тѣмъ на большее возражать должно.

Народъ ждетъ и думаетъ о коронаціи. Для него некоронованный царь все равно, что̀ некрещеный человѣкъ. Оно и правда: нареченъ, но не помазанъ на царство, не принялъ благодатныхъ даровъ Св. Духа на его великое служеніе. Тою молитвою, которой у насъ уже никогда не читаютъ по церквамъ, является иногда сильнѣйшее побужденіе помолиться ею за нашего Государя и за этихъ заблудшихъ и погибающихъ въ невѣріи и ожесточеніи. Да поможетъ Милосердый Господь исцѣлиться этой нашей язвѣ! Такое гнетущее положеніе, и все будто чего-то ждешь, и нѣтъ бодрости, нѣтъ прямого, ощутимаго вѣянія жизни; а вдали будто стоитъ грозовая туча и вотъ-вотъ она надвигается.

„Унеси ты, вихорь, тучу грозовую,
Сбереги намъ, Боже, ниву золотую!“ *).

(1882. Декабря 1). Я живу, какъ жила; время проходитъ до того незамѣтнымъ образомъ, что его едва достаетъ на необходимую житейскую подѣлку; а все, что̀ сверхъ сего, должно совершаться въ тишинѣ и безмолвіи почи.

А у меня недавно совершилось мое великое торжество. Ноября 21, на самое Введеніе, истекло ровно 20 лѣтъ, какъ извѣстная вамъ большая икона Матери Божіей, моя неизрѣченная Радость и неизглаголанная Благодать, оставила храмъ Савинской церкви и перешла къ намъ въ домъ. Этотъ день и всегда былъ мнѣ до̀рогъ и праздновался мною наравнѣ самыхъ великихъ праздничныхъ дней—Рождества и Свѣтлаго Христова Воскресенія; а теперь *двадцать лѣтъ,* какъ я прожила въ мирѣ, въ тишинѣ, въ довольствѣ, безъ болѣзней, безъ огорченій, безъ какихъ-либо большихъ затрудненій, безъ обидъ отъ кого-либо, я, одинокая, сирая, безъ чьего-либо видимаго руководства и заступленія, подъ однимъ, вѣруемымъ и признаваемымъ, покровомъ Ея, Царицы Небесной, воспріявшей на Себя попеченіе, дерзаю сказать, о всякомъ днѣ, и часѣ, и шагѣ моей жизни! Какъ же мнѣ было не постараться отпраздновать этотъ великій и знаменательный для меня, глубоко-торжественный день? Прежде всего я должна была дать почувствовать всей нашей Макаровкѣ, что Матерь Божія благоизволила пріити и вселиться между нами *не ко мнѣ одной* съ Ея милостями и щедротами. Потомъ я порѣшила: *быть у меня всенощной въ домѣ.* И какъ подъ самый праздникъ священникъ долженъ былъ служить въ приходѣ, то я избрала самое подходящее время: за день, съ Пятницы на Субботу, когда начинается предпразднество Введенія во храмъ. Я сдѣлала всѣ

---

*) Изъ стихотворенія Жадовской, но у поэта—туча *градовая,* нива — *трудовая.* (Стихотв. Жадовской, Спб. 1858, стр. 120). Вообще Кохановская многое приводила въ письмахъ наизусть.

возможныя приготовленія къ торжеству: убрала Матерь Божію свѣжими, новокупленными цвѣтами; у меня былъ давно привезенный изъ Харькова прекрасный церковный ставникъ-свѣча; я его зажгла, привезши большой подсвѣчникъ изъ церкви. У меня были заказаны большіе всенощные хлѣбы для освященія, какъ средней величины прекрасныя булки, и при нихъ на блюдѣ поставленъ большой столовый графинъ церковнаго вина, котораго я припасла цѣлое полведра. Все это для того, чтобы послѣ всенощной совершить подобіе древней христіанской *вечери любви,* а благословенные хлѣбы и вино раздѣлить между всѣми собравшимися на молитву, старыми и малыми, мужчинами и женщинами. Такъ и было сдѣлано. При мированіи священникъ раздавалъ всѣмъ раздробленные хлѣбы, на подобіе тѣхъ пяти хлѣбовъ, которыми Господь насытилъ пять тысячъ. А послѣ всенощной и молебна Матери Божіей, съ акаѳистомъ Ея державному Покрову и съ освященіемъ воды, куда погружено было древо Животворящаго Креста, въ эту воду влито благословенное вино, и всѣ-всѣ вкусили этой двойной святыни. Затѣмъ на моей маленькой застольной, изъ чего Богъ послалъ, предложенъ былъ ужинъ, и человѣкъ до ста насытились, подвеселились варенцомъ изъ меду и возблагодарили Матерь Божію... Вы знаете мое маленькое зало, гдѣ стоитъ благодатная икона; все оно, ярко освѣщенное, убранное, наполненное самымъ благоуханнымъ ѳиміамомъ, пѣніемъ и молящимся народомъ, совершенно походило на маленькую домовую церковь. Послѣ молебна, въ той крошечной комнаткѣ, которую вы занимаете, когда счастливите меня вашимъ дружескимъ посѣщеніемъ (и эта комната маменьки, гдѣ она умерла), тамъ совершена была торжественная панихида, съ богатыми пятью хлѣбами, съ изукрашеннымъ коливомъ, *«по всѣмъ отъ вѣка почившимъ»*. И, наконецъ, для духовенства и для тѣхъ немногихъ гостей, которымъ погода дозволила прибыть, у меня былъ настоящій радостный, великопраздничный столъ. Какая у меня рыба была! Какъ будто Сама Матерь Божія выбрала всю лучшую изъ Донца и прислала ко мнѣ, для Своего торжества! И, начиная съ осетрины и до бланманже, все лучшее было у меня на столѣ. Вино—одно церковное; но за то я угощала имъ отъ всей души. Я хотѣла, чтобы мои гости повеселились, какъ на настоящемъ свѣтломъ, радостномъ торжествѣ. За десертомъ, который тутъ же былъ соединенъ съ чаемъ, пробка не хлопнула; но бѣлое Донское зашипѣло въ бокалахъ, и я поднялась съ мѣста (что заставило и всѣхъ моихъ гостей встать), съ бокаломъ въ рукѣ и, обратясь къ радостно сіяющей иконѣ, предъ которой продолжали горѣть всѣ богослужебные огни, я сказала не Англійскимъ спичемъ, а нашимъ простымъ, пришедшимъ на душу словомъ: «Апостолъ говоритъ: *«аще ясте, аще піете,*

вся во славу Божiю творите»; выпьемъ же мы это сладкое вино въ честь и славу Матери Божiей, Которая этой Своей святѣйшею иконой благоизволила оставить храмъ Божiй и прiйти и пребывать со мною цѣлыхъ двадцать лѣтъ въ этомъ домѣ!» И всѣ выпили и, по моему слову, «Достойно» пропѣли: «*Достойно есть яко воистинну блажити Тя, Богородицу*»... И чтобы вы уже все знали, я вамъ скажу и о моемъ десертѣ. На большомъ подносѣ, покрытомъ тѣмъ расшитымъ полотенцемъ съ кружевами и съ уточками, которое мнѣ подарила Анна Владимировна *), были горою положены: посрединѣ свѣжiя яблоки, а по угламъ, четырьмя пирамидами, конфекты, орѣхи и двухъ сортовъ пряники; по обоимъ концамъ стола были вазы съ вареньемъ и также стояли, помните?—тѣ двѣ корзиночки, которыя я купила вмѣстѣ съ вами у какихъ-то промышляющихъ Славянъ. Эти корзиночки наполнены были покупнымъ печеньемъ, кромѣ большой сухарницы, съ заказными превкусными бубликами и Изюмскими хлѣбами и плюшками, неожиданно присланными мнѣ въ гостинецъ. Затѣмъ для мужчинъ, не вкушавшихъ чая съ вареньемъ, былъ чай съ маленькимъ инымъ добавленьемъ... Вотъ вамъ весь перечень моего великаго торжества. И теперь, и тогда вы были со мною и стояли въ моемъ сердцѣ больше нежели свѣтлой памятью, а какъ бы самимъ незримымъ присутствiемъ; не говорю уже о томъ, что на молебныхъ ектенiяхъ вы поминались гласно. Итакъ, мнѣ было свѣтло и благодатно, когда всѣ разъѣхались, остаться одной, съ сiяющей святой иконой, въ торжественной красѣ и въ моей тишинѣ! Я забыла сказать, что на разъѣздѣ мы выпили по другому бокалу и, уже безъ моего напоминанiя, всѣмъ одушевленiемъ пропѣли въ другой разъ *Достойно есть;* священникъ предложилъ, въ честь Животворящаго Креста, пропѣть «*Спаси, Господи, люди Твоя*», и затѣмъ онъ прочиталъ какой-то особенный *отпустъ*, съ благословенiемъ дому и мѣсту сему и всѣмъ живущимъ въ немъ, и опять все завершилось пѣнiемъ и въ третiй разъ *Достойно есть.* Такъ все это какъ-то чудно слилось, что какъ бы и ужинъ, и чай, и мой десертъ— все это были тѣже части и продолженiе богослуженiя, и все завершилось благословенiемъ и отпустнымъ пѣнiемъ. И на конецъ-концовъ, все къ тому, чтобы вы уже *до ниточки* знали о моемъ торжествѣ, я прилагаю вамъ письмо Куньянскаго священника, котораго вы знаете и который обѣщалъ у меня быть и не могъ, по немощамъ своимъ.

Теперь уже все выписала и высказала вамъ досконально. Я хотѣла было въ тотъ же вечеръ писать вамъ; но такой былъ свѣтлый и радостный отдыхъ въ душѣ, что за работу пера не взялась рука.

*) Дочь М. В. Вальховской. П. Б.

и дѣло продолжилось вотъ до какихъ поръ, и къ лучшему! Тогда впечатлѣніе было слишкомъ живо во всѣхъ его мелочахъ, а смыслъ событія и существенныя черты его выступаютъ, когда нѣсколько удалишься...

Примите съ любовію, всѣ мои дорогія, хотя *малое нѣчто* отъ торжества Божіей Матери, бывшаго у меня въ домѣ, чтобы не только духомъ, но хотя малѣйшей частицею нашей существенности, вы были причастны ему. Очень желаю, чтобы вы аппетитно кушали мои маленькія угощенія.

Господь съ вами, и со всѣми, кто знаетъ Господа, съ Россіею нашей и съ Государемъ нашимъ! Помогай ему Богъ, велій и чудный!

Какое прекраснѣйшее, единое истинное и самое полное, самое свѣтлое средство вы избрали, чтобы соединить въ одномъ чувствѣ вѣры и любви къ Господу вашу скорбь и любовь объ отшедшемъ блаженномъ отрокѣ! Со смиреніемъ Евангельскаго упованія можно всеполно вѣровать, какъ душа его обрадовалась этой родной, божественной ласкѣ поцѣлуя, переданной ему объятіемъ Христа, въ которое Онъ и васъ принялъ въ Своемъ таинствѣ пріобщенія, т.-е. богообщенія. А Богъ Господь нашъ не Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ, и мы въ Немъ всѣ живы, всѣ предстоимъ Ему въ истинѣ нашей любви. Поздравляю васъ глубоко и свѣтло съ этой божественной радостью, дарованною вашей земной скорби. Полно печалиться о *немъ*, когда онъ ликуетъ и торжествуетъ тамъ, избавленный отъ всѣхъ ужасовъ заблужденій, тьмы и грѣха, которые губятъ и губятъ, и столькихъ товарищей его, по лѣтамъ возраста, готовятъ къ ужасамъ вѣчной, нескончаемой тьмы; а онъ, избавленный, какъ голубокъ отъ сѣти ловца, витаетъ въ объятіяхъ славы и любви Того, Кто еще на землѣ Божественнымъ Странникомъ обнималъ и благословлялъ дѣтей и сказалъ Свое вѣчное Евангельское слово: «Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ, ибо для такихъ есть Царствіе Божіе».

Объ исповѣди Толстаго. Мнѣ такъ желалось окончить свой отвѣтъ къ празднику; но по мѣрѣ того, какъ приходится вникать и разбирать ложь и сбивчивость его положеній, отвѣтъ все выходитъ пространнѣе; потому что если возражать съ Божіею помощію, то возражать обстоятельно, полно, безъ всякихъ недомолвокъ, чтобы святыня и истина были выражены съ такою опредѣленною ясностію, которая бы не допускала никакихъ лжетолкованій. Мнѣ большею частію приходится отвѣчать какъ бы на текстъ Евангельскій: *отъ словъ твоихъ сужду тя.* И даже вотъ передъ праздникомъ, работая съ усиленнымъ вниманіемъ, я увидѣла, что въ одинъ разъ отвѣтить на все нельзя. Отвѣтъ мой имѣетъ форму какъ бы очень пространнаго письма.

(1883. Января 3). Вотъ и Новый годъ, и вдругъ мнѣ вспомнились какіе-то и откуда-то стихи стародавніе:

„Что день грядущій мнѣ готовитъ?
„Его мой взоръ напрасно ловитъ *)

въ какой-то онъ, не помню, скрывается мглѣ. Что̀ говорится здѣсь о днѣ, то самое и совершенно вѣрно можно сказать о наступившемъ нашемъ новолѣткѣ-годѣ. Что̀ онъ намъ готовитъ? Никакой взоръ не можетъ уловить, кромѣ одного всевидящаго ока Провидѣнія. О, да призритъ же на насъ милостиво это богосвѣтлое, всезрячее око Господне! Какихъ самыхъ основныхъ благъ приходится желать этому наступившему году? Народнаго здравія, Европейскаго мира, хлѣбодарованія и боговѣнчанія нашего Государя. Подай, Господи!

Толстому я пошлю свой собственноручный (экземпляръ). И не дамъ мѣсто гнѣву, т. е. я съ мѣсяцъ подожду, не оглашая: какъ будетъ «принято», отвѣтитъ ли? или не отвѣтитъ? Потому что я желала бы этому придать не характеръ литературнаго возраженія, а чтобы мое писаніе оставалось тѣмъ, что̀ оно есть, т. е. скорбнымъ, задушевнымъ словомъ, съ тѣми порывами негодованія, которыхъ нельзя было превозмочь. Я сама того мнѣнія, что вообще для невѣрующихъ мой отвѣтъ не слишкомъ годится, потому что онъ всецѣло обращенъ на личныя, уже очень своеобразныя, *недоговорки* философскихъ, якобы, положеній Толстого. Намъ заповѣданы и мудрость змѣиная, и кротость голубиная. Поймите меня, что̀ я этимъ хочу сказать. Буду ожидать: что̀ вы скажете и какъ найдете, по душѣ ли мой отвѣтъ?

(1883. Января 17). Я боялась и боюсь тонкихъ, одухотворенныхъ ядовъ подслащеннаго невѣрія. Все-таки прежде вѣра, а потомъ дѣла. Язычники—другое дѣло; они естествомъ законное творятъ и, конечно, отъ глубины милосердія Божія, яко не знавшіе воли Творца своего, могутъ быть облегчены, но (не) христіане, отвергшіе Христа Господа, отвергшіе Его страданія за нихъ, смерть и воскресеніе, и благодѣтельствующіе сами о себѣ, т. е. показывающіе, что Христосъ вовсе и не нуженъ имъ, они сами собою, своими нравственными подвигами, могутъ спастись; а кромѣ Христа Господа нѣтъ спасенія! Апостолъ Іоаннъ въ посланіяхъ своихъ говоритъ: «*кто не исповѣдуетъ Христа Господа пришедшаго во плоти, тотъ есть антихристъ*», и апостолъ Павелъ сказываетъ, что въ послѣднія времена будутъ люди, «*образъ благочестія имущіе*, силы же его *отвергшіеся*», а это именно наши невѣрующіе благодѣтели человѣчества, отвергшіеся Христа какъ Бога и между тѣмъ поступающіе по Его ученію. Это дьявольская прелесть,

*) Это стихи изъ „Евгенія Онѣгина". П. Б.

чтобы отнять у человѣка щитъ вѣры, которымъ мы защищены отъ нападеній и лукавства бѣсовскаго.

Насчетъ «*Чѣмъ люди живы*» можно довольно сказать, да некогда. Разумѣется, заблужденіе невѣрующаго, не понявшаго того, что если бы ангелъ не послушался повелѣнія Господа Бога, то онъ сталъ бы уже не ангеломъ, а дьяволомъ. Но главное, что̀ я нахожу ненужнымъ при этомъ разсказцѣ, это въ эпиграфѣ всѣ выписки: что Богъ любы есть, и что пребываяй въ любви въ Богѣ пребываетъ. Вотъ это-то и есть прельщеніе. Все любовь да любовь, а объ вѣрѣ ни слова! А любовь союзъ совершенства; а съ чѣмъ же ей *союзиться*, когда нѣтъ ни вѣры, ни надежды на Бога, первыхъ двухъ, неразлучныхъ отъ послѣдней, богословскихъ добродѣтелей; а онѣ суть въ нихъ нераздѣльной совокупности: вѣра, надежда и любовь. И въ духовномъ и въ вещественномъ всякое разумно начинаемое дѣло начинается съ начала, а не съ конца.

(1883 Февраля 5. Полночь). Кончила!.. Я вполнѣ знаю и чувствую, что вы раздѣляете мою духовную радость. Слава Богу! И кажется, что хорошо. И какое у меня довольство сердечное при нездоровьѣ тѣлесномъ! Препровождаю вамъ, наконецъ, всю полноту того, что̀ мнѣ далось написать въ скорби и негодованіи о такихъ ужасахъ человѣческаго заблудшаго ума, что сердце, знающее Бога, содрогается и едва вѣритъ своимъ читающимъ глазамъ.

Вы писали мнѣ насчетъ моихъ сочиненій. Развѣ вы забыли поговорку, что сапожникъ всегда безъ сапогъ? По нѣкотораго рода аналогіи, и мнѣ доводится быть безъ моихъ сочиненій. Во время моихъ разъѣздовъ, у меня столько растащили книгъ, и въ томъ числѣ пропалъ мой единственный авторскій экземпляръ, а у Скалона 200 экземпляровъ пропало! Въ уплату его долговъ, книги были проданы на пуды, на площади и пр.

(1883. Февраля 11). Я не знаю, читали ли вы моего «Прусса» * въ *Складчинѣ*, въ пользу голодающихъ Самарцевъ. Онъ тамъ напечатанъ не весь; князь Мещерскій спѣшилъ, или, вѣрнѣе, находилъ, что книга и безъ того толста. И вотъ этотъ конецъ я нашла у себя забытымъ совершенно и, признаю̀сь вамъ на ушко: восхитилась сама собою, просто прелесть! А нача̀ла у меня нѣтъ: «*Складчина*» продавалась по 3 рубля, а я жила тогда въ долгъ въ Москвѣ, и купить мнѣ ее было не по средствамъ. Такъ я и не вѣдала своего Глѣба

---

*) Такъ сокращенно называетъ Кохановская свою повѣсть „*Словесная кроха хлѣба*" (по имени главнаго ея героя), напечатанную въ 1874 году, въ сборникѣ „Складчина", изданіемъ котораго завѣдывалъ преимущественно князь Мещерскій. С. П.

Ивановича Прусса въ печати, и не помню совершенно, какъ тамъ развиты обстоятельства дѣла... Ахъ, Боже мой, и этого я вамъ, кажется, никогда не говорила! Скажите, говорила ли я вамъ, что въ Москвѣ, въ Обществѣ любителей Русской словесности, которое имѣетъ свои публичныя чтенія въ университетѣ, чтенія торжественныя, по билетамъ *безплатно,* и на которыя стремится вся Москва, вся знать и ученость, я читала публично этого самаго своего «Прусса». Въ залѣ, гдѣ не было мѣста шляпу положить, стояли, на окнахъ сидѣли; за недѣлю нельзя было билета имѣть, всѣ были розданы; и я своими глазами, конечно, несмѣлыми и устремленными въ рукопись, какъ-то мелькомъ увидѣла: у ближняго окна стоялъ молодой священникъ, и у него слезы катились изъ глазъ. Это едва ли не первый примѣръ былъ, что я, Кохановская, т. е. женщина, читала съ той самой публичной каѳедры, съ которой читали всѣ наши литературныя знаменитости, отъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и до Тургенева включительно [1]). И еще въ какой знаменательный для меня день: день моего рожденія, 17 Февраля. Это было Воскресенье; я была у обѣдни ранней, въ церкви св. Параскевы, въ Охотномъ ряду, отслужила молебенъ великомученику Ѳеодору Тирону, панихиду по родителямъ, и въ 12 часовъ была на чтеніи. Вотъ я вамъ сколько неожиданныхъ откровеній передала! Будьте же здоровы и прощайте, моя дорогая и глубоко сердечная! [2])

(1883. Марта 5). Графу Толстому я послала свою рукопись 1-го Марта, такъ что теперь онъ уже долженъ получить ее и читать. Какъ она повліяетъ и повліяетъ ли на его душу? Это Господу вѣдомо. Я молюсь за всѣхъ заблудшихъ молитвою отца Серафима Саровскаго: «Буди пастыремъ заблуждшихъ, вождемъ и свѣтомъ невѣрующихъ, наставникомъ немудрыхъ» и проч. Помолитесь и вы о немъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что человѣкъ можетъ садить, поливать, а возращаетъ одинъ Онъ, Господь всяческихъ [3]). Мои три дорогія! Не нахожу словъ, чтобы высказать вамъ то трогательное, умиленное чувство души, съ какими я приняла всѣ ваши извѣстія, описанія, любовь и поздравленія, по случаю моего 60 лѣтняго дня 17 Февраля. Благодарю васъ съ улыбкою и со слезою. Это первый разъ онъ такъ празднуется: и свято, и литературно, съ просфорой о здравіи и съ сударемъ Пруссомъ за упокой моей литературной дѣятельности. О, моя несравнен-

---

[1]) Жуковскій, Пушкинъ и Гоголь никогда не читали въ обществѣ люб. Росс. Словесности. П. Б.

[2]) Говоря о томъ же въ письмѣ къ племянницѣ (22 Февраля 1874 г.) она прибавила: „громъ рукоплесканій встрѣтилъ и проводилъ меня“. С. П.

[3]) День своего рожденія 17 Февраля 1883 Кохановская провела въ Каменкѣ, имѣніи Вальховской, какъ мы это знаемъ изъ письма ея къ племянницѣ отъ 27 Февр.; теперь она благодаритъ Вальховскую ея сестру и дочь, за вниманіе ихъ. С. П.

ная Марія Васильевна! Какъ это все вы умѣли слить въ одно маленькое торжество для юныхъ душъ! И вы торжествовали въ вашемъ сердечномъ чувствѣ ко мнѣ, и я сама была гостьею на подобномъ же торжествѣ. Слава Господу за дорогое ваше чувство ко мнѣ!

(1883. Іюля 11). У меня состоялось сердечное, неотложное желаніе ѣхать поклониться Козельщанской иконѣ Божіей Матери. По человѣчески, я предполагаю выѣхать 18-го числа, а можетъ быть, и ближе, и вѣроятно, проѣзжу дней 10, такъ что у меня мелькнула мысль дорогой день 22 Іюля быть въ Козельщинѣ... Вѣрую съ упованіемъ, что Матерь Божія, принимая всѣхъ и исцѣляя, и мнѣ поможетъ въ моемъ необычайномъ нездоровьѣ. Покой скорбной души на землѣ одна молитва съ вѣрою и упованіемъ будущей жизни. Тамъ всѣ увидимся, и какъ уже недолго остается всѣмъ намъ ждать этого дня свиданія! Не проживемъ же мы Маѳусаловы вѣки, а обыкновенный вѣкъ человѣческій, и еще женскій, почти уже прожитъ нами. Я еще ѣду въ Харьковъ съ тѣмъ, чтобы заказать себѣ вылить чугунный крестъ къ мѣсту своей могилы: съ маленькою Почаевскою иконою въ серединѣ крестъ и съ избранными мною надписями. Пора готовиться.

(1883. Октября 12). Десять дней какъ я въ Москвѣ. Я была прежде всего во всенощной подъ празднованіе Московскихъ чудотворцевъ и обѣдни въ Успенскомъ соборѣ и въ память освобожденія Москвы отъ Французовъ на крестномъ ходѣ изъ храма Спасителя въ Кремль... Чудный храмъ, хотя не совсѣмъ православный. Но сіяющая высота, вся въ чудно переплетающихся аркахъ, уноситъ душу въ пресвѣтлый рай, и душа сама участвуетъ въ торжественномъ хоровомъ ходѣ, совершаемомъ пророками и апостолами по куполу храма, грядущими къ Царю царствующихъ Христу Богу, возсѣдящему на престолѣ славы.

Смотрѣла памятникъ Пушкина и была на вечернѣ въ Страстномъ монастырѣ, и лучшее что сдѣлала: поставила свѣчу за упокой его души и помолилась о немъ. Не нравится памятникъ. Ничего поэтическаго. Понурая голова и неоживленные глаза, и еще какая-то безсмысленная рѣшетка на лицевой сторонѣ памятника.

(1883. Октября 26). Десять дней я была между жизнью и смертію; но теперь, кажется, Господь даетъ (надежду) къ выздоровленію. Лукія оплакивала меня, какъ самое близкое родное дитя. Помолитесь за меня, моя дорогая!

(1883. Ноября 6). У меня были очень тяжкіе дни и ночи, особливо подъ день вторичнаго пріобщенія Св. Таинъ; я думала, не переживу эту страшную всенощную. Послѣ благодати Св. Даровъ, къ вечеру

мнѣ стало полегче. Господь да помилуетъ всѣхъ насъ, больныхъ и здоровыхъ [1]).

(1883. Декабря 6). Никакъ не выбьюсь изъ болѣзни, и что̀ ни больше праздникъ, то приступъ болѣзни тяжелѣе и неожиданнѣе. На Входъ во храмъ Пресвятой Богородицы, на мой торжественный день, который я такъ праздновала въ прошломъ году, я хотѣла писать вамъ и не могла, а подъ Екатерининъ день у меня была смертельная ночь. Къ 10 числу жажду съѣздить къ Святой Троицѣ и затѣмъ собираться домой на праздникъ. Истомилась въ запертой своей болѣзненной тюрьмѣ. Пробыть въ Москвѣ два мѣсяца и ничего не видать, нигдѣ не быть, ни даже въ Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ и въ Чудовомъ монастырѣ. Прощайте, прощайте, прощайте!

(1884. Января 2. Макаровка). Моя сердечная, моя дорогая! Вчера вечеромъ я получила ваше письмо [2]), и первое, неудержимое, несознательное слово было: слава Богу! И истинно, не должно ли воздать славу въ вышнихъ Богу, что Онъ благоизволилъ принять ее отъ терзаній, заботъ, болѣзней, всѣхъ этихъ мелочныхъ жизненныхъ попеченій, удручавшихъ ее, въ свѣтъ Своей славы? Мы тому вѣруемъ упованіемъ непостыдной любви. Она ли не любила, не терпѣла, не благоговѣла предъ судьбами Промысла, руководившаго ее въ такой долгой и почти исключительной жизни? Слава Богу, жизнь кончилась тихо и въ тишинѣ ночи, полной ангельскихъ воспѣваній: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!» И будемъ ли мы сомнѣваться, что миръ и благоволеніе Божіе не сошли на удрученную душу почившей, отошедшей отъ насъ въ тотъ свѣтлый день, когда Самъ Богъ-Слово сошелъ къ намъ на землю въ плоти и крови нашей, чтобы даровать нашимъ душамъ именно эти небесныя блага мира и Отеческаго благоволенія Бога, сущаго въ небесахъ и призирающаго на землю съ Его неисповѣдимой любовію. Вы осиротѣли, вотъ ваша печаль! Что̀ дѣлать! Но сиротство наше не можетъ быть продолжительно. Мы всѣ устремлены къ одному, намъ неизбѣжному рубежу. И чѣмъ больше *тамъ* намъ милыхъ и близкихъ, переступать рубежъ, кажется, и легче, и желаннѣе.

Послѣ своей болѣзненной двухмѣсячной лежанки взаперти, я не могла надышаться и нарадоваться воздухомъ и движеніемъ. Я попра-

---

[1]) 24 Ноября Софія Ивановна Погодина (у которой жила въ Москвѣ Кохановская) писала Вальховской о состояніи здоровья Надежды Степановны: „Она, кажется, и не подозрѣваетъ горькой истины, которую скрывать передъ вами, ея ближайшимъ другомъ, я не считаю себя въ правѣ". Доктора Московскіе признали у нея ракъ; кромѣ того она заболѣла тамъ еще тифомъ. С. П.

[2]) О смерти баронессы А. В. Розенъ, сестры Вальховской и жены барона А. Е Розена, Декабриста; о нихъ говорилось въ письмѣ 1881 года Сентября 22. С. П.

вилась отъ болѣзни, пріобрѣтенной въ Москвѣ, а моя прежняя болѣзнь вся при мнѣ. Какъ принялъ и принимаетъ свою великую, невосполнимую потерю б. Розенъ? Девятый день Анны Васильевны я не забыла и помянула молитвенной любовью ея блаженную душу.

(13 Января). И такъ, вся жизнь ея, прошедшая въ странствованіяхъ, въ глухихъ, неизвѣданныхъ мѣстахъ, вдали отъ родной, любимой семьи, завершилась и погребеніемъ на пустырѣ! Не съ близкими ея, не на прекрасномъ мѣстѣ родового кладбища, при церкви, въ оградѣ, нѣтъ! а тамъ она легла, гдѣ одна степь да трава и ни тѣнистаго деревца! Но за то, какъ эта послѣдняя мѣта человѣческаго существованія отвѣчаетъ значенію и смыслу всей ея жизни! *Тамъ* она получитъ все свое. *Самъ мя спрослави, Спасе, во царствіи Твоемъ*: вѣроятно, она знала и молилась этимъ глубокимъ воздыханіемъ нищенствующей на землѣ души. Какъ *она-то* (если это дано душамъ) любуется внучатами съ высоты небесъ? Но для этого божественнаго общенія въ вѣрѣ, нужно почаще пріобщать дѣтей Святыхъ Таинъ. Простой народъ вѣруетъ, что это частое пріобщеніе раститъ дѣтей и дѣлаетъ ихъ здоровыми, умными и счастливыми въ жизни.

Мнѣ теперь трудно пускаться въ дорогу, особливо зимой. Слава Богу, что могу сидѣть въ своемъ уютномъ, благодатномъ уголкѣ и поминать всѣхъ своихъ милыхъ и дорогихъ памятью любви и молитвы.

Скажу вамъ, что эти дни я переписала свой Отвѣтъ графу Толстому, почистила его немножко и послала въ «Гражданинъ». Это единственное изданіе, въ дверь котораго можно постучаться; но что̀ выйдетъ изъ этого стука? отвѣтятъ ли? примутъ ли? Я должна была сдѣлать эту попытку во имя вѣры и любви Христовой; а что̀ будетъ— въ томъ будетъ воля Божія.

(1884. Марта 26). Изъ редакціи «Гражданина» меня увѣдомили, что печатаніе моего Отвѣта графу Толстому произвело сильнѣйшее впечатлѣніе въ Петербургѣ, что спросъ на него такъ великъ, что редакція спрашиваетъ моего позволенія отпечатать его особою брошюрой. Вы понимаете мою радость, узнать, что слѣдовательно не такъ глухи уши и не такъ закрыты сердца, чтобы слово по Богу, раздавшееся изъ души, не могло отозваться во многихъ и многихъ. Слава Господу! Это такая радость, которою радоваться подобаетъ. Видно, такъ Богу угодно, чтобы я рѣшилась, при своей болѣзненности, переписать сама Отвѣтъ, кое-что немногое исправить и послать въ «Гражданинъ», встрѣчая въ журналѣ и въ газетахъ статьи, говорящія о случаяхъ изъ духовной жизни. Я должна была попробовать это первое и послѣднее средство, чтобы сдѣлать съ своей стороны все, что̀ я могла, и таково-то бываетъ всегда Божіе рѣшеніе, а не наше опредѣленіе. Успѣхъ превзошелъ всякое мое ожиданіе, да я и не ожидала

ничего. Статья начала печататься съ перваго заговѣннаго Воскресенья на Великій Постъ, въ самое подходящее время, заняла четыре №№, и уже на другой день послѣ выхода втораго № ко мнѣ было написано то письмо изъ редакціи. На статью уже есть возраженіе, и опроверженіе, и защита. Но защищать то, что̀ написано мною по душѣ и изъ души въ честь имени Божія, я сама могу, съ помощію Божіею.

*(1884. Марта 30 *).* Живу, пока живется. День лучше, другой хуже; все это въ порядкѣ жизни, идущей ко гробу. Боже васъ сохрани подниматься ко мнѣ по такому бездорожью. Я васъ жду и зову, когда погода установится, дорога просохнетъ, по весеннему взглянетъ на насъ солнце, и я буду въ состояніи пободрѣе и повеселѣе видѣть васъ и наговориться съ вами... Жду отъ васъ «Новаго Времени», чтобы увидѣть, какъ и что̀ можно и должно отвѣтить; потому что, съ помощію Божіей, я молчать не буду и, начавши говорить, выскажу все, что̀ должно сказать по чувству души и по святой истинѣ. Племянница все перезываетъ меня въ Кіевъ; нѣтъ! Если Богу угодно, Онъ пошлетъ исцѣленіе на каждомъ мѣстѣ, а безъ воли Божіей люди не помогутъ. Гдѣ мнѣ назначено было Господомъ жить, тамъ да пошлетъ мнѣ милость Господня и умереть, какъ воину на своемъ посту. Я уже испытала эту чуждую, закупоренную въ четырехъ стѣнахъ истому болѣзненнаго одра въ городѣ, да еще въ Москвѣ, гдѣ у меня оказались горячіе внимательные друзья; а въ Кіевѣ? Никого, кромѣ Маріи Онуфріевны!...

Поздравляю васъ съ величайшимъ даромъ Божественнаго пріобщенія; а я сподобилась на первой недѣлѣ. Поѣхала во Вторникъ на вечерню, а въ Среду, на преждеосвященной обѣднѣ, какъ больная и немощная, приняла Св. Дары. И по здоровью своему и по погодѣ едва ли я могу быть въ церкви во всю Страстную седмицу и даже на Свѣтлый Праздникъ. Въ Великую Субботу батюшку мой сосѣдъ привозитъ къ себѣ освящать пасхи, такъ я попрошу священника привезти тогда Св. Дары и еще пріобщить меня. Благодарю очень вашу дорогую за ея двойной крестъ, которымъ она благословляетъ меня. Прощайте, мои дорогіе друзья! Я вспомяну васъ въ свѣтлые часы торжества Великаго Праздника, когда я буду, вѣроятно, одна съ Богомъ и съ своей Великой Заступницей, Собесѣдницей и Сожительницей. Будьте здоровы и не тревожьтесь обо мнѣ. И *нѣсмь едина, яко Отецъ со мною есть!* Мнѣ лучше дома, нежели гдѣ-либо.

За сообщеніе этихъ писемъ въ „Русскій Архивъ" обязаны мы К. П. Побѣдоносцеву. Примѣчанія къ нимъ принадлежатъ нашему достопочтенному библіографу С. И. Пономареву. П. Б.

---

*) Послѣднее уцѣлѣвшее письмо. С. П.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Еще о поборникахъ отжившихъ теорій.

Мы уже имѣли случай указать читателямъ *Русскаго Архива* на нѣкоторыя изслѣдованія достоуважаемаго профессора-филолога Ю. А. Кулаковскаго (см. 1898 г. въ кн. 4 нашу замѣтку „Новый поборникъ отжившихъ теорій“). Теперь укажемъ на новыя его работы, несомнѣнно относящіяся къ области начальной Славянской и Русской исторіи; хотя этого отношенія онъ собственно не признаетъ и продолжаетъ поддерживать все тѣже отжившія теоріи. Имѣемъ передъ собою двѣ его послѣднія работы, изданныя въ Кіевѣ въ 1899 г. и тѣсно между собою связанныя, а именно: „Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и Византійскихъ писателей“ и, посвященная XI Археологическому съѣзду, „Карта Европейской Сарматіи по Птоломею“.

Оба эти сочиненія заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и цѣннаго матеріала, извлеченнаго изъ писателей древнихъ и комментированнаго при помощи новыхъ. Но тамъ, гдѣ дѣло касается народности Сарматовъ, Роксоланъ, Болгаръ и Гунновъ, авторъ въ комментаріяхъ своихъ остается при прежней односторонности, то-есть держится исключительно теорій антиславянскихъ.

Хотя предметомъ одного сочиненія служатъ Алане, которые источниками причисляются къ Сарматскимъ народамъ, а другое сочиненіе посвящено спеціально Сарматіи, авторъ однако менѣе всего занимается разъясненіемъ вопроса: кто такое были Сарматы вообще и два ихъ главные народа: Языги и Роксолане въ частности? Онъ просто довольствуется положеніемъ, что „принадлежность (ихъ) къ Иранской вѣтви Арійской расы возведена въ современной наукѣ на степень прочно установленнаго факта“ *(Алане.* 2), при чемъ имѣются въ виду по преимуществу Мюлленгофа Deutsche Alterthumskunde и изслѣдованія профес. В. Ѳ. Миллера объ Осетинахъ. Но г. Кулаковскій очевидно и не подозрѣваетъ, что такое положеніе есть только, такъ сказать, предварительное, а не окончательное рѣшеніе вопроса. Иранская вѣтвь въ свою очередь не представляла одного сплошного народа, а распадалась на разные народы и языки. Напримѣръ, къ ней, кромѣ Мидо-Персовъ, несомнѣнно принадлежали Алане; къ ней же могутъ быть относимы и Славяне, какъ Восточно-европейскіе, такъ и Дунайскіе; наконецъ, къ ней можно съ вѣроятностью причислить Литву.

Въ своихъ „Розысканіяхъ“ (Дополнит. полемика) и „Очеркахъ изъ всеобщей исторіи“ я имѣлъ случаи изложить результаты работъ и наблюденій надъ Сармато-Славянскимъ вопросомъ. Тамъ я достаточно разъяснялъ, что недоразумѣнія и путаница въ начальной Славянской исторіи произошли „изъ простого и, можно сказать, наивнаго смѣшенія исторіи Славянскихъ народовъ съ исторіей самого ихъ названія *Славянами*“. (Доп. пол. 100). Названіе это является въ VI вѣкѣ или не ранѣе конца V вѣка; является оно въ формѣ *Склавины* и первоначально обозначало только часть Придунайскихъ Славянъ, именно вѣтвь Сербо-Хорвато-Славонскую; а уже въ послѣдствіи мало-по-малу, книжнымъ путемъ, распространилось на другіе Славянскіе народы, и позднѣе другихъ на Русскій. Такимъ образомъ изъ видового это названіе постепенно обратилось въ родовое.

Въ концѣ концовъ, увы, мы должны признать, что наше родовое названіе произошло не отъ „славы“ или „слова“, а отъ Латинскаго Sclavus, т.-е. рабъ. Точно также и племенное имя Сербовъ произошло отъ однозначащаго Латинскаго Servus. Ключъ къ этому объясненію даютъ намъ преимущественно извѣстія Амміана Марцеллина, писателя IV вѣка, о Дунайскихъ Сарматахъ, одна часть которыхъ называлась Sarmatae Liberi, а другая Sarmatae Servi. Для послѣдняго названія варіантомъ очевидно служило Sarmatae Sclavi, перешедшее потомъ въ Sclavini, а послѣднее въ *Славяне*, т. е. получившее уже иное осмысленіе. Впрочемъ не должно толковать и это названіе въ буквальномъ смыслѣ рабовъ. Servi и Sclavi тутъ означали собственно народы, побѣжденные сосѣдями и обложенные данью, т.-е. зависимые или вассальные. По яснымъ и непрекаемымъ свидѣтельствамъ Греко-Римскихъ писателей, часть Сарматскихъ народовъ передвинулась изъ Черноморскихъ степей въ Паннонскія равнины въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Параллельно съ этимъ движеніемъ отъ нижняго Дуная совершалось другое движеніе Сармато-Славянъ изъ Восточной Европы на Западъ, по бассейну Вислы, Одера и Эльбы. Самое Балтійское море у того же Птоломея именуется „Сарматскимъ океаномъ“. Оба эти движенія сходились на Средне-дунайской полосѣ. Слѣдовательно вотъ съ какого времени Западные Славяне водворились въ Подунайскихъ странахъ, а никакъ не въ VI вѣкѣ, когда появилось названіе *Склавины*, пока еще чуждое массѣ Сарматъ оставшихся въ Восточной Европѣ.

Такова суть моего взгляда на первоначальную Славянскую исторію и на происхожденіе ихъ родового имени. Г. Кулаковскій, при своемъ безусловномъ поклоненіи отжившимъ теоріямъ, остается въ невѣдѣніи этой новой постановки вопроса; по крайней мѣрѣ не упоминаетъ о ней ни единымъ словомъ. Само собой разумѣется, что поэтому онъ никакого удовлетворительнаго отвѣта не дастъ вамъ, если вздумаете спросить его: куда же дѣвался весь этотъ огромный міръ Восточныхъ и Западныхъ Сарматовъ? А между тѣмъ онъ же приводитъ цитаты, явно указывающія на то, что передъ глазами Греко-Римлянъ уже со временъ около Р. Х. Скиѳо-варварскій міръ распадался на двѣ главныя половины: Сарматовъ и Германцевъ, т.-е. Славянъ и

Нѣмцевъ. Напримѣръ, вотъ какъ выражаются писатели I вѣка. Плиній: Scytharum nomen usquequaque transit in Sarmatos atque Germanos. Тацитъ: Peucinorum..... nationes Germanis seu Sarmatis adsribam, dubito. *(Алане. 8)*. Но подавленный массой видовыхъ названій и всякаго рода мелочей въ своихъ источникахъ, г. Кулаковскій очевидно, какъ спеціалистъ филологъ, не можетъ подняться до историческихъ обобщеній и потому рабски слѣдуетъ своимъ Нѣмецкимъ авторитетамъ въ вопросахъ Славянской исторіи. Положимъ существуютъ у насъ и спеціалисты-историки, ему единомышленные; но тѣ совсѣмъ не углубляются въ данные вопросы и относятся къ нимъ крайне поверхностно.

Между прочимъ любопытны его выводы о Гуннахъ: опять повторенiе разныхъ домысловъ, ни на чемъ серьезномъ не основанныхъ. Извѣстно, что Птоломей, писатель II вѣка, упоминаетъ ихъ въ числѣ народовъ Восточной Европы, помѣщая въ сосѣдствѣ Роксоланъ и Бастарновъ. Г. Кулаковскій видитъ въ нихъ Тюркское племя, будто бы отдѣлившееся отъ Китайскихъ *Хіунну* въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. и передвинувшихся на далекій Западъ. Авторъ однако сознается, что о такомъ передвиженіи ничего неизвѣстно; но оно якобы доказывается Тюркскимъ именемъ рѣки Урала *Даиксъ*, т.-е. Яикъ, встрѣчающимся у того же Птоломея (Карта Евр. Сарм. 24. со ссылкою на сочиненіе Томашека). Но, во-первыхъ, происхожденіе и значеніе имени Даиксъ остается все-таки темнымъ; а, во-вторыхъ, неизвѣстно, какому народу оно принадлежитъ. Въ примѣчаніи авторъ указываетъ на нѣкоторыя фразы источниковъ, какъ бы различающія Гунновъ Европейскихъ и Азіатскихъ; но извѣстно, что для писателей того времени Азія начиналась за Дономъ, а не въ Китаѣ, какъ это и обозначено на картѣ Птоломея. И вотъ на такихъ-то болѣе чѣмъ шаткихъ основаніяхъ дѣлаются столь важные выводы! Гдѣ же тутъ сколько-нибудь научные пріемы и методы? Гдѣ же научно-критическое отношеніе къ досужимъ домысламъ Дегиня и его послѣдователей, смѣло передвигающихъ народы, куда имъ вздумается, въ своемъ воображеніи? Довольно подробный пересмотръ Гуннскаго вопроса въ моихъ *Разысканіяхъ*. Достоуважаемый г. Кулаковскій находитъ, что гораздо легче ихъ игнорировать, чѣмъ представить какое-либо дѣльное возраженіе.

Вотъ еще образчикъ его слѣпого поклоненія Нѣмецкимъ домысламъ въ тѣхъ же вопросахъ.

По поводу извѣстной росписи Болгарскихъ князей, найденной покойнымъ Андр. Н. Поповымъ, г. Кулаковскій замѣчаетъ: „Маркwардъ объяснилъ самымъ простымъ и вѣроятнымъ образомъ цыфры правленія двухъ первыхъ князей, Авитохола 300 лѣтъ и Ирника 150, а именно временемъ правленія двухъ династій“. (*Алане*. 42). Въ дѣйствительности это объясненіе самое искусственное и самое невѣроятное. Не говоря уже о натяжкѣ Маркварда при удлиненіи жизни (или правленія) Ирника съ 108 на 150 лѣтъ, о династіяхъ подъ этими цыфрами не можетъ быть рѣчи потому, что на нихъ указано въ самой росписи: и Авитохолъ, и Ирникъ были изъ рода *Дуло*, слѣдовательно при-

надлежали къ одной и той же династіи. Далѣе въ росписи прямо говорится, что впослѣдствіи Кормисошъ перемѣнилъ царствующій родъ Дуловъ на другой. Поэтому, и послѣ сего объясненія, я могу, впредь до болѣе вѣроятнаго, спокойно остаться при своемъ предположеніи, что „загадочный Автоколъ это никто иной какъ самъ Аттила, которому, какъ человѣку необыкновенному, народныя преданія Болгаръ успѣли придать полумиѳическій характеръ, снабдивъ его трехсотлѣтнимъ возрастомъ“. (*Разысканія*, 510).

На послѣдней страницѣ своей брошюры о Сарматіи авторъ мимоходомъ касается „того обстоятельства, что Римскія монеты, находимыя на территоріи нынѣшнихъ Волынской, Кіевской и Полтавской губерній, относятся преимущественно ко временамъ Антониновъ и не идутъ дальше Септимія Севера“. Когда въ 1890 г. на VIII Археологическомъ съѣздѣ (въ Москвѣ) это именно обстоятельство было поставлено на видъ Д. Я. Самоквасовымъ, мною было предложено посильное объясненіе. Я привелъ его въ непосредственную связь съ войнами втораго столѣтія, Дакійскою и Великою Маркоманскою, въ которыхъ, кромѣ Даковъ и Германцевъ, подверглись Римскому погрому Сарматскіе, т.-е. Славянскіе, народы. Эти народы тогда были потѣснены Римлянами изъ Придунайскихъ мѣстъ и частію удалились обратно въ свои прежнія болѣе Сѣверныя и Сѣверо-Восточныя жилища, унося съ собою легкое имущество, въ томъ числѣ конечно и Римскія монеты. Симъ Римскимъ погромомъ и обратнымъ движеніемъ Славянъ отъ Дуная я позволилъ себѣ также объяснять то извѣстное мѣсто Русской начальной лѣтописи, гдѣ она приводитъ какое-то темное преданіе о нашествіи Волоховъ (Римлянъ) на Дунайскихъ Славянъ и происшедшемъ отсюда разселеніи ихъ по Вислѣ, Днѣпру, Припети, Деснѣ, Сулѣ и т. д. Само собой разумѣется, что мои объясненія остались неизвѣстны автору изслѣдованія „Европейской Сарматіи по Птолемею“ изслѣдованію, повторяю, по многимъ подробностямъ цѣнному и любопытному.

Хотя это изслѣдованіе и было посвящено XI Археологическому съѣзду (второму Кіевскому), однако на съѣздѣ, кажется, не было о немъ доклада. Но вопросъ о Сарматахъ былъ все-таки слегка затронутъ, и вотъ по какому поводу.

Однимъ изъ Славянскихъ гостей, многоуважаемымъ Чешскимъ профессоромъ Нидерле, было сдѣлано любопытное сообщеніе о находкахъ въ Венгріи такихъ предметовъ, которые носили очевидные слѣды Славянскаго происхожденія. Но его, сколько я могъ понять, затрудняло то обстоятельство, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ или по монетамъ, предметы эти должны быть отнесены къ первымъ вѣкамъ Христіанской эры, слѣдовательно къ тому времени, когда Славяне будто бы еще не жили въ тѣхъ мѣстахъ. Подобное же затрудненіе наканунѣ было высказано другимъ Чешскимъ ученымъ, г. Пичемъ, по поводу находокъ въ Австріи. Нужно замѣтить, что Западнославянскіе ученые все еще держатся старыхъ положеній Шафарика въ семъ вопросѣ. Какъ ни почтенна эта дань уваженія къ великому Славистy, однако

и наука Славянскихъ древностей тоже предъявляетъ свои права на дальнѣйшее движеніе. Однимъ словомъ, вашъ покорнѣйшій слуга пожелалъ вкратцѣ познакомить Славянскихъ гостей съ сутью своихъ наблюденій по части Сармато-Славянъ и съ выводами о времени ихъ водворенія въ средней Европѣ—выводами, которые наглядно подтверждаются означенными археологическими находками.

Вслѣдъ за моимъ дополненіемъ къ сообщенію профессора Нидерле (а отнюдь не возраженіемъ, какъ-то писали нѣкоторые газетные корреспонденты, переиначившіе весь этотъ эпизодъ), появился на каѳедрѣ г. Милюковъ и подвергъ глумленію самый вопросъ о Сармато-Славянахъ. По его словамъ, если на первыхъ и послѣдующихъ съѣздахъ терпѣли этотъ вопросъ, то ужъ никакъ онъ не можетъ имѣть мѣсто на XI-мъ съѣздѣ, такъ какъ славянство Сарматовъ теперь уже опровергнуто и сдано въ архивъ. Тутъ все оказалось неправдой. Между прочимъ, вопросъ этотъ на предыдущихъ съѣздахъ совсѣмъ не обсуждался, а былъ только слегка затронутъ мною на VIII (второмъ Московскомъ), какъ это сказано выше. Меня, признаюсь, удивило такое отношеніе къ научному вопросу со стороны бывшаго приватъ-доцента по Русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Но его апломбъ, въ соединеніи съ дешевымъ остроуміемъ, былъ награжденъ громкими рукоплесканіями публики, что̀ и слѣдовало доказать. Я было попытался спросить, кто, гдѣ и когда доказалъ нетождество Сарматовъ со Славянами; но г. Милюкова въ ту минуту не оказалось налицо. Впрочемъ, послѣ засѣданія онъ удовлетворилъ моему любопытству, сославшись на вышеуказанныя сочиненія Мюлленгоѳа и Миллера, которыя доказывали иранство Сарматовъ. Такая ссылка не была новостью для меня, ни отвѣтомъ на заданный вопросъ. Принадлежность Сарматовъ къ Иранской вѣтви, какъ сказано, не исключаетъ болѣе точнаго опредѣленія той группы народовъ, которая является подъ этимъ именемъ. А доказательства этой принадлежности главнымъ образомъ относятся къ Аланамъ-Осетинамъ, которыхъ никто за Славянъ не выдаетъ; тогда какъ славянства Языговъ и Роксоланъ никто пока не опровергъ научнымъ образомъ, вопреки голословному заявленію г. Милюкова. Онъ и г. Кулаковскій въ подобныхъ вопросахъ явно отрицаютъ самостоятельность Русской исторической науки и, какъ будто соревнуя помянутой вѣтви Sclavinorum, рабски признаютъ авторитетъ только Нѣмцевъ и ихъ послѣдователей, въ чемъ желаю имъ дальнѣйшаго преуспѣянія*).

---

*) Сейчасъ приведенный эпизодъ невольно напоминаетъ мнѣ другой, впрочемъ гораздо болѣе крупный: именно мое столкновеніе съ извѣстнымъ канонистомъ, покойнымъ профессоромъ А. С. Павловымъ, на VI Археологическомъ съѣздѣ (въ Одессѣ), по поводу ереси Жидовствующихъ. Признаюсь, я не думалъ, что это столкновеніе будетъ его біографами поставлено ему чуть ли не въ особую и притомъ научную заслугу, и даже найдетъ себѣ видное мѣсто въ его некрологѣ. По крайней мѣрѣ съ такимъ характеромъ явился послѣд-

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ, для людей, интересующихся вопросомъ о происхожденіяхъ Русскаго государства и Русской націи, укажу на одинъ новый источникъ, имѣющій отношеніе къ сему вопросу. Говорю о VII томѣ Средневѣковой Библіотеки, издаваемой Саѳою (Парижъ, 1894. Съ этимъ томомъ я ознакомился, благодаря любезности проф. А. И. Кирпичникова). Онъ заключаетъ въ себѣ Византійскій хронографъ какого-то анонимнаго автора (Σύνοψις χρονική) и, повидимому, составленъ въ эпоху послѣдней династіи, т.-е. Палеологовъ. Здѣсь (стр. 108—109) находимъ извѣстный расказъ Византійскихъ хроникъ объ осадѣ Константинополя Аварскимъ каганомъ при императорѣ Иракліи въ 626 году, съ нѣкоторыми варіантами. Тутъ этотъ расказъ отчасти близокъ къ хроникѣ Манассіи: но ладьи-однодеревки Тавроскиѳовъ (подручныхъ кагану), о которыхъ упоминаетъ Манассія, у даннаго анонима являются подъ именемъ „Русскихъ однодеревокъ (Ῥωσικὰ μονόξυλα). Затѣмъ, согласно съ Пасхальной хроникой, Кедриномъ и нѣкоторыми другими, данный анонимъ повѣствуетъ о томъ, какъ патріархъ Сергій и власти съ народомъ въ торжественномъ моленіи обнесли икону Богоматери вокругъ Константинопольскихъ стѣнъ и какъ внезапно поднявшаяся буря потопила непріятельскіе корабли. Онъ прибавляетъ, что въ память сего чуда сочиненъ былъ гимнъ Побѣдоносной Защитницѣ: разумѣется извѣстная церковная пѣснь „Взбранной воеводѣ побѣдительная“. Тоже чудо повторяется потомъ въ повѣствованіяхъ о нѣкоторыхъ послѣдующихъ нападеніяхъ на Константинополь; между прочимъ по хроникѣ Амартола оно отнесено къ нашествію Руси при императорѣ Михаилѣ III; а изъ этой хроники расказъ перенесенъ въ Русскую начальную лѣтопись. (См. мои *Розы-*

ній въ Октябрьской книгѣ Журнала М. Нар. Пр. за 1898 г. некрологъ, составленный проф. Сокольскимъ; но данный эпизодъ принадлежитъ не ему, а отличному нашему византинисту, теперь тоже покойному, В. Г. Васильевскому, который этотъ некрологъ снабдилъ своими вставками. На обращенныя тогда ко мнѣ рѣзкія и голословныя обвиненія ограничился я въ засѣданіи съѣзда нѣсколькими словами, опасаясь увлечься острымъ пререканіемъ, и предпочелъ перенести вопросъ въ печать. Тутъ, когда пришлось вести полемику не голословно, а съ документами въ рукахъ, противника моего хватило только на первую реплику, а второй не послѣдовало. (См. мои *Мелкія Соч.* вып., 2). Поэтому не совсѣмъ понятно, о какомъ „рядѣ тяжеловѣсныхъ доказательствъ“, будто бы представленныхъ Павловымъ на означенномъ засѣданіи, говорится въ некрологѣ: если бы они существовали, то почему же ихъ не оказалось въ печатной репликѣ? Но для меня собственно любопытно добросовѣстное признаніе автора вставки, что хотя онъ былъ предсѣдателемъ въ этомъ засѣданіи и, видя недоразумѣніе со стороны моего противника, не слыхавшаго начала моего сообщенія, сознавалъ свою „обязанность“ вмѣшаться, однако побоялся „остановить оратора“ и разъяснить ему это недоразумѣніе. Вообще же подобные эпизоды относятся не столько къ сферѣ нашихъ научныхъ интересовъ, сколько къ характеристикѣ нашихъ общественныхъ нравовъ. Нѣкоторые ученые не стѣсняются публично и рѣзко высказывать свое jalousie de métier; а quasi-интеллигентная публика поощряетъ ихъ восторженными рукоплесканіями.

сканія, 183 и *Исторія Россіи*, вып. I. прим. 1). Къ тому же нашествію Руси нѣкоторые несправедливо пріурочивали вмѣстѣ съ чудесною бурею и сочиненіе названной церковной пѣсни. Изъ хронографа, изданнаго Саѳой, становится понятно, почему произошло такое смѣшеніе: если вѣрить сему хронографу, то не только въ 860 году, но уже въ 626 подъ стѣнами Византіи являются Руссы на своихъ однодеревкахъ, и притомъ съ своимъ народнымъ именемъ Русь или *Рось*, а не съ книжнымъ названіемъ того времени, т.-е. *Роксолане.*

Любопытно, что тожество этихъ двухъ народовъ (Росп и Роксоланъ) считалось несомнѣннымъ у Польскихъ и Западнорусскихъ ученыхъ до XVII вѣка включительно. Но въ XVIII вѣкѣ Байеро-Шлецеровская школа Петербургскихъ академиковъ-Нѣмцевъ принялась облекать въ научную форму легенду о призваніи Варяжскихъ князей и смѣшеніе Руси съ Варягами. Въ концѣ-концовъ несостоятельность ея конечно обнаружилась; но ей все-таки удалось на цѣлыя полтора столѣтія задержать правильную постановку начальной Русской исторіи.

Пользуюсь случаемъ вновь и вновь напомнить своимъ соотечественникамъ, что въ 1906 году истекаетъ нашему народу двѣ тысячи лѣтъ историческаго существованія, т. е. съ перваго упоминанія исторіи о Роксоланахъ или Руси. Неужели настоящее поколѣніе ничѣмъ не отмѣтитъ этого двухтысячелѣтія и оставитъ свое потомство при одномъ Новогородскомъ памятникѣ недостовѣрному событію? Сей памятникъ главнымъ образомъ будетъ свидѣтельствовать о недостаткахъ Русской историко-критической науки въ срединѣ истекающаго столѣтія. Если въ Новочеркасскѣ въ наши дни воздвигается монументъ Ермаку, который былъ уроженцемъ Сѣверной Россіи и принадлежалъ Волжскому, а не Донскому казачеству, то историческая критика тутъ не при чемъ, ибо своевременно указывала на этотъ фактъ. Съ своей стороны могу сослаться на 69-е примѣчаніе къ III тому *Исторіи Россіи.*

Д. Иловайскій.

Посланіе князя П. А. Вяземскаго къ канцлеру князю А. М. Горчакову

из Эмса въ Баденъ - Баденъ.

Великій канцлеръ дѣлъ сердечныхъ
(О дипломаціи ужъ я не говорю!)
Извѣстно, множествомъ дѣяній безупречныхъ
Приносите Вы дань отчизнѣ и Царю.

*

Но и красавицамъ не чуждо Вамъ служенье:
И тутъ Вы опытный и зоркій дипломатъ,
И прелесть женскую, и все ея значенье
Угадывать привыкъ Вашъ прозорливый взглядъ.

*

Вашъ Баденъ съ давнихъ поръ красавицами славенъ,
Но въ ихъ созвѣздіи есть свѣтлая звѣзда,
Которой чудный блескъ игривъ и своенравенъ
И, сердцу разъ мелькнувъ, въ немъ свѣтитъ навсегда.

*

Любуюсь на нее я, и заочно глядя!
Не нужно мнѣ назвать ту милую звѣзду;
Вы сами скажете: ей Миклашевскій*) дядя,
И въ Васъ счастливаго соперника найду.

Эмсъ, 14 (26) Мая 1875.

*) Пріятель канцлера, князя Горчакова, Миклашевскій—родной дядя графини Александры Андреевны Олсуфьевой. Красотѣ ея бабки, Марьи Павловны Олсуфьевой (урожденной Кавериной) нѣкогда въ Москвѣ, въ началѣ столѣтія, князь П. А. Вяземскій приносилъ также дань восхваленія. П. Б.

А. С. ПУШКИНЪ НА БЕРДАХЪ [1]).

....„Мнѣ Царь Пугачева писать поручилъ".
Н. А. Некрасовъ.

Императоръ Николай I-й, узнавъ, что Пушкинъ собираетъ матеріалы о Пугачевскомъ бунтѣ, однажды сказалъ ему: «Я не зналъ, что ты собираешься писать исторію Пугачева; а то бы показалъ тебѣ его сестрицу, что̀ двѣ недели какъ умерла въ крѣпости», и затѣмъ милостиво разрѣшилъ ему доступъ въ государственные архивы. По окончаніи исторіи Пугачевскаго бунта, Пушкинъ получилъ для изданія своего труда изъ государственнаго казначейства 20 т. рублей [2]).

Имѣя свободный доступъ въ государственные архивы, А. С. Пушкинъ, на сколько представлялось возможнымъ, исчерпалъ архивные матеріалы и пожелалъ лично ознакомиться съ мѣстами дѣйствія составляемой имъ *исторіи*, для чего отправился въ мѣстности, нѣкогда охваченныя пожаромъ мятежа, посѣтилъ Казань, Симбирскъ, имѣніе поэта Н. М. Языкова; 14 Сент. 1833 выѣхалъ изъ Симбирска къ Оренбургу, но возвратился съ 3-й станціи: заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и Пушкинъ, вѣрный предразсудку, не рѣшился продолжать своего пути. Только 18-го Сентября онъ прибылъ, наконецъ, въ Оренбургъ.

Представившись военному губернатору, генераль-адъютанту В. А. Перовскому, незадолго до того назначенному на эту должность, и передавъ ему о цѣли своей поѣздки, Пушкинъ былъ обласканъ началь-

---

[1]) Настоящая статья была прочитана авторомъ, въ нѣкоторомъ сокращеніи, на торжественномъ публичномъ засѣданіи Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи, посвященномъ чествованію памяти Пушкина, 26 Мая 1899 г., въ залѣ Оренбургскаго Общественнаго Собранія.

[2]) Матеріалами для этой статьи служили „Исторія Пугачевскаго бунта" А. С. Пушкина, „Капитанская дочка"—его же, „Топографія Оренбурга"—Рычкова, „Исторія Оренбургская"—его же, Воспоминанія В. И. Даля и Кайданова, „Энциклопедическій словарь" Эфрона и Брокгауза, „Русская Старина" за 1880 и 1886 г.г., дѣла Оренбург. Ученой Архивной Комиссіи и архива Оренбург. Духовной Консисторіи, газета „Свѣтъ" № 144/99 г. и разсказы старожиловъ, помнящихъ поѣздку А. С. Пушкина въ 1833 году по Оренбургскому краю.

никомъ края, который любезно предложилъ ему остановиться у него на квартирѣ *).

Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Перовскомъ былъ тогда извѣстный Русскій писатель, докторъ медицины и хирургіи, Влад. Иван. Даль (казакъ Луганскій) получившій извѣстность, какъ литераторъ, изданіемъ своихъ «Сказокъ», какъ врачъ—статьей въ защиту гомеопатіи и, какъ натуралистъ — переводомъ «Естественной исторіи Оренбургскаго края», Эверсмана. Съ Далемъ Пушкинъ и совершилъ объѣздъ Оренбургской линіи крѣпостей, при чемъ знавшій мѣстный край спутникъ его служилъ для него живымъ лексикономъ.

Разыскивая здѣсь и тамъ преданія и живыхъ свидѣтелей кровавой эпохи, которую народъ такъ выразительно прозвалъ *Пугачевщиною*, Пушкинъ слушалъ казачьи пѣсни, сложенныя про Емельку Пугача, бесѣдовалъ съ сыномъ казака Дмитрія Пьянова, упомянутаго поэтомъ въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», слушалъ полные драматизма разсказы очевидцевъ про кровавыя дѣла Пугачевскихъ шаекъ, и въ головѣ его, кромѣ *исторіи*, создавался *романъ*. «Капитанская дочка», написанная, какъ извѣстно, одновременно съ «Исторіей Пугачевскаго бунта», является живой страницей, выхваченной изъ жизни бывшихъ Оренбургскихъ линейныхъ крѣпостей, теперешнихъ казачьихъ станицъ.

Бердскій поселокъ, называвшійся раньше *Бердской слободой*, основанъ и укрѣпленъ въ 1743 году, сначала на р. Яикѣ (Уралѣ), на мѣстѣ теперешняго Оренбурга, а затѣмъ перенесенъ на р. Сакмару, въ разстояніи 7 верстъ отъ города. Слобода эта, какъ и большинство тогдашнихъ крѣпостей, была обнесена небольшимъ деревяннымъ оплотомъ, со рвомъ и рогатками, и по угламъ имѣла батареи; дворовъ въ слободѣ было 200; жалованныхъ казаковъ 100, остальное населеніе составляли гарнизонъ и «нижняго и пришлаго званія люди». По окрестнымъ высотамъ стояли пикеты и маяки, изъ конной стражи. Въ слободѣ были свой атаманъ и особый старшина. Вблизи этой-то слободы, на лѣтней Сакмарской дорогѣ, Пугачевъ и имѣлъ военный лагерь, во время осады имъ Оренбурга. Отсюда разъѣзды разбойничьихъ шаекъ не переставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и

---

*) В. А. Перовскій жилъ въ домѣ, принадлежавшемъ мурзѣ, полковнику Тимашеву на бывшей Губернской, нынѣ Николаевской (Главной) улицѣ, какъ разъ противъ Благовѣщенской, нынѣ Вознесенской церкви. Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ Оренбургскому купцу И. В. Ладыгину. На стѣнѣ этого дома, по иниціативѣ пишущаго эти строки и по постановленію Оренб. Ученой Архивной Комиссіи, въ скоромъ времени будетъ вывѣшена мраморная доска съ надписью о пребываніи въ немъ А. С. Пушкина. Доска эта заказана уже на одномъ изъ мраморныхъ заводовъ въ г. Перми.

держать гарнизонъ въ постоянномъ опасеніи. Изъ-подъ Бердъ Пугачевъ съ войскомъ и орудіями неоднократно отлучался для взятія и разоренія линейныхъ крѣпостей. Во время такихъ отлучекъ, его поочередно замѣняли Чика, Хлопуша и Бѣлобородовъ. Возвращался Пугачевъ въ лагерь, обыкновенно везя массу награбленнаго добра и ведя полоненныхъ казачьихъ красавицъ....

Въ выжженной, по приказанію Оренбургскаго губернатора, генералъ-поручика Рейнсдорпа, казачьей слободѣ (нынѣ Оренбугская станица или форштадтъ—предмѣстье города), въ уцѣлѣвшей отъ огня церкви Св. Георгія, разбойники ободрали и осквернили св. иконы, разломали престолъ, раскладывали на полу костеръ и грѣлись около него, изрыгая полныя кощунства ругательства.... На паперти была поставлена пушка, на колокольнѣ—другая. Страшная пальба, какъ отсюда, такъ и съ крѣпостныхъ городскихъ стѣнъ, не умолкала. Вмѣсто пуль и картечи Пугачевцы, въ концѣ-концовъ, употребляли мѣдныя гривны Всѣ усилія злодѣевъ однако были напрасны: городъ стойко выдерживалъ осаду. Между тѣмъ, наступали морозки, и Пугачевъ съ своею буйной ватагой перекочевалъ изъ лагеря въ самыя Берды, ставшія вертепомъ убійствъ, разгула и самаго необузданнаго распутства. Въ Бердскую слободу было приведено множество молодыхъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ Пугачевымъ на поруганіе разбойникамъ, которые, натѣшившись, предавали своихъ несчастныхъ жертвъ смерти, со страшными надъ ними надругательствами.... Казни происходили каждый день. Овраги около Бердъ были навалены трупами растрѣлянныхъ, удавленныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Трупы, разлагаясь, издавали зловоніе, а надъ ними съ крикомъ носились вороны и другія хищныя птицы.... Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и безчестя женщинъ. Кругомъ слышались выстрѣлы, дикое гиканье и крики, что пора-де покориться и идти служить царю-батюшкѣ Петру Ѳеодоровичу.

Пугачевъ съ сообщниками, пародируя, называлъ Татарскую деревню Каргале (Сеитовскій посадъ) Петербургомъ, Сакмарскій городокъ-Кіевомъ, а излюбленную имъ резиденцію Берды—Москвой.

Г. Оренбургъ, какъ извѣстно, стойко выдержалъ шестимѣсячную осаду Пугачевскихъ полчищъ (съ 5 Октября 1773 года по 23 Марта 1774 г.) и остался вѣренъ Императрицѣ, за что получилъ отъ Великой Екатерины высочайшую грамоту.

Послѣ Пугачевскаго нашествія, на Бердахъ остались тогда 18 пушекъ, 17 бочекъ мѣдныхъ денегъ на 1700 рублей и множество хлѣба. Печальная память о Пугачевѣ сохранилась и въ видѣ многихъ кургановъ, называемыхъ здѣсь «Пугачевскими сопками». Въ нѣкоторыхъ изъ та-

кихъ кургановъ, а также въ Губерлинскихъ горахъ, до настоящаго времени обрѣтаются клады, состоящіе изъ разныхъ вещей и монетъ. Много пушекъ, отлитыхъ сподвижниками Пугачева на Уральскихъ заводахъ, находится то здѣсь, то тамъ. Въ Поуральѣ живы еще преданія, свидѣтельствующія о страшномъ мятежѣ, какъ полымемъ пожара, охватившемъ все Поволожье и Пріуральскій край.

Естественно, что такое богатое событіями прошлое здѣшняго края не могло не привлечь Пушкина ознакомиться съ нимъ на мѣстѣ.

Природа Бердскихъ окрестностей въ 30-хъ годахъ была живописная: рѣка Сакмара была многоводна и несла свои быстрыя волны въ берегахъ, густо покрытыхъ почти дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ водились еще хищные звѣри. Рѣка подходила къ самому поселку. На противоположной лѣсу сторонѣ открывалась другая картина: поемные луга и долины покрывались высокой и сочной травой, зеленѣли огороды, на которыхъ качались отъ вѣтра и тихо скрипѣли «журавли» казачьихъ колодцевъ. На Бердахъ, какъ и въ другихъ замкнутыхъ крѣпостяхъ-селеніяхъ и ихъ окрестностяхъ, виднѣлся еще и въ 30-хъ годахъ вооруженный людъ: солдаты, казаки, караулы, цѣпи, и слышался повелительный голосъ коменданта, команды, трубы, барабаны; даже бабы за водой ходили не иначе, какъ подъ вооруженной охраной.

Сидя на крылечкѣ казачьей избы, Пушкинъ собиралъ здѣсь вокругъ себя казаковъ и казачекъ, слушалъ ихъ пѣсни, смотрѣлъ хороводы. Чудная панорамма природы, лихія казачьи пѣсни, относительная свобода, все это вызывало въ Пушкинѣ веселость: онъ говорилъ экспромты, сыпалъ остроты....

Предъ будущимъ творцомъ «Капитанской дочки» вели свои разсказы престарѣлые казаки и казачки.

Приходилось Пушкину вступать въ такой разговоръ:

— А, ну-ка, дѣдушка, разскажи намъ, сдѣлай одолженіе, про Пугача.

— Для кого Пугачъ, ваша милость, а для меня царь-батюшка, Петръ Ѳедорычъ.

Нѣкоторые казаки, въ особенности Уральцы, и до сихъ поръ не охотно дѣлятся воспоминаніями прошлаго: они простодушно и наивно вѣрятъ еще, что наглый самозванецъ былъ дѣйствительно Русскій царь.

Но обаятельность поэта, ласковое обращеніе и щедрость подкупали даже и стариковъ; они всё смѣлѣе и смѣлѣе возстановляли въ памяти эпизодъ за эпизодомъ мрачнаго прошлаго.

Но съ особенною силой воспоминанія охватили поэта, когда предъ нимъ предстала престарѣлая, но еще бодрая, свидѣтельница дикаго бунта, старуха-казачка, о которой поэтъ писалъ тогда же женѣ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ шесть мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune, нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виноватъ, и про тебя не подумалъ». Это была дѣйствительно замѣчательная женщина, и не одинъ Пушкинъ обращалъ на нее вниманіе.

Тѣмъ пріятнѣе могло быть Пушкину внимать безхитростному и правдивому повѣствованію добродушной старушки, что въ памяти его возставалъ дорогой образъ другой старушки, его «дряхлой голубки», покойной няни Арины Родіоновны, чудныхъ сказокъ которой онъ такъ, бывало, заслушивался въ селѣ Михайловскомъ.

— «И разнеся въ слободѣ нашей слухъ, что изволилъ прибыть царь-батюшка Петра̀ Ѳедорычъ, дребезжащимъ отъ волненія голосомъ и, шамкая, вела свою рѣчь эта старушка. Прискакали кульеры, пособрали народъ: такъ, молъ, и такъ, приготовьтесь встрѣчать законнаго царя своего, потому какъ онъ жалуетъ всѣхъ васъ крестомъ и бородой, землями и угодьями разными.... Скоро и другой слухъ прошелъ, что несмѣтная рать движется, крѣпость за крѣпостью беретъ, комендантовъ тамошнихъ вѣшаетъ, казну грабитъ, непокорныхъ наказуетъ.... Долго-ль, коротко-ль, услыхали мы топотъ конскій, загремѣли пушки; прискакали гонцы, все Башкиры больше, да «севрюжники» [1]).

«Покоритеся!» И покорились: народъ разодѣлся, какъ на свѣтлый праздникъ, высыпалъ на улицу; дѣвки да бабы въ два ряда, какъ солдаты, стоятъ.... Попъ съ крестомъ вылѣзъ на паперть, атаманъ казацкій хлѣбъ-соль пріуготовилъ.... Не заставилъ ждать себя и невѣдомый гость: тьма тьмущая войска остановилась на Сакмарской дорогѣ, лагерь разбили... пѣсня пошла, да шумъ; благополучное вступленіе, значитъ, справляли.... Прибыли скоро и къ намъ; на церкви звонъ колокольный раздался, попъ съ крестомъ встрѣлъ *самого-то*, но тотъ въ храмъ не вошелъ, потому какъ изъ *киржаковъ* [2]) происхожденіе имѣлъ и осѣнялся большимъ крестомъ. Манифесту тогда прочитали, народъ на колѣни упалъ и билъ земные поклоны. Самъ-отъ принялъ «хлѣбъ-соль», обѣщаніе давалъ на вольности разныя, нашу слободу матушкой-Москвой величалъ, ряды дѣвокъ обошелъ, борки, ленты да монисты жаловалъ, иныхъ, что̀ попригляднѣй, ласкать всячески изволилъ и деньгами дарилъ.

---

[1]) „Севрюжниками“ въ Оренбургѣ называютъ Уральскихъ казаковъ.

[2]) „Киржаками“ Оренбургскіе казаки называютъ раскольниковъ-сектантовъ.

«А колокола всё гудятъ, да гудятъ.... въ храмѣ Божіемъ служба идетъ, государя Петра Ѳедорыча съ государыней Катериной Лексѣвной поминаютъ.... честь честью! Опосля пригнали еще двухъ поповъ; тѣ же службу, почитай кажный день, справляли, обѣдню да вечерни. Недолго Пугачъ, али царь-батюшка, какъ его тогда величали, оставался у насъ; выкатилъ онъ для народа бочку съ виномъ, своего енерала приставилъ да ораву приспѣшниковъ, а самъ въ лагерь отбылъ чинить судъ да расправу, да на городъ приступой идтить собираясь. Ни выѣзду, ни выходу по дорогамъ да по оврагамъ; засѣли люди военные...: пальба да разбои.... сколько дѣвокъ, башкирьё поганое, ненасытное, у насъ перепортили, да добра разнаго растащили.... Слобода была сущій вертепъ. Изъ крѣпости Оренбургской тогда распоряженіе вышло: слободу казацкую, что форштадтомъ теперь прозывается, сжечь. И сожгли, акромя церкви Божьей, да избы одной.... Вброги окаянные ворвались и въ форштадтъ, церковь святую осквернили, въ иконы стрѣляли и изъ пушекъ съ колокольни въ городъ палили; съ крѣпости тоже тогда не плошали ядрами, да картечами злодѣя пугали.... Въ городѣ голодъ начался, бóлѣсти разныя, но не сдался онъ богопротивному человѣку и вѣренъ царицѣ-матушкѣ и присягѣ остался.... Объ осени ватага вся буйная съизнова припожаловала къ намъ въ слободу, для ложнаго царя золотыя [1]) палаты привезли, тронъ смастерили, и возсѣлъ на него чинить судъ да расправу бѣглой казакъ Донской, царемъ прозываясь, въ красную одежу разрядившись и голубой лентой перевязь сдѣлавши.... По бокамъ у него возсѣли два казака, одинъ съ булавой, другой съ серебрянымъ топоромъ. У одного еще ноздри были рваны, да на лбу клеймо.... Кто подходилъ, клanялся въ землю и, крестясь, цѣловалъ руки Емелькѣ»....

Пушкинъ слушалъ этотъ разсказъ не прерывая и, затѣмъ, много и отъ души хохоталъ при разсказѣ другихъ казаковъ о курьезныхъ эпизодахъ изъ пребыванія на Бердахъ неграмотнаго, но болѣзненночестолюбиваго раскольника-самозванца. Передадимъ нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ.

Войдя однажды въ Бердскую церковь [2]) въ зимнемъ Польскомъ

---

[1]) Извѣстно, что Пугачевъ возилъ съ собой складную латунную избу, которую народъ и принималъ за золотую.

[2]) Церковь на Бердахъ (деревянная), построена въ 1744 г. и освящена въ 1745 г. во имя Рождества Богородицы съ придѣломъ Михаила Архангела. Эта церковь вскорѣ сгорѣла и въ 1753 г. заложена новая, освящена только въ 1756 г.; и эта церковь сгорѣла 10 Ноября 1789 г. отъ поджога. Въ 1793 г. церковь на Бердахъ совсѣмъ упразднена, причтъ приписанъ къ Вознесенской въ городѣ церкви. Снова церковь заложена при епископѣ Ѳеофилѣ и въ 1824 г. освящена. Послѣ того еще нѣсколько разъ горѣла и возобновлялась. Нынѣ церковь на прежнемъ мѣстѣ, каменная, въ честь Казанской Божіей Матери. (Дѣло Оренбургской консисторіи № 83).

кунтушѣ и въ Киргизской шапкѣ, Пугачевъ, не снимая шапки, прошелъ въ алтарь и, садясь на церковный престолъ, воскликнулъ: «А давно я не сиживалъ на прародительскомъ престолѣ!» Сообщеніе объ этомъ вызвало смѣхъ окружающихъ, и Пушкинъ, полунегодуя, полуудивляясь, сказалъ: «Ахъ, свинья, свинья!» И тутъ же, со словъ разсказчика, онъ записалъ какъ этотъ разсказъ, такъ и примѣты самозванца: лѣтъ 40 отъ роду, роста средняго, смуглъ и худощавъ, волосы темнорусые, борода черная, клиномъ, верхній зубъ вышибленъ, на лѣвомъ вискѣ бѣлое пятно, на обѣихъ сторонахъ груди черныя пятна отъ болѣзни, именуемой въ народѣ «черной немочью». Глаза у Пугачева острые, проницательные, взоръ страховитый—черты, за которыя народъ и прозвалъ Пугачева «Пугачемъ». Въ другихъ мѣстахъ показанныя очевидцами примѣты Пугачева оказались тождественными съ записанными и въ такомъ видѣ появились въ трудахъ Пушкина.

Вотъ еще одинъ эпизодъ. Пугачевъ былъ женатъ; жена его, Софья Дмитріева, съ дѣтьми содержалась въ острогѣ въ г. Казани. Пугачевъ же, бывши въ Яицкомъ городкѣ, вторично женился на дѣвкѣ Устиньи Кузнецовой, которую и привезъ съ собой въ слободу. Попу было приказано поминать на эктиніяхъ, послѣ государя Петра Ѳеодоровича, государыню Устинью; но попъ воспротивился, говоря, что на это онъ не имѣетъ синодскаго указа, и продолжалъ поминать государыню Екатерину Алексѣевну.

Говорили Пушкину о незадолго умершемъ здѣсь священникѣ, котораго отецъ высѣкъ за то, что мальчикъ бѣгалъ на улицу собирать пятаки и гривны, которыми *Пугачъ* обстрѣливалъ городъ вмѣсто картечи, и о такъ называемомъ секретарѣ Пугачева Сычуговѣ, въ то время еще живомъ.

За пѣсни молодые казаки и за разсказы старики и старухи были награждаемы Пушкинымъ «по царски»: за каждую пѣсню или отдѣльный эпизодъ онъ платилъ червонецъ, иныхъ угощалъ виномъ, садя съ собою за столъ. Это обстоятельство, по отъѣздѣ Пушкина изъ Бердскаго поселка, вызвало въ обывателяхъ его глубокое сомнѣніе въ личности страннаго гостя, и они, собравши сходъ, смастерили такое донесеніе на имя начальника края Перовскаго:

«.... былъ у насъ неизвѣстнаго званія человѣкъ, со товарищи, средняго роста, лицомъ смуглъ, волосомъ черенъ и курчавъ, на пальцахъ за мѣсто ногтей когти, *подбивалъ подъ Пугачевщину и дарилъ золотомъ; должёнъ быть Антихристъ, потому вмѣсто ногтей на пальцахъ когти*».

Во дворцѣ В. А. Перовскаго (тогда еще не графа) отъѣзжающему поэту данъ былъ прощальный обѣдъ, на который былъ приглашенъ

цвѣтъ Оренбургскаго общества. Гвоздемъ застольной бесѣды были, разумѣется, труды Пушкина, эпизоды изъ Пугачевской эпопеи и пожеланія видѣть скорѣе въ печати исторію самозванца. Тутъ-то и показалъ Перовскій Пушкину забавное донесеніе о немъ Бердскихъ мудрецовъ, вызвавшее неудержимый смѣхъ присутствующихъ и взрывы остротъ. Выходило, что историкъ Пугачева, на взглядъ народа, былъ никто иной, какъ другой Пугачевъ.

Спустя почти мѣсяцъ послѣ отъѣзда Пушкина изъ Оренбурга, В. А. Перовскій, получилъ секретное письмо отъ Нижегородскаго военнаго губернатора Бутурлина, рисующее положеніе, въ какомъ находился тогда нашъ пѣвецъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ» *). Вотъ это письмо:

«Санкпетербургскій оберъ-полицiймейстеръ, отъ 20-го минувшаго Сентября, за № 264, увѣдомилъ меня, что по *высочайше* утвержденному положенію Государственнаго Совѣта, объявленному предмѣстнику его предписаніемъ г-на С.-Петербургскаго военнаго губернатора, отъ 19 Августа 1828 г., за № 211, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ за образомъ жизни и поведеніемъ *извѣстнаго поэта, титулярнаго совѣтника Пушкина*, который 14 Сентября выбылъ въ имѣніе его, состоящее въ Нижегородской губерніи. Извѣстясь, что онъ, Пушкинъ, намѣренъ былъ отправиться изъ здѣшней въ Казанскую и Оренбургскую губерніи, долгомъ считаю о вышеизложенномъ извѣстить ваше превосходительство, покорнѣйше прося, въ случаѣ прибытія его въ Оренбургскую губернію, учинить надлежащее распоряженіе о учрежденіи надъ нимъ, во время пребыванія его въ оной, секретнаго полицейскаго надзора за образомъ жизни и поведеніемъ его».

Письмо это въ Оренбургъ прибыло только 23-го Октября, и въ тотъ же день В. А. Перовскій положилъ на немъ такую резолюцію: «Отвѣчать, что сіе отношеніе получено чрезъ мѣсяцъ по отбытіи г-на Пушкина отсюда (sic!), а потому, хотя во время кратковременнаго его въ Оренбургѣ пребыванія и не было за нимъ полицейскаго надзора, но какъ онъ останавливался въ моемъ домѣ, то я тѣмъ лучше могу удостовѣрить, что поѣздка его въ Оренбургскій край не имѣла другого предмета, кромѣ нужныхъ ему историческихъ изысканій».

Оказывается, что Пушкину недоброжелатели его не давали покоя и въ то время, когда онъ состоялъ исторіографомъ Россійскимъ и пользовался милостями у самого императора Николая Павловича.

*) „Дѣло объ учрежденіи тайнаго полицейскаго надзора за прибывшимъ временно въ Оренбургъ поэтѣ (sic!), тит. совѣт. Александрѣ Пушкинѣ“, въ канцеляріи бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернатора, находится нынѣ въ архивѣ Высочайше учрежденной Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи (по описи № 78, 1838 г.). Поставленныя здѣсь курсивомъ строчки въ письмѣ подчеркнуты. (Дѣло это нигдѣ не опубликовано).

Въ то время, какъ было получено приведенное выше письмо, Пушкинъ былъ уже на Волгѣ; изъ Оренбурга напутствуемый пожеланіями любезнаго и просвѣщеннаго хозяина, онъ выѣхалъ 20 Сентября на Уральскъ, осматривать становища Пугачева и слушать разсказы о немъ.

О пребываніи Пушкина въ Оренбургѣ и въ казачьихъ станицахъ помнятъ еще нѣкоторые изъ Оренбургскихъ старожиловъ, какъ, напр. отставной генералъ-маіоръ И. В. Черновъ, сообщившій, что Пушкинъ, будучи въ Оренбургѣ, посѣтилъ уѣздное и другія училища и задавалъ ученикамъ вопросы, и старушка-казачка Блинова, переселившаяся недавно изъ Бердскаго поселка на постоянное житье въ Оренбургскую станицу (форштадтъ). Разсказъ Блиновой весьма правдоподобенъ. Постараемся передать его возможно дословно. «Тогда мнѣ было лѣтъ пятнадцать, или что-то около этого; жила я съ родительницей на Бердахъ. Теперь Берды отъ Оренбурга рукой подать, поди трехъ верстъ нѣтъ, а тогда идешь, идешь—взапрѣешь... Ну, хорошо! Вышла я этто изъ избы, а по дорогѣ четверо господъ идутъ; въ серединкѣ одинъ чудно́й такой, курчавый, все руками размахиваетъ, а на пальцахъ у него длинныя такія ногти, на манеръ когтей. Господинъ этотъ что-то разсказываетъ, а остальные смѣются. Подошли къ Сакмарѣ; черный господинъ шляпу снялъ и что-то мальчишкамъ началъ бросать. Только я и видѣла, да впрямь и интереса не было: думала, такъ себѣ, погулять господа пріѣхали... Апасля слыхала, что это Пушкинъ какой-то. Еще у казака онъ Бердскаго рубаху изъ желѣзной проволоки [1]), что̀ тотъ при бороновкѣ изъ земли весной выкопалъ, купилъ, два золотыхъ, сказывали, далъ... чудно̀й человѣкъ какой-то былъ, Богъ съ нимъ!»

Любопытно письмо одной молодой Москвички, проживавшей въ Оренбургѣ въ 1833 году, о той старухѣ-казачкѣ [2]), которую разспрашивалъ Пушкинъ и которую такъ напугалъ червонецъ:

«Мы вчера ѣздили въ Берды къ старушкѣ, которая разсказывала Пушкину о Пугачевѣ. Мы посѣтили ее съ тою же цѣлью. Взяли съ собой бумаги и карандашъ, чтобы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее сидящею на печи, окруженною молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобъ это была она: старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говоритъ, что при Пугачевѣ была лѣтъ двадцати. Н. Н. сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали, такъ какъ слы-

---

[1]) И до настоящаго времени казаки находятъ въ землѣ кольчуги съ иниціалами „П. III“. Одна изъ нихъ хранится въ музеѣ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи.

[2]) По нѣкоторымъ даннымъ, возможно предполагать, что старушка эта состояла съ Пугачевымъ въ любовной связи.

шали, что она помнитъ Пугачева. «Да, батюшка», отвѣчала она, проворно слѣзая съ печки и низко кланяясь, «нечего грѣха таить, моя вина».—«Какая же это вина, старушка, что ты знала Пугачева?»—«Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростомъ не больно высокъ и не малъ, немного пониже вашего благородія. Какъ же! Хорошо знала его и присягала ему, вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положитъ платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его енералы, одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди, что срубитъ, другой—серебряный мечъ; супротивъ висѣлица, а около мы на колѣняхъ присягаемъ; присягаемъ, да поочередно, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а между тѣмъ на висѣлицу-то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это, скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта: предобрый былъ баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единаго,—куда и страхъ дѣвался. Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее, да ея брата, барина молодого, Пугачевъ, взявъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачева, а которыхъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подъ начальствомъ; такъ ужъ онъ ихъ упросилъ застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь; что жъ бы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно ихъ не до смерти убили; такъ они сползлись, обнялись, да такъ и померли».

«Много еще она намъ разсказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачева, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали... Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда разсказчица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачева: онъ жилъ тамъ въ мирное время; отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ, къ своей «барынѣ», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала она намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала, со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ. Кто знаетъ, зачѣмъ вы разспрашиваете меня о Пугачевѣ? Онамедни тоже пріѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ разсказывать; а другія бабы пришли, да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову; вѣдь это Антихристъ». Мы старались ее разувѣрить. «Да и я

думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю; такъ, кажись, что тутъ за бѣда? Онъ же, дай Богъ ему здоровья, наградилъ меня за разсказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и пріятель нашъ, полковникъ Артюковъ: ужъ онъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы-то какъ было меня напугали! Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня разспрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ мнѣ патретъ: красавица такая написана. «Вотъ,—говоритъ,—она станетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и накинулись. Кто говоритъ, что его подослали, что меня въ тюрьму засадятъ за мою болтовню; кто говоритъ: «Антихристъ! Видѣла, когти-то у него какія? Да и въ Писаніи сказано, что Антихристъ будетъ любить старухъ, заставлять ихъ пѣсни пѣть и деньгами станетъ дарить». Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить, везти меня въ Оренбургъ, къ начальству. «Такъ и такъ, говорю: смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются. «Не бойся»,—говорятъ,—«это ему самъ Государь позволилъ о Пугачѣ вездѣ разспрашивать». Ну ужъ я и успокоилась, никого не стала слушать».

Н. Г. Ивановъ.

В. П. ГОРЛЕНКО. Украинскія были. Описанія и замѣтки. Кіевъ, 1899. Мал. 8-ка. 168 стр. Цѣна 1 р. Продается въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина и Суворина.

Попробуйте опросить вашихъ знакомыхъ о томъ, кто была урожденная ихъ бабушка, и вы натолкнетесь на любопытное явленіе: большинство не сумѣетъ отвѣчать на вашъ вопросъ. Но тогда какъ знакомые попроще признáются въ своемъ незнаніи какъ бы съ нѣкіимъ смущеніемъ, люди, повидимому, весьма образованные и какъ говорятъ, *интеллигéнтные*, пожалуй, даже подымутъ васъ на смѣхъ. А между тѣмъ истинное просвѣщеніе несомнѣнно состоитъ въ сознательномъ и разумномъ отношеніи къ окружающему, въ пониманіи прошлаго; ибо для того, чтобы знать намъ куда идти, надо твердо знать, откуда и какъ мы пришли. Такое пониманіе у насъ весьма рѣдко встрѣчается, и знаніемъ минувшей жизни мы не можемъ похвастать.

Пройдитесь по нашимъ выставкамъ исторической живописи, и вы будете удивлены: изъ всего разнообразія событій, которыя порой такъ странно сплетаются, что дѣлаютъ Русскую исторію похожею на какую-то сказку, изъ яркихъ, ожесточенно-живыхъ элементовъ стоязычной толпы, своеобразно образовавшей народъ Русскій, что̀ берутъ для изображенія наши художники? Или сценки, для поясненія коихъ надо писать пространныя объясненія, или условныя, скучныя изображенія, явно свидѣтельствующія о совершенномъ непроникновеніи художника въ смыслъ событія.

Все это ярко свидѣтельствуетъ о непониманіи прошлаго, о равнодушіи къ нему. Но любовь „къ отеческимъ гробамъ" слишкомъ сильное чувство, и та жадность, съ какою читаютъ историческіе романы, по большей части грубо написанные, и смотрятъ на театрѣ хоть бы напр. такія представленія, какъ „Измаилъ", показываетъ, что чувство это не утрачено совсѣмъ, а лишь замерло, такъ какъ не получало должнаго питанія; дайте ему пищу, и оно широко разовьется. Нельзя требовать, чтобы всѣ образованные люди читали изслѣдованія по исторіи и первоисточники, тѣмъ болѣе, что многіе наши ученые сумѣли сдѣлать даже Русскую исторію скучною. Только тогда знаніе прошлаго можетъ стать достояніемъ читающаго большинства, когда это прошлое будетъ пропущено черезъ призму художественнаго изображенія. Такое-то изображеніе мы находимъ въ книжкѣ В. П. Горленка. Въ каждомъ его разсказѣ видѣнъ вдумчивый писатель, умѣющій зорко наблюдать и отыскивать въ мимоидущей повседневности черты прошлаго. Каждый его разсказъ художественъ, такъ какъ полонъ содержанія, не исчерпывающагося при однократномъ чтеніи, полонъ той особенности (несомнѣнный признакъ талантливости), которая заставляетъ думать о прочтенномъ и вызываетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ чувствъ. Посѣщаетъ ли онъ Петропавловскій монастырь подъ Глуховымъ, онъ вспоминаетъ о его настоятеляхъ, Св. Димитріи Ростовскомъ, и Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ. Ихъ характеристика прочтется съ наслажденіемъ, и ученымъ, и простымъ любителемъ чтенія и, конечно, глубоко врѣжется въ память послѣдняго, а можетъ быть заставитъ позадуматься и перваго.

Малозначущаго документа г-ну Горленку достаточно, чтобы нарисовать картину прежней забытой жизни. Къ лучшимъ статьямъ сборника принадлежитъ разсказъ „Бабушка Полуботкова", написанный на основаніи бумагъ малоизвѣстнаго сборника „Любецкій архивъ графа Милорадовича"; въ него введена тонкость психологическаго анализа, а въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ вложены взгляды самого автора. Все подернуто легкой дымкой грусти, придающей разсказу особенную прелесть.

10-я и 11-я статьи представляютъ изслѣдованія о живописцахъ Левицкомъ и Боровиковскомъ. Эти статьи были нѣкогда напечатаны у насъ въ „Русскомъ Архивѣ".

Пожелаемъ автору продолжать свою дѣятельность на избранномъ имъ поприщѣ. Оно ему, повидимому, сродно. Ю. Б.

махъ К. Н. Бестужева-Рюмина, изслѣдованіи Александра Гиршберга о Дмитріи Самозванцѣ (по-польски) и статей Е. Н. Щепкина „Кто былъ первый Лжедимитрій“ (у Ягича въ его Архивѣ, по-нѣмецки). Письма К. Н. Бестужева-Рюмина представлены въ отрывочномъ видѣ, письма его корреспондента не оглашены; книга имѣетъ „сократическій“ характеръ: подымая цѣлый рядъ недоумѣній, она даетъ лишь намеки и бѣглыя указанія. Драгоцѣнная для человѣка уже знакомаго съ исторіей вопроса и для изслѣдователя, такъ какъ возбуждаетъ пытливость его и заставляетъ взглянуть на многое съ новой точки зрѣнія, она для обыкновеннаго читателя недоступна. Гиршбергъ, напротивъ, желаетъ дать общедоступно изложенную исторію загадочной личности, 11 мѣсяцевъ сидѣвшей на Московскомъ престолѣ. Старательно обработанный матеріалъ и чисто-научные пріемы дѣлаютъ монографію эту весьма полезной и для историка, но она предназначена собственно для большой публики. Тщательно и обильно собранныя новыя архивныя показанія составляютъ лучшую сторону изслѣдованія Е. Н. Щепкина. Эти три работы ставятъ своимъ центромъ личность т. н. Лжедимитрія; и у профессора Щепкина прекрасно показано, что рѣшеніе вопроса этого вовсе не есть археологическая роскошь, а существенно необходимо для пониманія всей Русской исторіи той эпохи.

С. Ѳ. Платоновъ лишь мимоходомъ признаетъ, что Лжедимитрій I былъ *Московскаго* происхожденія и настоящій самозванецъ; онъ даетъ широкую историческую картину, на фонѣ которой выступилъ этотъ таинственный человѣкъ. Книга его цѣнна и для изслѣдователя, и для простого читателя. Пожелаемъ ей всякаго успѣха. Ю. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900 года.

(Годъ 38-й).

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Подробный Указатель за первыя 30 лѣтъ изданія—**1** р., съ перес. **1** р. **25** к.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

2.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Татевскій сборникъ С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Изданіе Общества ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III-го. С.-Пб. 1899. 8°. VIII и 278 стр. Цѣна 1 р. 50 к. (Продается въ Москвѣ, Воздвиженка, д. 8-й).

Послѣ двухъ книгъ „Старины и Новизны", это новая исторіографическая панихида по возлюбленномъ Государѣ Александрѣ Александровичѣ, память котораго должна быть священна всѣмъ трудящимся на поприщѣ родного бытописанія и самосознанія. Татево—это имѣніе Варвары Александровны Рачинской, брату которой, извѣстному дѣятелю по обученію простонародья, пришла счастливая мысль составить сборникъ изъ сохранившихся въ семейномъ ихъ архивѣ бумагъ. Мать Рачинскихъ, Варвара Авраамовна († 15 Мая 1898), родная сестра поэта Е. А. Баратынскаго, письмами котораго къ И. В. Киреевскому и начинается эта, по истинѣ, прекрасная книга. Тѣсная дружба соединила двухъ высокодаровитыхъ людей до самаго 1834 года (30 Апрѣля этого года Киреевскій женился на Н. П. Арбеневой). Надо желать, чтобы изданы были и письма Киреевскаго къ Баратынскому. Для исторіи нашей словесности это сущій кладъ. Оказывается (стр. 27), что Баратынскій писалъ біографію своего друга, барона Дельвига. На стр. 18 и 35 находимъ два неизвѣстныхъ доселѣ стихотворенія Баратынскаго.—Въ Татевскомъ сборникѣ помѣщенъ цѣлый рядъ новыхъ показаній о Жуковскомъ, князьяхъ Одоевскомъ и Вяземскомъ, о К. К. Павловой и др.: но особенно цѣнна Записка Ю. Ѳ. Самарина о Хомяковѣ. Почти половина книги занята повѣстью графини Сальясъ...

*

Историческій очеркъ Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Къ столѣтію занятія Тифлиса Русскими войсками, 26 Ноября 1799 года. Подъ редакціею генералъ-маіора Потто. Изданіе военно-историческаго отдѣла при штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Тифлисъ 1899. Бол. 4°. VI, 332 и XIV стр. (азбучный указатель), съ картинами, планами и рѣдкими портретами (царя Ираклія II-го, князя Чавчавадзе, генерала Германа, католикоса князя Іосифа Аргутинскаго-Долгорукаго, царя Георгія XII-го и др). Постараемся дать отчетъ объ этой книгѣ.

Остафьевскій Архивъ Князей Вяземскихъ. Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ 1820—1845. Изданіе графа С. Д. Шереметева, подъ редакціею и съ примѣчаніями В. И. Саитова. С.-Пб. 1899. Бол. 8°. Томъ II, 371; томъ III-й, 364: томъ IV, 341 стр. Цѣна каждому тому 3 рубля (получать можно въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ, въ домѣ 8-мъ).

Изданіе это представляетъ собою первостепенную важность для исторіи Русскаго просвѣщенія и общественности за первую половину истекающаго столѣтія.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ФЕЛЬДМАРШАЛА САКЕНА [1]).

Четвергъ, 3-го Іюля 1800. Тогда какъ въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи открыта подписка на построеніе памятниковъ генералу Десё [2]) въ Россіи наказываютъ тѣхъ, кто принесъ себя въ жертву отечеству [3]).

Пятница, 4-го. Оскорбляютъ ихъ память, съ позоромъ выгоняютъ изъ службы подобно тѣмъ, которые нарушили свой долгъ. Генералъ, чье упорное сопротивленіе спасло цѣлый корпусъ, который, чтобы воодушевить своихъ солдатъ, шелъ впереди ихъ со знаменемъ въ рукахъ, который въ продолженіе двухъ дней подъ-рядъ съ горстью людей противустоялъ всѣмъ непріятельскимъ силамъ, подъ кѣмъ была убита лошадь, платье изодрано, но который уступилъ лишь тогда, когда былъ сраженъ ядромъ, наконецъ попалъ въ руки непріятеля, былъ ограбленъ до рубашки и уведенъ въ плѣнъ, и этотъ-то генералъ находитъ награду за свою храбрость и свои несчастія въ отставкѣ. Онъ не можетъ жаловаться на неслыханное съ собою обращеніе непріятеля, когда государь, которому онъ все принесъ въ жертву, еще хуже съ нимъ обращается. Только похвалы его поведенію и слава могутъ внушить человѣку такое самопожертвованіе; но этотъ государь, столь же несправедливый, какъ и непослѣдовательный, въ довершеніе всего однимъ почеркомъ пера отнимаетъ цѣну тридцатипятилѣтней службы [4]).

---

[1]) См. выше, стр. 26. Сакенъ писалъ, находясь въ плѣну въ Нанси. П. Б.

[2]) Desaix, молодой генералъ отличавшійся высокимъ въ республиканской арміи благородствомъ и безкорыстіемъ (что̀ было весьма рѣдко), былъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ военачальниковъ Наполеоновской плеяды. Онъ обезпечилъ Бонапарту его успѣхи въ Египтѣ и убѣдилъ его подъ Маренго перейти въ наступленіе, при началѣ коего, находясь во главѣ своей дивизіи, былъ убитъ. Памятники ему стоятъ въ Парижѣ на площади Дофина и на мѣстѣ его кончины. Ю. Б.

[3]) Павелъ Петровичъ уволилъ отъ службы Корсакова, Дурасова, Сакена, Лыкошина и Маркова, хотя Суворовъ, которому было поручено разобрать Цюрихское дѣло, нашелъ виновнымъ одного Дурасова. Именнымъ указомъ 8 Апрѣля 1800 г. было объявлено, что полкамъ, потерявшимъ въ сраженіи подъ Цюрихомъ знамена, новыхъ впредъ дано не будетъ. Ю. Б.

[4]) Князь Сакенъ поступилъ на военную службу еще въ 1766 году, 14 лѣтъ отъ роду. П. Б.

Предположимъ, что его оклеветали (клеветники всегда имѣли успѣхъ); но одна мысль о томъ, что онъ раненъ, въ плѣну и отсутствуетъ, должна бы была остановить руку справедливаго государя передъ подписаніемъ обвинительнаго приговора.

Четвергъ, 10-го. Рядомъ съ памятниками, воздвигаемыми павшимъ на службѣ своей странѣ воинамъ, мы томимся въ забвеніи и нищетѣ. Лучше бы было умереть тогда подъ стѣнами Цюриха! Но что̀ сдѣлалось бы тогда съ многочисленнымъ войскомъ столь же храбрымъ, какъ и дурно руководимымъ? Что стало бы съ прекраснымъ городомъ безъ геройской защиты его предмѣстій горстью солдатъ, если бы непріятелю удалось проникнуть въ него съ перваго дня или на слѣдующій день поутру, при томъ безпорядкѣ и смятеніи, которые тамъ царствовали? Эта мысль можетъ утѣшить сокрушенное сердце; но это утѣшеніе не должно приходить только отъ самого себя.

Судя по прямымъ извѣстіямъ, которыя сюда приходятъ, нѣтъ и рѣчи о размѣнѣ плѣнныхъ.

Здѣсь воздвигаютъ памятники во славу воинамъ, павшимъ за свою родину, имена ихъ передаются потомству; а у насъ, тѣхъ, кто проливалъ кровь на службѣ, исключаютъ изъ списковъ. При такомъ положеніи вещей неудивительно, что имперіи падаютъ.

Суббота, 19-го Августа. Письмо Карлу Ольдекопу. Въ «Журналѣ Преній» отъ 28-го напечатаны размышленія Русскаго офицера на праздникѣ 14-го Іюля *); изъ уваженія къ истинѣ вамъ, милостивый государь, слѣдовало бы напечатать въ своей газетѣ, что въ этотъ день Русскіе офицеры не выходили изъ своихъ домовъ: какъ ни печальна ихъ участь и положеніе, они любятъ свою родину, уважаютъ волю своего властителя и умѣютъ ее исполнять.

20-е Августа. Однако всѣ средства мои подходятъ къ концу, и я рѣшился принять то, что̀ Французское правительство назначило на мое содержаніе. Какъ Русскій генералъ, я считалъ недостойнымъ себя принять эти деньги; но покинутый въ продолженіе 11 мѣсяцевъ своею родиною, находясь во власти непріятеля, безъ всякой поддержки со стороны, я измѣнилъ мое мнѣніе. Всякая несправедливость мучитъ; но еще тяжелѣе видѣть свое имя покрытое безславіемъ, въ возмездіе за усилія и жертвы рѣдко встрѣчающіяся, которыя могутъ быть вознаграждены лишь одной наградой—славой и почестями. Какое несчастное обстоятельство причиною тому? Оставимъ это: время объяснитъ загадку.

---

*) Праздникъ Французской республики. П. Б.

При Австрійскихъ и Англійскихъ плѣнникахъ есть комиссары, къ которымъ они и обращаются въ случаѣ надобности; но при насъ нѣтъ никого. Подобный комиссаръ могъ бы находиться гдѣ нибудь по сосѣдству; въ немъ мы находили бы утѣшеніе и не были бы окончательно оставлены.

21-е. Съ нѣкотораго времени Французское правительство въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ зоветъ насъ въ Парижъ. Но такъ какъ все доброе здѣсь сводится лишь къ фразамъ, а между тѣмъ вѣжливость требуетъ дать отвѣтъ, то я его и напечаталъ въ газетахъ, дабы такимъ пріемомъ избѣжать прямой переписки. Надѣюсь и желаю, чтобы наши не воспользовались этимъ предложеніемъ. Вотъ уже три дня, какъ майоръ Сергѣевъ, исполнявшій при корпусѣ должность бригаднаго майора, отправился тайкомъ, не сказавъ никому ни слова, въ Парижъ. Эта поѣздка, въ связи съ сношеніями, которыя завелъ онъ здѣсь, дѣлаетъ его поведеніе въ высшей степени подозрительнымъ и производитъ толки. Да и вообще можно много сказать о гибельныхъ послѣдствіяхъ нашего долгаго здѣшняго житья; но и самъ я, и мои вѣрные товарищи по несчастью ведемъ себя въ высшей степени осторожно. Однако тотъ, кому бы я писалъ письма, не былъ бы доволенъ, если бы мое письмо было перехвачено.

Итакъ приходится отказаться отъ всякой надежды опять попасть на службу; нѣтъ мнѣ никакого утѣшенія; буду однако же вѣренъ своимъ правиламъ: держаться законности въ поступкахъ, самостоятельности въ мнѣніяхъ. Больной, въ плѣну, лишенный помощи и всѣми оставленный, я нахожу опору въ своей правотѣ, будучи убѣжденъ, что доброе всегда хорошо кончается.

Воскресенье, 7-го Сентября. Письмо къ NN.: 100 луидоровъ, присланныхъ тобою, хватитъ на мои расходы въ продолженіе нѣкотораго времени; такимъ образомъ повторяю тебѣ просьбу моего письма отъ 21-го Августа заплатить черезъ своего корреспондента г-ну Матье N*), моему хозяину въ Цюрихѣ, 215 франковъ, которые я занялъ передъ своимъ отъѣздомъ. Мнѣ бы хотѣлось поскорѣе расплатиться съ этимъ хорошимъ человѣкомъ.

Наше положеніе остается прежнимъ: никто о насъ не заботится. Повидимому со дня нашего плѣненія насъ считаютъ умершими и, ска-

*) Нюшлеру. Ю. Б.

зать откровенно, это для насъ самое лучшее. Злые языки говорятъ, будто Россія отрекается отъ своихъ плѣнниковъ и не позволитъ имъ вернуться обратно. Какъ ни нелѣпы и малоправдоподобны эти слухи, однако они производятъ свое дѣйствіе на людей, которые и безъ того уже несчастны. Впрочемъ мы живемъ въ такое время, когда человѣчность подавляется жестокостью и несправедливостями, такъ что начинаешь вѣрить вещамъ, существованіе коихъ прежде не могъ бы и допустить. При моемъ удручающемъ и печальномъ положеніи я нахожу большое утѣшеніе, видя ту преданность и любовь къ отечеству, которыя питаютъ наши плѣнники. Испытывая всевозможныя лишенія, они отказываются отъ всякихъ предложеній и не поддаются никакимъ обольщеніямъ. Исключенія немногочисленны и возбуждаютъ общее презрѣніе. То, что̀ я писалъ о тайной поѣздкѣ майора Сергѣева въ Парижъ, принадлежитъ къ этой категоріи.

8 Сентября. Плѣнники получили приказаніе отправиться въ Лилль и Камбрэ.

*

Генералъ Сакенъ уѣхалъ изъ Нанси 16-го Сентября, пріѣхалъ 21-го въ Парижъ. 19-го Октября генералъ Мортье представилъ его Первому Консулу. 24-го Октября Сакенъ вернулся въ Лилль.

*

Послѣ знаменитаго, но не принесшаго намъ пользы, перехода Суворова черезъ Альпы, Павелъ, въ справедливомъ негодованіи на Австрійцевъ, рѣшилъ „оставить и предать своихъ, весьма ненадежныхъ, прежнихъ союзниковъ ихъ собственному жребію, ибо не намѣренъ былъ жертвовать своими войсками для корыстолюбивыхъ и безстыдныхъ видовъ двора Вѣнскаго“. Съ тѣхъ поръ начался переворотъ во взглядахъ Государя на Перваго Консула, чѣмъ тотъ не преминулъ воспользоваться, и въ Іюлѣ 1800 Талейранъ написалъ тогдашнему члену Иностранной Коллегіи графу Н. П. Панину письмо, коимъ извѣщалъ, что Первый Консулъ, желая сдѣлать императору Павлу угодное, освобождаетъ, безъ всякаго размѣна, Русскихъ плѣнныхъ, находящихся во Франціи. Надо сказать, что Австрійцы и Англичане отказались размѣнять Русскихъ плѣнныхъ на Французовъ, захваченныхъ союзными войсками. Упоминаемый выше Сакеномъ майоръ Сергѣевъ былъ посланъ съ депешами того же содержанія въ Берлинъ, что-де Батавская директорія готова также освободить Русскихъ плѣнныхъ. Павелъ былъ очень доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Послѣдовало сближеніе съ Франціею, и былъ составленъ проектъ двинуться совмѣстно въ Индію черезъ Персію; но дружба съ

Первымъ Консуломъ печально кончилась событіемъ 11-го Марта 1801 года. Ю. Б.

*

Понедѣльникъ, 10 (22) Декабря, въ Лиллѣ. Вотъ уже недѣля, какъ сюда пріѣхалъ генералъ Спренгпортенъ. На слѣдующій день послѣ его пріѣзда Французскій генералъ Кларкъ объявилъ намъ, что мы свободны.

*

Спренгпортену была устроена торжественная встрѣча, онъ былъ принятъ самимъ Бонапартомъ, который выразилъ свое глубокое уваженіе Павлу и просилъ, чтобы онъ оказалъ давленіе на Турцію, дабы она отпускала Французскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Константинополѣ. Первоначально предполагалось сформировать изъ всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ, коихъ было около 7.000, два полка и размѣстить ихъ, какъ гарнизонъ, на островѣ Мальтѣ, отъ коего Французы отрекались въ пользу Павла; но Мальта была захвачена Англичанами, и Спренгпортенъ получилъ приказаніе отвести плѣнныхъ чрезъ Германію въ Россію. Ю. Б.

*

Вторникъ, 25 Дек. (6 Янв. 1801), Лилль. Третьяго дня мы получили извѣстіе о только-что заключенномъ между Австрійцами и Французами перемиріи, вмѣстѣ съ разсказами о Французскихъ блестящихъ побѣдахъ и успѣхѣ.

Храбрость, одушевляющая Французовъ, выгоды, которыя каждый изъ нихъ находитъ въ новой побѣдѣ (генералы, офицеры, солдаты могутъ выбирать или славу, или ордена, или деньги; по большей части даютъ эти три награды одновременно; правительство Французское награждаетъ знаками отличія, заставляя Нѣмцевъ уплачивать деньги), всеобщая подлая трусость Австрійскихъ и Нѣмецкихъ войскъ, низость и нерадѣніе ихъ вождей, слабоумное, нерѣшительное и заискивающее поведеніе большинства Европейскихъ государей, мудрое управленіе Бонапарта и общественное мнѣніе, одобряющее его поступки, все это обезпечиваетъ Французской республикѣ такое положеніе, которое приведетъ къ ея главенству на материкѣ.

Середа, 26 Января. Сейчасъ я прочиталъ: «Франція найдетъ свое счастіе въ водвореніи спокойствія въ Германіи и Италіи» (до сихъ поръ объ этомъ во Франціи не знали, а слова ничего не доказываютъ), «свою славу въ освобожденіи материка отъ жаднаго и злотворнаго генія Англіи» (выходитъ, что Англичане руководимы жадностью; они, которые платятъ всѣмъ остальнымъ и добываютъ деньги торговлею и промышленностью, тогда какъ Французы, нарушая цѣлость Европы

и грабя ее, считаются вѣрными завѣтамъ человѣчества). Первая часть этой статьи — ложь, вторая — навѣты Бонапарта. Въ этой же статьѣ говорится: «Лѣвый берегъ Рейна будетъ границей республики; она не имѣетъ притязаній на его правый берегъ. Въ интересахъ Европы нежелательно, чтобы императоръ переходилъ черезъ Эчъ» *). Не слишкомъ ли мало?! Надобно бы подумать, согласно ли съ интересами Европы, что Французы будутъ имѣть границею Рейнъ, что республики Батавская и Гельветическая будутъ имъ подвластны, а Германская имперія и Италія будутъ отданы въ ихъ распоряженіе. Въ другомъ мѣстѣ читаю: «Австріи нечего ожидать отъ своихъ пораженій такого, чего она не могла достигнуть помощію своихъ побѣдъ». Но бюллетени показываютъ, что̀ можно говорить, дѣлать и чего достигнуть помощью побѣдъ.

*

19-е Февраля (3 Марта). Генералъ Сакенъ выѣхалъ въ Россію. Онъ поѣхалъ чрезъ Берлинъ, Митаву, Ригу и прибылъ въ Ревель, гдѣ новая судьба опредѣлила ему пребываніе. По дорогѣ онъ узналъ о смерти Павла I.

*

Въ журналѣ г. Сакена за 1801, 1802, 1803 и 1804 годы нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ малозначительныхъ замѣтокъ о смерти герцога Энгіенскаго. Такъ какъ Первый Консулъ усиленно готовился къ высадкѣ въ Англію, то Англичане принимали всѣ мѣры защиты. Они-то и способствовали образованію заговора Кадудаля. Графъ Артуа, герцогъ Беррійскій и Ангулемскій, на Англійскія деньги, рѣшили совершить переворотъ—убить Бонапарта, и при помощи генерала Моро, недовольнаго Первымъ Консуломъ, возмутить армію, затѣмъ явиться во Францію и возстановить власть Бурбоновъ. Заговоръ былъ открытъ. Кадудаль прямо заявилъ, что онъ замышлялъ днемъ напасть на Перваго Консула и умертвить его; но такъ какъ изъ слѣдствія было выяснено, что какой-то принцъ долженъ былъ присутствовать при семъ нападеніи (иначе Кадудаль не хотѣлъ совершать посягательства), то Первый Консулъ, дабы нагнать ужасъ на Бурбоновъ, велѣлъ схватить внука Конде, герцога Энгіенскаго, совершенно чуждаго всему этому заговору, и, основываясь на письмѣ, въ которомъ говорилось о предполагаемой поѣздкѣ молодого герцога въ Парижъ, разстрѣлялъ его въ Венсенскомъ замкѣ (подъ Парижемъ). Ю. Б.

*

4-го Апрѣля 1804 г. Гамбургская газета извѣщаетъ, что Бонапартъ разстрѣлялъ герцога Энгіенскаго 11 Марта въ Парижѣ. Такимъ образомъ Французы переправились черезъ Рейнъ, схватили изъ по-

*) И точно, по Люневильскому миру (28 Янв. 1801 г.), границею былъ установленъ Рейнъ, Германскія крѣпости постановлено срыть, въ Италіи Австрія урѣзана по Эчъ. Ю. Б.

стели этого несчастнаго въ Эттенгеймѣ, гдѣ онъ подъ покровительствомъ Германской имперіи велъ спокойную жизнь, привезли его въ Парижъ и разстрѣляли. До какой степени пала Германская имперія!

8-е Апрѣля. Здѣсь всѣ негодуютъ за это убійство на Наполеона, который, какъ ни въ чемъ не бывало, забавляется охотою въ Мальмэзонѣ. Петербургскія газеты сообщаютъ, что дворъ надѣлъ трауръ на семь дней по поводу смерти герцога Энгіенскаго. Благородный поступокъ, который, въ противовѣсъ подлому поведенію другихъ правительствъ *), можетъ немного утѣшить этихъ несчастныхъ Бурбоновъ, оставленныхъ всею Европою и блуждающихъ изъ страны въ страну.

13 Апрѣля. Только-что получено извѣстіе изъ Петербурга, что тайный совѣтникъ Трощинскій уволенъ въ отставку. Повидимому, хотятъ удалить самыхъ старыхъ служакъ и самыхъ искусныхъ дѣловыхъ людей отъ двора, при которомъ Французы и Поляки явно предпочитаются.

*

Въ продолженіе Апрѣля и Мая г. Сакенъ инспектировалъ роты своего полка. Въ Маѣ Государь произвелъ смотръ этому полку, остался имъ весьма доволенъ и пожаловалъ по этому поводу Сакену Анненскую ленту.

*

19 Іюня. Любопытно сравнить различные термины Трибунала и Сената въ пользу императорскаго достоинства Наполеона и его семьи, съ разсужденіями и декретами, которые тѣми же господами произносились и печатались въ эпоху 10 Августа противъ королевской власти. Поэтому можно составить себѣ точное понятіе о нравственныхъ устояхъ и патріотизмѣ во Франціи.

Увы, нѣтъ тѣхъ правъ, которыя имѣли бы въ этомъ мірѣ, особенно же въ столь развращенной націи, какое-нибудь значеніе кромѣ личныхъ интересовъ!

*

Далѣе Записки опять не представляютъ ничего интереснаго. Въ Августѣ 1805 года Сакену приказано немедленно ѣхать въ Гродну, чтобы принять начальство надъ корпусомъ. Сакенъ успѣшно организовалъ корпусъ, но вдругъ получилъ приказаніе сдать начальство князю Голицыну, а самому поступить въ резервъ, подъ начальство Корсакова. Возмущенный

---

*) Шведскій дворъ также надѣлъ трауръ. Александръ послалъ Наполеону протестъ противъ такого нарушенія международнаго права, но получилъ дерзкій отвѣтъ, съ наглыми и совершенно несправедливыми намеками на центральное событіе въ его жизни. Ю. Б.

этимъ, онъ написалъ письмо Государю, коимъ просилъ отставки; затѣмъ послалъ рапортъ Корсакову, что-де по болѣзни не можетъ занять назначеннаго мѣста.

*

26 Января 1806 г. Сегодня обѣдалъ у Кутузова. Ордена и бриліанты сыплются за предыдущую кампанію. Кутузовъ неизмѣнно въ добромъ расположеніи духа. Его приверженцы, да и онъ самъ, убѣждены, что его отступленіе подобно Ксенофонтовскому.

*

Затѣмъ Сакенъ служилъ въ кампанію 1806—1807 годовъ подъ начальствомъ Бенигсена, и относительно этого времени любопытны слѣдующія мѣста его Записокъ.

Евреи обворовываютъ армію; они разоряютъ жителей и оставляютъ войска въ полнѣйшей нищетѣ и лишеніи. Генералъ Бенигсенъ принимаетъ въ нихъ такое участіе, какъ будто они его дѣти. Онъ заставляетъ подозрѣвать себя въ томъ, что дѣлитъ съ ними барыши.

1 Декабря. Составили планъ захватить непріятеля; девизія раздѣлена на двѣ части; одна изъ нихъ отдана подъ начальство Титова; г. Сакенъ, во главѣ другой, отправился въ Новомясто. Предпріятіе не удалось, и войска въ первый разъ вмѣстѣ расположились на бивакахъ въ Новомястѣ. 3-го дивизія вернулась въ Маково, гдѣ заняла крѣпкую позицію. 5-го Сакенъ получаетъ первыя предписанія Каменскаго. 9-го Лестокъ прислалъ намъ курьера. Барклай извѣщаетъ, что непріятель завладѣлъ Плоцкомъ. Ночь на 11-е проходитъ въ безпокойствѣ. Слышна усиленная канонада. 12-го наши посты вдоль рѣки Вкры оттѣснены. Фельдмаршалъ Каменскій поспѣшно пріѣзжаетъ въ Сахочинъ. Онъ не позволилъ г. Сакену оставаться при своей дивизіи, но потребовалъ, чтобы тотъ тотчасъ же съ однимъ полкомъ шелъ поддерживать Бенигсена въ Стрегочинѣ. 13-го, въ часъ ночи, идутъ изъ Сахочина черезъ Страсбургъ, и на разсвѣтѣ дня приходятъ въ Стрегочинъ. Но г. Бенигсенъ тотчасъ же направляется въ Пултускъ. Сакенъ съ Литовскимъ и Черниговскимъ полками остается въ Стрегочинѣ; въ авангардѣ былъ самъ Барклай-де-Толли. Вечеромъ всѣ идутъ на Пултускъ.

Дорога такъ плоха, что часть артиллеріи завязла въ грязи. 14-го войска приходятъ на утренней зарѣ къ Пултуску; ихъ тотчасъ же разстанавливаютъ въ боевомъ порядкѣ. Къ 10 часамъ показывается непріятель, начинаетъ атаку, но его отбиваютъ на всѣхъ пунктахъ съ значительнымъ урономъ. Ночь, вѣтеръ и снѣгъ прекращаютъ сраженіе. Непріятель отступаетъ.

Пятнадцатаго, вопреки здравому смыслу, мы въ ночь отступили, оставивъ больныхъ и раненныхъ на полѣ битвы, а орудія завязнувшими въ грязи. Величайшій безпорядокъ воцарился среди войскъ; всѣ стремглавъ бѣжали, какъ бы послѣ пораженія. Два уже дня подъ рядъ солдаты не получали хлѣба. Падая отъ усталости, покрытые грязью, пришли мы въ Рожанъ.

16-е. Даже и здѣсь г. Бенигсенъ не считаетъ себя въ безопасности; на зарѣ онъ приказываетъ всѣмъ въ величайшемъ безпорядкѣ выступать, и такимъ образомъ мы приходимъ, нигдѣ не останавливаясь, не получая ѣды, грабя деревни и помѣщичьи дома, въ Остроленку.

Наконецъ 17-го намъ дали вздохнуть. Войска расположены въ удивительномъ порядкѣ—какъ бы для бойни. Все, что̀ ни дѣлаютъ, все, что̀ ни говорятъ, окончательно лишено здраваго смысла. Совершенное столпотвореніе Вавилонское.

18-е. Съ самаго начала кампаніи до сихъ поръ ни разу не спросили мнѣнія г. Сакена относительно военныхъ дѣйствій, а онъ самый старшій послѣ Бенигсена. Войска переправляются на утренней зарѣ черезъ Наревъ и располагаются биваками на лѣвомъ берегу рѣки.

19-го корпусъ одною колонною двигается къ Мѣшкову, куда хвостъ приходитъ лишь ночью. Дома тамъ разорены; солдаты разбрелись и мародерствуютъ по сосѣднимъ деревнямъ. Находясь передъ непріятелемъ, мы всегда размѣщаемъ своихъ солдатъ по домамъ; а теперь, когда онъ находится отъ насъ на большомъ разстояніи, ихъ размѣстили въ палаткахъ по полямъ; имъ не даютъ пищи.

Наконецъ 20-го мы заняли квартиры. Третья дивизія поставлена въ Чарторахъ. Устанавливается въ войскахъ порядокъ, и мародерство тотчасъ же прекращается. Главная квартира въ Новоградѣ.

23-го. Бенигсенъ увѣдомляетъ насъ о слухахъ, будто непріятель перешелъ Наревъ и находится въ Червинцахъ. Мы бездѣйствуемъ. Ждутъ вѣстей отъ Барклая. Хлѣба постоянно не хватаетъ. Дѣйствія наши не только мало смыслены но совсѣмъ безсмыслены. Погода какъ среди осени; зима не приходитъ.

25-е. Пытаются навести понтоны подъ Новоградомъ, но ледъ мѣшаетъ тому; мостъ на лодкахъ также не удается. Наконецъ начинается зима.

26-го. Г. Сакенъ идетъ изъ Чарторо черезъ Новоградъ и Ломжу на Пнево. Послѣ безполезныхъ движеній на Цѣхоцинъ, Гродну, Спасово, Могеши, Забѣлу, армія направилась въ Пруссію.

1-е Января 1807 года. Вотъ еще протекъ годъ въ недовольствѣ, печали, страданіяхъ, лишеніяхъ, опасностяхъ всякаго рода; онъ не далъ мнѣ ни удовольствія, ни радости.

Вотъ мы вступили въ старую Пруссію.

14-го Января пришли въ Липштадтъ. Узнавъ о появленіи какихъ-то непріятельскихъ патрулей, вся армія, числомъ свыше 70.000 человѣкъ, располагается въ боевомъ порядкѣ на высотахъ, господствующихъ надъ городомъ, и проводитъ большую часть ночи на бивакахъ. Наканунѣ г. Анрепъ былъ убитъ возлѣ деревни Георгенталя, а Бернадотъ ускользнулъ отъ насъ.

15-го армія направилась къ Морунгену; дивизія г. Сакена пришла 20-го къ Шпигельбергу, а 22-го ночью въ Янково, гдѣ армія построилась въ боевомъ порядкѣ. Непріятель пытается навести мосты черезъ Аллеръ. Наша армія безсмысленно отступаетъ; первымъ по обыкновенію бѣжитъ Бенигсенъ. 23-го пошли на Вольфенсдорфъ. Непріятель, пользуясь этимъ отступленіемъ, атакуетъ нашъ аріергардъ и приноситъ ему большія потери. 24-го армія продолжаетъ отступать, 25 она совершаетъ по ночамъ отступленія вплодь до Ландсберга. Непріятель настигаетъ насъ около полудня. Нѣсколько сраженій, при нераспорядительности съ нашей стороны, кончаются для насъ неудачно.

26-го. Мы опять выступаемъ ночью, по утру армія приходитъ въ Прейсишъ-Ейлау. Непріятель преслѣдуетъ насъ по пятамъ. Г. Бенигсенъ сдѣлалъ ошибку, не занявъ города достаточными силами. Непріятель тотчасъ же въ него врывается; удается однако его оттуда вытѣснить; но вскорѣ г. Сомовъ испугался, отступилъ, и непріятель снова взошелъ въ городъ.

27-е. Воскресенье. Битва подъ Прейсишъ-Ейлау. По небрежности г. Бенигсена мы не заняли города и не укрѣпили горы на лѣвой рукѣ, горы, которая господствуетъ надо всей позиціей. Мы стояли на нашей позиціи съ 7 часовъ утра до 3 ч. пополудни. Наша артиллерія, разстрѣлявъ всѣ заряды, отступила. Бенигсена нельзя было найти на полѣ сраженія *). Въ три часа лѣвый флангъ перемѣнилъ свою позицію. Армія осталась на полѣ битвы до наступленія ночи и по обыкновенію

*) Бенигсенъ заблудился на полѣ сраженія, и его не могли найти; тогда Сакенъ, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, сказалъ: „Б. исчезъ; я остаюсь старшимъ; надо для спасенія арміи отступить“. Графъ Кутайсовъ поправилъ наши дѣла, удержавъ наступленіе Даву, а прибывшій Лестокъ заставилъ его отступить. Лишь нерѣшительность Бенигсена помѣшала нанести пораженіе Наполеону. Ю. Б.

отступила; она двинулась къ Шёнфлису, гдѣ и расположилась 30-го въ боевомъ порядкѣ; два дни стояла она тамъ и наконецъ размѣстилась 2-го Февраля подъ Кенигсбергскою крѣпостью.

5-го я ходилъ по госпиталямъ, которые находятся въ плачевномъ состояніи. У насъ болѣе 8000 раненыхъ, изъ коихъ многіе до сихъ поръ не получили перевязки. Около 100 умираютъ каждодневно.

6-го. Князь Багратіонъ, командующій авангардомъ, уѣзжаетъ въ Петербургъ; образъ жизни, какой здѣсь ведутъ, ему совсѣмъ не нравится; интрига царитъ среди всѣхъ этихъ господъ.

7-го. Кенигсберцы чувствуютъ тягость отъ пребыванія нашихъ войскъ; повидимому они подкупили Бенигсена и его приближенныхъ, ибо войска получили приказаніе расположиться биваками въ окрестностяхъ Кенигсберга, совершенно опустошенныхъ отъ грабежа.

12-го я ѣздилъ въ Прейсишъ-Ейлау осмотрѣть поле битвы. Видъ ужасенъ: большинство жертвъ Бенигсена еще не имѣетъ погребенія.

15-го. Бенкендорфъ привезъ Бенигсену орденъ св. Андрея и право на пенсіонъ въ 12.000 р. Сакенъ послалъ Государю письмо съ просьбою объ отставкѣ.

*

Извѣстія о сраженіи подъ Ейлау было принято въ Россіи съ восторгомъ, такъ какъ впервыя Наполеонъ потерпѣлъ неудачу и даже потерялъ знамена. Наполеонъ, заявляя, будто Русскіе были побѣждены, нарочно оставался цѣлую недѣлю на полѣ сраженія, дабы тѣмъ придать сраженію видъ побѣды; но онъ самъ впослѣдствіи признавался, что не могъ бы выдержать нападенія Русскихъ. Было роздано Георгіевскихъ крестовъ болѣе чѣмъ въ послѣдствіи за Бородинское сраженіе. Тѣмъ страннѣе было, что Сакенъ, удерживавшій все время свою позицію и командовавшій центромъ сраженія, былъ обойденъ наградою. Впрочемъ въ Апрѣлѣ онъ получилъ орденъ св. Владимира 2-й степени. Бенигсенъ просилъ освободить его отъ обязанностей главнокомандующаго, вѣроятно изъ за ссоръ съ Кноррингомъ, который былъ присланъ къ нему „для совѣтовъ“; ссора между этими генералами доходила до того, что они разъ чуть не бросились другъ на друга со шпагами. Ю. Б.

*

20-го. Авангардъ развертывается подъ Лаунау. Завязывается упорное сраженіе съ непріятелемъ, оно продолжается съ утра до ночи. Лѣсъ отнятъ и снова взятъ; но въ концѣ наши берутъ на большей части пунктовъ перевѣсъ.

21-го послѣ полудня мы снова атакуемъ непріятеля, который ожесточенно защищаетъ лѣсъ, но подъ конецъ онъ его окончательно оставляетъ. Платовъ является съ своими казаками.

24-го дивизіи получаютъ приказанія расположиться биваками, Сакенъ становится въ Римерсвальде.

*

Записки содержатъ далѣе краткое описаніе движенія войскъ. 26-го Мая Сакенъ просится ѣхать на воды подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья.

18-го Іюня былъ подвергнутъ военному суду, по обвиненію Сакенъ въ томъ, что въ сраженіи при Гутштадѣ Сакенъ умышленно опоздалъ, и тѣмъ далъ Нею возможность уйти. „Я имѣю несчастіе, писалъ Бенигсенъ Государю, что подъ моимъ начальствомъ состоитъ Сакенъ, портившій всегда мои дѣла чувствами, которыя я удерживаюсь обнаружить. Конечно, если предпріятія 24 и 25 Мая не имѣли всѣхъ успѣховъ, какія должны были быть, то я приписываю сіе единственно генералу Сакену, въ его препятствованіи или въ исполненіи въ противномъ смыслѣ приказаній моихъ, что можетъ свидѣтельствовать вся армія". Но на судѣ давалъ показанія противъ Сакена лишь Мантейфель, а ревностнымъ защитникомъ обвиненнаго явился будущій фельдмаршалъ полковникъ графъ М. С. Воронцовъ. Долго тянулось это дѣло; для рѣшенія его былъ назначенъ особый совѣтъ. Ю. Б.

*

19 Января 1808 г. Пока еще существовала нѣкоторая надежда на успѣшное дѣйствіе противъ утѣснителя народовъ, до тѣхъ поръ не было достаточныхъ поводовъ прибѣгать къ мѣрамъ, которыми онъ самъ пользуется въ своихъ насильственныхъ посягновеніяхъ; но послѣ того, какъ обратная сторона медали открылась, и вся Европа или подчинена или обезсилена, надо прибѣгнуть къ такой системѣ защиты, которая была бы достаточна противъ опасностей, грозящихъ государственному строю. Кто боится прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ или нарушить законы, почитаемые образованными народами, тотъ долженъ, скрѣпя сердце, переносить иго человѣка, который безъ разбора умѣлъ пользоваться всѣми средствами. Вопросъ о двухъ народахъ рѣшается. Посмотримъ, сумѣетъ ли Англія пострадать ради славы и своихъ правъ; глаза всего міра устремлены на сію многозначительную борьбу между человѣкомъ, называемымъ владыкою земли, и народомъ, который господствуетъ надъ морями.

Бонапартъ назначилъ посланникомъ при Русскомъ дворѣ Коленкура. Конечно палачъ *) является достойнымъ представителемъ разбойника. Это назначеніе—самая строгая цензура Тильзитскаго трактата. Чтобы докончить рабство Европы, надо еще привести къ одной вѣрѣ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія.

---

*) Коленкура обвиняли въ прикосновенности къ убіенію герцога Энгіенскаго, но самъ онъ отрицалъ свое участіе въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Ю. Б.

Между Наполеономъ и Люсьеномъ не будетъ никогда согласія; они другъ друга боятся, ибо знаютъ другъ друга; одинъ другого ненавидитъ, ибо одинъ на другого походитъ.

28-е. [1]) Хожу по моей комнатѣ туда и сюда, въ продолженіе пяти недѣль, и вспоминаю исторію Французской революціи. Когда я являюсь передъ военнымъ судомъ, то передъ моими глазами живо встаетъ революціонный Трибуналъ. Составленный изъ темнаго класса народа, онъ судилъ самыхъ образованныхъ, а порой даже и самыхъ лучшихъ людей своей страны. Единственное различіе состоитъ въ томъ, что для него было достаточно узнать имя, дабы явившіеся шли на казнь, а мой тянетъ дѣло вотъ уже 8 мѣсяцевъ.

*

Въ это время генералъ Сакенъ, пользуясь досугомъ, обдумывалъ общій для всѣхъ образованныхъ народовъ языкъ, что-то въ родѣ Воляпюка, выражаемаго цифрами. По отрывочнымъ замѣткамъ трудно составить себѣ понятіе объ его изобрѣтеніи. Ю. Б.

*

28 Марта [2]). Эгоистъ неспособенъ къ возвышенному и патріотическому образу мыслей; онъ понимаетъ лишь то, чѣмъ обладаетъ, но не понимаетъ того, чего у него нѣтъ. Подобный эгоизмъ, если онъ распространенъ среди народа, служитъ величайшимъ препятствіемъ для истиннаго улучшенія.

31-е. Честный, но простоватый человѣкъ, стоящій на высокомъ посту, есть обманутый обманщикъ, который желаетъ добра, а дѣлаетъ зло.

Мая 22-го [3]). У насъ теперь весьма снисходительны къ мошенникамъ и невѣждамъ. Доказательство тому Бенигсенъ и Лобановъ. Первый спокойно наслаждается плодами своихъ злодѣяній, второй своихъ глупостей. Но лишь только найдется человѣкъ немного талантливый и особенно съ нѣкоторою энергіей въ характерѣ, да къ тому же и честный, вся с... бросается его преслѣдовать и отдалять отъ дѣлъ.

1-е Іюня. Считать химерой возстановленіе фамиліи, чье паденіе подготовило паденіе всѣхъ троновъ Европы и произвело порабощеніе государей, значило бы признать открыто, что отчаяваешься въ общественномъ порядкѣ, что желаешь склонить голову подъ ярмо, угнетающее всѣ народы, что наконецъ уступаешь тому теченію судебъ, кото-

---

[1]) Писано по-нѣмецки.

[2]) Писано по нѣмецки.

[3]) Снова писано по французски.

рое получило силу лишь благодаря слабости, разъединенію и вялости въ тѣхъ, чей долгъ былъ бороться противъ него[1]). Французская монархія существовала на основаніяхъ и при условіяхъ аналогичныхъ природѣ и политикѣ другихъ державъ. Разъ эти основанія были отринуты и условія разрушены, иной порядокъ вещей подготовлялся для всѣхъ тѣхъ державъ, которыя раньше видѣли свою устойчивость въ своемъ сосуществованіи. Надлежало или возстановить аналогію соціальныхъ элементовъ или быть увлеченнымъ движеніемъ, ихъ разъединившимъ.

Питтъ и Боркъ чувствовали, что эта революція вернула народы къ эпохѣ дѣтства, открыла толпѣ секретъ ея силы, провозгласила законы природы среди испорченнаго общества, и что весь міръ будетъ ею поколебленъ. Но не было возможности для человѣческаго ума понять во всей полнотѣ ходъ Французской революціи, узнать, что огромныя силы, ею собранныя, будутъ въ распоряженіи одного человѣка, что, благодаря своему честолюбію, преступности и заносчивости, онъ объявитъ себя наслѣдникомъ революціоннаго правительства и центромъ его убійственнаго дѣйствія [2]).

И такой человѣкъ появился; подобный тѣмъ бичамъ, кои посылаются на людей небеснымъ гнѣвомъ, онъ прошелъ среди ошеломленныхъ народовъ, сокрушая троны, уничтожая города, одинаково свирѣпствуя и въ дворцахъ, и въ хижинахъ, и противъ сильныхъ, и противъ слабыхъ.

Мы видѣли паденіе государей, которые думали найти свою безопасность въ политикѣ благосклонной къ возстанію и тѣмъ возвеличиться, когда все кругомъ рушилось; мы видѣли сіи Европейскія крушенія, печальное слѣдствіе эгоистической политики. Думали умягчить разбойника; но Бонапартъ не чувствителенъ къ ихъ заискиваніямъ: они не могли достигнуть того, чтобы онъ отказался отъ стремленій той политики, которая хочетъ все разрушить, дабы все возстановить по общему образцу рабства и униженія.

Скромность не можетъ его смягчить, но дѣлаетъ его болѣе наглымъ. Кто оказываетъ ему уваженіе, отъ того онъ требуетъ жертвъ, а

---

[1]) Точно такое же мнѣніе выражалъ графъ С. Р. Воронцовъ. П. Б.

[2]) Любопытно, что Екатерина Великая предвидѣла появленіе Наполеона. Она прямо предсказывала Гримму, что во Франціи появится Цезарь, который выпутаетъ ее изъ затрудненій, сдѣлаетъ сильнѣе чѣмъ когда, но „послушною и кроткою какъ овечка". „Ей нуженъ человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ", писала она, „ловкій, храбрый, стоящій не только выше своихъ современниковъ, но, можетъ быть, и выше самого вѣка. Родился ли онъ или не родился? Придетъ ли онъ? Все отъ этого зависитъ. Если такой найдется, онъ поставитъ ногу, чтобы остановить дальнѣйшее паденіе, и оно остановится тамъ, гдѣ онъ будетъ стоять: во Франціи или въ другомъ мѣстѣ". Ю. Б.

такъ какъ нѣтъ границъ его претензіямъ, то слѣдуетъ, когда торгуешься съ нимъ, не разсчитывать, что добьешься чего либо своими уступками. Система Бонапарта такова, что ничто не можетъ отвратить предпринятаго имъ движенія: у него нѣтъ уваженія къ чему бы то ни было. Его дѣйствія производятся на основаніяхъ не измѣняемыхъ, ни смягчаемыхъ случайными уступками, которыя будутъ сдѣланы боязливой политикой правительствъ. Онъ объявилъ истребительную войну самому бытію народовъ, ихъ законамъ, ихъ свободѣ; договоры, не дающіе ему вышесказаннаго, будутъ всегда попираемы его ногами. Пусть не думаютъ, что, избѣгая давать пищу его неистовству и поводъ къ его гнѣву, избѣгнутъ его ужасныхъ нападеній. Дикіе инстинкты, его мучащіе, и ужасная политика, коей онъ руководится, всегда разрушатъ всѣ преграды, коими мнили его удержать и кои чтитъ человѣкъ, считающій за нѣчто обязательное общественныя приличія, чувствительный къ тѣмъ началамъ, которыя среди правильныхъ правительствъ умягчаютъ вспыльчивость и ведутъ къ примиренію.

Повидимому, Людовикъ могъ разсчитывать, что вездѣ, гдѣ царствуетъ законный государь, онъ найдетъ себѣ родину и жилище. Неужели потому, что монархъ прогнанъ съ своего трона или лишенъ своихъ правъ, благодаря возстанію своихъ подданныхъ, надо считать всякое сношеніе съ нимъ какъ бы заразительнымъ? Онъ не торговалъ наслѣдствомъ своихъ предковъ, не желалъ входить въ сдѣлки съ палачемъ своей семьи; покрытый славою столь благороднаго отказа, онъ заслуживаетъ уваженіе и почтеніе всякаго чувствительнаго и честнаго человѣка.

Неопредѣленность человѣческихъ дѣлъ, подвергая всѣхъ людей возможности испытать неблагопріятный поворотъ въ своей жизни, порождаетъ въ сердцѣ человѣка склонность испытывать живое состраданіе къ несчастіямъ своего ближняго. Это чувство столь свойственно для существа общественнаго, столь тожественно съ его природой и неотдѣлимо отъ нея, что человѣкъ, лишенный его, лишь по виду принадлежитъ къ общественной системѣ. Но Бонапартъ ниспровергнулъ всѣ идеи.

1809, 1-е Января. Для государей больше не надо брать присягу въ вѣрности со своихъ подданныхъ, это одна игра: быть вѣрнымъ Бонапарту—вотъ что значитъ быть вѣрнымъ своему государю. По знаку сего узурпатора, герцогъ Инфантадо и маркизъ Романна объявлены измѣнниками; государи Европы рукоплещутъ, и то, что было для людей священно, обратилось въ преступленіе. О, народы! Есть ли у васъ теперь что-либо устойчивое?

Далѣе опять замѣчанія Сакена не представляютъ ничего любопытнаго. Онъ занимался исторіей Петра Великаго, что̀ видно изъ списка рѣдкихъ книгъ, которыя онъ перечисляетъ. Ю. Б.

*

6 Ноября. Говорятъ, что К. уменъ, и это сужденіе весьма хорошо рисуетъ наше время и нравы. Онъ, напротивъ, ничто иное, какъ ожирѣвшее животное. Линденштейнъ *) умнѣе его. Ремесло Линденштейна забавлять людей, и онъ его пускаетъ въ ходъ; высокое и благородное призваніе перваго—руководить людьми, а онъ ихъ смѣшитъ. Онъ думаетъ быть ихъ идоломъ, а на самомъ дѣлѣ становится шутомъ; кромѣ того, у него большіе пороки, содѣлывающіе его не только животненнымъ, но и презрѣннымъ.

Умъ есть великая и высокая добродѣтель; онъ состоитъ въ томъ, чтобы исполнять свой долгъ и быть полезнымъ на землѣ людямъ; наша религія видитъ въ немъ неотдѣлимую часть Высшаго Существа. Отецъ повелѣваетъ, Сынъ исполняетъ, Св. Духъ руководитъ, и всѣ вмѣстѣ суть единое Божество. Всѣ человѣческія дѣянія обращаются около сихъ трехъ пунктовъ, и первые законодатели принуждены были ихъ олицетворить, ибо люди желаютъ до всего коснуться своими перстами. Съ этой точки зрѣнія, единственной достойной разумнаго существа, Бонапартъ также животное, и къ тому же самое презрѣнное. Онъ могъ бы осчастливить міръ и чрезъ то содѣлаться великимъ; а онъ его обагряетъ кровью, покрываетъ развалинами и черезъ это является чудовищемъ. Вмѣсто того, чтобы просвѣщать людей и дѣлать ихъ лучше, онъ даетъ имъ примѣръ всякихъ пороковъ. Соединяя въ себѣ преступленія и таланты и всѣ ихъ пуская въ ходъ, онъ являетъ адскую науку въ систематическомъ порядкѣ, обѣгаетъ землю съ мечемъ и факеломъ въ рукахъ, безъ различія опрокидываетъ и алтари, и хижины, и добродѣтельный человѣкъ всегда первый подверженъ его ударамъ.

18-е. Когда ваша жизнь проходитъ въ несчастіяхъ, когда вы безпрестанно подвержены ненависти, преслѣдованіямъ, угнетенію, надлежитъ много бороться съ самимъ собою и имѣть много философскаго настроенія, дабы не уклониться въ сторону... И душа пріобрѣтаетъ меланхолическую окраску.

У насъ смотрятъ на солдата не какъ на защитника страны, а какъ на куклу, которую каждодневно раздѣваютъ и одѣваютъ въ новое платье, заставляютъ прыгать, какъ Франкони и танцовать, какъ Дюпоръ. Это не военный духъ, а какая-то солдатоманія.

---

*) Комическій актеръ Петербургскаго Нѣмецкаго театра. Ю. Б.

6-е Сентября 1810. Въ ходу много идей, но мало принциповъ, мало идеаловъ, которые, внѣдряясь въ умы, имѣли бы на дѣйствія людей рѣшительное вліяніе. Есть у насъ умственная дѣятельность, но она скорѣе проявляется въ постоянномъ отрицаніи, чѣмъ въ дѣйствительномъ прогрессѣ; презрѣніе къ прошлому, плодъ равнодушія и гордости, такое глубокое равнодушіе къ будущему, что для минутнаго благосостоянія приносятъ въ жертву будущія поколѣнія, лишаютъ состоянія дѣтей своихъ, ограбивъ своихъ отцовъ; разнообразные планы, схватываемые и бросаемые съ одинаковой быстротой; дерзость въ проектахъ и робость въ ихъ приведеніи къ дѣйствію.

14-е. Поведеніе А. по отношенію ко мнѣ столь же тиранично, какъ и безумно. Я защищаю благородное дѣло противъ всего того, что́ есть самаго подлаго и презрѣннаго среди людей, и я буду его защищать. Такъ я могу его только выиграть, а никакъ не проиграть.

23-е Октября. Въ настоящее время ничто такъ хорошо не организовано въ Европѣ, какъ редакціи газетъ во Франціи и веденіе парадовъ въ Россіи. И тутъ, и тамъ замѣчается рѣдкое въ лѣтописяхъ исторіи единство дѣйствія. Тамъ тиранъ убиваетъ, грабитъ, обманываетъ всѣхъ, кто ему ни попадется: друзей и враговъ, брата и сестру, и всѣ газеты, отъ Стокгольма до Неаполя, въ одинъ голосъ передаютъ черта за чертою сіи преступленія.... въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ. Здѣсь ребенокъ одѣваетъ и раздѣваетъ, вооружаетъ и разоружаетъ каждодневно 300.000 человѣкъ, коихъ называетъ солдатами, заставляетъ ихъ танцовать, то минуеты, то контръ-дансы. По звуку его голоса, по мановенію ока, декорація мѣняется отъ Иркутска до Тифлиса. Когда вы увидѣли, какъ одинъ человѣкъ ходитъ, танцуетъ, говоритъ, командуетъ, вы можете сказать, что видѣли всѣ 300 тысячъ; когда вы видѣли одну голову,—вы видѣли всѣ. И Коленкуръ говоритъ, что это значитъ имѣть лучшія въ мірѣ регулярныя войска. Дѣти и женщины отъ нихъ въ восхищеніи, но въ продолженіе трехъ лѣтъ мы не можемъ заставить Турокъ просить мира.

27 Ноября. Третьяго дня я былъ у Балашова, министра полиціи; онъ сообщилъ, что Сергѣева подозрѣваютъ въ отравленіи князя Голицына *). Если это такъ, то мнѣ приходится все болѣе удивляться и путямъ Промысла, и вѣчной справедливости. Въ 1801 году, на возвратномъ пути изъ Франціи, я встрѣтилъ въ Пернау князя Голицына и, видя при немъ Сергѣева, предупредилъ князя о его дурномъ пове-

*) Это князь Сергій Федоровичъ Голицынъ. Онъ умеръ внезапно, начальствуя войсками въ невольной нашей войнѣ съ Австріей въ 1809 году. Ю. Б.

деніи во Франціи; я даже прямо назвалъ Сергѣева негодяемъ. Князь, по слабости, сообщилъ о томъ Сергѣеву, оставилъ его при себѣ и даже окончательно подпалъ подъ его вліяніе. Сергѣевъ впослѣдствіи составилъ противъ меня подлый и лживый доносъ, Голицынъ его подписалъ, а Государь назначилъ комиссію изслѣдованія. Обрѣзковъ призналъ меня невиннымъ, однако я получилъ публично выговоръ.

Преступленіе и политика въ настоящее время становятся однозначущими словами. Говорятъ, что въ политикѣ нѣтъ преступленій, а есть лишь ошибки. Вотъ какъ объясняютъ свои поступки, сообразно сему правилу: напр., говорятъ, что такая-то вещь соотвѣтственна моей политикѣ, а другая ей не соотвѣтствуетъ. Разъ это ужасное сужденіе произнесено, совершается преступленіе. Повидимому, въ настоящее время въ Европѣ гдѣ-то находится главное бюро преступленій.

28-е *). О происхожденіи Славянъ, и въ особенности Славянъ Русскихъ. Шлецера. М. 1810. 3 рубля. Когда бы Дмитрій Донской и Пожарскій такъ поступали, какъ П. и А., то бы Россія находилась теперь еще подъ игомъ Татарскимъ или Польскимъ. Ежели владѣтели не чувствуютъ своего достоинства и силы своего народа, то государство должно непремѣнно пасть.

1811 г. 13-е Марта. Когда служба В. И. В., слѣдственно и моего отечества, требуетъ моего содѣйствія, то я кустовъ не знаю. В. В. царствуете надъ добрымъ народомъ; всякое мѣсто, на которомъ В. И. В. всемилостивѣйше угодно будетъ меня поставить, лестно и славно.

14 Мая 1812 года дѣло Сакена благополучно окончилось. 16-го онъ былъ принятъ Государемъ, который его обнялъ и сказалъ: „Забудемъ прошлое". Изъ приведенныхъ Записокъ можно судить о нравственномъ складѣ этого человѣка, умѣвшаго переносить невзгоды и внушать къ себѣ уваженіе государей, которымъ онъ служилъ не за страхъ, а за совѣсть. Въ Бріенскомъ сраженіи Александръ, наблюдая за дѣйствіями Сакена противъ Наполеона, сказалъ: „Сколько я чувствую себя виноватымъ противъ Сакена! Этотъ .... Бенигсенъ оклеветалъ его въ моихъ глазахъ. Надѣюсь, что теперь Сакенъ будетъ доволенъ мною", и поздравилъ его съ Андреевской лентой. Назначеніе генералъ-губернаторомъ сдавшагося намъ Парижа также могло утѣшить Сакена въ перенесенныхъ имъ ударахъ судьбы. Ю. Б.

---

*) Писано по-русски.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Въ то время, къ которому относятся первыя изъ этихъ писемъ, князь Вяземскій служилъ въ Варшавѣ, а Жуковскій, находясь при дворѣ великаго князя Николая Павловича, въ первый разъ поѣхалъ (3 Октября 1820 г. изъ Дерпта) въ чужіе края. Житейская обстановка ихъ сначала разнилась. Потомокъ Рюрика сблизился съ „бѣднымъ пѣвцомъ", и князь былъ на девять лѣтъ моложе своего пріятеля; но „съ младенчества духъ пѣсенъ въ нихъ горѣлъ". Дружба ихъ началась, подъ воздѣйствіемъ Карамзина, еще до 1812 года, и они оба участвовали въ Бородинскомъ сраженіи. П. Б.

*

Варшава, 15 (27) Марта (1821 г.).

Хотя ты того и не стóишь за свой платонизмъ въ дружбѣ, но удержаться не могу не пояриться на тебя, при отъѣздѣ князя Гагарина, который черезъ нѣсколько дней тебя увидитъ. Я такъ любопытствую узнать, какъ дѣйствуетъ на тебя Европейскій воздухъ; но отъ Тургенева узнаю только, что ты шалишь отъ старца Эверса съ старцемъ Гуфландомъ *). Добрый мечтатель! Полно тебѣ нѣжиться на облакахъ: спустись на землю, и пусть, по крайней мѣрѣ, ужасы, на ней свирѣпствующіе, разбудятъ энергію души твоей. Посвяти пламень свой правдѣ и брось служеніе идоловъ. Благородное негодованіе: вотъ современное вдохновеніе! При видѣ народовъ, которыхъ тащутъ на убіеніе въ жертву какихъ-то отвлеченный понятій о чистомъ самодержавіи, какая лира не отгрянетъ сама: месть! месть! Ради Бога, не убаюкивай независимости своей на розахъ Потсдамскихъ, ни на розахъ Гатчинскихъ. Если бы я предостерегалъ тебя отъ суетности, то вѣрно замолчалъ бы скоро, ибо страхъ мой за тебя не могъ бы сочетаться съ уваженіемъ моимъ къ тебѣ; но страшусь за твою царедворную мечтательность. Въ наши дни союзъ съ царями разорванъ: они сами потоптали его. Я не вызываю бунтовать противъ нихъ, но не знаться съ ними. Провидѣніе зажгло въ тебѣ огонь дарованія въ честь народу, а не на потѣху двора. . . . . Говорю тебѣ искренно и отъ души, ибо безпрестанно думаю о тебѣ и дрожу за тебя. Повторяю еще, что этотъ страхъ не въ ущербъ уваженія моего къ тебѣ, ибо я увѣренъ въ непреклонности твоей совѣсти; но мнѣ больно видѣть воображеніе твое зараженное

---

*) Жуковскій въ Дерптѣ написалъ посланіе къ старцу Эверсу, а въ Берлинѣ сблизился съ докторомъ Гуфландомъ.

какимъ-то дворцовымъ романтизмомъ. Какъ ни дѣлай, но въ атмосферѣ тебя окружающей не можешь ты ясно видѣть предметы, и многія чувства въ тебѣ усыплены. Зачѣмъ не разнообразить круга твоихъ впечатлѣній? Воспользуйся разрѣшеніемъ своимъ отъ Петербургскихъ оковъ. Столкнись съ мнѣніемъ Европейскимъ; можетъ быть, стычка эта пробудитъ въ тебѣ новый источникъ. Но если по Европѣ понесешь за собою и передъ собою Китайскую стѣну Павловскаго, то никакое чуждое дыханіе до тебя не дотронется. Я вижу, что ты почти сердишься и дамъ тебѣ немножко вздохнуть.

Поговоримъ о себѣ. Я здоровъ, дѣти здоровы, жена здорова въ Москвѣ. Давно уже собираюсь за нею ѣхать, но вѣчно обѣщанный и вѣчно отсроченный пріѣздъ Государя держитъ меня здѣсь. Въ началѣ Апрѣля однакоже рѣшительно поѣду въ Москву, или выпишу жену. Лѣтомъ, буде Лайбахъ не совсѣмъ Европу верхъ дномъ опрокинетъ, желаю быть съ женою въ Карлсбадѣ. Нельзя ли какъ-нибудь встрѣтиться? Мы до сей поры видѣлись только въ потьмахъ; посмотрѣть бы другъ на друга при свѣтѣ Божьемъ. Что у насъ за рожи? La nuit tous les chats sont gris [1]): такъ и съ нами. Мы въ Россіи всѣ на одно лицо, потому что всѣ, какъ и сама Россія въ нашъ благодатный вѣкъ, носимъ *лице безъ образа*. Ты на солнцѣ Европейскомъ (разумѣется, буде не прячешься за Китайскую свою стѣну) долженъ очень походить на Байрона, еще не раздраженнаго жизнью и людьми. Я (буде на солнцѣ Европейскомъ созрѣютъ и улучшатся мои средства) на какого-нибудь B. Constant, или кого другого, но только непреклоннаго приверженца всего, что̀ развиваетъ до законныхъ предѣловъ независимость человѣка, и врага до смерти всего, что̀ сжигаетъ и изувѣчиваетъ бытіе гражданское, безъ коего и жизнь не жизнь, какъ ни будь она впрочемъ разряжена розами и обсахарена житейскими сластями. Сдѣлай милость, откликнись мнѣ. Хотя въ нѣсколькихъ словахъ дай мнѣ отчетъ впечатлѣніямъ своимъ, разумѣется политическимъ. Переродился ли ты хоть немного, или остался при старомъ образѣ мыслей? Скажи однакоже слово и о театральныхъ впечатлѣніяхъ. Театръ въ Берлинѣ, сказываютъ, чудесенъ. Видѣлъ ли Весталку или что-нибудь Россини? Вмѣсто хлѣба—конституцію [2]), вмѣсто сахара—хорошую оперу; вотъ все, что̀ нужно мнѣ на душевное пропитаніе. Помнишь ли, что разъ въ Павловскомъ надоумилъ ты меня написать *Негодованіе*. Сѣмя твое зародилось въ моемъ

---

[1]) Ночью всѣ кошки сѣры.

[2]) Князь Вяземскій переводилъ по русски появившуюся и въ тогдашнихъ нашихъ газетахъ „Варшавскую рѣчь" Александра Павловича, въ которой обѣщана была конституція и для Россіи. Рѣчь эта нынѣ перепечатана въ извѣстномъ сочиненіи Н. К. Шильдера. При чтеніи ея, право, вспоминаются позднѣйшія рѣчи графа П. А. Валуева.

чревѣ. Я давно просилъ Тургенева послать тебѣ мою негодяйку, но онъ никакъ на то рѣшиться не могъ по государственнымъ причинамъ; а одержимый государственною или, лучше сказать, государскою лѣнью, никакъ рѣшиться не могъ переписать ее. Теперь отыскалъ я черновую этой негодяйки и посылаю ее тебѣ. Если терпѣнія станетъ, разбери ее. Противъ этого списка многое перемѣнено и выправлено [1], но всего упомнить не могу. Многое еще осталось выправить; но, слава Богу, спѣшить не къ чему. Далеко кулику до Петрова дни!

Прости. Обнимаю тебя отъ всей души и хотѣлъ бы вдохнуть въ тебя частицу этого Антоноваго огня, разжигающаго меня или вобрать въ себя частицу того пламени, которое воспалено въ тебѣ дарованіемъ. Только сидите тогда, возницы міра сего! Я прокатилъ бы васъ порядкомъ и вытрясъ изъ васъ всю старую гниль; но бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, а быку [2]) не далъ охоты бодать.

*

Обнимаю тебя, мой другъ, отъ всего сердца. Жажду тебя видѣть, но гдѣ и когда? За чѣмъ же не перевести Лару или Жіаура? Пришли однакоже что̀ написалось. Писалъ ли ты журналъ? Не собираешься ли издать что нибудь о путешествіи своемъ? Спасибо за Дрезденскій подарокъ. Нельзя ли прислать полный переводъ Дѣвы? [3]) Много ли дѣвъ перевелъ ты на пути? Соберись съ силами и напиши мнѣ что̀ дѣлать думаешь, какъ жить будешь. Сердись или нѣтъ, а я все одно тебѣ говорю: продолжать жить какъ ты жилъ, совѣстно тебѣ. Отряхнись! Имѣй одну ногу до̀лу, а другую горѣ̀; а обѣими на лощинѣ стоять тебѣ не годится: приростутъ ноги и нальются свинцемъ. Въ тебѣ то и бѣда, что ты поэзію свою разносишь повсюду съ собою. Жасминъ жасминомъ остается и въ конюшнѣ, но какая отъ него прибыль? Подумай, что̀ ты сдѣлалъ для славы своей и отечества въ теченіе этихъ пяти или шести лѣтъ? Накидалъ нѣсколько цвѣтовъ на истукановъ; рано или поздно они должны поблекнуть: имъ тутъ не мѣсто. Не забудь при томъ, что ты въ самой порѣ мужества: теперь время рѣзать для потомства. А скажи по совѣсти, въ состояніи ли ты заняться трудомъ важнымъ посреди стихіи, въ коей трепещешься? Минерва выскочила не изъ напудренной головы. Пудра сушитъ мозгъ, повѣрь мнѣ. Ничего не пиши, то есть не печатай, или одно достойное тебя. Ты

---

[1]) „Негодованіе“ писано въ Варшавѣ и впервыя издано въ III-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго (стр. 164—169). Передъ тѣмъ молодой Пушкинъ написалъ свою оду „На вольность“.

[2]) Много позже подъ своими письмами къ А. О. Смирновой Жуковскій подписывался „Быкъ“.

[3]) Живучи въ Берлинѣ, Жуковскій докончивалъ свой переводъ Орлеанской Дѣвы.

знаешь, что я совсѣмъ не педантъ и не цѣню дарованія на вѣсъ; но ты истощился на бездѣлицы. Въ тебѣ остается силы только на Геркулесовскій подвигъ. Тутъ ты опять окрѣпнешь. Конечно, много у тебя недоброжелателей и завистниковъ, но въ числѣ твоихъ осудителей встрѣчаются и судіи безпристрастные, не менѣе первыхъ строгіе, но основательнѣе. Скажу тебѣ искренно: едва ли не я одинъ оставался рыцаремъ твоимъ, не изъ слѣпой привязанности къ тебѣ, но изъ вѣрнаго познанія тебя. Публика не видитъ тебя за кулисами; для нея ты и живешь только что на сценѣ.

Если это письмо не разсердитъ тебя, то буду продолжать впредь и объяснять подробнѣе и полнѣе. Теперь обнимаю отъ глубины души.

Москва.
16 Февраля (1822 г.)

*

Москва, 30 Іюня (1822 г.).

Посылаю тебѣ, мой милый, твою балладу разрѣшенную; теперь ты рѣши что̀ изъ нея дѣлать. Возврати мнѣ списокъ, я велю отпечатать ее особнякомъ, чтобы не впутывать Шаликова; а пожалуй я придамъ какія-нибудь замѣчанія, чтобы отвѣтчикомъ быть въ случаѣ чего-нибудь. Дуй въ мою голову: она таковская, не то вынесла и не то вынесетъ. Вотъ и записка ценсора Снегирева къ Шаликову; по крайней мѣрѣ ваши ценсоры градусами двумя ниже въ глупости нашихъ.

Что́ дѣлаешь? Какъ можешься душою и тѣломъ? Что́ скажешь о Батюшковѣ? Съ отъѣзда ничего о немъ не знаю. Молви словечко. Пробовалъ ли ты писать къ нему? Можетъ статься, ты и разрѣшилъ бы его молчаніе письменное. Попытайся! Прости. Сейчасъ возвращаюсь въ Остафьево. Обнимаю тебя отъ всей души.

Ив. Ив. [1]) началъ писать свои Mémoires. Доброе дѣло!

Приложеніе.

От цензора Снегирева къ князю Шаликову.

Балладу Жуковскаго прочиталъ съ удовольствіемъ, а подписалъ съ сомнѣніемъ въ душѣ. Не введите меня въ искушеніе, почтенный князь! Объ ней я слышалъ что-то неблагопріятное; кажется С.П. цензура ея не пропустила. Сомнительнымъ мнѣ кажется: *суевѣрное гаданіе*, но оно общее всѣмъ народамъ и всѣмъ извѣстное; *свиданіе*, но оно мечтательное и наказанное; *монахи и панихиды*, но объ нихъ говорится

[1]) Дмитріевъ. Говорится про его Записки: „Взглядъ на мою жизнь". Они могли появиться въ печати лишь въ 1866 году, благодаря князю П. А. Вяземскому, испросившему разрѣшеніе у императора Александра Николаевича на *полное* изданіе ихъ (владѣлецъ Записокъ, М. А. Дмитріевъ, иначе не соглашался выдать ихъ въ свѣтъ, какъ безъ всякихъ пропусковъ).

почтительно. Еще повторяю покорнѣйшую просьбу: берегите меня, князь; вы и себя сбережете, или, лучше сказать, доставите удовольствіе назваться и быть покорнѣйшимъ слугою. И. Снегиревъ.

П. П. Баллада и не безъ нравственности: за преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе, раскаяніе, поздній плодъ разсудка. Впрочемъ, не знаю, какъ посудятъ и съ какой стороны будутъ смотрѣть. Мое дѣло остерегать себя и васъ. Примѣчаніе я сдѣлалъ, какъ видите, съ умысломъ.

*

Жуковскому. Спасибо за виды и біографію *). Но мнѣ виды издателей не нравятся; перечту со вниманіемъ, но едва ли могу согласиться на ихъ требованія. Ихъ кровать не по моему росту; они подъ самое сердце хотѣли бы меня подрѣзать. Мнѣ скоро литература наша также огадится, какъ ценсура. Все низость, ничтожная разсчетливость, огромное невѣжество, холопство. Въ нѣкоторыхъ требованіяхъ издателей, кажется, замѣтилъ я на бѣгу замашки того и другого. Не такъ ли? О статьѣ Каченовскаго буду писать въ Понедѣльникъ къ князю Голицыну. Пришли мнѣ свою переписку. Тургеневъ *Двѣ огромныя руки* не прислалъ мнѣ, ни портрета Гете, ни экземпляра для Дмитріева. Скажи Воейкову, чтобы онъ напечаталъ мой «Первый снѣгъ» à la Хвостовъ на особенномъ листкѣ и заплати за меня, что̀ будетъ стоить печатаніе. Вотъ басни. Или нѣтъ, пришлю послѣ; онѣ теперь у Жихарева. Прости. Обнимаю. Я на нѣсколько дней въ Москвѣ.

21-го Декабря (1822.)

*

Остафьево, 9-го Января (1823 г.).

Ты думаешь, что заключенія мои издателю Дмит. не основательны. Согласенъ съ тобою и даже охотно забываю сужденіе Карамзина о тебѣ, что онъ ни малѣйшей довѣренности не имѣетъ ко мнѣніямъ твоимъ на счетъ ума и чести людей. Согласенъ съ тобою и въ томъ, что біографія моя требуетъ поправокъ въ отношеніи слога, но едва ли удастся перемѣнить. Она не писана *наскоро*, какъ ты думаешь, то-есть къ спѣху. Впрочемъ я прозою пишу всегда скоро, то-есть отъ полноты. Мнѣ прозы своей выработывать невозможно, или отобьетъ отъ прозы. Я вѣроятно отъ того и бросилъ стихи, что они шли туго изъ меня. Главный порокъ (по крайней мѣрѣ въ глазахъ моихъ) моей прозы есть длина періодовъ моихъ: съ одышкою скорѣе взбѣжишь на Иванъ Великій, нежели прочтешь безостановочно мою фразу. Мнѣ всегда хочется, чтобы мысли мои разматывались, развивались одна изъ

*) Біографіею называетъ князь Вяземскій свое предисловіе къ сочиненіямъ И. И. Дмитріева, которыя тогда выходили въ свѣтъ новымъ изданіемъ. Жуковскій дѣлалъ свои замѣтки на это предисловіе. Виды -это литографическіе листки съ видами Павловска, которые нарисовалъ Жуковскій.

другой. Это и хорошо; но дурно то, что недостаетъ искусства и что съ сцѣпленіемъ мыслей связываю я неудачно и сцѣпленіе словъ. Моя фраза какъ ковыль катится по головѣ моей, подбираетъ все, что валяется по сторонамъ и падаетъ на бумагу безобразною кучею. Не такъ ли? Это тѣмъ досаднѣе, что придаетъ слогу моему какую-то растянутость, вялость совсѣмъ не сродную движенію моихъ мыслей и внутренней работѣ головы моей. Съ этой стороны я винюсь передъ вами и сужу себя, можетъ быть, съ большею строгостью нежели вы меня судите. Но за неровность слова своего стою, и вы меня не собьете; потому что я не только въ себѣ ее терплю, но люблю и въ другихъ писателяхъ. Нужно непремѣнно инымъ словамъ, инымъ оборотамъ имѣть *выпуклость*; на нихъ наскочитъ вниманіе, а это главное. Они тоже, что курсивныя буквы въ печатаніи: безобразятъ, можетъ быть, правильность типографическую, но показываютъ желаніе автора задержать вниманіе читателя. Ты скажешь мнѣ, что въ старые годы у Шаликова и собратіи эти наклейки были до безконечности и что вниманіе читателей скользило по ихъ плоскости безпрепятственно. Не спорю. Грѣшу и я, можетъ-быть, излишествомъ; но дѣло въ томъ, что этотъ грѣхъ во мнѣ первородный; что, какъ вы ни распинайтесь для уличенія и искупленія моего, но также мало успѣете, какъ и предшественникъ вашъ. Каждый авторъ имѣетъ свои *родимыя пятна*; я это сравненіе часто употребляю и всегда употреблять буду: оно вѣрно. Сведите эти пятна, и физіономія перемѣнится. У Софіи Гавриловны Бибиковой была на щекѣ черная бородавка; она свела ее, лице ея потеряло много остроты. А иногда неумѣстнымъ срѣзаніемъ бородавокъ доберешься и до самой жизни. Кажется, о комъ-то говорили, qu'il avait des gestes et des cris dans son style. Такой авторъ былъ бы мой любимѣйшій. Мнѣ кажется, что особенно по-русски нельзя писать плавно, или точно польется вода. Мы, какъ Итальянцы, должны договаривать ужимками и движеніями.

Перейдемъ теперь къ другому обвиненію твоему на счетъ моей біографіи, о *пристройкахъ*, о томъ, *что слишкомъ часто удаляюсь отъ главнаго предмета, заговариваюсь*. Перекрестись и стыдись! Да что же могло взманить меня и всякаго благоразумнаго человѣка на постройку, если не возможность пристроекъ? Неужели рука моя поворотится, чтобы чинно перебирать рифмы Дмитріева? Если можно было бы мнѣ разбирать жизнь его, характеръ, то конечно могъ бы я очертить кругъ своего дѣйствія тѣснѣе къ нему; но тутъ, гдѣ мнѣ дѣлать этого было невозможно, долженъ я былъ обвесть кругъ обширный, чтобъ прокормиться на дорогѣ и не умереть съ голода въ первые сутки. Впрочемъ біографія не портретъ, а картина, то есть біографія въ родѣ моей: она ближе подходитъ къ запискамъ (mémoires). Тутъ могу я прибрать всѣ

принадлежности, соотвѣтствія, которыя не только при главномъ лицѣ, но и тѣ, кои видятся отъ него въ перспективѣ. Я *заговариваюсь*! Дай-то Боже! Тутъ только и слушать меня. Тутъ дѣло не въ дѣлѣ, а въ придѣлкахъ. Неужели можешь ты еще въ стихахъ искать однѣхъ рифмъ, а въ словахъ одной музыки? Не понимаю, да и не вѣрю. Или въ тебѣ еще спитъ одно чувство, укаченное на рукахъ Павловскихъ фрейлинъ.

Проснися, Сибаритъ, ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь!

Проснись, да примемся за изданіе! Только испроси высочайшее соизволеніе, чтобы не давать пакостить цензурѣ. Не то и думать нечего. Пришли же мнѣ свою переписку по поводу Калмыкова. Вы всѣ или слишкомъ придворны, или слишкомъ безпечны. Одно и есть средство облагородить минуту своего счастія, какъ употребить ее на доброе дѣло. Чтó за выгода для республики словесности, что вы, избранные ея, въ милости у двора, когда вы ничего для родины вашей не дѣлаете, а напротивъ отрицательнымъ согласіемъ скрѣпляете узы рабства вашихъ соплеменниковъ? Вы мало думаете объ Исторіи, а грифель ея и на васъ поднятъ. Нынѣшняя эпоха—эпоха уничиженія словесности нашей; но и вамъ она не въ честь. Грустно и больно смотрѣть на васъ. Какъ ни говори, а вы упали съ высоты; не ползаете, конечно, но мало этого. Васъ*) точно держутъ при дворѣ какъ двухъ аманатовъ; но къ сожалѣнію никто изъ васъ не просится въ Регулы. Ты не сердись на меня и не толкуй превратно моихъ строгихъ обвиненій. Васъ оправдываетъ то, что вы мыслите не такъ, какъ я. Въ васъ есть кривомысліе, но нѣтъ криводушія. Я, напримѣръ, на вашемъ мѣстѣ и въ вашемъ бездѣйствіи былъ бы презрителенъ. Нельзя не жалѣть, что попутный и распутный вѣтеръ занесъ васъ на островъ Калипсо. Вы подбили на немъ свою дѣятельность, разнѣжили даже свою душу и обàбили бытіе свое. Тутъ нѣтъ сомнѣнія: оно такъ. И я еще надѣюсь, что листья съ розъ облетятъ и оставятъ подъ вами однѣ иглы. Мнѣ хочется быть свидѣтелемъ мученій вашихъ и стыда, что такъ долго продремали. Желательно только, чтобы время не прошло и чтобы могли вы пробудить себя не къ одному безплодному сожалѣнію, но и къ дѣйствію, къ движенію обратному. Аминь! Проповѣдую въ пустынѣ; только не сердись и въ строгихъ обвиненіяхъ разбери господствующій голосъ дружбы. Вотъ тебѣ мои басни. Отдай ихъ въ свѣтъ; только, чтобы не печатали больше двухъ залпомъ.

Вотъ и для Воейкова письмо мое къ Княжнину; оно въ военномъ вкусѣ, и такъ подъ стать Инвалиду. Какова моя похвала цензурѣ и пощечина цензору? Любопытно знать, пропуститъ ли? Кажется, не по-

*) Т. е. Жуковскаго и А. И. Тургенева?

смѣетъ запретить или признается, что *сопливъ*. Мнѣ хочется собрать сто такихъ басенъ и напечатать ихъ особо. Нравится ли тебѣ этотъ покрой? Писалъ ли я тебѣ, что затѣваю выдать классическую книгу Французской прозы, разумѣется, въ переводѣ, съ извѣстіями объ авторахъ? Ты составилъ бы такую изъ Нѣмецкой, Дашковъ изъ Итальянской, Блудовъ изъ Англійской прозы; дѣло бы хорошее, не трудное въ исполненіи, полезное для языка каждаго изъ насъ и для общаго языка. Выборъ сдѣлать строгій, поучительный. Скажи мнѣ, что думаешь объ этомъ? Вотъ еще прекрасное дѣло: періодическое изданіе критическое объ иностранныхъ книгахъ, выходящихъ въ свѣтѣ; критики брать изъ журналовъ Эдимбургскаго, Revue Encyclopédique, Нѣмецкихъ. Тутъ также труда немного, а польза большая. Разливать будемъ по Россіи свѣтъ Европейскій; намъ изъ-за своего домашняго жить нельзя. Этотъ журналъ могъ быть бы предтечею общества переводчиковъ, для перевода хорошихъ здоровыхъ книгъ, для содержанія неимущихъ писателей, для завладѣнія отрасли книжной торговли, которая теперь въ рукахъ безграмотныхъ лавочниковъ. Уменьшеніе появленія пустыхъ переводовъ обратило бы на чтеніе людей хорошихъ, нуждающихся въ чтеніи. А этихъ людей найдешь у насъ. Они читаютъ дурное за неимѣніемъ хорошаго. Сколько средствъ! Есть гдѣ порасходиться съ благородной дѣятельности. Но кому зачать? Вамъ не до того, а намъ приступа нѣтъ.

*

Остафьево, 9-го Февраля (1823).

Посылаю тебѣ біографію съ уступками, которыя честному человѣку можно было сдѣлать честнымъ людямъ. Въ слогѣ почти ничего исправить не умѣю. Прошу издателей въ предисловіи отъ себя сказать, что они воспользовались біографіею, писанною мною, и что не напечатали ее цѣликомъ, по причинамъ, какимъ угодно будетъ имъ придумать. Дѣло въ томъ, что отъ исключеній потеряетъ моя піеса свою физіономію или свою рожу. Она входитъ въ число казенныхъ нашихъ піесъ, а я все казенное ненавижу; пускай же видятъ *дѣловидцы*, что на казенную мѣрку охолостили ее другіе, а не я. Еще другое: только что переѣду въ городъ, хочу напечатать ее особенною книжкою, приложу прибавленія и примѣчанія и проч. Сдѣлай одолженіе, не теряй изъ вида моей просьбы. Какъ мнѣ досадно на тебя (ибо письмо къ тебѣ послано было), что вы не отправили письма моего къ Шипилову. Онъ благоразумный и добрый человѣкъ, но все было нужно привить ему нѣкоторыя мысли въ отношеніи положенія Батюшкова. А онъ теперь поѣхалъ къ нему, ни съ вами, ни со мною не повидавшись. Нужно было непремѣнно узнать, понимаетъ ли онъ положеніе Батюшкова. Безъ точнаго, такъ сказать безъ изящнаго, если хочешь безъ роман-

тическаго понятія этого, трудно ему будетъ быть ему въ пользу. Тутъ прозы не достаточно. Ожидаю со дня на день отвѣта отъ Мюльгаузена. Мнѣ Булгаковъ писалъ, что вы хотите настроить Нессельрода. Не поздно ли? Я еще, кажется, до пріѣзда Батюшкова, или тотчасъ по пріѣздѣ его, писалъ, что должно бы встрѣтить его камеръ-герствомъ и Академіей. Противъ ребяческой болѣзни должно употреблять и ребяческія лѣкарства. Но мои слова, пощекотавъ жирныя и заплывшія уши Тургенева, скатились въ бездонный его желудокъ, и се не бе. Тутъ сидитъ много хорошихъ моихъ мыслей и намѣреній. Надобно рѣшиться мнѣ покопаться въ ямѣ его . . . . и вытащить то, что̀ не успѣло еще выдохнуться.

Я тебя бранилъ въ послѣднемъ письмѣ; такъ и быть, буду бранить и въ этомъ. Непремѣнно нужно взять тебя подъ опеку и безъ согласія опекуновъ не позволять тебѣ пользоваться своимъ родовымъ имѣніемъ. Можно ли было напечатать въ *Звѣздѣ* столько пустяковъ, какъ ты напечаталъ? Какъ миліонщику носить въ карманѣ мѣдныя деньги? Конечно, это все деньги для знатоковъ, но для толпы это смѣшно. Въ полномъ собраніи твоихъ сочиненій они могли бы имѣть свое мѣсто; но тутъ выходить на показъ въ ряду съ мальчишками-недорослями и состарѣвшимися прохвостами, съ бездѣлками не имѣющими никакого выдающагося достоинства, ни въ отношеніи *мыслей*, ни въ отношеніи *выраженій*, есть дѣло непростительное, для друзей твоихъ прискорбное, для холоповъ литературныхъ утѣшительное и барышное. Ты всегда ребенокъ, воля твоя! Скажу откровенно: жаль, что ты ничего путнаго не пишешь; но еще жальче, что ты безпутное печатаешь. Какъ ни говори, тебѣ необходимо пустить свою жизнь въ выжигу; или рѣшиться только чувствовать, а ничего не производить.

Ты можешь сказать съ красавицею, смотрѣвшеюся въ зеркало: не могу себя видѣть ни тѣмъ что̀ былъ прежде, ни тѣмъ что̀ я теперь. Окунись въ живую воду; она еще пройметъ тебя, я увѣренъ. Вотъ еще проповѣдь. Аминь! Я похожъ на дьячковъ, которые другимъ поютъ тѣло Христово примите, источника безсмертнаго вкусите; а сами рыгаютъ въ то время лукомъ и сивухою. Говорю тебѣ о жизни, а самъ гнію со всѣхъ концовъ. Но какая разница между твоимъ запасомъ жизни и моимъ! Изъ капли твоей плоти выскочитъ дюжина моей братіи.

Желаю, чтобы имя мое не было выставлено при біографіи, а только число и годъ, то-есть, кажется около Сентября 1821 года. Мнѣ кажется, что я, если не въ выраженіяхъ, то въ мнѣніяхъ иныхъ встрѣтился съ Бестужевымъ, который впрочемъ вѣроятно прочелъ мое въ «Петербургѣ». Зачѣмъ терять старшинство? Отдалъ ли ты мои послѣднія басни и

стихи къ Княжнину? Чтò слышно о вылазкѣ моей на Училищное Правленіе? Постарайтесь же развѣдать. Вѣдь это дѣло общее. Я какъ лошадь въѣхалъ въ Трою, но вы всѣ сидите во мнѣ. Во мнѣ будете вы или побиты или побѣдите. Прости. Сдѣлай милость, раскуси мое письмо, а не глотай его прямо. Исполни всѣ мои просьбы, хотя и не давай на нихъ письменнаго отвѣта. Обнимаю тебя отъ души.

*

Остафьево, 27-го Августа (1823).

Кюхельбекеръ жалуется на твое невниманіе къ нему и жалуется справедливо. Онъ несчастливъ, и слѣдовательно ты не правъ. Брошенный ото всѣхъ, искалъ онъ въ тебѣ заступника. Заглядывалъ ли ты въ его трагедію, и есть ли надежда напечатать ее, хотя безъ имени его? Онъ жилъ у меня два дня въ деревнѣ, читалъ ее и много другихъ стихотвореній. Въ трагедіи, право, много хорошаго, а въ особенности лирическая часть. Въ Коранѣ, занимающемъ въ ней важное мѣсто, встрѣчаются даже и красоты возвышенныя. По крайней мѣрѣ вотъ впечатлѣніе, оставшееся во мнѣ по выслушаніи трагедіи. Можетъ быть, при внимательномъ чтеніи, родится во мнѣ сужденіе не столь благосклонное, но вообще твореніе это не дюжинное и заслуживаетъ одобренія. Кажется, что съ нѣкоторыми поправками и предисловіемъ осторожнымъ можно будетъ умилосердить цензуру. Въ другихъ мелочахъ его также много хорошаго.

Вообще талантъ его, кажется, развернулся. Онъ сбирается издавать журналъ [1]); но и тутъ бѣда: имя его, вѣроятно, подъ запрещеніемъ у ценцуры. Совѣтую ему пріискать книгопродавца, который взялъ бы на себя отвѣтственность издателя. Надобно будетъ помочь ему и, если начнетъ издавать, то возмемся поднять его журналъ. Планъ его журнала хорошъ и Европейскій; матеріаловъ у него своихъ довольно; онъ имѣетъ познанія. Кажется, можетъ быть прокъ въ его предпріятіи. Пришлю тебѣ на дняхъ нѣкоторыя изъ стихотвореній его, когда получу ихъ.

Поговоримъ о другомъ несчастномъ. Чтó Батюшковъ? Мнѣ писали, что онъ былъ боленъ. Вотъ и воспользоваться бы этимъ, чтобы отдать его на руки доктору, увѣривъ, что болѣзнь важна. Въ Петербургѣ есть Мухановъ Николай, лейбъ-гусарскій офицеръ; кажется, назначенъ онъ теперь адъютантомъ къ Кутузову [2]); онъ былъ съ Батюшковымъ на Кавказѣ и видалъ его довольно часто. У него можешь ты узнать, былъ ли онъ точно тамъ знакòмъ съ какою нибудь женщиной. Объясненіе этого

---

[1]) Говорится про „Мнемозину", которую въ 1824 году издавали въ Москвѣ Кюхельбекеръ и князь В. Ѳ. Одоевскій. Трагедія Кюхельбекера—„Ижорскій".

[2]) Графу Павлу Васильевичу, Петербургскому генералъ-губернатору.

дѣла можетъ служить руководствомъ къ обхожденію съ нимъ и съ болѣзнію его. Въ такомъ случаѣ и обманъ можетъ быть полезенъ. А если въ самомъ дѣлѣ влюбленъ онъ въ эту женщину, то можно будетъ придумать что другое. Лѣтнее время на исходѣ; придумано ли что́ для него къ зимѣ? Гдѣ и какъ будетъ онъ жить? Не откладывайте: тутъ минута можетъ все свершить и наложить на совѣсть нашу страшное раскаяніе. Больно будетъ намъ сказать себѣ, что онъ достоинъ былъ лучшихъ друзей, а этотъ упрекъ виситъ у насъ надъ головою, виситъ на ниткѣ!

Что̀ дѣлаешь съ своимъ Ивановымъ вечеромъ[1])? Возьми у Дашкова мои новые блестки или мушки, Испанскія мушки, кои прикладываю на рожи нашихъ цензурныхъ палачей. Я былъ на дняхъ въ духѣ. Найди письмо мое къ Уварову о фабрикахъ. Между тѣмъ исправилъ и пополнилъ я свой «Петербургъ» нелюбимый тобою и, право, напрасно. Но это вѣрно для отплаты: я твоего Петербурга, а ты моего не любишь. Готовлю его для Бестужева. Ты что̀ даешь ему? Прошу сперва представить мнѣ на разсмотрѣніе. Ты такое дитя, что, пожалуй, пустишь кубари въ церкви.

*

Остафьево, 13-го Декабря (1823 г.).

Нѣтъ ли у тебя, мой милый, экземпляра *Для немногихъ?* У меня проситъ Костромской Бартеневъ, который пуще прежняго таетъ къ тебѣ любовью. Вотъ что пишетъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на присылку твоей послѣдней баллады: «хвала несравненному разсказчику и отцу романтической поэзіи въ Россіи за сіе новое и изящное произведеніе!» Онъ желалъ бы очень познакомиться съ тобою. Въ поѣздкѣ своей нашелъ я еще поклонницу твою въ Нижнемъ, Голицыну, дочь Лапской; кажется, ты знавалъ ее въ Москвѣ. И она проситъ, чтобы ты ее потѣшилъ чѣмъ нибудь. Я взялся быть сводникомъ твоимъ на всѣ руки, или на всѣ стороны, и женскаго, и мужского пола. Что̀ дѣлаешь? Все ли *Енеидишь*, или уже *не йдешь*? Какъ не стыдно вамъ, что никто у васъ не перевелъ статьи о Карамзинѣ изъ Нѣмецкихъ ученыхъ вѣдомостей [2]). Право, такая холодность не хороша. Мы господа литературнымъ хоромъ впустили въ гостиныя лакеевъ и мальчишекъ, а сами на дворѣ играемъ въ бабки. Кому же какъ не намъ tenir le haut bout de la conversation? Конечно у насъ, что̀ ни говори, а слушателей понятливыхъ мало будетъ, и говорить будемъ болѣе про себя, но достоинство литературное будетъ выдержано. Мы не довольно умны, чтобы корчить философію. Иной стоицизмъ просто тупость. Кстати о стоицизмѣ:

---

[1]) Т. е. со „Смальгольмскимъ барономъ", который появился въ печати во 2-й книжкѣ „Соревнователя Просвѣщенія" 1824 года.

[2]) *Приписка А. И. Тургенева:* Братъ перевелъ и печатаетъ.

у меня рука такъ и стоитъ на Красовскаго. Что за разбойникъ! Имѣлъ ли ты отвѣтъ на письмо о балладѣ? Сдѣлай одолженіе, не спускай и требуй какого-нибудь рѣшенія. Надобно же этихъ скотовъ заставить по крайней мѣрѣ хоть письменно сознаться въ скотствѣ своемъ. Мы на многое не пускались бы, если принуждены были бы описывать и засвидѣтельствовать всѣ свои поступки. Каждый человѣкъ способенъ сказать и сдѣлать глупость, но не каждый повторить ее. У насъ то и бѣда, что многіе могутъ казать здравому разсудку и совѣсти кукиши въ карманѣ. Ради Бога, требуй настоятельно приговора рѣшительнаго. Что же вы дѣлаете съ моимъ крестникомъ и твоимъ кумомъ Каченовскимъ? Сами бездѣйствуете да и со мною тугутствуете. Охъ, ужъ мнѣ ваша академическая цѣломудренность! Да чортъ побери языкъ! Пускай достается ему, только съ тѣмъ, чтобы и другимъ досталось. Впрочемъ языкъ вѣдь безъ костей: его не сломишь, погнешь развѣ, а онъ выпрямится и самъ. Пускай ареопагъ вашъ надѣнетъ очки и разщелкаетъ меня, только скорѣе: мнѣ не терпится видѣть рожу Каченовскаго въ фонарѣ и освѣтить и огрѣть ее порядкомъ. Вы любите дремать на пуховикахъ и на розахъ, а я картежникъ, пьяница, буянъ, боецъ кулачный, Елисей; виноватъ, люблю по колѣна въ грязи драться до полусмерти. Мнѣ нужно, чтобы кровь у меня кипѣла. Какъ она застоится, я никуда не гожусь. Обнимаю тебя сердечно. Мои здоровы, жена тебѣ кланяется. Помни же: *Для немногихъ* и Каченовскаго.

Какъ переведешь слово *saillie*? Vauvenargue говоритъ: Le mot de *saillie* vient de sauter; avoir des saillies—c'est passer sans gradation d'une idée à une autre, qui peut s'y allier. Нужно придерживаться этого значенія. Помни также, что и въ архитектурѣ говорится *saillie*, *saillant*. Я пріискалъ слово, но мнѣ хочется видѣть и твою находку. Задай этотъ вопросъ и Блудову, и Дашкову. Изготовь стихи Шимановской музыкантшѣ въ альбумъ, который скоро пришлю тебѣ.

На оборотѣ: Жуковскому, если онъ еще въ живыхъ.

*

Посылаю тебѣ, мой Аристархъ, «Петербургъ» для доставленія Бестужеву Полярному[1]). Я многое въ немъ исправилъ и прибавилъ. Право, кажется, стихи звонкіе, а не бумажные. Нужно ли оставить стихъ:

и мѣрно влекъ ее на подвигъ бытія,

который мнѣ по метафизикѣ своей не нравится? Смыслъ будетъ полонъ и безъ него. Или нужно непремѣнно вставить другой? Впрочемъ, если найдешь еще что замѣтить, то сообщи мнѣ, хотя *за извѣстіе*, потому

---

[1]) А. А. Бестужевъ готовилъ тогда съ Рылѣевымъ альманахъ „Полярную Звѣзду".

что не ручаюсь за покорность свою законной власти. На дняхъ пришлю еще матеріаловъ для Бестужева. Такъ и скажи ему. Только не дай «Петербургу» залежаться у тебя. И такъ онъ давно ждетъ его. Чтó ты дѣлаешь? Что рѣшили вы о Батюшковѣ? Получилъ ли ты мое письмо о Кюхельбекерѣ? Не знаешь ли ты на Нѣмецкомъ языкѣ разсужденій о романтическомъ родѣ? Спроси у Блудова, нѣтъ ли также на Англійскомъ? Мнѣ хочется написать объ этомъ и прочесть все сказанное. Романтизмъ какъ домовой: многіе вѣрятъ ему; убѣжденіе есть, что онъ существуетъ, но гдѣ его примѣты, какъ обозначить его? Какъ наткнуть на него палецъ? Обнимаю тебя сердечно.

Москва, 23-го (1824).

Вотъ еще пока посланіе къ Чернышеву для Бестужева.

*

Остафьево, 16 Декабря (1824).

Мой милый, прими и полюби Сабурова. Онъ малый умный, добрый и благородный. Если онъ того пожелаетъ, свези его къ Сѣверину. Что же моя Полярные войны? Отъ чего Бестужевъ не отвѣчаетъ? О тебѣ уже не спрашиваю. Получилъ ли ты черезъ меня «Святополка» Кюхельбекера? Спасибо за матеріалы «Логогрифа». Не имѣю времени обработать его теперь, потому что сижу въ водевиляхъ по уши, а писать болѣе нельзя, потому что я сейчасъ изъ ванны. И такъ обнимаю. Я изъ Тулы пріѣхалъ съ Зонтагомъ, мужемъ Юшковой. Добрый Американецъ! [1]) Чтò бѣдный Батюшковъ? Жена тебѣ кланяется. Вели однакоже Бестужеву сказать что нибудь о цензурныхъ дѣйствіяхъ противъ меня. У меня въ головѣ бродилъ и созрѣвалъ прекрасный планъ письма къ князю. Я все еще бухну въ Сенатъ жалобу на невниманіе Училищнаго Правленія къ моей жѣлобѣ на Красовскаго. У Тургенева долженъ быть Бахчи-Сарай. Прости, мой Бедламскій другъ [2]).

Это письмо будетъ тебѣ доставлено Шимановскою, которая желаетъ познакомиться съ лучшимъ моимъ другомъ и лучшимъ поэтомъ. Я долженъ въ скорости прислать ей альбумъ, куда и ты впишешься. Что ты дѣлаешь? Гнѣдичъ пишетъ мнѣ, что будутъ играть Орлеанскую Дѣву! Правда ли и когда? Ты можешь быть преобразователемъ нашего театра. Прости, писать болѣе некогда. Обнимаю отъ всей души, отъ всего помышленія. Женѣ лучше.

21-го Марта (1824).

---

[1]) Егоръ Васильевичъ Зонтагъ, супруга котораго была племянницею Жуковскаго.
[2]) Бедламъ — больница для умалишенныхъ, близъ Лондона.

30-го Ноября (1827).

Рекомендую тебѣ Мицкевича, Польскаго поэта, котораго знаешь по крайней мѣрѣ по слуху; узнай его лично и вѣрно полюбишь. Онъ съ перваго пріема не очень податливъ и развертливъ; но раскусишь, такъ будетъ сладокъ. Онъ прекрасная поэзія; товарищъ его Малевскій прекрасная проза. Приласкай ихъ: они жертвы чванства и подлости Новосильцова. Мицкевичъ хочетъ издавать Польскій журналъ [1]). Пособи ему въ этомъ, въ чемъ можешь, замолвивъ о немъ доброе слово Блудову. Ты долженъ быть журнальное и литературное Провидѣніе для сиротъ. Что̀ мое сиротство? Дадите ли вы меня на посрамленіе Аксакову [2]) или утрете носъ этому Филоктету? Я писалъ къ Дашкову о предпріятіи моемъ составить сокращенный переводъ исторіи Наполеона В. Скоттомъ. Возможное ли это дѣло или нѣтъ? Дайте отвѣтъ. Если возвратишь мнѣ мою статью, означивъ на ней что̀ должно выкинуть, пришли ее прямо на имя Полевого, а когда будешь ко мнѣ писать, то пиши въ Пензу для доставленія въ село Мещерское, на имя жены моей. Писемъ отъ тебя впрочемъ ждать нечего: а не будетъ ли что отъ Тургенева, книгъ, или что другого? На будущій годъ не хочу болѣе постоянно участвовать въ Телеграфѣ, а если Современникъ и не пойдетъ въ ходъ, такъ стану по временамъ выпускать книжки со всякою всячиною. Журнальная работа хороша при другой цензурѣ, а теперь нѣтъ возможности. Про̀сти, обнимаю тебя. Кажется, на дняхъ ѣду; уже не смѣю сказать навѣрное: вотъ шесть недѣль какъ ѣду, а все ни съ мѣста. Напиши мнѣ въ Пензу. Отсылай журналы Тургеневу.

*

2 Декабря (1827).

Сію минуту получаю твое сухо-сердитое письмо и приложенные къ нему стихи твои и Батюшкова. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, батюшка Василій Андреевичъ. Отъ чего подвергаешь ты стихи Батюшкова суду моей совѣсти? Отъ того ли, что не должно было бы ихъ печатать или отъ того, что стихи эти недостойны имени его? Въ томъ и въ другомъ случаѣ можно бы слѣдовательно печатать безъ имени. Я только успѣлъ взглянуть на нихъ и потому не знаю навѣрное, чему приписать твое недоумѣніе. Послушай, братъ: возраженіе твое не совсѣмъ свято и не нарушимо. Вѣдь не одни глаза Дофина имѣли въ виду, составляя велико-

---

[1]) Намѣреніе не состоявшееся.

[2]) С. Т. Аксаковъ, переводчикъ „Филоктета", служилъ тогда въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ.

лѣпныя изданія Французскихъ классиковъ, а безъ сомнѣнія и пользу типографическаго искусства, роскошь библіотекъ, однимъ словомъ, просвѣщеніе, до котораго достигать должно всѣми путями. Полезно ли было бы въ Россіи собраніе хорошихъ переводовъ? Безъ сомнѣнія да, и очень да. Почему же не исполнить полезной мѣры подъ покровительствомъ августѣйшаго имени; особливо же у насъ, гдѣ всѣ частныя полезныя предпріятія должны смотрѣть Сентябремъ за неимѣніемъ единодушія, усердія, денегъ, догадки, постоянства и грамотныхъ людей? Вотъ съ которой стороны должно смотрѣть на мое предложеніе, т. е. съ Русской, а не Французской. У Французовъ была своя польза, у насъ своя; но все именемъ Дофина можно дѣлать добро и слѣдовательно должно, если можно. Придумай другое средство, твоя рѣчь впереди. Отойду съ радостью, но только употреби въ пользу Русскаго просвѣщенія выгоды твоего положенія и употреби ихъ непосредственно, горячо, ощутительно. Сперва дай хлѣбъ голодному, а послѣ уже учи его, какъ добывать хлѣбъ честнымъ образомъ. Минута не воротится, а голодный пока можетъ околѣть. Русское просвѣщеніе, то есть Русское книжество, голодаетъ и протягиваетъ къ тебѣ руку. Не даромъ въ первый разъ Русскій литтераторъ удостоенъ довѣренностью высочайшею подобно тебѣ. Мнѣ хотѣлось, чтобы твое царствованіе было ознаменовано какими нибудь нетлѣнными памятниками, въ честь избраннаго и избравшаго. Вотъ моя мысль и, воля твоя, она не бредъ. Я все еще здѣсь съ горемъ пополамъ и съ грѣхомъ пополамъ. Горе мое, а грѣхи чужіе. Смерть хочется вырваться отсюда и поѣхать къ женѣ. Карамзины меня совсѣмъ забыли. Прости, мой милый другъ. Не дуйся, а со мною поцалуйся. Надобно же кому нибудь васъ потормошить. Вы всѣ уснули бы безъ меня. Вы все летите въ небо, хотите прежде разчистить облака, завлечь солнце, а потомъ уже свезти грязь съ улицы. Я, напротивъ, все копаюсь въ грязи, чтобы хоть малое мѣстечко разчистить для ногъ своихъ, боясь увязнуть.

Я на дняхъ писалъ къ тебѣ съ Мицкевичемъ. Сдѣлай милость, полюби его и попроси прочесть тебѣ и перевести буквально что нибудь изъ своей новой поэмы. Нѣтъ ли у тебя чего о Каннингѣ, нѣтъ ли у Блудова, Полетики? Нельзя ли выписать? Мнѣ очень нужно.

*

14 Ноября (1828).

Виноватъ, виноватъ, Жуковскій! Будь Жуковскій и прости Вяземскаго, который для тебя долженъ быть все тѣмъ же, какимъ и прежде былъ. Но развѣ и ты не виноватъ? Какъ не начать съ того, что̀ прислать мнѣ *копію*, которую прислалъ сегодня? Это письмо было

бы мнѣ бальзамомъ, а ты налилъ на рану мою скипидаръ упрековъ. Ты раздражилъ бѣшенаго, а послѣ удивляешься, что онъ тебя забрызгалъ пѣною. Былъ ли я обиженъ не по винѣ своей? Сознайся, что такъ. Видѣлъ ли я въ первомъ и второмъ письмѣ твоемъ соучастіе къ моимъ страданіямъ? Нѣтъ, а видѣлъ новаго судью, приставшаго къ совѣту недоброжелателей. Теперь вижу по твоей копіи, что ты началъ состраданіемъ ко мнѣ и бросился на выручку мою, а потомъ уже сталъ бранить меня мнѣ самому. По хронологіи твоихъ писемъ я заключалъ совершенно противное. Я ничего не хочу, не могу хотѣть какъ письма твоего обо мнѣ, именно живого отголоска изъ гроба Карамзина. Теперь будь то, что̀ быть должно. Я знаю, что честный голосъ раздался за меня въ Россіи, и я доволенъ. Я не могъ угадать изъ писемъ твоихъ ко мнѣ письма̀ твоего обо мнѣ. Пошевельнулась бы рука моя написать тебѣ слова изъ письма прежняго, если бы я имѣлъ понятіе о письмѣ твоемъ обо мнѣ? Подъ охраненіемъ твоей дружбы, твоего уваженія ко мнѣ и подъ тѣнью Карамзина, на которую ты ссылаешься, могу ли я выходить вонъ изъ себя? Сдѣлай милость, нѣжно поцѣлуемся, забудемъ старое. Разумѣется, желаю и только того и желаю, чтобы твое письмо къ Толстому доведено было до свѣдѣнія Государя. Потомъ надобно будетъ условиться въ смыслѣ употребленныхъ рѣченій. Скажи мнѣ, что я въ письмахъ своихъ говорилъ то, что̀ не должно позволять себѣ говорить, я молчу и преклоняю повинную голову. Но при всемъ томъ преклоненіи осмѣлюсь сказать, что по совѣсти не вижу преступленія въ своихъ письмахъ; вижу одну предосудительность, за которую правительство въ правѣ мнѣ сказать: не пиши! Разумѣется, признаю законность такого повелѣнія и покорюсь ему, зная, что всякій тарифъ долженъ быть свято наблюдаемъ и что каждое правительство можетъ у себя запретить ввозъ товара, который въ другой землѣ разрѣшенъ. Не въ товарѣ будетъ преступленіе, а въ ослушномъ употребленіи. Но, когда мнѣ говорятъ, что я жизни развратной, недостойной образованнаго человѣка, что я велъ себя развратно въ Петербургѣ, что мнѣ все это оффиціально объявляется по поводу журнала, о которомъ не имѣю понятія и что послѣ, когда хочу справиться въ источникѣ подобныхъ нелѣпостей, меня сбиваютъ на какую нибудь шутку моихъ писемъ, каламбуръ или подобную глупость, то я въ правѣ кричать: караулъ! Не понимаю, о какомъ письмѣ идетъ дѣло. Повидайся съ Мухановымъ, адъютантомъ Кутузова, котораго я разъ привозилъ къ тебѣ. Мнѣ помнится, что я изъ деревни писалъ ему какія-то шалости о войнѣ Турецкой при самомъ ея началѣ, да и то говорилъ ему, что онъ изъ моихъ епиграммъ узна̀етъ обиженное самолюбіе человѣка, который просился на эту войну и котораго не пустили. Не это ли письмо по-

палось въ руки? Помнится мнѣ, оно было послано черезъ Константина Булгакова. Другого ничего придумать не могу, да и увѣренъ, что и въ этомъ письмѣ ничего возмутительнаго не было. До меня дошелъ еще слѣдующій слухъ. Бенкендорфъ, говоря о Пушкинѣ, сказалъ, что онъ, Пушкинъ, меня называетъ *своимъ Демономъ*, что безъ меня онъ кротокъ, а я что я его пѣню. Ты знаешь меня и Пушкина. Есть ли во мнѣ какое нибудь мефистофельство, и буде было бы, Пушкинъ такой ли человѣкъ, чтобы признаться, что есть въ людяхъ ключъ способный его заводить? Похоже ли подобное признаніе на самолюбіе Пушкина? А между тѣмъ такой нелѣпый слухъ одна изъ заповѣдей жандармскихъ, дошедшая до меня съ разныхъ и достовѣрныхъ сторонъ.

Графъ П. А. Толстой, въ отсутствіе Государя на Турецкую войну, жилъ въ Зимнемъ дворцѣ и, снабженный особыми полномочіями, былъ главнымъ лицомъ по внутреннимъ дѣламъ. Въ III-мъ Отдѣленіи Государевой канцеляріи тогда уже завелись Поляки, и Булгаринъ (по своей „Тантѣ" вхожій къ престарѣлому и женившемуся на Полькѣ министру народн. просвѣщенія Шишкову) успѣлъ оклевстать князя Вяземскаго и другихъ.

*

15 Ноября (1828).

Перечитывая сейчасъ твое письмо, писанное вмѣстѣ съ копіею письма твоего къ Государю, замѣтилъ я, что помарано въ письмѣ ко мнѣ нѣсколько словъ послѣ словъ: *не знаю, писалъ ли ты письмо, о которомъ мнѣ сказывали*. Кажется, прежде было *сказывалъ* и *ъ* преобразованъ въ *и*. Кажется, въ помаранномъ есть число 12. Твоя ли помарка, или хотѣли скрыть отъ меня, о какомъ письмѣ говорено. Мнѣ очень было бы любопытно знать что̀ это за письмо. Бенкендорфъ въ отвѣтъ Голицыну на письмо обо мнѣ при письмѣ моемъ къ Голицыну, говоритъ обо мнѣ: «Ce n'est pas sur sa conduite particulière et sur quelques propos qu'on l'a jugé; le gouvernement a assez prouvé qu'il ne poursuit pas les propos et n'admet pas les calomnies, mais on a jugé le princce Wiesemski sur des écrits qui ont été entre les mains de S. M. l'Empereur et dont j'aurai l'honneur d'entretenir votre excellence à notre première entrevue». Сказавъ, что Государю *извѣстно мое поведеніе въ Петербургѣ, извѣстна развратная жизнь моя*, развѣ не судили о моей *conduite particulière?* Повѣривъ, что я хочу издавать газету *)

*) Для объясненія пакостной исторіи съ княземъ Вяземскимъ, приводимъ слѣдующее изъ его Записной Книжки (IX т. его сочиненій, стр. 102 и 103): „Утренняя газета, о которой не имѣлъ я ни малѣйшаго понятія, была предположеніе самаго князя Голицына (Московскаго генералъ-губернатора), долго послѣ приведенное въ дѣйствіе подъ именемъ *Полицейской Газеты*, и долженъ былъ издавать ее одинъ изъ его чиновниковъ. Во время Турецкой кампаніи былъ присланъ въ Главную Квартиру доносъ на меня. По

подъ чужимъ именемъ и по этому ложному донесенію обрушивъ на меня весь гнѣвъ правительства и оскорбленія, которыя правительство можетъ быть и не въ правѣ наносить безъ суда и не именемъ закона, развѣ *on n'a pas admis la calomnie?* Далѣе скажу, что des lettres ne sont pas des *écrits* et des lettres ne sont-elles pas des *propos?* Слѣдовательно именно я обвиненъ *sur ma conduite particulière et sur des propos.* Послѣ того повторяю: какъ мнѣ и что̀ мнѣ писать къ Бенкендорфу? Скажу съ Руссо и съ Шишковымъ: pourquoi faut-il que je leur écrive? Quelle langue commune pourrons nous parler? Надобно бы мнѣ завести полемику въ родѣ нашей журнальной полемики, гдѣ кто въ лѣсъ, кто по дрова, каждый толкуетъ о своемъ, и другъ друга не понимаютъ. Не могу я просить милости, не истребовавъ и не получивъ удовлетворенія. Меня огласили убійцею, а послѣ говорятъ, что я кому-то наступилъ на ногу, а я говорю: нѣтъ; сперва дайте мнѣ оправдаться въ убійствѣ и уличить клевету, а послѣ охотно буду просить прощенія у кого слѣдуетъ за невѣжливость. Воля твоя, изъ желанія вывести меня изъ бѣды, ты за меня показываешь слишкомъ много смиренія. Я въ иномъ виноватъ, но въ главномъ я правъ. Что̀ же мнѣ себя отдавать на поруганіе и уступать свое право на тысячу рублей за свой долгъ пятирублевый? Я писалъ тебѣ вчера съ почтою, а третьяго дня въ отвѣтъ на твою *копію* съ Англійскимъ капитаномъ Chamier.

Не говори, то-есть не давай знать, что я знаю о содержаніи письма Бенкендорфа къ Голицыну. Воля твоя, я не ошибаюсь: письма, невиннѣе рѣчей, вреднѣе для писавшаго, потому что за языкъ поймать нельзя, а за руку схватить можно: отъ сказаннаго увернешься, а отъ написаннаго нѣтъ, а особливо тому, кто имѣетъ такую благодатную руку, какъ я. Меня бѣситъ, когда мнѣ говорятъ: какъ можете вы позволить себѣ писать подобныя вещи по почтѣ? Скажите мнѣ: какъ позволяете себѣ такъ мыслить? Но мысли чернилами моченыя не преступнѣе мыслей, подмоченныхъ однѣми слюнами. У насъ обыкновенно употребляютъ готовыя фразы, не заботясь о примѣненіи. Слышать,

---

всѣмъ догадкамъ, это была Булгаринская штука. Узнавъ, что въ Москвѣ предполагаютъ издавать газету, которая можетъ отнять нѣсколько подписчиковъ у *Сѣверной Пчелы*, и думая, что я буду въ ней участвовать, онъ нанесъ мнѣ ударъ изъ-за угла. Пушкинъ увѣрялъ, что обвиненіе въ развратной жизни моей въ Петербургѣ не иначе можно вывести, какъ изъ вечеринки, которую давалъ намъ Филимоновъ и на которой были Пушкинъ и Жуковскій и другіе. Филимоновъ жилъ тогда чортъ знаетъ въ какомъ захолустьѣ, въ деревянной лагучѣ... Мы просидѣли у Филимонова до зари... Жуковскій вступился за меня, рыцарскимъ перомъ воевалъ за меня съ Бенкендорфомъ, нѣсколько разъ объяснялся съ Государемъ".

что и во Франціи и въ Англіи судятъ людей sur des *écrits*, и у насъ говорятъ объ *écrits*; mais nous, nous ne pouvons pas avoir *des écrits séditieux*, à moins que ce ne soit des libelles, manuscrits, des chansons séditieuses répandues dans le public. Une lettre qui n'est pas faite pour avoir de la publicité, n'est qu'un épanchement confidentiel, une confession à l'oreille ou aux yeux de son ami. Ce n'est donc que celui qui viole le secret, qui est coupable d'abus: il met au grand jour ce qui devait rester dans l'ombre. Mais celui qui a écrit la lettre ne peut être dans tous les cas qu'un bavard, un inconséquent, mais non un criminel; car, je le répète, une lettre n'est pas une action. Des propos le sont plutôt. Одно въ твоемъ обвиненіи справедливо, что я не щадилъ тѣхъ, къ которымъ писалъ. Въ этомъ я неоправдаемъ и впередъ не буду. Но все таки Тургенева не сажай мнѣ на совѣсть: это не великодушно и, воля твоя, несправедливо.

*

Москва, Ноября 16-го (1828).

Надѣясь, любезнѣйшій другъ, что ты при случаѣ будешь имѣть возможность говорить въ мою пользу, почитаю за нужное поставить тебѣ, моему адвокату, нѣсколько оправдательныхъ пунктовъ на видъ. Они почерпнуты изъ моей совѣсти.

Ты мнѣ какъ нѣкая святыня,
Предъ ней же я притворствовать не могъ *).

По всему, что̀ до меня доходитъ, узнаю́, что на меня падаютъ обвиненія двоякаго рода. Въ первомъ на меня сказали, что хочу издавать подъ чужимъ именемъ *Утреннюю Газету*, что мое поведеніе въ Петербургѣ изобличаетъ *развратную жизнь*, *недостойную образованнаго человѣка*, что я ввожу въ пороки молодыхъ людей. По второму обвиненію мнѣ сдается, что какое-нибудь письмо мое, нескромное, неосторожное, подающее поводъ къ худому заключенію о моемъ образѣ мыслей, попалось въ руки правительства. Эти два обвиненія совершенно различны между собою и по существу своему, а еще болѣе по примѣненію ко мнѣ. Первое совершенно ложно, и я прошу возможности оправдать свою честь, оклеветанную недоброжелателями передъ самимъ Государемъ; ибо, признаюсь откровенно, дорожу только его мнѣніемъ. Покровителей, милостивцевъ я никогда не искалъ. Провидѣніе искателей положило на лице мое печать отверженія, и если языкъ мой и сталъ бы искать покровительства въ кабинетахъ людей случайныхъ, то мое угрюмое, болѣзненное лицо въ самую ту минуту бунтовало бы про-

---

*) Изъ Пушкинскаго „Бориса Годунова", тогда еще не изданнаго въ свѣтъ.

тивъ моихъ словъ. Я никогда развратнымъ не былъ, а еще менѣе развратителемъ. Не могу понять, въ какомъ смыслѣ принято сіе выраженіе; но если оно распространяется въ этомъ случаѣ и на политическія правила, то и тутъ, положивъ руку на совѣсть, скажу также, что я никогда развратнымъ не былъ, а еще менѣе развратителемъ. Эпиграммы, шутки, каламбуры, рѣзкія сужденія—не дѣла; Лафонтеновы сказки не практическій развратъ. Онѣ въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ быть почитаемы предосудительными, это дѣло другое; и, безъ нѣкотораго рода покаянія можетъ духовникъ не дать разрѣшенія грѣшнику, провинившемуся ими. Но надобно держаться смысла словъ, а не то всѣ понятія перемѣшаются: сѣрое не бѣлое, но и не черное. Однимъ словомъ, противъ перваго обвиненія я совершенно чистъ, и слѣдовательно рана на меня нанесенная задѣла за живое, попала на дѣвственное мѣсто, и тѣмъ болѣе она мнѣ чувствительна. Не думаю, чтобы правительство захотѣло въ этомъ случаѣ сказать: «до свадьбы заживетъ» и оставить оскорбленнаго съ его раною въ ожиданіи новыхъ ранъ. Недоброжелатели любятъ добивать свою жертву и метать въ раны, какъ въ доступную цѣль. Для нихъ нѣтъ пословицы: лежачаго не бьютъ; напротивъ, его-то и бьютъ. А у меня есть недоброжелатели. Гдѣ они, кто они, изъ чего они хлопочутъ? Право, не знаю.

Теперь приступимъ къ другому обвиненію за неосторожность моихъ писемъ. Тутъ мѣшкать нечего, я долженъ сказать: виноватъ и принести повинную голову. Могу еще сказать: впередъ не буду, если отъ меня того потребуютъ, и ручаюсь честью и совѣстью, что, давъ обѣщаніе, сдержу. Этого сознанія и отреченія для будущаго довольно для судьи; но съ тобою, какъ съ адвокатомъ моимъ, я долженъ войти въ нѣкоторыя нравственныя объясненія. Законно я виноватъ, если существуетъ законъ, запрещающій писать письма спустя рукава и спустя сердце. Но ты долженъ судить меня морально и смотрѣть не на одни дѣйствія, но и на побужденія. Ты не законъ, ты можешь принять участіе въ подсудимомъ и прикрывать непорочностью побужденій наружную порочность дѣйствій. Моихъ писемъ нельзя назвать злоумышленными; огласивъ ихъ *неосторожными*, опредѣляешь мѣру и виновности и, такъ сказать, ихъ оправдательности. Признаюсь, я не почитаю преступленіемъ для человѣка посторонняго, не облеченнаго довѣренностью правительства и слѣдовательно не предающаго его, противорѣчить иногда въ себѣ самомъ или, съ глаза на глазъ съ пріятелемъ, изустно или письменно (ибо и письмо не что иное какъ разговоръ съ глаза на глазъ, по крайней мѣрѣ оно такъ быть должно, а третьи глаза въ такомъ случаѣ нарушеніе тайны, нарушеніе исповѣди; это не умствованіе, а нравственная истина), противорѣчить, какъ сказано выше, нѣ-

которымъ мѣрамъ и дѣйствіямъ правительства, судить о людяхъ, имъ употребляемыхъ, хотя противорѣчить и судить и въ выраженіяхъ рѣзкихъ, сатирическихъ, смотря по формамъ ума и болѣе или менѣе пылкости характера. Я зналъ, что письма читаются на почтѣ, слѣдовательно не полагалъ, чтобы они могли быть для меня пагубными. Увѣренный въ чистотѣ своихъ побужденій, я всегда полагалъ, что истинное чувство мое проскочетъ сквозь дымъ и чадъ моихъ вспышекъ. Но дѣло въ томъ, что только дымъ моихъ писемъ былъ собираемъ и представляемъ правительству, а сердечный жаръ, то, что̀ въ нихъ кровнаго, было всегда рачительно отлагаемо въ сторону. Такая декомпозиція безсовѣстна и должна быть во вредъ. Пускай соберутъ всю мою переписку всѣхъ годовъ: я весь въ ней, не боюсь изслѣдованія, хотя заранѣе сознаюсь, что въ ней найдется многое, очень многое, которое подастъ оружіе на меня самого. И въ лучшемъ бракѣ выставьте одни часы ссоръ, раздраженія, записывайте одни гнѣвныя и оскорбительныя слова, другъ другу сказанныя, итогъ васъ испугаетъ; но свѣсьте все одно съ другимъ, разберите союзъ морально, и вы увидите, что бракъ честенъ и жизнь супруговъ счастлива. Такъ и съ моею перепискою. Я такъ почитаю бесѣду писемъ безгрѣшною, что я только въ ней и попадаю въ просакъ. Въ разговорахъ изустныхъ я гораздо умѣреннѣе и, сколько мнѣ извѣстно, не передавали правительству словъ моихъ предосудительныхъ. А если я хотѣлъ бы дѣйствовать неблагонамѣренно, то искалъ бы случая дѣйствовать на слушателей: тутъ кругъ обширнѣе и болѣе поощренія и обольщенія самолюбію. Къ кому были писаны мои письма? Вовсе не къ людямъ, которыми могъ я надѣяться управлять, дѣйствовать черезъ нихъ на общее мнѣнія. Совсѣмъ нѣтъ. Письма мои просто вспышки, когда меня что нибудь душитъ, желчь разыграется. Я не оправдываюсь, а объясняю тебѣ; объясни и другимъ, если можешь.

Теперь прости. Кажется, главное мною сказано; если что̀ придется мнѣ, то также искренно признаюсь, исповѣдаюсь передъ тобою не яко Іуда, но яко разбойникъ. Повторяю, на меня два обвиненія; первое можно, оно стерпимо: нельзя жить мнѣ въ Россіи подъ такимъ обвиненіемъ. Если не дадутъ мнѣ случая оправдаться передъ Государемъ, просить отъ него суда и справедливости, то я какъ будто внѣ закона, отлученъ отъ закона, hors la loi. Второе обвиненіе справедливо, но не должно обвинять меня, или по крайней мѣрѣ присудить, не выслушавъ моей исповѣди. Мнѣ некому сказать все это кромѣ тебя. Былъ одинъ, Карамзинъ; ты долженъ мнѣ замѣнить его. Вотъ, небось, это письмо не затеряется въ дорогѣ и не будетъ представлено правительству, то есть Государю. Прямо писать къ Государю теперь не смѣю и по причинѣ

его горести *), и потому что дѣло мое уже замялось. Надобно мнѣ было написать Государю врасплохъ, мимо всѣхъ начальствъ; но тогда Государь былъ въ арміи. Я связанъ въ движеніяхъ. Ни къ генер. Бенкендорфу, ни къ гр. Толстому писать рука не подымется. Чтò скажу имъ? Какъ доберусь до нихъ сквозь тучу недоброжелателей и предубѣжденій? Не имѣю права на ихъ вниманіе, на ихъ участіе. На вниманіе Государя право имѣю, потому что я его подданный, что судьба моя и дѣтей моихъ въ его рукахъ, что я оскорбленъ, пораженъ отъ его имени и что между нами есть общее: моя отъ него зависимость и его надо мною неограниченная воля. На великодушіе его имѣю право такъ же, какъ и на твою дружбу, потому что ихъ заслуживаю. Къ вамъ обоимъ и взываю. Обнимаю тебя

*

17-го (Ноября 1828 г.).

Что это ты такъ замолкъ? Или ждешь по послѣднему письму моему предполагаемаго отчета, исповѣди моей? А я все ждалъ, что ты меня избавишь отъ труда и пустишь въ ходъ мои отрывки исповѣди передъ тобою, мой отецъ духовный. Но кто станетъ читать мое писаніе? Меня только тогда читаютъ, когда надѣются, что я проврусь. Главное дѣло, повторяю, въ двухъ словахъ: меня оклеветали передъ Государемъ. Сказали ему, что собираюсь издавать газету подъ чужимъ именемъ: это ложь! Сказали, что я велъ въ Петербургѣ развратную жизнь: это ложь! Вслѣдствіе клеветы объявлено мнѣ высочайшимъ именемъ поношеніе моему имени. Когда изслѣдуютъ клевету, и клеветникъ обличится, неужели Государь не долженъ мнѣ сказать доброе слово и тѣмъ залѣчить рану, которую нанесла мнѣ его рука, водимая Булгаринымъ? Стороною я узналъ на дняхъ, что доносъ на меня былъ присланъ въ армію отъ Булгарина и, говорятъ, Греча. Въ чемъ онъ состоитъ? Не въ одномъ же поклепѣ, что я хочу издавать газету, хотя бы и подъ чужимъ именемъ? Это преступленіе важное въ его глазахъ, потому что можетъ угрожать совмѣстничествомъ Пчелѣ его. Но какое тутъ дѣло правительству? У него цензура; ни мое, ни чье имя ни было бы, цензуры не одолѣетъ. Говорятъ о какомъ-то письмѣ моемъ, представленномъ мнѣ въ обвиненіе. Развѣ старое? Не могу придумать, чтò можетъ быть за письмо. Но во всякомъ случаѣ, въ письмѣ эпиграммы или отрыжки желчи. Обдуманнаго, возмутительнаго, преступнаго даже и въ смыслѣ правительства быть ничего не можетъ. Можетъ быть, и все письмо вымышлено. Неужели не можешь упросить Бенкендорфа показать тебѣ это письмо? Тутъ государственной тайны нѣтъ, а особливо

*) Кончина матери. П. Б.

же тебѣ, избранному въ посредники самимъ Бенкендорфомъ. Пока я не буду знать, въ чемъ состоитъ обвиненіе, какъ могу оправдываться и въ чемъ могу принести повинную голову? Пожалуй, мнѣ приписываютъ какіе нибудь стихи, можетъ быть прибавили что нибудь возмутительнаго къ стихамъ моимъ, напримѣръ «Русскому Богу». Все это дѣло возможное, въ духѣ Булгарина. Ради Бога, постарайся навести меня на слѣды. Не нужно ли мнѣ пріѣхать въ Петербургъ просить допуска къ Государю? Съ нимъ однимъ могу объясниться. Только дай знать поскорѣе. Мнѣ хочется ѣхать къ своимъ [1]).

Письмо мое везетъ Волковъ, начальникъ Московскаго жандармскаго округа [2]). Я ему извѣстенъ со вступленія моего въ свѣтъ. Кажется, онъ долженъ меня знать, и надѣюсь, что знаетъ по крайней мѣрѣ, не смотря на его званіе, полагаюсь на его пріязнь. Не боюсь за собою полицейскаго надзора, и сношенія мои съ Волковымъ оставались всегда неизмѣнными. Боюсь только клеветы и превратнаго толкованія моимъ поступкамъ и словамъ. Повидайся съ Волковымъ; онъ, кажется, остановится у Булгакова; поговори съ нимъ о моемъ дѣлѣ. Я хотѣлъ бы, чтобы судили меня на Царицынскомъ лугу: не опасаюсь ни за одинъ поступокъ, ни за одно слово, разумѣется, если согласовать ихъ вмѣстѣ и съ цѣлымъ, а не отдѣльно.

Вотъ письмо къ тебѣ отъ Ланской. Пушкинъ порадовалъ меня, что будутъ стихи твои въ Цвѣтахъ. Тутъ отголосокъ старины.

О тебѣ, святой, великой,
Невозвратной Иліонъ.

Обнимаю тебя отъ всей души и передаю ее тебѣ въ руки: не дай Булгарину душить ее. Право, я все-таки болѣе Русскій, казенный, чѣмъ онъ. Съ этимъ можетъ согласиться и Бенкендорфъ. Покажи Волкову то письмо, которое ты желалъ бы сдѣлать извѣстнымъ Государю.

*

30 Ноября (1828 г.).

Слава Богу, мы оба вошли въ свои берега. Сердечно благодарю тебя за доброе, предоброе письмо, безъ числа, но доставленное мнѣ Александромъ Булгаковымъ. Только ты странно мнѣ говоришь: «съ чего вздумалъ ты *себя извинять* передо мною?» Какъ съ чего? Да развѣ сначала ты не засѣлъ противъ меня въ Уголовную Палату? Теперь хорошо ты сидишь въ судѣ присяжномъ и взвѣшиваешь дѣйствія и побужденія, вникаешь, судишь, разсуждая. Мнѣ только того и надобно.

---

[1]) Т.-е. въ Пензенское село Мещерское, гдѣ жила супруга князя Вяземскаго у своей матери и втораго ея мужа Кологривова.

[2]) Александръ Александровичъ Волковъ, извѣстный читателямъ „Русскаго Архива" по письмамъ А. Я. Булгакова.

А для меня была ужасна мысль слышать отъ тебя голоуголовныя слова о себѣ. Воля твоя, мнѣ все не хочется писать ни къ Самому, ни къ другому. Ни передъ тѣмъ, ни передъ другимъ мнѣ нельзя будетъ *высказаться*, а не *высказанный* я теряю 50, 70 процентовъ въ своей тяжбѣ. Не можешь ли дать Бенкендорфу или кому хочешь выписку изъ моего письма, о которомъ ты мнѣ пишешь въ послѣдній разъ? Приведу однакоже свои мысли кое-какъ въ порядокъ и на дняхъ, можетъ быть, доставлю тебѣ оба письма и при нихъ родъ *mémoire consultatif* о себѣ, потому что въ письмѣ мнѣ нельзя разболтаться. Письмо, текстъ, пишется съ тѣмъ, чтобы его читали: прибавленія читаетъ кто хочетъ. Жаль, что Вьельгорскій уѣхалъ: онъ, кажется, имѣетъ доступъ и, надѣюсь, изъ дружбы ко мнѣ могъ бы взяться за это дѣло. Если можешь миновать меня, то ради Бога устрой безъ меня. Я не могу поступать нигдѣ и ни въ чемъ изъ одного барыша. Не скажу никогда périsse plutôt les colonies qu'un principe; но, конечно, скажу всегда: погибни лучше я, чѣмъ мое правило! Я уже промахнулъ свою жизнь положительную; теперь ея не поправишь; слѣдовательно болѣе, чѣмъ когда нибудь долженъ я вцѣпиться въ жизнь свою внутреннюю, въ то что̀ почитаю неотдѣляемою собственностью, безъ чего весь разсыплюсь въ развалины не только для другихъ, но и для себя. Теперь одинъ наружный фасадъ развалился, и прохожіе, глядя на него, пожимаютъ плечами, иные изъ жалости, а многіе изъ презрѣнія. Но все еще тутъ есть во внутренности уголъ, гдѣ теплится лампада: тутъ есть жизнь, есть то, что̀ высокаго въ жизни. А если вдругъ изъ малодушія, изъ голода вылью масло изъ лампады, чтобы состряпать себѣ салатъ для дневного пропитанія, то прости навсегда! Развалины и потемки останутся однѣ. Кстати я у тебя въ послѣднемъ письмѣ нашелъ Арзамасскую фразу, отъ которой принимался нѣсколько разъ смѣяться долго послѣ прочтенія: «Перо мое, которое скачетъ по бумагѣ и бьетъ передомъ и задомъ», превосходно. Посылаю Карамзинымъ новые стихи Баратынскаго. Сдѣлай одолженіе, доставь пакетъ Дельвигу. Я съ большимъ удовольствіемъ, и Баратынскій также, читали твои стихи на смерть Императрицы. Сначала какъ-то видно, что ты потерялъ шагъ поэтическій, то-есть стихотворческій, но тамъ разошелся и пошелъ твердо и смѣло. Много истиннаго чувства и теплоты. Сдѣлай милость, вели Воейкову оставить меня въ покоѣ, а не то право стану жаловаться на него правительству. Въ 18-мъ № Телеграфа напечатаны мои статьи и за моею подписью en toutes lettres. Въ 45 № Славянина подъ заглавіемъ: *что̀ случилось съ издателемъ Московскаго Телеграфа* выписывается изъ помянутой статьи моей фраза и приписывается Полевому, и какая же фраза, то-есть съ какимъ умысломъ! «Въ 13-й книжкѣ на

стр. 133» выставился у г. Полевого *рычагъ мнѣній* (мое выраженіе) онъ пытается поворачивать *рычагомъ мнѣній*. Въ его рукахъ рычагъ есть орудіе опасное!!» и прочее. Ты понимаешь, какъ для меня пріятно видѣть въ рукахъ Воейкова рычагъ толкованій моимъ словамъ. Прощай. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Буду придумывать письма и свой mémoire, а если можно: да мимо идетъ чаша сія! Признаюсь, мнѣ это дѣло такъ ужъ надоѣло, такъ провонялъ имъ мой умъ, что, не будь у меня дѣтей, я не въ состояніи былъ бы пошевелить для него ни мысли, ни языка, ни руки.

*

(Декабрь 1828 г.).

Моя Египетская работа подходитъ къ концу. Дописываю свою исповѣдь. Но будетъ ли прокъ? Кто прочтетъ ее? Нуженъ умный духовный отецъ. Не надѣюсь, чтобы Государь захотѣлъ все прочесть. Не можешь ли какъ нибудь втереться въ чтецы или втереть Дашкова или Блудова? Я читалъ свою исповѣдь двумъ или тремъ человѣкамъ, не молокососамъ и не головорѣзамъ, а такимъ, которыхъ ты знаешь и самъ выбралъ бы въ судьи. Они очень довольны моимъ трудомъ, но о дѣйствіи ожидаемомъ заключаютъ одно со мною: «хорошо, если попадется въ умныя руки, а въ другія бѣда: и не поймутъ, и могутъ еще многое перетолковать криво». Я писалъ Европейцемъ, а не Русскимъ и по совѣсти, и по разсудку. Я ханжить не люблю, да тутъ было бы и неловко: мой образъ мыслей извѣстенъ, слѣдовательно слова, противорѣчащія ему, могли бы только дать поводъ къ худому заключенію о моемъ характерѣ. Я старался только ставить мой образъ мыслей въ истинномъ свѣтѣ и разсѣять лживый свѣтъ, сквозь который на него доселѣ смотрѣли, объяснять и изъяснять его событіями, временемъ, многими подробностями, можетъ быть, неизвѣстными. Ради Бога, какъ нибудь устрой, заранѣе, чтобы бумага моя попалась въ хорошія руки. Письмо къ Государю будетъ коротко, почтительно, но твердо, то-есть буду просить суда и защиты отъ клеветы. Видѣлся ли ты съ нашимъ Голицынымъ?*) Хорошо, если бы взялся онъ доставить бумагу Государю или по крайней мѣрѣ при случаѣ сказать ему, что онъ ее знаетъ. Сдѣлай одолженіе, когда получишь отъ меня, съѣзди къ нему и прочти. И въ немъ не будетъ большого толка, то-есть авторскаго понятія, но есть благородное чутье и, сколько мнѣ кажется, благорасположеніе ко мнѣ, слѣдовательно будетъ онъ слушать меня безъ неблагопріятнаго предубѣжденія: и то хорошо, и того въ другихъ не найдешь. Ухо его здраво и не ужалено Сѣверною Пчелою. Кстати,

*) Т. е. Московскимъ генералъ-губернаторомъ.

какъ теперь видно, что доносы на меня дѣло Булгарина и Греча и что они *извѣщены о томъ, что̀ дѣлается со мною и что̀ готовлю. Сѣверная Пчела стала мазать меня своимъ медомъ до тошноты. Все мое хвалитъ до смерти. Ты мнѣ когда-то писалъ, что оскорбленіе, нанесенное мнѣ Толстымъ, остается въ тайнѣ между мною и правительствомъ. Совсѣмъ нѣтъ! До меня доходили разные слухи о томъ со многихъ сторонъ. Ты это поставь на видъ Бенкендорфу или кому можешь.* Если моя бумага будетъ имѣть успѣхъ и обратитъ нѣсколько Государя въ мою пользу, то желаю имѣть какое нибудь *гласное удовлетвореніе*, которое докажетъ, что я не внѣ закона, что каждый не можетъ на улицѣ бить меня какъ бѣшеную собаку. Но въ чемъ будетъ состоять это удовлетвореніе? Вотъ гдѣ запятая и точка и вся фаланга препинаній. Что̀ говорю въ запискѣ своей о службѣ, не слова, а дѣло: обыкновенная служба, *то-есть мѣсто по моему чину съ жалованьемъ ему свойственнымъ введетъ меня только въ долги,* а дѣти растутъ; долгамъ и дѣтямъ вмѣстѣ расти не годится. Христорадничать у правительства также мнѣ не годится. А между тѣмъ безъ службы не будетъ у насъ совершеннаго мира съ правительствомъ. Были бы при Государѣ настоящіе, то-есть по своей части употребляемые статсъ-секретари, то настоящее мѣсто мое было бы при одномъ изъ нихъ. Но у насъ Блудовъ и Дашковъ по всѣмъ частямъ кромѣ, именно кромѣ, статсъ-секретарской. Была бы особенная канцелярія Государя истинною государственною факторіею, то и тутъ опредѣлился бы охотно. Между тѣмъ и князь Голицынъ говорилъ мнѣ, что для достиженія чего нибудь должно опредѣлительно просить чего нибудь, а не то всѣ слова выдохнутся. Хотя онъ или кто другой и сталъ бы говорить въ мою пользу Государю, но безъ испрашиванья мною чего нибудь, все кончится пустымъ размѣномъ словъ, не имѣющихъ никакой положительной цѣнности. Придетъ другой, станетъ говорить въ противномъ смыслѣ, и впечатлѣніе прежнее смоется новыми словами. Слѣдовательно, надобно, во что бы ни стало, просить, а чего? Надоумь васъ Богъ! Посовѣтуйся съ Дашковымъ.

Saint Esprit, descends, descends jusqu'en bas!
— Non, dit l'Esprit Saint, je ne descends pas.

Боюсь этого отвѣта. Нельзя ли *напримѣръ причислить меня къ Министерству Просвѣщенія* и сказать въ указѣ, что *причисляюсь въ награду, въ поощреніе или тому подобное* трудовъ моихъ литературныхъ? Послѣ пощечины, полученной мною, хотя и въ потьмахъ (какъ ты думаешь), но однакоже раздавшейся довольно звучно, мнѣ непремѣнно нужно удовлетворительное слово, или умереть для Россіи, то-есть, собравъ пожитки и дѣтей, убраться вонъ. Если, имѣя сильныхъ друзей, надежныхъ поручителей, не могу очиститься отъ клеветы, закидавшей

меня грязью передъ Государемъ, то какъ же мнѣ оставаться здѣсь, для чего и до чего? Въ письмѣ къ Государю упоминаю о письмѣ своемъ къ князю Голицыну въ отвѣтъ на сообщеніе обо мнѣ графа Толстого; можетъ быть, Государь захочетъ видѣть это письмо. У тебя должна быть съ него копіи и у князя Голицына и у Бенкендорфа, присланныя ему Голицынымъ или Волковымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Булгаринъ со сволочью знаютъ уже о моемъ письмѣ къ князю Голицыну и дѣйствовали противъ него.

Еще одно слово, и слово непреложное. Хотя моя исповѣдь тебѣ и Дашкову не понравится, все-таки прошу пустить ее въ ходъ [1]. Она мнѣ по сердцу, и по совѣсти она выраженіе всей моей жизни; если она не годится, то не годится и моя жизнь. Оно, можетъ быть, и очень такъ, да что же дѣлать? Переправить изданіе моей жизни не въ нашей волѣ.

Угоденъ, пусть меня читаютъ;
Не годенъ, пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не ищу [2].

Ищу не солгать передъ своею совѣстью и своею честью. Вы скажете: этой бумагѣ не имѣть успѣха. Я вамъ отвѣчаю: слѣдовательно и моей жизни не имѣть успѣха. Одно къ одному! Впрочемъ я читалъ ее двумъ человѣкамъ разнаго свойства и разнаго возраста, и успѣлъ уже провѣрить свое убѣжденіе впечатлѣніями посторонними. Что̀ изъ этого ни будетъ, но не стану пѣнять себѣ за опрометчивость и самонадѣянность. Не сердись за мое предварительное упрямство; право, говорю тебѣ не въ сердцахъ и не въ досадѣ на прежнее наше разногласіе, а говорю по убѣжденію.

Окулова, пріятельница наша, которая ѣдетъ въ Петербургъ съ княгинею Зинаидою, доставитъ тебѣ письмо и печать мою, а я пришлю все прочее официальное по почтѣ не запечатанное въ пакетѣ на твое имя: исповѣдь, письмо къ Царю и Бенкендорфу. Послѣ возврати печать Окуловой, которая поѣдетъ въ Москву. Ни съ кѣмъ изъ нихъ не говори о моемъ дѣлѣ. Поѣхалъ и Кологривовъ нашъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ; съ ними также не говори, если гдѣ встрѣтишься и если что̀ захочетъ [3] онъ отъ тебя вывѣдать; потому что онъ по канцеляріямъ голубымъ и разноцвѣтнымъ, можетъ быть, что нибудь и пронюхаетъ. Съѣзди къ княгинѣ Зинаидѣ; она очень тебя любитъ и написала очаровательную музыку на твою *Дубрава шумитъ*. Мы часто говоримъ о тебѣ съ Софьею Бобринскою [3], сердцемъ тебя преданною; она хвалится твоими

---

[1]) Исповѣдь князя П. А. Вяземскаго напечатана въ 2-мъ томѣ полнаго собраніе его сочиненій, а относящаяся къ ней переписка въ 9-мъ.

[2]) Стихи Державина.

[3]) Графиня Софья Александровна Бобринская, ур. графиня Самойлова. Она совѣтовалась съ Жуковскимъ вѣроятно по воспитанію своихъ сыновей.

добрыми совѣтами. Правда ли, что Дашковъ боленъ? Передай ему мое дружеское рукопожатіе. Онъ долженъ знать корень моего дѣла. Мнѣ сказывали, что онъ за меня заступался. Сердце мое благодарить его благородное сердце. Какое письмо попалось имъ въ руки? Не могу придумать. Право, не подписались ли подъ мою руку, или не старое ли письмо? Сдѣлай милость, перечитай мое письмо раза два-три. Ты, говорятъ, просишься въ Бенкендорфы *), то есть не въ голубые архангелы, а въ разсѣянные. Ты на дняхъ привелъ кого-то къ Зонтагъ и забылъ и о его имени, и о ея. Правда ли? Видишь, и у меня есть свое голубое провидѣніе.

На дняхъ пѣвчіе пѣли духовную музыку у Батюшкова. Оно не произвело на него никакого видимаго дѣйствія: онъ все время пролежалъ спокойно на канапе. Докторъ видитъ въ этомъ добрый знакъ: если бы музыка была не по немъ, то онъ вышелъ бы изъ себя. Докторъ говоритъ, что онъ ни за что ничего не похвалитъ. Мы хотимъ съ Жихаревымъ отслужить у него всенощную. Монахи Симонова монастыря прекрасно поютъ; хотимъ ихъ привезти. Исцѣленія ждать нечего; но хорошо, если доставишь ему и услажденіе.

Сейчасъ узналъ, что будто подъ Варну или въ другое мѣсто присланы были статьи, которыя я будто готовилъ для предполагаемой газеты и между прочими статью съ выпискою всѣхъ тирановъ, когда либо царствовавшихъ и съ означеніемъ конца ихъ. Сдѣлай милость, узнай, такъ ли. Это явный поддѣлъ. Я никогда не писалъ этихъ статей и знать о нихъ не знаю, никогда историческихъ статей не писалъ. А между тѣмъ, въ письмѣ Бенкендорфа къ князю Голицыну говорено именно о какихъ-то моихъ écrits qui se trouvent dans les mains de l'Empereur. Я объ этомъ упомяну въ письмѣ къ Бенкендорфу; но сдѣлай милость и ты развѣдай. Повторяю: если это такъ, тутъ явный поддѣлъ. 5-го числа вышлю тебѣ бумаги. Вчера получилъ я твое письмецо и видѣлся съ Мухановымъ. Что́ за новое преступленіе отыскано въ моихъ словахъ, кому-то и когда-то написанныхъ или сказанныхъ: *державная лапа на мнѣ тяготѣетъ*. Что же тутъ кромѣ досаднаго слова? Если я сказалъ бы его на площади или въ Сенатѣ, то дѣло другое; но въ бесѣдѣ письменной или изустной съ глаза на глазъ какъ не сказать подобнаго слова, когда мнѣ скребутъ тѣло? И о Богѣ говорятъ только церемонно у Него до́ма, то есть въ церкви, а запросто, въ минуты досады, и о Немъ говорятъ иногда невѣжливо. Обнимаю тебя.

(Продолженіе будетъ).

---

*) Голубой цвѣтъ—жандармскаго мундира. Графъ А. Х. Бенкендорфъ отличался необычайною разсѣянностью. Въ Кіевѣ онъ пошелъ гулять, в осхитился его видами и позабылъ не только домъ, гдѣ онъ остановился, но и самое имя свое.

ОТЪ ДУНАЯ ДО ЦАРЬГРАДА *).

VI. Деревни Нифасъ и Айпа.

Нифасъ — это довольно большая Греческая деревня, съ нѣсколькими пересѣкающимися по разнымъ направленіямъ улицами. Дома въ ней почти всѣ двухъэтажные, низъ каменный, верхъ деревянный, окружены дворами съ каменной или плетневой оградой, смотря по достоянію хозяина. При въѣздѣ въ деревню, на площадкѣ, обсаженной пирамидальными тополями, стояла небольшая Греческая церковь, съ черепичною крышей, съ крестомъ надъ алтаремъ. Колокольни не было, а вмѣсто колоколовъ была привѣшена у двери, на стѣнѣ церкви, чугунная доска, «било», такая, какія употребляются у насъ караульными въ деревняхъ; въ эту доску бьютъ палкой, призывая жителей къ богослуженію. Внутренность церкви такая же, какъ и у насъ; но по срединѣ стояли два ряда колонъ, между которыхъ устроены сидѣнья.

Эта деревня расположена на высокомъ берегу оврага, поросшаго кустарникомъ, вдоль котораго стояли наши часовые, а на противоположномъ берегу его стояли Турецкіе часовые. Это была демаркаціонная линія, проходившая отъ Константинополя верстахъ въ шести. Всѣ дома были заняты чинами нашего полка; въ однихъ жили офицеры, а въ другихъ солдаты.

Въ Нифасѣ стояло три эскадрона, 1-й, 2-й и 3-й, а 4-й стоялъ верстахъ въ двухъ, въ деревнѣ Айпѣ. На главной улицѣ, въ большомъ угловомъ домѣ, открылъ трактиръ Итальянецъ «Вокаро», который, узнавъ о прибытіи Русскихъ войскъ, немедленно пріѣхалъ изъ Константинополя, гдѣ онъ занимался торговлей, въ Нифасъ. Это былъ еще молодой человѣкъ, средняго роста, довольно образованный, услужливый, сумѣвшій сразу насъ расположить въ свою пользу. Ему помогалъ его меньшой братъ. Онъ привезъ съ собой поваровъ и всевозможную провизію. Вокаро сразу установилъ порядокъ въ своемъ трактирчикѣ:

*) См. выше, стр. 42.

были назначены часы завтрака и обѣда, къ которымъ собирались почти всѣ офицеры. На каждый день писалось меню и, кромѣ того, можно было заказывать по картѣ. Закуска была хорошая, но нашей водки и чернаго хлѣба не было. Хотя иногда и доставалъ Вокаро по заказу водку, но все-таки она была не Русская, за то пиво изъ Тріеста было свѣжее и вкусное. Еще въ большомъ ходу была марсала. Цѣны на все были порядочныя, но все-таки не такія, какія брали наши маркитанты-Жиды.

Буфетъ или, какъ мы называли, кабачекъ, занималъ небольшую угловую комнату во второмъ этажѣ. Слѣдующая большая, съ лѣстницей внизъ, была столовая, съ длиннымъ посрединѣ столомъ, кругомъ котораго стояли стулья, табуретки и скамейки. Съ другой стороны столовой двѣ комнаты занимались: одна деньщиками, другая—офицерами третьяго эскадрона. Въ нижнемъ этажѣ комнатку занимали нѣсколько офицеровъ второго эскадрона, а нѣсколько ступеней ниже помѣщалась кухня нашей столовой. Остальные офицеры размѣстились по всей деревнѣ компаніями въ нѣсколько человѣкъ и по одному.

Къ нашему кабачку примыкала площадь, на которой стоялъ денежный полковой ящикъ съ часовымъ. На эту же площадь выходилъ домъ, въ которомъ помѣщался штабъ полка и штандартъ; эти дома оба стояли на околицѣ деревни, и изъ оконъ ихъ открывался видъ на Турецкую сторону оврага, изъ-за котораго грандіозно вздымались бѣлые минареты Стамбула и частью виднѣлся самый городъ. Странно намъ казалось, отчего мы стоимъ здѣсь, а не тамъ, гдѣ высятся эти гордые минареты.

Мѣстность, отдѣлявшая насъ отъ Константинополя, ровная, открытая, безъ всякихъ признаковъ какихъ-либо укрѣпленій и даже войскъ.

Жизнь потянулась однообразная и скучная. Скучная она была потому, что дѣлать было нечего; мы ожидали возвращенія домой, а слухи не подтверждали этого.

Я поселился въ дер. Айпѣ, вмѣстѣ съ ротм. Сафоновымъ, вернувшимся изъ Россіи по излѣченіи своей раны, и корнетомъ Ѳедоровымъ, въ маленькой комнаткѣ большого Турецкаго дома, остальныя комнаты котораго занимались другими офицерами и деньщиками.

Каждый день верхомъ или пѣшкомъ мы отправлялись въ Нифасъ, въ кабачекъ; тутъ пили, ѣли, играли въ карты и вечеромъ возвращались домой.

Вскорѣ четвертый эскадронъ перевели въ Нифасъ, такъ что весь полкъ стоялъ теперь вмѣстѣ.

Сюда намъ привезли изъ Россіи новые мундиры, и уланы пріодѣлись и почистились; но офицерамъ трудно было пріодѣться: не было портныхъ и матеріала. Нѣкоторые было пробовали, но ихъ надували и вмѣсто настоящаго синяго сукна ставили такое, которое выгорало быстро на солнцѣ и получалось коричневое или лиловое, смотря потому, какимъ оно было до краски въ синій цвѣтъ.

Кабачокъ Вокаро сдѣлался полковымъ клубомъ: все сосредоточивалось въ немъ, здѣсь рѣшались всѣ полковыя дѣла, сюда собирались и отсюда расходились всѣ слухи, интересовавшіе насъ. Во всякое время можно было встрѣтить тутъ офицеровъ.

Газетъ не было, и мы, какъ древніе Греки, которые были охотники до новостей, ловили всюду эти новости; но главный источникъ ихъ былъ въ Санъ-Стефано, гдѣ находилась въ настоящее время главная квартира. Каждый, возвратившись оттуда, являлся въ столовую, и его обступали съ вопросами «что̀ новенькаго?» Прибывшій громогласно разсказывалъ все, что̀ узналъ, послѣ чего начинались обсужденія и догадки. Часто вечеръ заканчивался жженкой. Всѣ присутствовавшіе дѣлали складчину и варили жженку, для чего на срединѣ стола ставили большую кастрюлю, и кто нибудь занимался варкой. Остальные сидя кругомъ, чистили фрукты, совѣтовали чего еще туда подложить и любовались игравшимъ въ темнотѣ голубовато-краснымъ огонькомъ въ кострюлѣ на сахарѣ. Нерѣдко звали трубачей, которые на изломанныхъ трубахъ, стоя внизу у лѣстницы, играли все, что̀ приходило имъ въ голову.

Заслышавъ звуки трубъ, офицеры собирались со всѣхъ концовъ Нифаса; разговоръ мало-по-малу оживлялся. Корнетъ Миллеръ обыкновенно начиналъ говорить спичи, которые онъ говорилъ прекрасно и могъ долго говорить безъ запинки на всякія темы.

Но скоро некому уже было говорить рѣчи: пришелъ приказъ откомандировать всѣхъ кирасирскихъ офицеровъ по своимъ полкамъ, и мы проводили корнета Миллера, устроивъ ему на прощаніе генеральную жженку.

Въ Нифасѣ мы простились также съ своимъ боевымъ полковымъ командиромъ, генераломъ Эттеромъ. Сначала разнесся слухъ, что генералъ Эттеръ, находившійся въ отпуску въ это время въ Россіи, сдастъ полкъ генер. Струкову, получивъ новое назначеніе, а вскорѣ и самъ онъ, вернувшись изъ отпуска, пріѣхалъ проститься съ полкомъ.

Полкъ выстроился, офицеры собрались на правомъ флангѣ. Ген. Эттеръ вышелъ и благодарилъ всѣхъ за службу подъ его командой, за тѣ благодарности, которыя онъ получалъ за полкъ, сказавъ, что лучшей наградой онъ считаетъ мундиръ полка, который пожаловалъ ему Государь Императоръ и съ которымъ онъ никогда не разстанется. Ген. Эттеръ былъ взволнованъ; офицеры его окружали, онъ жалъ намъ руки, желая скораго возвращенія домой, а мы въ свою очередь желали ему всего хорошаго. Ген. Эттеръ обошелъ квартиры офицеровъ, зашелъ и въ столовую, дѣлая прощальные визиты.

Командующій полкомъ остался полковникъ Пилсудскій.

Невдалекѣ отъ Нифаса, на берегу Мраморнаго моря, раскинулся приморскій городокъ Санъ-Стефано, гдѣ сосредоточилась теперь жизнь, возбужденная присутствіемъ главной квартиры.

Часто мы ѣздили туда «гулять» какъ говорилось. Тамъ уже открылись кабачки, гостиницы, кафе-шантаны, которые мы называли «кафе-шайтанами», и много другихъ увеселительныхъ заведеній.

Дорога изъ Нифаса въ Санъ-Стефано шла равниной вдоль демаркаціонной линіи. Въ одномъ мѣстѣ не широкій, но быстрый ручей, протекая въ высокихъ берегахъ, пересѣкалъ дорогу и чрезъ него былъ перекинутъ каменный горбатый мостъ. Такіе высокіе мосты необходимы, потому что эти небольшія рѣчки-ручьи превращаются въ дождливое время въ бурные непроходимые потоки, уничтожающіе все на своемъ пути. Около этого моста стоялъ Турецкій караулъ съ офицеромъ, а на самомъ мосту часовой, который при проѣздѣ нашихъ офицеровъ дѣлалъ ружьемъ на караулъ.

По другую сторону моста, шагахъ въ тридцати, вправо отъ дороги, былъ каменный колодезь-фонтанъ, у котораго расположился нашъ пѣхотный караулъ.

Часто, проѣзжая мимо, мы видѣли нашихъ и Турецкихъ солдатъ, мирно бесѣдовавшими у колодца или купавшимися въ этомъ ручейкѣ, оживленно разговаривая каждый на своемъ языкѣ. Иногда спросимъ: «о чемъ вы говорите?» — «Да все про войну разговариваемъ, какъ у насъ воевали, а онъ разсказываетъ, какъ у нихъ». — «Да вѣдь вы другъ друга не понимаете, о чемъ говорите?» — «Ему-то, конечно, гдѣ же понять», отвѣчаетъ нашъ солдатъ. «Ну, а ты-то его понимаешь?» — «Какъ же, онъ разсказываетъ, какъ султанъ евойный съ женами своими живетъ и про всякую домашность». Наши ухитрялись, ловя подходящія созвучія своихъ словъ съ Турецкими, составлять изъ нихъ фразы, а тамъ

выходилъ и цѣлый разсказъ. Такимъ образомъ велись разговоры нашихъ солдатъ съ Турками, и тѣ и другіе оставались довольны, въ сущности не понимая ни единаго слова, но наговорившись вдоволь.

Вообще непониманіе Русскаго языка приводило нашихъ солдатъ въ недоумѣніе, такъ что, придя еще въ Румынію и видя, что ихъ не понимаютъ, они старались кричать, твердо выговаривая слова, предполагая, что тѣ не разслышали,—глухіе или безтолковые. Но, видя, что это не помогаетъ, они удивленно говорили: «да какъ же это я ему по русски говорю, а онъ не понимаетъ?» Кончилось тѣмъ, что они стали ихъ считать просто дураками и заучивать Румынскія слова, а выучивъ нѣсколько такихъ словъ и, конечно, коверкая ихъ по своему, и къ нимъ еще коверкая Русскія слова, увѣряли, что выучились говорить по румынски и отправлялись разговаривать, при чемъ сильно жестикулировали руками и кричали. Понятное дѣло, что туземецъ не понималъ ихъ, и это сердило нашихъ и, чтобы вразумить безтолковаго дурака, наши указывали пальцами на то, чтò требовалось и достигали цѣли.

Этотъ горбатый мостъ памятенъ намъ потерей одного изъ нашихъ товарищей. Это случилось такъ. Отправились какъ-то мы цѣлой компаніей въ Санъ-Стефано и, проболтавшись день по разнымъ увеселительнымъ мѣстамъ, вечеромъ собирались ѣхать домой. Между прочимъ стали набѣгать тучи и накрапывать дождь, а немного спустя, разразилась страшная южная гроза. Вѣтеръ завывалъ, дождь лилъ какъ изъ ведра, молнія сверкала, громъ потрясалъ зданія, и темнота была, какъ говорится, хоть глазъ коли. Мы сидѣли въ одномъ изъ излюбленныхъ кабачковъ, отложивъ возвращеніе домой до слѣдующаго утра.

Вдругъ корнетъ Брамсъ объявилъ, что онъ сейчасъ ѣдетъ въ полкъ. Мы удивились такой поспѣшности. «Чтò за фантазія тебѣ ѣхать въ такую погоду?» говорили мы, представляя всѣ доводы противъ поѣздки; но, не смотря на ихъ очевидность, онъ настоялъ на своемъ и, простившись, уѣхалъ. Къ утру буря утихла, взошло солнце, и вся наша компанія отправилась домой въ Нифасъ. Подъѣзжая къ этому горбатому мосту, мы замѣтили группу всадниковъ, приближавшихся также къ мосту со стороны Нифаса. Вглядѣвшись, мы узнали, что это всѣ наши офицеры. «Чтò это такое? Куда они ѣдутъ?» удивлялись мы. Впереди ѣхалъ штабъ-ротмистръ ханъ Нахичеванскій. Я поскакалъ къ нему, онъ также. Смотрю, лицо у него грустное, озабоченное. «Такъ ты живъ! Я думалъ, что это ты утонулъ», сказалъ онъ мнѣ. Я вытаращилъ на него глаза. «Кто утонулъ?» спрашиваю въ свою очередь. Тогда онъ мнѣ объяснилъ, что Турки донесли, что кто-то изъ нашихъ офицеровъ

утонулъ. Въ это время подъѣхали остальные офицеры, лица у всѣхъ были озабоченныя. Присоединившись къ своимъ, мы переѣхали мостъ и поѣхали берегомъ ручья, на которомъ стоялъ нашъ караулъ, и шагахъ въ 30 отъ моста, у самаго берега увидали лежащаго навзничь нашего корнета Брамса. Мы сошли съ лошадей, сняли фуражки и перекрестились, потомъ приступили къ осмотру. Замѣчательно, что онъ сохранилъ посадку: какъ сидѣлъ на конѣ и держалъ поводья, такъ и лежалъ теперь на землѣ. Подошелъ Турецкій офицеръ и началъ разсказывать, какъ они нашли его. Ханъ, умѣвшій говорить по турецки, переводилъ. Офицеръ сказалъ, что лошадь Брамса у нихъ. Оказалось, что онъ ѣхалъ на Турецкой лошаденкѣ.

Недалеко отъ мѣста, гдѣ лежалъ корнетъ Брамсъ, берегъ нѣсколько вдавался въ материкъ и образовывалъ обрывъ, у края котораго при осмотрѣ мы замѣтили слѣды подковъ. Послѣ долгихъ разсужденій и догадокъ и по словамъ Турецкаго офицера, мы рѣшили, что корн. Брамсъ во время бури, въ темнотѣ, сбился съ дороги, и не попавъ на мостъ, оборвался съ берега, упалъ въ потокъ и, не могши справиться съ сильнымъ его теченіемъ, одѣтый въ пальто, утонулъ.

Невесело было смотрѣть на такого молодца, сдѣлавшаго весь походъ, оставшагося цѣлымъ и невредимымъ и теперь, почти наканунѣ возвращенія домой, утонуть въ такой дрянной рѣченкѣ, которую въ обыкновенное время и курица перейдетъ въ бродъ! Отнесли мы корн. Брамса въ Нифасъ на его квартиру. Доктора и мы осматривали; знаковъ насилія не оказалось, но и сабли въ ножкахъ тоже не оказалось, хотя она была надѣта подъ пальто, застегнутое на всѣ пуговицы и очень туго вынималась изъ ноженъ.

Это обстоятельство наводило насъ на сомнѣніе, что не Турки ли это, пользуясь темнотой и шумомъ бури и потока, при проѣздѣ корн. Брамса черезъ мостъ, сбросили его съ моста въ потокъ; но нашъ караулъ увѣрялъ, что ничего подозрительнаго не слыхалъ.

Вѣстовой, провожавшій корн. Брамса, исчезъ и, спустя довольно времени, былъ найденъ въ этомъ же ручьѣ, но по другую сторону моста. Его снесло теченіемъ, а лошадь его пропала и, какъ говорили потомъ, какъ будто видѣли ее у Турокъ въ лагерѣ. Вѣстового торжественно похоронили въ Нифасѣ у церкви. Корн. Брамса вынесли въ Греческую церковь, гдѣ нашъ протоіерей Смѣловъ служилъ панихиды, на которыхъ присутствовалъ весь полкъ. Хлопотали о гробѣ и объ отсылкѣ покойнаго домой, такъ какъ при выступленіи полка офицерами

было постановлено всѣхъ убитыхъ или умершихъ офицеровъ отправлять въ Россію.

Все было приготовлено. Поручикъ баронъ Будбергъ былъ назначенъ сопровождать тѣло въ Крымъ, гдѣ жила старушка, мать Брамса. Утромъ собрались всѣ офицеры въ церковь, передъ которой выстроился взводъ перваго эскадрона подъ командой корнета Медвѣдева и трубачи.

Когда кончилось отпѣваніе, офицеры вынесли гробъ и поставили на артельныя дроги, взводъ отдалъ честь, трубачи заиграли похоронный маршъ, и печальная процессія тронулась по дорогѣ къ Санъ-Стефано въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ верхами. Когда проѣзжали мостъ, Турецкій караулъ выстроился и отдалъ честь. Въ Санъ-Стефано гробъ поставили на пароходъ, отходившій въ Россію.

Всѣ произведенныя разслѣдованія не привели ни къ чему, и смерть корн. Брамса осталась тайной навсегда.

Мало по малу волненіе, произведенное этой печальной потерей товарища, улеглось, и жизнь наша опять вошла въ обычную колею. Поѣздки въ Санъ-Стефано или прогулки въ окрестностяхъ деревни, ничего интереснаго не представлявшихъ, кромѣ Турецкихъ часовыхъ; они охотно съ нами разговаривали, и когда мы имъ давали деньги, то они почему-то не брали. Смѣшны они бывали, когда накрапывалъ дождикъ, въ своихъ синихъ длинныхъ, безъ сборокъ сзади, шинеляхъ, съ такимъ же колпакомъ на головѣ, пришитомъ къ вороту шинели. Въ этомъ нарядѣ они напоминали намъ сахарныя головы.

Наступалъ Великій постъ, начали поговаривать о говѣніи и рѣшили говѣть такъ же, какъ и въ Россіи, но не стѣсняясь пищей, такъ какъ постный столъ Вакаро почему-то не брался держать. Но вотъ опять наше однообразіе было нарушено. Какъ-то передъ обѣдомъ слышимъ Турецкіе рожки; вышли посмотрѣть и видимъ, что на Турецкой сторонѣ оврага появилась Турецкая пѣхота и производитъ какіе-то маневры; мы всѣ высыпали смотрѣть, что̀ будетъ дальше. Пѣхота появилась по всей линіи отдѣльными частями, забѣлѣли палатки, устраивали лагерь. Это насъ удивило. До сихъ поръ Турецкія войска близко не подходили къ намъ, и такое внезапное появленіе ихъ, да еще съ палатками, было новостью. Разбивъ лагерь, Турки продолжали что то въ немъ суетиться. Наступила темнота, а сигнальные рожки продолжали играть. Всѣ наши догадки не приводили ни къ чему; всю ночь сигнальные рожки не давали намъ покоя, и мы недоумѣвали, что̀ они

тамъ дѣлаютъ. Цѣпь наша была усилена, и всѣмъ приказано быть наготовѣ. Каково же было наше удивленіе, когда утромъ мы увидали новорожденные редуты, выведенные въ одну ночь, по всей линіи, аршина на два, если не больше, и продолжавшіяся работы по ихъ возведенію!

Такая лихорадочная поспѣшность насъ поразила. «Не вышло ли какихъ нибудь осложненій?» думали мы, «не война ли опять начнется, вмѣсто возвращенія домой?». Немедленно поскакали въ главную квартиру донести о случившемся. Оттуда прислали офицера генеральнаго штаба; онъ съ различными предосторожностями осмотрѣлъ Турецкія позиціи и, сохраняя тайну своихъ соображеній, уѣхалъ обратно, поручивъ намъ наблюдать за всѣмъ, что̀ будетъ происходить у Турокъ. Наблюдательный постъ устроился въ домѣ, гдѣ помѣщался штабъ полка, въ одномъ изъ оконъ котораго постоянно кто нибудь наблюдалъ въ бинокль. Турки изумляли насъ своей быстротой: въ нѣсколько дней передъ нами выросли сильныя укрѣпленія и начали вооружаться. Весь этотъ переполохъ устроилъ, какъ потомъ разсказывали, Османъ-паша, выпущенный изъ плѣна и прибывшій въ Константинополь, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ Султаномъ и народомъ и пожалованъ отъ Султана титуломъ «Гази» т. е. непобѣдимаго. Увѣряли, что Султанъ поручилъ Осману-пашѣ командованіе войсками, расположенными подъ Константинополемъ и что это по его мысли возводились теперь укрѣпленія. Изъ главной квартиры дѣлали запросъ и будто бы получили отвѣтъ, что это лагери и упражненіе войскъ саперными работами. Такъ или иначе, а укрѣпленія выросли и вооружились.

Къ намъ пріѣхалъ Турецкій бимъ-баша (чинъ, соотвѣтствующій нашему маіору) въ гости. Мы его приняли очень радушно, пригласили въ столовую и угощали, пока не напоили совсѣмъ. Такимъ образомъ у насъ завязалось знакомство съ Турками. Часто приходили ихъ офицеры, но рѣдко заходили къ намъ, а больше въ солдатскій кабачокъ, гдѣ напивались и возвращались домой. Нерѣдко они приходили съ своими солдатами, съ которыми вмѣстѣ и пили. Намъ это казалось страннымъ. Бимъ-баша сталъ часто посѣщать нашу столовую; онъ говорилъ по-французски, и мы свободно могли съ нимъ объясниться. Онъ очень удивлялся нашимъ товарищескимъ отношеніямъ старшихъ офицеровъ съ младшими. У нихъ этого не допускалось.

Мы распрашивали его объ офицерахъ ихъ войскъ, о степени ихъ образованія, и выражали свое недоумѣніе по поводу того, что они рѣдко посѣщаютъ нашу столовую, а идутъ къ солдатамъ. Бимъ-баша объяснилъ, что образованія большею частью никто изъ нихъ не по-

лучилъ, и что они мало чѣмъ отличаются отъ рядовыхъ и что высшее начальство обращается съ ними очень строго; при этомъ онъ крикнулъ на сидѣвшихъ тутъ же за столомъ своихъ офицеровъ. Тѣ, какъ шальные, повскакали съ мѣстъ и вытянулись. Покричавъ немного, онъ имъ опять разрѣшилъ сѣсть и, обращаясь къ намъ, сказалъ: «Вы видите, какая это дрянь», при чемъ тыкалъ въ нихъ безъ церемоніи пальцами, и тѣ, видимо, находились въ страхѣ. Солдатъ Турецкихъ онъ хвалилъ и говорилъ, что если бы имъ дать нашихъ офицеровъ, то никогда бы ихъ не побѣдили. Подобный отзывъ приходилось намъ также слышать и отъ самихъ Турецкихъ солдатъ, которые были недовольны своими офицерами, не пользовавшихся у нихъ уваженіемъ. Каждый разъ бимъ-баша, нагрузившись изрядно марсалой или жженкой, отправлялся домой, подъ наблюденіемъ двухъ нашихъ уланъ изъ Татаръ, до Турецкой цѣпи; тамъ они его сдавали съ рукъ на руки Туркамъ и возвращались домой.

Эти провожатые разсказывали, что бимъ-баша ихъ звалъ перейти въ Турецкое войско, но они ему объяснили, что присягѣ своей не измѣнятъ, хотя и единовѣрцы съ ними. Вскорѣ какъ-то вечеромъ къ намъ въ столовую вошелъ Черкесъ изъ конвоя Султана и объявилъ чрезъ нашего шт.-ротм. хана Нахичеванскаго, что желаетъ перейти въ Русскую службу, что онъ самъ уроженецъ Кавказа и желаетъ вернуться домой.

Форма его настолько похожа съ нашимъ конвоемъ, что мы сразу его приняли за своего; разница только та, что на папахѣ полумѣсяцъ и газыри красныя бархатныя, а у нашихъ синія бархатныя. Онъ у насъ переночевалъ, а утромъ мы его проводили въ главную квартиру, а оттуда отправили его въ Россію.

Бимъ-баша, хотя самъ и часто пріѣзжалъ къ намъ, но насъ къ себѣ не звалъ, и на намеки о нашемъ желаніи какъ-нибудь посѣтить его отвѣчалъ какъ-то уклончиво. Намъ же очень хотѣлось узнать, что̀ тамъ скрывается за линіей Турецкихъ укрѣпленій. Интересовались этимъ всѣ, но почему-то деликатничали съ Турками.

Какъ-то разъ вечеромъ намъ, съ шт.-ротм. ханомъ Нахичеванскимъ, пришла мысль сдѣлать рекогносцировку Турецкаго расположенія. Долго не думая и не говоря никому ни слова, мы приказали сѣдлать и, взявъ съ собой своихъ вѣстовыхъ, вчетверомъ выѣхали за деревню къ Турецкой цѣпи. Ночь была темная, и мы такъ тихо проѣхали, что аванпосты Турокъ насъ не замѣтили.

Радуясь успѣху и забравшись уже въ ихъ расположеніе, мы высматривали все, что̀ позволяла намъ темнота. Намъ хотѣлось главнымъ

образомъ осмотрѣть за укрѣпленіемъ, какія части стоятъ и въ какомъ порядкѣ, потому что нѣсколько разъ насъ предупреждали, что Турки готовятся сдѣлать внезапное нападеніе ночью. Пробираясь ощупью тихо, все дальше и дальше, мы подъѣхали къ какой-то деревнѣ, осмотрѣли ее и въѣхали въ улицу.

На правой сторонѣ тянулись длинные сараи, освѣщенные внутри, а у дверей стояли дремавшіе часовые, не замѣчавшіе насъ; въ сараяхъ стояли подсѣдланныя Черкесскія лошади. Мы подвигались впередъ, надѣясь, что насъ такъ и не замѣтятъ; но при выѣздѣ изъ деревни часовые не дремали. Ихъ было два. Они подставили штыки и крикнули: «дуръ», что̀ значитъ стой. Шт.-ротм. Нахичеванскій, зная по-турецки, началъ переговоры съ ними; но часовые все-таки не пропускали насъ.

Разбудили офицера рядомъ въ домѣ. Онъ высунулся изъ окна, и ханъ повелъ съ нимъ переговоры. Оба они возвышали голосъ, и я видѣлъ, что что-то у нихъ начинается неладное, а въ темнотѣ мы не знали, далеко ли заѣхали отъ своей цѣпи и въ какой сторонѣ находится эта деревня.

Офицеръ изъ окошка крикнулъ что-то, часовые подхватили, а дальше отозвались, и поднялась тревога. Шт.-ротм. ханъ Нахичеванскій повернулъ коня налѣво кругомъ, сказавъ намъ скакать за нимъ, и мы карьеромъ вынеслись обратно изъ деревни и пустились прямо въ темноту. Сзади слышались крики и конскій топотъ. Мы наскочили въ потемкахъ на оврагъ и чуть было съ разлета не покатились кубаремъ на дно, но во̀ время поддержанныя лошади перенесли насъ на другую сторону, гдѣ мы наткнулись на какую-то рощу, въ ней сейчасъ же въ чащѣ и остановились, притаившись.

Конскій топотъ погони пронесся мимо и заглохъ вдали. Ханъ сказалъ, какъ оказалось, Турецкому офицеру, что мы пріѣхали въ гости къ бимъ-башѣ и чтобы насъ пропустили дальше къ Константинополю. Офицеръ сказалъ, что бимъ-баши нѣтъ, а когда ханъ настаивалъ на своемъ, то офицеръ сказалъ, что не вѣритъ намъ и, разсердившись за споръ, крикнулъ, чтобы насъ ловили; но Черкесы въ темнотѣ, не видя, куда мы ускакали, погнались наудачу и прозѣвали насъ.

Когда кругомъ все затихло, мы выѣхали изъ кустовъ и, чтобы не произвести тревоги по всей линіи, направились домой, надѣясь пробраться опять незамѣтно чрезъ Турецкую цѣпь. Намъ приходилось держаться теперь на огни, потому что мы совсѣмъ сбились съ дороги. Мы заспорили: я указывалъ на одни огни, увѣряя, что это наши, а

ханъ находилъ, что другіе наши. Рѣшили ѣхать такъ, какъ говорилъ ханъ; но не успѣли мы доѣхать ни до тѣхъ, ни до другихъ огней, какъ были окружены Турецкою пѣхотой, и опять раздалось «дуръ, дуръ!» Это случилось такъ неожиданно, что мы сочли за лучшее остановиться и разсказать имъ, что ѣхали домой изъ Константинополя въ Санъ-Стефано и, заблудившись въ потемкахъ, не знаемъ куда попали.

Оказалось, что мы попали въ главный караулъ Турокъ; но это было уже около нашей цѣпи, и штабъ-ротм. Нахичеванскій, разсказавъ имъ цѣлую исторію, какъ мы заблудились, просилъ проводить насъ домой. Турки, повидимому, повѣрили, но вѣроятно больше отъ близости нашихъ аванпостовъ, которые услыхали бы наши выстрѣлы и могли бы поднять тревогу.

Немедленно дали намъ провожатаго, который вывелъ насъ за цѣпь, и мы благополучно вернулись домой.

Всѣ были удивлены нашему разсказу на другое утро о произведенныхъ нами развѣдкахъ въ Турецкомъ расположеніи, и хотя то, что̀ мы видѣли, было не лишено интереса, т.-е., что Турки не дремлютъ и стоятъ на чеку и что кавалерія, Черкесы, стоитъ недалеко въ деревнѣ, а лошади подсѣдланы и т. д., но все-таки на будущее время велѣно прекратить эти развѣдки, чтобы не вышло какихъ-нибудь недоразумѣній съ Турками.

Всѣ въ полку почти уже отговѣли. Подошла Страстная недѣля; въ церкви службы отправляли по очереди нашъ священникъ съ Греческимъ. Здѣсь пришлось намъ наблюдать Греческіе народные религіозные обычаи. Такъ, въ Вербное Воскресенье толпа ребятишекъ цѣлый день ходила по улицамъ съ вербой, украшенной цвѣтами и лентами, при чемъ они пѣли псалмы или молитвы.

Когда наступила Страстная недѣля, то на смѣну являлся другой обычай съ Іудой. Тѣже ребятишки дѣлаютъ изъ тряпокъ чучело, изображающее Іуду Искаріотскаго. Чучело это они носятъ по улицамъ, сопровождая пѣніемъ. Затѣмъ, кажется, въ Пятницу или въ Субботу, это чучело вѣшаютъ на дерево около церкви и бросаютъ въ него камнями, стараясь какъ можно больше нанести ему вреда, послѣ чего снимаютъ и рѣжутъ на мелкіе кусочки, которые еще долго валяются потомъ.

Приближался праздникъ Пасхи, и намъ хотѣлось встрѣтить его какъ можно торжественнѣе и чтобы столъ убрать, какъ убираютъ его у насъ дома, въ Россіи. Это было не легко, такъ какъ многое было трудно достать. Мы сказали Вокару, чтобы онъ гдѣ хочетъ, а досталъ

бы намъ все. Написали списки необходимаго, составили рецепты, по которымъ дѣлать пасху и куличи, и всѣ съ увлеченіемъ принялись за приготовленіе различныхъ украшеній. Всякій дѣлалъ что̀ могъ. Ротм. Сафоновъ, какъ скульпторъ, лѣпилъ изъ масла барана съ золотыми рогами и, какъ художнику, ему была поручена декоративная часть.

Рѣшено было, чтобы всякое явство было украшено какимъ-нибудь національнымъ флагомъ. Русскіе были всѣ исполнены превосходно, въ особенности замѣчателенъ былъ флагъ съ Русскимъ орломъ и Св. Георгіемъ въ серединѣ. Георгій, конечно, былъ микроскопиченъ, но всѣ части его одежды были вырѣзаны изъ соотвѣтственнаго цвѣта бумаги и наклеены. Вышла бумажная мозаика. Турецкій и Англійскій флаги были общимъ совѣтомъ изгнаны. Столъ устраивали въ комнатѣ, занимаемой офицерами третьяго эскадрона, какъ самой большой. Всѣ офицеры тащили все, что̀ было у нихъ лучшаго и что̀ могло служить украшеніемъ. Появились ковры, тюфяки, для устройства дивановъ. У меня была матерія красная съ бѣлыми разводами, которая, вмѣстѣ съ матеріей поручика Гордѣева, украшала стѣны и закрывала окна. По всѣмъ стѣнамъ красовались арматуры изъ оружія и аммуниціи, очень красиво развѣшанные. Столъ поставили покоемъ вдоль дивановъ, не забыто было и освѣщеніе. Хлопотъ было пропасть. Вокаръ ѣздилъ въ Константинополь и досталъ все, что̀ было ему поручено. Телѣгу съ покупками поджидали съ минуты на минуту, пора было убирать столъ. Но вотъ приходитъ человѣкъ, сопровождавшій нашъ пасхальный провіантъ, и объявляетъ, что Турецкая цѣпь не пропускаетъ телѣгу и что ее задержали. Такое извѣстіе насъ немало огорчило. Вѣдь пока пойдутъ переговоры, время можетъ уйти. Немедленно отправили шт.-ротм. Нахичеванскаго выручать телѣгу. Немало труда стоило ему убѣдить Турокъ не затѣвать исторіи о пропускѣ. Турки сознали всю глупость своего поступка, и телѣга была пропущена. Весело разгружали мы телѣгу и убирали столъ. Уже смерклось, когда все было готово. Насколько было можно, одѣлись почище и получше и отправились въ церковь. Церковь, залитая огнями внутри и иллюминованная снаружи, вырисовывалась красиво на темномъ фонѣ ночи. Служилъ нашъ полковой священникъ, отецъ Смѣловъ.

Биткомъ набилась церковь молящимися уланами и Греками. Пѣли наши полковые пѣвчіе. Хоть и далеко мы были отъ родины, гдѣ привыкли встрѣчать этотъ праздникъ въ кругу родныхъ и друзей, все-таки лица у всѣхъ были веселыя. Раздалось «Христосъ воскресъ». Мы начали христосоваться. Шт.-ротм. ханъ Нахичеванскій, хотя и былъ

Магометанинъ, но увлеченный общей радостью, тоже христосовался со всѣми, и всѣмъ было весело.

Отошла обѣдня, и мы отправились въ столовую, надъ дверью которой красовалась надпись «Христосъ воскресъ». Дверь была затворена; мы весело толпились передъ ней, ожидая батюшку, который еще убирался въ церкви. Пришелъ нашъ батюшка, проговорилъ благословеніе, дверь отворилась, и онъ, вступивъ въ комнату первый, благословилъ приготовленное. Комната, блистая огнями и убранствомъ, казалась еще красивѣе. Размѣстившись за столами, начались разгавливаніе. Пасха и куличи вышли на славу. Выпили по рюмкѣ настоящей Русской водки, выписанной изъ Россіи къ этому дню, и Шампанское полилось рѣкой. Вокаръ былъ также приглашенъ къ намъ и тоже сіялъ радостью. Провозглашались тосты за родныхъ и друзей, оставшихся далеко на родинѣ, и много другихъ. Долго мы пировали; уже разсвѣтало, когда начали расходиться. Шт.-ротм. ханъ Нахичеванскій, я и корн. Ѳедоровъ оставались: намъ не хотѣлось спать. Утромъ надо было ѣхать въ Санъ-Стефано, къ Великому Князю христосоваться. Вокаръ насъ не покидалъ и, увлеченный общимъ веселіемъ, принесъ двѣ бутылки Шампанскаго, прося принять ихъ отъ него. Мы старались отклонить этотъ подарокъ, но Вокаръ настоялъ на своемъ; да ему и не грѣшно было сдѣлать намъ подарокъ: подушныя онъ съ насъ собиралъ хорошія.

Утромъ всѣ офицеры полка поѣхали къ Великому Князю. Насъ провели отдѣльно отъ всѣхъ, въ садъ, куда немного погодя вышелъ Великій Князь, въ уланскомъ сюртукѣ, съ Георгіевской звѣздой на груди и Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Со всѣми по очереди христосовался шефъ; я былъ моложе всѣхъ, а потому подошелъ въ концѣ. Похристосовавшись, Великій Князь обратился къ полковнику Пилсудскому и спросилъ, указывая на меня: «Какъ онъ себя ведетъ?» Пока тотъ собирался отвѣтить, я самъ отвѣтилъ: «Отлично, Ваше Императорское Высочество». Великій Князь разсмѣялся, говоря: «Гречневая каша сама себя хвалитъ».

Поговоривъ и пошутивъ съ нами еще, онъ отпустилъ насъ. Отсюда мы пошли къ Евгенію Максимиліановичу, герцогу Лейхтенбергскому, похристосовавшись съ которымъ, разошлись и разъѣхались, кто домой, а кто тутъ же по знакомымъ и кабачкамъ. Повсюду былъ праздничный веселый видъ, всѣ встрѣчались и христосовались; всѣ, казалось, какъ будто одѣты въ новое, тогда какъ одѣты были все въ тѣже изношенные мундиры.

Прошли праздники, и мы стали готовиться къ параду. Великій Князь уѣзжалъ въ Россію и передъ отъѣздомъ желалъ проститься съ войсками. Наступили жары, днемъ сильно пекло, уже нѣсколько дней стояла въ воздухѣ какая-то духота и тишина, что-то было томительное въ этой тишинѣ, всѣ чего-то ждали, и оказалось, не напрасно.

Какъ-то послѣ обѣда сидимъ мы съ корн. Ѳедоровымъ въ буфетѣ, попиваемъ пиво, за стойкой сидитъ братъ Вокара и что-то разсказываетъ намъ. Въ комнатѣ третьяго эскадрона большая компанія, въ облегченныхъ, по случаю жары, костюмахъ, играетъ въ карты. Вдругъ на полкахъ задребезжали бутылки; мы переглянулись. «Чтò это значитъ?» спрашиваемъ Вокара; но въ это время весь домъ затрясся и заколыхался, а Вокаръ уже бѣжалъ внизъ, на улицу; мы, не понимая чтò случилось, бросились за нимъ.

Игравшіе въ карты тоже бѣжали внизъ. Всѣ мы бѣжали, нагнувши головы, какъ бы ожидая, что что-то должно на насъ обрушиться сверху. Когда мы выскочили наружу, то улицы были уже полны перепуганными и недоумѣвающими людьми, выскочившими изъ другихъ домовъ. Все какъ будто было на своемъ мѣстѣ; но, между прочимъ, что-то случилось. Жители подняли вопль, а мы, оглядываясь во всѣ стороны, повторяли одни и тѣже вопросы: «чтò это такое, чтò случилось?», но намъ никто не отвѣчалъ, всѣ о чемъ-то галдѣли. Наконецъ, ошалѣвшій Вокаръ пришелъ въ себя и объяснилъ намъ, что это было не что иное, какъ землетрясеніе и что оно уже кончилось.

Успокоившись, мы только тогда замѣтили, въ какихъ разнообразныхъ и даже непристойныхъ костюмахъ всѣ расхаживали по улицѣ. Всеобщій хохотъ овладѣлъ нами, когда мы увидѣли себя въ живописномъ безпорядкѣ. Нѣкоторые были совсѣмъ раздѣты и не замѣчали этого въ общей суматохѣ; нѣкоторые были съ картами въ рукахъ, а кто со стаканомъ воды и т. д. Кто-то разсказывалъ, какъ старшій Лёвстремъ, поручикъ, въ попыхахъ забылъ свою толщину и, желая скорѣй достигнуть двери, при общемъ бѣгствѣ, прыгнулъ черезъ столъ: но тяжеловѣсность напомнила о себѣ, и онъ, зацѣпившись за край стола, кубаремъ уже долетѣлъ до двери.

Долго острили и потѣшались надъ этимъ переполохомъ за жженкой, которую было рѣшено тотчасъ же варить, въ память перваго испытаннаго нами землетрясенія. У насъ это землетрясеніе прошло благополучно, хотя считалось жителями, уже испытавшими его не разъ, сильнымъ. Разрушилась только какая-то каменная стѣнка забора; съ людьми несчастій не было.

Въ Константинополѣ, какъ мы слышали, тоже что-то разрушилось, а въ Бруссѣ, на Азіатскомъ берегу, землетрясеніе было гораздо сильнѣе и много разрушило зданій и повалило минаретовъ, которые, благодаря своей тонкости, при большой высотѣ, постоянно страдаютъ въ этихъ случаяхъ, ломаясь иногда на нѣсколько частей. Жители намъ объяснили, что каменныя постройки болѣе подвержены разрушенію, въ сравненіи съ деревянными, для которыхъ, благодаря ихъ упругости, надо очень сильное колебаніе земли, чтобы разрушиться.

Часовой, стоявшій въ домѣ штаба полка, у штандарта, не смотря на всеобщее бѣгство и смятеніе, остался на посту, за что немедленно былъ награжденъ деньгами и благодарностью. Другой же, стоявшій на площадкѣ у денежнаго ящика, былъ изумленъ, когда заколебалась земля подъ его ногами, и ящикъ самъ собою поѣхалъ впередъ.

Впослѣдствіи какъ-то еще разъ было землетрясеніе, но слабѣе и уже обошлось безъ всякихъ курьезовъ. Третій разъ мы ждали, но не дождались. Былъ очень душный вечеръ, и намъ сказали, что духота признакъ землетрясенія.

Наступило 21 Апрѣля, день, въ который Великій Князь сдѣлалъ прощальный парадъ войскамъ, и уѣхалъ въ Россію. Утромъ полки выстроились за Санъ-Стефано, на равнинѣ и ждали Великаго Князя. Вскорѣ показался главнокомандующій во главѣ блестящей свиты, въ которой виднѣлись красныя фески Турокъ и нѣсколько иностранцевъ. За нимъ Донской казакъ везъ его походное знамя, изображеніе лика Спасителя на длинномъ древкѣ, увѣнчанномъ восьмиконечнымъ золотымъ крестомъ.

Стройно прошли полки, удостоенные похвалы Великаго Князя, въ томъ числѣ и нашъ уланскій полкъ съ новыми бамбуковыми Турецкими пиками, пожалованными Государемъ Императоромъ полку за отличіе.

Послѣ парада и завтрака Великій Князь поѣхалъ на пароходѣ «Ливадія», ожидавшемъ его передъ Санъ-Стефано. Мы всѣ поѣхали на паровыхъ катерахъ на пароходъ «Константинъ». Тотъ и другой пароходы изъ мирныхъ были обращены въ военные крейсеры на время войны. «Константинъ» подъ командой своего лихого командира капитана Макарова отличался въ эту кампанію на Черномъ морѣ.

По входѣ на палубу, насъ встрѣтилъ у трапа дежурный офицеръ, которому мы всѣ по очереди представились, а затѣмъ перезнакомились со всей каютъ-компаніей. Моряки были чрезвычайно любезны и предупредительны, показывали намъ машину и другія интересовавшія насъ вещи, а также военный флагъ, украшавшій корму «Константина», сшитый изъ шелка и поднесенный Макарову Одесскими дамами.

«Ливадія» шла впереди, за ней «Константинъ». Подходя къ Босфору, «Константинъ» прибавилъ ходу и обошелъ «Ливадію». Матросы влѣзли на ванты и на реи, расположившись въ извѣстномъ порядкѣ. «Константинъ» убавилъ ходу, а «Ливадія» начала обгонять его. Великій Князь сидѣлъ на кормѣ, разговаривая съ окружающими. Матросы на «Ливадіи», такъ же какъ на «Константинѣ», стали по реямъ и лѣстницамъ: это дѣлалось у нихъ очень быстро.

Раздалось ура матросовъ, подхваченное нами; съ «Ливадіи» отвѣчали.

Она тихо проходила мимо насъ. Великій Князь всталъ и, снявъ фуражку, кланялся намъ; свита также.

Матросы, держась одной рукой за снасти, другой махали фуражками, продолжая кричать ура; мы тоже махали фуражками и кричали ура. «Ливадія» обогнала насъ и пошла дальше въ Россію, а мы повернули назадъ въ Санъ-Стефано. Намъ тоже хотѣлось продолжать идти за «Ливадіей»; но не настало еще для насъ это блаженное время. Мы только полюбовались видомъ съ моря на Константинополь. Онъ восхитителенъ, озаренный яркими лучами южнаго солнца, подъ которыми высятся стройные минареты и блеститъ полумѣсяцъ надъ куполомъ знаменитой святой Софіи.

Погода измѣнилась, пошли дожди и поднялись бури, продолжавшіяся не долго, но все-таки лишившія насъ многихъ и безъ того скудныхъ развлеченій. Дома во время бурь наводили на насъ страхъ, въ особенности ночью: верхніе этажи, большею частью плетневые, обмазанные глиной снаружи и оштукатуренные внутри, чувствительно шатались, слышался скрипъ; одинъ старый домъ даже снесло.

VII. Санъ-Стефано.

Близость Санъ-Стефано со всей его безшабашной жизнью, при нашей бездѣятельности, тянула насъ къ себѣ. Иногда по нѣскольку разъ въ день мы навѣдывались туда.

Всѣ лучшія дома Санъ-Стефано занимались нашими главноначальствующими и ихъ штабами, въ нѣкоторыхъ жили и сами хозяева. Санъ-Стефано все улучшалось въ смыслѣ прибавленія кабачковъ и другихъ увеселительныхъ заведеній. Кафе-шантаны процвѣтали, наполняясь каждый вечеръ офицерствомъ всѣхъ чиновъ и родовъ оружія, безъ церемоніи составлявшемъ одну общую компанію знакомыхъ и незнакомыхъ; большею частью всѣ были знакомы.

Въ только что открывшейся «конкордіи» большая комната передъ сценой была заставлена круглыми съ мраморными досками столами, за которыми сидѣвшіе зрители пили пиво, подаваемое въ кружкахъ на каменныхъ поддонникахъ, курили и разговаривали, а въ это время на сценѣ пѣлъ хоръ или отдѣльныя пѣвицы соло. Была одна излюбленная пѣвица, почему-то прозванная «прачка», которая, когда ее вызывали, запѣвала: «вдоль по улицѣ метелица мететъ», а дальше уже подхватывала публика хоромъ; потомъ опять прачка запѣвала, а хоръ опять подхватывалъ, и всѣ были очень довольны.

Замѣчательно, что никогда не было никакихъ недоразумѣній, ни между посѣтителями, ни съ исполнителями, а если и возникали какія, то сейчасъ же и получали мирный исходъ.

Успѣвшіе помѣститься у самой сцены нисколько не стѣснялись потрогать и погладить ножку пѣвицы, если таковая кому-нибудь нравилась, и это нисколько не удивляло пѣвицу, продолжавшую, не смущаясь, выводить рулады и трели. Иногда кто нибудь, недовольный пѣніемъ или музыкой, отправлялся на сцену и поправлялъ исполнителей, иногда и самъ исполнялъ за него. Если же что-нибудь не нравилось, начинали пускать волчкомъ поддонники изъ подъ кружекъ, и они, кончая вертѣться, трещали по столу; этотъ трескъ заглушалъ всякую музыку и пѣніе, и артисты на сценѣ умолкали, выжидая тишины, и затѣмъ «заводили», какъ тогда говорилось, новую.

Полицію изображали и въ Санъ-Стефано наши гвардейскіе полевые жандармы и Турки, нѣсколько человѣкъ низама при офицерѣ, который сидѣлъ всегда въ кафе или въ конкордіи и, не смотря на запретъ Магомета, исправно пилъ, а мы старательно напаивали его, и къ вечеру онъ уже лежалъ пластомъ. Помимо этихъ кафе, были трактирчики съ женской прислугой, которая подавала кушанія и любезничала въ отдѣльныхъ комнатахъ съ посѣтителями. Со всѣмъ этимъ людомъ объяснялись мы на ломанномъ Французскомъ языкѣ или мимикой, а главную роль при разговорахъ играли желтички и франки.

Была въ Санъ-Стефано и гостиница - трактиръ того же наименованія. Стояла она на набережной моря у самой пароходной пристани, довольно чистая и съ хорошей кухней. Здѣсь можно было заказывать завтраки, обѣды и ужины, а также были и номера для пріѣзжихъ. Кромѣ того пропасть кабачковъ ютилось повсюду съ большимъ количествомъ вина и съ прескверной провизіей, кромѣ омаровъ и рыбы, получаемыхъ свѣжими изъ моря. Лучшіе изъ кабачковъ помѣщались на площади, и шутники окрестили ихъ всевозможными названіями, что̀ и было

начертано надъ дверьми каждаго углемъ. Тутъ были и Смуровъ, и Осетровъ, и Елисѣевъ, и много другихъ Петербургскихъ фирмъ; были взяты названія трактировъ и кабачковъ и изъ Французскихъ романовъ; но всѣ они ни по наружному, ни по внутреннему своему благоустройству ничего общаго не имѣли съ своими тезками.

Самый симпатичный кабачекъ находился на берегу моря, такъ что балконъ его, выступая въ море, омывался волнами его. Онъ былъ небольшой и очень чистенькій. Мы любили сидѣть въ жару на балкончикѣ, въ тѣни его навѣса, наслаждаясь морской прохладой.

Прекрасный полъ также не оставлялъ насъ своимъ вниманіемъ. Искательницы приключеній и любви заполняли всѣ свободные дома; тутъ были и Гречанки, и Армянки, и Француженки, и Нѣмки, и другія національности, и все это былъ молодой народъ, отъ 15 до 25 лѣтъ; всѣ онѣ задались благою цѣлью не дать намъ, заброшеннымъ судьбой далеко отъ родины, огрубѣть и пропасть со скуки.

Вообще Санъ-Стефано городокъ очень порядочный: широкія, мощеныя улицы. Набережная представляла естественный берегъ моря. Дома каменные, хорошей архитектуры, большинство Европейской, въ нѣсколько этажей, съ садами; были, конечно, и деревянные. Улицы и набережная обсажены деревьями, но фонарей по улицамъ не было, и потому желающіе въ темную ночь пройти благополучно ходили со своими фонарями. По выходѣ, по окончаніи представленія, изъ увеселительныхъ заведеній, насъ встрѣчала цѣлая команда съ фонарями различныхъ фасоновъ: это денщики и вѣстовые пришли за своими господами. Затѣмъ по всѣмъ направленіямъ двигались огоньки, мелькая въ темнотѣ, что̀ было очень красиво.

Жителей осталось очень мало, и изъ важныхъ остался только князь Дадіанъ. Была даже фотографія близъ пристани, въ которой мы снимались. У пристаней качались рыбачьи и прогулочныя лодки, на рейдѣ стояли наши пароходы, приходившіе изъ Россіи; дальше разстилалось Мраморное море, по которому сновали лодки подъ парусами, и изрѣдка виднѣлись проходившіе вдали Англійскіе мониторы, а на горизонтѣ синѣли Принцевы острова.

У пристани раздавались свистки приходившихъ и отходившихъ пароходовъ изъ Константинополя и Родоста. Часто выходили мы прогуляться на набережную, поджидая коммерческаго парохода изъ Россіи. Эти пароходы насъ сильно интересовали, потому что на нихъ привозили Русскую водку, икру и черный хлѣбъ; можно было закусить и

пообѣдать въ Русскомъ вкусѣ, чего нигдѣ нельзя было найти на берегу, при всей нашей изобрѣтательности.

При появленіи нашего парохода въ виду Санъ-Стефано, немедленно мы бѣжали къ лодкамъ всевозможныхъ фасоновъ, отдававшихся намъ Греками за небольшую плату, спѣшили навстрѣчу парохода и сновали около него, пока бросался якорь и опускались трапы. Тогда мы взбирались наверхъ и спрашивали у капитана позволенія заказать закуску или обѣдъ. Капитаны всегда принимали насъ радушно и давали свое согласіе. Иногда въ столовой, иногда на палубѣ подавали намъ все, чтó требовалось, и мы наслаждались. Сначала за это взималась плата бумажками, а потомъ почему-то стали брать золотомъ. Это намъ не особенно нравилось, и казалось, что своимъ-то, пожалуй, и стыдно бы брать лишнее; ну да платили: дѣлать было нечего.

Такимъ образомъ, пока запасы не истощались и пока пароходъ разгружался, онъ превращался въ клубъ съ утра до ночи, набитый офицерами. Нѣкоторые до того увлекались родной закуской, что матросы помогали имъ вылѣзать изъ каюты и спускаться въ лодки. На военныхъ пароходахъ у насъ также было знакомство, но тамъ ничего не продавали, а принимали насъ какъ гостей, потому и посѣщенія были только по приглашенію.

Санъ-Стефано шелъ дальше въ своемъ улучшеніи: появились извощики и театръ. По городу почти не ѣздили на нихъ, а брали прокатиться куда-нибудь за городъ пару въ дышло небольшихъ лошадокъ, въ коляскѣ съ высокими козлами, на которыхъ возсѣдалъ Грекъ въ своемъ національномъ костюмѣ и съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ, покрикивая на прохожихъ «гетъ, гетъ», равносильное нашему: берегись. Этими извощиками мы забавлялись, какъ давно невиданной игрушкой. Кромѣ того, на площади появилась толпа мальчишекъ, встрѣчавшая пріѣзжихъ. Какъ только мы сходили съ коней, они чистили насъ отъ пыли, а коня брали подъ свое покровительство на все время нашего пребыванія. Если же мы пріѣзжали съ ночевкой, то сдавали лошадей въ свой караульный взводъ, стоявшій у ген. Рауха.

Театръ, выросшій въ видѣ большого ящика на площади Санъ-Стефано, былъ сколоченъ изъ досокъ, въ родѣ нашихъ балагановъ на Масляницѣ, и даже безъ пола. Въ немъ, какъ и въ настоящихъ театрахъ, былъ партеръ, но вмѣсто креселъ скамейки и стулья, ложи въ два яруса, только съ одной стороны, противоположной сценѣ.

Въ сильный вѣтеръ, свободно гулявшій внутри его, театръ трещалъ и пищалъ на всѣ лады, угрожая зрителямъ обрушиться. Играла какая-то Итальянская труппа, прибывшая изъ Константинополя. Театръ былъ каждый вечеръ полонъ. Голоса пѣвцовъ, хотя и оставляли желать много лучшаго, и дамскій персоналъ былъ уже не первой молодости, но мы и этимъ были довольны, памятуя, что на безрыбьи и ракъ рыба. Артисты передъ своими бенефисами нерѣдко разъѣзжали по полкамъ, предлагая билеты, которые, конечно, разбирались всѣ; а самихъ артистовъ старались угостить, что́, впрочемъ, не всегда удавалось, такъ какъ они большей частью отказывались пить вино, ссылаясь на жару и горло, которое, по ихъ понятію, могло испортиться и издать не надлежащій звукъ.

Курить въ театрѣ запрещалось, но за то можно было спрашивать столикъ въ ложу, вина и закуску, такъ что сидимъ, бывало, въ ложѣ цѣлою компаніей, разговариваемъ, закусываемъ и въ тоже время слушаемъ Итальянское пѣніе, поощряя артистовъ аплодисментами. Если что казалось намъ не такъ, или фальшивилъ артистъ, то ему дѣлали замѣчаніе, и онъ старался исправиться; иногда давали совѣты на сцену, и ихъ принимали.

Послѣ спектакля общество раздѣлялось: кто шелъ домой, кто ужинать съ артистками, а кто еще что-нибудь придумывалъ.

Кромѣ Санъ-Стефанскихъ развлеченій, немалое развлеченіе представляли поѣздки въ Константинополь, съ переодѣваніями. Сначала ѣздили секретно, въ статскомъ платьѣ; затѣмъ разрѣшено было ѣздить въ мундирахъ, потомъ опять въ статскомъ, а иногда же совсѣмъ запрещалось ѣздить въ чемъ бы то ни было.

Намъ было все равно: мы ѣздили во всевозможныхъ костюмахъ и во всякое время гуляли по Константинополю, посѣщая всевозможные закоулки, подъ руководствомъ одного изъ братьевъ Вокаровъ, или брали мѣстнаго провожатаго. Для этихъ переодѣваній трудно было достать подходящіе костюмы; пробовали привозить изъ Константинополя или Санъ-Стефано на прокатъ платье, а всего чаще облекались въ платья нашихъ Вокаровъ. Поэтому неудивительно было, что въ такихъ сборныхъ костюмахъ, непремѣнно съ феской на головѣ, насъ всюду узнавали. Нѣкоторые даже снимались въ фотографіи въ Константинополѣ въ такихъ нарядахъ.

Большой интересъ возбуждали въ насъ выѣзды султана по Пятницамъ на богомолье въ мечеть, Селямликъ. Вдоль дороги отъ дворца

до мечети выстраивались во всемъ съ иголочки новенькомъ войска, привѣтствовавшія ѣхавшаго верхомъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, султана Гамида.

Намъ было разрѣшено султаномъ становиться у воротъ дворца, когда мы были въ формѣ, и султанъ всегда любезно съ нами раскланивался. Когда же мы бывали въ статскомъ, то стояли гдѣ-нибудь въ толпѣ, но все-таки насъ замѣчали. Разсказывали, будто бы самъ Великій Князь въ статскомъ ѣздилъ въ Константинополь на это зрѣлище.

Наши посѣщали также загородное гуляніе, называемое «Сладкія Воды» (О Дусъ), гдѣ происходило катаніе Турецкихъ дамъ изъ гаремовъ султана и пашей, въ каретахъ парами, съ Англійской упряжью, съ кучеромъ въ жокейскомъ костюмѣ, съ неизмѣнной феской на головѣ. Кромѣ того, попадались разукрашенныя носилки, въ видѣ одноместной каретки, съ дверцами по бокамъ, несомой за выдающіяся сзади и спереди ея длинныя рукояти, двумя здоровыми носильщиками въ красивыхъ нарядахъ.

Тѣ и другіе двигались не торопясь, сопровождаемые одѣтыми въ живописные костюмы слугами, которые шли съ боковъ экипажей у дверецъ.

Дамы-Турчанки, съ закрытыми чадрами лицами, занимали эти изящныя помѣщенія, устремляя сквозь раскрытыя окна свои быстрые, полные огня, глаза на гуляющихъ. Всякое соприкосновеніе съ ними мужчины, чуть ли даже не мысленное, могло надѣлать большихъ непріятностей тѣмъ и другимъ, хотя сами дамы были не прочь обмѣняться любезностями съ гуляющими молодыми людьми, и у большинства изъ нихъ, конечно молодыхъ, покрывала были такъ прозрачны что можно было свободно разглядѣть красивыя, молодыя личики, а рядомъ съ ними нерѣдко старыя физіономіи провожатыхъ, въ качествѣ родныхъ, смотрительницъ или служанокъ. Эти почтенныя дамы не стараются закрывать свои непривлекательныя лица покрывалами, но строго наблюдаютъ за исполненіемъ этого правила молодыми. Нерѣдко, впрочемъ, эти же старухи способствуютъ любовнымъ похожденіямъ молодежи, устраивая имъ тайныя свиданія и передачи посланій, пользуясь полнымъ довѣріемъ своихъ повелителей.

Дамы султанскаго гарема отличались большею пышностью и конвоемъ изъ евнуховъ, вооруженныхъ кривыми, въ богатой оправѣ саблями, которыми они не задумаются снести голову увлеченному страстью ловеласу, забывшему границы восточнаго приличія.

Турки же располагались на коврахъ и подушкахъ по обѣ стороны дороги, подъ тѣнистыми деревьями, предаваясь кейфу; тутъ же ходили продавцы сластей, музыканты и т. п.

Наблюдая и знакомясь съ нравами и обычаями Константинополя, наши иногда по нѣскольку дней проживали тамъ, останавливаясь въ довольно порядочной гостинницѣ и пользуясь большею частью услугами факторовъ-иностранцевъ.

Они главнымъ образомъ водили насъ по кафе-шантанамъ и по различнымъ увеселительнымъ мѣстамъ, предлагая постоянно познакомить съ «унъ женъ фамъ Туркъ» т. е. молодою Турчанкою, но это былъ сущій вздоръ: съ Турчанками немыслимо было познакомиться, а вмѣсто нихъ всегда играли роль Армянки, поддѣланныя подъ Турчанокъ, и легковѣрные дорого платили фактору за такое знакомство, обставленное всегда великою таинственностію. Излюбленное мѣсто посѣщенія нашихъ было такъ называемые «Три Фонаря», названіе, данное дому отъ трехъ горѣвшихъ у входа фонарей.

Съ приходомъ Русскихъ появилась рулетка, которая также прилежно посѣщалась, и большею частью проигрывали тамъ. Говорили, что ее содержали какіе-то пріѣзжіе изъ Россіи аферисты; называли даже ихъ фимиліи. Не одни только увеселительныя заведенія насъ привлекали, но мы также осматривали и достопримѣчательности города. Побывали въ Св. Софіи, нынѣ мечети, а въ то время занятой войсками и какими-то складами и лазаретами.

Не обошлись наши посѣщенія и безъ проявленія фанатизма со стороны Турокъ. Такъ нашъ корнетъ Ѳедоровъ, хотя и одѣтый въ штатское, чуть было не подвергся увѣчью отъ фанатика, бросившаго изъ-за угла въ него большой камень, который, пролетѣвъ мимо, ударился объ стѣну, разбился на нѣсколько осколковъ и одинъ изъ нихъ попалъ въ корн. Ѳедорова, а бросившій скрылся.

VIII. Галатарія.

Главнокомандующимъ назначили генерала Тотлебена, который войскамъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣщенія, въ томъ числѣ и намъ.

Пятаго Мая нашъ полкъ перевели въ деревню Галатарію на мѣсто Семеновскаго полка, а Семеновскій на наше мѣсто въ дер. Нифасъ.

Чуткіе ко всякимъ мелочамъ, мы и на это передвиженіе посмотрѣли, какъ на что-то предвѣщавшее.

Небольшая деревня Галатарія находилась во второй линіи обложенія Константинополя (если можно такъ выразиться), недалеко отъ берега Мраморнаго моря и въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Санъ-Стефано.

Жители ея—Греки, вообще не любившіе насъ, въ чемъ мы и убѣдились въ тотъ же день, отправившись отыскивать себѣ квартиру. Во многихъ домахъ еще лежали тифозные Семеновскаго полка; такіе дома приходилось тщательно избѣгать.

Подойдя къ одному изъ домовъ и желая осмотрѣть его, мы вошли въ сѣни. Навстрѣчу вышли старикъ-хозяинъ и его сынъ; старикъ объяснилъ, что квартира занята Русскимъ капитаномъ, а сынъ въ это время что-то кричалъ, не смотря на замѣчанія отца. Мы спросили Вокара, сопровождавшаго насъ въ качествѣ переводчика, что́ онъ кричитъ. Вокаръ хотѣлъ замять это; но мы настаивали, и онъ сказалъ, что Грекъ ругаетъ насъ, передавъ въ тоже время нѣкоторыя подробности. Это былъ не единственный случай, и вообще Греки здѣсь были не въ мѣру важны. Надо было ихъ привести въ порядокъ, и мы, сказавъ Греку черезъ Вокара, что за его невоздержанность онъ будетъ наказанъ, ушли. Рѣшено было всю деревню привести въ повиновеніе, чтобы никакихъ дерзостей больше не допускалось этими «грекондосами», какъ мы ихъ называли.

Черезъ домъ мы нашли нужную намъ квартиру, которую немедленно заняли. Вечеромъ послали позвать молодого Грека - ругателя, а если не пойдетъ, то привести. Грекъ волей-неволей явился; немедленно его разложили и выдрали на славу, а Вокару, тутъ же присутствовавшему, поручили передать Греку, что онъ высѣченъ за то, что позволилъ себѣ говорить намъ дерзости, что это называется Русской кашей, которая дѣйствуетъ очень благотворно на всякихъ и чтобы онъ предупредилъ своихъ соотечественниковъ, что ихъ всѣхъ передерутъ, если замѣтимъ малѣйшее неуваженіе. Послѣ этого порядокъ въ деревнѣ сразу былъ водворенъ, и на другое уже утро «грекондосы», при встрѣчѣ съ нами на улицѣ, издали останавливались, снимали шапки и почтительно кланялись.

Часть офицеровъ размѣстилась въ деревнѣ, а часть стала съ полкомъ бивуакомъ, невдалекѣ отъ деревни, въ сторону моря, гдѣ въ небольшомъ каменномъ сарайчикѣ помѣстился нашъ Вокаръ съ своимъ кабачкомъ; рядомъ въ деревянномъ домикѣ жилъ артиллерійскій офицеръ съ женой.

Послѣ перемирія многія жены офицеровъ пріѣхали навѣстить своихъ мужей и жили какъ бы на дачѣ. Къ кабачку прилегалъ неболь-

шой садикъ съ двумя-тремя тѣнистыми деревьями, подъ которыми мы часто въ жару попивали крюшоны, лежа на буркахъ или на травѣ. Недалеко отъ насъ стояла гв. Донская баттарея, а дальше къ Санъ-Стефано—пѣхота. На берегу моря раскинулась рощица, въ которой пріютился очень симпатичный трактирчикъ, посѣщавшійся тоже офицерами. Еще ближе къ берегу проходило полотно желѣзной дороги изъ Константинополя въ Андріанополь; поѣзда ходили теперь правильно.

Какъ ни живописна была мѣстность близъ нашего расположенія, но она была вся пропитана тифомъ. Въ деревнѣ, какъ я уже сказалъ, почти каждый домъ былъ занятъ больными, теперь увезенными съ ушедшимъ полкомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ вправо отъ бивуака находилось кладбище тифозныхъ; впереди палатки: лазаретъ съ больными, въ которомъ при насъ скончалась сестра милосердія, заразившись тифомъ. Ее похоронили очень торжественно, въ гробу обитомъ бѣлымъ глазетомъ и съ хоромъ музыки; а чрезъ нѣсколько дней и весь лазаретъ, перевозя куда-то больныхъ, снялся, оставивъ на мѣстѣ тюфяки, подушки и еще кое-что для уничтоженія. Все это оставленное мы зажгли и, сидя въ своемъ кабачкѣ, любовались, какъ пламя играло языками, охватывая зараженную рухлядь.

Греки нашей деревни на столько оказались алчны, что, забывъ всю опасность разнести заразу, бросились тушить и тащить тряпье къ себѣ. Мы прогнали Грековъ, зажгли снова лагерь и ушли къ Вокару. Греки, попрятавшись по близости и думая, что мы совсѣмъ успокоились, съ новой жадностью набросились на добычу изъ своихъ засадъ. Тогда мы рѣшили проучить ихъ хорошенько и, раздѣлившись на двѣ колонны, начали наступленіе на нихъ; одна пошла съ фронта, другая на пресѣченіе пути отступленія ихъ на деревню. Аттаковавши стремительно грекондосовъ съ фронта, мы начали вразумлять своими средствами, т. е. кулакомъ по шеѣ. Греки въ замѣшательствѣ обратились въ бѣгство на деревню; но тутъ ихъ встрѣтилъ обходный отрядъ и тѣми же средствами началъ внушать имъ, по выступавшимъ частямъ ихъ облика, всю несостоятельность ихъ поступка.

Отъ такого двойного внушенія Греки пришли въ замѣшательство и бросились вразсыпную, спасаясь, кто куда попалъ. Вернувшись изъ преслѣдованія, мы снова зажгли лагерь и возвратились побѣдоносно къ Вокару, гдѣ немало потѣшались надъ этимъ происшествіемъ за стаканами вина, провозглашая тосты въ честь наиболѣе отличившихся при пораженіи Грековъ при тифозномъ лагерѣ; а Греки, за которыми мы все-таки наблюдали, теперь только издали покачивали головами, сожалѣя, что пропадаетъ такое добро.

Такъ тянулись дни за днями. Лѣто было въ полномъ разгарѣ. Жары стояли невозможныя, только по вечерамъ наступала прохлада; тогда мы отдыхали и наслаждались до разсвѣта.

Изрѣдка Англичане, флотъ которыхъ стоялъ у Принцевыхъ острововъ, нарушали нашъ покой практической стрѣльбой своихъ мониторовъ. Отъ этого грохота, не смотря на дальность воднаго пространства, насъ раздѣлявшаго, дрожали окна не только въ Санъ-Стефано, но и у насъ въ Галатаріи. Къ этимъ мы въ гости не ѣздили, да и они къ намъ не показывались.

На эту стоянку пришелъ къ намъ маршевой эскадронъ, подъ начальствомъ ротмистра барона Роппа, а съ ними пришли корнетъ баронъ Корфъ, поручикъ Брунеманъ и корнетъ Сафоновъ. Эскадронъ былъ составленъ изъ старыхъ солдатъ, которыхъ и разобрали по дѣйствующимъ эскадронамъ. Въ третій эскадронъ попалъ унт.-оф. Махотько, учившійся у знаменитаго въ то время пѣсенника Молчанова хоровому пѣнію. Онъ такъ сумѣлъ устроить хоръ и разучить старыя солдатскія пѣсни, что было пріятно послушать. Явилось новое развлеченіе: мы стали часто по вечерамъ собирать пѣсенниковъ, платя имъ за пѣсни, вмѣсто денегъ, коньякомъ, который они дѣлили дома вмѣсто водки. Такой способъ вознагражденія признавался полезнымъ въ виду свирѣпствовавшаго повсюду тифа, отъ котораго немало умирали въ лазаретахъ. Мы же своихъ больныхъ лѣчили дома большею частью виномъ.

Приходитъ, бывало, къ намъ къ Вокару нашъ полковой лѣкарь Николай Матвѣевичъ Парамоновъ и объявляетъ, что такому-то больному нужно коньяку или шампанскаго, или еще чего-нибудь. Требуемое немедленно отпускалось и записывалось на счетъ офицеровъ того эскадрона, къ которому принадлежалъ больной.

Смертныхъ случаевъ у насъ не было; всѣ выздоравливали, одинъ только умеръ—это унтеръ-офицеръ 4-го эскадрона Стравинскій, котораго похоронили мы со всѣми почестями, подобающими Георгіевскому кавалеру.

Чутко мы прислушивались къ слухамъ, которые были до нельзя разнообразны. Сегодня разсказывали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что уже назначено время посадки насъ на суда и что съ этой цѣлью строятъ новую пристань, которую на самомъ дѣлѣ, хотя и строили въ то время, но совсѣмъ съ другой цѣлью. Завтра тоже изъ достовѣрныхъ источниковъ разсказывали, что война съ Англіей рѣшена и будетъ объявлена на дняхъ. Всѣ эти слухи вскорѣ опровергались новыми.

Но что́ тамъ ни разсказывали, а мы все стояли на одномъ мѣстѣ, ровно ничего не дѣлая, и это неопредѣленное положеніе порядочно уже намъ надоѣло.

Какъ-то разъ подъ вечеръ дружеская бесѣда наша въ кабачкѣ Вокара была прервана раздавшимися выстрѣлами изъ орудій со стороны Константинополя, а затѣмъ послышалась довольно частая ружейная перестрѣлка. Мы не знали, что́ предположить. Конечно, могло произойти у насъ на линіи столкновеніе съ Турками, но выстрѣлы слышались изъ Константинополя или Санъ-Стефано. Рѣшивъ, что это тревога, сейчасъ же бросились одѣваться и приказали сѣдлать. Быстро былъ готовъ полкъ къ выступленію. Всѣ оживились, лица повеселѣли; но выступленіе отложили до возвращенія посланнаго корн. Медвѣдева въ Санъ-Стефано, узнать, въ чемъ дѣло.

Вернувшійся вскорѣ корн. Медвѣдевъ сказалъ: «успокойтесь, господа, никакой войны нѣтъ», и тутъ же объяснилъ, что въ Константинополѣ вспыхнулъ бунтъ. Партія сверженнаго султана Мурада, признаннаго сумасшедшимъ, возстала, желая освободить его изъ Чараганскаго дворца, въ которомъ онъ былъ заключенъ и, свергнувъ настоящаго султана Гамида, возвести на престолъ Мурада. Но это имъ не удалось. Дѣло кончилось нѣсколькими убитыми и ранеными. Этотъ случай надѣлалъ переполохъ не только у насъ, но на всѣхъ бивуакахъ, да и въ самомъ Санъ-Стефано. Жители нашей Галатаріи тоже пришли въ немалое смущеніе, таща изъ домовъ все, что́ попало подъ руку, укладывали пожитки и навьючивали ими осликовъ, собираясь куда-то бѣжать, а хозяинъ нашего дома до того растерялся, что схватилъ мѣшокъ и началъ имъ колотить свою жену. Трактирчикъ нашъ или попросту «Вокара», какъ мы его называли, походилъ теперь на собраніе дипломатовъ. Мы всѣ собрались тамъ и обсуждали со всѣхъ сторонъ, что́, могло произойти, если бы намъ пришлось столкнуться теперь съ Турками или воспользоваться ихъ настоящей неурядицей. Вокара также не былъ исключенъ изъ нашего общества; онъ намъ разъяснялъ отношенія обѣихъ партій въ Константинополѣ, о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣли никакого представленія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого къ намъ пріѣхалъ Болгарскій экзархъ и благословилъ выстроенный для этого полкъ иконой Божьей Матери. Онъ благословилъ иконами также полки, стоявшіе вблизи Константинополя.

Вскорѣ почему-то намъ прислали взамѣнъ нашихъ карабиновъ, по правдѣ сказать, мало удовлетворявшихъ своему назначенію, ружья системы Крынка, большею частью испорченныя и со штыками.

Долго мы думали, куда дѣть эти штыки, которые не нравились ни солдатамъ, ни офицерамъ, но такъ и не нашли имъ мѣста.

Полки пріодѣлись, изорванные кителя замѣнили бѣлыми рубашками съ красными погонами, что̀ всѣ одобрили. Службы немного прибавилось: приказано было ходить въ караулы конными взводами при офицерѣ въ Санъ-Стефано къ генералу Рауху, въ деревню Нифасъ къ принцу Ольденбургскому и еще куда-то, но туда былъ командированъ корнетъ Лееръ на все время, а взводъ мѣнялся Пришла и моя очередь идти въ дер. Нифасъ. Выступивъ утромъ по знакомой дорогѣ, отправились мы на нашу прежнюю стоянку и только что я успѣлъ прибыть, какъ пришелъ посланный отъ принца Ольденбургскаго звать меня завтракать. Корнетъ баронъ Сталь, котораго я смѣнилъ, передалъ мнѣ, что смѣны не бываетъ, а прямо новый дежурный идетъ къ завтраку, а старый уходитъ домой, но, представившись принцу, нужно доложить, что прибылъ къ нему со взводомъ въ караулъ. Такъ я и сдѣлалъ. Его Высочество встрѣтилъ меня очень любезно; я доложилъ, что прибылъ въ караулъ, и принцъ, сказавъ, что съ дорожки надо выпить, сейчасъ же налилъ мнѣ добрую серебряную чарку Русской водки. За завтракомъ присутствовалъ начальникъ штаба Принца, капитанъ генеральнаго штаба Протопоповъ.

Благодаря радушію Принца и простому его обращенію, я сразу почувствовалъ себя хорошо и съ большимъ аппетитомъ уничтожилъ завтракъ изъ нѣсколькихъ прекрасно приготовленныхъ блюдъ, съ хорошимъ виномъ, которое радушный хозяинъ подливалъ въ изобиліи. Послѣ завтрака я отправился обозрѣвать наше прежнее пепелище, измѣнившее нѣсколько свой видъ.

Теперь здѣсь были выстроены вышки, на которыхъ стояли часовые Семеновскаго полка, наблюдая за передвиженіемъ и дѣйствіями Турокъ въ ихъ расположеніи на противоположной сторонѣ оврага, которая была нѣсколько выше нашей, что́ и вынудило поставить эти вышки, откуда видна была даже внутренность редутовъ. Жара загнала меня въ отведенный подъ нашъ караулъ домъ, рядомъ съ домомъ, занятымъ Принцемъ. Денщикъ уже устроилъ мнѣ постель, и я прилегъ отдохнуть.

Въ обѣденное время опять посланный Принца пришелъ меня звать къ обѣду, который, какъ и завтракъ, благодаря вниманію хозяина, прошелъ оживленно. Сдѣлавъ вечеромъ небольшую прогулку, осмотрѣвъ свой взводъ и отдавъ нужныя приказанія, я безмятежно заснулъ. Ночью меня разбудила пальба изъ орудій; я вскочилъ и выбѣжалъ къ

караулу узнать, въ чемъ дѣло. Люди тоже проснулись и, не зная еще, по какому случаю стрѣльба, приводили въ порядокъ себя и лошадей. Въ Семеновскомъ полку тоже закопошились. Взглянувъ въ сторону Константинополя, откуда доносились выстрѣлы, мы увидѣли большое зарево: то былъ пожаръ, но причины его мы не знали и потому стояли наготовѣ, ожидая приказаній.

У Турокъ въ укрѣпленіяхъ было все спокойно.

Немного погодя, Принцъ прислалъ сказать, что это просто пожаръ и ничего важнаго нѣтъ. Въ деревнѣ успокоились, а утромъ, сдавъ караулъ смѣнившему меня взводу, мы вернулись въ полкъ.

Слѣдующая моя очередь была идти съ карауломъ въ Санъ-Стефано къ генералу Рауху, который завтракать и обѣдать не звалъ; да, впрочемъ, и надобности въ этомъ не было: пріютъ былъ готовъ повсюду. Сказавъ на случай, гдѣ меня найти, я пошелъ прогуляться и встрѣтилъ полковника Левиса-офъ-Менора, командира Владикавказскаго полка. Мы обрадовались другъ другу, не видавшись съ самой Плевны. Много было кой-чего поразсказать. Позавтракавъ, мы пошли гулять на набережную. Погода, какъ и всегда, была прекрасная. Гуляя, мы замѣтили пароходъ съ Русскимъ флагомъ, шедшій изъ Россіи, куда и отправились обѣдать.

Приближался нашъ полковой праздникъ. Мы рѣшили отпраздновать его на славу и этимъ вопросомъ занялись съ увлеченіемъ. Главнымъ распорядителемъ выбрали полковника Бобылева, а ротмистра Сафонова выбрали по художественной части, и еще нѣсколько офицеровъ помощниками и, кромѣ того, всѣ принимали участіе. Начались обычныя репетиціи церковнаго парада, а жара стояла невозможная. Мокрые насквозь, мы возвращались подъ сѣнь холщеваго навѣса въ кабачкѣ Вокара, который въ сильныя жары поливался водой, чтó охлаждало нѣсколько внутренность его. Мы разстегивались и на вѣтеркѣ-сквозникѣ приходили понемногу въ себя. Вѣроятно отъ этихъ охлажденій на сквознякѣ, или еще отъ чего, но вернувшись какъ-то разъ, за нѣсколько дней до праздника, изъ Санъ-Стефано (гдѣ я познакомился съ докторомъ Поповымъ, назначеннымъ въ нашъ полкъ), я почувствовалъ ознобъ и тотчасъ же началъ лѣченіе коньякомъ; но, не смотря на все стараніе, не могъ вызвать испарины. На другое утро я почувствовалъ сильную слабость и головную боль, такъ что не могъ встать съ постели, но, не придавъ большого значенія своей болѣзни, я послалъ къ нашему знаменитому эскулапу Парамонову просить хины. Денщикъ вернулся, сказавъ, что Парамоновъ хины не даетъ, а при-

детъ сейчасъ самъ. Вскорѣ пришелъ Николай Матвѣевичъ. «Ну что, готовъ, испекся?» сказалъ онъ весело. «Ничего, пройдетъ», продолжалъ онъ, свидѣтельствуя меня и не находя ничего особеннаго, далъ хины и, сказавъ, что пришлетъ фельдшера чѣмъ-то обтереть, ушелъ, обѣщаясь зайти утромъ. Цѣлый день я пролежалъ, а утромъ почувствовалъ себя прекрасно, пилъ чай и курилъ. Когда пришелъ Николай Матвѣевичъ, я ему объявилъ, что здоровъ. Онъ подозрительно поглядѣлъ на меня и приступилъ къ осмотру; все было въ порядкѣ: пульсъ, языкъ, температура; но этого ему было мало, онъ продолжалъ дальше. «Э... поздравляю, у васъ сыпной тифъ», сказалъ онъ, взглянувъ на мою грудь, покрытую сыпью. Сразу это поздравленіе на меня произвело не особенно пріятное впечатлѣніе, и я немного призадумался; но вдругъ меня осѣнила блестящая мысль, и я просіялъ. «Такъ, стало быть, мнѣ теперь можно будетъ уѣхать въ Россію?» сказалъ я Парамонову, нимало не заботясь о ходѣ и окончаніи болѣзни. «Ну это еще того, погодите собираться въ Россію; надо сначала вылѣчиться», сказалъ, смѣясь, Парамоновъ. Немедленно же меня перевели въ другой домъ, въ отдѣльную комнату, которую занималъ нашъ полковой адъютантъ, штабсъ-ротмистръ Александръ Николаевичъ Трубниковъ для своей канцеляріи, и которую онъ любезно уступилъ мнѣ. Ко мнѣ былъ запрещенъ входъ, а мнѣ выходить. Не смотря на то, что я чувствовалъ себя прекрасно, меня остригли, въ ожиданіи безпамятства и другихъ осложненій болѣзни. Чѣмъ-то обтирали. На слѣдующій день съ Парамоновымъ пришелъ мой новый знакомый, докторъ В. Н. Поповъ; онъ сейчасъ же узналъ меня и удивился. «Да вѣдь я васъ третьяго дня видѣлъ въ Санъ-Стефано здоровымъ?» сказалъ онъ. «Что дѣлать», говорю, «былъ здоровъ, а теперь ваше счастье, испортился». Помѣрили они температуру и не повѣрили; помѣрили еще разъ, и тоже сомнѣніе, но по третьему разу пришлось повѣрить. Оказалось, что у меня было 41 градусъ жару, а наружныхъ признаковъ никакихъ, даже силы вернулись; я ходилъ, курилъ и съ аппетитомъ ѣлъ, а безпамятства и бреда и въ поминѣ не было. Такимъ образомъ просидѣлъ я недѣли двѣ, или лучше сказать проспалъ, потому что напивался ежедневно, благодаря способу лѣченія, которое состояло изъ небольшихъ пріемовъ внутрь хины и обильныхъ пріемовъ въ смѣшанномъ видѣ въ большой кружкѣ коньяку съ Шампанскимъ. Послѣднимъ я пользовался по своему усмотрѣнію, и когда мнѣ надоѣдало шагать по комнатѣ, я бралъ кружку, мѣшалъ въ разныхъ пропорціяхъ коньякъ съ Шампанскимъ, отыскивая составъ по вкусу, но, утомившись въ поискахъ, засыпалъ сномъ праведника и оставлялъ разрѣшеніе этой задачи до слѣдующаго раза. Такимъ порядкомъ къ концу двухъ недѣль я, безъ всякихъ особенныхъ ослож-

ній, значительно поправился, чтó немало удивляло докторовъ, не знавшихъ секрета моего лѣченія. Ко мнѣ уже допускали посѣтителей-товарищей, чтó внесло разнообразіе въ мою келью, и я устраивалъ завтраки и различные фоль-журне. Наконецъ, выпустили меня на свѣтъ Божій. Я изъ моего заключенія выѣхалъ торжественно: докторъ Поповъ, средняго роста, толстый, усѣлся на маленькую Турецкую сѣренькую лошадку, а меня посадилъ сзади сѣдла, и такимъ порядкомъ мы подъѣхали къ Вокаро, гдѣ товарищи сдѣлали намъ шумную встрѣчу. Воздухъ и моціонъ скоро меня привели въ порядокъ. Такъ и прозѣвалъ я со своей болѣзнью полковой праздникъ, про который мнѣ разсказывали товарищи, что въ большой лазаретной палаткѣ, убранной живописно снаружи и внутри матеріями, зеленью, флагами и оружіемъ· былъ сервированъ столъ для завтрака. Изъ Константинополя Вокаро привезъ провизію, сервизовъ, столовъ, официантовъ и все необходимое, Меню печаталось въ Константинополѣ по рисунку ротмистра Сафонова. Приглашенныхъ было много. Тутъ были ген.-адъют. Тотлебенъ, графъ Шуваловъ, ген. Дризенъ, получившій въ то время нашу дивизію; были командиры вблизи стоящихъ полковъ, были и Турецкіе представители. Послѣ обычнаго молебствія и парада, всѣ отправились въ разукрашенную палатку, гдѣ подъ звуки хора музыки, которые чередовались съ нашими пѣсенниками, начался завтракъ, продолжавшійся до сумерокъ. Много было говорено тостовъ, покрываемыхъ восторженнымъ ура. Гости разъѣхались, а свои еще гуляли, и чуть не до самой зари раздавались на бивуакѣ пѣсни и музыка, пока сонъ не смѣнилъ веселья.

Благодаря своей болѣзни, я прозѣвалъ также поѣздку офицеровъ всего полка на пароходѣ-крейсерѣ «Константинъ» на острова Принца. Разсказывали, что она вышла удачная и веселая. Съ хоромъ музыки отправились они утромъ на острова Принца (нѣчто въ родѣ нашихъ дачъ для Константинополя и другихъ прибрежныхъ мѣстъ). Тамъ съ мѣстными дачниками и княжнами Дадіанъ изъ Санъ-Стефано совершили они прогулку пѣшкомъ и верхомъ на ослахъ по острову и его живописнымъ горамъ; затѣмъ завтракали и вечеромъ танцовали на открытомъ воздухѣ, и уже въ темнотѣ вернулись домой.

Лишенный возможности, по болѣзни, участвовать въ этихъ двухъ празднествахъ, я хотѣлъ теперь, вслѣдствіе той же болѣзни, воспользоваться случаемъ поѣхать въ Россію на поправку здоровья. Поэтому я и корн. Лёвстремъ, который былъ боленъ въ дер. Нифасѣ тоже тифомъ и помѣщался во время своей болѣзни въ стѣнномъ шкапу нашей бывшей комнаты за неимѣніемъ другого помѣщенія, помышляли о воз-

вращеніи въ Россію, какъ вдругъ произошли довольно серьезныя недоразумѣнія съ Турками.

Дѣло заключалось въ томъ, что Фуадъ-пашѣ, начальнику Турецкихъ передовыхъ линій, не понравились вышки въ нашей передовой линіи, съ которыхъ наши часовые наблюдали за дѣйствіями Турокъ. Фуадъ-паша прислалъ своего адъютанта въ дер. Нифасъ сказать, что начальникъ передовыхъ Турецкихъ линій требуетъ снять вышки. Ему отвѣтили, что вышекъ не снимутъ. Тогда Фуадъ-паша прислалъ сказать, что если не снимутъ вышки завтра къ девяти часамъ утра, то онъ ихъ сниметъ гранатами. О такомъ заносчивомъ требованіи Турокъ, конечно, сейчасъ же дано было знать главнокомандующему.

Все поднялось на ноги. Въ ночь были стянуты отовсюду изъ ближайшихъ мѣстъ войска къ Константинополю. Нѣкоторымъ пришлось сдѣлать порядочный переходъ, такъ что собралась довольно почтенная цифра нашихъ войскъ и, какъ говорили, до двухсотъ орудій. Утромъ Турки увидали себя окруженными нашими войсками, а въ виду Константинополя появились наши военныя суда. Турки, кажется, не ожидали отъ насъ такой прыти и присмирѣли, пустивъ въ ходъ дипломатовъ. Почти весь день, пока велись переговоры, мы стояли другъ противъ друга, въ ожиданіи, чѣмъ это все разрѣшится; намъ приказано было не стрѣлять, пока Турки не откроютъ сами огня.

Тифозныхъ отвозили дальше отъ мѣста дѣйствій. Все было въ напряженномъ состояніи. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ раздастся выстрѣлъ, другой, третій, а тамъ и пошла писать по старому. Сильно точили зубы на Константинополь: обидно было остановиться не дойдя до цѣли, чувствовалось что-то недоконченное. Тишина, какъ у насъ, такъ и у Турокъ, ничѣмъ не нарушалась, какъ бы затишье передъ бурей. Солнце палило. Наконецъ, часа въ три, пришло приказаніе сойти съ позиціи на старыя мѣста. Турки сдались: они прислали извиниться за причиненное намъ безпокойство выходкою Фаудъ-паши, ссылаясь на его адъютанта, который будто бы былъ пьянъ и передалъ ошибочно слова паши, или даже самъ отъ себя затѣялъ это недоразумѣніе. Всѣ радовались этой тревогѣ, въ надеждѣ, что, покончивъ разомъ съ Турками взятіемъ Константинополя, мы съ болѣе выгодными условіями мира скорѣе вернемся домой. Но другіе предвидѣли затяжку военныхъ дѣйствій, въ виду заступничества Англіи, мониторы которой находились на стражѣ; они, говорятъ, готовились высадить въ Константинополь десантъ по первому выстрѣлу съ нашей или Турецкой стороны, чтобы воспрепятствовать занятію города нашими войсками; но все кончилось ничѣмъ, и мы разошлись по своимъ мѣстамъ, сидѣть у моря и ждать погоды.

IX. Возвращеніе.

Когда все поуспокоилось, мы, посовѣтовавшись съ нашимъ лекаремъ, Н. М. Парамоновымъ, поѣхали въ Санъ-Стефано, къ старшему доктору Эпгофу, для освидѣтельствованія. Эпгофъ и совѣтъ изъ нѣсколькихъ докторовъ насъ осмотрѣли и, найдя нужнымъ поправку нашего здоровья, разрѣшили намъ отпускъ въ Россію: мнѣ на шесть недѣль, а корн. Лёвстрему на четыре. Веселые мы вернулись въ полкъ и начали готовиться къ отъѣзду. Полкъ въ это время принялъ пріѣхавшій генералъ Струковъ.

Получивъ прогоны и билеты, мы отправились въ Санъ-Стефано, гдѣ надо было отыскать ген. Струкова для подписи билетовъ. Мы его нашли въ гостиницѣ Санъ-Стефано, за завтракомъ съ Мих. Дм. Скобелевымъ 2-мъ. Пароходъ уже стоялъ у пристани, мы послали доложить о себѣ. Сейчасъ же насъ приняли, билеты были подписаны, съ прибавкою намъ отпуска. М. Д. Скобелевъ узналъ меня и, любезно поздоровавшись, началъ вспоминать дѣйствія Кавказской бригады въ его отрядѣ и спросилъ: «Помните знаменитую атаку подъ Ловчей?» — «Конечно, помню», сказалъ я, и поговоривъ еще, Скобелевъ и Струковъ пожелали намъ скорѣе поправиться и повеселиться дома. Бѣгомъ пустились мы на пароходъ, боясь, что опоздаемъ и лишній часъ пробудемъ здѣсь.

Но вотъ мы на пароходѣ. Пароходъ свистнулъ и отчаливаетъ отъ берега. Передъ нами замелькали строенія Санъ-Стефано. До Константинополя пароходъ останавливался нѣсколько разъ у пристаней; пассажиры мѣнялись, одни уходили, другіе приходили, на пристаняхъ толпился народъ: Турки, Греки, въ національныхъ костюмахъ, солдаты, аскеры, Черкесы, офицеры и статскіе; появлялись и женщины. Близъ пристаней и вдоль берега мы замѣтили много кофеенъ, наполненныхъ посѣтителями, преимущественно Турками, которые въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ благодушествовали, попивая кофе, куря кальяны и трубки. Нѣкоторые сидѣли на краю набережной, свѣсивъ ноги, пуская клубы дыма въ пространство и не обращая, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на окружающее.

На одной изъ пристаней къ намъ вошла Турчанка, въ сопровожденіи своей служанки; дама молоденькая, а служанка старая и, кажется, по цвѣту кожи уроженка Египта. Онѣ прошли въ кормовую часть парохода, за занавѣску. Мы сначала не обратили вниманія на эту занавѣску; но тутъ узнали мы, что такія занавѣски устроены

на всѣхъ пароходахъ, образуя дамское отдѣленіе, гдѣ женщины могутъ раскрывать лицо, не боясь любопытныхъ взглядовъ.

Солнце блестѣло на золоченомъ полумѣсяцѣ Св. Софіи, когда нашъ пароходъ, обогнувъ мраморныя ступени пристани, вошелъ въ Золотой Рогъ, гдѣ стояло много судовъ подъ разными флагами; между ними были и Турецкіе военные корабли, на красныхъ кормовыхъ флагахъ которыхъ выдѣлялся бѣлый полумѣсяцъ.

Золотой Рогъ и проливъ бороздили по всѣмъ направленіямъ «каюки»; это очень красивыя и оригинальныя лодки Константинополя. Пароходъ остановился у моста; мы высадились на берегъ и, взявъ билеты для дальнѣйшаго путешествія въ конторѣ, тутъ же на берегу, переправились на нашъ Русскій пароходъ «Цесаревна», который на слѣдующее утро долженъ былъ отправиться въ Россію. Сдавъ свой багажъ, мы рѣшили воспользоваться остаткомъ дня, побродить по городу, конечно безъ проводника. Пошли наудачу по улицамъ. Турецкая часть города Стамбулъ соединялась съ Европейской Галатой деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Золотой Рогъ, и за проѣздъ или проходъ черезъ него брали небольшую плату.

Стамбулъ грязенъ, съ узкими, кривыми улицами, съ фасадомъ домовъ почти безъ оконъ, такъ какъ вся жизнь Турокъ сосредоточивается внутри домовъ и во дворахъ съ садами, украшенными всякими причудами, обнесенными высокими стѣнами, во избѣжаніе любопытныхъ глазъ.

Галата мало отличается отъ Стамбула чистотой: масса лавочекъ съ разной дрянью, изъ которыхъ помои изъ дверей прямо выливались на улицу, а собаки бродили и лежали посреди улицы, не обращая вниманія на окружающую ихъ суматоху. Турецкіе солдаты и Черкесы, полураздѣтые отъ жары, ходили по улицамъ. Это намъ показалось страннымъ, въ сравненіи съ нашими порядками, гдѣ солдатъ не смѣетъ выйти на улицу раздѣтымъ. Мы были въ формѣ и потому обращали на себя вниманіе прохожихъ. Отсутствіе экипажей сразу бросилось намъ въ глаза; верховыхъ также было мало: всѣ двигаются пѣшкомъ. Гуляя такимъ образомъ, мы наткнулись на какое-то зданіе, въ родѣ маленькаго вокзала. Войдя внутрь его, мы увидали, что это и въ самомъ дѣлѣ былъ вокзалъ, у котораго стоялъ открытый небольшой вагончикъ. Намъ сказали, что этотъ вагончикъ ходитъ по тунелю изъ Галаты въ Перу. Это было очень удобно: иначе пришлось бы взбираться по довольно крутой улицѣ изъ Галаты, расположенной вдоль берега Золотаго Рога, въ Перу, уже настоящую

Европейскую часть города, раскинутую на верхнемъ уступѣ этого берега. Мы взяли билеты, стоившіе что-то очень дешево и, помѣстившись въ вагончикѣ, вскорѣ покатились по рельсамъ вверхъ. Навстрѣчу намъ сверху, по второму пути. катился такой же вагончикъ. Въ тунелѣ царствовалъ полумракъ. Вагончикъ нашъ остановился наверху, въ такомъ же вокзалѣ, какъ и нижній, надъ которымъ торчала каменная труба; тутъ былъ устроенъ паровикъ, который посредствомъ безконечной цѣпи таскалъ эти вагончики. Выйдя изъ вокзала на свѣтъ Божій, мы очутились въ Перѣ. Таже грязь и тѣже узкія улицы, съ посольскими домами, скрытыми въ глубинѣ дворовъ.

Побродивши немного здѣсь, мы тѣмъ же путемъ возвратились въ Галату, а затѣмъ на каюкѣ на пароходъ.

Уже смеркалось, когда мы вернулись, а нѣсколько минутъ спустя, выстрѣломъ изъ пушки возвѣстили зорю, и на всѣхъ судахъ спустили кормовые флаги.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали причудливый многовѣковой городъ, которымъ мы любовались, разговаривая съ капитаномъ и матросами. Насъ очень радовало, что всѣ говорятъ по-русски, какъ будто бы мы были уже дома, но все-таки еще побаивались: а вдругъ да какъ задержатъ!

Спать еще не хотѣлось, и мы пошли осматривать пароходъ. Пассажировъ, кромѣ насъ, никого не было. Пароходъ «Цесаревна» мы нашли великолѣпнымъ; столовая прекрасная, диваны, стулья и кресла все это обито голубымъ бархатомъ; тутъ же стояло фортепіано, была небольшая библіотека. Полы на пароходѣ мозаичные, вездѣ чистота и удивительная опрятность, въ особенности для насъ, отвыкшихъ отъ нея. Чай подавали намъ на подносахъ официанты во фракахъ; все это насъ очень забавляло.

Утомленные волненіемъ предстоящаго путешествія и ходьбой въ продолженіе дня, не окрѣпнувъ еще послѣ болѣзни, мы пошли внизъ въ каюту, куда уже были перенесены наши вещи. Давно уже мы не спали, какъ спятъ вообще порядочные люди, т.-е. на кроватяхъ съ чистымъ бѣльемъ; этого мы не видали съ переходомъ Дуная. Какое мы почувствовали блаженство, раздѣвшись и забравшись на мягкія постели съ пружинными матрасами! Мы лежали и уже въ дремотѣ все еще продолжали восхищаться своимъ положеніемъ; даже умывальникъ съ машинкою, и тотъ насъ радовалъ. Денщики наши были не менѣе довольны, чтó и выражали, разсказывая намъ, какъ они хорошо устроились на пароходѣ; да, впрочемъ, намъ

казалось, что всѣ были довольны. Проспали мы, конечно, какъ убитые до утра и, проснувшись довольно поздно, возились долго со своимъ туалетомъ, чтобы, насколько возможно, привести его въ порядокъ. Когда мы вышли на палубу, то уже понемногу начали прибывать пассажиры, офицеры и дамы. Нѣкоторые въ военномъ платьѣ, нѣкоторые въ статскомъ. Мужья провожали женъ. Золотой Рогъ кишѣлъ народомъ, каюки сновали по всѣмъ направленіямъ. Нѣсколько каюковъ, качаясь на зыби залива, окружали пароходъ. На нихъ сидѣли статскіе въ фескахъ, подъ зонтиками, поджавши подъ себя ноги въ чулкахъ, а туфли стояли передъ ними. Это были таможенные чиновники, которые, завидя каюкъ, направлявшійся къ пароходу, устремлялись къ нему и, ловко причаливъ къ его борту, перепрыгивали туда, требуя осмотра вещей, который производился быстро, и чиновникъ опять перепрыгивалъ на свой каюкъ, торопясь къ слѣдующему. Налетѣлъ онъ и на нашихъ офицеровъ въ статскомъ, но, узнавъ, что это Русскіе, сейчасъ отъѣхалъ, сдѣлавши глубокій «чекъ-салямъ» (восточное привѣтствіе), такъ какъ нашъ багажъ былъ свободенъ и отъ чужого, и своего дозора.

Наша миноноска, съ приспущеннымъ кормовымъ флагомъ, подвезла къ намъ покойника, котораго сопровождалъ сынъ-офицеръ. Покойника почему-то не приняли на пароходъ; кажется потому, что это какая-то худая примѣта.

Наконецъ настало время отъѣзда. Провожающіе прощались и, отъѣзжая въ каюкахъ отъ парохода, махали платками и шляпами; съ парохода имъ отвѣчали тѣмъ же. Раздалась команда капитана съ мостика. Зашумѣли цѣпи, и пароходъ снялся съ якоря. Мы двинулись къ мосту и, описавъ по заливу кругъ, пошли по Босфору къ Черному морю. Что́ за живописныя мѣста по обоимъ берегамъ Босфора, какія великолѣпныя постройки! Все это проходило мимо насъ, и мы не могли налюбоваться; особенно эффектенъ Чараганскій дворецъ, весь мраморный, съ массой колонъ и всевозможныхъ вычурныхъ работъ, и не менѣе великолѣпенъ Долма-Балчи, съ мраморною лѣстницей. Все это въ зелени, между которой высятся пирамидальные тополи. Любовались всѣ, громко высказывая свое восхищеніе.

Тамъ, гдѣ живописно въ зелени раскинулась, сбѣгая по склону берега къ водѣ, лѣтняя резиденція нашего посла, Босфоръ расширяется, образуя заливъ, на которомъ стоялъ нашъ военный крейсеръ. Пароходъ остановился; отъ пристани посольства подошла къ намъ шлюпка и взяла съ парохода двухъ пассажировъ, вѣроятно ѣхавшихъ туда по дѣлу. Когда они вернулись, пароходъ пошелъ дальше. Проливъ

опять суживался, и по берегамъ кое-гдѣ виднѣлись батареи, защищавшія проливъ, а у выхода стоялъ на стражѣ стопушечный Турецкій деревянный фрегатъ. Дальше по берегамъ виднѣлись кое-гдѣ батареи, защищавшія проливъ, а у выхода въ Черное море на берегу высилось укрѣпленіе съ постройками, на валу котораго у орудій расхаживали часовые. Здѣсь нашъ пароходъ остановился, и помощникъ капитана отправился на берегъ за полученіемъ пропуска.

Когда онъ вернулся, мы, пройдя узкій заливъ, вышли въ открытое море, совершенно спокойное и гладкое, какъ зеркало. Солнце садилось, а берега мало-по-малу уходили вдаль, и мы любовались этой картиной воднаго пространства.

Первый разъ намъ приходилось быть въ морѣ. Накрыли столъ, и насъ пригласили обѣдать. Сервировка и кушанье были прекрасныя. Мы пообѣдали съ аппетитомъ и перезнакомились со всѣми пассажирами. Все были свои военные, постороннихъ было очень мало. Послѣ обѣда опять всѣ вышли на палубу, гдѣ разбились на небольшіе кружки, сидѣли и гуляли, весело болтая. Здѣсь же подавали намъ вечерній чай. Кто-то сѣлъ за рояль, кто-то пробовалъ пѣть. Поздно было, когда мы разошлись спать: не хотѣлось голубое небо съ миріадами звѣздъ мѣнять на душную каюту. На другое утро, когда мы вышли на палубу, глазамъ представилось одно безбрежное море, а Турецкаго берега какъ не бывало. Мнѣ еще не приходилось видѣть что-нибудь подобное. Лазурныя безоблачныя небеса на горизонтѣ тонули въ морѣ, на гладкой поверхности котораго отражалось солнце. Лучи его, яркими искорками играя, серебрили водную поверхность, взволнованную винтомъ парохода, широкою лентою, терявшеюся вдали. Недалеко отъ парохода появились дельфины, которые, играя, выскакивали изъ воды и, описывая полукругъ, ныряли. Это насъ забавляло. У кого нашлись Турецкія магазинки, тѣ начали стрѣлять въ этихъ рыбъ; но трудно было уловить моментъ прыжка, хотя рыба была громаднаго размѣра, и охота кончилась ничѣмъ.

День прошелъ незамѣтно. Какая-то очень миленькая барынька, оставивъ въ Константинополѣ своего мужа, возвращалась домой; она играла на рояли и пѣла; около нея образовался кружокъ. Къ вечеру поднялась небольшая зыбь и мало-по-малу усиливалась. Ложась спать, мы спросили, когда придемъ въ Одессу? Намъ объявили, что хотя мы придемъ и рано, т.-е. часа въ два утра, но будемъ ждать разсвѣта около сторожевого парохода «Соколъ», потому что фарватеръ и рейдъ заграждены торпедами. Проснувшись съ разсвѣтомъ отъ волновавшаго насъ чувства приближенія къ родинѣ и выйдя на палубу, мы увидали

Русскій берегъ. Пароходъ нашъ проходилъ между судовъ къ пристани. Пришелъ жандармскій офицеръ и, послѣ осмотра имъ нашихъ паспортовъ, мы сошли на берегъ. У воротъ таможенная стража хотѣла было задержать нашъ багажъ, но узнавъ, что мы изъ дѣйствующей арміи, сейчасъ же пропустила. Теперь мы, почувствовавъ себя дома, поздравили другъ друга съ благополучнымъ возвращеніемъ. На первомъ отходящемъ поѣздѣ мы отправились дальше, въ Петербургъ, желая скорѣе увидать родныхъ и друзей.

Пассажиры старались, конечно, съ нами познакомиться и приступить съ разспросами о войнѣ и настоящемъ положеніи дѣлъ. Имъ казалось, что бывшій въ Турціи долженъ все знать. Они предполагали, что дѣла рѣшаются на мѣстѣ дѣйствія, а не въ кабинетѣ дипломатовъ. Главные вопросы были: отчего произошла Плевна, почему не взяли Константинополя и что̀ дѣлаетъ Скобелевъ?

Отъ одного изъ плѣнныхъ Турокъ, встрѣченныхъ мною на какой-то станціи, черезъ переводчика я узналъ, что онъ былъ при взятіи М. Д. Скобелевымъ Ловчи однимъ изъ защитниковъ ея и въ числѣ немногихъ спасся бѣгствомъ. Онъ увѣрялъ, что спаслось не болѣе $1\frac{1}{2}$ тысячъ изъ семи, защищавшихъ городъ; остальные пали при атакѣ укрѣпленій и порублены при преслѣдованіи Русскими Черкесами: такъ Турки и Болгары называли Кавказскую бригаду полковника Тутолмина.

Ротмистръ въ отставкѣ **Василій Васильевичъ Воейковъ.**

Тамбовъ
25 Мая 1899.

ИЗЪ ЖИЗНИ КАТОРЖНЫХЪ ИЛГИНСКАГО И АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВИНОКУРЕННЫХЪ ЗАВОДОВЪ.

1848 — 1853 г. *).

Описывая жизнь каторжныхъ въ заводахъ, находившихся подъ моимъ управленіемъ, и порядокъ, котораго я въ теченіе пяти лѣтъ, ни въ чемъ не измѣняя, держался, могу смѣло сказать, что все это можно было дѣлать только при *самостоятельномъ*, справедливомъ и относившемся сердечно къ людямъ, Муравьевѣ, и при его полномъ довѣріи. При другихъ начальникахъ, особенно при вліяніи на нихъ близкихъ къ нимъ лицъ, пользовавшихся этимъ для проявленія своего (хотя и quasi, но все-таки начальственнаго) вліянія, вѣроятно, этого не дозволили бы, и вмѣсто одобренія я заслужилъ бы взысканіе за отступленіе отъ разныхъ формальностей. *Муравьевъ былъ врагъ ихъ. Онъ смотрѣлъ на пользу дѣла, а не на форму, по которой его дѣлаютъ.* Можетъ быть теперь, когда началу того, что̀ мною описывается, прошло болѣе полустолѣтія, кто-нибудь изъ читателей подвергнетъ осужденію, какъ дѣйствія мои, такъ и *личную* иногда съ виновными расправу. Что дѣлать? Писалъ такъ, какъ было, описывая все фотографически вѣрно. «Изъ пѣсни слова не выкинешь», говоритъ пословица. Вотъ ее-то я и придерживался. Хорошъ ли, худъ ли былъ тотъ порядокъ, котораго я держался съ каторжными, судить не мнѣ. Предоставляю это другимъ. Могу сказать только одно, что жилъ и разстался съ ними хорошо, и, не смотря на личныя мои съ виновныхъ взысканія, никогда со стороны ихъ никакого покушенія, при удобствѣ и имѣніи въ рукахъ орудія, относительно меня не было. Единственный случай, въ которомъ я (можетъ быть, однакоже и ошибочно) подозрѣваю это, разскажу дальше, когда буду говорить о сдѣланныхъ каторжными, въ мое управленіе, преступленіяхъ. Нельзя быть одностороннимъ: разсказывая хорошее, нужно разсказать и то, что̀ было худое.

Въ Илгинскомъ заводѣ, кромѣ того, что̀ я сказалъ о Лазарѣ Селезневѣ, какъ очевидцѣ, а не участникѣ преступленія, во время уп-

*) См. выше, стр. 79.

равленія моего случилось только одно убійство. Оно было какое-то безцѣльное, безъ всякаго повода, и необъяснимое. Въ одной казенной, вблизи моей квартиры, небольшой избушкѣ жило четверо каторжныхъ: всѣ люди довольно пожилые и болѣе или менѣе не очень здоровые. Лѣтомъ, когда случилось убійство, они занимались плетеніемъ лаптей изъ березовой коры (бересты) для рабочихъ. (Липы тамъ нѣтъ). Изъ числа ихъ одинъ куда-то ушелъ въ заводъ, а другой только что вернулся съ добытою имъ въ лѣсу берестой; изъ остальныхъ же одинъ, на лавочкѣ у стѣны спалъ, а другой пилъ такъ называемый ими чай *). Вошедшій, положивъ на мѣсто бересту, осмотрѣлся и, увидѣвъ подъ лавкою спящаго топоръ, взялъ его, подошелъ къ тому, который пилъ чай, ударилъ имъ его по голой шеѣ такъ ловко, что чуть чуть не отрубилъ напрочь голову, бросилъ топоръ и сѣлъ къ столу около убитаго, свалившагося на полъ. Спавшій, услышавъ стукъ и паденіе тѣла, проснулся и, увидѣвъ все то, что̀ случилось, выскочилъ изъ избушки и закричалъ. На крикъ его прибѣжали изъ полиціи десятники, каторжные же схватили убійцу и повели въ полицію. Увидѣвъ, какъ привели его, я пошелъ и началъ его спрашивать, за что онъ убилъ товарища. Вотъ содержаніе того, что̀ онъ отвѣчалъ. «Въ заводѣ есть казакъ Казачинскій (дѣйствительно былъ) казакъ—чинскій, казакъ чиновный. Я какъ-то иду ночью около его дома; а онъ, подозвавъ меня къ окну, у котораго сидѣлъ, показалъ мнѣ на мѣсяцъ, который хорошо и ярко свѣтилъ и спросилъ: а это что? Я отвѣтилъ ему: мѣсяцъ; а онъ и говоритъ: мѣсяцъ, мѣсяцъ, умѣйсяцъ, умѣйсѣчь; вотъ я его и сѣкнулъ». Показаніе, данное имъ производившему объ этомъ слѣдствіе, полиційместеру, было повтореніемъ этого разсказа. Думаю, что онъ былъ душевно-больной. Слѣдствія, произведенныя о преступленіяхъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію и рѣшенію судебныхъ мѣстъ, а также и совершившіе преступленія эти, отсылались въ Иркутскъ, гдѣ и поступали въ суды, сначала окружный, а потомъ губернскій, а по окончательномъ приговорѣ ихъ, виновные отсылались уже въ Нерчанскіе рудники. Такъ было сдѣлано въ настоящемъ случаѣ, и такъ всегда дѣлалось, какъ я знаю, въ другихъ заводахъ и въ Тельминской фабрикѣ.

Въ Александровскомъ же заводѣ, во время управленія моего были сдѣланы слѣдующія преступленія:

1. Однажды, сколько помнится, въ Ноябрѣ или Декабрѣ 1849 года, за часъ или полтора до разсвѣта, меня разбудили и сказали,

*) Для этого варятъ они большею частью растеніе, называемое въ Сибири „бѣлоголовникъ“ (Spirea ulmaria) или чагу. Это бывающій на стволахъ березы наростъ; можетъ быть, какой нибудь грибъ или же паразитъ, не знаю.

что въ каталажной *) одинъ рабочій убилъ другого. Пріѣхавъ туда, я увидѣлъ на нарахъ трупъ и около него сидящаго, со связанными уже руками, каторжнаго. Между трупомъ и убійцею, на какой-то довольно грязной тряпкѣ, лежало 3—4 ломтя хлѣба, накрошенный лукъ и окровавленный ножикъ. Оба, какъ убитый, такъ и убійца, были люди пожилые. Въ Александровскій заводъ они были присланы, для дослуженія срока, изъ уничтоженныхъ тогда въ Томской губерніи Керевскаго и Боготольскаго заводовъ (изъ котораго именно, не помню). Убійство, по словамъ бывшихъ тутъ каторжныхъ, произошло такъ. Когда всѣ, бывшіе въ каталажной, встали по звонку, чтобы приготовляться къ выходу на работы и начали завтракать: то оба, какъ убитый, такъ и убійца, ѣвшіе всегда вмѣстѣ, сѣли другъ противъ друга: и первый изъ нихъ сначала нарѣзалъ хлѣба, а потомъ началъ крошить луковицу. Когда же все это кончилъ, то убійца, взявъ у него ножикъ, ударилъ имъ его неожиданно въ грудь такъ, что тотъ упалъ мертвымъ. Убійство это было такое же безсмысленное и безцѣльное, какъ и описанное выше. На всѣ вопросы убійца отвѣчалъ только: «не помню за что; самъ не знаю, какъ это сдѣлалъ», и все въ этомъ родѣ. Однимъ словомъ, обо всемъ отозвался незнаніемъ и безпамятствомъ. Такъ ничего, и при слѣдствіи, больше не доспросились.

2) Одинъ молодой каторжный, изъ Молдаванъ, разсорившись съ каторжною женщиною, съ которою былъ въ близкихъ отношеніяхъ, нанесъ ей ножомъ рану, по счастію легкую, и убѣжалъ. Но чрезъ два дня явился самъ обратно въ заводъ.

3) Весною, не помню года, когда кончилось винокуреніе и въ винницѣ началось уже исправленіе, а въ спиртовомъ отдѣленіи еще нѣтъ, какъ-то утромъ, во время рапорта, я приказалъ нарядчику сходить въ это отдѣленіе и указать находившимся въ немъ двоимъ (изъ слабыхъ здоровьемъ каторжныхъ) караульнымъ, гдѣ нужно складывать тѣ лѣсные матеріалы, доставкою которыхъ, для исправленія того отдѣленія, я приказалъ ему одновременно распорядиться. Едва ли послѣ ухода его отъ меня прошло полчаса, какъ мнѣ дали знать, что въ спиртовомъ отдѣленіи произошло убійство. Пріѣхавъ туда, я увидѣлъ такую картину. При входѣ въ отдѣленіе (въ сѣняхъ) лежалъ похолодѣвшій уже трупъ и около него застывшая лужа крови, нѣсколько мѣдныхъ денегъ и разбросанныя грязныя, игральныя карты. Оба караульные стояли тутъ же со связанными руками. Убитымъ оказался мѣдникъ, каторжный, изъ крещеныхъ Евреевъ. Не помню фамиліи, но всѣ звали его Корнюшкой, вѣроятно потому, что при крещеніи онъ былъ названъ

*) Каталажная, по Словарю Даля—тюрьма при полиціи. И. Б.

Корниломъ. Изъ разспросовъ оказалось, что когда посланный мною нарядчикъ хотѣлъ войти въ спиртовое отдѣленіе, то двери онаго оказались запертыми изнутри и, не смотря на стукъ его, никто ему ихъ не открывалъ. Тогда онъ, кликнувъ съ близкихъ работъ нѣсколько рабочихъ, приказалъ выставлять окна; но тотчасъ же отворились двери, и онъ увидѣлъ трупъ и обоихъ караульныхъ, которыхъ приказалъ связать, и послалъ ко мнѣ дать знать обо всемъ. Оба виновные тотчасъ же мнѣ разсказали, что Корнюшка пришелъ къ нимъ съ вечера, и они стали играть въ карты. Играли долго, но потомъ разссорились, и одинъ изъ нихъ, какъ теперь помню, рыжій, хромой, съ больными ногами, хватилъ Корнюшку такъ ловко топоромъ по шеѣ, что чуть не отрубилъ голову совсѣмъ. Совершивъ это, хотѣли трупъ куда-нибудь оттащить; но такъ какъ уже разсвѣтало, то не рѣшились и отложили до ночи, разсчитывая, что такъ какъ работъ въ отдѣленіи еще не начиналось, то никто и не придетъ, а между тѣмъ успѣютъ очистить слѣды убійства. Если же кто и придетъ изъ знакомыхъ рабочихъ, то не открывать, отмолчаться, какъ бы спятъ. Но пришелъ посланный мной нарядчикъ, отсидѣться молчкомъ было нельзя, и все открылось.

4) Весною, помнится 1850 года, я приступилъ къ постройкѣ новаго коннаго двора (для казенныхъ лошадей и воловъ) и помѣщеній для конюховъ. Прежній былъ ветхъ, тѣсенъ, а главное, помѣщался въ самомъ центрѣ лучшихъ жилыхъ зданій завода; да кромѣ того, возить въ него все, что̀ было нужно, воду, барду и проч., нужно было въ гору, расходуя на это безъ надобности силу лошадей и воловъ. Необходимо было выбрать мѣсто не на горѣ, а ровное и близко къ водѣ. Такое было какъ разъ за заводомъ, по дорогѣ къ селенію «Олонки», противъ заводскаго кладбища. Кстати за одно, я рѣшилъ устроить на кладбищѣ, взамѣнъ развалившихся, новыя часовню и ограду, но уже хозяйственнымъ образомъ, пользуясь сбереженіемъ противъ смѣты рабочихъ рукъ и матеріаловъ, что̀ и сдѣлалъ. Мѣсто, выбранное для коннаго двора, было ниже противоположнаго, довольно мокрое, но нѣсколько покатое. Поэтому, для осушенія его *), нужно было прорыть три канавы: одну—вдоль дороги, а двѣ отъ концовъ ея, къ находящейся вблизи рѣчкѣ. Для исполненія этого, а также и для постройки, рабочихъ назначалось много. Всѣ они, вслѣдствіе отмѣны, какъ выше уже сказано, военнаго за ними караула, находились подъ карауломъ своихъ же собратій.

*) Въ этомъ мѣстѣ впослѣдствіи, когда взялъ въ аренду заводъ Ефимъ Михайловичъ Медовиковъ, въ К° со Шведовыми и А. С. Юдинымъ, была построена ими большая, каменная уже, винница, передѣланная потомъ, какъ говорятъ (самъ я не видѣлъ) въ центральную тюрьму, существующую и нынѣ.

Однажды вечеромъ, когда, прекративъ работы, отобрали инструменты и начали перекличку, тринадцать человѣкъ, бывшіе близко другъ къ другу и, очевидно, сговорившіеся раньше, вскрикнули и побѣжали въ начинавшійся отъ кладбища лѣсъ. Остальныхъ пересчитали и повели въ заводъ, а часть болѣе надежныхъ и нѣкоторые изъ десятниковъ кинулись преслѣдовать бѣжавшихъ. Дали знать мнѣ. Я усилилъ погоню, какъ пѣшими, такъ и конными, и къ утру было поймано изъ бѣжавшихъ восемь человѣкъ, да еще одинъ чужой. Свои, какъ это полагалось по закону, были наказаны по приговору полиціи, а о чужомъ она начала собирать по его показанію справки. Звали его, какъ хорошо помню, Иванъ Карацупенко, рыжій съ непріятнымъ въ веснушкахъ лицомъ и какимъ-то страннымъ складомъ головы. До собранія справокъ онъ, какъ и всѣ прочіе, употреблялся закованнымъ въ работы, съ которыхъ скоро бѣжалъ. Черезъ нѣсколько времени былъ онъ гдѣ-то пойманъ и опять пришелъ въ Александровскій заводъ. Долго-ли проработалъ, не помню, захворалъ, попросился въ больницу, и изъ нея бѣжалъ опять, унеся съ собою все, въ которомъ былъ, казенное бѣлье и платье. Такъ какъ это былъ уже третій извѣстный побѣгъ (пойманъ бѣглый и два раза бѣжалъ изъ управляемаго мною завода), то полиціймейстеръ представилъ свое слѣдствіе въ Окружный Судъ, а тотъ прислалъ потомъ дѣло это, со своимъ приговоромъ, для исполненія въ свое время, въ полицію. По приговору было назначено: Карацупенкѣ 50 ударовъ кнутомъ, а полиціймейстеру (онъ же смотритель больницы) ни съ того, ни съ сего, выговоръ за невниманіе къ храненію похищенныхъ, при побѣгѣ Карацупенкою, казенныхъ вещей. Мы съ полиціймейстеромъ думали, что съ Карацупенкою больше уже не увидимся: или сложитъ гдѣ-нибудь свою голову, или, опасаясь своей кражи, покажется въ какой-нибудь другой заводъ. Случилось иначе. Въ началѣ лѣта 1852 года, я только что вышелъ изъ конторы завода, какъ увидѣлъ, что конвойные вводятъ въ дворъ ея (тутъ же и полиція) двоихъ арестантовъ, изъ которыхъ одинъ Карацупенко. Разсерженный этимъ обратнымъ приходомъ его ко мнѣ въ заводъ, тогда какъ онъ могъ точно также показать себя бѣжавшимъ не изъ него, а изъ другого, и увѣренный, что онъ опять сдѣлаетъ побѣгъ, я подошелъ къ нему и хотѣлъ уже его ударить; но увидѣлъ въ глазахъ его такое недоброе, можно сказать, звѣрское, выраженіе, что, сдержавъ руку отъ удара, началъ ею, близко къ его лицу, грозить и выговаривать за побѣги. Потомъ я спросилъ его, зачѣмъ онъ пришелъ опять ко мнѣ въ заводъ, когда ему, какъ видно, въ немъ худо и онъ изъ него второй разъ убѣжалъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «нѣтъ, баринъ, лучше здѣшняго житья нѣтъ ни въ одномъ заводѣ, а все-таки воля лучше». Зная, что Кара-

цупенку ожидаетъ уже приговоръ и, опасаясь, чтобы онъ какъ-нибудь не убѣжалъ до приведенія его въ исполненіе, я приказалъ конвойнымъ увести и сдать обоихъ арестантовъ, вмѣсто острога, на гаубтвахту, а полиціймейстеру сказалъ, чтобы завтра же исполнилъ приговоръ. На завтра, вскорѣ послѣ того какъ увели Карацупенку къ наказанію (которое всегда производилось на площадкѣ передъ винницей, чтобы большее число рабочихъ могло его видѣть) и прежде чѣмъ, судя по времени, оно могло быть исполнено, пріѣхалъ ко мнѣ полиціймейстеръ (онъ производилъ исполненіе). Онъ привезъ съ собою изорванный Карацупенкою, при чтеніи ему, приговоръ, и разсказалъ мнѣ слѣдующее. Когда онъ, подойдя близко къ Карацупенкѣ (у полиціймейстера, отъ болѣзни, былъ слабый и хриплый голосъ) началъ читать приговоръ и только что дошелъ до того мѣста, гдѣ сказано: «каторжному Карацупенкѣ, за третій побѣгъ, дать 50 ударовъ кнутомъ», какъ Карацупенко кинулся на него и схватилъ его за руки, а зубами приговоръ. Конвойные солдаты чуть-чуть не подхватили его на штыки; но полиціймейстеръ, освободивъ руки, успѣлъ вскричать: «прикладомъ!» Началась свалка, въ которой Карацупенко успѣлъ все-таки изорвать приговоръ, разбить до крови носъ палачу и чуть-чуть не изуродовалъ одного конвойнаго, но къ счастію тотъ успѣлъ вывернуться. Оставивъ Карацупену въ рукахъ держащихъ его конвойныхъ, сидящимъ на землѣ, полиціймейстеръ пріѣхалъ доложить и спросить что̀ дѣлать? Я сказалъ ему, что такъ какъ приговоръ уже объявленъ, то необходимо привести его, на сколько я знаю, въ исполненіе, а новое преступленіе должно судиться особо. Не полагаясь однакоже на то, что̀ сказалъ выше, я попросилъ полиціймейстера съѣздить въ контору и привезти, если не ошибаюсь, XIV т. Св. Зак. Когда онъ привезъ его, то оказалось, что я не ошибся. Отославъ полиціймейстера къ исполненію, я, въ виду важности происшествія, поѣхалъ туда и самъ. Со мною поѣхалъ пріѣхавшій ко мнѣ изъ Иркутска близкій мой пріятель горн. инж. Матвѣй Ивановичъ Кованько, котораго очень заинтересовалъ разсказъ полиціймейстера, а также и то, чѣмъ все это кончится. Когда мы съ Кованькой подъѣхали, то полиціймейстеръ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что десять человѣкъ не могутъ пособиться съ Карацупенкой, чтобы распрямить и привязать его къ кобылѣ *). Замѣтивъ полицій-

*) „Кобыла"—наклонная плоскость съ выемками для вставленія шеи и рукъ и съ отверстіями для ногъ. Голова за шею, а также руки и ноги, вкладывались въ выемки и отверстія и привязывались къ кольцамъ такъ, что спина наказуемаго была вся открыта ударамъ кнута. Кнуты, или лучше сказать, наконечники ихъ, длиною вершковъ въ 10—12, были приготовляемы изъ сырой, обстриженной отъ шерсти кожи, такимъ особымъ способомъ, что отъ твердости ломались, а не гнулись. Они были желобковаты, но не

мейстеру его нераспорядительность, я крикнулъ стоявшимъ безучастными зрителями каторжнымъ, чтобы они распрямили и помогли палачу привязать Карацупенку, не нанося ему побоевъ и вреда. Все было исполнено скоро, и палачъ приступилъ къ исполненію. Начиная отъ 1-го до послѣдняго 50-го удара, Карацупенко, хотя обозленный имъ палачъ употреблялъ, насколько могъ, все свое усердіе, не издалъ никакого крика боли. Все время, пока продолжалась экзекуція, онъ ругалъ всѣхъ безъ изъятія крупною Русскою бранью и обѣщалъ всѣхъ рѣзать. Въ виду этого, опасаясь, чтобы онъ, когда его будутъ отвязывать, дѣйствительно не убилъ кого-нибудь, я приказалъ послать въ больницу и привезти имѣвшіеся для буйныхъ сумасшедшихъ полотняные рукава. Когда отвязали шею, то по мѣрѣ отвязыванія рукъ, на нихъ надѣвались эти рукава, а потомъ уже, когда обѣ руки были рукавами связаны, отвязали ноги, и онъ сошелъ съ кобылы. При этомъ, съ какимъ-то страшно злобнымъ выраженіемъ, обратился онъ къ палачу и, похваляясь тѣмъ, что тотъ, не смотря на свое усердіе, не могъ добыть изъ него крика боли, добавилъ: «ну, а если бы ты мнѣ попалъ, то сразу бы у меня завизжалъ, а потомъ издохъ». Я спросилъ Карацупенку, можетъ ли онъ дойти до больницы самъ, и онъ отвѣчалъ, что можетъ, но чтобы я позволилъ ему выпить стаканъ водки. А такъ какъ тутъ взять ее было негдѣ, то я сказалъ полиціймейстеру, чтобы Карацупенку, по дорогѣ въ больницу мимо моего дома, завели во дворъ получить стаканъ водки, а потомъ уже увести въ больницу.

Черезъ два дня послѣ описаннаго мною происшествія, пріѣхалъ въ заводъ возвращавшійся изъ осмотра губерніи губернаторъ, Карлъ Карловичъ Венцель и, осматривая работы, мѣста заключенія и больницу, увидѣлъ въ числѣ больныхъ и Карацупенку. Когда я доложилъ ему обо всемъ описанномъ выше, то онъ приказалъ мнѣ, чтобы не затягивать вопроса и донести не къ нему, а прямо къ генералъ-губернатору, что̀ я, по отъѣздѣ его изъ завода, и исполнилъ. Вскорѣ послѣ этаго было получено мною предписаніе выслать Карацупенку въ Иркутскій солевареный заводъ, для преданія военному суду въ тамошней военно-судной комиссіи (въ Александровскомъ заводѣ таковой не было). Опасаясь, чтобы онъ, когда будутъ вести его въ означенный заводъ, а въ особенности при переправѣ черезъ рѣку Авгару, кого-нибудь не убилъ, или не сдѣлалъ чего-нибудь съ собою, я прика-

---

овально, а съ углами ¦ ¦ и оканчивались загибами въ родѣ когтя. Наловчившійся въ своемъ дѣлѣ палачъ могъ при ударѣ не только просѣкать кожу, но, какъ думаю я, когтемъ сдирать ее. Образцы этихъ кнутовъ, точно такъ же какъ плетей и даже розогъ, были присланы въ Иркутскъ изъ Петербурга, послѣ изданія Уложенія 1845 г., когда я служилъ еще въ канцеляріи Иркутскаго губернатора.

залъ оба кольца ручныхъ и ножныхъ кандаловъ соединить желѣзнымъ прутомъ. Прутъ этотъ называли почему-то лисою и употребляли обыкновенно для самыхъ отчаянныхъ преступниковъ. Случай такой заковки былъ у меня единственный; всѣ, которые носили кандалы, имѣли ихъ только ножные. Да нѣтъ, впрочемъ, былъ одинъ, на которомъ были кандалы ручные; но это потому, что ножныхъ надѣть было не на что: у него были отзноблены обѣ ступни, и онъ ползалъ на колѣняхъ. Таковымъ онъ поступилъ въ заводъ, да и самое-то преступленіе, за которое былъ присланъ, сдѣлалъ будучи безногимъ. Не помню теперь, въ которомъ-то изъ двухъ округовъ Каинскомъ или Канскомъ, но только именно въ одномъ изъ нихъ, онъ, пробираясь черезъ какое-то селеніе, попросился ночевать, и когда всѣ уснули, вырѣзалъ пригрѣвшую его семью. Его употребляли на работу: толочь, какія были нужны для заводскихъ потребностей, краски или другіе матеріалы.

Возвращаюсь къ Карацупенкѣ. О дальнѣйшей судьбѣ его я узналъ случайно, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и больше, въ Иркутскомъ благородномъ собраніи. Пріѣхавъ туда на обѣдъ, устроенный не помню по какому-то случаю, я встрѣтился съ командиромъ Иркутскаго казачьяго полка Николаемъ Павловичемъ Моллеромъ, который, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что утромъ того дня онъ приводилъ въ исполненіе приговоръ военнаго суда надъ однимъ каторжнымъ моего завода, котораго фамилію забылъ. Когда я назвалъ Карацупенку, то онъ сказалъ, что именно надъ нимъ. По словамъ г. Моллера, Карацупенкѣ было назначено пройти сквозь строй, черезъ 1000 человѣкъ, четыре раза. Онъ получилъ 1800 ударовъ, не издавъ ни одного крика боли, а потомъ упалъ, и его возили, какъ это дѣлалось всегда съ такими преступниками, на телѣжкѣ. Вѣроятно, онъ умеръ. Смерть его, хотя и тяжелая, думаю я, сохранила жизнь многихъ. Онъ, какъ слышалъ я потомъ отъ каторжныхъ, былъ ужасный злодѣй, сдѣлалъ въ своей жизни много убійствъ и попалъ случайно, какъ выше сказано, ко мнѣ въ заводъ, убѣжавъ съ цѣпи изъ одного изъ Нерчинскихъ рудниковъ. Вѣроятно все это разсказывалъ имъ онъ самъ въ то время, пока былъ въ заводѣ.

Кстати, хоть и не изъ заводской жизни, я разскажу здѣсь другой примѣръ такой же выносливости и ожесточенности, какія проявилъ Карацупенка. Я видѣлъ случайно въ Иркутскѣ въ 1845 г. во время управленія генералъ-губернатора Руперта, какъ зимою, въ сильный морозъ, на перекресткѣ Арсенальской и 1-ой Солдатской улицъ, наказывали одну поселянку за убійство, въ сообществѣ двоихъ бѣглыхъ изъ Забайкала каторжныхъ, всей семьи мѣщанъ Русиновыхъ. Оба ка-

торжные, за нѣсколько дней до этого, были загнаны сквозь строй; а ее, привезенную видѣть ихъ наказаніе, было приказано наказать вблизи мѣста совершеннаго преступленія. Палачъ, какъ было замѣтно, снисхожденія не дѣлалъ. Почти при каждомъ ударѣ, наконечники кнута ломались, и онъ замѣнялъ ихъ новыми. Приводившій въ исполненіе приговоръ, полицейскій чиновникъ, опасаясь, что за израсходованіемъ наконечниковъ, можетъ остановиться наказаніе, послалъ привезти ихъ еще; и не ошибся, потому что привезли ихъ какъ разъ только что во время. Наказываемая, во все время наказанія, не издала никокого крика боли. Но когда оно кончилось, и ее отвязали, то она безъ чувствъ скатилась къ подножію кобылы. Полицейскіе служители и палачъ подняли ее, и вѣроятно, считая мертвою, вмѣсто того, чтобы положить осторожно, бросили въ телѣгу (не сани, снѣгъ выпалъ поздно), чтобы увезти въ острогъ. Въ это время она какъ разъ пришла въ себя, сѣла въ телѣгѣ и начала бранить ихъ всѣхъ трехэтажною Русскою бранью. Въ больницѣ острога она выздоровѣла и была сослана въ Нерчинскія каторжныя работы.

Такіе ожесточенные и озлобленные люди встрѣчаются, мнѣ кажется, не часто: въ продолженіе моей 80-лѣтней жизни, мнѣ случилось видѣть, какъ сказалъ я, только дважды.

5) Вскорѣ послѣ проѣзда Карла Карловича, пріѣхалъ для ревизіи завода новый предсѣдатель Казенной Палаты, Павелъ Ивановичъ Кокуевъ. Онъ приступилъ къ ней въ 6 часовъ вечера и началъ съ осмотра денежныхъ и другихъ книгъ разнаго заводскаго имущества, предлагая мнѣ и казначею разные вопросы, которые мы и объясняли. Взглянувъ случайно въ это время въ сторону, я увидѣлъ, что полицеймейстеръ завода дѣлаетъ мнѣ, изъ другой комнаты, знаки и зоветъ къ себѣ. Извинившись передъ П. И., что мнѣ нужно выйти, я подошелъ къ полицеймейстеру, а онъ вынулъ изъ-за спины голую, лѣвую, человѣческую руку, которая была отгрызена ближе къ плечу, чѣмъ къ локтю, но далѣе совершенно безъ всякаго поврежденія, и сказалъ, что руку эту въ домъ одного рабочаго принесла его собака, и тотъ доставилъ ее въ полицію. Доложивъ Павлу Ивановичу о происшествіи и показавъ ему руку, я попросилъ позволить мнѣ заняться съ полицеймейстеромъ розысками, а для продолженія ревизіи оставить казначея, что̀ онъ и позволилъ.

Пріѣхавъ съ полицеймейстеромъ въ домъ того рабочаго, собака котораго принесла руку, я изъ разспросовъ его узналъ, что каждое утро онъ, или жена его, выпускаютъ изъ дома свою годовалую телку къ

выѣзду изъ завода по тракту къ Иркутску на пастьбу въ лѣсу, а за нею всегда идетъ выросшая съ нею собака, и потомъ обѣ вечеромъ возвращаются домой. Онѣ всегда неразлучны и ходятъ постоянно въ ту только сторону, о которой сказано выше, откуда собака и принесла доставленную имъ въ полицію руку. При этомъ онъ показалъ мнѣ телку и собаку, которыя лежали другъ подлѣ друга.

Имѣя въ виду, что эта мѣстность завода и дальнѣйшая часть дороги идутъ версты съ двѣ, до подъема на гору, узкимъ ущеліемъ (падью), я приказалъ полицеймейстеру, чтобы онъ распорядился, чрезъ нарядчика работъ, собрать на завтра, со свѣтомъ дня, къ выѣзду изъ завода (мѣстность, куда ходили телка и собака) 300 человѣкъ каторжныхъ и, раздѣливъ ихъ на двѣ половины, линіей по обѣ стороны дороги, въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи (составить цѣпь), поѣхалъ бы туда самъ, заѣхавъ предварительно за мною. При этомъ я приказалъ, чтобы нарядчикъ и рабочіе, растянувъ цѣпь, оставались до нашего пріѣзда на одномъ мѣстѣ, гдѣ кто стоитъ. Все было исполнено такъ, какъ сказано, и когда мы съ полицеймейстеромъ пріѣхали верхами къ выѣзду изъ завода, то я приказалъ двинуть цѣпь по лѣсу впередъ, а сами мы поѣхали по дорогѣ. Услышавъ вскорѣ, что съ правой стороны ея раздаются какіе-то крики, я послалъ туда полицеймейстера; а самъ, проѣхавъ можетъ быть 3—4 минуты, услыхалъ съ правой же стороны и очень близко крики: «сюда, сюда, нашли!» Подъѣзжаю и вижу нѣсколько человѣкъ рабочихъ, которые указали мнѣ лежащую въ промоинѣ, между разбросанными сухими сосенками, одежду. Я приказалъ мнѣ ее показать. Она состояла изъ пары хорошихъ бродней (обувь), крестьянскаго сукна однорядки, шапки синяго сукна и довольно новаго шерстяного кушака, на которомъ были два узла. По нимъ можно было судить, что трупъ, на которомъ была эта одежда, однимъ узломъ кушака былъ завязанъ около шеи, а другимъ подъ колѣнами: все это для удобства переноски, чтобы надѣть кушакъ черезъ шею и захватить трупъ руками. При одеждѣ ни одного, хотя бы малѣйшаго куска отъ трупа. Только что я взглянулъ на шапку, какъ тотчасъ же вспомнилъ, кто былъ ея владѣлецъ, которому, если только она не перешла раньше во владѣніе другого, должна принадлежать и найденная рука. Я приказалъ остановить поиски и сзывать къ этому мѣсту всю команду. Подошедшимъ ко мнѣ рабочимъ я сказалъ, что знаю, кто это былъ, но, чтобы не сбивать съ толку, не скажу: можетъ быть, кромѣ меня, признаетъ кто-нибудь и другой. Такъ и случилось. Вскорѣ подъѣхалъ полицеймейстеръ, которому я сказалъ, чтобы онъ, если вспомнитъ по признакамъ одежды, кто это долженъ былъ быть,

то, пока я ему не дозволю, не говорилъ бы. Вопросъ разрѣшился тотчасъ же и безъ моего позволенія. Одинъ изъ подошедшихъ каторжныхъ, взглянувъ на одежду, тотчасъ же сказалъ мнѣ: «Баринъ! Да вѣдь это вотъ кто», и назвалъ одного каторжнаго, переведеннаго передъ тѣмъ, не болѣе какъ за мѣсяцъ, въ числѣ 200 или болѣе человѣкъ, въ Иркутскій солеваренный заводъ *). Онъ назвалъ именно того, кого предполагалъ я. «А какъ ты знаешь, что это онъ, а не другой кто?» спросилъ я его. «Да какъ же, баринъ, вѣдь кушакъ-то мой; мы съ нимъ смѣнялись» (на что, я уже теперь не помню) «и онъ далъ мнѣ еще придачу». Тогда я обратился къ полицеймейстеру, который былъ человѣкъ очень наблюдательный, и спросилъ его, не узналъ ли онъ? и получилъ въ отвѣтъ, что узналъ тотчасъ же, какъ подъѣхалъ, по шапкѣ. Изъ числа знавшихъ убитаго постепенно подходили другіе и сказали тоже самое, а также и то, что видали его приходившимъ иногда въ заводъ послѣ высылки въ Усолье, потому что у него оставались въ заводѣ должники. Онъ былъ въ своемъ кругѣ ростовщикъ. Опредѣливъ убитаго, нужно было искать виновниковъ. Я спросилъ, не знаетъ ли кто, гдѣ онъ въ заводѣ жилъ, и мнѣ сказали, что у коннорабочаго, каторжнаго Далматова, мимо дома котораго намъ придется возвращаться въ заводъ. Когда мы возвращались, то рабочіе отбили у одной собаки обглоданную, только еще не совсѣмъ, часть ноги, а у другой верхнюю часть головы, но совершенно уже безъ тѣла. Когда нарядчикъ указалъ мнѣ домикъ Далматова, то я увидѣлъ, что онъ, сидя подъ окномъ, не обращая никакого вниманія на такую толпу народа и на насъ съ полицеймейстеромъ, спокойно пьетъ чай. Я вызвалъ его и спросилъ, приходилъ ли къ нему тотъ рабочій когда-нибудь изъ Усолья и живетъ ли у него кто-нибудь изъ рабочихъ? Въ отвѣтъ на это онъ сказалъ, что приходилъ и живутъ еще двое. Тогда я приказалъ полицеймейстеру, какъ Далматова, такъ и двоихъ жильцовъ его, взять подъ арестъ и, разсадивъ порознь, приступить къ слѣдствію.

Возвратившись домой, я отправился въ свое время къ г. председателю и доложилъ ему все, что̀ сказано выше, а затѣмъ онъ приступилъ къ подробному осмотру всего завода и потомъ чрезъ два дня уѣхалъ. Его очень интересовало, открыты ли убійцы; но никто еще не сознавался. Такъ послѣ отъѣзда его продолжалось съ недѣлю или больше, и мнѣ ужасно надоѣло слышать отъ полицеймейстера каждый день при

---

*) Тогда было рѣшено отдать Александровскій заводъ въ аренду Медовикову, Юдину и Шведовымъ, оставивъ имъ для производства работъ, помнится мнѣ, только 400 человѣкъ. Вслѣдствіе этого и началось уменьшеніе команды высылкою каторжныхъ въ другіе заводы.

рапортѣ, что никто не сознаётся. По счастію, мнѣ пришли на память читанная какъ-то давно біографія митрополита Платона и описанный въ ней способъ, употребленный имъ къ открытію произведенной, какъ помнилось, при постройкѣ Виѳаніи, значительной кражи изъ церкви. Преосвященнѣйшій приказалъ собрать въ церковь всѣхъ рабочихъ, которыхъ было значительное количество, сказалъ имъ, что въ церкви произведена кража и потому, чтобы не было напраснаго нареканія на людей невинныхъ, нужно молить Бога открыть виноватаго. Для этого онъ приказалъ всѣмъ стать на колѣни и вмѣстѣ за нимъ молиться. Когда начали молиться, то онъ вскорѣ спросилъ: «Молитесь ли вы?» Отвѣчали: «Молимся, владыко!» Вопросъ этотъ онъ повторялъ нѣсколько разъ, а потомъ, въ послѣдній, вдругъ спросилъ: «Молится ли воръ?» Отвѣтомъ было: «Молюсь, владыко!» Тогда преосвященнѣйшій, обратившись къ молившимся, сказалъ, что такъ какъ Богъ открылъ вора, то нужно благодарить Его за это, чтó и исполнили.

Вотъ, когда на слѣдующее утро, послѣ того какъ я вспомнилъ описанное выше, пріѣхалъ ко мнѣ съ рапортомъ полицмейстеръ, то я, по выслушаніи его, вмѣсто какихъ-либо распоряженій, спросилъ: «А читали ли вы біографію митрополита Платона?» Вопросъ такъ его озадачилъ, что онъ, смотря на меня съ изумленіемъ, не скоро собрался отвѣтить, что не только не читалъ, но и о самомъ Платонѣ не слыхивалъ. Мнѣ казалось, что онъ усомнился въ моемъ здоровьѣ. Отпустивъ всѣхъ служащихъ, я оставилъ полицмейстера и разсказалъ ему то, чтó сказано выше, а затѣмъ попросилъ его съѣздить и привезти ко мнѣ священника, но о слышанномъ отъ меня ничего ему не говорить. Когда они пріѣхали, то я предложилъ священнику тотъ же самый вопросъ, который задалъ раньше полицмейстеру. Священникъ былъ тотъ самый отецъ Гавріилъ Сенявинъ, о которомъ я говорилъ выше, очень хорошій, умный и способный человѣкъ. Читалъ или не читалъ онъ біографію Платона, не знаю; но отвѣчалъ, что читалъ. Когда же я сказалъ ему, что если читалъ, то вѣроятно помнитъ, какимъ образомъ тотъ открылъ церковную кражу во время постройки въ Виѳаніи, онъ отозвался запамятованіемъ. Повторивъ ему и полицмейстеру помянутый разсказъ, я попросилъ священника отправиться тотчасъ въ церковь, а полицмейстера доставить поскорѣе туда всѣхъ троихъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ. При этомъ я попросилъ священника, когда приведутъ ихъ, то прежде чѣмъ приступить къ молитвѣ, сдѣлать имъ хорошее, подходящее къ данному случаю, наставленіе, а полицмейстера, когда начнется молитва, стоять въ сторонѣ отъ нихъ и наблюдать, если только это случится, кто отзовется на во-

просъ: «молится ли убійца?» Видя, что тотъ и другой относятся какъ бы съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ могущему быть результату, я попросилъ обоихъ отнестись къ дѣлу какъ можно серьезнѣе и исполнить въ точности все, что я имъ говорилъ. Они дали слово. Я думаю, прошло не болѣе часа, какъ они вернулись ко мнѣ и разсказали, что на вопросъ: «молится ли убійца?» — отвѣчалъ утвердительно изъ троихъ только одинъ, сосланный въ каторгу довольно давно за бывшій когда-то въ Севастополѣ холерный бунтъ. Посмѣявшись надъ замѣченнымъ мною недовѣріемъ ихъ ко мнѣ и поздравивъ съ открытіемъ убійцы, я приказалъ полицмейстеру приступить къ продолженію надъ убійцею слѣдствія, а остальныхъ двоихъ отпустить по домамъ. Когда, при дальнѣйшихъ разспросахъ, убійца разсказалъ подробности своего преступленія, то, въ избѣжаніе сомнѣнія въ томъ, что не обмолвился ли онъ въ церкви нечаянно и потомъ уже боится отпираться, я сказалъ полицмейстеру, чтобы онъ приказалъ убійцѣ показать то мѣсто, куда онъ отнесъ трупъ, и тотъ привелъ прямехонько туда, гдѣ найдена была одежда убитаго.

Вотъ всѣ преступленія, бывшія при мнѣ въ теченіе пяти лѣтъ въ обоихъ заводахъ.

Разсказъ мой о каторжныхъ, я считаю необходимымъ дополнить нѣкоторыми подробностями о порядкѣ и ходѣ заводской жизни, чтобы познакомить съ нею читателя и дать возможность видѣть, какія и въ чемъ именно дѣлались мною отступленія. Можетъ быть, все это лучше было высказать раньше, въ началѣ, приступая къ разсказу, а у меня пришлось какъ-то къ концу. Но мнѣ кажется, что это все равно: сущность дѣла отъ этого не измѣнится. Я разсказалъ все, что было, и такъ, какъ оно было.

Винокуренныхъ заводовъ, на которыхъ работали каторжные, было въ Иркутской губерніи въ то время, о которомъ я говорю, два: Илгинскій, почти въ 400 верстахъ отъ Иркутска, и Александровскій— въ 64. Оба они, принадлежа Министерству Финансовъ, были въ вѣдѣніи Казенной Палаты, предсѣдатель которой и былъ ближайшимъ ихъ начальникомъ. Теперь я забылъ уже, какъ велика была выкурка вина на каждомъ изъ заводовъ, а также, какъ велика была въ каждомъ изъ нихъ команда каторжныхъ. Не имѣя необходимыхъ къ этому данныхъ, которыя у меня въ Томскѣ всѣ сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ, я говорю приблизительно. Но, сколько соображаю всѣ обстоятельства, полагаю, что цифры мои будутъ недалеки отъ дѣйствительныхъ и скорѣе меньше, чѣмъ больше.

Считая на полугаръ, Илгинскій заводъ выкуривалъ 250.000, а Александровскій—500.000 ведеръ. Но иногда къ выкуркѣ назначалось количество и большее, которое заводы и выполняли. Вся рабочая сила заводовъ состояла исключительно изъ каторжныхъ. Въ первомъ заводѣ было ихъ до 600 человѣкъ, а во второмъ болѣе 1000.

Управленіе завода состояло изъ конторы и полиціи. Членами конторы были смотритель, какъ главный начальникъ завода, и казначей, который въ отсутствіе смотрителя исправлялъ, кромѣ своей, и его должность. Для письмоводства былъ письмоводитель, а для счетоводства бухгалтеръ. Полиція же состояла только изъ одного полицмейстера. Писцами, какъ въ конторѣ, такъ и въ полиціи, кромѣ двоихъ, опредѣленныхъ на службу изъ кантонистовъ, были каторжные. Точно также изъ каторжныхъ была вся при полиціи команда (такъ называмые десятники), а за симъ всѣ надзиратели и нарядчикъ всѣхъ работъ. Ротою инвалидовъ, содержавшею всѣ заводскіе караулы, командовалъ одинъ военный оберъ-офицеръ, а казаками казачій урядникъ, или же иногда пятидесятникъ. Кромѣ того, были еще: священникъ, докторъ и одинъ или два (теперь уже не помню) фельдшера. Инвалиды содержали караулы: при денежной кладовой, магазинахъ винныхъ, хлѣбныхъ и матеріальномъ; при надзорѣ за каторжными на работахъ, какъ въ самомъ заводѣ, такъ и внѣ его, пока это (какъ выше сказано) не было отмѣнено; при острогѣ, гдѣ содержались каторжные, содержимые въ оковахъ до времени вывода ихъ на работу, когда они поступали подъ караулъ каторжныхъ же; и, наконецъ, при больницѣ, когда въ числѣ больныхъ были находящіеся въ оковахъ. Всѣ эти караулы разводились по надлежащимъ мѣстамъ изъ имѣвшейся въ центрѣ завода гауптвахты. Противъ нея были домà, гдѣ жили смотритель, казначей и полицмейстеръ. Зданіе острога деревянное, обнесенное кругомъ тыномъ (частоколомъ изъ заостренныхъ палей), состояло изъ четырехъ камеръ, раздѣленныхъ коридоромъ такъ, что на каждой сторонѣ его было по двѣ камеры. Въ одной изъ нихъ помѣщалась кухня и столовая, а въ трехъ остальныхъ каторжные. Въ нихъ было очень тѣсно и могло помѣститься не болѣе ста человѣкъ. Тѣснота помѣщенія отзывалась тяжело, въ особенности зимою, когда прекращалось плаваніе чрезъ Байкалъ, и слѣдовавшіе въ Нерчинскіе рудники и заводы каторжные, до покрытія его льдомъ, скоплялись въ Иркутскомъ тюремномъ замкѣ. По мѣрѣ переполненія его приходящими каждую недѣлю партіями, излишекъ каторжныхъ высылался въ два ближайшіе къ Иркутску завода: солеваренный и управляемый мною Александровскій (даже чуть ли не высылали иногда и въ Тельминскую фабрику). Тяжесть высылки этой ложилась преимущественно на Александровскій заводъ, такъ какъ онъ находится

на одномъ съ Иркутскомъ правомъ берегу Ангары. Этотъ, хотя и временный, мѣсяца на 2—3, приходъ нежелательныхъ гостей, въ которыхъ не было никакой для работъ надобности, дѣлалъ путаницу въ распредѣленіи работъ и затрудненіе въ размѣщеніи пришедшихъ. Приходилось, чтобы не были праздными, пріискивать работу, а для избѣжанія тѣсноты выводить изъ острога своихъ и помѣщать лучшихъ изъ нихъ въ одно старое зданіе, называвшееся каталажной, а другихъ въ другое старое зданіе, гдѣ когда-то была больница. Въ каталажной, о которой я говорилъ уже выше, по поводу одного убійства, помѣщались обыкновенно тѣ каторжные, которые, бывъ выпущены изъ острога, не пріискали себѣ еще квартиры, или не поступили въ такія работы, при которыхъ можно бы было имѣть помѣщеніе для житья. Напримѣръ: въ услугу къ служащимъ въ заводѣ, въ караульные при разныхъ казенныхъ зданіяхъ и имуществѣ, или же, наконецъ, въ помощь, какъ бы въ работники, къ каторжнымъ же, принадлежащимъ къ отряду конно-рабочихъ. Конно-рабочіе эти имѣли свои дома, хозяйство и лошадей. За производимыя ими заготовку и вывозку того, что̀ было нужно для завода, они получали задѣльную, по опредѣленной таксѣ, плату. Вотъ имъ-то и давались въ работники каторжные. Давались они также, въ случаѣ какой-либо потребности въ спѣшной вывозкѣ, и другимъ коннымъ жителямъ завода, а именно: пропитаннымъ и малолѣткамъ. Да не подумаетъ читатель, что малолѣтками они назывались потому, что были несовершеннолѣтніе. Отнюдь нѣтъ: многіе изъ нихъ были даже старики, но все-таки ихъ такъ называли. Это были дѣти каторжныхъ, приписанные къ разнымъ волостямъ въ крестьяне, но оставшіеся въ заводѣ при своихъ отцахъ, бывшихъ каторжныхъ, но отслуживших въ работѣ свои сроки и выпущенныхъ, какъ говорилось тогда, «на пропитаніе», то-есть на всѣ четыре стороны, съ полнымъ правомъ жить какъ знаютъ и умѣютъ. Эти пропитанные тоже приписывались къ волостямъ, но только для одного счета, безъ платы податей и отбыванія какихъ-либо повинностей. Но многіе изъ нихъ оставались въ заводѣ навсегда, при своихъ хозяйствахъ, тутъ жили и умирали. Тутъ же оставались и дѣти ихъ. Изъ нихъ-то большею частію и составились селенія въ округѣ (уѣздѣ) Иркутскомъ Александровское и Никольское, и въ Верхоленскомъ Илгинское. Остальные каторжные, составлявшіе бо́льшую часть, распредѣлялись по работамъ въ винницѣ и спиртовомъ отдѣленіи, при ссыпкѣ въ магазины принимаемаго отъ земледѣльцевъ хлѣба, а потомъ при перевозкѣ его на винокуреніе и другія заводскія потребности; въ кузницѣ, слесарной, мѣдячной, бочкарнѣ и на постройку заводскихъ зданій. Однимъ словомъ, все, что̀ было нужно для дѣйствія заводовъ, дѣлалось руками

каторжныхъ. Болѣе слабые или съ хроническими болѣзнями назначались въ сторожа, караульные и на другія, болѣе легкія работы.

Въ числѣ команды Александровскаго завода было у меня 5 человѣкъ интеллигентныхъ Поляковъ, сосланныхъ изъ Вильны. Это были: докторъ Аницетій Ренье, въ статейномъ спискѣ котораго было сказано, что сосланъ въ каторгу по дѣлу эмигранта Рёра, а затѣмъ четверо неокончившихъ курсъ гимназистовъ: Владиславъ Клечковскій *), Цивинскій, Слободзинскій и Вейнштортъ. Они были сосланы во время революцій въ 1848 году во Франціи и другихъ мѣстахъ Европы чуть ли, на сколько помню, не за намѣреніе экспатріироваться. Никого изъ нихъ въ помянутыя выше работы я не назначалъ. Я поручалъ имъ обыкновенно такія занятія, при которыхъ былъ нуженъ безусловно честный и вѣрный человѣкъ. Довѣріе мое они оправдывали вполнѣ. Ренье былъ при пріемѣ отъ земледѣльцевъ въ заводскіе магазины муки: одного хлѣбопріемщика (хоть имъ былъ у меня хорошій и честный казакъ Акимъ Александровичъ Звѣревъ) для пріема муки, а въ особенности въ короткіе зимніе дни, когда приходилось принимать ее до 8 т. пудовъ въ день, было мало; можно было легко ошибиться, не только во время пріемки, но и потомъ, при выдачѣ въ этомъ квитанцій, которыя, чтобы не задерживать поставщиковъ, выдавались всегда вечеромъ того дня, когда была произведена пріемка. Клечковскій надсматривалъ за кузницей, и слесарною и мѣдячною мастерскими. Цивинскій былъ на заводской мельницѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ онаго, у пріема поступавшей на нее для перемола, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ пудовъ, ржи. При какихъ занятіяхъ были двое остальные, не помню.

Къ сдѣланному мною описанію жизни каторжныхъ, для полноты онаго, я долженъ еще сказать. 1) Во время моего управленія заводами, бритье головъ каторжнымъ не производилось; такое искаженіе лица человѣческаго я находилъ ненужнымъ: отъ побѣговъ предохранить оно не могло, а унижая, безъ всякой надобности, человѣка,

---

*) Этотъ Клечковскій, узнавъ въ 1873 г., что я пріѣхалъ и живу (1873—1877 г.) въ Петербургѣ, разыскалъ меня и заходилъ ко мнѣ часто. Онъ разсказывалъ, что въ 1863 г. былъ высланъ со своей родины въ гор. Мезень, гдѣ, какъ человѣкъ бойкій и труженикъ, занялся выдѣлкою изъ дичи твердаго бульона, который въ 70-хъ годахъ былъ довольно въ ходу здѣсь. Клечковскій о высылкѣ своей въ Мезень говорилъ, что подвергся ей безъ всякой съ его стороны вины, а такъ, изъ предосторожности, какъ человѣкъ побывавшій однажды въ ссылкѣ. Такія высылки и длительное нахожденіе подъ надзоромъ бывали. Александръ Ивановичъ Деспотъ-Зеновичъ, сдѣлавшись градоначальникомъ въ Кяхтѣ, очутился самъ у себя подъ надзоромъ, который былъ учрежденъ надъ нимъ ранѣе этого времени.

только ожесточало его. 2) Возвратившись (послѣ сдачи г-ну Бароци Илгинской партіи) въ Александровскій заводъ и узнавъ, что въ острогѣ его имѣются тоже музыканты, я разрѣшилъ имъ пріобрѣсти инструменты и играть въ лѣтнее время во дворѣ острога, послѣ ужина, пока не пойдутъ спать. Разрѣшалось и пѣніе. Въ праздники же, Рождество и Пасху, дозволялось имъ обойти домá служащихъ и тѣхъ изъ жителей завода, гдѣ имъ могли что либо дать. Для присмотра, чтобы какъ нибудь не выпили гдѣ лишняго, посылался съ ними упомянутый не разъ выше Тотурбекъ Цареовъ. Этотъ острожный оркестръ существовалъ недолго, потому что нѣкоторые изъ участвующихъ выпускались на свободное житье въ заводѣ, и замѣнить уже ихъ было некѣмъ; пѣсни же остались; но все это, повторяю, въ лѣтнее время. 3) Бывши горнымъ исправникомъ золотыхъ промысловъ сѣверной части Енисейскаго округа, я дважды встрѣтился съ каторжными убѣжавшими изъ Александровскаго завода, еще въ мое управленіе. Въ первый разъ, лѣтомъ 1856 г., пріѣхавъ на Гавриловскій пріискъ К° Рязановыхъ, Горохова и Машарова, на рѣчкѣ Огнё, впадающей въ р. Енашимо, и идя по разрѣзу онаго, я узналъ въ одномъ изъ работавшихъ каторжнаго, котораго помнилъ еще фамилію. Подойдя ближе къ нему, я сказалъ: «здравствуй» и назвалъ фамилію. Онъ, видимо, очень испугался; но я, сказавъ ему, чтобы не боялся, что я ничего ему не сдѣлаю, началъ разспрашивать его, гдѣ и какъ онъ приписался на поселеніе. Только что онъ началъ разсказывать, какъ вдругъ сзади слышу: «здравствуйте, баринъ». Я оглянулся и увидѣлъ другого каторжнаго, фамилію котораго также зналъ. «Здравствуй такой-то, сказалъ я ему, чтó тебѣ нужно?» «Я увидалъ, баринъ, что вы съ нимъ разговариваете и подошелъ съ вами повидаться».—«Да развѣ ты не боишься, что я прикажу его и тебя взять?» спросилъ я. «Нѣтъ баринъ, мы знаемъ, что худого вы намъ не сдѣлаете. Мы сами теперь ничего худого не дѣлаемъ и будемъ исправляться». Разспросивъ ихъ о новой жизни, я сказалъ имъ, чтобы хорошо трудились, обзаводились хозяйствомъ и на каторгу больше не попадали. Они это обѣщали, а я, уходя, добавилъ, чтобы они не боялись; потому что остаромъ я никому не скажу.

Во второй разъ, лѣтомъ 1857 года заѣхавъ на неработавшійся въ то время, на рѣчкѣ Дытанѣ (если не ошибаюсь) пріискъ Николаевскій, повидаться съ временно проживавшимъ тутъ хорошимъ моимъ знакомымъ М. А. Дейхманомъ, я только что слѣзъ съ коня и началъ его привязывать, какъ увидѣлъ идущую навстрѣчу мнѣ съ рѣчки женщину съ наполненными водою ведрами. Лицо ея мнѣ показалось знакомо, и я, всмотрѣвшись, тотчасъ узналъ въ ней каторжную Александровскаго завода Цыганку Чупурнову. Она, бросивъ въ заводѣ

каторжнаго мужа и лѣтъ 12 сына, бѣжала, еще при мнѣ, съ молодымъ парнемъ, каторжнымъ Крыловымъ. Встрѣча со мною видимо ее испугала. Два раза спросилъ я ея фамилію, она все говорила чужую. Я строго сказалъ ей, чтобы она вспомнила настоящую и что я спрашиваю ее въ послѣдній разъ. Тогда она, поставивъ на землю ведра, бросилась мнѣ въ ноги, со словами: «виновата, баринъ—Чупурнова». Приказавъ ей скорѣе встать, чтобы кто нибудь не увидѣлъ, я началъ ее разспрашивать. Изъ разсказа ея оказалось, что они съ Крыловымъ, точно также какъ и упомянутые выше двое, приписались на поселеніе, гдѣ, теперь не помню уже, и въ настоящее время она въ кухаркахъ у Дейхмановъ, а Крыловъ на сосѣднемъ верстахъ въ 3-хъ пріискѣ. Успокоивъ ее, я далъ ей тѣже совѣты, какъ и каторжнымъ на Гавриловскомъ пріискѣ, приказавъ, чтобы все, сказанное мною, она передала и Крылову, а затѣмъ пошелъ къ Дейхманамъ. Сцены этой никто не видѣлъ.

Худо, или хорошо сдѣлалъ я въ обоихъ случаяхъ, не знаю. Но, говорю откровенно, видя что люди, какъ казалось мнѣ, стараются исправиться и выйти на лучшій путь, я пожалѣлъ столкнуть ихъ съ него. Примѣры закрѣпленія подъ чужими именами бывали нерѣдко; многіе подъ ними такъ жили, такъ и умирали. Что̀ было далѣе съ тѣми бѣглыми, о которыхъ я сказалъ, не знаю. Знаю только одно, что всѣ они пробыли на пріискахъ до осени, потомъ разсчитались и ушли съ деньгами, а не съ долгомъ. Я справлялся объ этомъ, записавъ, при разговорѣ съ бѣглыми, новыя ихъ фамиліи, въ конторахъ пріисковъ, на которыхъ они были. Я былъ доволенъ, что они къ словамъ моимъ отнеслись съ полнымъ довѣріемъ и со страха не убѣжали.

Здѣсь собственно и кончаются мои воспоминанія. Я передалъ все то, что̀ хорошо сохранилось въ моей памяти и что́ могъ передать безошибочно, такъ какъ оно было. Будучи довольно близко знако́мъ съ каторгою, что̀ видно изъ моего разсказа, а также и вообще со ссылкою (въ нынѣшнемъ году исполнился сорокъ одинъ годъ, какъ я состою директоромъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета), я рѣшаюсь высказать нѣкоторыя мои соображенія по возбужденному волею Государя Императора вопросу объ измѣненіи системы наказаній и отмѣнѣ ссылки *). Приступая къ этому, я долженъ предварить, что я не юристъ и не психологъ, научныя знанія которыхъ, думаю я, при

*) 13 Ноября 1858 г. № 50 вице-президентъ Красноярскаго Енисейской губерніи тюремнаго комитета увѣдомилъ меня, что высочайшимъ повелѣніемъ отъ 26 Сентября того года я утвержденъ въ званіи директора того комитета. Въ 1879 году я перешелъ на эту обязанность въ Томскъ, гдѣ и состою въ ней по настоящее время.

обсужденіи вопроса, безусловно необходимы. То, что̀ скажу я, то скажу исключительно на основаніи многолѣтняго знакомства.

Когда, въ началѣ 1848 года я вступилъ въ управленіе заводами, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, 15 Августа 1845 года, было новинкою и едва, едва, да и то въ самой малой степени, начинало вводиться въ заводахъ. Впрочемъ, да простится мнѣ откровенное мое о немъ мнѣніе, и ввести-то его на практикѣ было далеко труднѣе, чѣмъ составить на бумагѣ изложенныя въ немъ правила. Написанныя людьми, стоявшими вдалекѣ отъ дѣла, не знавшими быта каторжныхъ, мѣстныхъ условій, потребности и порядка заводскихъ работъ, въ теоріи они казались, можетъ быть, очень хорошими, но на практикѣ-то были, если не вовсе, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени неудобопримѣнимы, каковыми и остались надолго. Лучшее доказательство этого—книга нашего извѣстнаго, даровитаго писателя А. П. Чехова «Островъ Сахалинъ». На 71 страницѣ ея я читаю: «Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, а стало быть и обзаводиться хозяйствомъ, только каторжнымъ разряда исправляющихся; но этотъ законъ постоянно *обходится въ виду его непрактичности* *); въ избахъ живутъ не одни только исправляющіеся, но также испытуемые, долгосрочные и безсрочные». Даже и чрезъ 37 лѣтъ послѣ того времени, о которомъ я пишу (А. П. Чеховъ былъ на Сахалинѣ въ 1890 г.) не могли ввести вполнѣ тѣ правила, которыя опредѣлены означеннымъ уставомъ, не смотря на израсходованные на это милліоны. Не доказываетъ ли это неоспоримо, что они непригодны и что ихъ нужно замѣнить новыми цѣлесообразными и, смѣю сказать, болѣе человѣчными, если только ссылка въ Сибирь на каторгу будетъ продолжаться? Читая означенную книгу, я удивлялся тому, какъ можно было въ столь короткое время (три мѣсяца) изучить такъ подробно бытъ Сахалинскихъ каторги и колоній. Мнѣ кажется, что это можно было сдѣлать (да и то съ большимъ трудомъ) именно только при удачно выбранномъ авторомъ способѣ «переписи». При немъ, какъ бы по спопутности, онъ могъ хорошо познакомиться съ бытомъ и хозяйствомъ тѣхъ, которыхъ переписывалъ, и вообще какъ со строемъ всей ихъ жизни, такъ и со всѣми порядками на островѣ.

Я долженъ сказать, что и для меня, довольно хорошо со всѣмъ подобнымъ знакомаго, въ трудѣ этомъ встрѣтилось многое, до сихъ поръ неизвѣстное. Не буду перечислять всего, а приведу только нѣсколько примѣровъ, а именно: 1) Перевозку строевого лѣса, взамѣнъ

---

*) Курсивъ мой.

лошадей, на каторжныхъ (стр. 89 и 563). 2) Прикованіе каторжныхъ къ тачкамъ, на все время дня и ночи, такъ что съ тачками этими они должны были и спать (стр. 160 и 161) и 3) Продажу ссыльнымъ, для замужества, каторжныхъ женщинъ, съ тѣмъ, чтобы уплата за нихъ производилась натурою—вывозкою грузовъ и т. п.

Неужели нельзя было употреблять на вывозку строевого лѣса лошадей или воловъ, не замѣняя ихъ людьми? Можетъ быть, скажутъ, что это дѣлалось изъ экономіи, чтобы не было одновременно расхода на рабочій скотъ и каторжныхъ; можетъ быть, дѣлалось потому, что не было дорóги и найдено было болѣе удобнымъ, вмѣсто того, чтобы ее сдѣлать, возить людьми, а можетъ быть и потому, что люди-то эти были каторжные? Нужно же было употреблять ихъ на какую-нибудь работу, а лучшей подыскать не удавалось. Я думаю, что была полная возможность избѣгнуть этого и не увеличивать тяжести наказанія.

Прикованіе, въ Воеводской тюрьмѣ, осьми каторжныхъ, къ тачкѣ, да еще въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, и безъ употребленія въ работу, мнѣ кажется не только усиленіемъ наказанія, но даже какимъ-то издѣвательствомъ надъ человѣкомъ, давая ему навсегда, какъ какую-то неотступную спутницу жизни,—тачку, которая мѣшаетъ ему во всемъ. Не лучше бы было, снявъ съ него ручныя и ножныя кандалы, приковать его къ стѣнѣ, какъ это сказано у меня тамъ, гдѣ я говорю объ Илгинскомъ заводѣ?

Что̀ имѣлось въ виду при продажѣ каторжныхъ женокъ въ замужество ссыльнымъ, мнѣ кажется, объяснить не только трудно, но даже и вовсе невозможно. Можетъ быть, руководились тѣмъ же сбереженіемъ интересовъ казны, который я предполагаю, говоря о замѣнѣ рабочаго скота каторжными. Интересно бы знать, что̀ именно принималось здѣсь въ основаніе оцѣнки? Была ли цѣна одинаковая для каждой, поступавшей въ продажу, каторжной; или же разцѣнка ихъ производилась различно, смотря по лѣтамъ и качествамъ, какъ наружнымъ, такъ и внутреннимъ, и кто были при этомъ экспертами?

Хотя въ одной изъ нашихъ газетъ мнѣ пришлось встрѣтить какъ бы упрекъ г. Чехову въ «диллетантскомъ» характерѣ его труда и въ ознакомленіи съ каторжною жизнію лишь съ «казовой» ея стороны; но присоединиться къ такому мнѣнію нельзя рѣшительно. Всѣ, сообщенныя А. П. Чеховымъ, въ его описаніи Сахалинской каторги, свѣдѣнія составятъ, какъ думаю я, весьма цѣнный матеріалъ при разсмотрѣніи и обсужденіи вопроса объ измѣненіи системы наказанія и отмѣны ссылки.

Теперь, когда, исполняя Высочайшее повелѣніе Государя, г. министръ юстиціи обратился къ лицамъ знакомымъ какъ теоретически, такъ и практически съ обстоятельствами, касающимися этого вопроса, приглашая ихъ доставить свои мнѣнія, выскажутся вѣроятно, или уже и высказались, многіе. Можетъ быть, кромѣ юристовъ и медиковъ, а въ особенности психіатровъ, до которыхъ все это, если я не ошибаюсь, близко касается, выскажутся, или уже тоже высказались, и тѣ, которые знаютъ каторгу, что̀ очень цѣнно, по личному опыту. Но мнѣ какъ-то не случалось до сихъ поръ ничего объ этомъ читать, кромѣ двухъ слѣдующихъ мнѣній.

1) О запрещеніи отдавать каторжныхъ въ услугу тюремному начальству и частнымъ лицамъ. Запрещеніе это едва ли необходимо, и весьма сомнительно, чтобы могло принесть какую-либо пользу. Каторжные, поступая въ работу къ хорошимъ людямъ и видя хорошіе примѣры и жизнь, мало-по-малу исправляются сами и дѣлаются лучшими. Само собою, нѣтъ правила безъ исключенія; но тогда такого человѣка никто у себя въ услуженіи держать не будетъ. Поводомъ къ запрещенію этому послужило будто бы то, что подобная отдача въ услуженіе «освобождала каторжныхъ отъ общихъ тюремныхъ работъ». Да развѣ они такъ уже необходимы? Мнѣ кажется, что исправленіе человѣка гораздо важнѣе и полезнѣе, чѣмъ неустанное караніе его каторжною работою, да еще въ теченіи двадцати лѣтъ, а то, пожалуй, и больше. Мысль эту подтверждаетъ и самое названіе правилъ «Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и *исправительныхъ*».

2) Желаніе запрещенія слѣдовать добровольно за ссыльными ихъ семействамъ, а ссыльнымъ, не имѣющимъ семействъ, ими обзаводиться. Жаль, что не сказано того, что̀ именно подразумѣвается при этомъ подъ словомъ «ссылка»? Всѣ ли ея виды, или только поселеніе и каторга? Мнѣ думается, что изъявившій это желаніе понималъ подъ этимъ словомъ именно только поселеніе и каторгу. Первое изъ нихъ имѣло цѣлію не только наказаніе виновнаго, но (и это, кажется, самое главное) — колонизацію края, тогда бѣднаго населеніемъ. Послѣдняя цѣль, хотя и достигалась, но слишкомъ въ малой степени. Хорошо, если сосланные что нибудь у себя имѣли. Они могли кое-какъ устраиваться. Тѣ же, у которыхъ, какъ говорится, «не было за душой ни гроша», приходя на мѣсто причисленія, встрѣчали, можетъ быть, на первый разъ, что̀ весьма естественно, недовѣріе и, не видя ни отъ кого заботливости и попеченія о нихъ, пускались въ бродяжество, а затѣмъ постепенно къ нему привыкали и оставались на всю жизнь бродягами. Правда, устраивались изъ нихъ разныя поселенія, съ пособіемъ отъ правительства; но устраивались-то, къ сожалѣнію, очень плохо. Боль-

шею частію они были устраиваемы или неумѣло, или же съ корыстною цѣлію, въ ущербъ устраиваемаго, но съ пользою для устроителя. Живя, въ дѣтствѣ, въ Тельминской фабрикѣ, когда устраивались, между Иркутскомъ и Мальтинской станціей, поселенія Боковское, Суховское и Лужковское, я самъ слышалъ разговоры старшихъ о продѣлкѣ одного такого устроителя. Когда одинъ изъ главныхъ начальствующихъ вздумалъ поѣхать осмотрѣть эти поселенія; то онъ, услышавъ объ этомъ, попросилъ близкаго своего знакомаго (засѣдателя того участка, въ которомъ устраивались поселенія) взять для показа ожидаемому лицу у Биликтуйскихъ крестьянъ, такъ сказать, на прокатъ лошадей и рогатаго скота, чтобы «не ударить въ грязь лицомъ» и показать все въ лучшемъ видѣ. Осматривавшій остался всѣмъ вполнѣ доволенъ. Когда же онъ уѣхалъ, то скотъ былъ возвращенъ владѣльцамъ, а для устраиваемыхъ начали покупать потомъ и кое-какъ. Эта продѣлка, мнѣ кажется, еще остроумнѣе продѣлки когда-то съ поросенкомъ, въ Аракчеевскихъ военныхъ поселеніяхъ. Вѣроятно теперь означенныя три мѣстности заселились уже другими жителями; а то я помню время, когда въ Боковскомъ и Суховскомъ поселеніяхъ большая половина домовъ была пуста (жители разбѣжались) а въ Лужковскомъ всѣ шесть были пусты, и ихъ начали уже растаскивать.

Извиняясь, что разсказомъ этимъ увлекся, да и то кажется немного, въ сторону отъ предмета, о которомъ началъ говорить, я возвращаюсь къ нему опять. Если, какъ сказалъ я выше и какъ мы знаемъ, цѣль ссылки, кромѣ наказанія, есть колонизація, къ которой, какъ мы видимъ, стремятся и теперь: то какимъ же образомъ ожидать въ ней успѣха, если сосланный—глава семьи—будетъ съ нею разлученъ и она останется тамъ, откуда онъ высланъ? Или же, если каторжному, пока онъ находится въ работѣ, будетъ запрещено обзаводиться семьею, а разрѣшится только тогда, какъ онъ отслужитъ свой срокъ, состарится и будетъ не въ силахъ ее пропитывать и поднять на ноги дѣтей? Вѣдь это пожалуй выйдетъ что-то въ родѣ подарка бѣлкѣ на старость мѣшка орѣховъ. Зачѣмъ усиливать наказаніе подобными запрещеніями? Они только могутъ ожесточить людей, заставлять ихъ отдаваться бродяжеству и дѣлаться навсегда безвозвратно погибшими. Мнѣ странно то, что желаніе лишить человѣка семьи высказано подъ предлогомъ человѣколюбія, а именно потому, что семьи эти, во время слѣдованія ихъ по этапамъ, подвергаются заключенію въ тюрьмахъ, нераздѣльно отъ всей партіи, и поэтому терпятъ разныя лишенія и видятъ много дурного, а затѣмъ все, видѣнное ими, усиленное тѣмъ, что̀ увидятъ на мѣстѣ ссылки, будто бы сбиваетъ съ добраго пути ихъ самихъ. Да кто же мѣшаетъ тому, чтобы какъ передъ ссылкою, такъ

во время оной и потомъ на мѣстѣ, семьи эти не помѣщались въ острогахъ, гдѣ партія, а помѣщались на ночевку, или даже и на дневку, въ домахъ селенія, въ которомъ этапъ. По свойственному Русскому человѣку состраданію къ «несчастнымъ» (такъ, большею частію, называютъ осужденныхъ) никто изъ хозяевъ въ этомъ навѣрное не откажетъ. Если же бы это и случилось, то расходъ на уплату за ночлегъ будетъ, думаю я, не великъ. Теперь же, когда препровожденіе ссыльныхъ партій дѣлается уже не по прежнему, этапнымъ порядкомъ, а въ вагонахъ по желѣзной дорогѣ, еще легче избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ. Стоитъ только, чтобы слѣдующіе добровольно помѣщались въ вагонахъ отдѣльно отъ осужденныхъ; по прибытіи же на мѣсто ссылки, дозволять семейнымъ жить съ семьею на свободѣ, а не въ тюрьмѣ. Побѣговъ въ этомъ случаѣ бояться нечего: семейные не убѣгаютъ. У меня, въ теченіе пятилѣтняго управленія каторжными, былъ только одинъ такой побѣгъ: бѣжала, какъ я сказалъ выше, каторжная Чупурнова. Изъ мужчинъ семейныхъ не убѣгалъ никто.

Высказавъ мое личное мнѣніе о семьѣ, я не могу удержаться отъ того, чтобы не привести, въ доказательство хорошаго вліянія ея, опять слова А. П. Чехова. На 364 стр. той же книги «Сахалинъ» онъ говоритъ: «Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную Сахалинскую семью они (дѣти) вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости, радости. Не смотря на свою непорочность, они больше всего на свѣтѣ любятъ свою порочную мать и разбойника-отца, и если ссыльнаго, отвыкшаго въ тюрьмѣ отъ ласки, трогаетъ ласковость собаки: то какую цѣну должна имѣть для него любовь ребенка? Я уже говорилъ, что присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку; теперь же еще прибавлю, что дѣти часто составляютъ то единственное, что́ привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паденія».

Въ другой книгѣ (хорошо и обстоятельно описывающей ссылку вообще и составленной при полной возможности собрать всѣ свѣдѣнія изъ самыхъ близкихъ къ дѣлу офиціальныхъ источниковъ, изъ личныхъ осмотровъ и наконецъ изъ разспросовъ разныхъ лицъ, свѣдѣнія которыхъ можно было тутъ же и провѣрять) я читалъ слѣдующее по поводу одного, устроеннаго, для дѣтей каторжныхъ, пріюта: «Въ пріютъ принимаются, кромѣ сиротъ, дѣти обоего пола тѣхъ семейныхъ каторжныхъ, которые пожелаютъ отдать ихъ туда. Чтобы уговорить ихъ на это, начальникамъ тюремъ приходится часто употреблять большія усилія, и многіе каторжные соглашаются на это лишь подъ условіемъ, чтобы ихъ самихъ перевели въ ту мѣстность гдѣ пріютъ».

Не доказываютъ ли ясно и положительно оба приведенные мною отзывы, что каторжные тѣже люди, что въ душѣ ихъ не заглохли добрыя чувства, и въ числѣ ихъ одно изъ самыхъ важныхъ— родительская любовь. Жаль только, что авторъ второго отзыва, признавая связь родителей, хотя бы и каторжныхъ съ ихъ дѣтьми, далѣе, говоря объ устроенномъ для послѣднихъ одномъ пріютѣ, добавляетъ, что даже въ той слабой степени, въ какой допускается ея сохраненіе, «связь эта представляетъ едва ли не самое больное мѣсто пріюта». Она, по словамъ автора, поддерживается свиданіями, которыя разрѣшаются родителямъ, какъ добровольно послѣдовавшимъ за ссыльными, такъ и самимъ каторжнымъ внѣ тюремнаго разряда, разъ въ двѣ недѣли, и «хотя они происходятъ въ присутствіи надзирателей или надзирательницъ, и ограничены короткимъ временемъ, тѣмъ не менѣе вліяніе этихъ свиданій на воспитанниковъ пріюта сводится къ пробужденію въ нихъ воспоминаній о прошломъ и къ духовному возвращенію ихъ въ ту среду, изъ которой, для ихъ же блага, имъ бы слѣдовало быть навсегда изъятыми».

Согласиться съ этимъ мнѣніемъ нельзя. Дѣти, если къ нимъ относятся и учатъ ихъ хорошо и разумно (чтó несомнѣнно имѣлось въ виду при учрежденіи пріюта) не могутъ отъ свиданій съ родителями научиться ничему худому. Постоянное при соблюденіи означенныхъ условій вліяніе пріюта окажетъ безусловно на нравственность ихъ спасительное дѣйствіе и охранитъ отъ того дурного, чтó (какъ подозрѣвается) могли бы они получить при свиданіяхъ съ родителями. Но смѣло можно сказать, что родителей-то такихъ, которые бы могли, пользуясь свиданіями съ дѣтьми, учить ихъ худому, не найдется, а если и найдутся, то какъ самое рѣдкое исключеніе, которое не должно вовсе приниматься въ соображеніе. Напротивъ, свиданія-то эти могутъ имѣть даже на самихъ родителей великое исправительное вліяніе. Я опять обращаюсь къ А. П. Чехову. На 365 стр. онъ говоритъ, что, записывая въ одной избѣ Татарскаго мальчика лѣтъ трехъ, онъ сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и вдругъ лицо его отца, Казанскаго Татарина, прояснилось, и онъ весело закивалъ головой, какъ бы соглашаясь, что его сынъ очень хорошій мальчикъ, и показалось, что этотъ Татаринъ счастливъ».

Можетъ быть (чтó часто бываетъ), надзирающіе, сознавая въ себѣ частицу «начальства», безъ всякой надобности, вслушиваются и вмѣшиваются въ разговоры, а иногда, въ случаѣ какого-либо своего особаго, невсегда безошибочнаго воззрѣнія, или же дорожа временемъ для своихъ надобностей, прекращаютъ эти свиданія и отсылаютъ дѣтей на мѣсто, а родителей вонъ. Тутъ, какъ мнѣ кажется, не достигнется

святая цѣль учрежденія пріюта; потому что какъ у дѣтей, такъ и у родителей, вмѣсто любви къ нему за попеченіе, останется въ душѣ недоброе чувство за разрушеніе между ними взаимной связи, которая отнюдь не можетъ быть «слабою стороною пріюта». Поставимъ себя на ихъ мѣсто, тогда увидимъ, что это предположеніе мое вѣрно. Не лучше ли бы было сдѣлать такъ: назначить minimum свиданій одинъ разъ въ недѣлю, а продолжительность ихъ одинъ часъ; пусть наговорятся, но только безъ всякаго, стѣснительнаго для тѣхъ и другихъ, соглядатайства надзирателей и надзирательницъ, отведя для свиданій особую комнату. Безъ этого радость родственнаго свиданія обратится въ выполненіе какого-то срочнаго урока. Не отъ излишней ли мнительности, а можетъ быть неопытности и даже боязни каторжныхъ, составилось у мѣстнаго надзора мнѣніе о вредѣ этихъ свиданій?

*

Описавъ все, что́ знаю и вполнѣ помню о жизни каторжныхъ, сдѣлавъ нѣкоторыя замѣтки на то, что́ было мною, въ послѣднее время, о нихъ читано, я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ и по возбужденному теперь вопросу о ссылкѣ.

Что ссылка отжила свой вѣкъ — въ этомъ, думаю я, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Прежняя, колонизаціонная цѣль ея потеряла всякое значеніе. Теперь, въ добрый часъ, хлынула къ намъ въ Сибирь волна нѣсколькихъ сотъ тысячъ переселенцевъ, и тамъ, гдѣ были пустырь, тайги и непролазные урмины, работаетъ земледѣлецъ и родится хлѣбъ. Жаль только, что многимъ переселенцамъ, какъ приходится читать, встрѣтилась полнѣйшая неудача, и они возвратились въ свои мѣста, истратя на свои странствованія все то, что́ имѣли. Все это бо̀льшею частію происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ того, что они попадаютъ на земли чужія, неразграниченныя, или же на такія, къ которымъ они непривычны. Такъ напримѣръ: степнякъ попадаетъ въ густые лѣса, съ которыми не умѣетъ совладать, или жители прибрежій въ степь, гдѣ беретъ ихъ тоска отъ непривычнаго для нихъ отсутствія рѣкъ и т. п. Богъ дастъ, со временемъ все перемелется, будетъ мука̀. Но все это вопросъ посторонній къ тому, о чемъ я веду рѣчь. Я сказалъ о переселеніи только для того, чтобы показать, что оно вполнѣ и болѣе удачно устраняетъ надобность въ колонизаціи ссыльными, а особенно въ томъ порядкѣ, въ какомъ она до сихъ поръ велась. Что Сибирь «по горло сыта» ссыльными, это мы ясно видимъ, читая: о нападеніи на транспортъ провозимаго съ пріисковъ золота и отнятіи его, о нападеніи съ выстрѣлами на проходившія почты, о похищеніи грузовъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ и, наконецъ,

о нападеніи на нихъ, тоже съ перестрѣлкою, да еще вблизи губернскаго города Красноярска. Изъ многаго множества я привелъ только нѣсколько примѣровъ. Вредъ, причиняемый Сибири ссылкою, переступилъ границы. Прежде этого не было. Можетъ быть, скажутъ, что не было и желѣзнодорожнаго груза. Совершенно вѣрно, но этотъ же грузъ шелъ на лошадяхъ. Бывали срѣзыванія съ возовъ мѣстъ съ чаемъ или съ товаромъ, угонъ цѣлыхъ возовъ, но перестрѣлокъ-то не бывало. Чтó касается до нападенія на почту, то очень давно, чуть ли уже не около 30 лѣтъ, недалеко отъ Читы, близъ озера Кинона, была ограблена почта. Главнымъ руководителемъ этого дѣла былъ какой-то купецъ, да чуть ли не бывшій еще городской голова, котораго фамилію я забылъ. Какъ онъ, такъ и сотрудники его, были открыты и осуждены. Больше о такихъ нападеніяхъ было не слышно. Нападеній же на провозимое съ пріисковъ въ Барнаулъ[1]) золото не бывало вовсе. Я самъ, служа въ золотопромышленной К° Д. Е. Бенардаки, съ 1860 по 1869 годъ включительно, возилъ туда иногда съ пріисковъ, а иногда изъ Красноярска, золото и получалъ за него расчетъ. Въ этотъ десятилѣтній періодъ времени сдано мною болѣе одной тысячи пудовъ золота, за которое получено кредитными билетами и ассигновками 9.677.712 рублей. Изъ нихъ первыми[2]), пока они, прежде введенія ассигновокъ, выдавались въ Барнаулѣ, авансомъ до окончательнаго на монетномъ дворѣ расчета, 2.827.519 рублей. Если по количеству золота (не болѣе 30—35 пудовъ) можно было ѣхать въ одномъ экипажѣ, то я бралъ съ собою одного казака; а если золота было больше и нужно было прибавить экипажей, то въ каждый изъ нихъ я сажалъ еще по одному казаку. Болѣе чѣмъ въ трехъ экипажахъ ѣздить не приходилось. Такимъ образомъ, впередъ до Барнаула съ золотомъ, а обратно до Красноярска съ деньгами, было насъ самое большее четверо, а меньшее—двое. Охрана нельзя сказать, чтобы большая. Всѣ по станціямъ знали, что я впередъ ѣду съ золотомъ, а назадъ, вѣроятно, съ деньгами на разсчетъ рабочихъ; но никогда никакихъ посягательствъ на нападеніе не случалось, хотя я ѣхалъ безостановочно день и ночь. Не значитъ ли это, что тогда въ Сибири не было еще такого, какъ теперь, переполненія разнымъ сбродомъ? Бóльшая часть ссыльныхъ, на поселеніе ли то, или на жительство, составляетъ притокъ самыхъ дрянныхъ и нежелательныхъ жителей. Я почти вполнѣ увѣренъ, что если бы собрать изъ судебныхъ мѣстъ Сибири статистическія свѣдѣнія, то навѣрное оказалось бы, что бóль-

---

[1]) Томской и Иркутской золотосплавочныхъ тогда еще не было. Барнаулъ былъ единственное мѣсто, гдѣ сплавлялось золото и дѣлались за него расчеты.

[2]) Т. е. кредитными билетами. П. Б.

шая часть преступленій противъ собственности и жизни сдѣлана ссыльно-поселенцами, а не каторжными. Вотъ поэтому-то и нужно бы было, какъ можно скорѣе, избавить Сибирь отъ присылки первыхъ.

Рѣшеніе этого вопроса насколько важно, настолько же и трудно. Къ нему можно вполнѣ примѣнить пословицу: «Десять разъ примѣрь, а одинова отрѣжь». Дай Богъ, чтобы онъ разрѣшился вполнѣ основательно, а не полумѣрами, и чтобы Сибирь избавилась отъ присылки въ нее всѣхъ ссыльныхъ, не исключая (если только это окажется возможнымъ) и каторжныхъ.

Въ отношеніи послѣднихъ, если бы вопросъ о нихъ затянулся, необходимо принять мѣры, какъ къ лучшему устройству всего склада ихъ жизни, такъ къ болѣе разумному и правильному распредѣленію работъ и надзора. А то теперь отчетъ, изъ котораго приведены мною нѣкоторыя цитаты, говоря о ссылкѣ вообще, не исключая каторги, описываетъ подробно такіе безпорядки, которые ужасны. Не говоря о дурныхъ помѣщеніяхъ и пищѣ, самый-то «тюремный персоналъ, какъ высшій, такъ и низшій, за ничтожными исключеніями, не удовлетворяетъ своему назначенію». Какъ же, при этихъ порядкахъ, можно успѣшно достичь цѣли карательной и исправительной? Само-собою, надзоръ, заслужившій такой отзывъ, преимущественно старается только о первой изъ нихъ, отбрасывая послѣднюю, но болѣе важную (какъ, по его мнѣнію, ненужную) въ сторону. Для надзора этого нужно такихъ людей, которые болѣе или менѣе руководились бы такими же чувствами, какъ извѣстные и памятные Говардъ и Гаазъ и другіе, подобные имъ, друзья человѣчества; или же описываемый А. П. Чеховымъ (стр. 441) тотъ смѣлый маіоръ Ш., который не побоялся въ бурю, съ опасностію жизни, разыскивать въ морѣ, съ вечера до 2-хъ часовъ ночи, унесеннаго на сѣноплавкѣ каторжнаго, отыскалъ его и спасъ.

Какъ бы хорошо было Главному Тюремному Управленію устроить въ своемъ вѣдомствѣ такой отрядъ людей, какіе устроены въ Красномъ Крестѣ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ.

Кончаю, желая искренно, чтобы всѣ, вѣдающіе ссыльными, руководились (что̀ самое главное) указаніями справедливости и человѣколюбія, да чтобы мѣры исправительныя употреблялись предпочтительно гораздо чаще, чѣмъ карательныя. Исполня это, можно успѣшно достичь многаго хорошаго.

И. В. Ефимовъ.

8 Декабря 1899 г.
Петербургъ.

ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ НОРОВЪ.

(Декабристъ).

1793 — 1853.

I.

Василій Сергѣевичъ Норовъ [1]) родился въ 1793 г. 5-го Апрѣля, въ с. Ключахъ Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи. Его отецъ Сергѣй Александровичъ Норовъ, женатый на Татьянѣ Михайловнѣ Кошелевой [2]), владѣлъ многими имѣніями въ Саратовской, Рязанской, Тульской и Костромской губерніяхъ. Въ с. Ключахъ родились и братья Василія Сергѣевича, Авраамъ и Александръ. Отецъ ихъ былъ въ то время губернскимъ предводителемъ дворянства. Когда стали подростать мальчики, Сергѣй Александровичъ, по совѣту родственницы своей, Екатерины Романовны Дашковой, купилъ подмосковное имѣніе въ Дмитровскомъ уѣздѣ, село Надеждино, куда вся семья Норовыхъ переѣхала въ 1803 году.

Старшаго сына Василія отвезли въ Петербургъ и опредѣлили въ Пажескій корпусъ, гдѣ онъ своими способностями обратилъ на себя вни-

---

[1]) Это старшій братъ извѣстнаго писателя и министра народнаго просвѣщенія, Авраама Сергѣевича Норова. Д. Н. Свербеевъ, встрѣтившійся въ Кіевѣ въ 1822 году съ будущимъ декабристомъ Норовымъ, такъ отзывается о немъ въ своихъ любопытныхъ Запискахъ (М. 1899, II, 17): „Въ немъ ничего не было блестящаго, но его уважали и любили всѣ его сослуживцы гвардейскаго егерскаго полка, гдѣ онъ, будучи капитаномъ гвардіи, извѣстенъ былъ внимательнымъ изученіемъ военной исторіи, а во всѣхъ другихъ фронтовыхъ наукахъ былъ небреженъ, ненавидѣлъ шагистику, и за небрежность въ ней былъ сильно оскорбленъ на какомъ-то парадѣ запальчивымъ своимъ дивизіоннымъ генераломъ. Весь составъ офицеровъ полка вынудилъ начальника передъ Норовымъ извиниться; но Норову не прошло это даромъ. За это, или за какое-нибудь другое нарушеніе службы, выслали его тѣмъ же чиномъ въ армейскій полкъ, который стоялъ тогда въ Кіевѣ“. Въ Донесеніи Слѣдственной Комиссіи („Р. Архивъ“ 1881, II, 297) В. С. Норовъ названъ капитаномъ, а въ Спискѣ заговорщиковъ Южнаго Общества (тамъ же, стр. 335) отставнымъ подполковникомъ. П. Б.

[2]) Отецъ Сергѣя Александровича, Александръ Семеновичъ, женатъ былъ на Авдотьѣ Сергѣевнѣ Дуровой; погребены они въ с. Дуровкѣ, Сердобскаго уѣзда Саратовской губ. при каменной церкви.

маніе императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая брала его часто во дворецъ къ своему сыну Николаю Павловичу. Любимой игрою Великаго Князя съ Норовымъ были оловянные солдатики. Изъ чурбачковъ устраивали они крѣпости, выкладывая ихъ по чертежамъ, стрѣляли изъ какихъ-то пушечекъ. Однажды за такой игрой армія Норова явно стала брать перевѣсъ надъ арміей Великаго Князя, которая оказалась въ безвыходномъ положеніи; единственный способъ спасти ее было уничтожить разомъ армію Норова, что Николай Павловичъ и сдѣлалъ, смахнувъ рукой со стола на полъ всѣхъ солдатъ противника. Оба главнокомандующіе на столько разгорячились игрой, что вовсе забыли о положеніи, которое ихъ раздѣляло... Это имѣло благія последствія: все свободное время отъ классныхъ занятій пажъ Норовъ сталъ употреблять на самообразованіе. Онъ прочелъ большинство Французскихъ классиковъ, многихъ изъ Нѣмецкихъ. Исторія, и въ особенности военная, была его любимымъ предметомъ: при этомъ онъ удѣлялъ праздничное время на уроки рисованія и черченія, которые бралъ у одного изъ учениковъ Академіи Художествъ. Годъ Отечественной войны былъ годомъ выпуска его изъ Пажескаго корпуса. Его младшій братъ Авраамъ былъ уже въ дѣйствующей арміи подъ Смоленскомъ.

Василій Сергѣевичъ былъ въ перепискѣ съ своимъ братомъ, которому въ Бородинскомъ сраженіи оторвало ногу. Привезенный съ поля сраженія въ Москву, Авраамъ Сергѣевичъ помѣщенъ былъ въ Голицинскую больницу. Здѣсь, когда Москва была занята Французами, операторъ Наполеона Ларей сдѣлалъ ему ампутацію ноги (такую же операцію онъ сдѣлалъ другу и товарищу Норова Обольянинову).

Письма брата и друзей изъ дѣйствующей арміи усиливали нетерпѣніе Василія Сергѣевича стать въ ихъ ряды. Выпускъ изъ Пажескаго корпуса состоялся въ Августѣ мѣсяцѣ. Василій Сергѣевичъ, прекрасно выдержавъ экзаменъ, лично Государемъ былъ опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, который стоялъ въ то время на Калужской дорогѣ при рѣкѣ Нарѣ. Въ самый день своего пріѣзда въ полкъ Норовъ уже участвовалъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, а черезъ два дня въ Тарутинскомъ сраженіи, за которое награжденъ орденомъ св. Анны 4 степени съ надписью на саблѣ «за храбрость». Съ этихъ поръ начинается боевая жизнь Норова. Привожу выдержки изъ писемъ обоихъ братьевъ къ роднымъ. Авраамъ Сергѣевичъ писалъ:

*

Городъ Смоленскъ, 1812 года Іюля 22.

Здравствуйте, милый мой папенька и милая моя маменька. Получилъ я, слава Богу, письмо ваше. Можете повѣрить, какъ я тому радъ былъ, не получая такъ давно отъ васъ оныхъ; теперь доволенъ, что

могу къ вамъ почаще писать, адресовавъ на имя графа Аракчеева [1]) письма. Цѣлую ручки ваши за деньги 400 р., ибо они мнѣ довольно нужны, и непремѣнно буду стараться умѣреннѣе употреблять оныя. Я отъ того не могъ писать вамъ нѣкоторое время, что не было оказіи и почты; притомъ мы стояли подъ Витебскомъ. верстахъ въ 5 отъ Французовъ, и велѣно еще намъ было готовыми быть совершенно для вступленія въ дѣло. Французы доходили до двухъ верстъ до насъ: нашъ другой корпусъ, тамъ ихъ встрѣтивъ, далъ сраженіе, и отъ насъ былъ виденъ огонь ихъ стрѣльбы, и были слышны ружейные выстрѣлы, а смотря въ подзорную трубку, видно были движеніе войскъ. Раненыхъ и плѣнныхъ ежеминутно мимо насъ провозили; совсѣмъ было доходило до насъ, и очень жаль, что не послали насъ. Французовъ же разбили мы и прогнали. Сегодня князь Багратіонъ съ корпусомъ своимъ къ намъ присоединился. Платовъ тоже. Богъ намъ помощникъ, и не умедлимъ произвести мщеніе надъ врагомъ нашимъ. Цѣлую ручки ваши и прошу благословенія вашего. Сынъ вашъ А. Поровъ. Отъ братца получаю довольно часто письма; онъ здоровъ и съ нетерпѣніемъ желаетъ скорѣе къ намъ пріѣхать.

*

19-лѣтній В. С. Поровъ писалъ домой:

1812 г. 10 Октября, на полѣ при рѣкѣ Нарѣ.

Здравствуйте, папенька; цѣлую ваши ручки и прошу вашего благословенія. Богу угодно было, чтобъ братецъ пролилъ кровь свою за отечество и попалъ въ руки непріятеля, но человѣколюбиваго: ибо самъ братецъ пишетъ, что ему и всѣмъ раненымъ нашимъ офицерамъ весьма хорошо; доктора искусные, и рана его заживаетъ. Онъ потерялъ только кисть ноги; сперва оторвало только ему носокъ, но отрѣзавъ немного повыше, его тѣмъ спасли. Кроткимъ своимъ нравомъ и поведеніемъ братецъ сыскалъ себѣ во всѣхъ своихъ товарищахъ и начальникахъ друзей. Генералъ Ермоловъ и всѣ офицеры гвардейской артиллеріи, получа отъ него письма чрезъ Французскаго парламентера и узнавъ, что ему нужда была въ деньгахъ, послали ему значительную сумму червонцевъ. И такъ, кажется, по милости Божьей, братецъ не въ самомъ худомъ положеніи: по окончаніи же войны будетъ возвращенъ къ намъ, а можетъ быть и скорѣе по стараніямъ любезнаго князя Сергѣя Сергѣевича [2]). По крайней мѣрѣ къ утѣшенію вашему я извѣщаю васъ, что братецъ дѣйствовалъ столь отлично во время сраженія, что обратилъ на себя вниманіе начальниковъ и награжденъ орденомъ святого Владиміра съ бантомъ и чиномъ подпоручика. Мнѣ весьма пріятно было слышать отъ товарищей его, какъ всѣ братца хвалятъ и сколько онъ имѣлъ духу: въ самую ту минуту, какъ его ранили, онъ сказалъ только: «заставили меня Фран-

---

[1]) Братъ графа Аракчеева, Петръ Андреевичъ, былъ женатъ на племянницѣ Сергѣя Александровича Порова, княжнѣ Натальи Ивановнѣ Девлеткильдѣевой.

[2]) Голицына, сосѣда Поровыхъ по Саратовскимъ имѣніямъ.

цузы ходить на одной ножкѣ». Словомъ сказать, братецъ подалъ самому мнѣ собою примѣръ, и я сколько его сожалѣю, столько и радуюсь, что онъ храбрый офицеръ. Надѣюсь, что Господь Богъ сохранитъ его Своею милостью. О себѣ же скажу вамъ, что я вышелъ изъ корпуса по всему возможному порядку и никогда въ камерпажескомъ мундирѣ не бывалъ въ арміи, а это былъ другой волонтеръ, котораго ошибкою взяли за меня. Я еще съ ума не сошелъ, и мнѣ никогда не приходило въ голову самовольно уходить изъ корпуса, а меня выпустилъ самъ Государь, и я прибылъ въ армію только съ недѣлю. Пріѣздъ мой былъ ознаменованъ столь счастливымъ происшествіемъ, что надо вамъ объ этомъ донести и обрадовать васъ всѣхъ побѣдою. Третьяго дня атаковали мы Французовъ столь счастливо, что они бѣжали отъ насъ, какъ овцы. 37 пушекъ и одинъ знакъ достались побѣдителямъ. Говорятъ, что начальникъ Польскихъ войскъ князь Понятовскій убитъ, а Французы въ крайнемъ безпорядкѣ разбрелись по лѣсамъ, откуда ежедневно водятъ ихъ къ намъ сотнями. Слѣдствіемъ мудраго распоряженія князя Кутузова Французская армія доведена до крайности, и они питаются только лошадьми. По начатымъ движеніямъ Французовъ видно, что они хотѣли было отступить, но сего имъ невозможно, и гордый Наполеонъ найдетъ здѣсь гробъ своей славѣ и воинамъ своимъ. Еще не удалось мнѣ быть въ огнѣ, и я былъ только зрителемъ третьяго дня побѣды, ибо до гвардіи не доходило дѣло. Сегодня или завтра надѣюсь, что удастся мнѣ съ своими егерями потягаться съ Французами; уже я видѣлъ ихъ удаль, но гдѣ имъ устоять противъ штыковъ нашихъ? Такъ будьте увѣрены, что если мы много потеряли, то и Французамъ всѣмъ лечь на землѣ нашей. Сіе видно по положенію арміи. Васъ, маменька, прошу Христомъ Богомъ не безпокоиться обо мнѣ, какъ и о братцѣ, а молить Господа Бога и уповать на Него. Братецъ возворотится къ вамъ здоровымъ и орденомъ украшеннымъ; онъ заслужилъ поведеніемъ своимъ любовь и почтеніе отъ всѣхъ своихъ товарищей, и пріятно слышать, какъ всѣ они его хвалятъ. Вы знаете, маменька, долгъ нашъ отечеству; знаете и насъ, что мы постыдились бы быть въ покоѣ, когда и честь и долгъ велятъ сражаться, и мы вдругъ передъ другомъ покажемъ, что мы Русскіе и воспитаны въ честныхъ и благородныхъ правилахъ. Надежда наша Богъ, Онъ нашъ и покровитель; такъ нечего намъ страшиться, а только помышлять намъ быть полезными отечеству. Все, что̀ случилось, то Богу было угодно, и христіанину грѣхъ много унывать и роптать на судьбу. Братецъ же раненъ совсѣмъ неопасно; правда, какъ не жалѣть, но вмѣстѣ и не благодарить Господа Бога, что Онъ сохранилъ его живымъ тамъ, гдѣ 1100 офицеровъ остались на полѣ сраженія. Еще Господь милосердъ и услышитъ молитвы наши. О себѣ же скажу вамъ, что восхищенъ всѣмъ, что̀ каждый день вижу. Наконецъ я въ своемъ мѣстѣ и чувствую себя способнымъ быть полезну отечеству. Живу я какъ нельзя лучше въ походѣ. Очень здѣсь весело: военная музыка и громъ орудій разсѣеваютъ всякую печаль. Прошу вашего благословенія и съ онымъ готовъ ежеминутно летѣть въ сраженіе. Поручите насъ Божьему Промыслу и будьте спокойны. Сынъ вашъ Василій Норовъ.

(Декабрь) 1812 г. Вильна.

Поздравляю васъ съ радостью: братецъ оставленъ въ Москвѣ, вылѣченъ отъ раны и хотѣлъ скоро отправиться къ вамъ. Сію пріятную вѣсть привезъ мнѣ Парѳенъ, съ которымъ получилъ я ваши письма и посылки. Онъ повстрѣчался на дорогѣ съ посланнымъ отъ васъ въ Москву мужикомъ Григ. Семеновымъ, который тамъ видѣлъ братца и сказалъ Парѳену, что уже и подводы за нимъ отправлены въ Москву. Надѣюсь на милость Божью, что онъ скоро утѣшитъ васъ своимъ пріѣздомъ. Посланный вами ко мнѣ человѣкъ занемогъ на дорогѣ, почему и воротился назадъ, а Парѳенъ пришелъ ко мнѣ пѣшкомъ. Нужды мнѣ никакой нѣтъ; а что́ вы мнѣ, маменька, прислали, за то чувствительно васъ благодарю. Я по милости Божьей до сихъ поръ здоровъ. Былъ подъ ядрами и пулями, но живъ; надѣюсь, что и впредь сохранитъ меня Господь милостью Своею. Правда, что трудно въ походѣ; но когда же и служить, какъ не теперь? Какъ можно думать о спокойствіи и о жизни теперь, когда дѣло шло о спасеніи отечества? Тотъ день, въ который я первый разъ былъ въ сраженіи, былъ самый счастливый для меня въ жизни. Любовь къ отечеству и вѣра, вотъ о чемъ помышлялъ я ежеминутно и часто даже не примѣчалъ падающія около меня ядра. Послѣднее сраженіе, которое наиболѣе разстроило Французовъ, было подъ Краснымъ. Мы день и ночь преслѣдовали непріятеля; наконецъ подъ городомъ Краснымъ, недалеко отъ Смоленска, настигли мы Французскую армію. Самъ Наполеонъ остановилъ ее и расположилъ въ боевой порядокъ; но сильный огонь нашей артиллеріи принудилъ его къ отступленію; цѣлый день продолжалась сильная канонада съ обѣихъ сторонъ; наконецъ, велѣно намъ было атаковать въ штыки, и нашъ полкъ, построясь въ колонну, первый на нихъ ударилъ, закричавъ «ура!» Все что̀ намъ сопротивлялось положено было на мѣстѣ, множество взято въ плѣнъ. Корпусъ фельдм. Нея былъ отрѣзанъ и истребленъ. Французы потеряли 200 пушекъ и 20000 плѣнными. Ночью я былъ посланъ со стражею, чтобы выгнать изъ деревни остающихся Французовъ; они долго защищались, но мы заняли деревню и принудили ихъ сдаться. Подлѣ меня разорвало одну гранату, но мнѣ не причинило никаково вреда. Съ тѣхъ поръ мы гнали безостановочно непріятеля къ Березинѣ, гдѣ было послѣднее пораженіе Французовъ; а теперь гвардія остановилась въ Вильнѣ, куда пріѣхали Государь и великій князь, а армія преслѣдуетъ остатки Французовъ въ Пруссіи. И такъ по милости Божьей непріятель выгнанъ изъ предѣловъ нашего отечества. Мы ожидаемъ повелѣнія идти въ Пруссію или возвратиться въ Петербургъ.

Письмо Натальи Гавриловны *) доставлю непремѣнно. Князя Сергѣя Сергѣевича здѣсь нѣтъ; онъ съ Бенигсеномъ, и если мы сами съ

*) Наталья Гавриловна Боголюбова, по матери своей племянница А. Н. Радищева, тетка художника А. П. Боголюбова, окончивъ курсъ въ Смольномъ монастырѣ. много лѣтъ жила учительницей въ домѣ Норовыхъ, скончалась въ 40-хъ годахъ. Ея сестра Екатерина скончалась инокиней въ Іерусалимѣ въ 60-хъ годахъ.

нимъ не соединимся, то найду случай отдать князю ваши письма. Прошу Наталью Гавриловну извинить меня, что нѣтъ времени писать.

*

Елитовъ, 1813 года Февраля 14-го.

Послѣ того сраженія подъ Краснымъ, о которомъ я вамъ писалъ изъ Вильны, болѣе мы не дрались съ Французами; одни только казаки преслѣдуютъ ихъ. Послѣ быстраго и труднаго марша наконецъ остановились мы теперь на границахъ Силезіи или Нѣмецкой имперіи, чтобъ дать время идущимъ къ намъ изъ Россіи подкрѣпленіямъ къ намъ присоединиться. Сверхъ сего суровость времени препятствуетъ нѣсколько военнымъ дѣйствіямъ; но съ открытіемъ весны надо ожидать начатія оныхъ. Сколь война сія ни была кровопролитна, но мы скорѣе желаемъ еще сраженія, чтобы получить твердый и полезный миръ для отечества нашего. Мы оставили Россію и идемъ теперь въ иностранныхъ земляхъ, но не для завладѣнія оными, а для ихъ спасенія. Надо даровать миръ и спокойствіе Европѣ, говоритъ намъ Государь нашъ, и мы идемъ на Западъ съ войною для мира. До сихъ поръ мы сражались для спокойствія нашего отечества; теперь будемъ сражаться для спокойствія всей Европы. Надо пользоваться разстройствомъ непріятеля, чтобы не дать ему усилиться. Богъ и побѣда всегда съ нами, и мы идемъ впередъ.

*

Лагерь подъ Бауценомъ, 5-го Мая 1813 г.

Отъ братца Аврама получилъ я два письма въ городѣ Калишѣ. Онъ мнѣ пишетъ, что вы, папенька, къ нему пріѣзжали, но съ собою не взяли, потому что его рана не совсѣмъ еще закрылась; потомъ онъ мнѣ писалъ, что совсѣмъ уже выздоровѣлъ и ожидаетъ васъ со всей семьей въ подмосковную, почему я думаю, что мнѣ туда писать къ вамъ надлежитъ, а не въ Зубриловку. Я думаю, вамъ извѣстно о всемъ происходившемъ здѣсь чрезъ вѣдомости. Я получилъ за сраженіе подъ Краснымъ орденъ св. Анны 3-й степени и теперь представленъ къ полученію другого за бывшее у насъ съ недѣлю назадъ кровопролитное съ Французами дѣло подъ Люценомъ. Вы, я думаю, извѣстны, что Прусская армія дѣйствуетъ теперь вмѣстѣ съ нами; равно ожидаемъ и соединенія Австрійской. Вчера было тоже авангардское дѣло, въ которомъ Французы весьма много потеряли. Всѣ обѣщаютъ намъ счастливый успѣхъ въ благомъ нашемъ намѣреніи освободить отъ ига Французовъ всѣ вооружившіяся противъ насъ въ прошедшей кампаніи націи и показать, что Россія не только что могла истребить воставшее противъ нее ополченіе, но и даровать миръ и спокойствіе всей Европѣ. Извините, что нѣтъ времени болѣе писать къ вамъ. Сейчасъ на аванпостахъ начинается дѣло; сегодня должны мы получить 15000 свѣжаго войска и пойдемъ завтра или послѣ завтра атаковать Французовъ.

*

Лагерь подъ Швейдницомъ, 20-го Мая 1813 года.

Я писалъ вамъ изъ лагеря подъ Бауценомъ, что мы готовились къ сраженію. На другой и третій день атаковали насъ Французы въ превосходныхъ силахъ въ нашей позиціи. Сраженіе продолжалось два дня съ ряду, 9-го и 10-го. Нашъ полкъ прикрывалъ батареи, коими Французы съ дьявольскою силою стремились овладѣть; но мы не дали имъ завладѣть ни однимъ колесомъ. Здѣсь были мы четыре часа въ перекрестномъ огнѣ; около меня убито и ранено 230 человѣкъ. Меня самого крѣпко ударило выхваченною ядромъ землею, но ничего не сдѣлало. Я имѣю счастіе быть представлену въ другой разъ въ числѣ отличившихся. Самъ Государь и Прусскій король подвергали себя немалой опасности. Сколь ни лестно наше ремесло, однакоже мы всѣ желали бы скораго окончанія сей войны, ибо наскучило стоять на бив кахъ и зачастую по два и по три дня почти не ѣвши. Но мы рады все терпѣть, если бы только знали, что доставимъ славный миръ нашему отечеству. О нуждахъ своихъ хотѣлось бы мнѣ дать вамъ знать; но какъ можете пересылать мнѣ изъ такой дали? Я не имѣю теперь ни гроша денегъ, не откуда мнѣ получить, а занимать, хотя бы и было у кого, мнѣ не хочется; жалованье же намъ еще не выдавали.

*

Оттуда же, 28-го Мая 1813 г.

Цѣлую тебя отъ всего сердца, любезный братецъ, и благодарю тебя, что меня не забываешь. Въ Калишѣ и здѣсь получилъ я письма твои. Ты пишешь, что здоровъ; но я сему не вѣрю, ибо знаю, что такое лишиться ноги, и ты самъ пишешь, что во многихъ мѣстахъ рана твоя опять открылась; все сіе отъ первой дурной операціи. Рѣдкій лѣкарь бываетъ хладнокровенъ подъ ядрами: я самъ сіе много разъ примѣчалъ. Но что дѣлать? Надо надѣяться на милость Божью, что скоро рану твою совершенно затянетъ, и воображаю, какъ ты мучился, любезный братецъ. Да не мало чѣмъ меньше твоего мучаюсь и я, воспоминая о тебѣ. По нашему брату должно быть хладнокровну на эти вещи и утѣшать себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что остался живъ тамъ, гдѣ тысячи остались на мѣстѣ. Такъ, удивляюсь я, какъ остался живъ послѣ послѣдняго дѣла. И повѣрь, что если бы лишился ноги или руки, то утѣшалъ бы себя тѣмъ, что терплю съ тобою одно; о семъ думаю я всякій разъ, какъ иду въ сраженіе. Я долженъ благодарить Бога, что былъ въ четырехъ сраженіяхъ, два раза въ дѣлѣ и по сихъ поръ не раненъ. Я вѣрю, какъ непріятно быть ранену въ первомъ дѣлѣ; но кто можетъ роптать на Бога? Я думаю, любезный братецъ, что ты извѣщенъ чрезъ газеты о всемъ происходившемъ здѣсь. Вотъ тебѣ все въ краткихъ словахъ. Перешедъ Эльбу, нашли мы Французовъ между Лейпцигомъ и Альтенбургомъ въ крѣпкой позиціи. Главнокомандующій графъ Витгенштейнъ рѣшился воспользоваться такою минутой, когда Наполеонъ отрядилъ знатный корпусъ къ Лейпцигу, и атаковать Французовъ, прежде нежели сей корпусъ успѣетъ подкрѣпить ихъ. Сраженіе продолжалось

съ утра до полночи. Наши дрались съ обыкновенною ихъ храбростью. Прусаки въ сей день сравнялись съ нами. Правый флангъ непріятеля былъ опрокинутъ, центръ же его прорванъ и сбитъ съ поля; оставался лѣвый флангъ, и оный подавался назадъ, какъ вновь пришедшія колонны показались. Тогда г. Тормасовъ пододвинулъ нашъ и 3-ій корпусъ впередъ, и мы были противоставлены свѣжему непріятелю. Деревня Клейнъ-Гершенъ раздѣляла насъ, въ которой дрались наши стрѣлки съ перемѣннымъ счастьемъ. Наши же гвардейскія колонны стояли неподвижно и въ готовности къ атакѣ подъ сильнымъ огнемъ вновь поставленныхъ непріятельскихъ орудій. Тутъ ты можешь вообразить, какъ пріятно намъ было, особливо намъ старымъ, которые привыкли драться въ стрѣлкахъ. Какъ я желалъ, чтобы насъ пустили, такъ какъ подъ Краснымъ, выгнать непріятеля изъ деревни или ударить въ штыки. То бы наше дѣло! Но уже наступила ночь, а бестіи Французы все не переставали въ насъ жарить и, чтобъ виднѣе было, освѣщали насъ пущенными ракетами и свѣтлыми ядрами. Наконецъ непріятель отступилъ и потянулся по дорогѣ къ Лейпцигу въ намѣреніи насъ обойти. Тогда пошли и мы на маневры. Но если бы дрались на другой день, то доказали бы имъ дружбу: ибо поутру долженъ былъ придти Милорадовичъ съ свѣжимъ корпусомъ и не далъ бы долго сомнѣваться. Французы гораздо многочисленнѣе насъ въ силахъ, особливо въ пѣхотѣ, конницы же у нихъ мало; артилеріи у нихъ довольно, но никакъ не можетъ сравняться съ нашею. Изъ гвардейской артилеріи была съ нами только одна Гогелева рота, которою командуетъ теперь Ладыгинъ. Гогель умеръ. Послѣ сего дѣла перешли мы Эльбу обратно и стояли въ укрѣпленной позиціи подъ Будисиномъ [1]). Здѣсь было у насъ трехдневное сраженіе. Въ первый день г. Барклай-де-Толли атаковалъ корпусъ Коленкура [2]) и разбилъ его на голову. 3 генерала, 6 пушекъ и 1000 раненыхъ достались намъ. На другой день началось генеральное сраженіе. Непріятель сильно наступалъ на городъ и весьма много потерялъ; но такъ какъ положено было ему дать генеральное сраженіе, а не защищать городъ, то его подпустили подъ наши батареи. Здѣсь сраженіе сдѣлалось весьма жарко. Французы сильно маршировали на нашъ лѣвый флангъ по горамъ въ лѣсу, но были прогнаны казачьею артилеріею. На третій день атаковалъ онъ насъ во всѣхъ пунктахъ, но ничего не могъ сдѣлать. Артилерія наша метала его колонны, какъ песокъ вихремъ. Все сіе время стояли мы подъ ядрами. Въ 4-е часа пополудни непріятель, скопивъ всѣ свои силы, сталъ тѣснить правый флангъ нашъ. Прусаки должны были отступить съ важныхъ высотъ, гдѣ Французы поставили свои батареи. Тогда нашъ полкъ подъ начальствомъ Алексѣя Петровича Ермолова послали на подкрѣпленіе; но Прусаки уже отступили. Остались только одни мы прикрывать свои батареи. Били насъ спереди, анфилировали насъ съ горъ на правомъ флангѣ. Весь огонь Французовъ былъ по нашей артилеріи и по нашимъ двумъ батальонамъ, но слава Богу не дали Французамъ завладѣть даже однимъ колесомъ. Здѣсь потерпѣли болѣе всего

---

[1]) Бауценомъ.

[2]) Лористона.

стрѣлки нашего полка отъ брошенныхъ въ ровъ гранатъ; меня едва не убило ядромъ и больно ударило вырвавшеюся землею. Наконецъ велѣно было намъ ретироваться. Тогда батареи наши стали свозить чрезъ одно орудіе, а мы прикрывали ихъ отступъ. Вашу гвардейскую артилерію я всю видѣлъ въ дѣлѣ; славно дѣйствовала. Я часто вижусь съ Ладыгинымъ, Дивовымъ и Сумароковымъ; они всѣ тебѣ кланяются и говорятъ, что получили отъ тебя письма.

Ты пишешь, не имѣю ли я въ чемъ нужды: то, какъ, братецъ, не имѣть? Да какъ вы перешлете мнѣ? Хорошо, когда бъ прислали сколько нибудь денегъ, въ коихъ я имѣю немалую нужду, ибо у насъ кромѣ червонцевъ и серебра ничего не берутъ.

*

Прага, 17-е Сентября 1813.

Здравствуйте, любезный папенька и любезная маменька, цѣлую ваши ручки и прошу вашего благословенія. Именемъ Божьимъ прошу васъ обо мнѣ не безпокоиться. Не скрою отъ васъ, что я раненъ пулею въ ляжку въ сраженіи 17-го Августа подъ Теплицомъ *); не скрою, что рана не легка, но опасности никакой нѣтъ. Теперь нахожусь я въ городѣ Прагѣ въ Богеміи, лѣчусь весьма спокойно, и по милости Божьей все идетъ хорошо. Я съ своей стороны благодарю отъ всего сердца Господа Бога во-первыхъ, что далъ намъ въ сей день побѣду, что я успѣлъ заслужить вниманіе моихъ начальниковъ и любовь товарищей и солдатъ, особливо сихъ послѣднихъ, кои сами не щадили своей жизни, чтобъ вывести меня живого изъ Французскихъ рядовъ. Особенно лестно мнѣ было получить всеобщую похвалу отъ всего полка. За Бауценское дѣло получилъ я орденъ Св. Владиміра 4 степени и вновь представленъ къ награжденію за послѣднее дѣло.

Нужды я никакой теперь не имѣю. Отъ васъ получилъ 600 р., да 375 р. жалованья, да еще 64 червонца отъ Государя. Слава Богу, ни въ чемъ не нуждаюсь. Лѣчусь я въ одномъ обывательскомъ домѣ здѣсь въ Прагѣ. Графъ Аракчеевъ прислалъ мнѣ сюда ваши письма, и сіи я ему посылаю и пишу къ нему. Вамъ же, я думаю, лучше писать ко мнѣ прямо теперь въ Прагу, адресуя на имя дежурнаго генералъ-маіора Кикина, который приставленъ Государемъ здѣсь за нами смотрѣть. Доктора говорятъ мнѣ, что такъ какъ я себя всегда берегъ и имѣю крѣпкое сложеніе, то рана моя скоро заживетъ; я только мѣсяцъ, какъ раненъ, и уже гораздо лучше противъ прежняго.

*

Письмо графа Аракчеева.

Въ Богеміи, городъ Теплицъ, 20 Сентября 1813 г.

Милостивый государь Сергѣй Александровичъ. Собственноручное письмо ваше отъ 17 Августа я получилъ на сихъ дняхъ и присланное ваше письмо къ сыну вашему я доставилъ, а также и рапортъ

*) Это сраженіе и крестъ, полученный участниками его, обыкновенно называются Кульмскими. П. Б.

къ Эйлеру въ гвардейскій артилерійскій батальонъ доставленъ. Теперь я увѣдомляю васъ, милостивый государь, что сынъ вашъ въ бывшемъ при Теплицѣ 18 Августа сраженіи раненъ, но слава Богу легко, что̀ самое увидите изъ прилагаемаго его къ вамъ письма. Онъ теперь находится въ столичномъ городѣ Прагѣ, гдѣ и пользуется; я препоручилъ его какъ лѣкарю знаменитому, такъ и начальствующему генералу нашему, коему писалъ, дабы онъ выдалъ ему и денегъ, если онъ потребуетъ. Въ приложенномъ при семъ письмѣ генерала Кикина увидите, что ему онъ выдалъ 40 червоцевъ, которые я Кикину и заплатилъ. Сынъ вашъ желаетъ быть уволенъ въ Россію до излѣченія, что̀ я и буду стараться выполнить. Если вамъ угодно будетъ деньги ко мнѣ прислать, то адресуйте ихъ въ С.-Петербургъ, къ господину почтъ-директору Калинину, который ко мнѣ ихъ доставитъ черезъ фельдъ-егеря ѣдущаго къ намъ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе милостивой государынѣ дражайшей вашей супругѣ; благодарю ее за приписаніе и прошу не безпокоиться о сынѣ, который скоро выздоровѣетъ и потомъ и къ вамъ самъ пріѣдетъ. Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашъ, милостивый государь, покорный слуга графъ Аракчеевъ.

*

Изъ своеручнаго письма графа Аракчеева къ В. С. Норову, изъ Франкфурта на Майнѣ 19 Ноября 1813.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ! Какъ вы уволены по высочайшему приказу, за ранами, въ Россію, то, желая, чтобы не имѣли дорогою остановки, препровождаю при семъ билетъ, по которому въ нуждахъ дорогою оказываемо вамъ будетъ пособіе.

Желаю вамъ скораго выздоровленія и пребываю съ почтеніемъ покорнымъ слугою графъ Аракчеевъ.

Если вы по сію пору не выѣхали, то увѣдомите меня, для чего вы по сіе время живете въ Прагѣ и не ѣдете къ своимъ родителямъ, гдѣ бы вамъ спокойнѣе и пріятнѣе было жить.

*

Еще не вполнѣ поправившись отъ тяжкой раны, полученной при Кульмѣ, Норовъ возвратился въ Россію. Ему было тогда всего двадцать лѣтъ; въ чинѣ подпоручика онъ имѣлъ ордена св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», св. Анны 3-й степени съ бантомъ и 2-й степени, украшенную брилліантами, св. Владимира 4-й степени съ бантомъ, медаль въ память войны 1812—1813 годовъ и Кульмскій крестъ. Въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку онъ былъ любимъ солдатами, съ которыми дѣлилъ всѣ невзгоды и опасности боевой жизни; солдаты смѣло шли съ нимъ въ дѣло въ самыя опасныя военныя предпріятія, видя въ своемъ молодомъ начальникѣ друга, который безъ надобности не станетъ жертвовать ими: они знали, что только что кончится бой, онъ первый явится на помощь, успокоить раненыхъ, утѣшить страж-

дущихъ. Норова любили товарищи, онъ былъ уважаемъ начальствомъ, какъ беззавѣтно преданный военному дѣлу. Нерѣдко во время походовъ, не смотря на свои юные года, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ отдѣльными командами, которыя были ему поручаемы. Воспоминаніе о В. С. Норовѣ надолго сохранилось въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку.

Время, проведенное имъ для лѣченія раны, не прошло даромъ для его личнаго развитія. Онъ началъ собирать себѣ библіотеку преимущественно по исторіи и военному искусству.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, на одномъ изъ парадовъ онъ былъ оскорбленъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ. Придя съ парада въ казармы полка, онъ немедленно подалъ прошеніе о переводѣ его въ армію; его товарищи послѣдовали его примѣру. Императоръ Александръ Павловичъ, лично знавшій Норова, принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, и оно кончилось объясненіемъ Великаго Князя съ Норовымъ, который тутъ же былъ назначенъ ротнымъ командиромъ *).

Въ 1822 году Норовъ перешелъ въ Московскій гренадерскій полкъ и въ чинѣ подполковника командовалъ батальономъ.

Со времени возвращенія нашихъ войскъ изъ Франціи начинаются у насъ тайныя общества, первоначально съ благою цѣлью содѣйствовать правительству въ его заботахъ объ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ государства. Эти общества возникали не безъ вѣдома Александра Павловича. Въ нихъ приняли участіе многіе лучшіе люди, особливо послѣ извѣстной Варшавской рѣчи. Общества эти имѣли нѣсколько отдѣловъ. В. С. Норовъ, перешедшій на службу въ Кіевъ, присоединился къ обществу Южному. Онъ былъ съ своимъ полкомъ близъ Бобруйска, гдѣ предполагались большіе манёвры въ присутствіи Государя. Членами Южнаго общества задумано было проникнуть къ нему въ то время, когда будутъ находиться при немъ въ караулѣ Норовъ и Швейковскій. Норовъ наотрѣзъ отказался и объявилъ, что никого не допуститъ до Государя и скорѣе перейдутъ черезъ его, Норова, трупъ...

Зимой семья Норовыхъ жила въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Надеждинѣ Дмитровскаго уѣзда. Полкъ Норова стоялъ въ Москвѣ, слѣдовательно бо́льшую часть года онъ былъ въ семьѣ у своихъ родителей. Семья Норовыхъ состояла тогда изъ отца и матери, двухъ дочерей и четырехъ

*) Тогдашній начальникъ гвардіи, И. В. Васильчиковъ, убѣдилъ пылкаго молодаго князя выразить Норову свое сожалѣніе о случившемся. Впослѣдствіи, будучи императоромъ, Николай Павловичъ неоднократно вспоминалъ про свою горячность и благодарилъ Васильчикова за его настойчивость. П. Б.

сыновей. Авраамъ Сергѣевичъ, бывшій тогда полковникомъ конно-гвардейской артилеріи, въ первый разъ путешествовалъ по Европѣ. Третій братъ Александръ былъ студентомъ Московскаго университета, и четвертый, Дмитрій, только что поступилъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ. Двѣ сестры ихъ: Авдотья Сергѣевна (осталась дѣвицей) и Екатерина Сергѣевна, вышедшая замужъ въ 1828 году за поручика конно-гвардейской артеллеріи, адъютанта генерала Игнатьева, Петра Николаевича Поливанова.

Лѣтомъ 1825 г. въ Надеждинѣ Норовъ сидѣлъ за чтеніемъ спиной къ открытой балконной двери, выходящей въ садъ. Вдругъ онъ громко позвалъ своихъ сестеръ, бывшихъ въ сосѣдней комнатѣ, и тѣ удивлены были представившейся имъ картиною: большой коршунъ очутился на курчавой головѣ ихъ брата Василія и хлопалъ крыльями. Этотъ случай очень встревожилъ мать ихъ Татьяну Михайловну; она предчувствовала, что бѣда разразится надъ головой ея старшаго сына.

Зимою въ 1825 году вся семья Норовыхъ была по обыкновенію въ Москвѣ. Жили въ наемномъ домѣ, принадлежавшемъ генералъ-маіору Михаилу Александровичу Фонвизину, другу и боевому товарищу Василія Сергѣевича. Извѣстіе о событіи 14 Декабря поразило Норова. «Чтó надѣлали, чтó надѣлали эти горячія головы. Погубили святое дѣло!» [1]) Ни одно письмо изъ Петербурга не получалось Норовыми. Въ Январѣ 1826 г., ночью, двѣ троечныя кибитки въѣхали во дворъ дома Фонвизина, и два жандарма съ жандармскимъ офицеромъ вошли въ домъ. Предъявленъ былъ приказъ объ арестѣ Норова. Татьяну Михайловну безъ чувствъ отняли отъ сына, сестры плакали навзрыдъ, отецъ благословилъ сына образомъ. Въ томъ же домѣ арестованъ былъ и владѣлецъ его М. А. Фонвизинъ. Онъ прощался съ своей женой Натальей Дмитріевной и двумя сыновьями: Дмитрій былъ двухлѣтній, а Михаилъ еще грудной [2]). Наталья Дмитріевна заявила жандармскому офицеру, что она послѣдуетъ всюду, куда повезутъ ее мужа, хотя бы на плаху. До разсвѣта обѣ кибитки выѣхали изъ Москвы по Петербургскому тракту.

II.

Со дня ареста Василія Сергѣевича Норова, никакихъ свѣдѣній о немъ семья его не имѣла до обнародованія Донесенія Слѣдственной коммиссіи по дѣлу о событіи 14 Декабря 1825 года.

---

[1]) Слова эти лично передавала мнѣ моя мать Екатерина Сергѣевна.

[2]) Оба молодые Фонвизины умерли въ 1851 и 1852 г. въ Одессѣ отъ чахотки въ семействѣ Е. С. Поливановой.

Послѣ почти двухлѣтняго заключенія въ казематахъ Петропавловской и Свеаборгской крѣпостей, Василій Сергѣевичъ посланъ былъ на крѣпостныя работы въ Бобруйскую крѣпость.

Вмѣстѣ съ Норовымъ въ Бобруйскъ же посланъ былъ Дивовъ, тоже на крѣпостныя работы. Это назначеніе давало возможность Норову получать изъ дома отъ родителей все необходимое, книги, деньги; даже при болѣе снисходительномъ начальствѣ крѣпости могъ онъ и жить на частной квартирѣ. Однако, первые два года, начальство крѣпости не считало себя въ правѣ оказывать какія либо послабленія присланнымъ для отбыванія наказанія, напротивъ отягчало ихъ положеніе грубымъ и жестокимъ обхожденіемъ съ ними. Норовъ безропотно переносилъ свое положеніе. Въ письмахъ къ своей матери онъ не безпокоилъ ея своими невзгодами и лишь передъ сестрами выливалъ свою душу.

«Je ne vous cacherai pas, писалъ онъ, que ma position est archidétestable. Après plusieurs années de chagrins, de privations et de plus cruels tourments je commencais enfin à jouir de quelques moments de repos, grâce à quelques honnêtes gens qui sont bien râres ici, où tout est racaille, canaille ou brutes».

Крѣпостное начальство нѣсколько разъ мѣнялось, а съ ихъ перемѣной мѣнялось и положеніе Норова. Земляныя работы были ежедневны, на нихъ выходилъ онъ въ арестанскомъ одѣяніи. Камера, въ которой онъ содержался, послѣ вечерней зари до разсвѣта запиралась на замокъ; свиданія допускались не иначе какъ въ присутствіи крѣпостного начальства въ извѣстные дни и опредѣленный часъ. Дѣятельный и подвижной характеръ Норова не имѣлъ исхода: стѣны крѣпости отдѣляли его отъ всего внѣшняго міра. Письма, какъ получаемыя, такъ и отправляемыя, контролировались, проходя чрезъ цензуру нѣсколькихъ лицъ крѣпостной администраціи.

Ко времени прибытія Норова въ Бобруйскую крѣпость заботливой его матерью Татьяной Михайловною прислана была изъ подмосковнаго села Надеждина подвода съ двумя людьми, платьемъ, бѣльемъ, съ запасомъ вещей для обстановки квартиры, провизіею, книгами. Нанята была квартира въ двѣ комнаты съ кухней. Здѣсь, въ свободное время отъ крѣпостныхъ работъ; Норовъ до вечерней зари могъ читать и заниматься чѣмъ угодно. Къ 1829 году относится его работа по приведенію въ порядокъ «Записокъ о походѣ 1812—1813 годовъ», которыя и были изданы; но имя автора было недозволено помѣстить на изданіи. Не при всѣхъ комендантахъ разрѣшено было ему пользоваться своей квартирой; такъ 19 Іюля 1831 года онъ писалъ письмо подъ откры-

тымъ небомъ «на батареѣ, на которой работалъ»: потомъ, говоритъ онъ: «пишу изъ госпиталя, гдѣ я и теперь, потому что нѣтъ у меня другого убѣжища».

Когда назначили комендантомъ Бобруйской крѣпости капитана Мерля (Merl), а плацъ-маіоромъ капитана Спиѐ, все измѣнилось: Норовъ пользовался ихъ вниманіемъ и заботами о немъ доброй супруги Мерля. Но все-таки неволя мучила его.

Послѣ одной изъ ревизій Бобруйской крѣпости положеніе Василія Сергѣевича значительно было стѣснено, и отношенія къ нему коменданта измѣнились. Во избѣжаніе строгой цензуры писемъ нѣсколько разъ въ годъ изъ Надеждина посылался нарочный съ провизіей, книгами, письмами, и обратно съ нимъ же Василій Сергѣевичъ отправлялъ свою корреспонденцію.

По близости съ Бобруйскомъ жило семейство Турчаниновыхъ (которое чрезъ Оболдуевыхъ считалось сродни Норовымъ). Марья Ивановна Турчанинова отъ времени до времени пріѣзжала въ Бобруйскъ, видалась съ Норовымъ и по своему знакомству съ семьей коменданта умѣла выговаривать нѣкоторыя льготы какъ для Норова, такъ и для Дивова и снабжала ихъ всѣмъ, чтó выходило новаго по Русской литературѣ.

Вотъ письма Норова къ сестрамъ.

Бобруйскъ, 1830 года Декабря 3.

Твое письмо, милая сестра, меня очень утѣшило. Ты пишешь о предполагаемой твоей поѣздкѣ съ Варенькой туда, куда вы надумали: Я скажу тебѣ, другъ мой Катенька, что это возможно; но надо вамъ поторопиться прислать прежде Авдѣя или кого нибудь другого. Я не скрываю тебѣ, что мое положеніе отвратительно, но я совершенно здоровъ, это чудо! Правда, что днемъ я могу быть на свѣжемъ воздухѣ и немного погулять, но не далѣе, какъ на ружейный выстрѣлъ. Днемъ меня можно видѣть безъ затрудненія; но только наступить ночь, это несносно, я заперть до восхода солнца. Положеніе мое, хотя нестерпимое, но иногда мнѣ даже смѣшно: я смѣюсь, но, признаться, большею частію я грустенъ. Мои молитвы холодны и машинальны. Надо правду тебѣ сказать: Фенелонъ мнѣ надоѣлъ. Онъ мнѣ ничего не говоритъ новаго. Часто очень часто я говорю только: «Боже спаси меня! Вѣрю, Господи, помоги моему невѣрію, сохрани всѣхъ милыхъ сердцу моему. Пошли счастья отечеству». Вотъ и все.

Что касается до моихъ занятій, такъ уже нѣтъ ни одной книги, которую я бы не прочелъ; и теперь только перелистываю, иногда рисую карандашомъ и рву, курю, хожу взадъ и впередъ по комнатѣ вдоль и поперекъ, или на открытомъ воздухѣ. Передо мной печальная

Березина (не нашей доблестью прославившаяся, а погромомъ Наполеона), а ея берега, покрытые лѣсомъ и болотами, еще болѣе печальны! Но въ этой жизни все относительно. Тѣже самыя мѣста прежде мнѣ не надоѣдали: я былъ тогда свободенъ, я могъ ѣздить верхомъ или охотиться съ ружьемъ *). И такъ, признаюсь вамъ, друзья, я не моуг скрывать отъ васъ: большею частію я грустенъ. Прежде я прибѣгалъ къ молитвѣ, но молитва меня не утѣшала; я рѣшился молчать и страдать, но какъ только представлялся случай развлечься, я не отказывался. Прощайте, милыя друзья: цѣлую Танечку и Васю; дай Богъ, чтобъ они были здоровы. Зачѣмъ вы дали ему мое несчастное имя? Если изъ дружбы ко мнѣ, то лучше назвали бы его Наполеономъ. Цѣлую брата Петра; я знаю, что братья Александръ и Дмитрій въ Ключахъ. Что они зарылись тамъ? Я воображаю: одинъ мечтаетъ съ Ламартиномъ на берегахъ Хопра, а другой стрѣляетъ зайцевъ. Что̀ дѣлаетъ Абрамъ въ Петербургѣ? Пришлите мнѣ его «Сицилію», а также Сегюра, да 2 томъ Expédition de Russie par M... Ахъ вы дурашки! Зачѣмъ вы забыли эту книгу, прислали только 1-ый томъ. Прощайте, мои милыя сестры: вспомните братишку, который такъ долго сиживалъ съ вами по вечерамъ въ Надеждинѣ. Позволяю вамъ уронить двѣ-три слезки, но не болѣе, какъ я теперь; не грустите, милыя. Да будетъ воля Божія! Если вашему брату худо здѣсь, то можетъ быть, лучше будетъ тамъ, гдѣ всѣ будемъ когда нибудь. Прощайте, дружочки. Братъ вашъ В. Пришлите: Ségur. Histoire de Napoléon, Histoire de Pierre-le-Grand, Expédition de Russie par M: W Scott, Les Puritains, Новыхъ романовъ не хочу, они очень посредственны: присылайте мнѣ понемногу В. Скотта, страшно люблю эту *скотину*: c'est un grand peintre du coeur humain. Пришлите мнѣ вензелевую печать и попросите отца или маменьку прислать мнѣ часы.

*

Бобруйская крѣпость, 19-го Іюля 1831-го года.

Дорогая Дунечка! Когда Иванъ уѣзжалъ, я былъ такъ разстроенъ, что едва могъ написать нѣсколько строкъ матушкѣ; къ тому же писалъ я подъ открытымъ небомъ на одной баттареѣ, на которой я работалъ; воспользовавшись минутой одиночества, я написалъ то письмо. Не знаю, разберетъ ли она мое царапанье. Послѣ я писалъ вамъ изъ госпиталя, гдѣ я и теперь, потому что нѣтъ у меня другого убѣжища... Знай, мой другъ, что послѣ многихъ лѣтъ горя, лишеній и самыхъ жестокихъ мученійя наконецъ начинаю пользоваться минутами отдыха, благодаря нѣкорымъ честнымъ людямъ, которые здѣсь рѣдки (гдѣ всѣ грубые канальи). Я имѣлъ двѣ комнаты довольно чистыхъ, гдѣ я проводилъ цѣлые дни. Чтеніе и обработка моего сочиненія, которое я вамъ послалъ, были единственными моими занятіями. Я молюсь Богу, но большею частію машинально, потому что самыя горячія молитвы въ казематахъ Петербургскихъ и

*) Въ началѣ двадцатыхъ годовъ близъ Бобруйска предполагались въ присутствіи Александра І-го манёвры, и Норовъ былъ здѣсь съ своимъ Московскимъ гренадерскимъ полкомъ.

Свеаборгскихъ не были услышаны, тогда какъ рядомъ со мной атеисты были освобождены. Вашъ Фенелонъ никогда не давалъ мнѣ ни малѣйшаго утѣшенія; я еще сохраняю его какъ воспоминанье и, если вы увидите когда нибудь эту книгу, вы узнаете, что́ я думаю, по замѣткамъ, которыя я дѣлалъ на маржахъ. И такъ, мой другъ, чаще всего я грустенъ; мое существованіе сдѣлалось для меня въ тяжесть, и не разъ, какъ св. Іовъ, я проклиналъ часъ моего рожденія. Я имѣлъ лишь нѣсколько аршинъ для прогулки: этого довольно, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ; но что́ больше всего тяжко, это вѣчный и единственный видъ изъ этой проклятой крѣпости. Столько скуки, горя грызутъ мое сердце, ослабляютъ мое здоровье, разстраиваютъ разсудокъ!.. Что́ остается мнѣ желать послѣ жизни полной бурь, тревогъ, несчастій, мученій: это провести остальные мои дни въ одиночествѣ и мирѣ. Чрезъ пять лѣтъ (срокъ, который остается провести на крѣпостныхъ работахъ) мнѣ будетъ 43 года; это уже не годы, когда ищутъ славы. Слишкомъ долго я гонялся за этимъ призракомъ, я проливалъ свою кровь за отечество, и оно счастливо, это отечество; а мы въ цѣпяхъ, и не въ 43 года я могу найти партію приличную для женитьбы, потому что у васъ въ уѣздахъ мы прокляты, какъ Мазепа и Гришка Отрепьевъ. Прошу, присылайте скорѣе Ивана обратно; обнимаю Катеньку.

*

Бобруйскъ, 12-го Апрѣля 1833 года.

Здравствуй, милая Катенька! Я только что получилъ твой подарокъ, кошелекъ и въ немъ «Napoléon d'or» и десять платковъ; я очень тронутъ твоей памятью. Любите меня и помните обо мнѣ, такъ какъ я люблю васъ и помню о васъ. Наши мнѣ рѣдко пишутъ, исключая матушки, которая помнитъ меня. Твое письмо передалъ мнѣ Семеновъ, мой племянникъ, сынъ А. А. Семенова, женатаго на моей кузинѣ Прасковьѣ Ухтомской *). Я забылъ все это, но теперь припоминаю очень хорошо. Сколько смертей, сколько свадебъ, сколько рожденій! Онъ многое мнѣ разсказалъ. Все это очень естественно: одни умираютъ, другіе женятся, а другіе родятся. Тоже бы и я дѣлалъ, но я заточенъ въ четырехъ стѣнахъ. Богъ знаетъ, когда все это кончится. Пишите мнѣ какъ можно чаще, такъ какъ письма ваши мнѣ безпредѣльная отрада и напоминаютъ мнѣ прошедшее, а я живу только воспоминаніями: настоящее ужасно, а будущее для насъ тайна. Поцѣлуй отъ меня брата Петра Николаевича. Абрамъ хочетъ пріѣхать повидать меня. Онъ лучшій изъ нашего семейства, кромѣ тебя и меня. Прощай, милая Катюша, обнимаю тебя отъ всего сердца и вашихъ дѣтей; Танечку я знаю, Васю тоже, а есть ли у васъ еще? Какъ бы я хотѣлъ ихъ видѣть, какъ бы я хотѣлъ всѣхъ васъ разцѣловать. Ты мнѣ говоришь, что помню ли я твое личико, а ты помнишь ли мою рожу? Если бы

*) Сестра Татьяны Михайловны (матери Вас. Серг.) Маргарита Михайловна была замужемъ за кн. Ухтомскимъ у котораго были сынъ кн. Александръ Ивановичъ и дочь кн. Прасковья Ивановна замужемъ за Семеновымъ.

ты теперь взглянула на меня съ престрашными моими усами, на подобіе кота заморскаго. Про Турчаниновыхъ ни слуху, ни духу; ея еще нѣтъ здѣсь. Цѣлую тебя отъ всего моего сердца. В. П.

Въ письмѣ отъ 23 Мая 1834 г. къ сестрѣ своей Екатеринѣ Сергѣевнѣ, въ отвѣтъ на желаніе ее навѣстить его въ Бобруйскѣ, Поровъ пишетъ, что, должно быть, нѣтъ никакой надежды скоро видѣть его свободнымъ, если рѣшается она на такой долгій и трудный путь *); если даже разрѣшать это свиданіе, это будетъ въ присутствіи «алгвазила», что и прибавитъ при прощаніи лишнюю слезу и униженіе, которое ты должна будешь перенести и мнѣ доставить лишнее страданіе; какой же практическій результатъ будетъ этой прогулки? Видно, на скорое освобожденіе надежды нѣтъ. У меня достаточно характера, чтобы переносить съ твердостью мою роковую судьбу. Только смерть можетъ прекратить ее. Я счастливъ былъ бы, если пришлось бы умереть, все равно полковникомъ или солдатомъ на полѣ чести, если не для блага отечества, то пусть во славу нашего оружія на Кавказѣ, тамъ, гдѣ каждый день дерутся и гдѣ кончаютъ тѣмъ, что тамъ и остаются. Тамъ, въ разгарѣ боя, я вспомнилъ бы лучшіе мои дни и, умирая подъ ударами горцевъ, никто бы мнѣ не запретилъ назвать дорогое имя той, которая одна могла бы сдѣлать мое счастье и съ которой раздѣлила меня злая судьба. Если же меня еще нѣсколько лѣтъ будутъ здѣсь держать: или я умру съ тоски, или совсѣмъ одурѣю.

*

Изъ письма отъ 24 Іюня 1834 года.

Я не узнаю себя. Бываютъ минуты, что я плачу, вспоминая, что и мнѣ предстояла такая же счастливая будущность какъ вамъ; но я былъ въ какомъ-то чаду, считая семейную жизнь слишкомъ прозаичной. Даже теперь, въ 41 годъ, что-то шепчетъ мнѣ, что настоящее мѣсто мое въ ущельяхъ Кавказа; снятся мнѣ часто набѣги горцевъ, гулъ потока... Боже, дай такую могилу моимъ костямъ!

*

Бобруйскъ, 9 Декабря 1834 года.

До сего времени, другъ мой, у насъ зима не установилась; а потому я боюсь тебѣ совѣтовать предпринять путешествіе такое долгое, какое тебѣ никогда не случалось, а брать съ собой кого либо изъ дѣтей, это былъ бы большой рискъ, и я предпочитаю отложить на нѣсколько лѣтъ счастье видѣться съ тобой, чѣмъ ожидать новыхъ какихъ-либо бѣдъ. Но Петръ, если ничего его не задерживаетъ, могъ быть бы для меня очень полезенъ. Если изъ дружбы ко мнѣ онъ сдѣлаетъ эту поѣздку, я очень просилъ бы его выѣхать отъ себя въ Январѣ, такъ какъ письмо это дойдетъ до васъ только черезъ три не-

*) Въ то время семья Поливановыхъ жила въ имѣніи Екатерины Сергѣевны, Костромской губерніи Варнавинскаго уѣзда, въ с. Высокомъ.

дѣли. Ѣхать конечно надо на Владиміръ и Москву. Въ Москвѣ остановиться на нѣсколько времени, чтобы взять у отца мои деньги; надо начать съ того, чтобы онъ прислалъ съ нимъ 1800 рублей сер., сумму, которую онъ высылаетъ мнѣ ежегодно. Мнѣ необходима она вся, чтобы расплатиться съ долгами и сдѣлать распоряженія на предстоящій годъ. Затѣмъ прошу матушку прислать мнѣ бѣлья, такъ какъ у меня часто воруютъ его, чернаго и сѣраго сукна, нѣсколько новыхъ романовъ: W. Scott, Victor Hugo, Pellet, Histoire de la campagne de 1809, и еще кое-что по твоему выбору; хотѣлъ бы я имѣть Плутарха, но переводъ Amiot устарѣлъ; нѣтъ ли поновѣе? Когда Петръ будетъ въ Москвѣ, прошу его справиться, напечатаны ли мои записки о походахъ 1812—1813 годовъ. Если уже напечатаны, то пусть онъ привезетъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ. Изъ Москвы ѣхать ему на Смоленскъ, Могилевъ, въ Рогачевъ; тамъ ему скажутъ, какъ проѣхать въ Заболотье, имѣніе Турчаниновой. Онъ поблагодаритъ ее за доброе вниманіе ея ко мнѣ. Оттуда поѣдетъ въ Бобруйскъ; тамъ (если онъ поѣдетъ одинъ) остановится въ «Зеленомъ Трактирѣ», въ предмѣстьи: тамъ онъ ни слова не будетъ говорить про меня съ кѣмъ бы то ни было, попроситъ лишь указать ему, гдѣ «Красный Заводъ» и домъ господина Мерля. Только тамъ онъ можетъ спросить свободно, чтобы указали ему мою квартиру. Когда я его обниму, я сообщу ему все, что́ до меня касается. Вотъ какъ надо дѣйствовать. Мнѣ нечего говорить тебѣ, дорогая сестра Катенька, какъ бы я былъ счастливъ видѣть тебя вмѣстѣ съ Петромъ въ здравіи и обнять васъ послѣ 8-лѣтнихъ смертельныхъ страданій въ жестокой разлукѣ. Но когда я представлю себѣ твою непривычку къ долгимъ дорогамъ, несносную тошноту въ дорогѣ (помнишь, какъ ты не могла переносить дороги отъ Надеждина въ Москву), когда я представлю себѣ, сколько безпокойства тебѣ будетъ въ разлукѣ съ дѣтьми, если не оставишь ихъ у матушки, когда я представлю себѣ минуты нашего разставанія, быть можетъ, на всю жизнь, послѣ мимолетнаго счастья—свиданія! Ты, бывши свидѣтельницей моихъ страданій, если трудно будетъ тебѣ вспоминать о бѣдномъ братѣ, котораго оставишь въ заточеніи, за то будешь имѣть отраду увидать опять дѣтей, которыя сгладятъ горе! Но вспомни обо мнѣ: какое мученіе опять оставаться одному, совершенно одному, послѣ столькихъ лѣтъ мученія, видѣть одинъ мигъ и разстаться навсегда. Нѣтъ, не пріѣзжай! Пусть одинъ Петръ пріѣдетъ. Къ нему у меня не менѣе дружбы, но мы никогда не жили вмѣстѣ, поэтому разставаться легче; онъ оставитъ несчастнаго брата, чтобъ свидѣться съ любящими женой и дѣтьми; я, оставшись одинъ, буду утѣшаться твоимъ счастьемъ свиданія съ мужемъ.

Однимъ словомъ, я хочу, чтобъ ты видѣла меня свободнымъ, или чтобъ ты только пришла поплакать надъ моей могилой. Прощайте, мои добрые друзья. Есть другая жизнь, другой царь, другое отечество!

*

Бобруйскъ, 5-го Января 1835 года.

Могу ли, наконецъ, надѣяться въ этомъ году, послѣ столькихъ страданій, возвратиться въ лоно своего семейства, послѣ такихъ бурь насладиться наконецъ нѣкоторымъ спокойствіемъ? Письмо ваше отъ 8-го Декабря я получилъ на дняхъ; изъ него я узналъ, что если будете здоровы, то окончательно рѣшились съѣздить ко мнѣ. Я могу только Бога просить, чтобы онъ сохранилъ вамъ здоровье, которое для меня дороже своего. Спрашиваете, какія вещи мнѣ надо; во 1-хъ, денегъ 1800 рублей, надо мнѣ отдѣлаться отъ долга и сдѣлать мое распоряженіе на слѣдующій годъ, бѣлья, сукна сѣраго для шинели и чернаго для полнаго одѣянія и изданіе стереотипное Corneille, Racine, Pellet. Campagne de 1809; Fain, Manuscrit de 1813 (другіе годы я имѣю), по вашему выбору новые романы какіе нибудь, лексиконъ Ольдекопа, карманный, который я долженъ г-ну Merle, Плутарха и нѣсколько экземпляровъ сочиненія вашего друга Василія, который не знаетъ, какимъ образомъ не приложена карта отъ Москвы до Рейна, ни плана сраженія подъ Кульмомъ. Однако братъ Абрамъ меня увѣрилъ, что оставилъ денегъ необходимыхъ для ихъ исполненія. Очень естественно, что изданіе подобное моему должно быть дополнено генеральной картой.

Проѣздомъ чрезъ Москву, прошу васъ, не забудьте сказать матушкѣ, что прошу ее прислать сколько нибудь денегъ, дюжину бѣлья изъ тонкаго полотна и по выбору Александра книгъ изъ Русской поэзіи. Все это для моего товарища по несчастью Дивова, который 8 лѣтъ уже въ заперти со мной, но не имѣетъ счастья, какъ я, имѣть такихъ добрыхъ родныхъ. Матушка уже однажды послала ему 300 рубл.; этотъ разъ я не хотѣлъ бы, чтобъ онъ зналъ, что это отъ нея. Сказать, что одна изъ его родственницъ въ Москвѣ просила переслать ему. Подорожную не мѣшало бы взять *не на Бобруйскъ*, а куда нибудь въ Плоцкъ: это будетъ осторожнѣе. Вообще объ этой поѣздкѣ не говорите; даже лучше взять подорожную въ Могилевъ; тамъ наймете лошадей въ имѣніе г-жи Турчаниновой. Въ Могилевѣ справьтесь о мѣстечкѣ Бѣленицы, посѣтите тамъ часовню, въ которой находится икона, почитаемая чудотворной; прошлую зиму г-жа Merle была такъ добра, что отслужила молебенъ о моемъ освобожденіи; вѣрно вы помолитесь тамъ усердно обо мнѣ. Вашъ путь изъ Москвы будетъ лежать по тѣмъ самымъ мѣстамъ, которыя мы прошли въ 1812 году. Остановитесь у церкви села Бородина и помолитесь о тѣхъ героихъ всѣхъ націй, которые пали на этихъ поляхъ и о нашемъ миломъ путешественникѣ, который имѣлъ счастіе оставить тутъ свою ногу. Вообразите, что въ это самое время, когда вы здѣсь молитесь, онъ у гроба Господня молится о насъ. Сколько воспоминаній! Какое совпаденіе! Въ то время какъ юный ветеранъ приноситъ горячія молитвы за несчастнаго брата въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось наше искупленіе, его сестра испрашиваетъ милости у Всемогущаго на полѣ битвы, орошенномъ кровью ея брата и прославленномъ геройствомъ воиновъ всей Европы. Нѣсколько дальше вы поѣдете по пути другого брата, который въ туже эпоху со славой

бился за тоже. Когда пройдете Смоленскъ и Красное, въ 3-хъ верстахъ отъ этого послѣдняго доѣдете до деревни Доброе, остановитесь на минуту и вспомните о вашемъ другѣ Васильѣ: тутъ у небольшого мостика въ овражкѣ, почти въ деревнѣ, со стрѣлками бросился я въ штыки на батальонъ 108-го полка Французовъ, и тамъ былъ убитъ храбрый нашъ полковникъ графъ Грабовскій. Помолитесь за упокой его души. Онъ былъ мой начальникъ и другъ. Нѣсколько верстъ дальше вспомните о моемъ большомъ другѣ Наполеонѣ, которому мы не дали времени кончить свой завтракъ на другой день сраженія. Когда вы будете около деревни Доброе, за неимѣніемъ лавровъ сорвите, прошу васъ, какую нибудь вѣтку въ этомъ мѣстѣ и привезите мнѣ на память. Видишь, мой другъ, что въ теченіе всего путешествія твоего шагу не сдѣлаешь безъ того, чтобы не вспомнить своихъ братьевъ. Молю Бога послать мнѣ скорѣе радость возможно скорѣе обнять тебя; пока остановись у Марьи Ивановны (Турчаниновой), а Петръ пусть пріѣдетъ предупредить меня, потому что я трудно переношу радость. По коротко будетъ наше свиданіе, придется опять разставаться и, можетъ быть, на всю жизнь; но надо надѣяться, что Богъ сжалится надъ нашими несчастіями.

Пріѣхавъ сюда, мои друзья, первая ваша обязанность будетъ поблагодарить нашихъ почтенныхъ *Merle* и высказать имъ признательность отъ всего нашего семейства за любезное вниманіе, которое они имѣли ко мнѣ въ теченіе почти трехъ лѣтъ и хотя съ нѣкотораго времени между нами замѣтна холодность, тѣмъ не менѣе ваша обязанность засвидѣтельствовать имъ нашу благодарность за предшествующее ихъ вниманіе ко мнѣ. Но остерегитесь утруждать ихъ какими либо новыми просьбами; это было бы униженіе, потому что съ тѣхъ поръ, какъ они перестали относиться ко мнѣ по европейски, надо оставить ихъ въ покоѣ. Однако я васъ увѣряю, что меня очень огорчитъ оставлять ихъ и, хотя я проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства, я отъ души сохраню до смерти самую живую къ нимъ привязанность вы знаете, что когда человѣкъ начальствуетъ, надо ему посвящать должное отношеніе.

Послѣ нихъ я вамъ рекомендую плацъ-майора, человѣка не менѣе уважаемаго, высокаго образованія и лучшаго направленія; я скажу вамъ тоже о капитанѣ Сипе́, человѣкѣ прекраснаго характера и которому я обязанъ столько же, сколько и Merle.

Прошу Петра найти мнѣ портретъ Ермолова. Превезите мнѣ планы, книги Жомини, брошюру въ темно-зеленомъ переплетѣ и путешествіе Авраама.

*

Сестра Норова, Е. С. Поливанова съ мужемъ и двоюродной сестрой Варварой Ивановной Кошелевой*) надумали ѣхать въ Бобруйскъ на свиданіе съ братомъ. Василій Сергѣевичъ радостно отозвался на такое сердечное ихъ желаніе, но затѣмъ самъ же отказался отъ счастья ихъ видѣть, въ виду тѣхъ стѣсненій, которыми было об-

*) Отецъ ея Иванъ Михайловичъ Кошелевъ, братъ Татьяны Михайловны Норовой.

ставлено свиданіе съ родственниками, и просилъ лишь свиданія съ мужемъ своей сестры, Петромъ Николаевичемъ Поливановымъ, который и выѣхалъ въ концѣ Февраля изъ с. Высокаго (Костромской губ. Варнавинскаго уѣзда), гдѣ въ то время жила семья Поливановыхъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ узналъ, что состоялось повелѣніе объ освобожденіи отъ крѣпостныхъ работъ Василія Сергѣевича и объ отсылкѣ его рядовымъ на Кавказъ.

Посѣщеніе Петра Николаевича и радостная вѣсть, которую онъ привезъ, оживили Василія Сергѣевича; онъ какъ будто забылъ все, что имъ пережито было въ эти десять лѣтъ. П. Н. Поливановъ пробылъ въ Бобруйскѣ до выѣзда Василія Сергѣевича на Кавказъ.

Далѣе приводимъ письма Норова изъ Закавказья.

Кутаисъ, 15-го Апрѣля 1835 г.

Здравствуйте, дорогіе друзья мои! Христосъ Воскресъ! Какъ человѣкъ не предусмотрителенъ и какъ судьба играетъ расчетами людей! Давно ли мы вмѣстѣ разсуждали, мой уважаемый Петръ, въ Бобруйскѣ? А сегодня вотъ я въ Азіи, въ столицѣ Имеретіи, на берегахъ Фазиса, называемаго теперь Ріонъ. Мое путешествіе было бы пріятнымъ при другихъ обстоятельствахъ и если бы въ спутники я не имѣлъ человѣка столь непріятнаго какъ тотъ, котораго мнѣ дали; но, къ счастію, я отъ него избавился и путешествую верхомъ съ однимъ или двумя казаками.

До береговъ Дона я ничего не встрѣтилъ замѣчательнаго на пути, какъ только въ Зеньковѣ, маленькомъ городѣ Полтавской губерніи, гдѣ я былъ принятъ со всевозможнымъ радушіемъ старымъ военнымъ г. Булычевымъ; у него прелестная дочь, очень любезная, которая отнеслась ко мнѣ съ полнымъ вниманіемъ. При переѣздѣ Дона въ Аксаѣ я вспомнилъ о нашемъ Хопрѣ, который вливаетъ свои воды въ эту рѣку. Со слезами на глазахъ при этомъ воспоминаніи я выпилъ стаканъ воды на паромѣ. Начиная съ этого мѣста до Ставрополя, я проѣхалъ по громаднымъ равнинамъ кочующихъ Калмыковъ. Отъ Александрова до Кавказа я сдѣлалъ путь военнымъ порядкомъ, т. е. съ конвоемъ, состоящимъ изъ отряда пѣхоты, казаковъ и одного орудія съ зажженнымъ фитилемъ. Это здѣсь-то Черкесы обыкновенно дѣлаютъ свои набѣги.

Каждый день я видѣлъ огни въ ихъ аулахъ; но нигдѣ они насъ не атаковали, быть можетъ потому, что мы были хорошо приготовлены для ихъ встрѣчи. Во Владикавказѣ, въ отвратительномъ городишкѣ, начинается горная Кавказская дорога. Переѣздъ самый трудный это у Казбека, вершина котораго теряется въ облакахъ. Отъ Коби до Кайшаура я проѣхалъ верхомъ по тропинкѣ въ три шага ширины; надо мной угрожающія скалы, покрытыя вѣчнымъ льдомъ, а

внизу подъ ногами моей лошади страшная пропасть въ триста саженей глубины. На протяженіи шестнадцати верстъ надо ѣхать по такому милому мѣсту; нѣсколько разъ моя лошадь вязла въ снѣгу, и я долженъ былъ слѣзать, чтобы ее вытащить. Нѣсколько часовъ передъ моимъ проѣздомъ 12 человѣкъ были увлечены снѣжнымъ обваломъ. Проѣздомъ я видѣлъ трупы этихъ несчастныхъ. Наконецъ усталый доѣхалъ я до Тифлиса 7-го Апрѣля въ первый день Пасхи.

Мнѣ предоставленъ былъ трехдневный отдыхъ. Сѣрныя ванны и другія средства мнѣ принесли нѣкоторую пользу. И вотъ теперь я въ Кутаисѣ, сдѣлавъ болѣе ста верстъ верхомъ. Проѣхалъ я Сурамъ и Багдадъ; остается мнѣ еще болѣе 200 верстъ до Бомборъ на берегу Чернаго моря. Тамъ собирается нашъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Ахлестышева, который и здѣсь меня принялъ очень хорошо. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ достойный человѣкъ. Чтобъ облегчить мой путь, онъ посылаетъ приказъ въ *Редутъ-Кале*, куда придется мнѣ отправиться моремъ, сдѣлавъ болѣе ста верстъ, что̀ избавитъ меня отъ усталости и сократитъ расходъ.

Изъ Бомборъ мы пойдемъ на Горцевъ въ Абхазію съ 4 батальонами пѣхоты, 800 казаками, 6 орудій; чрезъ нѣсколько дней начнется экспедиція. Прощайте, мои друзья, въ особенности Петръ; будь увѣренъ, что до послѣдней минуты моей жизни я буду помнить, что̀ ты для меня сдѣлалъ. Пишите мнѣ такъ: въ Главный Штабъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ г. Тифлисъ г. дежурному штабъ-офицеру полковнику и кавалеру Петрову, а васъ прошу покорнѣйше доставить 6-го Линейнаго Черноморскаго батальона рядовому Василію Норову въ *Абхазію.*

*

Бомборы въ Абхазіи, 1 Сентября 1835.

Начну съ того, что я, слава Богу, совершенно здоровъ, не смотря на климатъ, который здѣсь ужасенъ. Если хотите имѣть понятіе о немъ, прочтите экспедицію Французовъ въ С. Доминго, гдѣ желтая горячка въ три мѣсяца уничтожила всю армію: тоже и здѣсь. Мы, къ несчастію, имѣемъ шестьсотъ человѣкъ больныхъ; половина изъ нихъ уже умирающіе въ проклятомъ мѣстѣ, куда мы заброшены. Не смотря на то, я справляюсь съ своими обязанностями, какъ нельзя лучше. Во-первыхъ, это лучшій способъ скорѣе вернуться къ вамъ, а потомъ и потому, что воевать отъ времени до времени, это въ моемъ вкусѣ. Но здѣсь врагъ повсюду; онъ обыкновенно скрытъ или въ густомъ лѣсу, или за скалами, и большею частію убитъ или раненъ не видавшій врага. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я былъ въ двухъ дѣлахъ съ Черкесами; послѣдній разъ было довольно серьезное, это было 10 Іюня близъ мыса Адлера. Этотъ день раннимъ утромъ, въ количествѣ двухъ тысячъ человѣкъ, они сдѣлали отчаянную атаку на выдвинутый нашъ аванпостъ въ Гагрѣ; но они были отражены съ большимъ урономъ и хотя у нихъ въ обычаѣ уносить мертвыя тѣла, но мы нашли большое

число ихъ по дорогѣ, по которой они отступали. Въ тотъ же день въ полдень мы атаковали ихъ съ моря и уничтожили ихъ укрѣпленія и ихъ суда. Я былъ въ этой экспедиціи, въ которой мы потеряли двухъ человѣкъ убитыми и двѣнадцать или пятнадцать ранеными. Баркасъ, на которомъ я былъ, былъ пронизанъ ихъ пулями; если бы калиберъ ихъ пуль былъ такой же, какъ наши, т. е. немного больше, нѣтъ сомнѣнія, что вашъ другъ Василій былъ бы теперь на днѣ моря. Генералъ, командующій нашимъ отрядомъ, представилъ меня къ Георгіевскому кресту *). Но понимаете, что единственная награда, которая мнѣ была бы пріятна, это мое возвращеніе домой. Богъ знаетъ, когда мы увидимся! Я удаляюсь отъ васъ все болѣе и болѣе. Вотъ я теперь въ Азіи. Болѣе 3000 верстъ отдѣляютъ меня отъ васъ. Если бы я могъ предвидѣть въ Бобруйскѣ, что меня переведутъ сюда, безъ сомнѣнія, я не остановилъ бы твоего путешествія, дорогая сестра Катенька, такъ какъ, по всему вѣроятію, мы больше не увидимся, по крайней мѣрѣ въ этомъ мірѣ. Обнимаю твоихъ дѣтей; прошу, помолитесь за меня.

Знайте, что письма матушки до меня доходятъ черезъ четыре мѣсяца; деньги, которыя она мнѣ послала въ Апрѣлѣ, получилъ я въ концѣ прошлаго Августа мѣсяца. Господи! Гдѣ же находится теперь нашъ Абрамъ? Да сохранитъ его Господь? Знаете ли, что теперь въ Каирѣ чума? Она часто посѣщаетъ и Абхазію, гдѣ теперь я имѣю счастье находиться. Впрочемъ, если бы не климатъ и не любезные туземцы (которыхъ подобіе вы можете найти у дикарей, въ романѣ Купера «Американскіе Пуритане»), страна здѣсь интересная: вообразите себѣ пальмовые лѣса, кактусы, лимонныя деревья, леопарды, гіены, шакалы и проч.

*

Лагерь близъ Бомборъ въ Абхазіи, 7 Сентября 1835 года.

Нѣсколько дней тому назадъ отправилъ я вамъ мое письмо, прямо къ вамъ; сегодня же въ 10 часовъ утра ваше письмо отъ 3 Іюля тяжко поразило мое сердце, и безъ того терзаемое грустью. Хотя окруженъ смертью и умирающими, неожиданная печальная новость о потерѣ нашего ангела Дунички поразила меня ударомъ, который чувствовать буду всю мою жизнь. Эта печальная новость поразила меня, какъ и все неожиданное. Я упалъ передъ иконой Спасителя, писанной покойной сестрой, которую мы только что потеряли, и пролилъ слезы, которыя меня облегчили. Религія, философія, природа, здравый смыслъ, мое настоящее положеніе среди постоянныхъ опасностей, ужасный климатъ Азіи, который у насъ убиваетъ до 50 человѣкъ въ мѣсяцъ, первые два года моей юности, проведенные въ сорока сраженіяхъ и битвахъ, наконецъ воспоминаніе о сценахъ, прошедшихъ передъ моими глазами, меня давно сроднили со смертію; но я вижу, что

*) Д. Д. Ахлестышевъ позднѣе былъ губернаторомъ въ Одессѣ и говорилъ сестрѣ В. С. Норова Е. С. Поливановой: „И я и главнокомандующій баронъ Розенъ, во время экспедицій часто пользовались совѣтами вашего брата Василія Сергѣевича. Во многихъ случаяхъ онъ замѣнялъ намъ офицера Генеральнаго Штаба его рекогносцировки всегда отличались точностью“.

до сихъ поръ я научился ею пренебрегать только для себя. Вотъ при первой тяжкой потерѣ я чувствую себя совершенно взволнованнымъ, и я боюсь, что эта вскорѣ будетъ предшествовать другой, которая повергнетъ въ отчаяніе все наше семейство. Матушка, наша дорогая матушка, если она еще жива,—можетъ ли она устоять передъ всѣми страданіями? Но милость Божія безконечна, и мы должны надѣяться на Его милосердіе.

Пришли поскорѣе мнѣ какое нибудь воспоминаніе о Дуничкѣ, платочекъ или что̀ нибудь, что она носила въ послѣдніе ея дни: я буду носить съ собой. 10 Іюня, во время сраженія у мыса Адлера, на мнѣ былъ маленькій платочекъ Танички, и не оставлялъ онъ меня во время наступленія нашего на Черкесовъ. Не можете вообразить себѣ, какую цѣну имѣютъ эти маленькія воспоминанія въ разлукѣ. Конечно, вы не менѣе меня были огорчены; но вы окружены друзьями, близкими, и я уже давно отброшенъ судьбой въ далекое пространство, гдѣ я живу между равнодушныхъ, дикихъ,—днемъ на пеклѣ жаркаго солнца, ночью въ сыромъ туманѣ. Каждый день я возношу усердныя молитвы къ Всемогущему о возвращеніи меня подъ родительскій кровъ: но я не знаю, могу ли я надѣяться когда нибудь обнять васъ и умереть спокойно. Но пусть будетъ не наша, а Божья воля! Все-таки просить можно; моя просьба: лишь бы мнѣ не пережить смерти одного изъ оставшихся шести членовъ нашего семейства. Моя же не столь можетъ быть тяжка, такъ какъ столько лѣтъ уже я оторванъ отъ семьи. Я уже давно какъ бы на томъ свѣтѣ, но никто не придетъ плакать на моей могилѣ, потому что она останется неизвѣстной среди дикихъ ауловъ, или на глубинѣ пропастей или моря. Но есть другая жизнь, друзья мои; тамъ мы всѣ увидимся.

Отъ нашихъ огорченій, мой другъ Петръ, перейду къ твоему недоразумѣнію, которое такъ удивило тебя, что на пути моемъ лежали Багдадъ и Сурамъ. Первый, это дрянной городишка, весь въ развалинахъ, въ 45 верстахъ отъ Тифлиса, который имѣетъ честь носить тоже имя съ древней столицей Калифовъ на Тигрѣ; а этотъ, чрезъ который я ѣхалъ, на р. Ріонѣ, знаменитомъ въ древности Фазисѣ. Чрезъ Ріонъ я переѣхалъ, чтобъ попасть въ Абхазію. Если у тебя хорошая карта, она объяснитъ тебѣ.

*

Въ 1838 году Государь Императоръ, во вниманіе къ прошенію престарѣлаго отца, высочайше повелѣть соизволилъ уволить Норова отъ службы, что̀ и послѣдовало того же года въ Маѣ мѣсяцѣ.

Можно себѣ вообразить, какая была радость Татьяны Михайловны, когда въ половинѣ Іюля въ Надеждинѣ ей доложили, что «пріѣхалъ дорогой гость». Она была у себя въ спальнѣ наверху и встала съ кресель. «Васенька!» вскрикнула она; но ноги ей измѣнили; ее на рукахъ снесли внизъ, она обняла своего сына и зарыдала отъ радости. Тутъ были: отецъ его, сестра съ дѣтьми и два брата, Александръ и Дмитрій.

Еще за годъ до пріѣзда Василія Сергѣевича въ Надеждино, около парка былъ выстроенъ флигель подъ названіемъ: «флигель Василія Сергѣевича». Когда поселился въ немъ его хозяинъ, онъ принялъ совершенно особенный характеръ отъ всѣхъ Надеждинскихъ жилыхъ помѣщеній: низкіе, мягкіе диваны, покрытые коврами, длинный столъ, на которомъ расположены были книги, карты, шкафъ съ книгами; на стѣнахъ впослѣдствіи явилась колекція Вернетовскихъ гравюръ Наполеоновскихъ войнъ; въ сосѣдней небольшой комнатѣ на коврѣ висѣли Кавказское оружіе, сѣдло съ серебрянымъ уборомъ и пр.

Василій Сергѣевичъ цѣлые дни не разлучался съ своею матерью. Бывало, въ саду и по аллеѣ парка каталъ онъ ее въ креслахъ съ колесами; любила она цвѣты, и онъ, по ея указанію, ухаживалъ за розами, пересаживалъ, подвязывалъ кусты, обрѣзалъ сухія вѣтки, у Кондыревскаго пруда посадилъ дубокъ, а другой за верхнимъ прудомъ. Предвидя, что дни ея уже сочтены, онъ уходилъ изъ дома во флигель тогда лишь, когда Татьяна Михайловна отправлялась спать. Въ своемъ флигелѣ просиживалъ онъ вечера̀ съ сестрой, ея дѣтьми и братьями. Разсказы его про Кавказъ увлекали всѣхъ: онъ такъ живо умѣлъ охарактеризовать природу Кавказа, горцевъ, морскія плаванія. Дѣти съ восторгомъ слушали его и разглядывали его рисунки. И самъ онъ расправшивалъ про всѣхъ и обо всемъ и вспоминалъ свою сестру Дунечку.

Послѣ кончины матери своей (23 Ноября 1838) Норовъ старался какъ можно меньше времени оставаться въ Надеждинѣ. Его возмущалъ видъ многочисленной дворни: лакеевъ, камердинеровъ, выѣздныхъ, казачковъ и пр., толпившихся въ переднихъ, а во время обѣда стоявшихъ за стульями въ синихъ фракахъ, со свѣтлыми пуговицами и въ бѣлыхъ галстукахъ.

Не любилъ онъ обѣдать въ большомъ домѣ: обѣдъ всегда продолжался долго; отъ нетерпѣнія онъ начиналъ подергиваться и крутить усы, а когда при отцѣ высказывалъ свои убѣжденія, то Сергѣй Александровичъ укорялъ его, говоря: «брось, Васенька, свое вольнодумство; все у тебя въ головѣ ложная филантропія и либеральныя идеи». Бывало, Василій Сергѣевичъ говорилъ своей сестрѣ: «не могу я выносить Надеждинскаго житья; на каждомъ шагу тамъ *шклаверы* (esclaves); отпустилъ бы ихъ отецъ къ своимъ семьямъ, зачѣмъ ему столько людей? Устрой мнѣ въ Татьянинѣ маленькій домикъ; я буду пріѣзжать къ тебѣ». Съ большимъ, бывало, удовольствіемъ онъ, придя къ себѣ во флигель, крикнетъ: «Сенька, сѣдлай лошадей: поѣдемъ въ Татьянино къ сестрѣ». Не смотря ни на какую погоду, онъ очень любилъ дѣлать

поѣздку верхомъ въ буркѣ и башлыкѣ, во время грозы, часто въ проливной дождикъ.

Въ Татьянинѣ онъ былъ совсѣмъ по себѣ, игралъ съ дѣтьми, пріучалъ ихъ ѣздить верхомъ, или, бывало, укатитъ съ двумя старшими въ Тарусово къ Корсаковымъ. Въ Татьянинскомъ саду подъ его руководствомъ устроена была земляная крѣпость, и часто, когда пріѣзжали дѣти Корсаковы, то взвивался крѣпостной флагъ на бастіонѣ, и штурмъ начинался. Зимой эти военныя игры, подъ руководствомъ Норова, были особенно оживлены.

Любилъ В. С. Норовъ проводить время въ почтенномъ семействѣ Корсаковыхъ. Семенъ Николаевичъ и Софья Николаевна Корсаковы имѣли шесть сыновей и трехъ дочерей *). Они всецѣло отдались воспитанію своихъ дѣтей и устройствомъ своего имѣнія. Семенъ Николаевичъ много занимался гомеопатіей; за неимѣніемъ въ то время докторовъ (въ Дмитровскомъ уѣздѣ одинъ былъ врачъ, Иванъ Константиновичъ Теряевъ), вся округа обращалась къ Семену Николаевичу за врачебной помощью; кромѣ того онъ дѣлалъ ежедневныя метеорологическія наблюденія, занимался дагеротипомъ и съемкой силуэтовъ, большая коллекція которыхъ сохранилась и до сего времени въ Тарусовѣ. Тамъ же была хорошая библіотека и получалось все новое и лучшее, что̀ выходило изъ печати въ Россіи и нѣсколько иностранныхъ журналовъ. Когда сыновья Корсаковы пріѣзжали изъ Петербурга на Рождественскія вакансіи, въ Тарусовѣ устраивались дѣтскіе театры, Русскіе и Французскіе. Норовъ и братъ его Димитрій принимали живое участіе въ этомъ. Димитрій Сергѣевичъ былъ всегдашнимъ режиссёромъ.

Кромѣ семейства Корсаковыхъ Норовъ бывалъ въ семьяхъ Савеловыхъ въ Новомъ Селѣ и у Гарднеровъ въ Вербилкахъ. Въ обѣихъ этихъ семьяхъ были молодые люди и дѣти. Норовъ любилъ бывать въ обществѣ молодежи; тутъ, среди дѣтей и юношей, обрисовывались высокія качества открытаго и прямого его характера. Въ юношахъ онъ видѣлъ будущихъ полезныхъ слугъ отечеству и готовыхъ жертвовать собой на пользу и славу родины.

Вскорѣ послѣ кончины Татьяны Михайловны онъ исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе провести сначала два лѣта въ Ревелѣ, а потомъ

---

*) *Николай*, д. с. с. земскій дѣятель; *Сергѣй*, д. с. с. инженеръ; *Михаилъ* генер.-губернаторъ Восточной Сибири, членъ Госуд. Совѣта; *Александръ* полковникъ флигель-адъютантъ; *Владиміръ* уѣздный предвод. дворянства; *Алексѣй* мировой судья; *Вѣра* за Ганенфельдомъ, *Наталья* за П. А. Бакунинымъ, *Анна* за Вельяминовымъ-Зерновымъ, нынѣ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа.

и совсѣмъ переселился въ Ревель, чтобы пользоваться морскими купаньями для возстановленія своего здоровья.

Первое письмо Василія Сергѣевича изъ Ревеля было отъ 29 Іюня 1839 года.

..... Пріѣхалъ я сюда въ добромъ здоровьѣ 23 Іюня. Подъ Петербургомъ я имѣлъ свиданіе съ братомъ Абрамомъ, который лучшій братъ въ свѣтѣ.... Потомъ между Ямбургомъ и Нарвой рессора моей коляски поломалась, что́ заставило меня потерять цѣлый день и заплатить 40 р. асс. Здѣсь въ Ревелѣ я былъ очень хорошо принятъ всѣми. Квартиру я нанялъ очень удобную. До сихъ поръ я посѣщаю лишь три дома: Грессера жандармскаго полковника, Рашета, друга и товарища моего брата, и домъ его тещи. Все прекрасные люди и дамы, и мужчины. Грессеръ служилъ въ Преображенскомъ полку и былъ со мной подъ Кульмомъ; здѣсь же графъ Штакельбергъ, который былъ со мной на Кавказѣ подъ Адлеромъ. Здѣсь меня знаютъ. Купаюсь въ морѣ, въ часъ дня и передъ закатомъ солнца. До сихъ поръ температура воды + 11°.

Адресъ мой: въ Ревель на Нарвской улицѣ близъ Екатеринталя, въ домѣ купца Епинатьева. Я уже писалъ къ отцу; попросите и вы, чтобы онъ разрѣшилъ сдѣлать пристройку къ моему флигелю; а васъ прошу, мои друзья, устройте для меня въ Татьянинѣ убѣжище на случай *бури*.

*

Ревель, 7 Іюля 1839.

.... Здоровье мое возстановилось, я чувствую себя очень хорошо. воды Балтики и особенно воздухъ Европы мнѣ въ пользу.

Знай, милая сестра, что меня здѣсь любятъ почти такъ же, какъ ты любила меня, когда насъ раздѣляли Эльбрусъ и Казбекъ. Наконецъ я нашелъ уголокъ въ Европейской Россіи, гдѣ меня знаютъ больше, чѣмъ вы, въ вашихъ варварскихъ болотахъ, которыя полезны развѣ только для охоты за дупелями и для этой чертовой травы какой-то, о которой у однихъ вашихъ сосѣдей говорили цѣлый обѣдъ и мнѣ надоѣли *). Здѣсь же мы говоримъ о Наваринѣ, о пароходахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, а подчасъ и о Чухонскомъ маслѣ и о картофелѣ. Прощайте, meine liebe Schwesterchen и Bruderchen. Передайте мое глубокое почтеніе нашимъ дорогимъ и несравненнымъ Корсаковымъ; скажите имъ, что я смотрю на ихъ Тарусово, какъ на свѣточь среди полнаго мрака, какъ на прекрасный оазисъ среди дикой пустыни; скажите, что я ихъ уважаю и люблю всѣмъ сердцемъ.

Бѣдный Мерль умеръ; его жена поѣхала въ Петербургъ къ ея матери и пріѣдетъ сюда въ Ревель, какъ мнѣ говорятъ.

---

*) Въ городѣ Дмитровѣ (близъ котораго находится село Надеждино), былъ тогда дворянскій клубъ. Однажды Норовъ поѣхалъ туда съ своимъ зятемъ Поливановымъ. Не смотря на то, что на Норовѣ былъ его Кульмскій крестъ, городничій попросилъ его удалиться, такъ какъ онъ лишенъ дворянскаго достоинства.

1 Декабря 1839 г. Ревель.

.... Постройка для меня въ Татьянинѣ флигелька должна быть маленькимъ секретомъ между нами. Боюсь, чтобъ отецъ не подумалъ, что я не хочу жить у него въ Надеждинѣ: это его оскорбитъ. Я очень держусь за Надеждинскую рощу и флигель, который вы такъ хорошо устроили. Когда мнѣ не надоѣдаютъ, мнѣ тамъ очень хорошо въ моемъ совершенномъ уединеніи, въ тѣни, въ прохладѣ; къ тому же 12 верстъ раздѣляютъ насъ, это разстояніе существуетъ какъ нарочно, чтобы поддерживать мое perpetuum mobile. Поѣздки верхомъ или на дрожкахъ, или въ саняхъ, очень мнѣ полезны и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Я прошу тебя, сестра, скажи отцу, что я возвращусь въ Надеждино и очень прошу, весной по просухѣ, оштукатурить стѣны, выкрасить краской: кабинетъ зеленой, спальню свѣтло-голубой, библіотеку желтой. Я намѣренъ меблировать и украсить стѣны боевыми картинами и рисунками по своему выбору и въ Татьянинѣ буду имѣть у васъ маленькій, но веселенькій домикъ; внутреннее расположеніе предоставляю тебѣ: ты знаешь мои потребности. Моя маленькая хижинка должна быть отъ вашего дома и отъ всякаго другого жилья въ двухъ или трехъ стахъ шагахъ. Чтобъ было лишь двѣ комнаты: одна для меня, другая для библіотеки. Очень меня одолжишь, давъ мнѣ у себя уголокъ.

*

8 Января 1840. Ревель.

.... Вѣрьте, мои друзья, я люблю деревню, люблю уединеніе и предпочитаю въ тысячу разъ общество ваше и сосѣдей вашихъ тому, которое я нахожу здѣсь. Я никогда не любилъ большой свѣтъ. Мнѣ надо лѣтомъ тѣнь, что̀ я найду въ вашихъ лѣсахъ, на пчельникѣ; во время зимы огонь, хорошихъ книгъ, трубку, а еще что? Какъ будто и все? Еще мнѣ надо *la liberté*. Въ этомъ отношеніи мнѣ здѣсь хорошо.

*

17 Марта 1840. Ревель.

Я здѣсь повсюду принятъ какъ въ домахъ высшей аристократіи, такъ и въ купеческомъ обществѣ какъ нельзя лучше, даже удрученъ тѣмъ любезнымъ вниманіемъ, которое всѣ мнѣ оказываютъ и особенно приглашеніями на долгіе, нескончаемые обѣды, которые, ты знаешь, я никогда не любилъ. Фракъ меня душитъ, и бываютъ минуты, когда я сожалѣю о нашихъ завтракахъ безъ сюртуковъ на травѣ во время экспедицій на Кавказѣ. Въ теченіи масляницы я былъ на дворянскомъ балѣ въ Actien-club и на маскарадномъ купеческомъ балу въ Canuter-Gilde (это учрежденіе существуетъ со временъ владычества Датчанъ; тутъ много древностей, Абрамъ ихъ описалъ бы; мнѣ же это скучно, къ тому же я не ученый, какъ ты знаешь). Былъ и на купеческомъ балѣ Schwartz-Häupter. Я ожидаю теперь съ первой навигаціей нѣсколько литографій изъ Парижа, которыя я выписалъ: La bataille d'Arcole, La dernière cartouche, Napoléon à Montereau, и другія, Го-

расъ-Вернета, еще изъ книгъ Souworows Leben, Les voyages du duc de Raguse 4 тома.

*

4 Мая 1840. Ревель.

Мое желаніе уѣхать отсюда 1-го Августа, если Богу угодно. Я имѣю позволеніе прожить здѣсь для морского купанія по 1 Сентября. На одну дорогу съ подорожной надо 500 р. асс. а на прожитіе здѣсь я полагаю мнѣ хватитъ 2250 р. асс.

.... Здѣсь гулянья въ Catherinthal и по набережной превосходны. Время очень хорошо, море освободилось ото льда; есть корабли пришедшіе изъ Бразиліи, Малаги, Бремена, Любека. Не смотря на это, я возвращаюсь въ ваши варварскія болота. Но неужели вы вѣрите, что мнѣ въ Чухляндіи, какъ бы она прелестна ни была, лучше нежели посреди васъ?

*

Московскіе доктора совѣтовали сестрѣ Норова Е. С. Поливановой полѣчиться морскими купаньями. При трудностяхъ передвиженія въ тѣ времена (ѣхать одной, безъ дѣтей, было для нея невозможно) мужъ ея Петръ Николаевичъ рѣшился поступить на службу въ одинъ изъ приморскихъ городовъ. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о назначеніи. Въ его отсутствіе въ Татьянинѣ, въ ихъ семьѣ, случилось горе: три дочки въ возрастѣ отъ 1 до 7 года занемогли скарлатиной и въ теченіе трехъ дней всѣ три умерли. Василій Сергѣевичъ все время болѣзни дѣтей былъ изъ Татьянина и тщательно наблюдалъ, чтобъ здоровыя дѣти не имѣли никакого общенія съ больными. Послѣ этого Екатерина Сергѣевна не захотѣла оставаться въ Татьянинѣ и переѣхала въ Надеждино къ отцу, въ такъ называемый «Поливановскій флигель», въ нѣсколькихъ шагахъ отъ флигеля брата своего.

Петръ Николаевичъ Поливановъ былъ назначенъ членомъ Одесской таможни. Весной 1842 года онъ съ старшимъ сыномъ Василіемъ уѣхалъ въ Одессу.

Старикъ Сергѣй Александровичъ былъ очень доволенъ, ласкалъ внучатъ и во все время пребыванія своей дочери въ Надеждинѣ ни разу не ворчалъ на сына за его «либерализмъ и ложную филатропію».

Къ этому времени относится постройка церкви въ с. Надеждинѣ. В. С. Норовъ взялъ на себя наблюденіе за работами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, память своей матери, онъ тщательно наблюдалъ, чтобъ каждая клумба цвѣточная въ саду была также ухожена, какъ это было при Татьянѣ Михайловнѣ, тоже въ грунтовыхъ сараяхъ, въ теплицахъ и оранжереяхъ.

Во всемъ этомъ главной помощницей ему была племянница Таничка Поливанова, дочь Катерины Сергѣевны [1]).

Въ 1843 году Екатерина Сергѣевна съ дѣтьми уѣхала въ Одессу. Для брата ея это было большимъ огорченіемъ, тѣмъ болѣе, что Василій Сергѣевичъ получилъ отказъ на свое прошеніе разрѣшить ему жить въ Одессѣ. Вмѣсто того онъ снова уѣхалъ въ Ревель.

Въ 1844 и 1845 годахъ Василій Сергѣевичъ ѣздилъ въ Саратовскую губернію, въ с. Ключи къ брату своему Александру.

Онъ любилъ свою родину, с. Ключи, любилъ Хоперъ, любилъ его разливъ, его дубраву и сосновую рощицу въ верхнемъ саду, насаженную его матерью. Но степи безпредѣльныя были ему нелюбы, какъ и «алгвазилы», какъ онъ называлъ агентовъ полиціи, неотвязчиво слѣдившихъ за всякой его прогулкой, за всякой его поѣздкой, Эти мелочи его раздражали, и онъ уѣхалъ въ Ревель съ тѣмъ, чтобъ изъ него не выѣзжать.

Сергѣй Александровичъ, незадолго до своей кончины, сталъ ликвидировать свои денежные счеты, и такъ какъ Татьянино было дано Екатеринѣ Сергѣевнѣ сверхъ ея приданаго, то и слѣдовало его оплатить извѣстной суммой, наличнаго же капитала не было. Пришлось его продать. Продали это имѣніе Черкесовымъ, родственникамъ Корсаковыхъ, которые въ это время жили въ Одессѣ [2]).

Продажа Татьянина печально подѣйствовала на В. С. Норова.

Въ 1848 году скончался Сергѣй Александровичъ. При кончинѣ его были Дмитрій Сергѣевичъ съ женой и Василій Сергѣевичъ. Погребенъ онъ въ Николо-Пѣшношскомъ монастырѣ въ придѣлѣ препод. Меѳодія. Послѣ кончины отца своего В. С. Норовъ навсегда оставилъ Надеждино.

*

Вотъ еще два письма его изъ Ревеля, одно къ сестрѣ и ея мужу, а другое къ Корсакову.

---

[1]) Татьяна Петровна род. въ 1829 году, скonч. 1885, замужемъ была за генераломъ лейтенантомъ А. В. Аносовымъ. (Ея переводы „Демона“ на Французскій языкъ и 2 ч. „Фауста“ на Русскій.)

[2]) Семья Черкесовыхъ состояла изъ ген. маіора Н. П. Черкесова, его жены Любови Васильевны, сына Михаила (впослѣдствіи начальникъ штаба Кіевскаго военнаго округа) и дочерей Вѣры и Натальи. Вѣра Николаевна впослѣдствіи вышла замужъ за Сергѣя Семеновича Корсакова.

Ревель, 10 Декабря 1851.

Пишу вамъ рѣдко, потому что нѣтъ ничего веселаго, когда находишься среди постоянныхъ огорченій, одинокій, proscrit, брошенный далеко отъ своихъ, среди людей, съ которыми ничего не имѣешь общаго, въ странѣ, въ которой ничего нѣтъ привлекательнаго, но все-таки лучше чѣмъ Надеждино. Тамъ верхъ скуки, здѣсь по крайней мѣрѣ передо мной бушующее море. Но къ сожалѣнію эту зиму было много несчастій. Одинъ Англійскій корабль погибъ съ людьми и имуществомъ; другой, Французскій, разбился въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лѣтомъ у насъ купанье, но къ счастію всѣ люди спасены. Французскій характеръ счастливый, никогда не унываютъ: на другой же день крушенія я видѣлъ ихъ, играютъ на скрипкѣ, поютъ «Cadex Rouselle», танцуютъ, а въ Парижѣ теперь рѣжутся. Что думаете вы о президентѣ? Онъ ничего не имѣетъ за собой замѣчательнаго, кромѣ знаменитаго имени. Запереть людей, которые несравненно имѣютъ болѣе личныхъ достоинствъ какъ: Changarnier, Cavagnac. Lamoricière и другіе, которые такъ много оказали услугъ Франціи, чтобы спасти ее отъ анархистовъ! 18-го Брюмера Наполеонъ имѣлъ за себя свои предшествующія заслуги, побѣды и болѣе всего недовольство народа директоріей, тогда какъ г. Людвигъ Бонапартъ не имѣетъ ничего подобнаго противупоставить достоинствамъ генераловъ, какъ Changarnier и другіе. Рано дали ему власть. По моему этотъ выскочка долженъ былъ начать съ того, чтобы въ Алжирѣ заслужить эполеты. Его дядя началъ съ подпоручика артилеріи и потомъ прошелъ черезъ всѣ чины военной ерархіи прежде чѣмъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей въ Италіи. Но бросимъ политику, перейдемъ къ естественной исторіи. Здѣсь видѣлъ я чудо: это китъ, котораго убили весной на нашемъ берегу; иногда они заходятъ въ Балтійское море, но очень рѣдко. Китъ дался себя убить безъ сопротивленія. Этого чуда у васъ въ Черномъ море нѣтъ, но у васъ другія чудеса. Поразскажите мнѣ про Одессу и ея окрестности.

Пишите мнѣ чаще о! сестра и о! племянница. Я привыкъ къ восклицаніямъ о! читая часто Плутарха, Титъ-Ливія и пр. Вотъ образцы, съ которыми никогда намъ не сравниться и которые насъ всегда будутъ подавлять своимъ величіемъ, между тѣмъ вѣдь и они, какъ и мы, сотворены изъ земли. Не думайте, что у меня въ головѣ лишь Анибалы да Сципіоны; въ моемъ положеніи я хотѣлъ бы походить на Епиктета своимъ стоицизмомъ и на Аристида величіемъ души; но прекрасныхъ добродѣтелей этихъ великихъ образцовъ мы никогда не достигнемъ. Что же касается твоего Silvio Pellico, я не вѣрю его филантропіи, если не быть мизантропомъ; я думаю, что онъ маскировалъ свои истинныя чувства. Если нѣтъ, то это святой человѣкъ; я же никогда не претендовалъ на святость.

*

Ревель, 30 Декабря 1852 года.

Почтеннѣйшій Семенъ Николаевичъ! Отъ души поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю вамъ всѣмъ совершеннаго здоровья и благополучія. Увѣдомите меня о вашемъ здоровьѣ и о всемъ семействѣ

и какъ и гдѣ кто находится? Были ли вы въ сію зиму въ Петербургѣ? Какъ вы нашли вашихъ гвердейцевъ и артилеристовъ и инженеровъ? Были ли въ Москвѣ?

Что касается до меня, моя жизнь здѣсь довольно была бы сносна, если бы не страдалъ ежедневно головою. Никакія алопатическія средства не помогаютъ!! Здѣсь одинъ только гомеопатъ, но и тому 90 лѣтъ! Не знаю, что мнѣ дѣлать. Если бъ я имѣлъ счастье быть подлѣ васъ, вы вѣрно бы мнѣ помогли.

По Надеждино мнѣ опротивѣло до крайности, а Саратовская степь еще болѣе. По неволѣ долженъ жить здѣсь; признаюсь, желалъ бы душевно, чтобы наконецъ позволили мнѣ основаться въ Москвѣ. Вотъ одно мѣсто, гдѣ я могу найти душевное спокойствіе. Здѣсь лѣтомъ морское купаніе мнѣ много помогаетъ и разгоняетъ хандру; зимою порядочная опера и Нѣмецкая труппа, но съ Нѣмцами я мало симпатизирую и послѣ смерти покойнаго незабвеннаго графа Логина Петровича Гейдена, рѣдко хожу къ графинѣ. Тамъ все перемѣнилось, семейство ея сдѣлалось все придворное, всё фрелины, флигель-и генералъ-адъютанты, звѣзды, шифры, лесть, скука, болтовня про дворъ. Для меня одна отрада быть въ обществѣ генераловъ Сталя и Вахтена. Этотъ послѣдній былъ адъютантомъ у принца Евгенія Вюртембергскаго, и мы съ нимъ были въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Вальдгеймомъ и проч. Эти воспоминанія дороже для меня, чѣмъ гостинная и придворная болтовня.

Въ началѣ Декабря 1853 г. Норовъ занемогъ рожистымъ воспаленіемъ ноги и написалъ Аврааму Сергѣевичу въ Петербургъ лишь тогда, когда доктора признали болѣзнь его безнадежной. Въ день полученія письма Авраамъ Сергѣевичъ (онъ былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія) поѣхалъ во дворецъ къ императору Николаю Павловичу просить разрѣшенія навѣстить умирающаго брата, но на это не послѣдовало соизволенія Государя. Посланные Авраамомъ Сергѣевичемъ докторъ и домочадецъ г. Гумаликъ застали Василія Сергѣевича уже почти въ безсознательномъ состояніи. За день до пріѣзда ихъ онъ пріобщился св. таинъ и соборовался. Докторъ Декъ и многіе изъ Ревельскихъ его друзей, старыхъ и молодыхъ, постоянно навѣщали больного. Скончался онъ 10-го Декабря 1853 года и похороненъ на тамошнемъ Русскомъ кладбищѣ. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ братъ его Александръ Сергѣевичъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ: «Сестра сообщаетъ мнѣ, что ея сыновья, сначала Николай, а потомъ и Сергѣй ѣдутъ на Кавказъ въ дѣйствующую армію. Проѣздомъ они будутъ у тебя въ Ключахъ. Прошу тебя выдай изъ моихъ доходовъ каждому по сту рублей и скажи имъ, чтобы возвратились съ войны съ Георгіевскими крестами». Оба эти приказа были исполнены.

Н. Поливановъ.

1899 года 13 Декабря
С. Надеждино.

ДАНЬ ВОСПОМИНАНІЮ О СОРОКАПЯТИЛѢТНЕЙ ДРУЖБѢ.

(А. Н. Мазовскій).

Въ скромномъ убѣжищѣ одного изъ Петербургскихъ домовъ, 15 Марта 1883 года, въ присутствіи друзей и подъ чтеніе однимъ изъ нихъ псалма и Молитвы Господней, почти незамѣтно скончался *Аркадій Николаевичъ Мазовскій*.

Родился онъ въ 1806 году. Отецъ его, состоя генералъ-маіоромъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, опредѣленный шефомъ Павловскаго гренадерскаго (нынѣ гвардейскаго) полка въ 1803 г., послѣ геройскихъ подвиговъ въ войнѣ съ Французами, убитъ въ Іюнѣ 1807 года подъ Фридландомъ. Мать, изъ рода Терскихъ, была дочь генералъ-рекетмейстера при императрицѣ Екатеринѣ II. Жена—дворянка Боровичскаго у., Ксенія Васильевна Вислѣнева, съ которою прожилъ онъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и похоронилъ ее при церкви въ бывшемъ ея имѣніи того уѣзда, селѣ Любытинѣ.

Окончивъ ученіе въ Пажескомъ Корпусѣ 1824 г., Мазовскій опредѣленъ былъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ; черезъ четыре года пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1838 году перемѣщенъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній, съ назначеніемъ тогда же и первымъ правителемъ дѣлъ С.-Петербургскаго Совѣта вновь учрежденнаго вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ; пожалованъ въ 1847 года въ званіе камергера; въ 1852 г. назначенъ, при прежнихъ обязанностяхъ, для особыхъ порученій къ Его И. В. Принцу П. Г. Ольденбургскому, по управленію учебными и благотворительными заведеніями; утвержденъ (1865 г.) въ званіи директора С.-Петербургскаго Тюремнаго Комитета; въ Маѣ 1867 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника, уволенъ, по прошенію, отъ службы, за болѣзнью.

Всю сорокатрехлѣтнюю, непрерывную службу, безъ жалованья, проходилъ Мазовскій со свойственными ему точностію и усердіемъ, о чемъ хорошо знаютъ всѣ мѣста служебной его дѣятельности: Комиссія прошеній, дѣтскіе пріюты, пріютъ принца Ольденбургскаго, Александровскій Лицей, Училище Правовѣдѣнія, равно состоявшія въ его завѣдываніи Маріинская больница для бѣдныхъ, Свято-Троицкая Община сестеръ милосердія и другія. Всюду Мазовскій оставлялъ по себѣ память уваженія и любви.

При наружной сдержанности въ обращеніи, неумолимо-строгій къ самому себѣ въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, ограничивая простой образъ

жизни своей лишь необходимыми ея потребностями, Аркадій Николаевичъ все свое наслѣдственное, довольно большое, недвижимое имѣніе роздалъ или за ничтожную плату уступилъ бывшимъ своимъ крестьянамъ, которые и до освобожденія пользовались широкими льготами въ отправленіи повинностей; сбереженія же отъ доходовъ съ имѣній онъ втайнѣ дѣлилъ съ нуждающимися завѣщалъ какія останутся послѣ него деньги на дѣла благотворенія и своимъ крестникамъ и крестницамъ его пріятель А. Н. Муравьевъ писалъ ему въ день его ангела:

Брату Аркадію на 26-е Января.

Хотя вы рады, иль нерады,
Но ужъ позвольте въ добрый часъ,
Нашъ генералъ и другъ Аркадій,
Съ днемъ Ангела поздравить васъ.
Что-жъ пожелать вамъ въ этотъ Winter? [1])
Все есть: и звѣзды, и чины,
И капиталъ для Taufkinder [2]),
Коль нѣтъ докучливой жены, и пр.

Въ отставкѣ, Аркадій Николаевичъ обыкновенно уѣзжалъ изъ Петербурга, проводилъ часть лѣта въ деревнѣ у знакомыхъ и посѣщалъ священныя обители въ разныхъ близкихъ и отдаленныхъ мѣстахъ Россіи, съ непремѣннымъ заключеніемъ пилигримства своего въ Троице-Сергіевой Лаврѣ (гдѣ всегда говѣлъ), въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ погребены его мать, сестра и единственный братъ и, наконецъ, въ Москвѣ (гдѣ, ежедневно, молясь въ храмахъ Божіихъ, любилъ дышать утреннимъ осеннимъ воздухомъ бульваровъ).

Предсмертная его болѣзнь, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, ухудшенная паденіемъ въ комнатѣ, при попыткѣ пройтись безъ опоры, обнаружила искреннее къ нему сочувствіе многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, такъ что рѣдко одиночествовалъ онъ и на короткое время; приходилось даже болѣе близкимъ уступать иногда свою очередь посѣщенія другимъ, чтобы многолюднымъ присутствіемъ не утомлять больного.

Утромъ въ день кончины своей вручилъ онъ одному другу твердою рукой написанную самимъ еще въ Ноябрѣ записку, съ подробностями о погребеніи его и съ просьбою въ точности исполнить все сказанное въ ней (гробъ простого дерева, ограниченный составъ духовенства при панихидахъ и отпѣваніи, отнюдь не съ пѣвчими, люстры въ церкви не освѣщать, везти гробъ только парою лошадей и проч.). Упомянувъ въ запискѣ, что духовное его завѣщаніе хранится въ Опекунскомъ Совѣтѣ, онъ послѣднему камердинеру, усердно смотрѣвшему за нимъ во все время болѣзни, назначилъ, кромѣ щедрой денежной награды, весь свой „*домашній скарбъ*“; этому самому слугѣ, на предложеніе его покрыть ноги одѣяломъ, онъ, въ предчувствіи близкой кончины, замѣтилъ: „*а вечеромъ оно будетъ твое*“. Еще въ четыре часа дня, на вопросъ

[1]) Въ эту зиму.
[2]) Крестныхъ дѣтей.

князя А...: „*Me reconnaissez-vous?*“ Аркадій Николаевичъ, держа глаза закрытыми, отвѣчалъ: „*parfaitement*“, и это было послѣднее его слово, за пять часовъ до смерти.

Въ Субботу утромъ, 19 Марта, собравшіеся въ квартиру Мазовскаго знакомые послѣ литіи, сами перенесли тѣло его въ соборъ Св. Сергія на Литейной, куда покойный ходилъ постоянно молиться. Послѣ литургіи и отпѣванія, гробъ доставленъ на станцію Николаевской желѣзной дороги, по которой, со станціи Угловки, черезъ городъ Боровичи, тремя друзьями и камердинеромъ привезенъ онъ изъ Петербурга сюда, за 44 версты отъ уѣзднаго города *), внесенъ крестьянами въ сельскую церковь и потомъ опущенъ въ склепъ, близъ жениной могилы, которую Аркадій Николаевичъ при жизни своей, въ теченіе 52 лѣтъ, ежегодно посѣщалъ, и въ память о ней ту церковь не только благоустроилъ, украсилъ, но и щедро навсегда упрочилъ.

Андрей В.

26-го Марта 1883 года.
Новгородской губ., Боровичскаго у., село Любытино.

СТИХОТВОРЕНІЯ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Князю А. М. Горчакову.

1.

Вамъ за хорошія сигарки
Даю немудрые стихи.
Не равны цѣнностью подарки,
Но сходство есть мнѣ за грѣхи:
Я ваши выкурилъ сигарки,
А вамъ забыть мои стихи.
Все разлетается здѣсь дымомъ:
Любовь, сигарки, слава—дымъ...
Но въ сердцѣ дружбою правимомъ
Сочувствій жаръ неугасимъ.

*) На пути въ с. Городкѣ, почтенный крестьянинъ Филиппъ Гусевъ, выразивъ мнѣ сожалѣніе, „*кабы знать пораньше, въ Боровичахъ встрѣтили-бъ, да на плечахъ и передали-бъ голубчика-барина отъ села до села вплоть до могилки*“, отеръ слезу, наскоро запрягъ лошадку свою и слѣдовалъ за нами въ Любытино отдать послѣдній долгъ „*благодѣтелю*“.

2.

Ему же.

(Набросокъ).

И вся-то наша жизнь депеша!
Богъ вѣсть откуда и о чемъ:
Кому на скорбь, другого тѣша,
Иль на яву, иль сладкимъ сномъ.

*

Мы всѣ по проволокѣ пишемъ:
Судьба всеобщій телеграфъ,
И на земномъ распутьѣ нашемъ
Всѣхъ настигаетъ онъ стремглавъ.

*

Политики лукавый лѣшій
Вдругъ взбудоражилъ цѣлый свѣтъ;
Посыпались на васъ депеши,
Имъ нѣтъ числа и мѣры нѣтъ.

*

Телеграфическою рѣчью,
И цифрой, азбукой чертей,
Васъ жарятъ, князь, какъ бы картечью,
Со всѣхъ возможныхъ батарей.

*

Но вамъ не страшенъ злостный ворогъ,
Будь онъ хитеръ, будь онъ могучъ:
Вы тоже выдумали порохъ,
И взрывчивъ порохъ вашъ и жгучъ.

*

Вѣдь, слава Богу, мы спокойны;
Вамъ чѣмъ отстрѣливаться есть....

Въ альбомъ.

Вы пожелали—здѣсь впишу
Мой стихъ и старческій, и блѣдный,
И вамъ послушно подношу
Даръ недостойный васъ и бѣдный.

*

Свѣжъ вашей юности вѣнокъ,
Весна вамъ свѣтлыхъ дней задатокъ;
А сорвалъ я для васъ листокъ
Поблекшей осени остатокъ.

*

Какъ знать? Мнѣ пригодится онъ,
Какъ знать, когда меня не будетъ,
А стихъ мой, какъ вечерній звонъ,
Въ васъ память обо мнѣ пробудитъ.

ПО ПОВОДУ АКАДЕМИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

Г. Брюсовъ, въ статьѣ по поводу Академическаго изданія Пушкина (Рус. Арх. 1899. XII) высказываетъ безусловно вѣрную мысль, что нельзя, устанавливая Пушкинскій текстъ, признавать всѣ позднѣйшія по времени поправки, сдѣланныя поэтомъ въ рукописяхъ своихъ произведеній, за такія, которыя давали бы окончательную редакцію.

Приводя доказательства своей мысли, г. Брюсовъ, однако, лишь мелькомъ упоминаетъ объ одномъ примѣрѣ, который, между тѣмъ, является едва ли не наиболѣе яркимъ. На стр. 626 онъ говоритъ, что стихотвореніе *Слеза* въ Академическомъ изданіи „значительно измѣнено". Но этого сказать мало: оно не измѣнено, а искажено, и притомъ именно благодаря пристрастію къ позднѣйшимъ рукописнымъ варіантамъ. При жизни поэта оно было напечатано дважды, оба раза въ составѣ пяти строфъ, причемъ третья строфа, содержащая отвѣтъ автора на вопросъ гусара и вызывающая дальнѣйшее замѣчаніе этого послѣдняго, безусловно необходима. Рукописныхъ списковъ стихотворенія извѣстно четыре; вездѣ оно состоитъ также изъ пяти строфъ, но въ одномъ третья строфа зачеркнута: это списокъ Московскаго Публичнаго Музея, № 2364, л. 4, писанный, въ 1817-мъ г. рукой Пушкина, а не пріятеля его Илличевскаго, какъ, въ противорѣчіе очевидности и самому себѣ, утверждаетъ Академическое изданіе. (Ср. факсимиле и прим. стр. 131). Про списокъ этотъ Академическое изданіе (прим. стр. 133) говоритъ, что онъ содержитъ „рядъ поправокъ, впрочемъ не доведенныхъ до конца". Наверху же страницы, также рукой Пушкина, въ 1825-мъ г., сдѣлана помѣта: „не надо", т. е. вносить въ приготовлявшееся тогда Пушкинымъ первое изданіе его стихотвореній (1826 г.). Очевидно, авторъ началъ исправлять піесу, но не кончилъ работы, такъ какъ призналъ *Слезу* недостойной войти въ сборникъ. При этой неоконченной работѣ и была, предварительно, зачеркнута третья строфа. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ напечаталъ *Слезу* въ двухъ альманахахъ, 1824 и 1828 гг., за своей подписью цѣликомъ, съ этой третьей строфой. Между тѣмъ, въ Академическомъ изданіи это стихотвореніе напечатано якобы „въ позднѣйшей редакціи" (прим. стр. 134), въ составѣ четырехъ строфъ, безъ третьей, и является такимъ образомъ по меньшей мѣрѣ неяснымъ. На какомъ основаніи это сдѣлано?

Академическое изданіе сочиненій Пушкина—событіе чрезвычайной важности. Это изданіе имѣетъ всѣ данныя требовать, чтобы устанавливаемый имъ текстъ былъ признанъ окончательнымъ и каноническимъ. Тѣмъ серіознѣе должны быть основанія предлагаемыхъ имъ поправокъ и измѣненій. Между тѣмъ именно впечатлѣнія безспорной доказательности оно и не производитъ. Такъ напр. во многихъ мѣстахъ оно, сравнивая предложенные Анненковымъ въ его изданіи новые варіанты съ его источниками (ставшими затѣмъ общедоступными) указываетъ, въ какой сильной степени бывалъ нерѣдко неточенъ этотъ издатель Пушкина. (Прим. стр. 149, 150, 227, 242, 244). И въ тоже время, тамъ, гдѣ пользоваться источниками Анненкова въ настоящее время оказывается невозможнымъ, Академическое изданіе принимаетъ его показанія на вѣру и вноситъ его варіанты и догадки не то что въ примѣчанія, а въ самый текстъ. (Прим. стр. 27, 222, 251, 295, 395). А въ одномъ случаѣ оно прибавляетъ къ *тексту* напечатаннаго при жизни Пушкина стихотворенія (*Къ Батюшкову*, 1814. XV) цѣлыхъ 20 новыхъ строкъ, приведенныхъ Анненковымъ въ VII-мъ томѣ (т. е. въ матеріалахъ и варіантахъ) *„безъ указанія источника“*. (Прим. стр. 67). Такой пріемъ вызываетъ весьма большія недоумѣнія и требуетъ очень детальнаго оправданія. Не бѣда, конечно, если все это приходится говорить о текстѣ лицейскихъ стихотвореній. Но было бы серіознымъ неудобствомъ, если бы Академическое изданіе предложило недоказанныя и недоказуемыя редакціи какихъ-либо позднѣйшихъ произведеній. А потому мы въ правѣ желать, чтобы оно дало самый подробный обзоръ соображеній, положенныхъ имъ въ основаніе критики текста, и самыя подробныя доказательства предлагаемыхъ нововведеній. Затѣмъ, мы точно также въ правѣ желать, чтобы оно было послѣдовательно. Въ предисловіи, на стр. VII, оно обѣщаетъ, что въ немъ „всѣ произведенія поэта, вышедшія въ свѣтъ при его жизни, будутъ напечатаны въ томъ именно видѣ, въ какомъ они появились на его глазахъ, при томъ въ послѣдній разъ.“ Но съ этимъ обѣщаніемъ никакъ нельзя согласить того обстоятельства, что *Слеза* (чтобы говорить только объ одномъ стихотвореніи) отвергнута Академическимъ изданіемъ въ обѣихъ редакціяхъ, напечатанныхъ при жизни Пушкина, и воспроизведена по случайной, мало объясненной черновой.

Обсужденіе перваго тома, содержащаго сравнительно безразличныя лицейскія стихотворенія, да послужитъ, ранѣе выхода послѣдующихъ, къ тщательной выработкѣ основаній и пріемовъ критики Пушкинскаго текста.

Н. Горбовъ.

КЪ КН. З. А. В—ОЙ *).

Мнѣ говорятъ: «Она поетъ —
И радость тихо въ душу льется
Раздумье томное найдетъ,
Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется,

И то, что̀ мило на землѣ,
Когда поетъ она,—милѣе,
И пламеннѣй огонь любви,
И все прекрасное святѣе!»

А я? Я слезъ не проливалъ
Волшебнымъ голосомъ плѣненный;
Я только помню, что видалъ
Пѣвицы образъ несравненный.

О, помню я, какимъ огнемъ
Сіяли очи голубыя!
Какъ на челѣ ея младомъ
Вилися кудри золотыя.

Я помню звукъ ея рѣчей,
Какъ помнятъ чувство дорогое;
Онъ слышится въ душѣ моей,
Въ немъ было что-то неземное.

Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучитъ о Пери молодой
Долины свѣтлой Кашемира.

Звѣзда любви надъ ней горитъ,
И станъ обхваченъ пеленою;
Она эѳирная летитъ,
Чуть озаренная луною.

Изъ лилій съ розами вѣнокъ
Небрежно волосы вѣнчаетъ,
И локоны ея взвиваетъ
Душистой ночи вѣтерокъ.

*) Т. е. къ княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской. Чье это стихотвореніе, мы не знаемъ. Оно найдено въ Мухановскихъ бумагахъ, что̀ хранятся въ музеѣ П. И. Щукина. П. Б.

НЕКРАСОВЪ И ТЮТЧЕВЪ.

Въ № 12 Русскаго Архива за прошлый годъ было помѣщено взятое изъ Современника 1854 г. стихотвореніе на появленіе союзнаго Англо-Французскаго флота подъ Петербургомъ. Въ примѣчаніи было сказано, что мысли, выраженныя въ этихъ стихахъ, напоминаютъ отдѣльныя мѣста изъ писемъ Ѳ. И. Тютчева того же времени, появившихся въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года. Стихотвореніе было перепечатано въ „Новомъ Времени“ (№ 8540), какъ приписываемое Тютчеву. Но позднѣе въ той же газетѣ появилось указаніе, что эти стихи принадлежатъ Н. Некрасову *).

Сочетаніе этихъ двухъ именъ, Тютчева и Некрасова, по меньшей мѣрѣ необычно. Обыкновенно поэзію Некрасова считаютъ прямой противоположностью поэзіи Тютчева. Поклонники одного изъ этихъ поэтовъ часто совершенно отрицаютъ значеніе другого. И. Тургеневъ, такъ любившій стихи Тютчева, обмолвился однажды, что по его мнѣнію „въ бѣлыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно высиженныхъ измышленіяхъ скорбной музы г. Некрасова—ея-то, поэзіи-то и нѣтъ на грошъ“. Какъ относятся къ Тютчеву поклонники Некрасова, достаточно извѣстно изъ „Исторіи“ г. Скабичевскаго: на его взглядъ большинство произведеній Тютчева „читается съ трудомъ и цѣнится лишь самыми строгими и рьяными эстетиками“.

Врядъ ли такія рѣзкія сужденія можно объяснить однимъ только различіемъ поэзіи Тютчева и поэзіи Некрасова; гораздо больше повліяли на нихъ два различныхъ взгляда на искусство вообще. Долгое время имена Тютчева и Некрасова были нарицательными въ спорѣ о сравнительномъ значеніи „гражданской“ и „чистой“ поэзіи. Увлеченіями спора и вызваны необдуманные, односторонніе приговоры. Но дѣло въ томъ, что оба имени были выбраны крайне неудачно. У Тютчева цѣлый рядъ произведеній,—около трети,—написанъ на злобу дня, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т. е. передаетъ въ стихотворной формѣ его политическія и общественныя воззрѣнія. А у Некрасова кромѣ „гражданскихъ“ стиховъ найдется еще очень значительное число чисто-художественныхъ созданій, особенно если не исключать

---

*) Некрасовъ перепечаталъ ихъ въ изданіе своихъ стихотвореній 1856 г., но въ изданіяхъ 61, 62, 64, 68, 71, 74 годовъ не помѣщалъ.

и первой поры его творчества *). Да и естественно ожидать, что у Некрасова и Тютчева были точки соприкосновенія, если вспомнить, какъ высоко цѣнилъ стихи Тютчева самъ Некрасовъ; въ своей извѣстной статьѣ (Совр. 1850 г.) онъ ставитъ ихъ „рядомъ съ лучшими произведеніями Русскаго поэтическаго генія".

Значеніе Некрасова, какъ художника, сказывается уже въ его описаніяхъ природы, которыя иногда достигаютъ почти Тютчевской изобразительности.

Иду: Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна.

Эта изобразительность еще усиливается тѣмъ, что Некрасовъ умѣетъ олицетворять природу, оживлять ее образами Русскихъ сказокъ: достаточно вспомнить „*Выборъ*", гдѣ лѣшій соблазняетъ дѣвушку „великой тайной" бора, или шествіе Воеводы-Мороза. Но рядомъ съ картинами деревни стоятъ у Некрасова сумрачныя картины сѣвернаго города; онъ любилъ красоту стройныхъ улицъ, залитыхъ искусственнымъ свѣтомъ, красоту морозной ночи, когда „каждый шагъ, каждый звукъ такъ отчетливо слышенъ", любилъ Неву зимой, когда она

гробницею громадной
Въ берегахъ освѣщенныхъ лежитъ.

Наконецъ нельзя не упомянуть о Некрасовскихъ размѣрахъ, всегда соотвѣтствующихъ содержанію, часто своеобразныхъ, почти столь же свободныхъ, какъ складъ народной пѣсни.

Но и признавая разносторонность поэзіи Некрасова, нельзя не утверждать, что стихотвореніе „14-ое Іюня" стоитъ въ ней совершенно особнякомъ. Некрасовъ любилъ Россію, вѣрилъ въ ея будущее: но то была такъ сказать, стихійная вѣра, которой не хватало сознательности. Въ этомъ отношеніи характерно одно мѣсто изъ поэмы *Тишина*, теперешними изданіями пропускаемое:

О Русь! Ты такова всегда!
Какъ сильно буря ни тревожитъ
Вершины вѣковыхъ древесъ,
Она ихъ долу не положитъ,
И даже раскачать не можетъ
До корня заповѣдный лѣсъ.

---

*) Въ посмертное изд. стихотвореній Некрасова (1879 г.) не вошли „*Мечты и Звуки*" (1838—40 г.), всѣ стихи, печатавшіеся съ 1840 по 1845 г. и нѣкоторые изъ позднѣйшихъ. Несмотря на то, это все же лучшее изъ изданій, потому что въ немъ приведены разночтенія стиховъ, представляющія иногда какъ бы иное произведеніе (напр. *Буря*) или значительно дополняющія сказанное (напр. *Тишина, Несчастные*).

Не угадать, что знаменуетъ
Твоя нѣмая тишина;
Но сердце вѣщее ликуетъ
И умиляется до дна.

Дальше говорится о трудѣ, работающихъ на благо Россіи:

Его до цѣли доведетъ
И пахарь, и поэтъ, и воинъ,
И мореплаватель, и Тотъ,
Заступникъ и Глава народный,
Предъ коимъ частные труды,
Какъ мелководные пруды
Передъ Невою многоводной.

Эти стихи скорѣе порывъ чувства, чѣмъ плодъ раздумья надъ историческими судьбами Россіи. Таковы и всѣ другія стихотворенія, Некрасова относимыя къ отдѣлу „историческихъ". Напротивъ стихотвореніе „14-ое Іюня" замѣчательно именно своей сознательностью; за отдѣльными выраженіями его какъ бы чувствуется стройное историческое міросозерцаніе.

Конечно, эти особенности въ нѣкоторой степени объясняются тѣмъ историческимъ мгновеніемъ, какое переживала Россія. Великія событія могли вызвать изъ души поэта и необычныя для него звуки. Но нельзя не обратить вниманія и на указанную раньше близость этого стихотворенія съ мыслями, высказанными Ѳ. И. Тютчевымъ въ его письмахъ 1854 года.

Великихъ зрѣлищъ, *міровыхъ судебъ*
Поставлены мы зрителями нынѣ.

Такъ начинается стихотвореніе. Въ письмѣ отъ 19 Іюня Тютчевъ говоритъ о начавшейся войнѣ: „это одно изъ наиболѣе торжественныхъ событій всемірной исторіи". Въ томъ же письмѣ Тютчевъ повторяетъ свою постоянную мысль о противоположности Россіи и Европы: „это весь Западъ идетъ на Россію". Въ другихъ письмахъ (5 Авг. 54 г. и позднѣе 11 Сент. 55 г.) онъ вспоминаетъ по поводу Крымской войны прежнія столкновенія Россіи съ Западомъ на протяженіи тысячелѣтія. „Происходящее теперь, говоритъ онъ, только возобновленіе двѣнадцатаго года... Вопросъ поставленъ на этотъ разъ много опредѣленнѣе. Это весь Западъ, дѣйствуя отъ своего собственнаго имени... собираетъ послѣднія усилія, чтобы уничтожить въ зародышѣ будущность Восточной Европы". Этому кругу мыслей соотвѣтствуютъ стихи:

Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идутъ противъ Россіи.

Картинное описаніе „громады кораблей", которая двинулась къ намъ „медленно и глухо" можно сблизить со словами Тютчева о союзномъ флотѣ:

„вооруженныя силы, ужаснѣйшія изо всѣхъ, какія когда-либо появлялись на моряхъ“. Слова о жребіяхъ, лежащихъ въ роковой урнѣ, невольно наводятъ на память извѣстные стихи Тютчева „Стоимъ мы слѣпы предъ судьбой“. Наконецъ, послѣднее упоминаніе о Высшемъ Рѣшителѣ міра и войнѣ говоритъ тоже, что замѣчаніе Тютчева „дѣло уже вышло изъ рукъ человѣческихъ“ (письмо отъ 23 Окт. 53 г.). Даже общее настроеніе стиховъ напоминаетъ настроеніе Тютчева. Стихъ

Хвастливо предрекая нашу гибель.

указываетъ, что авторъ надѣялся на благопріятный исходъ борьбы; Тютчевъ въ то время тоже еще надѣялся (письмо отъ 22 Іюля).

Отдѣльно взятое каждое изъ этихъ сближеній, можетъ быть, и маловажно, но цѣлый рядъ такихъ мелкихъ совпаденій невольно наводитъ на раздумье. Намъ неизвѣстно, встрѣчался ли Некрасовъ съ Тютчевымъ лично, но въ 1854 г. сношенія между ними несомнѣнно были. Въ этомъ году стихи Тютчева были собраны въ Майской книжкѣ Современника, а позднѣе изданы „редакціей Современника“ отдѣльно. Если даже допустить, что стихотвореніе Некрасова было написано безо всякаго вліянія идей Тютчева, все же остается примѣчательнымъ то обстоятельство, что два, повидимому, столь различныхъ человѣка одинаково оцѣнивали начинавшуюся войну и видѣли въ ней борьбу съ нашими *исконными* врагами.

Въ заключеніе можно еще указать, что стихотвореніе „14-ое Іюня“ и по внѣшности необычно для Некрасова: кажется, единственный разъ здѣсь воспользовался онъ пятистопнымъ бѣлымъ ямбомъ. Отечественныя Записки, которыя въ тотъ годъ особенно нападали на Современникъ, перепечатали отрывокъ изъ стихотворенія „14-ое Іюня“, сдѣлавъ замѣтку: „слѣдующіе стихи дышатъ поэзіей, соотвѣтствующей великимъ событіямъ нашего времени.

Валерій Брюсовъ.

ИЗЪ НОВОНАЙДЕННЫХЪ ЗАПИСНЫХЪ КНИЖЕКЪ ВЛАДИМИРА АЛЕКСѢЕВИЧА МУХАНОВА [1]).

1847.

14 Ноября. Г-нъ Устряловъ издалъ небольшое сочиненіе, гдѣ изложилъ исторію нынѣшняго царствованія. Достовѣрно, что рукопись была пересмотрѣна самимъ Государемъ, которому угодно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны и поправки. При началѣ войны съ Персіей, сказано, что генералъ Ермоловъ, чувствуя въ себѣ недостатокъ силъ, просилъ всеподданнѣйше о снятіи съ него команды и о передачѣ ея другому. При появленіи сочиненія г-на Устрялова, генералъ Ермоловъ написалъ ему письмо, гдѣ говоритъ, что, изложивъ о немъ подобное мнѣніе, Устряловъ подвергаетъ сомнѣнію извѣстную всѣмъ прозорливость императора Александра при выборѣ имъ лицъ на важныя мѣста. Замѣчательно, что въ письмѣ не сказано ясно и утвердительно, чтобы фактъ, упоминаемый историкомъ, былъ не вѣренъ, а только противуставляется сказанному г-омъ Устряловымъ лестное мнѣніе покойнаго Государя о генералѣ Ермоловѣ. Получивъ письмо, авторъ книги сообщилъ его г-ну министру народнаго просвѣщенія графу Уварову и спрашивалъ наставленія, какъ ему поступить. Графъ Уваровъ, доводя до свѣдѣнія Государя Императора самое письмо, объяснялъ, что предстоитъ двоякій синодъ дѣйствія: первый — отвѣчать, что историкъ, сколько отъ него зависѣло, по крайнему его разумѣнію, излагалъ событія по совѣсти и согласно истинѣ, на что, не взирая на это, могъ сдѣлать упущеніе или ошибку; второй — вовсе не отвѣчать и такимъ образомъ предать дѣло забвенію. Государь принялъ послѣдній способъ, и письмо осталось безъ отвѣта.

Говорятъ, что императоръ имѣлъ мысль обнародовать донесеніе генерала Ермолова; но генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Өедоровичъ Орловъ) представилъ, что можно было обойтиться безъ опубликованія документа. Министръ народнаго просвѣщенія говорилъ также, что можно бы написать колкій и язвительный отвѣтъ генералу Ермолову, но графъ Уваровъ находилъ при томъ, что вовсе не слѣдовало начинать такой полемики.

---

[1]) Въ Музеѣ П. И. Щукина. П. Б.

[2]) Тогдашній шефъ жандармовъ. П. Б.

Письмо М. И. Топильскаго къ А. М. Кубареву.

Почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ!

Первымъ дѣломъ моимъ по возвращеніи въ Петербургъ было составленіе для васъ прилагаемой у сего выписки [1]). Казалось бы, что послѣ всего, въ ней сказаннаго, нечего и говорить болѣе о преимуществѣ образованія, основаннаго на классической почвѣ; но на дѣлѣ вышло не такъ. Не только нѣкоторымъ (правда, немногимъ) изъ законодателей пришлось говорить объ этомъ, но и мнѣ многогрѣшному довелось отстаивать предметъ. Я говорилъ, предъ кѣмъ слѣдуетъ, за нашу Латынь, отстаивалъ ее, сколько силъ было, своимъ собственнымъ опытомъ, своимъ труженическимъ прошедшимъ: меня не поняли. Виноватъ я передъ вами, почтенный другъ; не постыжусь повиниться вмѣстѣ со старикомъ Назономъ:

Hic ego barbarus sum, quia non intelligor illis [2]).

Богъ съ ними! Не сѣтую на нихъ, даже не обвиняю ихъ, потому что увезъ съ собою изъ Москвы въ вагонѣ послѣднее слово нашей дружеской съ вами бесѣды:

Decipimur specie recti [3]).

Обнимаю васъ, почтенный другъ, и ожидаю отрадныхъ для меня строкъ вашихъ *въ Петербургѣ*, у Пѣвческаго моста, на набережной Мойки, въ д. купца Калугина.

Весь вашъ, душою и сердцемъ М. Топильскій [4]).

16 Августа 1864.
С.-Петербургъ.

---

[1]) Эта выписка содержитъ въ себѣ мнѣніе С. С. Уварова о преподаваніи классическихъ языковъ, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года, вып. XI, стр. 465. П. Б.

[2]) Я этотъ варваръ, ибо они меня не понимаютъ.

[3]) Обманываемся видомъ справедливаго.

[4]) Михаилъ Ивановичъ Топильскій, памятный въ Министерствѣ Юстиціи по своей службѣ при графѣ В. Н. Панинѣ, зналъ отлично оба классическіе языка. П. Б.

Мелочи.

Т., въ припадкѣ душевнаго унынія, сказалъ мнѣ однажды: «Какой-то стихотворецъ, живучи въ Москвѣ, въ одинъ жаркій лѣтній день зашелъ въ Зарядье, объѣлся ботвиньею, соленою рыбою, растегаями, опился полпивомъ и квасомъ, съ трудомъ добрелъ домой. Тяжкое положеніе: подъ бока колетъ и тянетъ душу. Въ этомъ расположеніи присѣлъ виршеписецъ и написалъ драму: Жизнь.

*

П., говоря о Наполеонѣ сказалъ: онъ былъ побѣжденъ не пушечными выстрѣлами, а дипломатическимъ шопотомъ. Характеръ дипломатики нашего времени измѣнился: она, какъ и въ XVII столѣтіи, тоже ползущее пресмыкающееся, но это змѣй-боа, задавливающій тигра!

*

Г-жа Э. *), сестра Стурдзы, возратившись откуда-то, гдѣ Карамзинъ въ дамскомъ кругу читалъ отрывки изъ его Исторіи, еще въ то время не изданной, заключила панегирикъ восклицаніемъ: «Ну, совершенный Тассъ!»

*

Пушкинъ просилъ разъ изъ шутки княгиню В. покритиковать ему вышедшіе въ то время *Цыгане*. Она, по привычкѣ женской дѣлать все на выворотъ, начиная съ конца, спросила у него: «къ чему умирающей Земфирѣ говоритъ Алеко: «*умрij любя*», когда убитый молодой Цыганъ, любовникъ ея, уже этого не слышитъ?»

*

Первый посолъ Людовика XVIII, герцогъ Ноаль, писалъ Талейрану про Русскихъ чиновниковъ (С.-Пб. 10 Ноября 1814):

Un grand nombre d'employés du gouvernement sont payés comme ils l'étaient du temps de l'Impératrice Élisabeth, à une époque où le rouble valait quatre francs, au lieu de valoir un franc, comme aujourd-d'hui. On proposa à l'Impératrice Catherine II d'apporter remède au mal, en augmentant le traitement des divers employés de l'administration. Elle s'y refusa, en disant: «Je les payerais plus, mais ils ne voleraient pas moins». Это выписано изъ подлинной депеши, хранящейся въ Парижѣ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ другой депеши герцога Ноаля видно, что 7 Января 1815 ст. ст. князь Александръ Борисовичъ Куракинъ давалъ балъ въ Петербургѣ.

---

*) Графиня Роксандра Эделингъ, другъ императора Александра Перваго. Ея Записки, изданныя въ „Русскомъ Архивѣ" 1887 годъ по-русски и потомъ отдѣльною книжкою во Французскомъ подлинникѣ, до сихъ поръ не достаточны оцѣнены; такъ напр. о Вѣнскомъ конгрессѣ на немногихъ страницахъ сказано у нея болѣе и лучше, нежели въ цѣломъ рядѣ книгъ. Въ ея оцѣнкѣ лицъ и событій слышится и чувствуется своеобразный и широкій строй понятій и міровоззрѣній. П. Б.

Присловье Ивана Петровича Архарова, когда подавали на столъ пиво:

Пивушка!—Ась, милушка?
— Покатись въ мое горлышко.
— Изволь, мое солнушко.

(Слышано отъ его внука, П. А. Васильчикова).

*

А. И. Тургеневъ обѣдалъ съ княземъ Вяземскимъ у скупого графа С. П. Румянцова и позабывъ, что не онъ глухъ, а братъ его канцлеръ, громко сказалъ князю, протянувшемуся къ бутылкѣ: „Не пей, не пей: у него вино точно уксусъ". (Отъ князя П. А. Вяземскаго).

*

Къ Аракчееву явился молодой офицеръ совсѣмъ пьяный. Онъ его прогналъ подъ арестъ, и послѣ самъ не могъ надивиться такой дерзости офицера. „Это что-нибудь не такъ, сказалъ онъ своему адъютанту, графу Толстому. Поди, узнай! Не можетъ быть, чтобы онъ не зналъ о моей строгости". Оказалось, что офицеръ являлся въ первый разъ къ грозному временщику и выпилъ лишнее для куражу. Аракчеевъ немедленно пригласилъ его къ себѣ, обласкалъ и оставилъ обѣдать.

*

Шуточное посланіе М. Н. Лонгинова и С. А. Соболевскаго къ графу А. Ѳ. Ростопчину [1]) 11 Апрѣля 1870.

Сонетъ.

Суровый Данте не презиралъ Сонета [2]).
Мы слышали, что данъ вамъ нѣкій чинъ.
За что же вамъ дана награда эта?
Что́ взяли вы?—Ургу иль Маймачинъ?

*

И вслѣдствіе сего мы, два поэта,
Знать не хотя награды сей причинъ,
Вамъ шлемъ привѣтъ на край далекій свѣта,
Любезный нашъ шталмейстеръ Ростопчинъ.

*

Сей чинъ вѣрнѣй, чѣмъ цѣпь Анонціады
И съ королемъ Сардинскимъ кузинажъ,
Когда при немъ возвышены оклады

*

Иль есть другой солидный авантажъ.
И такъ сему мы награжденью рады
И вамъ кричимъ: куражъ, куражъ, куражъ!!

---

[1]) Графъ А. Ѳ. Ростопчинъ служилъ тогда въ Иркутскѣ. Онъ имѣлъ Сардинскій орденъ Благовѣщенія (Анонціады), унаслѣдованный имъ отъ отца; орденъ этотъ переходитъ въ потомство получившаго. П. Б.

[2]) Извѣстный стихъ Пушкина. П. Б.

КЪ РОДОСЛОВНОЙ КНЯЗЕЙ ПРОЗОРОВСКИХЪ.

(См. Русскій Архивъ 1899 года. Приложеніе къ 6-й тетради).

Упоминаемая въ прим. XXXIX-мъ княжна Прасковія, можетъ быть была княжна Прасковія Петровна, фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны, † 28 Марта 1843 г. въ своемъ Черниговскомъ имѣніи. Она была дочь кн. Петра Александровича и кн. Софіи Ивановны, рожд. Скоропадской. Кромѣ упомянутыхъ въ родословной сыновей (изъ коихъ кн. Иванъ Петровичъ былъ генералъ-маіоромъ, р. 1785 г. ум. 1829 г.) и дочери Прасковьи, у князя Петра Александровича Прозоровскаго были еще дочери: 1) Марія, за генер. отъ артиллеріи П. М. Капцевичемъ; 2) Александра, р. 1782 г., за ген.-маіор. Виктор. Алексѣев. Фроловымъ - Багрѣевымъ. Объ этой семьѣ см. Воспоминанія Самчевскаго въ „Кіевской Старинѣ“ 1894 года.

Николай Чулковъ.

ПОПРАВКИ.

Въ IX книгѣ „Русскаго Архива“ за 1899 годъ (стр. 97) сказано: „я написалъ инспектору корпуса Петру, кажется, Михайловичу Половцову жалобу“. Это ошибочно. Инспекторомъ Кіевскаго корпуса былъ Петръ *Андреевичъ* Половцовъ, умершій въ 1892 году. Въ роду Половцовыхъ вообще не было лица носившаго имя Петра Михайловича.

Въ XI книжкѣ „Русскаго Архива“ 1899 года, въ Воспоминаніяхъ В. И. Воейкова вмѣсто *лейбъ-гусары* надо: *атаманцы* Наслѣдника Цесаревича.

Въ 1-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года опечатки:

Стр.	Строчка.	*напечатано:*	*надо:*
82	22	и засталъ я ихъ	въ которомъ и засталъ я ихъ
29	(Прим.) 13	кого упалъ	у кого упалъ
11	„ 21	трубокъ	трубки.

Въ 2-мъ выпускѣ на стр. 270-й. строка 22 вмѣсто *урмины* надо *урманы*.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1900 года.

(Годъ 38-й).

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Подробный Указатель за первыя 30 лѣтъ изданія—**1** р., съ перес. **1** р. **25** к.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный,—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

3.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Указатель къ Опыту Россійской Библіографіи В. С. Сопикова (къ книгамъ гражданской печати). В. Н. Рогожина. М. 1900. Малая 4-ка XII+283. Ц. 3 р.

Не смотря на всѣ свои недостатки, трудъ Сопикова до сихъ поръ является необходимымъ пособіемъ для историка Русской литературы, такъ какъ имъ (повторяемъ слова именитаго библіофила С. А. Соболевскаго Рус. Арх. 1869, стр. 921) „сдѣланы указанія на множество книгъ, которыя были напечатаны до его времени и которыя уже не встрѣчаются въ нынѣшнихъ собраніяхъ и не упоминаются даже теперешними библіографами".

Но пользованіе „Опытомъ" весьма затрудняется тѣмъ, что Сопиковъ не успѣлъ составить „систематической росписи книгамъ по наукамъ" и „именной по азбучному порядку съ означеніемъ при умершихъ года ихъ кончины", а также не умѣлъ выдержать строго алфавитной системы. Для устраненія сего досадительнаго недостатка, заставляющаго порой тратить много времени на безплодные поиски, Академія Наукъ издала въ 1876 году подъ редакціей П. О. Морозова „Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ, издателей и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ „Опытѣ Россійской Библіографіи". Разбору этой почтенной работы была посвящена обстоятельная статья В. И. Саитова (Ж. М. Н. Пр. 1878. № 6), въ которой читатель найдетъ много любопытныхъ свѣдѣній о самомъ патріархѣ Русской библіографіи.

Указатель, составленный В. Н. Рогожинымъ, содержитъ въ себѣ: 1) указатель сокращенныхъ названій, 2) авторовъ, переводчиковъ, издателей и редакторовъ, 3) собственныхъ именъ, преимущественно историческихъ, встрѣчающихся въ заглавіяхъ книгъ, 4) книгъ, напечатанныхъ въ провинціальныхъ городахъ и за границей. Въ приложеніяхъ помѣщены: 1) списокъ книгъ, показанныхъ въ „Опытѣ" рѣдкими, 2) книгъ, проданныхъ академическимъ комитетомъ въ 1806 и 1808 гг. на вѣсъ, 3) примѣчанія, дополненія и поправки къ указателю авторовъ и переводчиковъ.

Съ большою добросовѣстностью исполнилъ В. Н. Рогожинъ свою кропотливую работу. Авторы многихъ книгъ, оставшіеся неизвѣстными Сопикову, имъ выяснены и опредѣлены, благодаря тщательному пересмотру не только обнародованныхъ, но и рукописныхъ источниковъ. Въ числѣ рукописныхъ матеріаловъ ему удалось просмотрѣть подлинныя дѣла Московской цензуры, временъ Павла Петровича, собственноручныя замѣтки С. Д. Полторацкаго и т. п. Разъясненіе анонимовъ у него не голословно, а всегда подкрѣплено ссылками и послужитъ цѣннымъ матеріаломъ при составленіи словаря Русскихъ писателей.

Конечно и въ этомъ указателѣ найдутся пропуски (таковъ удѣлъ библіографической работы), но во всякомъ случаѣ надо отнестись съ живою признательностью къ почтенному В. Н. Рогожину за его добросовѣстную работу.

Ю. Б.

*

РАЗСКАЗЫ СРЕДИ ПРИХОДСКАГО ДУХОВЕНСТВА

Н. И. Соловьева.

Вязники. 1899. 8-ка, III стр. Цѣна 60 к.

ИЗЪ УКРАИНСКОЙ СТАРИНЫ.

Моя родословная.

Я родомъ съ Украины, и все, касающееся моей родины, меня чрезвычайно интересуетъ. А между тѣмъ какъ мало еще является въ печати извѣстій о нашемъ краѣ—воспоминаній, записокъ, семейныхъ хроникъ, особенно позднѣйшаго происхожденія. Точно будто спитъ крѣпкимъ сномъ милая, зеленая Украйна. При этомъ условіи всякая вѣсточка, о ней можетъ не быть лишена интереса, хотя бы только мѣстнаго. Вотъ почему я рѣшаюсь на попытку напечатать свою хронику, задуманную для себя и своихъ.

У насъ трудно говорить о семейной старинѣ; трудно, вслѣдствіе бѣдности семейныхъ преданій, изъ-за повальнаго равнодушія нашего къ своему прошлому. Объ отцовскомъ родѣ мнѣ почти нечего сказать. Отецъ мой, Дмитрій Григорьевичъ Башкирцевъ, былъ уроженецъ Чугуева, когда-то крайняго укрѣпленнаго и населеннаго пункта на Югѣ Россіи. Въ Апрѣлѣ 1638 года пришлые Черкасы съ гетманомъ Яцкомъ Остренинымъ (Остраницею) просили у Бѣлгородскаго воеводы дозволенія устроить крѣпостцу на Югѣ, для отраженія Татарскихъ набѣговъ и самимъ тамъ поселиться. Дозволеніе дали, а черезъ годъ Московское правительство прислало Бѣлгородскому воеводѣ указъ о доставкѣ въ *Чугуево Городище* хлѣба для посѣва. Потомъ назначенъ былъ въ Чугуевъ воеводой кн. Щетининъ со стрѣльцами и боярскими дѣтьми. Вскорѣ между Черкасами начались раздоры. Воевода не сумѣлъ помирить ихъ между собою, не сумѣлъ заставить ихъ повиноваться ему или ихъ гетману. Они убили своего гетмана и сами бѣжали въ Польшу *). Нѣкоторые изслѣдователи Украинской ста-

*) Во всемъ, что́ касается исторіи Чугуева и Украйны вообще я придерживаюсь вѣрныхъ источниковъ: Преосв. Филарета въ *Описаніи Харьковской Епархіи*, П. Головинскаго въ *Исторіи Слободскихъ казачьихъ полковъ*, г. Багалѣя въ его трудахъ по исторіи Украйны и т. п. Изъ семейныхъ преданій я помѣщаю лишь то, чему вышеназванные источники не противорѣчатъ.

рины убѣждены, что Чугуевскій Остраница—тотъ самый знаменитый гетманъ, который былъ разбитъ Поляками подъ Старицей *); но того Остраницу звали Степаномъ, и откуда нибудь взялось же извѣстіе, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ и зажаренъ въ мѣдномъ быкѣ въ Варшавѣ. Другіе (преосв. Филаретъ) считаютъ Яцка его братомъ. Послѣднее мнѣніе всегда казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

Впослѣдствіи сформировался Чугуевскій казачій полкъ, вѣроятно изъ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ съ потомствомъ, т. к. о переселеніи въ Чугуевъ Черкасъ нѣтъ больше извѣстій, да и вообще въ Чугуевскомъ населеніи Малорусскій элементъ почти незамѣтенъ. Конечно этотъ полкъ имѣлъ свою военную исторію, участвовалъ въ разныхъ войнахъ и походахъ (между прочимъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта) и при Екатеринѣ II, кажется, въ 1765 году, былъ переименованъ въ уланскій. Въ теченіи своего военнаго существованія онъ конечно получалъ монаршія награды и милости; въ числѣ ихъ ему дано было право въ мирное время быть на постоянныхъ квартирахъ непремѣнно въ Чугуевѣ. Объ этомъ правѣ въ 1856 г. на коронаціи напомнилъ Александру II шефъ-полка, графъ Никитинъ, когда, по возвращеніи изъ Крыма, Чугуевскому полку назначена была стоянка въ Сватовой Лучкѣ (Ново-Екатеринославлѣ на Аракчеевскомъ языкѣ, столицѣ кирасирскаго поселенія Харьк. г. Купянскаго уѣзда). Полкъ перевели въ Чугуевъ; но это напоминаніе, говорятъ, не понравилось. Вскорѣ послѣ смерти графа Никитина полкъ опять выбылъ изъ Чугуева и болѣе туда не возвращался.

По разсказамъ старожиловъ Чугуевъ когда-то былъ прелестнымъ мѣстечкомъ. Расположенный на высокимъ берегу Донца, весь покрытый плодовыми садами, онъ славился красотой своего мѣстоположенія, обиліемъ фруктовъ, особенно чудесныхъ сливъ и бергамотъ, рыбнымъ богатствомъ, щегольствомъ и зажиточностью своего населенія и красотой женщинъ. Нужно впрочемъ думать, что условія мѣстной жизни не способствовали обогащенію однихъ сравнительно съ другими: въ Чугуевѣ не было богатыхъ такого рода, какъ они появились скоро между чиновнымъ людомъ другихъ слободскихъ полковъ.

Вѣроятно въ пору преобразованія этихъ полковъ первые чины получили дворянское званіе и слѣдов. право владѣть крѣпостными: нашъ дѣдъ или прадѣдъ былъ въ томъ числѣ. Кажется, этому праву не очень обрадовались и не сейчасъ имъ воспользовались; по крайней мѣрѣ у насъ крѣпостные появились гораздо позже.

---

*) Г. Багалѣй.

О дѣдѣ и прадѣдѣ со стороны отца я ничего не слышала. Кто-то изъ нихъ, говорятъ, умеръ отъ водобоязни: онъ шелъ изъ бани и вздумалъ приласкать любимую дворняжку, а она укусила его за палецъ. Но мать отца, бабушку Наталью Никифоровну, я живо помню: высокая благообразная старуха, между 70 и 80 годами, всегда въ темномъ платьѣ и всегда повязанная чернымъ головнымъ платкомъ, какъ простолюдинки, чтò конфузило немало впослѣдствіи ея невѣстокъ, особенно тетушку Елену Дмитріевну, которая была помоднѣе моей матери. Говорили, что когда-то бабушка Н. Н. была красавицей. Встарину весь Чугуевскій людъ придерживался старой вѣры: бабушка, кажется, такъ и умерла потаенной староверкой.

У бабушки выросло четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери. Старшій изъ сыновей—Дмитрій, мой отецъ (род. въ 1796 г.); а меньшой—Павелъ (1798 г.). Изъ дочерей одна вышла за пьянаго здоровеннаго офицера Мамина и скоро умерла отъ сладкой семейной жизни, оставивъ малютку—дочь Александру; другая попала какими-то судьбами за простого поселянина, чтò отъ насъ, слѣдующаго поколѣнія, старательно скрывали, и я узнала это впослѣдствіи только случайно. Вѣроятно она *согрѣшила*: я знаю нѣсколько случаевъ подобныхъ mésallian-ce'овъ у дворянокъ небогатыхъ и не сумѣвшихъ удержаться на подобающей высотѣ.

Въ должное время отецъ и дядя были отвезены въ Петербургъ, въ *Дворянскій эскадронъ*. Отвозилъ ихъ туда помѣщикъ Максимъ Максимычъ Ковалевскій, впослѣдствіи бывшій долго Харьковскимъ уѣзднымъ предводителемъ. Онъ самъ говорилъ мнѣ это въ Институтѣ, въ одно изъ посѣщеній племянницы своей, а моей подруги. Почему пало на него это порученіе, не знаю. Тогда, въ началѣ нашего столѣтія, онъ и самъ былъ конечно очень еще молодымъ человѣкомъ; но во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ говорилъ мнѣ объ участіи своемъ въ судьбѣ моего отца, онъ казался совершеннымъ старцемъ. Онъ вскорѣ женился, и женитьба его въ такіе поздніе годы несказанно удивила не только насъ, дѣтей, но и весь Харьковъ... Отъ этого брака родился Московскій профессоръ Ковалевскій, тоже Максимъ Максимычъ. Изъ дворянскаго эскадрона отецъ былъ выпущенъ въ драгуны (1814 г.); а дядя, по меньшей успѣшности занятій, въ пѣхоту. Не знаю, былъ ли отецъ за границей въ 1814—15 г.г.; но онъ интересовался Наполеоновскими войнами и выписывалъ потомъ сочиненія, къ нимъ относящіяся. Вскорѣ потомъ въ Чугуевѣ началась та ломка, то страшное разрушеніе и созиданіе, которымъ сопровождалось

устройство тамъ *Военнаго Поселенія*. Послышался плачъ и скрежетъ зубовъ, полились потоки крови, пошла *Аракчеевщина*, однимъ словомъ. «Шестидесятилѣтнихъ стариковъ гоняли сквозь строй», говорилъ мнѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ старикъ - поселянинъ, въ молодости бывшій свидѣтелемъ этого террора. Окрестный народъ звалъ Чугуевскихъ жителей *Немогéмами*. Это вотъ почему. Вѣроятно ради гуманныхъ влеченій Александра I, устроители поселенія присоединяли гнусное лицемѣріе къ прославившей ихъ жестокости: все-де у насъ дѣлается по доброй волѣ, по согласію. «Соглашаетесь ли вы перейдти на новое положеніе?» спрашивали у истязуемыхъ Чугуевцевъ послѣ экзекуціи. «Немогéмъ», т. е. *не можемъ*, отвѣчали они на мѣстномъ жаргонѣ, и экзекуція продолжалась. Многіе такъ и умерли на мѣстѣ *немогéмами*.

Тѣмъ не менѣе поселеніе конечно устроилось. Прелестный зеленый Чугуевъ распланированъ на казенный ладъ, драгоцѣнные фруктовые сады вырубили, широкія улицы обставили въ одномъ разстояніи другъ отъ друга, одинаковыми домиками для поселянъ; устроили мостовыя и тротуары. Тамъ-сямъ воздвигли большіе домà для большаго начальства, домà поменьше для начальства поменьше и маленькіе однообразные домики для зауряднаго офицерства; соорудили зданія для разныхъ штабовъ (корпусный штабъ, дивизіонный, штабъ восьми округовъ и четырехъ округовъ и т. п.) и для потребностей войска манежи, конюшни, пожарни, трубаческіе, *дѣловые дворы*, гдѣ *рабочей командою* сооружалось все нужное для полковаго хозяйства: солдатская одежда, обувь, амуниція, сѣдла, фуры, иногда даже экипажи для полковаго командира или другаго начальства. Статный красивый народъ одѣли въ форменное полусолдатское платье. Только женщинъ какъ будто оставили въ покоѣ. Но ухудшеніе жизненныхъ условій, казенщина и военщина, скопленіе войска, обиліе начальства и офицерства, проституція и сифилисъ сдѣлали свое дѣло и здѣсь: красивыя женщины въ Чугуевѣ перевелись.

Собственниковъ не-поселянъ изъ Чугуева выселили; имъ всѣмъ вмѣстѣ отвели землю и угодья верстахъ въ 25 отъ Чугуева. Множество мелкихъ панковъ (40 человѣкъ по народному счету) разомъ нахлынуло въ сельцо, которое тотчасъ получило уличное прозвище *Сороковки*. Бабушкѣ Башкирцевой съ семьей тоже досталось тамъ нѣсколько десятковъ десятинъ земли въ замѣнъ отобранной Чугуевской усадьбы; всю эту землю братья отдали сестрѣ своей Маминой.

Извѣстно, что идея военныхъ поселеній была крайне непопулярна въ обществѣ съ самаго своего возникновенія; но насиліе и жесто-

кость при ея осуществленіи сдѣлали поселенія всѣмъ ненавистными [1]. Офицеры считали щекотливымъ для себя служить въ полкахъ, расположенныхъ въ поселеніи, и безпрестанно просились въ переводъ или подавали въ отставку, такъ что начальство нашло нужнымъ принять принудительныя мѣры: отставки и переводы были запрещены и, чтобъ пополнить уже оказавшуюся убыль офицеровъ, придуманы были нѣкоторыя преимущества для офицерства поселенныхъ полковъ, напримѣръ, нѣсколько усилено было ихъ жалованье. Не знаю, какъ смотрѣлъ отецъ на учрежденіе военнаго поселенія, но на службу въ немъ онъ смотрѣлъ повидимому съ точки зрѣнія выгодности ея для него въ матеріальномъ отношеніи и при первой же возможности перешелъ въ Чугуевскій полкъ, а потомъ, собравшись со средствами, перевелъ туда и меньшого горячо любимаго брата, съ которымъ до самой смерти своей жилъ душа въ душу.

Фронтовая кавалерійская служба однако плохо давалась отцу. Онъ былъ человѣкъ рослый и сильный, хотя и худощавый, но неловкій и немного неуклюжій. Очень радъ онъ былъ, когда его выбрали полковымъ квартирмейстеромъ. Полковое хозяйство велось въ поселеніи много экономнѣе и выгоднѣе для казны, чѣмъ на *вольныхъ квартирахъ*; начальство и должностные не могли разсчитывать на большіе доходы, но отецъ былъ до крайности бережливъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ, и въ пору первой молодости у нихъ часто случалось безденежье. «Да вѣдь у тебя есть деньги: ты на прошлой недѣлѣ спряталъ столько-то», говорилъ ему дядя, тогда еще неразсчетливый молодой человѣкъ. «Ну, тѣ деньги нельзя трогать», возражалъ ему отецъ: «онѣ не для теперешней нашей жизни. Я вотъ женюсь когда-нибудь, у меня дѣти будутъ: имъ-то эти деньги понадобятся».

Вскорѣ отецъ совсѣмъ бросилъ полкъ, перешелъ на поселенную службу и былъ назначенъ волостнымъ командиромъ въ Чугуевѣ [2].

Но фронтовая служба дядѣ моему оказалась не мачихой, а родной и нѣжной матерью. Дядя былъ выше средняго роста ловкій молодецъ съ звучнымъ голосомъ и стройнымъ станомъ; посадка у него была великолѣпная. Фронтовая служба пригрѣла его и приголубила;

---

[1]) Военныя поселенія принадлежали къ числу опытовъ либеральнаго кабиненнаго деспотизма, который иногда бываетъ страшнѣе всякаго другаго: будь благополученъ не по своему, а по моему. П. Б.

[2]) Украинское военное поселеніе состояло изъ 8 округовъ: первые четыре Кирасcирскіе, въ Купянскомъ и отчасти Старобѣльскомъ уѣздахъ съ главнымъ мѣстечкомъ *Ново-Екатеринославлемъ* или *Святовой Лучкой* по народному. Другіе четыре округа Уланскіе въ окружностяхъ Чугуева. Въ округѣ было 3 волости. Всѣ chef-lieux были переименованы: Печенѣги—въ Ново-Бѣлгородъ, Балыклея—въ Ново-Серпуховъ и т. д.

ей столько же, какъ уму своему и энергіи, а можетъ быть и еще больше, онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ и богатствомъ.

*

Но если отецъ мой былъ скромнаго происхожденія, за то моя мать, по женскому колѣну, была изъ рода Донецъ-Захаржевскихъ, одной изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ мѣстныхъ фамилій.

Въ XVII вѣкѣ, въ послѣднее время кровавой, почти непрестанной борьбы доживавшаго свой вѣкъ казачества съ Польшей, между прочими выходцами, нѣсколько дворянскихъ семей выселилось въ Россію и съ разрѣшенія Русскаго правительства разселилось по Слободской Украйнѣ, занимавшей нынѣшнюю Харьковскую г. и часть Воронежской и Курской. Въ числѣ этихъ семей были и Захаржевскіе. Новые пришельцы натурально принесли съ собой на свою новую родину старые Малорусскіе обычаи и распорядки. Тотчасъ, по образцу Малороссійскихъ казачьихъ полковъ, сами собой устроились слободскіе полки, необходимые тогда на Югѣ Россіи для отраженія частыхъ Татарскихъ набѣговъ. Эти полки имѣли каждый свое самостоятельное управленіе. Во всякомъ изъ нихъ полковникъ былъ гетманомъ въ миніатюрѣ: ему принадлежала военная, административная и судебная власть въ районѣ расположенія его полка; онъ могъ надѣлять свободными землями другихъ, могъ и себѣ взять сколько угодно земель въ вѣчное владѣніе. Подобно гетманской булавѣ у полковника былъ свой перначъ [1]) (шестигранная булава), своя гербовая печать, бывшая вмѣстѣ и полковою, и полковая хоругвь съ изображеніемъ св. угодника, покровителя полка. Въ Харьковской нынѣшней губерніи на первыхъ порахъ такихъ полковъ было три: Харьковскій, Сумской и Ахтырскій; потомъ къ нимъ присоединился и Изюмскій [2]). Первымъ

---

[1]) Такой перначъ сохранялся въ нашемъ родствѣ, и я его видѣла. Когда дѣлились между собою мать моя и ея братья и сестры, въ числѣ ненужнаго хлама оказалась какая-то кругловатая вещь, тяжелая, заплѣсневѣлая, зазелѣнѣлая, насаженная на палку. Никто не могъ рѣшить, что̀ это такое. Раздѣлили старыя сковородки и кострюльки, а она никому не понадобилась. Наконецъ дядя Александръ вызвался взять ее на свою часть: на охотѣ-де пригодится волковъ бить. Потомъ ее обчистили; оказался серебряный перначъ, когда-то вѣроятно осыпанный драгоцѣнными каменьями, тогда уже повыковыренными. Этотъ перначъ долго хранился у дяди въ кладовой. Волко̀въ имъ не били, а въ видѣ курьеза показывали любопытнымъ, что̀ случалось рѣдко, чуть ли не мнѣ одной, сколько помню. Недавно я узнала дальнѣйшую исторію этого пернача: онъ долго сохранялся у вдовы дяди и наконецъ былъ купленъ какимъ-то любителемъ старины для Кіевскаго музея. Какой любитель, какой музей, тетушка не могла мнѣ пояснить: такъ ужъ она состарѣлась и потеряла память. Только и узнала я, что за перначъ заплатили ей 50 рублей.

[2]) Интересныя свѣдѣнія о слободскихъ полкахъ можно найдти въ книжкѣ П. А. Головинскаго *Слободскіе казачьи полки*, которая сдѣлалась теперь библіографической рѣдкостью.

Харьковскимъ полковникомъ, послѣ *Репки*, вскорѣ убитаго своими подчиненными, былъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій, *Рука Властная*, какъ подписывались подъ своими универсалами первые слободскіе полковники въ подражаніе Малороссійскимъ гетманамъ. Григорій Ерофеевичъ пришелъ на Украйну Захаржевскимъ; дворянская южно-Русская фамилія Захаржевскихъ встрѣчается въ Польскихъ лѣтописяхъ: такъ подъ Оршею убитъ былъ какой-то ротмистръ Матвѣй Захаржевскій. Но *Донцомъ* Григорій Ерофеевичъ сдѣлался уже на Украйнѣ за частыя доблестныя битвы свои съ Татарами на берегахъ Донца. Степнымъ орломъ леталъ онъ по Украйнѣ и несмѣтное число разъ отражалъ воровскіе набѣги Крымской орды отъ предѣловъ своего новаго отечества *). И не одними военными подвигами извѣстенъ былъ Гр. Ер—чъ: онъ построилъ укрѣпленія на протяженіи 200 верстъ по Донцу, привелъ въ порядокъ и населилъ раззоренный Татарами Изюмъ (слободской городокъ, возникшій на мѣстѣ Татарскаго селенія Гузунъ, теперь уѣздный городъ въ Харьковской губерніи), гдѣ и самъ проживалъ въ послѣднее время жизни, продолжилъ Перекопскій валъ, въ началѣ имѣвшій всего 7 верстъ протяженія, насадилъ многое множество слободъ и наконецъ образовалъ Изюмскій казачій полкъ, которымъ правилъ со всѣмъ полковничьимъ полновластіемъ, между тѣмъ какъ его второй сынъ Константинъ былъ его наказнымъ полковникомъ. И это не все: Григорій Ерофеевичъ былъ также *мужъ совѣта*, человѣкъ со здравымъ политическимъ чутьемъ и силой убѣжденія. Когда гетманъ Брюховецкій затѣялъ отложиться отъ Россіи и вездѣ искалъ себѣ союзниковъ, послы его навѣдывались и въ Слободскую Украйну. Но Григорій Ерофеевичъ вмѣстѣ съ Сумскимъ полковникомъ Кондратьевымъ, понимая невыгоду союза съ отживающей свой вѣкъ гетманщиной противъ сильной и живучей Россіи, убѣдили полковую старшину и войско оставаться вѣрными царю Русскому. И Украйна не поколебалась въ этой вѣрности, не смотря на опустошительные набѣги гетманскихъ отрядовъ съ ихъ союзниками Татарами; она ихъ мужественно отражала и терпѣливо сносила раззореніе и всяческія бѣдствія, неизбѣжные спутники войны. Наградой за это были похвальныя грамоты слободскимъ полкамъ отъ царя Алексѣя Михайловича; но лучше всякой награды было то, что, убѣдившись въ вѣрности Слободской Украйны, Московское правительство продолжало держаться системы невмѣшательства въ ея внутренніе распорядки и предоставляло

*) „Григорій Ерофеевичъ громилъ враговъ въ разныхъ мѣстахъ, и острая сабля его плавала въ крови поганыхъ“, говоритъ Орновскій, панегиристъ фамиліи Донецъ-Захаржевскихъ.

слобожанамъ разселяться и устраиваться на своей полной волѣ и по дѣдовскому казацкому обычаю. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Гр. Ер—чъ былъ личностью раболѣпной, слѣпо покорствующей придержащей власти и заискивающей у нея. Совсѣмъ напротивъ. Не знаю, до т. н. измѣны Брюховецкаго или послѣ нея, Московское правительство отправило въ Малороссію нѣкіихъ Зотова и Тяпкина, съ распоряженіями ли какими бывшими не всѣмъ по душѣ, или просто соглядатаями, для ознакомленія съ положеніемъ и распорядками Малорусскихъ и слободскихъ полковъ. Гр. Ер—чъ принялъ этихъ посланцевъ высокомѣрно и холодно, между тѣмъ какъ гетманъ и Сумской полковникъ Кондратьевъ всячески ихъ ублажали и чествовали.

Всегда у насъ на Руси въ старину дѣла военной доблести шли объ руку съ дѣлами благочестія. Григорій Ерофеевичъ съ большимъ усердіемъ способствовалъ основанію монастырей въ подвластной ему мѣстности. При немъ и въ значительной степени его заботами и издержками основанъ былъ Куряжскій мужской монастырь и Хорошевскій женскій [1]).

Григорій Ерофеевичъ умеръ въ 1691 году. У него было три сына: Өедоръ, участвовавшій въ покореніи Кизикирмена и Тамани, Иванъ, отличившійся при возвращеніи оттуда полка и затѣмъ какъ-то безслѣдно исчезнувшій, и Константинъ, Изюмскій полковникъ, такой же боевой соколъ, какъ его отецъ; онъ былъ убитъ въ схваткѣ съ Татарами на *Гороховатскомъ шляху* въ 1692 г. [2]). Изъ этихъ трехъ сыновей перваго Донца мужское потомство осталось только у Константина.

Семья Захаржевскихъ владѣла тогда огромнымъ количествомъ земли въ нынѣшнихъ уѣздахъ: Харьковскомъ, Изюмскомъ, Зміевскомъ, Волчанскомъ и Валковскомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ лучшія угодья въ этой мѣстности принадлежали Захаржевскимъ. Кромѣ земель, доставшихся дѣтямъ Григорія Ерофеевича отъ отца, дѣти Константина Григорьевича получили отъ Московскаго правительства знатное имѣніе Большой Бурлукъ (нынѣ Волчанскаго у. [3]), въ

---

[1]) Извѣстно, что казачество, устраивая мужскіе монастыри, имѣло между прочимъ цѣлью призрѣніе раненыхъ и изувѣченныхъ въ бою. Такіе монастыри назывались *Казацкими*.

[2]) Лѣтомъ 1878 г. мнѣ пришлось ѣхать въ Изюмъ этимъ самымъ Гороховатскимъ шляхомъ. Ночь была лунная и тихая. За 28 верстъ пути намъ не попалось ни одного жилья на виду, ни одного встрѣчнаго прохожаго или проѣзжаго. Но вездѣ кругомъ маячили миріады сѣнныхъ скирдовъ. Ночная тишь и лунный свѣтъ, придававшій имъ фантастическое освѣщеніе, порождали странную иллюзію: чудилось, что тò ползетъ поганая Татарва за добычей, что вотъ-вотъ вынырнутъ откуда-либо казаки, и начнется кровавая схватка.

[3]) Григорій Петровичъ Данилевскій въ своихъ интересныхъ разсказахъ объ Украинской старинѣ, въ числѣ имѣній своего предка, Пришибскаго сотника Данилы, называетъ

воздаяніе заслугъ дѣда и геройской смерти отца въ бою. Конечно, вскорѣ эти огромныя богатства стали уменьшаться чрезъ дѣлежи, приданыя дочерей, продажу земель, пожертвованія въ пользу монастырей и пр. Такъ, къ князьямъ Крапоткинымъ перешли, съ рукою дочери Θедора Григорьевича, деревни *Должикъ и Ефремовка*; Константинъ Гр—чъ выдѣлилъ дочери Авдотьѣ, вышедшей за Зaруднаго, большое село *Хатное*; вдова Θедора Гр—ча продала Харьковскому полковнику Григорію Семеновичу Квиткѣ живописную *Основу* (подъ самымъ Харьковомъ), а самъ Θедоръ Гр—чъ еще ранѣе пожертвовалъ Куряжскому монастырю *Песочинъ*.

Сынъ Константина Григорьевича Захаржевскаго Михаилъ женатъ былъ на дочери Пришибскаго сотника Данилы (пращура Данилевскихъ), а сынъ Михаила Константиновича, тоже Михаилъ, послѣдній слободской Сумской полковникъ, женился на Шидловской.

Шидловскіе издавна считались одною изъ шляхетскихъ Малорусскихъ семей, выселившихся на Украйну въ концѣ XVII в. Но вотъ вышли *Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ*; изъ нихъ оказывается, что они выселились изъ Польши въ XIV вѣкѣ и давно совсѣмъ обрусѣли. Самый извѣстный изъ Шидловскихъ въ исторіи, начальникъ надъ слободскими полками, генералъ-маіоръ Θедоръ Владимировичъ Шидловскій, былъ собственно стольникъ *Шиловъ*, по Малорусской модѣ того времени перепначившій свою фамилію на Польскій ладъ въ *Шидловскаго* *); онъ былъ женатъ на дочери перваго Донца—Ульянѣ. Шидловскіе болѣе другихъ Украинскихъ баръ обнаруживали близость къ Польской жизни, Польскій гоноръ, любовь къ роскоши и т. п. Ихъ старинный домъ въ Мерчикѣ, главной резиденціи Θ. Вл—ча, впослѣдствіи перестроенный по планамъ знаменитаго Растрелли, назывался *дворцомъ*, на манеръ Польскихъ вельможъ, у которыхъ всегда дворцы, а не дома. Но *Матеріалы* даютъ только документальные источники для исторіи Шидловскихъ; помимо ихъ, существуютъ еще преданія, которыя бываютъ иногда если не вѣрнѣе, то характеристичнѣе документовъ. Въ Валковскомъ у., Харьковской губ., мнѣ удалось слышать отъ одного образованнаго помѣщика интересные разсказы о Θ. Вл—чѣ, о которомъ Петръ Великій выразился будто бы, что Шидловскій-де *зѣло богатъ* и *вельми плутъ*. Изъ этихъ разсказовъ выходитъ, что гнѣвъ царя на Шидловскаго произошелъ не только изъ-за Меншикова и его самовольнаго завладѣнія

и Большой Бурлукъ. Это невѣрно. Пришибскому сотнику, родоначальнику Харьковскихъ Данилевскихъ, вѣроятно принадлежалъ Малый Бурлукъ, Зміевскаго уѣзда.

*) Не такова ли была ихъ Польская фамилія до выселенія въ Россію?

большимъ имѣніемъ на Украйнѣ съ помощью Шидловскаго; выходитъ, что это было *одною изъ причинъ*, если не предлогомъ, царскаго гнѣва. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что прежде чѣмъ составилось у царя нелестное мнѣніе о Шидловскомъ, онъ питалъ къ нему большое довѣріе: вся служба Шидловскаго о томъ свидѣтельствуетъ. Когда Мазепа затѣялъ пристать къ Карлу XII, онъ, наученный опытомъ Выговскаго и Брюховецкаго, а можетъ быть и собственными тайными попытками, не искалъ уже себѣ союзниковъ среди старшинъ слободскихъ полковъ. Но Шидловскій, говорятъ, зналъ о замыслахъ Мазепы и, не отваживаясь на разрывъ съ царемъ, а въ тоже время не желая упустить выгодъ, которыя могъ бы дать ему успѣхъ Мазепы, онъ такъ ловко лавировалъ между ними, что Петръ вручилъ ему большія деньги для покупки лошадей подъ царскую конницу; бережливый царь не далъ бы, конечно, этого порученія человѣку, возбуждавшему въ немъ малѣйшее сомнѣніе. Шидловскій деньги эти припряталъ, а лошадей не купилъ. Во время войны Петру некогда было разбираться въ подобныхъ мелочахъ; но вотъ грянулъ громъ Полтавской битвы, царь выигралъ большую ставку, и счастливый, гордый громкою побѣдой надъ сильнымъ врагомъ, радостно возвращался во-свояси. Тутъ Шидловскій поспѣшилъ забѣжать впередъ, упросилъ царя заѣхать по пути отдохнуть и попировать у него въ Мерчикѣ. Петръ заѣхалъ. Нужно полагать, что тутъ онъ свелъ счеты со своимъ амфитріономъ, при чемъ убѣдился, что Шидловскій и зѣло богатъ, и вельми плутъ: у каменнаго постоялаго двора, по большой дорогѣ отъ Харькова въ Валки, куда выѣхалъ провожать высокаго гостя старый Шидловскій, Петръ угостилъ его батогами и оповѣстилъ, что отбираетъ въ царскую казну свою всѣ его имѣнія, кромѣ отдѣленныхъ уже Шидловскимъ племяннику своему Лаврентію, который угодилъ царю своей службой *). Само собою разумѣется, что Шидловскій отрѣшенъ былъ отъ должности и отданъ подъ судъ. Какъ богатъ онъ былъ, можно заключить изъ того, что и послѣ конфискаціи фамилія Шидловскихъ осталась одною изъ замѣтныхъ на Украйнѣ своимъ богатствомъ. На дочери этого Лаврентія Шидловскаго женился Михаилъ Михайловичъ Донецъ-Захаржевскій.

Извѣстно, что съ легкой руки Толстого, зятя гетмана Скоропадскаго, въ Малороссійскихъ полкахъ появились Великорусскіе полковники. Уже въ 1723 году Московское правительство, подъ благовиднымъ предлогомъ, назначило Кокошкина полковникомъ Стародубскаго полка. И въ слободскіе полки сталъ мало-по-малу вторгаться Великорусскій

*) Лаврентій Шидловскій участвовалъ, между прочимъ, и въ Полтавской битвѣ.

элементъ, пока они не были окончательно переименованы въ армейскіе кавалерійскіе полки.

Анастасія Лаврентьевна была женщина гордая и высокомѣрная: не даромъ же она родилась *во дворцѣ*. Конечно, мило ей было огромное состояніе мужа, и ужъ какъ ей не хотѣлось, чтобъ оно расплывалось. А расплываться ему было необходимо: Богъ наградилъ дѣтьми послѣдняго Сумскаго полковника; у него выросло пять сыновей и двѣ дочери. Сыновья, конечно, подѣлятъ между собой имѣніе, но тутъ оно по крайней мѣрѣ не выйдетъ изъ рода; а выдѣлять части дочерямъ— это уже настоящая потеря для фамиліи. Чтобъ тутъ помочь сколько-нибудь дѣлу, мать съ сыновьями придумали уменьшить до послѣдней возможности приданыя части дочерей. Первый опытъ удался блистательно: къ старшей дочери Аннѣ присватался офицеръ Изюмскаго гусарскаго полка, изъ Великороссовъ, Никита Петровичъ Балавенскій, Псковскій помѣщикъ, съ хорошимъ состояніемъ на родинѣ. Безпечность ли его, любовь ли, или врожденное безкорыстіе (нужно полагать, что была тутъ малая толика того, другого и третьяго), но онъ взялъ невѣсту изъ богатѣйшаго украинскаго рода безъ приданаго. Этого мало: чтобъ не разлучать жену съ ея безсовѣстной родней и цвѣтущей родиной, онъ продалъ свое Псковское имѣніе и накупилъ земли въ Зміевскомъ уѣздѣ. Прожилъ онъ недолго; Анна Михайловна осталась вдовой съ двумя сыновьями. Братья удѣлили ей, наконецъ, 1000 десятинъ отъ одного изъ богатѣйшихъ имѣній своихъ, Бугаевки, Изюмскаго уѣзда *). Не смотря на знатное происхожденіе свое, Анна Михайловна была полуграмотна: подписать свое имя она умѣла, но читать могла только печатное; пользуясь этимъ, братья подсунули ей къ подписи документъ, удостовѣряющій, что она получила указанную ей закономъ часть и ничего больше требовать не будетъ. А имѣніе Захаржевскихъ состояло тогда изъ 140 тысячъ десятинъ, и законная часть дочерей, четырнадцатая, равнялась десяти тысячамъ десятинъ.

Не такъ благополучно кончилось дѣло у Захаржевскихъ при замужествѣ другой сестры, Прасковьи. Ее сговорили за Штерича, впослѣдствіи генерала; но этотъ женихъ былъ не чета Никитѣ Петровичу. «Меня не проведутъ, какъ Балавенскаго: я свое возьму», говорилъ онъ передъ свадьбой. И въ самомъ дѣлѣ, онъ вытребовалъ у Захаржевскихъ все, что́ ему слѣдовало, съ нѣкоторымъ даже, кажется, скандаломъ.

---

*) Эта деревня называлась *Чернобаевкой*, а по уличному *Карповкой*, и до 1880 г. состояла во владѣніи Балавенскихъ. Потомъ ее купилъ князь Шаховской, который еще прежде пріобрѣлъ съ аукціона и Бугаевку. Тотчасъ по открытіи Крестьянскаго банка, онъ очень выгодно продалъ крестьянамъ Чернобаевку и распродалъ по частямъ имъ же Бугаевку.

Нечестная продѣлка Захаржевскихъ съ сестрой Анной не испортила однако ихъ родственныхъ отношеній. Старшій сынъ ея Василій воспитывался даже въ домѣ дяди Андрея съ его сыновьями, между тѣмъ какъ дочь Андрея Михайловича жила у тетки Штеричъ въ ея Сумскомъ имѣніи Басахъ. Потомъ Василій поступилъ на службу въ Изюмскій гусарскій полкъ. Достигнувъ совершеннолѣтія и ознакомившись со своимъ имущественнымъ положеніемъ, онъ пришелъ въ негодованіе отъ мошеннической продѣлки дядей съ его матерью и сталъ уговаривать ее начать съ ними процессъ. «Обожди, другъ мой!» отвѣчала она ему: «я съ братьями никогда не ссорилась и тягаться съ ними не желаю. Умру, ваша воля!» Василій Никитичъ не настаивалъ. Но Богъ далъ вѣку Аннѣ Михайловнѣ, минула десятилѣтняя давность, и начинать дѣло съ Захаржевскими по смерти матери Балавенскимъ уже нельзя было.

Въ концѣ прошлаго вѣка Василій Никитичъ стоялъ съ полкомъ въ Польшѣ и тамъ женился на Гонсѣвской, Полькѣ по отцу (мать ея была Шведка, Гроссъ по фамиліи). Какая мѣшанина въ восходящемъ родствѣ моемъ: и Русскіе тутъ, и Малороссы, и Поляки, и Шведы!...

Но въ началѣ XIX вѣка Василій Никитичъ былъ уже въ отставкѣ и мирно поживалъ съ семьей въ своей Гинеевкѣ, Зміевскаго уѣзда. Онъ былъ что́ называется душа-человѣкъ: веселый, добрый, хотя и вспыльчивый, и нѣсколько безпечный человѣкъ; а бабушка была хлопотунья, рьяная хозяйка и, кажется, подерживала муженька въ рукахъ, хотя жили они согласно. Выходя замужъ, она приняла православіе. Дѣтками ихъ Богъ благословилъ: у нихъ выросло три сына и четыре дочери. Моя мать была средней.

Петръ Никитичъ тоже служилъ въ Изюмскомъ полку, но очень недолго. Подъ Харьковомъ, на Основѣ, жила богатая семья Квитокъ, онъ часто бывалъ тамъ; влюбился въ дочь ихъ Прасковью Ѳедоровну и ей понравился. Но Квитки были гордые бары, а онъ отпрыскъ захудалаго дворянскаго рода, и отдать дочь за Балавенскаго Квитки и слышать не хотѣли. Долго добивались бѣдные влюбленные родительскаго согласія; кончилось тѣмъ, что Петръ Никитичъ увезъ Прасковью Ѳедоровну. Обвѣнчавшись, они поселились въ его имѣніи Петропольѣ (тоже Зміевскаго уѣзда, верстахъ въ 30—40 отъ Гинеевки), гдѣ у него было около 3.000 десятинъ земли и слишкомъ 200 душъ: состояніе, конечно, незначительное въ сравненіи даже съ состояніемъ Квитокъ, не говоря о Захаржевскихъ.

Семья Василья Никитича жила въ той простотѣ и довольствѣ, въ какихъ жили вообще на Украйнѣ дворянскія семьи средняго достатка. Въ домѣ Петра Никитича тонъ былъ нѣсколько повыше. «У нихъ тамъ

пармезаны за завтракомъ подавались, и желе съ бланманже по праздникамъ, повара были ученые, а у насъ—нѣтъ», пояснялъ мнѣ потомъ дядя Александръ. Тутъ отчасти сказывались привычки, вынесенныя Прасковьей Ѳедоровной изъ богатаго отчаго дома, отчасти же вліяло и то, что у Петра Никитича, въ противуположность большой семьѣ брата, былъ одинъ только сынъ. Родные Прасковьи Ѳедоровны впослѣдствіи примирились съ ней, принимали ее съ мужемъ у себя и у нихъ бывали, но дать ей ничего не дали, а Петръ Никитичъ ничего у нихъ не просилъ, да можетъ быть ничего даже и не желалъ: отъ отца своего онъ унаслѣдовалъ безкорыстіе и безпечность, еще сильнѣе чѣмъ братъ Василій. Супружеская жизнь Петра Никитича была образцовая: никогда никто не слышалъ между нимъ и женою неласковаго слова, никто не видалъ косого взгляда. Весь вѣкъ они прожили такъ любовно и согласно, какъ въ первый годъ совмѣстной своей жизни. Иногда ихъ супружеская нѣжность казалась просто смѣшною для сторонняго равнодушнаго взгляда. Сидитъ, напримѣръ, Прасковья Ѳедоровна въ гостиной за бостономъ, Петръ Никитичъ играетъ въ залѣ, а у двери стоитъ какой-нибудь Васька или Прошка. «Человѣкъ!» зоветъ Прасковья Ѳедоровна. Прошка подходитъ. «Ступай къ Петру Никитичу и скажи, что Прасковья Ѳедоровна велѣла кланяться и спросить о здоровьѣ», приказываетъ она. Прошка шагаетъ за дверь и передаетъ полученное порученіе. «Петръ Никитичъ приказали кланяться, благодарить и сказать, что онѝ, слава Богу, здоровы, а у васъ также велѣли спросить о здоровьѣ», рапортуетъ онъ чрезъ минуту, появляясь снова у стола Прасковьи Ѳедоровны, и такимъ образомъ нѣсколько разъ пропутешествуетъ съ порученіями изъ гостиной въ залу и обратно. Въ сынѣ своемъ Ѳеодорѣ нѣжная чета души не слышала. Отъ избытка родительской любви, желая имѣть сына при себѣ безотлучно, родители не отдали его никуда учиться, и онъ остался при томъ, чему выучился дома. Впрочемъ Ѳедоръ Петровичъ былъ человѣкъ неглупый и любознательный, охотно заглядывалъ въ книжку и, сравнивая его съ людьми, получившими образованіе въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ, нельзя сказать, чтобъ они были его образованнѣе. Потомъ изъ тѣхъ же побужденій родители не пустили его на службу, что̀ въ то время считалось для дворянина нѣсколько даже зазорнымъ. Онъ только числился на службѣ для перваго чина въ какой-то канцеляріи, куда никогда и не заглядывалъ.

У Прасковіи Ѳедоровны было два брата. Одинъ Андрей Квитка гордый богатый баринъ, губернскій предводитель дворянства, умеръ сенаторомъ въ Москвѣ. У сестры онъ бывалъ рѣдко и къ семьѣ ея относился хотя и ласково, но нѣсколько свысока. Другой ея братъ

Григорій былъ добрякъ и чудакъ; онъ поступилъ было въ монахи, но скоро вышелъ изъ монастыря и началъ хлопотать объ устройствѣ въ Харьковѣ театра, при чемъ поговаривали, что онъ и самъ собирается въ актеры. Потомъ онъ принималъ участіе въ основаніи Харьковскаго Института благородныхъ дѣвицъ, жертвовалъ для этой цѣли, вслѣдствіе чего и былъ впослѣдствіи членомъ совѣта въ учрежденномъ заведеніи и, наконецъ, женился на одной изъ его класныхъ дамъ. При дележѣ съ братомъ Андрей Ѳедоровичъ умудрился обдѣлать дѣла какъ-то такъ, что ему досталась львиная часть отцовскаго наслѣдія, и Григорій Ѳедоровичъ до самой смерти жилъ со своей женой какъ бы изъ милости въ низенькомъ неказистомъ домикѣ на Основѣ противъ пышнаго предводительскаго дома въ великолѣпномъ саду съ теплицами, оранжереями и прочими затѣями. Передъ братомъ онъ казался человѣкомъ маленькимъ, незамѣтнымъ, а прошло 50 лѣтъ, Андрея Ѳедоровича всѣ забыли, но долго будутъ помнить и чтить на Украйнѣ Грицька Основьяненка *).

Въ родствѣ Прасковьи Ѳедоровны считается еще одна замѣчательная личность: это Іоасафъ Горленко, праведный и грозный епископъ Бѣлгородскій, святой, по выраженію Кохановской, *не признанный Святѣйшимъ Синодомъ, но почитаемый православнымъ народомъ*. Не знаю, какъ относились къ этому родству старики и Ѳедоръ Петровичъ; жена его впослѣдствіи частенько ѣздила на богомолье въ Бѣлгородъ, гдѣ въ подземельи собора, въ мужскомъ монастырѣ, въ дорогой ракѣ, почиваютъ непризнанныя, но прославленныя народнымъ гласомъ мощи святителя. Молодое поколѣніе, внуки Прасковьи Ѳедоровны, къ этому родству относились равнодушно.

Въ семьѣ В. П. Балавенскаго какъ будто болѣе заботились о воспитаніи дѣтей: старшій сынъ его Валеріанъ могъ даже поступить въ артиллерію, для чего и тогда требовались кое-какія познанія. Мать моя ребенкомъ была очень дружна съ братомъ Александромъ, красивымъ, шустрымъ мальчикомъ, гораздо моложе старшихъ брата и сестры, и на два года старше моей матери, красавицы-брюнетки, живой, бойкой и смѣлой, какъ мальчикъ; вмѣстѣ они играли и шалили, попадались и претерпѣвали шлепанцы отъ матери. Отецъ до нихъ не касался. «Разъ только мнѣ отъ него досталось», разсказывалъ мнѣ дядя Александръ: «онъ легъ спать послѣ обѣда въ кабинетѣ и запретилъ шумѣть; а мнѣ вздумалось скакать галопомъ въ залѣ вокругъ обѣ-

---

*) Въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ упоминается мелькомъ объ Основьяненкѣ онъ будто бы уступилъ свою 1.000 душъ брату, который прожилъ эти тысячи, а Гр. Ѳ—чъ: затѣмъ *основалъ Харьковскій Институтъ*. На какія же средства, если онъ все отдалъ брату? И Андрей Ѳедоровичъ не прожился: сынъ его еще былъ богатъ.

деннаго стола. Онъ прикрикнулъ на меня разъ и два, а я все скачу. Онъ выбѣжалъ въ залу и отхлесталъ меня подтяжками». Розги во всемъ роду Балавенскихъ никогда не употреблялись.

Василію Никитичу не удалось дожить свою жизнь безмятежно: то бѣдствіе, которое тяготѣло надъ Россіею вообще, а надъ Харьковскою губерніей, въ числѣ немногихъ другихъ, въ особенности, бѣдствіе, называвшееся *Аракчеевщиной*, прихлопнуло и его. По распоряженію Аракчеева, родная, благоустроенная Гинеевка Василія Никитича отошла въ казну и вошла въ составъ 7-го округа Украинскаго военнаго поселенія, а взамѣнъ ея отрѣзали бывшему владѣльцу ея 2000 съ лишнимъ десятинъ казенной земли въ Купянскомъ уѣздѣ. Изъ просторнаго насиженнаго гнѣзда старикамъ пришлось переселяться въ другое имѣніе, еще даже безъ усадьбы, рядомъ съ Петропольемъ. Старики закручинились, стали похварывать. Но тоже поселеніе, давшее имъ это нежданное горе, доставило имъ нѣкоторое утѣшеніе: къ старшей дочери ихъ Любови присватался Чугуевскій волостной командиръ, майоръ фонъ-Клугенъ, слывшій отличнѣйшимъ человѣкомъ. Есть преданіе, что бабушка Ирина Михайловна немножко припеволила дочь къ замужеству съ немолодымъ, болѣзненнымъ Нѣмцемъ; но тетушка Любовь Васильевна всегда упорно это отрицала. Ихъ семейная жизнь шла потомъ очень счастливо, хотя, конечно, пожилой, бывалый Нѣмецъ на первыхъ же порахъ прибралъ къ рукамъ молодую жену, чѣмъ она впослѣдствіи очень даже гордилась. «Разъ проворовался у насъ денщикъ, а Павелъ Евстафьевичъ велѣлъ его передъ крыльцомъ высѣчь», разсказывала она мнѣ потомъ; «онъ началъ кричать подъ розгами... Я просила, просила перестать сѣчь, Пав. Евст—чъ не прощаетъ; я бросилась на полъ и начала сама кричать и биться, какъ въ припадкѣ, а Павелъ Ев—чъ приговариваетъ: Еще его! Крѣпче его! Я вскочила, убѣжала и больше ужъ въ истерику не падала. Вотъ онъ какой былъ, Павелъ Евстафьевичъ! Съ характеромъ былъ и жену умѣлъ держать!»

А старики Балавенскіе немногимъ пережили потерю Гинеевки и замужество дочери: скоро другъ за другомъ они отдали Богу душу.

Не смотря на милый способъ исправлять жену отъ истерики (совсѣмъ, впрочемъ, въ духѣ времени), Клугенъ въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ необыкновенной честности. Онъ командовалъ въ Чугуевѣ сперва волостью, въ такое время, когда тамъ все строилось и устраивалось, воздвигались огромныя зданія, возникали и селились цѣлыя предмѣстія (одно изъ нихъ, на полугорѣ надъ Донцомъ, выстроено и населено было Клугеномъ и названо въ честь его Клугеновкой); всѣ принимавшіе участіе въ этой стройкѣ могли наживаться, а окружные съ волостными въ особенности. Клугенъ, однако, ничего не нажилъ:

всѣ остатки отъ смѣтныхъ суммъ, всю т.-наз. *благоразумную экономію*, считавшуюся по праву достояніемъ распорядителей, онъ представлялъ начальству и, конечно, спасъ этимъ казнѣ большія суммы; хотя, разумѣется, *одинъ въ полѣ не воинъ*, и другіе все-таки *пользовались*, но о бокъ съ Клугеномъ и другимъ неловко было слишкомъ *экономничать*. Съ жениной родней онъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ: его не только почитали, но и любили.

Василій Никитичъ первый свалился; за нимъ сошла въ могилу и Ирина Михайловна. Усадебку близъ Петрополья достроилъ ужъ Валеріанъ Васильевичъ, который вышелъ въ отставку и принялъ въ свои руки имѣніе, разстроенное безпечностью отца и Аракчеевскими распорядками. Александръ, моя мать и слѣдующая за ней сестра Серафима были *въ ученіи*, онъ—гдѣ-то въ Харьковѣ, онѣ—въ пансіонѣ, содержимомъ иностранцами Легони на хуторѣ Водяномъ, Зміевскаго уѣзда. Крошечную Иларію взяла вмѣсто дочери Прасковья Өедоровна; у нея же жилъ на первыхъ порахъ и меньшой изъ братьевъ, Никита. Валеріанъ Васильевичъ жилъ пока одинъ, хозяйничалъ, хлопоталъ и мало-по-малу очищалъ отъ долговъ общее имѣніе.

По окончаніи курса ученія мать моя съ Серафимой поселились съ братомъ и зажили глухо, скупо и одиноко. Совсѣмъ плохо пришлось бы дѣвушкамъ въ сожительствѣ съ нелюдимымъ и расчетливымъ братомъ, не будь здѣсь близехонько радушнаго родственнаго дома съ такой рѣдкостной хозяйкой, какъ Прасковья Өедоровна. Туда онѣ ходили отводить душу отъ домашней тоски; тамъ было людно, привольно и весело. Правда, семья тамъ была невелика; но старики были въ любви и почетѣ у родныхъ и знакомыхъ, всѣ часто и охотно пользовались ихъ гостепріимствомъ. Какъ во всякомъ помѣщичьемъ домѣ тогда, у Балавенскихъ жили разные приживальщики: жила, напримѣръ, бѣдная дворянка Дерюгина, пресердобольное, должно быть, существо, что̀ проявлялось иногда очень своеобразно. Въ особенно жаркіе дни она часто гуляла долго-долго по аллеямъ, лишеннымъ тѣни. «Да что̀ вы себѣ такъ мучите! говорили ей. Вы бы, Александра Васильевна, вечеркомъ погуляли».—«Ахъ, друзья мои!» вздыхала она: «теперь рабочая пора, народъ-то какъ трудится подъ горячимъ солнцемъ въ полѣ, а мы тутъ сидимъ въ прохладѣ и покоѣ... Пусть и я пропотѣю немножко: все не такъ совѣстно передъ людьми». Сестра ея жила у сосѣдней помѣщицы, верстахъ въ четырехъ; у обѣихъ сестеръ была одна - единственная крѣпостная дѣвушка, главной обязанностью которой было гонять почтою съ письмами отъ одной сестры къ другой. О чемъ переписывались такъ непрерывно сестрицы, осталось тайною между небомъ и ими; но не было дня, чтобъ этотъ Меркурій въ на-

бойчатой юбкѣ не слеталъ разъ и два изъ Петрополья въ Богодаровку. А право, интересно было бы найти и просмотрѣть эту переписку! Жилъ еще въ Петропольѣ сослуживецъ по полку Василія и Петра Никитичей, Полякъ Дешертъ. Не знаю, чѣмъ полюбился братьямъ бездомный бѣднякъ - товарищъ; но, выходя въ отставку, они пригласили его къ себѣ на житье, когда въ свою очередь и ему придется бросить службу. «Пріѣзжай, какъ въ родную семью: доживешь вѣкъ съ нами въ покоѣ». Дешертъ обѣщалъ и пріѣхалъ. Ни Василія, ни Петра Никитичей онъ не засталъ въ живыхъ; но Прасковья Өедоровна съ сыномъ приняли и пріютили стараго гусара, какъ пріютили бы его покойные товарищи. Дешертъ зажилъ себѣ во флигелькѣ тихо и привольно; хозяйка ласкала его, и эксъ-гусаръ полюбилъ какъ своихъ, и ее, и Өедора Петровича, и маленькую Ларочку, *и дѣтей на томъ дворѣ*, какъ называли въ Петропольѣ мою мать и Серафиму. «Сходи, другъ мой Августъ Ивановичъ, на тотъ дворъ», просила иногда Прасковья Өедоровна Дешерта: «посмотри, какъ тамъ дѣти поживаютъ и что́ подѣлываютъ». Дешертъ съ охотою шелъ *на тотъ дворъ*, забиралъ справки и возвращался къ хозяйкѣ съ докладомъ. «Ну, чтожъ дѣти дѣлаютъ?» «Една шіѐтъ, а друга—пацерки навлекаетъ». Присутствующіе разражаются хохотомъ отъ непонятныхъ словъ, а Прасковья Өедоровна степенно и серьезно дознаетъ, что *пацерки—бисеръ*, а *навлекать* ихъ значитъ *нанизывать*. Тотъ же Дешертъ отряжается *за дѣтьми*, когда въ Петропольѣ съѣзжаются гости, или когда сама хозяйка собирается куда-либо къ роднымъ или знакомымъ. Правда, въ послѣднемъ случаѣ *дѣтямъ* часто представлялось немалое затрудненіе, особенно если предстояла свадьба или иное пиршество: туалетъ у нихъ былъ бѣдненькій, а братецъ Валеріанъ Васильевичъ, усиливаясь вылѣзть изъ долговъ, былъ глухъ къ намекамъ сестеръ и родныхъ на то, что дѣвушкамъ нужно бы пріодѣться. По за то тароватъ былъ братецъ Өедоръ Петровичъ, а по помѣщичьимъ усадьбамъ то и дѣло разъѣзжали тяжелыми возами т. н. разнощики (я никогда не могла понять, почему они назывались *разнощиками*, а не развощиками) съ бакалейнымъ и краснымъ товаромъ, и затрудненіе улаживалось къ вящей радости *и дѣтей*, и Прасковьи Өедоровны, которая до страсти любила, чтобъ окружающая ее молодежь была весела и счастлива по возможности *). Прелюбопытное явленіе, съ эмансипаціей совсѣмъ почти исчез-

*) Мнѣ всегда казалось, что покойная Кохановская, когда писала свою Анну Гавриловну (Изъ Провинціальной галлереи портретовъ), имѣла въ виду Прасковью Өедоровну, которую знала лично (отъ самой Кохановской я не слышала, что она ее имѣла въ виду) Впрочемъ сходство ограничивалось тѣмъ, что обѣ вышли замужъ *увозомъ* и что Пр. Ө.-вна тоже требовала у сына, чтобъ въ день ея имянинъ *балъ былъ* изъ-за молодежи.

нувшее, были эти разнощики. Для помѣщиковъ они служили большимъ удобствомъ и развлеченіемъ, а иногда и большимъ раззореніемъ. Является, напримѣръ, предъ панскія очи какой-нибудь Васька или Сенька съ замусоленной тетрадкой въ рукахъ. «Осипъ Борисовъ пріѣхалъ», докладываетъ онъ и тычетъ въ руки барину тетрадку. Въ ней крупными каракулями значится: *Чай цвѣтошный, чай фамильный, сахаръ 1 сортъ* и т. д. не только до сардинокъ, шамаекъ и рыбцевъ, но даже до *адиколона*, шпилекъ, булавокъ и башмаковъ козловыхъ и *прунелевыхъ*. Господа оживляются. У крыльца уже стоятъ четыре-пять возовъ, крѣпко нагруженныхъ и запряженныхъ рослыми, сильными лошадьми; видные *молодцы* въ дубленыхъ полушубкахъ и цвѣтныхъ кушакахъ похаживаютъ, охорашиваясь и ожидая хозяйскаго приказа. Между тѣмъ у господъ идутъ совѣщанія, что̀ да что̀ нужно купить; оказывается — масса вещей крайне-нужны, и молодцы въ дубленкахъ хорошо пропотѣютъ, внося и вынося ящики и коробки. Рѣдко покупаютъ на деньги, больше въ кредитъ до продажи хлѣба или шерсти, и нужно сознаться, что нѣкоторые разнощики сильно поплатились за довѣріе къ господамъ-помѣщикамъ. За то другіе очень нажились этой профессіей; да и вообще барыши ихъ были очень серьезны, такъ что вѣроятно окупали эти убытки.

Въ числѣ приживальщиковъ у Балавенскихъ былъ какой-то Квиточка, можетъ быть изъ мелкаго родства большихъ Квитокъ, родичей Прасковьи Ѳедоровны. Это была поэтическая и музыкальная душа. Онъ сочинялъ пѣсенки, слова и музыку; одну изъ этихъ пѣсенокъ часто напѣвалъ впослѣдствіи дядя Александръ, и я ее помню; мотивъ заунывный, чисто-Малорусскій; слова—до крайности наивныя.

Ишовъ—ишовъ Квиточка по саду,
Ударили Квиточку по заду.
Иди, иди, Квиточка, не барысь,
На чужія рожоньки не дывысь *)...

На томъ дворѣ Валеріанъ Васильевичъ никого не принималъ; развѣ завернетъ въ кои-вѣки близкій родственникъ, напр. Клугенъ. Всякому барышни были рады, а ему въ особенности: поднималась суматоха, всячески старались угостить дорогого гостя, повару заказывались его любимыя блюда. Но поваръ *на томъ дворѣ* былъ тоже *набожныхъ правилъ*, и угостить дорогого родственника не всегда удавалось. Иной

*) Въ семьѣ Квитокъ я знала другое лицо съ признаками музыкальнаго таланта: я застала старикомъ нѣкоего помѣщика Николая Юрьевича Квитку, бывшаго сродни Квиткамъ съ Основы; онъ сочинилъ музыку къ извѣстной пѣсни *За Нѣманъ иду*, музыку, которая, по моему, лучше общеизвѣстной и вездѣ принятой.

разъ закажутъ ему, напримѣръ, для Павла Евстафьевича его любимый куриный супъ и молочную кашу съ рисомъ и изюмомъ, а поваръ, пока шипитъ супецъ на горячихъ кирпичахъ печи, въ кашу насыпетъ чернослива вмѣсто изюма, а супъ и вовсе вывернетъ, да еще и причитываетъ: «Вотъ вамъ и супецъ! Вотъ вамъ и Павелъ Евстафьичъ!» Пав. Ев—чъ, однако, не горевалъ о вывернутомъ супцѣ и изгаженной кашѣ, ѣлъ, чтó ему подавали, а въ скучной жизни дѣвушекъ даже эпизодъ съ супцомъ былъ развлеченіемъ. «Спасыби мини, що я наився», чистымъ хохлацкимъ языкомъ приговаривалъ Клугенъ послѣ обѣда, къ большому удовольствію хохловъ, родичей своихъ.

Лѣтъ черезъ шесть-семь послѣ смерти старшаго брата скончался и Петръ Никитичъ. Петрополе попріуныло. Какъ ни любила шумъ и радость вокругъ себя Прасковья Ѳ—на, сколько ни было живой бодрости въ ея натурѣ, но смерть мужа не могла не подѣйствовать на нее удручающимъ образомъ, не могла хоть временно не измѣнить всего строя Петропольской жизни. А братецъ Валеріанъ Васильевичъ все также стѣснялся и скупился, и барышнямъ *на томъ дворѣ* жизнь не въ жизнь стала. Братецъ имъ совсѣмъ опротивѣлъ. Мать моя была умнѣе и сдерживалась, но Серафима не могла вспомнить о немъ равнодушно. Вскорѣ онъ, справившись понемногу съ долгами, вздумалъ опять поступить на службу, но не въ строй, а въ корпусный штабъ бухгалтеромъ. Молодежи эта должность казалась чѣмъ-то даже унизительнымъ. «У меня одинъ братъ гусаръ, другой—уланъ», гордо заявляла Серафима; «а третій братъ—*бухгальтеръ*», тоненькимъ голоскомъ выговаривала она это слово; и не ей одной казалось званіе бухгалтера конфузнымъ потому, вѣроятно, что отъ него вѣяло чѣмъ-то *штатскимъ*, а *штатское, крючковское, чернильное*—все было тогда въ пренебреженіи.

Родные понимали, что для барышень *съ того двора* былъ рискъ остаться старыми дѣвами, если ихъ не заберутъ съ хутора, гдѣ даже и братца уже не было. Взялись помочь дѣлу. Серафима была дурна собой и недалека; ее взяла Прасковья Ѳедоровна въ свой опустѣвшій и притихшій домъ. Но бойкая красавица Анюта имѣла много шансовъ для успѣха въ обществѣ: ее пригласили къ себѣ Клугены, чтобъ вывозить въ Чугуевѣ. Въ провинціи трудно было найти тогда такое веселое мѣстечко, какъ Чугуевъ. Общество тамъ было большое и прекрасное: тамъ расположенъ былъ штабъ Украинскаго военнаго поселенія и резервнаго кавалерійскаго корпуса, не считая меньшихъ штабовъ; начальство состояло большею частью изъ людей со средствами или связями, молодежи было тьма-тьмущая. Въ то время военщина всасывала въ себя почти все, чтó было лучшаго въ Русскомъ юношествѣ. Въ поселеніи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, было богатой и образо-

ванной молодежи; но все же она была, не перевелась еще. Въ Чугуевѣ жилось шумно и весело, вечера *въ собраніи* были оживленнѣе и люднѣе, чѣмъ въ Харьковѣ. Правда, среди людей хорошаго общества попадались тамъ удивительные антики. Я помню разсказъ дяди Павла Григорьевича, какъ полковой лѣкарь съ лѣкаршей побывали въ собраніи. Они, вишь, въ тотъ день за обѣдомъ подвыпили, потомъ уснули, проснувшись опохмѣлились, затѣмъ принарядились, сѣли въ запряженную кибиточку и поѣхали въ собраніе. Но въ кибиточкѣ опять уснули, а денщикъ подъѣхалъ къ бальному подъѣзду, постоялъ тамъ столько времени, сколько, по его соображенію, было нужно, чтобъ дать возможность ихъ благородіямъ вылѣзть изъ экипажа, а затѣмъ и отъѣхалъ къ сторонкѣ. Когда стали разъѣзжаться послѣ бала, онъ былъ очень озадаченъ, что не появляются его хозяева. Не знаю ужъ, надоумилъ кто его, или самъ онъ догадался заглянуть въ кибиточку: къ великому изумленію его, тамъ почивала сномъ праведниковъ счастливая чета, и денщикъ тѣмъ же порядкомъ отвезъ ихъ благородія домой, гдѣ ихъ вынули изъ кибиточки и уложили въ постель.

Само-собой, такіе антики были въ рѣдкость.

Собранія бывали въ большомъ залѣ огромнаго зданія, гдѣ помѣщались всевозможные штабы; въ просторѣчіи оно называлось корпусомъ и украшало соборную площадь, гдѣ расположены были квартиры почти всего главнаго начальства и гдѣ строился для пріѣздовъ Государя т.-н. *дворецъ*, хорошенькій домикъ, заднею стороной выходившій въ большой садъ, который пышно и красиво спускался къ Донцу. Клугенъ былъ тогда уже окружнымъ командиромъ и жилъ тутъ же, между *дворцомъ* и *корпусомъ*. Семья Клугенъ пользовалась въ Чугуевѣ большимъ уваженіемъ. Любовь Васильевна играла почетную роль не только какъ жена многоуважаемаго Павла Евстафьевича, но и сама по себѣ, благодаря своему такту и личнымъ достоинствамъ. Титулованныя и нетитулованныя генеральши дружились съ нею, повѣряли ей свои взаимныя неудовольствія и обиды. «Представьте себѣ, милая Любовь Васильевна!» жалуется, напримѣръ, ей жена дивизіоннаго, баронесса Розенъ, на *корпусную командиршу* Коровину: «Пріѣзжаю я навѣстить ее послѣ родовъ, спрашиваю, сама ли она кормитъ ребенка? А она мнѣ такимъ обиженнымъ тономъ: развѣ, говоритъ, у меня крѣпостныхъ нѣтъ, чтобъ я сама дѣтей кормила! Неужели же она забыла, что я-то всегда дѣтей сама кормлю?» «Розенъ была Полька, добавляетъ къ своему разсказу Любовь Васильевна: Польки всегда сами кормятъ». Съ своей стороны, и Коровина жалуется на Розенъ: какъ она молодится и рядится, и какъ старается оставлять въ тѣни ее, корпусную командиршу. Любовь Вас—на только головой покачиваетъ, не выска-

зывая, кто правъ, по ея мнѣнію, и кто виноватъ, и въ глубинѣ души подозрѣвая, что виноваты обѣ [1]).

Хорошенькая своячиница Клугена произвела фуроръ въ Чугуевскомъ обществѣ; лучшая молодежь нахлынула къ Клугенамъ. Само собой, что Любовь Васильевна представила сестру почетнымъ дамамъ. Разъ пріѣхали онѣ съ визитомъ къ одной надменной генеральшѣ, у которой сидѣлъ очень бонтонный адъютантъ. «Вы выбрали себѣ дурное мѣсто: сѣли на солнцѣ», съ высокомѣрной любезностію сказала она Аннѣ Васильевнѣ. «Ничего: я люблю солнце», возразила дѣвушка. «C'est comme les chiens qui aiment le soleil aussi», вполголоса замѣтила генеральша адъютанту. Но Анна Вас—на не даромъ обучалась у полу-Французовъ Легони на Водяномъ. «Je ne suis pas un chien, mais j'aime le soleil tout de même», проговорила она самымъ вызывающимъ тономъ, такъ что спѣсивая генеральша, не смотря на свой апломбъ, переконфузилась и извинилась. «Такъ и выпалила, я даже испугалась!» передавала мнѣ много лѣтъ спустя эту сцену робкая Любовь Васильевна.

Любимый братъ матери, Александръ служилъ тогда въ гусарахъ, и ново-испеченнымъ корнетомъ дрался на дуэли съ Чугуевскимъ львомъ Мольво, который какъ-то въ холостой компаніи выразился объ Аннѣ Васильевнѣ немного свободно. Впослѣдствіи дядя показывалъ мнѣ на рукѣ шрамъ отъ сабельнаго удара, полученнаго на этой дуэли.

А въ Петропольѣ между тѣмъ произошло важное событіе: Ѳедоръ Петровичъ женился на Александрѣ Африкановнѣ Павловой.

Родоначальникъ Павловыхъ, обозный Павелъ Гавриловъ, съ женою своею попалъ въ полонъ Татарамъ, на Харьковскихъ курганахъ, близъ Богодухова, защищая его отъ набѣга Татарвы. Не знаю, что̀ сдѣлалось съ его женою, и почему самъ онъ не былъ выкупленъ; но онъ попытался бѣжать изъ Бахчисарая, гдѣ былъ водворенъ, потерпѣлъ неудачу и за свою попытку былъ зарытъ живой въ землю [2]). Сынъ Гаврилова, въ память горячо любимаго отца-мученика, исхлопоталъ всему роду своему право прозываться впредь *Павловыми*. Эти Павловы имѣли хорошее родство въ краю и хорошее состояніе. Одинъ изъ нихъ, Африканъ Максимовичъ, женатъ былъ на богатой дѣвушкѣ изъ рода Булацелей, долго служилъ Зміевскимъ предводителемъ дво-

---

[1]) Чугуевская жизнь этой Розенъ закончилась очень трагически: ея мужа застрѣлилъ офицеръ, его подчиненный, Таранухинъ. Семья Розенъ обѣдала: онъ вбѣжалъ, выстрѣлилъ и убилъ наповалъ. Говорили, что мотивомъ была страстная любовь къ кокеткѣ-генеральшѣ, а не служебные счеты.

[2]) Въ Бахчисараѣ, говорятъ, есть, или былъ недавно, *Павловскій фонтанъ*, относящійся къ этому событію.

рянства, славился своимъ умѣніемъ хорошо пожить, гостепріимствомъ своимъ и такимъ феноменальнымъ добродушіемъ, что оно было въ рѣдкость даже и въ тѣ патріархальныя времена, когда добродушными помѣщиками хоть прудъ пруди. Старшая дочь его Александра, милая и умная дѣвушка-щеголиха, играла большую роль въ Харьковскомъ высшемъ обществѣ. Ея выѣзды и наряды, вмѣстѣ съ широкой жизнью ея родителей, крѣпко пошатнули ихъ состояніе. Александрѣ Африкановнѣ было уже за двадцать лѣтъ, поклонниковъ у нея была тьма-тьмущая, а жениховъ что-то мало. Сталъ учащать къ Павловымъ и Ѳедоръ Петровичъ; онъ былъ юноша некрасивый и неловкій, дѣвушкѣ онъ не нравился, но какъ сынъ почтенныхъ родителей, какъ *свой дворянинъ*, почти сосѣдъ, и при томъ скромный и хорошій молодой человѣкъ, онъ очень нравился ея матери. «Вы желали бы, маменька, чтобъ я за него вышла?» спросила у нея дочь. Та призналась, что очень бы желала. «Ну, я за него и выйду». И вышла.

За мужемъ она круто измѣнилась: выѣздовъ, нарядовъ, Варшавскихъ ботинокъ, безъ которыхъ она не могла обходиться, какъ не бывало. Она сдѣлалась домосѣдкой, примѣрной женой, матерью и невѣсткой, всю себя посвятила семьѣ. «Я думала, что я никого не могу любить такъ, какъ Ѳедю, признавалась потомъ ея свекровь; но Сашеньку я люблю больше, чѣмъ его». Одно не давалось Александрѣ Африкановнѣ: это хозяйство. Ея домоводство всегда отличалось крайнею неразсчетливостью, что́ и было одной изъ причинъ будущаго раззоренія семьи.

За красавицей Анной Васильевной многіе ухаживали въ Чугуевѣ, и офицеры, и окрестные помѣщики; она всѣмъ предпочла Михаила Владимировича Юзефовича (впослѣдствіи товарища попечителя Кіевскаго учебнаго округа); онъ не слылъ блестящимъ салоннымъ кавалеромъ, но считался первымъ умницей и самымъ образованнымъ человѣкомъ среди офицерства. Не знаю, почему они не женились: испугалъ ли его недостатокъ состоянія невѣсты, или же онъ не успѣлъ присвататься, но когда открылась Польская кампанія въ началѣ тридцатыхъ годовъ и вся военщина ушла изъ Чугуева въ Польшу, мать моя осталась непросватанною. Ей было за двадцать лѣтъ; тогда эти годы не считались уже первою молодостью. Чугуевъ былъ пустъ и скученъ, а мысль остаться старой дѣвой тогдашней дѣвушкѣ казалась ужасной. И подъ вліяніемъ этой страшной мысли мать вдругъ рѣшилась дать слово давнему претенденту, надъ которымъ прежде сама смѣялась; то былъ небогатый дворянинъ, единственный братъ цѣлой кучи незамужнихъ сестрицъ, которыя тоже постоянно служили потѣхою всему обществу. Но она слишкомъ понадѣялась на себя: когда явились будущія

золовушки къ будущей невѣстушкѣ, когда обступили ее съ шумными привѣтствіями и приторными нѣжностями, а влюбленный женихъ съ умильной улыбкой началъ цѣловать ея ручки, она не выдержала... «Пошли вонъ!» закричала она, какъ Гоголевская, невѣста, и также убѣжала изъ комнаты, а потомъ, не пугаясь пущаго скандала, на другой же день отказала своему внезапному жениху. Само-собой, что дѣвственницы-сестрицы чуть не разорвали ее за такой афронтъ ихъ братцу.

Не могу въ точности объяснить, какъ состоялось сватовство отца моего и матери. По долгу службы, какъ волостной у окружнаго, отецъ часто бывалъ у Клугена, и не мудрено, что влюбился въ его хорошенькую свояченицу; но онъ былъ застѣнчивъ, до дикости. Какъ рѣшился онъ присвататься къ такой бойкой и *окруженной* особѣ? И какъ рѣшилась мать дать слово угрюмому и непривлекательному своему претенденту? Сначала она посмѣивалась надъ старообразнымъ своимъ поклонникомъ; въ памяти близкихъ ея осталось двустишіе передѣланное ею на счетъ его: «Не Дмитрій ты Донской, не Дмитрій ты Ростовскій; а Дмитрій ты простой, и Дмитрій Сороковскій»..Тутъ конечно припахивало немножко высокомѣріемъ *настоящей* дворянки къ новому мелкому дворянину. Но потомъ, быть можетъ, она открыла въ немъ какія-нибудь хорошія свойства подъ некрасивою внѣшностью, или же ее тронула угаданная ею сильная его любовь? Все это однако, по моему, не было ея главнымъ побужденіемъ: болѣе всего здѣсь дѣйствовала боязнь остаться старой дѣвой, это столь распространенное тогда чувство, причина многихъ нелѣпыхъ браковъ и несчастныхъ супружествъ. Родные уговаривали ее отказать жениху, но она никого не послушала и вышла замужъ.

Дядя Павелъ Григорьевичъ тогда давно уже былъ женатъ, и выборъ его старшему брату очень не нравился.

Въ Валковскомъ уѣздѣ жила богатая помѣщичья семья Норовыхъ, братъ и сестра, Марья Дмитріевна, по мужу Дунина. Должно быть, давно умеръ этотъ Дунинъ, а можетъ быть былъ еще и безцвѣтнымъ, хотя и сановнымъ лицомъ: о немъ никто никогда при мнѣ не упоминалъ, и Марья Дмитріевна словно весь вѣкъ свой была важной вдовой съ большой семьей. Единственный сынъ ея былъ убитъ подъ Бородинымъ, но у нея выросло шесть дочерей. Сама Марья Дмитріевна воспитывалась когда-то въ Смольномъ, именно въ первые годы его основанія; изъ Петербурга она привезла съ собой чуть ли не соученицу свою, нѣкую Марью Алексѣевну (никто никогда не называлъ ея фамиліи), бѣдную дѣвушку, въ качествѣ не то компаньонки, не то домашняго друга. Онѣ и въ самомъ дѣлѣ очень сдружились. Въ эту-то

Марью Алексѣевну влюбился богатый баринъ Телепневъ и увезъ ее. Близкіе ея утверждали впослѣдствіи, будто Телепневъ тайно (?) обвѣнчался съ нею, но потомъ похищены будто бы были документы, удостовѣряющіе этотъ бракъ; другіе же были вообще увѣрены, что Телепневъ соблазнилъ ее и бросилъ. Какъ бы то ни было, у Марьи Алексѣевны родилась дочь, а Телепневъ скоро умеръ; Марья Алексѣевна осталась съ ребенкомъ на рукахъ и безъ всякихъ средствъ къ жизни. Марья Дмитріевна не покинула своего друга послѣ этого печальнаго событія и приняла ее снова на свое иждивеніе, хотя не у себя въ домѣ, полномъ дочерей-подростковъ, а въ другомъ имѣніи своемъ, тутъ же вблизи. Ближайшій сосѣдъ Марьи Алексѣевны, братъ Дуниной, Александръ Дмитріевичъ Норовъ, отчаянный повѣса и кутила, тоже принялъ участіе въ бѣдной покинутой женщинѣ, навѣщалъ ее, утѣшалъ, и въ результатѣ у несчастной жертвы барскаго распутства родился еще и сынъ. Другъ Норова и дядя Александры Африкановны, Өедоръ Максимовичъ Павловъ, далъ имя и сыну, и дочери Марьи Алексѣевны; тогда это какъ-то дѣлалось *). Этотъ сынъ поступилъ потомъ въ кирасиры и очень конфузилъ семью тѣмъ, что не хотѣлъ ни за что́ называться *Дмитріевичемъ* (между тѣмъ какъ сестра его почему-то звалась Еленой *Дмитріевной*), а упорно назывался *Александровичемъ.* На этой-то Еленѣ Дмитріевнѣ и женился мой дядя П. Г. Башкирцевъ. Отецъ мой, изъ стариннаго предразсудка, находилъ для брата унизительнымъ бракъ съ незаконною дочерью, и кажется Елена Дмитріевна догадывалась объ этомъ. Когда мой отецъ женился, у дяди было ужъ трое дѣтей; невѣстки не сошлись между собою и никогда другъ друга не любили. У моей матери черезъ годъ послѣ вѣнчанія родилась мертвая дочь, еще черезъ годъ—другая; я была третьей.

*

Но прежде, чѣмъ говорить о себѣ, я доскажу, что́ знаю о семьѣ Донецъ-Захаржевскихъ; а знаю я не Богъ вѣсть какъ много, такъ какъ еще въ концѣ прошлаго вѣка у Балавенскихъ прекратились съ ними родственныя сношенія. У Михаила Михайловича, послѣдняго Сумскаго полковника и его супруги Анастасіи Лаврентьевны, было пять сыновей: Андрей, Яковъ, Константинъ, Петръ и Василій. Мужское потомство осталось только у двухъ первыхъ.

Андрей Михайловичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Норовой, старшей сестрѣ М. Д. Дуниной; у нихъ осталось два сына и

*) Въ Journal de Marie Bachkirtzeff, внучки Павла Григорьевича, говорится, что ея бабка, жена Павла Григорьевича, была *fille adoptive d'un très grand seigneur*. Это несправедливо, какъ и многое въ этой книгѣ: Өед. Макс. Павловъ вовсе не былъ grand-seigneur'омъ, а былъ образованный и со средствами средній помѣщикъ.

двѣ дочери. Нужно думать, что нравственная распущенность, царившая тогда въ столичномъ высшемъ обществѣ, отразилась и на провинціальномъ большомъ свѣтѣ; такъ, по преданію, Андрей Михайловичъ имѣлъ любовную связь съ младшей сестрой своей жены Елисаветой, и плодомъ этой связи былъ сынъ, получившій почему-то фамилію *Яворскаго*, дворянское званіе и изрядное состояніе. Этотъ любовный инцидентъ не помѣшалъ впослѣдствіи Елисаветѣ Дмитріевнѣ *сдѣлать партію*.

У Якова Михайловича былъ сынъ Андрей, извѣстный въ своемъ краю благочестивой жизнью и щедрой благотворительностью. Это, кажется, единственный изъ Донецъ-Захаржевскихъ позднѣйшихъ поколѣній, оставившій по себѣ не только хорошую, но даже рѣдкостную память. У него же осталась дочь Елисавета, рыжая и чрезвычайно некрасивая дѣвушка. Не смотря на огромное свое состояніе, она долго не могла найдти себѣ подходящаго жениха. Но въ концѣ концовъ женихъ нашелся; то былъ молодой еще, щеголеватый вдовецъ - генералъ, изъ гвардіи, Воинъ Дмитричъ Задонскій, начальникъ штаба 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и Украинскаго военнаго поселенія. Бракъ вышелъ очень удачный: Елисавета Андреевна была женщиной умной и достойной, прекрасной матерью своей единственной падчерицы, хотя у нея самой было много дѣтей. Чугуевская публика удивлялась только, что она не позволяла танцовать вальсъ своей падчерицѣ. «Ну, что это!» возмущалась она: «обнимутъ ее, юбки разлетаются, ноги видно; тьфу, совсѣмъ непристойно». Эта падчерица тутъ же, въ Чугуевѣ, вышла за генерала Борцова; сама же Елисавета Андреевна, выростивши дѣтей и оставшись вдовою, послѣ эмансипаціи совсѣмъ переселилась за границу съ тѣми дочерьми, которыя не вышли замужъ. Слышно было, что она тамъ увлеклась спиритизмомъ.

У Константина Михайловича была дочь, которая осталась дѣвушкой и долго-долго жила въ Петербургѣ или подъ Петербургомъ, никогда не навѣдываясь въ свою *Шиповатую*, на границѣ Купянскаго и Волчанскаго уѣздовъ, такъ что для тѣхъ, кто слышалъ объ ея существованіи, она представлялась какимъ-то миѳомъ.

Василій и Петръ Михайловичи умерли холостыми. Они жили вмѣстѣ въ своей богатой Бугаевкѣ, съ роскошнымъ домомъ, съ пышнымъ паркомъ, извѣстнымъ не только на всю губернію, а, можно сказать, на весь край, жили праздною, распутною жизнью, которая составляла изнанку стараго барства. Имъ почему-то вмѣстѣ съ ихъ матерью людская молва приписывала иниціативу въ дѣлѣ обобранія сестры Анны Михайловны. Я не знаю, кто изъ братьевъ умеръ первый, но предъ смертью онъ вспомнилъ Бога, захотѣлъ примириться

съ Нимъ: исповѣдаться и причаститься. «Вы забыли еще одинъ свой грѣхъ», напомнилъ ему на исповѣди священникъ: «вы обдѣлили когда-то сестру вашу Анну Михайловну, слѣдовало бы вознаградить ея внучатъ». Умирающій призналъ грѣхъ и поручилъ брату вознаградить внуковъ покойной сестры. Единственному сыну Петра Никитича досталось изрядное состояніе, но дѣти Василія Никитича получили очень понемногу: имъ-то умирающій grand'oncle назначилъ... *по двѣ тысячи ассигнаціями*. Тогда, въ двадцатыхъ годахъ, это не было, конечно, такою комически-малою суммою, какъ теперь; но по сравненію съ 9000 десятинъ, недоданныхъ когда-то Аннѣ Михайловнѣ, этого и тогда было страшно мало. И даже такой убогой суммы пережившій другого братъ не отдалъ своимъ родственникамъ. Когда пришлось и ему сводить итоги своей грѣшной жизни, тотъ же священникъ и ему напомнилъ о невыполненномъ завѣщаніи брата; только тогда семеро дѣтей Василія Никитича получили эти жалкія 14 тысячъ. Свои 2000 рублей мать отдала взаймы брату Александру, который тогда отправлялся въ образцовый полкъ; эти деньги помогли ему покутить въ Петербургѣ такъ, чтобъ навсегда разстроить свое здоровье. Одна изъ дочерей Андрея Михайловича Надежда жила у тетки своей Прасковьи Михайловны Штеричъ и вышла замужъ за богатаго Сумскаго помѣщика Похвиснева, а другая Елисавета за Павла Гавриловича Бибикова *), вторымъ же бракомъ за Александра Христофоровича Бенкендорфа, извѣстнаго любимца Николая I. Изъ сыновей его, Григорій служилъ въ гвардіи, былъ флигель-адъютантомъ; раненый въ животъ на вылетъ въ 1814 году за границей, онъ послѣ этой раны началъ непомѣрно жирѣть. Потомъ онъ былъ Петербургскимъ комендантомъ; въ концѣ Іюля 1829 года онъ встрѣчалъ въ Царскомъ Селѣ Хозрева-Мурзу, любимаго внука шаха, присланнаго дѣдомъ къ царю съ извиненіями за избіеніе Русской миссіи въ Тегеранѣ (А. С. Грибоѣдовъ). Въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ Григорій Андреевичъ славился особеннымъ тактомъ и умѣніемъ держать себя; не могу сказать, въ чемъ они проявлялись.

---

*) Въ воспоминаніяхъ Е. Н. Раевской, близкой родственницы Бибиковыхъ (Ист. Вѣстникъ—1898 г. 12) говорится, что Пав. Гавр. Бибиковъ гдѣ-то на Югѣ влюбился въ *очень красивую дѣвушку дворянскаго* Польскаго происхожденія. „Иностранка! Не Русская!“ гордая мать ни за что не хотѣла дать своего согласія. Здѣсь напутано. Даже отдаленные предки Захаржевскихъ не были никогда Поляками, хотя и были, со всей Малороссіей, въ Польскомъ подданствѣ. Но когда Бибиковъ влюбился въ Захаржевскую, объ этой старинной связи съ Польшею и помина ужъ не было. Что же касается знатности рода и богатства Захаржевскихъ, *гордая мать* не имѣла ни права, ни основанія протестовать: богатствомъ и знатностью Захаржевскіе врядъ ли Бибиковымъ уступали. И выходитъ тутъ не гордость, а самодурство.

Не знаю также, гдѣ воспитывался Дмитрій Андреевичъ, братъ его, и откуда у него взялось влеченіе къ наукѣ, а именно къ естествознанію. Въ 20-хъ годахъ онъ былъ вице-губернаторомъ въ Харьковѣ. Вигель въ Запискахъ своихъ съ восторгомъ говоритъ объ образованности, любезности и гостепріимствѣ Дмитрія Андреевича, когда ему Вигелю пришлось пробыть нѣкоторое время проѣздомъ въ Харьковѣ и часто видѣться съ вице-губернаторомъ. Потомъ Дмитрія Андреевича назначили губернаторомъ въ Екатеринославъ; но тутъ онъ что-то напроказилъ, да такъ напроказилъ, что могъ получить *чистую* отставку только при условіи невмѣняемости. Съ его средствами было совершеннымъ пустякомъ заставить признать себя сумасшедшимъ. Въ качествѣ таковаго онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своей роскошной Константовкѣ подъ Зміевымъ. Не знаю также, до губернаторства или во время его, Дмитрій Андреевичъ женился на графинѣ Самойловой. Свадьбу отпраздновали съ подобающею положенію жениха пышностью и торжественностью; но на другое утро послѣ вѣнчанія, новобрачный велѣлъ запрячь дормезъ шестерикомъ, съ галантностью настоящаго петиметра усадилъ въ него молодую жену свою, вѣжливо раскланялся и махнулъ рукою. Лошади понеслись, и супруги больше не видались.

Любопытно, что Балавенскіе такъ далеки тогда были отъ Захаржевскихъ, что никто изъ нихъ потомъ не могъ сказать мнѣ не только изъ-за чего произошелъ этотъ разрывъ у новобрачныхъ, но даже какъ была прежняя фамилія этой эфемерной жены Дмитрія Андреевича и что̀ съ ней послѣ разрыва сталось.

Въ Константовкѣ Дмитрій Андреевичъ зажилъ тихо и одиноко. Подозрѣвали, что его очень мучило неудовлетворительное честолюбіе. Конечно многіе родственники жаждали часто навѣщать его, заслужить его благосклонность; но онъ скоро всѣхъ отъ себя отвадилъ. Живой человѣкъ не можетъ однакожъ жить безо всякихъ жизненныхъ интересовъ, и у него начали заявляться двѣ склонности: къ естественнымъ наукамъ и къ деньгамъ. Онъ дѣлался все скупѣе и скупѣе, копилъ да копилъ, сначала тысячи, потомъ сотни тысячъ и наконецъ, говорятъ, милліоны. О скупости его много было толковъ, можетъ быть и преувеличенныхъ. Онъ не только не принималъ у себя никого яко бы изъ нежеланія кормить-поить гостей (это могло быть и изъ-за другихъ причинъ), онъ и себѣ отказывалъ въ хорошей пищѣ: для дешевизны закупалъ несвѣжіе продукты, такъ что наконецъ совершенно утратилъ обоняніе и вкусъ, ѣлъ совсѣмъ гнилое мясо, затхлую муку и испорченныя овощи. Родные, навѣщая его, съ самоотверженіемъ достойнымъ лучшей участи, насыщались его фатальными обѣдами, хворали отъ нихъ, старались скрыть это отъ мил-

ліонера-родственника, но мало-по-малу, безцеремонно отталкиваемые имъ, оставили его въ покоѣ. Но были посѣтители, имѣвшіе къ нему легкій доступъ; являлся, напримѣръ, мужикъ въ Константовку, даже не свой мужикъ, а чужой, незнакомый, и смѣло проходилъ къ барскому дому. «Чего тебѣ?» спрашивалъ у него кто-либо изъ дворни. «До пана, до енарала: жука чуднόго принисъ», не смущаясь пояснялъ мужикъ. И его безпрекословно допускали до самого пана; онъ лично передавалъ пану своего жука и, смотря по рѣдкостности экземпляра, получалъ, послѣ чарки водки, малую толику грόшей. И не всегда малую: разъ, говорятъ, панъ отвалилъ за жука тысячу рублей ассигнаціями (300 р. с.) Впрочемъ злые языки увѣряли, будто у него въ этомъ дѣлѣ была охота смертная, да участь горькая: будто онъ принималъ иногда обыкновенныхъ жуковъ за представителей рѣдкой породы.

Дмитрій Андреевичъ выѣзжалъ изрѣдка изъ своей Константовки, къ сестрѣ Похвисневой и къ теткѣ Дуниной. И сестра, и племянники ухаживали за богачемъ-родственникомъ въ ожиданіи будущихъ благъ: ухаживали и у Дуниной, неизвѣстно ужъ, съ какими ожиданіями.

Какое интересное *дворянское гнѣздо* являлъ собою богатый, людный домъ Дуниной въ Старыхъ Водолагахъ (Валковскаго уѣзда). Еслибъ среди людей, близко съ нимъ знакомыхъ хотя бы по преданію, нашелся человѣкъ съ талантомъ, чтобъ написать его хронику, какое занимательное чтеніе она бы собой представила. Родство огромное и самое разнобразное, множество молодежи, стремившейся къ этому разсаднику знатныхъ невѣстъ, слывшихъ и богатыми, домъ - полная чаша, тонъ самый аристократическій, расцѣнка посѣтителей для тѣхъ или другихъ цѣлей, подходы и дипломатическія уловки въ матримоніальныхъ видахъ...

Марья Дмитріевна была не только богатой и знатной барыней; она была умной женщиной, гостепріимной хозяйкой и прекрасной матерью. Она отлично воспитала и пристроила всѣхъ своихъ дочерей, красивыхъ и некрасивыхъ и, не смотря на молву, не Богъ знаетъ какихъ богатыхъ. Чтобъ хорошо пристраивать дочерей, требуется конечно извѣстное мастерство: въ Водолагахъ оно доходило до настоящей виртуозности... Старшая дочь Дуниной, молоденькая и хорошенькая Елена вышла впрочемъ замужъ *просто*, безо всякой дипломатіи. Къ ней присватался очень пожилой и чиновный графъ Сиверсъ. «Дитя мое, гр. Сиверсъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе: мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ ты за него вышла», объявила ей конечно по-французски мать. Ваша воля, maman, всегда была и будетъ для меня закономъ, отвѣчала дѣвушка. «Графъ, прекрасный человѣкъ: я увѣрена, что ты бу-

дешь съ нимъ счастлива», добавила мать. «Я употреблю всѣ усилія, чтобъ сдѣлать его счастливымъ», заявила дочь. Бракъ состоялся, и молодая жена со старымъ мужемъ прожили вѣкъ въ любви и согласіи, всѣмъ на удивленіе. Но не всегда дѣло улаживалось такъ скоро и просто; иногда приходилось нешутя пораскинуть умомъ, что́ дѣлать, да какъ быть. Повадился, напр., къ Дунинымъ нѣкій Курисъ; по своему имущественному и общественному положенію онъ могъ быть приличнымъ женихомъ для горбатенькой Катерины Ивановны, но красавица Авдотья Ивановна должна была сдѣлать партію гораздо лучше этой; а онъ началъ ухаживать именно за ней. И вотъ, съ мастерствомъ истиннаго художника, Марья Дмитріевна не только не допустила его до нежеланнаго предложенія и слѣдов. не отвадила отъ дома, а даже, Богъ вѣсть какими махинаціями, устроила такъ, что онъ сдѣлалъ предложеніе Катеринѣ Ивановнѣ. Остальныя дочери Дуниной вышли тоже за людей богатыхъ или чиновныхъ *); въ концѣ 20-хъ годовъ онѣ всѣ были пристроены.

Чудесно жилось въ Водолагахъ, жилось той широкой привольной, окруженной почетомъ жизнью, которою жили старинные баре. А впереди видѣлось еще кое-что отрадное: богатый братъ Марьи Дмитріевны, Александръ Дмитріевичъ Норовъ, большой кутила, немножко по своему вольнодумецъ, безпрестанно мѣнялъ своихъ метрессъ, могъ насчитать (хотя вѣроятно и не считалъ) десятки случайныхъ дѣтей и не загадывалъ о женитьбѣ. Сестрицамъ предстояло слѣдов. хорошее наслѣдство. И у нихъ заботливо поддерживались близкія сношенія съ легкомысленнымъ, невоздержнымъ на языкъ братцемъ, который часто являлся диссонансомъ въ ихъ солидной, нѣсколько чопорной сферѣ. Дядя Пав. Гр—чъ разсказывалъ напр. такой случай, которому онъ былъ свидѣтелемъ въ качествѣ жениха Елены Дмитріевны (protegée Дуниной). Въ Водолагахъ всѣ были очень заняты личностью и ролью родственника своего А. Х. Б. и толковали о немъ безпрестанно. Разъ за обѣдомъ при гостяхъ зашла о немъ рѣчь, дамы распространялись о немъ съ паѳосомъ и увлеченіемъ конечно по-французски. Норову это надоѣло.—Сестрицы! заговорилъ онъ по-русски: что̀ вы такъ носитесь со своимъ Б.! Что́ онъ сдѣлалъ-съ? Спасъ онъ отечество, или большія сраженія выигрывалъ, или законы благодѣтельные написалъ? Ничего такого онъ не сдѣлалъ. По моему вашъ Б.....».—Картина!

---

*) Одна изъ нихъ вышла за Густава Ѳедоровича Пилларъ-фонъ-Пильхау (онъ потомъ командовалъ кирасирской дивизіей). Другой братъ его, Карлъ Ѳедоровичъ, командовалъ уланской дивизіей. Юрій Арнольдъ въ своихъ воспоминаніяхъ очевидно смѣшиваетъ двухъ братьевъ: Карлъ Ѳ—чъ былъ женатъ на кн. Кудашевой, внучкѣ Кутузова.

И къ великому отчаянію сестрицъ вся эта снисходительность пропала даромъ, всѣ такія жертвы приличіемъ ради богатаго, хоть и не совсѣмъ удобнаго братца, оказались напрасными. На старости лѣтъ этотъ мотылекъ-братецъ вдругъ вздумалъ покрыть вѣнцомъ одинъ изъ безчисленныхъ грѣховъ своихъ, жениться на старой любовницѣ изъ своихъ, кажется, крѣпостныхъ, и узаконить прижитыхъ съ нею дѣтей. Сестры узнали это и пришли въ ужасъ. Рѣшено было пригласить братца въ Водолаги и усовѣстить его. Братецъ пріѣхалъ. Случилось такъ, что и опять былъ тутъ дядя Павелъ Григорьевичъ, уже женатый на Еленѣ Дмитріевнѣ. Сестры начали разговоръ при немъ; Елисавета Дмитріевна особенно долго говорила по-французски съ жаромъ и дрожаніемъ голоса. Вѣроятно она коснулась чего-нибудь очень щекотливаго... Александръ Дмитричъ сорвался съ мѣста и схватился за карманъ... — Сестрица! застрѣлю, закричалъ онъ нечеловѣчьимъ голосомъ.

Елисавета Дмитріевна захватила подъ руку Павла Григорьевича и потащила его въ садъ. Долго тамъ она водила его по аллеѣ и что-то съ азартомъ и негодованіемъ ему по-французски разсказывала, совершенно позабывъ, что онъ по-французски ничего не понимаетъ...

А скандалезный бракъ все-таки состоялся.

Въ тридцатыхъ годахъ подростали ужъ и внучки Марьи Дмитріевны, которымъ тоже нужно было пріискивать жениховъ. Это было еще труднѣе: внучекъ было множество; были и богатыя, и побѣднѣе, были и хорошенькія, и дурныя, и *такъ-себѣ* (этихъ-то больше всего, какъ и вездѣ вообще). Дочери Софьи Ивановны Бахметевой были богаты, а дочери графини Сиверсъ или Варвары Ивановны Пилларъ-фонъ-Пильхау, съ самыми скромными средствами. Поэтому жениховъ опять-таки приходилось строго сортировать. Появился, напримѣръ, въ Водолагахъ нѣкій Гудима-Левковичъ, молодой Полтавскій помѣщикъ хорошей фамиліи и съ изряднымъ состояніемъ. Для гр. Софьи Карловны Сиверсъ онъ бы годился, но онъ началъ замѣтно ухаживать за Катериной Николаевной Бахметевой, красавицей и богатой невѣстой. Не смотря на всевозможныя ухищренія, влюбить его въ гр. Сиверсъ не удавалось; тутъ-то пригодился Дмитрій Андреичъ. Устроили такой маневръ: предупредили его конечно, пригласили въ Водолаги, а когда онъ пріѣхалъ, всѣ какъ бы невзначай вышли изъ комнаты, кромѣ гр. Сиверсъ и Гудима-Левковича; онъ засталъ ихъ вдвоемъ. «А а! вотъ они!» возгласилъ онъ: «я слышалъ, знаю и очень радъ. Поздравляю жениха и невѣсту». Гудима-Левковичъ такъ потерялся отъ этой неожиданности, что... принялъ поздравленіе и конечно потомъ не отрекся отъ внезапной невѣсты. Замѣчательно, что всѣ подобные браки у Дуниныхъ выходили совсѣмъ благополучными; а вотъ Е. Н. Бахметева

потомъ вышла замужъ по любви за извѣстнаго богача, меломана и красавца кн. Юрія Николаевича Голицына, бывшаго послѣ Тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ, а впослѣдствіи, по раззореніи, антрепренёромъ и дирижеромъ извѣстнаго пѣвческаго хора. Этотъ бракъ по любви вышелъ совсѣмъ несчастнымъ. Супруги вскорѣ даже вовсе разъѣхались, что̀ въ тѣ времена не было такою заурядною вещью, какъ теперь, а въ корректной до пуризма Дунинской семьѣ тѣмъ менѣе. Прошло много лѣтъ. Марья Дмитріевна пристроила всѣхъ почти своихъ внучекъ, и наконецъ сама мирно почила, окруженная многими поколѣніями своей огромной семьи. У Похвисневой и Бенкендорфъ выросли, переженились дѣти, у послѣдней даже и внуки, и онѣ обѣ скончались, а Дмитрій Андреичъ жилъ да поживалъ себѣ въ своей Константовкѣ, собиралъ жуковъ, кормилъ рѣдкихъ гостей своихъ вонючими обѣдами и копилъ-копилъ деньгу̀. Имѣнія его давали громадный доходъ; въ Изюмскихъ степяхъ, по сосѣдству съ Гороховатскимъ шляхомъ, гдѣ нѣкогда погибъ доблестною смертью его предокъ въ бою съ поганой Татарвой, у него ходило свыше 30000 головъ породистой овцы мериносовъ; денегъ своихъ онъ не помѣщалъ въ банкъ, хотя самъ учредилъ банкъ для своего уѣзда (Зміевскаго), а держалъ онъ деньги въ сундукахъ и укладкахъ въ своей спальнѣ. Отсюда ему и бѣда приключилась.

Кажется, въ пятидесятыхъ годахъ Дмитрій Андреичъ избралъ себѣ наслѣдникомъ Николая Ивановича Похвиснева, младшаго сына своей сестры Надежды Андреевны. У Похвисневыхъ было свое прекрасное состояніе; можетъ быть, они бы имъ благополучно и прожили, но перспектива будущихъ милліоновъ совсѣмъ спутала ихъ разсчеты. Николай Ивановичъ уступилъ свою часть родительскаго состоянія старшему женатому уже брату своему Дмитрію Ивановичу, съ которымъ былъ очень друженъ, и самъ остался ни съ чѣмъ. А жить чѣмъ-нибудь нужно было, и притомъ будущему милліонеру нельзя же было жить скудно и скаредно, да и брату его можно было позволить себѣ то-другое лишнее въ ожиданіи будущихъ благъ. Похвисневы зажили не по средствамъ и въ долгъ. Дмитрій Андреичъ ничѣмъ не помогалъ своему наслѣднику; отъ него даже скрывали задолженность Николая Ивановича: боялись, чтобъ онъ не лишилъ его наслѣдства за расточительность. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Похвисневъ былъ въ долгу, какъ въ шелку. Невѣроятно, сколько насчитывали на немъ его кредиторы, пользуясь его добродушіемъ и ссылаясь на необезпеченность должника. Баснословные разсказы ходили о томъ, какіе проценты брали съ него мѣстные ростовщики, особенно одинъ изъ нихъ, бывшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, отставленный отъ службы

чуть ли не по 3-му пункту губернаторомъ П. П. Дурново, года три до смерти Захаржевскаго. Этотъ артистъ получалъ говорятъ по 1000% и болѣе (конечно % только приписывались). Помогла и любовь. Николай Ивановичъ былъ влюбленъ въ замужнюю свѣтскую женщину и очень тратился на подарки и сюрпризы, которые при ея вкусахъ стóили недешево. Время шло, Похвисневъ перебивался и страшно бѣдствовалъ; наконецъ въ началѣ Декабря 1871 г. онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Говорятъ, старикъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ страшное негодованіе, порѣшилъ уничтожить сдѣланное въ пользу Похвиснева завѣщаніе и вызвалъ къ себѣ, въ качествѣ предполагаемаго новаго наслѣдника, Оффенберга, внука сестры своей Бибиковой-Бенкендорфъ. Но онъ не успѣлъ пріѣхать: чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Похвиснева объявили несостоятельнымъ, Дмитрія Андреевича нашли въ постели мертвымъ. Тутъ ужъ не только трудно, но даже и невозможно разобраться въ массѣ толковъ, сплетень и пересудовъ. Попытаться однако слѣдуетъ. Вотъ что у меня удержалось въ памяти изъ того, чтó я узнала отъ наиболѣе достовѣрныхъ лицъ вдобавокъ къ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, добытымъ судебнымъ слѣдствіемъ. Я стараюсь держаться наиболѣе вѣроятныхъ источниковъ и устранить все очень уже фантастическое, а также все черезчуръ ядовитое.

Когда Захаржевскаго нашли въ постели мертвымъ, немедленно дали знать о томъ и Похвисневу, и душеприказчику покойнаго, его родственнику графу Александру Карловичу Сиверсу *), человѣку очень умному и опытному администратору. Графъ нашелъ конечно очень натуральнымъ, что столѣтній почти старикъ умеръ ночью *своею смертью*, у себя на постели.

Все-таки изъ предосторожности нужно произвести легонькій, поверхностный осмотръ, сказалъ онъ уѣздному врачу, прибывшему въ Константовку съ исправникомъ и прочимъ потребнымъ для даннаго случая уѣзднымъ людомъ. Осмотръ произвели: у покойнаго оказались сломанными ребра. Тогда вскрыли трупъ и удостовѣрились, что старикъ умеръ отъ удушенія. Прежде всего заподозрѣли ближайшую прислугу покойнаго, кое-кого арестовали и допросили; но это не привело ни къ чему. Замѣчательно однако, какъ быстро новые судебные порядки овладѣли довѣріемъ народа. Когда по Харькову пошелъ слухъ о насильственной смерти Захаржевскаго и о томъ, что ищутъ и не находятъ виновныхъ, одинъ легковой извозчикъ самъ явился къ вла-

---

*) Онъ былъ сначала Екатеринославскимъ, потомъ Харьковскимъ и наконецъ съ 1866 года Московскимъ губернаторомъ.

стямъ и заявилъ, что наканунѣ смерти Захаржевскаго онъ возилъ двухъ неизвѣстныхъ ему мужчинъ по направленію къ Константовкѣ (возможна ли была такая добровольная явка при прежнихъ слѣдственныхъ порядкахъ? а вѣдь не прошло и пяти лѣтъ, какъ они сданы были въ архивъ). Неизвѣстные остановились на постояломъ дворѣ вблизи Константовки, оставили тамъ своего извозчика и вечеромъ сами ушли, а къ утру возвратились съ небольшой ношей въ рукахъ и уѣхали въ Харьковъ. По примѣтамъ, даннымъ извозчикомъ, и съ его помощью начали искать неизвѣстныхъ, и нашли. Оказались—лакей Похвиснева и бывшій лакей Захаржевскаго, недавно имъ разсчитанный. Ихъ конечно арестовали. На первыхъ порахъ они оговорили Похвиснева: «Подговорилъ-де; обѣщалъ то и то». Потомъ скоро что-то оговоръ этотъ сняли; стали показывать, что убили старика изъ жалости къ Николаю Ивановичу, который такъ сильно нуждался въ ожиданіи милліоннаго наслѣдства, признались, между прочимъ, что давно таскали сторублевки изъ сундуковъ въ спальной: старикъ никогда не считалъ бумажекъ въ пачкахъ, а считалъ только самыя пачки. И какъ они не сообразили, что воровать потихоньку сторублевки и безопаснѣе, и выгоднѣе! Правда, лакей Захаржевскаго былъ уволенъ; быть можетъ, того же ждалъ и лакей Похвиснева, и потому-то они оба рѣшились на такое рискованное злодѣяніе.

Не знаю ужъ, такъ ли сильна была увѣренность властей въ невиновности Похвиснева, или такъ велика сила милліоновъ даже для неподкупной прокуратуры начала семидесятыхъ годовъ, но Николая Ивановича не безпокоили. Само-собой поднялись сплетни, будто и слѣдователи, и прокуроры куплены. Нужно сказать, что, съ неосмотрительностью человѣка, чувствующаго себя выше подобныхъ подозрѣній, прокуроръ судебной палаты постоянно игралъ въ клубѣ *по-большой* съ Похвисневымъ, который былъ очень слабый игрокъ, да притомъ и карты держалъ вѣеромъ. Это очень занимало мѣстную публику: многіе нарочно ходили въ ту комнату, гдѣ они играли, чтобъ хоть мелькомъ взглянуть на эту сцену.

Между тѣмъ завѣщаніе Захаржевскаго было утверждено не по всѣмъ статьямъ: не утвердили именно той, по которой душеприказчикомъ назначенъ былъ графъ Сиверсъ и въ распоряженіе его предоставлялось 300 тысячъ для извѣстныхъ ему цѣлей, вѣроятно благотворительныхъ. Извѣстно, что душеприказчикъ ничего не долженъ наслѣдовать послѣ завѣщателя, а графу Сиверсъ Захаржевскій завѣщалъ свои карманные часы; говорятъ, это было предлогомъ, что графа душеприказчикомъ не утвердили. Такимъ образомъ всѣ милліоны полностію

и безъ исключенія должны были перейти къ Похвисневу, кромѣ развѣ очень мелкихъ выдачъ, если такія были; я что-то о нихъ не слышала.

Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ невѣроятное.

Милліоны эти расплылись самымъ непостижимымъ образомъ, а самъ Похвисневъ, безнадежно больной, уѣхалъ лѣчиться заграницу и тамъ скончался. По смерти его пошли съ молотка всѣ имѣнія его и вся движимость.

Баснословные разсказы ходили о томъ, какъ все это продавалось и покупалось, По грошовымъ цѣнамъ разошлось цѣнное и безцѣнное имущество... Слышно было, что въ восьмидесятыхъ годахъ Дмитрій Ивановичъ Похвисневъ поднялъ дѣло о неправильной продажѣ достоянія брата, но дѣло это не пошло, заглохло и умерло. А между тѣмъ ходили сплетни, что Н. И. Похвисневъ увезъ будто бы за границу милліоны Захаржевскаго и не умеръ тамъ, а бѣжалъ въ Америку, схоронивъ подъ своимъ именемъ кого-то другого. Былъ еще варіантъ этой сплетни: нѣкоторые видѣли будто бы Николая Ивановича въ Петербургѣ на Невскомъ, когда онъ считался уже умершимъ и погребеннымъ. Но это ужъ переноситъ насъ немножко ко временамъ маіора Ковалева и цирульника Ивана Яковлевича...

Интересно, чтобъ когда-нибудь, во время благопотребное, кто-нибудь извлекъ изъ архивовъ Харьковскаго и Изюмскаго суда дѣло объ убійствѣ Захаржевскаго, о несостоятельности Похвиснева, о продажѣ его имущества, дополнилъ бы его показаніями правдивыхъ очевидцевъ, особенно по части задолженности Николая Ивановича и подвиговъ мѣстныхъ Шейлоковъ, и освѣтилъ бы все это не юридическимъ только, а и психологическимъ анализомъ. Вышло бы интересное сказаніе...

Такимъ образомъ угасло мужское потомство славнаго рода Донецъ-Захаржевскихъ, о которомъ такъ горячо заботилась когда-то прабабка Анастасья Лаврентьевна; угасло, какъ бы въ подтвержденіе словъ Евангелія: *Тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя...*

Женскаго потомства много. Есть дворянскіе роды: Балавенскіе, Гурьевы, Клугены и проч. Но есть и знать: князья Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе (отъ Елены Павловны, рожденной Бибиковой); есть П. П. Дурново, сынъ Маріи Васильевны, княжны Кочубей по отцу (дочери той же кн. Бѣлосельской-Бѣлозерской, во второмъ бракѣ кн. Кочубей), бароны Оффенберги, Задонскіе. Но никто изъ нихъ не захотѣлъ или не могъ удержать знаменитое когда-то родовое имя. Нѣтъ болѣе Донецъ-Захаржевскихъ! Sic transit gloria mundi.

Н. Башкирцева.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО КЪ ЖУКОВСКОМУ [1]).

Письмо къ А. И. Тургеневу.

19-го (1828 г., Москва).

Сдѣлай одолженіе, мой милѣйшій, передай эту записку Блудову и подтверди ее и мою всепокорнѣйшую просьбу своею просьбою. Я и самъ написалъ бы Дмит. Ник., но онъ долженъ быть въ хлопотахъ и безъ моихъ писемъ, тѣмъ болѣе, если Московскіе слухи о болѣзни князя Ливена справедливы. Мнѣ говорили о профессорѣ Сергѣевѣ какъ о человѣкѣ достойномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мою собственную записку получишь скоро. Вчера, съ согласія Дитриха, испытывали мы надъ Батюшковымъ дѣйствіе музыки [2]). Я возилъ къ нему Верстовскаго, который игралъ на фортепьяно и пѣлъ, то-есть въ комнатѣ доктора. Къ сожалѣнію расположеніе комнатъ въ домѣ имъ занимаемомъ таково, что нельзя было играть у самой комнаты больного. Онъ однакоже слышалъ музыку и приставу, къ нему вошедшему, что-то говорилъ о музыкѣ, о Адамѣ и Евѣ. Я видѣлъ его со двора сквозь окошко: онъ лежалъ на диванѣ, возлѣ столъ со свѣчею, и онъ лѣпилъ изъ воска. Это теперешнее его занятіе вседневное и, говорятъ, лѣпитъ онъ все св. Георгія. На дняхъ поведемъ къ нему нѣсколько пѣвчихъ и заставимъ пѣть духовныя пѣсни. Вѣроятно это его не исцѣлитъ; но и то хорошо, если доставитъ ему какое-нибудь развлеченіе и отраду.

*

(Августъ 1830, Москва).

Чтò ты дѣлаешь? Гдѣ вы? Чтò слышно объ Александрѣ Тургеневѣ? Если что нужно будетъ доставить Жихареву, передай мнѣ; а онъ поѣхалъ въ отпускъ на мѣсяцъ. Нѣтъ ли, отецъ родной, какого нибудь Европейскаго гостинца подъ рукою? Дай понюхать, я тотъ часъ воз-

---

[1]) См. выше, стр. 181. Письмо къ Тургеневу нашлось между письмами къ Жуковскому.

[2]) Князь Вяземскій принималъ дѣятельное участіе въ злосчастной судьбѣ Батюшкова. Въ 1823 году онъ собирался даже нарочно ѣхать къ нему въ Крымъ и звалъ съ собою Жуковскаго (см. Л. Н. Майкова „О жизни и соч. Батюшкова“, стр. 298).

вращу. Здѣсь у меня носъ залегъ. Дай стиховъ, дай прозы, что̀ хочешь и что̀ можешь. А бѣдный нашъ Василій Львовичъ! Онъ умеръ при мнѣ. Послѣдними словами его племяннику Александру, наканунѣ смерти, были: «Какъ скученъ Катенинъ», котораго онъ передъ тѣмъ читалъ въ Литературной Газетѣ. Это славно: это значитъ умереть подъ ружьемъ. Что-то мы скажемъ съ тобою въ смертный часъ?

Мы всѣ, слава Богу, здоровы, и жена тебѣ сердечно кланяется, а невѣста растетъ помаленьку. Обнимаю тебя отъ всей души. Что̀ дѣлаетъ Александра Осиповна? Скажи ей, что я на одномъ балѣ, данномъ въ честь Великому Князю, много о ней думалъ и говорилъ.

*

Остафьево, 3-го Сентября 1830 *).

Здравствуй, любезный другъ. Я знаю, что не въ твоей волѣ зависитъ дѣлать все добро, которое желалось бы; но въ иныхъ случаяхъ, не менѣе того должно дѣлать попытку, и таковъ нынѣшній случай. За глупую статью о князѣ Юсуповѣ и о посланіи къ нему Пушкина, напечатанную въ «Телеграфѣ», Глинка былъ отрѣшенъ отъ мѣста по представленію куратора князя Голицына. Глинка, можетъ быть, виноватъ, хотя, опираясь на уставъ цензурный, онъ не обязанъ былъ видѣть личности въ картинѣ нравовъ и не обязанъ знать князя Юсупова и слѣдовательно узнавать его портретъ. Но это въ сторону: дѣло въ томъ, что Глинка, лишаясь мѣста, лишается хлѣба и имѣетъ многочисленное семейство, что онъ можетъ быть виноватъ какъ цензоръ, но правъ какъ честный человѣкъ, какъ служившій во всю жизнь вѣрою и правдою перомъ своимъ, а особливо же въ 1812 годѣ, что онъ (какъ называю его въ одномъ письмѣ) *Шатобріанъ Московскаго ополченія*, что онъ, не смотря на эпиграммы и насмѣшки, стоялъ и писалъ всегда до упаду за православіе во всѣхъ видахъ его, что въ 1812 годѣ былъ отданъ ему подъ вѣдѣніе колоколъ Ивана Великаго Растопчинымъ и что онъ могъ ударить въ набатъ, когда заблагоразсудится. Накажи его за оплошность, но дай пенсію за прежнія заслуги. Писателя усерднѣе, болѣе преданнаго ему, правительство у насъ не имѣло. Министръ, князь Ливенъ, можетъ, не зная того и имѣлъ въ немъ въ виду только чиновника провинившагося и отрѣшилъ его. Но поговори о томъ Д. Н. Блудову. Рѣшительно всѣ въ Москвѣ принимаютъ живѣйшее участіе въ бѣдѣ Глинки. Онъ въ Москвѣ у насъ царь-пушка въ лите-

*) Наканунѣ этого дня, т.-е. 2 Сентября 1830, князь Вяземскій написалъ о бѣдѣ, постигшей С. Н. Глинку, прекрасное письмо къ Е. М. Хитровой. Письмо это напечатано въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1899 г.

ратурѣ. Теперь же онъ слишкомъ отсталъ отъ литтературы, и она слишкомъ отъ него отстала, чтобы ему писать и жить доходами отъ своихъ сочиненій. Онъ самъ говоритъ, что книгопродавцы теперь крестятся отъ него и говорятъ, что Гермогены и Минины въ убытокъ, что на нихъ ничего не выручишь. Онъ рѣшительно доведенъ до того, что продаетъ свою библіотеку по розницѣ, чтобы доставить насущный хлѣбъ семейству. Если же Дмит. Ник. нельзя вмѣшаться въ это дѣло, то не будешь ли имѣть случая довести о томъ до свѣдѣнія Великаго Князя Михаила? Ему говорено было о Глинкѣ въ Москвѣ: онъ же и кумъ его, крестилъ у него когда-то сына. Если и тутъ нельзя, то рѣшись поговорить *небесному дьяволенку* [1]). Князь Голицынъ скоро будетъ въ Петербургѣ [2]). Ей уже не въ первый разъ задирать его за живое. Попроси ее и отъ меня. Сдѣлай милость, прими это дѣло къ сердцу и натяни всѣ струны сердца. А я говорилъ графу Панину, служащему при Голицынѣ, о Шевыревѣ. Лучше будетъ, если самъ напишешь къ нему или къ самому князю Сергѣю Михайловичу. А пока на мѣсто Мерзлякова прочитъ себя Давыдовъ, университетскій.

*

Остафьево, 26-го Сентября 1830 г.

Я получилъ твое письмо въ тотъ самый день, какъ узналъ, что холера-морбусъ въ Москвѣ. Признаюсь: его рѣчь была впереди. Но однакоже, я тогда же встрѣтился съ Глинкою и сказалъ ему о твоемъ совѣтѣ. Не знаю, что̀ онъ сдѣлаетъ; но между тѣмъ вотъ записка о немъ, извлеченная изъ его собственноручной записки. Кажется, онъ хочетъ подать подобную Государю Императору; а ты, если можешь, то есть, если имѣешь случай, задобри къ нему министра черезъ Д. Н. Блудова. Благодѣтельница Елиза (Хитрова) взялась также хлопотать. Я все это время былъ подъ давленіемъ единой душной, неразсѣеваемой мысли: холера въ Москвѣ, а я съ женою и дѣтьми въ 25 верстахъ отъ Москвы. Сначала и жены не было: она ѣздила въ Калугу къ матушкѣ. Отвѣтственность и страхъ лежали на мнѣ одномъ. Теперь все какъ будто легче нести бремя вдвоемъ. Я не знаю, на что рѣшиться: переѣхать ли въ Москву, гдѣ уже была зараза, но гдѣ болѣе пособій, или оставаться въ деревнѣ, гдѣ заразы нѣтъ и слѣдовательно гдѣ можетъ

[1]) Великій Князь Михаилъ Павловичъ въ этомъ году пользовался въ Москвѣ искусственными минеральными водами на Остоженкѣ.

[2]) Т.-е. А. О. Россетъ, которая, кажется, именно въ это время давала согласіе попечителю Московскаго учебнаго округа, князю С. М. Голицыну, выйти за него замужъ, чему вскорѣ воспротивилась его супруга, почти тридцать лѣтъ жившая съ нимъ розно, княгиня Евдокія Ивановна (Princesse Nocturne).

она и не быть, но гдѣ въ случаѣ бѣды мы обезоруженнѣе противъ нея. Рѣшились остаться и принимать всѣ возможныя мѣры предохранительныя какъ для себя, такъ и для всѣхъ деревенскихъ жителей. Вообще, я не люблю финтить съ Провидѣніемъ: какъ ни дѣлай, а оно проведетъ, если захочетъ. Гдѣ вздумается ему насъ спасти, гдѣ поразить, неизвѣстно, и потому нечего прыгать съ мѣста на мѣсто. Къ тому же у меня въ Москвѣ нѣтъ и дома свободнаго; да и жены не было при мнѣ, когда настигла бѣда. По извѣстіямъ болѣзнь не усиливается въ Москвѣ. Впрочемъ, вамъ вѣрнѣе знать, что̀ дѣлается у насъ, чѣмъ намъ. До нынѣшняго дня погода была прекрасная. Трудно было вообразить, что при такомъ улыбающемся небѣ земля могла быть предана подобному бѣдствію; но небо улыбалось намъ сардоническою усмѣшкою. Нынѣ оно чистосердечнѣе: пасмурно, дождливо и холодно. На сердцѣ отъ того еще болѣе унынія; все сердце отходило понемножку на свѣтломъ солнцѣ и ясномъ воздухѣ, кромѣ того, что эта сырая погода должна быть вредна и здоровью. Молись Богу за насъ и за невѣсту свою. Пока мы всѣ здоровы, слава Богу; но на долго-ли? *И онъ предсталъ*. Попроси и *чортика* молиться за насъ Богу и кланяйся ему отъ меня. Спроси у Д. Н. Блудова, не получалъ ли онъ въ прошеніяхъ, написанныхъ еще на имя Дашкова, прошенія отъ Кривцова по дѣлу денежному въ Смоленскѣ, и попроси его дать скорѣе ходъ ему. Кривцовъ также борется съ холерою, которая въ 25 верстахъ отъ него. Прости, мой милый; придется ли намъ увидѣться? На всякій случай обнимаю тебя нѣжнѣе и тѣснѣе. Вотъ пришлось и намъ прибѣгнуть

Къ царевичу младому *Хлору*
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ о холерѣ не слыхать.

*

Остафьево, 9 Октября 1830.

Какъ можно было вамъ думать, любезнѣйшіе друзья, что мы въ такую минуту писать вамъ не будемъ? Я писалъ три раза съ того времени, какъ непріятель въ Москвѣ. Первое письмо было надписано въ Ревель, два другія отправлены къ Булгакову. Еще писалъ я два раза Толмачеву, поручая ему вамъ сообщить мои письма. Надѣюсь, что хотя часть писемъ моихъ дошла до васъ и что вы успокоены въ томъ, что̀ лично до насъ касается. Слава Богу, мы и Остафьево пока еще держимся. Вотъ тоже Русская шутка *), которую повторяю, и дай Богъ ей обрусѣть, то-есть продлиться до конца. Изъ Москвы вѣсти все хуже и хуже. Одна отрада, что болѣзнь, можетъ быть, пуще бѣсится передъ концомъ своимъ. И болѣзнямъ, какъ молодости, перебѣ-

*) Не понимаемъ, въ чемъ тутъ шутка. П. Б.

ситься должно. Пріѣздъ въ Москву Государя произвелъ, сказываютъ, общій восторгъ. Куда онъ ни покажется, народъ такъ и обступитъ коляску его; однажды даже и поломали ее. Вотъ письмо Четвертинской, которое вамъ любопытно будетъ прочесть [1]). Въ самомъ дѣлѣ, пріѣздъ Государя прекраснѣйшая черта: одна такая черта даетъ характеръ всей жизни. Тутъ есть не только безбоязненность, которая также признакъ великодушія, но есть и вдохновеніе, и преданность, и какое-то христіанское и царское рыцарство, которое очень къ лицу Самодержцу. Царь въ сраженіи передъ войскомъ своимъ, особливо же если война справедливая, зрѣлище прекрасное; но царь, который добровольно и съ намѣреніемъ становится посреди народа своего, объятаго заразою, еще прекраснѣе. Тамъ есть славолюбіе, упоеніе, есть point d'honneur, особливо же для царей, носящихъ военный мундиръ; но здѣсь подвигъ просто героическій или христіанскій. Тутъ не народъ говоритъ: *близъ царя—близъ смерти*, а царь говоритъ: *близъ народа—близъ смерти* и сближается съ нимъ. Я, кажется, вамъ уже писалъ, что всѣ Оболенскіе уѣхали въ Калугу. Жена встрѣтила ихъ, возвращаясь отъ матушки. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Калугѣ холеры нѣтъ. Впрочемъ, и намъ до этой минуты жаловаться нельзя, что мы рѣшились остаться въ Остафьевѣ. Неимѣніе доктора при себѣ одно смущаетъ, когда подумаешь объ опасности. Теперь сообщенія съ Москвой совершенно прекращены запрещеніемъ выѣзда и въѣзда. Для насъ, еще уцѣлѣвшихъ, это и выгоднѣе; но бѣда въ томъ, что на заставахъ за деньги все-таки выпускаютъ. И вся разница въ томъ, что если зараза по уѣздамъ распространится, то не *безпошлинная*. Я писалъ о томъ князю Голицыну въ Москву. И то, говорятъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ она оказывается. Сдѣлайте милость, вы, однакоже, не думайте, что я очень упалъ духомъ, и не бойтесь моей способности мысленно прививать себѣ всякую болѣзнь.

Разумѣется, на сердцѣ тяжело; но я не предаюсь унынію и довольно дѣятельно занимаюсь чтеніемъ и бумагомараніемъ, такъ что день не лежитъ у меня на плечахъ. Даже и музыка идетъ своимъ чередомъ, и правая рука продолжаетъ свое упражненіе [2]). Напрасно вы пренебрегаете предосторожностями, ожидая быть лицомъ къ лицу съ опасностью. Довольно и того, что она покосится на насъ, чтобы осте-

---

[1]) Этого письма у насъ не имѣется. Княгиня Надежда Ѳедоровна Четвертинская—родная сестра супруги князя Вяземскаго.

[2]) Князь Вяземскій унаслѣдовалъ отъ своей матери любовь къ музыкѣ и послѣдніе свои годы проводилъ въ Гомбургѣ между прочимъ потому, что тамъ всѣ дни въ году бываютъ концерты въ залѣ при минеральныхъ водахъ.

речься. Къ тому же мѣры, очищающія воздухъ, никогда лишними быть не могутъ. Право, прибѣгайте къ *царевичу младому Хлору*, даромъ, что воспѣвалъ его Державинъ, котораго Софья Николаевна [1]) не жалуетъ. Сказывалъ ли я вамъ, что my dear Dorothee у насъ въ сосѣдствѣ, въ домѣ Олениныхъ, но мы видимся рѣдко, потому что теперь всѣ другъ друга боятся. Въ самый день, какъ я узналъ, что холера въ Москвѣ, встрѣтился я съ миссъ Жоржваной. Она, вѣроятно, замѣтила мое смущеніе, но сказать ей о причинѣ не могъ, потому что она была еще тайна. Простите, любезнѣйшіе друзья. Дай Богъ и въ будущій разъ написать вамъ письмо такого же содержанія. Обнимаю васъ и Мещерскихъ нѣжно и крѣпко. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ найдете вы подробныя свѣдѣнія о состояніи Москвы и о ходѣ болѣзни.

*

Остафьево, 26 Октября 1830.

Мнѣ пишутъ, что мой Адольфъ [2]) у тебя. Пересмотри его, пожалуйста. Холера холерою, но она денегъ не даетъ, а, напротивъ, отнимаетъ, заваливая источники доходовъ. Богъ дастъ, если она зимою пройдетъ, а мы не пройдемъ, то напечатаю его на голый зубъ. Порученіе скучное, вѣрю и знаю; но для облегченія замѣть и переправь только тѣ мѣста, которыя покажутся тебѣ рѣшительно непропустимыми. Я знаю, что вообще система перевода моего тебѣ не понравится; можетъ быть, и самъ перевелъ бы я теперь иначе. Но дѣло сдѣлано, къ тому же и не безъ намѣренія и не безъ системы. Я хотѣлъ сохранить не только духъ слога подлинника, но и самыя формы его. О моемъ раболѣпіи буду говорить въ предисловіи. Слѣдовательно, ты нападай не на ошибку мою, а на ошибки, гдѣ ихъ встрѣтишь. Я писалъ тебѣ и прислалъ записку о Глинкѣ. Получилъ ли? Ты знаешь о нашемъ житьѣ-бытьѣ отъ Карамзиныхъ, о Москвѣ изъ Московскихъ Вѣдомостей. Хорошаго прибавить нечего. Что̀ слышно объ Александрѣ? Ты насъ сегодня для праздника заставилъ плакать семейно. Я читалъ вслухъ въ семейномъ кругу твою Іоанну, и ты можешь похвалиться рѣшительнымъ успѣхомъ. Прости, любезнѣйшій другъ. Когда увидимся и гдѣ? На этомъ берегу или на томъ? Побѣди свою лѣнь и мою скуку: то-есть прочти моего Адольфа и напиши мнѣ нѣсколько словъ о себѣ. Я весь въ Фонъ-Визинѣ и по поводу его комедіи написалъ большую статью о нашемъ театрѣ, котораго нѣтъ. Тутъ-то и писать: on a carte blanche.

*

[1]) Карамзина.

[2]) Романъ Бенжаменъ-Констана, переведенный и напечатанный кн. Вяземскимъ.

(Лѣто 1831, Остафьево).

Здравствуй, любезный другъ, и здравствуй au pied de la lettre. Часто, очень часто думаю о тебѣ и боюсь за тебя, хотя въ послѣднемъ письмѣ небеснаго дьяволенка къ Карамзинымъ и сказано, что здоровье твое поправляется. Сдѣлай милость, побѣди свою лѣнь на минуту и напиши ко мнѣ двѣ строчки. Мы раздѣлимъ эти двѣ строчки съ Карамзиными и Александромъ. Немного придется на брата, и не много будетъ труда тебѣ; а намъ будетъ большое успокоеніе и удовольствіе имѣть твое собственноручное свидѣтельство въ жизни и здравіи. Я живу половиною въ городѣ по дѣламъ службы и половиною въ Остафьевѣ. Мои и Карамзины, слава Богу, пока здоровы. Александръ [1]) боится холеры и почти ничего не ѣстъ, голубчикъ; даже и чай свой кушаетъ безъ сливочекъ. Ты поймешь его тяжелое положеніе. Вижусь съ нимъ часто и въ городѣ, гдѣ мыкаемся по гуляніямъ и салонамъ, и въ деревнѣ. Вотъ къ тебѣ просьба отъ Екатерины Ѳедоровны [2]): ты, сказываютъ, большой омеопатистъ, а она проситъ тебя заказать своему доктору аптечку Ганемановскую со всѣми припадлежащими къ ней наставленіями, книгами Французскими, Нѣмецкими и Русскими, по сему предмету изданными. О деньгахъ слова нѣтъ; чего бы это ни стоило, она охотно заплатитъ. Только проситъ она прислать поскорѣе. Что̀ твои стихотворческіе припадки? Ты, сказываютъ, написалъ прелести. Пушкинъ писалъ мнѣ, что только твоими стихами и можно утѣшаться въ нынѣшнее время. Пришли что нибудь: дай и намъ хоть чему нибудь порадоваться изъ того, что̀ у васъ дѣлается и пишется въ Питерѣ. Что̀ Пушкинъ? То-то у тебя слюнки текутъ, глядя на жену его. И Пушкинъ уже успѣлъ жениться, а ты все еще нѣтъ! Прости, обнимаю тебя отъ всей души и отъ всѣхъ помышленій моихъ. Поцѣлуй за меня ручку у небеснаго дьяволенка, Dona Sol тожъ, ласточка тожъ, померанца тожъ и проч. и проч., и попроси ее почаще писать къ Cophie Карамзиной, потому, что та въ письмахъ такой же небесный дьяволенокъ, такая же Дона Соль и Дона Инбирь, какъ и съ рожицы. Братъ ея здоровъ, я стараюсь влюблять его тамъ и сямъ и, кажется, довольно успѣваю. Тургеневъ также начинаетъ сердечничать, сколько можно при страхѣ холеры и постномъ чаѣ.

Приписка А. И. Тургенева.

Успокой ради Бога за себя всѣхъ насъ: какъ ни стараюсь развлекать себя Вяземскимъ, окрестностями Москвы-рѣки, холерою и всякою всячиною, но мысль о тебѣ ежеминутно въ сердцѣ. Прилипчивости я не

[1]) Т. е. А. И. Тургеневъ. Онъ любилъ покушать.

[2]) Муравьевой.

боюсь за тебя, но ты былъ и безъ того нездоровъ, а холера prête au riche. Милое письмо вашей придворной Sevigné нѣсколько успокоило насъ за тебя. У насъ еще и другая успокаивающая мысль о тебѣ: твое равнодушіе къ жизни, похожее почти на христіанскую резигнацію; а это равнодушіе, недуманіе о холерѣ—отъ нея спасаетъ. Что Козловъ? Онъ не такъ-то къ себѣ равнодушенъ, и его страхъ за жизнь мнѣ очень не понравился. Вяземскій клевещетъ меня: съ Любека желудокъ мой разстроенъ, и малѣйшее отступленіе отъ регулярной жизни лишаетъ меня средства наслаждаться обществомъ и даже книгами, въ кои впрочемъ здѣсь рѣдко заглядываю. Провожу время въ деревняхъ, у сестрицы, въ Кунцевѣ и въ прогулкахъ по красивымъ берегамъ Москворѣцкимъ, ищу разсѣянія отъ думъ о братѣ и его одиночествѣ, которое теперь еще болѣе страшно для меня его страхомъ за меня; ибо тамъ вѣрно слухи о здѣшней холерѣ ужаснѣе существенности. Дѣла мои не очень подвигаются. На водахъ встрѣчаю больного Гнѣдича и еще несколько тѣней нашего прошедшаго, ухаживаю за другимъ больнымъ, который нѣкогда, до нашего пріѣзда, ухаживалъ за Сережей. Онъ боленъ ментально, но чуть ли корень его болѣзни не въ оскорбленномъ самолюбіи; отъ невниманія публики и пріятелей ни къ талантамъ его (онъ пишетъ à la Lamenais и все чушь, но очень умно), ни къ странностямъ жизни. Онъ одѣвается чопорно и говоритъ сентенціями; но нѣжность его къ намъ меня трогаетъ сердечно, и мнѣ уже удалось заставить его открыть окно въ комнатѣ, вчера съ нами обѣдать и пробыть до вечера. Едва не увлекъ я его въ Останьково, гдѣ услышалъ бы онъ Цыганокъ, но я опасаюсь слишкомъ быстраго перехода изъ кабинета въ таборъ, и оставилъ его въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ для мыслящаго тоже уединеніе [1]). Прости, пиши ко мнѣ и скажи мой сердечный привѣтъ князю А. Н. [2]), если вы вмѣстѣ. Жаль мнѣ его по скорби за супругу моего стариннаго сослуживца.

*

Остафьево, 14 Іюля 1831.

Ты уже хлопоталъ о дѣлѣ Толстаго, и онъ тебѣ очень благодаренъ; вотъ еще записка по тому же дѣлу. Перепроводи ее къ сенатору Посникову и передай мнѣ отвѣтъ или отзывъ его. Получилъ ли ты омеопатическое письмо мое, по просьбѣ Екат. Өеодоровны писанное? Отвѣчай хотя омеопатически, то-есть трилліонною частичкою христіанскаго письма, а то ты попросту душишь голодною смертью. Карамзины, Мещерскіе и мы кое-какъ тянемся между холерицею Петер-

---

[1]) Рѣчь, кажется, о Сергѣ Алексѣевичѣ Викулинѣ.
[2]) Князю Александру Николаевичу Голицыну?

бургскою и холерушкою Московскою. Эй, да времячко даетъ намъ Русскій Богъ! Спасибо Ему. Третьяго дня былъ у насъ Тургеневъ, праздновалъ съ нами день рожденія моего. Сейчасъ опечалили меня извѣстіемъ о смерти Дмитрія Бибикова. Если это правда, мнѣ сердечно жаль его, и какъ человѣка, и по службѣ моей. Прости. Богъ съ тобою и съ нами, только не Русскій Богъ, нѣтъ, Богъ съ нимъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Мое сердечное колѣнопреклоненіе Dona Sol. Братъ ея и Смирновъ гостили у насъ два дни.

*

Москва, 4 Сентября (1831).

Возвращаю тебѣ гомеопатическую грамоту, писанную хоть не по твоему, но гомеопатическимъ слогомъ. Екат. Ѳед. будетъ сама отвѣчать тебѣ и пришлетъ деньги, потому что рѣшилась выписать аптечку. *Я радъ, что ты здоровъ* (графъ Хвостовъ) и ожидаю съ нетерпѣніемъ печатныхъ стиховъ, если ты такая каналья, что не можешь потѣшить меня рукописными. Надѣюсь, что Пушкину лучшей осени не нужно: смѣло можетъ онъ приняться за стихи. У насъ такое ненастье, что не приведи Господи. Тургеневъ все здѣсь хлопочетъ по дѣламъ своимъ, продаетъ творогъ, яйца и помаленьку приводитъ дѣла и счеты свои въ порядокъ. Шутки въ сторону: съ тѣхъ поръ, какъ холера рыскала по нашему околотку, онъ глазъ не показывалъ въ Остафьево. Меня увѣряли, что ты женишься, и знаешь на комъ? На Хилковой. Что же? Милости просимъ! Мы отъ этого не прочь. У какого-то сорванца спрашивали, каково поживаютъ какіе-то молодые супруги?—Хорошо, отвѣчалъ онъ, жаловаться нечего. Въ самомъ дѣлѣ, скажи, женишься ли, и происходитъ ли твоя невѣста изъ Ядра Россійской Исторіи? Оно и кстати, потому что и ты ядреный поэтъ. Поздравь черноокую и желтоланитую невѣсту со скорымъ пріѣздомъ жениха ея: онъ ѣдетъ въ Понедѣльникъ, т.-е. 7-го. Дмитріевъ тебѣ кланяется; наши очень любятъ тебя, кромѣ невѣсты твоей здѣшней, которая говоритъ, что ты старъ ей въ мужья, а Полина, вторая невѣста, говоритъ, что сейчасъ пошла бы за тебя. Машѣ минуло 15-го Августа 17 лѣтъ; только по всему не дашь ей болѣе 15-ти лѣтъ. Впрочемъ, она очень добра и мила. Спроси о ней у Россета-брата.

Обнимаю тебя и Пушкина. Что же наши цвѣты-цвѣточки *)? Почему же не облапошить намъ публику тысячи по двѣ или по три на брата? Право, нѣтъ резона отказаться отъ этого.

Жена моя проситъ отдать кому и какъ слѣдуетъ это письмо. А если встрѣтятся какія-нибудь затрудненія, то отдай его просто на почту.

---

*) Т.-е. Сѣверные Цвѣты, альманахъ.

С.-Петербургъ, 11 Декабря 1832 г.

Давно и часто собирался я писать къ тебѣ, любезный другъ, но все не зналъ порядочно, гдѣ ты и какъ ты и потому не писалъ. Теперь г. Мердеръ сообщилъ мнѣ послѣднее письмо твое, и знаю куда смотрѣть, чтобы говорить тебѣ прямо въ глаза. Оно все какъ-то ловчѣе. Послѣднее письмо твое не могу сказать утѣшило, но хотя успокоило насъ. Одно письмо твое къ августѣйшему воспитаннику твоему очень было обрадовало насъ тамъ, гдѣ описываешь ты, что какъ баранъ лазилъ по горамъ не запыхавшись. И такъ, подобно мыши, ты выскребъ себѣ келью въ Швейцарскомъ сырѣ. Въ добрый часъ! Разжирѣй же хорошенько. Понимаю и одобряю побужденія и причины, заставившія тебя пріютится и засѣсть на одномъ мѣстѣ; но все жаль, что не успѣлъ ты перевалиться за Альпы и лечь на солнцѣ. Только, хоть и понимаю, но вовсе не одобряю желанія и намѣренія твоего возвратиться сюда будущимъ лѣтомъ. Не спѣши и людей не насмѣши, т.-е. не огорчи. Вѣроятно, нужно будетъ тебѣ еще выдержать одинъ Эмскій курсъ. Не забывай, что, запасаясь здоровьемъ, ты также исполняешь священную обязанность свою, что Жуковскій здоровый лучше двухъ Жуковскихъ хворыхъ. За битаго двухъ не битыхъ даютъ (вотъ отчего люди Банка вдвое дороже противъ другихъ), дай же себя порядочно выбить, пробѣги сквозь строй врачей, водъ, скуки и тогда уже пріѣзжай молодцомъ. Во всякомъ случаѣ не увлекайся сердечными поползновеніями, а строго повинуйся докторамъ. Если велятъ оставаться, то оставайся и помни, что въ тебѣ, не совершенно здоровомъ, нѣтъ никакой пользы, что ты больной совсѣмъ другой человѣкъ и въ такомъ случаѣ здѣсь не только лишній, но и съ мѣстомъ своимъ несовмѣстный. Дѣло не въ имени твоемъ, а въ твоей головѣ и въ твоемъ сердцѣ, а голова и сердце никуда не годятся, когда . . . болитъ. А со мной безъ тебя сколько превращеній! Я сдѣланъ вице-директоромъ нашего департамента и изъ вице-мужа сталъ дѣйствительный мужъ и отецъ семейства. Всѣ мои здѣсь на житьѣ. Какъ я, и онѣ жалѣютъ, что тебя здѣсь нѣтъ. По публикѣ довольно хорошо; жену и Машу приняли въ обществѣ довольно гостепріимно и милостиво, но все это сухо и холодно, какъ все и вся. Нѣтъ теплаго человѣка, около котораго можно было бы погрѣться, и въ этомъ отношеніи у насъ семейственная тоска по тебѣ. Ты вѣрно знаешь о бѣдственномъ приключеніи нашей милой Смирнихи. Теперь ей лучше, и она уже начинаетъ ходить по комнатѣ. Въ началѣ Января собираются они ѣхать въ Берлинъ, а тамъ куда велятъ доктора. Можетъ быть, васъ Богъ и сведетъ

гдѣ нибудь. Удивительно, какъ въ этой малюткѣ созрѣли умъ и характеръ въ это время испытаній и мученій. Точно нельзя мыслить о ней безъ благоговѣнія и умиленія. Наша птичка-Дубенская также была больна довольно долгое время. Теперь ей лучше, и она вьется, порхаетъ и паритъ. Въ этой пташкѣ потрохъ также не по росту и не по здѣшнему климату. Она поручила мнѣ передать тебѣ много нѣжностей. Всѣ о тебѣ распрашиваютъ, между прочими Фикельмонтша всегда съ участіемъ сердечнымъ. О Дерптскомъ житьѣ-бытьѣ Карамзиныхъ ты вѣрно знаешь отъ своихъ, а можетъ быть и сами тебѣ пишутъ они. Кажется, одна Екатерина Андреевна не можетъ акклиматизироваться. Софья Николаевна пляшетъ, ломаетъ камедь и скачетъ верхомъ, даже осѣдлала, я думаю, и нѣсколько профессоровъ. Пушкинъ собирался было издавать газету, все шло горячо, и было позволеніе на то; но журналъ намъ, какъ кладъ, не дается. Онъ поостылъ, позволеніе какъ-то попризапуталось или поограничилось, и мы опять безъ журнала. Денисъ Давыдовъ напечаталъ свои стихотворенія. При первомъ случаѣ доставлю ихъ тебѣ. Умора и соблазнъ велій. Во-первыхъ въ началѣ нѣкоторыя черты изъ жизни его, въ которыхъ хвалятъ его такъ, что святыхъ вонъ выноси, и между прочимъ выходки подобнаго рода: «Въ 1819 году онъ вступаетъ въ бракъ, а въ 1821 *бракуетъ* себя изъ списковъ фрунтовыхъ генераловъ и поступаетъ въ списокъ генераловъ, состоящихъ по кавалеріи; но единственное упражненіе застегивать себѣ поутру и разстегивать къ ночи крючки и пуговицы отъ глотки до пупа, надоѣдаетъ ему до того, что онъ рѣшается на распашной образъ одежды и жизни и въ началѣ 1823 года выходитъ въ чистую отставку». Или: «Тутъ Фортуна обращается къ нему *задомъ*. Давыдовъ предстаетъ *передъ лице* генерала Винценгероде и поступаетъ подъ его начальство. Съ нимъ пресмыкается онъ черезъ Польшу, Силезію и вступаетъ въ Саксонію. Не стало терпѣнія! Давыдовъ рванулся впередъ и занялъ половину города Дрездена, защищаемаго корпусомъ маршала Даву. За таковую дерзость онъ лишенъ былъ команды и сосланъ въ главную квартиру», а въ стихахъ

Герою битвъ, биваковъ, трактировъ и ....

Люблю тебя, какъ сабли лоскъ,
Когда, пріосѣнясь фуражкой,
Съ виноточивою баклажкой
Идешь въ бивачный мой кіоскъ.
Когда, летая по рядамъ,
Горишь какъ свѣчка въ дымѣ бранномъ;
Или въ ..... окаянномъ
Ты лупишь с... по щекамъ.

Киплю, любуюсь на тебя,
Глядя на прыть твою младую:
Такъ старый хрычъ, цыганъ Илья,
Глядитъ на пляску удалую,
Подъ-ладъ плечами шевеля.
О рыцарь, идолъ усачей!
Гордись пороками своими,
Чаруй съ гусарами лихими
И очаровывай .....

Какъ здѣсь написано, такъ и напечатано съ тѣми же точками, которыхъ ты по цѣломудрію своему вѣроятно не сумѣешь пополнить.

Гусарская исповѣдь.

Я каюсь, я гусаръ давно, всегда гусаръ,
И съ просѣдью усовъ, все рабъ младой привычки:
Люблю разгульный шумъ, умовъ, рѣчей пожаръ
И громогласныя Шампанскаго оттычки.
Отъ юности моей врагъ чопорныхъ утѣхъ,
Мнѣ душно на пирахъ безъ воли и распашки.
Давай мнѣ хоръ Цыганъ, давай мнѣ споръ и смѣхъ
И дымъ столбомъ отъ трубочной *затяжки!*

*

Бѣгу вѣкъ сборища, гдѣ жизнь въ однѣхъ ногахъ,
Гдѣ благосклонности передаются вѣсомъ,
Гдѣ откровенность въ кандалахъ,
Гдѣ тѣло и душа подъ прессомъ;
Гдѣ спѣсь да подлости, вельможа да холопъ,
Гдѣ заслоняютъ намъ вихрь танцевъ эполеты,
Гдѣ подъ подушками потѣетъ столько .... .
Гдѣ столько пузъ затянуто въ корсеты.

*

Но не скажу, чтобы въ безумный день
Не погрѣшилъ и я, не поспѣшилъ въ кругъ людный;
Чтобъ не искалъ присѣсть подъ благодатну тѣнь
Разскащицы и сплетницы дородной;
Чтобъ схватки съ острякомъ бонтоннымъ убѣгалъ,
Или сквозь локоны ланиты воспаленной
Я-бъ шопотомъ любовь не напѣвалъ
Красавицѣ, мазуркой утомленной.

*

Но то набѣгъ, наскакъ—я мигъ ему даю,
И торжествуютъ вновь любимыя привычки!
И я спѣшу въ мою гусарскую семью,
Гдѣ хлопаютъ еще Шампанскаго оттычки.
Долой, долой крючки отъ глотки до пупа!
Гдѣ трубка? Вейся дымъ на удаломъ раздольѣ!
Роскошествуй веселая толпа
Въ живомъ и братскомъ своевольѣ!

*

13-го. Ты спросишь у меня, что я дѣлаю? Слѣдую Русской пословицѣ: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Сижу по нѣсколько дообѣденныхъ часовъ въ своей вице-директорской кельѣ, подписываю иногда до четырехъ сотъ разъ имя свое, такъ что меня тошнитъ отъ него. Вотъ сюжетъ для Русской фантастической повѣсти dans les moeurs administratives: чиновникъ, который сходитъ съ ума на имени своемъ, котораго имя преслѣдуетъ, рябитъ въ глазахъ, звучитъ въ ушахъ, кипитъ на слюнѣ; онъ отплевывается отъ имени своего, принимаетъ тайно и молча другое имя, напримѣръ начальника своего, подписываетъ подъ этимъ чужимъ именемъ какую-нибудь важную бумагу, которая идетъ въ ходъ и производитъ значительныя послѣдствія; онъ за эту неумышленную фальшь подвергается суду, и такъ далѣе. Вотъ тебѣ сюжетъ на досугѣ. А я по суевѣрію не примусь за него, опасаясь, чтобы не сбылось со мной. А вотъ у меня сюжетъ для посланія къ Овидію. Я на дняхъ подписалъ книгъ съ тридцать для *Овидіопольской* таможни. Это продолженіе превращеній. Овидій передаетъ имя свое таможнѣ, а я, то-есть, имя мое, сближается съ его именемъ по поводу *конфискацій* (и рифма *грацій*) и штатныхъ суммъ (и рифма *думъ*). А знаешь ли, что Пушкинъ твой братъ по Академіи? Каковъ Шишковъ! И это подъ стать превращеній. Шишковъ велѣлъ сказать Блудову, что онъ предложилъ бы и Батюшкова, не будь онъ сумасшедшій. На дняхъ я померъ со смѣха. Въ концертѣ подходитъ ко мнѣ Хвостовъ и начинаетъ мнѣ публично говорить о стихахъ моихъ, хвалитъ ихъ и, видѣвъ, что я обѣщалъ дать шесть стихотвореній Смирдину въ альманахъ его, говоритъ мнѣ: Vous agissez bien généreusement. Smirdine vous a donné un dîner de trois mille roubles, et vous lui faites un cadeau de douze mille roubles, оцѣнивая каждое стихотвореніе мое въ двѣ тысячи рублей. Его устами бы медъ пить и рубли брать. Я слушаю его ни живъ, ни мертвъ, на угольяхъ; наконецъ ухожу отъ него и встрѣчаю m-me Caradori, пріѣзжую пѣвицу, которая спрашиваетъ у меня въ невинномъ невѣдѣніи: кто со мной говорилъ? N'est-ce pas ce monsieur qu'on rencontre dans les rues en uniforme rouge? Она приняла Хвостова за *Брызгалова*. Non, madame, отвѣчаю я ей, c'est un fou d'un autre genre, c'est un metromane. Сенаторъ Сумароковъ издалъ жизнь Екатерины. Говорятъ, прелесть. Вьельгорскій хотѣлъ прислать къ тебѣ объявленіе Муравьева о дачѣ своей и описаніе празднествъ въ Вильнѣ изъ Сѣверной Пчелы. А я чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ: вотъ выписка изъ отчета директора нѣкоторой таможни *со свѣдѣніями о торговлѣ и съ отзывомъ объ очевидной пользѣ чая.* «Не говоря уже о томъ, сколько онъ облагораживаетъ человѣка своимъ потребленіемъ и содѣйствуетъ къ чрезвычайному умно-

женію многихъ предметовъ издѣлія для приготовленія и употребленія его, потому что безъ него не было бы столько самоваровъ, чайниковъ, фарфору, подносовъ» (жаль, что забылъ . . . куда изливаютъ выпитой чай). Когда увидишься или опишешься съ Сѣвернымъ, обними его за меня; ужъ онъ не попрежнему мой собратъ, согражданинъ, *сописьменникъ драгой*, но надѣюсь, по старому, мы все друзья, хотя и платоническою дружбою. Супругѣ его также мое сердечное привѣтствіе. Всею семьею обнимаю тебя. Выздоравливай хорошенько, а не то чтобы какъ нибудь. Напиши при случаѣ и пришли какихъ-нибудь литературныхъ новинокъ. А между тѣмъ вели списать портретъ свой, который моя Маша [1]) проситъ у тебя для альбома своего.

*

С.-Петербургъ 29-го Января 1833.

Монахъ, избави Богъ и думать, нѣтъ, дервишъ! Что же забился ты въ свой Швейцарскій сыръ и не откликаешься? Надѣюсь, что получилъ ты письмо мое, которое взялъ отъ меня Мердеръ для доставленія къ тебѣ. Что̀ здоровіе твое? Стороною слышно, лучше. Дай Богъ! А мы здѣсь всѣ прошли сквозь гриппу, вообще безопасно. Теперь она ослабѣваетъ, и бальныя залы населяются помаленьку. А то бывало такъ, что некого пригнать было на балъ. Срамъ и запустѣніе, да и только! Это гриппа обошла почти всю Россію. Карамзины въ деревнѣ не миновали ея. Охотники до дешевыхъ каламбуровъ и домашнихъ острыхъ словъ выѣзжали на этой гриппѣ и не пропускали вѣрной оказіи говорить, что тотъ или другой *грибъ съѣлъ*. А мнѣ что̀ сказать тебѣ при сей вѣрной оказіи? Съ чего начать, чѣмъ продолжать и чѣмъ кончить? Вотъ кончилъ пирогомъ [2]). Вотъ и кстати сказать: не черно письмо углами, а черно пирогами. А право мало матеріаловъ на письмо, особливо же за границу. Мы такъ здѣсь во всемъ ограничены, что никакъ не растянешься. За то посылаю тебѣ стихи Дениса. Вотъ онъ иногда выступалъ изъ границъ, дулъ по всѣмъ по тремъ и коренную трогалъ. Тургеневъ пишетъ, что ты замышляешь о поэмѣ. Дай Богъ здоровья! Поэму не поэму, если поясница болитъ, и на гору Парнасъ не лѣзется, а написать что нибудь да надобно. Не хватитъ-ли романъ? Или пиши записки свои или запиши всѣ воспоминанія свои о Карамзинѣ. Мой Баратынскій, который всегда выражается эпиграфами, отвѣчаетъ мнѣ на вопросъ мой, что ничего не пишетъ, потому что *время поэзіи индивидуальной прошло, другой еще не созрѣло.* Я непремѣнно возьму

[1]) Княжна Марья Петровна, позднѣе вышедшая замужъ за П. А. Валуева (будущаго министра) и скончавшаяся въ 1849 году.

[2]) Въ подлинникѣ чернильная клякса.

это въ эпиграфъ къ своимъ стихотвореніямъ, если Богъ велитъ мнѣ издать ихъ. Пушкинъ былъ на дняхъ въ Академіи и разсказываетъ уморительныя вещи о безчинствѣ засѣданія. Катенинъ выбранъ въ члены и загорланилъ тамъ. Они помышляютъ о новомъ изданіи Словаря. Пушкинъ болѣе всего не доволенъ завтракомъ, состоящимъ изъ дурного винигрета для закуски и разныхъ водокъ. Онъ хочетъ первымъ предложеніемъ своимъ подать голосъ, чтобы наняли хорошаго повара и покупали хорошее вино Французское. Хвостовъ написалъ оду къ Іисусу Христу, вѣроятно въ пику Аполлону, который благословилъ его лѣвшею. Я еще не сподобился прочесть эту оду. На дняхъ выходитъ у Смирдина наше Новоселіе. Постараюсь при случаѣ доставить тебѣ. Въ Совѣтѣ было на дняхъ достопамятное и историческое засѣданіе. Сперанскій внесъ свой кодексъ, то есть 15-ти-томное извлеченіе изъ 54 или 56-ти Полнаго Собранія Законовъ, уже имъ изданнаго. Въ этихъ 15-ти томахъ заключается все, что̀ должно имѣть силу законную, а всѣ прочіе законы отмѣняются. Государь присутствовалъ въ этомъ засѣданіи и говорилъ, сказываютъ, много и очень хорошо. Со стороны Блудова и Дашкова были, сказываютъ, легкія возраженія не столько противъ сущности, сколько противъ примѣненій, приведенія въ дѣйствіе и особливо же противъ немедленнаго приведенія въ дѣйствіе. Кажется, положено, что въ теченіе двухъ лѣтъ предоставляется присутственнымъ мѣстамъ входить съ представленіями и замѣчаніями въ случаяхъ, когда покажется имъ, что пропущены нужные указы. Впрочемъ все это еще городскіе слухи. Обнародованія и манифеста еще не было. Вѣрно то, что Сперанскій былъ пожалованъ на мѣстѣ сраженія: Государь въ Совѣтѣ откололъ съ себя Андреевскую звѣзду и надѣлъ на него. Смирниха уѣхала и теперь должна быть въ Берлинѣ. Она, слава Богу, довольно оправилась. Имѣю извѣстіе о благополучномъ проѣздѣ ея черезъ *Берлинъ* (совралъ черезъ Дерптъ). Спишись съ нею. Птичка-Дубенская все пернатствуетъ. Третьяго дня на большомъ балѣ во дворцѣ сидѣлъ я съ нею за ужиномъ. Урусова вчера обратилась въ княгиню Радзивилъ. по крайней мѣрѣ духовно: о дальнѣйшемъ преображеніи не вѣдаю. Да и едва ли! Онъ былъ очень боленъ и не совсѣмъ еще оправился, а женился потому, что послѣдніе дни настали. Щербатова помолвлена за Александрова. Женись-ка въ Швейцаріи, вотъ одолжи и возьми въ приданое сто тысячъ сыровъ, какъ кто-то изъ нашихъ Русскихъ офицеровъ послѣ Французской кампаніи взялъ за дочерью Моета 100,000 бутылокъ Шампанскаго*). Да и

*) И такъ, знаменитый Моетъ, котораго благодарственное письмо къ генералу Ренне о спасеніи его погребовъ Русскими казаками въ 1814 г. напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1898 г. (выпускъ 10), имѣлъ еще и семейную связь съ Россіею.

для груди твоей полезно жениться на Швейцаркѣ: вѣдь отъ каждой пахнетъ молокомъ парнымъ и навозомъ. Что сказать тебѣ о нашихъ общихъ знакомыхъ? Все по старому. Дашковъ невидимка или мало видимъ. Я увѣряю, что онъ нашелъ способъ, когда боленъ, показывать доктору языкъ свой заочно. Блудовъ рѣчистъ, доступенъ и обязателенъ. Пушкинъ волнистъ, струистъ, и рѣдко ухватишь его. Жена его процвѣтаетъ красотою и славою. Не знаю, что дѣлаетъ онъ съ холостою музой своей, но съ законною трудится онъ для потомства, и она опять съ брюшкомъ. Перовскій кончилъ свою Монастырку; рукопись у меня со вчерашняго дня, но я не успѣлъ еще прочесть ее. Вчера просидѣли у меня цѣлое утро, ради воскреснаго дня, онъ и Вьельгорскій, и онъ смѣшилъ насъ до упаду, разумѣется Перовскій. Вьельгорскіе безпокоились о дочери своей, но теперь она оправилась. Весною Перовскій думаетъ ѣхать въ Карлсбадъ, а оттуда въ Италію. А ты что думаешь дѣлать? Ради Бога, только не спѣши въ Россію. Ты началъ выкидывать изъ себя болѣзнь, послѣ надобно будетъ вбирать въ себя здоровье. Третьяго дня видѣлъ я на балѣ твоего царскаго воспитанника; онъ показался мнѣ очень здоровъ и свѣжъ и очень милъ. Мои барыни довольно уже аклиматизировались къ Петербургу. Императрица очень милостива къ женѣ моей ,а у Маши нѣтъ недостатка въ кавалерахъ на балѣ. Вотъ слѣдовательно благопріятности внѣшней жизни уже и обезпечены. Внутренняя идетъ, слава Богу, помаленьку. Денежныя стихіи немного туги, но увидимъ, что́ конецъ года скажетъ, можно ли свести концы съ концами. Тогда ради стараться. А не то, такъ и оглобли во свояси! Сочиненія Козлова выйдутъ на дняхъ. Подписка довольно удалась. Наши Дерптскіе студенты *) выдержали очень хорошій экзаменъ, а Андрей блистательный. Литература наша попрежнему . . . альманахами и . . . . романами. Булгаринъ еще подноситъ что-то . . . . . Нашъ Смирдинъ пускается въ новыя предпріятія: издаетъ полнаго Карамзина, Державина, Батюшкова, полнаго Онѣгина. Мы хотимъ издать съ Пушкинымъ Сѣверные Цвѣты къ веснѣ. Дай намъ что нибудь, батюшка - кормилецъ! Машенька проситъ портрета твоего для альбома, только не карандашемъ, а чѣмъ нибудь попрочнѣе.—30-го. Напиши же хоть строчку, чтобы знать намъ, каковъ ты. *Мы всѣ тобою такъ интересуемся.* «Когда вы будете писать къ В. А. Жуковскому, то не забудьте увѣрить его, что я искренно люблю его и уважаю, и всѣмъ сердцемъ желаю ему полнаго выздоровленія.» (изъ письма Дмитріева). Прости. Всею семьею обнимаю тебя.

*

---

*) Т.-е. племянники князя Вяземскаго, сыновья Н. М. Карамзина.

16-го Февраля 1833.

Думалъ я написать тебѣ много и весело, а напишу мало и грустно. Николенька Карамзинъ отчаянно боленъ. Изъ письма къ Тургеневу узнаешь обо всемъ. Посылаю тебѣ отъ Смирдина Новоселье. Недавно писалъ я къ тебѣ черезъ Сѣверина и послалъ Дениса Давыдова. Писалъ я къ тебѣ разъ и черезъ Мердера; а отъ тебя нѣтъ ни привѣта, ни отвѣта. Слышалъ, что здѣсь отъ тебя получено свѣжее письмо, но я его еще не видалъ. Слышалъ также, что тебѣ велѣно просидѣть еще годъ за границею, и очень радуюсь тому, какъ ни тоскую по тебѣ. Великая Княгиня*) много меня распрашивала и говорила о тебѣ. Она не можетъ надивиться, что ты не поѣхалъ въ Италію и, узнавъ отъ меня о причинѣ, сказала, что эта Нѣмецкая педантическая расчетливость, предусмотрительность, похожа на тебя. Передай мнѣ какую-нибудь поэтическую фразу для поднесенія ей отъ тебя, при первой нашей встрѣчѣ. Какъ она мила! Жаль, что я такъ многихъ пѣлъ сплеча, а то воспѣлъ бы ее; теперь совѣстно поднести ей мой затасканный, изношенный, непотребный, то-есть слишкомъ потребленный, стихъ. Знаешь ли, что Смирнова должна теперь быть уже въ Берлинѣ? Черезъ нее отправлю къ тебѣ мою посылку. Прости. Обнимаю. За безпокойствіемъ о Карамзиныхъ ничего говорить не хочется. Обнимаю тебя за себя и за своихъ. 17-го. Сердце сердцу вѣсть даетъ: вчера же получилъ я твое письмо отъ 8-го Февраля. Судя по ясности письма твоего, надѣюсь, что и душа, и здоровье твое не очень мрачны. Дай Богъ! Письмо твое къ Арендту доставлено ему, но отвѣчать онъ на него не можетъ съ нынѣшнимъ курьеромъ. Такъ велѣлъ онъ сказать мнѣ, а самъ не могъ я къ нему съѣздить, потому что я не очень здоровъ и сижу дома за простудою. Какъ скоро выѣду, увижусь съ нимъ и переговорю, и потороплю его отвѣчать тебѣ. Вотъ отвѣтъ ко мнѣ Перовскаго. У Плетнева спрошу твои стихи. О табакѣ также хлопотать буду. Отъ Карамзиныхъ отъ 10-го вѣсти все плохія. Они пишутъ мнѣ, что получили письмо отъ тебя. Пока прости. Боюсь пропустить курьера и кончаю. На дняхъ буду отвѣчать пространно на письмо твое, но не могу не вступиться за Дениса. Ты слишкомъ докторально судишь гусарскія шалости его. Впрочемъ, вступаюсь и за себя: смотри стихи мои къ Старому гусару. Жаль, что я не имѣлъ сѣтованій твоихъ объ Италіи предъ разговоромъ моимъ съ Великою Княгинею. Я оправдалъ бы тебя въ излишней нѣмщизнѣ. Напиши къ ней посланіе о сожалѣніи, что ты не увидишь Италіи, и перешли мнѣ его, или при-

*) Елена Павловна.

шли что-нибудь къ ней черезъ меня: книгу, цвѣтокъ, волну изъ Леманскаго озера. Прощай. Обнимаю тебя. Пойду смотрѣть на тебя въ троицѣ портретной и выберу любова изъ тріипостаснаго. Пушкинъ будетъ писать къ тебѣ. Вьельгорскій также.

*

С.-Петербургъ, 14 Апрѣля 1833.

Христосъ Воскресе, батюшка Василій Андреевичъ! Радуюсь, что и Муза ваша воскресла, или если не совсѣмъ воскресла, то встала съ кресла и перевела духъ свой. Съ большимъ удовольствіемъ мы, то-есть я, Пушкинъ, Блудовъ, прочли твои стихи. Милости просимъ еще. Сѣверныхъ Цвѣтовъ нѣтъ на нынѣшній годъ, но мы съ Пушкинымъ жилимся и надуваемся.... Ты просишь вѣстей, да гдѣ ихъ взять? Мы народъ безвѣстный, хоть и много народа на вѣстяхъ. Дай, пошарю въ кошелѣ. Софія Лаваль идетъ замужъ за графа Борха; отецъ Лаваль съ радости чуть на ногахъ стоитъ, а мать такъ и пышетъ, хоть мужа съ ногъ свалить, особенно если онъ въ дверяхъ, подъ этимъ сквознымъ вѣтромъ. По городскимъ слухамъ, Екатерину Тизенгаузенъ, сестру нашей посольши, берутъ во дворецъ *). Софія Бобринская велѣла тебѣ очень нѣжно кланяться. Много Петербургскихъ ѣдутъ къ водамъ, начиная съ ихъ высочествъ, Великаго Князя и Великой Княгини; онъ, кажется, въ Карлсбадъ, она въ Эмсъ; Соллогубъ, тетка и племянница, Полетика, Сперанскій, Сергѣй Строгановъ съ женою, бель-сѣрою, Ферзенъ съ женою. Почему не я? Неужели я перейду на тотъ свѣтъ, не видавъ этого? Мнѣ кажется, что дойдетъ время, когда совѣстно будетъ порядочному человѣку не быть Гумбольтомъ, то-есть не объѣздить земного шара и не быть энциклопедіею всего и всѣхъ.

15-го. Симпатія! Наши письма похристосовались вчера: я получилъ твое отъ 28 Марта (9 Апрѣля). Я очень радъ, что ты ѣдешь прогуляться, но жалѣю, что не дождешься или не дождался письма Арендта, который сказывалъ мнѣ на дняхъ, что отвѣчалъ тебѣ ясно и обстоятельно. Въ Николенькѣ еще много слабости, но болѣзнь и признаки ея миновались. Впрочемъ, я писалъ тебѣ уже о благополучномъ оборотѣ болѣзни. Вчера жена моя и половина малолѣтняя семейства моего, включая, однакоже, и Пашеньку, были на дѣтскомъ балѣ у Вьельгорскихъ, праздновавшихъ предварительно день рожденія твоего августѣйшаго воспитанника, который самъ былъ на этомъ балѣ. Они всѣ въ восхищеніи отъ него и очень довольны его обхожденіемъ, про-

*) Вотъ съ какихъ поръ графиня Екатерина Ѳедоровна Тизенгаузенъ украшала собою царскій дворъ. Сестра ея графиня Фикельмонъ—супруга Австрійскаго посла.

стымъ, веселымъ и ловкимъ. Теперь обратимся къ вѣстямъ, которыя, впрочемъ, уже не нужны, да и мѣста имъ не будетъ: ты, какъ чемоданъ, туго набитъ теперь вѣстями Римскихъ развалинъ и Неапольскаго неба. Счастливецъ! У меня ломъ въ икрахъ отъ зависти, глядя на тебя. Вѣдь надобна же такая Божія благодать, что разыгрались геморрои твои и вынудили ѣхать. Пожалуй, и я сумѣю . . . . въ кровь разчесать не хуже твоего. Что ты, въ самомъ дѣлѣ, за счастливецъ такой!

Литературныя или, правильнѣе, *литтерадурныя* извѣстія. Катенинъ издалъ свои стихотворенія. Я еще не видалъ ихъ. Сказываютъ, есть забавное предисловіе, въ которомъ доносятъ и жалуются на заговоръ всѣхъ литераторовъ противъ Катенина. Я говорю, что если ему жаловаться, то развѣ на общее *замолчаніе*. Пушкинъ, вѣрный древнимъ преданіямъ пріязни, и пріявъ девизомъ стихъ твой: *Для дружбы все, что въ мірѣ есть*, долженъ былъ написать статейку о выходѣ въ свѣтъ сочиненій пріятеля, но, композируя съ совѣстью, напечаталъ ее въ Литературныхъ Прибавленіяхъ Воейкова и, слѣдовательно, съ нѣкоторою restriction mentale. Полевой разругалъ Новоселье; говоритъ, что тебѣ давно пора увѣриться, что ты не народный поэтъ и что онъ нѣсколько разъ твердилъ тебѣ о томъ, и стыдно тебѣ упрямиться послѣ этого; про меня говоритъ, что шутка моя всегда тяжела, Баратынскаго стихи на смерть Гёте сравниваетъ съ выдохшимися цвѣтами. А каковы стихи Баратынскаго? Всего забавнѣе, что онъ разругалъ статьи барона Брамбеуса, вѣроятно не зная, что это Сенковскій, котораго онъ послѣ хвалитъ. Сенковскій выбылъ изъ цензоровъ при новомъ министрѣ. Белизаръ напечаталъ было въ своемъ Французскомъ журналѣ всю драму Lucrèce Borgia. Уваровъ остановилъ ее уже по отпечатаніи. Уговариваютъ Плетнева въ цензоры. Одоевскій издалъ свои *Пестрыя Сказки*, фантастическія. Я еще не видалъ ихъ, но изданіе, сказываютъ, очень красивое, кокетное и фантастическое. Кажется, родъ Одоевскаго не фантастическій, то-есть въ смыслѣ Гофмановскомъ. У него умъ болѣе наблюдательный и мыслящій, а воображеніе вовсе не своенравное и не игривое. Полевой готовитъ въ свѣтъ: Мечты моей жизни, вѣроятно, исторію Исторіи Русскаго народа. Дмитріевъ, сказываютъ, бѣсится на него за ругательство на Карамзина, увѣряя, что онѣ, отравляя, сократятъ жизнь его. Кажется, вотъ и вся литература наша. О политическихъ правительственныхъ вѣстяхъ говорить нечего. Надѣюсь, что до тебя доходитъ газета Лаваля *) и что ты знаешь объ отправленіи Орлова въ Константинополь

*) Journal de S-t Pétersbourg.

чрезвычайнымъ посломъ, о министерствѣ или *quasi*-министерствѣ Уварова, о разсужденіи его или quasi-разсужденіи о Гёте, читанномъ въ Академіи или quasi-Академіи Наукъ. Предупрежу Лаваля только въ одномъ, сказавъ тебѣ, между нами, въ числѣ *текущихъ новостей* (слушай, слушай!), что въ ночь съ 12-го на 13-е число сего мѣсяца ледъ на Невѣ тронулся, а 13-го числа пушки возвѣстили намъ, что комендантъ плыветъ по Невѣ. Такимъ образомъ, весна у насъ царствуетъ, то-есть идетъ мокрый снѣгъ, холодно, туманно и грязно. Между тѣмъ кланяйся отъ меня солнцу и попроси его скорѣе къ намъ пожаловать. Скажи au plus gras des hommes sensibles [1]), какъ m-me Staël кого-то называла, что я получилъ его письмо и выписку изъ письма княгини Софіи Волконской къ Алинѣ Дурновой, но отвѣчать теперь не могу, за недосугомъ, да и отвѣчать нечего. Я, Булгаковъ и князь Александръ Николаевичъ ему все сказали. Перемѣнить ничего нельзя, по крайней мѣрѣ на время. Прости, любезный другъ. Всею семьей обнимаю тебя. Дыхни, рыгни мнѣ изъ Италіи. Да вотъ отповѣдь моя на замѣчаніе Полевого, что я шучу тяжело.

Какъ спорить съ Полевымъ, когда сей критикъ чуткій,
Разсудитъ охая, что я тяжелъ на шутки?
И точно, тяжела-ль иль нѣтъ моя рука,
Вѣрнѣе знаютъ всѣхъ про то его бока.

*

14 Іюня (1834).

Не знаю, гдѣ отыскать Рожалина, а поищу, и если найду, то все исполню по приказанію твоему. Манускриптъ списываютъ. Скоро возвращу. Я все это время былъ очень грустенъ и безпокоенъ, подъ топоромъ одной и той же мысли о Пашенькѣ [2]). Извѣстія о здоровіи ея были очень неблагопріятны. Слава Богу, теперь они гораздо лучше. Сердце отдохнуло, и я просто скучаю, а то и скучалъ и тосковалъ до смерти. Карамзина также получила хорошія вѣсти отъ своихъ путешественницъ. Вьельгорскаго провожали мы вчера благополучно до Кронштадта и разстались съ нимъ въ полночь. По таможеннымъ извѣстіямъ, отплылъ онъ далѣе сегодня, въ 4 ч. 50 мин. Что́ дѣлаетъ птичка-бабочка-пчелка Божія, крылатая коровка? Тургеневъ еще въ Москвѣ спитъ, ѣстъ и влюбляется, а жена моя попрежнему говоритъ ему *des duretés*, какъ сама хвастается. Когда будешь сюда? Между тѣмъ Богъ въ животѣ воленъ (то-то и плохо, скажешь ты, оттого животъ у насъ съ тобою такъ и растетъ), и потому вотъ тебѣ росписка.

---

[1]) Т. е. А. И. Тургеневу.

[2]) Вторая дочь князя Вяземскаго, скончавшаяся въ Римѣ.

Я прибавилъ 500 рубл., которые тебѣ и жена, помнится мнѣ, должна. Если же не должна уже, то означь, то-есть вычти. Получилъ ли ты 7-й томъ стихотвореній графа Хвостова? Слава Богу, есть пожива. Особенно въ примѣчаніяхъ прозою. Напримѣръ: *сіе стихотвореніе почерпнуто изъ устъ почтеннаго П. Н. Берха.* Прощай, душа. Мое поклоненіе *душкѣ*, которой отдаю сердце свое отъ *душки.*

*

Франкфуртъ, 17 (5) Сентября 1834.

Со вчерашняго дня могу сказать, что я въ чужихъ краяхъ. До сего времени былъ я дома, потому что былъ со своими: на пароходѣ ли, въ каретѣ ли, въ Ганау ли,—все было дома.

Россія не въ Москвѣ: *средь дочерей* она. А вчера пріѣхалъ я сюда въ дилижансѣ одинъ, даже и безъ человѣка своего; скитаюсь одинокій въ чужой толпѣ, гляжу и никого не вижу, показываюсь, и никто на меня не смотритъ. Теперь пріѣхалъ я сюда осмотрѣться, чтобы знать, какъ послѣ пріѣхать сюда съ Машенькой. Мы вчера обмѣнялись карточками съ Маркеловымъ, но сегодня увижусь съ нимъ и возвращусь восвояси. О Франкфуртѣ нечего мнѣ сказать, о Ганау, кромѣ добраго, ничего сказать не могу; ибо вѣрю Коппу, а онъ надѣется. По его мнѣнію, грудь невредима, и болѣзнь болѣе *скрофюлезная* dans les glandes de la gorge, которые онъ теперь старается развести, и если успѣетъ, то онъ въ полной надеждѣ, что теплая зима довершитъ исцѣленіе. Спасибо тебѣ, что ты надоумилъ насъ ѣхать въ Ганау. Начинаю теперь нѣсколько надѣяться, что придется мнѣ сказать тебѣ: хорошо твоими устами медъ пить. По крайней мѣрѣ, пью теперь медъ надежды. И во всякомъ случаѣ, судя человѣчески, нельзя найти лучшаго врача, чѣмъ Коппа. Свѣдѣній и практики у него много, а внимательности, сострраданія, попеченій какъ нельзя болѣе. Человѣческое пособіе есть, надобно ожидать Божьяго. Погода также благопріятствуетъ намъ, хотя, кажется, пора большихъ жаровъ уже миновалась, вотъ третій или четвертый день. Живемъ въ Ганау какъ нельзя тише, какъ и ты, вѣрно, тише не живалъ, ни въ Вернэ, ни въ Бѣлевѣ, во время óно. Одно гласное лицо здѣсь и одно гласное дѣйствіе: это ночной хожалый и дикая пѣснь его, которая восхищаетъ Наденьку *). Впрочемъ, услышишь полетъ мухи и какъ трава растетъ. Но я на это не жалуюсь, и всѣ мы довольны своимъ житьемъ-бытьемъ; развѣ Машенькѣ иногда припадаетъ тоска по отчизнѣ, то-есть по Петербургскимъ рау-

*) Третья дочь князя Вяземскаго, скончавшаяся въ Баденъ-Баденѣ въ 1840 году.

тамъ. Потому и хочу привезти я ее сюда поразсѣяться. У меня въ этомъ отношеніи счастливый характеръ. Въ потокѣ разсѣянностей я, кажется, какъ рыба въ водѣ, а въ тихомъ болотѣ, доволенъ какъ лягушка, и тотчасъ привыкаю къ однообразію, даже и безъ занятій, и безъ труда умственнаго, который вездѣ созидаетъ внутренній міръ, независимый отъ внѣшняго. Теперь еще не довольно здоровъ духомъ, чтобы дѣятельно умъ мой упражнять. Лихорадки уже нѣтъ, но есть еще изнеможеніе и какая-то прѣсность и застой въ чувствѣ. Сейчасъ былъ у меня Маркеловъ. Онъ очень услужливъ и обязателенъ. Грустно, что не имѣемъ еще ни отъ кого изъ васъ ни строчки. Такое молчаніе даже нѣсколько и безпокоитъ насъ. Мы къ вамъ уже писали два раза, изъ Гамбурга и изъ Ганау. Отыщи Кутузова, служащаго при Нессельроде, кажется, сына Логина Ивановича. Онъ обѣщалъ мнѣ быть моимъ письменнымъ посредникомъ. Пишите черезъ него, пока ходитъ пироскафъ. Адресуйте письма свои или въ Гамбургъ, на имя генеральнаго консула нашего Бахерахта, или во Франкфуртъ, къ Маркелову. Давай знать Павлушѣ [1]), когда будетъ случай писать къ намъ. Желалъ бы я получать письма отъ него раза три въ мѣсяцъ. Сдѣлай милость, напиши и ты ко мнѣ нѣсколько строкъ о немъ, каково ему у Стендера и что́ говоритъ Стендеръ о немъ. Что́ Пушкинъ? Что́ Смирнова? Что́ Дубенская? Или, можетъ быть, теперь еще, если и не дѣломъ, то словомъ, *урожденная Дубенская* [2])? Кланяйся имъ всѣмъ. При случаѣ пришли Пугачева Пушкина и что́ еще найдется замѣчательнаго. Обними за меня Карамзиныхъ; впрочемъ, пишу къ вамъ всегда вообще, перомъ и чувствомъ нераздѣльнымъ. Прощай. Иду бродить по городу, по ярмарочнымъ балаганамъ и по книжнымъ лавкамъ, запастись чѣмъ-нибудь новенькимъ. Въ Ганау Французская литература не перешла еще вѣкъ Людовика 14-го. Даже мало и газетъ. Одинъ Constitutionnel, скучнѣйшій и пустѣйшій изъ журналовъ. Обнимаю тебя и васъ отъ всей души. Богъ съ вами и съ нами. Если бы кто сталъ говорить, что я изъ удовольствія живу за границею, скажи, что я живу въ Ганау, въ самыхъ умѣренныхъ границахъ Нѣмецкаго спокойствія и благочинія. Перешли письмо къ Четвертинской въ Москву, но сдѣлай другой пакетъ, потому что въ моемъ есть дубовая вѣтка, которая можетъ пробить пакетъ. Если Алексѣя Бобринскаго встрѣтишь, спроси его, не былъ ли онъ, паче чаянія, потревоженъ обязательствомъ, которое

---

[1]) Сыну князя Вяземскаго, Павлу Петровичу, приготовлявшемуся къ поступленію въ Петербургскій университетъ. Ему было тогда 14 лѣтъ отъ роду.

[2]) Варвара Ивановна Дубенская, вышедшая за Француза Лагренѐ.

онъ далъ за меня при отъѣздѣ моемъ? Что́ слышно о нашемъ Симбирскомъ ловеласѣ [1])?

*

Римъ, 6 Января 1835 (25 Декабря 1834).

Изъ Флоренціи, то-есть съ мѣсяцъ тому, писалъ я къ Бибикову [2]) и просилъ его о исходатайствованіи мнѣ продолженія отпуска. Тогда это была еще мѣра предосторожности; нынѣ, по несчастью, просьба эта слѣдствіе необходимости. Здоровье Пашеньки разстроивается болѣе и болѣе, силы ея ослабѣваютъ, и всѣ признаки прежней болѣзни, которую Коппъ, если не искоренилъ, то по крайней мѣрѣ остановилъ, снова возобновляются. Ѣхать мнѣ отсюда съ этимъ гвоздемъ, воткнутымъ въ сердце мое, невозможно. Я не перенесу разлуки съ нею въ такомъ положеніи, не выдержу дороги, преслѣдуемый мыслью о томъ, что̀ оставилъ я за собою и какое извѣстіе, можетъ быть, ожидаетъ меня при возвращеніи моемъ въ Петербургъ. Силъ моихъ на подобное испытаніе не станетъ. Болѣзнь или безуміе не дадутъ доѣхать мнѣ до Петербурга. Недаромъ сердце мое такъ противилось отъѣзду изъ Ганау. Оно предчувствовало его гибельное послѣдствіе. Но Коппъ рѣшительно требовалъ немедленнаго отъѣзда нашего въ Римъ и теперь еще въ отвѣтѣ его на мое письмо, въ которомъ описываю ему все разстройство нанесенное здоровью Пашеньки отъ дороги, онъ все стоитъ еще въ прежнемъ мнѣніи и увѣряетъ, что зимнее пребываніе въ Германіи было бы совершенно невозможно. Бѣда и въ томъ, что мы здѣсь должны прибѣгать къ новымъ врачамъ и съ завязанными глазами ловить сами жребій насъ ожидающій. Въ Ганау, по крайней мѣрѣ, довершалась бы судьба наша уже назначенная разъ Провидѣніемъ, и мы не терпѣли бы мученій отвѣтственности передъ самими собою въ выборѣ средствъ. Нечего тебѣ сказывать что́ я чувствую. Ты меня знаешь и видѣлъ передъ отъѣздомъ. Тогда была передо мной по крайней мѣрѣ надежда уйти отъ бѣды: теперь некуда идти. Стѣна предъ нами, тутъ и жди приговора Провидѣнія. Я знаю, что продолженіе отпуска противъ порядка службы и что я ничѣмъ не заслуживаю изъятія изъ общаго порядка. Если мѣсто мое будетъ замѣщено другимъ, то, право, роптать не буду; потому что ропотъ мой былъ бы несправедливъ. Но мнѣ больно было бы, еслибы Государь Императоръ получилъ невѣрное предубѣжденіе о настоящихъ причинахъ дальнѣй-

---

[1]) Т.-е. объ А. И. Тургеневѣ, который уѣзжалъ въ Симбирскую губернію, гдѣ у него было отцовское помѣстье.

[2]) Д. Г. Бибиковъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ) служилъ тогда въ Министерствѣ Финансовъ и былъ непосредственнымъ начальникомъ князя Вяземскаго.

шаго пребыванія моего за границею. Сдѣлай милость, если откроется случай, доведи до его свѣдѣнія мое несчастное положеніе и увѣреніе мое, что онъ, какъ отецъ, пойметъ сердцемъ своимъ чувства мои и не дастъ поступку моему превратнаго истолкованія. Ты читалъ всю мою переписку изъ-за границы и видѣлъ, что я въ путешествіи моемъ почерпнулъ впечатлѣнія не радостныя и всегда и вездѣ былъ давимъ однимъ чувствомъ, одною скорбью, озабоченъ одною мыслью. Все внѣшнее видѣлъ я какъ сквозь туманъ. Помолись за меня, добрый Жуковскій! Ты былъ уже разъ осѣненъ Божьею благодатью, когда надоумилъ насъ ѣхать въ Ганау. Зачѣмъ не надоумилъ ты и Конна оставить насъ при себѣ? Да будетъ воля Божья! Моей воли тутъ ни въ чемъ не было. Я слѣдовалъ указаніямъ Провидѣнія и вѣровалъ въ Него. Дастъ ли Оно мнѣ силы покориться волѣ Его? Не кажи письма моего Павлушѣ и не говори ему о моемъ безпокойствѣ. Скажи Карамзиной, что мы вчера получили письмо ихъ отъ 1-го Декабря; но письма Бибикова отъ 21-го Ноября я не получалъ. Мещерскіе и Софія здоровы. Обнимаю тебя отъ всей души. Богъ съ вами и съ нами! Сдѣлай милость, улучи случай передать Государю Императору то, что пишу къ тебѣ. Честью и совѣстью моею увѣряю, что потеря мѣста моего не оскорбитъ меня, я признаю ее законнымъ слѣдствіемъ моихъ печальныхъ обстоятельствъ; но неблагопріятное заключеніе Государя о поступкѣ моемъ было бы для меня весьма прискорбно даже и въ ту минуту, когда сердце мое уже исполнено живою и кровною скорбью.

*

Римъ, 7 Января 1835 (26 Декабря 1834).

Вчера отправилъ я тебѣ письмо по почтѣ; нынѣ пользуюсь отправленіемъ курьера, чтобы, на случай затерявшагося письма, повторить тебѣ сказанное въ немъ. Положеніе Пашеньки безпокоитъ меня въ высшей степени. Видимымъ образомъ болѣзнь ея снова беретъ верхъ, силы ея ослабѣваютъ, и къ несчастью нѣтъ съ нами Конна. Къ довершенію бѣды не можемъ даже въ настоящемъ ея положеніи слѣдовать заочному руководству его. Какъ можемъ взять на себя отвѣтственность медленности, когда, можетъ быть, нужны рѣшительныя и скорыя средства? При главной скорби сколько еще мученій, недоумѣній, нерѣшимости! За что, за кого схватиться? Отъ каждой мѣры зависитъ жизнь или смерть. Ужасное положеніе, истинное наказаніе Божіе, подъ коимъ изнемогаютъ всѣ силы души и ума. Въ такихъ обстоятельствахъ не могу и думать объ отъѣздѣ. Я не выдержу разлуки съ Пашенькой въ такую минуту, и меня до Петербурга не довезли бы

живого или въ умѣ. Я писалъ къ Бибикову съ мѣсяцъ тому изъ Флоренціи и просилъ о продолженіи отпуска своего. Не страшусь послѣдствій по службѣ, которыя могутъ меня ожидать. Потеря мѣста моего, то-есть замѣщеніе его другимъ, была бы въ порядкѣ и законна, слѣдовательно не сталъ бы роптать на такую мѣру. Тутъ дѣйствовала бы не прихоть людей, а воля Провидѣнія, которая уже совершается надо мною такъ жестоко и неумолимо. Но одно могло бы еще чувствительно огорчить меня: мысль, что Государь получилъ бы невѣрное понятіе о причинахъ вынуждающихъ меня продлить мое пребываніе за границею. Сдѣлай милость, если найдешь случай, доведи до свѣдѣнія Государя Императора настоящее мое положеніе. Нечего мнѣ сказывать тебѣ, читавшему всю мою заграничную переписку, что я здѣсь увлекаюсь не удовольствіями, что я рѣшительно не имѣлъ ни одного дня совершенно чистаго, ни одного впечатлѣнія совершенно яснаго и радостнаго. Болячка сердца моего всегда и вездѣ сказывалась. Повторяю: выгоды службы теряются у меня изъ виду въ настоящей скорби моей. Совѣсть моя чиста: знаю, что я не изъ прихоти жертвую обязанностями службы, а остаюсь здѣсь подъ ножомъ Провидѣнія и ожидаю угрожающаго мнѣ удара. Одно озабочиваетъ меня: страхъ, что Государь можетъ быть неблагопріятно предубѣжденъ и осудитъ поступокъ мой, не оцѣня побужденія моего въ настоящемъ видѣ. Отъ дружбы твоей требую разсѣянія сихъ предубѣжденій, если они родятся. Извѣстіе что ты успѣлъ въ этомъ, подастъ мнѣ отраду въ жестокой скорби моей, которая, какъ ни объемлетъ всю душу мою, но дастъ еще мѣсто живому чувству опасенія оказаться неблагодарнымъ и ненадежнымъ въ исполненіи обязанностей и даннаго слова. Пиши въ Римъ. Не говори Павлушѣ о безпокойствіи моемъ. Прости. Обнимаю тебя отъ всей души, изнемогающей подъ скорбью своею, но живою еще въ чувствѣ дружбы. Скажи Карамзинымъ, что получилъ письмо отъ 1-го Декабря, но не имѣю письма отъ 21-го Ноября съ письмомъ Бибикова. Обними ихъ за меня. Молись за насъ! Богъ съ вами и съ нами.

*

Всеподданнѣйшее письмо князя П. А. Вяземскаго *).

(1835).

В. Г.

Съ невыразимою благодарностью я и семейство мое повергаемся къ стопамъ В. И. В. Примите дань сію, которую отъ избытка чувствъ дерзаю излить передъ вами. Всемилостивѣйшее соизволеніе ваше остаться мнѣ еще на нѣсколько времени при больной дочери моей облегчило стра-

*) Съ своеручной копіи.

дающее родительское сердце и успокоило опасеніе мое навлечь на себя тягостное осужденіе В. И. В. дальнѣйшимъ пребываніемъ за границею. Монаршія милости, кои вы, В. Г., уже не разъ обращали на меня, запечатлѣли неизмѣнною благодарностью мою вѣрноподданическую преданность; но нынѣ ваше неоцѣненное сердоболіе, изъявленное въ выраженіяхъ столь трогательныхъ для родительской скорби, еще живѣе отозвалось въ глубинѣ души моей и пробудило въ ней новое чувство къ вамъ, чувство, для котораго нѣтъ словъ, но есть только слезы и молитва.

*

29 Іюня (1836).

А у меня безъ тебя была порядочная сердечная передряга: получено было извѣстіе, что пароходъ Николай, на коемъ отправилась жена, имѣлъ самое несчастное и бурное плаваніе, что кто-то изъ проѣзжающихъ умеръ etc. Ты знаешь мое воображеніе въ подобныхъ случаяхъ. Наконецъ, письмо жены меня успокоило. Они претерпѣли сильнѣйшую или сильнѣйшія бури, были болѣе 8 сутокъ на морѣ не безъ опасности, а особенно же не безъ страха. Умеръ у нихъ графъ И. А. Пушкинъ, мужъ Урусовой [1]). Твои письма къ Сумарокову отосланы. 30 руб. писарю даны. Новаго ничего нѣтъ, то-есть замѣчательнаго. Со Львомъ Веймарскимъ [2]) возились мы по Петербургу. Вернетъ катается, какъ сыръ въ маслѣ, въ Петергофѣ, сработалъ въ нѣсколько часовъ военную картину (сюжетъ *былъ у меня товарищъ*, на который онъ напалъ нечаянно) и поднесъ ее Императору, который, сказываютъ, имъ и сею очень доволенъ. Брюловъ поѣхалъ въ Псковъ, также весьма довольный царскимъ пріемомъ. Тургеневъ написалъ намъ ругательное письмо, и тебѣ также, за напечатаніе Хроники его, и требуетъ, чтобы впредь ничего его не печатали, чтó и остановило выходъ «Современника», въ которомъ уже была отпечатана большая статья изъ него. Есть уже письмо его изъ Франкфурта. Онъ долженъ быть на дняхъ въ Москвѣ. Вотъ отвѣтъ ученому Дерптскому на критику на письмо Тургенева.

Синонимы: Салонъ. Гостиная.

Недоумѣніемъ напрасно ты смущенъ:
Гостиная одно, другое же салонъ.
Гостиную найдешь въ порядочномъ трактирѣ,
Гостиную найдешь и на твоей квартирѣ;
Салоны-жъ созданы для избранныхъ людей.
Гостиную видалъ и ты Видокъ-Фигляринъ,
Въ гостиной можешь быть и ты какой-то баринъ;
Но ужъ въ салонѣ ты рѣшительно лакей.

---

[1]) Графъ Иванъ Алексѣевичъ, сынъ археолога. Онъ скончался 12 Іюня 1836.
[2]) Лёве-Веймарсъ; см. о немъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885, вып. 3-й, стр. 451.

Сдѣлай одолженіе, дай ходъ по Дерпту этому филологическому разсужденію. Прощай. Желаю тебѣ благополучныхъ . . . тѣлесныхъ и духовныхъ. Мое почтеніе Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ и Екатеринѣ Александровнѣ *).

*

(1837).

Просвѣти и меня, мужъ просвѣщенія! У васъ въ Москвѣ дѣлаются свѣчи, очень пріятныя для глазъ и для кармана, но пока дѣлаются онѣ для однихъ придворныхъ шандаловъ, а не для насъ грѣшныхъ, во тьмѣ сидящихъ. Ты же самъ вѣдь придворный шандалъ, подсвѣчникъ, или придворный свѣщникъ, придворный свѣщеносецъ, или придворная свѣща; такъ по всему этому и прочему постарайся достать мнѣ пудикъ или два оныхъ свѣчей и передай ихъ Булгакову, или моему Демиду, для отправленія ко мнѣ.

Плетневу говорить не буду о «Современникѣ». Съ своимъ уставомъ въ чужой *приходъ* (въ двухъ отношеніяхъ приходъ) ходить нечего. А жаль, что не сдѣлалось по моему. Наши, слава Богу, здоровы и всѣ тебя цѣлуютъ. Пріѣзжай же скорѣе. Что дѣло Кузнецова? Обнимаю Вьельгорскаго.

23 Ноября.

*

3 Ноября (1837).

Въ самую ту минуту, въ которую получилъ я твое письмо, помышлялъ я писать тебѣ, и также хотѣлось мнѣ сердцемъ погоревать съ тобою о Дмитріевѣ. Смерть его меня ужасно поразила. Онъ писалъ ко мнѣ отъ 30-го Сентября, въ тотъ самый день, какъ онъ занемогъ, милое и живущее письмо; говорилъ между прочимъ: «Чтó сказать вамъ о себѣ? Слава Богу, здоровъ и только!» Я боюсь, что его доктора убили: не во время и недостаточно приставили піявокъ. Въ немъ жизни физической и духовной было еще на 20 лѣтъ. Смерть старика, особенно такого, коего жизнь на виду, поражаетъ какъ-то еще болѣе смерти юноши. Съ этою жизнью обживешься, она войдетъ въ привычку, въ потребность, и утрата ея оставляетъ ужасную пустоту. Да, братъ, держись. Ты одинъ остаешься у насъ *изъ стаи той высокой, которая къ Олимпу шла!* Теперь пошла другая стая. Чтò ни говори, а я правду сказалъ, что эпоха Карамзина и Дмитріева смѣняется эпохою Булгарина и Сенковскаго, что Поляки въ Кремлѣ. Въ Дмитріевѣ таилось точно въ послѣднее время и безъ его вѣдома предчувствіе скорой смерти; онъ и со мною въ послѣднее пребываніе его здѣсь и со всѣми вами былъ особенно нѣженъ, и словно пріѣзжалъ проститься съ нами и Карамзинымъ на Невской землѣ. Теперь вотъ въ чемъ дѣло. Записки

*) Т. е. Протасовой и ея старшей внучкѣ Воейковой.

свои завѣщалъ онъ по духовной своей мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ сказывалъ мнѣ не одинъ разъ; вѣроятно, вмѣстѣ съ ними и другія литературныя бумаги. Нужно будетъ выпросить у его наслѣдниковъ и письма мои къ нему.

Карамзина проситъ также и свои письма и письма Карамзина, которыя были у него въ особенной связкѣ. Плюскова [1]) также проситъ о возвращеніи ей ея писемъ. Устрой все это, но только осторожно, щадя щекотливость и вѣроятное недоброжелательство къ намъ, или, по крайней мѣрѣ, ко мнѣ, моего лже-Дмитріева. Сколько я его знаю, онъ неуживчивъ, раздражителенъ. Если вызовешься съ нимъ разбирать бумаги покойника, онъ почтетъ это нарушеніемъ правъ своихъ; но ты прежде сблизься съ нимъ и приласкай его. Отыщи въ Москвѣ доктора Іовскаго (узнаешь о немъ въ домѣ Ивана Ивановича); онъ былъ очень близкій ему человѣкъ, Дмитріевъ любилъ и уважалъ его и часто съ нимъ бывалъ. Отъ него можешь многое узнать, а также и о подробностяхъ послѣднихъ дней его. Я собираюсь написать о Дмитріевѣ. Какъ мнѣ больно, что я не записывалъ всѣхъ разговоровъ его со мною, то-есть всѣхъ разсказовъ. Это были бы живые комментаріи къ Запискамъ его, которыя писаны *чистосердечно, но не откровенно.* Спроси Іовскаго, не велъ ли онъ журнала, и не записывалъ ли онъ слышанное имъ отъ Дмитріева? Я получилъ письмо отъ Иванчина-Писарева, который обѣщается прислать мнѣ выписки изъ писемъ къ нему Дмитріева. По части литературы Русской въ этой перепискѣ должно быть много любопытнаго. Дмитріевъ былъ очень ласково къ нему расположенъ. Пріѣзжай къ намъ скорѣе; мы безъ тебя сиротѣемъ, не клеимся: нѣтъ необходимаго склёпа. Хочется мнѣ также узнать, чтó сталось въ тебѣ изъ проглоченныхъ тобою 20.000 верстъ, и предвижу, что обойдется не безъ споровъ у моего камина, когда будешь *дижерировать* при мнѣ. Передамъ твои письма Карамзинымъ, Вьельгорскимъ и Смирнихѣ, а письмецо къ Козлову сейчасъ отправилъ и самъ буду у него сегодня. Впрочемъ, ты, говорятъ, вывезъ одну живописную добычу [2]). Это дѣло другое. Тутъ спорить нечего. У Булгакова

---

[1]) Фрейлина Наталья Яковлевна Плюскова жила во дворцѣ. Происхожденіе ея загадочно; по матери своей она происходила, говорятъ, отъ императрицы Елисаветы Петровны.

[2]) Во время путешествія по Россіи съ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ, Жуковскій срисовывалъ виды всѣхъ замѣчательныхъ мѣстностей. Этотъ большой альбомъ поднесенъ былъ сыномъ его, Павломъ Васильевичемъ, покойному Государю Александру Александровичу. Надо замѣтить, что въ этомъ родѣ живописи Жуковскій былъ большой мастеръ. Для историка любопытно сличить виды эти съ другимъ альбомомъ, составленнымъ

найдешь письмо Тургенева, который благодаритъ тебя за снимокъ съ деревни его. Вотъ еще порученіе: Смирдинъ сказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ у книгопродавца Ширяева экземпляръ твоихъ *Для немногихъ*, съ надписью твоею на мое имя. Этотъ экземпляръ или украденъ, или ошибкою попалъ къ нему, потому что я никому не отдавалъ его. Сдѣлай милость, выручи его. Съѣзди къ Ширяеву, или пошли за нимъ, и потребуй; а не то я въ газетахъ объявлю, что онъ у меня пропалъ изъ библіотеки, и буду обѣщать приличное награжденье тому, кто возвратитъ мнѣ экземпляръ. Такъ и скажи ему; онъ большой негодяй. Поблагодари Шевырева за статью его. Она очень хороша. Отыщи нашего к. Ѳедора Гагарина и помоги въ дѣлѣ его. Онъ живетъ на Дмитровкѣ, въ домѣ Кампіони, бывшемъ Алексѣя Михайловича Пушкина. Онъ, можетъ быть, посовѣстится пріѣхать къ тебѣ съ просьбою, а ты можешь помочь ему. Одоевскій не можетъ нигдѣ найти Д.-Жуана Пушкина, для 3-й книжки «Современника», которая почти готова. Кому же ты оставилъ бумаги Пушкина, назначенныя для печатанія? Что́ сдѣлаете изъ «Современника» на будущій годъ и будущіе годы? Мое мнѣніе, чтобы вы, опекуны, выпросили дозволеніе обратить этотъ журналъ въ литературную собственность семейства, такъ чтобы до совершеннолѣтія одного изъ сыновей отдавать его въ аренду, напримѣръ, за 2000 рублей, или по стольку-то съ подписчика. Это было бы дѣло доброе и въ отношеніи литературномъ, и въ отношеніи денежномъ для семейства. Въ такомъ случаѣ я охотно бы взялся за этотъ журналъ съ кѣмъ-нибудь пополамъ. Вѣроятно, ты могъ бы выпросить эту милость у Государя. Тогда нужно было бы придать къ заглавію *Современника* другое, *ретроспективное*, придумавъ что-нибудь, и я всю мою *старину* сталъ бы тутъ печатать. Подумай объ этомъ и увѣдомь о томъ, что́ придумаешь. Главное дѣло: положить прочное, *родовое* основаніе Пушкинскому журналу. За это я стою, какъ за мою мысль полезную, а прочее воля ваша.

Обнимаю. Всѣ мои тебѣ сердечно кланяются и ожидаютъ тебя. Поцѣлуй за меня ручку у гр. Екатерины Тизенгаузенъ.

Скажи, около котораго числа думаешь быть здѣсь. Вотъ симпатія: вслѣдъ за твоимъ неожиданнымъ письмомъ явился ко мнѣ и другой неожиданный вѣстникъ старины—Воейковъ, который завелъ типографію и пришелъ звать меня къ себѣ обѣдать на новоселье.

*

въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX вѣка, Ермолаевымъ, который путешествовалъ по Россіи съ графомъ Строгановымъ. Этотъ послѣдній альбомъ хранится въ Петербургѣ у Полицейскаго моста, въ домѣ графа С. А. Строганова.

11 Ноября (1837).

Въ Москвѣ есть книгопродавецъ Кузнецовъ, въ которомъ Дмитріевъ принималъ живѣйшее участіе. Цензура разоряетъ его, запретивъ книгу имъ изданную, которую прежде она одобряла. Не знаю, въ какомъ положеніи теперь дѣло его, но знаю, что Дмитріевъ до кончины своей заботился о немъ, писалъ нѣсколько разъ ко мнѣ, поручая хлопотать, и что было обѣщано уладить это дѣло. Пошли за нимъ, если онъ самъ не явится; узнай, чего онъ хочетъ и попроси за него графа Строганова [1]), Бенкендорфа или кого слѣдуетъ, можетъ быть и Филарета. Пошли и за докторомъ Іовскимъ. Его также завѣщалъ Дмитріевъ дружбѣ нашей. Можетъ быть, и ему успѣешь въ чемъ нибудь помочь. Но, сдѣлай милость, не откладывай этихъ двухъ порученій въ длинный ящикъ. Дмитріевъ скажетъ тебѣ спасибо оттуда, гдѣ добрыя дѣла и добрыя намѣренія не пропадаютъ.

Обнимаю. Великая Княгиня говорила мнѣ, что ты ужасно потолстѣлъ, а я надѣялся, что тебя протрясетъ.

*

12 Августа 1840.

Я письма̀ тебѣ не писалъ, а послалъ изъ Москвы письмо, переданное мнѣ для доставленія тебѣ Олсуфьевымъ [2]) и, кажется, отъ твоего поэта-Сибиряка [3]). На этомъ письмѣ, помнится, приписалъ я нѣсколько словъ. Признаюсь, на твое письмо, писанное послѣ свиданія съ моими въ Баденѣ, не отвѣчалъ я, потому что, какъ ни сладко бы мнѣ твоими устами медъ пить, но что-то не пьется: на душѣ моей все горько, и положеніе Наденьки меня очень смущаетъ. Не знаю, но полагаю, что Гугертъ не попалъ на ея болѣзнь и не принесъ ей никакой пользы. Дѣло въ томъ, что по пріѣздѣ ея въ Баденъ, вскорѣ послѣ случившейся съ нею въ Нордернеѣ бѣды, она была гораздо сильнѣе нежели теперь; а доказательство тому, что хорошо вынесла дорогу; нынѣ и прогулка ее утомляетъ. Отъ чего эта слабость, когда попынѣ припадковъ не было? Отъ лѣченія; другого и предполагать нечего. Разумѣется, душою и всѣми силами души желаю скорѣе соединиться съ ними. Эта жизнь волненій, опасеній, неизвѣстности, безпокойства отъ письма до письма слишкомъ тяжела, и долѣе выдержать ее не могу. Но какими средствами достигнуть этого соединенія? О перемѣнѣ на-

---

[1]) Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ былъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ (позднѣе графъ).

[3]) Милькѣева, плачевно кончившаго жизнь свою въ Москвѣ.

стоящей службы моей на дипломатическую думать нечего; по крайней мѣрѣ эта перемѣна кажется мнѣ такъ несбыточна, такъ мнѣ не къ лицу, такъ несообразна съ чернымъ тѣломъ, въ которомъ держатъ меня судьба и земные ея повѣренные въ дѣлахъ, что я и придумать не могу, какъ это сдѣлаться можетъ. Конечно Русскій Богъ великъ; но вѣдь я же сказалъ, что Русскій Богъ—Богъ въ особенности Нѣмцевъ и прибавляю: Богъ подляшекъ, Богъ играющихъ въ вистъ съ Нессельродиею, Богъ . . . . сыновей и проч. и проч. Какое же имѣю я право на милость его? Ce pleutre de M... a bien reçu cette place, pourquoi ne vous en donnerait-on pas une pareille? говорила мнѣ на дняхъ наша Смирнушка. Nommément parce que je ne suis pas un pleutre, отвѣчалъ я. Разумѣется, я охотно принялъ бы заграничное порученіе или даже и постоянное назначеніе и не сомнѣваюсь по свойствамъ ума моего и характера, что могъ бы я даже быть полезенъ на этой дорогѣ. Помнишь ли, я давно поручалъ тебѣ просить мнѣ у Нессельроде мѣсто генералъ-консульскаго въ Италіи? Честолюбія во мнѣ нѣтъ ни на грошъ; Но теперь пошелъ бы охотно на consulat à vie. Но все это сны несбыточные. Остается мнѣ одно средство: выпросить себѣ отпускъ на годъ съ сохраненіемъ жалованья и выдачею мнѣ заимообразно 30,000 руб. на 12 лѣтъ съ ежегодною уплатою 2500 руб., пожалуй подъ залогъ моей суконной фабрики или моихъ сочиненій? Вѣдь стоятъ же онѣ 30,000? Какъ о томъ думаете вы, ваше превосходительство и членъ Россійской Академіи? Съ этимъ запасомъ могъ бы я обезпечить годъ своего пребыванія съ семействомъ за границею и не разстроилъ бы болѣе дѣлъ своихъ, уже довольно разстроеннымъ нынѣшнимъ бѣдственнымъ для Россіи годомъ, ознаменовавшимъ себя еще и пожаромъ въ моихъ деревняхъ. Кажется, при доброй волѣ и добрыхъ людяхъ, немудрено было бы выпросить мнѣ это пособіе. Подарены были бы мнѣ одни проценты за 12 лѣтъ. Въ доброй волѣ Царя я не сомнѣваюсь; но гдѣ найти добрыхъ людей, чтобы пробудить и настроить эту волю? Гр. Канкринъ добрый человѣкъ; но его внутреннее не трепещетъ, и особеннаго, экстреннаго онъ ничего не сдѣлаетъ. Да его и нѣтъ здѣсь. Врончепко также, пожалуй, добрый человѣкъ, но человѣкъ безгласный на все то, что̀ внѣ офиціальной части рѣчи. Адлербергъ добрый человѣкъ и очень добрый; онъ самъ отъ себя пріѣзжалъ ко мнѣ, зная мои обстоятельства по сношеніямъ жены своей съ моею, и вызвался при случаѣ сказать Царю о моемъ горѣ и о желаніи моемъ сблизиться съ моими. Но открытымъ, дѣятельнымъ и рѣшительнымъ образомъ дѣйствовать за меня ему не кстати. Надѣюсь на свиданіе жены съ Царицею. Но болѣе всего надѣялся бы я на тебя; но когда будешь сюда? У тебя *тройнымъ бу-*

латомъ грудь вооружена, когда нужно идти грудью на приступъ для добраго дѣла, и есть сердце подъ лѣвою титькою (style de la jeune France). Письменно хлопотать за меня ты не можешь, потому что къ посредникамъ прибѣгать нечего, а если дѣйствовать, то прямо на самого Государя, отъ котораго скорѣе дождешься сердечнаго сочувствія. Если отложить дѣло до твоего возвращенія, то придется ѣхать мнѣ развѣ въ Ноябрѣ. Пожалуй и такъ, если Богъ поможетъ и здоровье Наденьки не вызоветъ меня ранѣе. Но во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, зиму мнѣ оставаться здѣсь нельзя. Слишкомъ тяжело и не въ мочь. Рѣшусь и подать въ отставку, если обстоятельства не сложатся благопріятно. Пожертвованіе выгодами и денежные разсчеты меня не остановятъ. Въ мои лѣта нравственная пытка не по силамъ моимъ, а такая жизнь пытка. Павлуша будетъ въ правѣ жаловаться, что менѣе денегъ оставлю ему послѣ себя, ... и на Шампанское; но разстрою дѣла свои не изъ прихоти, а изъ кровной, кровавой нужды. Богъ будетъ мнѣ судія, а мнѣніемъ людей дорожить не стану. Вотъ, кажется, и все что̀ могу сказать о предстоящемъ вопросѣ. Теперь скажи мнѣ свое мнѣніе, и если Богъ надоумитъ тебя добрымъ совѣтомъ, то научи что̀ дѣлать. Объ Орловѣ [1]) я не говорилъ, потому что не знаю, о чемъ писала ему жена, и нѣтъ отъ него никакого привѣта. Теперь же Царя здѣсь нѣтъ, а прежде были военныя суеты, маневры, и слѣдовательно нѐ до меня. Нечего было Орлова безпокоить и теперь не для чего. А развѣ когда дѣло придетъ къ развязкѣ, дѣйствовать совокупными силами.

. . . .

Теперь приступимъ къ твоимъ вопросамъ о разныхъ личностяхъ. Карамзины и Мещерскіе въ Ревелѣ и, кажется, поживаютъ благополучно, хотя лѣто вездѣ скверное, дождливое и студеное. Смирниха въ Царскомъ Селѣ донашиваетъ свою пузу и кряхтитъ. Завтра переѣзжаетъ въ городъ разрѣшиться отъ бремени [2]). Валуевы также въ Царскомъ Селѣ. Проживаю у нихъ обыкновенно дня по два и по три въ недѣлѣ. Пушкина на островахъ, мила и кротка по прежнему. Впрочемъ я почти никого не вижу и въ большой свѣтъ рѣшительно не ѣзжу. Пью Киссингенскую воду и три часа хожу . . . . . Изъ Россіи все худыя вѣсти, то-есть изъ внутреннихъ губерній, неурожай и нищета, не смотря на оптимизмъ Строганова, который посланъ былъ развѣдать о настоящемъ положеніи и имѣлъ наглость истратить только

[1]) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, тогда графъ, позднѣе князь, бывшій въ молодости своей пріятелемъ и Пушкина, и кн. Вяземскаго.

[2]) Третьею своею дочерью, Надеждою Николаевною (въ замужествѣ Соренъ), скончавшеюся въ Москвѣ, 7 Мая 1899 года. Память ея дорога знавшимъ ее. П. Б.

11,000 руб. изъ 150,000, которые далъ ему Государь для раздачи милостыни, то-есть для частныхъ и мелкихъ пособій нуждающимся. А Россія покрыта нищими, и цѣлыя селенія шатаются по дорогамъ и по городамъ, прося не денегъ, а хлѣба. Все это для того, чтобы увѣрить, что общее положеніе не такъ худо и что министръ внутреннихъ дѣлъ не столь виноватъ. Имѣлъ онъ еще наглость выпросить второго Владимира Лексу, который ѣздилъ съ нимъ, то-есть проскакалъ по голоднымъ губерніямъ. Общій голосъ ужасно вопіетъ противъ Строганова, но онъ облекся своею не золотою, а позолоченою посредственностью и не внимаетъ Россіи. Я не знаю человѣка ограниченнѣе умомъ и бездушнѣе его. Должно надѣяться, что рано или поздно все это откроется, и безсовѣстность его будетъ наказана. Вотъ новость: Плетневъ ѣздилъ въ Гельсингфорсъ на юбилей и женится тамъ, говорятъ, на красавицѣ графинѣ Армфельдтъ. Отъ чего ваше превосходительство краснѣете, будто хотите мнѣ что-то сказать по этому случаю и заикаетесь? Слухомъ земля полнится. Во всякомъ случаѣ моя *братская благословляющая рука* (твои слова) надъ тобою. Я Кривцову [1]) говорилъ о Гоголѣ, и онъ не прочь. Но и на это дѣло нужно было бы твое присутствіе. Впрочемъ Кривцовъ пробудетъ здѣсь всю зиму, слѣдовательно время не уйдетъ. О литературѣ меня не спрашивай; я, слава Богу, ничего не знаю. Довольно мнѣ Киссингенской воды, чтобы заниматься своимъ собственнымъ . . . До чужого мнѣ дѣла нѣтъ. Обнимаю тебя отъ всей души. Ты просишь меня молиться за тебя, а я прошу тебя не забывать меня въ молитвахъ своихъ, и не только молиться, но и просить за меня. Предоставляю тебѣ полномочіе свое на небѣ и на землѣ. О Тургеневѣ ничего не знаю: она или оно [2]) вѣроятно въ Киссингенѣ.

*

24 Января 1841 [3]).

Спасибо, что побѣдилъ ты свою лѣнь и далъ мнѣ вѣсть о себѣ. О себѣ сказать мнѣ новаго нечего. Жизнь какъ жизнь. Сплю хорошо. Ѣмъ, произвожу дѣла, подписываю бумаги, слушаю, докладываю, хожу пѣшкомъ, читаю, читаю и Евангеліе, и духовныя книги: все это механическое производство жизни идетъ своимъ порядкомъ. Но въ этой жизни недостаетъ одного: жизни, жизни-любви, жизни-упованія. Нѣтъ, братъ, повѣрь моей грустной опытности: въ несчастіи такомъ какъ

[1]) Павелъ Ивановичъ Кривцовъ (человѣкъ большаго ума) служилъ тогда совѣтникомъ посольства въ Римѣ.

[2]) Относится къ легкосердечію А. И. Тургенева. Князь Вяземскій хочетъ сказать, что онъ существо не мужскаго и не женскаго пола.

[3]) Писано изъ Петербурга въ Москву, куда Жуковскій тогда ѣздилъ повидаться съ родными передъ своею женитьбою.

мое нѣтъ ничего возвышающаго, благорастворяющаго, освѣщающаго душу. Смерть тѣмъ и ужасна, что она смерть, то-есть разрушеніе, тлѣніе, ничтожество. Словами, идеологіею, поэзіологіею не перехитришь смерти. Несчастіе несчастію рознь. Есть испытанія, которыя имѣютъ спасительную, живительную силу, но отрубить голову, отрубить сердце—это уже не испытаніе: изъ человѣка живого дѣлается трупъ. Провидѣніе, судьба, слѣпая необходимость, не знаю что, не знаю кто совершили надо мною эту казнь: трупомъ и буду. Я ближе нежели другіе былъ къ этой страшной загадкѣ, которою должна разрѣшиться тайна нашего назначенія; я схватился грудь съ грудью съ этою тайною, я два раза былъ въ этой неопалимой купинѣ скорби и не вынесъ изъ нея никакого утѣшительнаго или ободряющаго убѣжденія, вынесъ одну безнадежность, одно чувство, одно слово: *нѣтъ!* Что же мнѣ дѣлать съ этимъ? Не умъ мой говоритъ *нѣтъ*, а въ сердце моемъ отозвалось *нѣтъ*. Не могу же я заставить молчать его. Жена все въ Баденѣ.

Сейчасъ получаю письмо отъ нея. Она безпокоится о моемъ молчаніи, а я писалъ ей постоянно два и три раза въ недѣлю. Не понимаю, что́ дѣлается съ моими письмами. А твоя переписка исправно ли идетъ? Вотъ нѣсколько писемъ на твое имя. Можетъ быть, въ числѣ есть и нужныя. Сегодня былъ Жиль и спрашивалъ свидѣтельства о застрахованіи твоихъ вещей, которыя перевезены въ Мраморный дворецъ. Нужно дать знать обществу, что онѣ нынѣ сложены въ другое мѣсто, а то старое свидѣтельство не годится. Наши всѣ здоровы.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ Москвичамъ. Булгакову скажи, что благодарю его за письмо, а не отвѣчаю потому, что писать нечего. Толстому [1]) сердечный поклонъ. Онъ безъ сомнѣнія сочувствуетъ моему горю. И для него скорбь проза, какъ и мнѣ, удручающая дѣйствительность. Обнимаю тебя.

*

23-го Іюля.

Вручитель сихъ строкъ добрый мой пріятель Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій желаетъ съ тобою познакомиться. Прошу его полюбить и жаловать. Онъ страстный библіотекарь, библіофилъ, библіомакъ, библіографъ и отчасти біографъ; къ тому же мастеръ дѣлать иголки [2]), и всѣмъ хорошъ, но есть и у него булавка въ головѣ, а именно: онъ никакъ не можетъ убѣдиться, что Полевой врачъ, невѣжда, негодяй.

---

[1]) Графу Θедору Ивановичу, Американцу, отцу поэтессы графини Сарры, которой Жуковскій написалъ посланіе, а молодой Катковъ давалъ уроки Русскаго языка.

[2]) У Сергія Дмитріевича Полторацкаго была игольная фабрика въ Рязанской губерніи.

Авось ты вырвешь изъ него эту булавку, и тогда онъ будетъ безъ всякаго порока такъ что злорѣчію и прицѣпиться будетъ не къ чему. Соверши этотъ подвигъ, и слава тебѣ во вѣки вѣковъ на землѣ и въ небесахъ. Зи симъ прощай. Вяземскій.

Сдѣлай одолженіе, узнай, получилъ ли Киреевскій письмо мое (чрезъ Шевырева посланное), въ которомъ извѣщаю его, по собраннымъ здѣсь справкамъ, что ему не возбраняется писать и печатать.

*

Не зачитывай и не задерживай писемъ и брошюрокъ Тургенева. Въ сихъ послѣднихъ есть статьи интересныя, особенно отчетъ Villmain, отчетъ des prix Montyon, Mémoires du baron Bignon. Посланіе къ Кювье содержитъ нѣсколько хорошихъ стиховъ, но слишкомъ отзываются академическою поэзіею. На дняхъ отправляется въ Парижъ курьеръ. Пришли письмо къ Тургеневу и угомони безпокойствіе его нѣсколькими ободрительными словами князя Голицына. Будешь ли въ городъ до всеобщаго и рѣшительнаго возвращенія? Обнимаю. Мы всѣ здоровы. Андрею Карамзину завтра 21 годъ. Не пріѣдешь ли? Завтра празднуемъ совершеннолѣтіе его семейно, а въ Пятницу вечеринкою.

Среда. Не можешь ли раздать нѣсколько билетовъ на книгу, о коей прилагаю объявленіе? Книга будетъ хорошая. Нельзя ли устроить такъ, чтобы военныя учебныя заведенія подписались на нее?

*

Понедѣльникъ.

Мнѣ полегче, то-есть менѣе или почти вовсе не страдаю, но все-таки нелегче: потому что, ходить не могу и сижу невольникомъ въ своихъ креслахъ. Присылай мнѣ la Gazette de tribunaux. Написалъ ли ты рецензію въ стихахъ о моемъ приключеніи съ Россетти? Передай ей мое почтеніе и скажи, что самъ не пишу къ ней донесеніе, потому что мнѣ писать неловко и что рука моя, когда пишу, еще болѣе стала похожа на лапу съ тѣхъ поръ, что́ я безъ ноги. Обнимаю тебя. Если заѣдешь въ городъ, не забывай, что я похожъ на столъ Филемона и Бавкиды. Воейковъ по Инвалидной части бываетъ у меня.

*

С.-Пб. 5 Мая 1845.

Худо то, что ты все хвораешь. Надѣюсь, что весна, небо, воды поправятъ твое здоровье. А что̀ слышно у васъ о веснѣ? Здѣсь мы еще въ снѣгахъ и морозахъ по горло. Такъ и давятъ. Вообще хорошаго мало. Сильный рекрутскій наборъ озабочиваетъ умы, а равно и слухи, доходящіе до насъ о волненіи умовъ въ Пруссіи. Къ исправляющему должность министра финансовъ Вронченкѣ назначенъ исправ-

ляющій должность товарища министра Ореусъ. Онъ человѣкъ умный, дѣловой и честный; но онъ старъ и хворъ, но въ немъ нѣтъ стихіи государственнаго человѣка: все это производители текущихъ дѣлъ, а Россіи потребны люди самостоятельные, люди съ видами на будущее. Нигдѣ этого нѣтъ. Все это люди, которыхъ Россія не знаетъ и не можетъ знать и потому не имѣетъ въ нихъ вѣры. Все это люди, которыхъ умы обмелѣли, высохли, съежились въ душной, канцелярской атмосферѣ. Горизонтъ ихъ ограниченъ ихъ департаментомъ. Россія и будущее ея были отъ нихъ заслонены ширмами отношеній и письмоводительства. Что же готовимъ мы дѣтямъ своимъ? Къ настоящимъ посредственностямъ приколачиваемъ мы ничтожности и полагаемъ, что всѣ эти подпоры поддержать Россію, которая давитъ ихъ своею громадностію и стоитъ потому, что она сама въ себѣ имѣетъ неистощимую силу и потому что Русскій Богъ великъ и мудръ, и святъ, и долготерпѣливъ православный Русскій народъ, peuple éminemment conservateur. Графиня С. В. Строганова скончалась тихо и почти скоропостижно. Здоровье Государя и Государыни, какъ слышно, въ удовлетворительномъ положеніи. О проектахъ ихъ на лѣто много толковъ, но рѣшительнаго ничего не знаютъ.

*

Répondre ou non aux lettres et aux questions qu'on vous adresse est une affaire de bienséance, par conséquent de convention et dépend du libre arbître de chacun.

Renoncer aux égards qui tiennent à la simple bienveillance qu'on se doit réciproquement en société, et les rompre brusquement envers quelqu'un, auquel on avait promis et témoigné de l'amitié, est une affaire de sentiment, contre laquelle il serait inutile et déraisonnable de réclamer. Ce serait donner trop de prix à une conduite dont la bizarrerie désobligeante ne peut causer qu'un moment de surprise et peut-être de désapprobation. Mais il me reste cependant une réclamation qui, je l'espère, ne vous paraîtra ni déplacée, ni pas trop prétentieuse: c'est celle des Mémoires de Byron, qui ne m'appartiennent pas et que je dois restituer. Agréez, je vous prie, l'expression de ma considération distinguée.

Wiasemsky*).

le 29 Juin.

*) Намъ неизвѣстно, къ кому это письмо. Оно нашлось въ числѣ писемъ князя Вяземскаго къ Жуковскому, за сообщеніе которыхъ мы обязаны сыну Жуковскаго Павлу Васильевичу. П. Б.

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ ГРАФИНѢ Э. К. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ *).

16 Février 1837.

Ce n'est que ce matin que j'ai reçu votre lettre et l'envoi qui l'accompagnait pour votre soeur, et c'est ce matin que je le lui ai porté sans la trouver à la maison. Mais j'ai vu m-lle Aline, qui se porte bien et m'a dit que m-me Démidoff était tous les jours au bal. Ce soir elle est au bal des Barante donné pour la cour.—Quel horrible entr'acte est venu traverser notre correspondance! Je n'en suis pas encore remis. Le 27 soir, au moment où je prenais la plume pour vous écrire et avoir mille folies à vous débiter, ma femme, toute effarée, entre dans ma chambre et m'apprend, que Pouschkin venait de se battre. Vous savez le reste. Ma lettre à Boulgakoff a du vous instruire de plusieurs détails de ce déplorable évènement. Mes plaisanteries sur les rouges ont porté malheur. Quelle triste et abominable histoire!

Pouschkin et sa femme ont été les victimes d'un infâme guet-apens. Il y a autant de noirceur que de sang dans ce rouge, que vous avez, j'espère, répudié. Je vous conterai un jour au long toute cette abomination. Et je dois vous l'avouer, au risque de me brouiller avec vous, tous vos protégés rouges et votre mer rouge se sont couverts de honte à cette occasion. Ils ont eu l'impudence de faire de cette histoire une affaire de parti, une affaire de régiment. Ils ont calomnié Pouschkin et sa mémoire et sa femme pour défendre la cause de celui qui, après l'avoir assassiné moralement, a fini par être son meurtrier de fait. Je conçois que ses amis puissent ne pas le croire aussi coupable qu'il l'a été dans

---

*) Подлинникъ этого письма (писаннаго изъ Петербурга въ Москву) принадлежитъ внуку графини Э. К. Мусиной-Пушкиной, графу Алексѣю Алексѣевичу Мусину-Пушкину. Оно сообщено имъ въ 331 номеръ Ярославской газеты „Сѣверный Край“ 1899 года, откуда перепечатывается (съ новымъ переводомъ). Графиня Мусина-Пушкина, урожденная Шерваль, род. 29 Января 1810, сконч. 17 Ноября 1846 въ Моложскомъ имѣніи своего супруга, селѣ Борисоглѣбѣ. Она памятна и необыкновенною красотою, и высокими качествами сердобольнаго сердца. П. Б.

toute cette histoire, poussé comme il l'était par les infernales machinations de son père; mais quel est le coeur honnête, quel est le Russe, dont la pitié puisse balancer entre les deux personnages et ne pas se porter toute entière sur le pauvre Pouschkin et ne pas voir en lui une belle et illustre victime?

Je frémis en pensant que par prévention, par opiniâtreté, vous pensez, peut-être, autrement que moi sur ce sujet. Mais non, votre bon coeur, votre sensibilité, tout ce qu'il y a en vous de pur, d'élevé, de féminin, tout ce que j'aime et j'apprécie en vous—me rassurent et me garantissent votre sympathie. Vous devez avoir confiance en moi et, dans l'ignorance des faits et des preuves que j'ai à mon appui, c'est ma conviction que vous devez adopter. Je pleure Pouschkin comme un ami, comme notre plus belle gloire littéraire, comme un des plus beaux fleurons de notre couronne nationale; mais si le bon droit n'avait pas été pour lui dans cette cause funeste, je l'aurais avoué. Il n'y a rien eu que de noble, de généreux et de délicat dans sa conduite. S'il n'y avait eu que du sentiment de la passion ou même une cour honnête de l'autre part, tout en pleurant Pouschkin, je n'aurais pas accussé son adversaire. Je ne suis pas assez rigoriste pour cela. A tout péché miséricorde, mais non à toute infamie.—Qu'allez vous faire maintenant de mes lettres? Je n'aurai plus rien d'amusant à vous dire. Vous sentirez-vous le courage de lire des lettres où il ne sera question que de moi et de vous?

J'ai en horreur nos salons. Non que la majorité n'aye été pour la bonne cause, pour la cause de la justice et du malheur, mais quelquesunes de nos sommités sociales ont joué un rôle si plat, si odieux dans ces débats, il a été débité tant de calomnies, tant d'absurdités à ce sujet, que je ne pourrai encore soutenir de longtemps la présence de quelques individus. L'indignation, tout autant que la douleur m'éloignent du monde. Il n'y a que votre belle-soeur Marie que je puisse voir avec plaisir. Elle sympathise à ma douleur, et j'ai d'autres sympathies avec elle qui me font trouver du charme et de la consolation dans sa société. Aussi quand une partie de ma famille est à présent au spectacle et l'autre se prépare pour le bal de Barante, moi je vous écris et irai achever ma soirée chez la comtesse Marie.

Et vous, chère comtesse, que faites vous dans ce moment? C'est aujourd'hui Mardi—il y a bal à l'Assemblée. N'y allez vous pas? On vous dit souffrante, on vous dit partante, on vous dit restante! Que faut-

il croire? Ce dont je ne puis douter malheureusement, c'est que vous me traitez mal, avec oubli et indifférence. Vous me savez dans le chagrin et n'avez pas un mot de consolation, d'amitié à me dire. C'etait le cas ou jamais! Vous me demandez des livres. Donnez moi le temps et la force de me remettre à la lecture. J'aimerai à vous envoyer des ouvrages que j'aurai déjà lu, et non les premiers qui me tomberaient sous la main. Toute lecture serait pâle et morte à mes yeux et à mon esprit: tant les émotions de la réalité ont été puissantes et absorbantes. Quel est le drame, le roman, la fiction qui pourrait approcher de ce que nous avons vu? La Providence, une fois qu'elle s'en mêle, a bien plus d'imaginative que tous les romanciers pris ensemble. Ces pages sanglantes, qu'elle vient de nous jeter, sont à jamais mémorables. Je vivrai mille ans que je serai toujours sous l'impression de ces deux journées, depuis le moment où j'ai appris le duel de Pouschkin jusqu'à celui de sa mort.

Et quelle singulière coïncidence! Le 29 Janvier était le jour de votre naissance, de celle de Joukovsky et de la mort de Pouschkin. Le coeur tout brisé de douleur, je n'ai cependant pas manqué de faire des voeux pour vous et de vous porter tacitement un toast, qui aura été entendu du ciel et de votre bon ange. Je vous préparais mon portrait en habit rouge, une scène de bal avec les rouges par excellence qui y figuraient, mais faites en votre deuil; car cette couleur n'a plus rien de plaisant, et toute plaisanterie à ce sujet serait aujourd'hui sacrilège. La pauvre m-me Pouschkin est partie aujourd'hui. Ses frères sont venu la chercher pour la conduire à la campagne dans le gouvernement de Kalouga. Vous n'ignorez certainement pas tout ce que l'Empereur a fait pour assurer le bien-être de la famille. Avez vous lu, ou plutôt Boulgakoff vous a-t-il traduit, ma lettre, qui contenait le récit de la mort de Pouschkin? Le sort de Heeckern n'est pas encore connu, et le jugement n'a pas été prononcé. On le dit gai et tranquille, comme si de rien n'était, et parlant de son duel comme si ce n'était pas son beau-frère qu'il avait tué; et à la suite de quelles ciconstances! Quant au cher papa, il fait le boutiquier, vend tout son mobilier, et tout le monde vient chez lui comme dans un vieux garde-meuble mis à l'encan. On lui retire la chaise sur laquelle il est assis, lui annonçant qu'on l'achète. Il quitte son poste et Pétersbourg ou, vraisemblablement, il est obligé de le quitter. Pourquoi ne l'a-t-il pas quitté il y a 3 mois?

17 Février.

Je suis resté hier jusqu'à près de trois heures du matin en tête-à-tête avec votre belle-soeur. C'est comme si vous y étiez. A propos, elle m'accuse de lui avoir volé votre portrait, qu'elle n'a plus retrouvé après votre depart. Vous savez bien que ce n'est pas moi qui l'ai pris, et vous devez me justifier à ses yeux. Mais dites moi, je vous prie, vous, pourquoi l'avez vous repris? Est-ce par coquetterie, parce que vous ne le trouviez pas assez ressemblant? Est-ce par....? Est-ce pour....? Ma perspicacité se trouve en défaut, et je reduis ma méfiance au silence. Il faut bien cependant pour complaire à votre curiosité et votre malice que je complète mon ancien commérage. D'ailleurs c'est un arrièré que je vous paye. C'est le général Pérovski d'Orenbourg qui agite votre vilaine mer rouge, et son vieux Neptune en est jaloux. Son trident ou son long nez est, à ce qu'on dit, menaçant. J'attends maintenant votre commérage sur ma belle-soeur. Je serai discret et ne le garderai que pour moi. Wielhorski et Tourgeneff qui sont venus me voir ce matin disent que le bal d'hier était fort beau, et votre soeur resplendissante de diamants. Elle avait un soleil sur son front qui ne faisait cependant pas tort à l'éclat de l'Aurore. Demain il doit y avoir un grand bal pour la cour chez les Branicki. Ils inaugurent leur belle maison. Pourquoi n'êtes vous pas restée ici? Tous vos projets, sauf le respect que je vous dois, ont été bien mal combinés. La comtesse Nathalie Strogonoff passera probablement par Moscou, mais pas avant l'été.

Adieu, chère et bonne comtesse. Mon coeur est tout à vous dans ces jours d'affliction comme dans les jours de joie, si joie y a pour moi dans ce monde. Si vous avez quelque question à me faire sur l'histoire de Pouschkin, pour éclairer votre conscience, dissiper vos doutes ou vos préventions, ou désarmer la calomnie, adressez vous à moi. Je m'empresserai de vous dire la vérité. Tous les miens se portent bien. La pauvre Marie a été fort troublée de tout ce qui c'est passé. Mes amitiés à votre mari et mes respectueux hommages à monsieur votre fils. J'attends votre écriture comme un moribond attend l'eau bénite. Pourquoi n'avez vous pas voulu voir mon m-r Coucy?

Переводъ.

16 Февраля 1837 г.

Только сегодня утромъ получилъ я ваше письмо и приложенную къ нему посылку для вашей сестры; сегодня же утромъ я отвезъ ей эту посылку, впрочемъ не заставъ ее дома. За то я видѣлъ Алину; она теперь здорова и сообщила мнѣ, что Демидова послѣднее время всѣ вечера проводила на балахъ. Сегодня она тоже на балу у Барантовъ [1]), гдѣ будетъ Дворъ [2]).

Что за ужасный перерывъ нарушилъ теченіе нашей переписки! До сихъ поръ я не могу прійти въ себя. Вечеромъ 27 числа, въ то самое мгновеніе, когда я брался за перо, чтобы писать къ вамъ и готовъ былъ наболтать вамъ всякихъ пустяковъ, ко мнѣ въ комнату вдругъ вбѣжала моя жена, потрясенная, испуганная, и сказала мнѣ, что Пушкинъ только-что дрался на дуэли. Остальное вы знаете. Изъ моего письма къ Булгакову вы, конечно, ознакомились съ разными подробностями этого плачевнаго происшествія [3]).

Мои насмѣшки надъ красными [4]) принесли несчастье. Какое грустное, какое позорное событіе! Пушкинъ и жена его попали въ гнусную западню, ихъ погубили. Въ этомъ красномъ столько же черноты, сколько и крови; надѣюсь, вы заперли для него двери. Когда-нибудь я разскажу вамъ подробно всю эту мерзость. Я долженъ откровенно высказать вамъ (хотя бы то повело къ разрыву между нами), что въ этомъ происшествіи покрыли себя стыдомъ всѣ тѣ изъ красныхъ, кому вы покровительствуете, все ваше Красное

---

[1]) Говорится про двухъ сестеръ графини Мусиной-Пушкиной: нынѣ здравствующую Аврору Карловну Карамзину, бывшую тогда въ первомъ своемъ бракѣ за Павломъ Николаевичемъ Демидовымъ, и Алину Карловну, впослѣдствіи супругу Испанца Корреа.

[2]) Знаменитый историкъ Барантъ былъ тогда посломъ Людовика-Филиппа въ Петербургѣ. Онъ ходилъ поклониться тѣлу Пушкина и, говорятъ, отзывался, что общенародное чувство, сказавшееся по кончинѣ поэта, походило на то, которымъ одушевлялись Русскіе въ 1812 году. Состоявшій при его посольствѣ виконтъ Даршіакъ, секундантъ Дантеса, черезъ нѣсколько дней послѣ поединка уѣхалъ въ чужіе края, оставивъ князю Вяземскому, по его просьбѣ, письмо о происшедшемъ.

[3]) Письмо князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову отъ 5 Февр. 1837 г., извѣщавшее Москву о кончинѣ поэта, ея уроженца, помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 (II, 243 и слѣд.). Въ дополненіе къ нему, супруга князя, княгиня Вѣра Θеодоровна передавала намъ (въ Гомбургѣ, въ 1875 году), что вечеромъ 26 Января 1837 года, въ отсутствіе князя, пришелъ къ ней на минуту Пушкинъ и сказалъ ей, что будетъ драться съ Дантесомъ. У княгини сидѣли В. А. Перовскій и графъ М. Ю. Вьельгорскій. Втроемъ они долго совѣщались, какъ быть и до глубокой ночи ждали возвращенія домой князя Петра Андреевича, который засидѣлся у Карамзиныхъ и на другое утро всталъ очень поздно. (Привычка Карамзиныхъ не ложиться спать до бѣла-дня не разъ доводила до бѣдъ).

[4]) Дантесъ, конно-гвардеецъ, вѣроятно носилъ красный мундиръ.

море. У нихъ достало безстыдства превратить это событіе въ дѣло партіи, въ дѣло о чести полка. Они оклеветали Пушкина, и его память, и его жену, защищая сторону того, кто всѣмъ своимъ поведеніемъ уже былъ убійцей Пушкина, а теперь и въ дѣйствительности застрѣлилъ его. Я допускаю, что друзья убійцы могутъ считать его менѣе виноватымъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ руководили имъ низкія подпольныя козни его отца; но сердце честнаго человѣка, сердце Русскаго, не можетъ колебаться въ выборѣ: оно цѣликомъ становится на сторону бѣднаго Пушкина и видитъ въ немъ только жертву, увы!—великую и прекрасную.

Я содрагаюсь при одной мысли, что, въ силу предубѣжденія или по упорству, вы можете думать обо всемъ этомъ не такъ, какъ я. Но нѣтъ, нѣтъ! ваше доброе сердце, ваша способность чувствовать живо и тонко, все, что есть въ васъ чистаго, возвышеннаго, женственнаго, разубѣждаетъ меня, обезпечиваетъ мнѣ ваше сочувствіе. Вы должны довѣриться мнѣ; вы не знаете всѣхъ данныхъ, не знаете всѣхъ доводовъ, на которые опирается мое сужденіе; васъ должна убѣдить моя увѣренность, ее вы должны принять. Въ Пушкинѣ я оплакиваю друга, оплакиваю величайшую славу родной словесности, прекраснѣйшій цвѣтокъ въ нашемъ національномъ народномъ вѣнкѣ; однако, будь въ этомъ ужасномъ дѣлѣ не на его сторонѣ право, я въ томъ сознался бы первый. Но во всемъ его поведеніи были одно благородство, великодушіе, высшая вѣжливость. Если бы на другой сторонѣ былъ только порывъ страсти, или хотя бы вопросъ чести, я, продолжая оплакивать Пушкина, не осудилъ бы и его противника; мой *ригоризмъ*, моя строгость въ нравственныхъ вопросахъ не доходятъ до такой степени. Гдѣ грѣхъ, тамъ и милость... Да грѣхъ, но не всякая подлость.

Что́ будете вы теперь дѣлать съ моими письмами? Ничего забавнаго я больше не сумѣю писать вамъ. Достанетъ ли у васъ терпѣнія читать письма, гдѣ рѣчь будетъ идти только обо мнѣ да объ васъ? Нашъ „свѣтъ" мнѣ сталъ ненавистенъ. Не только большинство оказалось не на правой сторонѣ, не на сторонѣ справедливости и несчастія, но нѣкоторыя общественныя вершины сыграли въ этой распрѣ такую пошлую и постыдную роль, было выпущено столько клеветы, было высказано столько позорныхъ нелѣпостей, что еще долгое время я не буду въ состояніи выносить присутствіе иныхъ личностей. Я покидаю свѣтъ, и не меньше чѣмъ скорбь побуждаетъ меня къ этому негодованіе. Видѣться съ удовольствіемъ я могу только съ вашей своячиницей Мари*). Она сочувствуетъ моей скорби, есть у меня съ ней и другія согласныя чувства, такъ что въ ея обществѣ я нахожу отраду и утѣшеніе. И вотъ теперь, когда часть моей семьи гдѣ-то на представленіи, а другая готовится къ балу у Барантовъ, я сижу и пишу письмо къ вамъ, а докančивать вечеръ поѣду къ графинѣ Мари.

*) Графиня Марья Александровна (ур. кн. Урусова), въ то время супруга графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, овдовѣвъ вышедшая за князя А. М. Горчакова (впослѣдствіи канцлера).

А вы, дорогая графиня, что̀ дѣлаете вы въ настоящую минуту? Сегодня Вторникъ—балъ въ собраніи[1]). Но собираетесь ли вы туда? О васъ говорятъ, что вы больны, что вы уѣзжаете, что вы остаетесь. Чему вѣрить? Къ сожалѣнію, мнѣ въ одномъ не приходится сомнѣваться: въ томъ, что вы дурно относитесь ко мнѣ, забываете меня, не обращаете вниманія. Вы знаете, что у меня горе, и не нашли сказать мнѣ ни слова утѣшенія, или дружбы. Если уже былъ случай къ этому, то именно теперь!

Вы просите у меня книгъ. Погодите, дайте мнѣ время собраться съ силами и опять приняться за чтеніе. Мнѣ хочется посылать вамъ сочиненія, которыя я самъ раньше прочелъ, а не первыя попавшіяся подъ руку. Но въ моемъ настроеніи, для моего взора, всѣ книги показались бы блѣдными, мертвыми: такъ властительны, такъ подавляющи были впечатлѣнія жизни. Какая драма, какой романъ, какой вымыселъ сравнится съ тѣмъ, что̀ мы видѣли! Когда авторомъ выступаетъ Провидѣніе, оно выказываетъ такую силу воображенія, передъ которой ничтожны выдумки всѣхъ сочинителей, взятыхъ вмѣстѣ. Нынѣ Оно раскрыло предъ нами кровавыя страницы, которыя останутся памятными навѣки. Проживи я тысячу лѣтъ, мнѣ не уйти отъ впечатлѣній этихъ двухъ дней, считая съ минуты, когда я узналъ объ его дуэли, и до его смерти[2]).

И что за удивительныя совпаденія! 29 Января—день вашего рожденія, день рожденія Жуковскаго и день смерти Пушкина. Сердце мое было разбито скорбію, но я все-таки не забылъ вознести свои мольбы о васъ и безмолвно провозгласить за васъ тостъ, услышанный небомъ и вашимъ ангеломъ-хранителемъ. Я готовилъ вамъ свой портретъ въ красномъ одѣяніи, бальную сцену, гдѣ выступаютъ преимущественно красные; но поставьте надъ этимъ крестъ: въ этомъ цвѣтѣ болѣе нѣтъ ничего забавнаго; всякая шутка по этому поводу будетъ отнынѣ святотатствомъ.

Бѣдная Пушкина сегодня уѣхала. За ней пріѣхали ея братья и провожаютъ ее въ деревню, въ Калужскую губернію[3]). Вамъ, конечно, извѣстно все сдѣланное Императоромъ, чтобы обезпечить благосостояніе семьи. Читали ли вы или, вѣрнѣе, перевелъ ли вамъ Булгаковъ мое письмо, съ разсказомъ о смерти Пушкина? Судьба Геккерна еще неизвѣстна, и приговоръ не произнесенъ. Передаютъ, что онъ веселъ и спокоенъ, какъ еслибъ ничего не произошло; о своей дуэли онъ говоритъ такъ, какъ будто онъ убилъ не свояка своего, не Пушкина! И при какихъ обстоятельствахъ притомъ! Что̀ до его милаго папаши, то онъ изображаетъ изъ себя лавочника, распродаетъ свою

---

[1]) Т. е. въ Москвѣ, въ Благородномъ собраніи.

[2]) Князь и княгиня Вяземскіе до конца долгихъ дней своихъ говорили о Пушкинѣ съ сердечнымъ скорбнымъ одушевленіемъ, чему приходилось пишущему эти строки быть неоднократно свидѣтелемъ. Стихи князя на смерть Пушкина принадлежатъ къ наилучшимъ его произведеніямъ. (См. Полное собраніе сочиненій его, изданіе графа С. Д. Шереметева, IV, 207).

обстановку, и всѣ ходятъ къ нему, какъ въ старый мебельный складъ, продаваемый съ публичнаго торга. Вырываютъ изъ-подъ него стулъ, заявляя, что покупаютъ его [1]). Свое мѣсто посланника въ Петербургѣ онъ покидаетъ: вѣроятнѣе, онъ принужденъ его покинуть. Ахъ, почему не сдѣлалъ онъ этого три мѣсяца тому назадъ [2])!

*

17 Февраля.

Вчера почти до трехъ часовъ утра я просидѣлъ вдвоемъ съ вашей belle-soeur. Казалось, съ нами и вы. Кстати сказать, она меня обвиняетъ, будто бы я похитилъ у нея вашъ портретъ, котораго она не доискалась послѣ вашего отъѣзда. Вы хорошо знаете, что не я его взялъ, и вамъ слѣдуетъ оправдать меня въ ея глазахъ. Но скажите мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ вы-то его взяли? Изъ кокетства, не находя его достаточно похожимъ? Или же изъ . . . .? Или для . . .? Моя прозорливость уличена въ безсиліи, и чтобы не ошибиться, я не говорю ничего. Слѣдуетъ, однако, мнѣ удовлетворить ваше любопытство и вашу злопамятность, досказавъ вамъ одну изъ моихъ старинныхъ сплетенъ; въ сущности я только заплачу́ вамъ просроченный долгъ. И такъ слушайте: ваше противное Красное море баламутитъ Оренбургскій генералъ Перовскій; старый Нептунъ завидуетъ, и его трезубецъ, или, иначе, его длинный носъ, какъ говорятъ, имѣетъ грозный видъ. Теперь вашъ чередъ: посплетничайте мнѣ о моей belle-soeur [3]). Я буду скроменъ и не перескажу никому.

Сегодня утромъ заходили ко мнѣ Віельгорскій и Тургеневъ, и разсказывали мнѣ, что вчерашній балъ былъ прекрасенъ, сестра же ваша такъ и блистала бриліантами. Надъ челомъ у нея было солнце, но оно не могло затмить сіяніе Авроры. Назавтра назначенъ большой балъ у Браницкихъ, гдѣ тоже будетъ Дворъ. Переѣзжая въ свой чудный домъ, они празднуютъ новоселье. Зачѣмъ вы не остались здѣсь! Всѣ ваши замыслы, не во гнѣвъ будь сказано, право, были разсчитаны очень неудачно. Графиня Наталья Строгонова [4]) будетъ, вѣроятно, проѣздомъ въ Москвѣ, но не раньше лѣта.

Прощайте дорогая, милая графиня. Сердце мое принадлежитъ вамъ въ эти дни томленія, какъ и въ дни радостей, если осталась для меня радость

---

[1]) Исполняя завѣтъ умиравшаго мужа (tâche qu'on t'oublie), Н. Н. Пушкина уѣхала сначала на Полотняный Заводъ, потомъ поселилась въ Михайловскомъ (гдѣ навѣстилъ ее князь Вяземскій), возвратилась въ Петербургъ черезъ нѣсколько лѣтъ для обученія четверыхъ своихъ дѣтей и въ 1844 году вышла за конногвардейца П. П. Ланскаго, исполняя другой предсмертный завѣтъ Александра Сергѣевича: puis remarie-toi.

[2]) Геккернъ, Голландскій посланникъ, съ своимъ усыновленникомъ Геккерномъ-Дантесомъ и его супругою Екатериной Николаевной, жилъ на Невскомъ, въ домѣ Влодека, гдѣ нынѣ Пассажъ. Императоръ Николай Павловичъ не далъ ему прощальной аудіенціи, а позднѣе, когда онъ былъ посломъ въ Вѣнѣ, нашъ тамошній посолъ баронъ Медемъ не захотѣлъ съ нимъ видаться.

[3]) Т. е. вѣроятно о жившей въ Москвѣ княжнѣ Надеждѣ Ѳедоровнѣ Четвертинской.

[4]) Урожденная Кочубей, супруга графа Александра Григорьевича Строганова.

въ этомъ мірѣ. Если есть у васъ ко мнѣ вопросы по поводу Пушкинскаго дѣла, которыя могли бы успокоить вашу совѣсть, разсѣять сомнѣнія и предразсужденія, или обезоружить клевету, обращайтесь ко мнѣ. Я беру на себя обязанность говорить вамъ правду.

Мои всѣ здоровы. Бѣдная Мари [1]) была очень потрясена всѣмъ происшедшимъ. Дружескій привѣтъ вашему мужу; засвидѣтельствуйте мое почтеніе и вашему сыну. Жду отъ васъ отвѣта, какъ умирающій воды святой.

Почему не пожелали вы принять моего майора Куси [2])?

*

Въ нынѣшнемъ году П. Фонъ-Кауфманъ издалъ особою книгою Военносудное дѣло о поединкѣ Пушкина (съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ, такъ что вспоминается двухстишіе: „бывало, важный генералъ служилъ и грамотѣ не зналъ"). Дѣло это началось 3 Февраля и продолжалось до 19-го Марта мѣсяца 1837 года. Его вела особая коммиссія военнаго суда при конногвардейскомъ полку. 25-тилѣтній убійца († 4 Ноября н. с. 1895 г. въ Сульцѣ, въ Эльзасѣ, сенаторомъ) показалъ себя Французскимъ дворяниномъ, уроженцемъ Кольморъ-Альзаса, гдѣ за родителями его было недвижимое имѣніе. Онъ учился въ Королевской Сенъ-Сирской школѣ и къ намъ поступилъ на службу 8 Февраля 1834. Въ день брака своего съ Е. Н. Гончаровой онъ причащался св. таинъ въ католической церкви. Пушкинъ съ женою (и вѣроятно съ ея сестрою Александрою) былъ у него на свадьбѣ. Наканунѣ поединка Пушкинъ, на балу у графини М. Г. Разумовской, предлагалъ быть у него секундантомъ состоявшему при Англійскомъ посольствѣ Мегенсу, но тотъ отказался. На судѣ, аудиторъ Масловъ 14 Февраля подалъ голосъ о томъ, чтобы у вдовы Пушкина истребовали объясненій и записокъ, которыя она получала отъ Дантеса, но коммиссія не пожелала „безъ причины оскорбить ее". Любопытно, что во всемъ дѣлѣ Пушкинъ называется не камеръ-юнкеромъ, а камергеромъ. Допрашивали только Дантеса и инженеръ-полковника Данзаса. Секундантъ Дантеса, виконтъ Даршіакъ, какъ принадлежащій къ дипломатамъ, не былъ вызываемъ, а читалось только письмо его о поединкѣ, написанное имъ для князя П. А. Вяземскаго. Въ числѣ бумагъ о поединкѣ, переданныхъ намъ въ 1875 году княземъ Петромъ Андреевичемъ (нынѣ многократно напечатанныхъ) находится слѣдующая записка къ нему Даршіака: „Soyez assez bon, mon prince, pour me donner par écrit des nouvelles. Vous apprécierez le scrupule qui m'empêche d'aller vous en demander en personne. Agréez l'assurance de ma haute considération. D'archiac. Vendredi, matin". (Т. е. будьте добры, князь, извѣстите меня письменно. Вы оцѣните, что̀ препятствуетъ мнѣ быть у васъ, чтобы спросить о томъ лично. Примите увѣреніе въ моемъ высокомъ почтеніи. Даршіакъ. Пятница утромъ). Къ чему именно эта записка относится, не знаемъ. Поединокъ Пушкина можетъ быть предметомъ особой большой книги. П. Б.

---

[1]) Старшая дочь князя, Марья Петровна Валуева.

[2]) Лицо намъ неизвѣстное.

ПУШКИНЪ ВЪ БОЛГРАДѢ *).

(Замѣтка).

„Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной—
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье“.
(Къ Овидію, 1821).

По сохранившемуся преданію, Пушкинъ былъ въ Болградѣ, и его имя «Пушкинъ», было начертано на деревѣ въ нынѣшнемъ общественномъ саду. Къ этому добавляютъ, что Пушкинъ прибылъ сюда изъ Кагула и что именно въ окрестностяхъ Болграда, между этимъ послѣднимъ и Измаиломъ (с. Чишме-Варуитъ?) онъ встрѣтилъ и нѣкоторое время сопровождалъ Цыганскій таборъ.

Преданіе это можно считать вполнѣ вѣроятнымъ.

Пушкинъ могъ проѣзжать черезъ лежащій на пути Болградъ во время своей поѣздки изъ Кишинева въ Измаилъ, во второй половинѣ 1822 года. Былъ ли то нынѣшній Болградъ, который около этого времени основывался, или сосѣднее селеніе Табакъ, переименованное въ Болградъ высочайшимъ указомъ 29 Декабря 1819 г., Болградъ могъ остановить на себѣ нѣкоторое вниманіе Пушкина, какъ главная Болгарская колонія, составлявшая предметъ особенныхъ заботъ попечителя ген. И. Н. Инзова, у котораго тогда жилъ Пушкинъ. Въ Болградѣ не могли не знать Пушкина жившіе тамъ Инзовскіе чиновники, управлявшій колоніями подполк. Малевинскій, Портицкій и другіе. Обычный путь въ Измаилъ долженъ былъ проходить черезъ нынѣшній Болградъ и притомъ, судя по такъ-называемой нижней Измаильской дорогѣ, именно возлѣ нынѣшняго общественнаго сада. На мѣстѣ этого сада, живописно расположеннаго на берегу озера Ялпуха и представляю-

*) „Одесск. Лист.“ 1898 г., № 291; 1899 г. № 64.

щаго какъ бы оазисъ среди «пустыннаго» Буджака, во всякомъ случаѣ находилась роща нынѣ исполинскихъ серебристыхъ тополей, остатокъ нѣкогда обильной растительности, гдѣ, по разсказамъ, охотились, между прочимъ, и Инзовскіе чиновники. «Эти вязы, какъ называетъ серебристые тополи А. Н. Нарбутъ въ своемъ походномъ дневникѣ 1877 г., ихъ цѣлая группа, замѣчательны своими надписями; кора на деревѣ гладкая и свѣтлая, и потому надписи, сдѣланныя уже десятки лѣтъ, видны, но сдѣлались выпуклыми; эти деревья испещрены надписями на разныхъ понятныхъ и непонятныхъ языкахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, т. е. надписи, находятся на высотѣ 10 саженъ. Это доказываетъ, что съ тѣхъ поръ какъ сдѣлана надпись, дерево выросло на 10 саженъ. Такія надписи прочесть невозможно, и можно только видѣть въ бинокль» *). Изъ этихъ-то надписей мѣстное преданіе помнитъ имя Пушкина, скромно умалчивая о происхожденіи надписи того, кто «памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный».

Вторая часть преданія, еслибы не сохранилась, могла бы быть выведена изъ свидѣтельства самого Пушкина. Въ своей поэмѣ «Цыганы» Пушкинъ упоминаетъ про Кагулъ, «Кагульскія воды», озеро и рѣчка Кагулъ. Черты, какими поэтъ-очевидецъ изобразилъ мѣстность своей встрѣчи и сопровожденія Цыгановъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру окрестностей Болграда, расположеннаго почти въ центрѣ этой мѣстности, въ виду Траянова вала, вблизи Кагула, мѣста знаменитаго Кагульскаго боя (подлѣ с. Волконештъ), неподалеку отъ Измаила на Дунаѣ:

Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Русскій указалъ...
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телѣги мирныя Цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.
За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ"...

Можно сказать, что, если не самый замыселъ, то весь колоритъ мѣстности, вся, такъ сказать, обстановка поэмы «Цыгане» (1824 г.) создана на основаніи впечатлѣній, полученныхъ Пушкинымъ во время его поѣздки въ Измаилъ, т. е. въ окрестностяхъ Болграда.

Постояннымъ, хотя и посредствующимъ, напоминаніемъ о Пушкинѣ можетъ служить гробница ген. И. Н. Инзова въ кладбищенской

*) „Р. Архивъ" 1895 г. III, 173.

церкви Св. Митрофанія въ Болградѣ *). Отеческое отношеніе къ поэту со стороны этого почтеннаго дѣятеля, оставившаго по себѣ добрую память и въ мѣстномъ населеніи, неразрывно связало имя Инзова съ именемъ Пушкина въ періодъ его пребыванія въ Бессарабіи. Вотъ одно изъ свидѣтельствъ современника о взаимномъ отношеніи этихъ двухъ людей: «Нерѣдко, разговаривая со мною», пишетъ въ своихъ Запискахъ Ф. Ф. Вигель, вздыхалъ онъ (т. е. Инзовъ) о Пушкинѣ, любезномъ чадѣ своемъ. Судьба свела сихъ людей, между коими великая разница въ лѣтахъ была малѣйшимъ препятствіемъ къ искренней взаимной любви. Сношенія ихъ, однако, сдѣлались сколько странными, столько трогательными и забавными. Съ первой минуты прибывшаго совсѣмъ безъ денегъ молодого человѣка Инзовъ помѣстилъ у себя жительствомъ, поилъ, кормилъ его, оказывалъ ласки, и такъ осталось до самой послѣдней минуты ихъ разлуки. Никто такъ глубоко не умѣлъ чувствовать оказываемыя ему одолженія, какъ Пушкинъ, хотя между прочими пороками, коимъ не былъ онъ причастенъ, накидывалъ онъ на себя и неблагодарность. Его веселый, острый умъ оживилъ, освѣтилъ пустынное уединеніе старца. Съ попечителемъ своимъ, болѣе, чѣмъ съ начальникомъ, сдѣлался онъ смѣлъ и шутливъ, никогда не дерзокъ; а тотъ готовъ былъ все ему простить. Была сорока, забавница цѣломудреннаго Инзова; Пушкинъ нашелъ средство выучить ее многимъ неблагопристойнымъ словамъ, и несчастная тотчасъ осуждена была на заточеніе; но и тутъ старикъ не умѣлъ серіозно разсердиться. Иногда же, когда дитя его раскапризничается, то болѣе для предупрежденія непріятныхъ послѣдствій, чѣмъ для наказанія, сажалъ онъ его подъ арестъ, т. е. нѣсколько дней не выпускалъ его изъ комнаты. Надобно было послушать, съ какимъ нѣжнымъ участіемъ и Пушкинъ отзывался о немъ»... (Р. Архивъ 1892, вып. 12, стр. 151).

Такимъ образомъ, если достовѣрно мѣстное преданіе, Пушкинъ дѣйствительно оставилъ свой слѣдъ «близъ праха славнаго», если и не того, о комъ онъ мечталъ въ своемъ посланіи къ Овидію, то во всякомъ случаѣ болѣе близкаго и ему дорогого праха.

А. П. К.

Болградъ.

---

*) На прекрасномъ мраморномъ памятникѣ вырѣзана надпись: „Здѣсь покоится прахъ раба Божія Іоанна Никитича Инзова, генерала-отъ-инфантеріи, главнаго попечителя и предсѣдателя попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи. Родился 23 Декабря 1777 года, скончался въ Одессѣ 27 Мая 1845 года. Онъ далъ поселенцамъ новую жизнь въ новомъ ихъ отечествѣ. Благодарные Болгарскіе колонисты пожелали перенести въ нѣдра своего поселенія прахъ виновника ихъ благоденствія, для сохраненія имени его въ памяти народной. По высочайшему соизволенію, усердіемъ и иждивеніемъ Болгарскихъ колонистовъ бренные останки генерала И. Н. Инзова перевезены изъ Одессы и преданы землѣ въ церкви во имя Святителя Митрофана, въ колоніи Болградѣ, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 года". Въ примѣчаніи К. В. Д. (т. князя Василія Дмитріевича Дабижы) къ Запискамъ Н. Н. Мурзакевича, сказано, что Инзовъ родился въ 1768 году („Р. Стар". 1887 г. II, 285).

ПУШКИНЪ ВЪ КИШИНЕВѢ.

(Записано со словъ В. П. Горчакова 16 Іюня 1861 г., въ Москвѣ, въ Грузинахъ, въ д. Мошкова. П. Б.)

Командиромъ 16-й пѣхотной дивизіи 6-го корпуса 2-й арміи былъ *М. Ѳ. Орловъ.* У него начальника штаба не было. Штабъ состоялъ изъ адъютанта *Калакуцкаго* и дивизіоннаго квартермистра *В. П. Горчакова.*

Въ половинѣ 1821 г. М. Ѳ. Орловъ пріѣхалъ назадъ въ Кишиневъ съ молодою женою Екатериной Николаевной, ур. Раевской. Пушкинъ необыкновенно уважалъ ее; но съ самимъ Орловымъ онъ не чинился и валялся у него на диванахъ въ бархатныхъ шароварахъ. Орловъ улыбался и разъ сказалъ ему извѣстные стихи:

Мои, твои права равны;
Да мой сапогъ тебѣ не въ пору.

Эка важность сапоги! возразилъ Пушкинъ: у слона еще больше должны быть сапоги. Орловъ говорилъ ему *ты*, Пушкинъ ему *вы*.

Объ этихъ шароварахъ замѣчала и жена Крупянскаго. «Скажите Пушкину, какъ ему не жарко ходить въ бархатѣ». — «Она видно не понимаетъ, вывертывался Пушкинъ, что бархатъ дѣлается изъ шолку, а шолкъ холодитъ».

Екатерина Христофоровна Крупянская, изъ славнаго царскаго рода Комненовъ, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и совсѣмъ обрусѣла. Пушкинъ съ Горчаковымъ любили ходить къ ней, потому что имъ надоѣдали плацинды и каймаки другихъ Кишиневскихъ хлѣбосоловъ, а у Крупянской подавался Русскій хорошій обѣдъ.—Пушкинъ, бывало, нарисуетъ Крупянскую—похожа; расчертитъ ей вокругъ волоса̀,—выдетъ самъ онъ; потомъ на эту же самую голову накинетъ карандашемъ чепчикъ—опять Крупянская.

Пушкинъ и послѣ землетрясенія (за обѣдомъ у М. Ѳ. Орлова попадали бутылки со стола), повредившаго домъ Донича и заставившаго Инзова перебраться въ другое мѣсто, продолжалъ жить въ томъ же нижнемъ этажѣ. Съ нимъ былъ его крѣпостной лакей, очень вѣрный и преданный малый, Никита. Одно какое-то шуточное стихотвореніе начиналось:

Дай Никита мнѣ одѣться,
Въ Метрополіи звонятъ,

т.-е. надо идти къ обѣднѣ.

У Пушкина сберегалось нѣсколько золотыхъ, которые онъ считалъ своею обязанностью не тратить, и лучше занималъ, а не размѣнивалъ этихъ золотыхъ. Книги Пушкинъ бралъ у Орлова, у Пущина и особенно у штабъ-офицера И. П. Липранди, имѣвшаго отличную библіотеку. Пушкинъ много и часто бесѣдовалъ съ нимъ. Отъ него слышалъ онъ разсказъ *Выстрѣлъ.* О Кирджали разсказывалъ Пушкину *М. И. Лексъ,* управлявшій канцеляріею Инзова.

НЕИЗДАННОЕ МѢСТО ИЗЪ ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ А. С. ПУШКИНУ [1]).

1825.

6-го Сентября. Послѣ выговора, вотъ тебѣ благодарность за письмо послѣднее къ Жуковскому, гдѣ ты говоришь объ осенней поѣздкѣ въ Псковъ. На здоровье и съ Богомъ! Карамзинъ очень доволенъ твоими трагическими занятіями и хотѣлъ отыскать для тебя *желѣзный колпакъ*. Онъ говоритъ, что ты долженъ имѣть въ виду въ начертаніи характера Борисова дикую смѣсь набожности и преступныхъ страстей. Онъ безпрестанно перечитывалъ Библію и искалъ въ ней оправданія себѣ. Эта противоположность драматическая! Я совѣтовалъ бы тебѣ прислать планъ трагедіи Жуковскому, для показанія Карамзину, который могъ бы тебѣ полезенъ быть въ историческомъ отношеніи. Житіе Василія Блаженнаго напечатано особо. Да возьми повѣсть дядюшки твоего Василья: развѣ онъ не довольно блаженный для тебя! Карамзинъ говоритъ, что ты въ колпакѣ немного найдешь пищи, то-есть вшей. Всѣ юродивые похожи! Жуковскій увѣряетъ, что и тебѣ надобно выѣхать въ лицахъ юродиваго. Что̀ за юродивые журналы наши! Я послѣ Ревеля кинулся на нихъ, и мнѣ сдѣлалось тошно. Вьельгорскій сдѣлалъ прекрасную музыку на твой: «Рѣжь меня! Жги меня!» [2]). Я ея еще не слыхалъ.

Прости, умница. Глажу тебя по головкѣ и въ лобъ цѣлую.

12-го выѣзжаю. На дняхъ говорилъ я о тебѣ со старою и древнею Голицыной, но доброю, безумною попрежнему, хотя безуміе ея и перемѣнило направленіе [3]).

---

[1]) Бо̀льшая половина этого письма напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 (II т.); этотъ же конецъ отысканъ позднѣе. П. Б.

[2]) Изъ „Цыганъ“, тогда еще не появившихся въ печати. Позднѣе Пушкина забавляло что Московскія Цыганки, которыхъ онъ любилъ посѣщать, вмѣсто „Рѣжь меня“ пѣли: „Ѣшь меня“. П. Б.

[3]) Княгиня Евдокія Ивановна. П. Б.

ПО ПОВОДУ НОВАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Когда перечитываешь произведенія любимаго писателя, невольно возникаетъ желаніе воскресить въ памяти его образъ, какъ человѣка. Многіе, получивъ новое изданіе сочиненій Ѳ. И. Тютчева, возмутся еще разъ за его біографію, написанную И. С. Аксаковымъ (Русск. Арх. 1874 г., отдѣльно—Мск. 1886 г.). Въ томъ отдѣлѣ, который посвященъ очерку жизни Тютчева, это—чисто-художественное произведеніе; читая, словно лично знакомишься съ чуднымъ поэтомъ-мыслителемъ. Но біографія появилась въ печати черезъ годъ послѣ смерти Тютчева. За двадцать пять лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, обнародовано вновь немало дневниковъ, записокъ, писемъ. Не смотря на то, что И. С. Аксаковъ близко стоялъ къ Ѳ. И. Тютчеву, какъ его зять, и могъ получать поэтому такія свѣдѣнія, которыя для другихъ недоступны, разсказъ его требуетъ теперь значительныхъ дополненій. Нѣсколько такихъ дополненій собрано въ настоящей замѣткѣ; полный же сводъ всѣхъ данныхъ для жизнеописанія Тютчева, которыми Аксаковъ не пользовался, составилъ бы большую книгу.

1.

Аксаковъ сообщаетъ очень немногое о годахъ юности Тютчева; къ этому можно теперь присоединить отрывочныя замѣтки о Тютчевѣ въ дневникѣ его университетскаго товарища, М. П. Погодина *). Они сблизились лѣтомъ 1820 г., когда Погодинъ жилъ учителемъ въ домѣ князя Трубецкого, въ подмосковномъ селѣ Знаменскомъ, а Тютчевы проводили лѣто по близости, въ селѣ Троицкомъ. Погодинъ съ первыхъ встрѣчъ былъ пораженъ знаніями своего товарища и блескомъ его мысли. „Тютчевъ прекрасный молодой человѣкъ“, записалъ онъ въ дневникѣ, а немного позже: „Тютчевъ имѣетъ рѣдкія, блестящія дарованія“. Въ тоже время онъ восхищался семействомъ Тютчевыхъ и писалъ: „Смотря на Тютчевыхъ, думалъ о семейственномъ счастіи. Если бы всѣ жили такъ просто, какъ они!“

Въ дневникѣ Погодинъ не сдѣлалъ отдѣльной характеристики своего товарища, но образъ его выступаетъ ярко изъ разсказовъ объ ихъ бесѣдахъ. „Ходилъ въ деревню къ Тютчеву,—пишетъ Погодинъ,—разговаривали съ

*) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. I.

нимъ о Нѣмецкой, Русской, Французской литературѣ, о религіи, о Моисеѣ, о божественности Іисуса Христа, объ авторахъ, писавшихъ объ этомъ, о Виландѣ, Лессингѣ, Шеллингѣ, Аддисонѣ, Паскалѣ, Руссо... Еще разговаривали о бѣдности нашей въ писателяхъ". Въ другомъ мѣстѣ упоминается бесѣда о царѣ Иванѣ IV, по поводу статьи Арцыбашева.

О университетскихъ занятіяхъ Тютчева Погодинъ говоритъ только мелькомъ, но всѣ его отзывы сходны между собой: Тютчевъ и въ тѣ годы избѣгалъ урочной, усидчивой работы. Одинъ разъ Погодинъ разсказываетъ, что Тютчевъ на лекціи Каченовскаго, вмѣсто того, чтобы слушать, строчилъ на него эпиграммы*); другой разъ, что оба они, Погодинъ и Тютчевъ, болтали во время лекціи, и Каченовскій посмотрѣлъ на нихъ „самыми косыми глазами". Въ письмѣ къ ихъ общему товарищу Н. Бычкову Погодинъ писалъ: „Тютчеву, кажется, вышло разрѣшеніе на экзаменъ", изъ чего можно заключить, что разрѣшеніе это получилось не безъ нѣкотораго затрудненія. Наконецъ, Погодинъ упоминаетъ, что это онъ написалъ Тютчеву отвѣты на экзаменъ по исторіи Востока.

По окончаніи университета друзья встрѣчались рѣже; первые полгода Тютчевъ усердно посѣщалъ свѣтское общество, въ началѣ 1822 г. уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ думалъ служить, а весной того же года было рѣшено его переселеніе въ чужіе краи. Передъ отъѣздомъ онъ былъ въ Москвѣ и видѣлся съ Погодинымъ, который записалъ объ этомъ свиданіи: „Онъ спросилъ меня о Московскихъ, я его о Петербургскихъ новостяхъ".

Разставаясь, они дали другъ другу слово писать; этихъ писемъ не сохранилось, но въ дневникѣ есть разсказъ о встрѣчѣ съ Тютчевымъ въ 1825 г., когда онъ пріѣзжалъ въ Россію повидаться съ родными. Встрѣтился съ нимъ Погодинъ въ Знаменскомъ. Тютчевъ привезъ съ собой новинки западной литературы—Гюго и Ламартина. „Говорилъ съ Тютчевымъ,—записалъ Погодинъ,—о иностранной литературѣ, о политикѣ, объ образѣ жизни тамошнемъ. *Мечетъ словами*, хотя и видно, что не слишкомъ много занимался дѣломъ... Онъ пахнетъ дворомъ. Отпустилъ мнѣ много остротъ. Въ Россіи канцелярія и казарма. Все движется около кнута и чина". Послѣднія слова излагаютъ, конечно, смыслъ рѣчей Тютчева. Немного далѣе приведена и одна изъ его остротъ: „Остро сравнивалъ Тютчевъ нашихъ ученыхъ съ дикими, кои бросаются на вещи, выброшенныя къ нимъ кораблекрушеніемъ".

Въ этотъ первый пріѣздъ Тютчевъ пробылъ въ Россіи довольно долго, не менѣе полугода. Въ самомъ концѣ Декабря Погодинъ встрѣтилъ Тютчева въ Петербургѣ. Погодинъ побаивался тогда за альманахъ *Уранія*, который онъ издавалъ и въ которомъ Тютчевъ принималъ участіе; по тогдашнимъ

---

*) „Онѣ у меня цѣлы", писалъ Погодинъ полвѣка спустя (въ 1873 г.). Гдѣ же онѣ теперь?

временамъ нѣкоторыя статьи въ альманахѣ могли быть истолкованы какъ предосудительныя въ политическомъ отношеніи. Тютчевъ „старался ободрить" товарища. Слѣдовательно, во время событія 14 Декабря Тютчевъ былъ въ Россіи, даже, вѣроятно, въ Петербургѣ *).

Бѣглыя отмѣтки Погодинскаго дневника замѣчательны еще въ томъ отношеніи, что рисуютъ Тютчева почти такимъ, какимъ его знали позднѣе. Въ шестнадцатилѣтнемъ сотоварищѣ Погодина уже можно узнать будущаго Тютчева Петербургскихъ гостиныхъ. Тоже богатство дарованій, небрежно расточаемыхъ по сторонамъ, въ бесѣдѣ; жадная любознательность во всѣхъ областяхъ знанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то пренебреженіе къ постоянному труду. Уѣзжая за границу, Тютчевъ уже былъ самимъ собою, и тамъ предстояло только развиться его характеру, только созрѣть его уму; этотъ переѣздъ не произвелъ никакого перелома въ его духовной жизни.

Въ юношескихъ стихахъ Тютчева тоже сказываются уже всѣ особенности его поэзіи. Мало того, эти особенности выступаютъ въ нихъ болѣе рѣзко; въ нихъ есть, по выраженію Фета, „широкіе размахи неопытной руки, еще не знающей краю". Какъ иначе назвать такое изображеніе высшаго восторга:

Какъ бы эѳирною струею
По жиламъ небо протекло,

или такія уподобленія въ описаніи лѣтняго вечера:

Ужъ солнца раскаленный шаръ
Съ главы своей Земля скатила
. . . .
И сладкій трепетъ какъ струя
По жиламъ пробѣжалъ природы,
Какъ бы горячихъ ногъ ея
Коснулись ключевыя воды.

Впослѣдствіи одинъ критикъ (Отеч. Зап. 1854 г.), говоря о подобныхъ стихахъ, сознавался, что его мысль „всего этого не можетъ вмѣстить".

2.

Заграничная пора жизни Тютчева все еще остается самой темной въ его біографіи. Къ свѣдѣніямъ, собраннымъ Аксаковымъ, можно указать только отрывочныя и случайныя дополненія. Зависитъ это, конечно, отъ того, что иностранные источники менѣе извѣстны и менѣе доступны Русскимъ изслѣдователямъ.

Въ 1826 г. Тютчевъ женился на вдовѣ Петерсонъ, урожденной гр. Ботмеръ. Аксаковъ называетъ ее милой, граціозной, умной. О ея семьѣ у насъ есть теперь показанія П. Х. Граббе, который одно время былъ близокъ съ

*) Изъ участниковъ 14 Декабря одинъ носилъ фамилію Тютчева (Алексѣй Ив.).

Ботмерами и въ своихъ Запискахъ [1]) называетъ Тютчеву уменьшительнымъ именемъ Нелли. По его словамъ, „въ этой семьѣ писатель романовъ нашелъ бы очень много занимательнаго". Особенности Ботмеровъ состояли въ постоянной жаждѣ приключеній, въ безпокойномъ стремленіи къ перемѣнѣ мѣстъ, въ какой-то неустойчивости всего душевнаго склада. Такъ братья Тютчевой испытали самую разнообразную судьбу: въ то время, какъ одинъ изъ нихъ, Максъ, былъ адъютантомъ Баварскаго короля, другой, Ипполитъ, послѣ разныхъ видныхъ положеній, сдѣлался авантюристомъ, пройдохой и, наконецъ, уѣхалъ пытать счастья въ Индію; третій, Феликсъ, безо всякой видимой причины, пожелалъ служить на военной службѣ въ Россіи. Сынъ Тютчевой отъ ея перваго брака съ Петерсономъ кончилъ помѣшательствомъ. Сама Тютчева, по крайней мѣрѣ, въ жизни не избѣгла роковой судьбы своей семьи: и ей пришлось уѣхать далеко отъ родины, ѣздить въ Петербургъ, а причиной ея смерти послужило трагическое событіе: она съ дѣтьми едва не погибла въ морѣ.

Другое упоминаніе о первой женѣ Тютчева есть въ письмѣ Гейне, недавно только обнародованномъ [2]). „Знакомы ли вы съ дочерьми гр. Ботмера,—пишетъ Гейне изъ Мюнхена 9 Апр. 1828 г.,—у котораго вамъ не разъ случалось бывать? Одна изъ нихъ, уже не первой молодости, но неизмѣнно прелестная, негласно повѣнчана (heimlich vermählt) съ лучшимъ изъ моихъ здѣшнихъ друзей, съ юнымъ Русскимъ дипломатомъ Тютчевымъ. Она и ея очень молоденькая очаровательная сестра—вотъ двѣ женщины, съ которыми я прекраснѣйшимъ и удобнѣйшимъ образомъ провожу время (den komfortabelsten und hübschesten Umgang habe); онѣ, я и другъ мой Тютчевъ мы зачастую завтракаемъ вчетверомъ, partie carrée, а вечеромъ, когда собирается еще нѣсколько прелестныхъ дамъ, я отъ всего сердца болтаю вздоръ, выдумывая разные разсказы о привидѣніяхъ. Все-таки я нашелъ въ пустынѣ жизни прекрасный оазисъ".

Важно было бы опредѣлить кругъ Мюнхенскихъ друзей и знакомыхъ Тютчева, но пока это еще невозможно. Аксаковъ говоритъ, что скромная гостиная Тютчевыхъ была сборнымъ мѣстомъ всѣхъ даровитыхъ и замѣчательныхъ людей въ городѣ. Особенно друженъ былъ Тютчевъ съ Гейне: въ собраніяхъ писемъ Гейне есть одно обращенное лично къ Тютчеву [3]); въ 1830 г. Тютчевъ съ женой посѣтилъ Гейне въ городкѣ Вансбекѣ, по пути въ Петербургъ. И среди лицъ, обычно окружавшихъ Тютчева, было нѣсколько причастныхъ писательской дѣятельности. Такъ, два брата бар. Мальтицы, изъ которыхъ одинъ былъ женатъ тоже на Ботмеръ, сестрѣ Тютчевой, писали Нѣмецкіе стихи и въ свое время пользовались нѣкоторой извѣстностью. Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ Тютчевъ съ радостной грустью сообщаетъ, что онъ вновь встрѣтился съ Мальтицемъ, „вновь обрѣлъ эту душу,

---

[1]) Онѣ печатались въ Русск. Арх. 1889 г.

[2]) G. Karpeles. H. Heine. Leipz. 1899.

[3]) Оно было уже переведено на Русскій языкъ въ Русск. Арх. 1875 г.

этотъ характеръ, столь воспріимчивый, столь цѣльный, столь развитой умственно, вращающійся безъ утомленія все въ томъ же кругѣ впечатлѣній, тѣхъ же идей, книгъ и привычекъ". Фонъ-Шенкъ, Баварскій министръ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ Тютчеву нерѣдко приходилось имѣть дѣло по службѣ, самъ былъ поэтомъ, по признанію Гейне. Одно время служилъ въ Мюнхенѣ, гдѣ его дядя былъ нашимъ посланникомъ, кн. И. С. Гагаринъ, оцѣнившій поэтическое дарованіе Тютчева, заинтересовавшійся тайнами его души. „Какъ часто и какъ тщательно разбирали мы ее вдвоемъ", вспоминалъ позднѣе Гагаринъ. Наконецъ, есть извѣстіе, что Тютчевъ не разъ спорилъ съ Шеллингомъ и лично зналъ Гёте.

Аксаковъ справедливо дивится, что, при чужеязычной двадцати-двухлѣтней обстановкѣ, Тютчевъ сохранилъ такую власть надъ роднымъ языкомъ, а въ душѣ далъ разгорѣться такому широкому, упорному пламени чисто-русскихъ чувствованій и воззрѣній. Но не должно и преувеличивать разобщенности Тютчева съ родиной. Въ Мюнхенъ не такъ рѣдко заѣзжали Русскіе: въ началѣ 30-хъ годовъ тамъ жили братья Кирѣевскіе; съ 33-го два года провелъ кн. Гагаринъ; позднѣе пріѣзжалъ В. П. Титовъ: въ 40-мъ году жилъ близъ Мюнхена Шевыревъ; со всѣми съ ними Тютчевъ видался: въ 41-мъ году видѣлся еще съ Жуковскимъ. Въ Россію Тютчевъ ѣздилъ четыре раза, и всѣ эти раза встрѣчался съ Московскими и Петербургскими друзьями: сохранилась, напр., записочка А. П. Елагиной, приглашающая Погодина въ одно изъ этихъ посѣщеній повидаться съ прежнимъ товарищемъ. Замѣчательно, что всѣ стихи Тютчева о событіяхъ Русской жизни пріурочены именно къ этимъ его пріѣздамъ на родину: онъ былъ въ Россіи въ 25-мъ, 30-мъ и 37-мъ году; этому соотвѣтствуютъ стихи: Декабристамъ, На взятіе Варшавы и На смерть Пушкина.

Еще болѣе тѣсную связь съ родиной должно было составлять для Тютчева общеніе съ Русской словесностью. Тютчевъ читалъ очень много и внимательно слѣдилъ именно за Русскими писателями. Когда въ 1836 году кн. Гагаринъ просилъ у него стиховъ для печати, Тютчевъ въ отвѣтномъ письмѣ указывалъ, что въ Россіи того времени почти каждое полугодіе появляются очень замѣчательныя сочиненія, между прочимъ называлъ имя Павлова. Какъ понималъ Тютчевъ Пушкина, достаточно показываютъ его стихи на 29 Янв. 1837 г.: въ томъ же письмѣ къ Гагарину, говоря о Пушкинѣ, Тютчевъ ставитъ его выше всѣхъ современныхъ Французскихъ поэтовъ, за полное отсутствіе риторики. Интересовался Тютчевъ за границей и старой Русскою словесностью, духовной и свѣтской, лѣтописями, пѣснями, былинами *).

Собственное творчество Тютчева было мало извѣстно въ Россіи; но врядъ ли въ этомъ надо видѣть, вслѣдъ за Аксаковымъ, особо пренебрежительное отношеніе поэта къ своимъ твореніямъ. Тютчевъ вовсе не забрасывалъ своихъ стиховъ; онъ всю жизнь работалъ надъ ними, передѣлывалъ

*) См. Записки Варнгагена ф.-Энзе. Русскій Арх. 1875 г.

ихъ; стихи, раньше напечатанные въ журналахъ, появились въ изд. 54-го года совершенно измѣненными: тоже самое происходило и позднѣе; даже стихотворенія, напечатанныя въ 1872 году, еще подвергались передѣлкамъ. Нѣтъ причинъ и думать, чтобы Тютчевъ избѣгалъ печатанія своихъ стиховъ; ему только нестерпимо было хлопотать объ этомъ; когда же его просили о сотрудничествѣ, онъ охотно отдавалъ свои произведенія. Такъ онъ печаталъ стихи въ изданіяхъ Раича, своего бывшаго воспитателя, хотя и считалъ ихъ достаточно плохими (passablement niais); затѣмъ онъ участвовалъ въ альманахѣ Погодина и въ „Денницѣ", которую издавалъ пріятель Погодина, М. А. Максимовичъ. Вообще съ 1826 года стихи его, безъ единаго перерыва, каждый годъ появлялись то въ томъ, то въ другомъ изданіи. До 1836 г. появилось въ печати болѣе *тридцати* Тютчевскихъ стихотвореній (нѣкоторыя по два раза), т.-е. почти столько же, сколько потомъ было помѣщено въ Пушкинскомъ Современникѣ 1836—40 годовъ. Среди нихъ были замѣчательнѣйшія созданія Тютчева, лучшіе перлы его поэзіи, но въ Россіи они проходили незамѣченными. Въ Германіи же большинство знакомыхъ Тютчева, вѣроятно, и не знало, что онъ поэтъ. Біографы Гейне до сихъ поръ называютъ Тютчева только дипломатомъ, который интересовался литературой *).

Конечно, Тютчевъ не могъ совершенно избѣжать вліянія Нѣмецкой словесности, среди которой онъ жилъ и произведенія которой переводилъ съ рѣдкимъ мастерствомъ. Вліяніе это еще мало выяснено. Иногда стихи, считавшіеся чисто-Тютчевскими, оказывались заимствованными. Такъ извѣстное стихотвореніе „*О не кладите меня...*" въ новомъ изданіи отнесено въ отдѣлъ переводныхъ; и дѣйствительно все внѣшнее содержаніе его взято изъ стихотворенія Уланда „Frühlingsruhe". Но по тонкости отдѣлки переводомъ кажутся не стихи Тютчева, а Нѣмецкій подлинникъ. Замѣчательный образъ Тютчева:

Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

— взятъ изъ Гёте

Wo Finsterniss aus dem Gesträusche
Mit hundert schwarzen Augen sah.

Позднѣйшіе стихи „*Когда что̀ звали мы своимъ*" несомнѣнно пересказываютъ послѣднее стихотвореніе Ленау „Blick in den Strom". Наконецъ, иногда чувствуется общность образовъ у Тютчева и въ стихахъ Эйхендорфа. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ Тютчевъ не только пересказываетъ, но и пересоздаетъ; болѣе чѣмъ кто либо другой онъ умѣлъ оставаться самимъ собой и подражая.

*) Стихотворенія Тютчева были переведены на Нѣмецкій языкъ еще въ 1861 г. нѣкіимъ г. Ноэ, незначительнымъ журналистомъ и туристомъ, писавшимъ преимущественно разсказы и этнографическія статьи.

3.

Въ 1839 г. Тютчевъ женился вторымъ бракомъ на баронессѣ Дёрнгеймъ, урожденной баронессѣ Пфеффель. Въ томъ же году послѣ извѣстнаго происшествія съ запертыми дверями посольства, Тютчевъ долженъ былъ удалиться со службы. Но года черезъ три, при содѣйствіи гр. Бенкендорфа и по ходатайству великой княгини Маріи Николаевны, онъ былъ возстановленъ во всѣхъ почетныхъ званіяхъ и получилъ назначеніе въ Петербургъ. Съ 1843 г. начинается вторая половина жизни Тютчева, а прошлое все болѣе и болѣе становится для него „отнятымъ членомъ, о которомъ сомнѣваешься, былъ ли онъ когда либо моимъ".

Тютчевъ пріѣхалъ въ Россію уже совершенно сложившимся человѣкомъ; въ частности уяснилъ онъ себѣ и свои политическія воззрѣнія, которыя выработалъ совершенно самостоятельно, независимо отъ Московскихъ кружковъ. „Я словно слышу слова Тютчева", воскликнулъ Гагаринъ еще въ началѣ 40-хъ годовъ, слушая Хомякова. Въ 41 году Тютчевъ написалъ посланіе къ Ганкѣ: „*Вѣковать ли намъ въ разлукѣ...*" Проѣзжая въ 34 году черезъ Берлинъ и посѣтивъ Варнгагена ф. Энзэ [1]), онъ дивилъ его своими взглядами на историческое значеніе Славянъ. „Съ поразительнымъ знаніемъ дѣла—пишетъ ф. Энзэ—разсказывалъ онъ (Тютчевъ) объ особенностяхъ Русскихъ людей и вообще Славянъ; онъ высказывалъ возвышенный историческій взглядъ на старинное несогласіе и борьбу между церквами, Латинской и Греческой, о нарѣчіяхъ, нравахъ и формахъ правленія".

Къ пріѣзду Тютчева въ Петербургъ споры Западниковъ и Славянофиловъ дошли до разгара, и Тютчеву, конечно, пришлось donner là dedans, влѣпиться во все это. Одно за другимъ стали появляться его политическія стихотворенія; за три года, съ 48 по 50, имъ написаны: *Море и Утесъ*, *Русская географія*, *Разсвѣтъ*, *Не гулъ молвы*, *Тогда лишь въ полномъ торжествѣ*. *Ужъ третій годъ*, *Нѣтъ, карликъ мой...* Вмѣстѣ съ политическими стихами, появились и политическія статьи.

Первая изъ нихъ, написанная еще въ Мюнхенѣ и напечатанная въ Аугсбургской газетѣ, прошла незамѣченной въ Россіи. Напротивъ, вторая, извѣстная подъ названіемъ *Россія и Германія*, произвела большое впечатлѣніе. Она была написана въ Апрѣлѣ 48 года, когда начиналось бѣснованіе языковъ. По выраженію кн. Вяземскаго, Тютчевъ въ то время „кипѣлъ и витійствовалъ". „Какъ пошла эта перепалка событій одно другого неожиданнѣе,—писалъ Вяземскій [2]), я право боленъ былъ за него, что онъ изне-

---

[1]) См. выше.
[2]) Рус. Старина 1896 г. № 1.

можетъ подъ тяжестью впечатлѣній и потрясающихъ ударовъ". Задолго до появленія въ печати статья Тютчева возбудила толки. Въ Іюлѣ 48 г. Шевыревъ уже писалъ Погодину: „У Чаадаева есть меморія, Тютчевымъ написанная и читанная Государемъ, который желалъ, чтобы она была отпечатана. Въ ней просто объявленіе войны Нѣмцамъ за Словенъ... Достань. Это весьма важно" [1]).

Еще въ концѣ Мая эта „меморія" была послана за границу. Кн. Вяземскій по просьбѣ г-жи Тютчевой отослалъ рукопись въ Мюнхенъ Д. Н. Северину, чтобы передать ее бар. Пфффелю. „Тутъ записка Тютчева о нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ, писалъ при этомъ Вяземскій. Прочти ее. Государь былъ, сказываютъ, очень ею недоволенъ. Жаль, что нельзя ее напечатать. А почему нельзя, право не знаю". Статья была напечатана въ Парижѣ отдѣльной книжкой, а въ первомъ Іюньскомъ № Revue des Deux Mondes появилось ея изложеніе и разборъ.

Третья статья Тютчева „Римскій вопросъ и папство", напечатанная въ Revue des deux Mondes 1850 г., тоже возбудила въ свое время общее любопытство. Ею опять былъ очень затронутъ Чаадаевъ, собиравшійся даже писать возраженіе [2]). Особенно по душѣ пришлась она Хомякову; ему, какъ извѣстно, она послужила поводомъ для нѣсколькихъ статей по тому же вопросу.

Вмѣстѣ съ успѣхами политическаго писателя Тютчеву суждено было испытать и успѣхи, какъ поэту. Съ самаго переѣзда въ Петербургъ Тютчевъ сталъ сближаться съ Русскими писательскими кругами. Съ кн. Вяземскимъ сошелся онъ еще въ 43 г. Въ 44—45 годахъ бывалъ онъ на литературныхъ собраніяхъ у В. А. Сологуба. Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ Тютчевъ бывалъ на Сушковскихъ литературныхъ вечерахъ, душой которыхъ называли его дочь Екатерину Ѳедоровну. Довольно часто посѣщалъ онъ съ 40-хъ годовъ и гостиную сестеръ Смирновыхъ. Позднѣе же Тютчеву приходилось встрѣчаться со всѣми сколько нибудь выдающимися дѣятелями писательскаго міра.

Печатаніе стиховъ Тютчева съ 40 года пріостановилось, послѣ того какъ къ цѣлому ряду его произведеній, собранныхъ въ журналѣ Пушкина, печать и читатели отнеслись съ равнодушной холодностью. Но въ 1850 г. въ преобразованномъ Современникѣ появилась статья Некрасова [3]), восторженно разбиравшая эти самыя „стихотворенія, присланныя изъ Германіи". Нѣкоторыя стороны дарованія Тютчева оцѣнены въ статьѣ чрезвычайно вѣрно. „Уловить именно тѣ черты,—говорится тамъ между прочимъ,—по ко-

---

[1]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Томъ IX гл. 31.

[2]) См. письмо А. И. Кошелева къ А. Н. Попову. Русс. Арх. 1886 г. т. I. О встрѣчахъ Чаадаева и Тютчева см. еще Русс. Арх. 1875 г., статья о А. И. Тургеневѣ.

[3]) Русскіе второстепенные поэты. Статьи о Тютчевѣ, Фетѣ и Огаревѣ.

торымъ въ воображеніи читателя можетъ возникнуть и нарисоваться сама собой данная картина,—дѣло величайшей трудности. Г. Ѳ. Т. въ совершенствѣ владѣетъ этимъ искусствомъ... Его стихотворенія очень коротки, а между тѣмъ ни къ одному изъ нихъ рѣшительно нечего прибавить. Каждое слово мѣтко, полновѣсно"...

Аксаковъ ошибается, говоря, что и послѣ этой статьи стихи Тютчева еще четыре года не появлялись въ печати, и что вообще съ 40 по 54 г. Тютчевымъ напечатано лишь одно стихотвореніе, да и то переводное. Въ дѣйствительности, за это время онъ напечаталъ 18 стихотвореній: 10 въ Москвитянинѣ 1850—51 г. и 8 въ Раутѣ 1851—54 г. Въ Раутѣ 1852 г. сдѣлано было даже такое примѣчаніе „Въ нынѣшнемъ году будетъ напечатано полное собраніе стихотвореній Тютчева". Но изданіе это, какъ и предполагавшееся въ 1836 г., не состоялось. Когда наконецъ собраніе стиховъ Тютчева было сдѣлано въ Современникѣ 1854 г., а затѣмъ вышло отдѣльной книгой, его встрѣтили съ единодушнымъ восторгомъ. „Наконецъ, послѣ долгаго молчанія въ литературѣ нашей снова послышались поэтическіе звуки и чувствуется вдохновенное присутствіе Музы"; писали тогда Отеч. Записки. А въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, разбирая произведенія Фета, этотъ журналъ не нашелъ большей похвалы, какъ указать у него „стихи, которые могли бы встрѣтиться развѣ у г. Тютчева".

Впрочемъ, когда въ 1857 г. Тютчева предложили кандидатомъ въ Академію Наукъ, онъ не былъ избранъ.

4.

Послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни [1]) Тютчевъ состоялъ на службѣ при цензурѣ. По словамъ Аксакова, „просвѣщенное, разумно либеральное предсѣдательство его въ комитетѣ иностранной цензуры памятно всѣмъ, кому было дорого живое общеніе съ Европейской литературой". Тютчевъ и его товарищи, стоя на часахъ у мысли,

Не арестантскій, а почетный
Держали караулъ при ней.

Въ Запискахъ сослуживца Тютчева А. Н. Никитенки [2]) не разъ и подробно разсказывается о попыткахъ Тютчева ослабить цензурный гнетъ своего времени. Такъ еще въ 58 г. онъ возражалъ противъ предполагавшагося введенія двойной цензуры, наблюдательной и послѣдовательной. Позднѣе въ 65 г. онъ въ откровенномъ разговорѣ съ министромъ (Валуевымъ) оспаривалъ всю систему, господствовавшую въ цензурѣ. Но особенно любопытна запись 23 Ноября 1866 г. „Тютчевъ въ засѣданіи совѣта по дѣламъ печати,—

[1]) За эти годы сохранился безпрерывный рядъ писемъ Тютчева къ его супругѣ; они печатались въ „Русс. Архивѣ„ за прошлый годъ.

[2]) А. Н. Никитенко. Дневникъ. Томъ 2-ой и 3-й.

пишетъ Никитенко,—справедливо замѣтилъ, что литература существуетъ не для гимназистовъ и школьниковъ и что нельзя же ей давать дѣтское направленіе. Тогда пришлось бы ограничиться одними букварями и учебниками". Читая эту замѣтку, невольно вспоминаешь слова Аксакова, сказанныя по поводу статьи Тютчева о цензурѣ: „трудно защититься отъ чувства соболѣзнованія къ положенію просвѣщеннаго, высокаго ума, вынужденнаго принизиться до уровня почти дѣтски-наивнаго разумѣнія".

Другой сослуживецъ Тютчева, А. Н. Майковъ вспоминаетъ за это время Тютчева съ другой стороны [1]): „Когда онъ былъ нашимъ начальникомъ, его очень всѣ мы любили. Его бесѣда была такъ всегда жива, интересна, проста. По Средамъ въ дни засѣданій мы были всегда бывало особенно какъ-то оживлены и въ духѣ. Тютчевъ всегда что нибудь интересное разскажетъ по поводу какой нибудь новой иностранной книги, припомнитъ историческій случай, анекдотъ, событіе изъ дипломатической жизни, что нибудь изъ запаса своихъ впечатлѣній".

Въ обществѣ Тютчева знали болѣе какъ свѣтскаго человѣка, чѣмъ какъ начальника цензурнаго комитета. Сохранилось очень живое изображеніе Тютчева на свѣтскомъ собраніи [2]). „Низенькій, худенькій старичекъ съ длинными отставшими отъ висковъ посѣдѣлыми волосами, которые никогда не приглаживались, одѣтый небрежно, ни съ одной пуговицей, застегнутой какъ надо, вотъ онъ входитъ въ ярко освѣщенную залу. Музыка гремитъ, балъ кружится въ полномъ разгарѣ... Старичекъ пробирается нетвердою поступью вдоль стѣны, держа шляпу, которая сейчасъ, кажется, упадетъ изъ его рукъ. Изъ угла прищуренными глазами окидываетъ все собраніе... Къ нему подходитъ кто-то и заводитъ разговоръ... слово за слово его что-то задѣло, онъ оживляется, и потекла потокомъ рѣчь увлекательная, блистательная, настоящая импровизація... ее надо бы записать... Вотъ онъ роняетъ, самъ того не примѣчая, нѣсколько выраженій, запечатлѣнныхъ особой силой ума, нѣсколько остротъ, которыя тутъ же подслушиваются сосѣдями и передаются шопотомъ по всѣмъ гостинымъ".

Эти увлекательныя рѣчи Тютчева отчасти сохранились для насъ въ его письмахъ. Что касается до его остротъ, то „Тютчевіана", о которой мечталъ князь Вяземскій, такъ и не была составлена. Великое большинство этихъ *mots* забылось, погибло, хотя по уцѣлѣвшимъ еще можно судить о ихъ глубинѣ и силѣ [3]). Что, напримѣръ, можетъ быть вѣрнѣе, какъ назвать Австрію „Ахилломъ, у котораго повсюду пятка"? Событія послѣднихъ лѣтъ доказали также, какъ вѣрно примѣнялъ Тютчевъ къ Франціи стихъ Гёте о двухъ ду-

---

[1]) Историч. Вѣстн. 1897 г.

[2]) Моск. Вѣд. 1873 г. № 190. Статья М. Погодина.

[3]) Немало остротъ Тютчева было приведено въ „Русс. Арх.". См. 1876 г. III. 155; 1890 г. III. 111; 1892 г. I. 90; 1897 г. I. 54 и др.

шахъ, живущихъ въ одной груди. Столь же мѣтки опредѣленія, которыя давалъ Тютчевъ людямъ: кн. Горчакова называлъ онъ Нарциссомъ чернильницы (le Narcisse de l'écritoire); объ одномъ высоко стоящемъ лицѣ онъ сказалъ: „наружность у него какъ у великаго человѣка“ (c'est une façade de grand homme).

Съ годами, по разсказу Аксакова, жизнь Тютчева становилась все болѣе и болѣе дѣятельной; кругъ знакомства его расширялся. Въ немъ не замѣчалось утомленія жизнью. Графъ Шереметевъ разсказываетъ *), что еще зимой 68—9 года Тютчевъ у нихъ въ домѣ живо и долго спорилъ съ кн. Вяземскимъ; „споръ доходилъ до крика“, — говоритъ разказчикъ. Важныя событія 70 — 71 годовъ еще разъ увлекли мысль Тютчева въ область широкихъ историческихъ соображеній, и его письма того времени исполнены юношеской силы.

Но уже 1 Января 1873 г. его постигъ ударъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ скончался. Дни его послѣдняго недуга съ поразительной яркостью описаны Аксаковымъ. Второй разсказъ о нихъ сохранился въ дневникѣ Никитенка, навѣщавшемъ сотоварища во дни его болѣзни. Эти посѣщенія были большой отрадой для Тютчева; онъ посвятилъ имъ одно изъ предсмертныхъ стихотвореній, называя того счастливымъ, кому во дни

Лютѣйшаго тѣлеснаго недуга
И страшныхъ нравственныхъ тревогъ...
Пошлетъ всемилосердый Богъ
... Сочувственную душу друга.

Вотъ какъ разсказываетъ Никитенко о своемъ первомъ посѣщеніи Тютчева: „Ѣздилъ въ Царское Село навѣстить бѣднаго больного Тютчева. Положеніе его самое плачевное. Половиною тѣла онъ совсѣмъ не владѣетъ, но голова свѣжа, и умственныя отправленія всѣ какъ слѣдуетъ. Въ произношеніи онъ немного и едва замѣтно затрудняется... Онъ чрезвычайно былъ радъ моему посѣщенію. Поговорили о литературѣ, о Франціи, о Тьерѣ“.

Послѣ этого Никитенко былъ у Тютчева еще пять разъ, иногда видалъ его, иногда нѣтъ, такъ какъ болѣзнь часто усиливалась. „Бѣдный Тютчевъ, записалъ однажды Никитенко,—онъ страдаетъ еще болѣе нравственно, чѣмъ физически“. Наконецъ, 16-го Іюля Никитенко прочелъ въ газетахъ, что накануне Тютчевъ скончался.

5.

Новое изданіе сочиненій Тютчева поставило себѣ задачей дать полное собраніе его стиховъ. Полнота собранія, повидимому, достигнута; конечно могутъ еще найтись затерянные стихи Тютчева, но надо думать, что ихъ осталось немного. 10 стихотвореній новое изданіе отыскало въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, 23—напечатало впервыя по рукописямъ. Гораздо

*) „Русс. Арх.“ 1891 г. т. I.

меньше сдѣлано для установленія вѣрнаго чтенія стиховъ Тютчева; можно сказать, что новое изданіе внесло въ этомъ отношеніи новую смуту.

Издатели не попытались собрать разночтеній, и каждое произведеніе печатали только въ единственной обработкѣ. Въ выборѣ же чтенія они не держались никакого опредѣленнаго правила, т.-е. иногда печатали стихи въ исправленномъ видѣ (напр. *Silentium*, *Сонъ на морѣ*, *Олеговъ щитъ*, *Съ чужой стороны)*, а иногда, и притомъ чаще, въ первоначальной обработкѣ, какъ стихи были напечатаны въ журналахъ, хотя впослѣдствіи они и были передѣланы Тютчевымъ. Между тѣмъ во всѣхъ предыдущихъ собраніяхъ за основное чтеніе принималось всегда позднѣйшее чтеніе изданій. Поэтому цѣлый рядъ общеизвѣстныхъ стихотвореній появился въ новомъ изданіи въ совершенно необычномъ видѣ. Эти измѣненія особенно чувствительны въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ: *Могила Наполеона*, *Снѣжныя Горы*, *Въ душномъ воздухѣ молчанье*, *Когда что звали мы своимъ*, *Не двинулась ночная тѣнь* (по новому изд.—*На небѣ мѣсяцъ*...), *Вновь твои я вижу очи*, *Поминки* *).

Въ указанныхъ случаяхъ по крайней мѣрѣ ясно, откуда взялось необычное чтеніе: это—первоначальная обработка, позднѣе отвергнутая поэтомъ. Но въ новомъ изданіи есть немало стиховъ, происхожденіе которыхъ вовсе неизвѣстно. Всѣ знаютъ изъ школьныхъ хрестоматій стихотвореніе „*Не остывшая отъ зною*“; но извѣстная теперь обработка появилась только въ изд. 54 г., а въ „Раутѣ“ 1852 г. подъ заглавіемъ *Ночь въ дорогѣ* оно было напечатано такъ:

Не остывшая отъ зною
Ночь Іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо полное грозою
Все въ зарницахъ трепетало

* * *

Неба сонныя рѣсницы
Раскрывалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею.

Въ изд. 54 г. былъ измѣненъ ст. 5 (*Отъ зарницъ все трепетало*) и ст. 6—7.

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою.

---

*) По первоначальному чтенію („Раутъ“ 1852 г) напечатана и *Пѣсня Миньоны*, но два стиха 3—4 вставлены изъ послѣдней обработки; первоначально они читались:

И цѣлый день въ зеленыхъ листьяхъ скрытъ
Цвѣтетъ лимонъ и апельсинъ горитъ.

Замѣчу кстати, что и стихотв. *И ты стоялъ, передъ тобой Россія* извѣстно въ позднѣйшей, исправленной обработкѣ (см. Аксаковъ, Біографія, стр. 222). Но это уже тонкости, которыхъ можно и не требовать отъ новаго изданія.

Въ новомъ изданіи стихотвореніе напечатано безъ заглавія, первые пять стиховъ взяты изъ Раута, шестой стихъ изъ изд. 54 г., а седьмой стихъ неизвѣстнаго происхожденія:

Подымались надъ землею.

Еще рѣзче измѣненія въ стихотв. *„Я зналъ ее еще тогда“*... Оно впервые появилось въ изд. 68 г.; и тамъ, и во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ послѣдніе стихи читались:

. . . мнится, и она зашла,
А не погибла,—какъ звѣзда.

Смыслъ ихъ вполнѣ ясенъ. Поэтъ говоритъ о той, кому стихи написаны, что ему не вѣрится въ ея смерть, она не умерла, не погибла для міра совсѣмъ, а зашла, какъ заходятъ утромъ звѣзды, чтобы вечеромъ взойти вновь. Новое изданіе печатаетъ:

. . . мнится, и она ушла
И скрылась въ небѣ, какъ звѣзда.

Это просто непонятно, потому что звѣзды никогда и никуда не уходятъ (или здѣсь должно разумѣть комету?) Въ томъ же стихотв. въ ст. 9 вмѣсто *„Какъ бы“* поставлено *„Когда“*, а въ ст. 10 вмѣсто *„роса ложилась“* поставлено *„ложится“*.

Изъ числа предсмертныхъ стихотвореній Тютчева одно приведено у Аксакова: оно начинается такъ:

На раннихъ дней моихъ зарѣ,
Въ Кремлѣ, рано утромъ, въ Чудовомъ монастырѣ.

„Стихъ уже слабо повиновался больному поэту,—пишетъ Аксаковъ,—измѣняла то риѳма, то размѣръ“, Но въ новомъ изданіи это изданіе вправлено въ безукоризненный размѣръ: первые стихи передѣланы такъ:

На раннихъ дней моихъ зарѣ,
То было рано, по утру, въ Кремлѣ,
То было въ Чудовомъ монастырѣ.

а въ дальнѣйшемъ пропущенъ цѣлый стихъ о весеннемъ днѣ, вѣявшемъ

Свѣтло, хоругвью голубой.

Стихотв. *Осенній вечеръ* (*Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ*) было впервыя напечатано въ Современникѣ 1840 г.; и тамъ и во всѣхъ слѣдующихъ изданіяхъ ст. 7, читался:

И какъ предчувствіе сходящихъ бурь.

Въ новомъ изданіи вмѣсто того неуклюжій стихъ:

И какъ предвѣстье близящихся бурь.

Въ очень извѣстномъ стихотв. „*Пошли, Господь, свою отраду*“ ст. 4 и въ изд. 54 г., гдѣ стихи эти были напечатаны впервыя, и во всѣхъ другихъ читался—

Бредетъ по жаркой мостовой.

Новое изданіе печатаетъ „*по жесткой мостовой*“: допустимъ, что это опечатка.

Въ стихотв. „*Какое лѣто, что за лѣто...*“ послѣдній стихъ всегда читался:

Подъ старость лишь тревожитъ насъ.

Новое изданіе печатаетъ „*лишь смущаетъ насъ*“.

Въ стихотв. „*Недаромъ милосердымъ Богомъ*“ ст. 11-й всегда читался:

Взлелѣяла и возрастила.

Новое изданіе печатаетъ:

Взлелѣяла ее, взрастила.

Послѣдній стихъ того же стихотворенія всегда читался:

Погибнетъ подъ ногой твоей.

Новое изданіе печатаетъ:

Погибнетъ отъ руки твоей.

Подобно этому въ разныхъ другихъ стихотвореніяхъ безъ объясненія причины измѣнены слѣдующія выраженія *): XC *Міросозданія* вмѣсто *Судебъ*; CXX *играетъ* вмѣсто *ныряетъ; дивно пышная* вм. *пышно струйная;* CLXXI *совершимъ* вм. *сотворимъ;* CLXXXI *И самый домъ какъ будто ожилъ* вм. *нашъ будто ожилъ*.

Я уже не говорю о мелкихъ измѣненіяхъ: о перестановкѣ словъ (LVII *этотъ мраченъ часъ* вм. *мраченъ этотъ часъ;* LXXXVIII *души его* вм. *его души;* CXXIV *Ихъ для меня онъ* вм. *онъ для меня ихъ* и т. под.), и о замѣнѣ одного слова другимъ похожимъ: LIII *дальной* вм. *бальной;* LXXIII *Но ты* вм. *А ты;* LXXIX *загорѣлся* вм. *разгорѣлся;* CXXXIV *устыдилась* вм. *постыдилась;* CXXXVIII *Будь угрюма* вм. *То угрюма;* CLXVIII *дальнаго* вм. *дольнаго;* CLXXI *досужая* вм. *досужная;* CCIV *На влажной* вм. *По влажной* и т. д.

Не говорю и о правописаніи: нѣтъ сомнѣнія, что въ V надо печатать *душей* для риѳмы съ *людей*, а не *душой;* что въ CLXVIII надо печатать *онъ* для риѳмы съ *вышинъ*, а не *они;* что въ CCXXVIII надо печатать *дубровамъ* для риѳмы съ *медовымъ*, а не *дубравамъ* и т. под. Въ CCLX ст. 13 надо печатать „*И сдвинетъ съ насъ ужасный кошемаръ*“.

---

*) Римскія цифры указываютъ №, подъ которымъ стихотвореніе помѣщено въ новомъ изданіи.

Укажу еще, что стихотв. CLXV, CCXIV и CCXXII (*И въ нашей жизни повседневной, Когда дряхльющія силы* и *Дымъ*) въ новомъ изданіи напечатаны тоже съ значительными измѣненіями, видимо по новымъ, неизвѣстнымъ прежде спискамъ. Возможно, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше измѣненій тоже взяты изъ рукописей; но это слѣдовало бы оговорить.

Что касается присоединенныхъ къ изданію примѣчаній, въ которыхъ указано, гдѣ какое стихотвореніе было напечатано впервыя, то составлены они достаточно обстоятельно: вотъ немногія, замѣченныя мною, ошибки.

II. *Весеннее привѣтствіе стихотворцамъ,* прежде чѣмъ быть помѣщеннымъ въ Русскомъ Зрителѣ 1828 г., было напечатано въ изд. Общ. Люб. Росс. Слов. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ“ Мск. 1822 г.; въ этомъ первоначальномъ чтеніи есть нѣсколько стиховъ, позднѣе опущенныхъ.

XV. *Какъ птичка раннею зарею* было напечатано въ Совр. 1836 г.

L. *На взятіе Варшавы* было въ первый разъ напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1879.

CCXXXIV. *А. Н. Муравьеву* было въ первый разъ напечатано въ Русс. Арх. 1882 г.

CCXLVIII. *Черное Море* было напечатано въ особой книжкѣ „Стихотворенія къ живымъ картинамъ“ Спб. 1871 г.

Очевидна ошибка и въ ссылкахъ на Москвитянинъ 1858 г., потому что онъ выходилъ лишь до 1856 г.

Кромѣ того въ новомъ изданіи тѣ стихи, которые въ первый разъ появились въ Русск. Арх. 1879 г., какъ „новонайденные“, отнесены къ числу появившихся въ изданіяхъ 1854 и 1868 г. (кромѣ одного „*На смерть Гете*“).

Расположены стихотворенія въ новомъ изданіи въ порядкѣ времени. Но, такъ какъ о многихъ стихахъ въ точности неизвѣстно время ихъ *написанія,* новое изданіе принуждено было внести въ порядокъ стиховъ значительный произволъ. Такъ, всѣ стихи, впервыя появившіеся въ Русск. Арх. 1879 г. (не считая тѣхъ, подъ которыми есть указаніе года), распредѣлены безъ достаточныхъ основаній по различнымъ порамъ жизни Тютчева; нѣкоторые отнесены къ двадцатымъ годамъ, другіе къ тридцатымъ. То же самое сдѣлано со многими стихотвореніями, собранными въ 36 и 54 г. Почему, напр., стихотв. „*Еще шумѣлъ веселый день*“, впервыя напечатанное въ Современникѣ 1854 г., отнесено къ стихамъ 20-хъ годовъ? Стихотв. „*Послѣдняя любовь*“ совсѣмъ ошибочно отнесено къ 1857 г., тогда какъ оно уже было напечатано въ 1854 г.

Раздѣлены всѣ стихотворенія въ новомъ изданіи на два отдѣла, оригинальныхъ и переводныхъ. Дѣленіе это, конечно, довольно шаткое. Такъ къ

переводнымъ отнесено почему-то стихотв. *Конь морской*, хотя не указано, у какого писателя оно могло быть заимствовано. Къ переводнымъ же отнесено и стихотв. *Съ Арабскаго*, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Тютчевъ не имѣлъ передъ собой никакого иноязычнаго подлинника, а подражалъ только *духу* восточной поэзіи. Тоже относится и къ *Пѣснь Скандинавскихъ воиновъ*. Наоборотъ, стихотв. *Колумбъ*, несомнѣнно заимствованное изъ Шиллера, и *Когда что звали мы своимъ*, заимствованное изъ Ленау, помѣщены въ числѣ оригинальныхъ.

Едва ли не удобнѣе было бы выдѣлить въ особый отдѣлъ политическія стихотворенія Тютчева, представляющія за полвѣка „поэтическую лѣтопись". Это было бы тѣмъ естественнѣй, что и по внѣшнему складу они отличаются отъ другихъ стиховъ Тютчева. Вотъ что писалъ Ив. Аксаковъ въ 1861 г., по поводу стихотвореній, напечатанныхъ въ Днѣ *): „они дороги только по имени автора, а не сами по себѣ; это не настоящіе Тютчевскіе стихи съ оригинальностью мысли и оборотовъ, съ поразительностью картинъ и т. д.". А въ Днѣ были напечатаны далеко не самые разсудочные изъ стиховъ Тютчева.

Въ заключеніе надо сказать, что новое изданіе несомнѣнно заслуживаетъ вниманія: ошибки предыдущаго изданія въ немъ исправлены; въ примѣчаніяхъ собраны цѣнныя библіографическія данныя; къ тому же пока это— самое полное изъ собраній сочиненій Тютчева. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя его счесть окончательнымъ, и будущимъ издателямъ предстоитъ еще много работать, чтобы имѣть намъ изданіе, достойное Тютчева.

Валерій Брюсовъ.

*) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ IV. Письмо къ А. Д. Блудовой.

ИЗЪ ТАМБОВСКИХЪ БЫЛЕЙ.

Одновременно съ извѣстнымъ усиленіемъ Русской колонизаціи XVI—XVII вв. въ Тамбовскомъ краѣ, у насъ началось и „закрѣпощеніе“ Тамбовскихъ „бродниковъ“. Началось это дѣло, надо думать, еще при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, въ эпоху крестьянскаго обще-русскаго закрѣпощенія. Продолжалось оно и потомъ, пока всею тяжестію не обрушилось на Тамбовскій край въ позднѣйшія времена...

Первая сохранившаяся грамота въ смыслѣ закрѣпощенія мѣстнаго населенія относится къ 1605 году. 18 Марта этого года въ Темниковскій уѣздъ послѣдовалъ указъ „Царя и Великаго Князя Дмитрія Ивановича всея Русіи“ въ д. Оксель... „И вы бъ всѣ крестьяне помѣщика мурзу Еникеева во всемъ слушали, пашню на него пахали и доходъ помѣщиковъ платили... А какъ по милости Божіи мы будемъ на прародителей нашихъ престолѣ Россійскаго Государства на Москвѣ, и мы мурзу Еникеева пожалуемъ, велимъ то Оксельское помѣстье за нимъ въ Казанскомъ Приказѣ справить“.

Въ Тамбовскомъ краѣ быстро и надолго возникли многочисленныя боярскія и „помѣщиковы“ вотчины. Вольная Тамбовская „голытьба“ существовать юридически перестала. На смѣну ей волею и неволею явилась „голытьба подневольная“, при чемъ стало обычнымъ въ мѣстномъ краѣ явленіемъ, что коренные Русскіе дѣлались людьми подневольными и у Тамбовскихъ инородцевъ: Татаръ, Мещеры и Буртасовъ...

Правда, нѣкоторые (очень немногіе) изъ этихъ инородческихъ и иновѣрческихъ „Русскихъ“ помѣщиковъ быстро ассимировались путемъ условнаго принятія православія и нерѣдко являлись помѣщиками „хорошими“, подъ вліяніемъ только что воспринятаго ими Христова ученія... Еще въ концѣ XVI вѣка, судя по мѣстнымъ архивнымъ документамъ, нѣкоторые Темниковскіе и Кадомскіе мурзы отпускали своихъ крѣпостныхъ на волю, „для ради спасенья“. А потомъ все пошло по иному. Забылись заповѣди Христовы... Темные старшіе люди возгордились. Возникли странныя и нелѣпыя мысли о какихъ-то „бѣлыхъ и черныхъ костяхъ“ народа Русскаго.

Весь нашъ „крѣпостной укладъ“, составляетъ самую мрачную страницу Русской исторіи... Русскаго человѣка донималъ свой же братъ—Русскій человѣкъ. А бывало, и того хуже: и „чужакъ“ донималъ Русскаго человѣка...

Тамбовскій крѣпостной бытъ XVII вѣка особливымъ „лихомъ“ не отличался. Тамбовскіе помѣщики „людей своихъ Русскихъ, вообще, не били и не

грабили"... Если жъ и брали „людей" въ кабалу, то на сравнительно-льготныхъ условіяхъ, „найму рядили съ семьи на годъ по рублю"... „Изстари такъ повелось", что въ свято-Русской землѣ Русскіе люди товарищески внимательны и жалостливы были ко всѣмъ своимъ инородцамъ и иновѣрцамъ, и въ томъ сказалась великая христолюбивая Русская душа.

Иные наши инородцы сердечно „чуяли" свою нравственную взаимность съ кореннымъ населеніемъ и равномѣрно дѣлились съ нимъ въ удачахъ и неудачахъ. Нерѣдко съ „Ногайской стороны" и изъ Крыма къ намъ, въ сѣверные уѣзды нынѣшней Тамбовской губерніи, преимущественно въ Кадомскій и Темниковскій уѣзды, „вольной волею прихаживали на вѣкъ" Татарскіе переселенцы цѣлыми семьями и становились „охочими государственными тяглецами". „Безперечь" служили они на государевой службѣ, „истово и прямили" и не разъ пропадали въ бояхъ съ царевыми ворогами „безвѣстно"...

И этихъ героевъ-иноземцевъ цари не покидали, а щедро жаловали ихъ землямя и иными угодьями за „тыя ихъ великія царскія службы"... У иныхъ нашихъ храбрыхъ и вѣрныхъ инородцевъ оставались многочисленныя сироты. И имъ былъ пріютъ и привѣтъ. И ихъ „верстали помѣстными оклады", какъ въ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, Темниковскія дозорныя книги 1606 и 1616 гг.

„За вдовою за княгинею... женою Девлеткильдеева, да за его дѣтьми Исламомъ да за Богданомъ и Борисомъ, велѣно написать на прожитокъ, по указу Великаго Государя, на рѣчкѣ на Урсѣ, въ деревнѣ Ковыляѣ.... 350 четвертей съ осминою въ полѣ, а въ дву потому жъ; да сѣна 460 копенъ... И то помѣстье, изверставъ живущее и пустое повытно по четвертямъ, раздѣлить по жеребьямъ, чтобъ никто изъ нихъ въ раздѣлѣ изобиженъ не былъ... А сыскъ и раздѣльныя книги прислать къ Москвѣ въ Приказъ Казанскаго дворца". По полученіи этого указа, Темниковскій „площадной подьячій Иванка Сидоровъ" да приставъ „Ивашка" Любимовъ меньшой „на снѣхъ" прибыли въ намѣченное урочище и, взявъ съ собою „тутошнихъ и стороннихъ" людей, „сколько человѣкъ пригоже", „сыскивали" то помѣстье „всякими сыски накрѣпко"... и оное „справили"...

Въ имѣніи Девлеткильдеевыхъ скоро появились жилые дворы крестьянскіе и бобыльскіе. Были въ томъ имѣніи и „пашни паханыя", и „поля дикія" и всякія „угодья" и лѣсъ. А въ тѣхъ лѣсахъ было всего изобиліе. Тому „князю Девлеткильдееву дадены" были лѣса „съ сычемъ, съ орловымъ и ястребцовымъ гнѣздомъ, съ козиннымъ и съ лосиннымъ и свинымъ стойломъ, и со всякимъ порыскучимъ звѣремъ, съ рыбною ловлею и съ бобровою вежею и со пнемъ съ колодою и бортною дѣлію"...

Въ Девлеткильдеевскихъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворахъ сразу же поселились „помѣщиковы тяглецы", христіане: разные „Ивашки, Ларьки, Ѳедьки, Александрики, Карпики"... И жилось имъ не то чтобы хорошо, но и не хуже, чѣмъ у единовѣрцевъ...

Судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи документамъ, „многіе" Татары-помѣщики еще съ конца XVI столѣтія начали принимать правосла-

ніе, въ особенности благодаря миссіонерской дѣятельности старцевъ Пурдышевской пустыни. Такъ поступилъ въ 1592 г. Татарскій мурза Туродѣевъ, въ крещеніи Савелій. Послѣ крещенія, объятый умиленіемъ къ „великой истинѣ и сладости“ христіанства, онъ поспѣшилъ выдать Пурдышевскому „старцу“ Иринарху „данную“ на земли и угодья. „И за тоё пашню и покосы, писалъ Туродѣевъ, и за рыбныя и бобровыя ловли и бортный ухожей при моемъ животѣ въ томъ монастырѣ Бога молить, а послѣ моего живота въ синодикѣ меня написать и въ литею душу мою поминать, доколѣ Богъ благословитъ міру сему быти и святые сей обители“... Этому благочестивому примѣру въ 1596 г. послѣдовали братья Сазоновы. „Отдали есми, писали они, отца своего благословеніе игумну Иринарху съ братьею, куда хаживали отца нашего соха и топоръ и коса“.

Крестившись, нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ - помѣщиковъ, подъ впечатлѣніями сознательно принятаго христіанскаго ученія о любви, невольно дѣлались милостивѣе къ своимъ подневольникамъ.

Но конечно, далеко не всѣ наши Татарскіе дворяне-помѣщики стояли на христіанской высотѣ своихъ сословныхъ привилегій. Инымъ была „не въ мочь любовь-ласка христіанская“... Эти жили и дѣйствовали „на всей своей волѣ“, и „нудно-нудно“ было въ ихъ вотчинахъ „быдлу хрестьянскому“... И шли врозь сотни и тысячи безправныхъ горемыкъ, на одного Господа Бога уповаючи, куда глаза глядятъ, а большею частію въ конецъ погибали, съ „женишками и малыми дѣтишками“, то отъ босоты-наготы, то отъ безкормицы, то отъ лютыхъ сыщиковъ...

Наиболѣе „запустѣлымъ инородческимъ“ имѣніемъ въ концѣ XVII вѣка въ предѣлахъ нашего края была „вотчина Сибирскаго царевича Кучумовича“. Не въ добрый часъ нанесло къ намъ этого „иноземца“. „Однимъ горемъ лютымъ, одной маятой неисходною отплатилъ онъ люду нашему свято-Русскому“.

Подражателемъ Кучумовичу былъ нѣкто Мурзинъ.

Въ началѣ XVIII вѣка крещеный Татаринъ-помѣщикъ Осипъ Мурзинъ „разбилъ“ нашу знаменитую Саровскую пустынь. Дѣло было зимою. Богомольцевъ, которые заступилились бы за обитель, въ Саровѣ почти не было. И потому разгромъ Саровской пустыни, уже и тогда небѣдной, былъ полный. Мурзинъ разогналъ и перебилъ монаховъ и, „благополучно“ собираясь домой, захватилъ съ собой „всѣ ризы, стихари, коробьи съ мантіями, рясами и холстами, иконы, книги и кадила“..., а также угналъ монастырскую скотину, свезъ монастырскій хлѣбъ и разграбилъ казну монастырскую *).

И этотъ случай былъ не единственный. А что̀ всего любопытнѣе, въ числѣ грабителей бывали и дѣти, большею частію „бѣглые одинокіе ребятишки“...

Вообще же надо сказать, что мѣстные Татары въ большинствѣ лишь политически подчинялись Русской власти въ „нравственно-общественномъ смыслѣ“. Русь изстари, по природѣ добрая, веселая, скромная, талантливая:

---

*) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, № 2034 (по Шацку).

а подъ Татарскимъ вліяніемъ она искажалась. Явилась постепенно наша безобразная ругань, позорящая достоинство и красоту богатой Русской рѣчи. Подъ Азіатскимъ давленіемъ огрубѣли наши семейные и всякіе нравы. Добрый обликъ кореннаго Славянорусса сильно и надолго „нарушился"... Сама Москва, великая „собирательница" Русской земли, нашему нравственному горю-злосчастью помочь не могла. Отъ внѣшняго Татарскаго ига она насъ освободила, а отъ внутренняго сразу не смогла...

Великая Московская обще-русская держава властно коснулась нашей окраины еще въ XV вѣкѣ. Въ 1496 г. Московскій и всея Русіи великій князь Иванъ Васильевичъ III-й такъ писалъ въ своей грамотѣ Рязанскому князю: „...И та Тамбовская Мордва съ вотчинами въ Цнѣ моя; и Татарови Тамбовскіе и Шацкіе мои жъ, съ бортники и оброки... И волость Мещерская съ оброки и со всѣми доходы по старинѣ моя жъ... И ловчане и городскіе рыболове, истопники, псари, мѣховые подвизники и садовники; ястребьи подвозники, неводчики и бобровники мои жъ... И въ то тебѣ, брату моему, вовсе не вступаться" [1]).

Тамбовцы часто ссорились въ своихъ семьяхъ, и ссоры ихъ нерѣдко принимали „кровавый" характеръ Въ этихъ домашнихъ „битвахъ" видную роль играли женщины. Представительницы мѣстнаго „прекраснаго и слабаго" пола обнаруживали такую „Татарскую" энергію междоусобнаго характера, что самые грубые мужчины „вынуждаемы были" со стыдомъ и страхомъ покидать семейное „боевое поле"...

Проживалъ въ Кадомѣ подканцеляристъ Петровъ съ женой Анной и сестрой Прасковьей. Обѣ женщины ежедневно перебранивались. Сварливая „бабья" жизнь текла своимъ обычнымъ „порядкомъ". Но разъ Анна особенно озлобилась на Прасковью и „учала ее ругать всякими скверными и непотребными словами и бить". Тогда Прасковья „вскочила въ чуланъ и, ухватя ухватъ", стала обороняться. „Слабыя" женщины усердно обламывали одна другой бока, царапались и „во весь духъ" кричали. На шумъ прибѣжалъ самъ Петровъ, давно уже чувствительно знакомый съ мускульными совершенствами своей супруги, и въ угожденіе ей, избываючи дальнѣйшаго семейнаго „лиха", напалъ на сестру и „билъ ее желѣзнымъ сердечникомъ". Сраженіе закончилось воеводскимъ актомъ и подробнымъ описаніемъ боевыхъ знаковъ... И никто изъ сосѣдей этому диву дивному не дивился: привыкли.

А въ селѣ Азяѣ, Темниковскаго уѣзда, вотъ что случилось въ тоже время. У одного Татарина-выкреста была „лютая" жена Прасковья. Разъ она была съ мужемъ въ полѣ на сѣнокосѣ. Мужъ стоялъ на стогу и металъ сѣно, а жена ему помогала, стоючи у стога. Супруги работали и обычно перебранивались. Ссора разгоралась болѣе и болѣе... Дикій Татарскій семейный обычай все входилъ въ силу... „И въ то число оная женщина Прасковья поймала мужа... и стащила со стога на землю: а онъ, не стерпя, оную жену свою, ударилъ ее полѣномъ въ високъ, и отъ того жена Прасковья на томъ покосѣ умре" [2]).

---

[1]) Древн. Рос. Вивліоѳика, стр. 268—269.

[2]) Извѣстія Тамбов. ученой архивной комиссіи. вып. XXXVI. стр. 16-я.

Чрезмѣрная грубость нравовъ выражалась также и въ домашнемъ обиходѣ былого мѣстнаго приходскаго духовенства. Въ былыя темныя времена санъ священства и діаконства не давалъ носителямъ оныхъ „общественнаго" права на уваженіе. „Поповъ" часто бивали; какіе нибудь площадные подьячіе Ивашки да Гаврилки „заставляли поповъ" стоять передъ ними безъ шапокъ... Въ церковные праздники „попы" входили въ дома всякихъ, въ томъ числѣ тупоумныхъ и безграмотныхъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ, робко „озираючись" и долго-долго ожидали властной резолюціи „продвинуться", для совершенія требы. А что бывало иногда потомъ, про то ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать... Іереевъ насильно спаивали, надъ ними глумились, ихъ травили собаками и спускали зимнею порой съ ледяныхъ горъ, предварительно обнаживъ нѣкоторыя части тѣла... Честь и слава нашему смиренному духовенству, терпѣливо и вообще честно вынесшему былое свое „безвременье". Свѣточи истиннаго нравственнаго пастырства въ свято-Русской землѣ никогда не оскудѣвали, и то были несомнѣнные „первенцы" былого Русскаго „уклада" въ нравственномъ смыслѣ. Конечно, были у насъ и весьма нерѣдко печальнѣйшіе типы духовенства. Но въ какомъ званіи и сословіи ихъ не было?..

Въ Шацкой провинціи, въ прошломъ вѣкѣ, былъ напримѣръ такой случай Одинъ священникъ зашелъ въ гости къ мѣщанину Ѳедорову. Посидѣли, поговорили и шумно поссорились. Ѳедоровъ билъ священника „березовою жердью", а іерей Григорій Ивановъ нападалъ на противника „съ навознемъ"... Затѣялъ драку самъ священникъ, а мѣщанинъ Ѳедоровъ, „видя себя въ опасности, чтобы не быть іереемъ убиту, сдѣлалъ отъ себя оборону"... Свара на судѣ кончилась миромъ, такъ какъ обѣ стороны были равно виноваты, и ихъ бока оказались помяты равномѣрно. Навозень и березовая жердь признаны были на судѣ орудіями равносильными и примиряющими враждовавшихъ...

При крайне и разнообразно тяжелыхъ условіяхъ „духовнаго" быта былыхъ временъ и церковное наше правосудіе нерѣдко было слишкомъ далеко отъ воли законодателей церковныхъ и мірскихъ. Въ епархіальныхъ канцеляріяхъ были безпрерывныя „волокиты, остановки и взятки". Къ этому „порядку всѣ привыкли" и не особенно обижались на нашихъ канцеляристовъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда канцелярскія злоупотребленія становились чрезмѣрными и невыносимыми. Тогда обыватели, вѣруя въ „правду", собирались „за одино" и, по старо-русскому обычаю, отстаивали себя предъ высшими властями. И высшая власть почти всегда „внимала" справедливымъ жалобамъ, такъ какъ идея чести и христіанской правды была очень хорошо знакома и старой Руси, и были великіе „свѣточи" православнаго христіанства въ стародавнія времена.

Достопамятна обширная выпись о 35 крестьянахъ села Колымагова, Борисоглѣбскаго уѣзда, „испорченныхъ будто бы знахарями".

Изъ внимательнаго изученія этого слѣдственнаго дѣла нельзя не вынести убѣжденія, что наши деревенскіе колдуны были просто замѣчательные „ловкачи", которымъ выгодно было, конечно, морочить темный людъ. А что

происходили вредныя послѣдствія и отъ разныхъ манипуляцій и нашептываній мѣстныхъ проходимцевъ, это объясняется чрезвычайною нервностію былого забитаго деревенскаго люда, особенно женщинъ, которыя и дѣтей рожали и кормили, и въ полѣ въ „ровень“ съ мужиками тяжко работали, и весь домашній скарбъ и инвентарь хранили и „ухитывали“ и всей „избѣ“ услуживали, и за все это нерѣдко подвергались грубымъ оскорбленіямъ. Тутъ, при „экой“ тяготѣ, силы невольно надрывались, и при первыхъ „удобныхъ“ случаяхъ былыя наши паціентки не только „голосами кричали“, а „кликали“ истерически: и собачкою, и кукушечкой...

Къ концу XVII вѣка, хозяйственный бытъ нашего Тамбовскаго населенія, дотолѣ изобильный, замѣтно ухудшается. Обывательскія избы и горницы стояли у насъ такія же, какъ и прежде, „облыя“, бревенчатыя съ слюдяными и волоковыми окнами; земельныя угодья почти не убавились. А между тѣмъ разныя натуральныя и денежныя повинности до того обезсилили Тамбовцевъ, что они въ большинствѣ совершенно обѣднѣли и уже не могли исправно платить податей. Вслѣдствіе этого годъ отъ году накоплялись недоимки. Обывательское имущество описывали и продавали, неплательщиковъ били и сажали въ тюрьмы, а недоимки все росли и росли... Отъ того преимущественно страдали „маломочные“ крестьяне, страдали также зажиточные посадскіе и сами дворяне... Въ началѣ прошлаго вѣка, въ теченіе 6 лѣтъ, на однихъ Темниковскихъ посадскихъ накопилось казеннаго долгу 10500 рублей, а уплатить было нечѣмъ. Тогда сыщики арестовали всѣхъ неисправныхъ посадскихъ и наполнили ими, „до крайней тѣсноты“, Темниковскую тюрьму. Вмѣстѣ съ арестантами посажены были и ихъ „жены и дѣти“. Когда не доставало мѣста въ тюрьмѣ, подъ тюрьму отвели городскую ратушу и тамъ, въ сырыхъ и смрадныхъ „подклѣтяхъ“, долго-долго сидѣли безъ выпуску старые и малые Темниковцы. Съ ними вмѣстѣ горе мыкали городской бургомистръ и иныя городскія власти по обвиненію въ томъ, что недоимки произошли по ихъ слабости и нерадѣнію...

Всѣ эти сыщики, „доправлявшіе“ недоимки и по инымъ дѣламъ „водворявшіеся“ въ нашихъ провинціяхъ, были, вообще, крайне нежеланными у насъ гостями. Чаще всего отъ нихъ прятались и прятали имущество, но иногда и „насѣдали“ на нихъ. Такъ случилось въ г. Кадомѣ въ 1755 году.

Туда прибылъ сыщикъ секундъ-маіоръ Семеновъ, съ своей командой, занялъ обывательскія квартиры и немедленно началъ „ссориться“ съ гражданами. Отъ ссоры и „прицѣпокъ“ дѣло перешло въ драку. Въ церквахъ забили въ набатъ. Съ улицъ и переулковъ бѣжали посадскіе и начали бросать каменьями въ команду. Въ это время Семеновъ „чинилъ расправу“ съ Кадомскимъ подьячимъ Поповымъ. „Пьянымъ образомъ и съ великимъ крикомъ“ онъ сталъ бранить его и бить и за волосы таскать, такъ что у Попова щеки оказались опухшими и „налились рудою“, а на головѣ образовались шишки и плѣшины... Увидавъ это, толпа ринулась въ квартиру Семенова, но въ это время прибылъ на мѣсто побоища Кадомскій воевода Савельевъ и кое-какъ унялъ Кадомцевъ.

Секундъ-маіоръ Семеновъ былъ въ Кадомѣ все-таки „чужой человѣкъ“. А то бывали у насъ и доморощенные начальники, отъ которыхъ населенію было не лучше, чѣмъ отъ сыщиковъ. Въ 1763 году въ Темниковѣ неистовствовалъ бургомистръ Иванъ Зининъ, простой посадскій человѣкъ. Съ цѣлью наживы и изъ самодурства онъ насильно забиралъ въ ратушу купеческихъ сыновей, „будто бы для отдачи ихъ въ рекруты и содержалъ скованныхъ подъ карауломъ, моря студеною и голодною смертію“. Всѣ свои аресты Зининъ совершалъ съ нахальствомъ и жестокостію: билъ смертными *шопками* купеческихъ сыновей, билъ также и ихъ родителей... Унять Зинина можно было только „взяткою“. Когда прибыла въ Темниковъ извѣстная правительственная „комиссія для изслѣдованія управительскихъ обидъ“, то Зининъ неизвѣстно куда скрылся...

Подъячій съ приписью Алексѣй Корольковъ былъ „извѣчный“ Темниковецъ; однако это, а равно и малый чинъ, не помѣшали ему быть „лютымъ ворогомъ“ всего Темниковскаго населенія. Взятками и поборами Корольковъ составилъ себѣ значительное состояніе, особенно на счетъ ново-крещенной Мордвы. Когда обиженные имъ грозили ему жалобой воеводѣ, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „воевода у васъ человѣкъ временный, а я, Алексѣй Корольковъ, вѣчный“... И говорилъ онъ такъ увѣренно, что его боялись и несли ему, „для его несытныхъ взятковъ“, сотни рублей съ селъ и деревень, а также „всякіе харчевые припасы“: мѣха, медъ, живность, хлѣбъ, деготь, ковры, полотно. Въ 1763 г. Корольковъ въ „своемъ“ уѣздѣ одними деньгами набралъ около 10,000 рублей. До какой степени онъ забралъ силу, видно изъ того, что самому воеводѣ Балку давали „во взятокъ“, напримѣръ 40 р., а Королькову, 50 рублей. Все это шло ему именно за то, что онъ очень властно и искусно „ловилъ купцовъ въ рекруты и по наловленіи оныхъ сковывалъ ихъ въ ножныя желѣзы и сажалъ въ большія цѣпи въ тюремной избѣ“. Но наступила гроза и для Королькова. Предсѣдатель извѣстной мѣстной правительственной комиссіи 1763 г. капитанъ Бахметевъ арестовалъ Королькова, „посадилъ въ цѣпь“ и отобралъ отъ него часть награбленныхъ денегъ...

Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка у насъ все еще совершалась первобытная колонизація. Шли къ намъ цѣлыми сотнями-таборами и Малороссы. Они обыкновенно „осаживались“ на свободныхъ земляхъ крупныхъ Тамбовскихъ помѣщиковъ и обязывались платить за это владѣльцамъ „чиншевой-сборъ“. Такъ, въ 1751 году Малороссы, подъ начальствомъ Якова Гуца, поселились на землѣ Нарышкиныхъ въ Шацкомъ уѣздѣ и основали село Новодмитріевское, Еланъ тожъ. Мало-по-малу колонія размножилась и усилилась, вслѣдствіе естественнаго размноженія и новыхъ переселеній. Тогда Еланцы, по старо-казацкому обычаю, задумали присвоить себѣ новоселитьбенныя земли. Они собрались „со всей слободы до единаго человѣка, вооруженные пришли въ домъ Нарышкинскаго управляющаго Небольсина и отняли у него Нарышкинскую казну. А затѣмъ торжественно и самоуправно объявили сами себѣ, что занятая ими земля не Нарышкинская, а казенная“.

Иные ихъ земляки поступали гораздо хуже. Въ 1760 году Малороссійскій таборъ, человѣкъ въ 500 и больше, самовольно поселился въ „Чураевскомъ бору“, близъ рѣки Вышп, раздѣлился на „курени“ и безпечно зажилъ казацкою жизнію. Чураевскіе казаки въ „своемъ“ глухомъ лѣсу вырубили поляну въ нѣсколько верстъ, среди ея поставили „многія избы“ и вырыли „многія землянки“. Чѣмъ жили они, мы не знаемъ. Вѣроятно, про это знали лучше насъ ихъ сосѣди и гг. проѣзжающіе... Шацкія власти приступили къ упорядоченію Чураевскихъ самовольниковъ только въ 1771 году. Съ провинціальными престарѣлыми инвалидами и „окрестными“ крестьянами они направились къ Чураевскимъ „куренямъ“, чтобы „тѣхъ невѣдомыхъ людей переловить и привести ко объявленію въ канцелярію“... Однако, „тѣ невѣдомые люди противностію взять себя не дались“... Конечно, „курени“ были со временемъ уничтожены; но когда именно, не знаемъ.

„Велика была и обильна наша Тамбовская земля, а порядку въ ней не было“, при всѣхъ усиліяхъ правительства. Конечно, наши документы далеко не исчерпываютъ всего содержанія протекшей жизни былыхъ Тамбовцевъ, изображая лишь отрицательныя стороны ея. Были у насъ и отрадныя явленія, и люди хорошіе были, но все же общій строй жизни былъ неладный. Иначе и быть не могло. Край нашъ созидался, строился, наполнялся всякимъ сбродомъ, далеко отъ высшаго правительственнаго надзора, подвергался безпрерывнымъ внутреннимъ смутамъ и, до половины прошлаго вѣка, набѣгамъ хищныхъ степняковъ... Но главная причина, я думаю, заключалась въ полномъ отсутствіи образованія. „Тьма бысть“ по всей Тамбовской землѣ нашей... До конца XVIII столѣтія у насъ не было ни одной настоящей школы. Немногіе наши грамотѣи учились кое-какъ у полуграмотныхъ „мастеровъ“. Печатная книга являлась у насъ величайшею рѣдкостію даже у духовныхъ лицъ. Поэтому весьма нерѣдко сами священники наши не знали катихизиса. Это видно изъ указа епископа Палладія 1758 г. поповскимъ старостамъ Шацкой провинціи и старостѣ села Шаморги „іерею“ Ѳеодору Богоявленскому. При указѣ посланъ былъ одинъ экземпляръ катихизиса и велѣно было „снять съ онаго по одной рукописи на каждую церковь его вѣдомства, для выучки священно-церковно-служителями“...

...„Состоящіе въ паствѣ нашей словесныя овцы, писалъ епископъ, а особливо неумѣющія грамотѣ, крайне ничего нужнаго ко спасенію не знаютъ, такъ что и христіанами называться имъ стыдно... А священники... мало о томъ прилежатъ... И того ради мы объявляемъ всѣмъ священно и церковно-служителямъ, чтобъ они, по должности своей, сами прилежали священныхъ книгъ чтенію и разумѣнію, также и Божественную службу исправляли по часту и нелѣностно и учили бъ изустно прилагаемый катихизисъ, съ котораго бы могли познать нужнѣйшее ко спасенію и научиться, что̀ есть вѣра и коликія и какія заповѣди Божіи... А священники и діаконы успѣли бъ весь катихизисъ, прочіе же хотя бы до таинствъ... Что же касается до неумѣющихъ грамотѣ прихожанъ, оныхъ бы обучали священники самонужнѣйшимъ молитвамъ... и Символу вѣры... изустно. Для наученія чего къ лучшей удобно-

сти можно сперва по одному въ семьѣ научить, которые по тому и другихъ въ своемъ домѣ научили бы... безъ всякаго отрицанія. При томъ же... и о Бозѣ единомъ въ Троицѣ славимомъ по воплощеніи Сына Божія внушать... А сверхъ того побуждать прихожанъ, чтобъ ходили они въ церковь къ слушанію Божественнаго пѣнія.. какъ о томъ государственные указы повелѣваютъ... И послѣ литургіи читать прихожанамъ... поучительныя слова и смотрѣть, дабы не происходило раскола... А ежели кто изъ тѣхъ прихожанъ упрямствомъ своимъ церковныхъ правилъ и указовъ государственныхъ исполнять не будетъ, то въ такомъ случаѣ требовать вспомоществованія отъ свѣтскихъ командировъ... и отъ градскихъ управителей... и отъ помѣщиковъ. отъ прикащиковъ и отъ мірскихъ старость... Ежели же, паче чаянія, отъ свѣтскихъ управителей вспомоществованія не будетъ, на таковыхъ представлять намъ имянно, на которыхъ и сатисфакція искана будетъ... А буде священники... до своей должности прилежать не будутъ и явятъ пренебреженіе и непослушаніе пастырскому нашему моленію, то таковые штрафованы будутъ отрѣшеніемъ отъ мѣстъ своихъ, или же другимъ какимъ наижесточайшимъ штрафомъ неупускно"... Въ силу этого указа по всей Шацкой провинціи „прибиты" были къ церковнымъ дверямъ копіи, а со всѣхъ священниковъ провинціи взяты подписки о точномъ исполненіи указа. При этомъ, встрѣтились и такія затрудненія, что нѣкоторые „священники не умѣли написать подписокъ, за малограмотностію"...

Эпоху усиленной Тамбовской грамотности нужно отмѣтить именами Г. Р. Державина, основателя гражданскихъ училищъ, и епископа Ѳеофила, основателя духовныхъ училищъ.

Улучшеніе мѣстнаго нравственнаго быта совершалось, однако, съ крайнею медленностію. Это видно изъ указа Симона, епископа Рязанскаго и Шацкаго, даннаго въ 1782 г. на имя священника села Конобѣева, Шацкаго уѣзда, Максима Борисова. Многія наши церкви не были окружены оградами; у самыхъ церковныхъ стѣнъ бродилъ обывательскій скотъ; тутъ же всякая нечистота отъ людей; у самыхъ папертей церковныхъ стояли кабаки и шалаши со всякою деревенскою снѣдію... А „именитые" прихожане и вовсе не церемонились: они входили въ самые алтари и распоряжались тамъ какъ дома, „не допуская своею наглостію священно-служителей и слово противъ того промолвить". Когда же шла церковная служба, эти прихожане въ самой церкви нерѣдко буйствовали и „творили Богу вышнему безчестіе".

Въ эти темныя времена на всю нашу страну была только одна, не считая гарнизонной, Рязанская „церковническая" школа. Охотниковъ поступать въ нее было очень мало. „Зудили" они тамъ „азы", безъ толку затверживали Часословъ и Псалтирь и Латинскія вокабулы... Кормили ихъ „сборнымъ" хлѣбомъ „скудно", а сѣкли обильно...

Общественные безпорядки указанной эпохи и тогдашняя грубость нравовъ какъ то „мирились" съ наружною набожностью, которая видна между прочимъ изъ того. что въ нашемъ краѣ было множество церквей и при нихъ причтовъ. Такъ. въ только что отстроенномъ и сравнительно-маломъ городѣ

Козловѣ въ 1656 году было уже 11 церквей, а въ Козловскихъ волостяхъ 60 церквей. Козловскіе причты состояли изъ священниковъ и причетниковъ; діаконовъ же въ Козловѣ и его уѣздѣ „не было вовсе“...

Пожары въ XVI—XVIII вв. еще болѣе чѣмъ теперь губили наши поселки. Противъ нихъ принимались охранительныя мѣры, и это видно изъ „памяти“ 1661 г. Козловскимъ боярскому сыну Минаю Енькову и площадному дьяку Хвощенскому: „... И вамъ заказъ крѣпкій, съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ всякихъ чиновъ люди.... для ради береженья отъ пожару.... избъ и бань въ нынѣшнее лѣтнее время не топили николи..., а для ради хлѣбнаго печенья всякимъ людѣмъ сдѣлать... на пустыхъ мѣстахъ далече печи крѣпкія... Да вамъ бы, Минаю и Ларивону, въ городѣ и слободахъ смотрѣть въ день и въ ночь безпрестанно..., и у всякаго бъ человѣка на хоромѣхъ были бъ кадки и бочки съ водою, и помелы, и метлы“...

По городамъ, валамъ и чертамъ Тамбовскимъ, устроеннымъ въ 1648—49 гг. княземъ Н. И. Ромодановскимъ, правилась у насъ обычная сторожевая служба; но иные стрѣлецкіе головы самовольно роспускали по домамъ служилыхъ людей, брали за это взятки и убыль сваливали на нѣтчиковъ и бѣглыхъ. Приходилось считаться и съ этимъ зломъ, чтобъ „какого дурна и порухи не учинилось отъ приходу воинскихъ людей“. 20-го Мая 1661 г. Козловскій воевода писалъ Бѣльскому головѣ такую память: „И ты, голова, Неупокой Михайловъ... въ Бѣльской присланъ службу служить, а не блудить... для своей корысти... скоро хоть богатымъ быть, чего тебѣ не указано... и нѣтчиковъ тебѣ не справливать и не укрывать и по домамъ не отпускать... жить бы тебѣ, Неупокою, безъ всякой гордости, бережно и осторожливо“...

Жителямъ нашего края особенно тяжело было во время Татарскихъ наѣздовъ, которые бывали ежегодно и „по часту“. Но и въ мирные дни нелегко было Тамбовцамъ, такъ какъ всѣ громадныя работы по укрѣпленію края, земляныя и деревянныя, производились по наряду... При этомъ иные начальники слишкомъ невоздержно пользовались своими полномочіями. Это видно изъ жалобы Челнавскихъ служилыхъ людей на стрѣлецкаго голову, князя Кудашева: „Стрѣлецкій голова Василій Чепаевъ, сынъ княжъ Кудашевъ, наметывается на насъ, холопей твоихъ, не дѣломъ, и мечетъ въ ледникъ, и моритъ студеною и голодною смертію, и бьетъ батоги смертнымъ боемъ..., и емлетъ посулы большіе“...

Вообще приказныя „прицѣпки“ препятствовали развитію мѣстной жизни...

1681-й годъ былъ тяжелымъ годомъ для Тамбовскаго края. Кромѣ обыденныхъ враговъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣднее мѣсто занимали „воры-разбойники“, намъ угрожали въ то время измѣнникъ „Юраско Хмѣльницкій“ и моровое повѣтріе, надвигавшееся со стороны Польши. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ приказалъ образовать Тамбовскій городовой „Розрядъ“, въ который вошли 21 городъ, въ томъ числѣ и Воронежъ. А разряднымъ воеводою, съ главною квартирою въ Козловѣ, царь повелѣлъ быть воеводѣ и стольнику, Б. П. Шереметеву, подъ начальствомъ котораго собраны были

3 рейтарскихъ полка и 7 солдатскихъ, не считая копейщиковъ, стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ, станичниковъ и подъѣщиковъ. Чтобы сильнѣе расположить въ свою пользу Донскихъ казаковъ, царь приказалъ Шереметеву изготовить на Воронежѣ струги и на тѣхъ стругахъ отправлены были на Донъ слѣдующіе дары: 4500 руб. денегъ, 400 половинокъ суконъ „Анбурскихъ“, 200 пудовъ зелья ручнаго и пушечнаго, 100 пудовъ свинцу и хлѣбныхъ запасовъ 6000 чети и 400 ведръ вина. Это была первая посылка. Вслѣдъ затѣмъ начали готовиться у насъ къ новымъ Донскимъ „поминкамъ“, преимущественно хлѣбнымъ, такъ какъ Тамбовскія и Козловскія степи уже и тогда славились во всемъ Московскомъ царствѣ, какъ хлѣбныя житницы. Струги для грузовъ готовились на Лѣсномъ Воронежѣ, въ 22-хъ верстахъ отъ Козлова.

Изъ Козлова же доставлялось „всякое жалованье“ и солдатскимъ полковникамъ, которые почти всѣ были иностранцы, напримѣръ: Юрій Франкъ, Андрей Шпильтеръ и Яганъ Боровъ. Отсюда же разсылались по полкамъ и командамъ и лѣкарства, которыя присланы были тогда въ нашъ край изъ Московскаго Аптекарскаго Приказа еще въ первый разъ. Руководить мѣстною медициной прибылъ лѣкарь Андрей Бекарь „со ученики и лѣкарствы“. Изъ лѣкарской росписи видно, что лѣкарствъ прислано было 8 названій пластырей и 55 названій мазей. Про другія лѣкарства ни слова, да и эти пластыри и мази на другой же годъ возвращены въ Москву за „ненадобностію“.

Мѣстные инородцы, особенно Татары, далеко не радовались усиленію Русскаго элемента въ нашемъ краѣ и, по возможности, вредили ему. Это видно изъ отношеній Татарскаго вотчинника Колунчакова-Еникеева къ Пурдышевской пустыни.

„Князь - Колунчаковы люди (жаловались монастырскія власти) Татаровя и Латыши, чинятъ намъ обиду и насильство великое, и крестьянской вѣрѣ поругаются, на монастырь палками бросаютъ; а какъ мы ходимъ около монастыря со кресты по Воскресеньямъ и владычнымъ праздникамъ, и на Ердань, и князь - Колунчаковы люди..., по его князь-Колунчакову велѣнью, пріѣзжаютъ къ намъ на конѣхъ и крестьянской вѣрѣ поругаются, кричатъ и смѣются, и въ трубы трубятъ, и по бубнамъ бьютъ, и въ смычки и домры играютъ, и съ огнемъ подъ монастырь приходятъ и сжечь хотятъ..., и пашню монастырскую и луги косятъ, и дубы и борти тешутъ насильствомъ, хотячи насъ изъ монастыря изогнати“ *)...

Отхожіе промыслы, не смотря на совершенно земледѣльческій характеръ Тамбовскаго края, бывали у насъ уже и въ описываемое время. Такъ, въ Шацкомъ уѣздѣ заведено было „овчинное дѣло“, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ иногороднія „явки“ Шацкихъ промышленниковъ.

Кромѣ того, у насъ было обширное „медвяное дѣло“. У иныхъ нашихъ медвяниковъ ихъ бортяные ухожи простирались на десятки верстъ. Видное мѣсто въ мѣстной промышленности занимало и „звѣриное дѣло“. У насъ

---

*) Матеріалы И. И. Пискарева, представленные въ засѣданіи Архивной Комиссіи 14 Марта 1891 года.

были „Куньи Липяги, Бобровые Гоны, Орловыя Гнѣзда и Лосиныя Стойла". Что „звѣриное" производство было немалое, объ этомъ можно судить уже потому, что наши промышленники ѣздили съ своими товарами въ разные „дальніе города". Было у насъ и „рыбное дѣло". Наши старожилы, по своимъ исконнымъ обычаямъ, больше нуждались въ рыбѣ, чѣмъ въ мясѣ. Но, я полагаю, рыба предметомъ вывоза у насъ не была, такъ какъ этого рода промышленность совершенно подавлялась сосѣдствомъ съ Дономъ, Волгой и Окой.

Дополняю эту свою „бытовую" замѣтку указаніемъ на то, что у насъ, и именно въ Козловѣ, въ 1661 году объявился „табакъ—заповѣдное питье.... А взятъ тотъ табакъ сглупа у иноземцевъ, и въ томъ табашники виноваты передъ великимъ государемъ".

Въ былые годы мѣстнаго умственнаго убожества, невольно обращаетъ на себя вниманіе обиліе и дешевизна земельныхъ угодій. Дешевизна земли въ тѣ поры была у насъ изумительная. „Дикое" черноземное поле, толщиною свыше аршина, продавалось въ XVII вѣкѣ дешевле рубля за десятину, а въ XVI вѣкѣ по «3 копѣйки за десятину". По этому у насъ были не рѣдки случаи, что какой-либо „жилецкій или „служилый" человѣкъ пріобрѣталъ въ вѣчную собственность превосходную „новь" въ нѣсколько десятковъ десятинъ со „всякими угодьи" рублей за 5—8. Неудивительно поэтому, что въ нашъ край, не смотря на его „украинныя опасности", изстари стремились всякіе „сходцы". При слабости юридической и административной мѣстной поддержки, всѣ эти „сходцы, конечно, рисковали, но твердо зная, изъ-за чего рисковали...

Безпомощность мѣстнаго сброднаго населенія въ XVII вѣкѣ была тоже изумительная. Чуть не ежедневно, „опричь домашнихъ вороговъ", громили нашу страну „Крымскіе, Ногайскіе и Озовскіе Татарове", и никакого настоящаго сладу съ ними не было. „Нудно" было "въ тѣ поры" всему Тамбовскому населенію. Татаринъ и Калмыкъ не жалѣли Русскаго человѣка: убивали, насиловали, имущество грабили и жгли, и людей въ полонъ имали... Сколько Русской крови пролито въ тѣ „безвѣстныя годины", сколько слезъ —и вообразить трудно... И всю эту неисходную „тугу" вытерпѣли наши Тамбовскіе „служильцы, тяглецы, сходцы, переведенцы, утеклецы, бродники"— эти забытые мученики нашей Русской колонизаціи, постепенно создавшей „изъ дикой и разбойной" Московской Украйны обширный, густо населенный, богатый земледѣльческій и чисто-Русскій край...

Оживленіе и народно-государственное упорядоченіе Тамбовскихъ лѣсовъ и степей, изстари населенныхъ преимущественно инородцами (Мордвой, Мещерой и Буртасами, а позднѣе Татарами) безповоротно началось при первомъ царѣ изъ благословеннаго дома Романовыхъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ основалъ у насъ „оборонные" города Тамбовъ и Козловъ и дѣятельно принялся, кромѣ того, за сооруженіе грандіозной земляной, съ проѣздными и глухими башнями и съ надолобами, „черты" отъ Козлова до Усмани, и отъ Шацка до Пензы... Легче вздохнулось тогда мѣстному люду. Было гдѣ укрыться отъ злого Татарина... Было кому и чѣмъ встрѣтить непрошеннаго „гостя", такъ какъ въ то время у насъ въ достаточномъ количествѣ появи-

лись „стрѣльцы, пушкари, солдаты и рейтары“. Мѣстныя воинскія команды, повидимому, устраивались на иноземный ладъ.

Между воинскими начальниками были не одни воеводы и стрѣлецкіе головы, но и полковники, ротмистры и капитаны, иные, какъ сказано выше, съ Нѣмецкими фамиліями. Но главными начальниками въ эпоху „оборон-наго“ Тамбовскаго строенія были всегда Русскіе люди...

Въ 1643 г. Козловскій воевода князь Иванъ Ростовскій отписывалъ государю: „...Для береженья отъ Татарскаго приходу стояли мы на рѣкѣ на Польномъ Воронежѣ на Касимову броду... и Іюня въ 12 день... приходили Татаровя, и полковые казаки на городскую сторону Татаръ не перепустили, и Татаровя Польной Воронежъ перелѣзли въ Стрѣлковъ бродъ и сторожей поимали и лошадей отогнали... И въ другіе и въ третьи, приходили къ намъ Татаровя въ Августѣ и въ Ноябрѣ, и былъ бой... А какъ ушли Татары, и начали мы на перелазахъ сваи бити и колоды дубовыя класти, чтобъ тѣ перелазы отнять...“

Въ это время всѣмъ жителямъ Козловскимъ заказано было накрѣпко „сидѣть“ въ городѣ и острожкахъ, по рѣкѣ Польному Воронежу „не ѣздити, бродовъ не отыскивати и стежекъ на степи не накладывати“. А которые люди „самодуромъ учали дѣйствовать“ и воеводы ослушивались, и тѣ были „въ жестокомъ наказаніи“... Тогда же усилены были степныя сторожи, и вся мѣстная ратная сила призвана была къ оружію. Результатъ получился самый благопріятный. Воевода князь Ростовскій такъ доносилъ объ этомъ царю: „служилыхъ людей въ избылыхъ не было въ тѣ Татарскіе приходы, и стало всѣмъ безстрашно и надежно“.

Скоро въ Козловъ и царская милость пришла: всѣмъ служилымъ людямъ дано по золотому, и на „дворовую селитьбу да на заводъ по шти рублевъ“.

И начали „обзаводиться“ наши служильцы и жилецкіе люди. Лѣсъ былъ тогда у насъ даровой. Земли „порозжей и животинныхъ выпусковъ“ *), сколько угодно. Стало быть, деревенская работа во всѣхъ ея видахъ, строительная и земледѣльческая, сразу пошла полнымъ ходомъ. „Сходцевъ въ нашу сторону все прибывало и прибывало. Ихъ манили необъятность тучныхъ Тамбовскихъ дикихъ полей и замѣчательное обиліе всякихъ угодій. Новыя „селитьбы“ выростали одна за другой, окруженныя „тынами и надолобами“... Внутри ихъ воздвигались немедленно же храмы Божіи. Всѣ они были деревянные, строились самими обывателями Художественной красоты въ нихъ не было и быть не могло, но вокругъ этихъ скромно созданныхъ православныхъ святынь созидалась и крѣпла наша Свято-Русская земля...

И. Дубасовъ.

*) Т. е. луговъ, пастьбы.

ОРДИНАРЦЕМЪ У ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТАРШАГО.

(Изъ воспоминаній Д. В. Бартенева).

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1884 года я былъ назначенъ ординарцемъ къ его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Я занималъ должность адъютанта 1-го баталіона, 17-го пѣхотнаго Архангелогородскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича полка, какъ вдругъ въ нашемъ лагерѣ разнесся слухъ, что Батуринскій отрядъ будетъ смотрѣть Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Лагерь нашъ расположенъ былъ въ мѣстечкѣ Батуринѣ, Черниговской губерніи, въ той исторической Малороссійской окраинѣ, которая воспѣта въ прекрасныхъ казачьихъ пѣсняхъ и извѣстна, какъ столица Малороссійскихъ гетмановъ. Мѣстечко Батуринъ само по себѣ очень красиво, расположено на многихъ холмахъ, такъ что отдѣльныя группы построекъ сползаютъ по скатамъ, оканчиваясь у обрывистаго берега рѣки Сейма, а въ сторонѣ отъ него, почти у отвѣснаго обрыва города, стоитъ замокъ гетмана Разумовскаго, въ настоящее время руины, но въ 1884 году имѣвшій еще величественный видъ. Вправо отъ замка на нѣсколько верстъ равнина, въ концѣ которой и расположенъ былъ лагерь Батуринскаго отряда, а влѣво отъ лагеря высился силуэтъ огромнаго редута, служащаго для учебныхъ цѣлей лагеря. Штабъ же отряда находился въ верстѣ разстоянія отъ лагеря, въ роскошномъ сосновомъ бору. Когда подтвердился слухъ о пріѣздѣ Великаго Князя, то по распоряженію начальника 5-ой пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта В. А. Полторацкаго назначены были два нашихъ офицера и моего полка (а именно прапорщики Зубовъ и Поповъ 2-й), одинъ въ ординарцы къ Великому Князю, а другой въ почетный караулъ для развода съ церемоніей. Не буду говорить, какъ происходятъ репетиціи подобнаго рода: это всюду одно и тоже, т. е., репетиціи слѣдуютъ одна за другой, то съ музыкой, то безъ нея. Я же, ничего не предполагая, началъ каждый день проѣзжать своего чистокровнаго кабардинца, который достался мнѣ случайно и неособенно дорого, хотя и былъ только что приведенъ съ Кавказа. Мнѣ пришла мысль въ голову произвести спускъ и подъемъ на кабардинцѣ на самомъ крутомъ обрывѣ у Батурина. Я справедливо предположилъ, что (конь) изъ горной

страны долженъ умѣть это сдѣлать. Задумано и сдѣлано: сначала одинъ опытъ, затѣмъ другой, и вопросъ о спускѣ съ горы оконченъ; а теперь, думаю, можно попробовать и подъемъ. То и другое выполнено было мною и кабардинцемъ превосходно. Горная порода коня вполнѣ оправдала свою славу. Возвратясь съ прогулки домой, я нахожу у себя въ палаткѣ письмо отъ матери изъ г. Т., въ которомъ она проситъ меня пріѣхать, послѣ лагеря, повидаться съ ней. И на этотъ разъ удача: я самъ думалъ объ этомъ и заказалъ даже себѣ полную новую обмундировку. Наконецъ насталъ день пріѣзда Великаго Князя. Всѣ строевыя части ужъ чуть свѣтъ готовились къ встрѣчѣ, а потому на лагерныхъ линейкахъ у палатокъ всё копошилось, чистилось и пригоняло амуницію, чтобы не осрамиться на смотру. Я же сидѣлъ спокойно въ своей палаткѣ и пилъ чай, потому что моя роль, какъ адъютанта 1-го баталіона, заключалась въ томъ, чтобы при встрѣчѣ Его Императорскаго Высочества стоять верхомъ на правомъ флангѣ шпалеръ, у хора полковой музыки. Вдругъ въ мою палатку стремительно влетаетъ временно-командующій полкомъ подполковникъ Н. М. Гринкевичъ съ полковымъ адъютантомъ А. А. Минченко и суетясь начинаетъ меня торопить, чтобы я скорѣй одѣвался, а самъ помогаетъ мнѣ надѣвать шарфъ и ордена. Ошеломленный подобной стремительностью, спрашиваю: „что все это значитъ, г. полковникъ?“—„Послѣ, послѣ всё узнаете; а теперь скорѣй одѣвайтесь и маршъ со мной въ штабъ дивизіи“. Садимся втроемъ въ коляску и быстро мчимся къ штабу. Подъѣзжаемъ. Я подхожу къ начальнику дивизіи, какъ вдругъ слышу: Я„ буду стоять у царскаго барака, а вы, Бартеневъ, подходите ко мнѣ, какъ къ Великому Князю и рапортуйте; знаете, какъ ординарецъ?“ Начальникъ дивизіи замѣтилъ мнѣ, что я шумно приставляю ногу, когда, окончивъ рапортъ и становясь въ сторону, даю мѣсто ординарцу унтеръ-офицеру и вѣстовому рядовому. Снова раздается голосъ начальника дивизіи: „Повторите рапортъ еще разъ. Ну такъ, довольно; только снимите съ себя эксельбанты и оглядитесь, все ли на васъ въ порядкѣ“. Когда репетиція окончилась, я подхожу къ товарищамъ Зубову и Попову 2-му, спрашивая: „Что всё это значитъ?“ Зубовъ мнѣ говоритъ: „Видишь ли, сейчасъ пришла телеграмма отъ командующаго войсками генералъ-адъютанта Ѳ. Ѳ. Радецкаго, чтобы въ ординарцы къ Великому Князю назначить того изъ офицеровъ, который имѣетъ Георгіевскій крестъ за Плевну; а такъ какъ я имѣю за Карсъ, то тебя и замѣняютъ мною“. Подполковникъ Гринкевичъ, позвавъ Минченко и Зубова съ Поповымъ, сѣлъ съ ними въ коляску, и они помчались обратно въ лагерь, а я остался одинъ у царскаго барака. Не прошло и съ полчаса времени, какъ въ лагерѣ послышались звуки музыки и мощное ура: то мимо лагеря проѣзжалъ Его Императорское Высочество Великій Князь. Во мнѣ всё какъ будто замерло, и только сильное біеніе сердца давало мнѣ помнить важность предстоящаго случая. Еще нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія, и передъ царскимъ баракомъ остановились экипажи съ Великимъ Княземъ и его свитой. Насталъ для меня роковой моментъ. Его Высочество, принявъ рапорты отъ командующаго войсками, корпуснаго командира и начальника дивизіи,

прямо пошелъ на меня; я, собравшись съ духомъ, началъ свой рапортъ и, какъ говорили послѣ окружающіе, довольно хорошо.

Первый вопросъ Его Высочества былъ: „какъ твоя фамилія?“ Затѣмъ: „за какое дѣло получилъ крестъ?“ Покончивъ рапортъ, я думалъ, что моя роль кончена и сейчасъ меня отпустятъ въ лагерь, а завтра утромъ будутъ являться новые ординарцы и отъ другихъ частей войскъ; но вдругъ Великій Князь, обратясь ко мнѣ, спросилъ: „гофмейстерина моего двора тебѣ родственница?“ Я отвѣчалъ Его Высочеству, что гербъ у насъ одинъ, а родственница ли она мнѣ или нѣтъ, я не знаю. Завѣдующій дворомъ Великаго Князя генералъ-маіоръ А. А. Орловъ *) спросилъ у Его Высочества: „прикажете отпустить ординарца домой:“ — „Нѣтъ, оставить его при мнѣ на всё время и не принимать больше ординарцевъ отъ другихъ частей войскъ“. Такимъ образомъ я остался единственнымъ ординарцемъ Его Высочества, на все время пребыванія Великаго Князя въ Батуринскомъ лагерѣ. Я отдалъ приказаніе своему денщику, чтобы мой кабардинецъ, на всякій случай, былъ на готовѣ гдѣ-нибудь въ кустахъ у царскаго барака.

Напившись съ дороги чаю, Его Высочество вышелъ на террасу царскаго барака подышать свѣжимъ воздухомъ; а я всталъ съ дивана, стоявшаго посрединѣ террасы, и, вытянувшись, взялъ подъ козырекъ. „Опусти руку и не бери больше подъ козырекъ“, сказалъ Великій Князь, „а это чья-же лошадь тамъ въ кустахъ?“—Моя, Ваше Высочество!—„А зачѣмъ же у тебя конь: вѣдь ты пѣшій?“—Никакъ нѣтъ, Ваше Высочество, я адъютантъ 1-го баталіона.—„Гдѣ же у тебя эксельбанты?“—Начальство велѣло мнѣ ихъ снять, Ваше Высочество, было моимъ отвѣтомъ. „Отпусти коня въ лагерь, а то онъ здѣсь у тебя безъ корма“, сказалъ Великій Князь. Вдругъ неожиданно раздается изъ кустовъ голосъ моего денщика—Латыша: „Ихъ благородіе приказали мнѣ торбу съ овсомъ взять“, и въ доказательство въ воздухѣ мелькнула торба съ овсомъ. Я съ ужасомъ жду, что-то мнѣ будетъ отъ Великаго Князя за выходку моего денщика; но Его Высочество, разсмѣясь, проговорилъ: „вижу, братецъ, что о конѣ заботишься, молодецъ!“, а затѣмъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ, „вели ему у коня ослабить подпруги, а когда нужно будетъ, я тебѣ скажу“.

На слѣдующій день назначенъ былъ объѣздъ нашего лагеря, и я долженъ былъ, по положенію, скакать верхомъ у коляски Великаго Князя, съ правой стороны. Въ восемь часовъ утра, Его Высочество вышелъ изъ своего помѣщенія, поздоровавшись со мной сѣлъ въ коляску, чтобы ѣхать въ лагерь, а тамъ уже ждала Его Высочество верховая лошадь, приведенная драгунами изъ подъ Кіева. Великій Князь сидѣлъ въ коляскѣ съ командующимъ войсками Харьковскаго округа Ѳ. Ѳ. Радецкимъ. Во время переѣзда въ лагерь, Великій Князь спросилъ меня: „Гдѣ ты купилъ коня и почемъ?“ Я отвѣтилъ Его Высочеству. Тогда, обратившись къ генералъ-адъютанту Радецкому, Великій Князь изволилъ проговорить: „Первый разъ въ жизни вижу у

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и начальникъ Донской дивизіи.

пѣхотнаго адъютанта такого коня, и какъ онъ славно сидитъ". Проѣхавъ, еще немного, Великій Князь спросилъ меня опять: „Бартеневъ, ты учился ѣздить верхомъ?"—Никакъ нѣтъ, Ваше Высочество; но я изъ Т-ской губерніи, а у насъ тамъ многіе хорошо ѣздятъ. Послѣ объѣзда лагеря Великій Князь изволилъ пожелать осмотрѣть историческіе памятники мѣстечка Батурина и первымъ долгомъ поѣхалъ осматривать замокъ гетмана Разумовскаго. Во время осмотра замка, вдругъ подходятъ къ Великому Князю мѣстные обыватели и начинаютъ жаловаться, что наши солдаты разрушаютъ замокъ. Я, ободренный милостивымъ обращеніемъ ко мнѣ Великаго Князя, и самъ сейчасъ не помню, какъ набрался смѣлости, проговоривъ: „Всё они врутъ, Ваше Высочество, на солдатъ, а сами таскаютъ. И какую пользу изъ всего этого можетъ извлечь солдатъ? А имъ же Батуринцамъ всё на пользу: камень идётъ у нихъ на постройку новыхъ хатъ. а желѣзо и чугунъ отъ колоннъ на разныя хозяйственныя подѣлки". Великій Князь милостиво улыбнулся на мои слова, а имъ махнулъ рукой. Въ одну секунду мѣстный исправникъ ихъ убралъ куда-то. Такъ и осталась жалоба ихъ не причёмъ. Жаловаться же они вздумали потому, что, услыхавъ о желаніи Его Высочества осмотрѣть замокъ, боялись какъ бы имъ не досталось за разрушеніе историческаго памятника, а потому и надумали всё свалить на солдатъ, благо представился подходящій случай. Затѣмъ далѣе поѣхали смотрѣть домъ Кочубея, отъ котораго только и хорошо сохранилась что темница съ громаднымъ желѣзнымъ кольцомъ въ стѣнѣ, къ которому, по преданію, и былъ прикованъ Кочубей. Въ настоящее время, говорятъ, что наслѣдниками этой фамиліи домъ Кочубея заново реставрированъ. Великій Князь, осмотрѣвъ темницу, обратился къ сторожу развалинъ, весьма древнему старику: „Скажи, любезный, а гдѣ здѣсь Маріинъ дубъ?" Сторожъ удивленно на него посмотрѣлъ. „Ну, если не Маріинъ, то Матренинъ дубъ, который она сама сажала", вновь переспросилъ его Великій Князь. И на этотъ вопросъ опять молчаніе. „Да есть ли тутъ какой-нибудь дубъ, старина?" былъ новый вопросъ Его Высочества. „Какъ же, былъ одинъ, я его еще хлопцемъ помню, а теперь нема," вдругъ неожиданно проговорилъ старикъ. „Такъ куда же онъ дѣвался?" Снова молчаніе, а затѣмъ опять неожиданно старикъ сказалъ: „да бисъ его знае, мабуть хлопцы срубили!" Его Высочество, а за нимъ и вся свита такъ и покатились отъ смѣха. Старикъ-сторожъ удивленно на всѣхъ посмотрѣлъ, а затѣмъ махнулъ рукой и куда-то поспѣшно скрылся. Такъ и остался вопросъ о дубѣ Матрены Кочубей открытымъ. Надо было еще осмотрѣть послѣдній памятникъ старины—это дворецъ Мазепы, куда мы и направились для осмотра. Отъ этого памятника только и уцѣлѣлъ что подвальный этажъ съ огромной желѣзной дверью, да и тотъ вросъ почти въ землю и сравнялся съ горизонтомъ, обросши кругомъ густою рощей. Вотъ все что̀ осталось отъ дѣяній знаменитаго въ исторіи Россіи измѣнника! На другой день назначены были двухсторонніе маневры войскамъ лагеря. Въ царскомъ баракѣ подходитъ ко мнѣ генералъ-маіоръ А. А. Орловъ и говоритъ: „А вы знаете, юноша, какъ вамъ слѣдуетъ завтра держаться при особѣ Его

Высочества и гдѣ ваше мѣсто?“ Я чистосердечно признался, что первый разъ ординарцемъ, а потому буду глубоко благодаренъ его превосходительству за указанія. „Вы должны быть въ шагѣ разстоянія отъ Великаго Князя и помнить, чтобы вашъ конь всегда былъ повернутъ головой къ Его Высочеству; а то не вздумайте стать бокомъ или обернуть задомъ, не забывайте!“ Я горячо поблагодарилъ добраго генерала за указаніе. Свиту Его Высочества составляли генералъ-маіоры: А. А. Орловъ, Д. А. Скалонъ, Левицкій [1]), полковникъ Бибиковъ [2]) и лейбъ-медикъ Шершевскій. Мое же высшее начальство было: командующій войсками Харьковскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Ѳ. Ѳ. Радецкій [3]), корпусный командиръ, 9-го армейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ А. Д. Столыпинъ [4]), начальникъ дивизіи (5-й пѣхотной) генералъ-лейтенантъ В. А. Полторацкій [5]). Лица составлявшія свиту Великаго Князя были столь любезны со мной, молодымъ офицеромъ, что я былъ отъ нихъ въ восторгѣ и чувствовалъ себя въ ихъ обществѣ менѣе стѣснительно, чѣмъ при своемъ начальствѣ. Утромъ, въ день маневровъ, сижу себѣ на террасѣ и жду выхода Великаго Князя, какъ подходитъ ко мнѣ лакей начальника дивизіи и проситъ меня, чтобы я сошелъ съ террасы къ супругѣ начальника дивизіи, которая желаетъ меня видѣть и что-то со мной говорить. Я пошелъ къ ней навстрѣчу. Лидія Константиновна [6]) мнѣ говоритъ: Я„ прошу васъ, Димитрій Васильевичъ, взять у меня ключи отъ буфета и распоряжаться ими по вашему усмотрѣнію; только не забудьте предложить Его Высочеству „Неплюевской настойки“: она очень хороша. Смотрите же, не забудьте!“

Въ залѣ барака, тѣмъ временемъ, стали накрывать къ завтраку, и вся свита, одинъ по одному, начали собираться туда. Я подумалъ, что вѣроятно сегодня маневровъ не будетъ, и Великій Князь выйдетъ прямо въ залъ, и пошелъ туда вслѣдъ за свитой. Наконецъ отворяется дверь кабинета Его Высочества, и онъ выходитъ оттуда въ сопровожденіи командующаго войсками и корпуснаго командира. Всѣ подошли къ столу и начали закусывать, а затѣмъ и садиться за столъ. Я же, какъ самый младшій изъ всѣхъ, не зналъ, что мнѣ дѣлать и остался стоять въ сторонѣ. Великій Князь, увидавъ меня, подошелъ, поздоровался со мной, а затѣмъ, взявъ за руку, подвелъ меня къ обществу и сказалъ: „гг. генералы, позвольте вамъ представить генералъ-фельдмаршала; прошу любить и принять его въ ваше общество, а то онъ тоже желаетъ подкрѣпиться“. Передъ первымъ блюдомъ я вспомнилъ о настойкѣ и потому, обратясь къ Великому Князю, сказалъ: „не угодно ли будетъ Вашему Высочеству попробовать „Неплюевской настойки?“—„А зачѣмъ она у тебя?“ спро-

---

[1]) Нынѣ умершій.

[2]) Генералъ-маіоръ, президентъ г. Варшавы.

[3]) Нынѣ умершій.

[4]) Умеръ 17 Ноября 1899 года въ г. Москвѣ.

[5]) Нынѣ умершій, тотъ, который былъ въ Семирѣченской области генералъ-губернаторомъ и передалъ картографическое заведеніе Ильину.

[6]) Супруга В. А. Полторацкаго.

силъ, Великій Князь: но за меня отвѣтилъ генералъ Левицкій: „да у него, Ваше Высочество, всѣ ключи отъ буфета“. „Вотъ видите, гг. генералы, намъ съ нимъ нужно быть полюбезнѣе, а то онъ ничего не дастъ, вѣдь все въ его рукахъ!“ Это было началомъ шутки, и весь завтракъ прошелъ очень оживленно. Послѣ завтрака всѣ вышли на террасу, куда были поданы кофе и чай. Въ это время подходитъ ко мнѣ Зегеръ [1]), фотографъ изъ Нѣжина, и проситъ, чтобы я передалъ Его Высочеству просьбу о дозволеніи ему снять группу со свиты Великаго Князя. Я передалъ просьбу Зегера. Къ сожалѣнію группа не удалась, и бѣдный Зегеръ уѣхалъ въ Нѣжинъ, испортивъ двѣ большія пластины и ни съ чѣмъ!

Погодя немного, Великій Князь сказалъ мнѣ: „Узнай мнѣ, Бартеневъ, что пріѣхалъ ли генералъ Штакельбергъ [2]), и если пріѣхалъ, то попроси его сейчасъ же ко мнѣ въ кабинетъ“. Великій Князь всталъ и отправился въ свои аппартаменты. Я пошелъ исполнять порученіе, но по дорогѣ встрѣтилъ генерала и передалъ ему приглашеніе Великаго Князя. Увидѣвъ входящаго генерала, Его Высочество обнялъ его нѣсколько разъ, а затѣмъ отпустилъ меня изъ своего кабинета. Вечеромъ въ этотъ же день полковникъ Бибиковъ былъ командированъ осмотрѣть сторожевые посты и цѣпь отправлявшихся на маневры войскъ. Гг. генералы Скалонъ и Левицкій были назначены Великимъ Княземъ посредниками на маневрахъ, и намъ всѣмъ, составлявшимъ свиту, была объявлена форма одежды на слѣдующій день, при чемъ чрезъ генерала Орлова Его Высочество приказалъ мнѣ одѣть эксельбанты. Раннимъ рано на другой день, въ 5 часовъ утра, Великій Князь вышелъ изъ своихъ помѣщеній, и мы отправились на маневры. Его Высочество помѣстился въ редутѣ сѣвъ на походной скамьѣ, на самомъ брустверѣ редута, и наблюдалъ въ бинокль за начавшимися маневрами. Въ восемь часовъ утра стали подъѣзжать и дамы, которымъ разрѣшено было Великимъ Княземъ у самаго редута наблюдать за маневрами. Для защиты ихъ отъ солнца, раскинута большая палатка, и въ ней приготовлено было все для чая и закуски. Я стоялъ около Его Высочества и ждалъ приказаній; но Великій Князь сказалъ мнѣ: „Ступай и занимай дамъ, а когда нужно будетъ, то я тебя позову“. Я былъ очень доволенъ этимъ распоряженіемъ, потому что въ перспективѣ имѣлъ въ виду напиться чаю и закусить. Не прошло и полчаса, какъ меня позвали къ Великому Князю. Его Высочество сказалъ мнѣ: „Ступай, Бартеневъ, и узнай, сколько у непріятеля резервовъ и гдѣ они спрятаны“. Я поскакалъ и возвратившись доложилъ, что видно только восемь и скрыты они за овражками. Маневръ продолжалъ идти своимъ порядкомъ, какъ вдругъ Великій Князь замѣтилъ, что непріятель хочетъ зайти во флангъ оборонявшихся, и тогда сказалъ мнѣ: „Узнай у бригаднаго командира, что̀ онъ намѣренъ дѣлать: его обходятъ во флангъ“ Первое, что̀ пришло мнѣ въ голову, это—какъ я найду

---

[1]) Зегеръ—Еврей-фотографъ въ г. Нѣжинѣ.

[2]) Начальникъ 11-й кавалерійской дивизіи, бывшій начальникомъ Николаевскаго кавалерійскаго училища въ С.-Петербургѣ.

бригаднаго командира, когда непріятельская линія растянута на нѣсколько верстъ, да успѣю ли я что-нибудь сдѣлать: вѣдь обходъ во флангъ уже начался. Въ головѣ мелькнуло: пересѣку цѣпь непріятеля по діагонали и, можетъ быть, попаду на генерала. Но куда скакать, когда все поле занято лежащею цѣпью, обскакивать же цѣпь и долго, да и некогда. Что̀ дѣлать? Внутренно помолясь Богу, я далъ шпоры кабардинцу и помчался впередъ. Какъ сквозь сонъ слышалъ я крики испуга, когда перескакивалъ черезъ цѣпь; но кабардинецъ такъ ловко бралъ живой барьеръ, что я никого не задѣлъ, перепрыгивая черезъ лежащихъ людей въ цѣпи. На мое счастье, я взялъ вѣрное направленіе и какъ разъ напалъ на бригаднаго командира, генералъ-маіора Бѣлявскаго. Передать ему о томъ, что̀ спрашивалъ его Великій Князь и получить отъ него отвѣтъ—было дѣломъ одной минуты, и я поскакалъ обратно и по тому же самому пути. Уже подскакивая къ редуту, я, къ ужасу своему, замѣчаю, что сзади редута входъ его занятъ войсками и должно быть для внезапной атаки изъ редута штурмующаго противника. Опять вопросъ: „что̀ дѣлать?“ Подскакать къ редуту и рапортовать черезъ ровъ въ четыре сажени шириною, по меньшей мѣрѣ, непристойно, да еще Его Высочеству; соскочить съ лошадью въ ровъ на глубину двухъ саженъ и оттуда рапортовать тоже несовмѣстимо съ воинскимъ приличіемъ; слѣзть самому съ коня, и взобравшись по контръ-эскарпу, отрапортовать—боюсь сдѣлаться посмѣшищемъ кавалеріи и самого Великаго Князя; слѣдовательно тоже неудобно. Призвавъ на помощь Бога, я рѣшаюсь на слѣдующее. Передъ самымъ рвомъ даю шпоры кабардинцу, и тотъ, обезумѣвъ отъ боли, съ полнаго карьера бросается въ ровъ, а затѣмъ по контръ-эскарпу начинаю съ конемъ взбираться на брустверъ редута. Кругомъ раздались крики испуга дамъ, да и самъ Великій Князь привсталъ съ походнаго стула и началъ наблюдать за мной. Повсюду настала полная тишина, и всѣ разговоры прекратились. Взобравшись на брустверъ редута, я собралъ коня и началъ рапортъ Его Высочеству. Я и теперь не помню, какъ Великій Князь приказалъ мнѣ слѣзть, и кто-то взялъ у меня коня, по очнувшись слышу голосъ Его Высочества: „Молодецъ, Бартеневъ; но не знаешь главнаго правила въ кавалеріи: пуще всего береги коня, а ты ни себя, ни его не пожалѣлъ; все-таки молодецъ, спасибо!“ И при этомъ Его Высочество меня пожаловалъ. Помолчавъ немного, Великій Князь сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „А долго ты въ генералъ-фельдмаршальскомъ чинѣ состоишь?“—„Уже пять лѣтъ, Ваше Высочество“.— „Ну такъ поздравляю тебя со слѣдующимъ чиномъ“. У меня слезы навернулись на глазахъ: такъ я былъ растроганъ подобнымъ милостивымъ обращеніемъ Его Высочества. Въ это время въ редутъ входитъ генералъ Штакельбергъ и, поговоривъ что-то съ Великимъ Княземъ, вдругъ обращается ко мнѣ: „Не желаете ли, юноша, поступить въ любой полкъ моей дивизіи? И я васъ приму безъ прикомандированія“. Я былъ ошеломленъ подобнымъ приглашеніемъ и не зналъ, что̀ мнѣ и отвѣчать, но оглянувшись увидѣлъ свое начальство, и мнѣ казалось тогда, что будетъ неделикатно съ моей стороны, если я соглашусь на переводъ въ 11-ю кавалерійскую дивизію, къ

генералу Штакельбергу. Подумавъ немного, я отвѣтилъ, что глубоко благодаренъ его превосходительству за предлагаемую мнѣ честь, но думаю остаться служить тамъ, гдѣ началъ свою службу. Болѣе непростительной ошибки я не могъ сдѣлать; но на все, видно, судьба! Человѣкъ самъ отъ себя не зависитъ. До чего было милостиво отношеніе ко мнѣ Его Высочества, видно изъ того, что когда послѣ маневровъ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ В. А. Полторацкій, дѣлалъ обѣдъ Великому Князю, то на него были приглашены лица не ниже чина подполковника, т.-е. баталіонныхъ командировъ, и я, разумѣется, по своему положенію не былъ приглашенъ; но Его Высочество, узнавъ объ этомъ, сказалъ генералу Полторацкому: „Пошли, пожалуйста, приглашеніе и моему ординарцу Бартеневу". Я въ тотъ же день получилъ приглашеніе на обѣдъ. За обѣдомъ Его Высочество подозвалъ меня съ моего мѣста, спросивъ: „Хочешь попробовать Мозельвейну? Онъ очень хорошъ." Я поблагодарилъ Его Высочество, и на нашемъ концѣ стола появилась бутылка Мозельвейну. За этимъ виномъ былъ командированъ въ Кіевъ одинъ изъ нашихъ баталіонеровъ и, какъ мнѣ помнится, что подполковникъ П. Н. Шамшевъ *); вино добыли изъ погреба Ея Высочества Великой Княгини Александры Петровны, супруги Его Высочества, и только двѣ бутылки. П. Н. Шамшевъ, знатокъ винъ, говорилъ мнѣ, что вино было рѣдкое.

Послѣ обѣда Его Высочество подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Получи отъ генерала А. А. Орлова золотой браслетъ и отъ моего имени передай его въ подарокъ Лидіи Константиновнѣ Полторацкой. Я передалъ браслетъ по принадлежности, доложивъ Его Высочеству, что Лидія Константиновна благодаритъ за подарокъ и проситъ Его Высочество отпустить меня сегодня играть на любительскомъ спектаклѣ, даваемомъ въ честь Его Высочества въ нашей дивизіонной ротондѣ сегодня вечеромъ. Разрѣшеніе было дано, и я долженъ былъ участвовать въ водевилѣ „Мотя". Утромъ на слѣдующій день назначенъ былъ отъѣздъ Великаго Князя изъ Батуринскаго лагеря куда-то на Югъ. Прощаясь, Великій Князь благодарилъ войска, начальника дивизіи, а затѣмъ, обратясь къ генералу Полторацкому, сказалъ: „Благодарю тебя, Полтарацкій, за ординарца; онъ былъ на своемъ мѣстѣ". Черезъ два дня въ штабѣ дивизіи была получена телеграмма отъ Его Высочества, въ которой было сказано: „За смотръ и маневры войскъ Батуринскаго отряда представить къ наградамъ шесть человѣкъ офицеровъ, и въ томъ числѣ обязательно Бартенева изъ перваго чина во второй за отличіе". До сихъ поръ есть еще много очевидцевъ, которые помнятъ этотъ случай изъ жизни Батуринскаго отряда, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1884 года. Что же касается до меня, то я не могу безъ глубокаго чувства вспомнить этотъ эпизодъ изъ моего юношества и вѣчно буду чтить священную память нашего въ Бозѣ почившаго августѣйшаго генералъ-инспектора кавалеріи, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.

Д. Бартеневъ.

---

*) Нынѣ въ отставкѣ и городскимъ судьею въ Вильнѣ.

ЗАБЫТЫЙ ФАКТЪ.

Года за три до моего прiѣзда, лѣтомъ 1851 года, на службу въ Оренбургъ, одно Англiйское Миссiонерское Общество исходатайствовало разрѣшенiе у нашего правительства распространять Христiанство между Оренбургскими Киргизами. Миссiонерамъ отвели особый домъ недалёко отъ крѣпости, по дорогѣ къ Военному Гошпиталю. Много лѣтъ спустя, домъ этотъ все еще прозывался «Англичанскимъ», хотя жившiе тамъ миссiонеры очень скоро были высланы изъ Россiи, потому что вмѣсто Христiанской проповѣди занимались снимкою плановъ съ нашихъ степныхъ укрѣпленiй и съ Оренбургской крѣпости, еще не утратившей тогда своего прежняго значенiя (вспомнимъ бунтъ Кенисары, разбои Кукузова и грабительскiе подвиги султана Чиндалiя Кучакова)... При мнѣ въ Англичанскомъ домѣ квартировалъ капитанъ генеральнаго штаба Карлъ Ивановичъ Гернъ, съ которымъ мы были очень дружны. Онъ подарилъ мнѣ на память оставленную Англичанами Библiю, и я до сихъ поръ храню её какъ драгоцѣнный историческiй документъ. На ней слѣдующая надпись, тщательно снятая мною: «G. M. Alpine». Полагаю, что это значитъ «gracious mission Alpine», т. е. благодатная миссiя Альпiйская. Такая, дѣйствительно, есть, и попасть въ ея члены не трудно. Но вѣдь Оренбургскiе миссiонеры, разумѣется, обращались съ предварительной просьбою къ Англiйскому посольству въ Петербургѣ; оно-то и исходатайствовало имъ разрѣшенiе на своеобразную проповѣдь. А кто же ради собственнаго удовольствiя будетъ снимать планы съ чужихъ крѣпостей, подвергаясь за это позорной казни въ качествѣ шпiона? Тутъ всякiе комментарiи излишни.

Мои Оренбургскiе сверстники знаютъ про это интересное происшествiе гораздо больше, чѣмъ я, и хорошо сдѣлаютъ, если дополнятъ мою коротенькую замѣтку обстоятельными и точными свѣдѣнiями.

Бывшiй врачъ Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора Василiя Алексѣевича Перовскаго, Ив. Васил. Павловъ.

С. Челюскина Слободка, Одоевскаго уѣзда, Тульской губернiи.

РѢЧЬ ПРОТИВЪ ДУЭЛЕЙ.

Покойный митрополитъ Московскій Филаретъ въ Катехизисѣ, признаваемомъ за книгу символическую, т.-е. за точное изложеніе вѣроученія Православной Церкви, на вопросъ: „Какъ должно судить о поединкахъ для рѣшенія частныхъ распрей“, даетъ такой отвѣтъ: „Послику разрѣшать частныя распри есть дѣло правительства, но, вмѣсто того, поединщикъ своевольно рѣшается на такое дѣло, въ которомъ предстоитъ явная смерть и ему, и его сопернику, то въ поединкѣ заключаются три ужасныя преступленія: мятежъ противъ правительства, убійство и самоубійство“. Проповѣдь, задача которой бороться съ общественными недостатками и пороками, почти не касается вопроса о дуэляхъ, или потому, что признаётъ излишнимъ доказывать очевидную преступность ихъ, какъ и убійства, воровства и т. п., или же потому, что проповѣдники, склонные громить недостатки низшихъ слоевъ общества (семейные раздѣлы крестьянъ, ихъ пьянство, сквернословіе и т. п.), страха ради Іудейска не затрогиваютъ пороковъ, свойственныхъ людямъ привилегированнымъ; а среди нихъ-то по преимуществу и совершаются поединки, являющіеся, такимъ образомъ, какъ бы одною изъ привилегій. Тѣмъ бо́льшій интересъ имѣетъ найденная нами рѣчь противъ дуэлей, относящаяся, какъ гласитъ надпись, ко времени царствованія императора Николая I-го. Рѣчь написана на полулистѣ писчей пожелтѣвшей бумаги, сличчивымъ почеркомъ, какимъ писали въ то время.

Указавъ на отсутствіе у себя подготовки къ проповѣдницеской дѣятельности при дворѣ и на контрастъ между тѣми слушателями, къ которымъ привыкъ ораторъ, и тѣми, которые находятся въ данный моментъ предъ нимъ, онъ обращается къ предстоящимъ, раздѣляя ихъ по званію: сначала къ Государю, затѣмъ къ придворнымъ чинамъ и, наконецъ, къ чинамъ военнымъ. Его слова къ Государю безъ того рѣзкаго обличительнаго тона, который слышится вообще въ этой рѣчи. Въ ядовитой характеристикѣ вельможъ того времени указаны гордость, лицемѣріе и другіе ихъ недостатки; въ этомъ отношеніи рѣчь напоминаетъ обличительную тираду изъ стихотворенія Лермонтова на смерть Пушкина: „А вы, надменные потомки“...

Доказательство преступности дуэлей, распространенныхъ среди военныхъ, на столько сильны и мѣтки, что имѣютъ значеніе и въ настоящее время, особенно въ виду возбужденнаго статьями генерала М. И. Драгомирова интереса къ дуэлямъ. Хотя въ заглавіи рѣчи она и приписывается какому-му неизвѣстному Соловецкому старцу Нестору, однако, несомнѣнно,

что это есть произведеніе талантливаго и образованнаго проповѣдника, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ясность мысли, стройность плана, красота изложенія. Въ проповѣди нельзя не замѣтить вліянія Французскаго проповѣдника Массильона.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что рѣчь получена нами изъ Орловской губерніи, гдѣ родился знаменитый Русскій витія Иннокентій (Борисовъ), архіепископъ Херсонскій, который, какъ извѣстно, также находился подъ вліяніемъ Массильона. Кто бы ни былъ авторъ рѣчи, во всякомъ случаѣ она достопамятна.

*

Рѣчь Соловецкаго старца Нестора, говоренная въ С.-Петербургѣ, въ придворной церкви Зимняго Дворца, въ 1843 году, въ присутствіи Его Императорскаго Величества, двора и военныхъ чиновъ.

(Блаженни алчущіи и жаждущія правды, яко тіи насытятся).

При видѣ слушателей столь новыхъ для меня, мнѣ кажется, любезные мои братія, я бы долженъ былъ только испрашивать снисхожденія для бѣднаго старца, не имѣющаго дарованій, которыхъ вы требуете отъ проповѣдниковъ спасенія вашего. Чувствуя и зная свои недостоинства, я, однакоже, почту за преступленіе заботиться о своемъ тщеславіи и похвалѣ вашей.

Донынѣ я проповѣдывалъ о правосудіи Всевышняго въ хижинахъ, покрытыхъ соломою; я проповѣдывалъ неизбѣжныя истины вѣры нашей трудолюбивымъ, добрымъ земледѣльцамъ, проповѣдывалъ несчастнымъ, часто не имѣющимъ дневного пропитанія, — объ ужасахъ вѣчнаго наказанія. Что же я сдѣлалъ несчастный! Я опечалилъ бѣдныхъ, лучшихъ друзей Бога моего; я внесъ ужасъ и скорбь въ добрыя простыя сердца, которыя я бы долженъ былъ утѣшить и упокоить.

Но здѣсь, куда ни взгляну я,—вижу гордыхъ вельможъ, которые полагаютъ, что неизмѣримое пространство раздѣляетъ ихъ отъ бѣдныхъ тружениковъ; они забыли, что послѣ ихъ часовой жизни вѣчная могила ихъ одинакова, что на судѣ Всемогущаго послѣдніе будутъ первыми, а первые послѣдними.

Здѣсь вижу тѣхъ недоступныхъ судей, которые лишь на страшномъ судѣ вспомнятъ, что они были судьями. Здѣсь вижу богатыхъ, знатныхъ, тѣхъ сильныхъ утѣснителей бѣдности, тѣхъ грѣшниковъ нераскаянныхъ, отвергающихъ судъ Божій и не страшащихся суда человѣческаго. Здѣсь-то и нужно было бы огласить неизбѣжное слово Божіе объ ужасахъ вѣчнаго наказанія и поставить со мною на одну сторону неумолимую смерть, на другую—послѣдняго Судію, пришедшаго защищать невинныхъ, ихъ слезы, печали и скорби.

Предавшій себя изъ любви къ человѣчеству на смерть крестную Небесный Владыка не показалъ ли тѣмъ и владыкамъ земнымъ, сколь велика должна быть ихъ любовь къ своимъ подданнымъ, къ этой христіанской ихъ братіи? Общій Отецъ нашъ вручилъ тебѣ, владыкѣ земному, дѣтей Своихъ, чтобы ты заботился о ихъ счастіи. Онъ хотѣлъ, чтобы одинъ человѣкъ служилъ бы своею мудростію къ счастію милліоновъ людей, а не милліоны людей служили бы къ наслажденію одного человѣка. Не для тебя самого Богъ тебя сдѣлалъ владыкою, а для народа, чтобы ты былъ мужемъ людей.

Видали-ль вы когда овецъ на долинѣ? Пастухъ стоитъ и внимательно наблюдаетъ свое стадо; онъ ведетъ овецъ и слѣдуетъ за ними; если онѣ разбѣжались, онъ соединяетъ ихъ; если волкъ показался—онъ пускаетъ на него вѣрнаго своего пса, который его отгоняетъ. Онъ ихъ бережетъ, хранитъ, заботится о нихъ. Сколько трудовъ, стараній! Какая тяжелая служба! Чья участь лучше, свободнѣе—пастуха или овецъ? Скажите! Стадо ли пасется для пастуха, или пастуха содержатъ для овецъ? Хорошій пастухъ безпрестанно заботится о своемъ стадѣ, и оно будетъ сыто, здорово, охранено отъ обиды дикихъ звѣрей. А, напротивъ, у худого пастуха стадо будетъ голодно, волки разгонятъ его, и оно разбѣжится и исчезнетъ. Пастухъ, пастухъ! Ждетъ тебя великая награда за паству добрую, но и за каждую овцу, невинно погибшую, отдашь отчетъ хозяину стада, сказавшему о Себѣ: «*Азъ есмъ пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, а наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ и не радитъ объ овцахъ*».

Придворные, вельможи, царедворцы! И вамъ скажу я нѣсколько словъ (не для наставленія, ибо никто не можетъ совратить васъ съ пути вашего: вы другою жизнію жить, другимъ воздухомъ дышать не можете). Все окружающее васъ — съ вами свыклось съ младенчества. Жажда стяжаній—вотъ добродѣтель! Правда считается простотою, коварство и хитрость—принадлежностію ума. Здѣсь прежде всего изгнали истину: ея нѣтъ болѣе; языкъ говоритъ другое, что̀ говоритъ сердце, но не только языкъ, здѣсь и глаза—тѣ лгутъ; все подъ личиною дружбы и вѣжливости. Всѣ хвалятъ въ глаза другъ друга, а въ сердцѣ—ненависть, зависть и презрѣніе къ тѣмъ, кого хвалятъ.

Намъ издали кажутся они достигшими небесъ, теряемъ ихъ изъ виду, такъ высоко они стали; но когда взглянемъ ближе, то увидимъ, что они несчастнѣе послѣднѣйшаго гражданина, на котораго они смотрятъ съ такимъ презрѣніемъ и который не возметъ всѣхъ вашихъ почестей за сотую долю вашихъ заботъ и того, что̀ вы привыкли называть своимъ достоинствомъ.

Жалѣю о васъ! И если бъ вы знали счастье, наслажденіе гражданина, живущаго добродѣтельно для блага отечества, согражданъ и семьи своей, то тогда бы, вмѣсто неумѣстной гордости, устыдились своего положенія, какъ Адамъ по совершеніи грѣха своего.

Внемлите словамъ Спасителя, сказавшаго: «*Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, идѣже татіе подкапываютъ и крадутъ. Скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, идѣже татіе не подкапываютъ, ни крадутъ*».

Теперь къ вамъ обращаюсь, молодые воины, и спрошу у васъ, для чего отечество дало вамъ мечъ? Не для защиты ли вашей родины? Какъ вы смѣете подымать его противъ вашего товарища и быть убійцею за одно неумѣстное слово, быть разбойникомъ? Какъ осмѣливаетесь мѣшать священное имя—честь—съ безразсуднымъ предразсудкомъ, который на концѣ шпаги повѣсилъ всѣ ваши добродѣтели? Вы полагаете, что тотъ человѣкъ уже болѣе не обманщикъ, не клеветникъ, не воръ картежный, когда онъ умѣетъ драться, что обманъ его дѣлается истиною, воровство обязанностію, клевета остереженіемъ; что всякая обида, нанесенная вамъ, вашей матери, супругѣ, сестрѣ, дочери—искупается ударомъ палаша, и, какое бы оскорбленіе вы ни сдѣлали, стоитъ только убить на дуэли того, кого оскорбили, тогда злодѣй совершенно правъ, справедливъ. Иные дерутся до первой крови!.. До первой крови,—Великій Боже! А что тебѣ въ этой крови, злое чудовище? Пить ли ее хочешь? Оклеветать женщину добродѣтельную, соблазнить жену товарища, друга, обыграть товарища въ карты—не почитается между вами порокомъ, лишь бы этотъ клеветникъ, этотъ соблазнитель, этотъ воръ былъ достаточно золъ, чтобы убить своего противника, того, кого онъ обидѣлъ. Неужели вы думаете, что негодяй, который убьетъ того, кто назоветъ его негодяемъ, сдѣлается, по милости звѣрскаго своего преступленія, честнымъ человѣкомъ? Нѣтъ! Онъ къ прежнему своему названію прибавитъ гнусное названіе убійцы и разбойника. Безчестный человѣкъ остается безчестнымъ, хотя бы онъ каждый день стрѣлялся. Честь состоитъ не въ убійствѣ, но въ спасеніи товарища. «*Кто положитъ душу свою за други свои, тотъ спасенъ будетъ*», сказалъ Великій Учитель.

«*Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ; блаженни миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся*». Замѣчено всѣми, что негодяи чаще дерутся на дуэли; они, досадуя на неуваженіе, которое къ нимъ имѣютъ и пользуясь безразсуднымъ предразсудкомъ, стараются прикрыть поединкомъ черноту своей жизни.—Господи! Гдѣ я? Во храмѣ ли святомъ Твоемъ? Христіане ли слушаютъ меня? Гдѣ же законъ Твой, которому удивляется мудрый и поклоняется добродѣтельный? Не

Ты ли сказалъ: «*Любите враги ваша, благословляйте клянущія вы и молитесь за творящихъ вамъ обиду*». Да, Господи! Но сіи уже не Твои: то Каннибалы, упивающіеся кровію своихъ собратій. Когда же принесете раскаяніе въ дѣлахъ вашихъ? Лучь истины и добродѣтели освѣтитъ ли сердца ваши? Скоро постигнетъ васъ смерть, ибо мы всѣ смертны; а за смертію нѣтъ покаянія. Да, жизнь человѣческая похожа на дорогу, въ концѣ которой лежитъ ужасная пропасть, въ которую каждый долженъ низвергнуться. Таковъ законъ природы! Я хотѣлъ бы воротиться назадъ; но могучая невидимая сила насъ гонитъ впередъ: все подвигается къ пропасти.

Тысячи огорченій, болѣзни постигаютъ насъ на пути; но это бездѣлица, еслибъ я могъ избѣгнуть той пропасти. Хотѣлъ бы остановиться,—иди, иди! А между тѣмъ все истребилось, что̀ миновалъ. Страшное разрушеніе, неминуемая гибель! А вотъ и близко пропасть! Уже вокругъ все блекнетъ, падаетъ, исчезаетъ; смерть ближится, уже холодомъ вѣетъ изъ пропасти. Но надобно идти къ самому берегу, еще шагъ—иди! Ужасъ смущаетъ чувства, голова кружится, мутно въ глазахъ,—ступай, ступай! Хотѣлъ бы назадъ—невозможно: все пало, исчезло, погибло, и нѣтъ возврата къ сей жизни, къ покаянію.

А что̀ ожидаетъ насъ тамъ, омытыхъ кровію ближнихъ, упитанныхъ слезами согражданъ? Подумайте! Есть еще время для размышленія и покаянія, хотя всѣ мы близко, очень близко, почти на краю стоимъ ужасной пропасти. Аминь!

(*Сообщилъ М. Успенскій*).

Эта картина нравовъ Русскаго дворянства и вельможъ напоминаетъ ярко очерченную у Массильона въ словѣ „о маломъ числѣ избранныхъ“ картину нравовъ Франціи и, преимущественно, двора въ прошломъ столѣтіи предъ революціей. Французскій проповѣдникъ, между прочимъ, говоритъ: „Лживость, клевета, вѣроломство, прелюбодѣяніе, самые гнусные пороки покрыли землю. Добродушіе почитается добродѣтелію слабыхъ умовъ; примиренія наши обманчивы... Дворъ—средоточіе всѣхъ страстей. Сильные живутъ такъ, какъ бы родились токмо для себя, и не являютъ инаго преимущества своей знатности, кромѣ распутства... Боже мой! Это ли Твоя церковь, собраніе вѣрныхъ? Это ли Твое драгое наслѣдіе, сія возлюбленная лоза, предметъ Твоихъ нѣжнѣйшихъ попеченій?“ (Избранныя слова Массильона, епископа Клермонскаго, говоренныя въ присутствіи Лудовика XIV и XV, королей Французскихъ. Перевелъ Иванъ Ястребцовъ“. М. 1817 г. стр. 43 — 45. Первое изданіе—въ 1808 г.—напечатано по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію. Переводъ посвященъ императору Александру I). Не только общій тонъ, но и нѣкоторыя отдѣльныя фразы здѣсь почти однѣ и тѣже, что̀ у Русскаго проповѣдника.

М. У.

МОЯ БОГИНЯ.

Фантазія—богиня Гёте!
Свобода—Шиллера кумиръ!
Вы слишкомъ высоко живете:
Мнѣ недоступенъ горній міръ.
Я не гоняюсь за наукой,
Любовью сердца не сушу,
Недальновидный, близорукій,
Я благъ заморскихъ не прошу;
Но есть одна изъ дщерей неба:
Ей не дымились алтари,
Не кланялись питомцы Феба:
Попы, Гетеры и Цари.
На тронѣ бархатно-пуховомъ
Она, какъ выражу я словомъ?!—
Не то сидитъ, не то лежитъ,
Не то какъ снѣгъ весенній таетъ,
И никого не призываетъ
И ничего не сторожитъ!
Безпечно кудри золотыя
На перси сыплются младыя,
Румянцемъ розовымъ горятъ
Ея плѣнительны ланиты,
Уста и взоръ полуоткрыты
И ничего не говорятъ.
Она опасная святая,
Ей посвящаю ночь и день,
Свобода ей сестра родная,
Отчизна—Югъ, а имя—лѣнь!

Эти стихи (Александра Осиповича Армфельда?) (сообщены П. И. Щукинымъ изъ хранящихся въ его музеѣ Мухановскихъ бумагъ).

ПУШКИНЪ НА ПУТИ ИЗЪ ОДЕССЫ ВЪ МИХАЙЛОВСКОЕ.

1824.

Отставной генералъ отъ кавалеріи Андрей Александровичъ Куцинскій въ 1824 году молодымъ корнетомъ находился въ Могилевѣ (на Днѣпрѣ) въ учебномъ эскадронѣ. 4 Августа онъ и товарищи его до поздней ночи читали только что тогда вышедшій «Бахчисарскій Фонтанъ», восхищались имъ, говорили о Пушкинѣ, выражали другъ другу желаніе его увидать, завидовали какому-то Иванову, который, какъ лиценстъ, можетъ видаться съ поэтомъ.

На другое утро Куцинскій вышелъ гулять и видитъ: по улицѣ расхаживаетъ кто-то въ видѣ кучеренка, въ Русской рубашкѣ, высокихъ сапогахъ и ермолкѣ, а по сверхъ всего военная шинель. Появленіе незнакомца возбудило любопытство. Стали говорить, что этотъ прохожій должно-быть сумасшедшій. Чтобы узнать, кто онъ, Куцинскій отправился на почтовую станцію и въ книгѣ съ подорожными прочелъ: Коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ. Въ подорожной исчислены были города, черезъ которые ему слѣдовать. Съ нимъ ѣхалъ слуга, одѣтый Татарченомъ.

Въ восторгѣ Куцинскій бѣжитъ къ Пушкину, рекомендуется и проситъ сдѣлать ему честь откушать у него чаю, прямо объявляя ему, что онъ и его товарищи зачитываются «Бахчисарайскимъ Фонтаномъ». Пушкинъ очень доволенъ и замѣчаетъ, что въ печатномъ текстѣ одинъ стихъ не такъ, а надо:

Корана заповѣдь святую
Не строже наблюдаетъ онъ.

Куцинскій побѣжалъ къ товарищамъ впередъ и объявилъ, что сейчасъ будетъ Пушкинъ. Тѣ подумали, что это графъ Владиміръ Ивановичъ Пушкинъ и удивились восторженности вѣстника. Но имя поэта Пушкина наэлектризовало молодыхъ людей. Очутился ромъ,

---

*) онъ происходилъ изъ роду князей Ипсиланти и женатъ былъ на Генгроссъ племянницѣ Е. Ѳ. фонъ Брадке, коего Записки въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 г. (I, 12—257).

Пушкинъ былъ очень любезенъ и между прочимъ распрашивалъ Куцинскаго о военной службѣ и о томъ, сколько должно быть въ Россіи денщиковъ. Тотъ сталъ ему пересчитывать, по скольку денщиковъ имѣетъ право держать у себя каждое начальственное лицо. Выходило до 100 тысячъ, если строго считать по военному положенію. Сто тысячъ загубленнаго народа, который долженъ сапоги чистить! восклицалъ и горячился Пушкинъ. Воронцова онъ поносилъ и упомянулъ между прочимъ, что отецъ его просилъ Государя о помилованіи его представляя, что другой сынъ у него выгнанъ изъ учебнаго заведенія, такъ что все утѣшеніе остается въ старшемъ.

За тѣмъ молодые люди повели Пушкина въ гостинницу, гдѣ полилось Шампанское. Пушкинъ предлагалъ было карты, но игра почему-то не состоялась. «Вы не думаете, чтобъ я не могъ играть, говорилъ онъ; у меня вотъ сколько денегъ». И онъ показывалъ большой пукъ ассигнацій.

*

Впослѣдствіи, въ царствованіе Николая Павловича, служа по жандармскому вѣдомству, А. А. Куцинскій встрѣчалъ Пушкина въ пріемной у графа Бенкендорфа. Государь уѣзжалъ въ путешествіе по Россіи; составленъ былъ маршрутъ. Пушкинъ противъ каждаго города и мѣстечка ставилъ отмѣтки, чѣмъ они замѣчательны. Графъ Бенкендорфъ этотъ путеводитель сложилъ въ четверку и, отправляясь къ Государю, заткнулъ себѣ за рукавъ.

(Записано въ Варшавѣ 14 Августа 1873 года со словъ А. А. Куцинскаго П. Б.).

КРЫМСКАЯ ВОЙНА.

Изъ дневника князя Г. А. Долгорукаго.

31-го Января 1856 года, Вторникъ. На разсвѣтѣ мы пріѣхали въ Харьковъ. Я тотчасъ одѣлся, напился чаю и поѣхалъ къ Кокошкину, чтобы приняться за мои служебныя занятія. Въ этотъ день я посѣтилъ военно-временный госпиталь, въ которомъ находятся 403 раненыхъ и 439 больныхъ; сверхъ того, 476 слабосильныхъ размѣщены въ околоткѣ. Домá, въ коихъ помѣщенъ госпиталь, очень хороши и могутъ легко помѣстить вдвое болѣе больныхъ. Самое лучшее помѣщеніе въ Семинаріи. Уходъ и пища совершенно удовлетворительны. Леченіе успѣшно. Просьбы больныхъ заключаются въ неполученіи отъ полковъ должнаго. Многіе изъ выздоровѣвшихъ и, по неспособности (за ранами) къ фронтовой службѣ, поступившихъ въ госпитальные прислужники, жалуются на пищу (1 пудъ 37 фунтовъ муки и $1\frac{1}{2}$ гарнца крупъ въ мѣсяцъ и денегъ 19 коп.) и просятъ о возвращеніи ихъ въ полки. Просьба эта доказываетъ, что теперешнее положеніе ихъ хуже прежняго, котораго они лишились вмѣстѣ съ здоровьемъ, исполняя свой долгъ; почему я счелъ обязанностью ходатайствовать объ улучшеніи ихъ положенія и выдалъ единовременно на улучшеніе ихъ пищи 100 рублей серебромъ на 60 человѣкъ.

Февраль 1-е и 2-е, Середа и Четвергъ. Я вторично обошелъ палаты и посѣтилъ слабосильныхъ. Составивъ списокъ для выдачи пособія раненымъ (на 414 человѣкъ 1344 рубл.), я объявилъ каждому лицу, какую сумму онъ имѣетъ получить по выходѣ изъ госпиталя. Лично я выдалъ 87 рубл. Я стараюсь завести, чтобы выдача назначенныхъ денегъ производилась при двухъ свидѣтеляхъ, и отчетъ въ нихъ имѣлъ три подписи. Окончивъ занятія по госпиталю, я поѣхалъ вечеромъ къ архіепископу Филарету. Онъ еще въ Октябрѣ представилъ князю Горчакову проэктъ объ учрежденіи въ Харьковѣ общества улучшенія быта военно-раненыхъ и больныхъ. Я выпросилъ у него копію съ этого проэкта.

29*

3-го, Пятница. Весь день былъ занятъ окончаніемъ бумагъ для почты. Часа въ четыре отправилъ первое донесеніе Государынѣ. Господи благослови! При донесеніи представилъ и копію съ проэкта архіепископа. Въ промежуткѣ занятій началъ писать въ этой книгѣ, которую мнѣ подарила Катенька Чернышева; мнѣ очень милъ этотъ подарокъ. Около 8-ми часовъ вечера мы выѣхали съ Ганзеномъ по Екатеринославской дорогѣ, а Дурасовъ поѣхалъ на Изюмъ повидаться съ своею сестрой.

4-е, Суббота. Отъѣхавъ три станціи отъ Харькова, поставилъ коляску на колеса. Въ Константиноградѣ посѣтилъ больницу. Маленькая, но хороша. Изъ Крымской арміи 10 больныхъ, 3 раненыхъ; выдалъ 8 рублей.

5-е, Воскресеніе. Въ Новомосковскѣ посѣтилъ больницу. Маленькая, но недурна, за исключеніемъ аптеки, въ которую не доставлены еще медикаменты на 1856 г. Вечеромъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ, съ трудомъ получилъ квартиру. Какъ только устроилъ себѣ уголокъ, поѣхалъ къ Е. М. Бакуниной, старшей сестрѣ Кресто-Воздвиженскаго общества.

6-е, 7-е, 8-е. Понедѣльникъ, Вторникъ, Середа. Объѣзжалъ раненыхъ и больныхъ. Въ 26 домахъ 1225 человѣкъ больныхъ, въ томъ числѣ 161 раненый. Съ нѣкотораго времени положеніе больныхъ значительно улучшилось, и я засталъ ихъ пищу и положеніе удовлетворительными. Строенія хороши, но нѣкоторыя еще сыры. Удивительно: до пріѣзда Ѳ. А. Волкова (въ Январѣ) не подумали прорѣзать форточки въ окнахъ, да и теперь дѣлается вяло. Въ кухняхъ надъ котлами устраиваютъ паровыя трубы: это хорошо. Отхожія мѣста дурны. Выдалъ 56 человѣкамъ 150 рубл. и одному офицеру 30 р. Во Вторникъ возвратился Ганзенъ. Онъ привезъ мнѣ пріятное извѣстіе, что въ Павлоградѣ 84 больныхъ и раненыхъ помѣщены удобно и содержатся хорошо. Дурасова еще нѣтъ, а письмà было много. Слава Богу, приходитъ къ концу. Теперь три часа, пойду спать. Въ первый разъ догналъ въ дневникѣ настоящее время. Прощайте дѣти, Господь съ вами!

9-е, Четвергъ. Отправилъ рапортъ и окончилъ занятія къ четыремъ часамъ вечера. Теперь укладываюсь. Сейчасъ пошлю за лошадьми и поѣду обѣдать. Мнѣ грустно, что къ дѣтямъ очень мало пишу.

10-е, Пятница. Въ одиннадцатомъ часу пріѣхали въ Никополь. Погода перемѣнилась на теплую, отъ времени до времени шелъ небольшой дождь. Собравши городничаго, старшаго доктора и смотрителя, отправились осматривать госпиталь, расположенный въ 23 домахъ. Сначала здѣсь былъ госпиталь на 150 человѣкъ и, говорятъ, что помѣщеніе было порядочное; но въ Декабрѣ мѣсяцѣ мар-

шевыя команды 6-го корпуса, идущія въ Крымъ подъ начальствомъ генерала Рафаиловича, бросили здѣсь болѣе трехсотъ больныхъ и запрудили городъ. Чтобы люди не умирали подъ открытымъ небомъ, велѣно было выбросить кровати, и больныхъ размѣстили въ величайшей тѣснотѣ на землѣ, часто безъ полу, на половину безъ тюфяковъ. Смертность сдѣлалась значительною, болѣзни усилились; отъ испражненій, впитывающихся въ земляные полы, поднялась тухлая сырость и впилась въ стѣны бóльшей части домовъ, построенныхъ изъ камышеваго плетня. Домà, построенные изъ лѣса и въ которыхъ больные расположены на нарахъ, не подверглись этой убійственной сырости. Въ пріѣздъ мой больныхъ было налицо 390 изъ 500, которые были за мѣсяцъ или два передъ тѣмъ. Я просилъ усиленно старшаго доктора при малѣйшей возможности выписывать больныхъ въ слабосильную команду, расположенную въ окружныхъ деревняхъ, чтобы въ городскомъ госпиталѣ находилось не болѣе 350 больныхъ, которые, хотя съ трудомъ, но могутъ быть помѣщены въ городѣ. Пища дается хорошая.

8-го числа прибыли для госпиталя топчаны (кровати, которыя можно сдвигать въ видѣ наръ): мѣра необходимая и благотворительная; но все дѣлается такъ вяло. Для удобства укладки, ножки и щиты лежали врозь, и по прибытіи въ Никополь въ теченіе двухъ сутокъ ни одна ножка не прибита къ щиту, ни одинъ топчанъ не поставленъ въ госпиталь, тогда какъ главною причиной смертности и упорности болѣзней можно считать расположеніе больныхъ на полу. Я просилъ, чтобы этимъ занялись поусерднѣе. Въ бѣльѣ недостатокъ ужасный; есть люди, для которыхъ нѣтъ перемѣны, и бѣлье сгниваетъ на тѣлѣ, на которомъ гуляетъ безчисленное множество ползающихъ жителей. Въ этомъ, слава Богу, можно имъ въ скорости помочь. Я тотчасъ отправилъ въ Екатеринославъ письмо къ Е. М. Бакуниной, чтобы она прислала сюда все, чтò можетъ бѣлья, присланнаго изъ конторы Государыни. Изъ Никополя я поручилъ Ганзену заѣхать въ с. Неплюеву, гдѣ расположена Херсонская запасная казенная аптека и, узнавъ отъ него, что она расположена въ овчарнѣ, на низкомъ грунтѣ, подъ худою крышею, написалъ губернатору о томъ, прося его приказать исправить крышу и окопать строеніе вокругъ канавой. Въ Никополѣ явились ко мнѣ пять фельдшеровъ, прикомандированныхъ въ Рязанское ополченіе. Они отправлены сюда съ тѣмъ, чтобы получить здѣсь дальнѣйшія приказанія, куда имъ слѣдовать, но никакого приказанія не получили, и никто ихъ знать не хочетъ, и они проживаются совершенно попусту. Я взялъ на себя прикомандировать ихъ къ Никопольскому госпиталю, пока они не получатъ дальнѣйшаго назначенія, и выдалъ имъ въ счетъ жалованья по 10 р. на каждаго. Они остались

очень благодарны *). Въ 9 ч. вечера мы выѣхали съ Дурасовымъ изъ Никополя.

11-е, Суббота. Въ часъ пополуночи мы пріѣхали въ Грушевку. Ганзенъ пріѣхалъ часа за два до насъ. Онъ очень счастливъ, что попалъ сюда. Я оставилъ его съ Дурасовымъ здѣсь отдохнуть немного, а самъ поѣхалъ въ три часа далѣе. Весь вечеръ передъ тѣмъ и всю ночь шелъ сильный дождь, суходолы наполнились водою, и 4 версты не доѣзжая до ст. Нововоронцовки я былъ остановленъ такою балкою: мостъ былъ или снесенъ, или покрытъ водою; невозможно было попасть на него. Пришлось возвратиться въ Грушевку. Въ седьмомъ часу возвратился сюда и легъ спать; въ двѣнадцатомъ всталъ и, по деревенскому гостепріимству, пилъ кофе, чай, завтракалъ и теперь слышу, накрываютъ обѣдать. Отсюда до Берислава (гдѣ я долженъ посѣтить госпитали) 90 верстъ, и потому мнѣ нѣтъ расчета выѣхать отсюда ранѣе вечера. Пока могу здѣсь заняться моимъ дневникомъ и написать дѣтямъ и по служебнымъ занятіямъ. Между тѣмъ дождь пересталъ и вѣтеръ, можетъ, пообдуетъ дорогу.

12-е, Воскресенье и рожденіе Юрія. Жаль, что не былъ у обѣдни. Провелъ часть дня и обѣдалъ у Вертемьяка, близъ Мѣловой. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи пріѣхалъ съ Дурасовымъ въ Бериславъ. Отъ Екатеринослава по всей дорогѣ свирѣпствуютъ тифусъ и разныя лихорадки, и причиняютъ большую смертность.

13-е, Понедѣльникъ. Съ утра вмѣстѣ съ Дурасовымъ началъ осмотръ госпиталя, расположеннаго въ 34 домахъ каменныхъ и деревянныхъ. Послѣдніе суше первыхъ. Скопленіе больныхъ въ этомъ городѣ было чрезвычайное и послужило къ увеличенію смертности въ госпиталѣ и къ распространенію тифуса между жителями. Въ мою бытность больныхъ находилось налицо 358 нижнихъ чиновъ и 8 офицеровъ. Госпиталь снабженъ всѣмъ нужнымъ на 610 человѣкъ. При теперешнемъ расположеніи въ городѣ артиллеріи, можно, въ случаѣ крайности, помѣстить въ немъ до 450 больныхъ и 150 въ холодномъ балаганѣ, выстроенномъ въ прошломъ году на счетъ города. Но желательно было бы вовсе избѣжать помѣщенія больныхъ между жителями, какъ въ госпиталяхъ, такъ и на транспортныхъ промежуточныхъ пунктахъ, въ избѣжаніе заразительныхъ болѣзней, которыя сильно распространились между жителями по линіямъ помѣщенія и движенія больныхъ. Не знаю, до какой степени должны входить въ кругъ моихъ занятій соображенія о баракахъ для госпиталей и промежуточныхъ

*) Шнейдеръ жалуется на дурное составленіе лѣкарствъ въ аптекѣ: argentum nitricum, миндальное молоко.

транспортныхъ пунктовъ; но необходимость въ нихъ для пользы больныхъ и сбереженія края такъ ощутительна, что я едва воздержался отъ намѣренія немедленно приступить къ построенію трехъ холодныхъ бараковъ на 450 человѣкъ въ м. Каховкѣ. Опытность по хозяйственной части Дурасова и готовность его заняться этимъ дѣломъ служили бы вѣрнымъ ручательствомъ въ хорошемъ исполненіи его; но неизвѣстность, угодно ли Государынѣ, чтобы этотъ предметъ входилъ въ кругъ нашихъ занятій, остановила меня. Пища, раздаваемая больнымъ, отлично-хорошаго качества. Въ 9-мъ часу вечера мы пріѣхали съ Дурасовымъ въ м. Каховку. Мостъ черезъ рѣку существуетъ наполовину, а половину разбитъ льдомъ; до середины дороги перевозятъ на паромѣ. Черезъ часъ послѣ насъ пріѣхалъ и Ганзенъ, очень счастливый, что пожилъ въ кругу своихъ родныхъ. Напившись чаю, мы принялись за занятія. Я легъ спать во второмъ часу.

14-е, Вторникъ. Съ утра объѣзжалъ госпиталь. Здѣсь 179 больныхъ. Безъ тѣсноты помѣстить можно 170. Помѣщеніе больныхъ и содержаніе ихъ соотвѣтствуетъ Бериславскому; но успѣхъ лѣченія удовлетворительнѣе, что отчасти можно приписать болѣе здоровой мѣстности, но отчасти должно отнести къ старанію главнаго лѣкаря, Т. С. Соболева, тѣмъ болѣе, что предводители Херсонскаго уѣзда и Таврической губ., и воинскій начальникъ гор. Берислава отлично отозвались о немъ, о чемъ я счелъ обязанностью донести Государынѣ. Теперь 6-й часъ вечера. 3-й рапортъ Императрицѣ переписанъ и надписанъ. Дурасовъ оканчиваетъ переписку перваго письма къ в. к. Еленѣ Павловнѣ. Въ ночь, ежели Богъ дастъ, отправимся въ Перекопъ. Вслѣдствіе разговора съ Дурасовымъ, написалъ коротенькое письмо къ дѣтямъ на случай моей смерти и отдалъ его Дурасову.

15-е, Среда. Въ первомъ часу ночи выѣхалъ изъ Каховки съ Ганзеномъ. За одну станцію отъ Перекопа встрѣтилъ старшую сестру Крестовоздвиженской общины, А. И. Травину, и узналъ отъ нея, что Анатоль Паленъ, Крейтонъ и Табаровскій всѣ трое опасно больны и что всѣхъ менѣе надежды къ выздоровленію подаетъ Анатоль. Это извѣстіе меня огорчило и смутило. По милости Божіей, я обратился къ молитвѣ, и вскорѣ Господь даровалъ мнѣ спокойствіе. Мы пріѣхали въ Перекопъ часу въ третьемъ вечера и, напившись чаю, я тотчасъ отправился въ госпиталь. Я успѣлъ осмотрѣть часть его засвѣтло и когда смерклось пошелъ къ воинскому начальнику Богушевскому сообщить ему, что я нашелъ 11-е отдѣленіе въ очень тѣсномъ и вонючемъ положеніи и приписываю это безпорядку въ пріемной палатѣ, гдѣ я не нашелъ ни дежурнаго врача, ни даже фельдшера, для распредѣленія прибывшихъ больныхъ. Отъ Богушевскаго я узналъ,

что Анатоль скончался, а Крейтонъ безнадеженъ. Жаль очень Вѣру и все семейство. Я думаю, старикъ Паленъ не долго переживетъ это горе, и боюсь за Анну.

16-е, Четвергъ. Смотрѣлъ отправку 200 больныхъ въ Херсонъ и посѣтилъ остальную часть госпиталя. Въ общемъ обзорѣ все видимое приходитъ въ благое устройство. Здѣсь я увидалъ въ первый разъ госпитальную прачешную и сушильню. Строеніе въ 24 арш. длины и 8 арш. ширины, съ одною каменною печью и двумя желѣзными высушиваетъ ежедневно 800 штукъ крупнаго бѣлья. Окончивъ мои занятія, я посѣтилъ Ѳ. А. Волкова: онъ очень слабъ, послѣ сильнаго тифуса, но, говорятъ, внѣ опасности. Его лѣчитъ лѣкарь Корнатовскій, который имѣетъ здѣсь большую репутацію въ успѣшномъ лѣченіи тифозвыхъ больныхъ. Я написалъ объ немъ Олсуфьеву, увѣдомляя, что можно получать объ немъ болѣе точныя свѣдѣнія отъ г. п. кн. Урусова, г. М. Крузенштерна и Гечевича, и Ѳ. А. Волкова. Возвратившись вечеромъ на свою квартиру, я засталъ тамъ Дурасова, пріѣхавшаго благополучно изъ Берислава, но очень смущеннаго извѣстіемъ объ Анатолѣ, Крейтонѣ и Табаровскомъ. Мало-по-малу въ теченіе вечера онъ успокоился, къ чему много содѣйствовалъ Корнатовскій, проведшій у насъ весь вечеръ. Онъ человѣкъ очень способный и, кажется, ученый, но еще съ необузданными сильными страстями. Изъ него можетъ выйти замѣчательное лицо. Въ 11-мъ часу Дурасовъ легъ спать, а мы съ Ганзеномъ поѣхали въ Перекопъ.

17-е, Пятница. Снѣгъ и дождь. Пробыли весь день въ дорогѣ и ночевали въ Айбарѣ.

18-е, Суббота. Таже погода. Весь день въ дорогѣ, вечеромъ прибыли въ Симферополь. Пять верстъ не доѣзжая города, я сѣлъ верхомъ и пріѣхалъ сюда засвѣтло къ губернатору, графу Адлербергу, и тотчасъ наткулся на гробъ Крейтона. За нѣсколько часовъ до моего пріѣзда похоронили Анатоля. Я обѣдалъ у Адлерберга и встрѣтился у него съ Г. И. Чертковымъ, который поспѣшилъ сюда пріѣхать, узнавъ о болѣзни Анатоля, но не засталъ уже его въ живыхъ. Я очень радъ былъ видѣть Черткова и провелъ съ нимъ весь вечеръ. Онъ такой добрый и благородный малый.

19, Воскресенье. Прекрасная погода. Поутру поѣхалъ на дачу, гдѣ живетъ Табаровскій, познакомиться съ Крестовоздвиженской сестрой Медвѣдевой, которая постоянно ухаживала за Анатолемъ, и съ врачомъ Ботомъ, который также былъ неотлучно при немъ. Потомъ поѣхалъ въ соборъ къ обѣднѣ и молебну, по случаю восшествія на престолъ Государя. Какъ хороша молитва съ колѣнопреклоненіемъ! Послѣ былъ у Черткова, написалъ письмо къ дѣтямъ и проводилъ его.

Обѣдалъ у Адлерберга. Вечеромъ былъ у меня графъ Ниродъ. Когда онъ уѣхалъ, я раздѣлся и принялся за мой дневникъ, который отсталъ было на пять дней. Теперь догналъ. Скоро 11 часовъ, пора собираться спать.

20, Понедѣльникъ. Холодъ, вѣтеръ и дождь. Поутру священникъ отслужилъ въ моей квартирѣ молебенъ съ водосвятіемъ. Потомъ былъ у меня іеромонахъ Троицко-Сергіевской Лавры Агаѳангелъ. Онъ мнѣ очень нравится: такой благолѣпный! Душа радуется, глядя на него. Съ такою кротостью и готовностью желаетъ приняться за свое дѣло. Помоги ему Господь! Въ первомъ часу были похороны Крейтона, на которыхъ я немного простудился. Послѣ того я сдѣлалъ визитъ Плаутину, Фелькнеру и Аракину и возвратился домой съ головной болью. Слава Богу, это не долго продолжалось; къ вечеру я освѣжился и коечѣмъ занялся дома. Теперь 11 часовъ. Съ Тодоровымъ видѣлся нѣсколько разъ въ теченіе дня; онъ очень дѣятеленъ и услужливъ. Сегодня распорядился, чтобы контора Бернштейна, по моимъ билетамъ, доставляла на подводахъ офицеровъ къ мѣстамъ ихъ назначенія. Почтовыя сношенія представляютъ баснословный безпорядокъ и грабежъ.

22, Вторникъ. Сегодня принялъ комитетскія бумаги и деньги. Потомъ пошелъ въ бараки, которыхъ здѣсь 22. Осмотрѣлъ нѣкоторые изъ нихъ очень поверхностно: сыро и грязно. Занялся больше пищей слабосильной команды и нашелъ большой безпорядокъ и грабежъ. За водкой послали уже при мнѣ и раздавали ее въ 2 часа, что даетъ поводъ думать, что безъ меня ея совсѣмъ бы не выдали. Въ кухнѣ нѣтъ ни вѣсовъ, ни безмена, и должны были отправиться по крайней мѣрѣ за четверть версты, чтобы свѣшать 60 порцій говядины. Изъ положенныхъ 60 ф. сырой говядины должно быть вареной 34½ ф., а ея оказалось 19½. Я думаю не оставлять этого дѣла безъ дальнѣйшаго розысканія и взысканія. Погода была очень суровая. Несчастные слабосильные, чтобы пообѣдать, простояли въ грязи выше щиколотки, на вѣтрѣ и дождѣ. Я немного простудился тутъ и возвратился домой съ головной болью. Потомъ пошелъ обѣдать къ Адлербергу, чтобы не встревожить ихъ отказомъ по нездоровью. Въ самомъ . . . . . и голова прошла къ вечеру. Возвратившись домой, я занимался письменными дѣлами до 11-го часа. Меня безпокоитъ Дурасовъ. Просилъ телеграфировать завтра въ Перекопъ, чтобы узнать о немъ. Очень радъ буду, ежели Господь доведетъ его сюда благополучно.

23 Февраля.

Положеніе Крымской арміи въ настоящее время можно описать одною чертою. Истребленіе перевозочныхъ средствъ какъ почтовыхъ, такъ и подводныхъ привело ее въ то положеніе, въ которое тщетно старались привести ее союзные, внѣшніе враги. Она отрѣзана отъ Россіи, отъ той страны, гдѣ еще есть люди здоровые и скотъ, могущій ходить и перевозить. Со всякимъ днемъ эта пустыня, которая отдѣляетъ армію отъ Россіи, все болѣе и болѣе увеличивается. Чтò изъ этого будетъ, ежели это продолжится, страшно подумать. Уже дача сухарей уменьшена. Край на дальнее растояніе вполнѣ истощенъ, подножнаго корма нельзя ожидать скоро *). Весь Симферопольскій госпиталь, въ которомъ помѣщалось одно время до 15 т. человѣкъ, не имѣетъ ни одной лошади въ своемъ распоряженіи. Обывательскія подводы, которыя для этого наряжаются, безпрестанно изчезаютъ. Никакой не даютъ пищи ни людямъ, ни скоту; люди заболѣваютъ, скотъ дохнетъ. Бывали случаи, что не доставало воды для промывки ранъ въ раненномъ отдѣленіи. По сіе время нѣтъ пріемныхъ пунктовъ для транспортовъ съ больными, чтобы осмотрѣть ихъ, разсортировать по болѣзнямъ и согласно тому развести въ госпитальные дома, чтобы однородные больные были вмѣстѣ. Вмѣсто того пріѣхавшій транспортъ отправляютъ изъ такъ называемаго пріемнаго барака по всему городу отъ дома къ дому искать помѣщенія. Такимъ образомъ систематически прививаютъ всѣ болѣзни по всѣмъ домамъ госпиталя.

Я не могъ вникнуть въ подробности здѣшняго госпиталя по его огромности и малому времени, которое могу еще на то употребить; но есть вещи общеизвѣстныя: напримѣръ, что бѣлье выходитъ изъ прачечной грязнѣе нежели поступаетъ туда. О пародіи лѣченія и говорить нечего. Я вполнѣ убѣжденъ, что при теперешнемъ образованіи въ Россіи надобно измѣнить характеръ госпиталей. Только малое число ихъ может оставатся больницами, остальные должны оставаться пріютами для больныхъ. Я желаю употребить время, которое здѣсь пробуду, для изученія этого предмета. Между прочимъ постараюсь получить отъ госпитальной конторы отчетъ издержекъ за прошлый годъ, чтобы видѣть чего стоило затѣйливое на бумагѣ и безуспѣшное на дѣлѣ лѣченіе солдата, и чтó можно было сдѣлать на эту сумму, для устройства пріютовъ для больныхъ.

---

*) Я нахожусь вынужденнымъ донести Государынѣ, что при теперешнемъ состояніи почтовыхъ сообщеній всякое денежное вспомоществованіе не обезпечиваетъ офицеровъ, отправляющихся изъ госпиталя въ свой полкъ, потому что они издерживаютъ все на станціяхъ, и потому рѣшился просить директора госпиталей отдѣлять отъ транспортовъ больныхъ нужное количество подводъ. Офицеры очень благодарны за это распоряженіе, но долго ли еще будутъ ходить эти тощія подводы, не знаю.

Объ состояніи госпиталей ничего не доношу Государынѣ, чтобы не огорчать ее картиною бѣдствій, которымъ только отчасти можно помочь, и то не тотчасъ.

Неправда, если думаютъ, что смертельность велика отъ гошпитальнаго тифуса. Его, слава Богу, нѣтъ; иначе я не знаю, кто бы изъ находящихся въ госпиталѣ остался живъ при теперешнемъ порядкѣ...

*

Послѣднее предложеніе (касающееся гошпитальнаго тифа) зачеркнуто въ рукописи, оставшейся въ бумагахъ князя Григорія Алексѣевича Долгорукова, который самъ палъ жертвой тифозной заразы въ Симферополѣ 13 Марта 1856 года. Призванный въ концѣ 1855 года Государынею Императрицею Маріею Александровною замѣнить скончавшагося отъ той же болѣзни графа Віельгорскаго-Матюшкина, князь Григорій Алексѣевичъ 19 Января 1856 года выѣхалъ съ этимъ порученіемъ изъ Петербурга и, употребивъ десять дней на устройство своихъ домашнихъ дѣлъ, на прощаніе съ дѣтьми и на переѣздъ до Харькова, вступилъ тамъ 31 Января въ отправленіе новыхъ своихъ обязанностей осмотромъ временнаго госпиталя, и оттуда же отправилъ первое свое донесеніе Государынѣ Императрицѣ. Осмотрѣвъ затѣмъ, вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ, членомъ той же комиссіи Мих. Ѳед. Дурасовымъ, гошпитали въ Константиноградѣ, Новомосковскѣ, Екатеринославѣ и Никополѣ, князь уже по пріѣздѣ въ Бериславъ 12 Февраля отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что отъ Екатеринослава по всей дорогѣ свирѣпствуютъ тифусъ и разныя лихорадки, а по осмотрѣ Бериславскаго гошпиталя упоминаетъ объ увеличеніи смертности въ гошпиталѣ и о распространеніи тифуса между жителями, какъ о прямомъ послѣдствіи чрезвычайнаго скопленія больныхъ въ этомъ городѣ, при чемъ выражаетъ желаніе избѣжать помѣщенія больныхъ между жителями какъ въ госпиталяхъ, такъ и на транспортныхъ промежуточныхъ пунктахъ. Необходимость въ особыхъ баракахъ для тѣхъ и другихъ была столь ощутительна, что князь, по собственному его выраженію, едва воздержался отъ намѣренія немедленно приступить къ постройкѣ трехъ таковыхъ бараковъ въ Каховкѣ; остановила его неизвѣстность, угодно ли Государынѣ, чтобы этотъ предметъ входилъ въ кругъ занятій комиссіи. Подъ Перекопомъ 15-го Февраля князь узналъ отъ старшей сестры Крестовоздвиженской Общины А. И. Травиной объ опасной болѣзни своихъ (находившихся уже на мѣстѣ) сотрудниковъ гр. Анатолія Палена, Крейтона и Табаровскаго, а въ самомъ Перекопѣ получилъ вѣсть о кончинѣ перваго и безнадежномъ положеніи второго изъ нихъ. Въ Симферополь князь прибылъ 18-го Февраля и наткнулся на гробъ Крейтона, Палена же похоронили за нѣсколько часовъ до его пріѣзда. Подъ 19 числомъ Февраля въ дневникѣ упоминается о поѣздкѣ князя на дачу, гдѣ жилъ Табаровскій, и о знакомствѣ съ Крестовоздвиженской сестрой Медвѣдевой. 20 числа были похороны Крейтона, на которыхъ князь, по выраженію дневника, немного простудился; на другой день онъ принялъ комитетскія бумаги, а потомъ, занявшись пищею слабосильной команды и заставивъ раздать ей положенную водку и мясную порцію при себѣ, простоялъ вмѣстѣ съ нею, въ ожиданіи обѣда до 2 часовъ, на вѣтрѣ и дождѣ, въ грязи выше щиколодки, и этимъ

объясняется головная боль, на которую князь жалуется въ дневникѣ, но которая не помѣшала ему заняться вечеромъ до 11 часовъ письменными дѣлами. Въ этотъ-то вечеръ и былъ вѣроятно, написанъ, вышеприведенный очеркъ, послужившій черновымъ для письма къ кому-либо изъ ближайшихъ друзей покойнаго; но уже съ 23 числа Февраля, едва выставленнаго слабою рукою больного, прекращается запись дневника, и провѣрить по этому источнику назначеніе означенной рукописи не представляется возможнымъ.

Князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукій родился въ Симбирскѣ 24-го Мая 1811 года. Матери своей, княгини Маргариты Ивановны, рожденной Опайщиковой, лишился онъ на пятомъ году жизни. Въ 1817 г. отецъ его, князь Алексѣй Алексѣевичъ, женился вторично на Варварѣ Николаевнѣ Текутьевой. Князь Григорій Алексѣевичъ поступилъ на службу въ 1827 году въ л.-гв. Измайловскій полкъ, но вскорѣ перешелъ въ Генеральный Штабъ. Участвовалъ въ Польской компаніи 1830 года. Въ 1835—1836 годахъ былъ командированъ за границу, для ознакомленія съ иностранными заводами и вооруженіями и участвовалъ въ Французской экспедиціи въ Алжирѣ. Затѣмъ продолжалъ службу на Кавказѣ, участвовалъ въ экспедиціи 1837 года, въ которой былъ раненъ, и въ 1839 году, по прошенію, за ранами уволенъ въ отставку подполковникомъ съ мундиромъ. Въ 1838 году онъ женился на графинѣ Надеждѣ Григорьевнѣ Чернышевой.

Съ 1839 г. по 1855 годъ князь преимущественно жилъ въ деревнѣ, занимаясь усердно хозяйствомъ, и въ это время онъ много переводилъ и писалъ отрывочно о религіозныхъ вопросахъ.

Въ 1853 году, будучи за границей для лѣченія своей жены, онъ ея лишился и, оставшись съ двумя дѣтьми, не рѣшился поступить на службу, къ чему его сильно побуждали событія къ Крыму. Въ 1855 году Орловское дворянство избрало его начальникомъ дружины государственнаго ополченія Орловскаго уѣзда, а вскорѣ командиромъ полка, составленнаго изъ четырехъ дружинъ. Орловское ополченіе прибыло въ Крымъ осенью 1855 г. и остановилось на Бельбекѣ. По заключеніи перемирія, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, князь взялъ двухъ-мѣсячный отпускъ и прибылъ въ Петербургъ навѣстить дѣтей, а въ Январѣ мѣсяцѣ 1856 г. покойная Императрица Марія Александровна избрала его начальникомъ учрежденной ею комиссіи о попеченіи больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Князь горячо отнесся къ своему новому назначенію и 19 Января поѣхалъ обратно въ Крымъ, останавливаясь по дорогѣ для осмотра гошпиталей и раздачи помощи. Въ Симферополѣ его дѣятельность была не продолжительна: онъ заразился гошпитальнымъ тифомъ и скончался 13 Марта 1856 года. Къ этому времени относятся вышепомѣщенныя выдержки изъ его дневника.

*

(Сообщено дочерью князя Г. А. Долгорукаго, Надеждою Григорьевной Малиновскою).

Русская Исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Томъ третій. Н. М. Павлова. Москва 1900. 8-ка VI+426. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ своемъ отзывѣ о второмъ томѣ исторіи г. Павлова (обложка Февральской книжки „Русск. Архива" за 1899 г.), мы указывали на то, что сочиненіе это представляетъ замѣчательное явленіе въ нашей исторіографіи. Однако, лишь покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ посвятилъ первому тому Русской Исторіи подробный критическій разборъ. На него г. Павловъ отвѣчалъ обширною статьей („Р. А." 1897, I, 145), въ которой обстоятельно опровергъ возраженія почтеннаго профессора. Съ тѣхъ поръ наши историки ex officio хранятъ глубокое молчаніе. Примѣръ ли такого знатока, какъ Бестужевъ-Рюминъ, или что другое тому причиной, мы не знаемъ; но послѣдствіемъ такого замалчиванія является то, что такъ-называемая большая публика, всегда почтительно выжидающая призыва *авторитетныхъ* лицъ, пребываетъ въ недоумѣніи, и трудъ г. Павлова далеко не имѣетъ такого распространенія, какое ему подобаетъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ, вмѣсто краткаго отзыва о лежащемъ передъ нами томѣ и приглашенія всякаго мало-мальски образованнаго человѣка пріобрѣсти и тщательно усвоить его, сдѣлать обширныя выписки и извлеченія.

Какъ уже было нами указано, автору предстояли два трудныхъ вопроса: о Ливонскомъ орденѣ и о коронѣ Литовской.

Разсказъ о вторженіи Нѣмцевъ въ Русскіе предѣлы со стороны Варяжскаго моря и о Ливонскихъ рыцаряхъ изложенъ съ необыкновенною живостью и ясностью. Безпристрастно повѣствуя, авторъ, тѣмъ не менѣе, не отказывается давать словами самихъ же Нѣмецкихъ источниковъ нравственную оцѣнку совершавшемуся. И вдругъ передъ глазами читателя начинаютъ проходить событія современныя...

Русскія владѣнія по окраинамъ Варяжскаго моря были вольны и нехранимы; они были населены мелкими народцами, не то Финскаго, не то Литовскаго происхожденія, подчинялись Новгороду и Полоцку и управлялись заглазно. Но пусть говоритъ самъ авторъ.

„Къ Полоцку относились собственно *Корсь* и *Ливь* (Курляндъ и Лифляндъ, какъ ихъ прозвали Нѣмцы) два чуждыхъ другъ другу племени, дробившіяся на множество мельчайшихъ подраздѣленій, сосѣдившія съ Полоча-

нами у приморскаго устья Западной Двины. А далѣе на Сѣверъ или разнообразныя племена Чуди, подвластныя Новгородцамъ и Пскову. Также и эти Чудскія племена, дробясь на множество подраздѣленій, отличались множайшими именами, а Нѣмцы звали ихъ всѣхъ заодно *Эстами*. Къ Курляндіи и Лифляндіи такимъ образомъ прибавилась еще и Эстляндія".

„Сами Русскіе не давали отъ себя прозвищъ здѣшнимъ инородцамъ, а въ случаѣ надобности перечисляли всѣхъ по собственнымъ ихъ родовымъ именамъ, какъ сами себя они называли: Торма, Очела, Ерева, Толома, Емь, Водь, Ижора, Корела, и проч. и проч., лучшій знакъ, что Русскіе князья предоставили своимъ данникамъ жить по старинѣ, каждому своимъ родомъ особо, и не вмѣшивались въ ихъ бытъ. Которые изъ этихъ язычниковъ упорствовали въ бѣсовской вѣрѣ и темномъ волхвованіи, тѣхъ звали „*погаными*", какъ и всѣхъ вообще некрещеныхъ; а которые изъ инородцевъ отставали отъ язычества и крестились въ Православную вѣру, тѣхъ ужъ нельзя было и отличить отъ Руси. Русскіе дорожили въ тѣхъ мѣстахъ лишь вольнымъ выходомъ въ море: Новгородцы съ Волхова въ Ладогу и далѣе Невой рѣкою, а Кривичи—Западной Двиною; но ни тѣ, ни другіе осѣдлостью въ тѣхъ дальнихъ окраинахъ не дорожили: вся та прибрежная полоса и оставалась въ распоряженіи самихъ туземцевъ, мелкихъ здѣшнихъ народцевъ".

„Изрѣдка Новгородцамъ приходилось наказывать ослушныя племена легкими походами къ нимъ за данью; когда же дерзость этихъ племенъ увеличивалась до того, что они грозили Юрьеву и тамошнимъ смежнымъ владѣніямъ, тогда и Русскіе князья предпринимали къ нимъ болѣе грозные походы и облагали данью пуще прежняго; тѣмъ не менѣе, однако, въ теченіе двухъ вѣковъ и послѣ Ярослава Мудраго, ни твердынь у тамошнихъ племенъ не воздвигали, ни закрѣпощать ихъ въ полную неволю не считали нужнымъ. Единственное мѣстечко, упоминаемое всякій разъ, если, по ослушанію туземцевъ, приходилось углубиться внутрь страны, это *Оденпе*. Самое ужъ имя *Оденпе* даетъ знать, что это укрѣпленіе было построено не Русью, а туземцами; Русскіе же звали этотъ городокъ *Медвѣжьей Головою*"....

„Еще болѣе, чѣмъ о Псковичахъ съ Новгородцами, можно было сказать именно о Полочанахъ, что они не злоупотребляли походами къ своей *Корси* и *Ливи*, жили въ полномъ мирѣ съ своими данниками и твердынь въ ихъ землѣ не воздвигали. Важнѣе всего было для Полочанъ, разумѣется, утвердить за собой водный путь Двиною до самаго моря; но на всемъ нижнемъ теченіи Западной Двины, кромѣ Полоцка, извѣстны лишь два городка: *Герсике* и *Куйкеносъ*, опять ужъ сами ихъ имена даютъ знать: городки туземные. И *Герсике* и *Куйкеносъ*, по незначительности своей, составляли удѣлы такихъ мелкихъ владѣльцевъ изъ *Полоцкой княжьи*, что напослѣдокъ ихъ и именъ даже не знали. Сидѣвшіе тутъ Русскіе державцы мало чѣмъ ужъ и отличались отъ самихъ здѣшнихъ земляковъ, почитавшихъ ихъ за своихъ коренныхъ прирожденныхъ князей. Въ описываемую пору княжилъ, напримѣръ,

въ Герсикѣ совершенно неизвѣстный Всеволодъ: о немъ знали только, что онъ дружилъ съ Литвою и что сама его жена была родомъ изъ Литвы. А въ Куйкеносѣ сидѣлъ нѣкій Вячеславъ, неизвѣстный по отчеству князь, котораго даже не величали полнымъ именемъ, а привычно было звать Вячкою. Дальше Куйкеноса уже до самаго моря вовсе не было значительныхъ селеній, а города ни одного. Даже самое устье Двины, во всю ея семиверстную ширь близъ моря, оставалось открытымъ: тамъ на взморьѣ находилось не то Латышское, не то Литовское селенье *Риге*, звавшееся такъ по протекавшей здѣсь рѣчкѣ этого имени. Даже и это важное мѣсто Русью укрѣплено не было и оставалось подъ призоромъ самихъ туземцевъ. Очевидно, Полоцкимъ князьямъ не было и повода вторгаться къ своимъ послушнымъ данникамъ грозною войною. Укрощать мятежи въ ихъ землѣ приходилось болѣе изъ-за ихъ же собственныхъ племенныхъ раздоровъ. Дробясь на безконечное множество родовъ-племенъ, всѣ здѣшніе инородцы не прекращали мелкихъ племенныхъ ссоръ, одни противъ другихъ, по сосѣдству. Не переводилась тутъ чисто-семейная вражда къ Зимголѣ Летголы, Литвы къ Латышу, наконецъ, самого Летта къ Чуди. Въ этомъ отношеніи общая ихъ подвластность Руси, однихъ инородцевъ Полоцку, а другихъ Новгороду, приносила всѣмъ имъ общую пользу: служила для нихъ щитомъ и покровомъ, обуздывая ихъ же собственныя непримиримыя распри. Но господство Руси въ здѣшнихъ мѣстахъ, не говоря уже о прямомъ покровительствѣ, было вообще не безвыгодно для туземцевъ. Дань, платимая ими, была не обременительна, а лежавшія на нихъ повинности по содержанію пристаней, волоковъ и перевозовъ, обязанность подавать помощь при кораблекрушеніяхъ или затрудненіяхъ на порогахъ, наконецъ, разныя ихъ услуги торговымъ гостямъ, все это доставляло самимъ здѣшнимъ народонаселеніямъ выгоды и прибытки. Какъ въ древнюю, такъ и въ описываемую пору, мало тяготясь своимъ подчиненіемъ Полоцку и Новгороду, всѣ эти инородцы не только не ожесточались противъ Руси, а сами еще исподволь, тихо и незамѣтно, прилагались къ Русскому народу, къ его вѣрѣ и языку. Они русѣли, можно бы сказать, не только безъ понужденія, а даже безъ вѣдома Русскихъ князей; въ этомъ отношеніи здѣшнимъ землякамъ приходилось жаловаться не на насиліе Русской власти, а развѣ на ея бездѣйствіе. По всѣмъ здѣшнимъ волостямъ, напримѣръ, всегда находилось довольно инородцевъ изъ Чуди и Литвы, изъ Корси и Ливи, настолько уже обрусѣлыхъ, что они ждали только случая окреститься и сами просили о томъ, а съ ними не торопились. У Русскихъ державцевъ завелся обычай: лишь изрѣдка, отъ времени до времени, насылать сюда священниковъ, когда въ томъ или другомъ участкѣ накопится достаточное число желающихъ креститься, а до того времени приходилось откладывать и дожидаться. Такъ за однимъ столѣтіемъ прошло другое сто лѣтъ, для исторіи здѣшнихъ мѣстъ тихо и незримо. Вдругъ все измѣнилось и стало узнать нельзя здѣшняго края“.

„Въ XII в. когда уже все Балтійское поморье въ мѣстахъ древнихъ Варяговъ отошло къ Нѣмцамъ, начали они свою власть оттуда простирать

и сюда. Уже около 1180-го года одинъ изъ Датскихъ королей (Вальдемаръ I), „*истребитель Вендовъ*“, ходилъ со своими кораблями къ „*Эстамъ Ливи, и Корси*“ обращать ихъ въ Латинскую вѣру; но онъ окрестилъ тогда огнемъ и мечемъ лишь островъ *Рюгенъ*. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и пошли раздоры у Новгородцевъ съ Готландскими Нѣмцами, окончившіеся полнымъ разрывомъ: древле-товарищевскія сношенія Руси съ Балтійскими городами прервались вовсе“.

„Но „находники Нѣмцы“—эти новопришлые властители Балтійскаго Поморья, сами новосёлы Бремена и Любека,—по мѣрѣ ослабленія съ ними сношеній со стороны Новгорода и Полоцка, напротивъ того, къ этому именно времени и зачастили морскими прогулками въ Русскіе предѣлы. Постоянно навѣщая „*Готскій берегъ*“, ужъ они не переставали заглядывать въ разныя мѣста Финскаго побережья. Подъ предлогомъ то починки своихъ кораблей, то необходимости перегрузить товары, а то даже будто занесенные бурей или удерживаемые противными вѣтрами, все чаще и чаще Нѣмецкія суда дѣлали продолжительныя стоянки въ Русскихъ водахъ и гостили у Русскихъ береговъ. Пріѣзжіе гости изъ Бремена и Любекка засиживались тутъ подолгу,—и вступали уже въ прямые договоры съ туземными данниками на Руси, все болѣе забирая не только здѣшнюю торговлю, но и страну въ свои руки. Не прошло много времени, ихъ виды стали еще опредѣленнѣе: ихъ соблазнялъ уже полный захватъ этой страны. Обглядясь на здѣшнихъ мѣстахъ по всему побережью, ознакомясь съ мирнымъ бытомъ здѣшнихъ невоинственныхъ племенъ, а главное, убѣдясь продолжительнымъ опытомъ, въ какой простотѣ и съ какой безпечностью Русскіе держатъ свои окраины, Нѣмцы Балтійскаго поморья, коротко сказать, рѣшились воспользоваться оплошностью Руси. Они же дивились притомъ Русской лѣности и даже издѣвались надъ неспособностью Русскихъ: „такой, дескать, изобильный и нетропутый край! Да съ такимъ еще неозлобленнымъ первобытнымъ населеніемъ! И два вѣка коснѣлъ онъ даромъ подъ державою Русскихъ князей! Не въ руку имъ такое сокровище и богатство: они пользоваться имъ не умѣютъ! Участь Корси, Ливи и Эстовъ, такимъ образомъ, въ умѣ западныхъ завоевателей уже была рѣшена: хищники рѣшились похитить этотъ край“.

„Къ устью Двины, повѣствуетъ нашъ историкъ,“ гдѣ она пала въ море, стали приплывать изъ Бремена цѣлыя флотиліи: не то торговыя, а не то военныя суда; стали притекать во множествѣ не то купцы, не то воинствующіе подвижники, не то *слуги Божіи*, нищая братія, проповѣдники Евангелія, а не то грозные завоеватели въ монашескомъ платьѣ. Вслѣдъ затѣмъ явились уже цѣлыя полчища настоящихъ, собственно такъ называемыхъ рыцарей: люди вооруженные съ ногъ до головы въ желѣзо, для кого война очевидно составляла обычный промыселъ и средство къ скорому разбогатѣнью. Съ ними вмѣстѣ прибыли и все прибывали духовные чины разныхъ Римско-католическихъ вѣдомствъ: „*воинствующіе пилигримы*“, какъ ихъ звали на Западѣ: напослѣдокъ, завелись тутъ не только простые монахи, но уже и высшее Латинское духовен-

ство,—и все это одно за другимъ вскорѣ. Кончилось тѣмъ, что во владѣніи Полоцкихъ князей, Псковскихъ и Новгородскихъ, на Русскомъ побережьѣ, оказались въ наличности сами „князья священно-Римской Германской имперіи“, прямо и называвшіеся *имперскими князьями*. То были бискупы и архибискупы, кровавшіе свои руки въ походахъ, воздвигавшіе себѣ для жительства каменные замки съ башнями и подъемными мостами, строившіе ихъ притомъ руками покореннаго и закрѣпощеннаго въ неволю здѣшняго народонаселенія, отбиравшіе себѣ у него села и угодья и всю землю для разведенія собственныхъ обширныхъ маетностей. И въ краткій промежутокъ времени отъ 1185-го до 1224 года — въ самомъ дѣлѣ стало узнать нельзя прежняго края, глухого здѣшняго Финскаго побережья“.

Первые шаги, при водвореніи Нѣмцевъ въ здѣшнемъ краѣ, отличались безукоризненною осторожностью, также и послѣдующіе велись съ большимъ тактомъ; но обрушившееся въ тоже время на Русскую землю нашествіе Татаръ и Монгольское иго позволило Нѣмецкимъ рыцарямъ дѣйствовать безъ всякаго стѣсненія.

...„Бременцы уже въ XII ст. освоились съ приморскими Двинянами настолько, что завели у нихъ собственныя пристаница правда не большія, однакожъ цѣлыя посёлки. Одно изъ своихъ здѣшнихъ мѣстечекъ они звали *Даленъ*, другое—*Гольмъ*, третье — *Икскуль*. Послѣднее стояло на самомъ берегу Двины, въ 35-ти верстахъ отъ ея морского устья, и было не что другое, какъ деревушка самихъ туземцевъ ***Икескола***. Подъ нимъ Нѣмцы и воздвигли свой городокъ, гдѣ у нихъ былъ гостиный дворъ для склада товаровъ и военный острожекъ. Ниже Икесколы облюбовали они островъ на Двинѣ, весьма удобный для укрѣпленія; также и здѣсь воздвигли городокъ и прозвали его Гольмомъ. Пріѣзжіе изъ Бремена и наѣзжавшіе изъ прочихъ мѣстъ Германіи находили въ здѣшнихъ ново-возникшихъ поселкахъ уже не мало своихъ земляковъ, довольно водворившейся здѣсь братіи, и располагались между ними какъ у себя дома. Въ тѣ времена торговое ремесло мало отличалось отъ военнаго, и каждый купецъ былъ вмѣстѣ вооруженный дружинникъ; по необходимости и торговыя становища Нѣмцевъ имѣли видъ военныхъ укрѣпленій. Западные мореплаватели хорошо знали, что берегъ, на которомъ они сѣли, принадлежалъ Руси; знали и то, что относился онъ именно къ Полоцкому княженію; больше того: знали даже самое имя того князя, съ которымъ надлежало имѣть дѣло. Это былъ Полоцкій князь Владиміръ: объ немъ же, сказать по правдѣ, рѣдко кто тогда слышалъ даже и на Руси.

„Къ этому-то князю Владиміру прибылъ нежданно-негаданно въ Полоцкъ *Божій человѣкъ* изъ нищей братіи, благочестивый старецъ: съ Аѳона ли монахъ или изъ Иверской земли (подобные дальніе странники изъ чужихъ странъ не составляли тогда рѣдкости на Руси). Но онъ такъ назвалъ монастырскихъ своихъ братій (не то *Цистеріанс*, не то *Августинцы*), что въ Полоцкѣ подобной благочестивой братіи еще и не слыхивали до тѣхъ поръ.

а по имени сказался Мейнгардтъ. Старецъ, случайно занесенный на Нѣмецкомъ кораблѣ въ Полоцкія владѣнія (чуть ли не буря загнала ихъ прямо въ устье Двины!) не имѣлъ, подобно прочимъ корабельнымъ спутникамъ своимъ, нарочитыхъ дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ: торговлею онъ не занимался, а всю свою жизнь посвятилъ Богу и, попавъ въ Полоцкія владѣнія, пребывалъ на томъ же. По словамъ Мейнгардта: занесенный неисповѣдимыми судьбами на чужбину и зная, что власть въ сихъ мѣстахъ поручена Вседержителемъ державцу Полоцка, онъ, Мейнгардтъ, и почелъ своимъ долгомъ поклониться могущественному монарху, содержавшему тотъ край по всей Двинѣ до самаго моря; въ его княжескихъ владѣніяхъ и испрашивалъ себѣ старецъ пути ко спасенію. Августинецъ почтительнѣйше просилъ: пожаловать не отказать, дозволить ему проповѣдь Слова Божьяго среди такихъ темныхъ племенъ, какъ Летгола и Зимгола; больше ему ничего не надо. Владимиръ не возбранилъ ему спасаться въ Полоцкихъ владѣніяхъ, разрѣшилъ и проповѣдь, сколько ему въ томъ Богъ поможетъ. Какъ приняли старика съ честью въ великокняжеской столицѣ, также и отпустили со многими дарами. Съ тѣхъ поръ объ немъ не было и слуховъ; шли года—объ немъ даже не вспоминали: живъ ли онъ? Какъ въ Герсикѣ у Всеволода, такъ и въ Куйкеносѣ у Вячка, также и въ самомъ Полоцкѣ у князя Владимира, все шло попрежнему тихо, мирно и спокойно. Прошло съ тѣхъ поръ около десяти лѣтъ... и вдругъ огласилось на всю Полоцкую землю, что *Корсь и Ливь бьютъ Нѣмцевъ*, вооружась всей землею, Корсь и Ливь прогнали отъ себя Латинскихъ монаховъ! Слухи эти, какъ басни или сказки какія, казались невѣроятными... но похожее на сказку и басню оказалось сущею правдой. Съ тѣхъ поръ, какъ старецъ Мейнгардтъ побывалъ въ Полоцкѣ, творились на *Готъскомъ берегу* въ теченіе именно около десяти лѣтъ такія дѣла, о которыхъ на Руси даже и не подозрѣвали".

„Какъ только благочестивый старецъ Мейнгардтъ возвратился во время̀но отъ князя Владимира къ себѣ въ Икесколу и объявилъ собравшимся вкругъ него мірянамъ, что, ласково принятый въ Полоцкѣ и почтенный тамъ многими дарами, привезъ имъ поклонъ отъ князя и радъ теперь, что возвратился къ нимъ, къ своимъ дѣтямъ,—будетъ имъ теперь добрымъ и вѣрнымъ пастыремъ — народъ льнулъ къ нему, какъ въ ульѣ пчелы къ маткѣ. Августинецъ самъ дивился успѣху своей христіанской проповѣди; паства его не по днямъ, а по часамъ возрастала; и ближніе и дальніе охотно изъявляли желаніе креститься. Вначалѣ окрещалъ онъ цѣлыми семьями, а вслѣдъ затѣмъ уже крестилъ цѣлыми селеньями. Онъ сейчасъ же выстроилъ тогда и божницу въ Икесколѣ, также и на островѣ Гольмѣ поставилъ кирку: по этой киркѣ и самый островъ звалъ онъ *Кирхгольмъ*. Но Мейнгардтъ того лучше умѣлъ строить крѣпости; кромѣ того, что это былъ духовный отецъ; оказалось еще: былъ замѣчательно искусный воинъ, въ совершенствѣ знавшій военное дѣло. У здѣшней Летголы (попросту у Латышей) не переводились мелкія ссоры съ инородцами изъ племенъ сосѣднихъ. Случилось въ первую

же зиму, что на Икесколу напали эти всегдашніе хищники, награбились добычей и погнали съ собой плѣнныхъ. Мейнгардтъ вооружилъ тогда своихъ духовныхъ чадъ дубинами и топорами, самъ повелъ Икескольцевъ въ бой и научилъ сдѣлать засаду на враговъ. Побѣда подъ его предводительствомъ удалась полная, и послѣ того крещеніе здѣшней страны пошло еще успѣшнѣй. А Мейнгардтъ убѣдилъ земляковъ: въ огражденіе отъ такихъ же нападеній на будущее время немедля поставить каменную крѣпость въ Икесколѣ. Съ Готланда, на его зовъ, сейчасъ же явились Нѣмецкіе каменщики и мастера всякаго рода, навезли матеріала и тѣмъ же лѣтомъ воздвигли цѣлый замокъ: большой каменный замокъ въ Икесколѣ съ башнями и бойницами, совсѣмъ какъ надо быть крѣпости. Точно также, по согласію съ Икескольцами, и ниже селенія, ближе къ морю, именно въ Кирхольмѣ, Мейнгардтъ заложилъ другую каменную же крѣпость. Изъ здѣшнихъ насельниковъ, помогавшихъ ему Нѣмцевъ, кромѣ купцовъ и воиновъ, были у Мейнгардта и вообще всякіе умѣлые люди, а для проповѣди своя же братья, Латинскіе монахи".

„Одинъ изъ нихъ, по имени *Дитрихъ,* былъ имъ посланъ проповѣдывать въ сосѣдній округъ (Торейда, на рѣкѣ Аа) и также старался снискать расположеніе жителей. Онъ зналъ свойства цѣлебныхъ травъ: тѣмъ особенно и нравился населенію, что удачно лѣчилъ травами. Къ нему съ довѣріемъ обращались даже матери семействъ; а старухъ было труднѣе крестить, чѣмъ стариковъ: матери семействъ на новую вѣру были упорнѣй. Дитрихъ не былъ, однако, такъ же простъ, какъ Мейнгардтъ; помстилось народу, что Латинскій монахъ держитъ что-то себѣ на умѣ: кончилось тѣмъ, что Дитриха схватили и приговорили къ сожженію. Однакожъ народъ остерегся: самовольничать тоже не приходилось! Надо было напередъ спроситься своихъ старшихъ и вѣдуновъ. А по ихъ гаданіямъ вышло, что надо отпустить Нѣмца. Они положили копье на земь и повели коня черезъ; конь ступилъ *ногою жизни.* Народъ было не повѣрилъ и зашумѣлъ, а начальство и вѣщіе люди гадали второй разъ: опять вышло по-ихнему. Дитриха отпустили; но съ тѣхъ поръ Мейнгардтъ держалъ его уже безотлучно при себѣ главнымъ совѣтчикомъ и сотрудникомъ, а приводить народъ къ крещенію болѣе не поручалъ ему. Кромѣ Дитриха впрочемъ были и другіе сподвижники у Мейнгардта; а главное, онъ такъ привлекъ сердца пасомыхъ, что напослѣдокъ матери даже сами приводили ему малолѣтнихъ дѣтей на воспитаніе. Уважаемѣйшіе и почтеннѣйшіе изъ народныхъ старшинъ—первые были ему вѣрными слугами. Онъ составилъ себѣ изъ нихъ почетную стражу; завелись у него между ними истинно-преданные клевреты, награждаемые имъ и отличаемые противъ прочихъ, возвышаемые имъ разными почестями въ цѣломъ народонаселеніи; ихъ онъ больше и посылалъ ужъ теперь для увѣщанія. И мало-по-малу склонялись къ доброму пастырю даже упорнѣйшіе старовѣры".

„Между тѣмъ, торговля у Нѣмцевъ процвѣтала; годъ отъ году ихъ все прибывало; количество судовъ, приплывавшихъ изъ Германіи, все прибав-

лялось. Что̀ только требовалось Мейнгардту,—сподвижниковъ ли, строительнаго ли матерьяла, военныхъ ли запасовъ — изъ Бремена доставляли изобильно. Уже отъ Кирхгольма и отъ *Икскуля* (какъ Нѣмцы звали Икесколу) ихъ выселки съ товарными складами и вооруженнымъ населеніемъ, съ кирками и Латинскими священниками, распространялись все далѣе и далѣе даже за Торейду. По имени Ливовъ Латинцы ужъ всю здѣшнюю страну окрестили Латинскимъ именемъ: Livonia и не иначе называли своихъ пасомыхъ, какъ *Ливонская церковь*. И правду сказать, паства Мейнгардта такъ умножилась, распространилась и утвердилась напослѣдокъ, что казалась неколебимою навсегда".

„Вдругъ произошелъ взрывъ народный, и неистовый мятежъ разразился по всей странѣ. Неслыханное въ исторіи явленіе и еще невиданное въ лѣтописяхъ христіанства зрѣлище—ожесточеніе обращенныхъ и отреченіе новокрещеновъ—предстали тогда очамъ *апостола Ливоніи* (какъ нѣкоторые звали Мейнгардта). На глазахъ „миссіонера", пріявшіе отъ него крещеніе бросались въ Двину и отмывались отъ его апостольскаго прикосновенья; Двиняне, окунаясь въ воду, смывали съ себя помазаніе Латинца; погружаясь въ рѣку на его глазахъ, вопили своему крестителю: „вотъ мы очистились отъ Германскаго крещенія" и, глядя на волны родной рѣки, стремившейся вдаль къ морю на Западъ, прибавляли: „прочь отъ насъ, дальше! плыви оно туда, откуда пришло". Такимъ образомъ, вся страна отдала свое крещеніе назадъ Латинскому монаху. Его не мучили и не терзали: никакой иной обиды и не сдѣлали тогда Августинцу въ дикой и разъяренной толпѣ; а онъ ужъ не зналъ, куда и дѣться отъ своей паствы. Онъ больше не хотѣлъ оставаться среди неблагодарныхъ и грозилъ имъ своимъ отъѣздомъ. Онъ говорилъ, что уплыветъ отъ нихъ назадъ въ свое отечество, наберетъ тамъ цѣлые сонмы вѣрныхъ Христовыхъ защитниковъ и съ ними уже на безчисленныхъ корабляхъ возвратится опять сюда: тогда-то самъ Богъ покараетъ вѣроотступниковъ! Увидятъ они явно гнѣвъ Божій и силу того народа, грозное могущество того владыки—Божьяго намѣстника на землѣ—отъ кого онъ къ нимъ прибылъ. Толпа пришла въ ужасъ, и его молили не оставлять ихъ. Всѣ теперь, крещеные и некрещеные, единогласно просили старца остаться съ ними и ужъ лучше не уѣзжать. Мейнгардтъ не вдругъ склонился на ихъ просьбу, однакожъ уступилъ. Вмѣсто того, чтобы съ вѣстями о случившемся ѣхать самому, онъ отправилъ въ Бременъ главнаго своего сотрудника Дитриха: того самаго, котораго туземцы хотѣли сжечь, а самъ осторожно пребывалъ въ Икесколѣ".

„Чѣмъ можно было объяснить этотъ взрывъ народный? Произошло-де это по грубости и дикости, мало чѣмъ отличавшагося отъ звѣрей здѣшняго народа; къ тому же, послѣ всякаго сильнаго возбужденія по необходимости слѣдуетъ и обратное дѣйствіе (реакція), а дѣйствіе Мейнгардтовой проповѣди вначалѣ было такъ сильно и успѣшно, что самъ проповѣдникъ дивился тому". Такъ толкуютъ себѣ нѣкоторые историки; но въ дополненіе къ подобнымъ

объясненіямъ слѣдуетъ прибавить и еще одно: по ихъ же словамъ, „Мейнгардтъ началъ внушать Ливамъ покорность Бременскому архибискупу и требовать десятину на церковь“, то-есть, объявилось напослѣдокъ, что *Апостолъ Ливоніи* былъ отъ начала избраннымъ орудіемъ Папской политики; Мейнгардтъ былъ вѣрнымъ слугою и исполнителемъ велѣній Бременскаго архибискупа и самого Римскаго Папы. Описанный взрывъ народнаго негодованія постигъ Мейнгардта передъ его кончиной, послѣдовавшей въ 1196-мъ году; а онъ еще восемь лѣтъ тому назадъ уже былъ назначенъ состоять Ливонскимъ бискупомъ въ подчиненіи „духовнаго имперскаго князя“ Бременскаго, папскою буллою отъ 25-го Сентября 1188-го года. Таковъ историческій фактъ“.

Тревожныя вѣсти, привезенныя Дитрихомъ, смутили „Священно-римскую“ имперію. Папа обнародовалъ тогда на весь Западъ *отпущеніе грѣховъ* всѣмъ добровольцамъ, которые пойдутъ спасать „юную Ливонскую церковь“ Датскій флотъ сейчасъ же понесся къ *Готьскому берегу* подчинять дикую страну „апостольскому Римскому престолу“; а изъ разныхъ мѣстъ Германіи, даже отъ Франковъ и отъ Фризовъ, долго еще не переставали стекаться въ Бременъ всякаго рода воинствующіе пилигримы и рыцари разныхъ орденовъ. Оттуда ихъ спѣшили доставить, какъ можно скорѣе въ „Ливонію“, ибо въ самый спѣхъ этихъ военныхъ приготовленій пришло извѣстіе о кончинѣ Мейнгардта. Охотниковъ *послужить святому дѣлу*: плыть въ Ливонію и *смывать* тамъ *грѣхи*—набралось великое множество.

„...Назначенный вмѣсто Мейнгардта новый Латинскій монахъ, услыхавъ по пріѣздѣ къ своей паствѣ, что народъ совѣщается, сжечь ли его въ киркѣ или утопить въ Двинѣ, аббатъ Цистерьянскаго ордена Бертольдъ заперся въ Гольмѣ. Съ нимъ однакоже были такіе воины въ шлемахъ и забралахъ, съ ногъ до головы въ уборахъ изъ стали и желѣза, съ увѣсистыми мечами при бедрѣ, а наперевѣсъ коня съ длиннѣйшими копьями, какихъ Летгола и Зимгола еще не видывали до тѣхъ поръ. Эта конница состояла изъ собственно такъ называемыхъ „Рыцарей“, и ихъ было тутъ немало. Народъ послалъ спросить „бискупа“ (такъ ужъ звали Бертольда въ самомъ народѣ) зачѣмъ онъ войско привезъ съ собою? Данъ былъ отвѣтъ „для наказанія отступниковъ“. Народъ, сдумавши, послалъ ему сказать: „отпусти войско домой и ступай съ миромъ на свое бискупство; кто крестился — съ тѣхъ и взыскивай пожалуй, а остальныхъ убѣждай словами, а не палками“. Бискупъ, по такому настроенію въ народѣ, изготовился къ прямой войнѣ... Туземцы понесли жестокое пораженіе....“

...„И Нѣмцы страшно воспользовались тогдашнею побѣдой. Можно бы сказать: воины креста, послѣ битвы, обратились въ палачей. Народъ на колѣняхъ просилъ помилованія и колѣнопреклоненно изъявлялъ согласіе снова принять крещеніе, выражалъ готовность допустить опять въ свои села изгнанныхъ священниковъ: назначали даже по чёмъ будутъ имъ платить съ

плуга... но всѣ были осуждены на казнь, никому не было пощады. Рыцари, на побѣдномъ полѣ, на самомъ мѣстѣ боя, многопорядливо производили судъ и расправу надъ побѣжденными, и это продолжалось не малое время. Отдѣльные же рыцарскіе отряды ходили еще и по всѣмъ окружнымъ селеніямъ и вездѣ являли примѣръ, сколь грозная кара ожидаетъ вѣроотступниковъ; вездѣ возстановили Мейнгардтово крещеніе, вездѣ утвердили преданность „апостольскому Римскому престолу", отовсюду изгнанное повсюду же и водворили опять Латинское священство. *Юная Ливонская церковь*, такимъ образомъ, была возстановлена въ завоеванномъ краѣ; но умиротворивъ ее и возстановивъ въ ней полный порядокъ, западные крестоносцы почли свое дѣло исполненнымъ и грѣхи свои смытыми,—сѣли на корабли и отплыли восвояси. Съ новой неожиданностью разразился тогда и новый взрывъ народнаго негодованія по всей странѣ. Въ мѣстахъ, только что обагренныхъ цѣлыми потоками крови, народъ кинулся на „поганую Латыню"; никого не убили и не били, не тронули ни одного изъ „Цистеріанцевъ" и „Августинцевъ", но отобрали у нихъ все, что было и всѣхъ прогнали. Хотѣли точно также поступить и съ остальными Нѣмцами, со всѣми чужими зашельцами, расплодившимися въ краѣ; но торговые люди откупились тотъ разъ большими дарами. Торговымъ людямъ дали миръ. А сами новокрещеные Двиняне опять погружались въ родную рѣку, вторично отмывались отъ Германскаго крещенія, отсылая его по волнамъ на Западъ..."

Тогда въ Римѣ и Бременѣ рѣшено было не медлить долѣе, а окончательно укрѣпить за собой *Ливонію* уже навсегда.

„Для этого нужно было только дать ей надлежащее устройство; надлежало въ ней удерживать благочиніе и порядокъ уже не съ помощью временныхъ наѣзжихъ рыцарей, заносимыхъ туда случайно, а завести въ Ливоніи постоянную *воинствующую о Христѣ братію,* создать тамъ собственное, прочное тому мѣсту, *благородно-владѣющее мечомъ сословіе,* которое бы приняло на себя обязанность постоянно разить туземцевъ и распространять Латинскую вѣру... Папа разрѣшилъ новому бискупу „всея Ливоніи" Альберту Буксгёвдену учредить новый рыцарскій орденъ: завести такихъ крестоносцевъ, которые бы всю жизнь свою посвятили на распространеніе „юной Ливонской церкви" и были бы навсегда пріурочены тому мѣсту, тамъ и имѣли бы постоянное жительство. „Воинствующую о Христѣ братію" для эпархіи Альберта, такъ называемый *Орденъ Ливонскихъ Рыцарей,* учредили по уставу прочихъ западныхъ крестоносцевъ. Но такъ какъ въ отличіе отъ прочихъ, эти рыцари носили плащъ, на которомъ были вышиты красный крестъ и огромный красный мечъ, то на Руси, дивясь ихъ кровожадности, ихъ и прозывали обыкновенно не крестоносцами, а именно *Меченосцами.* Впрочемъ, они и сами охотно величались такимъ названіемъ и титуловали свою христіанскую братію „братствомъ меча".

Устроить въ полномъ порядкѣ этотъ орденъ Ливонскихъ рыцарей и пріумножить его, выговорить для будущаго своего государства у папы и

императора разнообразныя льготы и привилегіи и потомъ ихъ осуществить на дѣлѣ, наконецъ обзавестись обширными маетностями и настроить замковъ для раздачи ихъ своимъ сподвижникамъ и вельможеству — все это успѣлъ Альбертъ въ самое короткое время, менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ; лишь первоначальные два-три года его владычества были не легки для него. Впрочемъ, уже съ самаго прибытія къ своей паствѣ новый Ливонскій бискупъ не былъ похожъ на своихъ предшественниковъ: это ужъ былъ не Бертольдъ и не Мейнгардтъ, а истинный властитель и повелитель того государства, которому по волѣ „священно-римской Германской имперіи" положено было тутъ возникнуть. Черезъ два года тутъ ужъ высился каѳедральный соборъ и была воздвигнута цѣлая крѣпость: городъ Рига.

...„прибывши въ Ливонію, Альбертъ фонъ-Апельдернъ Буксгёвденъ— по словамъ вышеупомянутаго одного изъ историковъ — *мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ и нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и туземцами.* Съ самаго пріѣзда онъ но пошелъ въ Икесколу, а пребывалъ въ Гольмѣ. Народонаселеніе приняло его на первыхъ порахъ столь недружелюбно. что это пребываніе въ Гольмѣ обратилось въ *осадное сидѣнье*: но Апельдернъ Буксгёвденъ, кромѣ того, что былъ храбрымъ воиномъ, былъ еще и искусный политикъ. Бискупъ прибѣгнулъ къ военной хитрости. Онъ вступилъ въ мирные переговоры съ осаждавшими и, когда сельскіе старшины собрались къ нему въ замокъ заключать миръ, онъ объявилъ ихъ плѣнниками своими. Грозя всѣхъ ихъ заключить въ оковы и отправить въ Германію (одно имя которой наводило на нихъ ужасъ) онъ потребовалъ отъ старшинъ дать ему тридцать сыновей отъ себя въ заложники, и этихъ мальчиковъ отправили въ Бременъ на воспитаніе. Такъ кротко и мирно, сравнительно говоря, началъ свои дѣйствія новый бискупъ и далѣе, съ помощью ново-основаннаго ордена Ливонскихъ рыцарей, продолжалъ завоеваніе страны весьма успѣшно..."

„Весьма скоро уже „меченосцы" не довольствовались пребывать въ одномъ городѣ съ Бискупомъ, а имъ хотѣлось имѣть собственную столицу; въ новопокоренной области, сосѣдней съ Рижскимъ округомъ, они поставили замокъ *Венденъ*: этотъ городъ и сдѣлался столицей Ордена. Въ немъ пребывалъ начальникъ Рыцарства: гохмейстеръ или гросмейстеръ Ордена, какъ называли его Нѣмцы, а Русскіе звали его просто „мейстеръ" или даже мастеромъ. Вкругъ Вендена начали распространяться замки и маетности бароновъ и графовъ. Эти графскія и баронскія усадьбы плодились уже безъ числа, по народной поговоркѣ росли, какъ грибы, по всей странѣ; ибо, по мѣрѣ того какъ мѣстное населеніе побѣждалось и обращалось рыцарями въ Латинскую вѣру, селяне становились крѣпостными рабами Нѣмцевъ. Руками самого закрѣпощеннаго народа и воздвигались тутъ во всей странѣ неприступные замки, устраивались барскія и баронскія усадьбы".

Альбертъ казнилъ жестоко лишь тѣхъ, кто не хотѣлъ креститься; въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи предавалъ лютому мучительству тѣхъ только, которые не желали принимать Латинскихъ священниковъ; на однихъ только этихъ „дерзкихъ ослушникахъ" и показывалъ онъ примѣръ прочему населенію жесточайшихъ каръ и лютаго истязанія, а преданныхъ ему старшинъ народныхъ награждалъ щедро, жаловалъ ихъ дарами и возвышалъ въ прочемъ населеніи милостями и особыми отличіями, отбиралъ у нихъ дѣтей учить ихъ латынѣ и уже изъ самихъ Латышей выводилъ пасторовъ. Нѣмцы только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ народъ искалъ освободиться отъ поработителей, избивали плѣнныхъ цѣлыми толпами, вырѣзывали сплошь все мужское населеніе и самыя села выжигали дотла; а въ прочихъ селеніяхъ они своихъ вѣрныхъ подданныхъ, въ случаѣ надобности, сами обучали военному искусству и водили съ собой въ походы къ сосѣднимъ еще не покореннымъ племенамъ. Соотечественники бискупа ставили ему въ особенную заслугу, что онъ не только оружіемъ дѣйствовалъ на пользу Нѣмецкаго дѣла, но именно и *искусною политикой.* Онъ постоянно ссорилъ и безъ того враждовавшія другъ съ другомъ здѣшнія племена и, помогая то тѣмъ, то другимъ, являлся какъ бы ихъ ревностнымъ защитникомъ; а на самомъ дѣлѣ, поддерживая между ними кровную вражду и племенные раздоры, истреблялъ однихъ другими. Такъ же расчетливо и осторожно возбуждалъ онъ Чудскія племена противъ Руси, внушалъ имъ не платить дани ни во Псковъ, ни въ Новгородъ и сулилъ имъ освобожденіе съ помощью Нѣмцевъ. Альбертъ дѣйствительно помогалъ имъ при ихъ набѣгахъ въ Русскіе предѣлы и, какъ бы союзя съ ними, распространялъ между ними свое вліяніе и бралъ ихъ подъ свое покровительство: никогда еще возстанія тѣхъ племенъ противъ Руси не доходили до такой дерзости, какъ въ эту именно пору..."

„О храбрости и непобѣдимости Нѣмцевъ, о невозможности сопротивляться этимъ воинамъ въ желѣзныхъ шлемахъ и латахъ, вся Зимгола и Летгола уже разсказывала чудеса. Случилось, напримѣръ, что одно изъ злѣйшихъ племенъ Корси, почитавшееся прямо ужъ за злобную Литву, вторгнулось опустошительнымъ набѣгомъ къ Ливи и возвращалось съ богатою добычей, ведя множество плѣнныхъ. Горсть Нѣмецкихъ воиновъ, кучка Ливонскихъ рыцарей пришла тогда въ помощь къ Зимголѣ. Къ этой горсти Нѣмцевъ пристали Латыши многочисленными толпами,—и что же? едва настигли злобную Литву, Зимгола не знала, куда дѣться отъ страха: не смѣли даже и приступить къ многочисленному непріятелю. А кучка рыцарей, блистая на солнцѣ желѣзными шлемами и латами, панцырями и обнаженными увѣсистыми мечами своими, горсть Нѣмцевъ безбоязненно понеслась впередъ и навела такой ужасъ на непріятелей, что тѣ безъ боя кинулись въ бѣгство. Тогда уже Зимгола за предводителями своими обратилась на бѣгущихъ: ихъ рѣзали какъ барановъ. Побѣда была полная: самъ главный князекъ и другіе многіе изъ предводителей злобной Литвы были перебиты. Нѣмцы раздарили ихъ головы Латышамъ, и они ихъ увезли съ собой на память; а отбитые тотъ разъ плѣнники оказались „некрещеною Ливью". Ихъ всѣхъ Нѣмцы изрубили

тутъ же на мѣстѣ. Зимгола много утѣшалась тогда этою побѣдой; сказывали, что у той побитой челяди всѣ вдовы передавились съ горя по мужьямъ; въ одномъ только селеніи, напримѣръ, удавилось тогда до пятидесяти женщинъ...“

Не менѣе живо описано то, какъ Нѣмцы, усыпляя Полоцкихъ князей увѣреніями, что ихъ княжескія права на всю ту сторону священны для нихъ, постепенно обратились въ равноправную державу, какъ неудачно и неумѣло боролся съ ними князь Полоцкій Владиміръ, какъ Альбертъ, заключивъ *мирный и торговый договоръ* съ Полоцкомъ, вступилъ въ сношенія съ Новгородомъ и посылалъ туда дань съ подвластныхъ Новгородцамъ племенъ, какъ онъ *пожаловалъ* князю Всеволоду его же княженіе въ Герсикѣ; какъ подстрекалъ данниковъ противъ Русскихъ, какъ Мстиславъ Удалой смирилъ дерзость бунтовавшихъ племенъ и тщетно искалъ Нѣмцевъ, какъ Новогородцы отняли у Нѣмцевъ Оденпе (Медвѣжью Голову). Смертный подвигъ князя Вячка, павшаго при защитѣ Юрьева въ годъ битвы при Калкѣ (1224), изображенъ такъ, что навсегда останется въ памяти читателя. О послѣдствіяхъ водворенія Нѣмцевъ на Русскомъ взморьѣ авторъ говоритъ слѣдующее.

„За побѣдой Нѣмцевъ слѣдовало полное порабощеніе здѣшняго края, при чемъ его исторія изъ вѣка въ вѣкъ оставалась вся одна и та же. Ливонскіе рыцари отняли этотъ край у Русскихъ владѣній, римскій католицизмъ отнялъ его у Православія. Завоевателямъ нужна была личная служба здѣшнихъ земляковъ: пришлый завоеватель наложилъ ярмо на покореннаго туземца, присвоилъ себѣ его домъ, его жену, наконецъ и землю всю себѣ. Угнетеніе народа, подтверждаемое всѣмъ законодательствомъ, установившимся въ странѣ, всѣми правами и обычаями пришлыхъ завоевателей, разрывъ между высшимъ сословіемъ господъ и покоренными рабами презрѣніе и насиліе съ одной стороны, месть и бунтъ съ другой—такова исторія здѣшняго края отселѣ на предбудущіе вѣка. Наблюдавшіе его своими очами въ теченіе XIII вѣка, XIV и XV и далѣе свидѣтельствуютъ о томъ единогласно. „Этотъ народъ находится въ такомъ рабствѣ и обложенъ столь тяжкими работами, что у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что́ есть на нихъ и ихъ жилищъ въ селеніяхъ. Имъ дозволяется воздѣлывать едва лишь такое количество земли, которое могло бы только скудно прокормить ихъ съ семействомъ. У туземцевъ всегда лежитъ на мысли, что предки ихъ были обладателями земли, но что Нѣмцы поработили ихъ и подѣлали ихъ своими рабами“. Такъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ описываетъ Курляндію, Лифляндію и Эстляндію „секретарь и совѣтникъ посольства отъ Гольштинскаго герцога Фридриха, Адамъ Эльшлегеръ“, болѣе извѣстный подъ Латинскимъ прозвищемъ Олеаріусъ“.

„И такъ, въ одинъ и тотъ же годъ праздновали побѣду надъ Русью— съ одной стороны Татары, въ незнаемой степи, на Калкахъ, у морского устья Дона, а съ другой стороны Ливонскіе рыцари на развалинахъ Дерпта въ

роковой 1224 годъ. Случилось какъ нарочно потомъ, что и сліяніе орденовъ Ливонскихъ и Тевтонскихъ рыцарей въ одну общую братію послѣдовало въ 1237 году: въ самый же годъ нашествія Батыя. Тяжело было Монгольское иго на Руси; произвело и вторженіе Нѣмцевъ множайшія послѣдствія въ исторіи Русскаго народа, роковыя на весь ея дальнѣйшій ходъ. Кромѣ того, что на всѣ такъ называемые *Средніе Вѣка* они заперли для Русскаго народа принадлежавшій ему выходъ въ море; кромѣ того, что они лишили древнюю Русь стариннаго достоянія — старой, какъ сама она, здѣшней ея прадѣдины—Варяжскаго взморья, они всѣяли еще смуту внутрь Славянской страны, положили сѣмена раздора въ самыя нѣдра Русской земли. Соорудивъ „католическую Ливонію“ (такъ называемую Курляндію, Лифляндію, Эстляндію; а по примѣшательству Шведовъ и дальнѣйшую Ингерманландію съ Финляндіей), они же прямо и косвенно были еще виновниками возникновенія и „*зловѣрной Литвы*“.

Съ большою доказательностью развиваетъ нашъ историкъ свое положеніе, что лишь, благодаря махинаціямъ Запада, Русское народонаселеніе южнаго понизовья Днѣпра и Днѣстра и верховья Днѣпра съ притоками и инородцы, носившіе сборное имя *Литва*, инородцы, постепенно русѣвшіе и принимавшіе православіе, обратились въ Литовское государство, которое сдѣлалось заклятымъ врагомъ Русскихъ. Въ исторіи „приложенія къ западнымъ“, въ преобразованіи Польши Пястовъ въ Ягеллоновскую державу читатель найдетъ весь Польскій вопросъ in nuce. А чтобы не было недоразумѣнія при оцѣнкѣ таковаго „преложенія“, авторъ приводитъ черты изъ жизни королей Польскихъ Казимира *Великаго*, Людвига Венгерскаго, его матери Елисаветы и брата Андрея, королевы Іоанны и ея сестры Маріи, императора Сигизмунда...

Съ увлеченіемъ прочли мы главу III объ Александрѣ Невскомъ. Онъ является не только живымъ-роднымъ, но и дѣйствительно святымъ. Поучительно отношеніе автора къ видѣнію Пельгусія и посмертному чуду святаго князя; въ нихъ онъ находитъ необходимое объясненіе историческихъ событій. А по поводу перваго говоритъ слѣдующія знаменательныя слова: „Такъ называемыя „*Ливонскія хроники*“ обвиняютъ Русскихъ въ невѣріи и выставляютъ православныхъ равнодушными къ Православію; въ доказательство тому и приводятъ небреженіе Русскихъ князей къ крещенію Чуди. Но свидѣтельство о Пельгусіи доказываетъ какъ разъ противоположное, явно обличая ошибочность и узкость тѣхъ Ливонскихъ „хроникъ“. Очевидно, такъ называемые Ливонцы смѣшиваютъ *съ одной стороны* вѣротерпимость съ безразличіемъ къ вѣрѣ, тогда какъ въ этомъ случаѣ безразличіе—порокъ, а терпимость — добродѣтель; *съ другой стороны* смѣшиваютъ же добровольное принятіе язычниками христіанства съ привлеченіемъ ихъ къ тому противъ воли, путемъ насилія; но и это не одно и тоже: ибо снисходить къ доброй волѣ искренне-вѣрующихъ язычниковъ въ этомъ случаѣ и значитъ быть вѣротерпимымъ (какъ и слѣдуетъ православному христіанину), а язычниковъ

принуждать силою къ своей вѣрѣ—прямо значитъ не имѣть живой вѣры въ себѣ и быть къ ней безразличну. Свидѣтельство о Пельгусіи, такимъ образомъ, подтверждаетъ до очевидности, что *достойно и праведно есть*, когда иновѣрецъ принимаетъ христіанство по живому согласію съ православными, по добровольному общенію въ духѣ мира и любви со всѣмъ крещёнымъ міромъ, отъ кого крещается въ святость и съ кѣмъ самъ желаетъ быть въ единовѣріи. И совсѣмъ иное дѣло такъ называемое „*миссіонерство*" такихъ усердныхъ слугъ папы, какъ напримѣръ Дитрихъ и Мейнгардтъ; *неправедно и недостойно есть* то крещеніе Бертольдовымъ и Альбертовымъ мечомъ, которымъ была крещена Ливь и Корсь и отъ котораго отмывались Двиняне, счищая съ себя прикосновеніе Латинца. Свидѣтельство о старѣйшинѣ Ижорской земли подтверждаетъ воочію, что земляки Пельгусія не для виду только вступали въ единовѣріе съ Русью, а становились причастниками ея духа и пріобщались ему, прямо сказать: сливались со всѣмъ крещёнымъ міромъ воедино православнымъ духомъ своимъ. Такова, разумѣется, заслуга не Руси, а таково именно вселенское значеніе христіанства. Лишь бы воистину было православнымъ, оно вездѣ — на берегахъ Іордана и Дуная, какъ во мхахъ Сибири, такъ и подъ пальмою Сіона—*одно есть*; безъ различія племенъ и временъ и мѣстъ земного шара, для всѣхъ, всегда и всюду—единое стадо во вселенной единаго же и пастыря въ вѣкахъ. Земляки Пельгусія, очевидно, потому и льнули къ Православію, что оно то само, именно по вселенскому его значенію, одинаково близко всякой душѣ человѣческой и одинаково не чуждо „*всѣмъ племенамъ и языкамъ*" безъ исключенія. А поскольку Русь не всуе звалась „православною" и не вотще изъ всѣхъ славъ въ мірѣ искала слыть лишь „святою", постольку и сами мѣстныя ея преданія, такъ сказать, домашнія вѣрованія ея, святы же были и православны. Что̀ вселенское Православіе вообще на всемъ свѣтѣ, что̀ оно же въ частности на Святой Руси—духъ одинъ; православные обмѣниваются между собой святынями и заимствуютъ ихъ другъ у друга безъ зазора. А потому, кто бы ни были у насъ новокрещены родомъ (такъ повелось издревле), всѣ они, проникаясь духомъ Православія, какъ вселенскимъ и близкимъ всякой душѣ отъ рожденія проникались еще съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣми святодавними вѣрованіями и преданіями православной Руси, какъ своими же родными, одинаково священными для всѣхъ—какъ въ Кіевѣ на Днѣпрѣ, такъ въ Новгородѣ на Волховѣ, также на берегахъ Москвы-рѣки, какъ на Невѣ и въ устьѣ Ижоры".

Размѣры замѣтки нашей не позволяютъ выписать ни характеристики Невскаго, ни прекрасныхъ строкъ о святомъ Даніилѣ Московскомъ, ни трогательнаго повѣствованія о мученической кончинѣ святаго Михаила Тверскаго. Эти части исторіи г. Павлова по справедливости должны взойти въ хрестоматіи.

Съ неослабѣвающимъ интересомъ прочитывается разсказъ о постепенномъ ростѣ Москвы и о дѣятельности Ивана Даниловича Калиты. Обраща-

емъ особое вниманіе на разсужденіе объ этомъ князѣ, открывающемъ собой новую эпоху Русской исторіи—Московскій періодъ.

Будетъ или нѣтъ г. Павловъ продолжать трудъ свой, онъ уже совершилъ большое дѣло, и его *„исторія отъ древнѣйшихъ временъ“*, думается намъ, является поворотнымъ пунктомъ въ нашей исторіографіи. До сихъ поръ наши историки даже самаго положительнаго направленія видѣли въ до-московской старинѣ нѣчто, имѣющее съ послѣдующимъ весьма мало общаго, изъ коего, сложною многовѣковою работою, образовалась Россійская имперія, въ чемъ, по мнѣнію иныхъ, исторія и обрѣла покой свой. Но г. Павловъ именно въ древнѣйшей исторіи Русской находитъ все то, чѣмъ сильна и цѣнна Россія: онъ считаетъ, что вся послѣдующая исторія, до мимоидущей современности включительно есть лишь исканіе того, какъ согласить исконныя начала Русскаго духа со злобою дня. Но предоставимъ опять слово ему самому.

„Кончилась весна Русской жизни. Миновали безвозвратно не только для стариннаго Кіева, даже и для послѣдовавшаго за нимъ Владиміра, ихъ золотой вѣкъ и счастливыя времена. Слава обоихъ городовъ заключалась уже въ одномъ ихъ имени. Оба стольныхъ города древней Руси замѣнились третьей столицей, о которой почти и не слыхать было до тѣхъ поръ. Съ четырнадцатаго же вѣка *Москва* и *Москва* только и слышались кругомъ. Молва была общая, что вѣра въ ней красна и красота ея церквей велика, и что одинъ онъ, Московскій, пишется *Великимъ княземъ всея Руси*... Но какое же было его княженье? Во всѣ стороны отъ его княжества, тамъ, гдѣ прежде была Русь, даже имени ея не существовало. Куда ни поглядѣть, къ морю ли, бывшему нѣкогда въ Полоцкомъ и Новгородскомъ владѣніи, къ Кіевскому ли при-Днѣпровью, или горамъ Карпатскимъ, къ древнему ли владѣнью Мстислава и Романа Краснаго, у подошвы Кавказскихъ горъ, на Сѣверѣ и Югѣ, къ Востоку и на Западѣ, стало узнать нельзя, гдѣ что̀ было“.

„Безвозвратно прошли тѣ времена на Руси, когда вся она, цѣльная и живая, единая во множествѣ неисчислимыхъ княженій, дробилась и волновалась, какъ вольная ширь морская, въ безконечномъ разнообразіи великихъ и удѣльныхъ княжествъ, размножившихся князей Дома Св. Владиміра. Всякое было живо само о себѣ, отъ другихъ особо, и въ тоже время сливались въ общую родину православныхъ. Много было селъ-городовъ въ любомъ изъ княженій: свои вездѣ села съ приселками, свои города и пригороды, на всякій же удѣлъ была и своя столица. И всѣ крестоглавые города, а между ними высившіеся колокольнями и церквами выше прочихъ столицы красныя, даже по всѣмъ удѣламъ, сливались въ одинъ великій міръ: вся земля свято-Русская. Тогда князья тѣшились въ рукопашныхъ схваткахъ и больше забавлялись лихими боями, больше только мѣрились силой и боролись удалью между собой, чѣмъ дѣйствительно воевали другъ съ другомъ. Кромѣ Половцевъ, другой и заботы не было у князей; далеко они своихъ видовъ не про-

стирали; ни съ которой стороны, съ чужи (кромѣ опять развѣ Чуди), ни откуда вражьихъ козней, ни захватовъ, ни нападеній не ожидали. А у себя дома урязали землю и давали судъ людямъ: для князей это было привычнымъ дѣломъ; въ томъ и проходило все ихъ житье-бытье, безбѣдное, привольное, и лучше котораго сами не желали, жили просто и попросту, безъ всякой политики, можно бы сказать".

„И эти времена прошли. Послѣ того, какъ вражья сила одолѣла кругомъ, нельзя было въ прежней простотѣ вѣкъ вѣковать. Изъ всѣхъ силъ надо было вооружиться, чтобы вражью политику сокрушить, „продать все", по всемірной пословицѣ, „и купить мечъ": силу поразить силой. Но съ возрастаніемъ силы меча неразлучна языческая грубость, та самая, которую нашъ лѣтописецъ отнесъ къ вѣнценосному Миндовгу: „*Гордѣти вельми, возносясь славою великою и не творя противъ себя никого же*"... Роковое зло, изъ котораго есть ли выходъ?.. Возможно ли его сочетать и примирить, не говоря уже о христіанскомъ законѣ, съ тою Славянской *правдой по закону святу,* которую первобытные Славяне чтили еще издревле на своей Индійской, а потомъ на Дунайской прадѣдинѣ, задолго до Рождества Христова? Если и возможно, то трудно. Тѣмъ невозможнѣе, а слѣдовательно, если и возможно, то еще и еще труднѣе, сочетать его съ христіанскимъ закономъ, которымъ окрестилась Русь при св. Владимірѣ. Труденъ и опасенъ казался ей тотъ новый путь, которымъ хочешь-не хочешь предстояло ей идти. Если древле-Кіевскіе князья, жалуясь духовникамъ своимъ, что *міръ и княженье не могутъ быть безъ грѣха*, стыдились славы міра, и совѣсть православныхъ державцевъ, еще со времени Владиміра Святого, заставляла ихъ на многое, къ чему ихъ склоняли Греки, отвѣчать отказомъ: *Русь свои обычаи имутъ*, возникалъ уже роковой вопросъ: не помутилось бы впередъ это *своеобычіе Руси* при дальнѣйшемъ предстоявшемъ ей ходѣ. Но что̀ вдали, Богъ вѣсть; кромѣ Божіихъ святыхъ людей, прозорливцевъ грядущаго, кто можетъ въ будущее глядѣть?.. И наступило время такъ или иначе сплотиться въ грозную твердыню, время созиданія страшной государственной силы въ Русской землѣ, той силы, которой ей вовсе не доставало, отсутствіе которой и повело къ паденію Руси: больше ея и въ мірѣ не поминали. Нѣмцы и Ляхи, Литва и Татары похоронили ее; порѣшили, казалось, совсѣмъ".

„О древнемъ богатырѣ есть сказка у Русскаго народа. Повалили его на земь, розняли по частямъ, и ихъ по полю раскидали. Оживутъ ли разбросанные члены, встанетъ ли богатырь? Ивану царевичу велѣно было собрать ихъ воедино и сказано притомъ: возьми живой воды и мертвой, спрысни тѣло; но прежде мертвой водой, а ужъ потомъ живою. Казалось, къ концу XIV-го вѣка уже довольно были „мертвой водою спрыснуты", всѣ до одной клеймомъ мертвизны были запечатлѣны растерзанныя части поверженнаго наземь богатыря, древле звавшагося Русью. „Живой воды" надо было для воскрешенія тѣла. Не та или другая изъ его частей могла воскреснуть въ

отдѣльности, чтобы могъ оправиться богатырь и встать на ноги, а надо было, чтобы взялась общая жизнь изнутри тѣла. Ни одна изъ его частей, порознь отъ другихъ, не оживала. Какъ ни дышала еще и какъ ни хотѣла вырости та или другая изъ нихъ, не выросло ничего изъ никоторой. Лишь той части Русской земли дано было, наконецъ, для всѣхъ сдѣлаться сердцемъ, которая сама о себѣ меньше всѣхъ значила отъ начала и никогда стать на ноги порознь отъ другихъ не надмѣвалась: изнутри ея и заструилась жизнь по всему тѣлу".

„Но тутъ предѣлъ. Отселѣ въ судьбахъ Русскаго народа новая задача на многія лѣта дальнѣйшаго историческаго труда. Чему быть далѣе? Разъ мы дошли до XIV-го вѣка, это ужъ на первой очереди вопросъ о „Московскомъ государствѣ". Время Ивана Даниловича Калиты, „великаго князя Московскаго и всея Руси" и составляетъ переходъ къ нему. Образъ этого державца, можно бы сказать, двуликій: однимъ онъ смотритъ къ Кіеву, временъ еще св. Владиміра, а другимъ къ намъ. Кіевскія и Владимірскія времена при немъ кончились навсегда. Кругомъ было не узнать прошлаго, все былое перевелось. Ходъ вещей измѣнился, и люди стали не тѣ. Всѣ видѣли и знали: рушился прежній строй, зачалось новое стремя, а куда шло—Богъ вѣсть. Вѣдомо было всѣмъ и каждому: чему больше не бывать, и никому незримо слагались новые пути, неизслѣдимые и неисповѣдимые въ грядущихъ судьбахъ Русскаго народа; никому невѣдомо творилось то, чему быть„.

Въ этихъ словахъ намѣченъ, думается намъ, весь дальнѣйшій ходъ Русской исторіи, и Московскаго и имперскаго періода. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать „Исторіи Московскаго государства", къ которой, сколько намъ извѣстно, г. Павловъ уже и приступилъ.

МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОГОДИНЪ.

Къ столѣтію со дня его рожденія.

Въ виду приближающагося столѣтія со дня рожденія М. П. Погодина, необходимо подумать о постановкѣ ему памятника. Погодинъ сослужилъ великую службу своему отечеству своею многостороннею и плодотворною дѣятельностью: и какъ ученый, и какъ историкъ-писатель и публицистъ, и какъ общественный дѣятель, и какъ Славянинъ. Онъ первый сближается съ Славянами, неоднократно предпринимаетъ путешествія по Славянскимъ землямъ, съ цѣлью ознакомленія и сближенія съ братьями Славянами; такимъ образомъ Погодинъ возбуждаетъ и выдвигаетъ Славянскій вопросъ. Это ли не заслуги, достойныя быть увѣковѣченными и не одними нами Русскими? Славяне, для которыхъ онъ такъ много трудился въ продолженіе всей своей жизни и такъ много сдѣлалъ и словомъ, и дѣломъ, несомнѣнно съ благодарностью и радостью откликнутся на это для нихъ «святое дѣло». Имя Погодина и понынѣ живо между ними.

Вѣрную характеристику о немъ даетъ намъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Отзывы Гилярова о Погодинѣ, котораго онъ близко зналъ, представляютъ несомнѣнно много интереса. Какимъ горячимъ словомъ, съ какою любовью и какъ мѣтко и вѣрно характеризуетъ Гиляровъ Погодина!

Погодинъ, какъ ученый и особенно какъ гражданинъ, ждетъ своего біографа. Это будетъ поучительное чтеніе для мельчающаго современнаго поколѣнія. Погодинъ это рѣшительно первый нашъ общественный дѣятель, передъ которымъ настоящіе наши офиціальные общественники-карапузики. Когда скончался Погодинъ, всѣ почувствовали, что изъ Русской общественной жизни что-то убыло, вынуто незамѣнимое что-то, хотя покойный не былъ ни городскимъ головою, ни предсѣдателемъ земства, ни предводителемъ дворянства. Это былъ только Погодинъ, отставной профессоръ Московскаго Университета, гласный Московской думы и предсѣдатель Славянскаго комитета. Но обѣ эти общественныя должности заняты были имъ на закатѣ дней, тогда какъ главная его общественная дѣятельность относится къ тому

времени, когда онъ былъ просто Погодинымъ. Погодинъ! Къ этому имени Москва такъ привыкла, что оно стало какъ бы нарицательнымъ, и при извѣстіи о кончинѣ Погодина, каждому навертывался вопросъ: «Кто же теперь будетъ въ Москвѣ Погодинымъ?» Погодина не оказалось, но за то полѣзли изъ земли, какъ сорная трава, какъ поганые грибы, общественные червонные валеты, короли и тузы. Кому, бывало, при безгласности печати, при старыхъ судахъ, при полицейскомъ держимордствѣ, пожаловаться на обиду, на притѣсненіе? Погодину. Онъ замолвитъ слово, гдѣ нужно; напишетъ, куда слѣдуетъ. Кто, бывало, встрѣтитъ начинающаго ученаго ли, литератора ли, самоучку ли, или юношу, желающаго учиться, прямымъ, горячимъ, нѣсколько даже рѣзкимъ словомъ участія, но безъ ученаго форсу, безъ фанаберіи общественника, какъ не Погодинъ? «Какъ смѣете вы, молодой человѣкъ, отрубитъ онъ, цитировать историка, который долгомъ своимъ считаетъ опозорить каждую страницу Русской исторіи?» Ткнетъ пальцемъ на стѣнной портретъ Шлецера и скажетъ: «Вотъ, Шлецеръ, поклонитесь ему!» Кто за всякое доброе и разумное начинаніе безкорыстный ходатай отъ низшихъ сферъ до дворцовъ, какъ не Погодинъ? Къ кому, бывало, ѣдетъ и даже пѣшкомъ идетъ, и изъ провинціи, и изъ Славянскихъ земель, всякое выдающееся въ мѣстной средѣ лицо, какъ не къ Погодину? Онъ и квартиру дастъ на Дѣвичьемъ полѣ въ своихъ палестинахъ, и накормитъ, и работу сыщетъ при безконечныхъ своихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Въ комъ болѣзненно отзывалось біеніе историческаго пульса Россіи, какъ не въ Погодинѣ? Первый по времени Русскій публицистъ, никогда не искавшій «своихъ си», огненнымъ взоромъ слѣдилъ онъ за ходомъ Европейскихъ событій. Онъ предсказываетъ, предостерегаетъ, и рѣдкое слово его идетъ мимо. И все это пламеннымъ языкомъ, не покидавшимъ историка даже въ старости маститой. Вотъ Погодинъ: поклонимся ему.

(Изъ Современныхъ Извѣстій 30 Іюня 1879 г., № 177).

*

ЗАМѢТКА.

Помѣщенные выше (стр. 311) прекрасные стихи „къ Кн. З. А. В-й“ — написаны славнымъ слѣпцомъ-поэтомъ Иваномъ Ивановичемъ Козловымъ, который былъ знакомъ съ нею, когда еще не лишился зрѣнія. Они напечатаны въ Смирдинскомъ изданіи стихотворенія Козлова (томъ II-й, стр. 106) съ полнымъ именемъ княгини, которая въ Петербургѣ проводила у него цѣлые часы и утѣшала страдальца своимъ разговоромъ и пѣніемъ. *П. Б.*

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900 года.

(Годъ 38-й).

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Подробный Указатель за первыя 30 лѣтъ изданія—**1** р., съ перес. **1** р. **25** к.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

4.

Стр.

ПРИЛОЖЕНЫ

Стихотворенія А. С. Хомякова съ его портретомъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1900.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. С. Хомякова.

Томы I-й, III и V-й.

Москва. 1900.

Давно уже чувствовалась потребность въ новомъ изданіи сочиненій Хомякова. Въ книжной торговлѣ можно было найти лишь 2-й томъ (богословскій); остальные нѣсколько лѣтъ какъ исчезли изъ торговаго обращенія. Сочиненія Хомякова издавались нѣсколько разъ, но возможно-полнаго изданія ихъ до сихъ поръ не было.

Для „Русскаго Архива", всегда заявлявшаго о своей тѣсной связи съ убѣжденіями, которыхъ держалась „Русская Бесѣда" 1856 — 1860-хъ годовъ, нѣтъ надобности повторять, какъ высоко онъ цѣнитъ мысленное наслѣдіе, завѣщанное Россіи А. С. Хомяковымъ и такъ называемыми Славянофилами. Издатели Русскаго Архива почитаютъ однако не лишнимъ привести отзывы о Славянофилахъ, принадлежащіе двумъ писателямъ совершенно иного направленія.

К. Д. Кавелинъ (его сочиненія, т. III, стр. 1161—1162) говоритъ: „Смѣшно, жалко и оскорбительно бываетъ, когда упрекаютъ Славянофиловъ въ желаніи попятить Россію назадъ, въ безсмысленномъ охраненіи окаменѣлыхъ формъ прошедшаго, въ невѣжественномъ консерватизмѣ". „Основатели ученія Славянофиловъ были люди замѣчательнаго ума и таланта, обширнаго знанія и начитанности и Европейски-образованные". „Они могли выработать свои воззрѣнія до той степени опредѣленности и единства, которыхъ мы напрасно стали бы искать до и послѣ этой знаменательной эпохи нашего развитія. Опредѣленность, связность, цѣльность ученія, его систематичность и стройность были безъ сомнѣнія одной изъ причинъ его распространенія и успѣховъ (?) въ публикѣ".

„Рано умеръ Хомяковъ", писалъ Герценъ въ 1861 году, „еще раньше Аксаковъ. Больно людямъ любившимъ ихъ знать, что нѣтъ больше этихъ дѣятелей благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ противниковъ, которые ближе намъ многихъ своихъ... Киреевскіе. Хомяковъ и Аксаковъ сдѣлали свое дѣло. Долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что̀ хотѣли сдѣлать.... Съ нихъ *начинается переломъ Русской мысли*. И когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи".

Полное изданіе сочиненій Хомякова, въ 8-ми томахъ, будетъ стоить 10 р. с. Въ I и III томахъ помѣщены статьи и рѣчи; во II сочиненія богословскія; въ IV стихотворныя произведенія, въ V, VI и VII Записки о всемірной Исторіи и въ VIII-мъ сохранившіяся письма.

ДѢЛО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА СЛѢДСТВЕННЫХЪ КОММИССІЙ О НѢКОТОРЫХЪ ПОСТУПКАХЪ БЫВШАГО КУРЛЯНСКАГО ГЕРЦОГА ИВАНА БИРОНА.

Извѣстно, что императрица Елисавета Петровна возвратила Бирона и его семью изъ Сибири и позволила поселиться въ Ярославлѣ. Прошенія и письма бывшаго герцога и его сыновей изъ Ярославля были напечатаны во второмъ томѣ „Архива Князя Воронцова"; нѣкоторыя подробности объ ихъ жизни въ этомъ городѣ сообщены въ Русскомъ Архивѣ (1894. III, 5) А. А. Титовымъ, но вообще ихъ Ярославское пребываніе мало выяснено, и свѣдѣнія, какія о немъ даетъ С. М. Соловьевъ, не совсѣмъ понятны. Во второй главѣ XXII книги своей Исторіи онъ пишетъ [1]: „Въ годъ смерти Анны Леопольдовны отозвался и врагъ ея, Биронъ, изъ Ярославля, отозвался горькой жалобою на свое бѣдственное положеніе. 18 Марта 1746 года онъ писалъ императрицѣ: „Къ здѣшнему воеводѣ указъ присланъ изъ высокаго Кабинета, въ которомъ изображено, якобы по моему приказу казацкаго полка полковникъ Ливенъ одного здѣшняго мѣщанина арестовать и бить велѣлъ. Всемилостивѣйшая императрица! Сколь велико мое бѣдство ни есть и сколь долго оно ни продолжается, однакожъ моего разума не лишенъ, чтобъ я въ такія дѣла вмѣшался. Я знаю, въ какомъ состояніи я нахожусь. Всѣ наказанія, кои выдуманы быть могутъ, претерплю я съ радостью, ежели я правильно въ чемъ изобличенъ быть могу; а полковникъ Ливенъ долженъ отчетъ и отповѣдь дать. Оного человѣка я не знаю; онъ же ни мнѣ, ни моимъ домашнимъ никакой бѣды не сдѣлалъ. Что же бы меня къ тому побудило? Но я такими людьми здѣсь окруженъ, отъ которыхъ ежедневно многія утѣсненія претерпѣвать принужденъ безъ всякой моей вины. И такъ, ваше императорское величество, прошу не допустить, чтобы я безвинно мучимъ былъ — Къ А. П. Бестужеву Биронъ писалъ по тому же случаю: „Несчастье мое ежедневно умножается. Я желалъ бы все то претерпѣвать, ежели бы я въ чемъ виновенъ былъ; но о семъ приключеніи я столько зналъ, сколько о часѣ моей смерти; я того человѣка никогда не зналъ. Я здѣсь между львами и змѣями нахожусь. Здѣшній воевода и его жена [2]) извѣстны суть; они на

---

[1]) V, 391—2, изд. Общ. пол. книгъ.

[2]) Бобрищевы-Пушкины. Дѣйствительно впослѣдствіи воеводша причинила сильную непріятность Бирону. См. „Архивъ Кн. Воронцова" II, 532. Ю. Б.

меня озлобились потому, что я ихъ больше не дарю, какъ то прежде дѣлалъ, когда я еще нѣчто имѣлъ. Маіоръ Лакастовъ съ фабрики, который съ воеводой въ ссорѣ былъ, добрымъ пріятелемъ сдѣлался. Сей человѣкъ намъ всякую досаду причиняетъ; я не могу, да и не смѣю упомянуть, что̀ мы отъ сего человѣка безъ причины претерпѣваемъ".

А. А. Титовымъ, извѣстнымъ Ростовскимъ собирателемъ рукописей, былъ пріобрѣтенъ одинъ рукописный сборникъ XVIII столѣтія, и въ немъ между прочимъ оказалась выписка о томъ дѣлѣ, на которое есть указаніе въ приведенныхъ выше письмахъ Бирона. Приносимъ А. А. Титову благодарность нашу за ея сообщеніе. Ю. Б.

*

Изъ Кабинета ея императорскаго величества въ Ярославскую Провинціальную Канцелярію.

Ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что Казанскаго драгунскаго полку полковникъ Ливенъ, по приказу бывшаго герцога Курляндскаго Бирона, въ Ярославлѣ, одного купецкаго или другого какова человѣка, взявъ подъ караулъ, билъ плетьми. Того ради ея императорское величество указала, безъ всякаго укрывательства и утайки оной Канцеляріи прислать о томъ дѣлѣ обстоятельное извѣстіе: какой человѣкъ, кѣмъ и за что подъ караулъ взятъ и битъ и что̀ потомъ съ нимъ учинено, и чего ради отъ помянутой канцеляріи такіе поступки чинить допущено; и Ярославская провинціальная Канцелярія имѣетъ учинить о томъ по ея императорскаго величества указу. Подлинное скрѣплено тако: баронъ Иванъ Черкасовъ. Секретарь Титъ Лопухинъ. Въ 6-й день Марта 1746 года *).

*

Въ Кабинетъ ея императорскаго величества изъ Ярославской Провинціальной Канцеляріи покорнѣйшее извѣстіе.

Сего Марта 18 дня изъ онаго Кабинета ея императорскаго величества въ Ярославскую Провинціальную Канцелярію написано: ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что Казанскаго драгунскаго полку полковникъ Ливенъ, по приказу бывшаго Курляндскаго герцога Бирона въ Ярославлѣ, одного купецкаго или другого какова человѣка, взявъ подъ караулъ, билъ плетьми; того ради ея императорское величество указала безъ всякаго укрывательства и утайки оной Канцеляріи прислать о томъ дѣлѣ обстоятельное извѣстіе, какой чело-

*) Слухъ о томъ, что Нѣмцы бьютъ Русскаго долженъ былъ возмутить Государыню, воцарившуюся послѣ ужасовъ, которые испытаны были Русскими людьми отъ недавняго Нѣмецкаго управленія. П. Б.

вѣкъ, кѣмъ и за что подъ караулъ взять и бить, и что потомъ съ нимъ учинено и чего ради отъ помянутой Канцеляріи такіе поступки чинить допущено.

И потому ея императорскаго величества высочайшему указу Ярославская Провинціальная Канцелярія безъ всякаго укрывательства и утайки симъ покорнѣйше представляетъ. Оной полковникъ Ливенъ опредѣленъ былъ для сыску воровъ и разбойниковъ и бѣглыхъ служилыхъ и прочихъ людей въ дистанцію отъ Твери до Кинешмы. Однако онъ болѣе года пребываніе имѣлъ въ Ярославлѣ по отъѣздъ свой безотлучно, и въ нынѣшнемъ 1746 году Ярославской купецкой человѣкъ Иванъ Ивановъ сынъ Анисимовъ въ партикулярныхъ домахъ словесно объявлялъ, что оной полковникъ Ливенъ съ бывшимъ Курлянскимъ герцогомъ Бирономъ имѣлъ частую компанію и забавляются-де со псовою охотою, отъѣзжая отъ Ярославля по нѣсколько верстъ, а съ большимъ-де того Бирона сыномъ [1]) ѣздитъ въ городѣ Ярославлѣ въ разные домы, и оной-де большой Бироновъ сынъ, не знамо по какой злобѣ, травилъ его Анисимова борзыми своими собаками, отъ которыхъ-де онъ едва избавиться могъ. А потомъ-де Декабря въ 29 (воскресный) день 1745 года оной полковникъ Ливенъ былъ въ квартирѣ реченнаго Бирона, а команды-де того Ливена унтеръ-офицеръ съ драгуны искали его Анисимова не знаемо чего ради въ городѣ Ярославлѣ, точію-де не сыскали; понеже-де тогда онъ, Анисимовъ, случился быть въ церкви, что при порученной маіору Петру Лакостову мануфактурѣ [2]), у литургіи, гдѣ-де его и сыскали и при выходѣ въ церковномъ притворѣ команды онаго полковника Ливена унтеръ-офицеръ, да два капрала и трое гренадеръ при народномъ собраніи, не объявя ему ничего, бивъ немилостиво, отвезли и, положа на шею великую чепь, посадили въ тюрьму къ содержащимся ворамъ и разбойникамъ и смертоубійцамъ и, снявъ-де съ него всю одежду (кромѣ одной рубахи), подбили подъ лавку, гдѣ-де онъ отъ стужи и отъ крайняго утѣсненія едва не умеръ. А того жъ-де Декабря 30 и 31 чиселъ оной полковникъ Ливенъ бралъ его предъ себя и не точію не допрашивая, но ниже объявя, по какому дѣлу онъ Анисимовъ такъ строго сысканъ и жестоко содержанъ, во оба оные числа билъ батожьемъ жестокими побои, и во время-де того его, Анисимова, задержанія приношаемой къ нему пищи не допущаемо было. И видя-де таковые жестокіе съ нимъ Анисимовымъ безвинно

---

[1]) Это былъ крестникъ Петра Великаго, по его имени названный Петромъ: впослѣдствіи онъ былъ герцогомъ Курляндскимъ. П. Б.

[2]) Въ церкви Петра и Павла. Она находится теперь при Ярославской фабрикѣ Корзинкиныхъ. Эта фабрика была прежде полотняная и находилась въ казенномъ управленіи.

поступки, содержащіеся въ той тюрьмѣ воры, разбойники и смертоубійцы, сожалѣя пропитаніе давали. А Генваря-де 1 дня сего 1746 года присланнымъ отъ вышепоминаемаго полковника Ливена онъ Анисимовъ свобожденъ, и при томъ объявленіи оный Анисимовъ показалъ свою спину, которая отъ жестокаго батожьемъ истязанія вся сиия и во многихъ мѣстахъ до крови пробита, такожъ руки обѣ сини и шея распухла, при чемъ ему Анисимову сказано было, чтобъ онъ о томъ подалъ явочное прошеніе, или бъ въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи явился для осмотру и описи, на что онъ Анисимовъ сказалъ: не точію-де онъ въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи мимо команды своей Ярославскаго магистрата, но и въ томъ магистратѣ явочнаго челобитья подать и осмотра чинить весьма боится, дабы-де и болѣе тѣхъ жесточайшихъ поступокъ чего не претерпѣть, а будетъ-де онъ о томъ представлять въ главныя мѣста; а куда онъ Анисимовъ представлялъ ли, о томъ въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи неизвѣстно. А онъ Анисимовъ послѣ означенныхъ побоевъ вскорѣ заболѣлъ и Февраля 28 дня сего 1746 года умре. А въ данной сыщикамъ, въ томъ числѣ и ему Ливену, инструкціи въ 13-мъ пунктѣ напечатано для своей лучшей предосторожности, въ которыхъ губерніяхъ или провинціяхъ обрѣтаться будетъ, требовать отъ тутошняго правленія комисаровъ, которые бы при всѣхъ тѣхъ случаяхъ, а паче розыскахъ были, и тѣ розыски чинить вкупѣ съ тѣми комисарами, дабы въ чемъ впредь какихъ жалобъ не произошло. И по силѣ той инструкціи къ нему полковнику Ливену опредѣленъ былъ комисаромъ прапорщикъ Иванъ Бутримовъ; а допросами онъ Бутримовъ и бывшій при немъ Ливенѣ подканцеляристъ Иванъ Поповъ показали:

1) Комисаръ прапорщикъ Иванъ Бутримовъ. Декабря-де съ 24-го 745 Генваря по 7 число сего 1746 годовъ имѣлся онъ Бутримовъ въ деревнѣ своей, а какъ-де возвратно пріѣхалъ, то-де слышалъ команды полковника Ливена отъ драгунъ, а отъ кого именно не упомнитъ, что безъ него Бутримова взятъ былъ подъ караулъ и плетьми битъ Ярославской купецъ Иванъ Ивановъ сынъ Анисимовъ, а за что и потомъ что̀ съ нимъ учинено, того-де ему Бутримову отъ оныхъ драгунъ и полковника Ливена и отъ бывшихъ въ командѣ его канцеляриста Григорья Грязнова и подканцеляриста Ивана Попова словесно и никакого письменнаго производства не объявлено и по дѣламъ не значилось.

2) Подканцеляристъ Иванъ Поповъ. Сего 1746 года въ Генварѣ, а въ которомъ числѣ не упомнитъ, Ярославской купецъ Иванъ Анисимовъ въ комисію того полковника Ливена взятъ и батожьемъ по два дня битъ былъ, а за что и потомъ какъ свобожденъ и какое объ немъ пись-

менное произвожденіе было-ль, того онъ не знаетъ. и буде онъ Поповъ для исправленія дѣлъ сидѣлъ въ особливой свѣтлицѣ, а съ нимъ полковникомъ Ливеномъ имѣлся въ одной свѣтлицѣ канцеляристъ Григорій Грязновъ и при описи-де имѣющихся по той комиссіи дѣлъ о немъ Анисимовѣ никакого письменнаго произвожденія не явилось, а понеже бывшія у него Ливена дѣла мимо Ярославской Провинціальной Канцеляріи отданы въ Костромскую Провинціальную Канцелярію, тако-жъ канцеляриста Григорья Грязнова онъ полковникъ Ливенъ взялъ съ собою, а указомъ Правительствующаго Сената конторы который-де въ Вотчиную Коллегію и опредѣленъ: того ради о присылкѣ изъ Костромской Провинціальной Канцеляріи достовѣрнѣйшаго извѣстія по отданнымъ отъ полковника Ливена дѣламъ о вышепоминаемомъ купцѣ Анисимовѣ какое производство значится-ль, сообщено съ нарочнымъ промеморія, а въ Вотчиную Коллегію о присылкѣ реченнаго канцеляриста Грязнова къ допросу доношеніе послано. Точію изъ Костромской Провинціальной Канцеляріи извѣстія и изъ Вотчиной Коллегіи канцеляриста Грязнова еще не получено, а какъ получены будутъ, что покажется, о томъ Кабинету ея императорскаго величества Ярославская Провинціальная Канцелярія покорнѣйше представитъ. До означенныхъ-же поступокъ полковника Ливена Ярославской Провинціальной Канцеляріи не допускать было не можно, ибо онъ полковникъ Ливенъ въ командѣ Ярославской Провинціальной Канцеляріи не находился, а имѣлъ свою команду и часто упоминаемаго купца Анисимова не только отъ Ярославской Провинціальной Канцеляріи не требовалъ, но и опредѣленнаго отъ Ярославской Провинціальной Канцеляріи комисара Бутримова, изождавъ отъ тѣхъ дѣлъ отлучки, онаго купца Анисимова захватилъ и билъ и до пріѣзду же того комисара свободилъ, дабы въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи никакого извѣстія быть не могло. А ежели бы о тѣхъ его полковника Ливена предпріятіяхъ Ярославская Провинціальная Канцелярія была извѣстна, то бъ къ недопущенію того всевозможные поступки употребить не преминула. Марта 22 дня 1746 года.

Подлинное закрѣплено тако: дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайло Бобрищевъ - Пушкинъ. Воеводскій товарищъ Михайло Левашевъ. Секретарь Титъ Лопухинъ.

(Сообщено А. А. Титовымъ).

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

Разговоръ о ней Фридриха II-го съ барономъ Сальдерномъ *).

Шарлотенбургъ, 24 Мая 1766.

Когда король закончилъ политическій разговоръ, онъ началъ мнѣ дѣлать вопросы по поводу Великаго Князя, о его здоровьѣ, о его способностяхъ, со множествомъ маленькихъ вопросовъ, къ сему относящихся. Я быстро отвѣчалъ ему на все, не говоря болѣе того, что́ находилъ приличнымъ. Я замѣтилъ, что онъ становился въ хорошемъ состояніи духа и что складки на его лицѣ сглаживались.

Вдругъ онъ меня спросилъ, дѣйствительно ли Императрица такъ трудолюбива, какъ объ этомъ говорятъ? Онъ добавилъ: «Мнѣ говорили, что она работаетъ болѣе меня. Правда—сказалъ онъ — у нея меньше разсѣянностей, нежели у меня. Я слишкомъ занятъ военнымъ дѣломъ. Вы не повѣрите, какъ малѣйшія мелочи этого дѣла меня тревожатъ» (chipotent).

Я улыбнулся. Когда король умолкъ, я отвѣчалъ ему: Ваше величество, привычки превращаются въ страсти. Что́ касается Императрицы, признаюсь, она много работаетъ и, быть можетъ, слишкомъ для ея здоровья.

«Ахъ, честолюбіе и слава—это тайныя пружины, заставляющія государей дѣйствовать».

Я упорно молчалъ, въ виду столь щекотливаго предмета. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально, и такъ какъ я ничего не говорилъ,

---

*) Переведено съ Французскаго изъ книги: Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen. 25 Band. Berlin 1899, и сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ. Баронъ Сальдернъ служилъ у насъ и былъ нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ. Онъ ѣздилъ на свою родину въ Голштинію и проѣздомъ видѣлся съ Прусскимъ королемъ, обращавшимъ особенное вниманіе на все что́ дѣлалось въ Россіи, которая еще такъ недавно владѣла его восточными землями и грозила окончательно его принизить. Великій князь Павелъ Петровичъ тогда еще былъ державнымъ государемъ Голштиніи. П. Б.

онъ продолжалъ: «Есть нѣсколько путей, ведущихъ къ безсмертной славѣ и, конечно, Императрица на большомъ пути. У нея великiе замыслы (elle a de grandes parties)». Произнося все это, онъ устремлялъ на меня взоры, и я замѣтилъ, что онъ желалъ знать мое мнѣнiе. Я тогда рѣшился высказаться. «Конечно, ваше величество, она укрѣпитъ счастiе своей нацiи и значительнаго числа человѣческаго рода. У нея великiе виды, обнимающiе прошлое, настоящее и будущее. Она любитъ живущихъ, не забывая потомства».

Король сказалъ: «Это много. Это достойно ея».

Тотчасъ же затѣмъ нашъ разговоръ прекратился. Онъ дѣлалъ мнѣ большiе комплименты, извинялся что такъ долго меня задержалъ, поцѣловалъ меня очень радушно дважды подъ рядъ и удалился, сдѣлавъ не менѣе трехъ реверансовъ, при отходѣ къ себѣ въ спальную.

О ИМѢНІИ И ДОЛГАХЪ ПОРУТЧИКА НИКОЛАЯ НОВИКОВА.

10 Апрѣля 1797 г. императоромъ Павломъ Петровичемъ былъ данъ слѣдующій указъ Московскому генералъ-губернатору М. М. Измаилову:

«Михаилъ Михаиловичъ! Даннымъ отъ насъ бывшему генералъ-прокурору графу Самойлову прошедшаго Ноября 11 дня указомъ возвращено было во владѣніе отставному порутчику Новикову имѣніе его, состоявшее въ вѣдомствѣ Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія. Нынѣ же, всемилостивѣйше снисходя на его Новикова прошеніе, повелѣваемъ Московскому Приказу Общественнаго Призрѣнія, оставя то имѣніе въ полномъ своемъ вѣдомствѣ и распоряженіи и предварительно освободя всѣхъ по немъ Новиковѣ поручителей, употребить оное на заплату долговъ его, какъ Воспитательному Дому, такъ и всѣмъ другимъ кредиторамъ, включая въ число оныхъ маіора Походяшина, и тѣхъ, которымъ векселя на счетъ его имѣнія имъ Походяшинымъ подписаны были, равно и прочихъ въ прилагаемой у сего запискѣ имянованныхъ, кои прежде изъ списка кредиторовъ исключены были» *).

Вслѣдствіе этого указа состоялось опредѣленіе Московскаго Приказа Общественнаго призрѣнія принять отъ опекуновъ оставшееся имущество Новикова: выписку изъ этого дѣла мы случайно нашли въ грудѣ старыхъ бумагъ при разборѣ одного архива, которую здѣсь сообщаемъ въ точной копіи съ сохраненіемъ подлинной орфографіи.

Выписка изъ дѣла, производившагося въ Московскомъ Приказѣ Общественнаго призрѣнія о имѣніи и домахъ порутчика Николая Новикова.

«Оставшее послѣ порутчика Новикова разное имѣніе было въ распоряженіи опекуновъ: статскаго совѣтника и кавалера Волкова и статскаго совѣтника Владыкина до состоянія прошлаго 1797 года

*) См. Лонгиновъ. Новиковъ и Моск. мартинисты. М. 1867, стр. 0151.

Апрѣля 10 дня пмяннаго Его Императорскаго Величества указа, которымъ повелѣно»:

«По сему минувшаго Мая 29 числа 1797 года Московской Приказъ Общественнаго Призрѣнія опредѣленіемъ заключилъ оставшее Новикова имѣніе отъ опекуновъ по описямъ принять народныхъ училищъ директору коллежскому совѣтнику и кавалеру Курбатову, Орловскую деревню продать, аптеку отдать на аренду, для продажи книгъ открыть книжную лавку, съ ея сіятельства графини Анны Родіоновны Чернышевой по векселю деньги 1200 рублей съ процентами взыскать».

«По которому опредѣленію съ публичнаго торга деревня продана за 16295 рубл.; книжная лавка открыта; аптека жъ, оцѣненная Медицинскими чиновниками въ 7502 рубл. 5 коп., по неявкѣ желающихъ для взятья, на аренду не отдана, а состоитъ и нынѣ по отдачѣ опекунами въ управленіе аптекаря Эйнбродта, съ графини Анны Родіоновны по векселю деньги и съ процентами всего 15990 рубл. взысканы».

«А имяннымъ Его Императорскаго Величества указомъ, даннымъ 1797 года Іюля 9-го дня *) повелѣно, въ предохраненіе капитала Воспитательнаго Дома, яко публичнаго мѣста, отъ ущерба и невозвратной потери, не освобождать отъ поручительства тѣхъ, которые въ исправномъ платежѣ занятой изъ Воспитательнаго Дома суммы съ процентами поруками подписались, и въ случаѣ недостатка на платежъ того долгу одного Новикова дому, употребить въ продажу на недостающее число и имѣніе поручителей, стараясь, чтобъ Воспитательный Домъ въ удовлетвореніи своемъ изъ того имѣнія первенствующее предъ всѣми имѣлъ право, что̀ и возложено на особенное попеченіе господина генерала отъ инфантеріи бывшаго Московскаго военнаго губернатора и кавалера князь Юрія Владимировича Долгорукова».

«И въ исполненіе онаго Его Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія, представленному въ Опекунской совѣтъ отъ поручителей князя Черкаскаго и маіора Кутузова недвижимому ихъ имѣнію чинится опись».

«А по представленной въ Приказъ отъ опекуновъ вѣдомостей, какое порутчика Новикова имѣніе и въ чемъ оное состоитъ значитъ:

«Два каменные дома. 1. Въ Басманной Части называемой Гендриковской, заложенъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ въ 80.000 руб., а оцѣненъ въ 35.000 руб., и по той оцѣнкѣ были уже два торга, но

*) См. тамъ же, стр. 0152—0153.

желающихъ къ покупкѣ не явилось, третій же торгъ будетъ 15 сего Генваря. 2. У Никольскаго мосту заложенъ бригадиру Петру Владимировичу сыну Лопухину въ 15.000 руб.»

«Книгъ разнаго званія по каталожной цѣнѣ на 666634 руб. Изъ числа оныхъ книгъ продано разнымъ людямъ на 3394 руб. 93½ коп. Бумаги, заготовленной для печатанія книгъ на 7800 руб.; продажа оной бумаги съ аукціоннаго торгу будетъ 15 Генваря. Типографія съ словолитной безъ всякаго нынѣ производства, при которой литеръ Россійскихъ, Нѣмецкихъ и Латинскихъ до 300 пудъ,登ановъ 19, въ томъ числѣ старыхъ два, прессовъ 2, досокъ гравированныхъ 565 съ принадлежащими къ тому рамами желѣзными формами, для литья литеръ, пунсонами стальными, матрицами и украшеніями, стоющая 13200 руб.»

Новиковъ же состоитъ должнымъ:

«Московскому Опекунскому Совѣту капитала 80.000 руб. да процентовъ 1788 года Іюня съ 23-го по нынѣ до 76.500 руб., въ число которой суммы уплачено изъ поступившихъ въ Приказъ за проданную деревню, взысканныхъ съ ея сіятельства графини Анны Родіоновны Чернышевой по векселю и вырученныхъ за проданныя книги всего 35.000 руб. да Опекунскимъ Совѣтомъ зачтена въ число платежа облигація, представленная въ залогъ отъ полковника Лодыженскаго въ 50.000 руб. А всего съ оною поступило въ уплату 85.000 руб. За тѣмъ остается заплатить до 71.500 руб.»

«Въ Московскій Императорскій Университетъ недоплаченныхъ за содержаніе Типографіи 673 руб. 1 коп.»

«По векселямъ и по счетамъ разнаго званія людямъ капитала до 161.000 руб. Да процентовъ на оную сумму безмала тожъ число, что и капитала.

Итого одного капитала до 248173 руб.

«Да сверхъ сего Новиковъ долженъ маіору Походяшину, но каковою суммою, по недоставленію отъ него документовъ, неизвѣстно».

Сообщилъ В. Н. Рогожинъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ И ЛАФАТЕРЪ.

Письмо императора Павла къ Лафатеру.

Monsieur Lavater. Depuis mon voyage en Suisse je me suis rappellé constamment du plaisir que j'ai eu à faire votre connaissance, et de trouver ensuite dans vos ouvrages ces principes qui vous caractérisent et qui vous ont rendu victime de la révolution française. Mes troupes viennent en Suisse pour y consolider le bonheur de ses habitans, en leur rendant leur ancien gouvernement. Par une attention personnelle, j'ai ordonné de veiller sur vos propriétés et sur votre repos. Mon lieutenant-général Rimskoy - Korsakow est chargé de ce soin et en même tems de vous demander ce qui pourrait vous être le plus agréable de ma part, comme témoignage aux yeux de tout le monde de l'estime que je porte au digne pasteur et ami du genre humain. Sur ce je prie Dieu, monsieur Lavater, qu'Il vous ait en Sa sainte et digne garde. Paul.

Gatchino, du 23 Septembre 1799. *)

*

Письмо, подписанное императоромъ Павломъ, генералъ-лейтенанту Римскому-Корсакову 22 Сентября 1799 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ. Когда войска наши будутъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ извѣстный Лаватеръ, то вы дайте ему салво-гвардію и удалите отъ него всѣ произойти могущія отъ пребыванія войска безпокойства.

---

*) Переводъ. Господинъ Лафатеръ. Со времени моего путешествія по Швейцаріи я постоянно помнилъ объ удовольствіи познакомиться съ вами, и потомъ въ твореніяхъ вашихъ мнѣ пріятно находить правила, васъ отличающія и содѣлавшія васъ жертвою Французской революціи. Войска мои идутъ въ Швейцарію, дабы утвердить благополучіе обитателей, возстановивъ прежнее ихъ управленіе. По личному моему сочувствію приказалъ я охранять вашу собственность и ваше спокойствіе. Забота о томъ поручена моему генералъ-лейтенанту Римскому-Корсакову, который кромѣ того спроситъ у васъ, чего всего болѣе вы желали бы отъ меня, во свидѣтельство на весь свѣтъ, какъ я почитаю достойнаго пастора и друга человѣчества. За тѣмъ молю Бога, господинъ Лафатеръ, да сохранитъ Онъ васъ подъ Своимъ святымъ покровомъ. Павелъ. Гатчина, 23 Сентября 1799.

Притомъ, увидясь съ г-мъ Лаватеромъ самимъ, узнайте отъ него, что̀ можетъ ему быть пріятнѣе, въ доказательство уваженія нами его особы, орденъ ли, чинъ, пенсіонъ, или другое какое отличіе? Увѣдомьте насъ о семъ немедленно, и доставьте ему приложенное при семъ письмо.

Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Гатчино, Сентября 22 дня 1799 года.

*

Предписаніе, подписанное императоромъ Павломъ, генералъ-лейтенанту Римскому-Корсакову 8 Сентября 1799 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ. Въ случаѣ занятія города Паіерна *) войсками вамъ ввѣренными, предписываю вамъ снабдить салво-гвардіей живущаго въономъ г-на Зибурга, для предохраненія дома его отъ всякихъ обидъ и притѣсненій. Пребывая вамъ благосклонный, Павелъ.

Гатчина, Сентября 8-го дня 1799 года.

*

Извлечено изъ VI-й части „Сборника старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина". Оба письма суть памятники сердечной чувствительности императора Павла. Лафатеръ, Цюрихскій пасторъ, прославившійся на весь міръ какъ философъ-ораторъ и богословъ, род. въ 1746 году. Нашъ Карамзинъ былъ его поклонникомъ и велъ съ нимъ переписку (при чемъ за свои письма Лафатеръ заставилъ Карамзина платить ему деньгами). Знаменитый Швейцарецъ вѣроятно не успѣлъ поблагодарить императора Павла за это прекрасное письмо его и за великодушную о немъ заботу: 26 Сентября 1799 г. онъ былъ тяжко раненъ Французскими солдатами въ Цюрихѣ и въ 1801 году скончался. Можетъ быть, и самаго письма онъ не успѣлъ получить, такъ какъ оно въ подлинникѣ осталось въ бумагахъ Римскаго-Корсакова, отъ наслѣдниковъ котораго вѣроятно поступило въ Щукинскій Музей. Въ помянутомъ Сборникѣ напечатанъ также разсказъ Лафатера о томъ, какъ его ранили Французы. П. Б.

---

*) Паіернъ—городъ въ Ваадскомъ кантонѣ, нѣкогда мѣстопребываніе Бургундскихъ королей. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО КОНСТАНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ.

1811-й годъ [1]).

Москва, 3-го Генваря 1811 года.

Деньги твои я получилъ, любезный братъ. Принимаю ихъ съ душевною благодарностію, увѣренъ будучи, что ты этою присылкою доставилъ сердцу твоему удовольствіе, всякія другія превышающее. Знай и то, что эта помощь очень кстати подоспѣла. Князь[2]) такъ запутался въ своихъ суконныхъ поставкахъ, что вотъ шестой мѣсяцъ что не платитъ Натащѣ слѣдующіе ей 3000, et nous tirions le diable par la queue.

Parlez quelques fois de moi à m-r Italinsky [3]); je me rappelle toujours du temps heureux où j'ai servi sous ses ordres et de ses archiexcellents dînés. L'autre jour j'ai eu occasion d'en parler avec Ив. Алексѣевичъ Абресковъ qui a dîné chez lui à Constantinople; мы оба пальчики себѣ облизывали. Demandez à m-r Italinsky s'il ne serait pas charmé d'avoir avec lui le docteur Jaquemain pour le distraire dans ses moments de repos. C'etait un bien drôle de personnage. А что Андрей Яковлевичъ теперь носитъ мундиръ шитый, котораго узоръ ты прислалъ мнѣ изъ Вѣны для него?

*

Москва, 10-го Генваря 1811.

Третьяго дня, въ Воскресенье, 8-го числа, обвѣнчали Бальмена, сперва у Богоявленія, а тамъ въ Католической церкви, на Лубянкѣ. L'abbé Süruck a tenu un charmant discours à la louange des deux époux. J'avais à côté de moi la tante de Jeannot[4]), Наталья Сергѣевна

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1899 года, выпускъ 10-й, гдѣ, въ предисловіи, поясняются тогдашнія обстоятельства обоихъ братьевъ Булгаковыхъ. Старшій братъ жилъ въ Москвѣ, младшій состоялъ при графѣ Н. М. Каменскомъ, главнокомандующемъ въ Турецкой войнѣ.

[2]) Тесть А. Я. Булгакова, князь В. А. Хованскій.

[3]) Андрей Яковлевичъ Италинскій.

[4]) Такъ звали въ обществѣ Ивана Васильевича Нарышкина, брата новобрачной графини Марьи Васильевны Бальменъ (съ 1819 года Олсуфьевой).

qui me gênait beaucoup: elle me demandait l'explication de chaque mot. Это что? Теперь что говорятъ? Теперь, сказалъ я ей, спрашиваютъ у Бальмена, хочетъ ли онъ взять за себя Машеньку? А что онъ отвѣчалъ, мой милый, me dit-elle. J'ai failli partir d'un éclat de rire. Nous avons ensuite soupé chez les nouveaux mariés dans la maison jaune de Worontzoff près de chez nous[1]). Tout le monde était fort gai et avec une pointe? Il y a ici des mariages sans fin. Le même jour Czetwertinsky [2]) a épousé la c-sse Надежда Gagarin, княгини Прасковьи Юрьевны дочь. M. Souchkoff épouse m-lle Pachkoff. Nowociltzow, le gentilhomme de la chambre—m-lle Naoumoff fort riche. Le g-l Schépéleff la richarde Batacheff, le petit colonel des gardes Barténeff m-lle Boutourlin, connue sous le nom de fichette etc. etc. Nous peuplons le monde, et vous le faites tuer. Маша изъ радости теперь въ печали, car notre héros brûle déjà de retourner à l'armée. Il ne sait pas encore s'il laissera sa femme ici, ou bien s'il la prendra avec lui pour la laisser à Kiew chez son frère Pierre. Worontzoff avait voulu venir pour la nôce de Balmaine, mais il viendra après. Mitucha N.[3]) est ici en semêstre.

Въ самый reveillon балъ у Александра Львовича, множество людей и его высочество; вдругъ ординарецъ, что театръ горитъ. Страшный былъ вѣтръ, нечего было дѣлать. Остались четыре стѣны, спасены только книги, счеты; гардероба, декораціи — все сгорѣло. Убытокъ въ полтора милліона. Ал. Льв. dîne le lendemain chez l'Empereur, qui lui dit: eh bien le théâtre a brulé?—Oui, sire, et par ma faute.—Comment cela?—Mais oui, il n'y avait qu'un souffleur au théâtre; s'il y en avait 500, ils eussent éteint l'incendie.

Ну, изволь отгадывать, кому я давалъ обѣдъ въ Субботу? Ты его очень любишь, ты имъ одолженъ, мы у него обѣдывали въ Петербургѣ. Да что тебя мучить! Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ. Мы его славно угостили столомъ, виномъ, трубочкой славнаго табаку и чашкою славнаго кофе. Всѣ наши добрые слободскіе [4]) тутъ были и всѣ его полю-

[1]) Это тотъ самый домъ графа А. Р. Воронцова, въ которомъ годъ спустя погибли сокровища, накопленныя бережливыми графами Воронцовыми. Послѣ Бородинскаго боя туда привезли раненаго графа Михаила Семеновича, командира сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, отъ которыхъ изъ 20 т., выступившихъ съ утра въ бой, осталось къ полудню только 200 человѣкъ. Увидавъ на дворѣ Московскаго дома подводы, прибывшія изъ села Андреевскаго для увоза мебели и вещей, молодой графъ приказалъ вносить все назадъ въ домъ, а на подводахъ отправилъ въ просторный Андреевскій домъ раненыхъ своихъ товарищей и солдатъ.

[2]) Братъ графини М. В. Бальменъ, Дмитрій Васильевичъ, женившійся позднѣе на дочери графа Ростопчина, Натальѣ Өедоровнѣ.

[3]) Князь Борисъ Антоновичъ Четвертинскій, братъ Марьи Антоновны Нарышкиной.

[4]) Т.-е. обитатели Нѣмецкой Слободы.

били. Онъ велѣлъ тебѣ много кланяться и распрашивалъ о всемъ до тебя касающемся. Пріѣхалъ онъ сюда въ отпускъ на два мѣсяца, имѣя также тяжбу въ Уѣздномъ Судѣ. Ses manières rondes ont beaucoup plu à tout le monde ici.

*

Москва, 17 Января 1811.

Нашъ милый Сережа Уваровъ сдѣланъ дѣйств. статскимъ совѣтникомъ и начальникомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа на мѣсто Ник. Ник. Новосильцова. Pas si mal! Tourguéneff me mande que cela a fait beaucoup d'envieux, et je trouve que c'est juste, et juste ce qu'il fallait à Serge.

*

Москва, 25 Генваря 1811.

Чего добраго ждать отъ канцлера? Однакожъ, онъ, какъ ни вертись, а графъ поставитъ на своемъ*); можно ли побѣдителю въ чемъ-нибудь отказывать? Et quand on vera qu'il le *veut*, que cela est juste, on le fera. Повѣрь, не то еще будетъ. А между тѣмъ душа радуется слышать отъ всѣхъ изъ арміи пріѣзжающихъ тоже, то-есть большія о тебѣ похвалы. Бальменово генеральство очень всѣхъ обрадовало; живутъ они такъ согласно, что любо смотрѣть на нихъ. Желаю тебѣ успѣха въ прибавкѣ 10 т. Кажется, отказать это нельзя; да и ты взялъ каналъ самый вѣрнѣйшій, чтобы добиться толку.

Наташа очень сожалѣетъ, что не удалось ей видѣть Воронцова. Я много съ нимъ о тебѣ говорилъ, просилъ тебя любить, а онъ проситъ, чтобъ его я тебѣ очень рекомендовалъ. Je n'ai pas besoin de le faire. Je vous supplie en grâce de me donner des nouvelles de Balmaine dans chaque lettre et en détail; car j'aurai de moyens à consoler cette pauvre et intéressante Marie. D'ici je n'ai rien de nouveau à nous dire, si non des mariages sans fin. De Pétersbourg on m'écrit par occasion qu'on fait des préparatifs de guerre sérieuses. Nous finirons par nous brouiller avec les Français. Bonaparte veut dominer exclusivement dans la Baltique; il a demandé la Finland aux Danois qui la refusent et se jettent dans les bras de l'Angleterre pour être sécourus. La Suède est en révolte, il y a grande fermantation à cause de la déclaration de guerre faite à l'Angleterre contre le voeu de la nation. Bernadotte a quitté Stockholm, et les gazettes disent qu'il est allé prendre les camps pour mois de Janvier! En Espagne cela va très mal pour les Français. La Romana a organisé 50.000 h. sur les derièrre de Massena, qui n'a pas de retraite. Araktheyeff devient tout puissant, le Collège de guerre d'autre-

*) Говорится про канцлера графа Румянцова и его товарища графа А. Н. Салтыкова.

fois va être renouvellé, et il en sera le vice-président et puis président pour être maréchal. Gourieff chancèle. Spéransky toujours tout puissant. Kempenhausen est fait contrôleur-général. On nomme Pestel, Karnéew, Moltchanoff pour lui succéder dans la place de trésorier de l'Empire. Kozodavleff, le rebut des hommes, est ministre de l'intérieur. Kourakin reste au Consiel seulement. Вотъ и все, кажется. Когда будетъ случай вѣрный, напиши мнѣ, есть ли надежда къ миру съ Турками. Ici on dit que la France ne la veut pas et y met des entraves sous main.

*

Москва, 6-го Февраля 1811.

Ты о милліонѣ выгоды для казны говоришь какъ о шуткѣ. Il faudrait qu'on le sache à Pétersbourg: savez vous que cela vous donne le droit de demander le 3-me Vladimir. Фастъ боится, что ты не взялъ 1000; хочетъ тебѣ написать ругательное письмо. On dirait qu'à votre place il les est pris. Sur cent personne cependant 99 n'auraient pas fait la petite bouche, c'est 12 m., et pour mon service bien innocent. Нѣтъ, братъ, въ насъ обоихъ и Якова Ивановича кровь течетъ; всѣ вездѣ безъ милосердія крадутъ, но мы пойдемъ лучше по міру, нежели совѣсть замарать. Quand j'étais juge de priser de nos corsaires dans la Méditerannée, Dieu sait quelles sommes j'aurais pu mettre dans ma poche, je ne l'ai pas fait et je ne m'en repens pas. Toute la Russie sait que l'Impératrice avait mis 3 millions à la disposition de papa, mais qu'il fit ceder la Crimée pour 600 m. piastres et renvoya le reste. Papa me disait une fois: дуракъ я былъ, деньги эти велѣно отдать Потемкину, а онъ ихъ промоталъ. Au fond de son coeur il pensait bien autrement. Puisque vous êtes rigide sur cet article, je vous prie aussi de ne pas faire grâce d'une obole, quand il est question de recompense méritée; demandez, criez, insistez. Le comte vous appuyera.

*

Всѣ твои денежныя распоряженія будутъ исполнены. Старухѣ послалъ я еще деньги черезъ Митюшу, дѣтямъ отдалъ, но только половину, а другую въ Святую недѣлю отдамъ. У Лизаньки былъ флюсъ, теперь ихъ танцклассы очень веселы, и много съѣзжается. Мы съ Фастомъ почти всякой разъ бываемъ и танцуемъ. Faste y amene ses musiciens; cela rend les petites demoiselles bien heureuses[1]). Завтра ѣдемъ мы съ Фастомъ смотрѣть Подмосковную; очень мнѣ ее хочется купить, потому что она въ трехъ верстахъ отъ Петелина[2]). Natalie veut se défaire de tous ses diamants (si inutiles) et l'acheter; elle rapporte 5000 par an, ajoutez les

---

[1]) Сводныя сестры Булгаковыхъ: дочери ихъ матери отъ ея брака съ докторомъ Шумлянскимъ.

[2]) Подмосковная Ф. П. Макеровскаго, доселѣ принадлежащая его дочери.

5000-r que le prince lui donne à mes appointements: cela fait 1000, et alors vogue la gallère, s'il nous arrive même le malheur de perdre le procés. Voici une existence assurée et, en restant dans cette terre, qui n'est qu'à 35 verstes de Moscou, six et sept mois de l'année, on économise beaucoup et augmente les revenus. Такъ ли? А за сосѣда одного можно дать тысячъ двадцать.

26-го вѣнчали Наташу Пушкину[1]), къ свадьбѣ пріѣхали Ваня, Александръ и Хитрова. У насъ почти чтó ни день, то свадьба.

Сенявинъ тебѣ очень кланяется, онъ скоро ѣдетъ назадъ въ Петербургъ. Почтенный этотъ добрый человѣкъ со всѣхъ сторонъ претерпѣваетъ несчастія, обиды. Только и имѣетъ онъ, что 200 душъ, и то какая-то родня, на Анну Петровну похожая, отнимаетъ; дѣло въ Уѣздномъ Судѣ, имѣніе взято въ казенный присмотръ. Видя, что нечего дѣлать, онъ возвращается въ Петербургъ. Ah, le méchant tems que celui où nous vivons! Mais il y a de beaux moments et des jouissances inconnues des méchants qui dédommagent de tout. Грейгъ тебѣ также кланяется всякой разъ, что мы его видимъ. C'est un grand favori de Nathalie. Бѣгу къ Бальмену: прислалъ мнѣ сказать, что Воронцовъ[2]) пріѣхалъ.

Nikita Wolconsky épouse la princesse Zenéide Béloselssky.

*

28-го Генваря.

Вообрази, что Воронцовъ и Бальменъ ѣдутъ завтра поутру: il y a des raisons qui forcent le dernier beaucoup plus tôt qu'il ne l'avait voulu. Il vous les expliquera lui-même. Ты можешь себѣ представить, какъ бѣдная Маша огорчена.

*

Москва, 31 Генваря 1811.

Отгадай, у кого я сегодня былъ? У Сережи Уварова. Онъ пріѣхалъ на три недѣли съ женою и обнимаетъ тебя сердечно, все тотъ же добрый малый и любитъ насъ по старому, и съ нимъ пріѣхалъ Романъ. Онъ и насъ сегодня принялъ и также очень тебѣ кланяется и велитъ у тебя спросить, долго ли тебѣ за докторшами волочиться. Dites à Balmaine que Sélim est inconsolable de son départ et qu'il ne fait que pleurer. Le bruit court que l'Empereur vient à Moscou et que le comte Kamensky est appelé aussi pour s'aboucher avec S. M. То-то кабы правда, да тебѣ бы съ нимъ пріѣхать! [3])

---

[1]) Графиня Наталья Алексѣевна Мусина-Пушкина вышла за князя Дм. Мих. Волконскаго. Къ ея браку пріѣзжали два ея брата и замужняя сестра.

[2]) Будущій фельдмаршалъ.

[3]) Слухи эти не оправдались.

Москва, 14 Февраля 1811.

Твое письмо (№ 32) прiѣзжалъ мнѣ отдать самъ Паленъ; меня не было дома, но я съ нимъ видѣлся нѣсколько дней спустя послѣ у Корсаковой и у нашихъ Пушкиныхъ на балѣ. Онъ, такъ какъ и генерально всѣ изъ армiи прiѣзжающiе, очень тебя хвалилъ. Son chef Ouvaroff m'a aussi parlé de vous, faisant votre éloge. Malgré tout le désir que j'ai d'être utile à ceux que vous me recommandez, je ne me trouve jamais dans le cas: car dès qu'ils arrivent ici, la ville s'empare d'eux; ils sont tout de suite de tous les bals, toutes les fêtes, courses, fêtes, et l'état de Nathalie ne me permet pas des les engager à venir boire une bouteille de notre bon vin de Hongrie. Радуетъ меня очень все то что̀ отъ нихъ слышу; ils ont rempli la ville des choses les plus favorables sur votre comte, et ce que vous me confiez comme à votre ami est aussi raconté par eux à qui veut l'entendre, et quand on me le dit, j'ai l'air de l'ignorer et m'en rejouir. Спасибо, братъ, за всѣ твои подробности. Слава Богу, что тебѣ хорошо. Вотъ такъ-то мнѣ было у Дмитрiя Павловича[1]). Онъ бы все для меня сдѣлалъ на свѣтѣ. Я не просилъ и теперь очень раскаеваюсь; возьми это себѣ въ примѣръ: кто служитъ съ ревностiю и честiю, имѣетъ право ожидать, требовать поощренiя. Право, братъ, не пренебрегай моимъ совѣтомъ. А между тѣмъ я въ восхищенiи, что ты попалъ на мѣсто, которое доставляетъ тебѣ случай показать твои способности, ревность и честность. Несчастiе, что канцлеръ начальникъ твой; au reste, il ne pourra pas vous priver de l'estime universelle de l'armée et de la confiance du g-l en chef; ce sont deux belles choses qui valent bien des recompenses, mais je vous répète de ne pas negliger celles-ci. Развѣ графъ не относится прямо къ Государю? Du reste, ce serait vous mettre encore plus mal auprès de Roumanzoff, c'est à dire l'armer à vous nuire plus. C'est un singulier personnage. La désertion s'est mise dans notre Collège[2]). Le bon Lachinoff l'a quitté. Voilà encore une bonne tête de moins. Онъ перешелъ къ финансамъ. Vous savez comme il est rangé, sage et instruit. A propos de finances, Ribeaupierre, qui sert aussi là bas et qui est venu pour quelques semaines à Moscou, a été hier chez moi et m'a chargé de bien des choses pour vous. № 37 отъ 3 и 38 отъ 15 Генваря получилъ я черезъ графа Гудовича. Волковъ зналъ, что онъ имѣетъ письма ко мнѣ отъ тебя и, зная также мое нетерпѣнiе ихъ имѣть, посылалъ къ нему ординарца съ запискою, бралъ на себя мнѣ все доставить; но Гудовичъ отвѣчалъ, что самъ ихъ мнѣ желаетъ доставить въ собственныя руки, и подлинно въ тотъ день и явился. Не было

[1]) Татищева.

[2]) Т. е. въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

меня дома, но Наташа его приняла и послала за мною къ Фасту. Я на извозчикѣ прискакалъ. Онъ[1]) долго у насъ сидѣлъ и очень намъ полюбился, тебя любитъ и хвалитъ страхъ. Son procédé prouve au reste le cas qu'il fait de vous, et en général tous ces messieurs sont tous venus en personne me remettre vos paquets. Спасибо, братъ, за милое, безцѣнное, длинное твое письмо, а Наташа тебя цѣлуетъ за гостинецъ, коимъ обкурила всѣ комнаты. Les pastilles pour la pipe me plaisent à moi beaucoup, mais Nathalie aime mieux l'odeur du bon tabac turc, et j'en ai de l'exquis; je crois que cela tient aussi à son état de grossesse, car l'odeur est forte. Я Фасту съ сотенку подарилъ; celui-là a besoin, car il fume du détestable tabac, et quand je vais chez lui, je prends du tabac dans ma poche.

Я очень твоихъ мыслей на счетъ примиренія съ Анною Петровною и ничего не упущу для достиженія этой цѣли; ты знаешь, какая она сумасбродная и какъ трудно съ нею что нибудь кончить; но Апраксинъ, спасибо, всѣми сторонами ее вертитъ, et à présent il veut l'attaquer par Nicolas, puisqu'elle a l'air de l'aimer tant. Il faut que vous sachiez qu'elle est broullée avec Adoefsky; elle a exigé d'Apraxin qu'il ne parle pas de rien à celui-ci, ou pour cela. Mais elle s'est liée avec un m-r Woeykoff, autre scélérat et avocat, qui a apparement en vue de sucer la cousine et de faire durer le procés pour lui tirer de l'argent. Je vous assure que cette femme est bien méchante; elle possède une âme basse. Si vous saviez, quel tissu de mensonges elle a imaginé. C'est au point qu'Apraxin lui a dit: vous ne changerez jamais l'opinion que le public a de m-s Bulhakow; il ne s'agit par de les rendre odieux à mes yeux, moi qui désire de vous reconcillier avec eux, ils ne m'ont dit aucun mal de vous; laissons cela et dites si vous voulez les entendre ou non. Я на васъ полагаюсь, dit elle, будьте моимъ совѣтникомъ, et puis les sarcasmes recommencèrent. Apraxin veut maintenant armer Scherbatoff contre elle, on mêlera le petit[2]) dans tout cela. Nous verrons. Soyez sûr que je ferai de très grands sacrifices pour acheter notre tranquillité. Ce que nous aurons, sera toujours commun. Il faut faire une fin à cet état d'incertitude pire que tout mal. Roumanzoff vous eût obligé s'il vous eût su dépouillé et sans ressource. Au moins cette furie prierait Dieu ou le diable pour lui. A présent nous souffrons tous. Все то что ты мнѣ говоришь на счетъ дѣла, очень меня тронуло, любезный братъ. Видно, Богъ не на то создалъ добрыхъ людей, чтобъ имъ быть совершенно счастливыми здѣсь! Жизнь здѣшняя минута. А. П. и теперь

[1]) Московскій главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ И. В. Гудовичъ.

[2]) Т. е. малолѣтняго князя Николая Щербатова, мать котораго была сестрою А. П. Колтовской (въ то время бездѣтной вдовы).

терзается и ногтями своими только питается; если и присвоить себѣ имѣніе батюшки нашего, то не отыметь его нѣжности; благословеніе его будетъ съ нами. Я все буду счастливъ, какъ никто совѣстью своею, братомъ и женою.

Татищева скоро ждутъ сюда; я радъ очень: лучше можно будетъ все учредить. Il n'a pas varié dans ses sentimens pour moi, et il sera infailliblement employé et d'une manière active. Le changement et innovations projettés pour les ministères sont remis, on ne sait pour quand; il faudra donc attendre pour ma nouvelle place. Wolkoff vous embrasse. Онъ замученъ бѣдный: Ивашкинъ лежитъ боленъ, Дурасовъ въ отпуску, онъ одинъ горе мыкаетъ; не понимаю, какъ поспѣваетъ. Voilà un homme d'or pour les amis, pour le service de l'Empereur. Présentez bien mon respect à m-r d'Italinsky. S'il fait bonne chaire? Je me rappelle encore de ses dîners de Naples.

Je vous ai mandé déjà que Serge*) était forit content d'état actuel, qu'il avait la place de H. H. Новосильцовъ, т.-е. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа. Il est ici depuis une dizaine de jours et voùs embrasse. Ni sa place, ni le mariage n'ont changé cet excellent garçon. Нашъ милый Анстетъ подалъ въ отставку просьбу. Voilà encore une bonne tête que le chancelier a rebuté.

Волковъ сейчасъ у меня былъ съ пожара, на которомъ, по великому счастію, не остался онъ замертво на мѣстѣ. Упало бревно съ крышки и задѣло только конецъ его сапога, а стоявшаго возлѣ него драгуна ушибло очень больно.

*

Москва, 19 Февраля 1811.

La guerre avec la France paraît inévitable. L'Empereur en voit sa nécessité. Après bien des courriers échangés, Bonaparte a envoyé un ultimatium fort dur exigeant un oui ou un non. L'Empereur a répondu qu'il avait déjà sur les frontières 250 m. h. et dans le pays 300 m. de milice pour soutenir le non, et que par là il se rendait au voeu de la nation auquel il s'opposait depuis deux ans. C'est l'histoire des bâtiments de Ténériffe qui a amené les choses à ce point. Bonaparte voulait que les marchandises, comme dans le reste de l'Europe, fussent brulés; on ne les a que confisqués. On a exigé que Riga et Revel fussent déclarés villes libres. A Paris ont s'est fâché de la prohibition chez nous de différentes marchandises françaises. Ils nous ont nui, contrecarré dans nos négociations avec les Turcs, exigeant absolument que la mission Anglaise et sa nation fussent bannies des états Turcs pour toujours. Les

*) Будущій министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, передъ тѣмъ женившійся на богачкѣ графинѣ Е. А. Разумовской. Булгаковы сблизились съ нимъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ служилъ при князѣ А. Б. Куракинѣ.

Turcs enhardis se sont oubliés jusqu'à demander la restitution de la Crimée. Enfin les mesures qui se prennent ne laissent plus douter qu'on en viendra à des hostilités. Doktoroff est appellé à Pétersbourg pour recevoir des instructions. Il y aura trois grands corps commandés: le 1-r par le comte Nicolas, le 2-e par le ministre de la guerre lui-même, et le 3-e par Doktoroff. Tâchez donc, mon cher, de ne pas vous séparer de votre chef, qui de son côté désirera sûrement vous conserver auprès de sa personne. Tout ce que je vous dis m'a été comuniqué par une personne qui arrive de Pétersbourg hier et qui peut être bien instruite de tout. Le coup d'état qui avait été projetté pour effrayer la Porte et la forcer à la paix a été abandonné; on prétend que cette guerre sera regardée comme terminée; il n'y aura qu'un corps de 50 m. h. de ce côté du Danube et si les Turcs veulent nous ôter la Moldavie et la Vallachie, qu'ils repassent le Danube et nous disputent notre conquête. Ce parti me paraît sage. N'avons nous pas toutes les forteresses qui nous assurent nos conquêtes? On dit que Toutchkoff commandera l'armée de Turquie. Nous sommes assurés des alliances des Autrichiens et des Prussiens; les premiers ont exprès réduit toute leur armée à une force apparente de 70 m. h. pour avoir une excuse auprès de Bonaparte, mais ils exigent que nous abandonnions les Turcs et que nous employons la même armée pour les menager; alors ils diront à B.: nous ne pouvons pas combattre un ennemi deux fois plus fort. Il est évident qu'on fera la paix avec les Anglais, et il y a déjà des rapprochemens. Telles sont les nouvelles qu'on se dit à l'oreille à Pétersbourg et que Moscou, comme de tout tems, exagère beaucoup. Je vous engage à ne pas rester en Moldavie; ce poste deviendra fort secondaire. Vous avez la confiance et l'estime du comte; ne vous en séparez pas.

*

Москвà, 22 Февраля 1811.

Parlons maintenant de cette fameuse reconcilliation que je désire aussi de tout mon coeur.

Apraxin convint qu'avec elle cela ne finirait jamais; nous nous sommes donc convenu de choisir des arbitres. Apraxin est pour nous, et de leur côté il y a le sénateur Ник. Мих. Сушковъ.

Les brigands de l'Уѣздный Судъ nous ont fait différentes avances, en omettant des choses qui nous sont favorables. Je me suis plaint à Goudovitch et au gouvernement, tous deux ont pris fait et cause pour nous. Les juges sont condamnés à l'amende et à redresser nos griefs.

Нѣтъ, братъ, я тебя никакъ въ Москву не зову; служи и выслуживай себѣ хорошее. Не разставайся съ твоимъ дорогимъ начальникомъ. Je suis très raisonnable là-dessus, car ma tendresse pour vous

et votre propre bien l'emporte surtout. Il ne faut plus penser à la place que Gourieff s'était offert de me donner, car les nouveaux départements n'auront pas lieu. Il faut des millions pour mettre tous ces places à exécution. L'Empereur a remi tout cela. Надѣюсь, что палатка не опоздаетъ. Она давно въ дорогѣ. Остается желать, чтобы была по твоимъ мыслямъ. Тетушка была у насъ вчера, все также добра и одинакова, велѣла тебя обнять, tout les Slobodiens en font autant, les Nariskin, Wolkoff et les Pouskin, дѣти также тебя обнимаютъ. Сегодня былъ я съ Фастомъ въ танцклассѣ. Antonio qui danse, c'est un ours absolu.

*

Москва 27 Февраля 1811.

Ты дивишься, что долго не присылаютъ тебѣ жалованья, а въ Коллегіи и здѣсь съ 1-го Генваря не велѣно вовсе жалованье выдавать впредь до указа, а это потому, что нѣтъ ни копейки въ Коллегіи. Каково тѣмъ, кто однимъ жалованьемъ живетъ? Я слышу, что и въ протчихъ мѣстахъ за тою же причиною остановлено производство жалованья у служащихъ. Que ce cher chancelier ne finisse pas tout ôter; mais avec ceux qui sont dans l'étranger, je suppose qu'on sera plus exacte.

Сенявинъ уѣхалъ давно; онъ очень часто о тебѣ говорилъ, и мы старались его угостить всѣми силами. A son départ je lui ai fait cadeau du tabac que vous m'avez envoyé; il me dit: совѣстно, а право нельзя отказать. J'en ai trouvé ici de l'excellent chez un Grec, пріятный и слабенькій, il l'appelle Самарханской. A propos: le bruit s'était répandu que le comte[1]) viendrait pour quelques jours à Moscou; ce même Grec m'a dit que tous ses compatriotes avaient le projet d'aller chez le comte en corps pour le remercier d'avoir conquis deux provinces, qui rendraient leur commerce plus sûr et plus étendu. Я сообщаю Тургеневу все, что можетъ его интересовать и выписалъ ему послѣднюю статью изъ твоего письма, до него касающуюся.

Волковъ такъ занятъ, что я его по два дни не вижу. Намедни славный Строгановъ давалъ обѣдъ Александру Львовичу (недавно пріѣхалъ и на дняхъ ѣдетъ); вдругъ пожаръ въ домѣ, прискакала полиція, всѣ встревожились. Ал. Львовичъ ne perdit pas la tête et se mit à crier: спасайте стерлядей и бѣлужину!

Побѣда С. Пр. тѣмъ болѣе насъ обрадовала, что очень неожиданна. Чего было ждать среди тишины зимнихъ квартиръ? Молодецъ С. Пр. А потому что мнѣ сказалъ Байковъ, занятіе Ловчи имѣетъ вліяніе на наши военныя операціи по положенію своему. Никто о томъ

---

[1]) Графъ Николай Михаиловичъ Каменской. Въ Москвѣ жила его мать.

[2]) Нарышкинъ.

не зналъ. Я въ тотъ день ужиналъ у Алекс. Львовича, говорилъ о томъ съ графомъ Мих. Васил., потомъ подошелъ фельдмаршалъ, взялъ меня къ сторонкѣ и заставилъ себѣ разсказать подробности; ибо ему была извѣстна одна только новость. Выслушавъ, сказалъ онъ мнѣ съ чувствомъ: Это братъ что! Побѣды отъ насъ не уйдутъ, побѣдитель-то боленъ. Тебѣ пишетъ ли братъ о томъ? Я отвѣчалъ: я никому не говорю о семъ, но отъ в. с. не смѣю скрыть, прося у васъ тайны; графъ Н. М. очень былъ опасно боленъ; братъ пишетъ, что лихорадка его, слава Богу, оставила, но что продолжается еще сильный кашель. Фельдмаршалъ былъ доволенъ и прибавилъ: Ну слава Богу! Хорошо дѣлаешь, что молчишь о семъ и не говори никому; это можетъ произвести худое впечатлѣніе въ публикѣ, которая его любитъ. Я скрываю отъ старой графини и отъ брата его, что онъ боленъ. Après ce chuchottement tous s'approchent de moi, me demandant: что онъ тебѣ говорилъ? Je répondis que j'avais parlé de mon affaire. Ceci vous prouve comme le comte est aimé et quelles précautions le maréchal luimême prend pour qu'une nouvelle si fâcheuse ne transpire pas. De grâce donnez moi des nouvelles détaillées pour ma propre tranquillité. Pourquoi est-ce que Mazarowitz n'est pas auprès du malade. Cela me rassurerait beaucoup, et j'attendrai votre première lettre avec une bien vive impatience, et les détails sur le comte m'intéresseront plus que ceux de la victoire. Il y avait une lettre pour le jeune Goudowitch, partie de Sabanéeff et Zacrewsky (je crois), que le maréchal ne peut maîtriser son impatience d'apprendre des nouvelles du malade et décacheter les lettres pour son neveu.

Государь сегодня долженъ быть въ Тверь. Сюда, говорятъ, не будетъ; но положительно это знать нельзя. Здѣсь Жоржина, Дюпоръ и Талонъ; не смотря на великій постъ, ихъ вездѣ таскаютъ по домамъ, и праздниковъ и баловъ тьма.

*

Москва, 5-го Марта 1811.

Катерина Александрова Булгакова*), увидѣвшая свѣтъ 1-го Марта въ 8 часовъ и 21 минута утра, свидѣтельствуетъ свое почтеніе милому своему дядѣ Константину!!! Ну братъ, слава Богу, все кончено! Наташа и новорожденная, слава Богу, здоровы. Ты можешь представить себѣ мое благополучіе, но чувствовать можетъ оное одинъ только отецъ.

Le lendemain nous eûmes les félicitations de tous les parents. Волковъ явился одинъ изъ первыхъ съ имперіаломъ. Выхожу я въ перед-

*) Впослѣдствіи въ замужествѣ за Павломъ Дмитріевичемъ Саломирскимъ.

нюю, посылаю Акима съ радостнымъ извѣстіемъ къ роднымъ; зайди, прибавляю, къ Соковнинымъ. Вижу ихъ человѣка, спрашиваю за чѣмъ? Меня прислалъ, говоритъ лакей, Прокофій Ѳедоровичъ сказать вамъ радость свою: Софья Васильевна родила дочь Марію. Sophie a accouché à 7 heures et demie et Natalie à huit. Quelle joie ce sera pour le prince! Nous lui avons expédié une estafette. Il est à Gorbowo pour ses fabriques. Je plaisante en lui annonçant la délivrance de Nathalie et de Sophie et je dis que pour peu que Pauline se marie cette année, le 1-er de Mars de l'année prochaine toutes les trois soeurs accoucheront ensemble.

Что̀ тебѣ сказать новаго? On ne parle en ville que des folies drôles et aimables du comte Michel Roumanzoff, qui est ici depuis une semaine. Il est venu l'autre jour chez la maréchale Pouchkine, lui demander fort sérieusement sa main en mariage. Pour s' en débarasser plus vite, elle feignit d'y consentir, lui dit qu'elle allait s'habiller pour la nôce et l'envoya chercher le prêtre, ce qu'il fit tout de suite; dès qu'il fut sorti, on barricada tout jusqu'à la porte de la cour. Le comte revint avec un malheureux prêtre qu'il avait peché Dieu sait où, voyant tout fermé, il fondit en larmes, et depuis ce jour il ne cesse de répéter: невѣста моя умерла. D'autres fois il croit avoir couché avec la maréchale et veut donner son bien à son beau-fils Василій Валентиновичъ. Il ne rêve que mariage et comédie et donne tout ce qu'on lui demande. C'est être le contraire exactement de chancelier, qui déteste les mariages, aime les tragédies et refuse tout ce qu'on lui demande. On me dit que A. Priest est fait lieutenant-g-l; cela me paraît trop fort.

*

Москва, 9 Марта 1811.

Vous me dites que vous allez dîner chez Андрей Яковлевичъ*). Voilà une excellente nouvelle, si s. e. mange à Bukarest aussi bien qu'il mangeait à Naples. Mais, hélas! je doute qu'il vous ait offert du vitello de Sorrento, delle fighe. Troyane col salame mezzo-Falato, delle calamarette (oh! que c'était bon), des anguilles du phar, des huistres de Fusaro, du pesce spada et nombre de ses aides-de-camp, et puis quel dessert! Sorbetti di bomba Américana e pistacchio. Comme je pense souvent à ce divin golphe des Naples! J'y ai passé les plus belles années de ma jeunesse; j'y ai goûté des plaisirs bien vifs, mais c'est du 1-r de Mars que je connais le véritable bonheur. Il faut le ciel inspirateur de Naples pour un poëte, mais on peut goûter le plaisir partout, quand on a un père, une femme, un enfant, des amis et la santé. Пожалуй засвидѣтельствуй мое истинное почтеніе Андрею Яковлевичу; я не забуду никогда, какъ я былъ имъ принятъ, обласканъ въ Неаполѣ. Онъ меня

*) Италинскій.

не могъ тогда коротко очень узнать, потому что я былъ безъ ума отъ покойной Гагариной; страсть эта пожирала все мое время. Едва она уѣхала, какъ А. Я. назначили въ Царьградъ, куда онъ и отправился.

*

Москва, 17 Марта 1811 года.

Теперь увѣдомлю тебя, любезный братъ, о всемъ, что̀ происходило по дѣлу нашему въ судахъ, и о хлопотахъ, которыя я, слава Богу, превозмогъ. Уѣздный Судъ рѣшилъ въ пользу А. П., сдѣлавъ множество упущеній въ выпискѣ дѣла въ ущербъ нашъ, сказавъ, что завѣщаніе, не будучи сдѣлано по формѣ, не дѣйствительно, что свидѣтельство, данное разными особами (умолча, что всѣми родными батюшки и истинными его друзьями) не сдѣлано актомъ, что указъ намъ все даетъ, кромѣ имѣнія. Вотъ главныя черты, а тамъ много глупыхъ крючковъ, дабы доказать, что А. П. наслѣдница являлась въ судъ для выслушанія опредѣленія и подписки апеляціи. Фастъ былъ со мною. Вообрази наше удивленіе, видя, что насъ не допускаютъ къ апеляціи. Мы глазамъ своимъ не вѣрили, ибо это мошенничество, не основанное ни на какомъ законѣ, и которымъ А. П. думала сдѣлать дѣлу конецъ въ первой инстанціи, заплатя въ судѣ 10.000, не имѣетъ примѣра въ судопроизводствѣ. Уѣздный Судъ вывелъ: что Государь, утвердивъ мнѣніе 6 членовъ Совѣта противъ большинства, тѣмъ самымъ отринулъ нашу просьбу, что̀ предерзкая ложь, ибо мы отказа не получали, а велѣно дѣлу дать законное теченіе; Уѣздный же Судъ, отчуждая насъ отъ апеляціи, тѣмъ самымъ дѣлаетъ преграду законному теченію; да притомъ нѣтъ преступника, коему бы можно отказать въ апеляціи. Противъ здраваго разсудка отнимать право апеляціи у недовольныхъ и дать оное тѣмъ, кого удовольствовалъ; ибо А. П. право было дано жаловаться. За что? За то, что ей присудили имѣніе! На другой день подалъ я жалобу: вопервыхъ, графу Гудовичу, вовторыхъ, Губернскому Правленію. Черезъ два дня получилъ судъ прегрозное предложеніе отъ фельдмаршала дать въ своихъ поступкахъ отчетъ Губ. Правленію немедленно, а исполненіе приговора своего остановить. Правленіе, найдя отзывы оправдательные У. Суда основанными на кривотолкахъ самой даже высочайшей власти, и замѣчая сдавна беззаконныя дѣянія поганаго сего суда, предписало указомъ: 1) жалованье присутствующихъ въ У. Судѣ и секретаря обратить въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія; 2) апеляцію намъ немедленно дать, и 3) Колтовской въ просьбѣ ея отказать (она требовала взятія имѣнія въ казенный присмотръ и требовать отъ насъ отчета въ томъ, что̀ мы изъ дома будто вывезли). 10-го я подалъ апеляцію, а на другой день подалъ бумагу въ Граж-

данскую Палату. Мы теперь развязались отъ У. Суда и во второй инстанціи. Эта неудача сдѣлаетъ А. П. податливѣйшею къ мирной сдѣлкѣ. Она подала жалобу въ Сенатъ. У нея вышли раздоры съ судьею Матвѣевымъ: большая бестія! Такъ какъ дѣло пришло-таки свое теченіе въ Палату, то не хочетъ она доплатить 10.000 обѣщанные. Она заложила свои деревни, заняла, думала заплатить имѣніемъ, которое ей сулилъ У. Судъ, ошиблась, денегъ нѣтъ, и должники подали, чтобъ описать и продать ея имѣніе. Voilà ce que nous a dit son boulanger, qui est aussi le nôtre. Dieu merci, la protection du maréchal, la justice du gouverneur, les soins de Wolkoff, du procureur Karnowicz et de m-r Khruleff nous ont tiré du mauvais cas où cet infernale У. Судъ nous avait jetté. Voyant que cela tournait mal pour lui, il voulut tourner casaque et allégera qu'il avait seulement déclaré sa sentence, mais ne voulait pas l'exécuter. Quel est donc l'arrêt qui ne doive pas un jour se mettre à exécution. Вся эта каша пришла передъ родами Наташиными, потревожила меня довольно; добрый Фастъ рыскалъ день и ночь и за меня вездѣ наблюдалъ. Я не могъ такъ часто оставлять Наташу одну. J'ai trouvé, mon cher, un excellent canal auprès du président de la Гражданская Палата, m-r Piménoff, le jeune Lunin y est conseiller. Avec des gens comme il faut on pourra mieux s'entendre; pour l'У Судъ, c'est un repaire de brigands. La dernière fois que j'y fus pour faire mes tendres adieux, je dis à Матвѣевъ: жарко вамъ будетъ на Страшномъ судѣ.

Спасибо, преспасибо, любезный братъ! Едва перестаָлъ я къ тебѣ писать поутру, явился ко мнѣ купецъ Грекъ съ твоимъ письмомъ и съ посылкою. Ну ужъ лакомство твои ликеры! Будетъ чѣмъ пощеголять въ крестинный обѣдъ, который мы дадимъ, я думаю, въ Понедѣльникъ. Cela vaut mieux, je trouve, que le marasquin de Zara. Изъ одного штофика почти все вылилось, за то другіе славно доѣхали; я въ нихъ и подавать велю, pour attester leur origine. Спасибо, братъ, за гостинецъ, котораго здѣсь найти нельзя ни за какія деньги.

En fait de nouvelles que vous dire? Il en court une qui, si elle est vraie, me ferait bien de la peine. C'est que Koutozoff doit remplacer le comte dans le comandement de l'armée de Moldavie; иные говорятъ, дабы дать графу время оправиться отъ болѣзни, что больного повезутъ въ Яссы, по мнѣнію же другихъ, дастся графу другое важное начальство. Куда же? Развѣ противъ Французовъ. Слухи войны съ ними начинаютъ гаснуть. Хитрый Наполеонъ извивается всячески, чтобы избѣжать разрыва, съ тѣхъ поръ, что видитъ насъ твердыми и на все готовыми, чего, по внушеніямъ Коленкура, никакъ не ожидалъ. Ска-

зываютъ, что скоро выйдетъ манифестъ, коимъ Россія объявитъ свой вооруженный нейтралитетъ, порты наши будутъ всѣмъ открыты, тарифы впускаемымъ товарамъ уже обнародованы, и замѣчаютъ, что запрещеніе падаетъ на одни почти токмо Французскіе товары. Нашъ курсъ съ Англіею улучшился 40 процентами отъ однихъ слуховъ мира съ ними. Сахаръ и всѣ колоніальные товары стали дешевлѣ. On dit que Lauriston, qui succède à Caulincourt, apporte de grandes ouvertures de la part de Bonaparte. En Espagne ça va mal pour les Français. Mortier qui venait de Cadix pour se joindre avec 25 m. h. à Massena a été détruit presque par le g-l Hill. Les généraux de division Merle et St. Croix ont été tués. Ce beau corps est reduit au tiers. Vous savez déjà la prise de l'Île de France par les Anglais. Le butin qu'on a trouvé dans les différents magasins et dépôts est évalué à 700 millions de livres. Il est revenu pour chaque matelot 1000 liv. sterl. d'argent de prix et à l'amiral—un million. Cazzo, qui non si scherza! Я не хочу вѣрить, чтобы ты лишился графа; но правда и то, что для его слабости нельзя будетъ остановить военныхъ дѣйствій, а такъ какъ у васъ нѣтъ полныхъ генераловъ, то, можетъ, пошлютъ Кутузова, которому на помощь даютъ (сказываютъ) Дохторова. Ежели графу не быть въ Молдавіи, ты сдѣлаешь свои разсчеты, не слѣдовать ли за нимъ. Грустно мнѣ будетъ, ежели обстоятельства васъ разлучатъ; но мнѣ все кажется, что это басни нашей Москвы. Ужъ говорили разъ, что Тучковъ къ вамъ ѣдетъ, а потомъ и войны съ Турками не будетъ. Ты мнѣ объ этомъ можешь дать обстоятельное свѣдѣніе съ первымъ курьеромъ.

*

17-го Марта.

Бѣдная Витша Потоцкая въ Польшѣ на станціи одной была съ дочерью зарѣзана разбойниками. Исторія престрашная. Проѣзжій одинъ офицеръ гусарскій, бывшій на одномъ ночлегѣ, услыша шумъ, заперся въ своей комнатѣ, чтобы успѣть зарядить пистолеты. Рубятъ его дверь топоромъ; коль скоро увидѣлъ онъ скважину, выстрѣлилъ въ нее и убилъ одного; другой продолжаетъ прорубливать дыру и, наконецъ, просовываетъ въ нее руку, чтобы отнять заложенный крючекъ. Офицеръ беретъ саблю и отрубаетъ часть кисти ручной, рука отымается со скоростію, убійцы уходятъ. Какъ все утихло, офицеръ сходитъ внизъ и находитъ графиню и дочь ее плавающими въ крови своей; всѣ люди съ постоялаго двора, съ почты и пріѣзжіе Богъ знаетъ куда дѣвались. Офицеръ сѣлъ на лошадь, продолжалъ путь свой верхомъ, пріѣхалъ къ отцу, за 40 миль оттуда, находитъ его больного, приближается къ постели и, откинувъ одѣяло, узнаетъ ту руку, которую накавунѣ ра-

нилъ саблею. Какое ужасное приключеніе! On ne parle que de cela dans la ville. L'histoire et la fin de la Potocka fourniraient un ample sujet de roman.

*

Москва, 28-го Марта 1811.

Потеря графа однихъ только Турокъ обрадуетъ, ты много потеряешь; но я все имѣю предчувствіе, что ты съ драгоцѣннымъ твоимъ начальникомъ опять сойдешься или и не разлучишься даже; въ случаѣ же нужды будешь умѣть ужиться и съ новымъ.

А. П. хочетъ мириться и присылала мнѣ добраго этого Амплія Васильевича сговариваться. Cela tient à un cheveux и посмотрю ежели Ампліошка не сдѣлаетъ то что Апраксинъ только началъ. Ce excellent Агентовъ y va de coeur, il me disait les larmes aux yeux: счастливъ пойду въ гробъ, ежели совершимъ это доброе дѣло! Il vous aime bien tendrement. Святая недѣля подходитъ, дай Богъ конецъ! Поѣду къ А. П. христосоваться. Мое сердце не для вражды сотворено, легко забуду я все зло, которое намъ причинила и готовъ много пожертвовать, чтобы купить свое, а особливо *твое* и Наташино спокойствіе.

Вотъ письмо къ Бальмену отъ его мадамы. Обнимаю его, Воронцова и всѣхъ нашихъ добрыхъ. Le fameux procés de l'intendant de l'armée p-ce Dmitry Wolkonsky est fini enfin; il doit payer 860000 à la couronne, beaucoup d'autres sont aussi taxés par gradation de faute et de moyens.

*

Москва, 8 Апрѣля 1811.

Je suis infatigable à amener un accomodement avec A. П., mais c'est une furie que cette femme: nous ne viendrons jamais à bout. Амплій Васильевичъ, comme je vous l'ai mandé, a aussi entamé une négociation qui nous promettait un arrangement certain. Sa dernière proposition fut de tout vendre, de payer les dettes et ce qui restera partager en deux parties égales entre elle et nous. Elle donna deux jours pour y réflechir. Je consentis à cela, et vraiment c'était assez équitable. D'après le compte que nous fîmes avec Faste, il nous serait toujours revenu 180000 ars. d'argent comptant. A. B. porta ma réponse affirmative; croiriez vous, que cette femme a eu l'impudence de se retracter, de ses propres paroles? A. B. fut indigné. Je ne la conçois pas quelle était son idée, était-ce pour nous sonder? Mais jamais je n'ai caché à qui que ce fut que je désirais finir tout à l'aimable et vous aussi; je le répète encore à tous les créanciers que le procés fait souffrir, au moins

c'est à elle qu'on jette la pierre et pas à nous. C'est un monstre de méchanceté que cette femme. On la fuit, la déteste et l'abandonne, cela l'enrage encore plus de voir l'intérêt vif et universel qu'on nous témoigne. Elle a encore recouru au Sénat en appuyant par la décision l'Уѣздный Судъ et demandant qu'on prenne le bien et la maison etc. Сенатъ постановилъ: опредѣленіе Уѣзднаго Суда совершенно уничтожить и предписалъ разобрать дѣло Гражданской Палатѣ, куда я подалъ уже апеляцію; прилагаю тебѣ копію съ сей бумаги, изъ оной увидишь ты все теченіе дѣла. Сколько могъ я развѣдать, Палата будетъ намъ благопріятнѣе Уѣзднаго поганаго Суда; трактовали тамъ слегка о дѣлѣ нашемъ и говорили, что, отложа право наслѣдія, можно утвердить имѣніе по одной духовной со всѣми ея упущеніями въ формѣ. Je commence déjà à parler avec sénateurs pour être sûr d'avance de tous suffrages quand l'affaire sera au Sénat. Ces messieurs me paraissent tous favorables, et Ив. Влад. Лопухинъ, qui est l'Alexeyeff de Moscou, m'a dit: «дайте до насъ дойти, мы васъ защитимъ какъ должно».

*

Москва, 9-го Мая 1811.

Я долженъ довольствоваться писать тебѣ по почтѣ: прошедшую заставилъ меня пропустить внезапный отъѣздъ Бальменовой, за которою мужъ прислалъ эстафету изъ Пинска. Она уже отправилась туда; квартира Бальмену назначена въ Новградѣ Волынскомъ. Не знаю, какъ Машенька доѣдетъ. Elle a un train qui ne finit pas, en tout 16 personnes. Sa soeur Pachette l'a suivi, quoique avec la fièvre; elle leur donnera beaucoup d'embarras, mais d'un autre côté la pauvre Marie ne pouvait pas aussi s'isoler tout-à-fait. Jeannot est fort triste, le voilà sans Митюша et sans ses soeurs. Знаменское sera comme un désert pour lui [1]).

О примиреніи [2]), скажу тебѣ откровенно, что не имѣю надежды. Анна Петровна въ удивительномъ ослѣпленіи, не то, чтобы увѣрена была въ выигрышѣ тяжбы, но того не хочетъ понять, что лучше теперь ей взять половину, нежели все получить по окончаніи тяжбы. Она очень сердита на Сенатъ, который уничтожилъ все то,

---

[1]) Знаменское, о которомъ такъ часто идетъ рѣчь въ Запискахъ графа М. Д. Бутурлина („Русскій Архивъ" 1897 и 1898), супругѣ котораго, Екатеринѣ Ивановнѣ (дочери поминаемаго здѣсь Jeannot), оно принадлежало. Братъ этого Ивана Васильевича Нарышкина, Дмитрій, впослѣдствіи зять графа Ѳ. В. Растопчина, а сестры: графиня М. В. Бальменъ и Прасковья Васильевна, умершая дѣвицею въ томъ же 1812 году, когда овдовѣла сестра ея.

[2]) Т. е. о прекращеніи тяжбы по отцовскому наслѣдству съ двоюродною сестрою А. П. Колтовскою (дочерью Петра Ивановича Булгакова).

что̀ постановилъ Уѣздный Судъ, гдѣ она очень истратилась; жаловалась письменно Дмитріеву [1]), что въ нашихъ рукахъ деревни и домъ, и что не берутся мѣры Сенатомъ. Дм. глухо предписалъ Сенату сдѣлать окончаніе, на основаніи законовъ и имѣніе обезпечить. Сенату должно бы велѣть взять все въ казенный присмотръ; но онъ, повелѣвъ уничтожить положеніе Уѣзднаго Суда, Палатѣ Гражданской предписалъ дѣло наше разсмотрѣть немедленно, а до рѣшенія обезпечить имѣніе къ пользѣ тяжущихся. La cousine est dévorée de rage que nous restons dans la maison.

Ce déplacement du comte [2]) est une grande contrariété pour vous, mais que faire! Je vois par votre dernière lettre que cela ne va pas mal avec Koutouzoff aussi; je suis sûr qu'il vous aimera de tout son coeur, quand il vous connaîtra comme le comte. N'oubliez pas d'être bien avec notre ancien camarade Inzoff que Koutouzoff distingue particulièrement, et Ив. Ник. pourra vous servir auprès de g-l en chef. Я слышалъ, что Государь велѣлъ сдѣлать бюстъ графа Ник. Михайловича и что онъ поставится въ Эрмитажѣ. Отсюда что̀ тебѣ сказать? Всѣ помѣшены на каруселѣ, который готовитъ молодежь здѣшняя, подъ руководствомъ Ст. Ст. Апраксина; она будетъ подъ Донскимъ. Государь далъ на это соизволеніе свое и мѣсто. Одно зданіе будетъ стоить вчернѣ 18.000 и будетъ вмѣщать 5000 зрителей. Подписка все еще продолжается, набрано уже до 14.000; le tout, les costumes, le bal, la fête coûtera près de 50.000 Quelle folie! J'ai été à une répétition. Il y a bien loin de cela au caroussel que nous avons vu à Vienne. Помнишь ли Палфи, Зичи, Брудера и пр.? Здѣсь будутъ четыре кадрили. Военный: тутъ Абресковъ, князь Голицынъ, Ѳединька Гагаринъ и Мордвиновъ. Венгерскій: два графа Апраксина, Валуевъ и кн. Андрей Гагаринъ, что̀ увезъ у Зиновьева дѣвку. Рыцарскій Русскій: гр. Толстой, гр. Шереметевъ, Демидовъ, Дмитріевъ. Gaulois: Нелединскій, кн. Волконскій, не помню прочихъ. On traite cela en affaire d'état: цѣлый штатъ, канцелярія, казначеи, ассистенты. Шефы кадрилей. Первой: князь Александръ Ѳедоровичъ Щербатовъ, 2-й—Алекс. Мих. Пушкинъ, 3-й—Віельгорскій и 4-й—Чесменскій. Главный оберъ-церемоніймейстеръ мой тесть. Подъ нимъ куча другихъ: Питаша, князь Петръ, Соковнинъ. Ассистенты церемоніи: Циціановъ оберъ-гофмейстеръ, графъ Толстой герольдмейстеръ, Мертенсъ гофмаршалъ и пр. Enfin ce caroussel est le sujet inépuisable des conversations, et les intéressés s'en occupent com-

---

[1]) Ивану Ивановичу, въ то время министру юстиціи.

[2]) Говорится про гр. Каменскаго, сдавшаго по болѣзни главное начальство надъ войсками, дравшимися противъ Турокъ, М. Л. Кутузову (тогда еще безъ титула).

me du salut de la patrie. Il faut voir mon beau-père! A propos, il m'a presqûe forcé à vendre votre cheval au comte Tolstoy pour 800; le lendemain on lui en offrait 1200. Всѣ верховыя лошади вздорожали. Je crains qu'il n'arriva de tout cela:

Was komm heraus?
Eine Maus!

Il y aura trois prix. Une épéce d'or, un bocale d'argent et de superbes-pistolets Vous concevez que j'ai résisté à toutes ces séductions et à tous les offres qu'on m'a fait.

*

Москва, 30-го Мая 1811.

Toutes les fois, que vous me nommez le comte, le coeur me saigne. Vous ne savez pas encore qu'il n'est plus, ce jeune héros, le soutien de sa patrie. Ici c'est jusqu'à présent une désolation. L'Empereur a écrit à la mère une lettre qui est déchirante et sera un monument éternel du cas qu'il fesait du défunt.

*

Москва 27-го Іюня 1811.

Ну, сударь мой, la montagne est enfin acouchée. Le fameux caroussel a eu lieu deux fois, le 20 et le 25 de ce mois. Le spectacle a été imposant, magnifique. Зданіе огромное у Калужской заставы, квадратъ 200 саженъ, было до 7000 зрителей, 300 музыкантовъ, уборы на лошадяхъ пребогатые, набирали гдѣ только могли. Постройка одного цирка стоила 20000 т. Однимъ словомъ, все было великолѣпно. Ѣздоки не соотвѣтствовали зрѣлищу, мало очень ѣздоковъ хорошихъ. Всеволожская кадриль отличалась великолѣпіемъ, но по моему мнѣнію Венгерская кадриль всѣхъ была красивѣе. Посылаю тебѣ при семъ экземпляръ произведенія карусельнаго піиты, Василья Львовича Пушкина. Не то сдѣлалъ чтò бы должно: надобно бы сдѣлать подробное описаніе нынѣшняго каруселя для отсутствующихъ, а онъ написалъ исторію каруселей вообще, не означивъ всѣ девизы кавалеровъ, уборы ихъ и пр.

1-ый призъ былъ пистолеты Кухенрейтеровы, богатые, оправленные въ золотѣ; ихъ взялъ графъ Алекс. Иван. Апраксинъ.

2-ой призъ, сабля золотая, досталась князю Волконскому, сыну князя Петра Алексѣевича.

3-й призъ, бокалъ серебряный, достался Демидову Павлу.

4-ой, кубокъ серебряный, достался молодому Шепелеву.

Ces cavaliers ont été couronnés par quatre dames: mad. Apraksine, mad. Walouеff, la princesse Basile Dolgorouky et mad. Wolkoff Марг.

Алекс. Третьяго дня было второе представленіе для бѣдныхъ. Въ амфитеатрѣ платилось не менѣе 50-ти серебромъ, а ложи на 20 человѣкъ не менѣе 50-ти. Набралось тысячъ до 12. Le fils de Wsevolodsky a paru en inconnu, il a défié Apraxin, mais sans succés. Il y avait encore 4 prix. Une chaîne en or avec une médaille en or où était marqué la date du caroussel et le nom de vainquer. 2-ое, кольцо золотое съ тою же надписью, 3-й бокалъ, 4-й печать.

Апраксинъ другой (гусаръ) взялъ первый.

Князь Андрей Гагаринъ (гусаръ) второй. NB il épousa (par parenthèse) la jeune et riche p-sse Menchikoff.

Мерлинъ, адъютантъ гр. Сер. Мих. Каменскаго, 3-й. Ѳеденька Гагаринъ—4-ой.

*

Катушино *), 28-го Іюля 1811.

Слава Богу, вырвался я изъ Москвы, теперь долго она меня не увидитъ. Какое блаженство быть въ деревнѣ! Mi pare esceo cresciuto d'una canna, comme disent les Italiens. J'ai trouvé Nathalie et la petite regorgeant de santé. Теперь вдвое мнѣ здѣсь пріятнѣе, ибо не тревожитъ меня мысль, что не надолго пріѣхалъ и что надобно скоро ѣхать въ Москву. Много разъ описывалъ я тебѣ, любезный братъ, сельскую жизнь, но не знаю, далъ ли я тебѣ хорошее понятіе о моемъ благополучіи. Живу съ ангеломъ Наташею, съ Катенькою, которая часъ отъ часу становится милѣе; окружены мы крестьянами, благодарящими Бога, что намъ достались; людьми мы довольны, сосѣди у насъ хорошіе и смирные, мѣстоположеніе прекрасное, дрожки, верховыя лошади для гулянья, ѣздимъ или ходимъ на сѣнокосы, по грибы, работаемъ въ саду, когда время хорошо, рыбу удимъ, а когда ненастье, и дома весело: занимаемся музыкою. Лучшія книги всѣ взялъ я изъ библіотеки и перевезъ сюда, также эстампы и все, что́ было хорошаго; читаю ихъ, перебираю батюшкины бумаги, кои всѣ здѣсь и въ которыхъ нахожу множество интереснаго и историческаго; въ нихъ вижу душу его во всей красотѣ и еще болѣе его любилъ бы, ежели бы можно было.

Все свое, и ничего не покупаемъ: вотъ истинное хозяйство, а слава Наташина. Она все это умѣла устроить въ мѣсяцъ пребыванія здѣсь. Вчера пріѣзжалъ къ намъ обѣдать князь Василій Алексѣевичъ, тоненькой князь (качай-старикъ!) и Циціановъ, le fameux menteur du prince Potemkin. Мы ихъ накормили славно и перепоили. Mon beau-père fait la grimace, parce que c'est loin de son Gorbowo; pour moi je n'en suis pas fâché: ce voisinage nous amenerait trop de monde, et alors

*) Такъ назвалъ А. Я. Булгаковъ, въ честь первой своей дочери, купленную имъ подмосковную, по дорогѣ къ Троицкой Лаврѣ, въ просторѣчіи сельцо Смирдино.

adieu l'économie, et puis je ne jouirai pas de l'agrément d'être avec les mieux.

30-го Августа откроются два верховныя судилища: Верховный Совѣстный Судъ для дѣлъ, какъ наше, и Верх. Уголовный Судъ для сужденія министровъ, сенаторовъ и генераловъ и пр.; будутъ Сенаты въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Казани и Кіевѣ, въ каждомъ предсѣдательствующій. Генералъ-прокуроръ, рекетмейстеры и пр. сенаторы выбираться будутъ дворянствомъ и кандидаты представляться Государю на утвержденіе *).

Какъ тебѣ не вспомнить часто о покойникѣ графѣ, когда мы, зная его только по славѣ его и по твоимъ письмамъ, не можемъ забыть потерю сего славнаго мужа. Les habitans de Smolensk, mus par un sentimens d'enthousiasme pour le comte, ont donné une fête de condoléance et distribué beaucoup d'argent aux pauvres: le sacrifice porté a sa mémoire fait beaucoup parler. En attendant ce vilan comte Serge court les plaisirs et refuse de remplir les dernières volontés de son frère. J'ai vu ce vilain au spectacle deux semaines après la mort de son frère; la ville ne croyait pas à la funeste nouvelle, qui se répandait sur la mort du comte, mais son frère leva les doutes en l'imprimant dans la gazette. Même la cousine avait attendu au moins que six semaines passent pour faire la même chose, quand nous perdîmes papa, et il s'en faut de beaucoup qu'elle vaille les quatre fers d'un cheval. On me dit que m-r le comte Serge a une vilaine affaire sur le corps: il a cassé tout ce qu'il a trouvé sur son chemin de Toula ici et entr'outre un capitaine de l'état du prince d'Oldenbourg; l'affaire est rapportée à l'Empereur.

Что ты думаешь, что ты одинъ съ Турками дѣло имѣешь? Передо мною теперь капитанъ-паша, рейсъ-эффенди, чаушъ-баша, сака, кизляръ-ага и пр.; помнишь ты картинки Турецкія, я ихъ прибилъ здѣсь на стѣнѣ, et cela fait toute une phalange de Musulmans. Le sultan est entouré de femmes et de filles; jusqu'à present sa hautesse n'a attenté à l'honneur d'aucune. Quand la nouvelle maison sera bâtie, il y aura de quoi l'orner.

*

17 Сент. 1811. Катушино.

Слава Богу, что тебѣ хорошо съ Мих. Ларіоновичемъ; мнѣ это многіе предсказали, а письма твои это подтверждаютъ. Разбирая батюшкины бумаги, нашелъ я записочку отъ Кутузова, которую при семъ прилагаю, яко доказательство, что онъ былъ съ покойникомъ въ связи. Ты мнѣ не говоришь о крестѣ твоемъ новомъ: то-то бы я обра-

*) Все это не осуществилось, хотя было къ тому близко.

довался, ежели бы отъ меня перваго ты о томъ узналъ, а я тотчасъ тебѣ далъ знать, да и новую даже успѣлъ тебѣ сдѣлать и послать пряжечку, получилъ ли ты ее? Чрезмѣрно тебя благодарю за всѣ подробности твоего хозяйства и лагернаго житія: всякая малость до тебя касающаяся меня очень интересуетъ. Радостно мнѣ видѣть тебя окруженнаго хорошими ребятами, между коими выберешь себѣ и прочныхъ друзей, а другъ истинный есть даръ небесный, отрада, утѣшеніе отъ всякаго зла. Поздравь Влодека съ крестомъ, какъ будешь ему писать, bien des choses au nouveau chevalier de S-t George Benkendorff. Премного кланяйся милому Воронцову, да напоминай меня Андрею Яковлевичу.

26-го Августа были имянины Наташи; мы вспомнили прошлый годъ, вспомнили побѣду, за которую безцѣнному покойному графу пожалована Андреевская лента. День этотъ, право, былъ печаленъ для насъ по этому воспоминанію; я нашелъ твое письмо и нѣсколько разъ его прочелъ; въ моей душѣ есть нѣкоторое сильное чувство, влекущее меня къ графу. Я видѣлъ его въ первой разъ въ театрѣ въ Петербургѣ, какъ теперь вижу. Давали les Athéniennes въ первый разъ, піеса была начата, всѣ кресла заняты, пріѣзжаетъ нашъ старикъ Строгоновъ, его мѣсто занято, никто не думаетъ себя обезпокоить. Графъ Ник. Михайл. встаетъ и предлагаетъ ему свое мѣсто. Мнѣ это отмѣнно полюбилось, и я съ перваго разу началъ его душевно уважать по сему и послѣ дружбы его къ тебѣ. Можешь ты себѣ представить, какъ я нетерпѣливо ждать буду обѣщаемый тобой портретъ его и съ какимъ восхищеніемъ повѣшу его на стѣнѣ. Да, братъ, онъ долженъ висѣть рядомъ съ батюшкою. Слушай что̀ я тебѣ скажу о графѣ и посуди, менѣе ли или болѣе я его люблю теперь. Тургеневъ мнѣ это пишетъ, радъ я буду, ежели отъ меня перваго все узнаешь. Графъ тебя вспомнилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи и говоритъ тамъ имянно: «Препоручаю въ особенную милость Государя Императора правителя министеріальной моей канцеляріи надворн. совѣтн. Булгакова». Завѣщаніе было читано въ Сенатѣ, и Дмитріевъ по статьѣ 20, тебя касающейся, докладывалъ Государю, который приказалъ, чтобы докладъ былъ сдѣланъ начальникомъ твоимъ. Румянцовъ заблагоразсудилъ, уваживъ память графа, представить о дачѣ тебѣ чина и велѣлъ заготовить Коллегіи указъ. Quelle belle occasion ce serait de nous faire du bien! Что дѣлать? Хорошо и то, что канцлеръ что нибудь да сдѣлаетъ. Чинъ тебѣ слѣдуетъ по старшинству, но Тургеневъ замѣчаетъ справедливо: что̀ взято, то свято, въ другой разъ того же чина не дадутъ. Читая письмо Тургенева, я не могъ воздержаться отъ слезъ: без-

цѣнный графъ, умирая, помнилъ тебя; эта черта меня тронула до глубины души, прахъ его драгоцѣнной заслуживаетъ быть возлѣ другого, въ Покровскомъ монастырѣ погребеннаго[1]). Поэтому не трудно и портрету его найти приличное мѣсто, присылай его скорѣе, братъ: сладко мнѣ будетъ на него смотрѣть. La mention qu'on fait de vous dans le testament de comte a fait de bruit à Pétersbourg et a produit un effet excellent pour vous. C'est une couronne qu'on vous a mis sur la tête, et cela doit vous flatter beaucoup. Cela vaut une bonne recompense. Поздравляю тебя, мой милый и любезный братъ, заранѣе. Ce Tourghéneff a toujours de bonnes nouvelles à donner. Ce que le comte a legué à son aide-de-camp [2]) ne sera pas donné, car le bien est héréditaire. Moi, si j'étais le comte Serge, toute mauvaise marchandise que cela ferait, je me serais vendu moi-même pour satisfaire aux voeux d'un ange de frère comme celui qu'il a perdu; mais cet homme n'a pas de coeur. On sait l'apprécier, et on a à Moscou le mépris le plus profond pour ce seraskier. Quels êtres cette chétive terre tolére! Celui, la notre chère cousine et tant d'autres.

*

(Москва, 27-го Сентября 1811).

Каменскій [3]) далъ мнѣ страшную Польскую тетрадь для перевода; вотъ два дня что я бьюсь надъ нею. Онъ мнѣ сказалъ первый о твоемъ чинѣ и прибавилъ: «Коллежскихъ совѣтниковъ много, но не всѣ пожалованы по столь лестному засвидѣтельствованію; завѣщаніе было разбираемо въ общемъ собраніи Совѣта. Поздравляю—перегналъ меньшой!» Я сказалъ, что у насъ обще все и что твой чинъ и меня произвелъ. «Потерпите, прибавилъ онъ, мнѣ велѣно представить объ моихъ отличнѣйшихъ, я только писалъ о васъ однихъ». Я говорилъ, что не заслужилъ, что нынѣ все только сѣю, вѣю, кошу, молочу и пр., а старикъ прибавилъ, что за прошлое и за будущее. Этотъ почтенный человѣкъ очень насъ любитъ. Хотя и полагаю, что тебѣ указъ сообщенъ, посылаю тебѣ для всякаго случая копію; при семъ поздравляю тебя всею душою, милой и драгоцѣннѣйшій братъ; воображаю я себѣ, сколь сей послѣдній поступокъ преставившагося ангела нашего тебя тронетъ, а я тебѣ скажу по словамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга А. З. Хитрова, что много шуму надѣлало завѣщаніе графское въ Петербургѣ, а что тебя всѣ покрывали похвалами. Здѣсь, куда я ни покажусь, все вижу радостныя лица, всѣ меня поздравляютъ. Тетушка не знала о

---

[1]) И такъ вотъ гдѣ могила Якова Ивановича Булгакова.

[2]) А. А. Закревскій (позднѣе графъ).

[3]) Т. е. Бантышъ-Каменскій, начальникъ Московскаго Архива Ин. Дѣлъ, гдѣ состоялъ на службѣ А. Я. Булгаковъ.

крестѣ, я этимъ началъ. Очень это ее обрадовало. Quand la matière fut épuisée, я подалъ ей читать указъ о чинѣ; она думала, что я шучу, указу не поняла; видя, что упомянуто о духовномъ завѣщаніи, подумала, что графъ сдѣлалъ тебя своимъ наслѣдникомъ. J'ai beaucoup ri, et ma tante a pleuré du joye.

Указъ Правительствующему Сенату. Въ уваженіе предстательства изъясненнаго въ духовномъ завѣщаніи бывшаго главнокомандующаго Задунайскою арміею покойнаго генер. отъ инфантеріи, графа Каменскаго 2-го, и во вниманіе къ засвидѣтельствованію его объ отличномъ усердіи къ службѣ находившагося при немъ правителемъ канцеляріи по дипломатической части надворнаго совѣтника Булгакова, всемилостивѣйше жалуемъ его Булгакова въ коллежскіе совѣтники.

Августа 30 дня 1811.

Александръ.

*

Москва, 23-го Октября 1811.

Волковъ пріѣхавшій изъ Петербурга вчера, сказывалъ мнѣ, что Государь отмѣнно веселъ, говорилъ ему о успѣхахъ Кутузова, ожидаетъ отъ васъ съ нетерпѣніемъ курьера новаго и прибавилъ прощаясь съ Волковымъ, вы хорошія привезете вѣсти въ Москву.

*

Москва, 31-го Октября 1811.

Je vous ai dit que Wolkoff est revenu de Pétersbourg où il a été en semestre. Il y a été reçu à merveille. Чуть было его не отняли у насъ; но онъ отговорился отъ мѣста оберъ-полицмейстера въ Петербургѣ; дали оное Горголію. Государь пожаловалъ Волкову 1500 десятинъ земли на выборъ гдѣ хочетъ. Admirez notre ami: il a refusé cette grace à moins que son collegue Dourasoff n'obtienne la même recompense, ajoutant qu'il était encore plus pauvre que lui. S. M. a daigné condescendre à sa demande. Какой человѣкъ этотъ Волковъ! Пища его дѣлать добро. Ce procédé lui a mérité l'estime universelle. Moscou est dans la joye de n'avoir pas perdu notre bon Alexandre.

Тургеневъ пишетъ, что всѣ (и коллежскіе) радовались производству твоему. Кстати тебѣ сказать: нашъ другъ истинный Тургеневъ узналъ, что тебѣ на шею хотѣли посадить Суворовскаго Фукса. Ты знаешь, какой онъ на это хватъ. Пустился по всѣмъ вліяніе имѣющимъ, только такъ удачно поработалъ, что Фуксъ отложилъ попеченіе править дипломатическою частію на берегахъ Дуная. Твою сторону взяли всѣ; Волкову сказывали, что и самъ канцлеръ за тебя былъ. Спасибо доброму Тургеневу! Вообрази, что Боголюбову удалось какъ-то подслушать о проектѣ, il n'a eu rien de plus pressé que d'en avertir Tourghéneff, qui a fait avorter le projet. Je ne sais qui l'a imaginé.

Ты говоришь что Италинской дѣлаетъ свои наблюденія надъ кометою; пошли ему, ежели заблагоразсудишь, то, что здѣсь объ ней говорятъ: я вырѣзалъ приложенные здѣсь лоскутки изъ Сѣверной Почты.

Домъ нашъ нанялъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ по 180 на мѣсяцъ; за тотъ, гдѣ была библіотека, даютъ 900 въ годъ.

*

Москва, 7-го Ноября 1811.

Вчера были пѣты молебствія во всѣхъ церквахъ. Я слышалъ сегодня отъ Пушкиныхъ, что Мих. Ларіоновичъ пожалованъ графомъ: дай Богъ ему до свѣтлѣйшества дойти, т. е. разбить весь Востокъ и взять Султана самого въ плѣнъ. Благодарю тебя, любезный братъ, за всѣ подробности, а паче за то, что ты нигдѣ не участвовалъ; это обстоятельство сдѣлало мое удовольствіе живѣйшимъ.

*

Москва, 28-го Ноября 1811.

Всѣ глаза на васъ устремлены. Говорятъ, будто миръ уже подписанъ, но въ вѣстяхъ такого рода сомнѣніе больше дня не можетъ продолжаться: ежели сегодня не будетъ подтвержденія, то неправда. Однакожъ дѣлаются приготовленія къ перемѣщенію двора сюда, ибо празднества мирныя здѣсь будутъ праздноваться.

*

Москва, 29-го Ноября 1811.

Je suis charmé que vous soyez en correspondance avec Schoulepoff*); cultivez le soigneusement. Savez vous que tout le monde est informé ici des particularités du congrés. Le comte Ostermann à dit hier à Jeannot que vous etiez secrétaire du congrés, on le lui a écrit de Pétersbourg. C'est un emploi des flatteux, je m'en rejouis: cela vous procurera des avantages, si le paix se fait. Sachez que le chancelier est contre tout le Conseil, il intrigue ouvertement et ne veut point de paix. Il parle d'aller à Constantinople. Qu'il y aille seul et qu'il y prenne la peste pour le bonheur de la Russie! A-t-on jamais vu un génie plus malfaisant? L'Empereur désire vivement la paix, et avec lui tout le monde. Les yeux sont fixés sur vous autres. Обрадуйте насъ: слава Богу, что тебя такъ хорошо тутъ сунули. Знаешь ли, что ты теперь то, что былъ батюшка на Тешенскомъ конгрессѣ.

Que voulez vous attendre de Barozzi, pour quoi est il venu chez vous? Naturellement pour intrigailler. Soyez sur vous gardes. Ты знаешь тонкость этихъ господъ. Впрочемъ, тебя никто не выдастъ. Il voudra se mesurer avec Fonton, je suppose; но гдѣ ему? Надсядется понапрасну. Barozzi peut être bon pour l'espionnage, mais il n'est ni orateur, ni né-

*) Чиновникъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ: то что Никоновъ въ наши дни.

gociateur, ni écrivain habile. Le Collège connaît les chefs-d'oeuvres de Cassini de Rome et Barozzi de Venise. Такого умницу, какъ ты, надобно ли учить! Vous-vous conduisez comme il faudra è greco, è greco, italianicca, peggio!

*

1-го Декабря 1811.

Vous savez quelle amitié fraternelle Wolkoff nous porte. Je remarquais qu'il me détournait s'aller servir sous Bagration, je voulus pénétrer le motif. Il me l'avoua enfin. Il faut savoir que Balachef l'aime de tout son coeur, qu'il veut qu' Ивашкинъ s'en aille pour donner à Wolkoff sa place de grand-maître de police. La chose une fois faite, Wolkoff veut que je sois le directeur de la chancellerie secrète comme Sanglin à Pétersbourg. Balacheff est préparé à cela. J'aurai pour le moins 3000 m. de gages, quartier, bois, l'avantage inepréciable a' avoir W. pour chef. Je pourrai passer toute l'été à la campagne et ne venir ici que les Lundis. Мнѣ будетъ дѣло, dit W., доставлять тебѣ лестныя и скорыя награжденія. Я признаюсь, что предложеніе В. меня польстило. Съ нимъ служить и съ вышепомянутыми выгодами было бы для меня царство небесное. Antonio sort à l'instant de chez moi, il doit m'apporter une lettre pour vous. Я тебѣ писалъ уже, что, скучая праздностію, онъ принялся служить въ Университетѣ, гдѣ преподаетъ Италіянскій языкъ. Serve per l'onore, отказалъ жалованье, за то ищетъ чинъ получить, а между тѣмъ носитъ университетскій мундиръ. Я писалъ къ Сережѣ Уварову, рекомендовалъ ему г-на Пиллера, просилъ, чтобы онъ скорѣе доставилъ ему чинъ. Обѣщали это сдѣлать, и онъ, и Тургеневъ. Отпиши и ты къ обоимъ, попроси хорошенько Уварова. Право, Пиллеръ заслуживаетъ, его уже всѣ любятъ здѣсь, и Кутузовъ, Павелъ Ивановичъ, и Антонскій. Si j'ai la place de Wolkoff, je le pousserai au service. C'est un garçon d'un mérite rare.

*

Москва, 12-го Декабря 1811.

Что ты давно не даешь никакой коммиссіи мнѣ? Я такъ безъ церемоніи съ тобою, прошу тебя заключить скорѣе миръ. Объ немъ много болтаютъ. Говорятъ, что 23-го онъ былъ подписанъ и что Государь 12-го Декабря на парадѣ оный самъ обнародуетъ. Между тѣмъ червонецъ упалъ на $8\frac{1}{2}$, рубль серебряный 3 р. 60 к. На Гамбургъ курсъ отъ 7 шиллинговъ поднялся на $10\frac{1}{2}$, а на Амстердамъ отъ $7\frac{1}{2}$ шт. на 12. Tout cela est de bonne augure. Новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что утверждены образцы новыхъ шарфовъ, темляковъ и эполетовъ для офицеровъ; они будутъ бѣлые нитяные, et le tout coûtera $9\frac{1}{2}$ г. Хорошо будетъ бѣднымъ офицерамъ.

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

Въ день св. Исаакія Далматскаго, 30 Мая 1831 года, въ Воскресенье, я родилась въ Копенгагенѣ, гдѣ мой отецъ, протоіерей Степанъ Карповичъ Сабининъ, служилъ при нашемъ посольствѣ. 29-го Іюня, въ день свв. Петра и Павла, меня крестили, и воспріемниками моими были секретарь посольства, Яковъ Андреевичъ Дашковъ и графиня Варвара Розенкранцъ, рожденная княжна Вяземская, вдова Датскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Нильса Розенкранца.

О моихъ родителяхъ я могу разсказать слѣдующее. Отецъ мой родился въ 1789 году, въ селѣ Болотѣ, Воронежской губерніи, гдѣ отецъ его былъ дьячкомъ. Въ томъ же уѣздѣ была цѣлая колонія Сабининыхъ.

Сабинины происходятъ отъ Ивана Сусанина, дочь котораго Антонида вышла замужъ за Сабинина. Подвигъ Сусанина, не задумавшагося пожертвовать своею жизнью для спасенія своего государя, извѣстенъ каждому. Исполненный благодарности, царь надѣлилъ землею потомковъ Ивана Сусанина, такъ что Сабинины жили обезпеченно, владѣя землею; но во время Пугачевскаго бунта сосѣдніе помѣщики воспользовались смутой и отобрали въ свою пользу землю Сабининыхъ, которые такимъ образомъ остались безъ ничего и мало-по-малу вымерли.

У дѣда моего были еще три дочери, но сыновей больше не было. Отецъ казался такимъ слабымъ ребенкомъ, что родители его, не имѣя никакой надежды сохранить сына, крестили его тотчасъ же послѣ рожденія. Въ юности ему пришлось бороться съ ужасной бѣдностью, такъ что, за неимѣніемъ средствъ къ дальнѣйшему образованію, онъ уже рѣшился выйти изъ училища и сдѣлаться дьячкомъ, когда, благодаря его удивительнымъ способностямъ, на него обратилъ вниманіе архіепископъ Воронежскій и приказалъ принять его въ Воронежскую семинарію на имѣвшуюся тогда стипендію генерала Сакена.

Здѣсь онъ оказалъ такіе успѣхи, что до окончанія курса былъ сдѣланъ преподавателемъ Греческаго языка, а по окончаніи Семинаріи въ теченіи трехъ лѣтъ былъ преподавателемъ Греческаго, Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ; кромѣ того, въ 1816 году назначенъ публичнымъ катихизаромъ въ Воронежѣ. Въ 1817 году онъ поступилъ въ Петербургскую Духовную Академію и черезъ четыре года окончилъ ее со степенью магистра богословія. Затѣмъ два года (1821—1823) оставался при Духовной Академіи баккалавромъ по классу Нѣмецкаго языка. 11-го Октября 1823 года онъ былъ рукоположенъ во іерея и назначенъ священникомъ при Русской миссіи въ Копенгагенѣ. Нѣсколько дней передъ тѣмъ (28 Сентября) онъ женился на моей матери, Александрѣ Тимоѳеевнѣ Вещезеровой. Она была дочь настоятеля Спасо-Сѣнновской Успенской церкви въ Петербургѣ, протоіерея Вещезерова; это былъ очень умный человѣкъ. Матери своей она лишилась, когда ей было всего два года, такъ что воспитала ее старшая ея сестра Марія Тимоѳеевна, вышедшая за протоіерея Петропавловской крѣпости, Кочетова.

Послѣ свадьбы родители мои отправились на мѣсто назначенія моего отца, въ Копенгагенъ. Путешествіе зимою въ 1823 году было далеко не такъ легко, какъ теперь, и длилось шесть недѣль. Переѣхавъ черезъ Русскую границу, они остановились ночевать и спросили себѣ чаю. Вмѣсто чая имъ принесли горшокъ «Biersuppe» (пиво съ битыми яйцами). Волей-неволей распростились они съ чаемъ и уже пріучались къ чужеземному столу.

По пріѣздѣ въ Копенгагенъ, первой ихъ заботой было выучиться Датскому языку.

Отецъ съ жаромъ принялся изучать состояніе Западной Церкви, какъ въ самой Даніи, такъ и въ Германіи. Первые годы онъ много писалъ о раціонализмѣ и мистицизмѣ, напечаталъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» цѣлый рядъ объясненій на Ветхозавѣтныя пророчества, перевелъ съ Еврейскаго на Русскій языкъ книгу Іова, всѣхъ пророковъ и Псалтырь, съ примѣчаніями и толкованіями; затѣмъ составилъ Библейскій лексиконъ, написалъ Сирійскую грамматику, перевелъ съ Французскаго проповѣди Булоня. Библейскій лексиконъ, составленный моимъ отцомъ по просьбѣ митрополита Филарета, былъ отосланъ ему для пересмотра: въ то время у насъ не существовало подобнаго лексикона. Впослѣдствіи всѣ мои старанія получить эту рукопись обратно оказались напрасными. По смерти отца, мать свято хранила большіе фоліанты его рукописей, но во время пожара они сгорѣли. У меня

остались только подаренныя мнѣ отцомъ проповѣди Булоня въ его переводѣ, и то одна часть потерялась при постоянныхъ разъѣздахъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти труды моего отца остались неизданными, такъ какъ его средства были не довольно велики для этого, а когда, по окончаніи перевода книги Іова, онъ обратился къ бывшему въ то время оберъ-прокурору Св. Сѵнода, графу Протасову, съ предложеніемъ перевести такимъ же образомъ всю Библію (къ переводу приложено было множество примѣчаній, комментаріевъ и указаній, которыя могъ собрать только такой ученый, какъ мой отецъ), ему отвѣчали, что въ настоящее время Россія не нуждается въ Библіи на Русскомъ языкѣ.

Послѣ этого отвѣта, отецъ мой оставилъ любимое занятіе, которому посвятилъ 14 лѣтъ своей жизни, и съ тѣхъ поръ занимался больше изслѣдованіями историческихъ древностей. Гораздо позднѣе Иванъ Ивановичъ Базаровъ уговаривалъ его напечатать за границей этотъ удивительный для одного человѣка трудъ; но отцу казалось неприличнымъ печатать за границей то, что̀ слѣдовало бы печатать у себя дома; при томъ на это потребовались бы большія средства, которыхъ онъ не имѣлъ.

Кромѣ богословскихъ сочиненій, отецъ, въ бытность свою въ Копенгагенѣ, много занимался изученіемъ Исландскихъ сагъ и составилъ Исландскую грамматику на Русскомъ языкѣ, которая впослѣдствіи была издана на средства Академіи Наукъ.

Датскіе ученые сумѣли оцѣнить его знанія, и въ 1835 году онъ былъ принятъ въ дѣйствительные члены Королевскаго Общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ.

Моя мать была блистательно одарена талантами и удивительными способностями. Рано лишившись матери, она получила обыкновенное домашнее воспитаніе и 16-ти лѣтъ отъ роду вышла замужъ. Пріѣхавъ за границу и попавъ въ кругъ образованнаго Копенгагенскаго общества, она почувствовала всю недостаточность своего образованія и принялась учиться. Отецъ мой научилъ ее Нѣмецкому, Датскому и Французскому языкамъ и, кромѣ того, она, изъ желанія помогать мужу, сама изучила древніе Латинскій, Греческій, Еврейскій и другіе языки, такъ что всѣ его сочиненія и переводы переписывала всегда она. Впослѣдствіи она сама переводила съ Датскаго на Русскій разныя вещи Оленшлэгера (Öhlenschläger), а затѣмъ съ Нѣмецкаго «Торквато Тассо» Гёте.

Въ Копенгагенѣ она начала брать уроки музыки, которую страстно любила. Когда она упражнялась на фортепіано, то ставила колыбель меньшого ребенка около себя и, если онъ начиналъ плакать, убаюкивала его, качая люльку одной ногой и не переставая играть. Въ Веймарѣ она должна была брать уроки музыки у извѣстнаго піаниста І. П. Гуммеля, бывшаго въ то время капельмейстеромъ въ Веймарѣ. Но мечта ея не сбылась: когда родители мои пріѣхали, Гуммель былъ еще на ногахъ, но видимо страдалъ, а черезъ полгода его уже не стало.

Насъ было двѣнадцать человѣкъ дѣтей; всѣхъ насъ мать сама выкормила, вынянчила, научила читать и писать, никогда, пока мы были маленькими, не оставляя насъ на попеченіе няни. Замѣчая у всѣхъ насъ любовь къ музыкѣ, она дала намъ возможность учиться ей. Старшая сестра Лиза очень хорошо играла, и мы всѣ за ней тянулись. Моя мать почти ежедневно играла съ Лизой въ четыре руки, и для меня не было бо́льшей радости, какъ, забившись въ уголъ дивана, слушать ихъ игру и крѣпко засыпать подъ ея звуки. Тогдашняя музыкальная литература не была очень велика и состояла изъ сочиненій Куллака, Мошелеса, Гуммеля, Дюссека, Моцарта, Вебера, Бетховена и пр., и изъ оранжировокъ оперныхъ увертюръ прошлаго столѣтія.

Когда мы подросли, находя, что въ домѣ и безъ того довольно музыки, мать въ 1839 году, имѣя уже восемь человѣкъ дѣтей и 30 лѣтъ отъ роду, начала рисовать. Впослѣдствіи она много занималась живописью и такъ успѣшно, что получила серебряную медаль отъ Петербургской Академіи Художествъ, съ правомъ выставлять свои работы въ Академіи.

Вообще родители мои вели жизнь самую дѣятельную; мы поневолѣ были увлечены ихъ примѣромъ и старались подражать имъ во всемъ.

Хотя родители мои жили очень уединенно, у отца было въ Даніи нѣсколько друзей: тогдашній посланникъ баронъ Николаи, графиня Розенкранцъ, къ которой мы ходили играть разъ въ недѣлю, семейство Французскихъ эмигрантовъ, Фонтенэ, Вурценъ, Магнузенъ, семейство Банкъ, Генріэта Плётцъ, семейство Эбелингъ и другіе. Г-жа Эбелингъ была ученица Калькбренера и хорошо играла. У нея былъ сынъ, котораго до шестилѣтняго возраста она воспитывала какъ грудного ребенка: бывало, она сидитъ за роялемъ, а мальчикъ приноситъ скамейку, садится возлѣ матери и требуетъ, чтобы она его кормила.

Принцъ Эрнсть-Бархфельдъ-Филиппсдаль, жившій въ то время въ Копенгагенѣ, тоже бывалъ у моего отца. У этого принца одна нога была оторвана въ одномъ изъ Наполеоновскихъ сраженій, и вмѣсто нея онъ долгое время носилъ простую круглую палку. Когда онъ ходилъ по комнатѣ, его палка-нога производила сильный и равномѣрный стукъ. Разъ, когда я была маленькой, онъ задалъ мнѣ большой страхъ. Я была ребенкомъ съ сильнымъ воображеньемъ, и голова моя была набита разными сказками нашей няни. Разъ сижу я въ комнатѣ рядомъ съ гостиной и вдругъ слышу тамъ какой-то непонятный для меня стукъ, который приближается къ той комнатѣ, въ которой я нахожусь. Я вскакиваю совсѣмъ испуганная. Дверь отворяется, и входитъ офицеръ съ деревянной ногой, пріѣхавшій навѣстить отца, принцъ Эрнсть-Бархфельдъ-Филиппсдаль. Впослѣдствіи, когда въ Веймарѣ я видала его у отца, деревянная нога его была замѣнена искусственной металлической, имѣвшей форму здоровой ноги, и принцъ владѣлъ ею очень ловко.

Славный Датскій археологъ Раффнъ былъ большой другъ моего отца, и они переписывались до самой его смерти.

Епископъ Мюнтеръ, извѣстный теологъ, былъ тоже однимъ изъ друзей моего отца. Онъ былъ замѣчательно разсѣянъ, и о немъ отецъ разсказывалъ много забавныхъ анекдотовъ.

Однажды въ солнечный лѣтній день онъ шелъ съ раскрытымъ зонтикомъ по одной изъ улицъ Копенгагена, вдоль тротуара, въ которомъ находилась водосточная канава. Углубленный въ свои мысли, епископъ очутился въ этой канавѣ и, встрѣтившись съ однимъ своимъ пріятелемъ, съ удивленіемъ спросилъ его: «Скажите, пожалуйста, отчего на улицѣ такъ мокро, а вѣдь солнце такъ свѣтитъ». Пріятель вывелъ его изъ водосточной канавы, и тогда только Мюнтеръ понялъ, отчего подъ ногами его было мокро. Другой разъ, когда у него въ гостиной сидѣло большое общество, Мюнтеръ явился туда, держа подъ мышкой предметъ, который онъ принималъ за свою шляпу, но который оказался крышкой столь извѣстнаго фасона, что его появленіе съ нею вызвало неудержимый смѣхъ присутствующихъ. Въ кабинетѣ Мюнтера стояло бюро, на которомъ онъ всегда писалъ и занимался. Разъ, вечеромъ онъ съ ужасомъ кричитъ своимъ дочерямъ, находившимся въ сосѣдней комнатѣ: «Дѣти, я ослѣпъ!» Дочери страшно перепугались и въ первую минуту не могли понять, что съ нимъ случилось, пока наконецъ не спросили его: «Да гдѣ же свѣчи?» Тогда оказалось, что въ разсѣянности онъ закрылъ бюро, на крышкѣ кото-

раго стояли зажженныя свѣчи и, такимъ образомъ, захлопнувъ крышку, неожиданно очутился въ темнотѣ и вообразилъ, что ослѣпъ.

Въ Мартѣ 1836-го года все наше семейство отправилось въ Петербургъ повидаться съ родственниками. Путешествіе это мы совершили моремъ на купеческомъ кораблѣ; но о немъ у меня остались лишь самыя смутныя воспоминанія, такъ какъ въ то время я была еще очень мала и кромѣ того была такъ больна, что меня причастили, думая, что я не останусь въ живыхъ.

Въ Петербургѣ мы остановились у дяди Кочетова.

Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, почтенный протоіерей Петро-Павловской крѣпости, былъ мужемъ старшей сестры моей матери, Маріи Тимофеевны. Кто бы изъ насъ ни пріѣхалъ въ Петербургъ, его гостепріимный домъ былъ всегда для насъ открытъ, и мы проживали у него по цѣлымъ мѣсяцамъ. Это былъ неутомимо дѣятельный человѣкъ, занятый съ ранняго утра до поздней ночи и видѣвшій свою семью только во время обѣда и въ праздничные дни. Болѣе добраго и кроткаго человѣка я въ своей жизни не встрѣчала: по ровности характера онъ могъ служить примѣромъ для каждаго *).

И онъ, и жена его, оба были очень даровиты и отличались неимовѣрной добротой. О ней я могу только сказать, что, какъ для моей матушки, такъ и для ея дѣтей, она была второй матерью. Моя мать лишилась своей матери, будучи еще ребенкомъ, а затѣмъ руководилась своей старшей сестрой. Мы же, ея дѣти, особенно мои братья, пропали бы, не имѣя нашей тётеньки, которая заботилась о насъ, какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ. Родиной нашей была чужая сторона и хоть мы любили наше отечество, какъ только можно его любить, но пріѣхать въ Россію, никого и ничего въ ней не зная, едва владѣя Русскимъ языкомъ, было намъ нелегко, и я не понимаю, какъ бы мы всѣ тамъ жили безъ нашей дорогой тётеньки.

У нея самой было большое семейство. Ея старшій сынъ Владиміръ кончилъ свою службу ректоромъ Харьковскаго Университета.

Второй, Разумникъ, во время Крымской кампаніи, былъ посланъ въ Севастополь и служилъ потомъ въ Морскомъ Министерствѣ. Онъ женился на Александрѣ Доримедонтовнѣ Соколовой, извѣстной въ музыкальномъ мірѣ пѣвицѣ, пѣвшей подъ псевдонимомъ Александровой. Разумникъ Акимовичъ Кочетовъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ отъ тифа.

---

*) Акимъ Семеновичъ Кочетовъ скончался 1854 года (17—29 Марта).

и вдова его осталась съ маленькими дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію, имѣя притомъ нравственное обязательство уплаты долговъ своего мужа; это и побудило ее оставить Петербургъ и поступить въ Московскую оперу. Но ея свекровь и слышать не хотѣла о вступленіи ея на сцену подъ именемъ Кочетовой, поэтому она выступила подъ именемъ Александровой.

Отецъ Александры Доримедонтовны въ теченіе многихъ лѣтъ былъ протоіереемъ при нашемъ посольствѣ въ Берлинѣ; тамъ и получила она свое воспитаніе. По смерти ея отца, великая княгиня Елена Павловна назначила ее къ своему двору въ Петербургѣ, гдѣ она, вмѣстѣ съ г-жею Фридбергъ, много лѣтъ пѣла на музыкальныхъ вечерахъ великой княгини. Въ Берлинѣ Александра Доримедонтовна получила очень основательное образованіе и хорошо пѣла (сопрано); но пѣніе ея, какъ и все, что она дѣлала, было болѣе обдумано чѣмъ прочувствовано. Быть можетъ, то общество въ которое она попала послѣ Берлинской жизни, дворъ великой княгини Елены Павловны, немало способствовало образованію у молодой дѣвушки болѣе степеннаго характера, чѣмъ могло бы случиться при иной школѣ жизни. Дворъ великой княгини отличался строгой выдержкой, какъ наружной, такъ и внутренней: выдержка была отпечатана во всемъ и на всѣхъ. Умъ и талантъ были всегда званые гости при ея дворѣ и находили поддержку въ великой княгинѣ, которая отличалась рѣдкимъ даромъ распознаванія людей: качество, чаще встрѣчаемое у лицъ прошедшихъ тяжелую школу жизни, чѣмъ у тѣхъ, которые dans le tourbillon de la vie не могутъ вникать, а могутъ только наблюдать внутреннюю жизнь человѣка. Но бываютъ исключенія, и къ нимъ принадлежала великая княгиня Елена Павловна. Увидавъ въ Берлинѣ Александру Доримедонтовну Соколову, она поняла, что въ этой едва развившейся дѣвушкѣ есть тотъ элементъ, который требуется для поступленія къ ея двору. Впослѣдствіи, оставшись вдовой, Александра Доримедонтовна стоически перенесла постигшее ее горе и создала себѣ дѣятельность, давшую ей возможность отлично воспитать своихъ дѣтей. Ея дочь, Зоя Разумниковна, извѣстная пѣвица; ее прозвали Русской Патти; но она рано перестала пѣть, потерявъ голосъ вслѣдствіе бронхита; вернется ли онъ ей, это вопросъ времени и сомнительный. Она вышла замужъ за извѣстнаго фельетониста-писателя Немировича-Данченко.

Борисъ Акимовичъ Кочетовъ, очень умный человѣкъ, началъ службу, будучи еще очень молодымъ, и состоялъ при особѣ оберъ-полицмейстера Галахова. Въ часы досуга онъ занимался музыкой, которую страстно любилъ. Ему поручили сдѣлать, въ одной изъ от-

даленныхъ губерній Россіи, дознаніе надъ дѣйствіями вице-губернатора Б. Онъ отправился туда со своей молодой женой, собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія и возвращался по Волгѣ обратно въ Петербургъ. Изъ предосторожности онъ не разставался съ портфёлемъ, въ которомъ хранились очень важныя для слѣдствія бумаги. Плыли они по Волгѣ въ очень темный вечеръ. Когда зазвонили къ чаю, жена его пошла за нимъ на палубу, но его тамъ не оказалось. Всѣ розыски оказались тщетными: онъ исчезъ въ Волгѣ вмѣстѣ со своимъ портфёлемъ, и даже тѣло его не всплыло и не было найдено.

Братъ его Глѣбъ—они были близнецы—скончался тоже загадочною смертью. Онъ служилъ по Министерству Юстиціи и получилъ командировку въ Кіевскую губернію. Едва успѣлъ онъ что-либо сдѣлать, какъ скончался въ захолустьѣ, послѣ нѣсколькихъ часовъ мучительныхъ страданій. Его семейство подозрѣвало отраву, такъ какъ онъ былъ и уѣхалъ здоровымъ человѣкомъ.

Младшій изъ братьевъ, Акимъ Акимовичъ, воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ и, хотя очень умный, но не имѣлъ той коренастой натуры, которая была удѣломъ его старшихъ братьевъ. Онъ служилъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Изъ сестеръ ихъ старшая, Людмила, была замужемъ за Иваномъ Ивановичемъ Базаровымъ, бывшемъ сначала духовникомъ великой княгини Елисаветы Михайловны, герцогини Нассауской, а послѣ кончины великой княгини, онъ поступилъ къ королевѣ Виртембергской Ольгѣ Николаевнѣ. Отецъ Базаровъ извѣстенъ, какъ писатель, а еще болѣе памятенъ онъ всѣмъ Русскимъ, жившимъ въ Висбаденѣ и въ Штутгардтѣ, своимъ гостепріимствомъ и поддержкою, которую онъ оказывалъ всякому, гдѣ только могъ. Людмила Акимовна была рѣдкая женщина по уму, талантамъ и скромности. Она скончалась отъ чахотки въ Висбаденѣ. Наканунѣ ея смерти, доктора увѣрили Ивана Ивановича, что онъ спокойно можетъ ѣхать въ Баденъ, куда его вызвали крестить ребенка, но когда на слѣдующій день онъ вернулся домой, жены его уже не было въ живыхъ.

Младшая дочь Маріи Тимофеевны Кочетовой пошла по художественной карьерѣ; рисунки и гравюры Ольги Акимовны извѣстны всѣмъ, кто слѣдитъ за развитіемъ Русской художественной школы.

Прогостивъ у Кочетовыхъ до осени мы, въ Сентябрѣ 1836-го года, вернулись въ Копенгагенъ.

При отцѣ въ Копенгагенѣ служили два псаломщика. Одинъ изъ нихъ былъ Терентій Ивановичъ Осининъ, единственный сынъ, былъ извѣстный впослѣдствіи педагогъ, Иванъ Терентьевичъ, блестящей карьерѣ котораго въ Петербургѣ много способствовали Анна Ѳеодоровна Тютчева и ея знакомые.

Выдающіяся способности моего отца, какъ богослова, педагога и археолога, обратили на него вниманіе императора Николая Павловича, и въ 1837-мъ году, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ переведенъ въ Веймаръ духовникомъ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, супругѣ гросъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго Карла Фридриха.

Передъ тѣмъ какъ получить это назначеніе онъ долженъ былъ ѣхать въ Веймаръ, лично представиться великой княгинѣ, которая заставила его выдержать цѣлое испытаніе: онъ не только служилъ въ ея присутствіи, но около шести разъ она призывала его къ себѣ, задавала ему вопросы изъ разныхъ отраслей богословія, особенно подробно входила въ изслѣдованіе современнаго состоянія религіи, спрашивала даже о статистикѣ Россіи. Знакомство отца съ богословіею Германіи послужило ему на пользу, и великая княгиня, отпуская его сказала, что надѣется скоро съ нимъ увидѣться. Дѣйствительно вскорѣ послѣ этого онъ получилъ окончательное назначеніе свое въ Веймаръ и 26-го Августа 1837-го года со всей своей семьей оставилъ Копенгагенъ, послѣ 14-ти лѣтняго пребыванія.

Въ то время слава Гёте, Шиллера, Гердера и Виланда озаряла поэтическимъ блескомъ неприглядный маленькій Веймаръ; не видавшіе знаменитыхъ поэтовъ при жизни совершали туда какъ бы паломничество, желая видѣть мѣста, гдѣ жили и вдохновлялись величайшіе писатели Германіи. Понятно, что и мои родители раздѣляли всеобщее стремленіе къ Веймару и охотно туда переселялись. Но мы дѣти со слезами разставались съ нашимъ роднымъ Копенгагеномъ, съ жизнью на морскомъ берегу, со всѣмъ, что такъ плѣняло наше дѣтское воображеніе. Любимыми нашими прогулками въ Копенгагенѣ были «Langelinie» и «Schmiedegang».

Первая изъ нихъ особенно памятна мнѣ, такъ какъ на ней родители мои подверглись однажды большой опасности, отъ которой спаслись однимъ чудомъ. Разъ, когда они сидѣли на скамейкѣ на берегу моря, какъ часто случалось, моя мать читала «Торквато Тассо» Гёте: передъ ними разстилалось голубое море, а позади ихъ находилась крѣпость Копенгагена, гдѣ въ то время происходило упражненіе

въ пальбѣ. Вдругъ пушечное ядро пролетаетъ между ними и падаетъ въ море, не причинивъ вреда ни тому, ни другой.

Во время четырнадцатилѣтняго пребыванія въ Копенгагенѣ у родителей моихъ родилось восемь человѣкъ дѣтей: 1) Дмитрій, 2) Елисавета, 3) Иванъ, 4) Елена, 5) Маѳа (я), 6) Марія, 7) Степанъ, 8) Василій.

Наняли два большихъ дорожныхъ экипажа, въ одномъ изъ которыхъ помѣстили всѣхъ насъ—дѣтей съ нашей няней, Датчанкой Юліаной Лассенъ, которая соблюдала порядокъ въ дѣтскомъ лагерѣ и развлекала насъ сказками. Братъ Василій, тогда еще грудной ребенокъ, большую часть времени оставался при матери.

Такъ какъ въ то время въ Берлинѣ свирѣпствовала холера, то мы оставили его въ сторонѣ и отправились въ Веймаръ черезъ Гарцъ.

Дорога немного развлекала нашу тоску по морю, но послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Веймарѣ, наша няня не знала, что съ нами дѣлать: мы все требовали, чтобы насъ вели къ морю, на наши любимыя Langelinie и Schmidegang. Насъ вели гулять, и наша няня всѣми силами старалась заговорить насъ сказками, показывала разные виды, гулянья, красивыя мѣстности, водила по историческому Веймарскому парку, который еще такъ недавно расширили новыми посадками гросъ-герцогъ Карлъ Августъ и его другъ Гёте; это интересовало всякаго, но только не насъ дѣтей, и мы возвращались домой въ слезахъ и требовали моря.

Тоска по морю длилась у насъ годами и когда, двѣнадцать лѣтъ спустя, я, въ первый разъ послѣ моря, увидѣла Рейнъ, — я не могла удержаться и горько расплакалась при воспоминаніи о морѣ. Всѣ мы дѣти, родившіяся въ Копенгагенѣ, никогда не могли забыть прелестей моря, и видъ ракушки, рыбы, даже маленькой креветки, приводилъ насъ въ восторгъ тридцать лѣтъ спустя.

Такъ какъ наша няня, переселившаяся съ нами изъ Копенгагена, сначала примѣшивала къ Нѣмецкимъ словамъ Датскія, чтобы заставить себя понять Нѣмцевъ, то впослѣдствіи она стала говорить на какомъ-то языкѣ, составленномъ изъ Датскаго съ Нѣмецкимъ. Она оставалась у насъ до 1851-го года, когда пришлось съ ней разстаться. Однажды утромъ я сидѣла у окна и шила; вдругъ въ 10 часовъ вижу, что наша великая княгиня, въ парадной каретѣ, ѣдетъ прямо въ церковь. Церковь была заперта. Моя мать побѣжала внизъ, и что же оказалось? Наканунѣ вечеромъ придворный лакей принесъ отъ г-жи Соколовой (камеръ-фрау великой княгини) записку, въ которой она сообщала моему отцу, что

великая княгиня проситъ его отслужить на слѣдующее утро заупокойную обѣдню; лакей передалъ записку нашей нянѣ, а та положила ее себѣ на столъ и забыла передать моему отцу. Узнавъ объ этомъ, отецъ сейчасъ же отправился къ нашей великой княгинѣ, чтобы извиниться, и тутъ же было рѣшено отправить старуху-няню обратно въ Копенгагенъ. Со слезами разставались мы съ нашей старой служанкой, которая была послѣднимъ человѣкомъ, напоминавшимъ намъ о нашей родинѣ (erste Heimath).

Разъ, въ началѣ нашего пребыванія въ Веймарѣ, мы дѣти сидѣли на скамеечкѣ въ паркѣ, вмѣстѣ съ нашей старой Юли, какъ мы звали няню; вдругъ изъ-за ея спины выскакиваетъ длинноногій молодой человѣкъ и, желая испугать ее, перепрыгиваетъ черезъ ея голову; она узнала его тогда, когда онъ уже убѣжалъ. Это былъ старшій сынъ графа Фредро, котораго я встрѣчала въ шестидесятыхъ годахъ въ качествѣ maître de plaisir въ Петербургскомъ обществѣ. Онъ много лѣтъ прожилъ въ Веймарѣ вмѣстѣ съ единственнымъ братомъ,—который впослѣдствіи поступилъ въ монастырь въ Римѣ,—и со своими родителями, и отличался множествомъ шалостей. Вотъ, напримѣръ одна изъ его продѣлокъ. На рыночной площади Веймара находится фонтанъ, украшенный каменнымъ Нептуномъ. Въ одно прекрасное утро почтенные граждане были очень удивлены, когда, открывъ окна, чтобы взглянуть на небо, они увидѣли Нептуна на фонтанѣ окрашеннымъ въ ярко-красную краску. Вскорѣ оказалось, что превращеніе это совершено было веселымъ обществомъ молодыхъ людей съ графомъ Фредро во главѣ.

Примѣчаніе. Изъ слѣдующаго письма Александры Тимоѳеевны, написаннаго въ началѣ пребыванія Сабининыхъ въ Веймарѣ, видно, что первое время имъ пришлось примириться съ нѣкоторыми неудобствами и съ первой же зимы привыкать къ климату значительно болѣе суровому, нежели въ Даніи. — „Въ знаменитомъ городѣ Веймарѣ“, пишетъ Александра Тимоѳеевна, „нѣтъ ничего готоваго, и намъ пришлось все заказывать, при чемъ всѣ заказы выполнялись съ престранной флегмой. Къ Рождеству получили мы послѣднюю заказанную мебель, а до тѣхъ поръ пришлось довольствоваться немногими вещами. Домъ, въ которомъ мы живемъ, совершенно новый и сырой, что очень вредно для здоровья и крайне непріятно при здѣшнихъ холодахъ. Уже нѣсколько недѣль морозы стоятъ постоянно отъ 12-ти до 26-ти градусовъ. Хотя мы дѣти такъ называемаго суроваго климата, тѣмъ не менѣе мы очень чувствительны къ холоду. Дрова здѣсь плохи и дороги. Цѣны на съѣстные припасы почти тѣ же, что въ Копенгагенѣ, но образъ жизни немного иной . . . . . . Здѣшній дворъ въ Саксонскомъ вкусѣ, гдѣ, какъ извѣстно, только тѣ могутъ обѣдать при дворѣ, у кого пра-пра-прадѣды были дворянами.—Великая княгиня очень добра и милостива къ намъ, какъ и ко всѣмъ; но все же она великая княгиня, съ которой нельзя заговорить, когда она молчитъ и которой не смѣешь сказать всего того, что бы хотѣлось. О здѣшнихъ дворянахъ вы можете получить понятіе, прочитавъ „Ueber den Adelstolz“ Жанъ-Поля...“

Въ Веймарѣ, какъ и вообще въ маленькихъ городахъ, жители были такъ любопытны и до такой степени сплетничали, что вскорѣ по пріѣздѣ моя мать писала одной своей пріятельницѣ, что въ Веймарѣ знаютъ не только все, что̀ было или будетъ, что̀ сказали или подумали, но даже и то, что̀ не случалось, чего не говорили и не думали. Великая княгиня сочла даже нужнымъ предостеречь отца и разъ, спросивъ его, не случилось ли съ нимъ что-нибудь непріятнаго, прибавила: «Нельзя себѣ представить, сколько недоброжелательнаго говорится въ Веймарѣ; я все знаю, но не вѣрю».

Впрочемъ не всѣ занимались сплетнями, и вскорѣ родители мои сошлись съ нѣсколькими пріятными семействами, между прочимъ съ знаменитымъ проповѣдникомъ Рöръ (Röhr).

Въ 1838-мъ году, во время пребыванія своего въ Веймарѣ, Императоръ Николай I пожаловалъ отцу моему наперсный крестъ, усыпанный драгоцѣнными каменьями. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ Государь не разставался съ этимъ крестомъ во время своихъ путешествій, и отецъ былъ очень счастливъ, что удостоился получить его.

Примѣчаніе. Въ 1839-мъ году, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, учителемъ музыки у Мареы Степановны былъ Кёльнеръ. Это былъ еще молодой человѣкъ. Однажды во время урока онъ разгорячился и ударилъ по пальцамъ свою юную ученицу. Мареа Степановна ничего ему не сказала, но по окончаніи урока пошла къ своему отцу и, разсказавъ ему, что̀ сдѣлалъ г-нъ Кёльнеръ, объявила, что не можетъ продолжать учиться у человѣка, который дерется. Она страстно любила музыку, но предпочитала лишиться уроковъ и заняться одной, безъ необходимаго руководителя, скорѣе чѣмъ учиться у человѣка, осмѣлившагося ее ударить. Хотя въ то время ей было всего восемь лѣтъ, но отецъ Сабининъ понялъ, что рѣшеніе ея твердо и повидимому раздѣлилъ ея мнѣніе, такъ какъ уроки у Кёльнера болѣе не возобновлялись. Послѣ этого долгое время Мареа Степановна оставалась безъ учителя, усердно упражняясь одна, пока наконецъ нашли для нея учительницу музыки, Ульриху Вольфгангъ.

Изъ слѣдующихъ двухъ короткихъ замѣтокъ видно, до какой степени Мареа Степановна увлекалась музыкой, будучи всего десятилѣтнимъ ребенкомъ, и уже тогда она умѣла цѣнить художественное исполненіе.

1841-й годъ.

30-го Января. Давали «Преціозу» К. М. ф. Вебера. Между актами Тальбергъ игралъ свои фантазіи на темы изъ оперъ «Моисей» Россини и «Донъ-Жуанъ» Моцарта. Я слушала его, и мягкая и пѣвучая игра его привела меня въ восторгъ. На другой же день я побѣжала достать себѣ эти ноты и, ни мало не смущаясь, стала ихъ играть.

29-го Ноября того же года въ театрѣ былъ концертъ Франца Листа. Я слышала его въ первый разъ. Игра Листа произвела на меня удручающее впечатлѣніе: это было что-то феноменальное.

1842-й годъ.

Весной 1842-го года на Веймарской сценѣ пѣла извѣстная драматическая пѣвица Вильгельмина Шрёдеръ-Девріенъ, жена извѣстнаго актёра Эмиля Девріенъ и сестра жившей въ Веймарѣ г-жи Генастъ. Она выступила въ Веймарѣ въ роли Ромео въ «Ромео и Джульетта» Беллини и въ роляхъ Маріи въ оперѣ Гретри «Синяя борода». Впослѣдствіи я ее еще видѣла въ «Фиделіо» Бетховена и въ «Нормѣ» Беллини. Она великолѣпно пѣла и играла, была красива и полна драматизма, и имя ея извѣстно было по всей Европѣ. Она вездѣ пѣла романсы Шуберта и много способствовала ихъ распространенію. Когда я услышала, какъ она пѣла «Лѣсной царь» и «Wanderer», я впервыя поняла, что̀ такое былъ Шубертъ и какъ слѣдуетъ его пѣть.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ она пѣла у нашей великой княгини, послѣ чего великая княгиня, черезъ своего секретаря, Карла Ивановича Отто, послала ей на память дорогой браслетъ. На слѣдующій день къ камерфрау великой княгинѣ, Маврѣ Петровнѣ Соколовой, является Вильгельмина Шредèръ-Девріèнъ, возвращаетъ ей браслетъ и говоритъ, что, вѣроятно по ошибкѣ, ей прислали отъ ея высочества браслетъ съ фальшивыми камнями. Мавра Петровна взяла браслетъ и отправилась съ нимъ къ великой княгинѣ, которая сама выбрала другой съ настоящими каменьями, поступкомъ же своего секретаря была такъ возмущена, что немедленно его уволила, а на его мѣсто назначила Роберта Карловича Фелейзена, брата извѣстнаго Петербургскаго банкира.

7-го Мая извѣстный скрипачъ Г. В. Эрнстъ игралъ свои сочиненія. Впослѣдствіи я еще слыхала его, и его мягкій, пѣвучій смычокъ, мастерская техника и спокойствіе во время игры, доказывавшее полное обладаніе инструментомъ, вполнѣ меня восхищали.

1843-й годъ.

Въ Апрѣлѣ 1843-го года мой братъ Дмитрій уѣхалъ въ Россію, для поступленія въ университетъ. Первые годы онъ такъ скучалъ по семейству, что совсѣмъ не могъ преодолѣть этой тоски. Письма онъ писалъ очень неохотно, и потому со всѣхъ сторонъ на него сыпались жалобы и упреки; и чѣмъ болѣе его упрекали за его молчаніе, тѣмъ упорнѣе онъ молчалъ. Вообще всѣ мои братья не любили усиленной корреспонденціи; наоборотъ же всѣ мы сестры, за исключеніемъ Елены, переписывались очень прилежно. Во время нашего пребыванія

за границей я вела большую переписку, но, живя потомъ въ Россіи, при скудости общеинтересующихъ предметовъ, и зная, что нескромный глазъ прочтетъ самыя невинныя изліянія дружбы, мало-по-малу у меня прошла охота писать pour les beaux yeux какого-нибудь...

Я помню тогда письмо изъ Петербурга въ Веймаръ стоило около 2-хъ рублей; мало-по-малу цѣна убавлялась, и при императорѣ Александрѣ II-мъ переписка стала доступною для каждаго.

Сначала Дмитрій поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, но послѣ трехъ лѣтъ занятій онъ все еще не могъ привыкнуть видѣть кровь, и въ анатомическомъ кабинетѣ ему постоянно дѣлалось дурно. Наконецъ, въ 1846-мъ году онъ объявилъ, что не можетъ изучать медицину, и просилъ родителей позволить ему перейти на филологическій факультетъ.

Иванъ, мой второй братъ, въ 1843-мъ году, учился гравировать на мѣди у Швертгебурга, дѣлалъ копіи съ гравюръ Рембрандта и Альбрехта Дюрера и въ томъ же году хорошо исполнилъ портретъ отца. Занимаясь все болѣе искусствомъ, онъ наконецъ, въ 1844-мъ году, рѣшился сдѣлаться художникомъ, вышелъ изъ гимназіи, гдѣ учился такъ прилежно, что одно время опасались за его здоровье, и поступилъ къ художнику Преллеру. Съ нимъ онъ ѣздилъ въ Антверпенъ для изученія Голландской школы и для обозрѣнія тамошнихъ картинныхъ галлерей.

Осенью 1843-го года мы переѣхали на новую квартиру, въ которой прожили до самой смерти моего отца. Эта квартира была тѣмъ удобна, что въ томъ же домѣ помѣщалась и православная церковь. Отецъ нанялъ его послѣ смерти жившей въ немъ оберъ-гофмейстерины великой княгини, графини Генкель ф. Допперсмаркъ, которая скончалась въ глубокой старости, а пока жила въ домѣ, не дѣлала никакихъ поправокъ, такъ что отцу пришлось много истратить, чтобы привести домъ въ надлежащій порядокъ. Другую половину дома, надъ церковью, занимала когда-то Генріэтта фонъ-Штейнъ, извѣстная по своей дружбѣ и перепискѣ съ Гёте, и тамъ въ стѣнномъ шкапу рукою Гёте были обозначены книги, которыя онъ читалъ у Г. ф. Штейнъ.

Въ Октябрѣ въ Веймаръ пріѣхала на двѣ недѣли шестнадцатилѣтняя піанистка, ученица Гензельта, Юлія Гринбергъ; она съ успѣхомъ играла въ Лейпцигѣ и передъ великой княгиней, а затѣмъ уѣхала въ Вѣну. Во время своего пребыванія въ Веймарѣ, она каждый день бывала и играла у насъ. Съ ней была и сестра ея, извѣстная впо-

слѣдствіи, какъ пѣвица при дворѣ великой княгини Елены Павловны, Изабелла Гринбергъ.

Кромѣ фортепіано, я занималась пѣніемъ и была членомъ пѣвческаго кружка (Singverein), основаннаго директоромъ хорового пѣнія Г. Ф. Гэзеромъ (Häser) и получившаго имя своего основателя «Häser-Singverein». Гэзеръ былъ ученый контрапунктистъ и давалъ великой княгинѣ уроки гармоніи. Моя сестра Елисавета тоже училась у него и очень любила добраго старика. Онъ умеръ въ концѣ 1844-го года, и послѣ смерти его директоромъ пѣвческаго кружка выбрали Кёльнера.

Елена и я брали уроки фортепіано у профессора Фр. Тöпфера, и кромѣ того Елисавета и мы двѣ занимались съ нимъ теоріей музыки. Тöпферъ былъ ученикъ Гуммеля, самъ уже немолодой человѣкъ, и былъ органистомъ главной церкви въ Веймарѣ. Съ нимъ я играла этюды Краммера, сочиненія Гайдна, Моцарта, Гуммеля, Мошелеса, Куллака, Штейбельта, Дюссека, а главное почти всѣ сонаты (до ор. 100) Бетховена. Мнѣ тогда минуло только двѣнадцать лѣтъ и, не будучи еще достаточно развитой, чтобы понимать всего Бетховена, я играла его какъ мертвую букву, и впослѣдствіи нарочно долго не играла, чтобы забыть то, что̀ мнѣ казалось тогда непонятнымъ.

1844-й годъ.

Зимой 1844-го года Листъ былъ въ Веймарѣ, и два раза я слышала его въ концертахъ; до сегодня не забыла я, какъ онъ игралъ фантазію на Донъ-Жуана, Фенеллу, Erlkönig и хроматическій галопъ.

На Ѳоминой недѣлѣ въ Веймарѣ былъ Цесаревичъ, а затѣмъ у великой княгини гостилъ недавно овдовѣвшій герцогъ Ольденбургскій.

Въ Апрѣлѣ отецъ получилъ за свои ученые труды орденъ Владиміра 3-ей степени: въ то время очень рѣдкую награду.

Въ томъ же году отецъ лишился нѣсколькихъ хорошихъ знакомыхъ, профессоровъ Іенскаго университета. Профессоръ Карлъ Кохъ отправился путешествовать на Кавказъ; онъ былъ ботаникъ и, по возвращеніи изъ Кавказа, онъ издалъ описаніе своего путешествія. Мой отецъ и онъ, да и вообще его и наше семейства, находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ директоромъ ботаническаго сада въ Берлинѣ, гдѣ и оставался до конца своей жизни.—Профессора Асферусъ, Фризъ (Fries, проф. философіи) и Баумгартенъ-Крузіусъ умерли, что̀ было очень чувствительной потерей для университета. Изъ нихъ Баумартенъ-Крузіусъ былъ очень ученый и

извѣстный профессоръ богословія, но у него была idée fixe воспитать свою единственную дочь безъ помощи обыкновенныхъ педагогическихъ пріемовъ; понятно, что изъ нея вышло что-то удивительное, или, вѣрнѣе сказать, она осталась дитятей природы.

1845-й годъ.

3 (15) Января 1845 года я испытала глубокое горе. Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ: скончался молодой человѣкъ, котораго я знала и любила съ десяти лѣтъ. Это была и осталась моя единственная любовь во всю мою жизнь. Его любовь выражалась тѣмъ, что когда въ дѣтствѣ мы, будучи сосѣдями, играли ежедневно вмѣстѣ, онъ приносилъ мнѣ цвѣты изъ своего сада, подарилъ нѣсколько маленькихъ бездѣлушекъ,—и въ невинныхъ играхъ разыгралась любовь. Онъ былъ пятью годами старше меня и скончался отъ тифа, не въ Веймарѣ. Я помню, когда вечеромъ пришли разсказать моей матери, что получено извѣстіе, что онъ умеръ,—меня какъ холодомъ обдало; но я вышла въ другую комнату, чтобы никто не замѣтилъ моего волненія.

17 (29) Іюня мы всей семьей поѣхали навѣстить семейство профессора Коха; всего два часа ѣзды на лошадяхъ. Когда вечеромъ мы вернулись, то узнали, что пріѣхали и были у отца Николай Васильевичъ Гоголь и графъ Александръ Петровичъ Толстой.

На другой день они пришли къ отцу, и я въ первый и послѣдній разъ видѣла знаменитаго писателя. Онъ былъ небольшого роста и очень худощавъ; его узкая голова имѣла своеобразную форму—френологъ бы сказалъ, что выдаются религіозность и упрямство. Свѣтлые волосы висѣли прямыми прядями вокругъ головы. Лобъ его, какъ будто подавшійся назадъ, всего больше выступалъ надъ глазами, которые были длинноватые и зорко смотрѣли; носъ сгорбленный, очень длинный и худой, а тонкія губы имѣли сатирическую улыбку. Гоголь былъ очень нервный, движенія его были живыя и угловатыя, и онъ не сидѣлъ долго на одномъ мѣстѣ: встанетъ, скажетъ что-нибудь, пройдется нѣсколько разъ по комнатѣ и опять сядетъ. Онъ пріѣхалъ въ Веймаръ, чтобы поговорить съ моимъ отцомъ о своемъ желаніи поступить въ монастырь. Видя его болѣзненное состояніе, слѣдствіемъ котораго было ипохондрическое настроеніе духа, отецъ отговаривалъ его и убѣдилъ не принимать окончательнаго рѣшенія. Вообще Гоголь мало говорилъ, оживлялся только когда говорилъ, а то все сидѣлъ въ раздумьи. Онъ попросилъ меня сыграть ему Шопена; помню только, что я играла ему. Моей матери онъ подарилъ хромолитографію—видъ Брю-

левской террасы; она наклеила этотъ видъ въ свой альбомъ и попросила Гоголя подписаться подъ нимъ. Онъ долго ходилъ по комнатѣ, наконецъ сѣлъ къ столу и написалъ: «Совсѣмъ забылъ свою фамилію: кажется, былъ когда-то Гоголемъ». Онъ исповѣдывался вечеромъ наканунѣ своего отъѣзда, и исповѣдь его длилась очень долго. Послѣ Св. Причастія онъ и его спутникъ сейчасъ же отправились въ дальнѣйшій путь въ Россію, пробывъ въ Веймарѣ пять дней.

Вскорѣ послѣ этого отецъ заболѣлъ и въ теченіе трехъ недѣль страшно страдалъ. Во время болѣзни его посѣтилъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Онъ долго бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ. Муравьевъ имѣлъ странную встрѣчу съ моей сестрой Елисаветой, въ Висбаденѣ, гдѣ она гостила у нашей двоюродной сестры Л. П. Базаровой. Разъ утромъ случилось, что сестра сидѣла одна у нихъ въ гостиной и читала «Путешествіе по святымъ мѣстамъ» Муравьева: Л. А. Базарова была занята по хозяйству, а Базаровъ отправился по дѣлу въ городъ. Въ гостиную входитъ какой-то господинъ и спрашиваетъ: «Дома ли батюшка?» На отрицательный отвѣтъ сестры и сообщеніе, что онъ скоро вернется домой, незнакомецъ просилъ позволенія обождать его и, видя, что сестра читаетъ, спрашиваетъ, что̀ она читаетъ. Она отвѣчаетъ: «Путешествіе по святымъ мѣстамъ» Муравьева. Онъ вступаетъ съ ней въ разговоръ о книгѣ, она чистосердечно высказываетъ свое мнѣніе и дѣлаетъ критическій обзоръ книги; такимъ образомъ они бесѣдуютъ около получаса. Возвращеніе Базарова прерываетъ ихъ разговоръ, и незнакомецъ, вставая, обращается къ сестрѣ и говоритъ: «Позвольте мнѣ вамъ представиться: я—Муравьевъ».

Въ началѣ года піанистъ изъ Петербурга, Карлъ Иде, ученикъ Генриха Герца и Карла Майера, возвращаясь въ Россію изъ Рима, далъ въ Веймарѣ концертъ. Я съ удивленіемъ смотрѣла на штуки, которыя онъ продѣлывалъ на фортепіано, но его игра не произвела особенно большого впечатлѣнія.

3-го Апрѣля хоръ семинаристовъ и другіе музыканты дали концертъ въ пользу пострадавшихъ отъ обвала жителей Фельсберга.

Фельсбергъ—деревня въ кантонѣ Граубюнденѣ въ Швейцаріи, у подножія Каланды,—сильно пострадалъ отъ обваловъ въ 1843-мъ году и зимой, весной и осенью 1844-го года. Въ горѣ оказалось множество трещинъ, которыя хотя медленно, но постепенно увеличивались, такъ что, для безопасности жителей, рѣшено было переселить всю деревню на новое мѣсто. Впрочемъ, хотя во время обвала многіе дома были

разбиты вдребезги, ни одинъ человѣкъ не погибъ при этомъ. Пожертвованія въ пользу пострадавшихъ шли отовсюду, въ особенности же изъ Швейцаріи и изъ Германіи, и вскорѣ недалеко отъ Фельсберга, въ безопасномъ мѣстѣ, возникло мѣстечко Новый Фельсбергъ (Neu-Felsberg). Но большая часть Фельсбергцевъ не могла рѣшиться покинуть свои жилища, и въ Новый Фельсбергъ переселились только пострадавшіе. Въ 1851-мъ году въ Фельсбергѣ былъ еще обвалъ.

24 Апрѣля (6 Мая) далъ концертъ скрипачъ Г. Леонаръ (H. Léonard), членъ Королевской музыкальной академіи въ Парижѣ и гросъ-герцогской придворной капеллы въ Веймарѣ.

2 (14) Августа при дворѣ играла М. П. Типперъ, изъ Петербурга, ученица Майера и очень посредственная піанистка. Мужъ ея игралъ на корнетѣ. Въ то время инструментъ этотъ былъ въ большомъ ходу, благодаря Французу Вивье́ (Vivier), который отлично на немъ игралъ и имѣлъ большой успѣхъ у Государя Николая I-го. Вивье́ долгое время жилъ въ Веймарѣ и забавлялся тѣмъ, что, для упражненія легкихъ, пускалъ изъ своего инструмента въ окно мыльные пузыри на улицу; онъ пріобрѣлъ въ этомъ большое искусство и выдувалъ пузыри громадныхъ размѣровъ.

Изъ Петербурга же пріѣхали съ отцомъ своимъ два брата Беккеры: Александръ—теноръ и Николай—піанистъ. Это были молодые таланты, искусственно раздутые. Они два дня сряду играли у нашей великой княгини. 19—31-го Августа былъ большой пріѣздъ всѣхъ возможныхъ коронованныхъ (20) государей въ Бельведеръ; между ними были короли Пруссіи, Голландіи, Бельгіи, Баваріи и т. д.

Въ началѣ Сентября мы посѣтили гросгерцогскія оранжереи въ Бельведерѣ, и тамъ я впервые увидѣла цвѣтущую Agava Americana: она выпустила длинный—около двухъ сажень вышины—цвѣточный стебель, усѣянный некрасивыми зелено-желтыми цвѣтами. Наша великая княгиня очень любила цвѣты, и въ ея оранжереяхъ можно было видѣть много интереснаго. Александръ фонъ - Гумбольдтъ, возвратившись изъ Бразиліи, привезъ великой княгинѣ сѣмена очень теперь распространеннаго дерева, Paulovnia Imperialis, которое тогда было еще совсѣмъ неизвѣстно въ Европѣ. Сѣмена принялись, и въ честь нашей великой княгини Маріи Павловны дерево получило свое названіе.

26-го Сентября въ Боннѣ былъ праздникъ по случаю открытія памятника Бетховену. Р. Шуманъ написалъ концертъ - симфонію, которую хотѣлъ окончить къ этому дню; почему она не была принята

въ программу праздничнаго концерта, не знаю, но Шуманъ измѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто симфоніи написалъ свою чудную, единственную фантазію (C-dur) для фортепіано.

Въ Ноябрѣ въ Веймаръ пріѣхалъ извѣстный проповѣдникъ Іоганессъ Ронге. Онъ проповѣдывалъ упрощеніе и независимость католиковъ Германіи отъ Папы, и назвалъ свою секту «Deutsch-katholische Gemeinde». Когда онъ пріѣхалъ, народъ встрѣтилъ его, хотя было уже болѣе 10-ти часовъ вечера. Я его видѣла у вицепрезидента Рöра, перваго проповѣдника въ Веймарѣ.

4 (16) Ноября Ронге проповѣдывалъ въ залѣ гостинницы «Russischer Hof», и нашлись послѣдователи его ученія, которые тутъ же перешли въ его новое вѣроисповѣданіе. Вечеромъ онъ уѣхалъ въ Науенбургъ, сопровождаемый народомъ съ факелами.

17 (29) Ноября первый разъ позволили мнѣ видѣть Донъ-Жуана; эта музыка меня совсѣмъ перевернула, я была въ восхищеніи.

7 (19) Декабря умеръ надворный совѣтникъ Римеръ, одинъ изъ трехъ послѣднихъ секретарей Гёте. Я ихъ всѣхъ трехъ часто видала; это были: Римеръ, который, по смерти Гёте издалъ о немъ два большихъ тома; Швертгебуртъ, который былъ къ тому же отличный гравёръ, и Шухартъ, который по смерти Гёте былъ секретаремъ Веймарскаго музея. Онъ тоже очень хорошо рисовалъ, и у меня хранится одна изъ его акварелей.

1846-й годъ.

Въ началѣ Января въ Веймарѣ давали концертъ сестры Миланолло (Milanollo); обѣ онѣ играли на скрипкѣ очень мило, какъ только могутъ играть дѣти; старшая Тереза играла лучше второй.

Въ Январѣ же пѣла при дворѣ одна изъ лучшихъ пѣвицъ этого столѣтія, Дженни-Линдъ, и наша великая княгиня дозволила намъ дѣтямъ слушать ея пѣніе изъ сосѣдней комнаты. Я слушала и была въ восторгѣ отъ ея голоса, школы, пѣнія и игры. Восхитительно пропѣла она одну Шведскую народную пѣснь, въ которой, переходя отъ ff къ pp, она удивительно выдерживала одинъ тонъ, и такъ долго, что у меня самой пріостановилось дыханіе; но затѣмъ я принуждена была усиленно дышать, а она все еще держала одинъ и тотъ же тонъ. Вотъ что значитъ умѣть искусно и бережливо расходовать дыханіе при пѣніи! Въ этотъ свой пріѣздъ Дженни-Линдъ пѣла на Веймарской сценѣ два раза, Норму и Сомнамбуллу Беллини; восторгъ былъ всеобщій.

Вскорѣ послѣ этого, подъ управленіемъ Листа данъ былъ концертъ, надѣлавшій много шума. Особенность этого концерта заключалась въ томъ, что Лола Монтецъ, переодѣтая въ мужское платье, съ хлыстомъ въ рукахъ, сопровождала Листа къ роялю и переворачивала ему листы во время игры. Безъ того уже Лола Монтецъ была на плохомъ счету въ обществѣ, а это появленіе ея еще болѣе скандализовало публику *).

Въ началѣ Мая 1846 года уѣхали въ Россію наши сестры Елисавета и Марія; первая получила мѣсто музыкальной дамы въ Смольномъ, а Марія поступила туда же, на Александровскую половину, для полученія воспитанія. Намъ было очень грустно съ ними разставаться, но я завидовала сестрамъ, что онѣ ѣдутъ въ Россію. Мать тоже поѣхала съ ними, чтобы устроить ихъ тамъ. Такъ какъ не было пароходовъ изъ Штетина, то онѣ ѣхали на Любекъ, изъ Магдебурга до Гамбурга водою, а изъ Травемюнде совершили переѣздъ въ Петербургъ. Путешествіе это длилось десять дней. Пробывъ недѣлю въ Петербургѣ, мать и Лиза поѣхали въ Москву повидаться съ Дмитріемъ. Отъѣзжавшихъ въ Москву на почтовыхъ было такъ много, что онѣ съ трудомъ получили два мѣста, и то съ условіемъ взять съ собой въ экипажъ еще одну даму имъ незнакомую. Имъ пришлось и на это согласиться, лишь бы не сидѣть попусту и не терять дорогого времени, такъ какъ мать моя спѣшила вернуться домой въ Веймаръ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ онѣ (25-го Іюня) были приняты императрицей Александрой Өеодоровной.

Въ началѣ Августа сестру Марію приняли въ число институтокъ Смольнаго монастыря, послѣ чего мать вернулась въ Веймаръ. По особой протекціи Мари получила позволеніе по воскресеньямъ навѣщать своихъ родственниковъ; ей очень недоставало фруктовъ, что было весьма понятно, такъ какъ мы къ нимъ привыкли, живя съ дѣтства въ такихъ плодородныхъ странахъ, какъ Данія и Германія. Я не могу забыть яблокъ Даніи, напримѣръ Gravensteiner, Pigeon, Rainette и т. д.; съ тѣхъ поръ я больше не ѣла ихъ: до того всѣ яблоки казались мнѣ деревянными и безвкусными. Мари, получивъ въ теченіе

*) Лола Монтецъ, родомъ Шотландка, была танцовщицей и прославилась своими приключеніями. Король Баварскій Людовикъ I, безумно влюбленный въ нее, далъ ей титулъ графини Ландсфельдъ. Ея заносчивость была одной изъ причинъ безпорядковъ, происшедшихъ въ Мюнхенѣ въ 1848-мъ году. Изгнанная вслѣдъ за этимъ изъ Баваріи, она отправилась въ Англію, затѣмъ въ Сѣверную Америку, гдѣ произвела фуроръ въ качествѣ драматической актрисы, побывала и въ Австраліи и, вернувшись въ Нью-Йоркъ, читала лекціи, на которыя собиралось много слушателей. Умерла въ 1861-мъ году. (Изъ Meyers Hand-Lexicon).

лѣта двѣ груши и одну сливу, все ожидала появленія фруктовъ и была крайне удивлена и огорчена, увидавъ, при освященіи плодовъ 6-го Августа, зеленыя и красныя яблоки. Теперь, полстолѣтія спустя, совсѣмъ другое дѣло, и можно лакомиться фруктами и въ Сѣверной Пальмирѣ.

Поступивъ въ Смольный, сестра Елисавета писала, что въ Россіи, а въ институтѣ въ особенности, Французскій языкъ необходимѣе Русскаго: въ Смольномъ на десять Французскихъ словъ услышишь одно Русское. Въ музыкальномъ отношеніи мало что можно получить»: у Русскихъ много способности къ музыкѣ»,—писала она, но среди нихъ мало хорошо играющихъ; это происходитъ отъ недостатка терпѣнья и отъ недостатка въ хорошихъ учителяхъ. Такого, какъ профессоръ Тёпферъ, не найти во всемъ Петербургѣ. Гензельтъ считается здѣсь лучшимъ, но онъ очень небреженъ, вспыльчивъ и грубъ со своими ученицами».

Сестру удивляла наивность институтокъ. «Я живу въ одной комнатѣ съ четырьмя молоденькими, живыми барышнями; можно себѣ представить, что когда онѣ всѣ собираются, у насъ не особенно тихо. Онѣ живутъ еще постоянно въ Смольномъ, но уже ничему не учатся, и ихъ возятъ на балы и т. д. Въ настоящую минуту онѣ заняты чтеніемъ какого-то романа и дѣлаютъ въ высшей степени наивныя замѣчанія... Въ оперѣ я была одинъ разъ и видѣла Карла Смѣлаго: это передѣлка Вильгельма Телля Россини; музыка осталась таже, но дѣйствіе сокращено, такъ какъ здѣсь не смѣютъ давать Телля».

Въ Смольномъ Елисаветѣ приходилось давать 18 уроковъ въ недѣлю, за что она получала 400 р., столъ и квартиру.

Перемѣна климата не замедлила отозваться на здоровьѣ обѣихъ сестеръ. Марія получила бронхитъ, ея мучили мушками и піявками, послѣ чего она значительно ослабѣла; а осенью у нея сдѣлалось воспаленіе легкихъ, и она пролежала два мѣсяца. Сестра Елисавета тоже начала сильно кашлять, и въ Сентябрѣ мы получили отъ нея короткое письмо сообщавшее, что у нея было кровохарканье. Сама она не придавала этому ни малѣйшаго значенія, но писала при этомъ, что сестра нашей матери Софія Тимоѳеевна Богословская при малѣйшемъ поводѣ непрерывно страдаетъ отъ кровохарканія, и что двоюродная сестра наша Л. И. Базарова въ сильной степени чахоточна. Всѣ эти извѣстія насъ крайне опечалили, тѣмъ болѣе, что холодъ, наступившій очень рано, явился неожиданно для сестеръ.

Дѣйствительно недолго прожила въ Петербугѣ сестра Елисавета, Ея чуткая, изящная натура, перенесенная изъ родительскаго дома,

далеко отъ круга сердечныхъ друзей, не перенесла этой рѣзкой перемѣны жизни и обстановки, и въ Январѣ 1849-го года, шестинедѣльная скоротечная чахотка перенесла ее въ вѣчность. Когда она скончалась, ей было всего 21 годъ. Она получила отличное домашнее воспитаніе, руководимое моими родителями и нѣсколькими учителями. Она отлично рисовала, играла и отличалась знаніемъ языковъ и ихъ литературы. Передъ смертью она много страдала, но никогда не жаловалась. Она страстно любила цвѣты. Зная это, братъ Иванъ, въ то время учившійся въ Академіи Художествъ въ Петербургѣ, съ большимъ трудомъ отыскалъ нѣсколько цвѣтущихъ ландышей и принесъ ихъ ей. На другой день (27-го Января, 8-го Февраля) она взяла ихъ въ руки и сказала: «Ландыши зябнуть, имъ слишкомъ холодно здѣсь», взяла платокъ, покрыла имъ цвѣты и затѣмъ уснула вѣчнымъ сномъ.

Вскорѣ послѣ ея кончины, мы получили извѣстіе, что молодой священникъ, который за нее сватался, скончался за границей въ одинъ день съ нею: ихъ соединила вѣчность. Она отказала ему свою руку, находя свое здоровье слишкомъ слабымъ, чтобы выйти замужъ; въ то время она была въ Петербургѣ и вѣроятно уже чувствовала приближеніе смертельной болѣзни. Лѣтомъ того же 1849-го года, родители мои взяли изъ Смольнаго сестру Марію, изъ опасенія, что и ея легкія не перенесутъ Петербургскаго климата, и она вернулась въ Веймаръ.

Въ Декабрѣ 1846-го года къ намъ пріѣхали родственники наши, незадолго передъ тѣмъ обвѣнчавшіеся Судакевичи. Ихъ сватовство совершилось съ поразительною быстротой: молодому человѣку предложили мѣсто діакона въ Парижѣ съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько недѣль онъ былъ готовъ, то-есть, чтобы по прошествіи этого времени онъ былъ женатъ. Ольга Вещезерова въ то время была учительницей музыки въ одномъ институтѣ; она была красива и хорошо играла. Одинъ изъ товарищей В. И. Судакевича, видѣвшій ее всего одинъ разъ, рекомендовалъ ее ему; Судакевичъ пришелъ, увидѣлъ и сдѣлалъ предложеніе; родственники нашли это выгоднымъ, и кончено дѣло. Въ то время подобныя дѣла совершались въ Россіи, какъ на парахъ.

21-го Декабря у отца моего былъ раввинъ Гершъ-Денемаркъ, родомъ изъ Малой Азіи. Онъ обладалъ двойнымъ зрѣніемъ. Послѣ обѣда мы всѣ сидѣли въ кабинетѣ отца, когда на подносѣ принесли кофе и сахарницу, наполненную сахаромъ. Раввинъ посмотрѣлъ на сахарницу и сказалъ, что въ ней 36 кусковъ сахара; высыпали и пересчитали куски: ихъ дѣйствительно оказалось 36. Затѣмъ подали моему отцу письмо съ почты; раввинъ, посмотрѣвъ на запечатанное

письмо, сказалъ: «Въ немъ 22 строки». Распечатали письмо, и дѣйствительно было такъ.

Мой отецъ все-таки не довѣрялъ ему. Онъ послалъ брата Ивана въ свою библіотеку и приказалъ принести одну часть Полиглотиса. Братъ положилъ книгу на столъ, и раввинъ, не раскрывая ея, всунулъ въ книгу свою руку и прочиталъ по-гречески слова, находившіяся подъ его рукой. Когда онъ читалъ въ закрытой книгѣ, взглядъ его становился какимъ-то страннымъ и мутнымъ, и глаза закатывались назадъ.

1847-й годъ.

Весь Январь мѣсяцъ отличался сильными морозами, достигавшими 22-хъ градусовъ. Эльба покрылась льдомъ до Глюкштадта, и ледъ былъ такъ крѣпокъ, что выдерживалъ самыя тяжелыя клади, которыя перевозили черезъ рѣку на саняхъ или на повозкахъ. 15-го Апрѣля былъ еще холодъ и снѣгъ.

Въ этомъ году я начала брать уроки Французскаго языка у m-me Chelard; на этихъ урокахъ мы читали и разговаривали, но не могу сказать, чтобы они принесли мнѣ большую пользу; я не любила Французскаго языка, да вообще всѣ языки мнѣ давались трудно, такъ какъ я больше молчала, чѣмъ говорила. Моими любимыми занятіями были музыка и рисованіе, а при подобныхъ занятіяхъ работаешь молча. Такъ какъ играла я очень много, не менѣе шести часовъ въ день, то уставала до такой степени, что и не хотѣлось много говорить. Братья мои часто мнѣ повторяли извѣстное изрѣченіе Шиллера: Wenn du gegessen und getrunken hast und satt bist, so sollst du den Herrn deinen Gott loben. И другое старинное четверостишіе:

Wer zu Tische geht und bettet nicht,
Wer vom Tische kommt und danket nicht,
Der ist dem Vieh und Esel gleich,
Und hatt kein Theil im Himmelreich.

Изъ артистовъ, посѣтившихъ Веймаръ въ 1847 году, были у насъ: 1) Шарль Майеръ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, уже съ просѣдью, довольно полный и въ очкахъ. Онъ любилъ все Русское: огурцы, щи, кашу и т. д. Я ему сыграла его этюдъ Fis-dur. Онъ игралъ при дворѣ. 2) Піанистъ Шаде изъ Парижа. Онъ игралъ съ большой силой (по новой модѣ), руки у него были очень маленькія, такъ что свыше октавы онъ игралъ скорымъ арпеджіо. 3) Полковникъ Погожевъ привозилъ своихъ дочерей, Вѣру и Наталью, которыя обу-

чались въ Лейпцигской консерваторіи. Видно было, что отецъ надѣялся сдѣлать съ ними спекуляцію, имѣть Wunder-Kinder; но для этого надо дѣйствительно имѣть талантъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, а этого у нихъ не было. Онѣ были ученицами Мошелеса, аккуратно долбили, что̀ знали, но вотъ и все. 4) Изъ Петербурга пріѣзжалъ челлистъ Карлъ Шубертъ, который игралъ очень хорошо. Онъ далъ при дворѣ концертъ, на которомъ, между прочимъ, удивительно хорошо исполнилъ увертюру «Волшебной Флейты» Моцарта.

8-го Мая въ Веймаръ пріѣхалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Съ нимъ были графъ Литке и съ дѣтства воспитывавшійся съ нимъ баронъ Сергѣй Платоновичъ Фредериксъ, братъ моего друга. баронессы Маріи Петровны Фредериксъ, и графъ Гауровицъ. Графъ Орловъ, который его сопровождалъ, дорогою заболѣлъ оспой, и съ нимъ остался баронъ Ливенъ.

На слѣдующій день великій князь былъ въ церкви. Къ гросъ-герцогскому столу былъ приглашенъ мой отецъ, и съ нимъ великій князь говорилъ объ Исландской литературѣ.

10-го онъ уѣхалъ въ Берлинъ.

24-го Мая пріѣхалъ Альтенбургскій дворъ съ августѣйшею невѣстою великаго князя Константина Николаевича, которая была удивительно хороша. Они пробыли въ Веймарѣ всего два дня.

Въ концѣ Іюня изъ Копенгагена пріѣхалъ другъ моего отца, извѣстный ученый, статскій совѣтникъ Раффнъ, съ дочерью своею Дагмарою, и мы имъ показывали достопримѣчательности Веймара.

Первое, что̀ мы осмотрѣли, была гросъ-герцогская библіотека, въ которой находится большое собраніе картъ, и между ними одна старинная карта, напечатанная въ 1484 году, на которой обозначена часть Америки. Она-то именно особенно интересовала Раффна. Подобная же карта находится въ Вольфенбюттелѣ.

Затѣмъ мы осматривали гросъ-герцогскій дворецъ и комнаты въ честь великихъ Веймарскихъ поэтовъ, частью оконченныя. Мысль воздвигнуть видимый памятникъ Веймарскимъ незабвеннымъ поэтамъ возродилась у великой княгини по смерти Гёте. Часть дворца, пристроенная къ нему въ 1818 году архитекторомъ Кудрэ, предназначалась для приведенія въ исполненіе этой мысли, но на окончаніе внутренней отдѣлки потребовалось много лѣтъ. На лѣстницѣ, ведущей въ эти комнаты, стоятъ бюсты людей, способствовавшихъ прославленію Веймара,

какъ-то: художника Лукаса Кранаха, историка Г. Спалатина, храбраго воина ф.-Гартледера, композитора и органиста І. С. Баха, знатока искусствъ Г. Мейера, музыканта І. Н. Гуммеля, общеобразованнаго Фрорина, архитектора Кудрэ и замѣнившаго Г. Мейера директора музея Л. ф.-Шорна. Направо входъ въ дворцовую протестантскую капеллу (которую освящали 28 Марта 1847 года); внутренняя отдѣлка ея исполнялась главнымъ образомъ подъ наблюденіемъ сына великой княгини, эрбъ-гросъ-герцога Карла-Александра. Налѣво комната, разрисованная въ память Гердера, бюстъ коего здѣсь находится; фрески исполнялъ профессоръ Іегеръ. Затѣмъ входъ въ залу, предназначенную первоначально для засѣданія министровъ; по стѣнамъ развѣшаны картины Фридриха Преллера, изображающія отечественные виды, оживленные событіями Веймарской исторіи. Затѣмъ слѣдуетъ комната Гёте, нарисованная профессорами Нэеромъ (Neher) и Іегеромъ (Jaeger); входная, въ которой пр. Нэеръ нарисовалъ четыре загородныхъ дворца: Тифуртъ, Бельведеръ, Дюрнбургъ и Вильгельмсталь; въ этой же комнатѣ стоятъ столъ, стулья и зеркало Шиллера. За этимъ слѣдуетъ комната Шиллера съ его бюстомъ и со стѣнными фресками работы профессора Нэера. За ней комната Виланда, съ фресками къ Оберону и другимъ его поэзіямъ, исполненными отличнымъ пейзажистомъ, проф. Фр. Преллеромъ; арабески къ нимъ исполнены Гюттеромъ, по рисункамъ А. Симонса. Въ то время не окончены еще были комната Гердера и пріемный залъ. Осенью этого года устроенъ былъ дамскій комитетъ, для вышиванія ковра въ комнату Шиллера; мы тоже принимали въ этомъ участіе.

Въ покояхъ дворца есть очень замѣчательныя картины: нѣсколько большихъ ландшафтовъ проф. Гаккерта, море проф. Преллера и морскіе виды Гораса Верне́, ландшафтъ Руисдаля, нѣсколько головъ Гольбейна, портреты короля и королевы Прусскихъ и гобеленъ, присланный изъ Петербурга и изображающій семейство Дарія передъ Александромъ Великимъ.

На другой день мы осматривали Бельведеръ, гдѣ наша великая княгиня почти всегда проводила лѣто, и другой загородный дворецъ Тифуртъ, съ его Китайскими коллекціями, любимое мѣсто развлеченія августѣйшаго супруга великой княгини. Потомъ посѣтили усыпальницу гросъ-герцогской семьи, гдѣ видны и гробницы Гёте и Шиллера.

Въ Іюлѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ пріѣзжалъ на два дня изъ Киссингена въ Веймаръ и затѣмъ уѣхалъ въ Берлинъ.

Въ концѣ лѣта во дворцѣ въ Веймарѣ была свадьба княгини Долгоруковой съ Прусскимъ посломъ, графомъ Мюнстеромъ *). Для нея Листъ написалъ извѣстный романсъ «Angiolin dal biondo crin». Отецъ ея, князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ, былъ очень веселый человѣкъ, и его забавляло ставить въ одну шеренгу всѣхъ насъ дѣтей, отъ старшаго до младшаго, и сравнивать сходство между нами: всѣ были похожи другъ на друга, но у каждаго было свое самостоятельное выраженіе. Жена его, тоже пріѣхавшая къ свадьбѣ, была одной изъ Русскихъ за границей, о которой много говорили. Она перешла въ протестантскую вѣру, которую и пропагандировала: близъ Ганновера она собирала крестьянъ, уплачивая имъ по одному талеру на человѣка, и проповѣдывала имъ. Ее скоро попросили перестать подражать г-жѣ Крюднеръ. Ея крестьяне въ Россіи упорно отказывались отъ посадки картофеля, и она просила моего отца предложить кому-нибудь написать за 200 червонцевъ брошюру о пользѣ картофеля, чтобы убѣдить крестьянъ въ необходимости его разведенія.

23-го Августа въ Эйзенахъ былъ большой пѣвческій праздникъ: 26 пѣвческихъ обществъ собрались въ составѣ 1200 пѣвцовъ. Изъ музыкантовъ присутствовали: Шеларъ изъ Веймара, Метерлингъ изъ Брауншвейгна, Рейссигеръ изъ Дрездена, Ф. Шнейдеръ изъ Дессау (онъ управлялъ всѣмъ хоромъ) и изъ Лейпцига Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди, скончавшійся вскорѣ послѣ этого (4-го Ноября 1847-го года).

20-го Сентября Елена и я поѣхали въ Висбаденъ къ Базаровымъ. У нихъ встрѣтили мы товарища моего отца по Академіи, протоіерея Пѣвницкаго изъ Штутгардта. Оттуда мы ѣздили въ Биберихъ, лѣтнюю резиденцію герцога Нассаускаго, которая произвела на меня пріятное впечатлѣніе, и осматривали его достопримѣчательности. Въ Висбаденѣ въ церкви мы видѣли В. А. Жуковскаго съ женой и дѣтьми.

Прогостивъ нѣсколько дней у Базаровыхъ, мы поѣхали въ Майнцъ, гдѣ осматривали передвижную выставку и музей, въ которомъ хороши картины Голландской школы и Караччи, и интересны древніе Римскіе останки. Затѣмъ видѣли статую Гутенберга. Домъ очень красивъ, но жаль, что къ нему, какъ птичьи гнѣзда, пристроены разныя лавки и т. д.

Вернувшись въ Веймаръ, мы нашли отца и трехъ младшихъ дѣтей больными.

(Продолженіе будетъ).

---

*) Первый ея мужъ, князь Дмитрій Николаевичъ Долгорукій, былъ убитъ на поединкѣ княземъ Яшвилемъ. П. Б.

КЪ СТОЛѢТІЮ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

1. Новое изданіе его стихотвореній.

Баратынскій родился въ послѣдній годъ прошлаго вѣка, въ день, которому суждено было стать годовщиной освобожденія крестьянъ... Столѣтіе со дня его рожденія было отмѣчено почти всѣми нашими повременными изданіями. Впрочемъ, юбилейныя статьи и замѣтки не дали ничего существенно-новаго, ни для знакомства съ жизнью Баратынскаго, ни для пониманія его творчества.

Къ тому же юбилейному дню появилось и новое изданіе стихотвореній Баратынскаго, сдѣланное въ Казани. Къ сожалѣнію, оно тоже лишь повторяетъ предыдущія изданія 1869 и 1884 г. Стихи перепечатаны съ изд. 84 г., при чемъ повторены даже нѣкоторыя опечатки *). Изъ 32 стихотвореній, опущенныхъ въ изд. 84 г., возстановлены, безъ особой причины, два: *Обѣды* и *Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ*. Количество приведенныхъ разночтеній уменьшено; при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, къ которымъ въ изд. 84 г. разночтенія были приложены, теперь ихъ нѣтъ вовсе (два посланія *къ Дельвигу*, къ *Гнѣдичу*, *Оправданіе* и др.); къ поэмамъ въ изд. 84 г. было приложено 34 страницы разночтеній, набранныхъ мелкой печатью; въ новомъ изданіи едва ли ихъ сохранена половина.

Но есть въ новомъ изданіи и очень цѣнная часть: это разночтенія, впервыя извлеченныя изъ рукописей.

Въ стихотвореніи *Двѣ доли* возстановлено подлинное чтеніе Баратынскаго:

Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Христа словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ...

Въ стихотв. *Перелетай къ веселью отъ веселья* приведено по рукописи разночтеніе послѣднихъ стиховъ:

. . . Что многіе о милой Лизѣ мыслятъ,
Когда она не мыслитъ ни о комъ.

---

*) Не говоря о явныхъ опечаткахъ, укажу на одну ошибку, повторенную до сихъ поръ всѣми изданіями. Въ поэмѣ Цыганка, гл. VI, ст. 18, должно читать:

Нѣтъ, мыслитъ онъ, до разлученья;

для риѳмы съ *„мгновенья“*, а не *„до разставанья“*.

Въ стихотв. *Рион*а приведено разночтеніе стиховъ 21—23:

Скажи: твой безпокойный жаръ —
Смѣшной недугъ, иль вышній даръ?
Рѣши вопросъ неразрѣшимый!

Очень замѣчательны разночтенія къ стихотворенію *Дядькѣ-Итальянцу*. Говоря о Неаполѣ, поэтъ мечтаетъ найти навѣсъ или гротъ и скрыться тамъ, не для временнаго отдыха, какъ то дѣлали Маріи и Силлы,

Но чтобъ, вполнѣ забывъ о страстномъ и мірскомъ,
Дремоту лѣни слить съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ.

А заключительные стихи говорятъ, что и нашъ сѣверный, бурно-дышащій Аквилонъ вѣетъ не хуже

забвеньемъ и покоемъ,
Чѣмъ вздохи южные съ полуденнымъ алоемъ.

Два стихотворенія приведены цѣликомъ въ первоначальныхъ обработкахъ. Въ стихотв. *Нѣтъ обманула васъ молва* прежде ямбъ и хорей чередовались.

Обманула васъ молва,
Попрежнему живу я съ вами,
Надо мной свои права
Вы не утратили съ годами....

Стихотв. Товарищамъ (*Такъ отставного шалуна...*), теперь переложенное въ ямбы, было первоначально набросано хореями; вотъ начало этой первой обработки:

Отставного шалуна
Вновь шалить не убѣждайте,
Иль златыя времена
Юныхъ шалостей отдайте!
Измѣняютъ годы насъ,
Заодно и наши нравы:
Отъ души люблю я васъ,
Но не прежнія забавы... и т. д.

Надо полагать, что этотъ первый томъ „Сочиненій Баратынскаго“ будетъ дополненъ вторымъ: собраніемъ его прозы. Остается пожелать, чтобы при этомъ были пополнены весьма значительные пропуски, сдѣланные въ изданіи 84-го года.

2. Остафьевскій Архивъ.

О молодости Баратынскаго получаемъ мы нѣсколько новыхъ свѣдѣній изъ замѣчательной переписки князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, собранной въ Остафьевскомъ Архивѣ (4 книги, С.-Пб. 1899 г.).

Тургеневъ былъ озабоченъ судьбой Баратынскаго, когда тотъ томился въ Финляндіи. Въ своихъ письмахъ онъ нѣсколько разъ упоминаетъ о хлопотахъ по этому поводу: то онъ лично проситъ А. А. Закревскаго, бывшаго

тогда Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, то прибѣгаетъ къ посредничеству другихъ. „Обѣщано, или почти обѣщано,—сообщалъ Тургеневъ въ Мартѣ 1824 г.,—но еще ничего не сдѣлано, а велѣно доложить черезъ Дибича. На этого третьяго дня напустилъ я князя Голицына [1]; потомъ принялся самъ объяснять ему дѣло и человѣка... Узнавъ отъ него, что онъ думаетъ, что Баратынскій отданъ, а не охотой пошелъ въ солдаты, я клялся ему въ противномъ, просилъ справиться и, занемогши самъ въ тотъ же день, вчера призывалъ Муханова, просилъ его упросить Закревскаго объяснить Дибичу это обстоятельство; оно важно и должно болѣе другихъ обратить гнѣвъ на милость. Страшусь отказа за Баратынскаго, ибо онъ усталъ страдать и теряетъ надежду".

Въ тоже время Тургеневъ не разъ настойчиво просилъ князя Вяземскаго распорядиться, чтобы Московскія изданія не печатали подъ стихами Баратынскаго его имени, боясь, что это послужитъ ему во вредъ. „Какъ имъ не совѣстно губить его изъ одного любостяжанія!—писалъ Тургеневъ.— Ни въ скобкахъ, ни подъ піесой, ни подъ титлами, ни in extenso имени его подписывать не должно. Скоро можетъ рѣшиться его участь".

Весною 1824 г. Баратынскій участвовалъ въ маневрахъ и на смотру близъ города Вильманстранда (на этомъ смотру познакомился онъ съ Н. В. Путятой). Послѣ маневровъ Баратынскому представилась возможность побывать въ кругу своихъ Петербургскихъ знакомыхъ. Въ письмахъ Тургенева есть упоминаніе, что 15 Іюня у него на Черной Рѣчкѣ присутствовалъ на обѣдѣ Баратынскій; были тамъ еще Жуковскій, Блудовъ, Дашковъ, слѣпецъ Козловъ, Гречъ и Дельвигъ. Баратынскій читалъ свое посланіе къ Богдановичу.

Это упоминаніе важно еще потому, что окончательно опредѣляетъ годъ, когда посланіе къ Богдановичу было написано. Всѣ изданія ошибочно относятъ его къ 1827 году. Между тѣмъ извѣстно письмо б. Дельвига къ Пушкину, помѣченное 10 Сент. 1824 г., гдѣ тоже идетъ рѣчь объ этомъ посланіи. „Посланіе къ Богдановичу,—пишетъ Дельвигъ [2],—исполнено красотами; но ты угадалъ; оно въ несчастномъ родѣ дидактическомъ. Холодъ и суевѣріе Французское пробиваются кое-гдѣ. Чтò дѣлать! Это пройдетъ! Баратынскій недавно познакомился съ романтиками, а правила Французской школы всосалъ съ материнскимъ молокомъ. Но уже онъ начинаетъ отставать отъ нихъ. На дняхъ пишетъ, что у него готово полторы пѣсни какой-то романтической поэмы".

Эта поэма была, конечно, *Эда*. Осенью 1824 г. Баратынскому было дозволено поѣхать въ Гельсингфорсъ; тамъ, живя у Н. В. Путяты, онъ и началъ Эду. Въ началѣ слѣдующаго 1825 года она была уже окончена, и въ Февралѣ въ одномъ изъ писемъ Тургеневъ переписалъ отрывокъ изъ нея

[1]) Князя Александра Николаевича, тогда министра народнаго просвѣщенія. П. Б.

[2]) Сочиненія барона А. А. Дельвига. С.-Пб. 1895 г., стр. 151.

кн. Вяземскому. По счастливой случайности, это именно тотъ отрывокъ, который позднѣе не попалъ въ печать. Такимъ образомъ письмо Тургенева сообщаетъ намъ 46 стиховъ изъ Эды, бывшихъ до сихъ поръ неизвѣстными. По связи мыслей видно, что они слѣдовали тотчасъ за словами:

И въ прахъ поверглася лицомъ,
Съ глухимъ стенаньемъ смертной муки.

Какъ и всегда, у Баратынскаго пропущенные стихи нисколько не слабѣе чѣмъ всѣ сохраненные въ окончательной обработкѣ. Вотъ они:

Очнувшись, долго грустный взоръ
Кругомъ себя она водила:
Не утѣшительный позоръ!
За лѣтомъ осень наступила;
Тяжелая, сѣдая мгла
Нагія скалы обвила.
Все мертво было: листъ дубравный
Крутитъ ужъ вихорь своенравный.
Съ природой вмѣстѣ разцвѣла
Ты для любви младая дѣва!
Жила въ ея восторгахъ ты:
Вся отлетѣла, какъ со древа
Летятъ поблеклые листы!
Жестоко сердце обманула
Любви коварная мечта!
Какъ дней весеннихъ красота,
Тебѣ на мигъ она блеснула:
Исчезло все—земля пуста!
Силъ на роптанье не имѣя,
Вошла бѣдняжка въ уголъ свой
И зритъ письмо передъ собой,
Письмо отъ милаго злодѣя.
„Прости!"—несчастный пишетъ ей,
„Прости!—быть можетъ, сонъ мятежный,
Что ты была въ любви своей,
А не казалась, прямо нѣжной;
Что съ Эдой счастливъ былъ бы я,
Когда бъ умѣлъ я въ счастье вѣрить...
Богъ намъ обоимъ судія!
Вашъ полъ умѣетъ лицемѣрить!
Меня зоветъ кровавый бой;
Не знаю самъ, куда судьбой
Я увлеченъ отселѣ буду;
Но ты была любима мной,
Но въ вѣкъ тебя я не забуду.
Забудь меня; въ душѣ своей
Любовь другую возлелѣй.
Всякъ будетъ плѣнникомъ послушнымъ
Твоей цвѣтущей красоты.
Легко воспользуешься ты
Моимъ совѣтомъ добродушнымъ,
Легко... Но если изъ очей

Слезу уронишь въ самомъ дѣлѣ,
Ты на листокъ завѣтный сей,
Утѣшься: жребій мой тяжелѣ
Судьбины бѣдственной твоей!"...

Между тѣмъ участь Баратынскаго все еще не была рѣшена. „Дѣло Баратынскаго, писалъ Тургеневъ 21 Марта 1825 г., еще не совсѣмъ удалось; очень тяжело и очень грустно, но, впрочемъ, авось!" Въ концѣ Апрѣля Тургеневъ съ новой грустью сообщалъ, что Дибичъ увезъ всеподданнѣйшій докладъ о Баратынскомъ въ Варшаву. Но уже 4 Мая былъ полученъ въ Петербургѣ Варшавскій приказъ отъ 21 Апрѣля о производствѣ Баратынскаго въ офицеры. „Давно такъ счастливъ не былъ", писалъ Тургеневъ въ тотъ же день; а немного позже: „Я получилъ письмо отъ Баратынскаго, и до слезъ прошибла меня его радость и выраженіе этой радости".

Послѣ производства въ офицеры, Баратынскій вскорѣ вышелъ въ отставку и опредѣлился на службу въ Москвѣ. Здѣсь онъ сблизился съ княземъ Вяземскимъ. „Чѣмъ болѣе вижусь съ Баратынскимъ, писалъ князь Вяземскій въ 1828 г., тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ, удивительно тонкій и глубокій, раздробительный. Возьми его врасплохъ, какъ хочешь: вездѣ и всегда найдешь его съ новою своею мыслью, съ собственнымъ воззрѣніемъ на предметъ". Подобное же мнѣніе высказалъ князь Вяземскій о Баратынскомъ и пять лѣтъ спустя, въ 1833 г., въ письмѣ къ Жуковскому [1]).

Въ Остафьевскомъ Архивѣ помѣщены два отрывка изъ неизвѣстныхъ писемъ Баратынскаго. Одинъ изъ нихъ составляетъ характеристику князя Вяземскаго: „Всего досаднѣе Вяземскій; онъ образовался въ безпокойныя времена междоусобій Карамзина съ Шишковымъ, и военный духъ не покидаетъ его и нынѣ". Во второмъ отрывкѣ (1836 г.) идетъ рѣчь о возраженіи, которое Баратынскій собирался писать на извѣстную статью Чаадаева. Тургеневъ у него просилъ этого возраженія для постановленія князю Вяземскому. Баратынскій же писалъ въ отвѣтъ: „Возраженіе мое далеко не приведено въ порядокъ, а теперь, посреди разныхъ положительныхъ заботъ [2]), вы можете себѣ представить, какъ мнѣ трудно за него приняться. При первомъ досугѣ приложу къ нему послѣднюю руку".

Къ сожалѣнію, въ Остафьевскомъ Архивѣ свѣдѣнія о Баратынскомъ почти прекращаются послѣ этого года.

3. Татевскій Сборникъ.

Въ самомъ концѣ прошлаго года вышелъ Татевскій Сборникъ. Случайно совпавъ съ юбилейнымъ для Баратынскаго годомъ, онъ оказался лучшимъ подаркомъ для этого юбилея: въ немъ впервыя напечатано больше 50 писемъ Баратынскаго и нѣсколько стихотвореній [3]).

---

[1]) Русск. Арх. за 1900 годъ, тетр. 3, стр. 368.

[2]) Около этого времени умеръ Л. Н. Энгельгардтъ, тесть Е. А. Баратынскаго.

[3]) Два стихотворенія, напечатанныя на стр. 18—19, вошли во всѣ изданія сочине-

Письма Татевскаго Сборника обнимаютъ лишь небольшой кругъ жизни Баратынскаго; большинство ихъ относится къ тремъ годамъ съ 1831 по 1833. Поэтому, пользуясь ими для изученія воззрѣній Баратынскаго, не надо забывать, что въ нихъ отразилась лишь одна эта пора его жизни.

Въ первые годы творчества Баратынскій съ одинаковой готовностью повторялъ и ходячіе совѣты эпикурейской мудрости, и сѣтованія философовъ на суету жизни. Онъ самъ то называлъ себя „пѣвцомъ веселья и красы", то „разочарованнымъ", который „безрадостно съ друзьями радость пѣлъ". Плетневъ, въ одномъ посланіи 1822 г., прочилъ ему „свѣжихъ два вѣнка— Анакреонта и Петрарки"; а немного спустя къ нему обычно примѣнялось имя поэта элегическаго, и Пушкинъ назвалъ его Гамлетомъ.

Въ 1826 году Баратынскій получилъ возможность покинуть Финляндію, вернуться въ кругъ близкихъ и друзей. Вскорѣ послѣ этого онъ женился. Лично знавшимъ его онъ казался вполнѣ довольнымъ судьбой. Но именно въ это время настроенія грустныя, даже мучительныя, начинаютъ преобладать въ его поэзіи. Холодный, строго-научный складъ мысли, усвоенный имъ, заставляетъ его отказаться отъ всѣхъ обольщеній мечты. Его стихи этого времени наполнены безнадеждными жалобами, въ нихъ развѣнчаны завѣтнѣйшія радости человѣчества. Но самъ поэтъ съ отчаяньемъ проклинаетъ этотъ „нагой мечъ", этотъ „острый лучъ", предъ которымъ „блѣднѣетъ жизнь земная".

Все мысль, да мысль!—Художникъ *бѣдный* слова!

Въ своемъ міросозерцаніи Баратынскій подходилъ тогда къ нѣкоторымъ положеніямъ Спинозы. Баратынскому всегда сродно было пантеистическое ученіе о неправедности всего „міра явленій", о томъ, что „давняя отчизна" души нашей есть „стихійное смятеніе", что всю жизнь порываемся мы вернуться въ „небо родное". Въ духѣ того же ученія мыслилъ Баратынскій о необходимости всего существующаго, о безконечной цѣпи причинъ и слѣдствій, которая дѣлаетъ свободную волю человѣка лишь призракомъ. Онъ призывалъ людей покориться этому.

Небесныя свѣтила
Назначеннымъ путемъ невѣдомая сила
Влечетъ. Бродящій вѣтръ не воленъ, и законъ
Его летучему дыханью положенъ.
Удѣлу своему и мы покорны будемъ...

Эта мысль приводила къ другой: пріучала относиться безъ раздраженія и гнѣва къ нежелательнымъ сторонамъ дѣйствительности, къ порокамъ и „дурачествамъ людей", и даже къ личнымъ бѣдствіямъ. Въ стихахъ Баратынскаго не разъ повторяется, что Веселье и Горе идутъ рядомъ, что праведные боги дали имъ „одинакія крилѣ" и, наконецъ, что

ній Баратынскаго; эпиграмма, напечатанная на стр. 35, была помѣщена въ 3-мъ № Европейца (впрочемъ, не выпущенномъ въ свѣтъ).

Двѣ области—сіянія и тьмы—
Изслѣдовать равно стремимся мы.

„Наши добрыя и злыя качества такъ смежны,—прямо говоритъ Баратынскій,—что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними".

Вотъ тотъ кругъ мыслей, въ которомъ вращался Баратынскій въ годы, когда писалъ письма, собранныя въ Татевскомъ Сборникѣ. Чтобы справедливо отнестись ко всѣмъ показаніямъ этихъ писемъ, надо помнить, что такіе взгляды были для Баратынскаго не окончательными, что позднѣе, въ послѣдніе годы жизни, онъ перешелъ къ иному міросозерцанію. Трудность пользоваться перепиской Баратынскаго увеличивается еще тѣмъ, что онъ только казался небрежнымъ, добродушнымъ собесѣдникомъ. Къ нему никакъ нельзя было примѣнить выраженіе „душа на распашку". Онъ привыкъ глубоко таить свои завѣтныя думы и рѣдко, очень рѣдко допускалъ въ святилище своей души. Вотъ какія признанія дѣлаетъ онъ, обращаясь къ *Бокалу*:

Сластолюбецъ вольнодумный,
Я сегодня пью одинъ....
. . . .
Плодороднѣй, благороднѣй
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней,
Иль сердечныя мечты.

Но однѣми только „сердечными мечтами" готовъ былъ Баратынскій дѣлиться съ друзьями и читателями; „откровенья преисподней", доступныя ему, онъ предпочиталъ таить, и только по отрывочнымъ намекамъ угадываемъ мы эту сторону его духовной жизни.

Въ 30 годахъ, въ годы переписки съ И. В. Киреевскимъ и затворничества въ Казани, Баратынскій дѣлалъ попытки побороть въ душѣ своей темное начало. Союзницей въ этой борьбѣ была для него поэзія. „На свѣтѣ нѣтъ ничего дѣльнѣе поэзіи", писалъ онъ Киреевскому. Черезъ два года написано имъ знаменательное стихотвореніе *Въ дни безграничныхъ увлеченій;* въ немъ говорится о раздвоеніи души поэта: какъ поэтъ, какъ творецъ прекраснаго, онъ ищетъ согласія, стройной красоты; какъ человѣкъ, онъ алчетъ смятеній, негармоническихъ восторговъ.

Когда лишь праздниковъ смятенья
Алкалъ безумецъ молодой,
Поэта мирныя творенья
Блистали стройной красотой.

Первоначально поэтъ стремился только къ тому, чтобы „жизни даровать, о лира, твое согласье"; но начавшаяся внутренняя борьба завлекла его дальше, чѣмъ онъ ждалъ. Она потрясла самыя основанія его міросозерцанія, заставила его усомниться въ его безразличномъ отношеніи къ добру и злу. Еще въ 1830 г. въ „Отрывкѣ изъ поэмы Вѣра и Невѣріе", подходя къ истинамъ вѣры, Баратынскій искалъ для нихъ разсудочныхъ научныхъ

основаній. Въ 1832 г. онъ писалъ: „Эгоизмъ наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не увѣровали въ новые... Поэзія вѣры не для насъ". Но уже въ стихотвореніи *Осень* (1837 г.), говоря о послѣднемъ озареніи, о высшей мудрости, которой можетъ достигнуть человѣкъ на осень дней своихъ, онъ указываетъ такую возможность:

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою, не видящей границъ,
И *утоленнымъ* разумѣньемъ.

Сумерки уже ясно говорятъ, что Баратынскій разочаровался въ своемъ прежнемъ кумирѣ, въ наукѣ; выше разсудочности онъ ставитъ теперь фантазію, непосредственное вдохновеніе, дѣтскую вѣру. Одно изъ самыхъ позднихъ стихотвореній въ *Сумеркахъ*, *„Ахиллъ"* (1841 г.) говоритъ о необходимости современному духовному бойцу опереться на живую вѣру. Вскорѣ послѣ „Сумерекъ" Баратынскимъ написана его Молитва:

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой...

Неожиданная смерть Баратынскаго прервала ходъ его духовнаго развитія: онъ умеръ, не досказавъ намъ о послѣднемъ озареніи своей души. Но словно въ предчувствіи этого озаренія, надгробіемъ ему были выбраны два его стиха:

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.

4. Послѣдняя поэма Баратынскаго.

Всѣ поэмы Баратынскаго написаны имъ до послѣдняго переворота въ его воззрѣніяхъ. Въ своихъ поэмахъ онъ желалъ быть вѣрнымъ дѣйствительности, не украшать ее и, кромѣ того, стремился показать, что къ паденію приводитъ людей не особенная порочность ихъ души, а обстоятельства жизни; что нельзя рѣзко дѣлить людей на добродѣтельныхъ и порочныхъ, что тѣ и другіе близки во многомъ. Проводить такіе взгляды въ 20-хъ—30-хъ годахъ составляло значительную заслугу Баратынскаго.

Послѣдняя поэма Баратынскаго, *Наложница*, появилась почти одновременно съ *Борисомъ Годуновымъ*, въ годъ окончанія *Евгенія Онѣгина*. Баратынскій хотѣлъ дать образецъ того, что̀ позднѣе называли *реалистической* повѣстью, хотя, по неправильному словоупотребленію, принятому у насъ въ 20-хъ годахъ, самъ свою поэму называлъ романтической и даже ультра-романтической. Впрочемъ, и Пушкинъ считалъ себя романтикомъ. Дѣйствіе *Наложницы* происходитъ въ Москвѣ, изображенъ Тверской бульваръ, гулянія подъ Новинскимъ, описываются обиходныя житейскія сцены, попойки, балъ, разъѣздъ... Чтобы оцѣнить, какъ вѣрно рисовалъ Баратынскій характеры, стоитъ только обратить вниманіе на языкъ Сары. Она говоритъ о невѣстѣ Елецкаго:

Ахъ, царица,
Царица свѣтлая она!
Я передъ нею пыль одна...

А немного позже:

Будь ей теперь моя судьбина!
Томись она, крушись она!
Съ тоски изсохни какъ лучина!
Умри она!...

Все это удачно схваченныя особенности Цыганской рѣчи; часто впечатлѣніе еще усилено простонародными словами, приводившими въ отчаянье современную критику:

Я только только-что не сдохла.

Поэмы Баратынскаго не были оцѣнены въ свое время, и онъ былъ вполнѣ правъ, съ горечью говоря о нихъ:

Сначала мысль воплощена
Въ поэму сжатую поэта,
Какъ дѣва юная темна
Для невнимательнаго свѣта...

Тѣже самыя мысли, которыя имѣли громкій успѣхъ „въ свободной прозѣ романиста", въ романахъ 50-хъ годовъ, прошли совершенно незамѣченными въ сжатыхъ поэмахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Критика встрѣчала поэмы Баратынскаго очень неблагосклонно, и этотъ приговоръ, никѣмъ не пересмотрѣнный, дожилъ до нашихъ дней *).

При появленіи *Наложницы* тогдашнія повременныя изданія въ одинъ голосъ осудили ее, особенно нападая на заглавіе, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько ново было то, что говорилъ Баратынскій. Сочувственныхъ отзывовъ было только два, и оба принадлежали друзьямъ Баратынскаго—Киреевскому и Плетневу.

„Баратынскому,—писалъ Киреевскій,—чтобы дать просторъ сердцу, не нужно выдумывать себѣ небывалый міръ волшебницъ, привидѣній и животнаго магнетизма; въ самой дѣйствительности открылъ онъ возможность поэзіи... Балъ, маскарадъ, непринятое письмо, пированье друзей, не одинокая прогулка, чтеніе альбомныхъ стиховъ, поэтическое имя, однимъ словомъ, всѣ случайности и всѣ обыкновенности жизни принимаютъ подъ его перомъ характеръ значительности поэтической".

Статья Плетнева въ *Литературной Газетѣ* была бѣглой замѣткой; самъ Баратынскій говорилъ, что это только „дружескій отзывъ", что это „раз-

*) Одинъ современный критикъ выразился такъ: „Для современнаго читателя *Эда* смѣшновата, *Пиры*—легковѣсны, *Наложница*—малоинтересна". (Критико-біогр. словарь С. Венгерова). Какъ бы ни было это мнѣніе малоинтересно, легковѣсно и смѣшновато само по себѣ, оно все же характерно, какъ образецъ ходячихъ взглядовъ: критики считаютъ долгомъ хвалить лирику Баратынскаго, но позволяютъ себѣ бранить его поэмы.

боръ весьма лестный и весьма не подробный“. Впослѣдствіи Плетневъ такъ излагалъ свой взглядъ на поэмы Баратынскаго:

„Для такихъ поэмъ, каковы *Эда* и особенно *Балъ* и *Цыганка*, передъ Баратынскимъ образцовъ не было. Въ поэмахъ Баратынскаго, со всею вѣрностью и заманчивостью, анализированъ современный человѣкъ, не поднятый на позорищную эстраду, а застигнутый въ его кабинетѣ, посреди думъ и дѣйствій, укрываемыхъ отъ свѣта. Тутъ все просто, живо и точно“.

Гораздо больше было статей несочувственныхъ. Нападки началъ Надеждинъ въ *Телескопѣ*, когда появились еще только отрывки Наложницы въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*.

„Объ отрывкахъ изъ новаго романа Баратынскаго, коего имя страшно произнести предъ читателями, говорить нечего. Увѣряютъ, что романъ сей отличается *новостію положенія дѣйствующихъ лицъ* (!!!). Это весьма вѣроятно!... Только въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, благодаря Бога, до этого еще не доходило“.

Послѣ появленія всей поэмы, Надеждинъ написалъ о ней въ Телескопѣ длинную статью, въ которой особенно нападалъ на взгляды Баратынскаго, изложенные имъ въ предисловіи. Вотъ основное мѣсто изъ статьи Надеждина:

„Разоблачить безжалостно до нага нашу природу, въ злополучныя минуты ея униженія, не значитъ ли осрамлять человѣческое наше достоинство и тѣмъ разрушать единственный оплотъ, коимъ ограждается нравственное бытіе наше? Мы согласны, что для полнаго изученія нашей природы необходимо изученіе и мрачныхъ ея явленій, въ истинномъ ихъ значеніи, точно также, какъ для полнаго знанія природы физической необходимо познаніе и гнусныхъ гадовъ и отвратительныхъ насѣкомыхъ, во всемъ ихъ дѣйствительномъ безобразіи. Но на сей конецъ пускай строгій моралистъ испаряетъ ихъ въ понятія, доступныя изслѣдованію, точно также, какъ заботливый натуралистъ изсушаетъ сіи послѣднія въ муміи, удобныя для разсматриванія. Поэту же какое до нихъ дѣло? Безуменъ художникъ, оживляющій образъ улитки на полотнѣ, или перелагающій на музыкальныя ноты лягушечье кваканье; еще безумнѣе поэтъ, истощающій свою творческую дѣятельность на представленія пороковъ и преступленій, коихъ гнусность гораздо отвратительнѣе. Только тогда подобное представленіе можетъ получить эстетическую занимательность и вмѣстѣ нравственное достоинство, когда волшебнымъ жезломъ искусства будетъ возвышено до ужасающаго величія, приводящаго въ назидательный трепетъ, или умягчено до трогательной слабости, возбуждающей умилительное соболѣзнованіе. Но хладнокровный разсказъ, передающій оффиціальныя извлеченія изъ архивовъ соблазна и преступленія, для одного удовольствія сообщать ихъ, сколько бы ни былъ *справедливъ и полонъ*, есть произведеніе безобразное и безнравственное“.

Эта статья характерна для своего времени и для написавшаго ее. Не менѣе характерна статья Полевого въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Полевой по

своимъ воззрѣніямъ допускалъ въ искусствѣ изображеніе порока, но ему казалось, что Баратынскій не сумѣлъ выполнить свой замыселъ. Полевой писалъ о поэмѣ:

„Характеры не развиты, страсти молчатъ, душа поэта не говоритъ съ душою читателя... *Она* (Цыганка), дикая дочь свободы, Египетская горячая кровь, живущая только неистовствомъ любви и пѣсни; *онъ* (Елецкій), испытанный страстями, погибшій въ общественномъ мнѣніи, сознающій въ душѣ своей *въ первый разъ* святое чувство истинной любви, связанный бѣшеною страстью наложницы, падшій ангелъ въ объятіяхъ дьявола! Таковы лица, и послѣ этого намъ разсказываютъ, какъ Елецкій подавалъ перчатку Вѣрѣ, какъ вовсе нелѣпо и несбыточно познакомился онъ съ домомъ Волховскихъ, описываютъ Новинское и бульваръ“...

Сынъ Отечества былъ особенно смущенъ заглавіемъ поэмы; онъ писалъ:

„Въ Наложницѣ неблагопристойнѣе всего заглавіе... *Многія* не рѣшатся взять ее въ руки, изъ опасенія найти въ ней явно-ужасныя вещи... Какъ спросить мнѣ у дѣвушки, даже взрослой, которой даютъ всѣ книги, у дамы, даже у мужчины въ присутствіи дамъ, читали-ль они *Наложницу,* не заставивъ всѣхъ ихъ покраснѣть до ушей?... Что̀ это за книга, которая бродитъ по землѣ какъ привидѣніе, о которой всѣ знаютъ, но никто не смѣетъ говорить!“

Дамскій Журналъ князя Шаликова простеръ свою скромность до того, что даже въ оглавленіи не назвалъ поэмы Баратынскаго и въ своей замѣткѣ говорилъ только о „новомъ сочиненіи Баратынскаго въ стихахъ“. „По книжнымъ объявленіямъ многіе догадаются, о какомъ сочиненіи идетъ рѣчь; что же касается до насъ, то мы, уважая, будучи обязаны болѣе другихъ журналистовъ уважать, благоприличіе, скажемъ со всею искренностью, что мы... не читали сего новаго сочиненія, *новаго* даже и по самому *заглавію* своему“.

Баратынскій, живя вдали отъ столичной жизни, не получая журналовъ, вѣроятно, и не прочелъ большинства этихъ нападокъ. Только въ концѣ 1832 года Киреевскій доставилъ ему № Телескопа со статьей Надеждина. Баратынскій рѣшилъ написать возраженіе. „Я еще болѣе обдумалъ мой предметъ, со времени выхода въ свѣтъ *Наложницы,*—писалъ онъ Киреевскому,—обдумалъ со всѣми вопросами, къ нему прикосновенными, и надѣюсь разрѣшить ихъ, ни въ чемъ не противорѣча первымъ моимъ положеніямъ“.

Возраженіе, дѣйствительно, было написано и напечатано во 2-мъ № *Европейца* подъ названіемъ *Антикритики.* Приводимъ его, оно не вошло ни въ одно изданіе сочиненій Баратынскаго.

Валерій Брюсовъ.

Антикритика.

Въ 10-мъ № Телескопа, 1831, помѣщенъ разборъ Наложницы, на который, хотя поздно, мы позволимъ себѣ нѣсколько замѣчаній.

Критикъ, порицая, во-первыхъ, самое имя поэмы, старается доказать, что хотя не въ названіи дѣло, названіе много значитъ. «Имя не бездѣлица,—говоритъ онъ: —по имени встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ; но для того, чтобы проводить, безъ сомнѣнія, надобно прежде встрѣтить».

Авторъ назвалъ поэму свою Наложницей потому, что не нашелъ названія точнѣе. Онъ не полагалъ его неблагопристойнымъ, ибо его употребляютъ даже въ учебныхъ книгахъ. Въ любой изъ нихъ прочтете: Турецкій султанъ имѣетъ столько-то женъ и столько-то *наложницъ*. Онъ не почиталъ его низкимъ, ибо оно употребляется поэтами. Въ Борисѣ Годуновѣ Марина говоритъ Самозванцу: «ввѣряюся тебѣ»

Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя.

Ежели не слово, то самый полный его смыслъ въ ежедневномъ разговорномъ обращеніи. Всѣ говорятъ, не краснѣя, о любовницахъ Людовика XIV-го. Должно замѣтить, что замѣняютъ словомъ любовница другое, порицаемое критикомъ, болѣе въ избѣжаніе педантизма, нежели неблагопристойности. Конечно, изъ двухъ однозначительныхъ словъ одно почитается пристойнымъ, другое непристойнымъ. Но кто немного подумаетъ, тотъ увидитъ, что либо общество, которому они принадлежатъ преимущественно, либо нравы людей, у которыхъ они чаще на языкѣ, пріобщаютъ ихъ къ словамъ, не оскорбляющимъ стыдливости, или кладутъ на нихъ печать отверженія; но слово наложница, не принадлежащее языку разговорному, не употребительное нигдѣ, слово книжное, можетъ быть пристойнымъ или непристойнымъ только по существенному своему значенію. Мы уже доказали, что свѣтская утонченность не оскорбляется смысломъ слова наложница; слѣдовательно авторъ поэмы подъ симъ именемъ могъ употребить его, не заслуживая порицанія *).

---

*) Въ письмѣ къ Кирѣевскому (Татевск. Сб., стр. 28), Баратынскій писалъ: „Мнѣ очень жаль, что Жуковскому не нравится названіе моей поэмы... Не могу понять, почему люди умные и просвѣщенные оскорбляются словомъ, котораго полный смыслъ допущенъ во всѣхъ разговорахъ“. Надо замѣтить, что при второмъ изданіи своей поэмы Баратынскій измѣнилъ ея заглавіе, назвавъ *Цыганкой*.

По имени встрѣчаютъ, говоритъ критикъ: это справедливо; но кому вредитъ авторъ, назвавъ поэму свою Наложницей, ежели въ самомъ дѣлѣ это названіе такъ ужасно? Одному себѣ. Многіе, испугавшись имени, не прочтутъ сочиненія и, что̀ еще хуже, не купятъ его; но въ такомъ случаѣ авторъ не подвергается осужденію моралиста, а только литературный дѣлецъ можетъ сердечно пожалѣть о неловкости писателя, не умѣющаго сбывать съ рукъ свои сочиненія.

«Самъ сочинитель», говоритъ далѣе критикъ, «кажется чувствовалъ, что впечатлѣніе, имъ производимое, не совсѣмъ можетъ быть выгоднымъ, ибо поспѣшилъ вооружиться предисловіемъ, въ которомъ, разсуждая о нравственности литературныхъ произведеній, старается укрѣпить ее за новымъ своимъ произведеніемъ, и тѣмъ обнаруживаетъ желаніе предупредить соблазнъ, котораго, очевидно, страшится». На страницѣ же 238, изрекая окончательный судъ поэмѣ, критикъ объявляетъ ее *совершенно невинной*.

Слѣдственно критикъ въ отношеніи къ нравственности порицаетъ въ Наложницѣ одно названіе; но авторъ не запрещаетъ *) его въ своемъ предисловіи, онъ даже о немъ не упоминаетъ; слѣдственно, это предисловіе писано не съ тою цѣлью, которую предполагаетъ критикъ. Настоящая цѣль его очевидна: желаніе рѣшить вопросъ, въ чемъ состоитъ нравственность литературныхъ произведеній?

Критикъ, разбирая предисловіе, укоряетъ автора въ томъ, что онъ почитаетъ литературу наукою, а не искусствомъ; что онъ предлагаетъ искать въ ней истины, а не изящнаго. «Въ изящномъ зрѣлищѣ дѣйствительности», говоритъ критикъ, «эстетическая нравственность литературныхъ произведеній. Онѣ должны быть изящны, и довольно».

Автору предлежитъ вопросъ, въ чемъ состоитъ нравственность итературныхъ произведеній? Онъ говоритъ о литературѣ только въ отношеніи ея къ нравственности: онъ моралистъ, а не эстетикъ, и долженъ разсматривать литературу не какъ искусство, но какъ стихію, въ одномъ случаѣ вредоносную, въ другомъ—благодѣтельную. Онъ не называетъ ее наукой, а уподобляетъ наукѣ. Таковыя подобія весьма позволены, и мы увидимъ ниже, что самъ критикъ на нихъ не скупится. Сравненіе это довольно точно, ибо литература весьма немногихъ занимаетъ какъ искусство, какъ способъ творить изящное; всѣхъ же остальныхъ занимаетъ она какъ представленіе жизни, какъ самая

*) Защищаетъ?

жизнь; ибо философія сознала тождество бытія и мысли *). Жизнь есть наука въ обширномъ ея смыслѣ, смыслѣ, въ которомъ принимаетъ ее авторъ предисловія.

Сочинитель, говоря о нравственности литературныхъ произведеній, не ищетъ ея въ ихъ изяществѣ, потому что ищетъ условій нравственности для всѣхъ произведеній словесности, а не для однихъ изящныхъ. Изящное произведеніе всегда нравственно, положимъ; но оно можетъ быть нравственнымъ и не будучи изящнымъ; что же въ такомъ случаѣ составляетъ его нравственность? Нельзя ли найти закона, обнимающаго, какъ изящныя, такъ и неизящныя творенія? Авторъ видитъ его въ истинѣ показаній. Съ симъ положеніемъ критикъ согласенъ, ежели оно относится къ литературѣ вообще. Приходится ли оно къ изящной? Посмотримъ.

Что̀ истинно, то нравственно, говоритъ авторъ предисловія. Нѣтъ! отвѣчаетъ критикъ: что̀ изящно, то нравственно; а въ чемъ дѣло? Въ томъ, что въ отношеніи къ нравственности обѣ формы однозначительны, съ тою разницей, что одна объемлетъ всю литературу, а другая весьма немногія изъ ея произведеній, съ тою разницей, что первая идетъ прямо къ дѣлу, а другая требуетъ объясненій. Критикъ и приводитъ оныя, и чтобы растолковать читателю, какимъ образомъ изящное всегда нравственно, онъ открываетъ ему,—что̀ бы вы думали? Что изящное всегда истинно. Вотъ слова его:

«Объяснимся подробнѣе. Какое существенное назначеніе всякаго изящнаго творенія? Воспроизведеніе дѣйствительной жизни по образцу изящества, или что̀ тоже: представленіе ея въ совершенномъ равенствѣ съ собою. Мысль и дѣйствіе разлагаютъ элементы, изъ коихъ она слагается, порабощая ихъ взаимно другъ другу; но изящное произведеніе должно сдружить ихъ въ совершенную гармонію, точно такъ, какъ сдружены они рукою всехудожною въ великомъ зданіи вселенной, которая есть образецъ высочайшаго изящества».

Что̀ говоритъ критикъ? Что онъ признаетъ міръ дѣйствительный образцомъ высочайшаго изящества; но, сказавъ выше, что нравственность литературныхъ произведеній въ ихъ изяществѣ, онъ признаётъ его въ тоже время образцомъ высочайшей нравственности, изъ чего слѣдуетъ, что твореніе не можетъ быть ни изящнымъ, ни нравствен-

*) Выраженіе, показывающее, что Баратынскій былъ знако̀мъ, по крайней мѣрѣ, съ выводами новой Нѣмецкой философіи, хотя и сознавался Пушкину, что Канта не читалъ. (Соч., изд. 1885 г., стр. 505).

нымъ иначе, какъ вѣрно отражая дѣйствительность, иначе, какъ будучи истиннымъ.

«Неоспоримо,—продолжаетъ критикъ,—что гармонія, составляющая изящество великой вселенной, для нашего человѣческаго уха, постигающаго ее только въ отдѣльныхъ частяхъ и дробныхъ отрывкахъ, звучитъ нерѣдко яркими диссонансами; но сіи диссонансы спасаются во всеобщей симфоніи безчисленныхъ аккордовъ бытія, открывающейся иногда и намъ въ минуты превыше-земного одушевленія».

Что̀ это значитъ, ежели не то, что, творя изящное, мы угадываемъ истинное, и что чѣмъ изящнѣе твореніе, тѣмъ оно истиннѣе [1]), ибо самъ критикъ говоритъ, что въ минуты превыше-земного одушевленія, т. е. художественнаго творчества, намъ открывается симфонія безчисленныхъ аккордовъ бытія, т. е., что въ эти минуты мы видимъ яснѣе настоящее устройство вселенной, слѣдственно глядимъ на нее съ точки зрѣнія самой истинной?

Зачѣмъ же критикъ требуетъ отъ сочинителя предисловія, чтобъ онъ сказалъ: что̀ изящно, то нравственно, а не что̀ истинно, то нравственно, когда онъ самъ первое положеніе доказываетъ послѣднимъ, когда изъ собственныхъ словъ его явствуетъ, что одно положеніе заключено въ другомъ; когда одна формула частная, а другая всеобъемлющая, что̀ именно было нужно для его разсужденія?

Изъ собственныхъ доводовъ критика слѣдуетъ, что твореніе не можетъ быть изящнымъ иначе, какъ будучи истиннымъ; но онъ объявилъ уже, что ежели оно изящно, оно нравственно; слѣдовательно, ежели оно истинно, то тоже нравственно. Это разсужденіе имѣетъ всю ясность и всю силу математическаго доказательства и забавно напоминаетъ аксіому: два количества, равныя одному третьему, равны между собою. Это не вредитъ автору предисловія и доказываетъ ясно, что формула, имъ употребляемая, приходится литературѣ вообще и литературѣ изящной въ особенности; слѣдовательно онъ употребилъ ту самую формулу, которую надлежало: ибо опредѣлено ею, въ чемъ состоитъ нравственность литературныхъ произведеній, какъ изящныхъ, такъ и неизящныхъ.

---

[1]) Баратынскій писалъ въ письмѣ (Тат. Сб., стр. 27): „Хорошъ бы я былъ, ежели бъ я говорилъ языкомъ Надеждина. Изъ тысячи его подписчиковъ врядъ ли найдется одинъ, который что-нибудь бы понялъ изъ этой страницы, въ которой онъ хочетъ объяснить прекрасное. А что̀ всего забавнѣе, это то, что переводъ ея находится именно въ предисловіи, которое онъ критикуетъ“.

«Авторъ», говоритъ далѣе критикъ, «горько жалуется на журналистовъ, которые требуютъ отъ поэтовъ, чтобы они воспѣвали добродѣтели, а не пороки, изображали лица, достойныя подражанія. Не можемъ не подивиться добродушію автора предисловія, который считаетъ достойными опроверженія такія нелѣпыя требованія. Не болѣе слѣдовало удѣлить вниманія людямъ, называющимъ нравственными произведеніями только тѣ, въ которыхъ наказывается порокъ и награждается добродѣтель, ежели еще таковые люди существуютъ въ наше время».

Предоставляемъ судить публикѣ, существуютъ или нѣтъ предразсудки, которые опровергаетъ авторъ предисловія; а ежели существуютъ, чѣмъ предразсудокъ нелѣпѣе, тѣмъ онъ достойнѣе опроверженія. Но когда бы сіи предразсудки принадлежали даже и немногимъ, можно ли оставлять ихъ безъ вниманія въ сочиненіи умозрительномъ? Чтò бы сказалъ критикъ о сочинителѣ курса математики, который пропустилъ бы въ немъ начальныя теоремы, оправдываясь тѣмъ, что рѣшеніе ихъ довольно извѣстно?

«Напрасно авторъ предисловія увѣряетъ, что не всѣ пороки имѣютъ видъ рѣшительно гнусный. Шуточные стихи Панара, которыми онъ старается подкрѣпить мысль свою, ничего не доказываютъ. Если же нѣкоторые пороки кажутся намъ иногда привлекательными, то это не почему иному, какъ потому, что представляются намъ не въ истинномъ видѣ. Сократъ говаривалъ, что если бъ добродѣтель могла явиться въ человѣческомъ образѣ, то нельзя бы было не полюбить ея всѣмъ сердцемъ; противное должно сказать о порокѣ: это положительное безобразіе».

Авторъ доказываетъ свое положеніе не одними стихами Панара, которые онъ выписываетъ не въ доводъ, а въ объясненіе своей мысли. Наши добрыя и злыя качества такъ смежны, говоритъ онъ, что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними. Въ этомъ случаѣ отмѣнно истинны стихи Панара:

Trop de froideur est indolence,
Trop d'activité turbulence,
Trop de rigeur est dureté etc.

Вотъ естественная причина той привлекательности, которую имѣютъ иные пороки: мы обмануты сходствомъ ихъ со смежными имъ добродѣтелями; но должно замѣтить, что въ самомъ увлеченіи нашемъ мы поклоняемся доброму началу, а не злому.

Авторъ показываетъ ясно, о какихъ порокахъ онъ говоритъ: о порокахъ, смежныхъ съ добродѣтелями, о порокахъ, могущихъ насъ

обмануть сходствомъ своимъ съ нею. Сколько есть людей, готовыхъ принять въ себѣ и въ другихъ расточительность за щедрость, упрямство за твердость, гордость за самочувствіе и т. д. Кто сомнѣвается въ томъ, что пороки всегда остаются пороками и чѣмъ-нибудь да отличаются отъ добродѣтелей? Но ежели въ дѣйствительномъ ихъ присутствіи мы можемъ обмануться, насъ по необходимости можетъ подвергнуть тому же заблужденію и ихъ искусственное изображеніе. Отчего? Отъ того, что они не имѣютъ вида рѣшительно гнуснаго; отъ того (поневолѣ повторяемъ фразу автора), что они сходствуютъ съ добродѣтелями, къ которымъ примыкаютъ.

Желаніе Сократа не опровергаетъ, а подтверждаетъ замѣчанія автора. Онъ говоритъ, добродѣтель прекрасна; но, желая, чтобы она приняла видимый образъ и тѣмъ покорила сердца людскія, онъ яснѣй показываетъ, что въ дѣйствительности она, по его мнѣнію, никогда не предстаетъ намъ въ полной своей красотѣ, изъ чего (слѣдуя примѣру критика) мы можемъ заключить, что, по мнѣнію Сократа, и порокъ никогда не предстаетъ намъ въ полномъ своемъ безобразіи. Одно изъ двухъ: либо Сократъ сѣтуетъ, что ни добродѣтель, ни порокъ не являются намъ безъ примѣси, либо онъ находитъ, что любовь къ добродѣтели, отвращеніе отъ порока, т. е. законы нравственности, не довольно ясно истекаютъ изъ воззрѣнія на дѣйствительность; сіи *) оба смысла въ пользу автора предисловія и доказываютъ только, что во многихъ случаяхъ не отъ сочинителя такого-то и такого-то произведенія должно требовать больше осмотрительности, а отъ судей его больше справедливости или вниманія.

«Хладнокровный отчетъ, передающій официальныя извлеченія изъ архивовъ соблазна и преступленій, сколько бы ни былъ справедливъ и полонъ, есть произведеніе безобразное и безнравственное, или лучше: тѣмъ безобразнѣе и безнравственнѣе, чѣмъ справедливѣе и полнѣе».

Въ государствахъ, гдѣ судопроизводство публично, печатаютъ уголовные процессы со всѣми ихъ подробностями; кажется, это въ точномъ смыслѣ извлеченія изъ архивовъ соблазна и преступленій. Никто, однакожъ, не подозрѣвалъ до сихъ поръ, что собраніе уголовныхъ процессовъ можетъ имѣть безнравственное вліяніе. Одни любострастныя повѣсти могутъ вредить нравственности; но авторъ сказалъ въ своемъ предисловіи, почему показанія ихъ неполны.

Мы отвѣчали на всѣ замѣчанія критика касательно предисловія; доказали, что критикъ или не понялъ или не хотѣлъ понять его: ибо

*) Въ подл. *или*.

онъ безпрестанно отклоняется отъ настоящаго вопроса и говоритъ о законахъ изящнаго, когда дѣло идетъ о законахъ нравственности. Онъ не опровергаетъ ни въ чемъ автора предисловія и повторяетъ другими словами его мысли. Чтобы опровергнуть предисловіе, слѣдовало опровергнуть основную мысль его: *что̀ истинно, то нравственно.* Не только онъ не опровергаетъ оную, но и самъ на нее опирается, какъ на неоспоримую аксіому. Онъ упрекаетъ автора въ смѣшеніи понятій, въ томъ, что онъ не умѣетъ отличать литературы изящной отъ литературы вообще. Этотъ упрекъ принадлежитъ ему [1]) съ бо́льшею справедливостью, и мы произносимъ его не самопроизвольно, но основываясь на неоспоримыхъ доказательствахъ. Читатель чувствуетъ, что критика, заключающая въ себѣ столько противорѣчій, такое отсутствіе всякой послѣдовательности въ мысляхъ и доводахъ, съ одной стороны подвергается нещаднымъ уликамъ анализа, съ другой можетъ повеселить охотника до шутокъ; но орудіе шутки сдѣлалось въ наше время слишкомъ обыкновеннымъ. Кто не смѣется? Взгляните на нашихъ полемиковъ! У всѣхъ на устахъ ядовитая улыбка Вольтера, у всѣхъ подъ перомъ его иронія. Мы приводили одни доказательства; намъ это показалось убѣдительнѣе и новѣе.

Далѣе въ нѣсколькихъ словахъ критикъ отдаетъ отчетъ въ самой поэмѣ и, пользуясь тѣмъ, что авторъ въ своемъ предисловіи полагаетъ, что нравственность литературныхъ произведеній состоитъ въ истинѣ и полнотѣ показаній, онъ не находитъ въ поэмѣ ни полноты, ни истины; изъ чего заключаетъ, что поэма безнравственна, однако, безвредна, потому что ничтожна. Зачѣмъ было автору видѣть нравственность въ истинѣ? Критикъ поражаетъ его собственнымъ его орудіемъ. Но [2]) легче ли было бы ему, ежели бъ онъ находилъ ее въ изяществѣ, какъ то требуетъ его критика? Поэма, сказалъ бы онъ, весьма неизящна, слѣдственно, по собственному сознанію автора, весьма безнравственна; но утѣшимъ его: она безвредна, потому что ничтожна.

Выписываемъ то, что̀ можетъ почесться положительнымъ обвиненіемъ и просимъ читателя заглянуть въ 10 № Телескопа, дабы увѣриться, что мы нисколько не ослабляемъ замѣчаній критика и, когда можно, пользуемся собственными его словами.

Вся поэма кажется ему самопроизвольнымъ сцѣпленіемъ случаевъ, слѣдственно неестественною, потому что:

---

[1]) Т. е. критику.

[2]) Въ подл. *Не*.

1-е. Елецкой, оледенѣвшій въ распутствѣ до хвастовства развратомъ, не могъ воспламениться къ Вѣрѣ идеальною любовью.

2-е. Елецкой не могъ обратить на себя вниманіе Вѣры только тѣмъ, что подалъ ей на бульварѣ уроненную перчатку.

3-е. Дядя Вѣры не могъ сѣсть ошибкою въ карету, подосланную Елецкимъ, ибо зналъ въ лицо своего лакея.

4-е. Вѣра не могла согласиться такъ скоро на побѣгъ съ Елецкимъ, оглашеннымъ развратникомъ, котораго смуглая однодомка была ея знакомкой.

5-е. Приворотное питье обратилось въ ядъ невѣдомо какимъ образомъ.

Поэма ничтожна, потому что кромѣ Сары всѣ лица безъ физіогномій; а Елецкой не что иное какъ темный силуетъ Онѣгина.

1-е. Хвастовство развратомъ нисколько не показываетъ оледенѣлости въ распутствѣ. Хвастливость эта въ особенности свойственна самой пылкой, самой неопытной молодости *). Желаніе первенствовать между повѣсами не есть еще любовь къ разврату: это не что иное, какъ дурно направленное славолюбіе. Сей послѣдній недостатокъ и выставленъ въ Елецкомъ. Изъ него не слѣдуетъ сердечнаго охлажденія; напротивъ, онъ свидѣтельствуетъ особенную способность къ увлеченію. Слѣдственно Елецкой весьма могъ возгорѣться къ Вѣрѣ любовью, свойственною пылкому молодому человѣку.

2-е. На это не нужно отвѣчать. Кто пересмотритъ поэму, тотъ увидитъ, что не одна поданная перчатка обращаетъ вниманіе Вѣры на Елецкаго, и что половины случаевъ, дѣйствующихъ на ея воображеніе, достаточно, чтобы вскружить голову даже и не романтической дѣвушкѣ.

3-е. Сѣсть въ чужую карету, въ чужія сани, заѣхать къ незнакомымъ, вмѣсто знакомыхъ, обманувшись легкимъ сходствомъ домовъ,— случаи весьма обыкновенные. Въ обществѣ ежедневно разсказываютъ анекдоты этого рода, и это случается безъ приготовленія, среди бѣлаго дня, на всевозможномъ просторѣ: удивительно ли, что дядя Вѣры вдался въ обманъ, когда все было придумано для удобности этого обмана;

*) Баратынскій говоритъ о себѣ самомъ. Изъ разсказовъ Кёнига видно, что Баратинскому случалось приписывать себѣ крупныя шалости, въ которыхъ онъ не былъ виноватъ (полночное освѣщеніе католическаго храма въ Петербургѣ).

въ тѣсностѣ театральнаго разъѣзда, въ торопливости, съ которою обыкновенно садятся въ поданную карету, боясь, чтобы ее не отогнали? [1]). До того ли тутъ, чтобы подозрительно разглядывать физіогномію своего лакея? И зачѣмъ ее разглядывать? Изъ боязни романическаго происшествія? Но въ это время повѣсть Елецкаго еще не была обнародована. Нынѣ, когда она напечатана, можно въ подобномъ случаѣ винить почтенныхъ родственниковъ въ преступной неосмотрительности, но дядя Вѣры очень простителенъ.

4-е. Вѣра совсѣмъ не скоро соглашается на побѣгъ съ Елецкимъ: это согласіе приготовлено всею повѣстью. Всякій безпристрастный читатель видитъ, что Вѣрѣ не мудрено было влюбиться въ Елецкаго, а ежели она могла влюбиться, она могла и дѣйствовать какъ влюбленная. Елецкой не развратникъ въ глазахъ Вѣры; онъ въ одномъ изъ разговоровъ съ нею внушаетъ ей понятіе довольно выгодное о своемъ характерѣ: онъ ей истолковываетъ, что его отступленія происходили болѣе отъ незрѣлости ума, нежели отъ испорченнаго сердца. Вѣра, уже къ нему привязанная (ибо знакомство съ Сарой не могло хладить[2]) любви ея къ Елецкому, напротивъ подстрекнуть ее, возбудивъ въ ней ревность), Вѣра охотно слушаетъ его извиненія, охотно вѣритъ въ совершенную его перемѣну, ибо приписываетъ ее любви, любви къ ней, что̀ довольно пріятно женскому самолюбію, Елецкой оправданъ ея сердцемъ; но для свѣта, но для дяди онъ остается оглашеннымъ развратникомъ, и это самое заставляетъ Вѣру бѣжать съ Елецкимъ: ибо она чувствуетъ, что никогда не вымолитъ у своего дяди согласія на ихъ соединеніе. Какъ ей не довершить начатое? Какъ не дать ему счастіе, которое она уже безмолвно обѣщала, слушая влюбленныя его признанія? И когда Елецкой при первомъ ея отказѣ, вынужденномъ стыдливостью, а не сердечнымъ убѣжденіемъ, укоряетъ ее въ кокетствѣ, она должна показать любовь свою на дѣлѣ. Не одно краснорѣчіе Елецкаго въ разговорѣ 7-ой главы убѣждаетъ ее къ побѣгу, но всѣ прежнія, собственныя ея неосторожности; это общая исторія всѣхъ увлеченій и нужно объяснять ее!

5-е. Правда, что авторъ поэмы не истолковываетъ, какимъ образомъ приворотное питье обратилось въ ядъ. Ему показалось это не

[1]) Передѣлывая еще разъ, въ 1842 г., свою поэму, Баратынскій выпустилъ весь разсказъ о подосланной каретѣ, хотя черезъ это нѣкоторыя мѣста въ дальнѣйшемъ стали непонятны, напр.: откуда Сара знаетъ Вѣру, и почему Елецкой, который въ свѣтѣ не принятъ, сталъ бывать у Волховскихъ? Вообще надо замѣтить, что упреки критики относятся къ первой обработкѣ поэмы, значительно отличающейся отъ позднѣйшей.

[2]) Охладить?

нужнымъ. Столько разсказовъ о несчастныхъ слѣдствіяхъ невѣжества, прибѣгающаго къ этимъ колдовскимъ настоямъ, часто составленнымъ изъ самыхъ вредныхъ растеній! Самому автору внушена развязка его поэмы подобнымъ разсказомъ. Онъ не хотѣлъ обременять своей повѣсти лишними подробностями, полагаясь на проницательность читателя. Ежели это—недостатокъ, его легко исправить. При второмъ изданіи авторъ сдѣлаетъ выноску, въ которой разрѣшитъ это недоумѣніе.

На общія сужденія поэмы[1]) отвѣчать нельзя: у всякаго свой вкусъ, свое чувство, свое мнѣніе; только сходство Елецкаго съ Онѣгинымъ кажется довольно страннымъ. Онѣгинъ человѣкъ разочарованный, пресыщенный; Елецкой страстный, романтическій. Онѣгинъ отжилъ, Елецкой только начинаетъ жить. Онѣгинъ скучаетъ отъ пустоты сердца; онъ думаетъ, что ничто уже не можетъ занять его; Елецкой скучаетъ отъ недостатка сердечной пищи, а не отъ невозможности [2]) чувствовать: онъ еще исполненъ надеждъ, онъ еще вѣритъ въ счастіе и его домогается. Онѣгинъ неподвиженъ, Елецкой дѣйствуетъ [3]). Какое же между ними сходство? И вотъ какъ у насъ критикуютъ! Вся поэма кажется критику произвольнымъ сцѣпленіемъ случаевъ, а во всей поэмѣ только одна случайность: смерть Елецкаго; но она во-первыхъ оправдана множествомъ истинныхъ примѣровъ, отнимающихъ у нея особенную необычайность. Во-вторыхъ, она есть нѣкоторымъ образомъ слѣдствіе главной ошибки Елецкаго, уповавшаго найти счастіе въ неровномъ союзѣ. Унизившись до товарищества съ невѣжествомъ, онъ, такъ или иначе, все былъ бы его жертвою. Но просимъ критика найти романъ, указать драму, гдѣ бы не было ничего случайнаго! И дѣльно ли требовать отъ сочинителя такого насилія? Случай—въ природѣ, какъ и характеръ. Поэма, вся основанная на случайностяхъ, и поэма вовсе безъ случайности, произведенія равно неестественныя, равно подлежащія осужденію. Перчатка, уроненная Вѣрой, обстоятельство такое же обыкновенное, какъ обѣдъ, какъ ужинъ, и въ немъ мудрено видѣть особенную игру судьбы. Все же остальное въ поэмѣ: разговоръ въ маскарадѣ, подосланная карета, свиданіе на балахъ, все слѣдствіе любви и характера Елецкаго; онъ дѣйствуетъ и создаетъ обстоятельства [4]).

---

[1]) О поэмѣ?

[2]) Въ подл. *возможности*.

[3]) Объ Онѣгинѣ въ томъ же 1832 г. Баратынскій писалъ (Тат. сб. стр. 41): „Въ разныя времена я думалъ о немъ разное... Характеры его блѣдны. Онѣгинъ развитъ не глубоко... Вообще это произведеніе носитъ на себѣ печать перваго опыта, хотя опыта человѣка съ большимъ дарованіемъ“.

[4]) Въ письмѣ къ Н. В. Путятѣ Баратынскій писалъ (изд. 81 г. стр. 534): „Не спорю, что въ Наложницѣ есть нѣсколько стиховъ небрежныхъ; но повѣрь мнѣ, что вообще

Просимъ читателя замѣтить, что каждое изъ сихъ обстоятельствъ довольно обыкновенно, и что только въ своей совокупности они составляютъ повѣсть, поражающую воображеніе. Спрашивается: въ чемъ искусство романиста, ежели не въ этомъ? И есть ли другой способъ быть вмѣстѣ естественнымъ и занимательнымъ?

Критикъ оканчиваетъ свои замѣчанія слѣдующими словами: «Считаемъ не нужнымъ заниматься наружною отдѣлкою сочиненія. Дозорливая наблюдательность Московскаго Телеграфа выклевала уже по зернышку всѣ типографскія опечатки и другіе буквальные недосмотры, слѣдственно поживиться уже нечѣмъ [1]... Желаемъ, чтобы лира поэта, уважаемаго нами болѣе многихъ другихъ, послѣ прошедшихъ неудачныхъ опытовъ, измѣнивъ ложныя понятія объ изящномъ, захотѣла быть не тѣмъ, что̀ нынѣ... а невѣстою истинно прекраснаго».

Первыя строки мы охотно принимаемъ за иронію, за небрежную, слѣдовательно тонкую шутку надъ неблагонамѣренною привязчивостью Московскаго Телеграфа. Не будемъ оспаривать чувства собственнаго преимущества, которое ихъ внушило; замѣтимъ только, что онѣ не на своемъ мѣстѣ и что ихъ могутъ принять за неосторожное признаніе [2]. Отдадимъ справедливость критику: въ пристрастномъ разборѣ его видно желаніе быть учтивымъ, и ежели встрѣчаются выраженія неприличныя, въ этомъ должно винить не критика, а неопытность его въ слогѣ этого рода. Забавно только, что въ единственномъ похвальномъ отзывѣ, котораго [3] онъ удостоилъ разбираемаго имъ автора, виденъ тотъ же недостатокъ обдуманности [4], какъ и въ его сужденіяхъ: ежели всѣ опыты сочинителя Наложницы были неудачны, за что же онъ его уважаетъ?

(Европеецъ 1832 г. № 2. Безъ подписи).

авторъ Эды сдѣлалъ большіе успѣха слога въ своей послѣдней поэмѣ, не говоря уже о самомъ родѣ поэмы, исполненной движенія, какъ романъ въ прозѣ... Разговоръ въ Наложницѣ непринужденнѣе, естественнѣе, описанія точнѣе, проще".

[1]) М. Телеграфъ указывалъ, напр., выраженія: *„Я не исполню вашъ приказъ"*, *„Я рѣшонъ"*, *„віющіясь четы"*, *„я равнодушенъ вамъ иль нѣтъ?"* Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Баратынскаго не только своеобразенъ, но часто прямо неправиленъ; въ этой статьѣ тоже не трудно сыскать цѣлый рядъ барбаризмовъ, напр. *„дядя Вѣры очень простителенъ"*.

[2]) До этого слова, начиная съ красной строки, въ первоначальной обработкѣ было иначе. „Въ концѣ моего отвѣта Надеждину, писалъ Баратынскій къ Кирѣевскому, я очень некстати разговорился. Вотъ тебѣ переправка". (Тат. Сб., стр. 32).

[3]) Которымъ?

[4]) Прежде было „недостатокъ логики". (Тат. Сб., стр. 32).

ПИСЬМА К. Д. КАВЕЛИНА КЪ Д. А. ВАЛУЕВУ*).

Еще въ 1836 году, будучи студентомъ второго курса юридическаго факультета въ Московскомъ Университетѣ, Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ сталъ вхожъ въ домъ Авдотьи Петровны Елагиной. Какъ извѣстно, эта достопамятная женщина, мать братьевъ Киреевскихъ, умѣла собирать вокругъ себя высокоталантливыхъ и образованныхъ людей. Благодаря своимъ товарищамъ, Василью Алексѣевичу Елагину и Дмитрію Александровичу Валуеву, который и жилъ у Елагиныхъ, Кавелинъ взошелъ въ то общество, которому, по его словамъ, „онъ обязанъ направленіемъ всей своей послѣдующей жизни и лучшими воспоминаніями". Тамъ его узналъ и полюбилъ А. С Хомяковъ. Въ 1839 г., онъ окончилъ Университетскій курсъ съ золотою медалью за сочиненіе „о Римскомъ владѣніи", сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по гражданскому праву и писать диссертацію. За это время онъ познакомился съ П. Я Чаадаевымъ и сошелся съ Т. Н. Грановскимъ. Благодаря упорнымъ настояніямъ своей матери, которая находила, что молодому дворянину необходимо служить, Кавелинъ въ Маѣ 1842 года переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу по Министерству Юстиціи. Нижеслѣдующія письма, которыя печатаются съ подлинниковъ, поступившихъ въ „Русскій Архивъ" отъ одного изъ родственниковъ Валуева, живо рисуютъ благородную душу писавшаго и показываютъ, что за этотъ промежутокъ времени Кавелинъ былъ не только „наполовину" (какъ онъ самъ послѣ вспоминалъ), но всецѣло „славянофиломъ". Правдивость и честность были отличительными свойствами Кавелина, и мы не можемъ сомнѣваться въ искренности его писемъ. Ю. Б.

*

С.-Петербургъ, 1842 года, Мая 26-го.

Получилъ сегодня письмо твое, Валуевъ, и спѣшу отвѣчать: прочелъ его въ 9-ть вечера, а въ половинѣ 10-го ужъ началъ писать.

Ты задаешь мнѣ трудный вопросъ. Легче было бы мнѣ написать цѣлое разсужденіе объ Уложеніи напр., нежели отвѣчать на то «какъ я, и какъ я смотрю въ новой сферѣ, въ которую попалъ и на новой почвѣ, которую попираю». Если говорить тебѣ о внѣшнихъ обстоятельствахъ моей Петербургской жизни, то врядъ ли можно себѣ пред-

*) О немъ см. Р. Арх. 1899, III, 130 Соч. А. С. Хомякова. III, 394 (новаго изданія).

ставить что нибудь выгоднѣе моего положенія. Еще нѣтъ трехъ недѣль, что я въ Петербургѣ — а вотъ уже второй день, что я былъ въ Департаментѣ. Ты удивишься этому извѣстію. Раскажу тебѣ, въ поясненіе, нѣкоторыя подробности.

Вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Питеръ, я пошелъ къ Веневитинову. Прочитавши это, бѣги скорѣе къ Хомякову и скажи ему длинное, длинное, сердечное спасибо за письмо *). Веневитиновъ принялъ меня, какъ будто бы мы были сто лѣтъ знакомы, обѣщалъ предупредить Данзаса и совѣстливо сдержалъ свое слово. На другой день я обѣдалъ у него и, узнавши, что онъ хлопоталъ уже обо мнѣ, пошелъ къ Брусилову. Объ Брусиловѣ не стану распространяться. Лучшую похвалу не могу сказать ему, что онъ въ полной мѣрѣ Москвичъ. Я былъ у него раза три и не видалъ, какъ время летѣло. Онъ тоже предупредилъ Данзаса, и тогда подкрѣпленный двумя рекомендаціями и письмомъ Голохвастова, отправился къ Дпр. Деп. Послѣ трехъ или четырехъ визитовъ къ нему я былъ отрекомендованъ имъ къ начальнику отдѣленія слѣдующимъ образомъ: занимать онаго молодого человѣка дѣлами серьозными, а не перепиской. Мнѣ дали на основаніи этого составить докладъ министру, съ моимъ заключеніемъ. Это будетъ слѣд. родъ проекта, въ которомъ можно будетъ зарекомендовать себя такъ или иначе министру. Штатнаго мѣста покуда нѣтъ, но жалованье, по словамъ Данзаса, будетъ изъ экономическихъ суммъ. И такъ, повторяю, судя по внѣшнимъ обстоятельствамъ, трудно представить себѣ что нибудь лучше и выгоднѣе теперешняго моего начала.

Ну, а что̀ до внутренняго состоянія духа — это другое, совсѣмъ совсѣмъ другое. Здѣсь мнѣ не скучно, потому что я больше сижу дома

*) Приводимъ это письмо А. С. Хомякова: „Вотъ тебѣ еще рекомендательное письмо. Попова я къ тебѣ адресовалъ ради его пользы, Кавелина адресую къ тебѣ столько же ради его пользы, сколько и пользы общей. Онъ въ Петербургѣ не проѣздомъ, а на службу. По разнымъ обстоятельствамъ, онъ не можетъ оставаться въ Москвѣ, для окончанія своей диссертаціи на магистра и долженъ ѣхать въ Питеръ. Цѣль его — уже кончить диссертацію тамъ и пріѣхать опять сюда для диспута. Часть его диссертаціи ты, вѣроятно, знаешь. Она была въ Юридическихъ Запискахъ и можетъ считаться истинно подвигомъ ученымъ. Хвалить его нечего: онъ самъ себя уже похвалилъ дѣломъ; но, кромѣ ума и знаній, я скажу, что онъ человѣкъ славный, весьма способный къ любви, къ труду и ко всему доброму. Мнѣ жаль, что Москва его рано отдастъ. Надо бы еще устояться слишкомъ молодому характеру (въ лучшемъ смыслѣ молодому) и молодымъ убѣжденіямъ. Но каковъ онъ есть, для васъ онъ великое пріобрѣтенье... Обстоятельства дали его характеру нѣсколько раздражительности или, лучше сказать, недовѣрчивости. Онъ не легко вѣритъ, чтобы его любили"... (Изъ приготовляемаго къ изданію VIII-го тома сочиненій А. С. Хомякова).

и работаю (надъ статьею изъ Штенцеля [1]); но что-то невыносимо давитъ и не даетъ мысли той бодрости, того разгула, который не разъ помогалъ мнѣ въ моихъ занятіяхъ и былъ, можетъ быть, главною причиною всего хорошаго, чѣмъ я жилъ и радовался въ Москвѣ. Впрочемъ, странное дѣло, точно нужно мнѣ было пережить самую гадкую минуту жизни въ Москвѣ, и уже потомъ ѣхать въ Петербургъ. Если бъ я попалъ сюда не перейдя всѣхъ минутъ отчаянія, которыя, помнишь, находили на меня такъ часто, и былъ бы, какъ теперь, обуреваемъ тысячью безотрадныхъ, тяжкихъ мыслей, убійственнымъ одиночествомъ и воспоминаніями о старомъ, которое прошло такъ быстро и, кажется, безвозвратно: я погибъ бы, безъ всякаго сомнѣнія. Но чашу отчаянія я уже выпилъ, окруженный людьми, которые не дали мнѣ отравиться ею. Это было одно изъ тысячи благородныхъ дѣлъ Москвичей. Теперь глубоко проникнутъ я самою сильною покорностію судьбѣ, несу свой крестъ и свои кресты безъ ропота, безъ отчаянія, стараясь изъ худшаго найти лучшее, не вижусь почти ни съ кѣмъ, работаю усердно; авось либо, Богъ дастъ, придетъ время, когда можно будетъ вздохнуть свободнѣе...

Ты спрашиваешь меня, видѣлъ ли я Попова [2])? Видѣлъ одинъ разъ. Мы условились увидаться у Львицкаго, пошли отъ него къ Le Grand, пообѣдали тамъ и выпили за общее наше здоровье. Потомъ разстались. Въ 7 часовъ въ тотъ же день онъ уѣхалъ въ Таурогенъ.

У Вяземскаго я еще не былъ. Но это не отъ лѣни, а потому, что забылъ адресъ его квартиры, сказанный мнѣ Веневитиновымъ. Сегодня я обѣдаю у Вен. и, можетъ быть, завтра буду непремѣнно у Вяземскаго. Но ты не говори того, что я не былъ у Вяз. Свербеевымъ. К. А.[3]) подумаетъ, что это съ моей стороны упрямство, а мнѣ вовсе не хочется прослыть въ ея глазахъ упрямымъ и неблагодарнымъ. Я столько и столько ей обязанъ за то, что она такъ благосклонно выслушивала мои капризныя выходки и принимала живое участіе въ моихъ непріятностяхъ. На это способны одни Москвичи. Невольно обращаюсь къ нимъ и мыслями, и душею.

---

[1]) Stenzel и Tzschoppe. Urkundesammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte und der Einführung und Verbreitung deutscher Kolonisten und Rechte in Schlesien u. in der Ober-Lausitz. 1832. Изъ этой книги Кавелинъ сдѣлалъ извлеченіе, подъ заглавіемъ: „Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе Нѣмецкихъ колонистовъ", для перваго тома Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, Д. Валуева. Ю. Б.

[2]) Александръ Николаевичъ. Ю. Б.

[3]) Екатерина Александровна, супруга Д. Н. Свербеева П. Б.

Калачевъ тебѣ очень кланяется и бѣсится на Елагина, что онъ писалъ ему тако: Мил. гос. Ник. Вас. Онъ правъ. Это не хорошо, по крайней мѣрѣ не ловко. Поклонись отъ меня этому Камчадальскому коту, если онъ въ Москвѣ и скажи, что я жду отъ него письма.

Статью вышлю къ половинѣ Іюня. Я всё прочелъ, всё отмѣтилъ, и теперь быстро идетъ составленіе самой статьи. Я занимаюсь ей одной почти исключительно.

Благодарю тебя, очень, очень, за благородный твой вызовъ послать ко мнѣ денегъ. Мнѣ онѣ теперь, благодаря моей скромной жизни, совсѣмъ не нужны. Дастъ Богъ, перебьюсь какъ нибудь. Но твой вызовъ имѣетъ для меня всю силу исполненнаго дѣла. Поклонись отъ меня всѣмъ Москвичамъ: Свербеевымъ (къ которымъ я собираюсь писать на дняхъ особенное письмо), Хомякову и всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ; скажи имъ большое спасибо за всё, что̀ они для меня сдѣлали. (Разумѣется Свербеевымъ и Хомякову особливое, сердечное спасибо). А тебя, братъ, прошу любить меня попрежнему, помогать мнѣ въ моемъ одиночествѣ письмами, наставлять меня на истинный, Московскій путь въ моихъ мысляхъ и искренно бранить, если замѣтишь въ статьяхъ или сочиненіяхъ (отъ которыхъ я не отказываюсь) какое нибудь уклоненіе. Одному не трудно сбиться съ пути. Твой навсегда К. Кавелинъ.

*

С.-Петербургъ, 10-го Іюня 1842 года.

Письмо, полученное мною отъ тебя сію минуту, такъ меня обрадовало, что, не смотря на свое нездоровье и слабость (со вчерашняго дня, я все еще не могу привыкнуть къ проклятому климату), я кое-какъ взялся за перо, чтобъ отвѣчать; откладывать не хочу, тѣмъ болѣе, что недосугъ можетъ помѣшать...

Ну, любезный мой Валуевъ, спасибо тебѣ за память, а въ особенности и не въ шутку, спасибо за наставленія. Онѣ произвели на меня совсѣмъ иное дѣйствіе, нежели какое ты предполагалъ. Ты думалъ, что я разсержусь; а я имъ былъ радъ, Богъ знаетъ какъ радъ. Ты, надѣюсь, угадаешь причину. Наставленія оскорбительны, во-первыхъ, когда справедливы, во-вторыхъ, когда мелкое и пустое самолюбіе до того разведетъ людей, что для нихъ и голосъ истины, и участіе, выражаемое въ совѣтахъ, теряются. Я же, по возможности, и самъ собою исполнялъ доселѣ то, что̀ ты мнѣ совѣтуешь, т. е. съ пріѣзда въ Петербургъ. Пустое самолюбіе по силамъ стараюсь охладить или

останавливать. И такъ, всё что̀ ты пишешь весьма меня порадовало.

Одно меня пугаетъ, и не на шутку: это какое-то, для меня доселѣ только климатомъ объяснимое охлажденіе, не скажу чувствъ и мыслей, а пылкости, вдохновенной стороны ихъ. Хорошо ли это, или дурно, предоставляю судить другимъ. Что̀ еще нѣсколько утѣшаетъ меня, такъ это то, что я чувствую попрежнему сильно бьющуюся душу, когда бываю въ церкви. (Объ этомъ, разумѣется, никому ни слова). Здѣсь служатъ вообще очень холодно; слѣд. глубокое дѣйствіе на меня службы я приписываю не ей, а особенной благодати Господней, которая не хочетъ, чтобъ я погибъ здѣсь, подобно стольким и стольким... Но лучше оставимъ эту самолюбивую мечту. Чѣмъ же я лучше другихъ? Пусть время покажетъ, чего я заслуживаю, или обнаружитъ всю пустоту, всё ничтожество, которыя можетъ быть во мнѣ прикрыты и незамѣтны. Кто знаетъ?

Но я твердо и несомнѣнно знаю, что на мнѣ лежитъ священная обязанность слѣдить за собой и избирать наилучшій путь, не предоставляя себя на произволъ обстоятельствъ, минуты и временныхъ обольщеній. Это уже въ моей власти, разумѣется болѣе или менѣе. Вслѣдствіе этого я не знакомлюсь здѣсь почти ни съ кѣмъ. Храню мысли мои въ глубинѣ себя, зная, что говорю ихъ или нѣтъ, онѣ могутъ возбудить насмѣшку, но никогда участіе, не хожу почти никуда, кромѣ необходимыхъ прогулокъ для здоровья (ибо здѣсь ходьба еще нужнѣе для здоровья, нежели въ Москвѣ). Затѣмъ занимаюсь дома и въ Департаментѣ всего 11 часовъ, разумѣется если кто не помѣшаетъ. Скажу тебѣ еще странность: любопытство мое здѣсь такъ мало возбуждено, что я до сихъ поръ, слѣд. черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда, не подумалъ побывать въ Петергофѣ, Ц. Селѣ, на островахъ и т. д. Не думай однако, чтобы это была апатія. Нѣтъ: дома и на службѣ я очень дѣятеленъ и бодръ. Сплю не много; свѣжъ и большею частью здоровъ. Нѣтъ, это равнодушіе къ Петербуржскому Богъ знаетъ откуда, потому что, если разсудишь, есть много такого, на что̀ бы можно было полюбоваться...

Вотъ что еще. Исходною точкою всѣхъ своихъ дѣйствій и преднамѣреній я принялъ и держусь доселѣ, религіозную, по исповѣданію нашей православной Греко-русской церкви. Сюда свожу всё что̀ дѣлаю, что̀ думаю. Стараюсь быть сколько возможно спокойнѣе, не увлекаюсь ничѣмъ внѣшнимъ.

Когда голова и сердце не довольно бодры, чтобы думать и чувствовать, работаю усердно, зная, что спокойная совѣсть и сознаніе,

что дѣлалъ по мѣрѣ силъ и возможности, приготовляютъ свѣтлыя минуты для мыслей и чувствъ, именно тѣмъ отсутствіемъ раскаянія и безпокойства, которыя рождаются отъ невыполненія обязанностей. Всё остальное предаю въ руки Божіи, Его святой волѣ. Судьба наша не въ нашей власти.

Нужно ли тебѣ прибавить, что, приписка Хомякова къ твоей грамотѣ обрадовала меня до нельзя? Я такъ былъ далекъ отъ этой радости, что не могъ долго придумать, кто бы это могъ написать мнѣ вмѣстѣ съ тобою. Эти немногія строки оживили меня, такъ что я, не смотря на большую слабость, чуть-чуть не запрыгалъ отъ радости. Только къ словамъ его нужно сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія. 1-е. Онъ говоритъ, что, не смотря на успѣхи... и на увлеченія жизни, вы за меня не боитесь. Это не совсѣмъ справедливо, ибо увлеченія жизни для меня не существуютъ. Объ этомъ, къ счастію, позаботились мои внѣшнія обстоятельства. Средства мои очень, очень скудноваты, а безъ нихъ нѣтъ въ Петербургѣ увлеченій жизни. Для нихъ не жить же мнѣ выше средствъ моихъ. Этому выучили меня въ Москвѣ, и теоретически, да и практически, помнится довольно. 2-е Онъ мнѣ посылаетъ благостыное, живущее пророчество, что я останусь Москвичемъ, говорящимъ Московскія убѣжденія. Слово *говорящимъ* несправедливо. Нужно бы сказать живущимъ Московскими убѣжденіями. Ибо Петерб. жители, или прямо и открыто смѣются надъ этими убѣжденіями, или нелѣпо объясняютъ ихъ, или просто и добросовѣстно не понимаютъ, или наконецъ такъ къ нимъ равнодушны, что невольно положишь печать молчанія на уста, когда захочешь ихъ выговорить. Нѣтъ, Боже сохрани: не буду говорящимъ Московскія истины Петербуржца, не стану метать бисеръ передъ свиньями, чтобъ они не попрали ихъ и не растерзали меня. А отъ сохраненія мысли въ глубинѣ души, она, какъ извѣстно, возрастаетъ, мужаетъ и исполняется силы.—Въ заключеніе этой статьи, сердечное спасибо Хомякову за его письмо. Дай Богъ, чтобъ всё то благодѣтельное дѣйствіе, которое онъ произвелъ на меня немногими, но исполненными глубокаго смысла и чувства словами, отозвалось ему въ тысячу кратъ сильнѣе, вознаградилось ему съ лихвою. Всё это, т. е. и благодарность, и примѣчаніе, ты ему сообщи аккуратно, прошу тебя. Самъ бы писалъ къ нему, да всё думается, что этимъ поставишь его въ непріятную обязанность отвѣчать. Не надобно употреблять во зло снисходительности и добраго расположенія.

Наконецъ, братъ, я былъ и у Вяземскаго. Не стану говорить тебѣ о томъ, какъ онъ меня принялъ; могъ ли человѣкъ, пріѣхавшій къ Вяземскому съ письмомъ отъ Свербеевыхъ, быть имъ дурно

или посредственно принять? Прощаясь, онъ въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ предложилъ мнѣ свои услуги, если я въ нихъ буду нуждаться. Предложилъ познакомить съ Одоевскими и Карамзиными, когда у нихъ начнутся вечера. Отъ двухъ послѣднихъ предложеній я, разумѣется, отказался, ссылаясь на занятія, которыми я заваленъ. Къ чему мнѣ эти знакомства? Лишнія издержки, трата времени, новые поводы сердиться, завидовать, заниматься пустяками, читать вздорныя книги, чтобъ идти наравнѣ съ обществомъ и не быть смѣшнымъ, принимать участіе въ увеселеніяхъ общества, скучныхъ для меня и раззорительныхъ для моего скуднаго кармана: вотъ что можетъ выдти для меня изъ этого знакомства. Скажутъ: люди, общество; но такихъ людей, такое общество, гордо скажу, не увижу никогда, какое видѣлъ въ Москвѣ. Да я ужъ и не способенъ полюбить ихъ такъ же, какъ полюбилъ тѣхъ. Да я и старъ ужъ слишкомъ, для того чтобъ по первому вихрю гнуться и хлопотать о снисканіи новыхъ пріятелей и дружественныхъ связей... Но вообще Вяземскій самъ мнѣ очень понравился. Онъ добрый, хорошій и довольно круглый въ обхожденіи человѣкъ. Къ нему я таки буду по временамъ являться, особливо когда у него не будетъ гостей.

Спасибо за книгу. Надъ Штенцелемъ я усердно работаю. Только послѣдніе дни вышли такіе, что я никоимъ образомъ не могъ имъ заняться. Знай однако, любезный Валуевъ, что статья будетъ большая, врядъ ли умѣстимая на 4 печатныхъ листахъ, какъ ты предполагалъ. Впрочемъ ты распорядишься, какъ тебѣ будетъ угодно.

Касательно примѣчаній къ Маціовскому [1]), это дѣло потруднѣе. Покупать книгъ для составленія ихъ не нужно, потому что къ моимъ услугамъ всегда библіотека Калачова, довольно хорошо составленная въ отношеніи къ источникамъ Русской исторіи и права. Но гдѣ время? По крайней мѣрѣ не требуй отъ меня всего къ Августу, ибо рѣшительно силъ моихъ на то не хватитъ. Даю тебѣ слово, что буду хлопотать надъ этими примѣчаніями исключительно, отложа даже въ сторону Штенцеля, и что успѣю сдѣлать, то постепенно и буду пересылать къ тебѣ. Сроки отвергаю, потому что имѣю, сверхъ этихъ занятій, еще диссертацію и службу.

Представь, Валуевъ, какая досада! Я изъ диссертаціи [2]) своей потерялъ клочекъ, хотя и небольшой, но тѣмъ не менѣе необходимый

---

[1]) Мацѣевскій, Варшавскій профессоръ. Валуевъ приготовилъ переводъ его Исторіи Славянскаго законодательства, но, сколько извѣстно, онъ не появлялся въ печати. Ю. Б.

[2]) Основныя начала Русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ. Ю. Б.

въ общей связи ея. Я могу замѣстить его, но это опять требуетъ работы. Когда пріѣдешь въ Москву, не забудь заглянуть въ книгахъ Елагина, въ Уложеніи, которое онъ мнѣ давалъ, или въ Юридическихъ Актахъ, также въ книгахъ, которыя доставляемы мнѣ были тобою. Этотъ отрывокъ писанъ на небольшомъ клочкѣ бумажки. Въ немъ рѣчь о доказательствахъ письменными актами. Передъ нимъ стоитъ буква Е, именно такъ написанная. Наконецъ, если и въ книгахъ нѣтъ, поѣзжай къ намъ въ домъ, вытребуй Антона или моего брата, если онъ еще въ Москвѣ, и посмотри между бумагами, брошенными въ плетеную корзинку, которая стоитъ за полкой, у печки. Разумѣется, ты сдѣлаешь это по пріѣздѣ въ Москву, ибо время терпитъ. Посмотри въ этой корзинкѣ этого отрывка и на большихъ писанныхъ листахъ; ибо я не увѣренъ въ форматѣ, на какомъ писалъ.

Въ заключеніе прошу поклониться всѣмъ нашимъ Московскимъ, меня помнящимъ и непомнящимъ. Если не забудешь, скажи спасибо Павлову за письмо къ Брусилову. Ну, а меня помни, люби попрежнему и пиши почаще. Отъ меня къ вамъ письма—удовольствіе, а отъ васъ ко мнѣ—хлѣбъ насущный. Помни, что я здѣсь одинъ, совершенно одинъ. Твой отъ всей души и навсегда К. Кавелинъ.

*

С.-Петербургъ, 25-го Іюня 1842 года.

Сію минуту окончилъ я, братъ, чтеніемъ Маціовскаго и сдѣлалъ выборъ темъ, которыя казались мнѣ наилучшими для примѣчаній. Ты согласишься, что главная задача ихъ состоитъ не въ обогащеніи памяти читателя фактами, потому что фактовъ во всякой книгѣ довольно и предовольно. Читай, сколько душѣ слюбится. Главное—дать правильный взглядъ на явленія юридической жизни нашихъ предковъ, которые такъ легкомысленно, невѣжественно забыли ихъ и добровольно или неволько подчинились правамъ иноземнымъ, въ столькихъ и столькихъ отношеніяхъ уступающимъ нашимъ коренно-Славянскимъ. Принявши этотъ исходный пунктъ, я считалъ особенно важнымъ обратить вниманіе на слѣдующія данныя нашего юридическаго быта.

1) Начало общинное и княжеское, единовластное. Взаимное отношеніе ихъ между собою и развитіе чрезъ всю Исторію Россіи, преимущественно въ отношеніи къ управленію.

2) Крѣпостное состояніе. Крестьяне помѣщичьи—не рабы. Холопство. Отношеніе этихъ двухъ сословій исторически и смѣшеніе ихъ между собою.

3) Отношеніе Греко-Восточной Русской церкви къ государству, исторически. Превосходство ея передъ Западными въ этомъ (юридическомъ) отношеніи.

4) Устройство городовъ и деревень и значеніе того факта, что во времена Іоанна IV они были совершенно одинаковы. (Отсутствіе противуположностей въ народѣ Русскомъ).

5) *Судъ* и *розыскъ*, начало обвинительное, гражданское и слѣдственно уголовное въ нашемъ правѣ. Развитіе ихъ и взаимное отношеніе между собою.

6) *Вотчина* и *помѣстье*, начало родовое, семейное и служебное, княжеское. Развитіе ихъ и постепенное обращеніе помѣстій въ вотчину. Причины этого явленія, повидимому противорѣчащаго общему развитію права Русскаго. Наслѣдственное право ab intestato *) въ помѣстьяхъ и вотчинахъ.—

Къ этимъ членамъ я бы считалъ нужнымъ присоединить еще:

7) Юридическій бытъ Силезіи и верхняго Лаузица по Штенцелю. Причина тому та, что Маціовскій этой книгой не пользовался, и свѣдѣнія о Силезіи и Лаузицѣ у него вообще весьма скудны. Онъ основывается на одномъ Sommersberg'ѣ, который, какъ тебѣ извѣстно, исчерпанъ Штенцелемъ, и къ нему прибавлено много новаго, ему неизвѣстнаго. Поэтому я думаю, что статья моя, состоящая въ подробномъ и совѣстливомъ сокращеніи Штенцеля, могла бы найти самое приличное себѣ мѣсто въ примѣчаніяхъ къ Маціовскому.

Затѣмъ остаются еще три темы, которыхъ я доселѣ не могъ придумать. Если бы ты мнѣ прислалъ 2-й томъ Маціовскаго, то я, можетъ быть, набрелъ бы и на нихъ, и тогда исполнилось бы завѣтное твое число 10, которое такъ гордо и такъ грозно красуется въ твоемъ послѣднемъ письмѣ.

Всѣ сіи темы предлагаются вамъ, милостивый государь, на ваше благоусмотрѣніе и утвержденіе. Если сочтете нужнымъ сдѣлать въ нихъ какія нибудь измѣненія или дополненія, то надѣюсь, соблаговолите меня немедленно о томъ увѣдомить.

Окончивши такимъ образомъ свои служебныя, рядовыя обязанности въ отношеніи къ нашему общему дѣлу, я хочу потолковать съ тобой такъ, кое о чемъ.

Я здѣсь въ Питерѣ, точно въ непріятельскомъ лагерѣ. Лишь только высунешь носъ на улицу—глядь какія нибудь заморскія мысли

*) Наслѣдство не въ силу завѣщанія. Ю. Б.

щеголяютъ во фракѣ обще-человѣческихъ идей, выведенныхъ изъ развитія цѣлаго человѣчества. Такъ гадко, что плюнешь и невольно перекрестишься: отъ ярости Норманновъ и отъ подобныхъ общечеловѣческихъ идей избави насъ Боже! Довольно ужъ, кажется, попутешествовали онѣ по міру и понадѣлали зла; пора бы и честь знать. Естественно, что я именно поэтому избѣгаю здѣсь всевозможныхъ знакомствъ. Да и къ чему мнѣ они? Мнѣ такъ хорошо у себя дома. Работаю же я здѣсь, братецъ, не по Московскому, а часовъ по 11-ти и болѣе ежедневно. Оно и понятно. Тамъ мнѣ нечего было бояться сбиться съ прямой дороги, а здѣсь распусти только уши, отвори сердце: навалитъ тебѣ соблазновъ, разныхъ и разныхъ. Не успѣешь образумиться, какъ они овладѣютъ тобою, и ты пропадешь безъ возврату. Нѣтъ, унеси насъ отъ этого, Боже!..

У Вяземскаго наконецъ былъ, и наконецъ написалъ письмо къ Свербеевымъ. Пожалуйста напиши мнѣ, какъ оно подѣйствуетъ: я такъ люблю ихъ, что хотѣлъ бы знать всякой оттѣнокъ ихъ мыслей, когда она обращена на меня. Вообще всѣ вы, мои безцѣнные Москвичи, сдѣлались для меня теперь въ милліонъ разъ дороже и милѣе, съ тѣхъ поръ, какъ безжалостная судьба забросила меня на безжизненную, жалкую полу-русскую, полу-заморскую почву... Всё повторяю я себѣ, что здѣсь я залетная птица. Сегодня перемѣнились мои обстоятельства, завтра я у васъ опять. Только бы далъ Богъ не испортиться.

Теперь, любезный мой Валуевъ, я уже опредѣленъ и состою при Департаментѣ. Главное бы поскорѣе штатное мѣсто. Объ этомъ хлопочетъ и начальникъ отдѣленія. Между тѣмъ погоняю диссертацію, и если буду работать какъ доселѣ, то можетъ быть въ Октябрѣ мы будемъ имѣть удовольствіе читать ее, а между тѣмъ, думать, что авось либо изъ Кавелина выйдетъ толкъ, авось либо онъ не испортится. А я, разумѣется, буду тебя за это заочно благодарить.

Пиши ко мнѣ, пожалуйста, почаще; повторяю тебѣ, что, при моей одинокой жизни, извѣстія отъ васъ для меня не удовольствіе, а пища, хлѣбъ насущный. Онѣ поддерживаютъ мои силы и даютъ бодрость и стойкость, которыя мнѣ теперь болѣе нежели когда нибудь необходимы, ибо рѣчь идетъ о всей моей жизни, объ цѣломъ направленіи. Ты это помни и не покидай меня. А я кланяюсь тебѣ и остаюсь вѣчно вашимъ и твоимъ К. Кавелинъ.

*

С.-Петербургъ, 1842 года, Іюля 4-го.

Отрадное, утѣшительное письмецо твое, душа моя Валуевъ, получилъ я вчера послѣ обѣда и, по обычаю, перечиталъ его раза три. Твои письма дѣйствуютъ на меня вотъ какъ: знаешь ли ты чувство, когда мы, послѣ какого-нибудь усильнаго труда, требующаго сильнаго напряженія ума и воли, а потому и уединенія, сосредоточенія всѣхъ силъ душевныхъ, смотримъ на оконченное уже дѣло, находимъ его хоронимъ и отдыхаемъ на немъ? Какъ бы это тебѣ выразить: безсознательно радуемся тому, что ужъ мы стоимъ на твердой почвѣ, до которой добились съ необыкновеннымъ усиліемъ, и что стоять на ней мы можемъ твердо, не прибѣгая уже болѣе къ этимъ усиліямъ. Совершенно такое чувство является во мнѣ, когда ты или, какъ тогда, Хомяковъ, напишите мнѣ хоть полстранички. Здѣсь я совершенно одинъ. Тернистымъ путемъ добиваюсь своей цѣли—оставаться такимъ же, какимъ былъ прежде и, если только возможно, сдѣлаться внутренно лучше. Каждый шагъ, каждое пустое, ничтожное свое дѣйствіе обдумываю, обсуживаю, потому что убѣжденъ глубоко, что малѣйшее уклоненіе, увлеченіе можетъ завлечь меня и сбить съ прямого пути. Совѣтоваться не съ кѣмъ. Ждать обновленія силъ или поддержанія въ томъ же настроеніи духа отъ посторонняго, отъ другихъ, невозможно. Товарищи славные люди, но хороши практически, потому только, что выросли на Московской почвѣ. Мнѣ этого мало. Поэтому мало общаго между ними и мною. И иду я своей дорогой одинъ-одинешенекъ, опираясь на себя и на свои силы, уединенный, чуждый всему, что̀ меня окружаетъ. Письма отъ тебя для меня отдохновеніе, отголоски изъ Москвы, живо напоминаютъ мнѣ, что я не одинъ иду этой дорогой, но многіе вмѣстѣ со мною: тогда сознаю́ я себя снова оторванною вѣтвью живого цѣлаго, и это цѣлое является мнѣ тогда какою-то твердою основою, на которую я могу опираться и по временамъ отдыхать отъ постояннаго сосредоточенія и напряженія.

Нѣтъ, братъ Валуевъ, ты не могъ испытать этого; потому что ты никогда еще не былъ оторванъ на Богъ знаетъ сколько времени отъ своей почвы, и для тебя до того времени никакое письмо не получитъ того глубокаго значенія, какое твои и вообще ваши письма имѣютъ для меня.

Знаешь ли, что я теперь боленъ? Сегодня мнѣ лучше. Но начиная съ четвертаго дня и до вчерашняго, здоровье мое, вообще не весьма хорошее съ тѣхъ поръ что̀ я въ Петербургѣ, до того испортилось, что я долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи доктора. Оказалось,

что я страдалъ отъ перемѣны воды и климата и отъ скопленія желчи. Послѣдняя, какъ ты знаешь, старая моя знакомая. Съ нею, можетъ быть, придется вѣкъ свѣковать. Да и правду молвить, въ теперешнемъ моемъ положеніи очень мало такого, что̀ бы разгоняло ее или притупляло ея силу. Служба мнѣ крѣпко не по душѣ; ты не знаешь, братъ, этого чувства: работать, съ полною увѣренностію, что все это ни къ чему не поведетъ. Еще слишкомъ далеко то время, когда служба сдѣлается такимъ же благороднымъ, жизненнымъ занятіемъ, какова въ наше время, напр., каѳедра. Все основано, болѣе или менѣе, на расчетахъ показать всѣ дѣла къ концу мѣсяца оконченными, и за то получить крестъ, денежное награжденіе, чинъ, или повышеніе мѣста; подладить подъ манеру, прихоти, привычки начальника, сбить когонибудь съ мѣста и самому занять его: вотъ что теперь служба. Ты видишь любопытнѣйшіе вопросы законодательства и юриспруденціи возбужденными, объ нихъ начинается дѣло, идетъ, идетъ, съ полудороги сбивается съ настоящаго хода и оканчивается совершенными пустяками: какимъ-нибудь штатомъ, прибавкою жалованья чиновникамъ и т. п. Исправить такого ходу нѣтъ возможности; доклады нужно составлять скоро, а что̀ скоро дѣлается, то, ты знаешь, рѣдко дѣлается хорошо. Потомъ, что̀ за будущность? Сиди 10 лѣтъ, и тебя сдѣлаютъ начальникомъ отдѣленія, это значитъ дадутъ патентъ, съ которымъ ты ужъ навѣрное получишь чахотку, ибо это самая ужасная должность. Впрочемъ, все это меня мало интересуетъ, потому что я совсѣмъ не располагаю оставаться въ службѣ долѣе того времени, которое самою судьбою опредѣлено мнѣ на испытаніе. При первой возможности выйду въ отставку. Я не зараженъ служебнымъ честолюбіемъ и только того желаю, чтобъ это честолюбіе впредь не посѣтило меня.

Очень радуетъ меня то, что твое желаніе, чтобъ я прислалъ тебѣ темы примѣчаній къ Маціовскому, удовлетворено мною прежде, нежели ты мнѣ выразилъ его на письмѣ. Другое твое желаніе *навѣрное* будетъ выполнено: одно, а можетъ быть и два примѣчанія я непремѣнно составлю и пришлю къ тебѣ въ Москву въ первыхъ числахъ Августа. Объ отрывкѣ изъ моей диссертаціи не хлопочи, потому что Эминъ*) уже мнѣ прислалъ его.

Пишу я это письмо и самъ чувствую, что оно холодно. Это отъ истощенія силъ физическихъ, а не нравственныхъ. Сегодня мнѣ лучше, но я такъ слабъ, что еле-еле могу пройтись по комнатѣ. Потомъ вчера и сегодня цѣлый день писалъ письма, ибо это мои почтовые дни.

---

*) Никита Осиповичъ Эминъ, впослѣдствіи славный арменологъ. П. Б.

Надобно еще приготовить письма три. Да не соблазнитъ же эта холодность тебя въ отношенiи ко мнѣ, какъ меня не соблазняетъ ни полъ-iоты изъ того, чтò ты мнѣ пишешь. Когда рѣчь идетъ объ высшемъ, чтò только даровано человѣку на землѣ, грѣшно останавливаться и цѣпляться за мелочи, приличныя напомаженному, безцвѣтному обществу. До сихъ поръ это цѣплянье убивало насъ. Если мы это поняли, то блаженны, если вновь не отдадимся имъ на жертву, потому что ужъ тогда намъ не воротиться опять на прямую дорогу.

Прощай же, душа моя, Валуевъ! Брось tous vos scrupules въ отношенiи ко мнѣ и вѣрь, что если у меня чтò будетъ на душѣ, то я передамъ его тебѣ на бумагу; только въ этомъ и можетъ быть залогъ нашей дружбы личной, еще гораздо бòльшими узами скрѣпленной достиженiемъ одной общей цѣли. Да, братъ! Все прочее придетъ и пройдетъ; одно только то, чего мы добиваемся, не измѣнится, какъ бы ни думали объ немъ люди. Кстати: я на дняхъ купилъ себѣ чудеснѣйшiй бюстъ, или лучше статую, изображающую I. X. во весь ростъ. Работа превосходная. Я нарочно взялъ адресъ мастера и схожу къ нему по выздоровленiи. Если найду такой же или подобный, то непремѣнно пришлю къ тебѣ. Ты поставь его тогда у себя на письменномъ столикѣ, какъ мой у меня и, глядя на него, вспоминай обо мнѣ и объ нашей общей цѣли. Прощай, братъ, еще разъ и люби, и награждай письмами почаще, какъ можно почаще, твоего и тѣломъ и душою Кавелина.

*

Обращаемъ вниманiе читателя на слѣдующее письмо: въ немъ Кавелинъ является горячимъ противникомъ Западниковъ. За эти-то „Славянофильскiя наклонности“ ему и доставалось немало отъ Бѣлинскаго, который нѣкогда въ Москвѣ готовилъ его къ университетскому экзамену. Впрочемъ за то время, къ которому относятся эти письма, Кавелинъ еще не сближался съ своимъ бывшимъ учителемъ, „который“, по признанiю самого ученика, „насколько былъ плохой педагогъ, мало знающiй предметъ, которому училъ (Русскiй языкъ, исторiя и географiя), настолько благотворно дѣйствовалъ на него возбужденiемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженiя, и любви къ знанiю и нравственнымъ принципамъ. Мы занимались“, разсказываетъ К. Д., „больше разговорами... и я только по счастливой случайности не провалился на экзаменѣ... Въ чемъ собственно состояли наши разговоры, этого я рѣшительно не помню. Вообще отрицательное отношенiе ко всей окружающей меня дѣйствительности соцiальной, религiозной и политической, благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло, хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ“. О какихъ старыхъ, гнилыхъ убѣжденiяхъ говоритъ Кавелинъ, отличавшiйся до конца дней необычайнымъ благородствомъ, пусть читатель догадается самъ. *Ю. Б.*

С.-Петербургъ, 1842 года, Іюля 24-го.

Письмецо твое, любезный Валуевъ, получилъ я на дняхъ и, можетъ быть, не сталъ бы отвѣчать па него такъ скоро, за совершеннымъ недосугомъ, еслибъ моя Славянская кровь, сильно бьющаяся въ жилахъ, не заставила меня, противъ воли, взяться за перо и излить тебѣ всю полноту жизни, которую ежедневно болѣе и болѣе ощущаю въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ старыя, гнилыя мои убѣжденія замѣнились новыми. Каждый день я убѣждаюсь сильнѣе въ истинѣ, что судьба Славянскихъ народовъ и приверженность ихъ къ Православію такъ тѣсно, неразрывно связаны между собою, что безъ Православія Славянинъ не Славянинъ: онъ хуже всякаго Нѣмца. Далѣе я убѣждаюсь, что великое назначеніе наше, условливающееся нашею исторіею и характеромъ, есть очищеніе святой, вѣчной истины, сказанной и завѣщанной человѣчеству ветхимъ и новымъ завѣтомъ Божіимъ, отъ сору и гнили, которыми затемнили ее наши Западные братья, менѣе насъ одаренные Богомъ и менѣе счастливые условіями историческаго образованія и развитія. Естественная наклонность къ грѣху и отступленіе отъ вѣчной правды и союза съ Богомъ въ Божественномъ Спасителѣ міра еще поощрялись въ нихъ ихъ историческихъ бытомъ; не трудно было имъ, заблуждаясь, быть увѣреннымъ, что идутъ стезей истины. Таковы и должны были быть плоды образованія государствъ изъ двухъ противоположныхъ составовъ, гдѣ единство и двойственность существовали одно возлѣ другого и не были примирены въ религіозномъ убѣжденіи.

Таковы исходные пункты теперешнихъ моихъ вѣрованій. Я бы могъ развить ихъ тебѣ гораздо полнѣе и обширнѣе, еслибъ не готовилъ обо всемъ этомъ особенной статьи или разсужденія. Бога ради, не думай, однако, что я готовлю ее для печати; нѣтъ, чувствую, что еще слишкомъ слабъ для того, чтобъ принять на себя высокое званіе защитника вѣчной истины; но я пишу для себя, единственно для себя, чтобъ не оставить пробѣловъ въ своихъ убѣжденіяхъ, которыя, какъ ты знаешь, нерѣдко бываютъ причиною того, что мы сбиваемся съ прямой дороги. Особенно здѣсь мнѣ это необходимо для поддержанія своихъ силъ.

Теперь, кажется, наступило уже рѣшительное время. Наши вѣрованія во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ до такой степени стали въ противоположность съ тѣмъ, что проповѣдуется Западными ученіями, что слѣпые могутъ ясно видѣть глубокое, до высшихъ началъ восходящее различіе той и другой проповѣди. Въ этомъ отно-

шеніи нельзя не порадоваться послѣдовательности новѣйшей Западной науки: она помогаетъ намъ ярче видѣть противоположную истину. Нѣтъ ужъ больше тѣхъ прыжковъ и нелогическихъ выводовъ, которые могли сбивать съ пути добросовѣстныхъ и прикрывать ложь одеждою правды и истины. Недавно видѣлъ я письмо изъ Берлина, въ которомъ сказано, что, по Кенигсбергской и еще какой-то газетѣ, въ Берлинѣ образуется новое общество, ожидающее утвержденія правительства. Цѣль его та, чтобы доказать міру, что Христіанство вздоръ; отрѣшиться отъ Церкви совсѣмъ, какъ отъ момента пережитаго исторіею и отъ всѣхъ обрядовъ; если же правительство не дозволитъ, то они будутъ, какъ одну пустую форму, соблюдать бракъ и крещеніе, отвергнувши всѣ прочія таинства даже и по формѣ. Это апостолы новыхъ ученій, которыя они обѣщаютъ распространять по возможности, на основаніи новаго, философскаго взгляда и результатовъ науки современной. Они говорятъ, что не хотятъ болѣе таиться, и что лицемѣріе противнѣе имъ всего на свѣтѣ. Опять пошли въ ходъ начала, выставленныя революціей; и Робеспьеръ, С.-Жюстъ и другіе получили званіе апостоловъ новыхъ истинъ. Такъ-то. Конечно, не всѣ такъ думаютъ, я надѣюсь; но каково же состояніе Западной Европы, если такія убѣжденія осмѣливаются гордо высказывать себя и надѣются даже получить одобреніе правительства? Не скажешь ты послѣ этого, что «время близъ есть?»

Особенно поражаетъ меня то, что̀ скрыто подъ этимъ возстаніемъ противъ святыхъ убѣжденій. Это титаническая вражда земли противъ неба. Человѣкъ хочетъ освободить себя отъ оковъ, налагаемыхъ на него тѣмъ, что онъ духъ конечный, ограниченный, неполновластный. Гордость заставляетъ его тяготиться своею ограниченностію. Отсюда ненависть ко всему святому, божественному, и ей не должно удивляться, потому что она есть необходимая принадлежность безсилія, которое хочетъ сдѣлаться сильнымъ и могучимъ. Не то завѣщалъ намъ Искупитель!..

Но человѣку и народамъ данъ произволъ. Могутъ и Славяне, увлеченные этимъ ученіемъ, пойти по колеѣ, пробитой Западными народами. Тогда, разумѣется, тщетны будутъ и счастливыя историческія условія, которыя содѣйствовали къ нашему духовному возрастанію и укрѣпленію. Явится изъ глубины развращеннаго духа то, что̀ не принесено или, лучше, не приведено почти непреоборимымъ развитіемъ тѣхъ сѣмянъ, которыя брошены бываютъ въ народъ и племя, прежде нежели успѣли перейти въ сознаніе его вѣрованія высшія, святыя, переживающія и племена, и народы. Но теперь намъ остается показать,

что такихъ условій и сѣмянъ не было въ прошедшемъ Россіи, кромѣ условій, заключающихся въ нашей природѣ, склонной ко злу. Вотъ задача, которая предстоитъ нашему историку, философу и юристу. Теперь не время разыскивать, кто были Варяги и гдѣ погребенъ Пожарскій. Великія судьбы народовъ совершаются въ очахъ нашихъ.

Поэтому-то, Валуевъ, я и обращаю особенное твое вниманіе на начала, проходящія чрезъ Славянскую жизнь, а не на одни факты. Фактъ самъ по себѣ, отдѣльно взятый, не говоритъ ничего. Поэтому-то я убѣжденъ, что въ наше время вопросъ единственный, къ которому сводятся всѣ прочіе, есть вопросъ религіозный. Всѣ прочіе умолкаютъ предъ нимъ. И съ нимъ нераздѣльными узами связанъ вопросъ Славянскій.

Кстати: ты спрашиваешь меня, читалъ ли я Мертвыя Души. Читалъ, братъ, и съ неизъяснимымъ наслажденіемъ. Наша здѣшняя Татарва понимаетъ его, сколько мнѣ удалось слышать, двоякимъ образомъ. Чиновники, большіе и маленькіе (подъ чиновниками я не разумѣю служащихъ, иначе мнѣ было бы очень плохо), расхваливая его за другими, мекаютъ, что въ этой поэмѣ есть натянутости и несообразности противъ служебной части и законовъ. Ты понимаешь, что̀ это значитъ: за живое, братъ, забрало. Но, разумѣется, это шито и крыто, по возможности. Теперь людъ съ Нѣмецкими понятіями, отчаянные приверженцы Запада, говорятъ, что это геніальное произведеніе, отрицающее субстанцію Русскую, которая, видишь ли ты, въ чемъ дѣло, ѣстъ, пьетъ и т. д.—и только; что это явленіе, пророчащее о новой Россіи, подобной Германіи, Франціи и т. д. Не трудно видѣть въ этомъ сужденіи и справедливую сторону, ибо ѣсть и пить только, давно бы пора намъ перестать и приняться за дѣло. Ну, а что̀ касается до Россіи Германской или Французской, это ужъ само-собою дѣло другое, и я надѣюсь, къ благу нашему, что этого никогда не будетъ.

Пора, однако, заключить это письмо. Оно и безъ того ужъ черезчуръ длинно. Много и много вещей хотѣлось бы мнѣ сообщить тебѣ еще отъ себя, потому что отъ людей я мало знаю: я ихъ почти не вижу. Но теперь я не расположенъ. И такъ, прощай, будь здоровъ и не забывай твоего и тѣломъ, и душою Кавелина.

*

1842 года, Августа 16-го.

Даже до сихъ поръ, любезный Валуевъ, какъ-то не могъ собраться, чтобъ отвѣчать тебѣ на послѣднее твое письмо. Радуюсь, что могу отправить его не безъ приложеній. Отъ этого на душѣ какъ-то веселѣе, потому что совѣсть поспокойнѣе. Спасибо тебѣ за твою откровенность. Радуюсь отъ всей души, что нашелъ въ тебѣ человѣка, на котораго могу положиться какъ на гору, и что умѣю цѣнить тебя. Это возвышаетъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ.

Знаешь ли что, Валуевъ? Ты пишешь мнѣ объ непріязненныхъ моихъ отношеніяхъ къ Попову. Вообще скажу тебѣ, что съ тѣхъ поръ, что я живу здѣсь одинъ, забытый и заброшенный, я болѣе думаю, менѣе дѣйствую, менѣе погруженъ въ мелочи, нежели прежде, и потому чувство непріязни къ кому бы то ни было во мнѣ или уменьшилось, или скрыто по крайней мѣрѣ такъ искусно отъ меня самого, что я не могу открыть его при всемъ стараніи. Конечно, бываютъ минуты, что мнѣ бываетъ тяжело подумать объ теперешнемъ моемъ положеніи. Къ чему я въ Питерѣ? Къ чему я на службѣ? Къ чему я оторванъ отъ занятій и жизни, которыми условливается мое счастіе и безъ которыхъ оно для меня не существуетъ. Тутъ невольно вспомнишь весь рядъ университетской жизни, вспомнишь тѣхъ, кто болѣе или менѣе виновенъ въ томъ, что я теперь въ такомъ незавидномъ положеніи... Ты знаешь, о комъ и комъ я говорю. Тутъ, въ эти минуты, дѣлается вдвое тяжелѣе, и вспомянешь про иныхъ не совсѣмъ выгодно. Но обыкновенно такія минуты бываютъ непродолжительныя; сейчасъ спохватишься: думаешь, если положеніе не выгодно, то оно станетъ гораздо невыгоднѣе, если станешь терять время въ пустыхъ, безплодныхъ сожалѣніяхъ о прошедшемъ, а между тѣмъ отравишь настоящее; время пропадетъ понапрасну, сердце напоишь желчью и сдѣлаешь его неспособнымъ къ воспріятію благодати. Думаешь, что это всё можетъ быть послано въ наказаніе или въ очищеніе, въ укрѣпленіе силъ душевныхъ. Тяжкая борьба, но чтоже прикажете дѣлать!

Тысяча тысячъ мыслей роятся у меня въ головѣ. Не знаю, за которую взяться и обработывать. Отъ департаментскихъ занятій, въ самомъ Департаментѣ, я похищаю ежедневно съ полчаса и болѣе времени на чтеніе нашего Собранія, и если бъ мы знали, Валуевъ, какое неисчисленное множество новыхъ сторонъ тогдашняго Русскаго быта (временъ Θеод. Алексѣевича), любопытныхъ, важныхъ въ высшей степени, служащихъ драгоцѣнными данными для объясненія всего на-

шего древняго быта, вычитаны и отмѣчены мною на особыхъ листкахъ, потому что я не имѣю возможности брать Полнаго Собранія Законовъ къ себѣ на домъ! Это такая работа, которая вотъ такъ и тянетъ тебя къ себѣ. То-то было бы хорошо, если бъ и тѣ несчастныхъ 5 часовъ, которые я ежедневно убиваю на службѣ, я бы могъ посвятить этому любимому занятію. Но нечего дѣлать; надо покориться необходимости и прежде всего запастись терпѣніемъ, а то пожалуй потеряешь и то, что́ имѣешь.

Живу я попрежнему, не видясь почти ни съ кѣмъ. Недавно получилъ отъ Свербеевыхъ письмо, въ отвѣтъ на мое. Это письмо, болѣе всѣхъ другихъ оживило меня, такъ что я нѣсколько дней былъ удивительно здоровъ и бодръ. Но не могу согласиться на то, что мнѣ будто очень полезно бывать въ обществѣ, хотя изрѣдка. Они не знаютъ меня хорошенько. Ты возмешь на себя трудъ, когда увидишь ихъ, объяснить имъ, что, при моей подозрительности, непостоянствѣ, мелочности и способности увлекаться, выѣзды въ здѣшнее общество могутъ совсѣмъ погубить меня. А намъ нечего терять времени. Наше дѣло теперь—работать и надъ собой, и надъ истиной въ наукѣ, какою бы частью ея мы ни занимались, и скажи, какой успѣхъ въ службѣ, какія отличія въ обществѣ, какія связи могутъ замѣнить намъ то время, которое мы потеряемъ на выѣздахъ и развлеченіяхъ? Сверхъ того вспомни, что Хомяковъ, при моемъ отъѣздѣ, именно мнѣ совѣтовалъ *) не являться у Карамзиныхъ, куда прочатъ меня Свербеевы, ранѣе 2-хъ, 3-хъ лѣтъ. Теперь я вижу ясно, что этотъ благодатный совѣтъ данъ имъ былъ на основаніи хорошаго, глубокаго пониманія моей природы, негодной во многихъ отношеніяхъ. Но если бъ я и не понималъ этого, для меня слишкомъ достаточно, что это совѣтъ Хомякова, чтобъ исполнять его въ точности. За то со временемъ, когда судьба позволитъ мнѣ опять воротиться на родину по сердцу и по убѣжденію, всѣ вы, и Хомяковъ въ томъ числѣ, скажете мнѣ, что, не смотря на то, что я былъ въ Петербургѣ, я не испортился и достоинъ занимать между вами прежнее мѣсто. Вы подадите братски мнѣ руку и назовете меня своимъ; за одно это я готовъ всю жизнь свою не видать живой души. Ей, ей тако; говорю отъ полноты убѣжденія. Не отвѣчаю за будущее, но говорю отъ лица теперешняго Кавелина. Скажи это Хомякову, наставнику на путь истинный — и онъ пойметъ меня. Другимъ, разумѣется, это можетъ показаться смѣшнымъ и дѣтскимъ. Со всѣмъ тѣмъ, у Вяземскаго, какъ у человѣка, близко напоминающаго мнѣ Москвичей, я бываю довольно часто, и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ провожу время. На дняхъ онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, и

*) Совѣтъ многознаменательный. *П. Б.*

какъ мнѣ эта ни было тяжело, однако я согласился и обѣдалъ вмѣстѣ съ *Плетневымъ*, который мнѣ показался человѣкомъ очень посредственнымъ.

Знаешь ли ты, что я чуть чуть не ускакалъ въ Варшаву? Ты удивишься, а это дѣйствительно такъ было. Князь Вяземскій говорилъ мнѣ объ одномъ мѣстѣ въ канцеляріи Паскевича, съ жалованіемъ отъ 5 до 7 т. рубл. въ годъ, и думалъ, что я могу занять его. Я было готовился ѣхать, но оказалось, что это мѣсто еще не было утверждено, а только предполагалось его устроить. Такъ я и остался. А право бы недурно было махнуть куда нибудь изъ Питера.

Надобно тебѣ сказать, что я переселился на другую квартиру, а именно *въ Хлѣбный переулокъ, близъ Шестилавочной, въ домѣ Фольбаума.* У меня премиленькая комнатка, потомъ кухня, потомъ еще тёмная комнатка, гдѣ стоитъ мой обливальный шкапъ, укрѣпляющій мои нервы противъ всѣхъ частыхъ потрясеній, которымъ они теперь подвергаются и противъ простудъ грѣшное мое тѣло; наконецъ, передняя; плачу я за эту квартиру въ мѣсяцъ 30 рублей съ моимъ отопленіемъ. Въ переулкѣ тихо, тихо, какъ нельзя тише. По крайней мѣрѣ я освободился отъ проклятаго треску и шуму каретъ, отъ всей этой ложной жизни и ложнаго, суетнаго движенія, которое мнѣ сдѣлалось наконецъ отвратительнымъ.

Посылаю, тебѣ, Валуевъ, Штенцеля и статью, изъ него выбранную. Это вещь, братъ, чудесная, не по работѣ, а по содержанію. Я серьозно совѣтую, чтобы напечатать ее цѣликомъ, безъ выпусковъ и сокращеній при Маціовскомъ, или хоть гдѣ либо угодно, потому что она можетъ служить важнымъ пособіемъ во 1-хъ для изученія всего юридическаго быта Славянъ, и во 2-хъ для нашего законодательства, лишь только на устройство городовъ и деревень будетъ обращено хоть сколько нибудь вниманія. Эта статья современная. Я не могу ею довольно нахвалиться.

Что же касается до другихъ работъ, то долженъ сознаться, что покуда онѣ остановились. Я теперь между двумя огнями. Диссертація моя идетъ покуда медленно; причина та, что собиралъ нужныя мнѣ книги, а это дѣлается, какъ ты самъ знаешь, не такъ-то скоро. Потомъ другія работы меня развлекали, и я тѣмъ охотнѣе отдавался этому увлеченію, что оно избавляло меня отъ безпокойства, отъ непріятнаго чувства, которое ощущаемъ, когда что нибудь нужно дѣлать, а мы не дѣлаемъ, почему бы то ни было. Впрочемъ меня утѣшаетъ то, что Калачовъ откладываетъ составленіе своей статьи по крайней мѣрѣ

на полтора года. Потомъ ты мнѣ пишешь, что Маціовскій будетъ самъ дѣлать нужныя поправки; слѣд. весьма вѣроятно, что дѣло это окончится не такъ-то скоро. А мы отъ людей не отстанемъ, и между тѣмъ понаберемся новыхъ свѣдѣній, и тогда будемъ имѣть возможность писать съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла, слѣд. лучше и убѣдительнѣе.

Между тѣмъ не думай, чтобъ я лѣнился. Боже тебя оборони отъ такой мысли! Напротивъ, я чрезвычайно прилеженъ, даже болѣе, нежели въ Москвѣ. Мой образъ жизни тотъ же, какъ я его описывалъ тебѣ сначала; тѣ же 11 часовъ занятій. Одно, что̀ дурно, что при приближеніи осени какъ-то прибавляется охота ко сну.

Ну прощай же, братъ! Поклонись Кирѣевскимъ, особенно Петру В. и скажи ему, что пѣсни ожидаются всѣми съ велич. нетерпѣніемъ, даже въ Питерѣ. Пиши мнѣ, пожалуйста, душа моя почаще и побольше. Поклонись отъ меня Хомякову, нашему общему наставнику-руководителю на жизненномъ пути. Когда найду, что я достоинъ разговаривать съ нимъ объ нашемъ предметѣ и заочно, тогда напишу къ нему письмо—но не прежде, потому что не считаю себя вправѣ понапрасну отнимать у него время и ставить въ непріятную для него необходимость отвѣчать. Посылаю всѣмъ вамъ, длинный, радушный, сердечный Московскій привѣтъ, какъ роднымъ, и братьямъ, и прошу не забывать. Оторванный отъ васъ тѣломъ, а не духомъ и не любовью

К. Кавелинъ.

*

С.-Петербургъ, 19-го Сентября 1842 года.

Любезнѣйшій Дмитрій Александровичъ!

Давно ужъ я не писалъ къ тебѣ, и единственно потому, что не зналъ, куда писать. Думалъ, твои поѣздки и разысканія старыхъ актовъ и лѣтописей задержатъ тебя долѣе въ пути, нежели ты полагалъ, и, можетъ быть, я не ошибся; ибо не знаю, найдетъ ли тебя это письмо въ Москвѣ, какъ до сихъ поръ не знаю, получилъ ли ты мою посылку? Пожалуйста увѣдоми меня о послѣднемъ поскорѣе.

Вотъ, братъ, что: мой двоюродный братъ, тоже Кавелинъ, спасъ на дняхъ отъ погибели черновыя записки одного Казанскаго жителя и бывшаго Казанскаго студента, Кафтанникова, умершаго послѣ 30-го года—о развалинахъ городовъ Волжскихъ Болгаръ. Этотъ Кафтанниковъ былъ человѣкъ отмѣнно начитанный, трудолюбивый и страшный охотникъ до своего дѣла. Онъ собирался, какъ видно изъ его бумагъ, издать въ свѣтъ полное историческое и географическое описаніе всѣхъ

древнихъ памятниковъ Казанской губерніи; ѣздилъ всюду, самъ осматривалъ развалины и памятники на мѣстѣ; нарочно съ этою цѣлью разговаривалъ съ сторожилами, тамошними муллами, дослѣживалъ чортъ знаетъ гдѣ уцѣлѣвшіе еще памятники: словомъ, поступалъ какъ добросовѣстный и знающій ученый. Но не далъ ему Богъ докончить своего дѣла. Онъ умеръ, и сокровища, собранныя имъ — планы, рукописи и черновыя замѣтки, достались въ руки невѣждамъ-наслѣдникамъ, которые, какъ водится, раскуривали ими трубки и дѣлали изъ нихъ еще негоднѣйшее употребленіе. Случайно одинъ изъ офицеровъ, сослуживцевъ моего брата, бывши въ отпуску въ Казани, увидалъ часть этихъ бумагъ, и изъ любопытства, такъ, отъ нечего дѣлать, привезъ ихъ съ собою въ Петербургъ, вѣроятно, чтобъ впослѣдствіи обратить на тоже употребленіе, на какое пошли и другіе. Братъ мой, человѣкъ добропорядочный и умѣющій цѣнить подобные труды и бумаги (замѣчу, что онъ тоже Москвичъ, а если бъ былъ Петербуржецъ, то навѣрное бы столько у него въ головѣ не хватило), выпросилъ ихъ себѣ изъ милости и составилъ изъ того, что̀ нашелъ, статью весьма замѣчательную, подъ заглавіемъ: *Историческо-географическое описаніе древностей Болгарскихъ городовъ Булымера или Биляра, Булгара, Комана и др. и краткій историческій очеркъ Болгарскаго народа, соч. г. Кафтанникова.* Какъ человѣкъ небогатый, онъ собрался было продать ее за деньги Сенковскому; но, зная, что ты имѣешь въ виду издать сборникъ Славянскій, и слѣд. такая статья будетъ тебѣ весьма кстати, и сверхъ того не желая, чтобъ наши Петербургскія канальи имѣли возможность поломаться и надъ статьею, и надъ ея составителемъ (эти свиньи, которые важничаютъ, не понимая ни въ чемъ ни рыла ни уха и осмѣливаются на свой салтыкъ перековеркивать за безцѣнокъ покупаемыя ими любопытныя и замѣчательныя статьи), я остановилъ моего брата, предложивъ ему написать къ тебѣ, не возмешь ли ты ее себѣ, если она пригодится. Ты понимаешь, душа моя, что я далекъ отъ мысли навязать тебѣ ее на шею; поэтому и не посылаю въ подлинникѣ; ты дай мнѣ знать, хочешь ли печатать что̀ бы то ни было и какъ идетъ твой Сборникъ? Если подобнаго содержанія статья, по твоимъ соображеніямъ, можетъ найти у тебя мѣсто, тогда я вышлю ее съ 11-ю планами и рисунками, слѣдующими къ этой статьѣ и сдѣланными самимъ Кафтанниковымъ. Но опять, если найдешь ее нестоющею, ты обяжешь меня, если просто вышлешь назадъ, прямо объяснивъ причину; я разумѣется найду что̀ сказать брату, не обижая его; если поступишь иначе, то оскорбишь меня. Но если захочешь ее взять, то потрудись назначить цѣну, какую ты дать можешь; ибо для него это расчетъ: онъ человѣкъ небогатый. Въ заключеніе скажу тебѣ, что у него есть

еще другая статья объ тѣхъ же Болгарскихъ народахъ (т. е. не тѣхъ же, а тоже объ Волжскихъ Булгарскихъ городахъ, но объ другихъ), составленная изъ записокъ того же Кафтанникова, къ которой тоже слѣдуетъ множество плановъ, снимковъ и рисунковъ. Если первая найдена будетъ тобою годною, то онъ въ скоромъ времени докончитъ и доставитъ черезъ меня и другую. Пожалуйста, дай мнѣ отвѣтъ не медля.

Я, братъ, хвораю и хвораю. Дѣятеленъ попрежнему, попрежнему ни съ кѣмъ почти не знаюсь, а сижу себѣ, да работаю, вотъ и всё тутъ. Разумѣется работаю надъ нашимъ правомъ и исторіею, подмѣтилъ кое-что новаго и при свиданіи поговорю пространно. Здѣсь, братъ, я не долгій жилецъ. Такъ мнѣ городъ и духъ его мерзки, и служба и люди и воздухъ противны, что при первомъ удобномъ случаѣ убѣгу опрометью въ Москву; а вы, мои друзья Московскіе, къ тому времени подготовите мнѣ каѳедру въ Университетѣ . . . . Если буду живъ только, ужъ буду непремѣнно профессоромъ въ Москвѣ. Это какъ дважды два. Прощай, любезный мой Валуевъ, Богъ съ тобою и съ твоими начинаніями. Помни обо мнѣ и пиши почаще, да кланяйся всѣмъ, кто меня любитъ и помнитъ въ нашемъ кружкѣ, а кто не помнитъ, скажи: вы его не помните, а онъ васъ помнитъ и кланяется. Ты не ошибешься; всѣхъ Московскихъ то и дѣло перебираю въ памяти. Прощай. Твой отъ сердца К. Кавелинъ.

*

С.-Петербургъ, 1842 года, Сентября 30-го.

Сегодня я получилъ безцѣнное твое письмо, милый мой Валуевъ, и сегодня же спѣшу отвѣчать; оно такъ близко касается самой живой струны моего сердца, что не могу откладывать отвѣта вдаль.

Что касается до статьи, то я препровождаю ее къ тебѣ цѣликомъ и съ планами; увидишь, если годится; а если нѣтъ, то можешь и даже долженъ, какъ человѣкъ, дѣйствующій со мною вполнѣ откровенно, возвратить назадъ. Мнѣ она показалась важною и интересною, потому что взята вся изъ мѣстныхъ трудолюбивыхъ разысканій человѣка знающаго и добросовѣстнаго. Что касается до редакціи, она хороша, тѣмъ болѣе, что вся статья состоитъ изъ описаній развалинъ, выписокъ изъ лѣтописей и, такъ-сказать, изъ голой комбинаціи и соображенія однихъ историческихъ данныхъ. Въ ней все фактъ на фактѣ. Что касается Петербургскихъ цѣнъ, то объ нихъ провѣдать трудно; ибо здѣсь пишущая братія есть вѣчная и постоянная мечта всевоз-

можныхъ надувательствъ со стороны книжныхъ продавцевъ, журналистовъ и издателей; живется здѣсь однѣми надеждами и неисполненными обѣщаніями. Впрочемъ, я справлюсь и дамъ тебѣ знать въ скоромъ времени, какую, по моему, слѣдовало бы дать цѣну, а ты снесись съ Хомяковымъ о статьѣ и ея достоиствѣ. Я увѣренъ, что ему всѣ эти развалины Болгарскія извѣстны, какъ подноготная; Богъ знаетъ, почему и какъ, но онъ рѣшительно все знаетъ.

Ну, братъ Валуевъ, а за остальную половину твоего письма я не знаю, какъ тебя назвать, чтобы выразить всю радость и утѣшеніе за то, что Богъ натолкнулъ меня на такого человѣка, какъ ты. Теперь скажу тебѣ, что ты сказалъ мнѣ: станемъ гордиться тѣмъ, что идемъ объ руку съ тобою. Свершится ли все, что́ я желаю и чего ты мнѣ желаешь,—предоставимъ это Тому, Кто лучше насъ знаетъ, что́ намъ хорошо и что̀ дурно. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени я безусловно, вполнѣ проникнутъ убѣжденіемъ, что надобно очистить сердце отъ лукавыхъ расчетовъ и съ дѣтскою простотою отдаться водительству Божію, которое дѣйствуетъ на насъ всегда съ любовью, насылая на насъ нужды, болѣзни, горе, сколько мы вынести можемъ, никогда не болѣе, и при истощеніи силъ физическихъ и нравственныхъ находитъ всегда средства поддержать насъ, во сколько нужно. Только объ томъ молюсь я, чтобъ не оставилъ Богъ, а пошлетъ ли наказаніе или утѣшеніе—на это да будетъ Его святая воля. Этимъ я живу, этимъ я дышу теперь.

Такъ вотъ, братъ, что: знай и будь твердо убѣжденъ, что ни удачи, ни успѣхъ по службѣ (мнѣ теперь везетъ; я на отличномъ счету въ Департаментѣ, и меня тамъ очень любятъ), ни жизнь съ большими выгодами и удобствами не въ силахъ разлучить меня отъ мысли, при первой возможности, бросить все и переселиться къ вамъ въ Москву, на родину. Но теперь это невозможно. Буду съ тобою откровененъ. Ты вполнѣ и хорошо понялъ, почему я бѣжалъ безъ оглядки изъ Москвы: мнѣ тягостна была жизнь въ семействѣ, я бы погибъ тамъ отъ разныхъ и разныхъ причинъ, которыя заживо убивали меня и чуть-чуть не убили. Все это мнѣ еще памятно, и я знаю, что, возвратившись теперь, я опять сталъ бы въ прежнее положеніе, которое можетъ убить меня нравственно. Мы не дѣти; очень понимаю и вижу это, и поэтому остаюсь въ Питерѣ до поры-до времени, когда Богу угодно будетъ измѣнить мои обстоятельства. Согласись самъ, что жить въ Москвѣ и врознь со своими—невозможно; не говорю ужъ о томъ, что это глубоко бы оскорбило моихъ старыхъ и дряхлыхъ родителей; а я лучше соглашусь Богъ знаетъ на что скорѣе, нежели оскорбить ихъ подъ старость лѣтъ, когда только въ насъ, въ нашей покорности они

и могутъ находить утѣшеніе*). Они любили и любятъ меня, къ сожалѣнію, по своему; но если есть любовь, мы обязаны судить ее не по нашему мѣрилу, а по мѣрилу тѣхъ, которые любятъ. Слѣд., какъ ни привлекательна мнѣ жизнь съ тобою, въ тишинѣ, въ занятіяхъ, но отъ нея я долженъ теперь отказаться. Поэтому прими сказанныя мною слова не какъ мысль, принявшую опредѣленную форму, но какъ выраженіе чистой и безусловной любви къ вамъ всѣмъ, какъ желаніе жить неразлучно съ вами и принадлежать тѣломъ и духомъ Москвѣ.

Жизнь служебная имѣетъ для меня, если хочешь, важное, глубокое значеніе. Она знакомитъ насъ съ людьми, съ теперешнимъ положеніемъ вещей; но она съѣдаетъ также и все время, особливо теперь, когда я получилъ штатное мѣсто и долженъ работать и у себя послѣ обѣда. На ученыя занятія остается мало времени. Ты поймешь, что этимъ я огорченъ немало; но я сильно убѣжденъ, что и волосъ съ головы нашей не падетъ даромъ. Со своей стороны дѣлаю, что могу; урываю возможное время на ученыя занятія, ожидаю съ терпѣніемъ времени, когда я буду имѣть возможность посвятить всего себя на то, что̀ близко лежитъ къ сердцу, но рѣшительно заглушилъ въ себѣ всякій ропотъ, всякое чувство непріязни, недоброжелательства другимъ, и всякое безвѣріе, убивающее душу. Быть тому такъ, Его святая воля; не быть—пойду по своей дорогѣ, сохраняя прежде всего любовь и вѣру, дѣйствуя осмотрительно и осторожно, но жертвуя всѣмъ въ мірѣ, если зайдетъ рѣчь о малѣйшей выгодѣ съ запятненіемъ совѣсти или заглушеніемъ безграничной любви, вѣры и благодати, которая не входитъ въ нечистое сердце, оскверненное Нѣмецкими хитростями. Съ этой стороны, если хочешь, я теперь въ выигрышѣ: теперешняя моя жизнь такъ устроена, что она или должна убить меня вполнѣ и окончательно, или воспитать во мнѣ вѣру и любовь въ высочайшей степени. Посмотри, вся эта жизнь на волоскѣ; нѣтъ у меня ни большихъ средствъ, или, лучше сказать, частенько случается, что завтра надобно платить, а платить нечѣмъ; часто я боленъ, и боленъ крѣпко; занятія мои далеко не соотвѣтствуютъ ни моимъ занятіямъ предыдущимъ, ни моимъ видамъ и планамъ, которые лелѣялъ и воспитывалъ я, ты помнишь, со второго курса въ университетѣ, еще бывши почти юношей, до сего времени. Слѣд., матеріальной, внѣшней опоры нѣтъ. Весь въ себѣ; если на одну минуту забудешься и станешь искать на что стать твердою ногою, все напоминаетъ тебѣ, что такого подножія нѣтъ; если на минуту вѣра оставитъ тебя, мы впадемъ въ полное отчаяніе, потому что все идетъ наперекоръ внутреннему міру, который носимъ съ со-

*) Отецъ К. Д. Кавелина, Дмитрій Александровичъ, жилъ въ Москвѣ, состоя за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сенатѣ. Онъ умеръ въ 1850 г. Мать была родомъ Англичанка. П. Б.

бою. Но вѣрь безотчетно, но поддерживай въ себѣ любовь, не мечтательную и не созерцательную, а живую и чистую, въ мѣру силъ, данныхъ отъ Бога, и весь міръ измѣнится передъ тобою. Еслибъ ты зналъ, Валуевъ, какъ безконечно утѣшительно и сладко молиться, находясь въ такомъ положеніи, какъ я теперь. Какой запасъ силъ открываешь въ себѣ, которыхъ и не подозрѣвалъ въ иные годы! Въ какое близкое отношеніе становишься къ вѣчной любви, когда, кромѣ ея покрова, не находишь нигдѣ утѣшенія, и стоишь, открытый со всѣхъ сторонъ всѣмъ жизненнымъ бурямъ, и знаешь, и видишь это. Трудно передать тебѣ это чувство; ты живешь у добрыхъ людей за пазухой, а я живу теперь у Христа за пазухой. Чт̀о мнѣ пошлетъ, то и есть.

И такъ, спасибо тебѣ за предложеніе и за желаніе. Лишній добрый человѣкъ—находка, и не послѣдняя, въ наше время; но ты теперь самъ ясно видишь, что я никакъ не могу, до времени, воспользоваться твоими предложеніями. А когда будетъ возможно, вѣрь, я не измѣню своимъ наклонностямъ и желаніямъ и пріѣду опять къ вамъ. Жизнь, я это живо чувствую, должна очистить меня отъ многаго гадкаго, поселившагося во мнѣ: недоброжелательства, гордости, нетерпѣливости, словомъ, отъ всей той коры, которая нарастаетъ на насъ, когда мы объ себѣ много думаемъ; и тогда, очищенный, я явлюсь къ вамъ снова, какъ способный къ воспріятію всего добраго, когда былъ еще юношей. Дай Богъ только силы и бодрости, дай Богъ испытаній въ мѣру и постояннаго сознанія цѣли, къ которой прежде всего мы должны стремиться въ жизни.

1-го Октября. Не думай, однако, Валуевъ, чтобъ я ослабѣлъ нравственно. Я чувствую себя очень бодрымъ и здоровымъ духомъ и, странное дѣло, живя въ не-Русскомъ городѣ, живѣе, нежели когда-нибудь сознаю, что я Россійскій человѣкъ. Словомъ, я исправляюсь видимо: веселъ постоянно, заботы не знаю, потому что дѣтски люблю и вѣрую, добиваюсь всѣми мѣрами возможной простоты въ мысляхъ, дѣйствіяхъ и жизни, и за то взаимно любимъ тѣми, съ кѣмъ судьба поставила въ отношенія. Ты поймешь меня поэтому вполнѣ, когда скажу тебѣ, что я не хочу покуда сближаться съ высшимъ обществомъ въ Петербургѣ, ибо это сближеніе необходимо повлечетъ за собою нѣкоторое чванство, соперничество въ мелочахъ и глупостяхъ, лицемѣріе на каждомъ шагу и пр., и пр. Впадешь опять въ дрязги и мелочи, которыя теперь опять могутъ возвратить меня на старую колею и сдѣлать вновь человѣкомъ пустымъ и ничтожнымъ, убивъ добрыя и святыя начала. Что-жъ дѣлать! Человѣкъ я еще не слишкомъ сильный; такъ лучше уберегу себя, а когда силы окрѣпнутъ болѣе, тогда, по-

жалуй, готовъ ѣздить и бывать гдѣ угодно; но не теперь. Не хочу утратить того, что̀ имѣю, ибо ставлю это выше всѣхъ успѣховъ, выше всего на свѣтѣ.

Однако, прощай, братъ. Я заболтался; на дняхъ напишу тебѣ еще подобное письмо, потому что люблю выливать тебѣ то, что̀ лежитъ на душѣ. Богъ дастъ, жизнь опять столкнетъ насъ другъ съ другомъ, и тогда ты увидишь во мнѣ самъ большую перемѣну къ лучшему. Я знаю, что это тебя порадуетъ, какъ ты порадуешься, читая это письмо; ибо я увѣренъ, что путь, которымъ иду, есть настоящій Русскій путь, и сила живаго убѣжденія, основаннаго на любви и вѣрѣ, составитъ со временемъ сознанную основу Славянской жизни. Прощай. Отъ души и сердца вѣчно твой К. Кавелинъ. Будешь писать, пиши такъ: *на Шестилавочной, въ домѣ Чурковскаго.*

*

С.-Петербургъ, 10-го Октября 1842 года.

Недавно послалъ я къ тебѣ письмо, любезный другъ Валуевъ, и вотъ ужъ опять пишу новое. Причины особенной нѣтъ, а писать къ тебѣ хочется. Ты знаешь, что у каждаго изъ насъ есть благодатныя минуты, когда такъ бываешь настроенъ, что непремѣнно нужно перелить въ кого нибудь, человѣка близкаго, то чѣмъ бываешь преисполненъ. Что̀ это такое, самъ не знаю; Богъ знаетъ почему, на душѣ у меня такъ тихо, такъ спокойно, какъ будто бы я сдѣлалъ доброе дѣло, и благодать пошла по мнѣ. Не смѣйся надо мною за это. Ты вѣроятно самъ нерѣдко испытывалъ минуты, подобныя той, которую описываю, но не знаю, цѣнилъ ли ты ихъ такъ высоко, какъ я. Положеніе твое другое; столкнувшись въ главномъ и существенномъ, мы какъ будто нарочно поставлены въ совершенно различныя положенія на пути жизни, можетъ быть для того, что доказать собою и для себя великую истину, что не различіе положеній въ мірѣ кладетъ различіе между людьми, а можетъ быть и для того, чтобъ, взаимно передавая другъ другу опыты жизни, обогащаться обоимъ: ибо я вѣрю, что мы не напрасно столкнулись и не на два мѣсяца. Гадкіе взрывы моего, какъ ты называешь, взбалмошнаго характера не побѣдятъ твоей кротости; твои причуды и странности будутъ прощаться мною, во-первыхъ потому, что я много работаю надъ укрощеніемъ своего нрава и уже нѣсколько успѣлъ, а потомъ ты мнѣ слишкомъ много доказалъ на опытѣ, какъ ты меня понимаешь и обезоружилъ меня давно. Вспомни Люблино, вспомни наше житье-бытье въ Москвѣ, Валуевъ! Сколько хорошаго, сколько добраго, сколько спасительнаго для меня было тамъ

и есть теперь? Откуда набрался я силъ передъ отъѣздомъ въ Питеръ, какъ не изъ кружка, въ которомъ вертѣлся? И право, не смѣю отвѣчать за будущее, но сѣмя пало не на дурную почву. Перетерпѣвши первыя бури, первые невзгоды Петербургской жизни, я чувствую теперь въ себѣ большія силы, какихъ давно не замѣчалъ въ себѣ. Меня давитъ служба, меня тяготитъ мысль, что иду не по желанной дорогѣ и буду идти по ней Богъ знаетъ еще сколько времени; и со всѣмъ тѣмъ, ввечеру, когда соберу всѣ силы и съ совершенно чистою вѣрою изливаю передъ многолюбящимъ Богомъ страданія и мольбы свои, во мнѣ снова воскресаютъ ослабѣвшія силы духа, и опять съ полною вѣрою иду на борьбу и съ собою, и съ окружающимъ. Такъ проходятъ дни и мѣсяцы. Обращаюсь назадъ, пробѣгаю въ памяти время, проведенное мною здѣсь и вижу, что сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи во внутреннемъ преобразованіи самого себя. Это даетъ мнѣ новыя силы и чудеснымъ образомъ соединяетъ съ вами всѣми: всѣ мои мысли, всѣ мои помышленія, надежды и желанія обращены къ вамъ и къ служенію истинѣ не словомъ мертвымъ, но дѣломъ, но осуществленіемъ надъ самимъ собой святыхъ убѣжденій. Быть можетъ, со временемъ, окрѣпну съ самоиспытаніемъ и самоисправленіемъ, въ дѣлѣ жизни осуществивъ то, что̀ въ большей части изъ насъ оставалось до сихъ поръ однимъ словомъ или мыслью, прекрасною, правда, но мертвою,—быть можетъ, тогда укажется мнѣ болѣе обширный кругъ дѣйствія, и я не останусь совершенно безполезнымъ для собратій.

Прости мнѣ, любезный другъ Валуевъ, что я въ каждомъ письмѣ такъ безпощадно кормлю тебя однимъ и тѣмъ же. Если ты *меня* любишь, а не то только, что̀ я могу сдѣлать, тебѣ много скажетъ это частое повтореніе одного и того же, особливо если сравнить его съ предыдущимъ моимъ состояніемъ. Согласись, что воскресшему простительно радоваться жизни, не смотря на то, что это чувство жизни непередаваемо, и что живущіе давно живутъ имъ, и ощущаютъ его. И такъ будь снисходителенъ; я вашъ младшій братъ, котораго вы должны принять съ любовью, а не тяготиться его дѣтскими выходками. И чудныя надежды осѣняютъ теперь меня; тысячу мыслей сталкиваются въ головѣ и въ груди и побуждаютъ къ новой дѣятельности. Меня радуетъ безконечно мысль, что со временемъ, оттерпѣвши свое, я дружно съ вами встрѣчу воскресеніе омертвѣвшей жизни, и мысль, закованная теперь въ сухія, схоластическія формы, снова станетъ творить ихъ, уже на вѣчную жизнь, вѣчно гибкія, вѣчно покорныя высшей жизни духа!

Прощай. Поклонись нашимъ; къ Екат. Ал. *) я уже написалъ письмо. Къ Хомякову отправляю сегодня. Богъ съ тобой. Твой на вѣки К. Кавелинъ.

*

До 10 Окт. 1842 г. Кавелинъ жилъ въ Петербургѣ уединенно. Затѣмъ онъ поселился на одной квартирѣ съ Кульчицкимъ и Н. Н. Тютчевымъ, къ которымъ часто хаживали В. Г. Бѣлинскій, И. И. Панаевъ, Н. А. Некрасовъ, И. С. Тургеневъ. „Бѣлинскаго", вспоминалъ Кавелинъ, „въ нашемъ кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались: каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше. Бѣда, если она попадалась на глаза Бѣлинскому: онъ ее выворачивалъ тотчасъ же напоказъ всѣмъ и неумолимо, язвительно преслѣдовалъ несчастнаго дни и недѣли, не келейно, а соборнѣ, передъ всѣмъ кружкомъ. Мнѣ немало доставалось за „прекраснодушіе" и за Славянофильскія наклонности, которыя въ то время были очень сильны... Мы понимали, что онъ въ своихъ сужденіяхъ часто бывалъ не правъ, увлекался страстью за предѣлы истины; мы знали, что свѣдѣнія его кромѣ Русской литературы и ея исторіи бывали недостаточны; мы видѣли, что Б. часто поступалъ какъ ребенокъ, какъ ребенокъ капризничалъ, малодушествовалъ и увлекался... Но все это исчезало передъ подавляющимъ авторитетомъ великаго таланта, страстной, благороднѣйшей гражданской мысли и чистой личности, безъ пятна, личности, которую нельзя было подкупить ничѣмъ,—даже ловкой игрой на струнѣ самолюбія. Вліяніе Б. на мое нравственное и умственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни было неизмѣримо, и оно никогда не изгладится изъ моей памяти". Изъ приведенныхъ словъ можно заключить, что Бѣлинскій, очаровавшій Кавелина, *высмѣялъ* всѣ тѣ задушевныя чаянія и мечтанія, которыми полны напечатанныя выше письма. Въ Кавелинѣ до конца его дней много осталось чертъ общихъ съ „Славянофилами"; но ихъ вѣроисповѣдныя воззрѣнія до того стали ему чужды, что его почтенный біографъ, профессоръ Д. А. Корсаковъ, не знавшій вышенапечатанныхъ писемъ, имѣлъ полное право сказать, что онъ-де ихъ никогда не раздѣлялъ: „онъ всегда очень высоко ставилъ христіанство, но внѣ его церковно-обрядовыхъ формъ". О дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ Валуевымъ мы не знаемъ. 24 Февраля 1844 года Кавелинъ блестяще защитилъ свою магистерскую диссертацію и сдѣлался доцентомъ Московскаго Университета 23 Января 1845 г. Въ Ноябрѣ этого же года Валуевъ скончался. Кавелинъ женился на А. Ѳ. Коршъ и сталъ принимать участіе въ „Отечественныхъ Запискахъ". Его отзывы въ этомъ журналѣ о Валуевскихъ сборникахъ показываютъ, что онъ уже „сжегъ то, чему поклонялся". Но теплыя отношенія къ „Москвичамъ" остались у него навсегда. Ю. Б.

---

*) Свербеевой.

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

1851—1852 годы.

(Изъ памятной книжки В. А. Муханова).

Парижъ, 20 Сентября (2 Окт.).

Вскорѣ послѣ Іюльской революціи генералъ Athalin былъ отправленъ въ С.-Петербургъ. Тогдашнее Французское правительство полагало, что при С.-Петербургскомъ дворѣ враждебнѣе всѣхъ новому королю Французовъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Въ инструкціяхъ, данныхъ чрезвычайному министру, сказано было, что онъ долженъ былъ употребить особенное стараніе для расположенія великаго князя въ пользу Людвига-Филиппа. По пріѣздѣ въ Петербургъ, не теряя времени, Athalin изъявилъ желаніе представиться его высочеству. Онъ старался съ зависящимъ отъ него краснорѣчіемъ убѣдить великаго князя въ необходимости, которая предстояла герцогу Орлеанскому *) вступить на престолъ; онъ утверждалъ, что ему ничего иного не оставалось дѣлать. Разговоръ былъ продолжителенъ. Выслушавъ съ особеннымъ вниманіемъ министра, великій князь сказалъ: «Благодарю васъ за сообщенныя мнѣ объясненія и подробности; но мнѣ неизвѣстно одно обстоятельство, о которомъ вы не упомянули и которое по моему весьма важно. Во время борьбы Іюльской былъ ли герцогъ Орлеанскій при королѣ?» Отвѣтъ отрицательный имѣлъ послѣдствіемъ слѣдующее замѣчаніе великаго князя. «Тогда, сказалъ онъ съ живостью: это обстоятельство все объясняетъ. Въ подобную минуту никто и ничто не могло бы меня удалить отъ Императора». Благородство словъ его высочества прекратило разговоръ, приведя въ нѣкоторое замѣшательство Французскаго генерала.

---

*) Т. е. Людвигу-Филиппу, который еще въ 1804 году добивался Французскаго престола. Противъ него предостерегалъ Русское правительство графъ С. Р. Воронцовъ (см. „Архивъ Князя Воронцова“ XV, 226). Великому князю Михаилу Павловичу было, вѣроятно, извѣстно, что Людовикъ-Филиппъ, будучи 19 лѣтъ отъ роду, служилъ въ войскахъ первой Французской республики и носилъ имя отца своего Égalité. П. Б.

Карлъ X-й никогда не подозрѣвалъ герцога Орлеанскаго въ какихъ либо домогательствахъ проложить себѣ путь къ престолу. Когда ему говорили о томъ его приближенные и окружающіе, онъ съ негодованіемъ отвергалъ подобныя свѣдѣнія. Однажды одинъ изъ его министровъ имѣлъ случай собрать нѣсколько документовъ, которые служили неоспоримыми уликами противъ герцога Орлеанскаго. Прочитавъ принесенныя бумаги, король погрузился въ задумчивость; въ чертахъ его выражалось огорченіе. Между тѣмъ министръ предлагалъ огласить предосудительныя дѣйствія герцога. Карлъ X возразилъ на это: «Между герцогомъ Орлеанскимъ и престоломъ слабый младенецъ*). Нельзя позорить того, кто будетъ призванъ царствовать, можетъ быть, во Франціи».

*

26 Сентября (8 Октября).

Храмъ Богоматери Парижской принадлежитъ сооруженіемъ своимъ къ началу XI-го столѣтія, а конченъ въ исходѣ XVI-го вѣка. Этотъ памятникъ готическаго зодчества, съ двумя своими четыреугольными башнями, величественъ. На дверяхъ много барельефныхъ изображеній. Соборъ Богоматери напоминаетъ многія и важныя событія. Здѣсь, 6 дней до Варѳоломеевской ночи, торжественно совершился бракъ Генриха IV съ Маргаритою Медичи; здѣсь въ 1779 г., въ ознаменованіе радостнаго разрѣшенія отъ бремени королевы, обвѣнчаны 100 молодыхъ дѣвушекъ, щедро награжденныхъ; здѣсь принесено было благодарственное молебствіе по случаю рожденія дофина. Это религіозное торжество было послѣднее до революціи. Потомъ начинается рядъ горестныхъ случаевъ, означавшихъ успѣхи революціи. Не хочу назвать того Парижскаго архіепископа, который, къ величайшему соблазну церкви Католической, торжественно объявилъ въ Конвентѣ, что въ продолженіе 60 лѣтъ былъ лицемѣромъ и что вѣра, исповѣдуемая имъ съ младенчества, имѣла основаніемъ ложь и заблужденіе. Скоро потомъ приговоренный къ смерти, онъ положилъ голову свою на плаху. Въ 1793 г. Конвентъ уничтожилъ Католическое вѣроисповѣданіе и замѣнилъ его поклоненіемъ Разуму, назвавъ соборъ Богоматери храмомъ Разума. Но я не желаю далѣе останавливаться на сей ужасной эпохѣ и переношусь ко времени болѣе утѣшительному. 18 Апрѣля 1802 г., въ день Пасхи, въ соборѣ Богоматери празднуемо было подписаніе Конкордата и возстановленіе Католической вѣры во Франціи. При семъ торжествѣ присутствовали консулы. 1-го Декабря 1804 г. совер-

---

*) Т. е. внукъ Карла X-го, герцогъ Шамборъ, сынъ убитаго въ 1820 году герцога Беррійскаго. П. Б.

шился обрядъ помазанія Наполеона съ большимъ великолѣпіемъ, не смотря на сильный морозъ. Папа Пій VII и новый императоръ выѣхали въ 10 часовъ изъ Тюльерійскаго дворца въ соборъ. Шествіе представляло величественное зрѣлище; первые государственные сановники несли знаки и одѣянія императорскіе: ордена, скипетръ, мечъ и корону Карла Великаго. Императоръ и императрица были помазаны папою, но Наполеонъ самъ возложилъ на себя корону. Изъ всѣхъ обрядовъ, бывшихъ въ соборѣ Парижской Богоматери, обрядъ коронованія императора признанъ самымъ великолѣпнымъ и торжественнымъ. 17 Іюня 1816 г., въ томъ же храмѣ совершенъ былъ бракъ герцога Беррійскаго съ Неаполитанскою принцессою, а 2 Мая 1841 г. происходило крещеніе графа Парижскаго. Хорошо, что не было исполнено опредѣленіе, состоявшееся въ 1793 г. и которымъ положено разрушить соборъ. Когда я посѣтилъ это величественное зданіе, тамъ совершалась служба. Священники въ ризахъ, похожихъ на наши, ходили по церкви передъ главнымъ престоломъ и пѣли единообразнымъ напѣвомъ; имъ вторили пѣвчіе и всѣ присутствующіе. Въ первое Воскресенье каждаго мѣсяца все духовенство собора съ крестомъ и св. дарами обходитъ внутри храмъ. Я видѣлъ эту процессію. Надъ старшимъ священникомъ, который несъ дарохранительницу, держали два швейцара балдахинъ. Всѣ женщины и немногіе мужчины преклоняли колѣна, когда шествіе проходило мимо ихъ. Въ 1831 г., при опустошеніи Парижскою чернью St. Germain l'Auxerrois и архіерейскаго дома, буйная толпа, подъ предводительствомъ офицеровъ національной гвардіи, ворвалась и сюда и многое что̀ могла истребила. Потеря, понесенная храмомъ, невозвратима; одежда Наполеонова при коронованіи и богатыя ризы, принесенныя имъ въ даръ при семъ случаѣ епископу и капитулу, были изрѣзаны по причинѣ золотого шитья, украшавшаго ихъ и похищеннаго чернью. Впослѣдствіи ризы были исправлены и возобновлены.

2 (14) Октября (Вторникъ). Погода пасмурная, но очень теплая. Я посѣтилъ памятникъ несчастнаго, добродѣтельнаго и слабаго Людвига XVI-го. Онъ воздвигнутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находилось нѣкогда кладбище Магдалины; тамъ были преданы землѣ многочисленныя жертвы, падшія 10 Августа 1792 года. 21 Января 1793 г., бренные останки Людвига XVI-го отвезены были туда въ телѣжкѣ и похоронены между двумя слоями извести. 16-го Октября того же года прахъ Маріи-Антуанеты былъ преданъ землѣ рядомъ съ прахомъ ея супруга на томъ же кладбищѣ, гдѣ также покоятся многочисленныя жертвы революціонернаго суда. Въ 1815 г. Людвигъ XVIII велѣлъ

произвести изслѣдованіе о драгоцѣнныхъ останкахъ царственныхъ мучениковъ; нашли нѣсколько бренныхъ частицъ, остальное истреблено было известью. Сіи останки были торжественно перенесены на королевское кладбище Св. Діонисія, а для увѣковѣченія памяти дней 21 Января и 16 Октября, искупительная церковь или капелія воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ покоился прахъ святыхъ страдальцевъ. Пройдя ворота, съ обѣихъ сторонъ въ нѣкоторомъ разстояніи, тянутся двѣ галлереи, подъ сводомъ коихъ похоронены Французскіе и Швейцарскіе тѣлохранители; по самымъ же краямъ дороги цвѣтутъ даліи и другія растенія. Церковь имѣетъ форму крестообразную, освѣщена сверху, и три стороны ея образуютъ полукружія. Въ среднемъ устроенъ престолъ изъ бѣлаго мрамора, которому украшеніемъ служатъ только изображеніе Спасителя и 6 подсвѣчниковъ; въ правомъ полукружіи изображенъ Людвигъ XVI-й, которому духовникъ, представленный въ видѣ ангела, указываетъ на небо; статуя есть дѣло художника Бозіо. Внизу на черной мраморной доскѣ золотыми литерами изображено духовное завѣщаніе незабвеннаго короля. Въ лѣвомъ полукружіи также группа изъ бѣлаго мрамора, изображающая Марію-Антуанету и религію въ видѣ женщины, держащей крестъ. Подъ групою на доскѣ изображено послѣднее трогательное письмо королевы къ принцессѣ Елисаветѣ. Съ обѣихъ сторонъ сходъ въ погребальный склепъ, гдѣ также престолъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально были королевскія могилы. Тамъ до 1830 года ежедневно совершалась обѣдня за упокой, теперь же она совершается также ежедневно, но въ верхней церкви. Въ стѣнахъ храма сверху до низу заключены кости, найденныя въ землѣ при сооруженіи зданія. На фронтонѣ слѣдующая надпись: «Король Людвигъ XVIII воздвигъ сей памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ покоились въ продолженіе 21 года бренные останки короля Людвига XVI и королевы Маріи-Антуанеты, перенесенные 21 Января 1815 года въ королевскую церковь Св. Діонисія; памятникъ сей довершенъ во второй годъ царствованія Карла X, въ лѣто отъ Р. X. 1826 г.»

20 Октября (1 Ноября). Былъ праздникъ всѣхъ святыхъ (la Toutsaint), имѣющій здѣсь тоже значеніе, что у насъ родительская, такъ называемая Троицкая, Суббота. Парижане имѣютъ обычай отправляться на кладбища, которыя обращаются въ совершенныя гульбища. Въ одиннадцать часовъ я сѣлъ въ омнибусъ и отправился въ Перъ-Лашезъ; кондукторъ далъ мнѣ билетъ, по которому я получилъ на Бастильской площади мѣсто въ другомъ омнибусѣ, отходившемъ къ мѣсту послѣдняго жилища Парижской аристократіи. Омнибусы были полны; въ нихъ сидѣли и щеголихи, и блузники, но никто не нарушалъ пра-

вилъ приличія, а напротивъ всѣ отличались особенною вѣжливостью. По обѣимъ сторонамъ послѣдней улицы, ведущей къ кладбищу, устроены лавки, гдѣ продаются надгробные памятники, статуйки, изображающія Божію Матерь, ангеловъ и святыхъ. Омнибусъ подвигался медленно по причинѣ густой толпы, наполнявшей улицу. Въ каретѣ противъ меня сидѣла красивая женщина; когда она вышла, машинально послѣдовалъ я за нею, но замѣтивъ, что она повернула въ сторону, куда я не желалъ идти, я спросилъ у полицейскаго чиновника, къ кому мнѣ обратиться, чтобы получить проводника. «Въ первой аллеѣ найдете вы, отвѣчалъ онъ, чиновника въ синемъ мундирѣ, при шпагѣ и треугольной шляпѣ; онъ поспѣшитъ исполнить ваше желаніе». Недолго я искалъ синяго мундира; въ началѣ мой чиновникъ заломался было, отговариваясь невозможностью оставить то пространство, по которому по обязанности долженъ прохаживаться, но вскорѣ обѣщанная награда заставила его сдаться на мое требованіе. Памятники по большой части состоятъ изъ часовенъ, болѣе или менѣе обширныхъ, изъ коихъ въ иныхъ живописныя, въ другихъ изваянныя изображенія Божіей Матери и Спасителя; въ нѣкоторыхъ по обѣимъ сторонамъ изображеній горѣли свѣчи. Часто женщины, по одеждѣ и походкѣ принадлежащія къ высшему обществу, вынимали изъ кармана ключъ, входили въ часовни съ большими букетами цвѣтовъ и, преклоняя колѣна, молились о блаженномъ успокоеніи отшедшихъ друзей. Многіе очищали памятники отъ травы, поросшей около. Въ этой заботливости живыхъ объ умершихъ есть что-то особенно умилительное. Оставляя шумъ міра и заботы житейскія, мы идемъ въ тихое убѣжище для таинственной бесѣды съ нашими родными и друзьями, жителями другого міра, гдѣ мы надѣемся нѣкогда соединиться съ ними и уже болѣе не нарушать нашего союза, на всю жизнь неразрывно скрѣпленнаго. Кладбище заключаетъ четыре рода могилъ. 1-е *Общія*, гдѣ хоронятся безденежно бѣдные люди, которыхъ гробы ставятся одинъ подлѣ другого въ ямѣ четырехъ футовъ съ половиною глубины. 2-е *Временныя*, которыя за 50 франковъ пріобрѣтаются срокомъ на 10 лѣтъ, по истеченіи коихъ опять отбираются, хотя и можно на нихъ въ продолженіе срочнаго времени воздвигать памятники. 3-е *Вѣчныя*, которыя пріобрѣтаются съ взносомъ 250 франковъ, на которыхъ можно воздвигать постоянные памятники. Лучшій памятникъ воздвигнутъ по подпискѣ Казимиру Перье; мѣсто, гдѣ онъ стоитъ весьма возвышенное и открытое. Министръ представленъ во весь ростъ на пьедесталѣ, на трехъ сторонахъ котораго изображены аллегорическія фигуры Краснорѣчія, Правосудія и Свободы. Памятникъ обнесенъ рѣшеткою. Монументъ генерала Фуа сооруженъ пожертвованіями друзей его, т. е. членовъ лѣвой стороны

палаты депутатовъ во время Ресторацiи. Камень Benjamin-Constant скроменъ и не отличается особенною изящностью; тоже можно сказать о памятникѣ Гарнье-Пажеса. Миръ праху сихъ мужей, которыхъ Провидѣнiе щедро надѣлило дарами, употребленными ими не на защиту общественнаго порядка, а на распространенiе понятiй о ложной свободѣ, причинившей много бѣдствiй Францiи и нынѣ ведущей ее къ безначалiю. Далѣе указали мнѣ на часовню, замѣчательную обширностью и тяжелою архитектурою. Въ ней стоитъ бюстъ мужской, подъ коимъ изображенiе женщины, погруженной въ глубокую скорбь. Эта вдова—наша соотечественница, которая не долго оплакивала своего друга; она опять вышла замужъ, и послѣднiй бракъ ея уже третiй. Особенная чувствительность сердца увлекла ее далеко; она забыла аристократическое имя, отечество, родство, дружбу, чтобы влачить безполезную жизнь на чужой сторонѣ, гдѣ, по утратѣ добраго имени, ожидаетъ ее неминуемое разоренiе. Надъ гробницею маршала Нея, разстрѣленнаго во время Ресторацiи, нѣтъ памятника, а только рѣшетка окружаетъ могилу. Монументы Мольера и Лафонтена просты; около нихъ стоятъ растенiя и цвѣты, которые часто возобновляются. Попеченiе о сихъ гробницахъ принялъ на себя городъ Парижъ. Увидѣвъ на одномъ камнѣ телеграфическiй знакъ, я догадался, что подъ нимъ покоится изобрѣтатель воздушныхъ телеграфовъ Шапъ. На кладбищѣ небольшая церковь; тамъ нашелъ я нѣсколько женщинъ и мужчинъ, которые стояли на колѣнахъ. Вышедъ оттуда, я былъ восхищенъ видомъ на Парижъ. Не смотря на туманъ, который всегда облегаетъ городъ, явственно видны были: Val-de-Grâce, Пантеонъ, Notre-Dame, La Boquette и другiя зданiя. Въ Перъ-Лашезѣ я особенно тронутъ былъ могилами людей недостаточныхъ; онѣ были украшены цвѣточными букетами и вѣнками; на послѣднихъ были надписи: à notre bon père, à notre plus tendre des mères и пр. и пр. Обозрѣвъ множество дорогихъ и богатѣйшихъ памятниковъ, я не былъ удивленъ сдѣланному исчисленiю, по которому оказывается, что въ теченiе послѣдняго пятидесятилѣтiя издержано было на сооруженiе памятниковъ на кладбищѣ Перъ-Лашеза 100.000.000 франковъ.

24 Октября (5 Ноября). Посѣтилъ Народное Собранiе, которое произвело на меня самое неблагопрiятное впечатлѣнiе. Прежняя зала оставлена; въ ней, говорятъ, все сохранено, какъ было въ царствованiе Людовика-Филиппа. Республика помѣстила своихъ законодателей въ новой залѣ. Мнѣ случилось сидѣть въ трибунѣ, которая приходилась прямо противъ мѣста, занимаемаго президентомъ. Налѣво отъ него мѣсто лѣвой стороны или горы, составляющей, какъ извѣстно,

оппозицію, которая есть виновница всякихъ безпорядковъ, и въ самомъ собраніи и внѣ онаго, то-есть въ несчастной Франціи. Направо отъ президента мѣсто правой стороны, иначе называемой охранительной. Во второмъ часу начали сходиться члены. Нѣкоторыхъ я уже зналъ, какъ, напримѣръ, Тьера, Араго и другихъ. Прочіе, какъ Léon Faucher, только что выбывшій изъ министерства и заслужившій общую признательность за свою твердость; Эмиль Жирарденъ, честолюбецъ дѣйствующій изъ личныхъ выгодъ безъ убѣжденія и нимало не заботясь о благѣ Франціи; Каваньякъ, оказавшій услуги во время Іюньскихъ дней, ознаменованныхъ ужасами войны междоусобной, и замѣчательный благородною наружностью; генералъ Бедо, отличающійся твердымъ голосомъ и свободными пріемами. Въ половинѣ третьяго часа открылось засѣданіе. Президентъ Дюпенъ удалился въ другую комнату, ибо подлежало подвергнуть избранію и его, и вице-президентовъ. Члены собранія одинъ за другимъ входили на каѳедру и опускали шары въ чаши или урны. Дюпенъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ. Многіе изъ трибуны, гдѣ я сидѣлъ, стали уходить. Къ сожалѣнію, сосѣди мои изъ Французовъ были люди не разговорчивые и по образованію вовсе незамѣчательные. Нѣкоторые изъ нихъ, произнося справедливо строгое сужденіе о членахъ собранія, употребляли самыя неприличныя выраженія при дамахъ. Убранство залы внутри очень просто: ни картинъ, ни статуй нѣтъ. Надъ мѣстомъ президента надпись: République française. Потомъ Liberté, Égalité, Fraternité. Между окнами трехцвѣтныя знамена. Видъ залы напоминаетъ декораціи провинціальныхъ театровъ. Посмотрѣвъ на все это, я невольно подумалъ: стоило ли проливать потоки крови, чтобы получить правленіе, вовсе несогласное съ характеромъ народа и ведущее его рѣшительно къ совершенному безначалію? Богъ надѣлилъ Францію щедро прекраснымъ климатомъ, плодородіемъ почвы, разнообразными и богатыми произведеніями. Люди не умѣли употребить съ пользою всѣ сіи дары и, увлеченные безвѣріемъ и грубымъ матеріализмомъ, они поставили свое отечество на край пропасти. Увидѣвъ, что началась баллотировка вице-президентовъ, которая должна была занять все засѣданіе, я, подъ вліяніемъ грустныхъ размышленій о судьбѣ Франціи, оставилъ собраніе.

Въ церкви Магдалины проповѣдникъ Вентура произнесъ слово на слѣдующій текстъ: Отдавайте Кесарево Кесарю, а Божье Богу. Проповѣдникъ прекрасно развернулъ мысль, почему забвеніе Бога ведетъ къ неуваженію власти. Слишкомъ много заботясь о правахъ человѣка, забыли права Бога. Нѣтъ сомнѣнія, что пока не возстано-

вится во Франціи святая вѣра и Французами будетъ руководить личныя ихъ выгоды, несчастная земля сія останется игралищемъ человѣческихъ страстей. Произношеніе проповѣдника Итальянское, но онъ говоритъ убѣдительно и краснорѣчиво.

4-го (16) Ноября (Воскресенье). Bautin, Парижскій викарій въ церкви Saint-Roch, произнесъ слово о христіанскомъ милосердіи. Не тотъ имѣетъ любовь христіанскую, кто рожденъ съ чувствомъ благорасположенія къ ближнему; такое качество врожденно, ничего не сдѣлано для пріобрѣтенія его, слѣдовательно нѣтъ никакого достоинства обладать имъ. Нѣтъ любви и тамъ, гдѣ за пожертвованіе въ пользу ближняго получается удовольствіе. Сюда принадлежатъ благотворительные концерты и балы: даешь извѣстную сумму, чтобы за нее пріобрѣсти нѣсколько веселыхъ часовъ. Не можетъ быть любви также, когда помогаешь людямъ въ нуждѣ, опасаясь, чтобы крайность не раздражила ихъ такъ, чтобы самое правительство не имѣло довольно силы укротить ихъ: здѣсь просто дѣйствіе страха и мѣры предосторожности для удаленія угрожающей опасности. Наконецъ, не можно назвать любовію то чувство, которое побуждаетъ насъ къ благотворительному дѣлу единственно изъ желанія, чтобы имя наше было напечатано въ журналахъ въ числѣ именъ людей, занимающихся добрыми дѣлами.

Нѣтъ, христіанская любовь не есть простая случайность, или желаніе удовольствія, или стремленіе къ безопасности, или дѣло тщеславія. Нѣтъ! Когда она дѣйствуетъ, она забываетъ себя и помнитъ только Бога и ближняго. Чѣмъ болѣе подвиги ея сопряжены съ собственными лишеніями, тѣмъ они выше и благороднѣе. Безъ сомнѣнія, хорошо утолить голодъ неимущаго, помочь деньгами нуждающемуся; но не лучше ли еще принести пользу въ нравственномъ отношеніи? Въ наше время бѣдность велика; какъ ни значительны наши пособія, они не могутъ истребить зло. Очевидно, что одно вещественное содѣйствіе съ нашей стороны недостаточно. Мы должны стараться излѣчить язвы сердца. Внушайте человѣку бѣдствующему больше покорности къ Промыслу, оживляйте холодную душу его теплотою вѣры, указывайте ему на другихъ страдальцевъ, которые хотя болѣе терпятъ, но терпѣливѣе сносятъ горькую участь свою, и вы принесете ему гораздо больше пользы, чѣмъ оказавши денежное пособіе. Когда же мы убѣдились, что всѣ наши совѣты, увѣщанія и внушенія остаются безъ успѣха, тогда у насъ есть еще великое средство—это обращеніе къ Богу. Мы тогда воскликнемъ тако изъ сокровенной глубины нашего сердца, глубоко тронутаго злополучіемъ нашего ближняго: «Что̀ невозможно нашему безсилію, то легко Твоей силѣ, Господи! Немощны усилія мои, и ве-

лики бѣдствія моего ближняго, но еще болѣе Твое милосердіе. Да отведетъ десница Твоя отъ него бѣду, а когда нѣтъ на то святой воли Твоей, да дастъ ему силы для перенесенія скорби!» Такимъ образомъ святая молитва облегчитъ страждущаго и утѣшитъ его въ несчастіи.

Вотъ сущность слышанной мною проповѣди, которой краснорѣчивымъ изложеніемъ остался я очень доволенъ.

21-го Ноября (2 Декабря). (Вторникъ). Часу въ десятомъ утра пришелъ къ намъ молодой Бахметевъ *), женатый на Ховриной, съ извѣстіемъ, что Народное Собраніе распущено, и Африканскіе генералы съ нѣкоторыми депутатами арестованы. Вышедши на улицу, мы прочли воззваніе къ народу Людвига-Наполеона, въ которомъ говорится о невозможности долѣе продолжать настоящій порядокъ вещей, ибо каждый день усугубляетъ опасность. Далѣе президентъ предлагаетъ выбрать или другого на его мѣсто, или дать ему средства управлять Франціей достойнымъ образомъ. Въ концѣ программа, заключающаяся въ слѣдующихъ статьяхъ:

1) Отвѣтственный президентъ на десять лѣтъ.

2) Министры, подчиненные исполнительной власти *одной*.

3) Государственный Совѣтъ, составленный изъ отличныхъ людей, приготовляющихъ проекты законовъ и защищающихъ оные въ Законодательномъ Собраніи.

4) Законодательное Собраніе по избранію всего народа (suffrage universel).

5) Второе собраніе, составленное изо всѣхъ знаменитостей Франціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обнародована прокламація къ арміи, гдѣ президентъ даруетъ ей право участвовать, наравнѣ съ народомъ, въ избраніи главы государства и полагается на солдатъ въ соблюденіи военной подчиненности. Въ заключеніе сказано нѣсколько краснорѣчивыхъ словъ. Префектъ полиціи обратился къ жителямъ Парижа, прося ихъ содѣйствія для сохраненія общественнаго порядка. Наконецъ, окончательно составлено министерство. Въ 10 часовъ мы вышли на улицу и пошли къ площади Согласія. Особеннаго ничего не происходило, только иногда скакали ординарцы съ приказаніями. Въ улицѣ Риволи немало народа шло по нашему направленію; наконецъ всѣ принялись

*) Петръ Владимировичъ, супругъ извѣстной писательницы Александры Николаевны. П. Б.

бѣжать назадъ. Мы остановили одного изъ бѣжавшихъ и спросили его, куда онъ спѣшитъ? Онъ отвѣчалъ: Людвигъ-Наполеонъ, говорятъ, вступаетъ въ Тюльерійскій дворецъ, и сейчасъ же вся рѣшетка Тюльерійскаго сада была унизана блузниками и другими любопытными. Братъ и я продолжали идти къ площади, которая покрыта была войскомъ. Пушки стояли при зажженныхъ фитиляхъ; дорогой встрѣтили мы архитектора Буяти. На минуту зашли мы въ улицу Duphot, къ Кокошкину, нашему министру въ Туринѣ; онъ былъ очень насмуренъ и задумчивъ и прохаживался передъ своимъ банкиромъ, который также былъ не веселъ. Потомъ посѣтили княгиню Радзивилъ; она была очень встревожена, но старалась прикрыть испугъ свой личиною спокойствія. Князь Вяземскій, среди общаго смущенія, какъ всегда бываетъ въ нервныхъ болѣзняхъ, продолжалъ заниматься своими недугами, почти не обращая вниманія на событія и на кавалерію, стоявшую передъ его окнами въ Елисейскихъ поляхъ. Зашли также къ Трубецкимъ *); жена неустрашима и полагаетъ, что не слѣдуетъ ѣхать изъ Парижа. Пока мы были у нихъ, президентъ, сопровождаемый значительнымъ конвоемъ, проѣхалъ верхомъ; онъ былъ въ мундирѣ и въ лентѣ. Кто-то изъ народа бросился къ его лошади, которая, испугавшись, попятилась; тотчасъ два сержанта схватили виновника сего маловажнаго случая, и президентъ опять поѣхалъ безпрепятственно. Народъ привѣтствовалъ его криками радости и знаками удовольствія, поднимая шляпы и махая ими. Вечеромъ на бульварѣ были сходбища; одно изъ нихъ довольно значительное я видѣлъ противъ кофейнаго дома Тортони.

3-го Декабря. Были у обѣдни, по случаю Введенія во храмъ Пресвятой Дѣвы. Въ церкви не было много православныхъ. Заѣхали къ Якову Толстому, который говоритъ, что зналъ заблаговременно о совершившемся событіи по свѣдѣніямъ, собраннымъ здѣсь и полученнымъ изъ Лондона, гдѣ банкиры сдѣлали между собою подписку и собрали 500.000 ф. ст., чтобы поддержать Людвига-Наполеона. Президенту сдѣланъ былъ доносъ, что враги его намѣрены его арестовать въ 3 часа пополуночи и заключить въ Vincennes. Онъ предупредилъ ихъ и въ два часа велѣлъ арестовать Шангарнье, Тьера, Каваньяка, Ламорисьера, Бедо и другихъ. Наканунѣ намъ сказали, что электрическіе телеграфы не дѣйствуютъ и сообщеніе по желѣзнымъ дорогамъ остановлено. И то и другое оказалось несправедливо. На бульварахъ и на улицахъ много народа; мѣстами стоитъ онъ толпами. Журналы оппозиціонные, по случаю объявленія Парижа въ осадномъ положеніи, пре-

*) Къ князю Николаю Ивановичу и его супругѣ княгинѣ Аннѣ Андреевнѣ, урожд. графинѣ Гудовичъ. П. Б.

кращены. Торговцы и лавочники за Л.-Наполеона, армія тоже. Есть, однако, неразумные люди, которые бранять его; а можетъ быть онъ одинъ, по рѣшительному характеру и непреклонной твердости, обнаруживаемыхъ имъ, по крайней мѣрѣ, доселѣ, предназначенъ Провидѣніемъ спасти Францію. Такъ говорилъ намъ графъ Паленъ, котораго встрѣтили мы; онъ отзывался съ особеннымъ раздраженіемъ о президентѣ. Около полудня построили баррикаду въ предмѣстьи св. Антонія: около ста человѣкъ подъ предводительствомъ трехъ красныхъ представителей народа. Народъ началъ съ баррикады стрѣлять на войско, которое отразило нападеніе, разрушило баррикаду и оставило на мѣстѣ двухъ представителей. Трудно предполагать, чтобы безпорядки усилились, ибо народъ нигдѣ не показываетъ сочувствія къ мятежникамъ. Военный министръ, извѣстный своею храбростью и способностями, принялъ самыя твердыя мѣры къ прекращенію мятежа, если онъ вспыхнетъ, на всѣхъ пунктахъ Парижа. Были также попытки защищать баррикады, построенныя въ улицѣ Рамбютò, но онѣ скоро были разрушены безъ препятствія. Тѣла двухъ мятежниковъ, убитыхъ на баррикадѣ, возмутители носили по бульвару Тампль, надѣясь тѣмъ побудить народъ къ возстанію; надежда ихъ осталась безъ исполненія. Много генераловъ, представителей и сановниковъ явилось къ Л.-Бонапарту, для предложенія ему своихъ услугъ. Извѣстія, полученныя изъ сорока департаментовъ, удовлетворительны. Порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ. Сказали было, что Ламорисьеръ, Бедо и Шаррасъ, когда ихъ пришли арестовать, хотѣли сопротивляться и были ранены. Извѣстіе это оказалось несправедливо. Вечеромъ ходили мы съ дамами по улицамъ. Магазины были открыты. Вандомская площадь занята была кирасирами. На Итальянскомъ бульварѣ, какъ всегда, было довольно гуляющихъ, но мы не видали сборищъ.

4-го Декабря. Поутру уѣхала княгиня Оболенская. Около 10 часовъ я вышелъ съ А. П. Бахметевой и, проходя по улицѣ С.-Оноре, на углу Королевской улицы, мы прочли прокламацію префекта полиціи, въ которой объявлено, что воспрещается ѣздить каретамъ по улицамъ, исключая повозки, служащія къ продовольствію Парижа или перевозкѣ матеріаловъ. Далѣе сказано, что сборища на тротуарахъ будутъ разсѣяны безъ предваренія силою оружія. Наконецъ, мирные граждане приглашались не выходить изъ домовъ. Несоблюденіе статей прокламаціи могло быть опаснымъ. По возвращеніи домой, я вошелъ въ лавку съѣстныхъ припасовъ, гдѣ завтракалъ сандвичами. Хозяйка была въ большомъ смущеніи; она объявила мнѣ, что на бульварѣ Bonne Nouvelle дерутся. Мы посѣтили Вяземскихъ, и когда ѣхали назадъ, намъ

сказали, что на Итальянскомъ бульварѣ нельзя проѣхать. Дѣйствительно, скоро надлежало остановиться, выйти изъ кареты и продолжать путь пѣшкомъ. Бульваръ былъ покрытъ народомъ, и вдругъ толпа бросилась бѣжать; увлеченные ею, мы вошли въ первый магазинъ, вмѣстѣ съ Шаховскими. Послѣ мы узнали, что войско отгоняло народъ, чтобы не затруднять дѣйствій противъ мятежниковъ и не дать поводу къ усиленію ихъ массы. Мы вошли къ княгинѣ Радзивилъ, въ Hôtel du Douvre; тамъ нашли мы Бахметевыхъ. Безпрестанно слышны были ружейные и пушечные выстрѣлы. На многихъ пунктахъ построенныя баррикады, въ особенности въ улицахъ S-t Denis и S-t Martin, были разрушены войсками, которыя съ быстротою и мужествомъ вездѣ побѣдили мятежниковъ. На бульварѣ изъ нѣкоторыхъ домовъ пытались стрѣлять, но войско тотчасъ отвѣчало также выстрѣлами, или, войдя въ домы, истребляло виновныхъ. Вечеромъ зашелъ къ намъ Димитрій Столыпинъ, братъ извѣстнаго Монгó; онъ возвращался съ гауптвахты, гдѣ просидѣлъ 4 часа только потому, что находился въ Maison Doré, близъ Café de Paris, откуда стрѣляли. Адъютантъ президента, пріѣхавъ на гауптвахту, велѣлъ его выпустить. На бульварахъ множество домовъ, гдѣ стекла перебиты пулями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣды картечи, и въ одномъ домѣ я видѣлъ такое отверстіе, которое могло только быть пробито ядромъ. День былъ жаркій, мятежники защищались упорно и, говорятъ, что много убитыхъ. Съ трудомъ уговорили княгиню Радзивилъ прійти къ намъ обѣдать, и если бой не утихнетъ, остаться въ нашемъ отелѣ ночевать. Она долго противилась, но, наконецъ, согласилась. Такимъ образомъ провели мы день, и вечеромъ наша гостья отведена была нами домой. Въ нашей улицѣ лавки были закрыты, на бульварахъ также, торговцы и ихъ жены безпокоились и напрасно старались скрыть свой страхъ. Многіе говорили со слезами.

5-го Декабря. Опять попытки строить баррикады, но достаточно одного пушечнаго выстрѣла, чтобы обратить въ бѣгство мятежниковъ. Въ предмѣстьяхъ, гдѣ происходили безпорядки, стоятъ войска, ходятъ частныя патрули, и полагать надобно, что возстаніе, по крайней мѣрѣ, на время невозможно. Дошло до президента, что Тьеръ порицаетъ его дѣйствія; Л.-Наполеонъ послалъ сказать его супругѣ, что если онъ такъ будетъ продолжать, то онъ велитъ разстрѣлять его. Г-жа Ротшильдъ, питая болѣе чѣмъ пріязнь къ генералу Шангарнье, позволила себѣ нѣсколько рѣзкое сужденіе о президентѣ; ей дано было знать, что, ведя себя таковымъ образомъ, можетъ подвергнуть мужа своего тюремному заключенію. Изъ оконъ Hôtel du Douvre я видѣлъ, какъ провели мятежниковъ, взятыхъ войскомъ; они были перевязаны по два.

Потомъ пронесли на носилкахъ покойниковъ; ихъ было много. Мерсье, бывшій у насъ въ Петербургѣ повѣренный въ дѣлахъ и удостоенный благосклонностью Государя, очень грустилъ о происходившемъ. Онъ говорилъ, что ни одинъ честный человѣкъ не можетъ одобрить подобныхъ мѣръ, что съ Французами нельзя дѣйствовать силою, что президентъ есть нарушитель законовъ и, наконецъ, что это не можетъ такъ кончиться. Воспитанный почти въ домѣ герцога Орлеанскаго, онъ огорчался, вѣроятно, мыслію, что если бы Л.-Филиппъ обнаружилъ десятую долю энергіи президента, то, конечно, остался бы королемъ Французовъ. Потомъ Французы полагаютъ себя лишенными разомъ всѣхъ своихъ правъ, плодовъ шестидесятилѣтнихъ усилій. Не понимаю, какъ могутъ многіе изъ нашихъ соотечественниковъ раздѣлять подобное мнѣніе. Не думаю, чтобы представительство могло быть нужно и полезно; оно только останавливаетъ всякое стремленіе правительства ко благу и поселяетъ волненіе и неуваженіе ко власти въ народѣ. Но я иностранецъ и могу ошибаться въ томъ, что̀ нужно Франціи и можетъ быть противно ея выгодамъ. Трудно, однако, чтобы Французы были пристрастны до ослѣпленія. Положеніе ихъ было самое грозное; торжество Законодательнаго Собранія влекло за собою владычество соціализма и гильотины. Явился человѣкъ, который, новый Франклинъ, посредствомъ громового отвода отвратилъ ударъ. Нѣтъ, всякій благомыслящій гражданинъ долженъ быть признателенъ президенту за важную услугу, оказанную имъ въ настоящую минуту не только Франціи, но и всей Европѣ.

6 Декабря. Парижъ принялъ прежній видъ свой. Сообщеніе возстановлено, омнибусы и кареты, наемныя и частныя, разъѣзжаютъ, народъ толпится на бульварахъ и разсматриваетъ со вниманіемъ дома, поврежденные борьбою, бывшею въ Четвергъ. Говорятъ, много жертвъ, по крайней мѣрѣ двѣ трети, погибло невинныхъ, увлеченныхъ подъ выстрѣлы любопытствомъ, въ числѣ ихъ трое Англичанъ и одинъ Русскій, Панинскій. Баллотировка при избраніи президента должна была совершаться явно, какъ это было при Наполеонѣ и въ другихъ важныхъ обстоятельствахъ; но до президента дошло, что мысль его перетолковывается во зло, и онъ допустилъ тайную баллотировку. Изъ департаментовъ извѣстія болѣе благопріятныя; въ нѣкоторыхъ однако дѣло не обошлось безъ волненія, такъ, напримѣръ, въ городѣ Памесѣ (Departament de l'Allier) чернь посадила подъ арестъ власти и овладѣла ратушей. Приняты мѣры къ усмиренію мятежниковъ. Въ Елисей продолжаютъ являться люди всѣхъ сословій для предложенія услугъ своихъ Людовику - Наполеону. Многіе знали, что будетъ перемѣна въ

правленіи. Одинъ изъ домашнихъ и очень приближенныхъ людей къ президенту сказалъ одному нашему знакомому наканунѣ: Demain l'Assemblée craquera.

9 Декабря. Пантеонъ получилъ прежнее свое названіе. Онъ обращенъ въ церковь св. Женевьевы, покровительницы Парижа. Нельзя не порадоваться, что это зданіе теряетъ свой языческій характеръ. Никогда не могъ я видѣть безъ негодованія святильникъ, будто бы освѣщающій изъ гроба Ж. Ж. Руссо. Чтò освѣтилъ онъ? Развѣ крамолы, смуты, безпорядки и кровопролитіе послѣдняго шестидесятилѣтія. Подобныя картины лучше оставлять не только въ тѣни, но совсѣмъ во мракѣ.

Ѣздили въ Пасси, недалеко отъ Булонскаго лѣса, для посѣщенія школъ, устроенныхъ здѣшнимъ духовенствомъ и извѣстныхъ подъ названіемъ écoles chrétiennes. Большое зданіе, гдѣ нѣтъ никакой роскоши, но есть все нужное и необходимое для юношества, получающаго образованіе въ заведеніи. Обширные дортуары, въ которыхъ по 36 кроватей, кромѣ двухъ надзирательскихъ. Родители платятъ за пансіонеровъ и даютъ свое бѣлье. Въ настоящее время всѣ чувствуютъ важность воспитанія, основаннаго на нравственности и вѣрѣ.

Ежеминутный надзоръ, частые и христіанскою любовію внушенные совѣты и особенно хорошіе примѣры и добрыя побужденія, почерпаемыя въ святой вѣрѣ, которые братство христіанскихъ школъ старается внушить своимъ воспитанникамъ, даётъ имъ то направленіе къ добру, ту любовь къ добродѣтели, которыя будутъ впослѣдствіи и для нихъ, и для тѣхъ кто съ ними будетъ въ сношеніи, источникомъ счастья и благополучія. Также прилагается всевозможное стараніе пріучить воспитанниковъ къ порядку и чистотѣ, къ обхожденію свободному и вѣжливому, къ исправленію и усовершенствованію ихъ характера. Воспитанники находятъ въ заведеніи туже нѣжную заботливость, которая хранитъ ихъ въ домѣ родительскомъ. И въ здоровомъ и въ болѣзненномъ положеніи они служатъ постояннымъ предметомъ отеческой попечительности. Двумъ ревностнымъ и благочестивымъ священникамъ особенно поручено религіозное направленіе школы.

Просвѣщенный и осторожный врачъ посѣщаетъ разъ и даже, если нужно, нѣсколько разъ въ день заведеніе. Мѣстоположеніе дома одно изъ самыхъ пріятныхъ въ Пасси. Въ недѣлю разъ воспитанниковъ водятъ на гулянье. Въ первую Среду каждаго мѣсяца они могутъ также выходить со своими родителями или съ лицами ими назначаемыми. Сей выходъ, вмѣняемый въ награду, заслуживается постоян-

нымъ прилежаніемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ въ продолженіе мѣсяца. Ни подъ какимъ предлогомъ не позволяется ночевать внѣ заведенія. Сами родители или назначаемыя ими лица берутъ изъ заведенія дѣтей и возвращаютъ ихъ въ оное. По лѣтамъ раздѣляются воспитанники въ отдохновительныхъ забавахъ, прогулкахъ, дортуарахъ и пр. Кромѣ родителей (развѣ они пожелаютъ) никто не можетъ видѣть воспитанника. Плата за каждаго пенсіонера, при преподаваніи по программѣ самой полной и при совершенномъ обезпеченіи первыхъ потребностей, положена довольно умѣренная: 600 франковъ. Въ одной изъ классныхъ залъ видѣли мы изображеніе Вѣчнаго Еврея, несущаго мѣшокъ съ деньгами и пожитками. Сказываютъ, что Ротшильдъ обратился къ Орасу Вернету съ просьбою написать его портретъ. Банкиръ желалъ знать впередъ цѣну, которая показалась ему высока; онъ сталъ торговаться. Тогда художникъ прекратилъ переговоры, обѣщавъ написать портретъ безденежно и написалъ Вѣчнаго Жида. Мы видѣли также портретъ начальника братства; лицо умное и доброе. Основатель братства христіанскихъ школъ, аббатъ Ласаль, родился въ Реймсѣ 30 Апрѣля 1651 г. отъ родителей отличавшихся добродѣтелью, обезпеченнымъ состояніемъ и мѣстами, занимаемыми на гражданскомъ поприщѣ. Онъ учился въ Семинаріи св. Сюльпиція, былъ каноникомъ семнадцати лѣтъ, докторомъ Реймскаго университета и священникомъ 27-ми лѣтъ. Въ 1684 г., онъ оставилъ свое каноничество и роздалъ имущество бѣднымъ. За три года передъ тѣмъ онъ соединилъ въ братство своихъ учениковъ и положилъ основаніе своему предпріятію. Онъ наставлялъ и образовывалъ юношество въ Реймсѣ, Рётелѣ, Руанѣ, Авиньонѣ, Марселѣ и пр., служилъ предметомъ благоговѣнія для своихъ учениковъ въ продолженіе сорокалѣтней жизни своей между ними и скончался въ Руанѣ, какъ праведникъ, въ Страстную Субботу 1719 г., 68 лѣтъ отъ роду, среди учениковъ и воспитанниковъ, соединенныхъ имъ въ обширномъ и покойномъ домѣ, на сей конецъ попеченіями его устроенномъ. Онъ изобрѣлъ особый способъ преподаванія (enseignement simultané), завѣщанный имъ его заведеніямъ и Франціи.

10 Декабря. Людвигъ-Наполеонъ самымъ замѣчательнымъ и блестящимъ образомъ отличился и конечно, послѣ нашего Государя, такъ свѣтло озаряющаго свою эпоху, онъ долженъ занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашего времени. Скажу болѣе: примѣръ нашего Императора долженъ былъ разительно подѣйствовать на Президента и побудить его дѣйствовать съ твердостью и энергіей, какъ поступалъ благородный образецъ его, какъ поступаетъ онъ самъ въ нашихъ глазахъ. Нельзя терпѣливо слушать толки и сужденія Французовъ и мно-

гихъ нашихъ соотечественниковъ о смѣломъ и благодѣтельномъ переворотѣ, совершенномъ Президентомъ. Если бы Людвигъ-Наполеонъ не совершилъ великаго дѣла своего, Франція была бы позорищемъ въ скоромъ времени ужасныхъ бѣдствій. Народное или Законодательное Собраніе, раздѣленное на партіи и противное всѣмъ благоразумнымъ мѣрамъ, предлагаемыхъ Президентомъ; журналы, нещадно все осмѣивающіе и распространяющіе самыя вредныя начала; альманахи, составляющіе единственную библіотеку простого народа, составленные съ намѣреніемъ питать читателей ядомъ ложныхъ теорій; дѣятельность тайныхъ обществъ, вербующихъ въ мрачные вертепы свои людей на грабежъ, разрушеніе и убійство. Время ужаса должно было начаться въ 1852 году вмѣстѣ съ выборами Президента и представителей. Сильная рука Л.-Наполеона, вспомоществуемая арміей, отвратила грозную тучу. Были жертвы въ Парижѣ, будутъ въ департаментахъ, но утрата временная и маловажная спасаетъ всю Францію отъ общей и окончательной гибели. Нѣтъ, только легкомысліе Французовъ и тѣхъ, кто на нихъ хочетъ походить, можетъ не одобрить твердаго и сильнаго подвига Президента. Впрочемъ странно иностранцамъ къ сердцу принимать событія вовсе до нихъ не касающіяся.

12 Декабря. Мнѣ говорили объ одной ясновидящей, которая въ болѣзняхъ важныхъ и гдѣ пособіе врачей не оказывало пользы, излѣчила съ успѣхомъ многихъ *). Я посѣтилъ ее въ улицѣ Grande Batelière, № 12. Г-жа Гавель, женщина пожилая, умная и пріятная. Не было еще доктора, который приводитъ ее въ магнетическій сонъ. Рѣчь зашла о недавнихъ событіяхъ; я объявилъ мнѣніе мое о Президентѣ, которое моя собесѣдница вполнѣ раздѣляла, сказавъ мнѣ, что однажды въ ясновидѣніи предсказала, что онъ будетъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Въ продолженіе нашего разговора я не замѣтилъ никакого старанія въ г-жѣ Г. узнать, кто я или что либо до меня относящееся, какъ всегда поступаютъ шарлатаны, объявляющіе себя гипнотизёрами. Между тѣмъ пришелъ врачъ. Онъ сѣлъ передъ столомъ, на которомъ лежала бумага и стояла чернильница. Подлѣ стола, передъ каминомъ, на диванѣ сидѣла г-жа Г. передъ самымъ докторомъ, и рядомъ съ нею пригласила она сѣсть меня. Тогда врачъ взялъ ее за обѣ руки и, кажется, крѣпко держалъ ихъ. Скоро наша дама стала дремать и послѣ нѣсколькихъ минутъ совершенно заснула. Тутъ докторъ положилъ мою руку въ ея, и она привѣтствовала меня добрымъ утромъ; потомъ начала разсказывать, чѣмъ я боленъ и опредѣлять болѣзнь мою. Означеніе харак-

*) И живучи въ Москвѣ, В. А. Мухановъ посѣщалъ Юлію болящую (о которой читатели помнятъ по Запискамъ игуменьи Евгеніи, въ „Р. Архивѣ“ 1898 г.), какъ видно по неизданному дневнику ея. П. Б.

тера недуга было очень вѣрно. Думаю, что совѣты ея о правилахъ, коимъ я долженъ слѣдовать на счетъ пищи, могутъ мнѣ принести пользу. Не намѣренъ однако предпринимать съ нея лѣченія и если измѣню то, которому слѣдую съ пріѣзда моего сюда, то развѣ для чего нибудь болѣе положительнаго. Ясновидящая пригласила меня побывать у нея черезъ 10 дней, но я не пойду. Описаніе болѣзни и лѣченіе она вручила мнѣ при прощаніи.

3 (15) Декабря. Севръ на дорогѣ въ Версаль, въ двухъ льё отъ Парижа. Знаменитая фарфоровая фабрика... Во время монархіи фабрика работала для королевскихъ дворцовъ и изготовливала вазы и другія произведенія, посылаемыя королями въ подарокъ союзнымъ государямъ. Республика посылаетъ съ мануфактуры подарки своимъ городамъ. Людвигъ-Филиппъ часто посѣщалъ фабрику, особенно когда живалъ въ Сенъ-Клу; въ его царствованіе никогда не переводилась работа для королевскаго семейства. Когда Марастъ, одинъ изъ редакторовъ Націоналя, попалъ въ министры, то прислалъ тотчасъ взять на фабрикѣ безденежно полный сервизъ. Преемникъ его возвратилъ сервизъ, который весь поштучно раскупленъ Англичанами, въ *память простоты и безкорыстія республиканцевъ*!

6 (18) Декабря. Были у обѣдни, гдѣ присутствовали всѣ Русскіе; по обыкновенію, служащіе въ мундирахъ и лентахъ, а остальные во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

10 (22) Декабря. Люди неразумные, увлекаемые духомъ партіи, утверждають, что правительство преувеличило все что̀ произошло въ Парижѣ и въ департаментахъ. Они присовокупляютъ, что многое даже изобрѣтено. Частныя письма изъ провинцій подтверждаютъ оффиціальныя и журнальныя извѣстія. Нѣкто Clémendeau, имѣющій фабрику стеклянную около Клиши, сказывалъ намъ, что въ заведеніи христіанскихъ школъ, которое мы недавно осматривали, взяли одного надзирателя подъ караулъ. У него нашли между прочими бумагами реестръ домовъ той части города (arrondissement), къ которой принадлежитъ Клиши съ отмѣткою принадлежащихъ людямъ богатымъ и достаточнымъ, съ тѣмъ чтобы при первомъ переворотѣ предать ихъ грабежу и насилію. Въ другомъ реестрѣ означены замужнія женщины съ наименованіемъ тѣхъ, кому онѣ будутъ розданы. Жена г-на Клемандо также отмѣчена на реестрѣ. Работники на фабрикѣ за Президента, не исключая того, который въ 1848 г. слушалъ бредни Луи-Блана въ Люксембургѣ. Фабрикантъ говоритъ, что выборы идутъ хорошо, и Лудвигъ-Наполеонъ получитъ значительное большинство. Montalembert, назначенный членомъ Совѣщательной Комиссіи, желалъ видѣть Президента и, только что былъ допущенъ, спросилъ у него, какъ онъ

39*

намѣренъ управлять или какой будетъ слѣдовать системѣ. Лудвигъ-Наполеонъ отвѣчалъ, что желаетъ быть твердою опорою религіи и пристально наблюдать приведеніе въ исполненіе закона о преподаваніи. Далѣе Президентъ сказалъ, что будетъ постоянно преслѣдовать демагоговъ и секретныя общества, и что, имѣя убѣжденіе, что никакое правительство не можетъ утвердиться при свободопечатаніи, намѣренъ оное ограничить. Каждый долженъ выполнять свое назначеніе, продолжалъ Л.-Наполеонъ. Если бы я воленъ былъ избрать свое, я бы не желалъ инаго, какъ тѣлохранителя Лудвига XVI и Маріи Антуанеты и положилъ бы за нихъ жизнь мою; нынѣ же долженъ положить ее въ борьбѣ за порядокъ противъ безначалія. Нашъ дворъ, судя по частнымъ письмамъ графини Тизенгаузенъ*) и другихъ, принялъ извѣстіе о переворотѣ 2 Декабря съ одобреніемъ. Государь не скрывалъ своего удовольствія. Нашему посольству велѣно не принимать участія въ событіяхъ или лучше уклоняться отъ всякаго вмѣшательства въ оныя, но пристально наблюдать что̀ присходитъ и обстоятельно и поспѣшно обо всемъ извѣщать. Биржевая игра многимъ принесла значительныя выгоды. Ротшильдъ въ двѣ недѣли выигралъ 25 милл. франковъ. Пьеръ-Леру, соціалистъ и богоотступникъ, долженъ былъ избрать между отъѣздомъ въ Англію и заключеніемъ въ Vincennes. Онъ было вздумалъ завести рѣчь о насиліи; тогда отвѣчали угрозою тюремнаго заточенія: онъ уѣхалъ въ Англію. Ваятелю David d'Angers также оставалось выбрать между тѣми же Венсенами и Америкою; онъ упросилъ, чтобы ему позволили ѣхать въ Брюссель.

12 (24) Декабря. Всѣ согласны во вредѣ, причиняемомъ труду и промышленности политическими переворотами, которыхъ Франція въ продолженіе 60 лѣтъ представляетъ печальное и горестное зрѣлище; но не всѣ довольно знаютъ великую бѣдность и непомѣрную безнравственность, порождаемыя подобными потрясеніями. Цифры краснорѣчивы, и они покажутъ намъ несчастія, обременяющія работающій классъ, когда онъ содѣйствуетъ симъ пагубнымъ переворотамъ. Общая производительность Парижской промышленности простирается отъ 1.500 до 1.600.000.000 франковъ обработаннаго имъ мануфактурнаго товара ежегодно. Послѣ Февральскаго переворота производительность сія понизилась 50 процентами на 100. Нѣкоторые промышленности, напр. каретная, которой годовой цифръ около 100 милліоновъ, почти совершенно уничтожилась. Это страшное пониженіе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и нынѣ еще дѣла не пришли въ порядокъ. Такимъ образомъ 150.000 работниковъ оставались безъ труда и безъ средства существованія. Въ Парижѣ работающій классъ простирается до 342.000

*) Графиня Екатерина Ѳедоровна, жившая въ Зимнемъ дворцѣ внучка князя Кутузова. П. Б.

человѣкъ, изъ коихъ мужескаго пола 204.000, женскаго 192.000, а дѣтей 26,500. Понятно, какимъ неисчислимымъ лишеніямъ, какому бѣдственному состоянію подвергаетъ отсутствіе работы сіи семейства, заслуживающія общее участіе. Заработная плата весьма различна; среднимъ числомъ можно однако положить, что мужчина зарабатываетъ въ день 3 ф. 80 с., а женщина, 1 фр. 65 с., что составляетъ въ день 1.000.000 фр. или 368.650.000 ф. въ годъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ Городскую Комиссію (Commission Municipale), послѣ Февральскаго переворота отсутствіе работы лишило работающій классъ въ продолженіе 14 мѣсяцевъ 210.000.000 фр. заработной платы. Убытки сіи съ того времени уменьшились, но еще не исчезли совершенно. Потеряли работу, по разнымъ причинамъ и въ болѣе или менѣе продолжительное время, 233 т. человѣкъ, въ числѣ коихъ есть и такіе, которыхъ заработная плата не превышала франка или даже была ниже. Нельзя не содрогнуться при мысли о бѣдствіи сихъ несчастныхъ и о томъ, что они оставались нѣсколько мѣсяцевъ безъ дѣла. Въ 6-й части города (6 arrondissement) революціонная дѣятельность болѣе развита, и принимается болѣе участія въ народныхъ возстаніяхъ. Работающій классъ сего округа состоитъ изъ 68 т. человѣкъ, исполненныхъ смышлености и воображенія. Здѣсь работаютъ пуговицы, щетки, трости, зонтики, золотыя венцы, шляпы и безконечное множество другихъ издѣлій, при производствѣ коихъ Парижскій вкусъ являетъ превосходство изумительное и которыхъ сбытъ слѣдуетъ термометру революцій и ими затрудняется. Въ 12-мъ округѣ считается 70 т. работниковъ, которые преимущественно кожевники, пивовары, лоскутники (chiffoniers) и пр. Пламенные и энергическіе, они также скоро остаются безъ работы. Здѣсь говорится только о Парижѣ; но извѣстно, что главные центры мануфактурной промышленности, во времена смутъ, раздѣляютъ участь и бѣдствія столицы. Рѣчь шла также только о классѣ работающемъ; но кто не знаетъ сколько сіи ужасные перевороты всегда оставляютъ развалинъ въ промышленной (bourgeoisie) и другихъ частяхъ общества? Всѣ онѣ терпятъ, и самое государство видитъ умноженіе своихъ расходовъ и уменьшеніе доходовъ. Послѣ Февральскаго переворота, изъ числа поступившихъ въ домы умалишенныхъ 82 на 100 одержимы были безуміемъ отъ честолюбія, гордости, политическихъ страстей и потери состоянія. Прежде же 1848 г. пропорція была 49 на 100. Вновь поступившіе безумные состояли изъ профессоровъ, адвокатовъ, врачей и лицъ, принимавшихъ участіе въ главныхъ клубахъ провинціи и Парижа и коимъ специальное ихъ воспитаніе сообщаетъ ненасытное честолюбіе, и сверхъ того изъ негоціантовъ и промышленниковъ, совершенно разоренныхъ революціей. Для довершенія сей мрачной картины

мы скажемъ, что революціи всегда неблагопріятны великимъ трудамъ человѣческаго ума, котораго способности онѣ развлекаютъ и ослабляютъ. Народныя смуты наносятъ ужасный ударъ наукамъ, словесности и искусствамъ. Кювье, въ превосходномъ отчетѣ своемъ о состояніи наукъ въ началѣ нашего столѣтія, составленныхъ по повелѣнію Наполеона въ 1813 году, доказываетъ самымъ разительнымъ образомъ, что ученое движеніе, столь сильное въ концѣ царствованія Лудовика XVI, остановилось въ началѣ революціи и снова началось не прежде какъ во время консульства, возстановившаго порядокъ во Франціи. Всѣмъ извѣстно состояніе литературы въ 93 году и въ годахъ, предшествовавшихъ появленію Шатобріана. Такіе факты печальные, но справедливые, должны служить предметомъ полезнаго размышленія.

17 (29) Декабря. Дни три тому назадъ я зашелъ въ касаціонный судъ въ то время, когда адвокатъ съ жаромъ говорилъ. Шли два солдата по улицѣ, встрѣтили старшаго и не поклонились ему, какъ слѣдовало по установленному порядку. Старшій остановилъ ихъ и спросилъ, почему не исполнили своей обязанности. Солдаты отвѣтили невѣжливо. Тогда старшій требовалъ, чтобы они объявили свои имена, но вмѣсто объявленія именъ посыпались грубости. Оставалось только взять у солдатъ эполеты съ номерами, что̀ и было сдѣлано. Въ полку рѣшено было посадить виновныхъ на недѣлю подъ арестъ. Судъ опредѣлилъ продолжать арестъ два мѣсяца. По апелляціи дѣло перешло въ кассаціонный судъ. Послѣ адвоката, требовавшаго уничтоженія судебнаго приговора, прокуроръ очень дѣльно доказывалъ, напротивъ, необходимость утвердить его: иначе можно было совершенно ослабить военную подчиненность. Наконецъ судьи сошлись въ кружокъ, у подножія Распятія и, говоря шопотомъ, долго не могли согласиться. Разговоръ ихъ становился живѣе, и многое, что̀ они замѣчали другъ другу, доходило до слушателей. Кассаціонный судъ, къ моему удовольствію, не допустилъ апелляціи и слѣд. утвердилъ приговоръ о двухмѣсячномъ арестѣ. Какъ бы это просто и разумно кончилось у насъ домашней расправой въ полку! Солдаты кругомъ виноваты и заслуживаютъ должное наказаніе. Стоитъ ли дѣло маловажное, которое слѣдуетъ кончить полицейскимъ распоряженіемъ, тянуть по судамъ съ начала Сентября по конецъ Декабря и особенно занимать имъ кассаціонный судъ, который есть высшая инстанція? Изложеніе дѣла очень ясно и отчетисто, но адвокатъ и прокуроръ говорятъ слишкомъ горячо, что̀ я впрочемъ уже имѣлъ случай замѣтить во всѣхъ судахъ и законодательныхъ собраніяхъ Франціи. Казалось бы, служителямъ правосудія болѣе приличны умѣренность и спокойствіе.

18 (30) Декабря. Въ прошлое Воскресенье молодой проповѣдникъ произнесъ краткое слово по случаю приближенія Новаго года. Вотъ содержаніе проповѣди. «Время есть точка вѣчности, данная намъ для заслуженія царствія небеснаго или муки вѣчной. Время должно проводить свято, полезно и бережливо. Первое, главное дѣло наше есть обращеніе къ Богу, посѣщеніе святыхъ храмовъ Его, очищеніе совѣсти покаяніемъ и пріобщеніе Св. Таинъ. Не исполняя сей обязанности, мы отлучаемъ себя отъ благодати Божіей. Каждый изъ насъ имѣетъ свое назначеніе, свой кругъ болѣе или менѣе обширной дѣятельности. Если христіанинъ въ это сферѣ не работаетъ, не трудится, не приноситъ пользы и не творитъ добраго дѣла, онъ перестаетъ быть членомъ общества и не заслуживаетъ пищи, которая должна поддерживать его силы, по слову апостольскому. Наконецъ время проходитъ быстро и невозвратно. Каждая минута можетъ имѣть послѣдствіемъ для насъ адъ или рай. Если взглянемъ на истекающій годъ, сколько видимъ въ этомъ пространствѣ времени проступковъ, ошибокъ, грѣховъ, словомъ, всего худого и злого, а между тѣмъ многое еще не сохранено памятію или сглажено нашимъ снисхожденіемъ. Напротивъ, какъ трудно среди множества дѣлъ предосудительныхъ и даже преступныхъ найти хотя нѣсколько или даже одно доброе. Нынѣ время настаетъ благопріятное измѣнить нашу жизнь; настаетъ Новый годъ, да будетъ онъ для насъ началомъ новой жизни. Оставимъ же грѣховную дѣятельность или безплодное бездѣйствіе и будемъ жить, какъ слѣдуетъ христіанамъ, свято наблюдая и исполняя наши обязанности, которыя можно раздѣлить на слѣдующія: 1-е *Обязанности къ Богу.* Сюда принадлежитъ исполненіе заповѣдей, Евангельскаго ученія и постановленій церкви. 2-е *Обязанности по нашему назначенію.* Неупущеніе по должности или по званію, при дѣйствіяхъ всегда согласныхъ съ совѣстію и съ закономъ Божественнымъ и гражданскимъ. 3-е. *Обязанности семейныя.* Здѣсь представляется поле дѣятельности сыну, брату, сестрѣ, мужу, женѣ, отцу и матери, смотря по положенію, въ которомъ находится христіанинъ. Сюда принадлежитъ также отношеніе и другого родства не столь близкаго, но означающаго ту сферу, которую Промыселъ опредѣлилъ нашей христолюбивой жизни и гдѣ мы можемъ приносить пользу дѣломъ и словомъ: лица, составляющія нашу прислугу, имѣютъ также право на заботы и попеченія о нихъ отеческія. 4-е. *Обязанности общественныя.* Правила общежитія, заключающіяся въ обмѣнѣ принятыхъ правилъ вѣжливости, не должны считаться мелочами, а напротивъ наблюдаться съ точностію, какъ звенья, скрѣпляющія общество. Особенно не должны мы оставлять безъ утѣшенія скорбящихъ, безъ облегченія страждущихъ, безъ пищи голодныхъ, безъ крова бездомныхъ, безъ вразумле-

нія заблуждающихъ и наконецъ безъ любви всякаго человѣка, къ какому бы онъ государству и вѣроисповѣданію ни принадлежалъ».

20 Декабря (1 Января). Пошелъ къ Тюльерійскому саду, гдѣ встрѣтилъ крестьянина, утверждавшаго, что Президентъ, только что возвратившійся послѣ благодарственнаго молебствія изъ собора Богоматери и вступившій въ Тюльерійскій дворецъ, уже оттуда не выѣдетъ. Женщина, спутница его, удостовѣряла тоже. Впрочемъ мнѣ важно было то, что я опоздалъ къ поѣзду Президента, котораго желалъ видѣть, а когда онъ поѣдетъ обратно, никто сказать не могъ. Я было хотѣлъ пройти въ дворцовые ворота, ведущіе къ Карусельской площади; но часовой не пустилъ меня. Оставалось выдти на набережную и зайти оттуда на площадь, что̀ я и сдѣлалъ. Половина двора, принадлежащаго дворцу за рѣшеткою, занята было каретами; между экипажами и рѣшоткою ружья въ козлахъ, и солдаты бѣгали около нихъ, грѣясь, ибо день былъ туманный и холодный, и покупая водку и вино у продавцовъ, стоявшихъ съ лотками по ту сторону рѣшетки. Многіе изъ зрителей и проходившихъ, довольные успѣхомъ Президента, угощали на свои деньги воиновъ. Одинъ изъ винныхъ продавцовъ былъ ветеранъ, покрытый ранами; онъ во время похода въ Россію попалъ въ плѣнъ и жилъ гдѣ-то верстъ сто за Москвой. Два простолюдина изъявляли особенную радость, говоря, что этотъ день—лучшій день въ ихъ жизни. Между тѣмъ генералы, штабъ и оберъ-офицеры армейскіе и національной гвардіи поспѣшно шли во дворецъ. Тутъ я видѣлъ толстаго полковника національной гвардіи въ зеленой лентѣ; это былъ Мюратъ. Многіе уѣзжали, но стекла такъ тускнѣли отъ мороза, что нельзя было видѣть сидѣвшихъ въ каретѣ. Мы вышли на набережную, надѣясь встрѣтить экипажъ; пройдя довольно далеко, рѣшились было возвратиться домой, но въ улицѣ Риволи нашли фіакръ и отправились къ собору Богоматери. Пріѣхавши, мы не могли проникнуть во внутренность храма, ибо зданіе было окружено цѣпью солдатъ, и входъ воспрещенъ. Мѣста на переднемъ фасадѣ, гдѣ стояли изваянія Французскихъ королей, снятыя во время первой революціи, покрыты были живописными изображеніями. Со всѣхъ сторонъ около древняго собора развѣвались трехцвѣтныя знамена. Напрасно просилъ я двухъ полицейскихъ офицеровъ позволить намъ войти во внутренность. Они были непреклонны, и справедливо, ибо исполняли приказаніе начальства. На площади одинъ весьма порядочный Французъ разсказывалъ, что онъ присутствовалъ при молебствіи, которое совершилось въ большомъ порядкѣ и съ должнымъ благоговѣніемъ, но что въ убранствѣ храма ничего особеннаго не было.

25 Декабря (6 Января). Сегодня въ нашей церкви было необыкновенное стеченіе. Многіе стояли на паперти. Нельзя слышать безъ сладостнаго умиленія молитвы, читаемыя въ сей день во время молебна благодарственнаго по случаю избавленія Россіи отъ нашествія двунадесяти языковъ. Сколько глубокаго чувства и высокой поэзіи въ этихъ молитвенныхъ воздыханіяхъ признательности народной! Въ теченіе утра намъ сказывали, что на первомъ смотрѣ войско провозгласитъ Л.-Наполеона императоромъ, что онъ готовится къ войнѣ и намѣренъ занять Бельгію, опредѣливъ границею Франціи Рейнъ; что онъ очень занятъ окончательнымъ приготовленіемъ Уложенія къ обнародованію; что Персиньи, главное дѣйствующее лицо въ переворотѣ 2-го Декабря, будетъ назначенъ министромъ полиціи и принимаетъ это мѣсто съ тѣмъ, чтобы проницательностію не только сравняться, но превзойти Фуше; что наконецъ ведутся переговоры о предполагаемомъ вступленіи въ брачный союзъ президента съ Шведскою принцессою изъ дома Вазы, имѣющею отъ роду 47 лѣтъ.

1 (13) Января 1852 года. (Вторникъ). Встрѣтили Новый годъ у графини Разумовской [1]); обѣ улицы, соединяющіяся близъ ея квартиры, наполнились каретами. Когда мы пріѣхали, трудно было пробраться черезъ толпу. Я остался въ первой комнатѣ, гдѣ могъ разсмотрѣть со вниманіемъ принцессу Матильду Демидову, кузину Президента. Благородный Наполеоновскій профиль и необыкновенная бѣлизна зубовъ совершенно отдѣляли ея отъ толпы. Четыре года назадъ видѣлъ я ее въ С.-Петербургѣ; съ того времени она пополнѣла, и румянецъ ея сталъ не такъ ярокъ. На шеѣ у нея было жемчужное ожерелье, котораго зерны отличались необыкновенною величиною. Княгиня Трубецкая, бывшая Пушкина, обращала на себя вниманіе самою привлекательною наружностію. Правильныя черты, соединенныя съ рѣдкою пріятностію выраженія, плѣняли каждаго въ лицѣ воспитанницы графини Самойловой, выданной замужъ за Испанца Мапара. Если еще назовемъ княгиню Шаховскую, урожденную Четвертинскую, и кн. Витгенштейнъ [2]), то и замкнемъ рядъ красавицъ, украшавшихъ этотъ вечеръ. Въ полночь заиграла музыка, и пѣвчіе запѣли Боже Царя храни; къ нимъ присоединились многіе изъ присутствующихъ, и сама хозяйка, которой привѣтливость, радушіе и гостепріимство примѣрны и обнаруживаютъ добрую ея натуру. Въ часъ мы возвратились домой. Не знаю, понравилось ли бы мнѣ частое посѣщеніе подобныхъ вечеровъ, но

---

[1]) Т. е. у графини Марьи Григорьевны, ур. княжны Вяземской. П. Б.

[2]) Т. е. до нынѣ здравствующая кн. Ек. Петр., ур. Мусина-Пушкина, вдова кн. Сергѣя Васильевича, мать герцогини Морни, кн. Наталья Борисовна („Утоли моя печали)“ кн. Леонила Ивановна, ур. княжна Барятинская. П. Б.

изрѣдка взглянуть на собраніе красавицъ, такъ нарядно и щегольски одѣтыхъ, пріятно: тоже чувство что въ цвѣтникѣ, украшенномъ роскошными и благовонными цвѣтами.—Послѣ обѣдни ѣздилъ на лекцію Philarète Chales въ Collège de France. Рѣчь шла о занимательности изученія успѣховъ ума человѣческаго, выражающагося литературами народовъ. Потомъ нѣсколько словъ о превосходствѣ духа надъ матеріею и о томъ, какъ въ послѣднее время излишне превозносили вещественную силу; очевидно было, что слова профессора относились къ брошюркамъ Romien, Granier de Cassagnac и другимъ писателямъ, принимающимъ участіе въ журналахъ Constitutionnel, Patrie и пр. и выражающихъ духъ нынѣшняго правительства. Я радовался, что это примѣненіе не встрѣчено было ни малѣйшимъ осужденіемъ; слушатели пребыли въ совершенномъ молчаніи. Далѣе справедливо замѣчено было, какъ въ древности изученіе хода ума человѣческаго было трудно и какъ оно стало легко въ наше время, при повсемѣстной непомѣрной дѣятельности типографическихъ станковъ, при введеніи пароходства, желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ. Все что дѣлается на всѣхъ точкахъ земного шара повсюду распространяется съ неимовѣрною быстротою. Если любопытно изучать умственную дѣятельность народовъ прошедшихъ временъ, то какъ любопытнѣе еще узнать, чѣмъ и какими умственными подвигами знаменуютъ они свое настоящее бытіе, современное нашему? Г. Шаль объявилъ что онъ намѣренъ приступить къ изученію лутературы Американскихъ Соединенныхъ - Штатовъ. Справедлива мысль, что не слѣдуетъ останавливаться только на первоклассныхъ произведеніяхъ (впрочемъ у Американцевъ ихъ еще и нѣтъ) и пренебрегать второстепенными. Въ такомъ случаѣ было бы не полно понятіе объ умственной жизни народа. Гдѣ будемъ изучать нашъ предметъ сказалъ профессоръ. Путешественники, какъ г-жи Тролопъ, Мартино и лучшій изъ нихъ Гамильтонъ, не отличаются безпристрастіемъ. И такъ лучше всего изучать Американцевъ въ нихъ самихъ, т. е. въ произведеніяхъ ихъ литературы. Литература ихъ представляетъ странное зрѣлище: двѣ неотъемлемыхъ черты ея—свѣжая юность и хилая старость. Можно найти у Американцевъ въ легкомъ родѣ поэтическіе опыты, дышущіе самымъ нѣжнымъ и тонкимъ чувствомъ и не уступающіе никакой Европейской литературѣ. Напротивъ, у нихъ есть произведенія, поражающія или безвкусіемъ или ужасами, превосходящими самыя страшныя сцены романовъ г-жи Радклифъ и автора Мельмота. Указывая на успѣхи въ мадригальномъ родѣ, профессоръ назвалъ Fellow. Какъ образецъ безвкусія, г. Шаль перевелъ некрологическую статью объ одномъ аптекарѣ, бывшемъ членѣ Американскаго конгреса. Дѣйствительно, трудно было въ статьѣ подлинной

набрать столько несообразностей, пошлостей и нелѣпостей. Потомъ г. Шаль упоминалъ объ одномъ писателѣ, ведущемъ жизнь уединенную въ семействѣ своемъ и пользующемся уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, какъ человѣкъ истинно достойный. Онъ-то безобразитъ творенія свои странишницами и уродливостями, коимъ ничего подобнаго нельзя найти ни въ какой литературѣ. Профессоръ замѣтилъ справедливо, что отсутствіе чувства истинно-изящнаго бываетъ причиною искаженія произведеній искусствъ. Такъ одинъ Англійскій путешественникъ разсказываетъ, что онъ былъ въ Новомъ Орленѣ, когда тамъ давали извѣстную оперу Луція-ди-Ламермуръ. Пьеса была такъ измѣнена, что самое лицо Лучіи исчезло. Тотъ же путешественникъ посѣтилъ потомъ Гаванну. Тамъ жена губернатора приступила къ мужу, чтобы играли Гугенотовъ Мейерберга. Мужъ противился, замѣчая, что невозможно играть оперу, гдѣ непрестанно слышатся крики противъ папы и поютъ аріи противъ католицизма. Оперу назвали «Торжество вѣры», вмѣсто угрозъ противъ папы, и въ такомъ видѣ самъ путешественникъ былъ на представленіи искаженнаго произведенія Мейерберга. Лекціи Ф. Шаля особенно занимательны. Онъ знаетъ хорошо свой предметъ и говоритъ съ одушевленіемъ. Если бы было нѣсколько менѣе декламаторства въ изложеніи, то Шаль имѣлъ бы еще болѣе успѣха. Впрочемъ, аудиторія была полна. Лекція профессора походитъ скорѣе на бесѣду человѣка очень умнаго и образованнаго. Вечеромъ посѣтилъ я Conservatoire des Arts et Métiers и слушалъ Blanqui. Сожалѣю, что не могу слушать лекцій Консерватура: часто мы выходимъ изъ-за стола почти въ семь ч., а тамъ слѣдуетъ быть въ половинѣ седьмого. Около этого времени уже на дворѣ до 400 человѣкъ обыкновенно ожидаютъ открытія дверей аудиторіи. И такъ я долженъ былъ взобраться наверхъ, гдѣ нѣтъ скамей и куда блузники входятъ и выходятъ безпрестанно. Рѣчь шла о Россіи. Профессоръ говорилъ о невыгодномъ теченіи и впаденіи нашихъ рѣкъ въ моря закрытыя: обстоятельство, препятствующее большему развитію торговли. Русское правительство, сказалъ онъ, мало обнародываетъ свѣденій, журналовъ въ Россіи выходитъ немного, и вообще всѣ внутреннія дѣйствія какъ самой власти, такъ и частныхъ людей окружены нѣкоторою таинственностію. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что это государство идетъ впередъ въ промышленномъ отношеніи. Особенное вниманіе обращено на усовершенствованіе путей сообщенія, фабрики и земледѣліе поощряются, и распространяются спеціальныя заведенія, изъ коихъ выходитъ много инженеровъ, горныхъ чиновниковъ, торговцевъ и другихъ лицъ, хорошо по своимъ частямъ приготовленныхъ. Первобытныя произведенія Россіи превосходны: всякаго рода хлѣба,

пенька, кожи, сало и проч.. Потомъ Blanqui перешелъ къ соединеннымъ Американскимъ Штатамъ. Здѣсь, говорилъ онъ, все на большихъ, непомѣрныхъ размѣрахъ. Самое народонаселеніе умножается, какъ нигдѣ. Нѣкоторые города, противъ прежняго, удвоили, учетверили число своихъ жителей. Роютъ ли каналы, пролагаютъ ли желѣзныя дороги, Американцы, совершаютъ это на обширныхъ разстояніяхъ и въ короткое время. Дагеротипы они усвоили, давъ имъ колоссальный видъ. Они также охотники до машинъ. Машины моютъ у нихъ полы, чистятъ сапоги, бѣлятъ бѣлье. Въ Соединенныхъ Штатахъ любятъ также вещи, удивляющія странностію, какъ, напримѣръ, зонтики, которые слагаются или складываются такъ, что ихъ можно класть въ жилетный карманъ. Американцы нашли также средство бальзамировать растенія, сохраняя имъ свѣжесть и цвѣтъ природныя. Профессоръ говоритъ заманчиво и смѣшитъ слушателей.

2 (14) Января 1852 г. (Середа). Дѣвица Одье, 18 лѣтъ отъ роду красивая и богатая, изъявила отцу своему желаніе выдти замужъ за генерала Каваньяка. «Предложите ему мою руку», сказала она. Отецъ сначала было не соглашался, но потомъ вынужденъ былъ сообщить о намѣреніи дочери генералу, который отговаривался тѣмъ, что 53-хъ лѣтній мужчина не пара дѣвицѣ, не достигшей еще 20 лѣтняго возраста. Г-нъ Одье упросилъ Каваньяка переговорить съ дочерью, и послѣ этого свиданія свадьба была рѣшена. Говорятъ однако, что не любовь побудила богатую красавицу, а желаніе быть когда нибудь женою президента, ибо она надѣялась, что выборъ падетъ, если и не совсѣмъ въ близкое время, на генерала. Также почти женился Мишелé, писатель не безъ достоинства въ то время, когда любовь къ наукѣ водила его перомъ, а не необузданное свободомысліе изливало ядъ въ изданныхъ имъ впослѣдствіи книгахъ. Молодая дѣвица жила въ званіи гувернантки въ одномъ достаточномъ семействѣ въ С.-Петербургѣ. Случайно попалось ей въ руки одно изъ сочиненій историка. Воображеніе дѣвушки воспламенилось; она пріѣхала въ Парижъ и тотчасъ письмомъ пригласила къ себѣ Мишелé. Онъ объяснился коротко и ясно. «Не имѣю время волочиться. Если желаете быть моею женою, назначьте день, и сыграемъ свадьбу. Всякія же другія продѣлки мнѣ невозможны». Сказано и сдѣлано, и вотъ уже два года, какъ 56-ти-лѣтній Мишелé живетъ съ 23-хъ-лѣтнею женою.

8 (20) Января. Самая несчастная болѣзнь, которая постигаетъ человѣка, есть конечно безуміе. Рѣдко физическія причины причиняютъ эту немощь, происходящую обыкновенно отъ причинъ нравственныхъ. Отъ природы имѣемъ мы наклонности и вкусы; удовлетвореніе

этихъ наклонностей и вкусовъ приноситъ намъ удовольствіе, а положеніе противное раздражаетъ насъ. Любя предметъ и не обладая имъ или питая желаніе и не исполняя его, мы начинаемъ часто о немъ думать, потомъ думать о немъ постоянно, наконецъ онъ становится господствующею, исключительною, единственною нашею мыслію (idée fixe). Отношенія наши къ намъ самимъ, къ близкимъ и къ Богу опредѣляютъ роды помѣшательства. Гордость бываетъ причиною, что человѣкъ вдругъ возмечтаетъ, что онъ первый или въ художествѣ, или въ поэзіи, или въ наукѣ. Законъ самосохраненія внушаетъ часто страхъ утратить настоящее наше благосостояніе. Преувеличеніе этой боязни ведетъ къ безумію. Такъ одному человѣку, имѣвшему въ комнатѣ своей оружіе, подумалось, что если узнаютъ, что оно у него, то его будутъ подозрѣвать, какъ заговорщика. Онъ поспѣшилъ отнести его къ сосѣду, котораго не случилось дома. Между тѣмъ страхъ усиливался. Спрятать хотѣлъ въ подвалъ, тамъ легко найти; бросить въ рѣку, увидятъ, когда будетъ бросать. Такимъ образомъ мысли помутились совершенно, и онъ полагалъ себя окончательно потеряннымъ. Клирикъ отдѣлилъ отъ пакета печать и, положивъ ее въ ротъ, проглотилъ. Товарищи въ шутку сказали ему: «Чтó ты сдѣлалъ? Ты положилъ печать на пищепріимный каналъ и на кишки свои». Мысль эта такъ поразила его, что онъ пересталъ употреблять пищу и наконецъ умеръ съ голода. Иногда непомѣрное развитіе природной наклонности причиняетъ умственное разстройство. У Ескироля былъ больной, который въ здоровомъ положеніи отличался особенною щедростію: онъ любилъ дѣлать подарки и раздавать милостыню. Впослѣдствіи наклонность къ благотворенію такъ усилилась, что у него уже ничего не оставалось. Тогда онъ началъ собирать песокъ и надѣлялъ имъ всѣхъ, полагая песокъ золотоноснымъ. Удовольствіе сіяло на лицѣ его, и онъ вполнѣ былъ счастливъ. Усилія медицины разсѣяли мечту, и здоровье его совершенно возстановилось. Замѣчательно, что онъ написалъ излѣчившему его врачу слѣдующую записку: къ несчастію, я совершенно выздоровѣлъ; очарованіе мое миновалось, и съ нимъ вмѣстѣ счастіе, которымъ я пользовался въ продолженіе моей болѣзни и которое утратилъ безвозвратно. (Изъ лекціи A. Garnier sur l'origine des idées que fait naître la perruption des objets extérieurs).

10 (22) Января. Американскій писатель Спалдингъ издалъ романъ, въ которомъ выведены на сцену Мормоны, народъ будто бы нѣкогда обитавшій Америку, Еврейскаго происхожденія, и находившійся, согласно съ преданіями, подъ управленіемъ патріарховъ. Замѣчательно, что авторъ не нашелъ нигдѣ слѣдовъ бытія этого народа. Прогулива-

ясь однажды на берегу моря, при шумѣ волнъ, легко располагающихъ къ мечтательности, онъ изобрѣлъ Мормоновъ. Когда романъ былъ написанъ, авторъ отдалъ его типографщику, у котораго онъ долго пролежалъ въ ящикѣ. Потомъ онъ попался всякими неправдами къ одному аферисту, по имени Смиту. Романъ ходилъ такимъ образомъ по рукамъ въ рукописи. Смиту пришла мысль опять воззвать Мормоновъ къ жизни. Онъ собралъ человѣкъ 10 или 12 и сообщилъ имъ о мнимомъ существованіи народа, жившаго по преданіямъ библейскимъ. Воображеніе слушателей было уже воспламенено, когда Смитъ предложилъ имъ возобновить Мормоновъ, присовокупляя готовность быть ихъ патріархомъ. Они изъявили согласіе. Поселившись на небольшомъ пространствѣ, входящемъ въ составъ необозримыхъ равнинъ, отдѣляющихъ Калифорнію отъ Сѣверной Америки, небольшая колонія стала умножаться, и нынѣ народонаселеніе ея уже значительно. Земли, лежащія на этомъ разстояніи, также обширны своею поверхностью, какъ взятыя вмѣстѣ Франція, Англія, Голландія, Испанія и Португалія. Замѣчательно, что среди федеративной Америки, при обычаяхъ и постановленіяхъ чисто-демократическихъ, образуется общество совершенно на другихъ началахъ.

Мормоны, Американскіе Евреи, управляются ѳеократическимъ образомъ. Главное основное начало ихъ есть единство. Нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ быстро распространяться, ибо вообще Сѣверная Америка замѣчательна неимовѣрными успѣхами своими во всѣхъ отношеніяхъ. Когда они совершенно заселятъ все пространство, находящееся въ означенныхъ нами предѣлахъ, Мормоны составятъ народъ твердый, сильный и могущественный. Можетъ быть, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ демократія съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ болѣе силы, нужно было устройство общества или части Американскаго народа на началахъ совершенно иныхъ, для соблюденія надлежащаго равновѣсія. Хотя Мормоны отличаются добрыми качествами, но и посреди ихъ, какъ и вездѣ, находимъ слабости и заблужденія. Смитъ, увлеченный успѣхами своего предпріятія, изобрѣлъ теорію *о духовной женѣ* (spiritual wife). Онъ рѣшительно хотѣлъ приложить ее къ дѣлу; приложеніе сіе состояло въ подражаніи Аврааму въ отношеніи къ женщинамъ. Попытка его удалась ему разъ или два; но нельзя же было вездѣ находить сговорчивость Сарры и Агари, и потому мужья скоро возстановились противъ похожденій за такъ несправедливо называемыми имъ духовными женами. Однажды знали, что Смитъ находился у одной Мормонки, занимаясь тамъ дѣломъ вовсе не духовнымъ; его подстерегли, и когда онъ, искавъ спасенія, выпрыгнулъ изъ окна, по-

слышалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, и основатель секты былъ убитъ. (Изъ лекціи Ф. Шаля).

По послѣднимъ извѣстіямъ, золотыя розсыпи и пески Австраліи превосходятъ богатствомъ все подобное и въ Калифорніи, и въ Сибири. Отовсюду народъ стремится въ эту благословенную землю, въ надеждѣ обогатиться. Работники выручаютъ въ день по 80 франковъ. Австралія пользуется благорастворенным климатомъ, плодородною почвою и сильною растительностью. Тамъ не знаютъ почти труда: такъ эта счастливая земля все обильно производитъ. Замѣчательно, что особенно грубыя овцы, перевезенныя въ Австралію, въ самое короткое время потеряли свои недостатки и получили шерсть иную: тонкую, мягкую и шелковистую. Для ухода ихъ весьма недорогаго нуженъ одинъ пастухъ на тысячу овецъ. Шерсть эта гораздо выше достоинствомъ Саксонской и Русской. Она будетъ обходиться очень дешево на Европейскихъ рынкахъ и, вѣроятно, одна, по отличной добротѣ и непомѣрной дешевизнѣ, станетъ снабжать фабрики. Бѣдные люди, доселѣ лишенные возможности носить хорошее сукно, теперь могутъ щеголять въ немъ за безцѣнокъ. Флора Австраліи очень богата, и особенно тамъ замѣчательна красивая разнообразность дерева: есть дерево голубое, красное, желтое и другихъ цвѣтовъ. Этотъ матеріалъ, столь полезный въ промышленности, представляетъ уже до 400 различныхъ сортовъ. Есть также такъ-называемыя сальныя деревья (tallow tree), которыя при нарѣзѣ издаютъ вещество, совершенно подобное салу цвѣтомъ, густотою и запахомъ. Пчелы производятъ въ этой странѣ удивительный медъ. Въ Австраліи не знаютъ никакого лютаго звѣря: ни волка, ни лисицы; змѣй и другихъ гадовъ также нѣтъ. Но тамъ Ботанибей, и лютые звѣри подъ личиною людей обитаютъ этотъ богатый край, который долженъ бы служить не пріютомъ злодѣямъ, но наградою добродѣтели и благочестію. Нерѣдко можно встрѣтить людей, получающихъ 300, 400, 500 и болѣе тысячъ дохода; указывая на нихъ, обыкновенно присовокупляютъ: это сынъ убійцы или дѣлателя фальшивой монеты. Вообще скоро составляютъ въ этой странѣ значительныя фортуны. (Изъ лекціи Blanqui. Économie industrielle въ Conservatore des Arts et Métiers, 20 Января).

11 (23) Января. Чтобы развитіе человѣка было полнѣе и совершеннѣе, онъ долженъ жить двояко: лично и общественно. Безъ сомнѣнія, онъ обязанъ трудиться для себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для другихъ, которые, въ свою очередь, трудятся для него. Подобный обмѣнъ услугъ укрѣпляетъ общественный союзъ и приноситъ пользу и лицу, и обществу. Бо́льшую часть неудачъ и несчастій послѣдняго шести-

десятилѣтія можно приписать тому, что общественное благо приносилось въ жертву личному. Такъ первое Законодательное Собраніе Франціи (Assemblée Constituante) издало декретъ, которымъ запрещалось лицамъ, принадлежащимъ по занятію къ одной промышленности или къ одному цеху, собираться для разсужденія о своихъ интересахъ и выгодахъ. Въ XVIII-мъ столѣтіи одиночество или совершенное удаленіе отъ общества почиталось добродѣтелью.

Вообще превозносили жизнь даже дикарей. Монтескье, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ того времени, съ восторгомъ говоритъ о Татарахъ, Ж.-Ж. Руссо увлекательнымъ краснорѣчіемъ своимъ описываетъ дикихъ обитателей Сѣверной Америки, представляя ихъ въ образецъ жизни счастливой и блаженной. Напротивъ, путешественники, посѣщавшіе сіи племена, единогласно свидѣтельствуютъ, что они грубы, жестоки и порочны. Человѣкъ такъ склоненъ преимущественно заботиться о себѣ и мало думать о другихъ, что онъ готовъ отказаться отъ всякой дѣятельности, погружаясь съ наслажденіемъ въ неподвижность лѣни и нѣги. Было время, что Испанское правительство помышляло о переведеніи въ Южной Америкѣ банановаго дерева, ибо жители, довольствуясь пищею, имъ доставляемою, не хотѣли вовсе работать. Между прочимъ, эта исключительная попечительность о своемъ личномъ благосостояніи подала поводъ къ безконечнымъ толкамъ о свободѣ и о средствахъ пріобрѣсти ее во всей ея полнотѣ. Мѣра съ точностію исполняемыхъ обязанностей опредѣляетъ мѣру свободы человѣка. Конечно, кто свободнѣе того, кто свято соблюдаетъ заповѣди Божіи, уважаетъ законы и власть, хранитъ миръ и любовь въ семействѣ, сострадаетъ къ ближнему въ несчастіи и, однимъ словомъ, старается быть достойнымъ гражданиномъ и добрымъ семьяниномъ? (Изъ лекціи Michel Chevalier).

12 (24) Января (Суббота). Въ 9 часовъ отправились на балъ въ Тюльерійскій дворецъ. Изъ улицы Мира мы ѣхали туда полтора часа. Не смотря на множество каретъ, слѣдовавшихъ по тому же направленію, нигдѣ не было безпорядка и, напротивъ, все происходило чинно: кареты не обгоняли одна другую, со сторонъ подъѣзжавшіе экипажи тихо впускались въ ряды, и не слыхать было ни малѣйшаго шума. Одинъ кучеръ жаловался, что карета, поступавшая въ рядъ, становилась передъ экипажемъ, на которомъ онъ ѣхалъ, и говорилъ жандарму: Nous sommes déjà une heure à faire ce trajet. Отвѣтъ былъ: Vous en avez encore pour cinq minutes, et alors cela fera une heure et cinq minutes, и тѣмъ кончилось объясненіе. Полицейскіе стояли почти безъ дѣла на своихъ мѣстахъ. Наконецъ, мы пріѣхали, и не безъ удоволь-

ствія, послѣ продолжительнаго заключенія въ подвижной тюрьмѣ нашей. Подъѣздъ, великолѣпно освѣщенный, производилъ пріятное впечатлѣніе: тысячи огней разливали яркій свѣтъ, лѣстница уставлена была померанцовыми деревьями, дамы въ богатыхъ туалетахъ снимали шали, чиновники въ мундирахъ толпились у дверей. Войдя въ первую залу, мы нашли уже много посѣтителей. Не знаю, когда дворецъ былъ отдѣланъ или освѣженъ въ послѣдній разъ, но съ тѣхъ поръ онъ обветшалъ. Стѣны темны, мебель не нова, и ничто не являетъ вида новизны, обыкновенно встрѣчаемаго въ царскихъ жилищахъ. Безъ сомнѣнія, настоящимъ положеніемъ своимъ дворецъ обязанъ буйной черни, которая въ Февральскую революцію явилась туда съ духомъ истребленія и невѣжества, съ безотчетнымъ изступленіемъ звѣрства и съ нечистыми привычками своихъ темныхъ вертеповъ. Для приведенія сего зданія, по крайней мѣрѣ внутренней части онаго, въ должное положеніе, нужно было время довольно продолжительное, а Президенту справедливо хотѣлось, вопреки намѣренію Февральскихъ республиканцевъ, предполагавшихъ обратить дворецъ въ богадѣльню въ пользу гражданскихъ инвалидовъ, ему хотѣлось удержать зданіе, достопамятное по своимъ историческимъ воспоминаніямъ, прежнее его назначеніе. Мы съ трудомъ пробрались черезъ пеструю толпу, и когда изъ одной залы слѣдовало перейти въ другую въ дверяхъ сошлось столько народа, что приходилось совсѣмъ плохо. Разнообразіе мундировъ служитъ украшеніемъ всякому собранію и особенно баламъ; оно придаетъ имъ праздничный видъ. Кромѣ единообразія черныхъ фраковъ, они уже и потому непріятны, казалось бы, на праздникахъ, что составляютъ принадлежность случаевъ печальныхъ; потомъ они, если не отличаетъ ихъ орденскій знакъ, совершенно подобны одеждѣ прислуги. Мундиры красные, синіе, зеленые, ордена всѣхъ государствъ, множество бриллiантовъ и жемчуговъ, все это украшало праздникъ и придавало ему видъ точно торжественный. Въ 12 часовъ Президентъ прошелъ съ маркизою Дугласъ въ залу, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ; за нимъ слѣдовало около 20 паръ, въ числѣ коихъ шла также принцесса Матильда, покрытая бриллiантами. Президентъ небольшого роста, черты его выражаютъ уныніе, и въ наружности его нѣтъ ничего замѣчательнаго; но когда онъ говоритъ, лицо его одушевляется, умъ сіяетъ въ глазахъ, и улыбка становится особенно умною. На немъ былъ генералъ-лейтенантскій мундиръ и лента Почетнаго Легіона. Послѣ ужина онъ подходилъ къ нѣкоторымъ дамамъ, между коими находилась графиня Разумовская, которая встала и разговаривала съ нимъ на ногахъ. Потомъ онъ сѣлъ между двухъ кузинъ своихъ, принцессы Матильды и маркизы Дугласъ. Передъ нимъ образовался полукругъ

изъ генераловъ, которые не спускали съ него глазъ. Маршалъ Ексельманъ, хотя уже совершенно сѣдъ, но еще бодръ и живъ. Тутъ стоялъ также ген. Шрамъ, отличающійся воинственною наружностію и множествомъ звѣздъ, покрывающихъ его грудь. Лудвигъ-Наполеонъ не танцовалъ. Балъ открыла маркиза Дугласъ, кажется, съ принцемъ Мюратомъ. Замѣчено было отсутствіе министровъ, вышедшихъ въ отставку вслѣдствіе несогласія ихъ подписать декретъ, обращающій достояніе Орлеанскаго дома въ казну. Одинъ Фульдъ находился налицо, изъ чего заключили, что онъ опять скоро войдетъ въ министерство. На многихъ посѣтителяхъ были Русскіе ленты и ордена. Я видѣлъ двухъ молодыхъ дамъ въ голубыхъ лентахъ и не могъ узнать ни именъ красавицъ, ни названія ихъ орденовъ. Послѣ извѣстнаго декрета многіе не поѣхали на балъ. Кажется, эта первая мѣра диктатора, не получающая общаго одобренія и даже возстановляющая мнѣніе противъ него. Жаль, ибо доселѣ дѣло шло хорошо, а теперь портится. Этотъ вечеръ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе. Тутъ многое походило на монархію и ничего на республику: знаки уваженія къ главѣ государства, блестящіе мундиры гостей, самые ордена, ихъ украшавшіе, все это принадлежало прежней, а не настоящей Франціи. На балѣ, для бóльшей пышности и великолѣпія, недоставало двора и богатой ливреи. Въ красивыхъ женскихъ лицахъ, служащихъ лучшимъ украшеніемъ всякаго рода собраніямъ, недостатка не было.

18 (30) Января. Нѣтъ металла, который оказывалъ бы болѣе пользы въ промышленности, чѣмъ желѣзо, начиная отъ простого молотка до сложнаго паровоза. Исторія желѣза есть исторія гражданственности, успѣхи которой всегда опредѣлялись съ успѣхами металла. Если бы люди лишились золота и серебра, они могли бы существовать; потерявъ желѣзо, они совершенно были бы стѣснены этою утратою. Лучшее желѣзо Англійское; его вырабатывается огромное количество. Франція уступаетъ Англіи и въ добротѣ, и въ количествѣ производства сего металла, котораго добываетъ едва половину. Затѣмъ слѣдуетъ желѣзо Шведское и Русское. Какое положеніе, какія условія болѣе благопріятствуютъ успѣхамъ этой промышленности? Для выдѣлки желѣза необходимо много топлива; слѣдовательно, чѣмъ ближе оно отъ руды, тѣмъ выгоднѣе. Потомъ недальность и легкость перевозки желѣза есть обстоятельство также весьма важное. Обоими удобствами вполнѣ пользуется Англія; у нея подъ слоемъ земляного угля лежитъ желѣзная руда. Потомъ желѣзная дорога и море облегчаютъ перевозъ желѣза, чему также содѣйствуютъ благопріятныя условія ея рѣкъ, широкихъ въ устьяхъ и всегда обильныхъ водою. Въ Россіи,

столь богатой желѣзомъ, особенно въ Пермской губерніи, выдѣлка желѣза обходится такъ дорого, что выгоднѣе употреблять заграничное желѣзо, нежели свое, тѣмъ болѣе, что доселѣ земляной уголь добывается въ Россіи въ такомъ маломъ количествѣ, что производство сего металла на бо́льшемъ размѣрѣ угрожало бы совершеннымъ истребленіемъ лѣсовъ. Когда приступили къ работамъ Московской желѣзной дороги, правительство желало употребить Русское желѣзо и предоставило производителямъ этой промышленности многія выгоды и права. Желѣзо обошлось 60 процентами дороже заграничнаго; оно не было выставлено къ сроку и оказалось по добротѣ своей не соотвѣтствующимъ цѣнѣ. Оставалось обратиться къ Англійскому желѣзу, которое получено отличнаго достоинства и гораздо сходнѣе. Впрочемъ, что́ касается до листового желѣза, лучшее Русское, и никакое другое въ этомъ отношеніи съ нимъ сравниться не можетъ. (Изъ лекціи Blanqui въ Conservatoire des Arts et Métiers).

19 (31) Января. Общественность или общежительность (sociabilité) началась семействомъ. Это первое общество, котораго главою былъ отецъ. Потомъ является племя или собраніе нѣсколькихъ семействъ. Позднѣе видимъ народъ или множество семействъ, наконецъ всѣ народы составляютъ великое семейство человѣческое. Греки и Римляне питали нѣкоторое презрѣніе къ другимъ народамъ и сихъ послѣдніе называли варварами. Замѣчательно, что ихъ завоеванія, какъ будто вопреки ихъ самихъ, ставили ихъ въ сношенія со многими народами. Христіанство, проповѣдуя святой законъ любви ближняго какъ самого себя, служитъ главнымъ основаніемъ общественности. Съ одной стороны божественность началъ, внесенныхъ имъ въ міръ, и съ другой, важность его послѣдствій распространили, усилили и укрѣпили общественность. Крестовые походы знакомили народы одинъ съ другимъ. Послѣ реформы XVI вѣка самыя войны за вѣру, самыя гоненія за то или другое исповѣданіе продолжали сближать народы. Отмѣненіе Нантскаго узаконенія, побудившее столько Французовъ оставить отечество и искать счастія въ иныхъ земляхъ, гдѣ они находили гостепріимство въ замѣнъ приносимыхъ ими туда искусствъ и промышленности, скрѣпляло союзъ народовъ. Самое разительное выраженіе этой потребности общественности находимъ мы въ великой идеѣ Генриха IV, которую преждевременная кончина его не позволила ему исполнить. Планъ его заключался въ томъ, чтобы вся Европа составляла нѣчто цѣлое, твердо связанное узами взаимныхъ потребностей и мудраго законодательства. Замѣчательно, что уже тогда сей государь помышлялъ о свободѣ торговли и морей. Верховному судилищу, составленному изъ представи-

телей всѣхъ народовъ, вмѣнялось въ обязанность прекращать могущія возникать распри мирнымъ образомъ.

Король сообщилъ мысль своему любимцу Сюлли, который, при здравомъ умѣ и многихъ прекрасныхъ качествахъ, вовсе не одаренъ былъ воображеніемъ. Министръ находилъ исполненіе невозможнымъ. Въ тоже время Англійская королева Елисавета, не зная о планѣ Генриха IV, съ своей стороны замышляла что-то подобное, и скоро имъ стали извѣстны мысли ихъ, совершенно сходныя въ своихъ основаніяхъ, объ одномъ и томъ же предметѣ. По обычаю тогдашняго времени король и королева не могли выѣхать изъ своихъ владѣній въ чужое государство. Что же было дѣлать? Назначили довѣренныхъ людей, изъ коихъ Англійскій уполномоченный выѣхалъ въ Дувръ, а Французскій въ Кале. Начались письменные переговоры, которые, при тогдашнихъ средствахъ сообщенія, не могли идти скоро. Между тѣмъ Равальякъ положилъ конецъ жизни добраго Генриха IV-го, и перестали думать о великомъ планѣ Французскаго короля. Далѣе говорено было о пользѣ, принесенной будто бы философіей общественности, введеніемъ равенства передъ закономъ и братства народовъ. Не знаю, гдѣ оба начала эти вошли точно въ составъ кодексовъ, т. е. прилагаются къ дѣлу; но думаю, что философскія системы многое, что́ было ясно, затемнили и, распространяя немало различныхъ ученій, породили много распрей и заблужденій. Выше я забылъ упомянуть о Латинскомъ языкѣ, нѣкоторое время принятомъ въ Европѣ для всеобщаго употребленія, какъ всемірной языкъ. Ученыя общества доселѣ сохранили его, какъ средство сообщенія между собою. И такъ Латинскій языкъ былъ также орудіемъ сближенія. (Изъ лекціи Michel Chevalier, объявившаго слушателямъ, что, по случаю возложенной на него обязанности правительствомъ, онъ долженъ прекратить курсъ свой. Онъ просилъ продолжать его преемнику благоволеніе, которымъ онъ всегда пользовался и за которое приносилъ благодарность).

23 Января (2 Февраля). Въ послѣднее царствованіе префектъ Сенскаго департамента графъ Рамбютò являлся каждый вечеръ къ Лудвигу-Филиппу, и король съ нимъ долго бесѣдовалъ. Рѣчь часто шла о политическомъ положеніи Франціи и о тогдашнемъ расположеніи народа. Префектъ однажды рѣшился высказать откровенно свое мнѣніе. «Не министерства иного желаетъ теперь народъ», сказалъ онъ; нѣтъ теперь этого перемѣннаго неудовольствія: хотятъ вашего отреченія отъ престола. Повѣрьте мнѣ, государь, что вы можете удержаться только силою. Сегодня начать ружьями; если не помогутъ, завтра продолжать картечью, а послѣ завтра все придетъ въ порядокъ. Иначе

угрожаетъ неминуемая опасность».—«Любезный префектъ, вы все видите въ мрачномъ видѣ. Если тутъ и есть огонь, то такой, который гаснетъ безъ посторонняго пособія. Нѣтъ признаковъ, которые служили бы поводомъ къ какому либо опасенію». Тутъ король оставилъ графа и, подойдя къ королевѣ, сказалъ: Pauvre Rambuteau, comme il baisse! Впослѣдствіи, живши въ Клермонтѣ, онъ самъ уже говорилъ, что мнѣніе префекта принадлежало къ благоразумнымъ совѣтамъ, кои напрасно были пренебрежены. Послѣ паденія Л.-Филиппа появилось исчисленіе людей, готовыхъ въ Парижѣ къ возстанію, отчаянныхъ зачинщиковъ, которыхъ примѣръ можетъ увлечь и другихъ. Ихъ считали до 4 т. Королева, знавшая, что Л.-Филиппъ полагалъ число ихъ несравненно значительнѣйшимъ въ Парижѣ, тщательно скрывала отъ него изданное свѣдѣніе; не смотря на ея осторожность, исчисленіе попалось въ руки короля. Онъ прочелъ его и съ того времени примѣтно измѣнился: сталъ молчаливъ, задумчивъ, похудѣлъ, жаловался на здоровье, чувствовалъ усиливавшуюся слабость и скоро потомъ кончилъ жизнь (отъ гр. Рамбюто у княгини Радзивилъ).

26 Января (5 Февраля). Хотѣлось попасть въ Академію, куда принимали Монталамбера. О билетахъ и думать нечего было. Пробило 12 часовъ, и мы пустились въ путь съ Бахметевымъ. Карета стояла передъ Академіею. Направо при входѣ привратникъ объявилъ, что съ 11 часовъ всѣ мѣста были заняты. Самая лѣстница уставлена была народомъ снизу до верху, такъ что нельзя было пробраться. Мы посулили 10 фр., и тогда привратникъ предложилъ намъ съ лѣстницы перелѣзть въ круглую комнату, гдѣ должна была совершиться церемонія. Товарищъ мой перелѣзъ удачно; а я, спускаясь на другую сторону, упалъ на сидѣвшую даму. Она было поворчала, я извинился, и дѣло справилось. Всѣ мѣста точно были заняты, такъ что сидѣли очень тѣсно. Около 2 часовъ начали собираться академики. Изъ извѣстныхъ мнѣ были тутъ: Сальванди, Willmain, M. Chevalier, Blanqui. Потомъ прибылъ Монталамберъ, котораго къ сожалѣнію я не могъ видѣть, и Гизо, которой устарѣлъ и что-то особенно блѣденъ. Монталамберъ приступилъ къ дѣлу. Голосъ его звученъ, ясенъ и исполненъ чистоты юношеской. Онъ, по обыкновенію, разсказывалъ жизнь своего предшественника, г-на Дрóза, который началъ поприще свое воиномъ, потомъ былъ профессоромъ и наконецъ академикомъ. Удаляясь шумнаго многолюдства, въ тишинѣ уединенія, добродѣтельный мужъ посвящалъ время свое ученымъ трудамъ. Онъ былъ конечно счастливъ, но въ особенности любилъ казаться такимъ. Въ небольшомъ сочиненіи его, l'Art d'être heureux, отражается ясная душа. Въ лѣта молодости г. Дрозъ

воспламенялся свободомысліемъ и рукоплескалъ началу революціи. Впослѣдствіи, когда онъ созрѣлъ, онъ издалъ исторію Лудовика XVI-го, гдѣ произнесъ вѣрное сужденіе объ ужасахъ, ознаменовавшихъ эту кровавую эпоху. Люди принадлежащіе къ тому времени, въ которое жилъ академикъ, всѣ болѣе или менѣе принесли дань пагубному вліянію XVIII вѣка, но къ сожалѣнію не всѣмъ имъ дано было оставить заблужденіе. Г. Дрозъ, при свѣтлой душѣ и здравомъ умѣ, не могъ не убѣдиться, что нравственность безъ вѣры есть дерево безъ корня. При томъ, подруга его жизни, на одрѣ страданія и смерти, умоляла его обратиться отъ тьмы къ свѣту. Обращеніе его было искренно. Онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: Les pensées или Les aveux d'un hrétien, гдѣ все дышетъ живою, теплою вѣрою. Не отличаясь первостепеннымъ дарованіемъ, Дрозъ принадлежитъ къ здравой школѣ благонамѣренныхъ писателей и въ полномъ смыслѣ слова былъ человѣкъ добродѣтельный. Монталамберъ воспользовался случаемъ произнести строгій, но вѣрный и безпристрастный приговоръ революціи 1789 года. Все что̀ приписываютъ этому перевороту какъ благодѣтельныя послѣдствія его, напр., равенство передъ закономъ, личную свободу и пр., все было предметомъ размышленій и предначертаній Лудовика XVI-го, и безъ сомнѣнія подобныя перемѣны были бы введены и безъ сильныхъ потрясеній. Въ такомъ случаѣ Франція пользовалась бы также сими выгодами, не обагряя себя потоками крови и не губя столько невинныхъ жертвъ на эшафотѣ. Вотъ почему и назвалъ Монталамберъ революцію кровавою безполезностью или кровавымъ излишествомъ (sanglante inutilité). Какъ трогательно изобразилъ ораторъ несчастную и добродѣтельную Марію Антуанету.—Отвѣтъ Гизо, гдѣ онъ сравнивалъ поприще г.г. Дро́за и Монталамбера, столь мало похожихъ одинъ на другого, отличался силою слова, ясностію изложенія и какою-то особенною важностью. Въ предмѣстникѣ, другѣ мира и труда уединеннаго, въ преемникѣ, постоянномъ ратоборцѣ въ бояхъ политическихъ, онъ видѣлъ общую черту: стремленіе различными путями всегда къ благой цѣли, видѣлъ въ томъ и другомъ мужей благородныхъ и добродѣтельныхъ. Говоря о Лудовикѣ XVI-мъ, Гизо отдалъ полную справедливость его добротѣ и благонамѣренности. Во время чтенія рѣчей раздавались рукоплесканія. Замѣчательно, что нѣкоторыя мѣста, заслужившія одобреніе публики, не были одобрены цензурою, напр. la république en France, c'est la monarchie avec un trône vacant; потомъ, говоря о представительныхъ постановленіяхъ: ces institutions qui ont valu à la France 34 années de paix et de prospérité et qu'elle n'a su apprécier qu'après les avoir perdu. По окончаніи засѣданія, замѣтивъ г-жу Рашель, мы подошли къ ней ближе. Она была богато одѣта

и, бесѣдуя съ однимъ академикомъ, удивлялась молодой звучности (intonation de jeunesse) голоса Монталамбера. Когда собесѣдникъ ея, не слыхавшій Гизо 10 лѣтъ, говорилъ объ измѣненіи его голоса, она сказала ему: и вы изумляетесь, что въ десять лѣтъ можно утратить одну ноту!

4 (16) Февраля. Въ началѣ пребыванія моего здѣсь, я встрѣчалъ на улицѣ молодого Дружинина. Отецъ его, Яковъ Александровичъ, окончилъ жизнь 94 лѣтъ отъ роду. Онъ исправлялъ должность писаря или младшаго секретаря при императрицѣ Екатеринѣ II-й. На звонъ колокольчика Дружининъ являлся въ кабинетъ Государыни, садился за небольшой столикъ и писалъ письма и бумаги, которыя диктовала ему Императрица. Скоро по восшествіи на престолъ императора Павла, Государь встрѣтился съ Дружининымъ, разговорился и поручилъ ему очистить кабинетъ покойной Императрицы, предавъ пламени бумаги, которыя тамъ найдены. Дружининъ сжегъ только ничтожныя, а важнѣйшія изъ нихъ оставилъ у себя. Между послѣдними была переписка Императрицы съ ея любимцами. Екатерина обыкновенно отбирала отъ нихъ собственноручно писанныя ею записки, такъ что переписка оказалась полная. Молодой Дружининъ однажды сказалъ кн. Барятинскому о существованіи переписки Императрицы. Б. пожелалъ ее прочесть и, найдя письма занимательными, въ свою очередь сообщилъ о своемъ чтеніи Государю Наслѣднику, который потребовалъ переписку къ себѣ. По прошествіи нѣкотораго времени Др. желалъ получить обратно свое достояніе. Ему отвѣчали, что письма у Государя. Сдѣлана была попытка выручить ихъ оттуда. Императоръ сказалъ, чтобы спросили у Др. что̀ онъ желаетъ получить за бумаги. «Если Государю угодно оставить ихъ у себя, я очень буду радъ; но принять за нихъ какое либо возмездіе не желаю», отвѣчалъ молодой чиновникъ. Ему однако выдали 3.000 р. сер., на которыя онъ и пріѣхалъ покутить въ Парижъ.

6 (18) Февраля. Извѣстно, что у императрицы Елисаветы Петровны была дочь отъ Разумовскаго *), извѣстная подъ именемъ Таракановой. Она воспитывалась въ Италіи; если не ошибаюсь, въ Генуѣ, была красивой наружности и получила хорошее воспитаніе. Екатерина II-я, вступя на престолъ, скоро узнала, что Тараканова не только позволяла себѣ свободно говорить объ ней, но произносить дерзкія

*) Отъ неоглашеннаго брака съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Бракъ этотъ состоялся, надо полагать, въ Іюлѣ 1744 года. См донесеніе о немъ Даліона во Францію, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 (I, 160). У нихъ былъ и сынъ, Богданъ Умскій (его портретъ въ зданіи Московскаго Воспитательнаго Дома), дѣдъ А. М. Тургенева и поэта Я. П. Полонскаго. П. Б.

рѣчи о переворотѣ, совершившемся въ Россіи и о частной жизни Императрицы. Велѣно было сдѣлать о возвращеніи ея попытку, которая рѣшительно не удалась. Придумано было средство, представлявшее почти вѣрное ручательство въ успѣхѣ. Возложили дѣло на графа А. Г. Орлова, когда онъ отправился въ Архипелагъ. На обратномъ пути въ Россію, Чесменскій герой прибылъ въ Генуя. Онъ посѣтилъ Тараканову, сталъ видаться съ нею часто, прикинулся влюбленнымъ и наконецъ пригласилъ ее на праздникъ, который, какъ увѣрялъ ее, будетъ данъ въ честь ея на адмиральскомъ кораблѣ. Предложеніе было принято, и лишь только обольщенная гостья вступила на палубу, корабль снялся съ якоря и пошелъ въ море. Многіе иностранные писатели пишутъ, что, по пріѣздѣ Т. въ С.-Петербургъ, ее заключили въ крѣпость, гдѣ она, во время сильнаго наводненія, погибла. Въ Москвѣ много лѣтъ тому жилъ сенаторъ Соймоновъ, любитель старины и древностей. Онъ разсказывалъ, что въ одномъ женскомъ монастырѣ, въ окрестностяхъ столицы, жила старая монахиня. Она отличалась благородствомъ стана, движеній и пріемовъ, яснымъ выраженіемъ лица, худо говорила по-русски, избѣгала другихъ монахинь и болѣе уединялась. Чувствуя приближеніе смерти, на одрѣ страданія, она написала записку къ митрополиту Платону, который, не теряя времени, пріѣхалъ самъ въ обитель, исповѣдалъ умирающую, пріобщилъ ее Св. Таинъ и пробылъ у нея довольно долго. Монахиня вручила митрополиту табакерку съ портретомъ императрицы Елисаветы и рукопись. Разсказывая этотъ случай Соймонову, Платонъ показывалъ ему табакерку, но рѣшительно отказался открыть содержаніе рукописи и имя таинственной затворницы. Соймоновъ полагаетъ, что это была Тараканова (слышано отъ Я. И. Сабурова).

18 Февраля (1 Марта). Опозиціонныя газеты, хотя не смѣютъ открыто нападать на правительство, но не упускаютъ случая, когда придется, упомянуть о привычкѣ Французовъ къ свободѣ въ продолженіе 35 лѣтъ. Люди, хорошо знающіе Францію и любящіе порядокъ, полагаютъ, что, если настоящее правительство удержится нѣсколько лѣтъ, то легко можетъ быть, что и къ нему привыкнутъ Французы. Слаба предусмотрительность человѣческая, и будущее есть тайна Божія; но, видя настоящее спокойствіе, вспомня милліоны избирателей Л.-Наполеона на диктатарство и зная, что армія поддерживаетъ его, какъ-то не вѣрится, чтобы порядокъ вещей, учрежденный послѣ 2-го Декабря, можно ниспровергнуть. Рѣшительно власть, кажется, вездѣ утверждается. Европа узнала ненадежность представительства, и кромѣ Англіи и Америки едва ли будетъ оно гдѣ нибудь долговѣчно. Въ Австріи конституція уничтожена, въ Прусской камерѣ первый министръ

сказалъ, что парламентарство отжило свой вѣкъ; второстепенныя государства не отстають отъ первоклассныхъ, и тогда будетъ надежда, что въ Европѣ водворится благоустройство. Замѣчательно, что во Франціи въ 3 мѣсяца принято полезныхъ для блага государства мѣръ болѣе, чѣмъ во все время существованія покойнаго Законодательнаго Собранія. Не благосостояніе народовъ въ виду у камеръ избирательныхъ, а личныя выгоды, домогательство до министерства у нѣкоторыхъ членовъ и желаніе отличиться даромъ слова у другихъ. Так. образомъ важные интересы и дѣла цѣлаго народа приносятся въ жертву честолюбію немногихъ лицъ. Недостатки такой формы правленія такъ разительны и очевидны, что трудно понять, почему она имѣетъ столько послѣдователей. Напримѣръ, въ самой Англіи, можно сказать создавшей и пользующейся въ продолженіе столѣтій постановленіями, которыя остальная Европа такъ неудачно хотѣла усвоить себѣ, въ самой Англіи, когда, послѣ переворота 2 Декабря, возникли опасенія насчетъ могущей вспыхнуть войны, Англійскіе журналы настаивали, сколь необходимы мѣры защиты и, разсуждая о томъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, указывали на слабыя стороны береговъ Англіи и гдѣ легче сдѣлать высадку непріятельской арміи. Думаю, что подобныя указанія полезнѣе врагамъ Англіи, нежели ей самой. Въ парламентѣ также нерѣдко раскрываются язвы, которыя благоразумнѣе было бы хранить въ тайнѣ. Всѣмъ извѣстно, что самые выборы въ члены парламента стоютъ дорогихъ денегъ. Недавно одна Англичанка, говоря о своемъ родственникѣ, сказала мнѣ, что онъ истратилъ 1,000.000, чтобы попасть въ нижній парламентъ.

19 Февраля (2 Марта). Въ прошлое Воскресеніе, начавшее у насъ Недѣлю Православія, нашъ священникъ произнесъ слово о православіи ясно, просто и хорошо.

Въ началѣ онъ сказалъ нѣсколько словъ объ ученіи, заключающимся въ книгахъ Св. Писанія, въ постановленіяхъ семи Вселенскихъ соборовъ и въ твореніяхъ святыхъ отцовъ. Въ этой сокровищницѣ можно найти разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ, относящихся до человѣка и замогильной судьбы его. Однимъ словомъ, все, что мы можемъ знать о нашей душѣ и о спасеніи ея, все намъ открыто въ святыхъ источникахъ, о коихъ мы упомянули. Далѣе проповѣдникъ коснулся богослуженія. Кромѣ той уединенной молитвы, которую христіанинъ совершаетъ въ храминѣ своей, церковь, помня слова Спасителя, «гдѣ васъ двое или трое соберется во имя мое, Я посреди васъ», собираетъ насъ въ свои храмы и тамъ умилительными и торжественными псалмами, пѣніями и назидательными чтеніями возноситъ насъ духомъ къ

Богу, предлагая намъ для укрѣпленія и освященія души нашей божественную кровь и тѣло нашего Спасителя. Наконецъ, часто повѣствуя намъ святую жизнь Его на землѣ, церковь, съ нѣжною попечительностію матери старается проникнуть насъ духомъ Его ученія, святостію Его дѣйствій, чистотою и непорочностію Его сердца, Его смиреніемъ и кротостію. Будемъ же благодарить Господа, что онъ далъ намъ родиться въ лонѣ нашей православной церкви, которая окружаетъ насъ своею христолюбивою заботливостію отъ колыбели до могилы, укрѣпляетъ и утѣшаетъ насъ на тернистомъ пути жизни и въ безконечной любви своей къ намъ всегда за насъ молится и насъ благословляетъ.

28 Февр. (11 Марта). Вышла книга Un missionnaire républicain en Russie въ 3 томахъ. Авторъ, ревностный республиканецъ, три года занимался Русскимъ языкомъ и потомъ поѣхалъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы распространять тамъ понятія о свободѣ и ввести у насъ республику. Онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы сѣять плевелы своего ученія. Стараясь внушить свои правила всѣмъ и каждому, онъ принимаетъ мѣсто воспитателя въ Москвѣ и начинаетъ проповѣдывать свободу своему воспитаннику. Замѣчательно, что человѣкъ, который въ Россіи видитъ вездѣ около себя безнравственность, неблагородство и безчестіе, не предваряя родителей ввѣреннаго ему воспитанника, хочетъ сдѣлать республиканца изъ отрока, призваннаго провести жизнь свою въ монархіи, гдѣ граждане, какъ для общественнаго благосостоянія, такъ и для своего собственнаго, обязаны соблюдать законы, уважать власть и сообразоваться съ существующимъ порядкомъ вещей, пока таже монархическая власть не признаетъ полезнымъ измѣнить его. Непонятно, чтобы наставникъ, который явно проповѣдуетъ свои разрушительныя начала на каждомъ шагу, и слугѣ Тимоѳею, своему камердинеру, и крестьянину, пріѣхавшему съ обозомъ изъ деревни, и гостямъ, посѣщающимъ семейство, гдѣ онъ живетъ, который забывается до того, что дозволяетъ себѣ выходки не только неприличныя, но грубыя; который волочится за молодою княжною Ольгою, сестрою своего воспитанника, дѣлая съ нею утреннія прогулки лѣтомъ на дачѣ въ Петровскомъ и вечернія зимою въ саняхъ: непонятно, говорю, чтобы такой человѣкъ могъ быть терпимъ нѣсколько мѣсяцевъ въ семействѣ, куда привезенъ для воспитанія юноши, въ которомъ долженъ приготовить добраго гражданина, покорнаго сына, нѣжнаго мужа и заботливаго отца. Справедливо было замѣчено автору книги, что недостатки, которые нашелъ онъ въ Россіи, какъ напримѣръ эгоизмъ, мелкое честолюбіе, тщеславіе, свѣтское пустословіе, матеріальное направленіе юно-

шества, встрѣчаются также часто въ Парижѣ, какъ и въ Москвѣ, и вездѣ, гдѣ сосредоточено много людей, съ ихъ слабостями, страстями и интересами. Нигдѣ безнравственность политическая и семейная не поражаетъ такъ наблюдателя, какъ въ столицѣ Франціи, обязанной зыбкою превратностію своихъ постановленій стремленію гражданъ ея не ко благу общественному, а только къ собственному, личному возвышенію. Миссіонеръ нашелъ непреодолимыя преграды къ распространенію въ Россіи республиканскихъ понятій и видѣлъ вмѣстѣ невозможность когда-либо получить руку княжны Ольги. Вотъ причины его раздраженія и пристрастныхъ сужденій о Россіи. Впрочемъ, и въ этой книгѣ есть мѣста, хотя ихъ и весьма немного, замѣчательныя по изложеннымъ въ нихъ истинамъ. Такъ, напримѣръ, въ спорѣ о церквахъ священникъ православный искреннимъ убѣжденіемъ, здравою логикою, силою доводовъ и примѣрами историческими совершенно побѣдилъ католика. Въ настоящее время у насъ встрѣчаются подобные пастыри чаще, нежели прежде. Въ послѣднее пятнадцатилѣтіе священники, вышедшіе изъ духовныхъ академій, отличаются и образованіемъ, и нравственностью. Въ томъ же самомъ спорѣ о церквахъ является Г. Р., другъ миссіонера, скучный и утомительный педагогъ, котораго умомъ нашъ пропагандистъ живетъ; онъ представляетъ и католика, и православнаго. Какое же орудіе употребилъ онъ? Протестантизмъ. Многое можно возразить мнимому побѣдителю. Протестанты, у которыхъ собственно нѣтъ церкви, основываютъ свое вѣроисповѣданіе на Библіи, между тѣмъ какъ непоклоненіе Божіей Матери противно Евангелію, а иконоборство несогласно съ Ветхимъ Завѣтомъ. Но миссіонеръ долженъ быть признательнымъ пріятелю своему Р., внушившему ему, что прежде, нежели усовершенствовать другихъ, лучше обратить вниманіе на себя и стараться измѣнить свое сердце. Благой совѣтъ. Жаль, что путешественникъ не встрѣтился съ землякомъ въ своемъ отечествѣ.

9 (21) Марта. Слышалъ прекрасную проповѣдь Bautin въ S-t Roch о внѣшней жизни Спасителя на текстъ: въ потѣ лица твоего снискивай хлѣбъ твой. Люди въ раю не работали. Все, что̀ имъ потребно было, окружало ихъ; они не знали ни нужды, ни труда. Блаженное состояніе не продолжалось. Послѣ первороднаго грѣха, удѣломъ человѣка, не умѣвшаго пользоваться счастливою долею своею, сталъ трудъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подвергся нуждамъ, скорбямъ и болѣзнямъ. Когда Сынъ Божій, въ благости Своей къ роду человѣческому, пришелъ на землю, чтобы искупить грѣхи его, самъ Онъ выполнилъ условіе нашего бытія со времени грѣхопаденія перваго человѣка. Онъ трудился и работалъ въ продолженіе 30 лѣтъ въ мастерской Іосифа,

гдѣ занимался отдѣлкою дерева. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сказалъ проповѣдникъ, истина могла показаться лестію; нынѣ нѣтъ опасенія провозгласить ее въ семъ храмѣ: Спаситель началъ свое поприще, свою жизнь ремесломъ простого работника. Такъ не погнушался Онъ, Божественный Искупитель нашъ, въ теченіе продолжительнаго времени, предаваться постоянно труду скромному, и со всей высоты Своего Божества сойти въ смирную сферу ремесленника. Какъ подобный примѣръ долженъ утѣшать и укрѣплять бѣднаго, трудами снискивающаго хлѣбъ! Такъ, слѣдуя по стезямъ Спасителя, каждый изъ насъ и всѣ мы должны трудиться и работать въ той сферѣ, которую Провидѣнію угодно было назначить нашей дѣятельности. Потомъ, что̀ дѣлаетъ Божественный образецъ нашъ? Онъ грядетъ на проповѣдь, возвѣщаетъ людямъ Слово Божіе, поучаетъ ихъ словомъ и дѣломъ, даетъ имъ молитву, внушаетъ смиреніе, любовь и самоотверженіе, укрѣпляетъ разслабленныхъ, возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ, слухъ глухимъ, слово нѣмымъ и жизнь умершимъ. Что̀ должны мы извлечь для себя изъ сего великаго и назидательнаго явленія? Что каждый изъ насъ, бѣдный и богатый, обязанъ помощію ближнему. Бѣдный послѣ сильнаго труда своего, доставляющаго пропитаніе семейству его, пускай озаботится о духовной пищѣ жены и дѣтей. Но, скажутъ, на это нужны деньги; а у нихъ ихъ нѣтъ. Нѣтъ, на это денегъ не нужно. Пускай онъ только повѣритъ ихъ церкви, и она ихъ наставитъ всему, что̀ необходимо спасенію ихъ душъ. Она покажетъ имъ отношенія ихъ къ Богу, къ ближнимъ и къ самимъ себѣ, и укажетъ имъ путь добродѣтели, ведущій къ вѣчному блаженству. Выше сказано, чтобы исполнить законъ Божій, всѣ мы должны работать. Но часто возражаютъ: на что работать богатому? Но развѣ нѣтъ различнаго рода труда и работы? Нужно, напримѣръ, строить домъ, для постройки необходимы работники, каменьщики, плотники, слесаря, стекольщики и пр. Но нельзя обойтись безъ головы, которая составила бы планъ, распредѣлила комнаты, привела въ соразмѣрность всѣ части строенія. Потомъ, сказалъ проповѣдникъ, ужели вы думаете, что мы, призванные обращаться къ вамъ съ сей каѳедры съ поученіемъ, не трудимся, чтобы бесѣдовать съ вами? Постоянное чтеніе Св. Писанія, св. отцовъ, изученіе недостатковъ и страстей нашего времени и продолжительное размышленіе, повѣрьте, суть труды немалые. Преподаватель, обязанный обучать юношество и примѣняться къ понятіямъ его возраста, не есть ли также труженикъ? Труды умственные истощаютъ, изнуряютъ и ослабляютъ болѣе трудовъ тѣлесныхъ. А какое обширное поприще дѣятельности каждаго человѣка! Семейство, котораго онъ покровитель и главный дѣятель и гдѣ необходимо двоякое пособіе его, нравственное и

вещественное; общество, которому онъ за права гражданина обязанъ взамѣнъ оказывать услуги; св. церковь, и это важнѣйшая обязанность его, какъ сына ея, какъ христіанина, требуетъ, чтобы онъ исполнялъ ея постановленія, соблюдалъ заповѣди и проникнулъ духомъ ея ученія всѣ дѣйствія и поступки своей жизни. Не могу не сказать вамъ въ заключеніе, сказалъ проповѣдникъ, что при всѣхъ занятіяхъ людей, живущихъ въ мірѣ и часто предающихся жизни разсѣянной и пустымъ развлеченіямъ, оставляющимъ имъ мало времени на размышленія о важномъ предметѣ спасенія, я долженъ, какъ служитель алтаря и какъ ближній, напомнить, что напрасно жертвуютъ вѣчнымъ временному и умолять, чтобы они каждый день посвящали извѣстное время на повѣрку дѣлъ своихъ по ученію святой матери нашей церкви и на размышленіе о Страшномъ Судѣ. Есть еще важная причина, о которой я забылъ упомянуть въ своемъ мѣстѣ и которая непремѣнно принуждаетъ насъ работать. Дѣятельность есть такое необходимое условіе жизни, что безъ нея человѣкъ, какъ цвѣтокъ безъ солнца, вянетъ и иногда даже совсѣмъ умираетъ. Посмотрите на наше юное поколѣніе, особенно на то, которое предшествовало ему: оно скучаетъ, грустить, тяготится жизнію, на все жалуется, отъ всего чувствуетъ отвращеніе, и причина сего положенія есть бездѣйствіе. Здѣсь источникъ безчисленныхъ безпорядковъ, и такъ быть должно: не дѣлайте добра, вы будете дѣлать зло.

13 (25) Марта. Ходилъ смотрѣть ясновидящую. Магнетизеръ Lassaigne вышелъ на возвышеніе, въ родѣ сцены, съ дѣвицею Prudence, которую скоро усыпилъ, проведя руками отъ головы до колѣнъ, какъ обыкновенно дѣлается. Спустя нѣсколько секундъ, она стала тянуться и какъ будто просыпаться. Глаза у нея постоянно были закрыты. Переходъ къ ясновидѣнію заключался именно въ дѣйствіи, которое казалось пробужденіемъ. Она сидѣла на стулѣ среди сцены; за нею стояли магнетизёръ, который, обращаясь къ публикѣ, сказалъ: М.м. г.г. Вы будете свидѣтелями двухъ замѣчательныхъ явленій, сообщенія или передачи мысли и способности видѣть при завязанныхъ глазахъ. Мы начнемъ съ перваго явленія. Туда магнетизеръ взялъ букетъ фіалокъ и вручилъ его ясновидящей, прося, чтобы кто нибудь изъ присутствующихъ объявилъ ему, кому она должна отдать букетъ. Сабуровъ отвелъ магнетизера въ сторону и велѣлъ букетъ отдать брату. Дѣвица встала, сошла по четыремъ ступенямъ въ партеръ и положила цвѣты въ шляпу брату, который сидѣлъ во второмъ ряду подлѣ меня. Prudence, сказалъ магнетизеръ, l'ordre n'a pas été rempli tout à fait ponctuellement. Букетъ былъ вынутъ изъ шляпы и поданъ

брату съ замѣчаніемъ: Cela revient au même, car le chapeau est à monsieur. Сей опытъ повторился нѣсколько разъ удачно. Послѣ магнетизеръ предлагалъ желающимъ приказать что либо сдѣлать, т. е. перенести вещь съ одного на другое мѣсто и т. п. Сказано было на ухо магнетизеру; онъ, ставъ за ясновидящей, протянулъ руку, и тотчасъ лампа съ клавикордъ была перенесена на его столъ. Другое изъявили желаніе, и ясновидящая заиграла на клавикордахъ именно ту музыку, которую требовали. Потомъ ей завязали глаза, положивъ на каждый изъ нихъ большой кусокъ хлопчатой бумаги и обхвативъ ихъ платкомъ, утвержденнымъ сзади узломъ. Поставили столъ со свѣчами. Prudence сѣла за него и по приглашенію магнетизера стала играть въ экарте. Партнеромъ ея былъ кто нибудь изъ присутствующихъ. Она начинала тѣмъ, что означала что либо особенное въ наружности партнера, какъ-то цвѣтъ волосъ, усы и пр. Партія оканчивалась безъ ошибокъ. Многіе писали слово или два, и ясновидящая прочитывала ихъ безъ затрудненія. Я забылъ сказать, что засѣданіе началось опытами надъ компасомъ. Prudence, еще не усыпленная магнетически, наклонилась и водила головою съ одной стороны на другую: магнитная стрѣлка оставалась неподвижна. Тоже движеніе, при ясновидѣніи, производило противное дѣйствіе. Люди, систематически отвергающіе существованіе силы магнетической или проявленія ея въ ясновидѣніи, считаютъ опыты Prudence дѣломъ расторопной ловкости, чѣмъ-то въ родѣ штукъ Боско и Robert Houdin. Чтò касается до меня, я рѣшительно не подозрѣваю никакого обмана. Слѣдовавшіе за тѣмъ опыты также очень были разительны. Магнетизеръ сказалъ: Доселѣ ясновидящая исполняла приказанія, не требовавшія отъ нея дѣйствій продолжительныхъ; она давала цвѣтокъ, переставляла лампу, угадывала музыку на клавикордахъ. Теперь я намѣренъ показать опытъ, болѣе заслуживающій вниманіе посѣтителей. Въ жизни каждаго изъ насъ есть случаи, почему либо замѣчательные. Я прошу сообщить мнѣ одинъ или нѣсколько подобныхъ эпизодовъ, и моя ясновидящая ихъ разскажетъ. Дѣйствительно, магнетизеръ сошелъ въ партеръ, и тамъ ему были разсказаны прогулка по рѣкѣ въ лодкѣ, въ продолженіе коей гуляющій было утонулъ, и пожаръ съ подробностями, сопровождавшими бѣду. Оба случая передала ясновидящая, не упустивъ ни одного обстоятельства, хотя нѣсколько замѣчательнаго. Ясновидящая совершенно покорна волѣ магнетизера или того, кто имъ поставленъ былъ съ нею въ магнетическое сношеніе. Такъ, наприм., обыкновенная вода казалась ей тѣмъ напиткомъ, который приходилъ въ голову кому либо изъ присутствующихъ, или она думала, что ходитъ по льду или по цвѣтамъ, исполняя тѣмъ чью либо сокровенную мысль, для сообщенія которой ясновидящей слѣдо-

вало ее держать за руку. Наконецъ Prudence видимо устала, и ее увели. Между тѣмъ всѣмъ роздали карты, съ просьбою написать сюжеты, какъ напр. смерть Клеопатры и проч. Скоро появилась ясновидящая. Она очень удачно угадывала, что было написано на каждой картѣ и очень вѣрно передавала задаваемыя ей роли какъ положеніемъ и дѣйствіями тѣла, такъ и выраженіемъ лица. Опытной и отличной актрисѣ невозможно было бы превзойти ее въ искусствѣ. Положеніе ясновидящей казалось тяжелымъ. Пока она не исполнитъ воли магнетизера, ею обладаетъ страхъ, она часто берется за голову и обнаруживаетъ вздохомъ сильное безпокойство. Въ случаѣ ошибки, магнетизеръ возвышаетъ голосъ и поступаетъ съ нею очень строго, въ чемъ онъ извинялся передъ публикою, говоря, что иначе утратится всякое вліяніе надъ ясновидящей. Признаюсь, я не могъ видѣть такую безсознательную покорность чужой волѣ въ существѣ разумномъ, дѣйствующемъ не во снѣ и не на яву, безъ особенно непріятнаго чувства.

9 (21) Апрѣля. Безъ сомнѣнія счастлива мысль учредить галерею картинъ, писанныхъ современными живописцами. Художники получаютъ должное поощреніе, и имена ихъ дѣлаются извѣстными въ Европѣ.

Вообще Французская живопись не всегда отличается правильностію рисунка, гармоніею формъ и широтою кисти. Есть однако въ Люксембургской галереѣ произведенія, достойныя особеннаго вниманія. Ландшафтъ Вателе, изображающій видъ Швейцарскій, мнѣ очень понравился. Бѣжитъ потокъ, приводящій въ движеніе мельницу; черезъ него перекинутъ мостъ, съ обѣихъ сторонъ хижины, кругомъ деревья. Сочиненіе картины просто, но природа передана вѣрно и исполненіе превосходно. Далѣе коровы Браскаса, котораго мастерскую недавно имѣлъ я случай посѣтить. Художникъ страстно любитъ природу и беретъ сюжеты свои въ сельской природѣ. Быки и коровы его особенно хороши. Картина его въ галереѣ—верхъ искусства. Мехмедъ-Али, присутствующій при истребленіи Янычаръ, О. Вернета—произведеніе высокаго достоинства. Паша сидитъ подъ балдахиномъ на возвышеніи, покрытомъ ковромъ. Прекрасное лицо его спокойно. Вдали происходитъ рѣзня. Шарлота Корде, только что убившая Марата. При смертной блѣдности черты ея не изображаютъ тревоги душевной. Ее ведутъ подъ руки, кругомъ толпа, въ сторонѣ въ ванной окровавленная жертва. Далѣе картина Кутюрье: послѣднее время Римской Имперіи. Тяжело смотрѣть на изображенія чувственности. Вѣрно переданы подробности жизни Римлянъ среди ихъ оргій и сатурналій. Пьяные мужчины и обнаженныя женщины съ лицами, утомленными безпорядками.

Но какъ разительна картина изображающая внутренность тюрьмы, гдѣ толпятся жертвы, обреченныя на эшафотъ. На лицѣ каждаго изъ нихъ отчаяніе. Въ чертахъ одного епископа ясность и спокойствіе. У ногъ его съ неизъяснимою тревогою стоитъ на колѣнахъ дѣвица Куаньи. На переднемъ планѣ сидитъ на стулѣ А. Шенье; подлѣ поэта на полу шляпа, волосы его въ безпорядкѣ, на челѣ скорбь и безнадежность.

Невольно задумаешься, глядя на холстъ, столь живо изображающій дѣйствія революціоннаго фанатизма. И есть еще люди, которые имѣютъ безстыдство кровавую эпоху, къ которой принадлежатъ подобныя сцены, называть Иліадою народа! Нѣтъ, плотоядные звѣри, живущіе въ дикихъ лѣсахъ, уступаютъ въ кровожадности и лютости симъ сынамъ изступленія и безвѣрія, на имена коихъ неумолимая исторія, не смотря на всѣ условія защитниковъ сихъ извергов, положила печать отверженія. Къ сожалѣнію пробило 4 часа, и надобно было оставить Люксембургъ. Мы зашли въ Пантеонъ. Портикъ зданія простъ и величественъ. Прекрасны его колонны Коринѳскаго ордена, при благоразумной постановкѣ коихъ сохранены широта и просторъ. Колонна около купола безъ цѣли, и вредитъ зданію. Если бы вмѣсто ея вывели стѣну, то храмъ въ соотвѣтствующей ей части былъ бы обширнѣе. Мнѣ всегда противно было языческое назначеніе посѣщеннаго мною памятника. Также не могъ я видѣть безъ негодованія свѣтильника изъ гробницы Руссо, будто бы освѣщающаго міръ. Л.-Наполеону предоставлена была честь возвратить богослуженію Пантеонъ. Полагаю также, что со временемъ исчезнетъ факелъ Ж.-Жака.

Если меня всегда оскорблялъ видъ гробницъ Вольтера, Мирабо и пр. въ мѣстѣ, назначенномъ для увѣковѣченія знаменитыхъ мужей Франціи, то я всегда успокоивался при воспоминаніи, что Марà, погребенный по декрету 21 Сентября 1793 г. въ Пантеонѣ, 27 Іюля 1794 года, былъ вырытъ, и прахъ его бросили въ яму, куда стекали нечистоты въ улицѣ Монмартръ. Хотя одна искра здравомыслія среди общаго мрака заблужденій. Какая разница между зломъ, причиненнымъ Вольтеромъ и Руссо, и Байрономъ, мрачнымъ пѣвцомъ нашего времени, а Англичане не хотѣли предать прахъ поэта землѣ въ Вестминстерскомъ иббатствѣ. Ничто не опредѣляетъ такъ точно и ясно, какъ сіе обстоятельство, на сколько Англія стоитъ выше Франціи въ нравственномъ отношеніи.

19 Апрѣля (1 Мая). Опыты о сообщеніи крови человѣка здороваго больному доселѣ рѣдко удавались. Полагали, что симъ средствомъ можно продолжить жизнь человѣка за предѣлы, опредѣленные ей природою: несбыточная мечта живого воображенія. Нынѣ прибѣгають къ сему пособію въ случаяхъ отчаянныхъ, т. е. когда нѣтъ возможности помочь иначе. Вотъ случай, бывшій въ концѣ минувшаго года въ Ліонскомъ госпиталѣ. 25 Октября туда принята была молодая женщина, 27 лѣтъ отъ роду, которая, послѣ преждевременнаго разрѣшенія отъ бремени, сильнымъ кровотеченіемъ была приведена въ крайнюю слабость. При поступленіи въ госпиталь, кровотеченіе почти совершенно прекратилось; но больная не могла произнести ни одного слова и, когда не разъ повторяемыми вопросами, наконецъ, пробудили ее отъ летаргіи, въ которую она была погружена, она только могла показать знаками, что поняла, что̀ у нея спрашивали. Впрочемъ разумъ былъ не тронутъ. Блѣдность ея была непомѣрна, поверхность тѣла холодная, біенія сердца едва чувствительны, пульсъ бился 130 разъ въ минуту. На другой день, при утреннемъ посѣщеніи, болѣзненные признаки усилились, и положеніе больной возбуждало опасенія. Сообщеніе крови оказалось единственнымъ средствомъ, которое можно было еще испытать. Приготовили нужные снаряды, коихъ описаніе недоступно людямъ, непосвященнымъ въ таинства науки и техническаго словаря хирургіи. Ларде, молодой палатный лѣкарь, великодушно предложилъ свою кровь; вена открыта; въ двѣ минуты съ половиною 180 граммъ чистой крови переведено въ венную систему больной; отнимаютъ снарядъ и стягиваютъ края раны. Біенія пульса стали тверже; въ артеріи болѣе силы; глаза больной открылись, взоры оживились умомъ; смерть, готовая похитить свою добычу, уступила мѣсто жизни. На другой день раздраженіе доходитъ до бреда; крикъ больной пронзителенъ, потомъ волненіе уменьшается. Спустя два дня пульсъ поправился, сильная жажда убавилась, пришелъ аппетитъ, и 29-го числа излѣченіе больной было совершенно (Revue Contemporaine, t. 1, 2 livre, 30 Avril, p. 312).

*

П. И. Щукинъ недавно пріобрѣлъ еще нѣсколько дневниковъ и записныхъ книжекъ В. А. Муханова для прекраснаго Музея своего, который поистинѣ сдѣлался отраднымъ украшеніемъ Москвы и ея достопамятностью. Одна изъ этихъ книжекъ напечатана здѣсь съ его любезнаго позволенія. Читатели Русскаго Архива 1896—1897 годовъ знакомы съ Владимиромъ Алексѣеви-

чемъ Мухановымъ (1807—1876). Въ записи 6 (18) Сентября 1839 года онъ такъ опредѣляетъ самаго себя:

„Когда я думаю о будущемъ, мнѣ вѣрится, что оно принесетъ мнѣ жизнь совершенно (насколько это возможно) чуждую всякой страстной дѣятельности. Упражненія въ дѣлахъ благочестія и благотворительности, благосостояніе моихъ крѣпостныхъ, занятія цвѣтами и садоводствомъ, а въ довершеніе всего сладкій и покойный сонъ, съ отданіемъ себя въ руки Господни, вотъ все, что̀ впредъ будетъ занимать мои досуги. Иная жизнь мнѣ не удается“. Показанія именно такихъ людей, благоволительныхъ и безпристрастныхъ, до̀роги для историка. Это былъ лѣтописецъ стародавняго Русскаго зака̀ла.

Къ библіографическимъ свѣдѣніямъ о Мухановскихъ дневникахъ, помѣщеннымъ во 2-мъ выпускѣ „Р. Архива“ 1897 года (стр. 301) можемъ прибавить, что въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранятся еще слѣдующіе неизданные дневники В. А. Муханова, а именно:

1841 г. съ 20 Октября по 11 Декабря.
1847 г. съ 1-го по 25 Августа.
1855 г. за Октябрь и Ноябрь.
1856 г. за Февраль, Мартъ и съ 1 Іюля по 31 Декабря.
1857 г. съ 1 Января по 16 Мая и съ 12 Іюня по 19 Сентября.
1858 г. со 2-го по 9 Декабря.
1859 г. съ 17 Апрѣля по 26 Мая.
1864 г. } 1865 г. } съ 4 Ноября 1864 г. по 21 Сентября 1865 г.
1866 г. } 1867 г. } съ 5 Августа 1866 г. по 2 Марта 1867 г.
1869 г. съ 1-го Января по 31 Декабря.
1871 г. съ 1-го Января по 31 Декабря.
1872 г. } 1873 г. } 1874 г. } съ 1-го Января 1872 по 31 Октября 1874 г.

И, кромѣ того, три книжки, безъ означенія времени. За сообщеніе о томъ обязаны мы благодарностью г-ну директору Архива князю Павлу Алексѣевичу Голицыну. П. Б.

ЛЕ-ПЛЀ О РУССКИХЪ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

Славный Французскій экономистъ Ле-Плѐ (р. 1806 г. + 1882) дорогъ Русскимъ людямъ по его безпристрастному отношенію къ Россіи. Его сочиненіе: „Основная конституція человѣческаго рода", а также очеркъ жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка должны быть извѣстны Русскому читателю изъ прекраснаго изданія К. П. Побѣдоносцева (Москва, 1897. Синодальная книжная торговля, ц. 75 к.).

Ле-Плѐ, какъ геологъ и знатокъ горнаго дѣла, былъ приглашенъ А. Н. Демидовымъ въ 1837 г., для изслѣдованія каменноугольныхъ залежей Донецкаго бассейна. Во время этого путешествія Ле-Плѐ старался вникнуть въ бытъ Русскаго народа. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу: „Мои первыя впечатлѣнія при видѣ крѣпостного состоянія противорѣчили моимъ предвзятымъ мыслямъ, и потому я долго не довѣрялъ самому себѣ. Населеніе было довольно своей судьбой, подчиняясь нравственному закону равно какъ и верховной власти и господамъ, благодаря религіозному началу, которое поддерживало твердую вѣру. Изобиліе самородныхъ произведеній давало достаточныя средства къ существованію. Какъ и въ Испаніи, взаимная короткость отношеній соединяла помѣщиковъ съ крестьянами. Съ этого перваго своего путешествія я замѣтилъ, что главная сила Россіи заключалась во взаимной зависимости помѣщиковъ и крестьянъ". Читатели книжки К. П. Побѣдоносцева, ознакомившись съ взглядами Ле-Плѐ, поймутъ, почему этотъ свѣтлый и благородный умъ былъ не только хвалителемъ, но даже, какъ видно изъ приведеннаго отзывъ его, и защитникомъ крѣпостнаго права предъ Николаемъ Павловичемъ. У насъ было крѣпостное право, конечно подлежавшее отмѣнѣ, но не было рабства въ Западномъ смыслѣ слова; а въ этомъ великая разница, про которую позабыли.

Приводимъ страницу изъ письма умнаго иностранца отъ 11 Декабря 1881 года.

*

Въ 1837 году я былъ призванъ въ Россію, въ долину Дона, чтобъ изслѣдовать угольныя залежи Донца. Это очень интересовало императора Николая, и онъ причислилъ къ этой миссіи одного изъ своихъ адъютантовъ. Прибывъ въ этомъ году въ Южную Россію, чтобъ присутствовать на большихъ маневрахъ кирасировъ въ степяхъ Возне-

сенска, онъ заботливо слѣдилъ за результатами экспедиціи, которою я руководилъ. На эти результаты было указано съ похвалою адъютантомъ, охранявшимъ свободу нашихъ разслѣдованій среди военнаго населенія (Донскіе казаки). Императоръ благоволилъ выразить мнѣ свое удовольствіе.

Уже въ то время разсуждали объ освобожденіи крестьянъ, и Его Величеству угодно было спросить мое мнѣніе объ этомъ вопросѣ. Тогда я еще слишкомъ мало зналъ Россію, чтобъ высказаться, и я отвѣчалъ въ такихъ выраженіяхъ, что Императору угодно было пригласить меня пріѣхать вновь, чтобъ осмотрѣть Сѣверъ Россіи и Сибири и продолжать изученіе городскихъ населеній и пастушескихъ племенъ, только-что мною посѣщенныхъ на берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей.

Я пріѣзжалъ въ Россію въ 1844-мъ и 1853 году. По приказанію императора, генералъ Чевкинъ, начальникъ штаба Горнаго Корпуса, приставилъ ко мнѣ капитановъ Переца и Влангали; при ихъ содѣйствіи, я изучалъ городскія населенія и пастушескія племена, живущія по сю и по ту сторону Уральскихъ горъ.

Я не скрылъ тогда отъ Императора, что освобожденіе (эмансипація), которое правительство хотѣло совершить по своему почину, казалось мнѣ преждевременнымъ; событія, затѣмъ послѣдовавшія, быть можетъ, оправдали это мнѣніе.

(Извлечено изъ книги: Frédéric Le Play, son méthode, sa doctrine, son oeuvre, son esprit, d'après ses écrits et sa correspondance, par Emmanuel Curzon, Paris et Poitiers, 1899).

ЦАРСКОЕ ВРЕМЯ.

Въ «Военномъ Сборникѣ» печатаются наилюбопытнѣйшія «Черты изъ жизни и царствованія императора Николая I» по вступленіи на престолъ.

«Ежедневно», сказано тамъ, «Императоръ работалъ по два и по три часа съ министрами и, кромѣ того, имѣлъ частыя совѣщанія съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно. Засѣданія совѣта министровъ оканчивались часто позднимъ вечеромъ. Когда они угрожали протянуться до ночи, дверь въ кабинетъ Императора тихонько отворялась и прежде чѣмъ Государь, покраснѣвшіе глаза котораго, блѣдность и исхудалость лица свидѣтельствовали объ утомленіи, успѣвалъ сдѣлать нетерпѣливое движеніе, Императрица ласково упрекала его въ чрезмѣрныхъ трудахъ и, обратясь къ министрамъ, говорила любезно:

— Господа, соблаговолите дать немного отдыха моему мужу, и пожалуйте пить съ нами чай.

... «Императрица Марія Θеодоровна, видя его работающимъ до изнуренія силъ, сказала однажды:

— Поберегите себя, Государь! Вамъ предстоитъ продолжительное царствованіе, а вы хотите предпринять все разомъ, какъ будто намѣрены занимать престолъ лишь короткое время. Ваше Величество говорите о необходимости сбереженій денежныхъ; подумайте прежде всего о сбереженіи своихъ силъ, своего здоровья, своего рвенія. Монархъ не вправѣ не дорожить своей жизнью подъ предлогомъ исполненія своихъ обязанностей».

Эти августѣйшія слова, теперь оглашаемыя, даютъ мнѣ право напечатать записку мою, совершенно имъ соотвѣтственную, написанную много лѣтъ назадъ.

«Время царское дороже всего на свѣтѣ. Оно должно быть сберегаемо и соблюдаемо до послѣдней минуты, для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственныхъ, для размышленія о существенныхъ предметахъ управленія.

Занимать царя частностями и подробностями, развлекать формами и церемемоніями есть величайшее гражданское преступленіе.

Петръ I, отличавшійся отъ природы особенной дѣятельностью и работавшій во всю жизнь отъ утра до вечера, жаловался часто на недостатокъ времени, а у него въ управленіи было только 10 милліоновъ. Теперь Русское государство считаетъ до 70 милліоновъ жителей, слѣдовательно число дѣлъ умножилось всемеро, по естественному приращенію народонаселенія, и въ 70 разъ по вновь возникшимъ разнообразнымъ отношеніямъ между гражданами, не имѣющимъ сравненія съ прежними. Въ такой же соразмѣрности всѣ дѣла стали сложнѣе, мудренѣе и труднѣе для рѣшенія. Войско Петра I едва равнялось одному нынѣшнему отдѣльному корпусу. Что́ такое были торговля внѣшняя и внутренняя, финансовая часть, при немъ и при насъ! О печати ему нечего почти было думать, между тѣмъ какъ для современнаго государя печать есть одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ заботы. Сравните число служащихъ чиновниковъ, которыхъ надо руководствовать, наблюдать, награждать и наказывать. А донесенія объ особыхъ происшествіяхъ со всѣхъ концовъ имперіи, офиціальные пріемы, осмотры, путешествія, проекты, доносы, жалобы, мнѣнія! Присоедините множество дѣлъ (назову ихъ искусственными) дѣлъ пустыхъ и ничтожныхъ, коимъ придается иногда важность, для полученія лишней аудіенціи, для сообщенія докладу разительности, при чемъ запутываются понятія, и должны напрягаться умственныя способности, съ невѣрными свѣдѣніями часто въ награду!

Мы не говорили еще о внѣшнихъ отношеніяхъ, кои ограничивались при Петрѣ I сосѣдними государствами. Нынѣ къ Русскому Царю несутся депеши изъ всѣхъ пяти частей свѣта: изъ Европы и Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Политика отдаленнѣйшихъ государствъ, со всѣми ея превратностями, связь ихъ между собою, требуютъ неусыпнаго вниманія. До какихъ же колоссальныхъ размѣровъ достигло количество дѣлъ, подвергаемыхъ на высочайшее воззрѣніе, рѣшеніе, утвержденіе! Мысль цѣпенѣетъ!

И вотъ Русскій Царь дѣлается первымъ труженикомъ своего царства, несчастнѣе послѣдняго батрака, у котораго, послѣ тяжкихъ ежедневныхъ трудовъ, остается все-таки нѣсколько времени для *беззаботнаго* отдохновенія. У Русскаго Царя нѣтъ этого времени, для возношенія своего духа къ Богу и теплой сердечной молитвы, нѣтъ времени для вкушенія тихихъ радостей въ кругу своего семейства; ему некогда подумать о себѣ, о важнѣйшихъ человѣческихъ вопросахъ и задачахъ земной жизни; ему некогда заглянуть въ книгу и освѣжить свою мысль, свое чувство. Предъ его глазами мелькаютъ безпрестанно длинные списки текущихъ обязанностей, и встаютъ грознымъ привидѣніемъ высокія груды безконечныхъ дѣлъ, подъ которыми онъ дол-

женъ проводить свои черты, груды, кои завтра смѣняются новыми, и такъ далѣе, безъ конца... Сизифова работа!

Есть ли физическая, не только умственная, возможность заниматься ими, съ перерывами и отвлеченіями, еще болѣе тягостными, безъ противуественнаго напряженія, безъ неизбѣжнаго утомленія, безъ разслабленія всѣхъ силъ, иногда медленнаго, но всегда гибельнаго, не зародивъ во глубинѣ своего сердца этого страшнаго червя тоски, досады, неудовольствія, который подточитъ самое крѣпкое тѣлесное здоровье и истомитъ самую твердую душу. Какое зрѣніе не притупится отъ однихъ взглядовъ, бросаемыхъ по заказу на всю эту пестроту!

Несчастная система, низведшая во гробъ, вмѣстѣ съ внѣшними неожиданными ударами, покойнаго императора Николая Павловича. Въ порывѣ неограниченнаго своего усердія ко благу отечества, онъ хотѣлъ дѣлать все самъ, работалъ въ продолженіе тридцати почти лѣтъ, не думая о себѣ, и палъ, наконецъ, жертвою царственнаго долга, самимъ на себя возложеннаго. Увлекшись блистательнымъ примѣромъ предка, онъ не подумалъ, что со времени Петра I всѣ обстоятельства перемѣнились, и что Петровское дѣланіе, перенесенное въ наше время, становится оптическимъ обманомъ, что бо̀льшая часть дѣлъ, не смотря на видимую, непосредственную зависимость отъ государя, обращается такимъ образомъ въ добычу частнаго произвола, застрахованнаго священнымъ царскимъ именемъ и потому безнаказаннаго, или дѣлается, такъ-сказать, сама собою, по установленному порядку, вопреки часто его желанію, въ ущербъ общей пользы, въ противоположность Россіи по бумагамъ съ Россіей въ натурѣ.

Первая, по моему мнѣнію, задача Государственному Совѣту въ наше время—разобрать и опредѣлить, какія дѣла должны быть представляемы на Высочайшее воззрѣніе и какія, безъ малѣйшаго нарушенія самодержавной власти, могутъ быть рѣшаемы разными высшими вѣдомствами.

Вторая задача—опредѣлить, въ какой степени можетъ быть допущена гласность, въ видахъ предохраненія правительственныхъ и прочихъ рѣшеній отъ произвольности, и учрежденія надъ ними новой необходимой инстанціи—бдительнаго общаго мнѣнія, безъ котораго само правительство остается часто во мглѣ *).

---

*) Гласность всемилостивѣйше облегчена въ нынѣшнее царствованіе, и свобода печати, что касается до государственныхъ вопросовъ, значительно расширена; во многихъ нашихъ газетахъ и журналахъ помѣщаются по временамъ статьи и замѣчанія истинно важныя. Теперь еще настоитъ вопіющая потребность, чтобы наши министры читали ихъ, а время у насъ до такой степени занято обязанностями по службѣ и обязанностями по этикету, что имъ читать спокойно некогда. Они должны заботиться также, чтобы, подоб-

Эта гласность, въ предѣлахъ благоразумной осторожности, доставить еще Государю и его ближайшимъ сотрудникамъ средства узнавать людей, которыхъ при прежней системѣ узнавать было невозможно, а въ тѣсномъ кругѣ приближенныхъ мудрено дѣлать и выборъ. Даръ выбирать людей, впрочемъ, очень рѣдкій въ исторіи всѣхъ государствъ, лишился нынѣ почти своей цѣны и значенія, потому что Государь, по ходу дѣлъ, не можетъ быть въ такомъ близкомъ общеніи съ народомъ, въ какомъ былъ Петръ I и даже Екатерина II. Этотъ случайный даръ долженъ замѣниться дѣйствіями гласности и общаго мнѣнія.

Государь, освободясь изъ-подъ бремени гнетущихъ его, часто безъ нужды и пользы, дѣлъ, облегчась, такъ-сказать, во всѣхъ своихъ движеніяхъ, войдя въ свои человѣческія права, возложитъ полное вниманіе на дѣла, достойныя его высокаго сана, получитъ возможность употреблять свое время на спокойныя размышленія о великой царской обязанности, обращать свой умъ куда заблагоразсудится, и вести Богомъ ему ввѣренный народъ къ великой его цѣли, по избранному пути такъ, какъ Богъ ему на сердце положитъ! Господи, вразуми его, спаси, сохрани и помилуй!

Апрѣля 17, 1855 г.

М. Погодинъ.

*

Эта записка написана въ первый годъ царствованія императора Александра Николаевича и помѣчена днемъ его рожденія. Много позднѣе М. П. Погодинъ удостоилъ пишущаго эти строки сообщеніемъ ея, при чемъ передалъ, что записку довелъ онъ до свѣдѣнія Государя. Въ 1868 году она была напечатана въ малораспространенной его газетѣ „Русскій“ (въ номерѣ отъ 12 Февраля). Содержаніемъ своимъ она напоминаетъ ходившее по рукамъ отвѣтное письмо Наслѣдника - Цесаревича Николая Александровича къ одному изъ его сверстниковъ, гвардейцу, который, находясь въ войскахъ, посланныхъ для усмиренія Польскаго мятежа, заявлялъ, что эта война тяжелѣ всякой другой. Смыслъ отвѣта таковъ: „Положеніе твое тяжко, но мое не легче. Меня пріобщаютъ къ государственнымъ дѣламъ, и я чувствую, что на меня идетъ громадная бумажная гора, которая можетъ меня задавить“. Записка о царскомъ времени нынѣ вполнѣ появилась въ XIV книгѣ превосходнаго труда, которымъ неутомимый Н. П. Барсуковъ даритъ Русскую историческую словесность: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, стр. 24—30. П. Б.

но Англійскимъ министрамъ, предоставить всѣ мелочи своимъ директорамъ. Они должны имѣть, по крайней мѣрѣ, подъ рукою добросовѣстныхъ и умныхъ читальщиковъ, которые не въ видѣ только доносовъ указывали бы имъ на примѣчательное въ печати, каждому по своей части. Надо читать, надо читать. Читайте, читайте! (Позднѣйшее примѣчаніе М. П. Погодина).

ПО ПОВОДУ СТОЛѢТІЯ СЪ ПРИСОЕДИНЕНІЯ ГРУЗІИ КЪ РОССІИ.

Царь Грузіи Георгій XII-й скончался 27 Декабря 1800 года. Онъ скрѣпилъ договоръ своего родителя Ираклія II-го, по которому Грузія поступала въ вассальное обладаніе имперіи Россійской. За пять дней до своей кончины, уже на смертномъ одрѣ, 22 Декабря, подписалъ онъ приказаніе своимъ уполномоченнымъ, князьямъ Авалову и Палавандову, доставить наивозможно скорѣе уже въ то время подписанное императоромъ Павломъ I-мъ согласіе на его предложеніе быть вассаломъ Россіи. Благодаря отдаленности и тогдашней трудности сообщеній, извѣстіе о кончинѣ Грузинскаго царя достигло Петербурга послѣ смерти императора Павла; но при первыхъ извѣстіяхъ о безнадежномъ состояніи Георгія, Павелъ I-й уже успѣлъ сдѣлать свои распоряженія. Графомъ Растопчинымъ было объявлено Грузинскому послу именемъ императора, что государь назначаетъ старшаго члена Грузинскаго царскаго дома *правителемъ Грузіи, съ титуломъ царя*, при томъ условіи, чтобы онъ всегда имѣлъ при себѣ одного изъ вельможъ Россійскихъ. Въ помощь царю, въ Грузіи положено учредить департаментъ Сената, для главнаго судопроизводства, и нѣсколько низшихъ судебныхъ мѣстъ, для устройства которыхъ назначался тайный совѣтникъ Лошкаревъ. Наконецъ, генералу Кноррингу отправленъ былъ приказъ выслать немедленно депутацію отъ царской семьи, духовенства, вельможъ и всего народа, для встрѣчи которой въ Петербургѣ шли приготовленія. Павелъ Петровичъ намѣревался въ торжественной аудіенціи привести депутацію къ присягѣ, и для этого случая облечься въ далматикъ, какъ общую одежду всѣхъ Восточныхъ христіанскихъ царей.

Смерть императора Павла измѣнила всѣ эти планы. Александръ I приказалъ Государственному Совѣту разсмотрѣть вопросъ о совершенномъ сліяніи Грузіи съ Россіею. Государственный Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что трактатъ царя Ираклія 1783 года „вовлекъ сію несчастную страну въ бездну золъ, которыми она приведена въ совершенное изнеможеніе, и продолженіе оныхъ на тѣхъ же основаніяхъ неминуемо ввергнетъ ее въ совершенную погибель. Ежели для спасенія Грузіи держать въ ней всегда столько же войска, сколько тамъ теперь находится, отъ того послѣдуетъ Россіи замѣтная и вовсе безполезная издержка. Малымъ же ополченіемъ ее отъ внутреннихъ неустройствъ и отъ внѣшнихъ враговъ охранять не можно. Нужно будетъ дать ей царя, утвердя на престолѣ одного изъ царевичей, почитающихъ имѣть на оный права. Первый царевичъ Іулонъ установленъ по завѣщанію отца Ираклія Теймуразовича (вѣроятно собственноручное письмо Ирак-

лія, опровергающее дѣйствительность этого завѣщанія, не было въ то время извѣстно Государственному Совѣту); другой царевичъ Давидъ—по духовной сына его (т. е. Ираклієва) Георгія“.

Усматривая въ притязаніяхъ этихъ двухъ царевичей, то-есть брата и сына покойнаго царя, непреодолимое препятствіе къ водворенію тишины въ Грузіи, императоръ Александръ І-й рѣшился слить Грузію съ Россіей воедино. Взглядъ Императора на права царевича Іулона измѣнился лишь тогда, какъ Іулонъ, опираясь на подложное завѣщаніе царя Ираклія (о которомъ неосторожно упомянулъ Гос. Совѣтъ) сталъ распространять слухъ, что царь Георгій, лишенный престола отцомъ, царствовалъ незаконно, а потому и передача имъ Грузіи незаконна и не имѣетъ значенія. Тогда, по приказанію Императора, вытребовано было отъ сыновей царя Георгія собственноручное письмо царя Ираклія къ Георгію слѣдующаго содержанія:

„Письмо утвердительное, которое дали мы твоимъ братьямъ по штукѣ, было такъ, что меня заставили приложить печать, *безъ моего изволенія. Однакоже, оно было написано. И такъ, то письмо недѣйствительно и ничтожно есть.* Повѣрь мнѣ и Богу, клянусь родителемъ моимъ Теймуразомъ, что на то письмо *я не согласенъ.* Когда сія военная экспедиція пройдетъ и окончится (т. е. нашествіе Персіянъ), тогда, какъ дѣло правильно есть, то такъ точно я его совершу. Въ семъ увѣряю васъ именемъ Божіимъ, что ни по чьей причинѣ и проискамъ права твоего не нарушу; это прежнее письмо, данное братьямъ твоимъ, уничтожу. Повѣрь мнѣ, ни по какой причинѣ я не буду преступать ни права твоего, ни права твоихъ братьевъ, и кто захочетъ поступить неправо, то, повѣрь мнѣ, что я на то не буду согласенъ“.

Письмо это передано было на храненіе въ штабъ Россійскихъ войскъ въ Петербургѣ. О завѣщаніи Ираклія разсказываютъ, что оно дѣйствительно было написано царицею Даріею, безъ вѣдома ея супруга, и подсунуто ему для подписанія во время тяжкой болѣзни, подъ видомъ другой бумаги.

Между тѣмъ, съ минуты кончины царя, генералъ Лазаревъ истощилъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Давида не подписываться „*Царь* Давидъ“ до утвержденія отъ Русскаго государя и до принесенія присяги. Давидъ не настоялъ на томъ, чтобы никто не вмѣшивался въ управленіе до полученія императорскаго приказанія, и въ Грузіи учредилось „временное правленіе“, состоявшее изъ председателя Давида, брата его Іоанна, Коваленскаго и Лазарева. Не желая оставить за Давидомъ даже первенства въ совѣтѣ, Лазаревъ писалъ 2-го Января отлучившемуся за приказаніями въ Петербургъ Кноррингу:

„Нетерпѣливо ожидаю прибытія вашего и отъ искренняго сердца онаго желаю. Чувствую, что весьма недостаточенъ съ сими странными людьми и обстоятельствами обходиться, и гдѣ всякій шагъ можетъ быть пагубнымъ. Если самъ чего не сдѣлаешь, такъ вѣрно выдумаютъ, и гдѣ только того и смотрятъ, чтобы другъ друга ограбить, отнять все имѣніе и, если бъ можно было, то и жизнь“.

Послѣднія строки слѣдуетъ отнести насчетъ Коваленскаго, съ которымъ Лазаревъ былъ на ножахъ. Каждый выдавалъ себя за *первое* лицо, *на помощь* которому былъ данъ другой. Въ сущности одинъ былъ начальникъ присланныхъ на помощь царю войскъ, а другой долженъ былъ помогать при сношеніяхъ съ иностранными дворами. Обоимъ приказано было *являть примѣръ согласія,* во исполненіе каковой царской воли они безпрестанно ссорились между собою за первенство и, желая уронить соперника въ глазахъ туземцевъ, каждый распускалъ про другого невѣроятные анекдоты, оскорбительные для его чести и унизительные для представителей великой державы. И тотъ и другой имѣли полный успѣхъ, и имена ихъ произносятся въ Грузіи съ одинаковымъ презрѣніемъ. При этомъ справедливость требуетъ отдать должное такту Гулякова, который при первомъ появленіи своемъ въ Грузію умѣлъ привлечь къ себѣ общія симпатіи и оставилъ по себѣ славное имя, повторяемое съ одинаковымъ уваженіемъ, какъ Русскими солдатами, такъ и мѣстными жителями.

Конецъ этому „временному правленію" положенъ былъ манифестомъ императора Александра I-го о сліяніи Грузіи съ Россіей. Въ немъ читаемъ слѣдующее:

„Не для приращенія силъ, ни для корысти, ни для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, *учредить въ Грузіи правленіе*, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона. А посему, избравъ *нашего генералъ-лейтенанта Кнорринга быть главнокомандующимъ посреди* васъ, дали мы ему полныя наставленія *открыть сіе правленіе* особеннымъ отъ имени нашего объявленіемъ и привести въ силу и дѣйство предначертанное отъ насъ постановленіе, къ исполненію коего, пріобщая избранныхъ изъ васъ по достоинствамъ и по общей довѣренности, уповаемъ, что вы, ввѣрясь правленію сему, несомнѣнно подъ сѣнію онаго начальника спокойствіе и безопасность обрящете, а потомъ и благоденствіе и изобиліе".

И такъ, фактическое сліяніе Грузіи съ Россіей совершилось въ минуту кончины послѣдняго Грузинскаго царя Георгія XVI-го, который завѣщалъ своимъ подданнымъ служить примѣромъ усердія и вѣрноподданства для всего многомилліоннаго народа Россійскаго. 27-го Декабря исполнится сто лѣтъ этому завѣту и, оглянувшись на истекшій вѣкъ, Грузины съ гордостію могутъ сказать, что слово ихъ умершаго царя такъ же непоколебимо, какъ ихъ гигантскія горы. Въ теченіе этихъ ста лѣтъ много геройскихъ подвиговъ, много побѣдъ, удивлявшихъ свѣтъ, записаны на скрижаляхъ исторіи кровію Грузинъ. Они давали, что имѣли, на славу и счастье новой родины, и теперь, въ день юбилея, ждутъ заслуженнаго спасибо отъ Русскихъ соотечественниковъ и отъ державной власти, которой добровольно и честно служатъ сто лѣтъ.

* * *

Гульбатъ.

ПРОФЕССОРЪ П. С. ЩЕПКИНЪ И В. Г. БѢЛИНСКІЙ [1]).

Замѣтка.

Исполнившееся въ 1898 году 50-лѣтіе со дня смерти В. Г. Бѣлинскаго оживило въ обществѣ интересъ къ нашему знаменитому критику. Появился цѣлый рядъ біографическихъ очерковъ и статей, посвященныхъ подробному выясненію его значенія въ связи съ условіями его жизни. Во всѣ эти статьи вошло между прочимъ письмо Бѣлинскаго отъ 17 Февр. 1831 г. [2]), гдѣ онъ, описывая свое тяжелое положеніе во 2-й годъ пребыванія своего въ Московскомъ Университетѣ, касается инспектора казенныхъ студентовъ, профессора П. С. Щепкина. Бѣлинскій обвиняетъ послѣдняго въ томъ, что онъ, вступивъ въ должность инспектора, сдѣлалъ невыносимымъ положеніе студентовъ, уничтоживъ всѣ выгоды прежняго прекраснаго порядка, который существовалъ при его предшественникѣ профессорѣ Д. М. Перевощиковѣ.

Въ письмѣ этомъ Бѣлинскій объясняетъ причины своего неудовольствія казеннымъ коштомъ, жалуясь, что Щепкинъ стѣснилъ свободу студентовъ и ихъ помѣщеніе, что обращались при немъ „какъ нельзя хуже", кормили „пакостной падалью и супомъ съ червями". „Передъ окончаніемъ холеры (читаемъ дальше) я не ночевалъ ночи 2 или 3 дома. Прихожу къ Щепкину за однимъ дѣломъ, а онъ начинаетъ ругать меня и говоритъ, что за это онъ (меня) отдастъ, какъ какого нибудь каналью, въ солдаты и наконецъ съ презрѣніемъ началъ выгонять изъ комнатъ".

Подобныя обвиненія, высказанныя Бѣлинскимъ, легли пятномъ на имя Щепкина, утвердивъ за нимъ репутацію какого-то грубаго притѣснителя студентовъ.

Я считаю справедливымъ сказать нѣсколько словъ для выясненія настоящей дѣятельности Щепкина и его личности [3]).

Вступивъ въ должность инспектора въ Іюнѣ 1830 г., Щепкинъ энергично принялся за устройство быта казенныхъ студентовъ на болѣе правиль-

---

[1]) О высокомъ нравственномъ характерѣ Павла Степановича Щепкина читатели „Русскаго Архива" имѣютъ уже понятіе по его письмамъ („Р. Архивъ" 1899, 297). П. Б.

[2]) Впервыя письмо это появилось въ 1 кн. „Русской Старины" за 1876 г.

[3]) Моя замѣтка немного опоздала, ибо была бы умѣстнѣе во время юбилея Бѣлинскаго въ 1898 г., но тогда я не имѣлъ необходимыхъ данныхъ.

ныхъ началахъ. Предметомъ первыхъ его заботъ было улучшеніе пищи студентовъ—той именно части, за которую его обвиняетъ Бѣлинскій, утверждая, что при немъ прекрасный столъ, существовавшій прежде, сталъ невыносимъ. По этому вопросу Щепкинъ входилъ съ представленіями въ Правленіе и просилъ улучшить и „привести въ ясность столовое содержаніе“; но это ходатайство ректоръ оставилъ безъ разсмотрѣнія. Съ этой же цѣлью Щепкинъ поручилъ надзоръ за столомъ самимъ студентамъ, введя для того обычай постояннаго дежурства двоихъ изъ нихъ на кухнѣ и въ столовой.

Не мало положилъ онъ труда на улучшеніе другихъ сторонъ жизни студентовъ. Въ записныхъ его книжкахъ находится цѣлый рядъ его ходатайствъ и представленій къ начальству, изъ которыхъ видно, что онъ употребилъ всѣ средства для того, чтобы доставить студентамъ возможныя выгоды. Такъ онъ хлопочетъ объ образованіи отдѣльной библіотеки казенныхъ студентовъ, о расширеніи ихъ помѣщенія, объ увеличеніи учебныхъ пособій, организовываетъ студенческій хоръ. По его же почину былъ заведенъ студенческій театръ, устройствомъ котораго самъ онъ усердно занимался, пригласивъ для объясненій сценическихъ пріемовъ М. С. Щепкина. Театръ этотъ привлекалъ на свои представленія много Московской публики и былъ причиной возбужденія въ самомъ Бѣлинскомъ страсти къ театру.

Бѣлинскій послѣ лѣтнихъ каникулъ вернулся въ Университетъ въ Сентябрѣ 1830 г., какъ разъ, когда въ Москвѣ появилась холера. Извѣстно какой ужасъ навела эта болѣзнь, впервые появившаяся тогда въ Россіи. Все трепетало тогда страшной заразы, подвигавшейся по Волгѣ къ Москвѣ. Первый случай холеры обнаружился въ Университетѣ. Чтеніе лекцій было прекращено, предписаны строгія мѣры предосторожности; казеннымъ студентамъ, какъ и всѣмъ жителямъ Университета, было воспрещено выходить изъ него.

Бѣлинскій не придавалъ большого значенія холерѣ [1]), тяготился введенными стѣснительными порядками, уходилъ изъ Университета, не возвращаясь даже ночевать, напередъ зная, что за это должно послѣдовать строгое взысканіе. Вполнѣ понятно, что подобныя продѣлки въ то исключительное время являлись важными проступками и должны были вызвать столкновенія со Щепкинымъ, который отвѣчалъ тогда за соблюденіе студентами карантинныхъ мѣръ.

Что касается до грубости Щепкина, то подтвержденія этому мнѣ до сихъ поръ нигдѣ найти не пришлось. Въ воспоминаніяхъ товарища Бѣлинскаго, Прозорова мы находимъ примѣръ прекраснаго обращенія Щепкина со студентами [2]), на которомъ можно видѣть, какой онъ выказывалъ тактъ и пониманіе молодежи.

---

[1]) Смотри письмо отъ 13 Января 1831 г.

[2]) Разсказъ Прозорова приведенъ въ книгѣ Пыпина: „Бѣлинскій его жизнь и переписка“ т. I, стр. 48.

Я долженъ замѣтить, что время инспекторства Щепкина совпадало съ наиболѣе печальной эпохой въ исторіи Московскаго Университета, на который императоръ Николай въ особенности послѣ Полежаевской Исторіи смотрѣлъ съ предубѣжденіемъ и считалъ вреднымъ его направленіе. Съ начала его царствованія условія Университетской жизни стали очень тяжелы, была введена строгая дисциплина, стѣснительные порядки и формализмъ, что особенно чувствовалось въ быту казенныхъ студентовъ. Щепкинъ въ своей дѣятельности старался по возможности облегчить тягость этихъ порядковъ, и только благодаря его такту и снисходительности многіе продѣлки студентовъ не сопровождались тѣми печальными послѣдствіями, которыя они могли имѣть при другомъ инспекторѣ.

Всѣ дошедшіе до нашего времени отзывы учениковъ и лицъ близко знавшихъ Щепкина свидѣтельствуютъ о томъ глубокомъ уваженіи, которымъ онъ пользовался въ Университетѣ. Откровенность, справедливость и безупречная честность составляли отличительныя черты его характера. Въ немъ, по мнѣнію нашего извѣстнаго дѣятеля освободительной эпохи А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, „умъ и образованіе соединялись съ прекрасными качествами сердца“ *).

Вскорѣ послѣ выхода Бѣлинскаго изъ Университета Щепкинъ оставилъ профессорскую каѳедру. Желая доказать свое глубокое уваженіе, студенты слушатели поднесли ему серебряный кубокъ. На этомъ фактѣ нельзя не остановить своего вниманія: въ 30 годахъ не существовало еще, получившаго въ наше время такое широкое распространеніе, обычая юбилеевъ, подношеній, адресовъ и т. п., и это поднесеніе кубка было первымъ подобнымъ явленіемъ за всю столѣтнюю исторію Московскаго Университета. Въ Московскомъ Университетѣ было много профессоровъ, пользовавшихся несравненно большей извѣстностью своими научными заслугами, чѣмъ Щепкинъ; однако никто изъ этихъ не удостоивался такого вниманія со стороны студентовъ. Фактъ этотъ достаточно говоритъ самъ за себя, и едва ли можно предполагать, что онъ имѣлъ бы мѣсто, если бы Щепкинъ въ своей дѣтельности былъ такимъ, каковымъ изобразилъ его, быть можетъ въ минуту раздраженія на свои жизненныя неудачи, Бѣлинскій.

Дмитрій Щепкинъ.

---

*) Смотри „Привѣтствія А. П. Заблоцкому-Десятовскому по случаю 50 лѣтія его службы“.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 108. Надо выкинуть напечатаное слово *Кирѣевскимъ*. Оно принадлежитъ не подлинному письму Кохановской, а тому, кто его списывалъ. Намъ извѣстно, что мысль о замѣнѣ гимна *Боже царя храни*. церковнымъ *Спаси, Господи, люди Твоя* принадлежитъ Ивану Васильевичу Малиновскому, товарищу и другу Пушкина и родному брату Марьи Васильевны Вальховской, къ которой обращено письмо Кохановской. Впрочемъ, мы увѣрены, что и Киреевскій отъ такой мысли не отказался бы.

*

Къ стр. 456, строка 3-я сверху: надо боюсь за *Алеку*, а не за Анну. Алекою звали въ семьѣ графиню Александру Ѳедоровну Паленъ, дочь графини Вѣры Григорьевны Паленъ, ур. графини Чернышевой, на сестрѣ которой, графинѣ Надеждѣ Григорьевнѣ, женатъ былъ князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукій.

*

Къ стр. 436-й. Вмѣсто *А. А. Орловъ* надо *Давыдъ Ивановичъ Орловъ*, который также былъ адъютантомъ Великаго Князя Николая Николаевича.

*

Къ стр. 395. Мы благодарны г-ну *П. Е.* за указаніе нашей обмолвки („Новое Время“, № 8637): Дантесъ былъ не конногвардеецъ, а кавалергардъ, и въ этомъ полку офицеры носили бальный мундиръ краснаго цвѣта. Дантесъ получалъ содержаніе изъ собственной шкатулки Государыни Императрицы, т. е. шефа кавалергардовъ (о чемъ конечно будетъ изложено въ одномъ изъ предстоящихъ къ выпуску въ свѣтъ томовъ исторіи этого полка).—Кстати сообщимъ, что многіе Русскіе продолжали въ чужихъ краяхъ знакомство съ Дантесомъ. Онъ бывалъ и у нашего посла въ Парижѣ графа П. Д. Киселева, который нѣкогда близко зналъ Пушкина. И. С. Тургеневъ передавалъ намъ о томъ, какъ онъ былъ смущенъ, пріѣхавъ на званый обѣдъ къ графу Киселеву и посаженный рядомъ съ сенаторомъ Дантесомъ; а отъ протоіерея Парижской церкви отца Васильева слышали мы, что когда хоронили И. С. Тургенева, Дантесъ былъ на заупокойномъ служеніи. *П. Б.*

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1900 года
(выпуски 1, 2, 3 и 4).

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Алексѣя Степановича

ХОМЯКОВА.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстн. бульв.
1888.

Заря.

Въ воздушныхъ высотахъ, межъ ночію и днемъ,
Тебя поставилъ Богъ, какъ вѣчную границу,
Тебя облекъ Онъ пурпурнымъ огнемъ,
Тебѣ Онъ далъ въ сопутницы денницу.

Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіяешь, тихо догарая,
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы—
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы.

(1826).

Въ альбомъ сестрѣ.

—

Не грустью, нѣтъ, но нѣжной думой
Твои наполнены глаза,
И не печали слѣдъ угрюмой —
На нихъ жемчужная слеза.

Когда съ душою умиленной
Ты къ небу взоръ возводишь свой,
Не за себя мольбы смиренной
Ты тихо шепчешь звукъ святой;

Но свѣтлыми полна мечтами,
Паришь ты мыслью надъ звѣздами,
Огнемъ пылаешь неземнымъ,
И на печали, на желанья,

Глядишь какъ юный Серафимъ—
Безсмертный, полный состраданья,
Но чуждый бѣдствіямъ земнымъ.

(1826).

Желаніе.

—

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою, въ сумрачномъ эѳирѣ,
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.

Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучомъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.

Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;

Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.

Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространства неба обтекать!

(1827).

Поэтъ.

—

Всѣ звѣзды въ новый путь стремились
Разсѣявъ вѣковую мглу;
Всѣ звѣзды жизнью веселились
И пѣли Божію хвалу.

Одна, печально измѣряя
Никѣмъ незнаемы лѣта,—
Земля катилася нѣмая,
Небесъ веселыхъ сирота.

Она безъ пѣсенъ путь свершала,
Безъ пѣсенъ въ путь текла опять,
И на устахъ ея лежала
Молчанья строгаго печать.

Кто дастъ ей голосъ?... Лучъ небесный
На перси смертнаго упалъ,

И смертнаго покровъ тѣлесный
Жильца безсмертнаго пріялъ.

Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ;
И далъ землѣ онъ голосъ стройный,
Творенью мертвому языкъ.

(1827).

Отзывъ одной дамѣ.

—

Когда Сивиллы слухъ смятенной
Глаголы Фебовы внималъ,
И передъ дѣвой изступленной
Призра̀къ грядущаго мелькалъ,—
Чело сіяло вдохновеньемъ,
Глаза сверкали, гласъ гремѣлъ,
И въ прахѣ, съ трепетнымъ волненьемъ
Предъ ней народъ благоговѣлъ.

Но утихалъ восторгъ мгновенный,
Смолкала жрица—и блѣдна.
Передъ толпой изумленной.
На землю падала она.
Кто, видя впалыя ланиты
И взоръ безъ блеска и лучей,

Узналъ бы тайну силы скрытой
Въ пророчицѣ грядущихъ дней?

И ты не призывай поэта!
Въ волшебный кругъ свой не мани!
Когда, вдали отъ шума свѣта,
Душа восторгами согрѣта:
Тогда живетъ онъ. Въ эти дни
Вмѣщаетъ все существованье.
Но вскорѣ, слабъ и утомленъ
И вихремъ свѣта увлеченъ,
Забывъ высокія созданья,
То ловитъ темныя мечтанья,
То, какъ дитя, сквозь смутный сонъ,
Смѣется и лепечетъ онъ.

(1827).

Просьба.

—

О сжальтесь надо мной! О дайте волю мнѣ!
Изъ края дальняго волшебный зовъ несется,
И кровь моя кипитъ, и сердце бурно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ!
Вы видите: стремятся ополченья,
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ...
Туда, туда, въ кровавыя сраженья
Я полечу за ними въ слѣдъ.

Противна мнѣ дремота нѣги праздной.
И мирныхъ дней безжизненный покой,
Какъ путь въ степяхъ однообразный,
Какъ гробъ холодный и нѣмой.
Противно мнѣ безумное веселье,
Неупоенныхъ душъ притворное похмѣлье,
И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ.

О сжальтесь надо мной! Отдайте мечъ блестящій.
Отдайте бодраго и легкаго коня!
Въ тотъ край, куда летитъ мечты порывъ горящій,
Какъ вихрь, какъ мысль онъ унесетъ меня!..

На мигъ одинъ судьбины злой оковы
Рукой я смѣлою расторгъ:
И сердцу памятны сраженій блескъ суровый,
И торжества воинственный восторгъ...
Въ часъ утренней зари, румяной и росистой,
Услышать пушки гласъ, зовущій насъ къ боямъ;
Глядѣть, какъ солнца лучъ златистый,
Играя, блещетъ по штыкамъ:
Какъ вождь сѣдой, отваги юной полный,
На срѣтенье врагамъ ведетъ покорный строй,
И движутся полки, какъ бурь осеннихъ волны;
И чувствовать тогда, что вѣренъ мечъ стальной,
Что длань сильна, что вихремъ конь несется
Подъ свистомъ пуль средь дыма и огня,
Что сердце гордое въ груди спокойно бьется,
Что этотъ дольній міръ не дорогъ для меня:
Что я могу, съ улыбкою презрѣнья
На жизнь, на смерть и на судьбу взирать!..

О, эти сладкія мгновенья
Отдайте мнѣ, отдайте ихъ опять!

Я не хочу въ степи земной скитаться
Безъ воли и надеждъ, безвременный старикъ;
Какъ робкая жена, предъ рокомъ не привыкъ
Главой послушной преклоняться,
Внимать, какъ каждый день, и скученъ, и смѣшонъ,
Все тѣже сказки напѣваетъ,
И тихо душу погружаетъ
Въ какой-то слабоумный сонъ.
Я не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, не знающей морей,
И праздной истлѣвать кормою,
Добычей гнили и червей.

Но я хочу летать надъ бурными волнами
Могучимъ кораблемъ съ дружиной боевой;
Подъ солнцемъ тропика, межъ сѣверными льдами,
Бороться съ бездною и съ дикою грозой;
Челомъ возвышеннымъ встрѣчать ударъ судьбины,
Бродить по области и смерти и чудесъ,

И жадно пить восторгъ, и изъ сѣдой пучины
Крыломъ поэзіи взноситься до небесъ!

О, вотъ онъ, вотъ удѣлъ, давно желанный мною!
Отдайте-жъ мнѣ коня, булатъ отдайте мой!
Въ тотъ дальній край я полечу стрѣлою
И ринуся въ кровавый бой.

(1828)

Сонъ.

—

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ
И что пѣвецъ—пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все Свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ.
И подъ перстомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердецъ.

И какъ въ степи глухой живыя воды,
Такъ пѣснь моя ласкала жадный слухъ:
Въ ней слышенъ былъ и тайный гласъ природы,
И смертнаго горѣ парящій духъ.

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли,
Мои уста могильный хладъ сковалъ.
Но изъ могильной, тьмы, изъ хладной пыли,
Гремѣла пѣснь и сладкій гласъ звучалъ.

Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;
Но не замолкли струны золотыя,
И сладкій гласъ попрежнему звучалъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ
И что пѣвецъ пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все Свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

(Базарджикъ,
3 Іюля 1828 г).

Сонетъ.

Въ тѣни садовъ и стѣнъ Ески-сарая,
При блескѣ лампъ и шумѣ водъ живыхъ,
Сидѣлъ султанъ, роскошно отдыхая
Среди толпы красавицъ молодыхъ.

Онъ въ думахъ былъ. Главою помавая,
Шумѣлъ чинаръ: и вѣтеръ, свѣжъ и тихъ,
Межъ алыхъ розъ вздыхалъ благоухая;
И рогъ луны былъ въ сонмѣ звѣздъ ночныхъ.

„Чтобъ кисть писца на камняхъ начертала,
Что все пройдетъ!“ воскликнулъ пади-шахъ...

Я зрѣлъ Сарай и надпись на стѣнахъ,
И вся душа невольно тосковала,
И снова грусть былое воскрешала,
И мысль моя носилась въ прежнихъ днахъ.

(1829).

Прощаніе съ Адріанополемъ.

—

Эдырне *), прощай! Уже болѣе мнѣ
Не зрѣть Забалканскаго края,
Ни синихъ небесъ въ ихъ ночной тишинѣ,
Ни роскоши древней Сарая,
Ни тѣни густой полуденныхъ садовъ,
Ни васъ, кипарисы, любимцы гробовъ!

Эдырне! На стройныхъ мечетяхъ твоихъ
Орелъ возвышался двуглавый.
Онъ вновь улетаетъ, но вѣчно на нихъ
Останутся отблески славы,
И Турокъ въъ мечтахъ будетъ зрѣть предъ собой
Тѣнь крыльевъ Орла надъ померкшей Луной!

Адріанополь,
7 Октября 1829 г.

---

*) Турецкое имя Адріанополя.

Клинокъ.

—

Не презирай клинка стальнаго
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

Мечи съ красивою оправой,
Въ златыхъ покояся ножнахъ,
Блистали тщетною забавой
На пышныхъ роскоши пирахъ:
А онъ, въ порывахъ бурь военныхъ,
По латамъ весело стучалъ
И на главахъ иноплеменныхъ
О Руси память зарубалъ.

Но тяжкій мечъ, въ ножнахъ забытый
Рукой слабѣющихъ племенъ.

Давно лежитъ полу-сокрытый
Подъ ѣдкой ржавчиной временъ,
И ждетъ, чтобъ грянулъ голосъ брани.
Булата звонкаго призывъ,
Чтобъ вновь воскресъ въ могучей длани
Его губительный порывъ.
И тамъ, гдѣ мечъ съ златой оправой
Какъ хрупкій сломится хрусталь,
Глубоко врѣжетъ слѣдъ кровавый
Его синѣющая сталь.

Такъ не бросай клинка стальнаго
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

(1829).

Изъ Саади.

(на кусокѣ янтаря).

Червь ядовитый скрывался въ землѣ:
Черныя думы таились во мглѣ.

Червь, изгибаяся, землю сквернилъ:
Грѣхъ ненавистный мнѣ душу тягчилъ.

Червь ядовитый облитъ янтаремъ:
Весело взоры почіютъ на немъ.

Къ Небу подъемлю я очи съ мольбой,
Грѣхъ обливаю горячей слезой.

Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печать,
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать.

(1830).

Два часа.

—

Есть часъ блаженства для поэта,
Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно въ немъ согрѣта.
Какъ будто огненной струей:
Сверкаютъ слезы вдохновенья.
Чудесной силы грудь полна.
И льются стройно пѣснопѣнья.
Какъ сладкозвучная волна.

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой:
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,

И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.

Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.
Вотще онъ стонетъ изступленный:
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.

Изола Белла.

Красавецъ островъ! Предо мною
Восходишь гордо ты въ водахъ.
Поставленъ смертнаго рукою
На дикихъ, мраморныхъ скалахъ,
Роскошнымъ садомъ осѣненный,
Облитый влагой голубой—
И мнится, изумрудъ зеленый
Обхваченъ чистой бирюзой.

Меня манитъ твой брегъ счастливый,
Онъ сладкихъ думъ, онъ нѣги полнъ...
Спѣши, спѣши, пловецъ лѣнивый!
Лети въ зыбяхъ, мой легкій челнъ!
Тамъ, межъ вѣтвей полу-сокрыты,
Лимоны золотомъ горятъ;
Какъ дѣвъ полуденныхъ ланиты,
Блистаетъ пурпурный гранатъ;

Тамъ свѣжихъ розъ благоуханье,
Тамъ гордый лавръ плѣняетъ взоръ,
И листьевъ мирта трепетанье,
Какъ двухъ влюбленныхъ разговоръ.

Прелестный край! Все дышетъ Югомъ,
И тѣнь садовъ, и лоно водъ,
И Альповъ цѣпь могучимъ кругомъ
Его отъ хлада стережетъ;
И ярко въ небѣ блещутъ льдины,
И выше сизыхъ облаковъ
Восходятъ горы-исполины
Подъ шлемомъ дѣвственныхъ снѣговъ.

Не такъ ли, въ повѣстяхъ Востока,
Ирана юная краса
Сокрыта за моремъ, далеко,
Гдѣ чисто свѣтятъ небеса,
Гдѣ сонъ ея лелѣютъ Пери,
И духи водъ ей пѣснь поютъ;
Но мрачный Дивъ стоитъ у двери,
Храня таинственный пріютъ.

(1831).

Зима.

—

Поля покрылися пушистыми снѣгами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Какъ будто крадется невидимой стезей
Отъ утра поздняго до ранней тьмы ночной.
Прощайте, осени разгульныя забавы!
Прощай, призывный рогъ въ безмолвіи дубравы,
И легкій скокъ коня по доламъ и горамъ,
И звучная гоньба по утреннимъ зарямъ!
Когда пройдетъ зима? Когда увидимъ снова
Веселый цвѣтъ луговъ и поля озимнова,
Лѣса, согрѣтые дыханіемъ весны,
И синеву небесъ надъ зеркаломъ волны?

Вотще, исполненный невольнаго томленья,
Чтобъ разогнать тоску и скуку заточенья,
Гляжу въ замерзшее и тусклое окно:
Вокругъ все холодно, и мертво, и темно!
Вдали шумитъ мятель, и на землѣ печальной
Раскинутъ бѣлый снѣгъ какъ саванъ погре-
бальный.
Вокругъ все холодно. Но что жъ? Въ груди моей
Теплѣе кровь бѣжитъ, и взоръ души свѣтлѣй.
Мечта проснулася, и чудныя видѣнья
Рисуетъ предо мной игра воображенья.

Мнѣ помнятся края, гдѣ путникъ молодой,
Я съ мирнымъ посохомъ и пылкою душой
Бродилъ среди картинъ и прелестей природы...
Скалы Швейцаріи, убѣжища свободы,
И роскошь Франціи, и ты страна чудесъ
И пламенныхъ искусствъ и радужныхъ небесъ,
Страна Италіи, гдѣ лугъ, и лѣсъ, и волны,
И дикихъ горъ верхи восторговъ сладкихъ полны!
Мнѣ битвы помнятся, гусаровъ шумный станъ,
Блестящей сабли взмахъ, погибель мусульманъ,
Марицы свѣтлый токъ, Эдырне горделивый,
И стройный минаретъ въ пустынѣ молчаливой.

Но чаще помню я, забывши внѣшній міръ,
На лонѣ юности мой беззаботный пиръ,
Надежды смѣлыя, веселыя мечтанья,
Давно увядшіе цвѣты существованья.
И брата, и пѣвца, любимца чистыхъ Музъ,
И смертью раннею разорванный союзъ...
И съ памятью утратъ и прежнихъ наслажденій,
Бѣгутъ потоки слезъ, стиховъ и вдохновеній.

(1831).

На сонъ грядущій.

—

Давно ужъ за полночь, я лягу отдохнуть.
Пора мнѣ мирнымъ сномъ сомкнуть
  Глаза усталые отъ бдѣнья,
  И отъ житейскаго волненья
  На время успокоить грудь.
Ложуся спать... Какою нѣгой чудной
Все дышетъ здѣсь!... Какъ сладко думать мнѣ,
Что конченъ день заботливый и трудный.
  Что я могу въ безпечной тишинѣ
Лелѣять до утра веселыя видѣнья,
И вольною мечтой свой новый міръ творить,
  И средь роскошнаго творенья
  Другою, дивной жизнью жить.

Пусть завтра вновь привычныя волненья!...
Пусть завтра вновь!.. Да кто жъ порукой въ томъ,
Что встанетъ для меня денница золотая?

Кто скажетъ мнѣ, что, засыпая,
Не засыпаю вѣчнымъ сномъ?
Быть можетъ, что востокъ туманный
Зажжется въ утренней зарѣ,
А на нѣмомъ моемъ одрѣ
Найдутъ лишь трупъ мой бездыханный.
Подумать страшно. Сонъ лукавъ!
Что, если жизненныя силы
Коварной цѣпію связавъ,
Онъ передастъ ихъ въ плѣнъ могилы?
Что, если чувство бытія
И страсти бурное волненье,
И мыслей гордое паренье
Въ единый мигъ утрачу я?

Я въ морѣ былъ, въ кровавой битвѣ,
На краѣ пропастей и скалъ,
И никогда въ своей молитвѣ
О жизни къ Богу не взывалъ;
Но въ тихій часъ успокоенья
Ударъ нежданный получить,
На ложѣ темнаго забвенья

Украденнымъ изъ міра быть—
Противно мнѣ. Творецъ вселенной
Услышь мольбы полнощный гласъ:
Когда тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангелъ-разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.

(1831).

Думы.

—

Тамъ были шумъ и разговоры.
И блескъ ума, и смѣхъ живой,
И юныхъ дѣвъ сіяли взоры
Свѣтлѣй, чѣмъ звѣзды въ тьмѣ ночной;
И сладки рѣчи слухъ ласкали,
И былъ привѣтенъ блескъ очей.
Но думы бурныя роптали
Во глубинѣ души моей.

„Проснись! проснись! Мы призываемъ
Тебя отъ сновъ, отъ грезъ пустыхъ;
Проснись! Мы гаснемъ, увядаемъ.
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!
Проснися... Радость измѣняетъ,
И жизнь кратка, и хладенъ свѣтъ.
И не надолго утѣшаетъ
Его обманчивый привѣтъ.

А мы безсмертными вѣнцами
Могли бъ главу твою вѣнчать,
Могли бы яркими цвѣтами
Межъ лавровъ Руси расцвѣтать!

Мы крыльями тебя обнимемъ,
И въ край поэзіи святой
Твой духъ восторженный поднимемъ
Мечтами, пѣснью и мольбой.
Проснись, проснись!... Мы призываемъ
Тебя отъ сновъ, отъ грезъ пустыхъ.
Проснись!... Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!“

Молчите, пламенныя думы!
Засните вновь на краткій срокъ:
Твердитъ напрасный мнѣ упрекъ
Вашъ голосъ строгій и угрюмый.
Меня не свяжетъ свѣтъ холодный!
Настанетъ вдохновенный часъ,—
И къ жизни звучной и свободной,
Могучій, вызову я васъ!

(1831).

Ода.

(на польскій мятежъ).

Внимайте голосъ истребленья!
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ!
То звуки дальняго сраженья,
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.
Вотъ ружей звонкіе раскаты,
Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ,
И крикъ торжествъ, мнѣ крикъ знакомый,
И смерти стонъ, мнѣ плачъ родной...
О, замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой!

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!

Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,—
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ...
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Передъ старшимъ—Сѣвернымъ Орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей.
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!...

(1831).

Орелъ.

—

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ Орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети; но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!

На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись;
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...

И ждутъ окованные братья—
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?..
О, вспомни ихъ, Орелъ Полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!

Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ: окрѣпнутъ крылья,
Младыя когти подростутъ,
Вскричатъ Орлы,—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

(1832).

Русская пѣсня.

—

Гой красна земля Володимира!
Много селъ въ тебѣ, городовъ большихъ,
Много люду въ тебѣ православнаго!
Въ сини горы ты упираешься,
Синимъ моремъ ты омываешься:
Не боишься ты люта ворога,
А боишься лишь гнѣва Божія.

Гой красна земля Володимира!
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Миромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта ворога отодвинули.
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ:
Послужили тебѣ службу крѣпкую.

Службу бо́льшую я служилъ тебѣ.
Отъ меня ль въ степяхъ мужички пошли,

Мужички пошли богатые,
Знаютъ чинъ свой, знаютъ дóбычу,
Братьевъ любятъ, Богу молятся.
Отъ меня ль въ судахъ правда-судъ пошли,
Правда-судъ пошли неподкупные,—
Правда въ слушанье, судъ въ видѣніе!
Отъ меня ль пошла въ цѣлый міръ молва,
Что и синяго неба не выглядѣть,
Что и синяго моря не вычерпать—
То красна земля Володимира:
Полюбуйся ей—не насмотришься,
Черпай разумъ въ ней—не исчерпаешь!

Ходитъ по небу солнце ясное,
Грѣетъ, свѣтитъ міру цѣлому:
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ да песчинкамъ счету нѣтъ.
По землѣ ходитъ слово Божіе,
Грѣетъ жизнію, свѣтитъ радостью.
Блещутъ главы церквей золочéныя,
А Господнихъ слугъ да молельщиковъ,
Чтò травы въ степяхъ, чтò песку въ моряхъ!

Иностранкѣ.

А. О. Россети.

Вокругъ нея очарованье,
Вся роскошь Юга дышетъ въ ней:
Отъ розъ ей прелесть и названье;
Отъ звѣздъ полудня блескъ очей.

Прикованъ къ ней волшебной силой,
Поэтъ восторженный глядитъ;
Но никогда онъ дѣвѣ милой
Своей любви не посвятитъ.

Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтовъ радости и муки.
Поэтовъ чистая мечта;

Пусть въ ней душа какъ пламень ясный,
Какъ дымъ молитвенныхъ кадилъ;
Пусть Ангелъ свѣтлый и прекрасный
Ее съ рожденья осѣнилъ;

Но ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса;
И ей милѣй страны другія,
Другія лучше небеса!

Пою ей пѣснь роднаго края,—
Она не внемлетъ, не глядитъ!
При ней скажу я: „Русь Святая!“
И сердце въ ней не задрожитъ!

И тщетно лучъ живаго свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятитъ любви своей.

(1832).

Къ ней же.

—

О дѣва-роза, для чего
Мнѣ грудь волнуешь ты
Порывной бурею страстей,
Желанья и мечты?

Спусти на свой блестящій взоръ
Рѣсницы длинной тѣнь:
Твои глаза огнемъ горятъ,
Томятъ, какъ лѣтній день.

Нѣтъ, взоръ открой! Отраднѣй мнѣ
Отъ зноя изнывать,
Чѣмъ знать, что въ небѣ солнце есть,
И солнца не видать!

(1832).

Къ *.

—

Не горюй по лѣтнимъ розамъ:
Вѣрь мнѣ, чуденъ Божій свѣтъ!
Зимнимъ вьюгамъ и морозамъ
Рады заяцъ да поэтъ.

Для меня, въ безпечной лѣни,
Какъ часы ночнаго сна,
Протекли безъ вдохновеній
Осень, лѣто и весна.

Но лишь гулкія мятели
Въ снѣжномъ полѣ заревутъ,
И въ пушистыя постели
Зайцы робкіе уйдутъ,—

Пѣсенъ дѣва молодая
Въ бурѣ мнѣ привѣтъ пришлетъ
И, привѣту отвѣчая,
Что-то въ сердцѣ запоетъ.

(1832)

Жаворонокъ, Орелъ и Поэтъ.

—

Когда, проснувшися, свѣтлѣеть
Востокъ роспстою зарей,
Незримый жаворонокъ рѣетъ
Въ равнинѣ неба голубой;

И вдохновенный, безъ науки
Творитъ онъ пѣснь, и свысока
Серебряные сыплетъ звуки
На слѣдъ воздушный вѣтерка.

Орелъ, добычу забывая,
Летитъ, и выше сизыхъ тучъ,
Какъ парусъ крылья разстилая,
Всплываетъ веселъ и могучъ.

Зачѣмъ поютъ? Зачѣмъ летаютъ?
Зачѣмъ горячія мечты
Поэта въ небо увлекаютъ
Изъ мрака дольней суеты?

Затѣмъ, что въ небѣ вдохновенье,
И въ пѣсняхъ есть избытокъ силъ,
И гордой воли упоенье
Въ надоблачномъ размахѣ крылъ;

Затѣмъ, что съ выси небосклона
Отрадно видѣть край земной
И робкихъ чадъ земнаго лона—
Далеко, низко подъ собой.

(1832)

Вдохновеніе.

—

Лови минуту вдохновенья,
Восторговъ чашу жадно пей
И сномъ лѣниваго забвенья
Не убивай души своей!

Лови минуту: пролетаетъ,
Какъ молньи яркая струя,
Но годы многіе вмѣщаетъ
Она земнаго бытія.

Но если разъ душой холодной
Отринешь ты небесный даръ
И въ суетѣ земли безплодной
Потушишь вдохновенья жаръ:

И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ:

Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса,
И предъ зѣницей ослѣпленной
Не распахнутся небеса;

Но сердце бѣдное изсохнетъ,
И нива прежнихъ думъ твоихъ,
Какъ степь безводная, заглохнетъ
Подъ терномъ помысловъ земныхъ.

(1832)

Двѣ пѣсни.

—

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны.
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манитъ.
Но не звучатъ отзывно сердца струны,
И мысль моя въ груди безмолвной спитъ.

Другая пѣснь, то пѣснь роднаго края,—
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горестей полна!
Какъ много думъ взбудила вдругъ она
Про нашу степь, про гулкія мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихіе напѣвы колыбели,
Про отчій домъ и кровныхъ и друзей!

(1832)

Къ ***.

Когда гляжу, какъ чисто и зеркально
Твое чело,
Какъ ясенъ взоръ,—мнѣ грустно и печально,
Мнѣ тяжело.

Ты знаешь ли, какъ глубоко и свято
Тебя люблю?
Ты знаешь ли, что отдалъ безъ возврата
Я жизнь свою?

Когда умретъ предъ хладной молньей взора
Любви мечта,
Не прогремятъ правдиваго укора
Мои уста;

4*

Но пропою въ послѣднее прощанье
Я пѣснь одну:
Въ ней всю любовь, все горе, все страданье,
Всю жизнь сомкну.

И слыша пѣснь какимъ огнемъ согрѣта
И какъ грустна,
Узнаетъ міръ, что въ ней душа поэта
Схоронена.

Элегія.

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлетъ дольній міръ, и вѣтръ прохладой
дуетъ,
И синимъ сумракомъ одѣты небеса,
И землю сонную лучъ мѣсяца цѣлуетъ:
Мнѣ страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть однимъ, и сердце сердца проситъ,
И голосъ трепетный то ропщетъ на судьбу,
То имена любви невольно произноситъ...

Когдажъ въ часъ утренній проснувшійся
Востокъ
Выводитъ съ торжествомъ денницу золотую,
Иль солнце льетъ лучи, какъ пламенный потокъ,
На ясный миръ небесъ, на суету земную—
Я снова бодръ и свѣжъ: на смутный бытъ людей

Бросаю смѣлый вглядъ; улыбку и презрѣнье
Одни я шлю въ отвѣтъ грозамъ судьбы моей,
И радуетъ меня мое уединенье.
Готовая къ борьбѣ и крѣпкая какъ сталь.
Душа бѣжитъ любви безсильнаго желанья,
И одинокая, любя свои страданья,
Питаетъ гордую, безгласную печаль.

(1834).

Мечта.

—

О грустно, грустно мнѣ! Ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, странѣ святыхъ чудесъ:
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.

А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!

Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ;

Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья,
И вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ...
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!

Но горе! Вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь. Тамъ будетъ мракъ глубокъ...
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

(1834).

Ключъ

—

Сокрыть въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ Музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстный,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ!
Поэта чистая отрада.
Тебя не сыщетъ въ жаркій день
Копыто жаждущаго стада,
Иль поселянъ бродящихъ лѣнь.
Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла.
И Вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ свой приняла.
И не скуютъ тебя морозы.
Тебя не ссушитъ лѣтній зной,
И льешь ты серебряныя слезы
Неистощимою струей.

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ;
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу да Его святымъ!

Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ,—
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.

Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились.

Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите! Мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимца неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

(1835).

Къ***

Благодарю тебя! Когда любовью нѣжной
Сіяли для меня лучи твоихъ очей,
Подъ игомъ сладостнымъ заснулъ въ груди мя-
тежной
Порывъ души моей.

Благодарю тебя! Когда твой взоръ суровый
На юнаго пѣвца съ холодностью упалъ,
Мой гордый духъ вскипѣлъ, и прежнія оковы
Я смѣло разорвалъ!

И шире мой полетъ, живѣе въ крыльяхъ сила:
Все въ груди тишина, все сердце расцвѣло:
И пѣсенъ благодать свѣжѣе осѣнила
Свободное чело!

Такъ, послѣ ярыхъ бурь моря лазурнѣй, тише,
Благоуханнѣй лѣсъ, свѣжѣй долинъ краса:
Такъ раненый слегка орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса!

(1836).

Островъ.

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ;
Онъ бездоненъ и просторенъ.
И враждуетъ онъ съ землей,
Но смиренъ, но покоренъ,
Онъ любуется тобой;
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ,
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.

Дочь любимая свободы,
Благодатная земля,
Какъ кипятъ твои народы.
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею
Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ;
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой;
Какъ высоки пѣсенъ звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,

Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ!
Блескъ твой злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ.
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ.
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать.
И забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна!
И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ....

(1836).

Лампада поздняя горѣла
Предъ сонной лѣнію моей,
И ты взошла и тихо сѣла
Въ сліяньи мрака и лучей.

Головки русой очеркъ нѣжный
Въ тѣни скрывался, а чело,
Святыня думы безмятежной,
Бѣлѣло чисто и свѣтло.

Уста съ улыбкою спокойной,
Глаза съ лазурной ихъ красой,
Все чуднымъ миромъ, мыслью стройной,
Въ тебѣ сіяло предо мной.

Кругомъ—глубокое молчанье.
Казалось, это дивный сонъ,
И я глядѣлъ, стаивъ дыханье,
Боясь, чтобъ не скрылся онъ.

Ушла ты,—солнце закатилось,
Померкла хладная земля;
Но въ ней глубока затаилась
Отъ солнца жаркая струя.

Ушла,—но, Боже какъ звенѣли
Всѣ струны пламенной души,
Какую пѣсню въ ней запѣли
Онѣ въ полуночной тиши!

Какъ вдругъ, и молодо и живо,
Вскипѣли силы прежнихъ лѣтъ,
И какъ вздрогнулъ нетерпѣливо,
Какъ вспрянулъ дремлющій поэтъ!

Какъ чистымъ пламенемъ искусства
Его зажглася голова,
Какъ сны, надежды, мысли, чувства
Слилися въ звучныя слова!

О, вѣрь мнѣ, сердце не обманетъ:
Свѣтло звѣзда моя взошла,
И снова новый лучъ проглянетъ
На лавры гордаго чела.

(183.).

Къ дѣтямъ.

—

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней,
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота.
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать;
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

(1839).

Милькѣеву.

—

Не вѣрь, что хладными сердцами
Остались чужды мы тебѣ,
Что ты забытъ, не понятъ нами,
Что брошенъ въ жертву злой судьбѣ.

Твоей молитвы гимнъ прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣтлой, мыслью ясной,
Чаруя, оживило насъ.

Ты пѣлъ,—и Обь, Иртышъ и Лена
Въ степяхъ вилися предо мной;
Бѣлѣла ихъ сѣдая пѣна,
Лѣса чернѣли надъ волной.

Ты пѣлъ,—и подъ крыломъ бурана
Гудѣла степь и гнулся боръ,
И, прорѣзая зыбь тумана,
Росли вершины снѣжныхъ горъ;

Вставалъ Алтай, весь полонъ злата,
И тайны и видѣній полнъ...
А пѣснь твоя звучала свято,
Прекраснѣй горъ, степей и волнъ.

Ты нашъ, ты нашъ! По сердцу братья
Тебѣ нашлись. Тебя зовутъ
И дружбы теплыя объятья,
И Музамъ сладостный пріютъ.

(1839).

Кіевъ

—

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ сребромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?“

—„Я оттуда гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей“.
„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!“

„Край мой теплый брегъ Евксина!“
„Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“.

„Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!“
„Мнѣ отчизна старый Псковъ“.

„Я отъ Ладоги холодной“,
„Я отъ синихъ волнъ Невы“,
„Я отъ Камы многоводной“,
„Я отъ матушки-Москвы“.

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца Вѣчнаго Востокъ.

И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ—
Полкъ молящихся дѣтей,

Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры.

Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ:
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.

И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни
Возрожденные тобой!

(1839).

Видѣніе.

Какъ темнота широко воцарилась!
Какъ замеръ шумъ деннаго бытія!
Какъ сладостно дремотою забылась
Прекрасная, любимая моя!
Весь міръ лежитъ въ торжественномъ покоѣ,
Увитый сномъ и дивной тишиной;
И хоры звѣздъ, какъ празднество ночное,
Свои пути свершаютъ надъ землей.

Что пронеслось какъ вешнее дыханье?
Что надъ мной такъ быстро протекло?
И что за звукъ, какъ арфы содроганье,
Какъ лебедя звенящее крыло?
Вдругъ свѣтъ блеснулъ, полнеба распахнулось.
Я задрожалъ, безмолвный, чуть дыша...
О, передъ кѣмъ ты, сердце, встрепенулось?
Кого ты ждешь? Скажи, моя душа!

Ты здѣсь, ты здѣсь, владыка пѣснопѣній,
Прекрасный царь моей младой мечты!
Небесный другъ, мой благодатный геній,
Опять, опять ко мнѣ явился ты!
Все тажъ весна ланиты оживленной
И тотъ же блескъ твоихъ эѳирныхъ крылъ,
И тѣжъ уста съ улыбкой вдохновенной,
Все тотъ же ты. Но ты не то, что̀ былъ.

Ты долго жилъ въ лазурномъ томъ просторѣ,
И на челѣ остался лучъ небесъ;
И цѣлый міръ въ твоемъ глубокомъ взорѣ,
Міръ ясныхъ думъ и творческихъ чудесъ.
Прекраснѣе, и глубже, и звучнѣе
Твоихъ рѣчей пѣвучая волна,
И крѣпкій станъ подъемлется смѣлѣе,
И звонкихъ крылъ грознѣе ширина.

Передъ тобой съ волненіемъ тайнымъ страха
Сливается волненіе любви.
Склонись ко мнѣ, возьми меня изъ праха,
По прежнему мечты благослови!

По прежнему эѳирнымъ дуновеньемъ,
Небесный братъ, коснись главы моей,
Всю грудь мою наполни вдохновеньемъ,
Земную мглу отъ глазъ моихъ отвѣй!

И полный силъ, торжественный и мирный,
Я возстаю надъ бездной бытія....
Проснись, тимпанъ! Проснися, голосъ лирный!
Въ моей душѣ проснися, пѣснь моя!
Внемлите мнѣ, вы страждущіе люди;
Вы, сильные, склоните робкій слухъ;
Вы, мертвыя и каменныя груди,
Услыша пѣснь, примите жизни духъ!

(1840).

Россіи

—

„Гордись!“ тебѣ льстецы сказали:
„Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
„Земля несокрушимой стали,
„Полміра взявшая мечомъ!
„Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
„И прихотей твоихъ раба,
„Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
„Тебѣ покорная судьба.
„Красны степей твоихъ уборы,
„И горы въ небо уперлись,
„И какъ моря твои озеры...“
Не вѣрь, не слушай, не гордись!

Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,

И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Грознѣй тебя былъ Римъ великой,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? И гдѣ Монголы?
И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ!

Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начàла славы и чудесъ!...

О, вспомни свой удѣлъ высокой,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный
Прозрачный Вышняго покровъ!

(1840).

На перенесеніе Наполеонова праха.

—

Небо ясно, тихо море,
Воды ласково журчатъ;
Въ безграничномъ ихъ просторѣ
Мчится весело фрегатъ.

Волны сизыя трепещутъ,
Бури дикія шумятъ,
Волны бьются, волны плещутъ:
Мчится весело фрегатъ.

Дни текутъ. На ризахъ ночи
Звѣзды южныя зажглись;
Мореходцевъ жадны очи
Въ даль завѣтную впились.

Берегъ, берегъ! Передъ ними
Къ небу синему взошла
Надъ пучинами морскими
Одинокая скала.

Здѣсь онъ! Здѣсь его могила
Въ дикихъ вырыта скалахъ:
Глыба тяжкая покрыла
Полководца хладный прахъ.

Здѣсь, страдалъ онъ въ ссылкѣ душной,
Молньей внутренней сожженъ,
Местью страха малодушной,
Низкой злостью истомленъ.

Вырывайтежъ бренно тѣло.
И чрезъ бурный океанъ
Пусть фрегатъ вашъ мчится смѣло,
Съ новой данью южныхъ странъ!

Онъ придетъ, онъ въ пристань станетъ,
Онъ своей хранимъ судьбой.
Слыша вѣсть о васъ, воспрянетъ
Встрѣтить пепелъ дорогой,—

Съ шумомъ буйныхъ ликованій,
Поздней ревности полна,
Въ дни несчастья, въ дни страданій
Измѣнившая страна!

Было время, были годы,—
Этотъ прахъ былъ богъ земли:
Взглянетъ онъ—дрожатъ народы,
Войска движутся вдали.

А пойдетъ онъ, строгій, блѣдный,
Словно памятникъ живой,—
Подъ его стопою мѣдной
Содрогнется шаръ земной;

Въ полѣ вспыхнетъ буря злая,
Вспыхнутъ громы на моряхъ,
И ложатся, умирая,
Люди въ кровь и царства въ прахъ!

И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой...
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.

Опускайтежъ тѣло бренно
Въ тихій, темный, вѣчный домъ,
И обрядъ мольбы смиренной
Совершите надъ вождемъ.

Пусть изъ мѣди, пусть изъ злата,
Камней, красокъ и рѣзьбы,
Встанетъ памятникъ богатый
Той неслыханной судьбы!

Пусть надъ перстью благородной
Громомещущей главы
Блещетъ саванъ зимъ холодный,
Пламя жаркое Москвы;

И не мечъ, не штыкъ трехгранный,
А въ вѣнцѣ полночныхъ звѣздъ
Усмиритель бури бранной—
Наша сила, Русскій крестъ!

Пусть, когда въ земное лоно,
Пренесенъ чрезъ бездну водъ,
Бѣдный прахъ Наполеона,
Тлѣнью отданный, заснетъ,—

Передъ сномъ его могилы
Скажетъ міръ, склонясь главой:
Нѣтъ могущества, ни силы,
Нѣтъ величья подъ луной!

(1840).

7 Ноября.

—

Когда мы разрыли могилу вождя
И вызвали гробъ на сіяніе дня,
Въ насъ сердце сжалось отъ страха:
Казалось, лишь тронемъ свинецъ гробовой,
Лишь дерзко подымемъ преступной рукой
Покровъ съ могучаго праха —

Сердитыя волны вскипятъ на моряхъ,
Сердитыя тучи взбѣгутъ въ небесахъ,
И вихрь средь знойнаго поля!
И снова польется потоками кровь,
И, вставши, всю землю потребуетъ вновь
Боецъ—желѣзная воля!

Мы сняли покровы... Глядимъ—небеса
Спокойны, безмолвны поля и лѣса,
И тихи зеркальныя волны!

И все озлатилось вечернимъ лучомъ,
И мы вкругъ могилы стоимъ и живемъ,
И силъ, и юности полны.

А онъ недвижимъ, онъ гремящій въ вѣкахъ,
Онъ сжавшій всю землю въ орлиныхъ когтяхъ,
Мужъ силы, молнія брани!
Уста властелина на вѣки молчатъ,
И смертью закрытъ повелительный взглядъ,
И смертью скованы длани.

И снова скрѣпляя свинецъ роковой,
Тогда оросили мы горькой слезой
Его доску гробовую:
Какъ будто сложили подъ вѣчный покровъ
Всю силу души и всю славу вѣковъ,
И всю гордыню людскую.

Еще о немъ.

—

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ.
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!

Не сила народовъ повергла тебя.
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.

Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ!...
Скажите, не утро ль съ Востока встаетъ?
Не новая ль жатва надъ прахомъ растетъ?
Скажите!... Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова!...

(1841).

NACHTSTÜCK.

—

Вчерашняя ночь была такъ свѣтла,
Вчерашняя ночь всѣ звѣзды зажгла
Такъ ясно,
Что, глядя на холмы и дремлющій лѣсъ,
На воды, блестящія блескомъ небесъ,
Я думалъ: о, жить въ этомъ мірѣ чудесъ
Прекрасно!

Прекрасны и волны, и даль степей,
Прекрасна, въ одеждѣ зеленыхъ вѣтвей,
Дубрава;
Прекрасна любовь съ вѣчно-свѣжимъ вѣнкомъ,
И дружбы звѣзда съ неизмѣннымъ лучомъ,
И пѣсень восторгъ съ озареннымъ челомъ,
И слава!

Взглянулъ я на небо—тамъ твердь ясна:
Высоко, высоко восходитъ она
Надъ бездной;
Тамъ звѣзды живыя катятся въ огнѣ...
И дѣтское чувство проснулось во мнѣ,
И думалъ я: лучше намъ въ той вышинѣ
Надзвѣздной!

(1841).

Сумракъ вечерній тихо взошелъ,
Мѣсяцъ двурогій звѣзды повелъ
Въ лазурномъ просторѣ.
Время покоя, любви, тишины,
Воздухъ и небо сіянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны.
Сравнялося море.

Сердцу отрадно; берегъ далекъ.
Какъ очарованъ спитъ мой челнокъ,
Упали вѣтрила.
Небо, какъ море, лежитъ надо мной,
Море, какъ небо, блеститъ синевой:
Въ безднѣ небесной и безднѣ морской
Все тѣже свѣтила.

О, чтобы въ душу вошла тишина!
О, чтобы рѣже смущалась она
Земными мечтами!
Лучше, чѣмъ въ лонѣ лазурныхъ морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вѣчное небо глядѣлось бы въ ней
Со всѣми звѣздами!

(1841).

RITTERSPRUCH—RICHTERSPRUCH.

—

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
  Съ дружиной твоей удалою,—
И врагъ побѣжденный упалъ подъ конемъ,
И плѣнный лежитъ предъ тобою.
Сойдешь ли съ коня ты? Поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По градамъ и селамъ пожары простеръ;
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани.
  Убьешь ли? О стыдъ и позоръ!

А если васъ много, убьете ли вы
  Того, кто охваченъ цѣпями,
Кто стоптанный въ прахъ, молящей главы
  Не смѣетъ поднять передъ вами?

Пусть духъ его черенъ какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете ль? О стыдъ и позоръ!

(1841).

Давидъ

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;

Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ поле бралъ кремень простой,
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты—когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ—
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.

Доспѣхъ Саула—ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ:
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ!

(1844).

Не говорите: „то былое,
То старина, то грѣхъ отцевъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ“.
Нѣтъ, этотъ грѣхъ—онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ вашихъ жилахъ и въ крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми къ любви.

Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши Каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той годины,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель Русской стороны.
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,

За Новгородъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя-святоубійцы,
За разоренный Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа; наконецъ,
За то, что, полные томленья,
Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ,
Пошли просить вы исцѣленія
Не у Того, въ Его жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ,—
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И, обуявъ въ чаду гордыни,

Хмѣльные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!
За все, за всякія страданья,
За всякій попранный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды роднаго края,—
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

(1846).

Въ альбомъ В. В. Ганкѣ.

—

Когда-то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

„Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой“.

Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ будетъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ нашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастіе.

А. Хомяковъ.

Прага, 1847 года
19 Іюля.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

Мнѣ снилось—лечу я: орелъ сизокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ;
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петшинѣ храмъ;
Молитва Славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла
Епископъ на Петшинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

(1847).

И. В. Кирѣевскому.

—

Ты сказалъ намъ: „За волною
Вашихъ мысленныхъ морей—
Есть земля: надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли эмпирей.“

Распусти жъ свой парусъ бѣлый—
Лебединое крыло—
И стремися въ тѣ предѣлы,
Гдѣ тебѣ, нашъ путникъ смѣлый,
Солнце новое взошло!

И съ богатствомъ многоцѣннымъ
Возвратившись снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ,
Крѣпость волямъ утомленнымъ,
Пищу алчущимъ сердцамъ!

(1848).

Надпись къ картинѣ.

(Ангелъ спасаетъ двѣ души отъ Сатаны).

Я видѣлъ, какъ посланникъ рая
Души двѣ въ небо уносилъ,—
И та прекрасна, и другая;
Но образъ ихъ различенъ былъ:

Одна небесъ не забывала,
Но и земное все познала,—
И пыль земли на ней легла;

Другая чуть земли коснулась,
И отъ земли ужъ отвернулась,
И для безсмертья сберегла
Всю прелесть юнаго чела.

(1848.)

Сербская пѣсня.

—

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ,
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджаръ и Турки злова
Никнетъ гордое чело.

Спишь ли ты, нашъ королевичъ?
Посмотри-ка, твой народъ
Расходился, словно волны,
Что̀ ломаютъ вешній ледъ!

Спишь ли, спишь ли, королевичъ?
Посмотри-ка, въ чьихъ рукахъ
Блещутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ!

Слушай, трубы загремѣли,
Бьетъ въ раскатахъ барабанъ!
Сербы съ горъ текутъ, какъ рѣки,
Кроютъ поле, какъ туманъ.

Просыпайся, королевичъ!
Знать, великій часъ насталъ:
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ...

(1849).

Кремлевская заутреня на Пасху.

—

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.

Все тотъ же гласъ ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ,—
Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются ль упрямыя колѣна?
Смиряются ль кичливые умы?

Откроемъ ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

(1849).

Навуходоносоръ.

—

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ;
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.

Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:
Слово—Божій даръ священный.
Разумъ—лучъ отъ Божества.

Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творятъ
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ!

Надъ равнинами Деира
Онъ создалъ себѣ кумиръ.
И у ногъ того кумира
Пировалъ безбожный пиръ:

Но отмстилъ ему Іегова!
Казнью жизнь ему сама:
Бродитъ нѣмъ губитель слова,
Траву щиплетъ врагъ ума!

Какъ работникъ подъяремный
Безсловесный глупый волъ,
Не глядя на міръ надземный,
Онъ обходитъ злачный долъ...

Ты скажи намъ, царь надменный,
Живъ ли Мстящій за Сіонъ?...
Но покайся, но смиренно
Полюби Его законъ,

Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,
И проститъ тебя Iегова
Отъ невидимыхъ оковъ:

Снова на престолъ великiй
Возведетъ тебя царемъ
И земной вѣнецъ владыки
Освятитъ Своимъ вѣнцомъ.

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

(1849).

„Мы—родъ избранный“, говорили
Сіона дѣти въ старину:
„Намъ Божьи громы осушили
„Морей волнистыхъ глубину“.

„Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
„Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
„И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
„Въ пустыняхъ намъ казали путь“.

„Намъ камень лилъ воды потоки,
„Дождили манной небеса;
„Для насъ законъ, у насъ пророки:
„Въ насъ Божьей силы чудеса!“

Не терпитъ Богъ людской гордыни:
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
„Мы соль земли, мы столбъ святыни,
„Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!“

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

(1851).

Воскресеніе Лазаря.

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,—
И сокрушенъ былъ плѣнъ могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.

Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: „встань!“ душѣ моей,—
И мертвая изъ гроба встанетъ
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей:

И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ
Тебѣ—сіянью Отчей славы,
Тебѣ—умершему за насъ!

(1852).

Вечерная пѣснь.

—

Солнце сокрылось, дымятся долины,
Медленно сходятъ къ ночлегу стада,
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
Тихою славой горятъ небеса.
Братья, оставимъ работу дневную,
Въ пѣсню сольемъ голоса:

„Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою,
„Тихо сіяетъ струей золотою
„Западный край“.

„Господи! Путь нашъ межъ камней и терній,
„Путь нашъ во мракѣ: Ты, свѣтъ невечерній,
„Насъ осіяй!“

8*

„Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
„Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
„Въ тяжкой борьбѣ“,

„Всюду сіяніе солнца святаго.
„Божія мудрость, и сила, и слово...
„Слава Тебѣ!“

(1852).

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ: мы родные братья,
Дѣти матери одной;
Братьямъ братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ:
Не скорби кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!

Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный:
Братья станутъ за одно.

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ—побѣдный строй,
Полны мыслью благородной
Крѣпки вѣрою одной!

(1852).

Звѣзды.

—

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.

Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.

Но вникайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.

Вновь вглядись—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

*

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ.—

И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.

Узришь—звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь вглядись—другія всходятъ;
Вновь вглядись, и тамъ, вдали,

Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

(1853).

Вставайте! Оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь!

Вставайте, Славянскіе братья,
Болгаринъ, и Сербъ, и Хорватъ!
Скорѣе другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

Скажите: „Намъ въ старые годы
„Въ наслѣдство Господь даровалъ
„И степи, и быстрыя воды,
„И лѣсъ, и ущелія скалъ!“

Скажите: „Мы люди свободны. —
„Да будетъ свободна земля,
„И горы, и глуби подводны,
„И долы, и лѣсъ, и поля!

„Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
„И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
„Намъ Богъ разрываетъ оковы,
„Намъ Богъ закаляетъ булатъ!"

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!

Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!...
Вскипите жъ, Славянскія волны!
Проснитеся, гнѣзда орловъ!

(1853).

Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Цѣлый міръ кругомъ храпитъ,
А отъ думъ неугомонныхъ
Вашъ тревожный умъ не спитъ.

Бродитъ, ищетъ, рѣчь заводитъ
Съ тѣмъ, съ другимъ: все прока нѣтъ!
Тотъ глазами чуть поводитъ,
Тотъ сквозь сонъ кивнетъ отвѣтъ.

Вотъ, оставивъ братьевъ спящихъ,
Вы ведете въ тьмѣ ночной,
Не смыкая вѣждъ горячихъ,
Думу долгую съ собой.

И надумались; и снова
Мысли бурныя кипятъ,
Будите того, другаго....
Всѣ киваютъ и молчатъ.

Вы волнуетесь, горите,
Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ...
А кругомъ-то поглядите,
Какъ отраденъ мирный сонъ!

Жаль мнѣ васъ людей безсонныхъ!
Ужъ не лучше ли заснуть,
И отъ думъ неугомонныхъ
Хоть на время отдохнуть?

(1853).

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!

Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!

Молилъ Тебя, въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слушанья рѣчи святой!

1854.

Судъ Божій.

Гласъ Божій: „Сбирайтесь на праведный судъ,
„Сбирайтесь къ Востоку народы!“
И, слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшатъ черезъ бурныя воды.

Спѣшатъ и, кровавый предчувствуя споръ,
Смятенья, волненія полны,
Сбираются,—грозный, гремящій соборъ,—
На Черное море, на синій Босфоръ.
И ропщутъ и пѣнятся волны.

Чреваты громами, крылаты огнемъ.
Несутся суда—и надъ ними:
Двуглавый орелъ съ одноглавымъ орломъ,
И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ,
И флагъ подъ звѣздами ночными.

Гласъ Божій: „Сбирайтесь изъ дальнихъ сто-
ронъ!
„Великое время приспѣло
„Для тризны кровавой, большихъ похоронъ:
„Мой судъ совершится, Мой часъ положенъ,—
„Въ сраженья бросайтеся смѣло!"

„За вѣру безвѣрную, лесть и развратъ,
„За гордость Царьграда слѣпую—
„Отману Я далъ сокрушительный млатъ,
„Громовыя стрѣлы и острый булатъ,
„И силу коварную, злую".

„Грозою для міра былъ страшный боецъ,
„Былъ карой Восточному краю;
„Но слышу Я стоны смиренныхъ сердецъ:
„Ломаю престолъ и срываю вѣнецъ,
„И Мой бичъ вѣковой сокрушаю!"

Народы собрались изъ дальнихъ сторонъ.
Волнуются берегъ и море.
Безумной борьбою весь міръ потрясенъ,
И стонъ надъ землею, и на морѣ стонъ,
И плачъ и кровавое горе.

Твой судъ совершится въ огнѣ и крови.
Свершатъ его слѣпо народы....
О Боже, прости ихъ и всѣхъ призови!
Исполни ихъ вѣры и братской любви,
Согрѣй ихъ дыханьемъ свободы!

Мартъ 1854.

Россіи.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волу злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ!

Мартъ 1854.

Раскаявшейся Россіи.

—

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты,

О Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ:
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы.
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна—Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

1854.

Ночь

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходитъ сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтятъ, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутрени звонятъ,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,
О рабахъ безмысленныхъ утѣхъ!...
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный,
Такъ какъ звѣзды на небѣ горятъ,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

1854.

26 Августа 1856 года.

(День коронованія Александра II-го).

Народомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ и громы торжества.

Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,—
Царя-избранника вѣнецъ.

Ему Господь роднаго края
Вручилъ грядущую судьбу;
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу:

Его елеемъ помазуетъ
Она святыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ.

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго Царя!

И дастъ Всевышній даръ познанья,
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что даетъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ—
Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ.

И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны.
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины....

А ты, въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

По прочтеніи псалма.

—

Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судитъ міру:
„Израиль, Мой народъ, внимай!

Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы:
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.

Къ чему Мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!

Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:

Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему огни? Не Я ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:

Мнѣ нужно сердце чище злата
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна Мнѣ правда на судѣ!...“

1857.

Широка, необозрима,
Чудной радости полна,
Изъ воротъ Іерусалима
Шла народная волна.
Галилейская дорога
Оглашалась торжествомъ:
„Ты идешь во имя Бога,
„Ты идешь въ свой царскій домъ!
„Честь тебѣ, нашъ царь смиренный,
„Честь тебѣ, Давидовъ сынъ!“

Такъ, внезапно вдохновенный,
Пѣлъ народъ. Но тамъ одинъ,
Недвижимъ въ толпѣ подвижной,
Школъ воспитанникъ сѣдой,
Гордый мудростію книжной,
Говорилъ съ усмѣшкой злой:
„Это-ль царь вашъ, слабый, блѣдный,
„Рыбаками окруженъ?

„Для чего онъ въ ризѣ бѣдной,
„И зачѣмъ не мчится онъ,
„Силу Божью обличая,
„Весь одѣянъ черной мглой,
„Пламенѣя и сверкая
„Надъ трепещущей землей?....“

И вѣка пошли чредою,
И Давидовъ сынъ съ тѣхъ поръ,
Тайно правя ихъ судьбою,
Усмиряя буйный споръ,
Налагая на волненье
Цѣпь любовной тишины,
Міръ живитъ, какъ дуновенье
Наступающей весны.
И въ трудахъ борьбы великой
Имъ согрѣтыя сердца
Узнаютъ шаги владыки,
Слышатъ сладкій зовъ отца.
Но въ своемъ невѣрьи твердый,
Неисцѣльно ослѣпленъ,
Все, какъ прежде, книжникъ гордый
Говоритъ: „Да гдѣ же онъ?

„И зачѣмъ въ борьбѣ смятенной
„Историческаго дня,
„Онъ проходитъ такъ смиренно,
„Такъ незримо для меня,
„А нейдетъ какъ буря злая,
„Весь одѣянъ черной мглой,
„Пламенѣя и сверкая
„Надъ трепещущей землей?...“

1858.

Труженикъ.

—

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою....
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.

Стереть бы потъ дневнаго зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!....
„Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога;
Господь велитъ: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!“—

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

1858.

Благочестивому меценату.

—

О, мудрый другъ! Отъ странъ Полночи,
Съ прибрежья царственной Невы,
Ты кратко обращаешь очи
На наши темныя главы.

Ты кубокъ роскоши лѣнивой
Испилъ до дна; но ты-жъ подчасъ
Рѣчами ласки небрезгливой
На подвигъ поощряетъ насъ.

Мудрецъ, съ улыбкой благосклонной
За чашей хвалишь круговой
Нашъ строгій постъ, нашъ трудъ безсонный,
Плебейской вѣры бытъ простой.

Прими-жъ привѣтъ отъ черни течной
Тобою взысканныхъ людей
И приношенье дани скромной
Ихъ благодарственныхъ рѣчей.

Прими мольбу: твоей лазури,
Твоихъ безоблачныхъ высотъ
Да не смущаютъ крылья бури
И мракъ житейскихъ непогодъ!

Да мысль желѣзною рукою
Твоей главы не тяготитъ,
И вѣчной да цвѣтетъ весною
Румяный пухъ твоихъ ланитъ!

1858.

По поводу картины Иванова.

—

Счастлива мысль, которой не свѣтила
Людской молвы привѣтная весна.
Безвременно рядиться не спѣшила
Въ листы и цвѣтъ ея младая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

И ранними и поздними дождями
Вспоенная, внезапно къ небесамъ
Она взойдетъ, какъ ночь темна вѣтвями,
Какъ ночь въ звѣздахъ, осыпана цвѣтами:
Краса землѣ и будущимъ вѣкамъ!

1858.

Парусъ поднятъ! Вѣтра полный
Онъ канаты натянулъ
И на ропщущія волны
Мачту длинную нагнулъ.

Парусъ Русскій!... Черезъ волны
Ужъ корабль несется самъ,
И готовъ всѣхъ братьевъ челны
Прицѣпить къ крутымъ бокамъ.

Поднятъ флагъ. На флагѣ виденъ
Правды судъ и миръ любви.
Мчись, корабль! Твой путь завиденъ...
Господи, благослови!

Напечатано въ 1 №
прекращенной газеты И. С. Аксакова. «Парусъ».
1859 г. Янв. 3-го.

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ;
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,—

Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

1859.

Поле мертвами костями
Все бѣлѣлося кругомъ;
Вѣтеръ билъ его крылами,
Солнце жгло его огнемъ.

Ты, пророкъ, могучимъ словомъ
Поле мертвое воздвигъ:
И одѣлись плотью кости,
И возсталъ соборъ великъ.

Но не полно возрожденье;
Жизнь проснулась не сполна:
Всѣхъ оковъ земнаго тлѣнья
Не осилила она.

И въ соборѣ въ томъ великомъ
Ухо чуткое порой
Слышитъ подъ румяной плотью
Кости щелканье сухой...

О, чужія тайны зная,
Ты, пѣвецъ, спроси себя:
Не звенитъ ли кость сухая
Въ пѣсняхъ, въ жизни у тебя?...

1859.

Помнишь, по стезѣ нагорной,
Шли мы лѣтомъ: солнце жгло,
А полнеба тучей черной
Съ полуденъ заволокло;
По стезѣ песокъ горючій
Ноги путниковъ сжигалъ,
А изъ тучи вихрь летучій
Капли крупныя срывалъ.

Быть громамъ и быть ударамъ!
Быть сверканью въ облакахъ,
И ручьямъ по крутоярамъ,
И потокамъ на лугахъ!
Быть грозѣ! Но буря злая
Скоро силы истощитъ,

И сіяя золотая
Зорька въ небѣ погоритъ;

И въ объятья кроткой ночи
Передастъ покой земли,
Чтобы зорко звѣздны очи
Сонъ усталый стерегли;
Чтобъ съ Востока, утромъ рано,
Загораясь въ небесахъ,
Свѣтъ румяный зрѣлъ поляны,
Всѣ въ росинкахъ и цвѣтахъ.

И теперь, съ Полудня, темной
Тучей кроетъ небеса,
И за тишью вѣроломной
Притаилася гроза.
Гулъ растетъ, какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой;
Вскорѣ, вскорѣ въ бранномъ спорѣ
Закипитъ весь міръ земной.

Чтобъ страданьями—свободы
Покупалась благодать,

Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ съ Востока
Грѣетъ влажный тукъ полей.

1859.

Спи!

—

Днемъ наигравшись, натѣшившись, къ ночи забылся ты сномъ;
Спи, улыбаясь, малютка: весенняго утра лучемъ
Жизнь молодая, играя, блеститъ въ сновидѣньѣ твоемъ.
Спи!

Труженикъ, въ горести, въ радости, путь ты свершаешь земной;
Утромъ отмѣренный, къ вечеру конченъ твой подвигъ дневной.
Что-нибудь начато, что-нибудь сдѣлано,—купленъ твой отдыхъ ночной.

Спи!

Съ свѣтлымъ лицомъ засыпаешь ты, старецъ,
трудомъ утомленъ;
Видно, какъ въ ночь погружается жизни земной
небосклонъ;
Дня замогильнаго первымъ сіяньемъ ужъ твой
озаряется сонъ.
Спи!

1859.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Стр.

Дозволено цензурой. Москва, 8 февраля 1888 г.

О сочиненіяхъ И. Ѳ. Горбунова.

При Комитетѣ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности образована въ настоящее время особая комиссія, которой поручено издать по возможности полное собраніе сочиненій покойнаго И. Ѳ. Горбунова. Въ это изданіе войдутъ его разсказы, повѣсти, драматическія сцены, историческія импровизаціи и, наконецъ, письма къ разнымъ лицамъ, имѣющія общій интересъ. Комиссія уже приступила къ работамъ и предполагаетъ выпустить все изданіе въ двухъ томахъ большого формата, со многими портретами автора, снимками съ его автографовъ и иллюстраціями (100) къ его произведеніямъ художниковъ: И. Е. Рѣпина, В. Е. Маковскаго, Н. П. Богданова-Бѣльскаго, В. И. Навозова, А. А. Чикина, Н. А. Кошелева и др.

Приступая къ изданію, Комиссія надѣется, что лица, чтущія память И. Ѳ. Горбунова и сочувствующія этому изданію, не откажутся подѣлиться съ нею всякаго рода матеріалами, имѣющими отношеніе къ его литературно-артистической дѣятельности, напримѣръ, его письмами, записями его разсказовъ, или хотя бы отдѣльныхъ мѣткихъ выраженій, а равно портретами и рисунками. По миновании надобности, всѣ доставленные матеріалы будутъ съ благодарностью возвращены въ сохранномъ видѣ.

Цѣна изданію предполагается не менѣе 15 рублей. Лица, желающія оказать задуманному дѣлу матеріальное содѣйствіе, благоволятъ присылать взносы въ Императорское Общество Любителей Древней Письменности (Фонтанка, 34), при чемъ всѣ сдѣлавшіе взносъ получатъ по одному экземпляру сочиненій, если внесенная ими сумма окажется не менѣе дѣйствительной стоимости одного экземпляра.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1900 года.

(Годъ 38-й).

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.